

Государственный комитет по делам архивов Челябинской области
Объединенный государственный архив Челябинской области
Челябинская областная универсальная научная библиотека
Российское историческое общество

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции

Челябинск
2021

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)
А87

Издано при поддержке фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:

*С. М. Иванов, канд. ист. наук (председатель),
Н. А. Антипин, канд. ист. наук, М. А. Базанов, канд. ист. наук,
И. И. Вишев, канд. ист. наук, Н. И. Дискаря, канд. культурологии,
С. А. Кусков, канд. ист. наук, И. Н. Пережогина, О. Д. Суховилова*

Составитель, научный редактор:

Н. А. Антипин, канд. ист. наук

Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. /
А87 сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2021. — 491 с.

ISBN 978-5-6043688-3-1

Сборник посвящен 100-летию архивной службы Челябинской области. В него вошли статьи архивистов, историков, библиотекарей, краеведов, педагогов, аспирантов, студентов и школьников. В издании освещаются вопросы истории развития и современного состояния архивного дела, а также разнообразные аспекты экономической и социальной истории, истории повседневности, памяти, локальных сообществ и биографии. Особый раздел сборника посвящен месту библиотек в сохранении исторической памяти.

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)

ISBN 978-5-6043688-3-1

© Абдурахимова Ш. А., Абрамовский
А. А. и др., статьи, 2021
© Объединенный государственный
архив Челябинской области, 2021

Содержание

Часть I. Современное состояние и перспективы развития архивного дела	9
<i>С. М. Иванов.</i> Архивная служба Челябинской области: взгляд в прошлое и современные тенденции развития.....	10
<i>Т. И. Хорхордина.</i> Архив в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности.....	15
<i>С. Р. Ардашова.</i> Современный архив как открытое информационное пространство: направления развития, проблемы, ожидания общества (на примере ОГАЧО)	19
<i>Е. А. Макаренко.</i> Автоматизированные информационно-поисковые системы Национального архива Республики Беларусь: состояние и перспективы развития.....	23
<i>М. М. Мирзаахмедов.</i> Современные информационно-поисковые системы в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана: достижения и перспективы развития.....	28
<i>Е. В. Буданова.</i> Эволюция миссии научно-справочного аппарата российских архивов: от средства бумажного учета к автоматизированному информационно-поисковому ресурсу (на примере ОГАЧО)	30
<i>А. С. Рыкова.</i> Научно-справочный аппарат архивов: современное состояние и перспективы развития на примере Государственного архива Свердловской области	34
<i>А. О. Алиев.</i> Основные аспекты и предпосылки необходимости организации электронной каталогизации архивных документов Национального архивного фонда Узбекистана	39
<i>О. А. Тальшишных.</i> Историческая память: механизмы формирования на примере комплектования и использования документов личного происхождения в Государственном архиве Югры.....	41
<i>Т. Г. Маслыкова.</i> Система непрерывного повышения квалификации архивистов. Комплекс обучающих программ в ОГАЧО.....	44
<i>Т. С. Семенова.</i> Об опыте приема документов периода Великой Отечественной войны от военных комиссариатов Оренбургской области в Оренбургский государственный архив социально-политической истории	46
<i>С. Н. Садовская.</i> Перспективы сотрудничества с промышленными предприятиями в сфере комплектования.....	48
<i>Е. А. Рядченко.</i> Современное архивное «нестроение» в системе негосударственных организаций (опыт исторического осмысления).....	51
<i>Е. С. Страшевская.</i> Практика использования современного реставрационного оборудования в ОГАЧО.....	54
Часть II. Архивы на службе общества	57
<i>И. И. Вишев.</i> В экстремальных условиях пандемии: Объединенный государственный архив Челябинской области и COVID-19	58
<i>Е. Д. Карманова.</i> Организация взаимодействия пользователей и архива в ГАСО	61
<i>И. В. Панкова.</i> Медиапроекты как основа информационного сотрудничества СМИ и архива. Опыт пятилетней совместной работы издания «Аргументы и факты — Челябинск» и ОГАЧО	63
<i>Е. В. Латышева.</i> Формы взаимодействия архивов, музеев, библиотек в современном информационном пространстве	66
<i>Ю. А. Денисенко.</i> «Обречены сотрудничать!»: к вопросу партнерства Государственного архива Республики Крым и Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского	70
<i>В. М. Сыров.</i> Архив в современном социокультурном пространстве: сотрудничество с общественными организациями	73
<i>Т. В. Вербичкая.</i> Пути развития трансграничного взаимодействия Свердловской области (на примере налаживания международных связей государственным архивом региона под эгидой Управления архивами Свердловской области).....	77
<i>З. М. Сулейманова.</i> Тенденции использования архивных аудиовизуальных документов в информационных мероприятиях в современном обществе (на примере деятельности Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана)	81
<i>Е. Ю. Захарова.</i> Официальный сайт ОГАЧО как образовательный ресурс на уроках истории в средней школе	84
<i>С. А. Сергеев.</i> Опыт использования архивных документов в проектной деятельности обучающихся творческой студенческой лаборатории «Грани познания»	86

<i>В. А. Шилова.</i> Архив в современном социуме: интеграция в школьную среду.....	89
<i>В. Б. Прозорова.</i> Наследственная генеалогия во Франции: архивные аспекты	91
<i>И. С. Зяблова.</i> Фонд, опись, дело в домашнем архиве.....	95
Часть III. История архивов	99
<i>А. Н. Мазур.</i> Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации	100
<i>И. О. Иванов.</i> Городской социум как фактор систематизации архива Московской духовной консистории.....	104
<i>В. В. Раков.</i> Деятельность Курского губернского статистического комитета по выявлению предметов древности и их популяризации (вторая треть XIX — начало XX века).....	107
<i>В. В. Чернышов.</i> Деятельность архивных учреждений Енисейской губернии в дореволюционный период (по документам Государственного архива Красноярского края)....	112
<i>Е. С. Бутфин.</i> Переломный этап в деятельности Иваново-Вознесенского губархивбюро: 1922–1924 годы.....	115
<i>О. А. Копотилова.</i> Развитие архивного дела на Камчатке	120
<i>К. Ю. Марченко.</i> Партархив Оренбуржья в лицах: начало и реорганизация.....	124
<i>Т. В. Медведева.</i> Продажа архивных публикаций за границу в 1930-е годы: проблемы, пути их решения и итоги	126
<i>О. С. Иванова.</i> Эволюция архивного принципа провениенции в западноевропейской и североамериканской историографии во второй половине XX — начале XXI века.....	130
<i>А. С. Прохоров.</i> Становление и основные проблемы развития архивной системы Ярославской губернии в первые годы советской власти (1917–1925)	134
<i>С. Д. Батищев.</i> Николай Михайлович Чернавский об исследовании Дмитрия Александровича Кашинцева «История металлургии Урала» (1939): обзор неопубликованной рецензии.....	137
<i>И. Б. Шубина.</i> Златоустовский архив в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	140
<i>Г. Н. Фаезова.</i> Государственный архив ТАССР в годы Великой Отечественной войны: трансформация и развитие.....	142
<i>А. П. Пудалова.</i> Архивы Горьковской области в системе органов НКВД–МВД (1939–1962)	145
Часть IV. Экономическая история	149
<i>О. С. Суржик, Н. У. Белялов.</i> Роль профсоюзных организаций Московского региона в развитии авиации в 1920-е годы (по документам Московского областного архивного центра).....	150
<i>Н. А. Михалев.</i> Освоение Ямальского Севера в 1930–1950-е годы: формы и методы привлечения рабочей силы.....	152
<i>Т. В. Судакова.</i> Строительство заводов в Каменске-Уральском в годы Великой Отечественной войны в архивных документах.....	156
<i>С. И. Пудовкин.</i> Медный рудник имени III Интернационала в годы Великой Отечественной войны	160
<i>С. А. Пьянков.</i> «Миасский форсированный»: из истории разработки и производства двигателей на Уральском автомобильном заводе в годы Великой Отечественной войны	165
<i>С. П. Сайнаков, Ш. В. Исупов.</i> Состояние сельского хозяйства Кулябской области в 1942 году (по архивным материалам).....	170
<i>О. В. Полухина.</i> «Сталинградский Тракторострой» на восстановлении Сталинградского тракторного завода (по материалам архивного фонда Волгоградской области).....	173
<i>А. Э. Бедель.</i> Организация промышленного производства высокообогащенного урана в СССР	177
<i>Ю. В. Латышев.</i> История производства диоксида титана в Челябинске.....	181
<i>О. Н. Аргунов.</i> Аграрная политика периода позднего сталинизма: реализация и последствия (на материалах Курской области).....	184
<i>А. В. Буданов.</i> Развитие производства спецсталей для авиационной и ракетной техники на Златоустовском металлургическом заводе в середине XX века	187
<i>Ю. В. Щербаков.</i> Роль личности Н. С. Хрущева в истории: от десталинизации до сельскохозяйственного скачка (по архивным документам Государственного архива общественно-политической истории Курской области).....	191
<i>Б. И. Фарманов.</i> Развитие сырьевой базы металлургической промышленности на Урале в 1950–1960-е годы.....	195

<i>И. А. Новиков.</i> «Колыбель величайших социалистических гигантов»: Челябинская область в исследованиях преподавателей Челябинского государственного педагогического института в конце 1930-х — начале 1960-х годов.....	197
<i>Е. Р. Куратова.</i> Экономика на острие политики. Деятельность Министерства экономики и прогнозирования СССР в 1991 году (по материалам РГАЭ).....	201
Часть V. Социальная история	205
<i>К. В. Курченко, Н. В. Никитина.</i> Организация системы призрения сирот в провинциальном российском городе в начале XIX века (по материалам РГИА и ГАСО).....	206
<i>Н. А. Алексеев.</i> К истории организации медицинской службы Оренбургского казачьего войска в XIX веке.....	209
<i>И. В. Сибиряков.</i> Дореволюционная «интеллектуальная миграция» на Южном Урале (челябинские медики в XIX — начале XX века).....	213
<i>А. А. Абузаров.</i> Всероссийские переписи населения 1917 и 1920 годов: методика проведения.....	216
<i>А. А. Приборович.</i> Перепись городского населения БССР 1923 года: поиск, состояние и состав архивных документов	218
<i>И. В. Лоткин, А. П. Ярков.</i> Об антикоммунистических восстаниях 1920–1922 годов.....	221
<i>Н. Н. Макарова.</i> Девиантное поведение в новых индустриальных центрах (по материалам Магнитогорска первой половины 1930-х годов)	227
<i>Б. Д. Шмыров, И. В. Стоякин, В. Б. Феркель.</i> Вопросы еще остаются...: массовые политические репрессии в Челябинской области.....	231
<i>Р. Ш. Хакимов.</i> Поляки в Челябинской области в годы войны (1941–1945) и отношение органов власти к ним.....	239
<i>И. В. Рудометова.</i> Подготовка кадров на предприятиях легкой и пищевой промышленности Челябинской области в период Второй мировой войны	242
<i>А. В. Сушков.</i> Изделия из золота и серебра, мебель из красного дерева и другие предметы роскоши для руководителей блокадного Ленинграда: дело Ленинградского комбанка (1949–1950).....	245
Часть VI. История повседневности	249
<i>А. В. Шевкунова, С. А. Сергеев.</i> Особенности преподавания словесности в начале XX века (на примере Златоустовской женской гимназии)	250
<i>Ю. С. Яхнина.</i> Истоки формирования библиотечного обслуживания юных южноуральцев (XVII — начало XX века)	255
<i>А. С. Панин.</i> Апофеоз войны. Визуальная репрезентация массовой религиозности в контексте Первой мировой войны	258
<i>А. В. Кокшарова.</i> Женщины в колхозах — большая сила	261
<i>С. В. Воробьев.</i> Спецпереселенцы в лесной промышленности Урала в начале 1930-х годов: условия жизни и работы (по материалам Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б))	265
<i>С. А. Кусков.</i> Продовольственное обеспечение раненых в период «Зимней войны» (по материалам эвакогоспиталей Уральского военного округа)	267
<i>З. З. Хасанова.</i> Архивные документы об эвакуации детей в Узбекистан.....	271
<i>В. В. Каплюков.</i> Документы ЦДООСО о положении заключенных исправительно-трудовых лагерей на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны.....	273
<i>Е. В. Соколова.</i> Научная жизнь Красноярского края в годы Великой Отечественной войны	279
<i>М. Б. Огнетова.</i> Деятельность спецгоспиталя № 2929 для военнопленных в Нижнем Тагиле в 1947–1950 годах	282
<i>В. В. Мамонтов.</i> Жизнь и быт работников системы среднего и высшего образования Челябинской области в 1950–1970-е годы (по материалам фондов областного комитета работников просвещения).....	288
Часть VII. Микроисторические исследования	291
<i>Е. П. Новьюхова.</i> Катра Тэк — основное поселение хантов тегинской территории	292
<i>З. А. Шмидт, Н. С. Сидоренко.</i> Развитие железнодорожного транспорта в России в конце XIX — начале XX века и проблема подготовки специалистов-техников (к истории железнодорожного училища станции Челябинск Оренбургской губернии).....	295
<i>А. А. Карпухина.</i> Из истории Кустанайского реального училища по документам Государственного архива Костанайской области.....	299

<i>Д. С. Катаев.</i> Астрономическая наука в Пермском университете в 1910–1920-е годы.....	301
<i>А. А. Абрамовский.</i> Челябинская судебная система вековой давности.....	303
<i>Н. Т. Агунизян, Н. В. Гришина.</i> Центральный парк культуры и отдыха города Челябинска: проект — обсуждение — воплощение (1930-е гг.).....	306
<i>Л. А. Сарабанская, Е. С. Гусева.</i> Поселок имени Чкалова в 1941–1942 годах (по документам Государственного архива Свердловской области).....	310
<i>Н. Л. Карпова.</i> Микроистория: региональный аспект на примере зарождения движения целинников в Удмуртской АССР в 1954 году (по документам филиала Государственного архива общественно-политической истории).....	314
Часть VIII. Исторические источники в архивах	317
<i>Е. Н. Воронкова.</i> Документы круга ведомства церковного суда второй половины XVIII века в фонде И-33 «Челябинское духовное правление» ОГАЧО.....	318
<i>Ф. Г. Закирова.</i> Источники по истории Уфы в фондах Национального архива Республики Башкортостан.....	323
<i>В. В. Кашин.</i> Архивные документы жандармерии (1870–1917) — важный исторический источник изучения Урала.....	325
<i>Н. М. Мирзаев.</i> Архивные документы казийских ведомств Ташкента XIX — начала XX века.....	329
<i>А. Л. Худобородов, А. В. Самохина.</i> История казачьего зарубежья в документах российских архивов (обзоры основных фондов).....	333
<i>Н. П. Палецких.</i> Бюджетные обследования рабочих и служащих Челябинской области в годы Великой Отечественной войны как исторический источник.....	336
<i>В. М. Кириллов, Е. П. Турова.</i> Документы о российских немцах в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области.....	340
<i>Р. Р. Каюмова.</i> История войны в коллекциях писем с фронта Национального архива Узбекистана.....	344
<i>М. М. Абдурахманова.</i> Архивные документы об эвакуации промышленных предприятий в Самаркандскую область Узбекской ССР.....	347
<i>Г. А. кизи Касимова.</i> Архивные документы о вкладе медицинских работников в победу во Второй мировой войне.....	351
<i>Л. А. Новожилова.</i> «Напрасно старушки ждут дочек домой...»: анкеты бывших несовершеннолетних узниц фашизма из фонда музея «Дети войны» школы № 73 Челябинска.....	354
<i>М. В. Бекленищева.</i> Личные дела иностранных студентов как исторический источник (на примере Свердловской области 1946–1991 годов).....	356
<i>Ш. А. Абдурахимова.</i> Статистические данные и письма как источники по истории здравоохранения Узбекистана в 1980–1990 годах.....	359
<i>Н. С. Гуськова.</i> «Я должен возвратиться к тебе...» (фронтовые письма копейчанина Ивана Михайловича Старикова).....	361
<i>Е. В. Волков.</i> Материалы ОГАЧО о кинотеатрах Челябинска советской эпохи.....	366
Часть IX. История памяти	371
<i>И. В. Нарский, Н. В. Нарская.</i> Разговорчивые вещи: об источниковедческой ценности предметов, найденных на блошином рынке (фрагменты из будущей книги).....	372
<i>Э. Швабауэр.</i> Историческая память и ее современные формы. Архивы Арользена — Международный центр документации национал-социалистических преследований.....	376
<i>О. М. Давыдов.</i> Отражение царубийства 1881 года в епархиальной прессе Урала.....	379
<i>В. Г. Кокоулин.</i> Покорение космоса в политике исторической памяти советского периода и в постсоветской России.....	383
<i>В. Д. Павленко.</i> Шестьдесят лет спустя: 1961 год в моей жизни.....	386
<i>А. А. Утевалиева.</i> Исторический полет в космос в памяти оренбуржцев.....	388
<i>О. Г. Герасимова.</i> «...Что “Плотогоны”, “На дороге” определяют направление, что “Наши будни” — не мешанство, не по квартирам переезды...»: выставка «30 лет МОСХ» в Манеже.....	391
<i>В. С. Христофоров.</i> Историческая память о войне в Афганистане (1979–1989): новые подходы, новые источники.....	395
<i>Г. К. Павленко.</i> Мироощущения: прыжок семьи из СССР в новую Россию.....	399

Часть X. История в биографиях	403
<i>А. Б. Ярошецкий.</i> Первый историк поселка Полтавского и его корни.....	404
<i>М. С. Исакова.</i> Каукаб Захидовна Мухсинова (Хакимова) — архивист, историк и востоковед	408
<i>В. А. Помыткина.</i> По профессии — архивист, по призванию — краевед	412
<i>Ю. В. Гушул.</i> Всеволод Дмитриевич Хартуляри: притяжение личности сквозь десятилетия.....	414
<i>В. С. Васильева.</i> Кузьма Николаевич Николаев — мещанин, общественный деятель (к 205-летию со дня рождения)	416
<i>В. Г. Демаков.</i> Чудиновский купец Николай Бабурин	420
<i>С. В. Кухта.</i> Документы личного происхождения А. А. Позднякова как источник по истории революционного движения в Енисейской губернии.....	423
<i>О. М. Беляева.</i> Академик И. П. Павлов: штрихи к портрету ученого (по документам ЦГАИПД СПб)	426
<i>Т. И. Желтышева.</i> Отец и дочь Штейнберги: златоустовский след.....	429
<i>В. Н. Кузнецов.</i> Выдающийся ученый-доброволец, имевший бронь от отправки на фронт.....	432
<i>В. Н. Ананийчук.</i> Секретная миссия (о поездке Д. А. Гранина на Южный Урал в сентябре 1987 года).....	436
<i>Д. В. Карпухина.</i> «Я — свидетель двадцатого века»: судьба В. Ф. Пентюхова в судьбе страны (о новых документах Государственного архива Красноярского края)	439
<i>М. А. Давыдова, Л. А. Четверухина.</i> От семейного архива архитектора до выставочного проекта.....	442
<i>Е. В. Шиндина.</i> Из истории формирования комплекса фондов личного происхождения Государственного архива Свердловской области	444
<i>Р. Б. Садыкова.</i> Биографии женщин в биографии страны (по материалам личных фондов и коллекций Государственного архива Республики Татарстан).....	448
Часть XI. Библиотеки и сохранение исторической памяти	451
<i>Н. П. Ситникова.</i> Изучение истории библиотеки как фактор инновационного прорыва развития учреждения	452
<i>Ю. С. Яхнина.</i> Первая печатная библиографическая продукция Челябинска	454
<i>Ю. А. Демченко.</i> Изучение истории учреждения как направление библиотечного краеведения.....	458
<i>И. А. Бачурина.</i> Личные коллекции деятелей культуры Урала в фонде научной библиотеки Челябинского государственного института культуры.....	462
<i>Т. А. Камскова.</i> Владельческое собрание краеведа-пушкиниста С. Е. Сорокиной в фондах Оренбургской областной универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской	464
<i>О. А. Мишеева.</i> Обзор архивного фонда отдела краеведения Пермской краевой библиотеки имени А. М. Горького.....	467
<i>Ю. В. Поздеева.</i> От «Справочника улиц города Челябинска» к подкасту: интеграция архивных материалов в библиотечный медиапроект	470
<i>Е. Н. Косцова.</i> Экскурсионная деятельность библиотек как фактор формирования знаний по истории родного края.....	472
<i>Е. В. Кузнецова.</i> Бывает ли память вечной... К вопросу о создании электронного архива «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны»	475
<i>И. Г. Салимова.</i> Электронная книга «Полевая почта — Южный Урал. Верхнеуфалейский городской округ».....	477
<i>О. Н. Черкасова.</i> Проект «История города газетной строкой» как решение проблемы сохранности фондов архивных и библиотечных документов	480
Сведения об авторах	483
Список сокращений	489

Часть I
Современное состояние
и перспективы развития архивного дела

С. М. Иванов

Архивная служба Челябинской области: взгляд в прошлое и современные тенденции развития

Сегодня архивная служба Челябинской области представляет собой сложившуюся систему архивных органов и учреждений, включающую в себя Государственный комитет по делам архивов, Объединенный государственный архив Челябинской области, 37 архивных отделов администраций городских округов и муниципальных районов и шесть муниципальных архивов. Но так было не всегда. За свою столетнюю историю архивная отрасль региона пережила немало преобразований, в том числе в связи с административно-территориальными изменениями и сменой ведомственной принадлежности архивов.

Революция 1917 г. и принятие 1 июня 1918 г. Советом народных комиссаров декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» дали новый толчок развитию архивного дела в стране и на ее периферии. Создание в 1919 г. Челябинской губернии, несмотря на краткий срок ее существования (до 1923), стало, как отмечает историк И. В. Нарский, одним из ключевых моментов предыстории современной Челябинской области¹. Таким моментом оно стало и для истории архивной службы региона.

В условиях беспрецедентного голода на Урале начала 1920-х гг. коллегия Челябинского губернского отдела народного образования своим решением от 22 сентября 1921 г. постановила «немедленно приступить... к организации губархива, утвердить штат губархива из 4 лиц: 1. Завед[ующий] губархива. 2. Архивариус. 3. Делопроизводитель. 4. Сторож, он же рассыльный»². Руководителем и фактическим организатором и вдохновителем нового дела стал историк Николай Михайлович Чернавский³.

Полноценным архивом учреждение стало в 1922 г., когда получило статус губернского архивного бюро. Именно тогда появилось его первое помещение, которое находилось на ул. Рабоче-Крестьянской (нынешний адрес: ул. Кирова, 145), а 400 погонных метров деревянных стеллажей заполнились первыми документами. Они поступили в июле — августе 1922 г. в количестве 12 возов от упраздненной 171-й стрелковой бригады с ее воинскими частями и 5,5 пудов из Троицка от 907-го сводного лазарета. Формирование фондов досоветского периода началось в октябре того же года с приема 50 возов документов Челябинской городской управы. В 1924 г. появились архивы в Златоусте и Троицке.

В связи с образованием Челябинской области в апреле 1934 г. было создано областное архивное управление, в состав которого в качестве структурной единицы вошел государственный архив. В этот период в нем хранилось более 241 тыс. дел (192 фонда). А в 1935 г. появилась сеть межрайонных архивов. К моменту их образования штатная численность архивной службы

составляла 15 человек, в том числе пять человек работали в Курганском и Шадринском архивах. Структура архивов была неустойчивой, постоянно менялась.

Сложившаяся к середине 1940-х гг. система, состоявшая из архивного отдела Управления НКВД (УВД) Челябинской области (с февраля 1962 — облизполкома), областного государственного архива с филиалами в Златоусте, Магнитогорске и Троицке (с 1964), городских и районных архивов, просуществовала без значительных изменений до конца 1980-х гг. Почти четверть века нахождения в системе НКВД (МВД) сделали архивы практически закрытыми для исследователей. Массовое использование архивных документов началось только в 1956 г. в связи с выходом закона «О пенсиях в СССР», когда архивы начали выдавать справки, подтверждающие трудовой стаж и размер заработной платы граждан.

Важным этапом в развитии архивной службы стало появление в начале 1960-х гг. списков организаций — источников комплектования: сначала государственного архива (1961), затем городских и районных (1962). Это позволило выявить учреждения и предприятия, наиболее значимые в экономической, культурной и других сферах жизни Челябинской области, организовать планомерный прием от них документов. Так, список № 1 учреждений и предприятий государственного архива и его филиалов в Златоусте и Магнитогорске включал наименования 323 организаций (соответственно 163, 80 и 80)⁴.

К началу 1991 г. в архивах области хранилось более 1 млн 700 тыс. дел (в том числе 407 612 — в государственном архиве и 404 626 — в его филиалах), из них 91 381 дело — досоветского периода (43 503 в государственном архиве и 47 878 в его Златоустовском филиале). При этом управленческая документация составляла 95,9 % хранящихся дел, документы по личному составу — 1,8 %, научно-техническая документация — 0,4 %, документы личного происхождения — 0,3 %, кино- и фотодокументы — 1,6 %. Штатная численность архивной службы достигла 116 человек (8 в архивном отделе облизполкома, 51 в государственном архиве, 24 в его филиалах, 33 в архивных отделах городов и районов).

Материально-техническое состояние архивной отрасли к началу 1990-х гг. оставляло желать лучшего. Государственный архив и его Троицкий филиал размещались в приспособленных помещениях, оборудованных двухъярусными деревянными стеллажами, пять архивных отделов — в подвальных помещениях, один (Карабашский) — в аварийном здании, еще два (Каслинский и Октябрьский) — в деревянных домах с печным отоплением. Кроме основного здания площадью 1179 кв. м, реконструированного из

заводской котельной возле железнодорожной насыпи (ул. Российская, 37а), у государственного архива имелись еще три отдельно расположенных архивохранилища площадью 770 кв. м. Общая протяженность стеллажей составляла 7000 пог. м, из них более 70 % были деревянными. Загруженность государственного архива составляла 100 %, и он длительное время не комплектовался. Как следствие, в организациях — источниках комплектования государственного архива и его филиалов сверх установленного срока хранилось свыше 145 тыс. дел. На повестке дня остро стоял вопрос о строительстве специализированного здания для государственного архива. Отсутствовали площади для комплектования и во многих других архивах, задолженность по приему документов в них составляла более 18,5 тыс. дел.

Политические и экономические изменения в стране конца 1980 — 1990-х гг. привели к переменам и в деятельности архивной службы области и дали очередной толчок новому этапу ее развития. Менялась ее структура, расширялась сеть архивов. Проведенное в 1987–1988 гг. преобразование городских и районных архивов в архивные отделы районных и городских исполкомов Советов народных депутатов (с октября 1991 — районных и городских администраций) продолжилось в 1992–1993 гг., когда архивными отделами стали и филиалы государственного архива. Были созданы новые архивные отделы администраций Троицкого района (1993) и Челябинска (1998).

В августе 1991 г. в систему архивных учреждений региона в статусе Государственного архива новейшей истории Челябинской области (с 1992 — Центр документации новейшей истории Челябинской области) был передан бывший архив Челябинского обкома КПСС⁵. А в 1999 г. произошло его слияние с Государственным архивом Челябинской области, в результате чего создан Объединенный государственный архив Челябинской области.

Изменился и статус органа управления архивным делом в регионе. В 1992 г. архивный отдел Челябинского облисполкома преобразован в комитет по делам архивов администрации Челябинской области⁶. Впервые в истории службы основы ее деятельности были определены принятым в 1996 г. законом «Об Архивном фонде Челябинской области и архивах». Штатная численность архивной службы в 2000 г. составила 173 человека (16 в комитете по делам архивов, 71 в государственном архиве и 86 в архивных отделах).

Среди основных социальных проблем работников архивов в последнее десятилетие XX в. оставался низкий уровень их заработной платы. Частично это компенсировалось возможностью повышать оплату труда за счет предоставления платных работ и услуг для юридических и физических лиц, которые начали оказываться с 1992 г. как в государственном архиве, так и в ряде ар-

хивных отделов администраций городов и районов области.

Важным решением по повышению статуса и оплаты труда архивистов стало распоряжение губернатора области «О мерах по социальной защите работников Государственного архива и Центра документации новейшей истории Челябинской области». С мая 1997 г. они приравнивались по оплате труда к обслуживающему персоналу областной администрации, к ним начал применяться порядок выплаты материального поощрения и надбавок за выслугу лет, предусмотренный для органов исполнительной власти. С ноября 1999 г. заработная плата работников Объединенного государственного архива увеличилась в среднем на 50 %. Кроме того, в соответствии с отраслевым тарифным соглашением и коллективным договором на 1997–2000 гг. работникам государственного архива предоставлялся один свободный от работы день в месяц с сохранением заработной платы при условии выполнения плановых показателей и отсутствия больничного листа за данный месяц. Все это позволило в очень непростые для страны годы сохранить основной состав специалистов архивной службы области и не просто выживать, но и активно развиваться.

В 1991–2000 гг. в ходе мероприятий, направленных на улучшение материально-технической базы архивов, было осуществлено строительство и ввод в эксплуатацию типового здания для государственного архива вместимостью 1,5 млн ед. хр., оснащенного металлическими стеллажами протяженностью 15 600 пог. м. Общая протяженность стеллажей архива, причем металлических, составила 31 053 пог. м. Двадцати одному архивному отделу администраций городов и районов выделены новые и дополнительные помещения, в том числе выведены из аварийного здания архивный отдел администрации Карабаша, из подвала — архивный отдел администрации Сосновского района. Общая протяженность стеллажей в архивных отделах составила 16 624 пог. м, в том числе 84 % стеллажей стали металлическими.

Переезд государственного архива в новое здание завершился к концу 1998 г.⁷ Насколько тяжело пришлось его работникам в это время, говорит тот факт, что в хранилищах на седьмом и восьмом этажах не было электричества, и архивисты искали документы при свете фонариков — строительно-монтажные работы в здании и на прилегающей территории продолжались еще два года. Акт государственной приемной комиссии о сдаче здания (Свердловский пр., 30а) в эксплуатацию был подписан только в 2000 г.

Архивная служба региона подошла к новому веку и новому тысячелетию подготовленной к следующему витку своего развития. Степень загруженности архивохранилищ на 1 января 2001 г. в ОГАЧО составляла 75 %, в архивных отделах — 83 %. Увеличение штатной численности и площадей в архивах области позволило

решить одну из сложнейших задач — упорядочение и прием на хранение больших массивов управленческой документации и документов по личному составу в условиях ликвидации, реорганизации, приватизации организаций во всех сферах государственного управления и экономики.

За десять лет в архивы принято свыше 386 тыс. дел, отобранных в состав Архивного фонда РФ (256 тыс. в государственный архив и 130 тыс. в архивные отделы), и более 112 тыс. дел по личному составу (49,0 тыс. в государственный архив и 63 тыс. в архивные отделы). Среди них такие комплексы документов, как фильтрационные дела репатриантов-реэмигрантов за 1942–1956 гг. и трофейные материалы за 1941–1945 гг., архивно-следственные дела реабилитированных жертв политических репрессий, принятые в государственный архив в соответствии с Указом Президента РСФСР «Об архивах комитета государственной безопасности СССР». Значительно пополнился и досоветский фонд архивов за счет приема от городских и районных отделов ЗАГС метрических книг различных конфессий. К концу 2000 г. общий объем хранящихся в архивах области документов превысил 2 млн 200 тыс. дел. В результате активного приема документов по личному составу объем запросов возрос с 14 тыс. в 1991 г. до 25 тыс. в 2000-м. Всего за десятилетие исполнено свыше 195 тыс. запросов, в том числе более 179 тыс. — социально-правового характера. В связи с реализацией законов РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и «О реабилитации репрессированных народов» появились новые виды запросов — о подтверждении факта раскулачивания и нахождения в спецсылке, о пребывании в трудармии и в эвакуации.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось еще и совершенно новым направлением деятельности архивов — внедрением компьютерных технологий. Оно началось в 1991 г. с приобретения двух компьютеров (РС-286 с матричным принтером в архивном отделе облисполкома и ЕС-1834, выделенного Главархивом РСФСР для государственного архива) и разработанных Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела программ «Учет фондов», «Справочник по фондам» (в архивном отделе облисполкома), «Именной каталог» и «Каталог по истории государственных учреждений» (в государственном архиве).

С 1998 г. началось внедрение общероссийского программного комплекса «Архивный фонд». Первыми эту работу начали архивные отделы администраций Копейска, Магнитогорска, Чебаркуля, Красноармейского района. С 2000 г. в работу включился государственный архив, а в его штате появился первый ИТ-специалист. В комитете по делам архивов с 2000 г. начала формироваться база данных «Фондовый каталог». Начинаясь эра новых архивных технологий.

Первые годы XXI в. отмечены формированием новой нормативно-правовой базы архивной

отрасли, определившей пути ее дальнейшего развития. В 2005 г. приняты законы «Об архивном деле в Челябинской области» и «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по комплектованию, учету, использованию и хранению архивных документов, отнесенных к государственной собственности Челябинской области». Их появление позволило решить вопрос обеспечения сохранности, учета и использования документов организаций, отнесенных к государственной собственности Челябинской области, хранящихся на территории муниципальных образований, дало возможность муниципальным архивам участвовать в предоставлении государственных услуг, обеспечило финансирование переданных государственных полномочий в сфере архивного дела. Общий объем переданных финансовых средств за 2006–2020 гг. составил без малого 80 млн руб.

Продолжились изменения в сети архивных органов и учреждений. К региональной системе архивов присоединились архивные службы закрытых административно-территориальных образований — сначала Трехгорного (2000), затем Озерска и Снежинска (2001), созданы архивные отделы администраций Магнитогорска и Чебаркульского района (2007). Ряд архивных отделов преобразованы в муниципальные учреждения. В 2004 г. орган управления архивным делом в регионе получил статус Государственного комитета по делам архивов Челябинской области.

Первые два десятилетия нового века ознаменовались поистине взрывным характером развития архивной службы области. За небольшой период ее информационный потенциал более чем удвоился, превысив к 2021 г. 4 млн 780 тыс. дел, среди них более 60 тыс. ед. хр. — кино-, фото- и фонодокументы на различных носителях, включая первую тысячу машиночитаемых, принятых в государственный архив.

Систематическое пополнение архивов документами в настоящее время обеспечивается на основе комплексного подхода к вопросам определения источников комплектования и состава архивных документов, их упорядочения и своевременной передачи на хранение. В ходе этой работы закладывается информационный потенциал архивной службы, от нее зависит качественный и количественный состав архивных документов, которые в конечном итоге попадут на полки архивов. В ней задействованы специалисты не только государственного и муниципальных архивов, Государственного комитета по делам архивов, но и делопроизводственных и архивных служб организаций — источников комплектования.

Благодаря кропотливому труду архивистов объем документов, хранящихся сверх установленного срока в 1435 организациях — источниках комплектования государственного и муниципальных архивов, снизился до незначительных 0,8 % от общего количества подлежащих передаче управленческих документов (1778 дел). В 32 муниципальных архивах задолженность по

передаче документов на хранение ликвидированна полностью.

В результате упорядочения и приема на хранение документов по личному составу от ликвидируемых организаций созданы условия для документационного обеспечения социальных гарантий жителей региона. Объем документов данной категории в архивах области превышает 2 млн 239 тыс. дел (46,8 % хранящихся в архивах документов). Среди них такие крупные комплексы документов по личному составу, как фонды Челябинского тракторного завода (более 500 тыс. дел) и Златоустовского машиностроительного завода (свыше 175 тыс.). Безусловно, для упорядочения и приема такого значительного количества документов потребовалось соответствующее увеличение площадей для комплектования и штатной численности архивистов.

Так, в 2007 г. после ремонта и перепрофилирования введено в эксплуатацию третье здание государственного архива, приобретенное в 2004 г. Правительством Челябинской области в первую очередь для приема документов Челябинского тракторного завода. Его площадь составила более 3000 кв. м. Кроме этого для увеличения вместимости хранилищ государственного архива с 2006 г. началась постепенная замена стационарных стеллажей на мобильные. Новые и дополнительные помещения получили Ашинский, Златоустовский, Магнитогорский, Озерский, Снежинский, Сосновский, Троицкий городской, Троицкий районный и многие другие муниципальные архивы. В ряде из них также началось оснащение архивохранилищ мобильными стеллажами. Златоустовский архив после переезда оборудован ими полностью.

В результате на начало 2021 г. площадь помещений государственного архива составила 11 736 кв. м, протяженность стеллажного оборудования — 44 806 пог. м. В муниципальных архивах — соответственно 16 799 кв. м помещений, 56 588 пог. м стеллажей. Общая протяженность стеллажного оборудования увеличилась по сравнению с 2000 г. в два раза (в том числе в муниципальных архивах — в 3,4 раза), превысив 101 тыс. пог. м. И это символично — к 100-летию архивной службы области установлено более 100 км архивных полок.

Численность руководителей и специалистов архивной службы к 2021 г. составила 319 человек, увеличившись по сравнению с началом века в 1,8 раза (20 — в государственном комитете, 108 — в государственном архиве и 191 — в муниципальных архивах). Однако низкая заработная плата, невысокий престиж профессии архивиста привели к высокой текучести кадров. К середине второго десятилетия эта проблема вновь обострилась. Снизить ее уровень позволило участие в выполнении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры Челябинской области». В конце 2014 г. в нее был включен го-

сударственный архив, а в 2016 г. — и муниципальные бюджетные и казенные архивные учреждения. «Дорожная карта» позволила не только значительно поднять уровень заработной платы работников государственного и шести муниципальных архивов, но и стабилизировать ситуацию с кадрами архивистов.

Быстрое увеличение информационного потенциала архивных учреждений привело к увеличению числа обращений граждан и юридических лиц практически в шесть раз — с 25,0 тыс. в 2000 г. до 149,0 тыс. в 2018 г. (в последние годы начался спад — до 117,6 тыс. в 2020 г.). Как следствие, уже в начале века перед архивистами остро встали проблемы своевременного исполнения поступивших обращений и ликвидации очередей заявителей. Их решение стало возможным благодаря внедрению электронного обмена юридически значимыми документами с учреждениями Пенсионного фонда РФ по Челябинской области, соглашению о сотрудничестве с которым заключено в 2009 г., и предоставлении гражданам возможности подать запрос по электронной почте. По итогам 2020 г. посредством электронного взаимодействия с учреждениями Пенсионного фонда РФ исполнено свыше 86,5 тыс. запросов социально-правового характера — 88,0 % от их общего количества. Очереди заявителей остались в прошлом.

В 2007 г. положено начало созданию в государственном архиве системы «АИС «Архив»», которая позволяет осуществлять поиск информации по описям и заголовкам дел, хранящимся в архиве, получить доступ к электронным образам архивных документов. С учетом задач стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. по стимулированию и популяризации изучения истории семьи и рода, в том числе путем исследования архивных документов, и формированию единого российского информационного пространства знаний, в том числе на основе оцифрованных архивных фондов, для АИС «Архив» в первую очередь оцифровываются особо ценные и востребованные документы, включая метрические книги, необходимые для генеалогических исследований. Всего на начало текущего года в АИС «Архив» доступны сведения по 4690 фондам, 10 685 описям (98,8 % от общего количества), а также электронные копии 19 211 дел и свыше 781,7 тыс. заголовков дел (31 % от общего количества). Количество посещений «виртуального» читального зала государственного архива только в 2020 г. составило свыше 32 тыс., в 17,3 раза превысив количество посещений обычных читальных залов архива. В результате применения современных электронных технологий доля граждан, использующих механизм получения государственных услуг в электронном формате, в 2020 г. достигла 85 %.

Задача последних лет — сделать архивную информацию доступной для самых широких слоев населения. Ее решение связано с созданием в архивах области информационно-поисковых

систем по архивным документам, в том числе поименных баз данных с возможностью интеллектуального поиска информации, а также с подготовкой выставок и сборников документов, статей, радиопередач, использованием социальных сетей для популяризации архивных документов. Уже сейчас созданы и находятся в свободном доступе базы данных по рассекреченным документам и о местонахождении документов по личному составу. Активно используются поименные базы данных о раскулаченных, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», трудармейцах и репрессированных⁸.

Благодаря совместным усилиям архивной службы и Министерства информационных технологий и связи Челябинской области создан и активно развивается интернет-портал «Вспомним всех поименно!», на котором размещены базы данных «Книга памяти участников Великой Отечественной войны — жителей Челябинской области» и «Эвакуированные. Челябинская область». За год с небольшим (март 2020 — июнь 2021) портал посетило свыше 78 тыс. пользователей (более 800 тыс. просмотров). Индекс его качества, учитывающий размер аудитории сайта, степень удовлетворенности пользователей, уровень доверия к сайту со стороны пользователей и Яндекс, а также другие критерии, в июне 2021 г. составил 1820, что является высоким показателем. И в этой связи следует отметить, что архивы Челябинской области хранят бесценную информацию об уроженцах многих регионов СССР, которые попали на Урал в силу различных обстоятельств (например, высланных на спецпоселение, попавших в трудармию, в эвакуацию в годы войны).

В соответствии с поручением Президента РФ, данного по итогам встречи с ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и представителями общественных патриотических объединений⁹, государственный архив предоставил интернет-порталу «Книга памяти блокадного Ленинграда» информацию о лицах, эвакуированных из Ленинграда в южноуральский регион в виде электронных списков, содержащих более 42 тыс. записей, и электронных копий архивных документов. Как результат, Челябинская область вошла в число трех регионов, документы которых стали основными источниками по объему наполнения базы данных. При этом из обработанных к концу 2020 г. 25 110 записей 12 479 (49,7 %) содержат сведения, которых ранее не было ни в одном открытом источнике¹⁰. На очереди создание в ближайшие годы информационных ресурсов о жителях региона, награжденных медалью «Ветеран труда», почетных гражданах Челябинской области, городских округов и муниципальных районов, городских и сельских поселений, «Семейная история» (на основе метрических книг с возможностью поиска информации о жителях Южного Урала начиная с конца XVIII в.), «История Южного Урала в фотографиях».

Все это тем более важно, что повышение удовлетворенности граждан государственными услугами, снижение трудозатрат, доступность, надежность и безопасность используемых информационных систем, информационно-технологической инфраструктуры включены в число национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.¹¹

Большую лепту в популяризацию архивных документов вносит издательская деятельность государственного архива. Стоит отметить такие его проекты, как публикация очерка Н. М. Чернавского «Челябинск в его прошлом (1736–1926)» и иллюстрированного буклета по истории архивной службы Челябинской области (2016), сборника документов «1917. Южный Урал» (2017), фотоальбома «Век комсомола: история в фотографиях» (2018), энциклопедии «Гордость Южного Урала» о почетных гражданах Челябинской области (2019), сборников документов «Челябинская губерния. 1919–1923 годы: абрис истории» к 100-летию создания Челябинской губернии (2019), «Император Александр II и Южный Урал» (2019), «Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (2020)¹². Все они высоко оценены учеными и краеведами, прочно вошли в научный оборот.

С 2018 г. архивные документы уверенно «шагнули» на улицы и в парки города Челябинска. Выставочные проекты государственного архива, такие как «Станок — оружие, участок — поле боя», посвященный комсомольцам военного времени (2018), «Черные ножи: история создания и боевой путь 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса 1943–1945 гг.», «Великий Танкоград», «Маленькие герои большой войны», «О спорт! Ты — мир!», «Мир детства», смогли посмотреть сотни тысяч жителей и гостей Челябинска.

Стали традиционными научно-практические конференции «Архив в социуме — социум в архиве» (с 2018) и «Генеалогия и архивы» (с 2019), материалы которых изданы в серии сборников. А еще сотни выставок, статей, теле- и радиопередач, экскурсий и школьных уроков, востребованность которых сегодня не вызывает сомнений. Накопленный и сохраненный поколениями архивистов информационный потенциал все шире открывается не только для научных исследований, но и для широкой общественности.

Архив — это не нечто застывшее, а живой организм, устремленный в будущее. Он всегда в гуще событий. Идет ли процесс реорганизации органов государственной власти и местного самоуправления, создаются или ликвидируются организации, меняется форма их собственности — архивная служба оперативно вносит изменения в списки организаций — источников комплектования архивов. Появляются новые виды документов или исчезают старые — обновляются номенклатуры дел. Создаются документы в элек-

тронном формате — архивное сообщество решает вопросы организации их экспертизы, упорядочения, приема на государственное хранение и обеспечения сохранности.

Современные компьютерные технологии сегодня стали частью повседневной жизни архивов. На повестке дня — создание информационно-поисковых средств по документам архивов и предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном формате в соответствии с задачами, поставленными национальной программой «Цифровая экономика». Нашим вкладом в ее реализацию может стать создание единой информационной платформы под условным названием «Архивная служба Челябинской области», объединяющей электронные ресурсы всех архивов региона, куда могут поступать все запросы на все услуги, оказываемые архивами.

Все мероприятия, проводимые в рамках цифровизации отрасли, несомненно, должны иметь клиентоориентированную направленность, обеспечить максимальное удобство, простоту и оперативность получения пользователями необходимой архивной информации. Свою актуальность сохраняют и традиционные информационные мероприятия архивистов — подготовка сборников документов, выставок, статей, теле- и радиопередач, проведение экскурсий и школьных уроков, посвященных знаменательным и памятным датам в истории страны и региона, в том числе с использованием современных технологий, — потому что главная цель любого архива — не только собрать и сохранить документы, но и обеспечить их использование в интересах общества и государства.

Примечания

¹ Нарский И. В. Административное детище Гражданской войны: Челябинская губерния (1919–1923) // Че-

лябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории : сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019. С. 5.

² ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 180. Л. 46.

³ Имя Н. М. Чернавского как первого директора губернского архива и основоположника архивной службы Челябинской области увековечено в 2016 г. на мемориальной доске на здании главного архивохранилища Объединенного государственного архива Челябинской области.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 370. Л. 80–83.

⁵ Там же. Д. 3661. Л. 90.

⁶ Там же. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 23. Л. 102.

⁷ Там же. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 2303. Л. 83–85.

⁸ <http://www.chelarchiv.ru/htmlpages/Show/Informacion-nopoiskovyesredstv/Knigipamyati>.

⁹ Пункт 4 «Перечня поручений по итогам встречи президента Российской Федерации с ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и представителями общественных патриотических объединений» от 04.03.2020 г. № Пр-433.

¹⁰ <http://blockade.spb.ru/reports/itogi-realizatsii-proekta-za-nbsp-2020-god>.

¹¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474.

¹² Чернавский Н. М. Челябинск в его прошлом. 1736–1926 (хроника). Челябинск, 2016 ; 1917 год. Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин, Е. П. Турова. Челябинск, 2017 ; Век комсомола: история в фотографиях / [ред. кол.: Н. А. Антипин и др.]. Челябинск : Элефант, 2018 ; Гордость Южного Урала: Почетные граждане Челябинской области: энциклопедия / [ред. кол.: И. И. Вишев и др.]. Челябинск : Книга, 2019 ; Император Александр II и Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019 ; Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории : сб. док. / сост., науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019 ; Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / редкол.: Н. А. Антипин и др. СПб. : Первый ИПХ, 2020.

Т. И. Хорхордина

Архив в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности

Российские архивы живут благодаря преемственности многих поколений единой семьи архивистов. Так было на всех этапах архивного строительства: и в первые послереволюционные годы, когда закладывался фундамент современной архивной службы, и в последующем, когда возводился ее прочный каркас, который выдержал все выпавшие на долю архивов испытания и потрясения¹. На протяжении XX в. Россия как минимум дважды прошла сквозь периоды глубоких изменений своей государственности. В 1990-е гг., как и в другие смутные периоды, на первый план выдвинулись носители глубинных, этических основ профессии архивистов и историков. История российских архивов — прежде всего история личностей, их подвижнического труда. В кризисные периоды истории они, сплотившись, проводили совместные операции по спасению документальной Памяти.

Исторически сложилось так, что архивы возникли на узкой грани между Сциллой по имени Польза и Харибдой по имени Ценность. Очень медленно человечество постигало истину, что эти понятия не противоречат друг другу. Как писал классик отечественного архивоведения И. Л. Маяковский, понятие «архивы» все время стремится к расширению своего содержания — от направленности на удовлетворение потребности пользователя к выполнению миссии по сохранению документальных памятников для будущих поколений, когда ценность сохраненного документа может быть оценена с неизвестной пока точки зрения будущих поколений².

Сегодня мы осмысливаем фундаментальные вопросы, связывающие воедино категории вечности, особенностей исторического пути России и изменения ролевой функции архивов в общественном бытии и национальном самосозна-

нии. Это вполне сопоставимо с тематикой историко-философских дискуссий среди российских ученых на стыке XIX–XX вв. и в самом начале прошлого столетия, во времена русских космистов — мыслителей ранга о. Павла Флоренского с его идеей пневмосферы, В. И. Вернадского, А. С. Лаппо-Данилевского и единомышленников — теоретиков-архивистов «золотого века» архивоведческой мысли.

На первый план выносятся такие проблемы, которые еще недавно казались решенными. Кому и зачем нужны архивы? Какие архивы нужны? В чем состоит их историческое предназначение? Какова миссия архивов в стремительно меняющихся условиях?

И есть другие, столь же «детские», дилетантские, на первый взгляд, вопросы, от решения которых, как показывает исторический опыт, зависит архивное строительство, судьба и характер архивной профессии, роль и место архивов в обществе и т. д. Неслучайно начало третьего тысячелетия называют еще и временем вопросов. Между тем еще в конце XIX в. российский архивовед А. П. Воронов учил студентов Петербургского археологического института, что «архив — это не что, а кто». Сегодня мы возвращаемся к пониманию сути архивов как живой, динамически развивающейся по собственным законам структуры, состоящей из уникальных органических образований, которые называем термином «фонд».

Происходящие ныне перемены определяют содержание новой реальности, в рамках которой требуется осознание того, что автором, то есть творцом информации, потенциально становится каждый член человеческого сообщества. Мир предстает как результат диалогического общения между людьми, которых раньше разделяли барьеры времени и пространства. Современная культура может развиваться при условии включения в себя всего историко-документального наследия — постоянно меняющегося произведения живой культуры.

С нашей точки зрения, речь идет не просто о поисках адекватного современному пониманию сущности понятия «история и архивы», а о необходимости решения кардинального вопроса, связанного с тем, что в XXI, информационном, столетии архивы абсолютно необходимы для самосознания человека и общества. То есть речь идет о современном понимании архива как самоценного результата деятельности «очеловеченной» природы³. Центр тяжести перемещается на поиск закономерностей в процессе свободного образования живых архивов как объективного следствия деятельности Человека. В основу положена концепция самоценности архивного документа как отражения исторически значимого мгновения действительности.

Сегодня архивы выполняют важные функции по комплектованию, хранению, учету и использованию архивных документов. Сотрудники федеральных, а также разветвленной сети регио-

нальных, ведомственных и иных архивов России обеспечивают социальную защиту прав граждан; предоставляют информацию для принятия управленческих решений; служат на ниве просвещения; наконец, они — исследователи, обогащающие наши знания о прошлом, и хранители и распорядители самого крупного информационного ресурса страны.

Архивисты, опираясь на глубокие исторические традиции, заключающиеся в том, что государственной архивной службой осознана приоритетная роль комплектования и концентрации документов в государственных архивах, и современную законодательную базу, в полной мере сознают свою ответственность перед обществом, сплоченным единым национальным самосознанием, и перед государством за сохранение документальной памяти о тысячелетнем феномене российской истории.

Гуманитарные принципы, определяющие основное содержание работы архивистов, служат фундаментом воспитания молодого поколения в духе просвещенного патриотизма. Профессиональная подготовка и глубокие знания подлинной, запечатленной в документах многовековой истории Отечества придают им иммунитет к фальсификации истории.

В конечном счете все зависит от того, насколько глубоко в обществе понимание, какое место архивы занимают в непрерывной череде событий, из которых складывается летопись жизни человека, общества и государства⁴. Задачи, стоящие перед российским архивным делом, сегодня решаются комплексно, исходя из того, что между документом, архивным документом и историческим источником нет непреодолимой преграды. Если бы мы могли воспитать ответственное отношение к истории у каждого «документо-образователя», многие проблемы общества и государства были бы предотвращены.

Удовлетворение запросов со стороны различных государственных учреждений, а также исследователей остается важнейшей профессиональной обязанностью архивистов. Сознание своей востребованности, нужности государству, обществу и каждому пользователю придает смысл работе архивиста и понимание ответственности за возложенную на него миссию хранителя вечных ценностей. В двойственности задач архивиста, как служащего и как ученого, состоит специфика его профессии, если хотите, его судьба, его жизненное предназначение.

Функция информационного обслуживания государственных органов — важная, но не единственная. Архивы принципиально внепартийны, и специфика профессии архивиста состоит в выполнении и научно-познавательной, и исторической деятельности.

В этом контексте архивы всех уровней живут своей собственной, внутренней жизнью, отражая материальный и духовный мир человека, но не сливаясь с ним, поскольку сами приобретают характер как бы остановившегося момента бытия,

в котором прошлое прочно связано с будущим, и потому всегда остается актуальным, динамично развивающимся, то есть живым.

Идея единого архивно-информационного пространства как характерное проявление современного уровня развития человеческой цивилизации находит отражение в деятельности архивной службы, которая за сто лет своего существования превратилась в один из атрибутов российской государственности, и архивов — одной из важнейших составляющих российской культуры⁵. Архивы России — это такие же символы государственности, как флаг, гимн, герб. Неслучайно В. П. Козлов, руководитель Росархива с 1996 по 2009 гг., отметил, что в конце XX в. впервые в своей тысячелетней истории российское государство «законодательно обозначило отношение к архивным документам и архивам, признав их право быть и служить гражданам»⁶. Главное — выявить преемственную связь поколений и то новое, что привнесли архивы не только в историческую науку и архивное дело, но и в историю взаимоотношений личности, общества, и государства.

В координационной направленности деятельности архивов, установке на связь с «землей», с насущными нуждами архивистов в самом отдаленном уголке России — в этом можно усмотреть источник, который питает корни Отечества.

Перефразируя известное выражение М. И. Глинки, можно сказать, что архивисты все больше возвращаются к своим истокам, к тому времени, когда архивы, как музыку, создал народ, а архивисты, как композиторы, только аранжировали ее. Архивисты не создают архивы в соответствии с пожеланиями и запросами пользователей. Они лишь «аранжируют» их, то есть стремятся разложить застывшую мелодию комплекса документов по нотам, уловить скрытую гармонию документов, записать каждую единицу хранения как отдельную ноту в звукоряде, доступном и понятном каждому последующему исследователю-исполнителю. При этом полифоническая суть целостного произведения под названием «архив» остается неисчерпанной в рамках его отдельной части. Она может быть раскрыта только в глобальном, совокупном архиве, в состав которого входят и центральные, и местные, и семейные, и частные архивы. С гуманитарной точки зрения, местные или ведомственные архивы представляют собой не меньшую ценность для истории Человека, чем фонды, хранящиеся в центральных архивохранилищах, точно так же, как архивы любого государства одинаково ценны для истории человечества, поскольку без них целостная картина нашего бытия была бы неполной.

В эту целостную полнокровную историю входит и история возникновения и функционирования архивов всех уровней — от личного, семейного до ведомственного и общенационального, поскольку нет более полного и многозначного, как сама жизнь, явления нашей духовной жизни, чем история заботы людей о формировании, со-

хранении и использовании письменных памятников духовного самосознания, самопостижения, самопонимания.

Архивы же теряют прежнее, специальное и узкое значение, и приобретают новое, непреходящее значение, поскольку ныне все изменилось вокруг архива: возникли условия для нового понимания архива. Архив стал частью информационных ресурсов и информационной системой и в целом субъектом информационных процессов.

Современные технологии работы с документами, связанные с приемом на хранение электронных документов, и расширение глобального информационного пространства, потребовавшие иных подходов к носителю информации, ставят перед архивами вызовы и вопросы, ответы на которые необходимо искать научному сообществу: информационной безопасности и защиты государственной и личной тайны; аутентичности, жизненного цикла электронных документов; соблюдения принципа происхождения при комплектации, систематизации и фондировании и т. д.

С изменением средства создания документа остро встают проблемы подлинности и уникальности цифрового документального объекта информации. Вместо записей на бумаге, поддающихся аутентификации, мы имеем теперь множество раскиданных электронных документов, аутентичность и происхождение которых порой сомнительны. Во весь рост встает проблема защиты интеллектуальной собственности: переход к цифровым технологиям съемки, с одной стороны, обеспечивает возможность многократной перезаписи информации, а с другой — грозит потерей ценных видео- и фотодокументов на стадии их создания, поскольку позволяет без контроля со стороны архивов стирать изображения.

Еще один волнующий вопрос: когда происходит превращение интернет-архива, несомненным плюсом которого является общедоступность (всеобщий доступ) архивной информации, популяризация архивных документов (виртуальные, мультимедийные выставки и даже музеи), в исторический архив? Ускорились процессы подачи и обработки информации, изменилось в определенной степени понятие времени (непрерывность доступа к архивной информации). Однако каким образом изменилось сознание пользователя в условиях, когда нередко границы между внутренней и внешней памятью в значительной степени условны, комплементарны, взаимопроницаемы? Архивисты занимаются теперь одновременно и техническими, и концептуальными вопросами, связанными с самой природой документа (и, конечно, с проблемами упорядочения, описания и доступности материалов).

Историко-архивное сообщество все более осознается как неотъемлемый элемент в процессах становления гражданского общества и укрепления основ российской государственности. В перспективе — повышение его роли в пробуждении в душе человека информационного общества «документоведческих» струн. Отсюда

следует утверждение в общественном сознании, что сохранение, приумножение и бережное использование историко-документального наследия народов РФ не только отвечает современным потребностям общества, но и является нравственным долгом перед будущими поколениями.

Социально-политические изменения, произошедшие в России, пробудили в массе ее граждан законный интерес к прошлому не только Родины, но и своей семьи, деревни, села, города, и стремление личности осознать прошлое через познание родственных связей (запросы генеалогического характера). Собирая и храня документальную память о своем роде, о генетических корнях, о малой родине — как это делала образованная часть российского общества с давних времен, — молодое поколение от уважения к документальной памяти о родителях (независимо от вида носителей информации — традиционных или электронных, письменных или аудиовизуальных) с младых ногтей будет осознавать себя неотъемлемой частью истории Отечества, осознавать свою причастность к опыту, знаниям и судьбам предшествующих поколений. Это, на наш взгляд, и есть та отправная точка, в которой сойдутся гуманитарные векторы, направленные на сохранение преемственности культуры и гармонизацию отношений в нынешнем обществе — как в национальном, так и в глобальном масштабах⁷.

Архивисты стоят у истоков информационного тела культуры, они принимают документы — и возвращают им вечную жизнь в новом качестве, жизнь в понимании духовном, выводят их из узкого мира, именуемого документооборотом, и включают их в огромный мир гуманитарной культуры, в безграничный мир духовной жизни Человека.

Так, многовековая деятельность исследователей и архивистов в области научно-справочного аппарата, призванных раскрывать содержание и состав документов и сообщать о месте их хранения, показала, что наибольшую эффективность их совместной работы создает единая и общепонятная методика составления многоуровневых справочников. Именно в результате сочетания научно выверенного и творческого подходов к созданию условий для поиска архивных источников в архивохранилищах повседневная работа архивистов предстает как непрерывный, напряженный труд подвижников-профессионалов, который сплачивает многие поколения архивных деятелей.

Так, в 1990-е гг. в связи с включением архивов КПСС в состав Архивного фонда РФ необходимо было интегрировать их НСА в систему государственных архивов, и архивисты провели колоссальную работу в сфере создания и совершенствования НСА к фондам бывших партийных архивов.

Таким образом, создание НСА, отвечающее насущным нуждам архивов и исследователей, способствует популяризации архивного дела и лежит в основе обеспечения свободного доступа к архивной информации: чем совершеннее науч-

но-справочный аппарат, тем короче процесс поиска информации.

В условиях существования разных форм собственности и развития информационного общества вопросы сохранения, формирования и передачи будущим поколениям внутренне целостного архивного фонда в национальном масштабе приобретает общегосударственную значимость.

Надежды архивистов связываются со знаковым событием — в апреле 2016 г. Росархив стал самостоятельным федеральным учреждением в непосредственном подчинении Президенту РФ, с функциями по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере архивного дела и делопроизводства. Руководитель Федерального архивного агентства А. Н. Артизов отмечает, что изменение места Росархива в системе органов государственной власти, «положило начало новому этапу архивной отрасли»⁸.

Вновь становится актуальной задача, выдвинутая архивистами первого послереволюционного десятилетия, — поставить архивное дело на общенациональную основу, воспитать «архивную душу» в каждом человеке, независимо от его места в социуме.

Можно сделать достаточно обоснованный вывод, что существование Государственного архивного фонда предоставляет все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая может сплотить все культурные слои общества. В России всегда было и есть то, чего нет ни в одной другой стране мира, — историософское отношение к архивам как к внутренне целостным, живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присутствующим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства⁹.

Примечания

¹ Артизов А. Н., Хорхордина Т. И. Архивы на службе человеку, обществу и государству // 100 раритетов российской государственности: к 100-летию создания государственной архивной службы России. М., 2018. С. 8–18.

² Маяковский И. Л. Архив, библиотека и музей // Архив. дело. 1926. № 5–6. С. 46.

³ Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. С. 39.

⁴ Хорхордина Т. И. Российское общество историков-архивистов: этапы большого пути // Вестн. архивиста. 2010. № 3. С. 4–27.

⁵ Безбородов А. Б., Хорхордина Т. И. Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый ист. вестн. 2018. № 57. С. 59–78.

⁶ Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 64.

⁷ Из прошлого в будущее. Т. И. Хорхордина о миссии архивов в современном мире // Известия. 2020. 6 июня.

⁸ Артизов А. Н. Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2016 г., задачах на 2017 год и в

среднесрочной перспективе // Отечествен. архивы. 2017. № 2. С. 3.

⁹ Хорхордина Т. И. Что имеем — сохраним // Вестн. архивиста. 2008. № 2. С. 30–57.

С. Р. Ардашова

Современный архив как открытое информационное пространство: направления развития, проблемы, ожидания общества (на примере ОГАЧО)

Термин «открытость» стал в последнее десятилетие достаточно популярным в применении к деятельности организаций различного профиля и обсуждается исследователями чаще всего как возможная качественная характеристика. Открытость в целом характеризует готовность организаций (сфер деятельности в целом) к открытому взаимодействию с гражданами и заинтересованными сообществами, обоюдному диалогу, предоставление широкого спектра информации, как следствие, построение деятельности (в том числе принятие решений) в зависимости от потребностей вовлеченных в это информационное пространство субъектов.

Так, основной целью проекта «Открытое правительство» является обеспечение прозрачности деятельности органов власти, вовлечение граждан и заинтересованных организаций в принятие управленческих решений, обеспечение их участия в открытой экспертизе социально значимых проектов правовых актов¹. При этом открытость строится на реализации принципов понятности, вовлеченности и информационной открытости.

Основной признак открытости образовательной системы представители системного подхода видят в ее меньшей регламентированности, гибкости по отношению к обучающимся, месту обучения, изменямости программ, возможности выхода за стандартные рамки, участия субъектов в проектировании программ². При описании концепции британского «Открытого университета» британский ученый в области образования Джон Дэниэл отмечал, что университет «был создан с целью быть открытым по отношению к людям, к месту, к методам и к идеям. ...Открытый относительно людей — означает устранение любых академических требований для приема на обучение. Открытый относительно места — означает создание системы дистанционного обучения, позволяющей людям учиться где бы они ни находились. Открытый относительно методов — означает привлечение в учебный процесс любых инноваций в области информационных и телекоммуникационных технологий, которые могут сделать обучение более эффективным и приятным. Наконец, открытость идеям означает самую сутьность университета: для открытого университета это означает придание особой важности исследовательской деятельности обучающихся наряду с обучением»³.

В проекте «Концепции среднесрочного развития архивного дела в Российской Федерации на период до 2020 года» принцип открытости отмечен в качестве приоритетности для развития

отрасли. При этом открытость трактуется как последовательное расширение возможностей доступа к архивным документам за счет улучшения работы читальных залов архивов; перевод ранее засекреченных архивных документов на открытое хранение; активизация их оцифровки с размещением электронных копий архивных документов и поисковых средств к ним в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе в форматах открытых данных⁴.

На наш взгляд, именно принцип открытости становится сейчас определяющим в оценке деятельности архивных учреждений посетителями, потребителями услуг, приобретает наибольший вес в системе качественных показателей работы архивов. Работа архивов по реализации принципа открытости должна строиться по следующим направлениям.

Во-первых, разработка удобных сервисов для получателей услуг, где они могли бы подать заявление на исполнение запросов, заказать дела, записаться в читальные залы и т. п. В настоящее время единой платформы не существует, что доставляет неудобство нашим исследователям, которые вынуждены изучать сайты всех архивов, выискивая доступные сервисы. Сайт gosuslugi.ru не решает проблему, так как очевидно неудобен в отношении архивных услуг. Об этом свидетельствует крайне низкая статистика поступления заявлений с этого сервиса.

Во-вторых, и это сейчас самая актуальная потребность исследователей, — дать широкому кругу пользователей архивной информации возможность определить местоположение документов, осуществить удаленное изучение описей и других справочно-поисковых средств, а в идеале получить доступ к электронным образам документов.

Официальных статистических данных о предоставлении архивными учреждениями документов посредством информационно-телекоммуникационных сетей нет. В настоящее время ни одна форма официальной статистической отчетности, которую представляют архивные учреждения, не содержит данного показателя. Также нет точных сведений о количестве архивных учреждений, использующих данный механизм для предоставления государственной (муниципальной) услуги.

Существующие реестры (списки) архивов, предоставляющих возможность удаленного доступа к делам, в свою очередь составлены пользователями⁵. В таких реестрах обозначены три федеральных (РГАДА, РГАЛИ и РГАКФД) и

15 региональных архивов. В некоторых субъектах РФ заявлено о начале процесса создания информационных систем удаленного доступа к архивным документам. Росархив заявляет о 20 субъектах РФ, в которых данная услуга уже реализована в той или иной степени⁶. Данные показатели раскрывают проблему неполного обеспечения пользователей равными возможностями.

Так как нормативно обязательность архивных учреждений обеспечивать удаленный доступ к документам не установлена, в большинстве субъектов РФ не ставится и не реализуется данная задача. Идея же Росархива о создании единого удаленного читального зала с возможностью интеграции в нее ресурсов регионов пока далека от реализации.

В-третьих, максимально подробное информирование о деятельности архивной отрасли, каждого конкретного учреждения, настройка обратной связи, быстрое и эффективное реагирование на потребности заявителей.

В-четвертых, расширение информационных ресурсов различного плана и содержания, которые дадут возможность пользователю получить необходимую информацию быстрее, комфортнее и проще.

В результате современный архив должен стать центром информационного пространства, построенного на принципах открытого и свободного доступа как для сотрудников самого учреждения, так и для сторонних пользователей.

Проблемы недостаточной открытости архивов (а иногда и полного отсутствия работы в данном направлении) особенно проявились в период ограничительных мероприятий, связанных с коронавирусной инфекцией, когда вынужденно были закрыты читальные залы, ограничен прием граждан и выдача архивных дел. Жалобы заявителей на информационный дефицит стали частыми, острыми и обоснованными, так как большинство архивов показали неготовность к данной ситуации и практически полностью прекратили оказание государственных услуг и общение с пользователями.

Причины, препятствующие развитию открытого информационного пространства архивов, являются в большей степени следствием многолетней закрытости этих учреждений, сложившегося менталитета специалистов, считающих неразумным и даже «небезопасным» уничтожение препятствий при обращении в архивы, неготовности к внедрению новых информационных технологий; в иных случаях они носят финансовый характер.

Однако определенные шаги на пути к повышению открытости архивной отрасли, конечно же, сделаны, и часть архивных учреждений демонстрирует новые формы общения с заявителями, дает возможность оценить наработки, проанализировать положительные и отрицательные моменты внедрения новых технологий. И в этой связи опыт ОГАЧО, на наш взгляд, может быть полезен коллегам.

Обобщая опыт архивных учреждений по преодолению проблем, связанных с ограничительными мероприятиями 2020 г., общественная организация «Архивный дозор» даже опубликовала рейтинг «Топ-8 архивных учреждений — героев ковида», сумевших применить свои наработки в плане развития открытого информационного пространства, и такой же рейтинг антигероев. Объединенный государственный архив Челябинской области заслуженно заняло свое место в положительном рейтинге⁷. Считаем, что такая высокая общественная оценка стала итогом многолетней работы по созданию в архиве открытого информационного пространства, фундамент которого был заложен в 2011 г., с момента начала функционирования автоматизированной информационной системы (АИС) «Архив».

В настоящее время реализация принципа открытости осуществляется в государственном архиве по нескольким направлениям.

Первоочередное внимание уделяется совершенствованию технологий представления доступа к получению государственных услуг, расширению способов и форм их получения разными пользователями. Архив традиционно предоставляет две пользующиеся повышенным спросом услуги — обеспечение доступа к архивным делам и информационное обеспечение путем исполнения запросов. Например, статистика по исполнению запросов следующая: в 2020 г. их было исполнено более 33 тыс., при этом география заявителей не ограничивается территорией Российской Федерации, заявления присылают граждане как ближнего, так и дальнего зарубежья (Германии, государств Прибалтики, США, Израиля). Поэтому первоочередная задача — сделать процесс отправки заявления, получения ответа, промежуточного информирования максимально удобным и не зависящим по условиям ни от категории заявителей, ни от места их проживания. Для этого на сайте государственного архива (архив74.рф) размещены электронные сервисы «Отправить запрос» (для всех видов запросов), «Проверить статус» (с возможностью посмотреть срок исполнения запроса или дату ответа, результат работы над запросом), «Записаться на прием»; организована работа горячей линии с возможностью получения консультативной помощи, работает многоканальный телефон, позволяющий специалистам одновременно общаться с несколькими заявителями.

Запрос на повышение открытости второй услуги — обеспечение доступа к архивным документам — еще более очевиден и определяется особым статусом архивных документов, которые чаще всего существуют в единственном экземпляре и поэтому привязаны к местоположению архива. Говоря о повышении доступности услуги, необходимо остановиться на двух взаимосвязанных задачах — обеспечении удаленного доступа к наиболее востребованным документам и создании максимально свободных и комфортных для изучения документов условий в читальных залах.

В настоящее время всем нашим исследователям, независимо от часовых поясов и географического местоположения, доступна работа в автоматизированной информационной системе «Электронный архив». Работа в системе аналогична знакомой всем работе в читальном зале: пользователь может беспрепятственно изучать научно-справочный аппарат к документам архива, который представлен как в форме традиционных описей, так и в форме электронных заголовков, дающих возможность контекстного поиска и просмотра электронных копий архивных дел. В систему на 1 января 2021 г. загружено и доступно для удаленного просмотра 19 211 электронных копий дел и 781 776 заголовков дел, а также все описи в формате PDF. Рост популярности системы доказывает ее нужность и комфортность, что особенно проявилось в период ограничений 2020 г., когда государственный архив не получил ни одной жалобы на ограничение или недоступность оказания услуги, хотя читальные залы были закрыты. В течение 2020 г. количество обращений к системе составило 32 046 (для сравнения: в 2019 г. — 19 318, рост только за один год на 165,9 %). Посредством удаленного доступа пользователям была выдана для ознакомления 4261 электронная копия архивных дел. Особенно востребованы дела из фондов И-1 «Челябинская городская дума», И-3 «Челябинская городская управа», И-13 «Заведующий передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири», Р-274 «Челябинский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет».

Пользуется спросом и реализованная в АИС «Архив» возможность доступа к электронным копиям метрических книг на платной основе. Так, за 2020 г. исследователи просмотрели описи фонда И-226 «Коллекция документов религиозных учреждений» 7265 раз, дела — 15 098 раз. За пять месяцев 2021 г. количество просмотров описей из указанного фонда составило 4341, дел — 8922. В рамках платных услуг по предоставлению доступа к архивным документам в 2020 г. был получен дополнительный доход в размере 626,5 тыс. руб., ни одной жалобы на порядок доступа или стоимость не поступило.

Формат работы читальных залов ОГАЧО также является той сферой, которая модернизируется под запросы пользователей. Направления модернизации самые разные: это и удобный график работы, включая субботние рабочие дни и удлиненный день среди недели, и создание рабочих мест для просмотра электронных дел, и обеспечение возможности бесплатного самостоятельного копирования документов (собственными бесконтактными средствами пользователей) как с экранов компьютеров, так и с традиционных носителей. Для удобства пользователей специалистами сектора информационных технологий архива была разработана автоматизированная система «Читальный зал», которая связала воедино все этапы обслуживания посетителей,

предоставив возможность часть операций — регистрацию, заполнение анкеты, предварительный поиск, заказ дел, запись в читальный зал на удобный день — выполнять удаленно. Этот функционал размещен, как и все перечисленные ранее, на сайте архива. Что касается заказа электронных копий дел в читальный зал, то новая АИС позволяет получать доступ к ним мгновенно, производя сортировку и поиск дел в автоматическом режиме.

Еще одно плановое мероприятие — решение проблемы выдачи дел, признанных находящимися в неудовлетворительном физическом состоянии: все выявленные в 2021 г. дела будут отсканированы до конца года, все вновь выявляемые будут переводиться в электронный вид в плановом режиме в течение одного квартала.

Второе направление деятельности ОГАЧО на пути к реализации принципа открытости — повышение доступности архивной информации для использования гражданами, общественными объединениями и организациями, а также самими специалистами архива. Речь идет как о технической доступности архивных дел в уже названной системе АИС «Архив», так и о росте количества и качества открытых информационных ресурсов, обеспечении возможности выбора удобного формата, доступности, простоты, понятности и визуализации предоставленной информации.

Результатом этого направления работы является создание и развитие единого информационного пространства архива, качество и уровень развития которого определяется следующими показателями:

- полнота доступа к ресурсам применительно к двум целевым группам пользователей — сотрудников и исследователей / заявителей;
- широта и глубина информации, ее актуальность;
- простота пользования информационными ресурсами, удобство поиска;
- надежность использования.

В структуре общедоступных информационных ресурсов можно выделить следующие наиболее важные элементы: путеводители, содержащие информацию о составе фондов, находящихся на хранении в архиве; список фондов и описей; электронные описи; электронные базы данных и каталоги; указатели; тематические перечни; виртуальные выставки, содержащие информацию по определенным темам, персоналиям. Доступ ко всем этим ресурсам специалисты архива могут получить с любого рабочего места, сторонние пользователи — из любой точки мира на официальном сайте ОГАЧО (архив74.рф).

Электронные базы данных — это новое перспективное направление представления информации, позволяющее исследователям не проводить самостоятельную поисковую работу по архивным документам, а пользоваться ее результатами, полученными специалистами. Наиболее востребованы исследователями биографические базы данных: участников Великой Отечественной

войны, репрессированных, раскулаченных, трудармейцев треста «Челябметаллургстрой». Немалый интерес вызывает и тематическая подборка о местонахождении документов по личному составу ликвидированных организаций, которая актуализируется ежеквартально. Новые электронные ресурсы, подготовленные специалистами архива, все более масштабны и подробны, при их создании происходит полное выявление информации по изучаемой теме. Так, в электронный ресурс «Эвакуированные в Челябинскую область» внесено более 400 тыс. записей, в базу данных «Награды Родины: жители Челябинской области, награжденные орденами и медалями» внесено более 390 тыс. записей; общее количество превышает миллион записей.

Еще один новый вид представления информации — комплексы документов, то есть большие подборки электронных текстовых документов, фотографий, видео. Так, в 2020 г. вниманию пользователей был представлен комплекс «Челябинская область в годы Великой Отечественной войны», включающий в себя 545 документов и 101 фотографию. Свободный доступ к данной информации полностью закрыл дефицит в поиске сведений по данной теме.

Популярность новых видов электронных ресурсов, их востребованность, простота использования представленной информации (а все электронные базы данных позволяют в автоматическом режиме сформировать выписку) полностью оправдывают временные и кадровые затраты на их разработку. Для примера: количество обращений только к одному электронному ресурсу по эвакуации составляет более 10 тыс. за полгода.

Анализ работы по расширению свободного доступа к архивным документам будет неполным без упоминания о продолжающемся рассекречивании архивных документов, хранящихся в ОГАЧО. Ежегодно на общее хранение передается более тысячи документов по самым интересным темам. Например, в течение 2019–2020 гг. к рассекречиванию готовились документы эвакуированных в Челябинскую область в период Великой Отечественной войны предприятий, отражающие процесс эвакуации, экстренную организацию производства на новом месте, деятельность предприятий в военное время. Совместный проект «Без грифа “секретно”», реализованный государственным архивом совместно с газетой «Южноуральская панорама», сделал информацию об этих документах еще более прозрачной.

Наконец, третье направление — обеспечение полной и достоверной информации о целях, задачах, планах, текущей деятельности учреждения, организация обратной связи с заинтересованными получателями информации. В этой связи необходимо отметить ту динамичность сайта ОГАЧО, которую не демонстрирует, наверно, ни одно архивное учреждение Российской Федерации: новостная лента обновляется ежедневно, в том числе публикуются ссылки на публикации

об архиве, совместные проекты в СМИ, в обязательном порядке новости распространяются в социальных сетях и на форумах в сети Интернет. Причем формы, методы и способы работы со средствами массовой информации постоянно совершенствуются, просветительские проекты с использованием архивных документов постоянно реализуются на радио «Южный Урал», телеканале «Областное телевидение», в печатных и сетевых СМИ «Южноуральская панорама», «АиФ-Челябинск», «Парламентская неделя».

Реализована и возможность обратного взаимодействия с заявителями архива: на сайте открыта интернет-приемная, в которую можно обратиться с вопросом и получить ответ в течение трех дней, оставить свое предложение или написать отзыв. Последние разделы позволяют нам получать объективную оценку нашей деятельности и понимать, в каких направлениях необходимо дальнейшее движение. Многие пожелания наших пользователей касаются дальнейшего повышения открытости архива: необходимо продолжать работу по созданию электронного фонда пользования, различных баз данных, электронного научно-справочного аппарата, повышать скорость и удобство работы информационной системы, развивать формы и делать более оперативной обратную связь.

Однако нельзя не упомянуть и о проблемах, с которыми связано развитие открытого информационного пространства архива.

Во-первых, работа с большими электронными массивами информационных ресурсов, конечно же, требует подготовки персонала, готовности наших специалистов, а также пользователей архивных услуг отойти от привычных традиционных схем и работать в новых условиях. Поэтому необходимо постоянно вести обучение сотрудников, информировать пользователей о новых возможностях, продвигать новые технологии.

Во-вторых, качество поиска напрямую зависит от качества созданных информационных ресурсов, от их полноты. Большая проблема — наличие и уровень подготовки IT-специалистов, которые занимаются обработкой электронных ресурсов, преобразованием их в удобный пользовательский формат, разрабатывают сервисы для получателей услуг.

В-третьих, и эта проблема наиболее сложна, обслуживание информационного пространства является дорогостоящей и трудоемкой задачей. Накопление электронных массивов требует увеличения средств хранения, решения задач по защите информации, повышения квалификации IT-специалистов.

Тем не менее движение ОГАЧО по пути создания открытого информационного пространства будет продолжено, так как открытость мы считаем одной из важных качественных характеристик нынешнего развития учреждения. Следующая же цель на этом пути — достижение того уровня доступности архивных документов и

комфортности получения информации, который полностью обеспечил бы потребности и запросы современного общества.

Примечания

¹ Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти : распоряжение Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70478874/> (дата обращения: 06.06.2021).

² Ковалева Т. М. Открытость как качественная характеристика современного образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-otkrytosti-pri-postroenii-i-primeneni-obrazovatelnyh-tehnologiy/viewer> (дата обращения: 26.05.2021).

³ Цит. по: Соколов В. И. Что мы называем открытым образованием? // Современные научные исследования

и инновации. 2011. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/05/63> (дата обращения: 21.05.2021).

⁴ Концепция развития архивного дела на период до 2020 года (проект). URL: <https://archives.gov.ru/documents/project-concept-razvitiie-archivnogo-dela.shtml> (дата обращения: 09.06.2021).

⁵ Реестр российских архивов, предоставляющих удаленный доступ к оцифрованным архивным материалам. URL: <https://www.facebook.com/notes/исторический/523610771144402/> (дата обращения: 26.05.2021).

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона “Об архивном деле в Российской Федерации”». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=78868> (дата обращения: 26.05.2021).

⁷ <https://www.facebook.com/groups/arhizorro/permalink/1763264800522161>.

Е. А. Макаренко

Автоматизированные информационно-поисковые системы Национального архива Республики Беларусь: состояние и перспективы развития

В условиях научно-технического прогресса и быстрого развития электронной техники во всех сферах информационной деятельности наряду с традиционными методами справочно-информационного обслуживания широко используются автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС), которые позволяют расширить доступ пользователей к документной информации и эффективно использовать архивные документы.

АИПС — это неотъемлемая часть системы научно-справочного аппарата (НСА) архива, которая строится на тех же принципах, что и традиционная НСА архива, но позволяет реализовать более широкие возможности для оперативного и многоаспектного поиска архивных документов. Создание АИПС важно как для работников архивов, так и для пользователей.

В 1990–2000-е гг. в сфере архивного дела и делопроизводства Республики Беларусь начался процесс разработки и внедрения информационных продуктов и технологий, а также создания значительного количества баз данных, дополняющих традиционную НСА архивов.

В 2010 г. в государственных архивах осуществлен ввод в эксплуатацию типовой автоматизированной информационной системы архива (АИС «Архив»), функционирующей на основе локальной сети и включающей в себя персональные компьютеры работников архива (клиенты) и выделенный компьютер (сервер), обеспечивающий управление общими ресурсами сети.

Объектами автоматизации в архиве являются процессы, связанные с комплектованием, учетом, обеспечением сохранности, созданием научно-справочного аппарата (НСА) и использованием документов, принимаемых на хранение.

В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) сетевая версия АИС «Архив» эксплуатируется с 2007 г. и состоит из следующих программных модулей (ПМ): «Комплектование»,

«Личные фонды», «Учет», «Обеспечение сохранности», «НСА», «Использование», «Администратор АИС архива».

Доступ к просмотру базы данных АИС «Архив» организован на всех рабочих местах и для пользователей читального зала, что позволяет оперативно получать информацию об источниках комплектования архива, составе и содержании фондов, наличии описей в электронном виде, выдаче дел из архивохранилищ, а возможность автоматического формирования отчетной документации обеспечивает контроль за выполнением плановых видов работ на текущий момент. Для пользователей читального зала организован доступ к ПМ «Научно-справочный аппарат», что позволяет осуществлять поиск информации с помощью электронных каталогов¹.

Эффективность АИС «Архив» во многом зависит от организации непрерывного функционирования всех ее программных модулей и на сегодняшний день превращается в эффективный инструмент архивиста.

С принятием государственной программы «Архивы Беларуси на 2011–2015 гг.» начинается новый этап в сфере развития автоматизированных архивных технологий — внедрение международных стандартов описания документов (ISAD(G) и др.). В государственных архивах создаются условия для информатизации их деятельности: проводятся локальные вычислительные сети, приобретается специализированное сканирующее оборудование, появляются межархивные АИПС с предоставлением доступа к ним в сети Интернет. Дальнейшее развитие в архивном деле получают веб-технологии.

В настоящее время в сети Интернет представлены две базы данных, относящиеся к республиканским государственным информационным ресурсам — Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь (ГФК)² и Система открытого доступа к документам

Национального архивного фонда Республики Беларусь (СОДД НАФ)³. Данные базы разработаны по заказу Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее — Департамент) при участии Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации (БелНИЦЭД), чем обусловлена общность подходов к реализации их поисковых возможностей.

ГФК — информационный ресурс органов архивного дела и делопроизводства и системы государственных архивных учреждений Республики Беларусь, содержащий обобщенную информацию о составе, содержании и местонахождении документов государственной части НАФ, хранящихся в государственных архивах, музеях и библиотеках⁴.

ГФК зарегистрирован в Государственном регистре информационных ресурсов Республики Беларусь 22 октября 2001 г. (№ 0200100017). Ведение его осуществляется с помощью программного модуля «Фондовый каталог», входящего в состав Сводной автоматизированной информационной системы государственных архивов (АИС «Сводная»), предназначенной для обработки и интеграции статистической и учетной информации, предоставляемой в электронном виде государственными архивами Республики Беларусь. Информационное взаимодействие осуществляется через файлы экспорта-импорта в формате XML, которые ежегодно конвертируются архивными учреждениями из АИС «Архив». Описание фонда включает: номер фонда; местонахождение фонда; сведения о документах фонда (крайние даты и аннотации на документы фонда); данные об объеме фонда в единицах хранения; изменения в наименовании фонда.

Поисковая система, представленная в ГФК, позволяет осуществлять многоаспектный поиск информации в базе данных и представлять пользователю сведения о содержании и месте хранения фондов по архивам, которые включены в систему государственных архивных учреждений Республики Беларусь (кроме учреждения «Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов»). По состоянию на 1 января 2021 г. ГФК включала сведения о составе и содержании 1 169 036 дел, хранящихся в НАРБ.

База данных — система открытого доступа к документам СОДД НАФ — это интернет-портал, на котором представлена многоуровневая система описания архивных объектов (фондов, описей, дел, документов) в соответствии со стандартом ISAD(G). Информационное наполнение СОДД НАФ осуществляется также посредством экспорта информации из АИС «Архив», за которое отвечает «Программное обеспечение формирования архивных пакетов SIP» (ПО SIP-пакетов). С помощью данного программного обеспечения осуществляется навигация по базе данных АИС «Архив» (NewArxiv), отбирается актуальная информация и переписывается в отдельную базу данных WebExport. Эксплуатацию СОДД НАФ

осуществляют Департамент, администратор портала, оператор, системный администратор, провайдер, архивные учреждения.

В Департаменте поставщик посредством ПО SIP-пакетов формирует SIP-пакет справочников из АИС «Сводная» и пересылает его оператору для размещения в СОДД НАФ. Кроме того, Департамент осуществляет методическое сопровождение и готовит информацию на главную страницу сайта. Обязанности администратора портала и оператора в настоящее время выполняет БелНИЦЭД. Администратор портала обеспечивает создание и обновление разделов и веб-страниц, размещение слайдов и баннеров. Оператор организует взаимодействие сторон, обеспечивающих функционирование СОДД НАФ, заключает договоры с провайдером о предоставлении технической площадки, системного программного обеспечения и их работоспособности в режиме 24 часа в сутки, семь дней в неделю, предоставляет архивным учреждениям авторизованный доступ к системе для выполнения функций поставщика и аудитора и техническое сопровождение.

В государственных архивах назначены поставщики и аудиторы. Поставщик посредством ПО SIP-пакетов формирует SIP-пакет с информацией из АИС «Архив» и пересылает в СОДД НАФ. По окончании данной работы формируются квитанции о результатах загрузки SIP-пакетов в СОДД НАФ, которые принимаются и обрабатываются ПО SIP-пакетов. Аудитор осуществляет контроль размещения и содержания архивных описаний в них с помощью функциональной подсистемы ВВОД.

В соответствии с приказом директора Департамента «О начале эксплуатации СОДД НАФ» от 1 августа 2016 г. № 34 государственные архивы Республики Беларусь приступили к работе по ее информационному наполнению⁵. На сегодняшний день СОДД НАФ является высокоэффективной информационной системой поиска вторичной документной информации в государственных архивах. Данная система содержит иерархически организованные данные на четырех уровнях: фонд, опись в целом (как комплекс единиц хранения), единица хранения (дело) и документ. Каждый из этих уровней содержат исчерпывающие перечни соответствующих объектов описания, имеющихся в архиве.

Первый и второй уровни (уровень фонда и уровень описи в целом как комплекса единиц хранения) содержат сведения по истории организаций-фондообразователей, крайних датах и составе документов фондов и описей. В СОДД НАФ их информационное наполнение осуществляется посредством ведения электронных карточек фондов (ЭКФ) и листов фондов в ПМ «Учет» АИС «Архив» и могут быть представлены государственными архивами в полном объеме.

В НАРБ по состоянию на 1 января 2021 г. был учтен и описан 1281 фонд. С целью повышения качества аннотаций в электронных карточках и листах фондов ПМ «Учет» за 2012–2020 гг.

в архиве проведена работа по пересоставлению и редактированию 1130 ЭКФ.

Третий уровень (уровень единицы хранения (дела)) содержит информацию о составе документов в деле и представляет собой совокупность заголовков дел в описи, которые формируются с помощью сервисной функции «Фонды, описи, дела, документы» (ФОДД) ПМ «НСА». За 2013–2020 гг. в СОДД НАФ введено 78 634 заголовка дел (129 фондов (из них пять фондов в полном объеме), 223 описи (из них сорок описей в полном объеме)), что составляет 6,73 % от общего объема дел, хранящихся в архиве. Вместе с тем полученный массив записей описью не является, так как в нем отсутствуют такие обязательные справочные элементы, как титульный лист, оглавление, историко-архивная справка, итоговая запись, указатели, переводные таблицы. В этой связи недостающие элементы описи интегрируются отдельными файлами к соответствующей описи в СОДД НАФ.

В НАРБ по состоянию на 1 января 2021 числились 3572 описи, из них в электронном виде — 2057 (в формате MS Word — 1794; оцифровано — 263), что составляет 57,6 % от общего объема описей дел.

Перевод всех описей в электронный вид является стратегической задачей архивов. В настоящее время используются три способа перевода описей на бумажном носителе в электронный вид: оцифровывание описей без распознавания и получения текстовых файлов; набор содержания описей в текстовом редакторе MS Word или редакторе электронных таблиц MS Excel; ввод содержания описей в СОДД НАФ с помощью ПМ «НСА» АИС «Архив».

Целенаправленное и плановое создание базы данных электронных описей в архиве ведется с 2006 г. До этого времени набор описей в текстовом редакторе MS Word осуществлялся при усовершенствовании и переработке описей фондов и по мере возникновения необходимости в улучшении их физического состояния. Планово к созданию описей в электронном виде архив приступил только в 2012 г. С целью ускорения темпов по созданию базы данных электронных описей в 2019 г. было принято решение о необходимости их сканирования. На сегодняшний день данная работа осуществляется как работниками НАРБ, так и отраслевыми лабораториями.

Для соблюдения идентичности описей на бумажном носителе и в электронном виде все изменения, вносимые в установленном порядке в опись на бумажном носителе, подлежат обязательному вводу в опись в электронном виде, а также в базу данных АИС «Архив». При наличии копии описи в виде текстовых файлов изменения вносятся непосредственно в текстовом редакторе, после чего текстовые файлы заново конвертируются в формат PDF, PDF/A, а их новые версии перезаписываются на машинный носитель. В случае наличия цифровой копии описи отде-

льные листы с изменениями заново сканируются и перезаписываются на машинный носитель.

Правила работы архивов государственных органов и иных организаций Республики Беларусь, утвержденные Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 24 мая 2012 г. № 142, обязывают организации, являющиеся источниками комплектования государственных архивов, при передаче документов на постоянное хранение в архив вместе с описями на бумажном носителе представлять описи в электронном виде⁶. В этой связи с 2013 г. организации — фондообразователи НАРБ одновременно с традиционными описями дел обеспечивают передачу на постоянное хранение описи дел в электронном виде, созданных в текстовом редакторе MS Word или редакторе электронных таблиц MS Excel, с 2019 г. — описей дел, оцифрованных в формате PDF/A. Данный подход позволяет ускорить процесс создания автоматизированного научно-справочного аппарата архива.

Затраты времени на сканирование описей существенно меньше, чем на их ввод в текстовой форме. Вместе с тем перевод описей на бумажном носителе в электронный вид имеет стратегической целью формирование полномасштабной СОДД НАФ, представляющей состав и содержание документального наследия архивов и доступной любому пользователю через Интернет, поэтому архив продолжит одновременно со сканированием описей осуществлять их набор в текстовом редакторе.

В соответствии с «Методическими рекомендациями по созданию и представлению архивных описей в открытом доступе», утвержденными приказом директора Департамента от 9 апреля 2015 г. № 17, во избежание разночтений все экземпляры описей в электронном виде должны представляться пользователям только посредством СОДД НАФ. После их загрузки в эту систему экземпляры, уже размещенные на сайтах архивов, рекомендуется удалить, разместить вместо них ссылку на портал СОДД НАФ⁷. В этой связи основной задачей НАРБ должна стать перестройка работы по созданию описей в электронном виде в пользу наполнения базы данных АИС «Архив» заголовками дел, документов, которые будут конвертированы в базу данных СОДД НАФ и в будущем составят значимый информационный массив для операций поиска. Другие способы перевода описей в электронный вид (оцифровывание, набор в текстовых редакторах и др.) следует рассматривать как вспомогательные или временные меры, предполагая в перспективе ввод всех заголовков в базу данных АИС «Архив».

Таким образом, на сегодняшний день первые три уровня СОДД НАФ содержат исчерпывающие перечни соответствующих объектов описания, имеющихся в архиве. Уровни же документа и его текста будут заполняться по мере создания электронного контента в ходе проведения тематической разработки, подготовки

тематических перечней, документальных публикаций и т. д.

Четвертый уровень (уровень документа) наполняется с помощью выгрузки сведений, содержащихся в электронных каталогах ПМ «НСА» АИС «Архив». В 2012 г. НАРБ приступил к организации работы по применению Единого классификатора документной информации Национального архивного фонда Республики Беларусь (ЕКДИ НАФ) в систематических каталогах, создаваемых с помощью ПМ «НСА» в режиме опытной эксплуатации. В результате объектами индексирования стали каталожные карточки с информацией по темам «Культурно-просветительная работа» и «Народное образование». Плановое внедрение ЕКДИ НАФ в практику работы архива ведется с 2013 г. и носит смешанный характер, так как одновременно осуществляется ввод информации с карточек, созданных до введения в эксплуатацию ПМ «НСА», и проводится тематическая разработка законов БССР, указов и постановлений Верховного Совета БССР (фонд 968), постановлений и распоряжений Совета министров БССР и приложений к ним (фонд 7). В 2019 г. осуществлены вычитка 11 330 электронных карточек именного каталога и сверка соответствия их с бумажными карточками. В результате в НАРБ внедрены и используются два вида электронных каталогов — систематический и именной. Степень наполнения электронных каталогов на 1 января 2021 г. составляла: систематического — 33 667 карточек; именного — 11 901 карточка на 6161 персоналию. Общее количество каталожных карточек — 45 568.

Таким образом, СОДД НАФ на современном этапе включает в себя только основные элементы СНСА — описи, каталоги, путеводители, в то время как НСА к документам архивов значительно шире и может быть представлен вспомогательными справочными картотеками и автоматизированными базами данных. Как правило, это несложные по структуре локальные базы данных, содержащие полезный информационный ресурс. Поэтому на сегодняшний день актуальным является не только информационное наполнение СОДД НАФ, но и ведение локальных баз данных.

На 1 января 2021 г. в НАРБ были разработаны и использовались в научной и справочной работе десять тематических автоматизированных баз данных: «Сведения о необоснованно репрессированных гражданах Белоруссии»; «Конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья»; «Германская неволя»; «Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.»; «Советские военнопленные — офицеры»; «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны»; «Гражданское население, эвакуированное с территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны»; «Гражданское население, проживавшее на временно оккупированной тер-

ритории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны»; фонд 1536 «Белорусский республиканский фонд “Взаимопонимание и примирение”»; информационный интернет-портал «Партизаны Беларуси».

База данных «Конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья» — это электронная картотека, созданная в 1993 г. на основе документов фондов 4п, 1346 и 1450, хранящихся в НАРБ, и предназначенная для поиска сведений о конспиративных квартирах и участниках Минского антифашистского подполья. Объем базы данных — 253 записи.

С целью ускорения поиска сведений о жителях республики, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны Европы в годы Второй мировой войны, на основе документов, хранящихся в НАРБ, в 1995 г. был создан именной указатель — база данных «Германская неволя». Объем ее — 69 201 запись.

База данных «Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.» — электронная картотека, основанная на фондах НАРБ, справочной и другой специальной литературе. База данных создана в 2003 г. и содержит информацию о соединениях и частях бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Объем — 1231 запись.

В 2004 г. Посольством Федеративной Республики Германии в Республике Беларусь передана Комитету по архивам и делопроизводству при Совете министров Республики Беларусь база данных «Советские военнопленные — офицеры» — именной указатель, созданный на основе немецких регистрационных документов отдела по делам военнопленных Главного штаба вермахта и отдела военной администрации начальника тыла Сухопутных сил. С 2005 г. данная база данных находится на хранении в НАРБ и включает 57 692 записи.

База данных «Сведения о необоснованно репрессированных гражданах Белоруссии» — это именной указатель, созданный в 1992 г. и переданный в НАРБ на основании акта приема-передачи от 19 сентября 2007 г. № 3. База данных основана на документах государственных архивов и архивов учреждений КГБ, МВД, содержит данные о лицах, репрессированных на территории Белоруссии в 1920–1950 гг. Ее объем — 180 951 запись.

В 2014 г. на постоянное хранение в НАРБ была передана база данных фонда 1536 «Белорусский республиканский фонд “Взаимопонимание и примирение”» — именной указатель к квалификационным картам, содержащим сведения о лицах, пострадавших от национал-социалистских преследований в годы Второй мировой войны. Объем базы данных — 214 445 записей.

База данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» —

это географический указатель, построенный по алфавитному принципу и основанный на документах НАРБ, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, областных и зональных государственных архивов Беларуси, архивов России⁸. Данная база данных была передана в НАРБ в 2012 г. общественным объединением «Белорусский фонд мира» в рамках исполнения международного проекта «Повышение статуса спасшихся жителей сожженных белорусских деревень». База данных содержит сведения о белорусских деревнях, уничтоженных полностью или частично, с населением и без жителей, и состоит из двух частей — информационной и иллюстрационной. Иллюстрационную часть базы данных составляют цифровые копии архивных документов, фотографии, записи воспоминаний и другие материалы, свидетельствующие о трагедии. Объем базы — 9097 записей.

На сегодняшний день уточняются списки уничтоженных населенных пунктов, выявляются и оцифровываются архивные документы, содержащиеся в архивно-следственных делах на военных преступников, осужденных в послевоенные годы.

В процессе наполнения и актуализации находятся две базы данных — «Гражданское население, эвакуированное с территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» и «Гражданское население, проживавшее на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», созданные в июне 2020 г. в связи с принятием решения о разделении базы «Гражданское население в годы оккупации на территории Белоруссии». Данные базы представляют собой именные указатели, созданные на основе документов из фондов периода Великой Отечественной войны, хранящихся в НАРБ (списки жителей деревень; списки граждан, сдавших средства в Фонд обороны; списки гражданского населения, проживавшего в семейных лагерях партизанских отрядов; списки граждан, эвакуированных из немецких гарнизонов в партизанские зоны; списки учеников и учителей партизанских школ; списки граждан, проживавших на территории действия партизанских отрядов; списки скрытых резервов партизанских отрядов; списки партизанских семей, эвакуированных в советский тыл; списки беженцев, проживавших на территории Белоруссии; списки рабочих и служащих немецких оккупационных учреждений). По состоянию на 8 июня 2021 г. объем базы данных составлял 32 966 записей.

С сентября 2018 г. НАРБ совместно с издательским домом «Беларусь сегодня» участвует в проекте по созданию общедоступной базы данных «Партизаны Беларуси», наполняемой имеющимися в составе фондов НАРБ документами о партизанском и подпольном движении на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, подвигах и наградах партизан и подпольщиков⁹. Работники архива (члены рабочей группы) разработали структуру базы данных; выяв-

ляют и аннотируют документальные материалы, необходимые для оформления и размещения в иллюстративном блоке базы; проводят консультации с операторами базы данных (работниками издательского дома «Беларусь сегодня»); осуществляют сканирование, обработку и передачу цифровых копий архивных документов.

Информационный портал содержит индивидуальную картотеку партизан и подпольщиков, краткую историю партизанского и подпольного движения в Беларуси, биографические сведения о белорусских партизанах — Героях Советского Союза, легендарных комбригах, боях и сражениях, связанных с партизанским движением. Интерактивная карточка партизана включает личные данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения), принадлежность к партизанскому отряду, бригаде, награды, отсканированные документы (личные листки по учету кадров, наградные листы, списки, характеристики) и другие материалы. Объем базы данных составляет 148 698 (по состоянию на 8 июня 2021) карточек партизан. Данные меняются ежедневно, так как база данных находится в процессе накопления и актуализации.

Тематические базы данных НАРБ созданы на основе программного обеспечения MS Access и являются вспомогательными элементами СНСА архива, которые используются только в служебных целях. Интернет-портал «Партизаны Беларуси» и база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» созданы на основе программного обеспечения MySQL и являются общедоступными базами данных, размещенными в сети Интернет.

Таким образом, в перспективе развитие СНСА Беларуси должно происходить по таким направлениям, как рост числа АИПС, размещенных в Интернете, их дальнейшая интеграция в единую информационную межархивную систему, базирующуюся на международных стандартах архивного описания (ISAD (G), ISAAR CPF, ISDIAH, ISDF).

Размещение архивных информационных массивов в сети Интернет должно стать приоритетным направлением архивной деятельности и содержать не только элементы СНСА, обеспечивающие поиск документной информации, но и создание виртуального читального зала архива.

Примечания

¹ Макаренко Е. А. Информационные технологии в практике работы Национального архива Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. 2016. № 3. С. 66–72.

² Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. URL: <http://fk.archives.gov.by>.

³ Система открытого доступа к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь. URL: <http://sodd.by>

⁴ Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь : закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Н11100323>.

⁵ Макаренко Е. А. Система открытого доступа к документной информации Национального архивного фонда Республики Беларусь и возможности ее применения в практике работы Национального архива Республики Беларусь // *Здабыткі : дакументальныя помнікі на Беларусі / НББ ; [складальнікі : Т. А. Сапега, А. А. Суша, К. В. Суша]*. Вып. 22. Мінск, 2019. С. 215–221.

⁶ Правила работы архивов государственных органов и иных организаций (утверждены постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 24 мая 2012 г. № 143, с изменениями, внесенными постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 22 ноября 2019 г. № 214). URL: <https://mshp.gov.by/documents/archives/ca061154a8f053bc.html>.

⁷ Методические рекомендации по созданию и представлению архивных описей в открытом доступе (утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 09.04.2015 № 17). (DOC, 125 Кб). URL: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu>.

⁸ Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. URL: db.narb.by/search.

⁹ Партизаны Беларуси : интернет-портал. URL: <https://partizany.by>.

М. М. Мирзаахмедов

Современные информационно-поисковые системы в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана: достижения и перспективы развития

Одна из основных задач архивов — удовлетворение потребностей общества в информации, повышение качества предоставления услуг населению. Решение данной задачи невозможно без современных информационно-поисковых систем. На сегодняшний день поисковые системы должны обеспечивать быстрый, полный и точный поиск нужной информации. Цифровая эпоха предоставляет возможности для создания электронных систем.

Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана — единственный в стране и крупнейший в Центральной Азии архив аудиовизуальных документов. Здесь хранятся документальные фильмы, звукозаписи и фотографии, отражающие историю страны и народа Узбекистана начиная с XIX в., то есть со времени возникновения фотографии до сегодняшнего дня¹. Хранящиеся в архиве документы представляют аудиовизуальную летопись страны. В них запечатлены политические, экономические, научные и культурные события, развитие образования, явления природы, особенности быта проживавших и проживающих на территории Узбекистана народов. Узбекистан всегда был многонациональной страной, поэтому в архиве хранятся документы, отражающие в определенной степени и часть истории многих народов мира: русского, таджикского, казахского, киргизского, туркменского, татарского, корейского, армянского, греческого, крымско-татарского, украинского, белорусского, немецкого, японского и др. История Узбекистана неразрывно связана с их историей. Особенно в такие периоды, как Вторая мировая война, когда в Узбекистан было эвакуировано более ста заводов и фабрик, госпитали, учреждения науки и культуры, детские дома, когда на узбекской земле обрели свой новый дом около миллиона эвакуированных из прифронтовых районов, в том числе 200 тыс. детей разных национальностей; в такие периоды, как ликвидация последствий разрушительного землетрясения в Ташкенте в апреле 1966 г., когда на помощь Узбекистану приехали тысячи строителей из всех советских республик. Сегодня Республика Узбекистан поддерживает дружеские связи с

большинством стран. Следовательно, в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана хранится историческое и культурное наследие народов мира.

Все документы архива открыты для широкого доступа. Сотрудники архива принимают все необходимые меры для обеспечения сохранности и эффективного использования архивных документов. Сегодня эти задачи невозможно решить без широкого применения информационно-коммуникационных технологий.

Еще в 2009 г. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана получил грантовую помощь Корейского агентства по международному сотрудничеству (КОИСА) в рамках проекта «Информатизация центральных государственных архивов Республики Узбекистан». В рамках проекта было разработано программное обеспечение библиографии и оцифровки хранящихся в центральных государственных архивах Узбекистана документов, оснащение архива сканерами для перевода документов на цифровые носители, компьютерами и оборудованием для кондиционирования воздуха в хранилищах.

Программа библиографического описания обеспечивает внесение информации, содержащейся в документах архива. Библиографическое описание кинодокументов включает, помимо наименования фильма, сведений об авторах, года выпуска, поисковых данных, сюжетный сценарий. Таким образом, создается электронный каталог на уровне сюжета. В настоящее время в каталог включено 7088 описательных статей. Это информация о кадрах кинохроники, документальных фильмах, отражающих историю не только Узбекистана, но и тех стран и тех народов, связи с которыми поддерживались в стране.

Поиск по данному каталогу осуществляется в несколько этапов. Например, пользователя интересуют кинодокументы, отражающие проведение декад литературы и искусства Российской Федерации в Узбекистане. На первом этапе вводится запрос «декады литературы и искусства Российской Федерации в Узбекистане». Программа открывает перечень документов, запечатлев-

ших проведение декад с указанием времени события и авторов фильмов. Выделяя выбранную декаду на втором этапе, мы знакомимся с кратким содержанием фильмов. Предположим, пользователя заинтересовало в содержании одного из кинодокументов по теме выступление на декаде заслуженной артистки РСФСР Людмилы Зыкиной. Выделяя данную строку в поисковой системе, находим архивный номер кинодокумента 1224, год выпуска 1964.

1224	Декада русской литературы и искусства	15021964	Ташкент
------	---------------------------------------	----------	---------

1224	Песня в исполнении Л. Зыкиной	15021964	Ташкент
------	-------------------------------	----------	---------

Если пользователя интересует конкретно выступление Л. Зыкиной на декаде русской литературы и искусства в Узбекистане, искомая информация найдется в один этап.

Библиография фотодокументов включает содержание изображения, сведения об авторе, месте и дате съемки, поисковые данные. Например, на запрос о памятниках А. С. Пушкину в Узбекистане пользователь может получить информацию о том, в каких городах поставлены памятники великому русскому поэту и писателю, кто и когда работал над скульптурой.

0-8284	Скульптор Иванов А. Н. за работой над памятником А. С. Пушкину	01011946	Маргилан
--------	--	----------	----------

Библиография фонодокументов передает информацию о наименовании звукозаписи (если запись документальная, то и содержание), сведения об авторах, исполнителях, дате и месте записи, поисковые данные.

Программа подразумевала и оцифровку кинофотофонодокументов. На сегодняшний день в электронный формат переведено 80 % хранящихся в архиве документов. С помощью современных сканеров сотрудники архива оцифровывают негативы на пленке и стекле различных размеров, позитивы на правах оригинала, фотоальбомы.

Помимо программы для ввода данных была разработана система управления архивными документами — СУАД (RAMS). В рамках проекта разработчиками программы были организованы учебно-практические занятия для системных администраторов, менеджеров и системных операторов по вводу данных о хранящихся документах. СУАД позволяет управлять вводимой информацией. Менеджер группы осуществляет контроль вводимой информации, мониторинг, извлечение и размещение в электронную базу.

Созданная благодаря библиографическому описанию и оцифровке электронная база архива предоставляет возможность оперативного поиска

нужной информации. При поступлении запроса сотрудники отдела использования документов обращаются к электронному каталогу, с помощью которого мгновенно узнают о том, какие документы по данному запросу есть в архиве, характеристику документа, а также имеют возможность просмотреть фотографию, кинофильм, прослушать звукозапись. Та же программа позволяет отобрать нужный документ для изготовления копии по заказу пользователя.

В архиве налажена система информационной безопасности. Согласно ее правилам, отбор документа для копирования осуществляют строго определенные сотрудники. Любой заказ на копирование архивного документа оформляется в виде требования, которое размещается в единой системе контроля исполнительской дисциплины mf.ijro.uz². Данная система разработана в Узбекистане для обеспечения своевременного и эффективного исполнения документов, создания единого информационного пространства для всех подключенных к системе участников, усиления персональной ответственности руководителей министерств, ведомств, органов государственной власти на местах и иных организаций за своевременное и качественное решение задач и выполнение поручений, определенных актами и поручениями Президента Республики Узбекистан; повышения эффективности и результативности деятельности министерств, ведомств, органов государственной власти на местах и иных организаций посредством применения средств информационно-коммуникационных технологий, а также автоматизации внутренних процессов делопроизводства; организации регулярного межведомственного электронного взаимодействия между участниками системы. Перед каждым должностным лицом высвечивается календарь задач³ и все шаги по исполнению документа.

Заполненное требование закладывается в систему на уровне внутреннего делопроизводства, проходит процедуру согласования с соответствующими должностными лицами, рассматривается директором архива, а после подписания отправляется на исполнение. Таким образом, и оформление заказа осуществляется в электронном виде. Достигается открытость и прозрачность документов и действий персонала, что, в свою очередь, является эффективным механизмом защиты от несанкционированного использования архивных документов и коррупционных проявлений.

Явными преимуществами электронных каталогов Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана на сегодняшний день являются:

- а) достоверность предоставляемой информации;
- б) тематическая универсальность;
- в) описание на уровне сюжета;
- г) точность поисковых данных;
- д) возможность поиска в удаленном режиме.

Имеются и недостатки действующих в архиве электронных каталогов:

а) осуществление поиска не по всем параметрам: не учтены специфические особенности аудиовизуальных документов;

б) многократная формулировка запроса.

Оперативность поиска зависит от того, как сформулирован запрос. Сотрудники архива оказывают консультационную поддержку в данном вопросе, однако это занимает некоторое время. Поэтому в настоящее время решается вопрос о создании более удобной, оперативной и эффективной поисковой системы.

Наряду с электронным в архиве продолжает действовать традиционный карточный каталог, позволяющий вести многоаспектный поиск информации. Например, поиск нужного кинодокумента можно вести по следующим параметрам: тематика (тематический каталог), фамилии запечатленных в фильме лиц (именной каталог), хронология, авторы (сценарист, режиссер, оператор). Данный каталог проигрывает только в оперативности. Но поскольку сегодня это актуальный фактор, данный минус, конечно, является существенным. Наша цель — добиться, чтобы электронный каталог обеспечивал все поисковые возможности карточного каталога с добавлением новых возможностей.

Одна из первостепенных задач архива — усовершенствование сайта с целью внедрения электронных каталогов, создание интерфейсов на популярных языках мира с целью обеспечения комфортного и оперативного доступа пользователей к информационным ресурсам архива. Помимо этого архивом оцифровываются описи кинофотофонодокументов, изначально созданные в бумажном формате.

В целях обеспечения поиска информации на уровне внутренних описей в архиве создается электронная база монтажных листов на кинодокументы. При необходимости монтажные листы редактируются. Составляются монтажные листы при их отсутствии.

В ближайших планах архива — создание электронной базы кинодокументов, позволяющей пользователям вести оперативный и удобный поиск видеoinформации. Для этого разрабатывается проект оснащения архива соответствующим оборудованием в специально выделенном помещении. С этой же целью монтажные листы сверяются с содержанием фильмов. Тем самым одновременно корректируются и выяв-

ленные недочеты в действующем электронном каталоге кинодокументов.

Архив также размещает информацию о хранящихся документах на своем официальном сайте⁴ и в социальных сетях⁵ (Facebook⁶), на канале Telegram⁷. Эти современные информационно-поисковые системы обеспечивают интерактивный поиск информации. Ведь можно вести диалог с потребителем, уточняя и сокращая площадь поиска. Данные информационно-поисковые системы востребованы сегодня, так как очень удобны, не требуют посещения архива и временных затрат. Поэтому сайт архива находится в непрерывном процессе усовершенствования.

Для улучшения поиска информации перед архивом сейчас стоят задачи объединения сведений о кинофотофонодокументах, хранящихся в различных учреждениях. Ведь требование времени — создание интегрированных информационно-поисковых систем. Основа для этого уже создана. Национальным архивом кинофотофонодокументов Узбекистана переведены в цифровой формат фотодокументы, хранящиеся в ведущих музеях республики, таких как Государственный музей истории Узбекистана, Дом-музей Тамары Ханум, Бухарский государственный музей-заповедник. В настоящее время идет работа по созданию объединенной базы фотодокументов музеев.

Актуальной является и задача расширения своего присутствия в Интернете. Она решается вкуче с выполнением требований информационной безопасности.

Таким образом, в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана создан ряд современных информационно-поисковых систем, а в перспективе запланированы работы по их усовершенствованию и созданию новых для обеспечения пользователей информацией.

Примечания

¹ Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана : сайт. URL: <http://www.kinofotofono.uz/> (дата обращения: 28.05.2021).

² [http://mf.ijgo.uz/#!\(дата обращения: 28.05.2021\)](http://mf.ijgo.uz/#!(дата обращения: 28.05.2021)).

³ Там же.

⁴ [http://kinofotofono.uz/\(дата обращения: 28.05.2021\)](http://kinofotofono.uz/(дата обращения: 28.05.2021)).

⁵ Там же.

⁶ <https://www.facebook.com/kinofotofono.uz/> (дата обращения: 28.05.2021).

⁷ https://t.me/kinofotofono_uz/ (дата обращения: 28.05.2021).

Е. В. Буданова

Эволюция миссии научно-справочного аппарата российских архивов: от средства бумажного учета к автоматизированному информационно-поисковому ресурсу (на примере ОГАЧО)

Создание и развитие научно-справочного аппарата (НСА) напрямую связано с ролью архивов в разные периоды истории России. К началу XX в. в стране насчитывалось свыше 120 тыс. ведомственных архивов, не имевших единого руководящего органа¹. К этому времени в делопро-

изводстве учреждений уже был установлен предметно-вопросный принцип группировки документов в первичный комплекс — архивное дело, название которого отражало его содержание. К делам составлялись внутренние описи документов с указанием даты поступления на хране-

ние, вида документа, количества листов, страницы дела и особых отметок. Таким образом обеспечивались сохранность документов и их поиск. Для сдачи дел в архив составлялась их опись за год, которая имела три графы, с указанием порядковых номеров дел, их заголовков и количества листов². Однако децентрализация управления архивами и отсутствие единой системы классификации документов зачастую приводили к бесконтрольному их уничтожению. Член Оренбургской ученой архивной комиссии инспектор Миасского высшего начального училища А. Кривошеков в статье «О состоянии архивов в некоторых станичных правлениях Оренбургского казачьего войска» писал, что ценнейшие исторические документы были уничтожены, «проданы пудами, а иногда просто сожжены», разборку и определение ценности документов в большинстве случаев производили малограмотные, невежественные люди³. Т. И. Хорхордина в работе «История Отечества и архивы», беря за основу изменения «самой сути архивов», выделяет с февраля 1917 г. ряд периодов, когда развитие архивов менялось радикальным образом.

В первый период, с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг., научная и творческая интеллигенция активно участвовала в выработке пути развития архивов. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 г., исходящий из идей сосредоточения управления в руках специалистов и предоставления права пользования архивами всем исследователям, был воспринят как «декларация прав науки в архивах».

Второй период, начавшийся со смены руководства архивами в сентябре 1920 г. и длившийся до рубежа 1920–1930-х гг., характеризуется дальнейшей централизацией, политизацией архивов и использованием их в узкопартийных и номенклатурных интересах, старые специалисты сменяются новыми партийными кадрами. Происходит дальнейшая концентрация документов в архивах, но главное внимание обращено на освобождение от ненужных материалов: под предлогом сбора макулатуры уничтожалось много документов, имевших историческое значение. В 1925 г. принято окончательное определение понятия «архивный фонд», началась перегруппировка фондов по новой схеме: все документы делились на дореволюционные (исторические архивы) и послереволюционные (архивы Октябрьской революции), а по содержанию документов — на секции (народного хозяйства, политики и права, армии и флота, культуры и быта), причем приоритет отдавался документам центрального происхождения, то есть фондам организаций и учреждений, действующих в масштабе РСФСР, а не на местах⁴.

В этот период, 1 октября 1921 г., начал действовать Челябинский губернский архив, куда стали поступать документы ликвидированных воинских частей, бывшей городской думы и управы, магистрата и других дореволюционных учреждений. Вследствие отступления белых и

бумажного кризиса 1920–1921 гг. документы находились в беспорядочном состоянии, требовали разбора и составления описей. Первый директор губархива Н. М. Чернавский отмечал, что в июле 1922 г. губархив стал выполнять свою основную функцию — прием и собиране архивов для их хранения и систематизации, а также выдачу разного рода справок из поступивших дел. В архиве началась работа по учету и регистрации всех архивных фондов губернии и посильная научная разработка архивных материалов для изучения истории и экономики края. Созданы отделы исторических фондов и фондов Октябрьской революции. Всего на конец 1925 г. в хранилище поступило 38 архивных фондов емкостью более 66 томов. Затрудняли обработку полученных документов в это время отсутствие помещения, пригодного для хранения, текучесть кадров из-за недостаточного финансирования⁵.

Третий период архивного строительства начинается в 1929 г. и отмечен «макулатурными» кампаниями и массовыми «чистками» среди архивистов. Архивы все больше сосредоточивались на задачах хранения и учета документов и все меньше занимались организацией их использования исследователями. На описи была возложена в первую очередь функция учета, вследствие чего они утрачивали свою содержательную нагрузку. Управляющий областным архивным управлением Т. М. Орешкин в докладной записке облисполкому за 1935 г. отмечает, что архивное строительство в области пришло в совершенный упадок, и это отразилось на сохранности и целостности архивных материалов, которые безнаказанно расхищались и уничтожались, сдавались в утиль и пускались в делопроизводство как писчая бумага⁶.

Четвертый период начался в конце 1930-х гг. с передачи архивов НКВД и характеризовался борьбой ведомств за бесконтрольное владение «собственными архивами», отрицанием со стороны властей исторической ценности местных архивов, документов личного происхождения. Критерии ценности вырабатывались партийными инстанциями и кадровыми сотрудниками НКВД, архивы использовались в ведомственной оперативно-чеккистской работе. В приемо-сдаточном акте передачи архивных органов в ведение Управления НКВД по Челябинской области в феврале 1939 г. указывается: данные о количестве единиц хранения не являются точными, план по приведению архива в порядок (концентрация, разборка, инвентаризация архивных материалов и ревизия фондов) выполнен только на 40 %, работа по переходу на новую систему учета (инвентарные описи и фондовый лист) не завершена, описи составлены небрежно и неточно, группировка единиц хранения и хронологический порядок размещения не выдерживаются, отдельные фондовые описи старые, небрежно составлены, не соответствуют своему назначению и требуют пересоставления. В 1943 г. научные сотрудники приступили к подготовке путеводителя: составлялись рабочие

карточки, аннотации к наиболее ценным фондам. Во время работы над путеводителем была пересистематизирована фондовая картотека, разработана схема ее разгруппировки: фонды были систематизированы по производственному принципу, что позволило усовершенствовать справочную работу⁷.

Пятый период (1945–1961), несмотря на создание путеводителей по центральным архивам и лозунги «демократизации» архивов середины 1950-х гг., характеризуется новым тотальным засекречиванием отдельных фондов, возрождением «макулатурных» кампаний, кадровыми перестановками, низведением архивного работника до уровня технического сотрудника канцелярии, до делопроизводителя. В 1956 г. был издан справочник союзного значения «Государственные архивы СССР», в котором отражены самые общие сведения о содержании документов Челябинского областного архива и его филиалов в Златоусте и Магнитогорске. Однако работы по написанию путеводителей были свернуты: слишком масштабной оказалась опубликованная в путеводителях информация о наличии и составе фондов, а методическое письмо о пересмотре порядка создания архивных справочников от 31 августа 1959 г. рекомендовало сконцентрироваться на совершенствовании научно-справочного аппарата внутриархивного пользования, в первую очередь описей и тематических каталогов. Несмотря на издание в 1957 г. перечня типовых документальных материалов с указанием сроков хранения, для избавления от залежей бумаг, вызванного реорганизацией учреждений в хрущевское время, в описи заносили искаженное название документов, исходя из его оформления, а не содержания⁸.

Шестой период (начало 1960-х — 1980-е) характеризуется активным поиском альтернативных вариантов развития архивного дела, возрождением научно-теоретической мысли, публикацией работ о роли архивов в общественной жизни. К концу 1961 г. в госархиве был создан научно-справочный аппарат, состоящий из тематической картотеки, картонных указателей к некоторым фондам, отраслевых картотек по фондам госархива и филиалов, списков фондов рай- и горархивов. В июне 1962 г. последовало распоряжение архивного отдела Челябинского облисполкома о создании каталога в облгосархиве⁹. Началась разработка систематического и именованного каталогов. В 1965 г. в архиве были ликвидированы пофондовые отделы (отделы дореволюционных фондов, фондов Октябрьской революции, секретных фондов) и созданы отделы по производственному принципу¹⁰. Организован отдел хранения, учета и научно-справочного аппарата, сотрудники которого осуществляли прием, хранение, топографирование, выдачу документов, проводили работу по централизованному учету документов и микрофильмов, составляли сводный паспорт архива, проводили переработку и усовершенствование описей архивных фондов первой и второй

категорий советского периода, а также их попутную каталогизацию. В 1970-е гг. приступили к созданию фотокаталога.

В 1978 г. был издан «Каталог по фондам Государственного архива Челябинской области и его филиалов в Златоусте, Магнитогорске и Троицке». В каталог были включены все фонды госархива и его филиалов на 1 января 1975 г., за исключением малоценных фондов.

Период 1990-х гг. Т. И. Хорхордина определяет как переходный, когда все более явной становится необходимость пересмотра традиционных форм и методов комплектования Государственного архивного фонда, ставятся проблемы создания новой гибкой структуры архивов при участии общественности, расширения доступа исследователей к архивным документам.

Изучение состояния НСА госархива на начало 1990-х гг. показало неудовлетворительное качество основных пофондовых архивных справочников, например описей (рукописный вид, с большим количеством выбывших дел, недостаточная экзemplарность, отсутствие титульных листов и предисловий). Совершенствование НСА решено было начать не с создания его элементов, а с усовершенствования и переработки описей. В процессе этих работ проводилась ликвидация малообъемных фондов путем создания объединенных архивных фондов или присоединения их к фондам вышестоящих организаций либо к коллекциям. 1 ноября 1994 г. в отделе обеспечения сохранности документов и НСА был организован сектор НСА, а также создан отдел информационных систем. К 1997 г. в архиве были созданы систематический и именной каталоги досоветского периода, сформирован каталог научно-технической документации. В 1999 г. образован отдел НСА и информационных технологий (с 2010 г. в составе отдела НСА создан сектор информационных технологий).

В 2001 г. началась работа по подготовке путеводителя по фондам госархива. Том путеводителя по фондам партийных учреждений и организаций издан в 2005 г., другой том — по фондам дореволюционных, советских и постсоветских учреждений — состоит из двух частей, изданных в 2015, 2020 гг. С 2004 г. госархив проводит работу по сканированию описей. В настоящее время все описи архива отсканированы и доступны на справочном ресурсе, размещенном на сервере архива. Вновь поступающие на госхранение описи сразу же сканируются или при наличии электронного варианта преобразуются в формат PDF/A с возможностью поиска. Практически закончены работы по восстановлению полного комплекта описей. Разработаны шаблоны описей на все основные типы документации.

Важнейшим современным направлением развития НСА является создание автоматизированных информационно-поисковых систем. Такие базы данных позволяют не только осуществлять многоаспектный поиск, в том числе по части слова, но и повышают эффективность и оператив-

ность поиска, сокращают временные и трудозатраты. Особенно эффективно создание автоматизированных баз данных по документам с плохим физическим состоянием или рукописным, где часть информации неразборчива или возможны несколько вариантов прочтения.

В госархиве разрабатываются и ведутся как учетные базы данных (по регистрации запросов, учету отсканированных дел, комплектованию, электронный реестр описей), создаваемые для обработки статистических массивов, так и информационно-поисковые, тематика которых связана с тематикой запросов, приоритетными интересами исследователей и зависит от информационных возможностей архива.

В 2003 г. в соответствии с грантом благотворительного фонда «Точка опоры» по картотеке персонального учета трудмобилизованных лагеря треста «Челябметаллургстрой» началось создание базы данных «Трудармейцы треста «Челябметаллургстрой»».

Постоянно пополняются такие базы данных, как «Фотокаталог» (разработчик компания «Архивные информационные технологии», Пермь), которая позволяет отсканировать, описать фотодокумент и при необходимости сформировать из отобранных фотографий подборки для вывода на печать или публикации; «Распорядительные документы органов власти», содержащая заголовки решений Челябинского облисполкома, горисполкома и райисполкомов Челябинска; «Раскулаченные и спецпереселенцы», «Эвакуированные», «Жертвы политических репрессий Челябинской области», «Награды Родины», «Местонахождение документов по личному составу», «Рассекреченные документы ГУ ОГАЧО». Переводятся в электронный вид бумажная картотека по землеотводу, указатели к решениям областного, районных и городских комитетов КПСС.

В 2000-е гг. началось внедрение программного комплекса «Архивный фонд» (ПК АФ). Созданный первоначально только для учета, в настоящее время он используется сотрудниками архива и как информационно-справочная система. В ПК АФ включена информация обо всех фондах и описях госархива, находящихся на открытом хранении, данные о новых поступлениях ежеквартально актуализируются. Программный комплекс пополняется сведениями о переименованиях, историческими справками и заголовками единиц хранения, заполняются вкладки о физическом состоянии дел.

В 2008 г. был заключен договор с фирмой «ЭЛАР» о создании единой информационно-поисковой системы Челябинской области — АИС «Архив». Этот автоматизированный ресурс также содержит информацию о всех фондах и описях, находящихся на открытом хранении, дополнительно дает возможность ознакомиться с прикрепленными сканами описей, заголовки дел по которым не представлены в системе. В конце 2011 г. введен в действие модуль «Виртуальный читальный зал», где исследователи могут заре-

гистрироваться, оформить требование на выдачу и поработать с архивными документами в режиме онлайн. Доступ к АИС «Архив» возможен на сайте госархива.

Официальный сайт ОГАЧО (www.archive74.ru) был создан в 2011 г. и прошел путь от «визитной карточки» до современного комфортного коммуникативно-информационного ресурса¹¹. На сайте представлены все виды архивных справочников: список фондов, путеводители, указатель к метрическим книгам фонда И-226 «Коллекция документов учреждений религиозных культов», тематические перечни, информация о библиотечном и газетном фондах, базы данных, содержащих информацию об эвакуированных, раскулаченных, репрессированных и трудармейцах, а также справочник о местонахождении документов по личному составу.

Автоматизированный информационно-поисковый ресурс госархива активно используется при формировании ответов на социально-правовые и тематические запросы, при подготовке официальных публикаций сотрудниками архива и исследователями, как профессионалами, так и любителями. Информационные базы данных, созданные в Челябинской области при участии ОГАЧО, помогают в работе профессиональных историков. Например, удалось выявить судьбу призванных на фронт в 1941–1942 гг. комсомольцев Карабаша¹², что ранее было бы сделать почти невозможно из-за отсутствия единой базы данных погибших в Великую Отечественную войну. На основе базы данных «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны» удалось выявить социально-демографические, этнические, территориальные характеристики представителей этой социальной общности¹³. Создание баз данных архивных материалов повышает эффективность исследований, сокращает затраты времени и сил. Однако многие фонды послевоенного периода остаются частично засекреченными, что мешает исследовать такие проблемы, как история оборонной промышленности, составлявшей значительную часть экономики региона. Например, для подготовки публикаций по истории ракетостроения в Челябинской области исследователям¹⁴ приходится заказывать большое количество дел для проверки и сопоставления сведений при отсутствии баз данных в этой сфере.

Директор ОГАЧО И. И. Вишев сделал прогноз, что через несколько десятилетий электронные возможности архивов позволят исполнять любые запросы и поиск самой разнообразной исторической информации в автоматическом режиме без полистного просмотра документов, к которому вынуждены прибегать исследователи и сотрудники в настоящее время¹⁵.

Таким образом, пройдя путь от инвентарных описей, как средоточия учетных функций, создания указателей и каталогов, как попытку частично восполнить недостаточную содержательную нагрузку описей, система научно-справочного

аппарата завершила свое становление по типовому составу: сформировались основные виды и типы архивных справочников. В настоящее время происходит развитие системы в направлении повышения качества подготовки традиционных справочников, а также цифровизации и совершенствования НСА как автоматизированного информационно-поискового ресурса.

Примечания

¹ *Цеменкова С. И.* История архивов России с древнейших времен до начала XX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 121.

² *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М., 1993. С. 37, 38.

³ См.: *Жуков Л.* Развитие архивного дела в Челябинской области за годы советской власти // 40 лет советского архивного строительства в Челябинской области. Челябинск, 1958. С. 16.

⁴ *Хорхордина Т. И.* История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 108, 133.

⁵ Архив — хранитель времени: история архивной службы Челябинской области в документах, воспоминаниях, фотографиях / под ред. А. П. Финадеева. Челябинск : Книга, 2004. С. 15, 18, 19, 26.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 39–41, 79.

⁸ *Хорхордина Т. И.* Указ. соч. С. 324.

⁹ ОАГЧО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 171. Л. 5, 23–24.

¹⁰ Там же. Д. 184. Л. 8, 9.

¹¹ *Ардашова С. Р.* Сайт архива как современное средство коммуникации (на примере официального сайта ОГАЧО) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 38.

¹² *Буданов А. В.* Социальный состав и деятельность комсомольской организации Карабаша в 1940–1941 годах // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 225–231.

¹³ *Антипин Н. А.* Эвакуация населения в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны: социально-демографические характеристики вынужденной миграции // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / редкол.: Н. А. Антипин, И. В. Сибиряков. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2021. С. 248–256.

¹⁴ *Буданов А. В.* Основные проблемы становления ракетостроительной отрасли в Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 246–251.

¹⁵ *Вишев И. И.* Объединенный государственный архив Челябинской области в конце XX — начале XXI века // Архив в социуме — социум в архиве: материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 26.

А. С. Рыкова

Научно-справочный аппарат архивов: современное состояние и перспективы развития на примере Государственного архива Свердловской области

В стенах архивных учреждений хранятся большие пласты ретроспективной информации, которая в последние годы становится все более востребованной как среди органов власти, государственных учреждений, организаций и учреждений, так и среди научных работников, студентов, исследователей, занимающихся научной деятельностью, изучением генеалогии, ищущих ответа по социально-правовой теме.

Для обеспечения быстрого и результативного поиска требуемой информации каждый архив должен иметь необходимый комплекс справочно-поисковых средств. Такими средствами являются: описи, краткие справочники по фондам архива, путеводители, каталоги, картотеки, различные тематические перечни. В связи с активным развитием информационного пространства наиболее востребованными становятся тематические базы данных и электронные ресурсы, основное преимущество которых заключается не только в оперативности поиска информации, но, что наиболее важно, в предоставлении пользователям удаленного доступа.

Такой комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых справочно-поисковых средств¹ и составляет основу научно-справочного аппарата архива. Это обязательный инструмент в работе не только сотрудников, но и обычных пользователей архивной информацией, осуществляющих самостоятельный поиск. Чем более разнообразным

будет этот комплекс, тем быстрее исследователь сможет найти нужный ему архивный документ, владеет лишь частичными данными по теме.

Государственный архив Свердловской области хранит исторические документы досоветского, советского и постсоветского периодов. В архиве хранятся документы, датированные временем начиная с 1596 г., а также отдельные документы XVII в. В фондах досоветского периода содержится многообразная информация о промышленности Урала с начала XVIII в., строительстве городов-заводов Екатеринбург, Нижний Тагил, Невьянск, Кушва и др., развитии горнодобывающей и металлургической промышленности. Всесторонне отражена история развития Урала в послереволюционный период (с 1917). Имеются документы о работе на Урале государственных деятелей, представителей науки, искусства: первого президента России Б. Н. Ельцина, академика Карпинского, П. П. Бажова, И. С. Козловского, Т. С. Мальцева, И. Архиповой и др.²

Согласно правилам, система научно-справочного аппарата (НСА) к документам архива включает в себя архивные справочники на бумажном носителе и в электронном виде, которые подразделяются на обязательные и вспомогательные (необязательные):

– обязательные — описи дел, документов, путеводитель или краткий справочник по фондам (для государственного архива);

– вспомогательные (необязательные) — каталоги, указатели, обзоры, служебные картотеки, реестры, базы данных и другие справочники, в том числе поступившие из источников комплектования.

Состав вспомогательных архивных справочников архив определяет самостоятельно.

Современная система НСА ГАСО представляет собой совокупность архивных справочников в традиционном и электронном виде. К традиционным относятся: описи, краткий справочник по фондам, путеводитель по фондам личного происхождения, межархивный путеводитель по фондам личного происхождения. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Опись является базовым архивным справочником, поэтому важно понимать текущее состояние описей фондов ГАСО, полноту комплектности НСА. Проверка описей всех фондов показала, что порядка 40 % описей нуждаются в восстановлении полного комплекта НСА, 35 % — в перепечатке, 25 % — в редактировании заголовков, 10 % описей — в переработке.

Работа по усовершенствованию НСА к описям идет согласно перспективным и годовым планам. Такой редкий вид работы, как переработка описи, была проведена в ГАСО в течение последних двух лет. Переработана опись 3 фонда 6 «Екатеринбургская духовная консистория, г. Екатеринбург Пермской губернии (1738–1918 гг.)». Переработка была обусловлена тем, что опись 3 не отвечала требованиям поиска и учета архивных документов, в ней имелось большое количество литерных дел (442 ед. хр.), была нарушена схема систематизации дел, имелось большое количество неточностей и ошибок в заголовках дел, отсутствовало указание на количество листов в единицах хранения, был нарушен алфавитный принцип размещения понятий в указателе, что затрудняло работу с описью как сотрудников архива, так и пользователей.

В ходе переработки были выполнены следующие виды работ: уточнение схемы систематизации дел, редактирование заголовков дел, уточнение дат документов и крайних дат дел, количества листов в делах. В результате переработки изменилось количество единиц хранения после разделения 36 документов, общее количество дел в описи увеличилось на 121 единиц. К описи составлен научно-справочный аппарат: титульный лист, лист переименований, оглавление, предисловие, список сокращенных слов, переводная таблица шифров, дополнение к исторической справке, указатель.

Указатель к описи построен по алфавиту названий населенных пунктов с указанием уездов и относящихся к этим населенным пунктам церквей. Если тот или иной населенный пункт в заголовках дел проходит под разными наименованиями, за основное принято наименование, являющееся хронологически последним, более ранние наименования указаны в скобках и внесены в указатель в соответствующей алфавитной по-

следовательности со ссылкой на хронологически последнее название. Если в связи со сменой границ уездов принадлежность населенного пункта к уезду менялась, в указатель внесены все названия уездов, к которым относился данный населенный пункт.

Если церковь того или иного населенного пункта внесена в заголовки дел под разными названиями (в соответствии с документами), в указателе за основное принято наиболее часто используемое, остальные варианты, в том числе названия приделов, указаны в скобках.

Годы составления документов, относящихся к населенному пункту, приведены в указателе в порядке возрастания. Ссылки в указателе даются на номер дела и номера листов. В случае если за какой-либо год состав метрических записей был неполным, рядом с номерами листов сделана отметка об имеющихся метрических записях. Сведения о старообрядцах того или иного населенного пункта занесены в указатель отдельной строкой в соответствующем годовом подразделе. В связи с большим объемом указатель к описи 3 составлен отдельным томом.

Переработка описи была оправдана, так как существенно повысилась ее информативность, а в связи с существенным преобразованием указателя к описи отпала необходимость предварительного изучения административно-территориального деления Свердловской области.

Наличие электронных вариантов описи и указателя дает сотрудникам архива и пользователям возможность удаленного поиска данных. В настоящее время пользователям Сети предоставлен доступ к электронным образам описей наиболее востребованных фондов архива: описи фондов, содержащих метрические книги и ревизские сказки, описи фонда «Екатеринбургская духовная консистория». На сайте ГАСО представлен полный перечень фондов, описи которых размещены там в отсканированном виде.

Краткий справочник по фондам ГАСО

Краткий справочник по фондам ГАСО — систематизированный перечень наименований архивных фондов со справочными данными о них. Цель создания справочника — оптимизировать поиск сведений о наличии фонда, представить систематизированные сведения о фондах ГАСО и филиала ГАСО в Каменске-Уральском, помочь пользователям определить направления поиска информации до обращения к документам архива.

В справочнике содержатся сведения о 2435 фондах с 1596 по 2019 гг. Сведения приведены по состоянию на 1 января 2020 г. Справочник по своему виду является кратким, аннотированным, по типу организации информации — структурным, объект описания — архивный фонд. Разделы справочника выделены в соответствии с историко-хронологическим принципом.

Структура краткого справочника: оглавление, предисловие, список сокращений. Разделы справочника выделены в соответствии с историко-

хронологическим принципом: органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления, учреждения, организации, предприятия Российской империи, Временное правительство, Временное областное правительство Урала, Временное Сибирское правительство, советское государство, Российская Федерация. В самостоятельные разделы вынесены фонды личного происхождения и коллекции, фонды аудиовизуальных и электронных документов. Краткий справочник снабжен именованным указателем, указателем учреждений и организаций, списком фондов архива по номерам. Сведения о фондах филиала ГАСО в Каменске-Уральском даны списком.

Краткий справочник является первостепенным справочно-поисковым средством к документам архива. Ежегодно происходит его обновление согласно вновь поступившим фондам, а также тем фондам, в которых произошли изменения.

В настоящее время электронная версия справочника находится в процессе размещения на сайте в формате гипертекстовых страниц, в 2021 г. планируется издание краткого справочника.

*Путеводитель по фондам и коллекциям
личного происхождения ГАСО*

Документы фондов и коллекций личного происхождения в Государственном архиве Свердловской области отражают различные события отечественной истории с 1682 по 2015 г., являются ценными источниками для изучения развития промышленности, науки, культуры не только Урала, но и страны в целом, отражают жизненный путь, деятельность выдающихся людей, внесших весомый вклад в общественно-политическую, хозяйственную и другие сферы жизни общества.

Основу собрания личных фондов ГАСО дореволюционного периода составляют фонды заводладельцев Демидовых, Соломирского, купцов Г. Ф. Казанцева, П. И. Коробкова, семейный фонд помещиков Красноуфимского уезда Голубцовых, писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, уральского историка и статистика Н. К. Чупина, археолога В. Я. Толмачева, краеведа Е. Н. Короткова, инициатора создания Уральского общества любителей естествознания О. Е. Клера и его сыновей — ученого-гидрогеолога М. О. Клера, энтомолога, врача, доктора биологических наук В. О. Клера. В составе документов фондов и коллекций личного происхождения — опубликованные и неопубликованные рукописи произведений, речей, докладов; воспоминания, дневники и записные книжки, книжные издания, ставшие библиографической редкостью; переписка фондообразователей, в том числе с выдающимися деятелями науки и культуры, личные документы, географические карты, коллекции экслибрисов, открыток, фотографии, документы профессиональной деятельности фондообразователей, их родственников, документы других лиц. В составе

ряда фондов помимо документов на бумажном носителе и фотодокументов содержатся аналоговые и цифровые аудиовизуальные документы с записями выступлений советских и зарубежных партийных и государственных деятелей, ученых, деятелей культуры, торжественных мероприятий, документальных и художественных фильмов, музыкальных произведений и др.

В личных фондах часто откладывались документы профессиональной деятельности фондообразователей. Так, фонд нотариуса и краеведа А. Н. Батманова содержит нотариальные документы дореволюционного периода (книги для записи актов о движимом и недвижимом имуществе, купчие крепости, нотариальные акты); фонд журналиста Л. П. Неверова — стенограммы встреч старейших полиграфистов Свердловска с молодыми работниками печати, устав, именной список, справку о личном составе Свердловского областного клуба журналистов; фонд педагога, общественного деятеля Ф. С. Узких — учебный план внешкольных трехмесячных курсов Екатеринбургского отдела народного образования, положение о курсах нотной-музыкальной грамоты Екатеринбургского уездно-городского политпросвета; фонд доктора геолого-минералогических наук К. К. Матвеева — отчеты о радиоактивных исследованиях на Урале и в Забайкалье, уральских золотоносных месторождениях и множество других документов.

Путеводитель раскрывает состав и содержание 63 фондов и 11 коллекций личного происхождения. В ранее изданных справочниках ГАСО описательные статьи к этим фондам не составлялись.

Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения ГАСО является составной частью «Межархивного путеводителя по фондам и коллекциям личного происхождения государственных архивов Свердловской области», в который также вошли путеводители по фондам личного происхождения остальных архивов-сооставителей.

Межархивный путеводитель создан для ознакомления пользователей с составом и содержанием документов личного происхождения, находящихся на хранении в пяти государственных архивах Свердловской области: Государственном архиве Свердловской области, Центре документации общественных организаций Свердловской области, Государственном архиве административных органов Свердловской области, Государственном архиве в Ирбите, Государственном архиве в Красноуфимске³.

Межархивный путеводитель был издан в 2019 г., содержит систематизированные сведения о 164 фондах и 23 коллекциях, прошедших научное описание по состоянию на 1 января 2016 г., на сайте архива представлен в формате PDF. С 1 января 2021 г. путеводитель подлежит ежегодному обновлению в электронном виде. Ответственным исполнителем дополнений является ГАСО.

Создание вспомогательных справочно-поисковых средств ГАСО в большей степени основано на имеющихся в бумажном виде картотеках и каталогах. Картотеки не пополняются, так как работа по их составлению завершена. Доступ к некоторым картотекам пользователей ограничен в связи с содержащейся в них информацией. Например, к картотеке эвакуированных в годы Великой Отечественной войны граждан, картотеке воспитанников детских домов, картотеке граждан, награжденных медалью «Ветеран труда», доступ имеется только у сотрудников архива. В перспективе необходимо осуществить перевод картотек из бумажного в электронный вид с разграничением прав доступа к архивной информации.

На основе картотеки административно-территориального деления Екатеринбургской губернии, Уральской области, Свердловской области был создан «Каталог по административно-территориальному делению», который содержит 5600 записей. Сведения систематизированы по предметному признаку (губернии, области, города, районы, поселки и т. д.), внутри — по алфавиту названий и хронологии. Каталог изначально создавался в электронном виде. За тридцать лет произошли существенные изменения в административно-территориальном делении Свердловской области, поэтому работу с каталогом необходимо продолжить. В 2008 г. Государственный архив Свердловской области на основе информации, содержащейся в каталоге по административно-территориальному делению, выпустил справочник «Изменения в административно-территориальном делении Свердловской области: 1934–1991». Данный справочник дает пользователям необходимые сведения об изменениях внутренних и внешних границ Свердловской области.

Основная часть справочника представляет собой перечень распорядительных документов органов государственной власти и управления, касающихся изменений административных границ различных территорий. Сведения систематизированы по алфавиту названий городов и районов Свердловской области и по хронологии. В книгу включены сведения как о существующих, так и об упраздненных районах Свердловской области, но она не содержит информации об административных единицах, переданных в разное время в другие области⁴. Справочник подготовлен по документам, находящимся в ГАСО, начиная с момента создания Свердловской области в 1934 г. и по 1991 г., когда началась работа над книгой. Справочник имеется не только в читальном зале архива, но и на сайте ГАСО.

Картотека лиц, лишенных избирательных прав (раскулаченных), стала основой для создания интернет-сервиса «Книга памяти раскулаченных Свердловской области»⁵, который содержит информацию о дате, времени, месте и основании раскулачивания жителей округов Уральской области в 1930-е гг., а также о месте хранения этих документов. Информация форми-

руется на основе документов из архивных учреждений Свердловской области с сохранением орфографии фамилий, имен, отчеств, географических наименований, возраста / даты рождения. Восстановленные элементы слов (трудночитаемые, затертые, сокращенные) заключаются в квадратные скобки. Географические наименования структурированы в соответствии со списком населенных пунктов Уральской области. Наименования, относящиеся к другим регионам, занесены без дополнительных уточнений. Ресурс предоставляет различные формы поиска: быстрый (по фамилии, имени и отчеству раскулаченного), атрибутивный (дополняются сведения о возрасте / годе рождения и месте жительства до выселения), через именной и географический указатели. В «Книгу памяти раскулаченных Свердловской области» занесены имена раскулаченных, а также информация о членах их семей. Ресурс содержит также имена граждан, лишенных избирательных прав.

Желание расширить представление о специфике хранящихся в ГАСО документов, вполне возможно, приведет в будущем к созданию баз данных с использованием не только уже имеющихся бумажных картотек, но и ранее не проработанных частей фондов. Например, фонда «Свердловский горисполком», имеющего в своем составе материалы переписи домовладельцев 1932 г. Ведомости этой переписи содержат сведения о названиях улиц, номерах домов, их принадлежности к тому или иному ведомству, семьях, в них проживающих, их возрасте и роде занятий. Эти ведомости являются не только источником для генеалогических исследований, но и ценным пособием по истории индустриализации, так как содержат сведения о реальных строениях завода «Уралмаш», Среднеуральской ГРЭС, втузгородка, района ВИЗ и многих других возводившихся в 1930-е гг. объектов.

Наличие в стенах архива большого объема документов о роде Демидовых позволило создать такой информационный ресурс, как «История рода Демидовых в архивных документах»⁶. Документы о деятельности Демидовых в Европе хранятся в архивах, музеях и библиотеках не только в России, но и за ее пределами. Реализация проекта проходит в соответствии с указом губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева от 27 февраля 2018 г. № 111-УГ «О придании статуса губернаторской программы мероприятиям по выявлению и приобретению архивных документов (копий) по истории рода Демидовых в отечественных и зарубежных собраниях». Деятельности Демидовых посвящено множество научных и научно-популярных трудов, произведений художественной литературы, фильмов. Однако легендарный род продолжает привлекать внимание представителей широкого круга общественности. Данный проект призван представить документы по истории рода Демидовых, хранящиеся в различных городах России и за рубежом.

На протяжении двух столетий Демидовы владели десятками построенных ими металлургических заводов, в число которых входили многие крупнейшие предприятия в Уральском регионе (Невьянский, Нижнетагильский заводы). В дальнейшем династия Демидовых влилась в круг европейской аристократии, некоторые представители династии служили российскими посланниками в Вене, Флоренции, Риме, Париже. Демидовы активно занимались благотворительностью, широко известны учрежденные ими Демидовская премия и Демидовский лицей, а также значительные пожертвования на создание и поддержку школ, больниц и других заведений для призрения нуждающихся. Память о Демидовых хранится во многих городах России и Европы в названиях улиц и площадей, памятников и зданий. Особая важность проекта заключается в том, что он позволит соединить в одном информационном продукте широкое разнообразие документального наследия Демидовых.

Большой массив документов метрических книг, хранящийся в ГАСО, позволил создать базу данных «Метрические книги», которая содержит ссылки на метрические книги о рождении, браке и смерти лиц, относящихся к Екатеринбургской духовной консистории, за 1729–1916 гг. База данных имеет несколько категорий поиска информации: по названию уезда, населенного пункта, а также церкви. В базу внесено 100 % информации — более 50 тыс. записей. Некоторые ссылки устарели, необходима актуализация базы данных.

В 1995 г. в архиве была разработана компьютерная программа «Именной каталог», содержащая сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами. База данных позволяла вести поиск не только по фамилии, но и по национальности, месту службы, должности (званию) персоналии. Каждая электронная карточка имеет следующие поля для заполнения: фамилия, имя, отчество, национальность, крайние даты документов, должность / звание, место службы, а также поисковые данные (номер фонда, описи, дело и лист).

Сегодня база данных пополняется инициативно, ежегодно в нее вносится порядка ста записей. На 1 января 2021 г. в «Именном каталоге» насчитывалось 35 273 записи, он ведется полностью в электронном виде. Поиск данных осуществляется по одному или нескольким значениям: национальность, должность, место службы, имя. Доступ к базе данных есть только у сотрудников архива.

Часть каталогов изначально была создана в электронном виде:

- фонокаталог (1300 записей), который содержит звукозаписи, информацию о языке, дате записи, времени звучания, о типе и формате носителя, поисковые данные;
- фотокаталог, составляемый на основе отраслевого и именованного принципов. Содержит информацию о фамилии, имени, отчестве объекта съем-

ки, должности, времени, месте, авторе съемки, виде документа, поисковых данных. В 2015 г. в ГАСО на основе традиционного фотокаталога был создан электронный фотокаталог. Он ведется в форме электронной таблицы (Microsoft Excel). Информация вводится по следующим полям: номер фонда, название фонда, номер описи, номер единицы хранения, номер единицы учета, литера, заголовок единицы хранения, изображение (прикрепляется фотодокумент в сжатом формате), автор съемки, время события, место съемки, носитель и примечание. Общее количество записей в электронном каталоге на 1 января 2021 г. — 8507. Преимуществом электронного фотокаталога является упрощенный поиск, который позволяет сократить временные затраты;

- видеокаталог (728 записей), который содержит видеосюжеты, данные об авторе съемки, языке, дате записи, хронометраже, типе и формате записи, месте съемки, фамилии, имени, отчестве персоналий, поисковые данные.

Каталоги в электронном виде имеют статус баз данных, доступ к которым имеют только сотрудники архива. Перспективным направлением развития НСА можно определить обеспечение доступа к электронным каталогам архива через сайт.

От архивистов, работающих над созданием информационных ресурсов, как и при работе с традиционным НСА архива, по-прежнему требуется высокая квалификация — умение систематизировать документы в описи в соответствии с правильно выбранной схемой, осуществлять правильный подбор необходимых указателей, знание фондов архива, обладание историческими знаниями, навыками внимательной работы с документами⁷.

Создаваемые в настоящее время в ГАСО электронные справочники выполняют те же функции традиционной системы, что и традиционные, они предназначены для ускоренного поиска архивной информации, важного как в работе сотрудников архива, так и для пользователей архивной информацией. При разработке перспектив развития автоматизированных справочно-поисковых средств следует и дальше руководствоваться принципами оптимизации, преемственности, взаимодополняемости архивных справочников.

Следует отметить, что информатизация не отнимает и не подменяет ни одного из существующих направлений работы архива, она видоизменяет некоторые из них (в частности, их информационное и документационное обеспечение), существенным образом затрагивает формы создания и использования НСА, работы по научному описанию документов. В такой системе традиционный справочник на бумажном носителе является одномоментной проекцией части электронной системы. Традиционные справочники могут быть и впредь востребованы, исходя из привычек, индивидуальных предпочтений и особенностей восприятия информации пользователями. Тем не менее акцент постепенно смещается в

сторону информационных ресурсов как современных справочно-поисковых средств, обеспечивающих оперативный доступ к архивной информации.

Примечания

¹ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. М., 2020. 88 с.

² Государственный архив Свердловской области. URL: <https://gaso-ural.ru/info/istoriya>.

³ Межархивный путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения государственных архивов Свердловской области. Екатеринбург, 2019. 605 с.

⁴ Изменения в административно-территориальном делении Свердловской области: 1934–1991 // Государственный архив Свердловской области. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2008. 320 с.

⁵ Книга Памяти раскулаченных крестьян Свердловской области. URL: <http://раскулаченные.рф>.

⁶ История рода Демидовых в архивных документах. URL: <http://демидовы.рус>.

⁷ Чупин К. П. Автоматизированные справочно-поисковые средства к архивным документам: проблемы и перспективы использования : докл. на круглом столе молодых специалистов (Екатеринбург, 2019).

А. О. Алиев

Основные аспекты и предпосылки необходимости организации электронной каталогизации архивных документов Национального архивного фонда Узбекистана

Документы Национального архивного фонда (НАФ) Узбекистана независимо от места хранения, вида носителя, техники и способа закрепления информации подлежат обязательному государственному учету. Порядок государственного учета этих документов был определен Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан от 5 апреля 2012 г. № 101, разработанного на основе закона «Об архивном деле». Для усовершенствования системы учета документов НАФ были разработаны правовые основы ведения Государственного каталога НАФ, который содержит основные сведения об объеме и составе архивных фондов организаций, предприятий и учреждений, архивные документы которых включены в состав НАФ Республики Узбекистан.

Реформирование нормативно-правовой базы архивного дела республики содействовало активизации процесса повышения статуса государственных архивов, закреплению за архивным управлением республики полномочия государственного органа, ответственного за проведение единой государственной политики в области архивного дела и делопроизводства, что позволяет усилить его административную функцию и способствует снижению ведомственной разобщенности архивного дела.

Современную законодательную базу архивной отрасли Узбекистана, регулиющую вопросы комплектования и учета документов НАФ Узбекистана по тематическому признаку, условно можно разделить на три группы: 1) акты фундаментального характера, то есть те, которые регулируют весь комплекс вопросов, относящихся к формированию, комплектованию, учету, обеспечению сохранности и использованию документов НАФ; 2) подзаконные акты по конкретным вопросам ведения Государственного каталога НАФ, включения и исключения из состава НАФ, а также учета архивных документов; 3) нормативно-правовые акты о предоставлении информации архивами и ведомственными архивами в Государственный каталог НАФ Республики Узбекистан.

Документы НАФ независимо от места хранения, вида носителя, техники и способа закрепления информации подлежат обязательному государственному учету. Видовое разнообразие порождает ряд проблем, в частности в области учета и описания конкретных видов объектов культурного наследия (архивных документов, музейных предметов, книжных памятников).

Но многие ли из названных учреждений, владеющие подобными архивными документами, реализуют на практике «правильные» учет и описание? Многие ли музеи или библиотеки следуют этому правилу, осуществляя, по сути, двойной (по музейным, библиотечным и архивным правилам) учет хранящихся у них архивных документов (фондирование, составление описей, ведение и развитие научно-справочного аппарата, использование единого классификатора документной информации и т. п.)? К сожалению, как показывает наша практика, — нет.

Игнорирование инструкций и правил, с одной стороны, является нарушением единой государственной политики в области учета культурных ценностей. В результате исследователи не могут получить качественную информацию о содержании фондов различных организаций и полноценный доступ к историческим источникам и артефактам. Ситуация усугубляется тем, что системы учета и описания фондов в музейной и архивной практике и сформированная на их основе учетная документация выполняют также справочно-информационную функцию и являются единственным инструментом предоставления исследователям информации о предметах (документах), включенных в собрания. То есть, в отличие от библиотек, где функции учета библиотечного фонда и справочно-информационных каталогов разделены и реализованы в разных видах документов (инвентарные книги и карточные каталоги), в музеях и архивах обе функции

выполняют одни и те же документы (инвентарные книги в музеях и описи в архивах).

Под классификацией документов архивного фонда Узбекистана в музеях и библиотеках понимается их группировка:

- по историческим эпохам (досоветский, советский и постсоветский периоды);
- способу и технике закрепления информации (письменные, графические, кино-, фото-, фото- и электронные документы);
- архивным фондам, архивным коллекциям, архивным собраниям, а внутри них — по единицам хранения (делам) и / или единицам учета.

В целом принятые нормативные документы направлены на дальнейшее укрепление правовой базы функционирования архивных учреждений республики, обеспечение своевременного пополнения, учета и хранения архивных документов, а также для урегулирования вопросов доступа и использования архивных источников.

Государственный каталог НАФ Республики Узбекистан (далее — Государственный каталог) является централизованным государственным учетом архивных фондов, архивных документов, включенных в состав НАФ и находящихся на ответственном хранении в государственных и негосударственных архивах, а также в ведомственных архивах.

Государственный каталог ведется:

- для систематического и централизованного учета, контроля состава и объема архивных фондов, архивные документы которых включены в состав НАФ, их пополнения, движения и передачи на постоянное хранение в архивы;
- систематического формирования единой базы данных по составу и объему архивных фондов, архивные документы которых включены в состав НАФ, по их изменению, а также местам их хранения.

Ведение Государственного каталога возлагается на Агентство «Узархив» при Кабинете министров Республики Узбекистан.

Включение архивных фондов, архивные документы которых включены в состав НАФ, в Государственный каталог осуществляется на основании ежегодно представляемых в Узархив сведений о составе, объеме соответствующих архивных фондов и об их изменениях по установленной форме.

Сведения в Узархив представляют:

- национальные государственные архивы Республики Узбекистан;
- территориальные управления по архивному делу Агентства «Узархив»;
- министерства и ведомства, отраслевые государственные фонды и организации, осуществляющие постоянное хранение документов НАФ.

Сведения представляются в Узархив ежегодно не позднее 15 января по состоянию на 1 января календарного года.

Территориальные управления по архивному делу представляют в Узархив сводные сведения по архивным фондам, архивные документы ко-

торых включены в состав НАФ, хранящиеся в архивах и ведомственных архивах в соответствующем регионе.

Архивы ежегодно не позднее 5 января должны представлять соответствующему территориальному управлению по архивному делу, по состоянию на 1 января календарного года, сведения по их архивным фондам, а также по архивным фондам ведомственных архивов, являющихся источниками комплектования данного архива, осуществляющих временное хранение документов, включенных в состав НАФ, по форме.

На 2021 г. в системе Агентства «Узархив» еще не существовало электронного государственного каталога, и это на сегодняшний день одна из основных проблем данной системы. На заре компьютеризации процессов архивного дела и делопроизводства в Узбекистане такого вопроса вообще не могло возникнуть. Любой уважающий себя архив, установив у себя хотя бы один компьютер, должен был приступить к формированию электронного каталога, отражая в нем информацию о своих архивных фондах. И это было бы правильно, так как эту информацию взять еще где-то было просто негде. А если в каком-то архиве такая информация и была, то существовавшие информационные технологии просто не позволяли добраться до нее и эффективно использовать.

Давайте разберём ситуацию на примере электронных каталогов библиотек, где подобные ресурсы существуют уже не первый год.

Понятие «Электронный каталог» прочно вошло в практику работы библиотек. Электронный каталог является составной частью справочно-библиографического аппарата библиотеки наряду с традиционными каталогами. От его организации в значительной степени зависит качество обслуживания пользователей при выполнении различных видов запросов. Как показывает практика, эту работу вели крупнейшие библиотеки мира, объединившие затем свои электронные каталоги для совместного использования на платной или бесплатной основе.

Рассматривая вопросы организации электронных каталогов, нельзя не остановиться на самом понятии «электронный каталог» и терминологии, связанной с ним. Терминология, применяемая в области организации электронных каталогов, еще недостаточно разработана. Это нередко вызывает сложности при разработке положений и инструкций. Попытка разработать примерное положение об электронном каталоге, на наш взгляд, пока не увенчалась успехом. То, что сегодня имеется в наличии, мало похоже на положение об электронном каталоге. Подробнее на положении останавливаться не будем, хотя считаем, что все организационные моменты электронного каталога должны быть отражены в нем.

Состоит электронный каталог (ЭК) из машиночитаемых библиографических записей на различные виды документов, находящихся в фонде одной библиотеки или в фондах нескольких

(многих) библиотек. Представляет он собой совокупность электронных каталогов на отдельные виды документов (ЭК книжных изданий, ЭК нотных изданий, ЭК картографических изданий, ЭК периодических изданий, ЭК видеодокументов, ЭК фонодокументов, ЭК электронных ресурсов и т. п.).

И вообще, в чем разница между электронным каталогом и базой данных? Ведь, по большому счету, электронный каталог — это тоже библиографическая база данных.

Теперь рассмотрим, что входит в понятие «организация электронного каталога». Можно назвать следующие процессы:

- организация массива машиночитаемых библиографических записей;
- создание эффективной поисковой системы;
- формирование выходных форм по результатам поиска (библиографических списков, указателей, требований);
- отладка связи между поиском и выдачей документов;
- оформление и реклама электронного каталога.

Остановимся подробнее на организации массива машиночитаемых библиографических записей в электронном каталоге. В его состав входят библиографические записи, созданные в процессе каталогизации и предметизации и полученные из других учреждений на бесплатной или платной основе.

Исходя из теоретических предпосылок, изложенных выше, мы хотели бы теперь остановиться на том, что будет представлять собой электронный Государственный каталог Агентства «Узархив».

Единый массив записей будет использоваться потому, что он будет удобен при выполнении запросов. Искать в одном месте всегда удобно. В результатах поиска показываются библиографические записи на архивные и другие виды документов, газетных подшивок. Хранить и редактировать библиографические записи удобнее в небольших по объему базах.

Электронный государственный каталог Агентства «Узархив» должен дать возможность создавать неограниченное количество баз для библиографических записей. Создать возможность при выводе пользователем объединять их друг с другом в любом порядке. Базы для внут-

ренней работы и электронный каталог должны быть расположены на разных серверах. Работа пользователей с электронным каталогом совсем не должна мешать внутренней работе агентства или архива.

Все библиографические записи, поступающие из национальных архивов Республики Узбекистан, территориальных управлений по архивному делу Агентства «Узархив», министерств и ведомств, отраслевых государственных фондов и организаций, осуществляющих постоянное хранение документов НАФ, должны загружаться в электронный каталог.

В государственном электронном каталоге должны выполняться следующие функции и присутствовать некоторые сервисы:

- 1) обычный поиск (по умолчанию включающий в себя все параметры видов поиска) и расширенный поиск (который можно будет использовать комплексно, фильтровать по различным видам);
- 2) регистрация в Государственном электронном каталоге (должны иметься два вида регистрации — удаленно и на месте);
- 3) правила, в соответствии с которыми пользователи получают определенный вид доступа;
- 4) корзина (дает возможность сортировать найденные архивные документы для последующей работы с ними);
- 5) онлайн-очередь (должна давать возможность подать заявку на конкретный архивный документ для ознакомления с ним. Пользователю дается номер очереди в персональном кабинете, и впоследствии он может отследить, на какой стадии находится его обращение).

Таким образом, внедрение в архивную практику Государственного электронного каталога дает возможность:

- вести электронный систематический и централизованный учет, контроль над составом и объемом архивных фондов, архивные документы которых включены в состав НАФ, их пополнением, движением и передачей на постоянное хранение в архивы;
- обеспечивает электронное систематическое формирование единой базы данных по составу и объему архивных фондов, архивные документы которых включены в состав НАФ, по их изменению, а также местам хранения;
- дает дополнительные возможности и предоставляет удобства пользователям архивов.

О. А. Тальнишних

Историческая память: механизмы формирования на примере комплектования и использования документов личного происхождения в Государственном архиве Югры

Историческая память — это сохранение героического наследия, культуры, передача из поколения в поколение жизненного опыта, событий прошлого, соединение поколений: предшественников, современников и преемников. В со-

временном мире в условиях постоянного научно-технического прогресса мы забываем о прошлом, утрачиваем традиции предков, теряем с ними духовную и историческую связь. Историческая память должна способствовать объединению народа

в борьбе за лучшее будущее своей страны, исключить повторение ошибок прошлых поколений.

Пополнение архивных фондов документами личного происхождения — одно из главных и приоритетных направлений деятельности Государственного архива Югры. С целью комплектования фондов архива проводятся ежегодные, ставшие уже традиционными интерактивные гражданско-патриотические акции, творческие конкурсы, приуроченные к важным историческим событиям, юбилейным, памятным датам в истории страны и округа, в судьбах известных людей Югорского края.

В канун 75-летия Великой Победы была объявлена гражданско-патриотическая акция дарения «Нам есть чем гордиться. По страницам семейных архивов». Именно архивы владеют огромным национальным достоянием. Это архивные материалы, исторические источники, документы, которые отражают объективность событий, детально могут донести через десятилетия правду о нашей победе и ее огромной цене. Нельзя забывать уроки истории, наоборот, необходимо рассказывать о них подрастающим поколениям, чтобы те помнили, какой ценой далась Победа.

Главная цель акции — комплектование фондов Государственного архива Югры бесценными свидетельствами истории: документами, фотографиями, воспоминаниями, личными предметами участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, а также тех, чей жизненный путь связан с историей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в военные и послевоенные годы.

Параллельно с гражданско-патриотической акцией дарения проводились конкурсы исследовательских работ «Дедушкина медаль» и окружной конкурс-выставка электронных презентаций «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи». На электронную почту Государственного архива Югры поступили исследовательские работы югорчан, сочинения, презентации, воспоминания. Важно отметить, что в исследовательских, поисковых работах для сбора информации использовались сайты «Мемориал», «Подвиг народа». Интерактивные акции и конкурсы привлекли детей — внуков ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, а также учащиеся, учителей, студентов, родителей в совместной поисковой, творческой работе, способствовали сохранению и развитию семейных традиций, пополнению электронного архива документами по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

На государственное хранение поступило 248 документов личного происхождения от участников Великой Отечественной войны Гаврила Михайловича Бронникова (31 документ), Петра Макаровича Нарыгина (9), Тихона Ефимовича Мотышева (46), Михаила Михеевича Худякова (104), Виктора Яковлевича Башмакова (58). Приняты и описаны фотоматериалы участников Ве-

ликой Отечественной войны в количестве 157 ед. хр. Поступили также орден и семь медалей Михаила Михеевича Худякова; самодельная металлическая коробочка Кузьмы Павловича Шишкина, работавшего во время войны на секретном авиационном заводе в Омске.

С учетом исключительной важности для граждан, общества и государства документы периода Великой Отечественной войны будут опубликованы на информационно-справочном портале по истории Великой Отечественной войны «Победа одна на всех». Это масштабный проект, где предполагается сосредоточить все основные архивные документы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Весь материал, документы об участии югорчан в Великой Отечественной войне, поступившие на государственное хранение и хранящиеся в фондах Государственного архива Югры, будут переведены в электронный формат и выставлены в сети Интернет.

К 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры проводилась интерактивная акция дарения «Сохраним историю вместе» с целью сохранения историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, углубления знаний по истории родного края, популяризации семейных ценностей и преемственности традиций.

Главная цель акции — выявление новой информации, новых ценных материалов по истории развития региона, сохранение архивных документов разных периодов развития автономного округа, приобщение жителей, особенно молодежи Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, к изучению региональной истории через краеведческие, издательские работы, исторические источники, документальные материалы, рассказывающие о строительстве важных промышленных, инфраструктурных объектов Севера и участниках освоения газонефтяной отрасли Югорского края.

Инициативным комплектованием поступили фотопозитивы (106 ед. хр.) за 1932–2019 гг., показывающие ученых, исследователей, представителей национальной интеллигенции; фотоснимки промысловых занятий обско-угорских народов: рыбаков, охотников, оленеводов; фотографии ветеранов труда, передовиков производства, работающих в различных сферах, отраслях промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

На государственное хранение приняты фотографии владельцев семейных фотоархивов; организаций автономного округа; представителей трудовых династий, иллюстрирующие специфику труда, быта людей, проживающих на территории Югры и охватывающие разные временные периоды существования округа; фотографии эпохальных, значимых событий в истории региона, отражающие общественную и культурную жизнь жителей ХМАО — Югры; виды населенных пунктов, домов, зданий.

Государственный архив Югры пополнился следующими предметами: памятной медалью, памятным знаком героя энциклопедии «Лучшие люди России»; памятными знаками, наградами к юбилею Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; медалями и удостоверениями «В ознаменование 140-летия со дня рождения В. И. Ленина», «В ознаменование 130-летия со дня рождения И. В. Сталина».

В рамках акции Государственному архиву Югры переданы в дар документы личного происхождения, фотоматериалы и авторские картины югорского художника Иванова Николая Дмитриевича.

В ходе гражданско-патриотических акций учащиеся и жители автономного округа познакомились с направлениями деятельности Государственного архива Югры, имели возможность увидеть интересные архивные документы, исторические материалы. Такое общение происходит с помощью официального сайта учреждения www.gahmao.ru. Взаимодействие в работе с детьми и молодежью расширяет возможности Государственного архива Югры по вопросам гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Одна из форм работы по сбору и комплектованию Государственного архива Югры документами личного происхождения — проведение окружных родословных чтений «Память будущих поколений». Это просветительский проект по популяризации исследовательского, краеведческого, художественного, культурного и литературного наследия Югры. Первые такие родословные чтения в Государственном архиве Югры состоялись в 2016 г. и стали проводиться регулярно один раз в два года (2018, 2020). Данная форма работы позволяет вести открытый диалог с общественностью Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, интересующейся историей округа, в краеведческую работу вовлекаются дети и молодежь.

Все родословные материалы, исторические документы оставят живую память будущим поколениям, войдут в новую коллекцию документов исследовательских работ по региональной истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. С целью сохранения документального наследия создана и пополняется коллекция документов архивных работников Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, коллекция документов ветеранов архивной отрасли, которые оставили яркий след в развитии архивного дела Югры, что очень важно для формирования собственной летописной истории для преемственности лучших практик, лучших достижений в передаче опыта и знаний от поколения к поколению.

Государственный архив Югры выполняет распоряжение Правительства автономного округа от 6 февраля 2015 г. № 34-рп по сбору, приему и описанию документов, фотоматериалов, личных архивов исследователей, ученых, заслужен-

ных деятелей науки, культуры, образования обско-угорских народов, что так же является формой сбора документов личного происхождения. С целью повышения интереса к региональной истории, истории своей семьи, поиска, сбора информации о подвигах югорчан Государственный архив Югры развивает волонтерское движение с привлечением жителей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, граждан всех возрастов в добровольческую деятельность по различным проектным направлениям: «Подвиги югорчан. Прошлое и настоящее», «Югра в лицах», «Гордость Югры».

В Государственном архиве Югры для обеспечения равного доступа всего населения округа к архивным документам используются рубрики официального сайта учреждения «Архивы школы», «Календарь памятных дат».

Цель Государственного архива Югры — не только принять на государственное хранение интересные, ценные документы, но и активно вводить их в научный оборот, популяризировать, пропагандировать, использовать документы личного происхождения. С этой целью проводятся различные информационные мероприятия: презентации личных фондов на официальном сайте архива, публикации документов личного происхождения в средствах массовой информации, творческие встречи, конференции, лекции, уроки памяти и мужества, экскурсии, дни открытых дверей, выставки, оформление выставочных стендов на информационных площадках Государственного архива Югры и др. Именно возможность публичного использования материалов — главный фактор для фондообразователя при передаче своих личных документов в архив. Работа с держателями личных фондов, проводимая в Государственном архиве Югры, разнообразна и многопланова.

Методы работы по сбору документов личного происхождения: установление личных контактов с гражданином, проведение переговоров о преимуществах передачи документов на государственное хранение (составление списка фондообразователей, изучение биографии, трудовой, общественной деятельности); проведение бесед, личных встреч, собеседований, разъяснительная работа о важности сохранения документов (без встреч и собеседований невозможно собрать документы); запись на бумажный, электронный носитель устных воспоминаний, фактов, событий участников и свидетелей знаменательных мероприятий в истории страны, округа, города.

В Государственном архиве Югры ведется большая подготовительная, поисковая, пропагандистская, разъяснительная работа по выявлению лиц, которые могли бы сдать документы в архив на государственное хранение, создать личный фонд. Критерии отбора документов личного происхождения для приема на хранение в Государственном архиве Югры: значение и значимость фондообразователя, вклад гражданина в различные сферы деятельности; авторство

документов, подлинность материалов, ценность личных архивов; роль и участие фондодержателя как участника, очевидца в важных событиях жизни общества. Контакты с владельцами личных фондов должны быть постоянными. Это еще одно большое направление работы. Чтобы заинтересовать фондодержателя, к различным праздникам в адрес фондообразователей направляются благодарственные письма, публикуются поздравления на официальном сайте, рассылаются приглашения на различные мероприятия, вручаются сертификаты о принятии документов на государственное хранение.

В работе много сложностей психологического характера, так как взаимодействовать приходится

с яркими, колоритными, неординарными, масштабными людьми. Все документальные источники, независимо от происхождения, являются уникальными историческими источниками, которые через судьбу отдельного человека раскрывают судьбу общества, историю округа и страны в целом.

Архивы всегда есть и остаются хранителями народной памяти, документальной базой исторической науки, наследия Югры и России. Историю невозможно переписать, так как она хранится в архивах, научно подтверждена и записана. Архивы служат защите законных прав и интересов граждан, являются символами государственности наряду с гимном, гербом и флагом.

Т. Г. Маслыкова

Система непрерывного повышения квалификации архивистов. Комплекс обучающих программ в ОГАЧО

Архив — уникальное изобретение человечества. Бесконечный источник познания истории и современности. Средоточие материальных и интеллектуальных ценностей. Роль архивов в жизни общества трудно переоценить. Утихают политические страсти, стираются из памяти даты и имена. И только архивы хранят документы, связанные с каждой, даже самой незначительной страницей нашей истории. Для архивистов главная задача — сохранить документы в первоначальном виде. У многих наших соотечественников есть стойкое убеждение, что в архиве должна быть любая информация, должен быть ответ на любой жизненный вопрос. И зачастую как в последнюю инстанцию люди приходят в архив в надежде получить ответы на свои вопросы.

Работая с документами, не перестаешь удивляться информационному богатству. И чтобы это богатство не лежало мертвым грузом, надо научиться управлять информационными ресурсами и при этом сохранить их. Для этого нужны специалисты, обладающие определенными знаниями и навыками. А это достигается только путем обучения и создания системы профессиональной подготовки специалистов.

Подготовка кадров стала еще одним направлением в работе ОГАЧО. Архив получил лицензию на проведение образовательной деятельности. Архивистам пришлось освоить новую профессию — стать преподавателями курсов.

Современные условия предъявляют новые требования в области работы с информацией, и архивист должен обладать множеством компетенций. Формирование этих компетенций требует создания особой системы профессиональной подготовки. Для приобретения необходимых знаний и навыков создан комплекс обучающих программ повышения квалификации руководителей и специалистов государственных и муниципальных архивов, делопроизводственных служб и ведомственных архивов. В результате появилась реальная возможность предоставле-

ния образовательных услуг различным категориям специалистов с учетом их профессиональных запросов и потребностей. Создана гибкая система обучения, в зависимости от уровня подготовки и специфики практической деятельности слушателей программы содержание и объем дидактических единиц по каждому учебному модулю может варьироваться. Слушательская аудитория — это специалисты, имеющие среднее специальное и высшее образование. Кроме того, каждый новый сотрудник ОГАЧО проходит обучение на курсах.

Обучение может проводиться в очной форме (с отрывом от производства) и дистанционно. Каждая программа состоит из нескольких модулей. Общий модуль для всех программ направлен на освоение законодательных и нормативно-методических документов в области архивного дела, реставрации.

Кратко расскажу о содержании каждой программы.

1. «Реставрация архивных документов». Срок обучения два дня. Общий объем учебной нагрузки — 20 академических часов. Слушатели получают информацию о современных методах работы в области реставрации архивных документов. Программа направлена на освоение технологий основных реставрационных процессов и операций, биоцидной обработки документов; на совершенствование профессиональных навыков по проведению основных технологических этапов реставрации документов; на повышение навыков оформления основных документов по фиксации процесса реставрации. Рассматриваются вопросы обеспечения сохранности документов; организационные и экономические аспекты реставрации (массовой и уникальной); материалы и оборудование для реставрации и консервации архивных документов; защита документов при реставрации; технология основных реставрационных процессов и операций; специфические реставрационные процессы и операции с документами.

Все тематические модули дополнены практическими занятиями для приобретения практических навыков выполнения реставрационных работ.

2. «Архив организации: правовые основы деятельности, организация хранения документов». Срок обучения два дня, 24 академических часа. Программа направлена на развитие следующих компетенций: совершенствование профессиональных навыков по экспертизе ценности документов, подготовке их к архивному хранению; повышение навыков комплектования, обеспечения сохранности, использования, учета архивных документов.

3. «Архивное дело в организации». Самый продолжительный курс обучения — десять дней, 72 академических часа. Содержание курса: комплектование архива в современных условиях; особенности комплектования архива документами личного происхождения, аудиовизуальными и электронными документами; экспертиза ценности документов; подготовка документов к архивному хранению; правила хранения архивных документов в контексте требований безопасности; учет в архивах организаций и архивных учреждениях; научно-справочный аппарат к документам архива; современные технологии в архивном деле; деятельность архива по исполнению запросов граждан; использование архивных документов в контексте требования открытости; коммерческая деятельность современного архива.

4. «Делопроизводство в организации». Срок обучения один день, 16 академических часов. Программа направлена на совершенствование профессиональных навыков оформления документов для передачи их на архивное хранение, повышение навыков комплектования, обеспечения сохранности, использования, учета архивных документов.

В программу каждого курса обучения входят экскурсии, слушатели получают возможность ознакомиться с работой читальных залов архива и архивохранилищ. Обучение проводится в форме лекционных и практических занятий. В конце курса проводится итоговая аттестация в форме круглого стола и вручается документ об образовании — удостоверение о повышении квалификации. Каждый желающий пройти обучение может получить информацию о предоставлении образовательных услуг государственным архивом на сайте archive74.ru.

Формат дистанционного обучения получил развитие в организации курсов повышения квалификации в двух архивах из Оренбуржья — Оренбургском государственном архиве социально-политической информации и Государственном архиве Оренбургской области. Для коллег из Оренбурга дополнительно были разработаны три новых курса: «Подготовка историко-документальных выставок в архиве», «Редакционно-издательская работа в архиве», «Организация инициативного документирования в архиве». Коллеги из Оренбурга могли слушать курс лекций онлайн и задавать вопросы в режиме обрат-

ной связи. Для наглядности лекции сопровождались презентациями, челябинские архивисты поделились опытом, провели мастер-классы. По завершении курсов сотрудники оренбургских архивов получили соответствующие сертификаты о повышении профессионального образования.

В ОГАЧО в целях повышения профессионального уровня ежегодно проводятся аттестации работников. Это своего рода экзамен. Разработан перечень вопросов для проведения аттестации сотрудников ОГАЧО, который содержит общие вопросы (для работников всех отделов) и вопросы для работников специализированных отделов. Архивисты проходят также профессиональную переподготовку на заочных курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела.

Традиционной стала стажировка в федеральных архивах в Москве архивистов из ОГАЧО в составе группы архивистов Уральского федерального округа. Программа стажировки позволяет ознакомиться с разными направлениями работы в московских архивах. Положительный опыт коллег архивисты используют в своей работе.

Архивисты ОГАЧО совместно с сотрудниками архивного отдела Администрации г. Челябинска проводят занятия со специалистами многофункциональных центров (МФЦ). В связи с частой сменой кадров в МФЦ потребность в подобных занятиях велика. Подготовлена презентация к лекции и передана в МФЦ для дальнейшего просмотра работниками центров.

На примере отдела справочной работы расскажу, какие мероприятия по обучению специалистов проводятся в отдельно взятом структурном подразделении ОГАЧО. Постоянное повышение профессиональных навыков специалистов отдела позволяет обеспечивать качественное обслуживание посетителей и качественное исполнение запросов.

При приеме на работу проводится собеседование с потенциальным сотрудником. В процессе беседы выясняется опыт претендента, уточняются его умения и навыки. На период обучения в отделе для нового сотрудника разработана программа обучения, рассчитанная на семь дней. Каждый день сотрудник, согласно программе, выполняет поставленную перед ним задачу. Знакомится с нормативными документами, методическими рекомендациями, научно-справочным аппаратом, учится работать с журналом регистрации обращений граждан, с программным комплексом VipNet (деловая почта), учится оформлять архивные справки, архивные выписки. Это своего рода дневник специалиста. В период испытательного срока перед сотрудником ставится более широкий круг задач, с детальным погружением в тему и конкретными сроками исполнения.

За каждым новым сотрудником в отделе закрепляется наставник. Наставником назначается опытный специалист, который помогает новому

сотруднику адаптироваться в коллективе, обучает в период испытательного срока и в дальнейшем ведет сопровождение, оказывая консультативную помощь.

Ежеквартально в отделе проводятся запланированные занятия на разные темы: например, «Правила работы с журналом регистрации», «Исполнение запросов по льготному стажу», «Работа с документами, содержащими конфиденциальную информацию», «Регламент по исполнению запросов социально-правового характера». Каждый месяц по мере необходимости проводятся занятия по исполнению запросов по фондам со сложной структурой, оформлению архивных справок, архивных выписок, по работе с оргтехникой (фотографирование, сканирование).

В отделе справочной работы подготовлено обучающее занятие в форме игры-викторины. Тема занятия «Исполнение запросов социально-правового характера», и касается оно одного из самых востребованных обращений — запросов по заработной плате. В игре-викторине используются элементы из телевизионной передачи «Своя игра»: возможность выбора тем из определенных категорий, присвоение вопросам разной «стоимости», возникновение непредсказуемых ситуаций в виде «кота в мешке» и «аукциона». Участники делятся на две команды, выбираются капитаны команд. Архивистам необходимо отве-

тить на вопросы на тему административного регламента по оказанию государственной услуги, по архивной терминологии. Вопросы делятся на пять категорий: «Сроки исполнения государственных услуг», «Терминология», «Общие требования к оформлению архивной справки», «Исполнение запросов по заработной плате» и «Практические задания». Последние требуют применения знаний, полученных на предыдущих занятиях, а также умения слаженно работать в команде. Формат мероприятия выходит за рамки отдела, участвовать в судействе приглашаются специалисты из других отделов. В соревновательной борьбе определяются победители, и все участники игры получают сладкие призы.

Цель такой формы обучения — получить определенные знания с дальнейшим их использованием на практике, создать хороший психологический микроклимат в коллективе. Подобные мероприятия сплочают сотрудников, позволяют выработать навыки командного сотрудничества и взаимопомощи. Выявленные в ходе игры новые вопросы, проблемы могут стать темой следующих занятий.

Государственный архив превратился в площадку для приобретения новых знаний и навыков, новых единомышленников, в площадку для обсуждения проблем в архивном деле и эффективного их решения.

Т. С. Семенова

Об опыте приема документов периода Великой Отечественной войны от военных комиссариатов Оренбургской области в Оренбургский государственный архив социально-политической истории

В целях сохранения документов периода Великой Отечественной войны (1941–1945), исторической памяти об участниках войны в 2020 г. Комитет по делам архивов Оренбургской области и Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ) инициировали переговоры с Военным комиссариатом Оренбургской области о возможности передачи документов периода войны на государственное хранение.

Немаловажным фактором для начала данной работы являлось и то, что физическое состояние документов, хранящихся в военкоматах, очень плохое. Многие документы утрачены при перемещении в ходе слияния военкоматов, из-за нарушения условий хранения (документы хранились в подвалах, где возникали коммунальные аварии), уничтожения документов (например, был период, когда уничтожались учетные карточки призванных на войну, в результате в Оренбуржье, откуда на фронт ушло больше 411 тыс. человек, сохранилось лишь 45 506 учетных карточек).

За основу взаимодействия взят опыт коллег из Пермского государственного архива социально-политической истории, которые в 2020 г. осуществили прием на хранение подобных документов.

С целью установления взаимоотношений с областным комиссариатом за подписью вице-губернатора — руководителя Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области, в полномочия которого входит взаимодействие с данной структурой, — отправлено письмо с предложением передать документы на хранение в архив.

После получения положительного ответа комитетом и облвоенкоматом начат организационный этап подготовки передачи документов: определены ответственные, проанализированы нормативные правовые акты. Специалист военкомата провел консультации с Министерством обороны РФ по данному вопросу, районные военкоматы по предложенному перечню документов, подлежащих передаче на государственное хранение, определили количество единиц хранения (примерно 1300 дел и 45 506 карточек).

После решения организационных вопросов 29 января 2021 г. между ОГАСПИ и Военным комиссариатом Оренбургской области подписан договор о безвозмездной передаче в собственность архива оригиналов документов на участников Великой Отечественной войны, призванных с территории Чкаловской (ныне Оренбургская)

области: алфавитных книг; списков призванных по мобилизации в ряды РККА (в том числе женщин); списков призванных и направленных в войсковые части; алфавитных книг командного состава, призванного в Красную армию; книг по учету граждан, проходивших приписку и призыв; алфавитных книг учета потерь; дел с извещениями на погибших; списков военнослужащих, погибших в годы Великой Отечественной войны; извещений на погибших, пропавших без вести и умерших военнослужащих; книг учета персональных потерь офицерского состава на фронтах Великой Отечественной войны; списков регистрации и вручения извещений умерших и без вести пропавших в боях за Родину; книг военнослужащих, погибших в плену; бывших военнопленных и репатриированных; списков участников Великой Отечественной войны; списков на выдачу постоянных удостоверений участников Великой Отечественной войны; учетных карточек участников Великой Отечественной войны; списков по учету награжденных орденами и медалями; извещений на военнослужащих, погибших, умерших от ран и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны; свидетельств и справок о болезнях и ранениях военнослужащих.

Составлен график передачи документов в ОГАСПИ, окончание передачи намечено на 9 июля 2021 г.

Первая передача документов состоялась 3 февраля 2021 г. в торжественной обстановке: военным комиссариатом Южного округа Оренбурга в ОГАСПИ передано 40 ед. хр. По состоянию на 1 июня 2021 г. приняты 1143 ед. хр., 40 345 учетных карточек, 84 учетно-послужные карточки. Из принятых документов будет создана архивная коллекция об участниках Великой Отечественной войны, призванных с территории Чкаловской области.

Документы военкоматов поступают по сдачным описям, в неупорядоченном виде, поэтому работники ОГАСПИ сразу начинают работу с ними: проводят их научное описание, реформирование части дел, реставрацию, подшивку, параллельно составляют научно-справочный аппарат, облегчающий поиск необходимой информации (все фамилии из алфавитных книг переносятся во внутреннюю опись).

Большую помощь в работе с документами военкоматов оказывает Оренбургская областная молодежная общественная организация «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот»»: с помощью своих технических средств ее члены сканируют переданные документы, обрабатывают их, разбирают документы, поступившие в рос-

сыпи, нумеруют дела. Кроме того, поисковая организация выявляет информацию по поступившим запросам. Сотрудничество с поисковой организацией важно, так как ее члены по собственной инициативе сканировали дела еще в военных комиссариатах, они прекрасно ориентируются в содержании документов и учат этому архивистов.

Также в процесс формирования дел, содержащих документы военных комиссариатов, добровольно и на безвозмездной основе включилась Надежда Константиновна Курмеева — фондообразователь ОГАСПИ, краевед, педагог высшей категории.

Во время работы с документами архивисты и добровольцы сталкиваются с интересными находками. Так, среди документов военного комиссариата Южного округа Оренбурга обнаружен подлинник сопроводительного письма к извещению о гибели родного брата Валентины Ивановны Горячевой, супруги первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. Рядовой Алексей Иванович Горячев, 1926 г. р., погиб 12 марта 1945 г. Найден также подлинник извещения о гибели Героя Советского Союза Степана Петровича Лабужского, 1925 г. р., именем которого названа улица в Оренбурге. Архивисты уверены, что впереди у них много ценных находок.

В связи с социальной важностью проводимой ОГАСПИ работы и в целях информирования населения о ней на официальном сайте ОГАСПИ создана специальная вкладка «Документы от военкоматов». Актуальная информация размещается также в социальных сетях на страницах архива и комитета.

Документы военкоматов на данный момент недоступны широкому кругу пользователей. Впереди у архивистов двухлетняя работа с ними (упорядочение документов, составление описей, создание базы данных), после завершения которой документы будут введены в научный оборот и, с соблюдением архивного законодательства, станут доступны желающим.

Великая Отечественная войны 1941–1945 гг. — наиболее трагичная страница истории нашей страны, и архивисты должны приложить максимум усилий для сохранения полного комплекса документов. Взаимное сотрудничество заинтересованных органов и организаций, населения, как мы видим на примере Оренбургской области, способствует решению поставленной задачи. Работа по сбору документов периода Великой Отечественной войны и приему их на государственное хранение будет продолжена.

Перспективы сотрудничества с промышленными предприятиями в сфере комплектования

В целом понятие «архивное» дело включает в себя организацию хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда. Для правильного понимания проведенных нами исследований необходимо уточнить категориальный аппарат:

– промышленные предприятия — организации, производящие промышленную продукцию и являющиеся, как правило, точечными объектами: завод, фабрика, шахта, карьер, рудник, комбинат и др.

– комплектование архива — систематическое пополнение архива документами в соответствии с его профилем. Целью комплектования архива организации является создание и формирование архивного фонда организации, который подлежит хранению в архиве организации;

– источники комплектования — учреждения или лица, непосредственно передающие документы в государственные или ведомственные архивы.

Источниками комплектования могут быть: государственные и муниципальные организации, в деятельности которых образуются документы, относящиеся к государственной части Архивного фонда; бывшие государственные организации — источники комплектования, временно хранящие документы, образовавшиеся в их деятельности до изменения формы собственности; негосударственные организации, общественные и политические движения и партии, физические лица, документы которых в установленном порядке отнесены к негосударственной части Архивного фонда, заключившие с государственным архивом договор о передаче своих документов на постоянное хранение.

Существующая система комплектования сформировалась еще в прошлом веке, в советский период, когда была заложена нормативно-методическая база, обеспечивающая централизацию комплектования.

Нами была предпринята попытка количественного и качественного анализа состава предприятий — источников комплектования архива. С этой целью были выбраны три временных среза: 1978–1990 гг., 1992–1997 гг., с 2004 г. по настоящее время. Выбор первого среза был связан с государственной формой собственности предприятий. Второй срез выбран в связи с изменением формы собственности предприятий и проводимыми реформами на предприятии. Третий срез обусловлен принятием Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», который являлся источником регулирования отношений в архивной сфере.

Первый период нашего исследования (1978–1990) не выявил неожиданных результатов. Все

предприятия имели государственную форму собственности, охотно сотрудничали с архивом. Именно в этот период были заложены основные методы и формы сотрудничества с промышленными предприятиями. Использовались следующие формы и методы: методическая работа; консультационная работа; курсы по обучению сотрудников предприятия, семинары. За период с 1978 вплоть до 1990 г. количество промышленных предприятий практически не изменялось, оставалось на прежнем уровне — порядка 74 организаций.

Второй срез показал нам, что с 1990 г. на качественный и количественный состав организаций-источников комплектования повлияли изменения общественно-политических условий в стране, которые вызвали необходимость пересмотреть круг источников комплектования государственных архивов. В этот период государственные архивы столкнулись с новыми проблемами, действовать приходилось в условиях отсутствия как правового, так и методического обеспечения этого направления комплектования.

В период с 1992 по 1997 гг. качественный состав промышленных предприятий — источников комплектования сильно изменился. Практически все промышленные государственные предприятия поменяли форму собственности. Однако в списке источников комплектования в этот период все же оставалось 60 промышленных предприятий. Негосударственные предприятия продолжали работать с госархивом даже без договора. Как показывает опыт, это объясняется тем, что руководители данных предприятий, сотрудники, ответственные за архив и делопроизводство, остались прежними. Негосударственные организации — источники комплектования и государственный архив в такое смутное перестроечное время еще не понимали, как нужно работать в таких условиях, не было никакой законодательной базы.

На протяжении этого периода работниками отдела комплектования составлены рекомендации по фондированию документов промышленных предприятий, сменивших форму собственности.

В госархиве для работников ведомственных архивов и делопроизводственных служб были организованы курсы повышения квалификации. Кроме того, проводились областные совещания-семинары, где представители организаций обменивались опытом, решали проблемы, которые появились на предприятиях в связи со сменой формы собственности.

К концу 1997 г. в списке источников комплектования состояло порядка 40 промышленных предприятий. Как показывает опыт, сокращение количества организаций в основном связано с

разорением предприятий и их ликвидацией. В этот период существовала острая нехватка площадей в госархиве, что также негативно сказывалось на сотрудничестве с предприятиями в сфере комплектования. Проблему удалось решить, построив специализированное здание, что впоследствии оказало огромную помощь в вопросах сохранения документации разорившихся и действующих предприятий, позволило расширить круг предприятий, пожелавших сотрудничать с архивом. Реконструировано несколько специализированных архивных зданий. В этот период большими темпами шло комплектование архива управленческими документами организаций-источников комплектования, в том числе и промышленных предприятий. В архиве успешно внедряются современные информационные технологии. Это дало возможность архиву в целом стабильно выполнять основные функции по обеспечению сохранности, комплектованию, учету и использованию документов промышленных предприятий.

С принятием закона № 125-ФЗ удалось решить огромный пласт юридических коллизий. Была приведена в соответствие нормативно-правовая основа взаимодействия госархива с негосударственными организациями.

За десятилетия реформ в целом удалось сохранить оставшуюся от советского времени систему комплектования. Действующая система близка к оптимальной и включает в себя основные (исторические) документы, хранящие управленческие и научно-технические документы, документы по личному составу.

Проведенное нами аналитическое исследование показало, что проблемы комплектования государственных архивов лежат не только в плоскости совершенствования архивного и смежного законодательства, обновления нормативного и методического обеспечения деятельности. Много зависит от состояния ведомственного хранения документов и материально-технического, финансового и кадрового обеспечения деятельности организаций. Анализ помог выявить основные факторы и проблемы, влияющие на сотрудничество с промышленными предприятиями в сфере комплектования. Таковыми являются:

– пренебрежительное отношение в общественном сознании к архивному делу, низкий социальный и общественный статус профессии архивиста и архивной отрасли в целом, следствием чего является отток из государственных архивов и промышленных предприятий квалифицированных кадров. На сегодняшний день в госархиве эта проблема решается достаточно успешно и не является особо острой. Данная проблема была решена за счет повышения заработной платы работникам госархива, что в свою очередь позволило сохранить основной костяк трудового коллектива, привлечь новые и активно учить существующие кадры. А на предприятиях до сих пор эта проблема не решена. Квалифицированных кадров не хватает;

– ослабление контроля со стороны государства над архивно-документационными потоками, влекущее за собой разрыв архивного дела и делопроизводства, ослабление связей государственных архивов и ведомственных архивных служб предприятий в области организации и нормативно-методического обеспечения управления документацией;

– нежелание современных организаций сотрудничать с архивом. Во-первых, это выражается как в недостатке финансовых средств, так и в отношении работников. Учреждения не стремятся попасть в список источников комплектования архива. Руководители и сотрудники организаций не понимают всей важности мероприятий по отбору документов на хранение, а ведь это является показателем того, что деятельность организации занимает важное место в жизни общества. Во-вторых, сотрудничество с негосударственными организациями показало, что в большинстве организаций — источников комплектования не созданы нормативные условия для хранения документов: специализированное архивохранилище есть далеко не во всех организациях, в большинстве случаев документы хранятся в незапирающихся шкафах, в помещениях, не защищенных от попадания прямого солнечного света. В-третьих, в негосударственной организации нет в штатном расписании должности ответственного за делопроизводство, данные обязанности совмещаются. Сотрудники отдела комплектования рекомендуют, по возможности, ввести штатную единицу для проведения всего комплекса работ с документами от создания и проведения экспертизы ценности до передачи их на государственное хранение в архив.

Нужно отметить, что, несмотря на все эти трудности, на сегодняшний день справляются с вызовами и архив в целом успешно справляются с вызовами и проблемами в сфере комплектования.

Жизнь не стоит на месте и основной проблемой, которая кардинально, на наш взгляд, должна повлиять в ближайшее время на всю работу отдела комплектования, — это массовое внедрение компьютерных, информационно-телекоммуникационных технологий, переход к электронному делопроизводству и электронным документам, а значит, подготовка отдела комплектования к проведению всего комплекса работ с электронными документами. Именно этой проблеме будет посвящена вторая часть статьи.

Для обеспечения соответствия отдела комплектования современным требованиям необходимо решить ряд задач.

Первая задача — совершенствование политики в области документационного обеспечения управления. Решение этой задачи требует установления единых принципов организации, унификации и стандартизации документации, архивных и делопроизводственных служб и единой системы электронного документооборота, позволяющей с наименьшими затратами оптимизировать и рационализировать документооборот

в условиях перехода на безбумажное документирование.

Унификация и стандартизация крайне важна для обеспечения взаимодействия множества систем электронного делопроизводства (СЭД), присутствующих сегодня на рынке и используемых в деятельности промышленных предприятий, их совместимости с системами архивного комплектования и хранения документов.

Реализация единой системы электронного документооборота позволит сократить финансовые затраты на разработку и создание СЭД, обеспечит сохранность документов, повысит оперативность и качество сохранности, объемов работ с документами и уменьшению стоимости их комплектования, хранения и использования.

Вторая задача, стоящая перед отделом комплектования, — интеграция архивов в систему электронного правительства. Традиционно основная задача архивов состояла в обеспечении сохранности документов на бумаге. Сегодня с распространением информационно-коммуникационных технологий и внедрением электронного правительства происходят коренные изменения в области документирования.

Сегодня практически все документы создаются в электронной форме. Внедрение систем электронного документооборота и межведомственного электронного документооборота приводит к тому, что весь жизненный цикл все большей части документов проходит в электронной форме. Поэтому способность комплектовать, сохранять и использовать документы в электронной форме становится жизненно важной. В связи с этим отделу комплектования необходимо искать пути взаимодействия с предприятиями, работающими с электронными документами.

Для этого необходимо:

- сформировать полноценную нормативную базу по созданию и хранению электронных документов в делопроизводстве;

- разработать единые технологии и форматы архивного хранения электронных документов, их передачи на постоянное хранение, а также обеспечения их долговременной сохранности и организации доступа к ним в наиболее удобной для пользователей форме, гарантирующие возможность их трансформации в условиях постоянного совершенствования информационных технологий;

- организовать научно-методическое взаимодействие и партнерство с промышленными предприятиями в области работы с электронными документами;

- создать на базе архива центр хранения электронных документов с соответствующей инфраструктурой, способный осуществлять централизованный прием, хранение и организацию доступа к электронным документам предприятий постоянного срока хранения.

Решение этой задачи позволит гарантировать сохранность информации в электронной форме на всех уровнях комплектования и хранения, повысить эффективность взаимодействия с промыш-

ленными предприятиями, ускорить прохождение обращений юридических и физических лиц, повысить качество и полноту оказываемых государственных услуг, уровень защиты информации от разглашения и несанкционированного доступа, интегрировать информационные ресурсы архивов с другими информационными ресурсами, повысить производительность труда архивистов.

Третья задача — пополнение и развитие Архивного фонда в современных условиях.

Объем Архивного фонда РФ ежегодно увеличивается в среднем на 1,3 млн дел, подавляющее большинство из которых поступают в архивы на бумажном носителе. Вместе с тем развитие электронного документооборота и увеличение объема электронных документов объективно должны привести к постепенному видовому изменению состава Архивного фонда и в конечном итоге — к уменьшению объемов приема такой документации на постоянное хранение. Это предполагает, с одной стороны, определенное сокращение дефицита площадей архивохранилищ, с другой — необходимость создания условий для приема значительных массивов электронных документов.

В заключение хочется отметить, что с каждым годом становится все труднее донести руководству негосударственных организаций, какая большая ответственность возлагается на них. Единственно реальным путем выполнения государственным архивом задач по комплектованию документов на государственное хранение от негосударственных организаций — это заключение договора с организацией. Но для этого необходимо согласие учреждения. Руководителей организаций настораживает форма договорных отношений. Договор с архивом налагает на организацию обязанности, прежде всего по упорядочению, обеспечению сохранности и передаче документов в архив, что влечет за собой финансовые проблемы. Поэтому нужно искать пути взаимодействия и перспективы сотрудничества с такими организациями. Всесторонний анализ состава современных организаций, действующих в зоне комплектования госархива Челябинской области, показал, что для определения источников комплектования необходимо использовать метод выборки отдельных организаций из группы однородных, а также определять организации — источники комплектования повидового выборочного приема, от которых на постоянное хранение будут поступать только отдельные виды документов. Эти созданные советским архивоведением приемы архивной работы мы сегодня подзабыли. И не всегда оправданно.

Негосударственным организациям, документы которых представляют особый интерес, но не готовым в настоящее время к работе с государственными и муниципальными архивами, в качестве промежуточного варианта следует предлагать разные формы сотрудничества. Первоначально с такими негосударственными организациями могут заключаться соглашения об оказании им методической, практической, кон-

сультативной помощи в области делопроизводства и архивного дела.

Таким образом, качественно начинает изменяться состав Архивного фонда России. Как показывает опыт, преобладающее место в составе организаций — источников комплектования будут занимать органы управления и государственные организации. В то же время возможно появление крупных негосударственных бизнес-архивов, архивов общественных объединений, частных лиц.

Важно отметить, что увеличение числа промышленных организаций — источников комплектования не является самоцелью. В первую очередь работа отдела комплектования должна быть направлена на достижение качественного результата — формирование таких списков организаций — источников комплектования, архивные документы которых в совокупности максимально полно отражают историю нашего региона.

Е. А. Рядченко

Современное архивное «нестроение» в системе негосударственных организаций (опыт исторического осмысления)

В деятельности негосударственных организаций ежегодно образуются сотни миллионов документов, несущих информацию о самых разных сторонах их деятельности. Многие из них, пройдя свой путь в текущем делопроизводстве, приобретают статус архивных. Документы, образовавшиеся в деятельности организации, должны храниться в течение определенного времени, из-за чего возникают серьезные проблемы, связанные с организацией их хранения, обеспечения сохранности, учетом и использованием содержащейся в них информации¹. Действительно, одной из наиболее серьезных проблем является организация хранения документации негосударственных коммерческих организаций.

Еще в конце XIX в. возникли архивы синдикатов, акционерных обществ, в структуре которых возникали сложные формы взаимного контроля, документы привлекались для изучения работы отдельных предприятий, наведения справок. В архивах банков концентрировались материалы о предоставлении кредитов частным предприятиям, что делало необходимым собирать документы об их экономическом положении. Для частновладельческих предприятий архивы сохраняли практическое значение, являясь их неотъемлемой частью. В таких архивах отлагались договоры и соглашения с другими фирмами, бухгалтерские материалы, техническая и производственная документация². Отмечалось, что текущий архив банка должен перестать рассматриваться лишь как место временного хранения документов, утративших практическую значимость. Наряду с другими подразделениями он может принимать непосредственное участие в коммерческой деятельности современных банковских учреждений, функционально и структурно интегрируясь в систему делопроизводственных, информационных и коммерческих служб³.

Сегодня значительное внимание уделяется роли и необходимости включения архивов в процесс управления предприятием, функциям архивов как особому виду научно-практической деятельности компании. Однако, как показывают наблюдения, менеджеры компаний зачастую не видят возможностей использования бизнес-доку-

ментации в управлении и стратегическом развитии фирмы, в то время как еще В. Зомбарт отмечал, что отчетность составляет железный остов капиталистического духа⁴. Поэтому важно определить круг умений и навыков, необходимых для современного менеджера, в том числе и в сфере работы с документацией. Значимость этого вопроса подчеркивал А. Файоль, который усиленно занимался проблемами поведения администратора и составил подробный список качеств, которыми он должен обладать: «...сознательная, твердая, упорная воля; активность, энергия и, в известных случаях, отвага; мужество ответственности; чувство долга, забота об общем интересе»⁵. Нисколько не умаляя значение этих качеств, тем не менее хочется особо подчеркнуть, что, реализуя стратегию эффективного развития компании и заботясь об общем интересе, необходимо уметь использовать все ресурсы, в том числе и документальные.

К сожалению, мало что изменилось со времени, когда в начале XX в. профессор Н. С. Грас отмечал: «Большинство деловых людей сохраняют к прошлому все то же отношение: единственный его удел — забвение. Ну в самом деле, какой в нем может быть прок, если проблемы, решение которых необходимо в настоящем, настоящим же и порождены?»⁶ Это большое заблуждение, которого, увы, не избежали и современные управленцы. Преобразования, осуществляемые в экономике, обязательно должны опираться на исторический опыт. История экономики выполняет определенную прогнозирующую функцию, то есть предвидеть будущее развитие того или иного явления возможно только, опираясь на историческое прошлое. Любое экономическое явление имеет историческое прошлое. Но дело не только в развитии экономической истории, где для проведения исследований необходима источниковая база, и определении статуса бизнес-документации как исторического источника, что, безусловно, должно изменить отношение к организации сохранности этих документов. Эта проблема заслуживает особого внимания и самостоятельного исследования. Дело в том, что потенциал бизнес-архива в деятельности компании

практически не используется, и причиной тому является недооценка значимости исторической информации для непосредственной практической деятельности организации, неумение ее использовать в своей работе.

Исследователи отмечают, что одной из причин организации бизнес-архива, или промышленного архива, была необходимость контроля над деятельностью предприятия, который выражался в сборе и обработке данных за несколько лет работы организации с целью определения ее промышленных мощностей, верности маркетинговой политики. «Научное значение архивов определяется их содержанием, могущим служить для изучения прошлого, которое лежит в основе настоящего»⁷. В свое время Ф. Тейлор отмечал, что «управление будут изучать как искусство; оно будет основано на тщательно исследованных, ясно выраженных и твердо установленных принципах»⁸. Архивы — учреждения очень древние, но своим происхождением они обязаны чисто практическим целям, в число которых изначально входили и цели управления⁹.

К сожалению, на практике во многих организациях архив для хранения своей документации не создается, а комплексы вышедших из делопроизводства документов складываются в канцелярии, свои «архивчики» формируются в отделе кадров, бухгалтерии и т. д.¹⁰ Этот подход к организации хранения документов получил законодательное закрепление. В соответствии с Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации», «организации вправе создавать архивы в целях хранения, образовавшихся в процессе их деятельности архивных документов»¹¹. Такое «послабление» в отношении наличия архивов в организациях некоторые специалисты объясняют тем, что создание и функционирование архивного подразделения ведет к дополнительным расходам, а это будет приводить к удорожанию товаров и услуг, предоставляемых этими организациями. То есть организация хранения архивных документов увязывается с потенциальным повышением цен, что государство допустить не может. Таким образом, решение проблемы организации хранения архивных документов отдано на откуп самим организациям¹².

Происходящие изменения в осознании места документов в жизни предприятия отражают наметившуюся в последнее время тенденцию «возвращения к истокам». Очень актуально сегодня звучат слова Н. В. Калачова, когда речь идет о создании архива в организации: «...бумаги с течением годов разрастаются так, что, наконец, в уме архивариуса невольно возникает вопрос: где их помещать на будущее время, так как архив ими уже переполнен, да и нужно ли оставлять их на вечное хранение? Затем он приходит к мысли, что, конечно, многие из принимаемых им дел совершенно бесполезны и впредь не потребуются и что, следовательно, их необходимо уничтожить, по крайней мере, для того, чтобы очистить место для будущих дел. Но при этой мысли он

опять останавливается на вопросе: а как мне знать, что когда потребуется? Могу ли я безнаказанно уничтожить дела, вверенные моему хранению? Легко уничтожить все, что попадает под руку, но если дело, действительно не нужное для учреждения, в котором оно производилось, имеет за собою, тем не менее, интерес исторический, то неужели можно его уничтожить; однако и оставлять такое дело в этом архиве не следует, так куда же с ним деваться, кому его сдать для дальнейшего вечного хранения?»¹³ Эти принципиальные вопросы должны задавать себе те, от кого сегодня зависит, быть архиву фирмы или нет, как организовать его работу; им необходимо изучить и осмыслить исторический опыт, который наглядно демонстрирует последствия неадекватности и непоследовательности действий в отношении архивов.

С развитием в новой истории разделения властей и децентрализации правительственного управления и суда древние учреждения были частью упразднены, частью преобразованы, причем их компетенция дробилась между многими новыми учреждениями. Во владение новых канцелярий переходили архивы упраздненных учреждений, а с течением времени канцелярские помещения наполнялись и актами по решенным делам нового письменного делопроизводства. Такое интенсивное комплектование впервые в истории отечественного архивного дела произошло в период, когда было разрешено уничтожать архивные источники. Поэтому ведомства оперативно продолжали разрабатываться правила «О порядке разбора и уничтожения решенных дел»¹⁴. Кроме того, естественный рост архивных материалов требовал соответственного расширения государственных расходов на архивные хранилища и хранителей.

«Эпоха реформ» одновременно явилась периодом массового уничтожения архивных дел. Сформулированный Н. В. Калачовым тезис: «Пусть лучше лишнее хранится, чем полезное уничтожается» — полностью игнорировался. Д. Я. Самоквасов позднее отмечал, что «все министры стали подписывать смертные приговоры архивам своего ведомства, виновным в том, что они требовали помещения для своего существования»¹⁵.

Состояние дел по устройству архивов в ведомствах оставляло желать лучшего. Так, из рапорта вновь назначенного начальника архива департамента полиции следует, что «имеет место беспорядок по хранению дел, который является результатом неисполнения закона о порядке сдачи дел на хранение в архив, бесконтрольного требования дел из одного в делопроизводства и несвоевременного возвращения их обратно в архив, а также передачи в архив предметов, не имеющих никакого отношения к хранящимся там делам, последствием чего явилась утрата некоторых дел, нарушение их целостности и, наконец, архив оказался настолько загроможденным, что в настоящее время не имеется в нем места для

принятия вновь из делопроизводства дел на хранение»¹⁶. На основании разработанных правил сдачи дел в архив по департаменту полиции предписывалось: «...дела и предметы, назначенные при самой передаче их, к уничтожению — уничтожить немедленно, в видах сбережения места для могущих поступить вновь на хранение дел»¹⁷. Начальнику архива предлагалось «ныне же уничтожить дела, кои, по его мнению, не представляют интереса, поступаая также и в будущем, без испрошения на то особого разрешения»¹⁸. И вообще, начальнику архива поручалось «озаботиться очисткою архива с целью приготовить помещение для новых дел»¹⁹.

Во второй половине XIX столетия благодаря Высочайше утвержденным положениям и правилам Комитета министров «О хранении и уничтожении архивных дел» архивное «нестроение» пришло к тому состоянию, в котором богатейшие государственные архивные фонды, наследованные XIX столетием, являются частью расхищенными, частью распроданными²⁰. В этой связи хочется вспомнить слова, высказанные на архивной выставке в Марбурге в 1879 г.: «Архивам необходимо дать заботливую обстановку, при которой они только и могут исполнять свои высокие задачи. Лишь очень немногие из лиц, историей не занимающихся, имеют ясное представление о важности архивных материалов»²¹. Более того, в провинции уровень специальных знаний местных любителей-историков, оценивающих историческую значимость архивных дел, был невысок, вследствие чего уничтожены были сотни тысяч архивных дел: сожжены или проданы на торгах местным торговцам²². Ведомства сохраняли лишь небольшое количество дел, необходимых им для справок в текущей работе. Так, одно провинциальное уездное казначейство в 1878 г. уничтожило дела с 1780 по 1877 гг. как «не заключающие в себе важности и не могущие по существу своему быть нужными на будущее время ни для справок, ни для руководства»²³. В это время в мелких ведомственных и частных архивах отложились ценнейшие документальные материалы, которые удалось выявить и сохранить благодаря начавшемуся в России движению за сохранение архивов. В то время не удалось избежать потерь, так как роль экспертов-архивистов выполняли секретари и члены статистических комитетов, которые были в основном дилетантами, и поэтому значительное количество ценных архивных материалов было уничтожено²⁴.

К концу XIX в. государства Западной Европы нашли разумный выход. Произошло обособление архивов от канцелярских регистратур, была произведена централизация устаревших дел в немногих государственных архивах, издано общее для всех ведомств архивное управление²⁵.

В России проблемы архивного дела также получили в этот период общественную значимость. Многие видные архивисты выступали против того, чтобы архивы продавали выделенную к уничтожению документацию, справедливо считая, что

«материальная заинтересованность» может привести к продаже ценных источников. Но администрация не учитывала это законное требование и следовала инструкциям, выработанным ведомствами.

Попытку навести порядок в архивном деле предпринял Н. В. Калачов. Он разработал положение о создании особой межведомственной Комиссии об устройстве архивов, которая и была образована в 1878 г. Однако большинство разработок межведомственной комиссии осталось только на бумаге. Наибольший интерес из них, с позиции сегодняшнего дня, представляют проекты положения о Главной архивной комиссии, которую предполагалось создать для методического руководства и контроля над ведомственными архивами, особенно в части, касающейся хранения и уничтожения документальных материалов. К сожалению, разработать единые правила для всех бюрократических канцелярий и самостоятельных ведомств не удалось. После смерти Н. В. Калачова массовое уничтожение архивных материалов по собственным ведомственным инструкциям и правилам возобновилось с прежней силой²⁶.

Деятельность негосударственных организаций занимает все большее место в экономике современной России. Документы, образующиеся в процессе деятельности таких организаций, представляют неоспоримый интерес (ценность) в настоящем и будущем. Сохранение этих документов — обязанность организаций — собственников документов и задача Росархива. Поэтому уже в начале 1990-х гг., когда только стали появляться негосударственные организации, был разработан комплекс документов, направленных на координацию усилий в этом направлении. Методические рекомендации раскрывали теоретико-методологические и организационные положения и правила отбора на государственное хранение ценных документов негосударственных организаций коммерческого характера²⁷.

Сегодня предпринимательская деятельность рассматривается как неотъемлемая составляющая экономического развития общества, поэтому особое внимание должно быть уделено изучению культуры и практики управления, пониманию роли и возможности включения бизнес-архива в процесс управления организацией, механизма взаимодействия архива с другими подразделениями. В условиях постоянного возрастающего значения частного предпринимательства архивы негосударственных организаций все больше приобретают собственные ценностно-смысловые позиции в формировании общей архивной среды.

Примечания

¹ Альбрехт Б. В. Архивы коммерческих организаций. М., 2005. С. 3–4.

² Самошенко В. Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 192–193.

³ Пегов А. И. О некоторых актуальных проблемах функционирования текущих архивов банковских учреждений // Делопроизводство. 2005. № 1. С. 86.

- ⁴ Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // В. Зомбарт. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. СПб., 2005. С. 173.
- ⁵ Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. на рус. Б. В. Банина-Кореня. Л. ; М., 1924. С. 3–5.
- ⁶ Грас Н. С. Бизнес и история бизнеса // *Анналы экономической и социальной истории*. 1931. № 9 ; *Анналы экономической и социальной истории*. Избранное / пер. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Картуновой, М. Сокольской. М., 2007. С. 323.
- ⁷ Первый губернский съезд архивных работников Самарской губернии. Самара, 1926. С. 4.
- ⁸ Тейлор Ф. У. Научные основы организации промышленных предприятий. М., 1912. С. 36.
- ⁹ Козловский И. П. Научное изучение архивов и задачи центральных исторических архивов // *Архивное дело*. Вып. 1. Краснодар, 1921. С. 3.
- ¹⁰ Бурова Е. М. С чего начинается порядок в работе с архивными документами // *Делопроизводство и документооборот на предприятии*. 2005. № 4. С. 51.
- ¹¹ Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 30.04.2021. № 114-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 43. Ст. 4169.
- ¹² Бурова Е. М. Указ соч. С. 51.
- ¹³ Чудакова М. Беседы об архивах. М., 1980. С. 16–17.
- ¹⁴ Самошенко В. Н. Указ соч. С. 128.
- ¹⁵ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России : в 2 кн. Кн. 2. М., 1902. С. 122.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 191. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 6.
- ²⁰ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. 40.
- ²¹ Архивная выставка в Марбурге // *Аугсбург : газета*. 1879. № 173.
- ²² Бердинских В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. С. 131–132.
- ²³ Там же. С. 133.
- ²⁴ Там же. С. 128.
- ²⁵ Самоквасов Д. Я. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899. С. 206–213.
- ²⁶ Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 165–166.
- ²⁷ Отбор на государственное хранение документов, образовавшихся в деятельности негосударственных организаций и предприятий. М., 1993 ; Отнесение организаций и предприятий нового типа к числу источников комплектования государственных архивов. М., 1993 ; Отбор на государственное хранение управленческих документов, образующихся в деятельности негосударственных организаций (новых экономических — хозяйственных структур). М., 1997.

Е. С. Страшевская

Практика использования современного реставрационного оборудования в ОГАЧО

Реставрация является важнейшим направлением практической деятельности по обеспечению сохранности архивных документов. Восстановление первоначальной формы документа, очистка и упрочнение в ходе реставрационных работ — единственное реальное средство сохранения оригиналов, разрушающихся при длительном архивном хранении и использовании¹.

Основным критерием эффективности реставрации документа является качество работ, зависящее от уровня организации реставрационных подразделений, условий труда, материально-технического и методического обеспечения, профессиональной квалификации и опыта реставраторов.

В ОГАЧО, согласно данным паспорта на 1 января 2021 г., хранятся 2 505 463 дела. Активное использование архивных документов в исследовательской, выставочной деятельности приводит к их преждевременному старению.

Для обеспечения сохранности архивных документов в 2017 г. на средства целевой субсидии из областного бюджета были приобретены реставрационное оборудование и мебель: реставрационный вакуумный стол низкого давления; паровой реставрационный карандаш; широкоформатный реставрационный световой стол; приспособления для сушки; бестеневые лупы с подсветкой; световые подсветы реставратора; роликовые резак; реставрационные утюги; музейный пылесос; настольный пресс; лампа Вуда.

Основная часть документов, поступающих на постоянное хранение в государственный архив, — это документы на бумажном носителе. Я хотела бы остановиться на самой востребованной исследователями группе документов — метрических книгах. В нашем архиве их 5314.

Метрические книги церковей — это книги записей актов рождения, бракосочетания и смерти. Это любопытнейшие документы для исследователей прошлого. В последнее время интерес челябинцев к истории своего рода и своей семьи стремительно растет. В архив ежедневно поступают запросы о выдаче в читальный зал метрических книг (не имеющих электронных образов) для сбора сведений о родственниках или составления генеалогического древа.

К сожалению, не всегда мы можем представить запрошенное дело исследователю по причине его неудовлетворительного физического состояния (нарушение переплетов или их отсутствие, технические, биологические повреждения и пр.). Общее физическое состояние документа оценивается по совокупности повреждений носителя — бумаги и текста. Наличие и виды дефектов бумаги определяют визуально при полистном просмотре дела, устанавливая характер и степень ее повреждения. Обращают внимание на дату документа, она помогает судить о природе бумаги и текста. Например, дата создания документа «1865 г.» указывает на то, что, скорее всего, в данном случае использованы тряпичная бумага

и старинный текст (железо-галловый, тушевой и т. п.). Более поздние документы составлялись преимущественно на древесной бумаге с помощью анилиновых красителей.

Чаще всего нам приходится заниматься реставрацией листов с загрязнениями (особенно в правом нижнем углу), полученными при листании документа, с множественными разрывами, заломами, оставленными исследователями вместо закладок, с потерями от частого использования, сцементированными листами в корешке книжного блока, с утратами частей листа, следами удаления скотча, реже — с пятнами неизвестного происхождения (следами бытования документа). Для бережного и деликатного восстановления документов используется приобретенное архивом реставрационное оборудование.

Для увлажнения, расклейки сцементированных листов и удаления старого клея применяется реставрационный паровой карандаш. Прибор состоит из двух основных блоков — парогенератора / увлажнителя и карандаша с терморегулятором рабочей температуры выходящего пара. Пар, образующийся от увлажнителя, нагревается с помощью карандаша до любой желаемой температуры — от комнатной до 100 °С. Такой прибор также дает возможность удаленного увлажнения документа, если нет возможности провести водную обработку.

Один из важных процессов реставрации документа — удаление пылевой загрязненности с поверхности листа. Для этого нами используется музейный пылесос, специально разработанный для нужд музеев, архивов и библиотек. Он легкий и компактный (2,2 кг), многофункциональный (всасывает или поддувает). Благодаря фильтру HEPA пылесос удерживает 99,97 % частиц пыли размером до 0,3 мк. Он необходим для поддержания нормального санитарно-гигиенического состояния документов, а также для сокращения времени механической чистки, удобен для работы с широкоформатными документами (планами, картами, чертежами), фотоальбомами, обтянутыми тканью.

Для удаления скотча, часто встречающегося в метрических книгах после ремонта «на скорую руку», специалисты лаборатории успешно применяют термовоздушную станцию. Сама станция компактна и не занимает много места. На ее передней панели расположены кнопки для установки требуемой температуры потока воздуха, регулятор скорости потока воздуха и индикатор, на котором отображается заданная температура. Можно выставить любую скорость потока, не боясь, что температура струи воздуха понизится в процессе снятия скотча.

Деформацию листов документов при неправильном использовании и хранении устраняют при помощи реставрационного утюга, специально предназначенного для проведения этого вида работ с бумагой и фотоматериалами. Высококачественная тефлоновая поверхность гладит легко и бережно, без царапин и склеивания. При раз-

глаживании деформации дополнительно используем фильтровальную бумагу, оберегая лист документа от прямого контакта с поверхностью утюга, а терморегулятор со встроенным термодатчиком позволяет задавать нужный температурный режим до 200 °С.

Непрофессиональный ремонт с использованием силикатного, казеинового и резинового клеев, имеющих щелочную среду, со временем разрушает бумагу и приводит к обесцвечиванию чернил в местах контакта с клеем и рядом с ним; клей ПВА становится катализатором процесса старения и разрушения документа. Скотч и другие современные материалы на клеящей основе для скрепления разрывов и восполнения утрат приводят к значительному повреждению документов.

При комплексном подходе к реставрации листов документа используется вакуумный реставрационный стол.

Вакуумный стол низкого давления с промысловочной ванной был специально разработан как рабочее место для реставрации бумаги. На нем могут проводиться все основные операции: чистка (мытьё), водная обработка по выводу пятен различного происхождения, удаление следов от сургучных печатей и смол, от клейких лент и пленок, от пищевых продуктов, восковых капель и пятен от них, выведение ржавчины, возникшей в местах соприкосновения металлических элементов (скобы, скрепки и т. д.) с бумагой, удаление затеков от воды и других жидкостей, доливка (восполнение) утраченных частей документов бумажной массой, дублирование объектов из бумаги, дезинфекция и т. д. Стол создает однородный вакуум на всей рабочей поверхности, обеспечивает устойчивое основание в процессе обработки документов, делая возможной обработку крупноформатных документов отдельными фрагментами.

До начала работы на вакуумном столе документ необходимо расшить, отделить от переплета и выполнить работы по механической чистке документа (с помощью музейного пылесоса), в противном случае поверхностные загрязнения проникнут в структуру бумаги.

Рассмотрим пример долива бумажной массой недостающих частей (утрат) листа. Такой дефект относится к механическим повреждениям. Для долива недостающих фрагментов носителя готовится бумажная пульпа из мелких кусочков подбранной по цвету бумаги, заглаговременно измельченной вручную. По технологии, кусочки бумаги помещаются в емкость и замачиваются в горячей дистиллированной воде в соотношении 10 г бумаги на 500 мл воды на трое суток. Затем масса измельчается на бытовом блендере до тех пор, пока волокна бумаги не осядут на дно. Готовой массой доливаются недостающие фрагменты основы. Главное условие работы на столе — водная обработка, поэтому очень важно, прежде чем планировать доливку листа, проверить текст на текучесть. Если мы убираем пятна, то так же смываем один раствор при помощи пульверизатора,

наносим другой путем «выстукивания» по пятну ватной палочкой, чтоб не нарушить структуру бумаги.

Для работы на столе необходимы холитекс плотностью 81 г/м², клей, бумажная масса, скальпель, пипетка Паттера, косточка, льняное полотенце. После доливки и водной обработки лист убираем в сукно для равномерного просушивания, далее листы документа прессуются.

Прессование документа — завершающий процесс, он необходим для придания первоначального вида документу. Также для придания внешнего вида документу (отделка листов документа после реставрации) применяется роликовый резак. Он позволяет дорезать бумагу до необходимого формата быстро, ровно и надежно.

Не обошли «вниманием» метрические книги и плесневые грибы — причина биологических повреждений документов. Живые организмы причиняют им значительный ущерб. Теряется прочность листов, увеличивается кислотность, уменьшается масса бумаги, снижаются ее белизна и механическая прочность (сопротивление разрыву и излому). На последнем этапе развития плесени документ полностью разрушается, так как плесень выделяет органические кислоты и фермент, ускоряющие этот процесс. По внешнему виду плесени нельзя судить о ее жизнеспособности. На вид плесень может быть совсем старой и мертвой, однако исследования могут показать, что колония жива или имеются живые споры. В этом случае специалисты лаборатории выполняют исследования при помощи лампы Вуда. Этот прибор предназначен для выявления активности спор микроорганизмов на бумаге при помощи цветовой шкалы. В темной комнате документ подсвечивается лампой Вуда, и при наличии активных спор наблюдается зеленоватое свечение — это признак жизнеспособности микроорганизмов. Некоторые пятна на первый взгляд могут показаться следами от плесневых грибов, однако не являются ими. Яркий пример тому — так называемые фоксинги, природа которых до сих пор не выяснена. Внешне фоксинги выглядят как пятна рыжеватого-бурого или кирпичного цвета, следы спор на которых отсут-

ствуют. Чаще всего появляются они на документах, текст которых написан железо-галловыми чернилами. Большинство метрических книг имеет текстонанесенные именно железо-галловыми чернилами. Лампа Вуда «оберегает» метрические книги и от воздействия биоцидов, применяемых для дезинфекционной обработки. Гибель микроорганизмов под воздействием биоцида происходит только в жидкой среде (в водном растворе). При необходимости книги могут быть обработаны на реставрационном вакуумном столе с соблюдением техники безопасности.

Каждый сотрудник лаборатории обеспечен индивидуальными настольными световыми подсветами, световыми лампами-лупами, работает на реставрационном столе, сидя в реставрационном кресле. Оснащенность лаборатории современным реставрационным оборудованием позволяет выполнять сложные реставрационные работы на высоком качественном уровне и в более короткие сроки.

В заключение хотелось бы отметить, как важно соблюдать нормативные параметры, определяющие условия хранения архивных документов, ведь именно от них зависит сохранность материальной основы документа: не допускать резких перепадов температуры и влажности в архивохранилищах, следить за санитарно-гигиеническим состоянием помещений, а также предотвращать повреждение документов микроорганизмами и грызунами.

Примечание

¹ Добрусина С. А., Чернина Е. С. Консервация документов: наука и практика. СПб., 2013. 191 с.; Добрусина С. А. Стабилизация бумаги документа: учеб. пособие. М., 2014. 176 с.; Манернова О. В. Методика оценки физического состояния документа. Томск: НБТГУ, 2010. 11 с.; Основные технологические процессы реставрации документов: учеб. пособие / сост. С. А. Добрусина и др. СПб., 2002. 65 с.; Памятка по оценке физического состояния архивных документов на бумажном носителе (исключая фотодокументы), хранящиеся в государственных архивах Свердловской области, для выявления документов, нуждающихся в реставрационно-переплетных работах / сост. Е. А. Малахова, А. А. Милевская. Екатеринбург, 2021. 37 с.

Часть II
Архивы на службе общества

И. И. Вишев

В экстремальных условиях пандемии: Объединенный государственный архив Челябинской области и COVID-19

Две тысячи двадцатый год, такой красивый в своем цифровом выражении, оказался необычайно непривычным и трудным для всех нас из-за распространения новой коронавирусной инфекции и введенных в связи с этим ограничительных мероприятий. Эти обстоятельства, конечно, отразились и на деятельности нашего учреждения, около 70 % сотрудников которого с начала апреля прошлого года было отправлено на дистанционную работу. В сложившихся условиях благодаря внесению необходимых корректировок в организацию производственных процессов и плановые показатели, а также освоению, пусть и вынужденному, новых эффективных методов работы структурными подразделениями, ОГАЧО не снизило ее объемы, а по некоторым направлениям даже значительно увеличило.

В этой связи в качестве эпиграфа к настоящей статье можно было бы использовать известную пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Безусловно, коронавирусная пандемия, царящая второй год во всем мире, является для всех неожиданным и чрезвычайным обстоятельством (особенно в первые месяцы, я думаю, многих из нас не покидало ощущение нереальности происходящего и казалось, что мы вдруг оказались действующими лицами какого-то блокбастера). В то же время такие сложные условия заставили нас переосмыслить многие вопросы, связанные с основной деятельностью архива, и дали понимание того, куда и каким образом нам развиваться в ближайшем будущем.

Безусловно, самым первым и важным шагом в этом направлении стало освоение и максимально возможное внедрение удаленного режима работы — как для пользователей архивной информации, так и для самих работников областного архива. В этой связи значительно повысилась роль сайта ОГАЧО (www.archive74.ru), который превратился, по сути, в центр реализации всех оказываемых учреждением услуг и выполняемых функций. Кроме того, посредством сайта мы постарались предоставить гражданам и организациям максимально возможный на сегодняшний день спектр информационных и технических операций, делающих личное посещение архива необязательным либо минимизирующих данную необходимость. Теперь через наш сайт можно не только направлять запросы, но и отслеживать статус их исполнения, делать заказ на сканирование документов и получать удаленный доступ к ним, а также оплачивать наши услуги. А введенная в действие в апреле текущего года АИС «Читальный зал» позволяет не только осуществлять предварительную запись на посещение читальных залов, но и регистрироваться новым читателям, заказывать дела, отслеживать статус исполнения заказа. При этом при поступлении

заказов на отсканированные дела доступ к их электронным образам осуществляется мгновенно. Через интернет-приемную мы отвечаем на все вопросы наших пользователей в тот же день (ту же функцию выполняет и наша телефонная «горячая линия»).

С момента введения ограничительных мероприятий и в связи с временным закрытием читальных залов ОГАЧО значительно возросло количество пользователей архивной информации в информационно-поисковой системе «АИС «Архив»», в которой на текущий момент доступны для удаленного просмотра и использования электронные копии около 20 тыс. наиболее востребованных дел. Возможностями удаленного просмотра архивных документов в прошлом году воспользовались 1386 человек, 1024 из них зарегистрировались в системе впервые.

Количество посещений информационной системы также значительно возросло и составило 32 046 (для сравнения: в 2019 г. было 19 318 посещений, то есть рост составил 165,9 %). Посредством удаленного доступа пользователям была выдана для ознакомления 4261 электронная копия архивных дел. По-прежнему большим спросом пользуется реализованная в АИС «Архив» возможность доступа к электронным копиям метрических книг (в 2021 г. мы планируем закончить работу по их оцифровке). В связи с ограничением работы читальных залов количество посещений АИС «Архив» в 17,3 раза превысило количество посещений читальных залов архива (32 046 против 1848 в течение 2020 г.). Показатель «Доля посещений виртуального читального зала от общего количества посещений читальных залов ОГАЧО» за 2020 г. составил 94,5 %.

Удобная и понятная структура сайта, регулярное пополнение и обеспечение его работоспособности, а также интересный дизайн обеспечивают стабильный рост интереса пользователей. В 2020 г. на нем было размещено 385 новостных сообщений (в среднем более одной новости в календарный день), 108 публикаций, 30 проектов, 9 выставок, 2213 фотографий. Кроме того, постоянно актуализировались справочная информация, научно-справочный аппарат к архивным документам: списки фондов и описей, путеводители, указатели, «Книги памяти», библиотечный фонд, тематические перечни, нормативные документы по исполнению запросов. Все это положительно сказывается на посещаемости сайта, которая значительно возросла по сравнению с допандемийным годом и составила 134,5 тыс. посещений (рост по сравнению с 2019 г. составил 147 %).

Одновременно электронный фонд пользования доступен и посетителям читального зала. В целях обеспечения сохранности архивных дел пользователям читального зала вместо докумен-

тов на бумажных носителях выдавались электронные метрические книги. В течение года посетителям было выдано 1260 электронных копий дел. В целом выдача электронного фонда пользования в 2020 г. составила 5521 ед. хр. Мы отдаем себе отчет, что в настоящее время количество отсканированных нами дел оставляет желать много лучшего, и будем уделять этому направлению работы одно из первостепенных значений. В целях снижения остроты данной проблемы пару лет назад была внедрена новая платная услуга — внеплановое сканирование еще не переведенных в электронный вид архивных документов и предоставление удаленного доступа к ним, которая сразу стала чрезвычайно востребована.

Необходимо отметить, что возобновление работы читальных залов ОГАЧО с середины августа 2020 г. и личного приема граждан с 1 февраля 2021 г. не вызвало ажиотажа, как так наши посетители привыкли к новой и удобной для них организации работы. Теперь личный прием граждан и посещение читальных залов мы проводим только по предварительной записи, что, на наш взгляд, если так можно выразиться, во многом дисциплинировало пользователей архивной информации, и случаи, когда предварительная запись оказывается невостребованной, случаются крайне редко.

Другой важной проблемой, возникшей в результате ввода ограничительных мероприятий и перевода большей части сотрудников на удаленную работу, стала непосредственно ее организация, которая должна была обеспечить выполнение всех основных плановых показателей и исполнение поступающих к нам запросов в установленные сроки. Эти цели были нами успешно достигнуты. Регистрация и контроль исполнения запросов были организованы в удаленном режиме, а непосредственное их исполнение производилось ежедневно небольшими рабочими группами (с обязательным соблюдением всех санитарных норм и требований), состав которых регулировался на каждую неделю соответствующим приказом.

Те работники, исполнение служебных обязанностей которых организовать в домашних условиях не представлялось возможным, были переориентированы на другие виды работ, основным среди которых стал ввод информации в различные электронные базы данных, что позволило значительно активизировать это направление деятельности. Всего в течение года пополнилось одиннадцать баз данных, включая программный комплекс «Архивный фонд» и АИС «Архив», во все базы данных государственного архива были внесены 684 494 записи. В тематические базы данных внесена 514 471 запись, что в 6,5 раза больше, чем в 2019 г. (79 317 записей).

Безусловно, главными условиями успешной работы сотрудников ОГАЧО в удаленном режиме стали обеспечение их компьютерной техникой и ежедневный контроль качества и объема выполняемой работы со стороны руководителей структурных подразделений.

Общее количество обращений (несмотря на неблагоприятные внешние условия) за получением всех государственных услуг, оказываемых ОГАЧО в 2020 г., составило 63 785, что на 4754 больше, чем в 2019 г. (из них 91,6 % поступило в электронном виде — на 7,2 % больше, чем в 2019 г.).

В связи с вводом ограничительных мероприятий, не позволяющих организовывать экскурсии в выставочных залах архива, нами была активизирована работа по переориентации наших выставочных экспозиций на открытые городские пространства. В июне 2020 г. в рамках мероприятий в честь 75-летия Великой Победы (на оборудовании, приобретенном за счет целевой субсидии из областного бюджета) была открыта экспозиция на 20 двухсторонних стендах «Черные ножи: история создания и боевой путь 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады. 1943–1945 гг.». Выставка, размещенная на площадке перед памятником добровольцам-танкистам на ул. Кирова, в самом центре города, получила высокую оценку руководства города и области, после чего это уличное пространство было закреплено за архивной службой на постоянной основе. В октябре 2020 г. здесь была развернута новая экспозиция — «Великий Танкоград» (при финансовой поддержке в виде выигранного нами гранта фонда «История Отечества»), в феврале 2021 г. — третья, посвященная спорту высоких достижений, «О спорт, ты — мир!», в мае — четвертая «Мир детства». Все экспозиции подготовлены на основе фотографий и документов из фондов ОГАЧО. В сентябре 2021 г. на этой же площадке планируется экспонирование выставки «Ровесники», посвященной двум 100-летним юбилеям — архивной службы Челябинской области и Челябинского государственного академического театра драмы им. Н. Орлова. При этом ул. Кирова является не единственным общественным пространством, на котором ОГАЧО размещает подготовленные на основе наших документов экспозиции. В прошлом году было продолжено начавшееся еще в 2019 г. сотрудничество госархива с ЦПКиО им. Ю. А. Гагарина, где на центральной аллее также установлены стационарные металлические стенды. В рамках этого сотрудничества в парке в 2020 г. были размещены сменные выставки: «Лица старого Челябинска», «Маленькие герои большой войны», «Челябинск — город трудовой доблести» (экспонируется до настоящего времени). Размещение выставок ОГАЧО в общественном пространстве города позволяет расширить аудиторию потребителей архивной информации и является важным способом продвижения архива в информационном поле.

Несмотря на пандемийный год, работа ОГАЧО по использованию и публикации документов велась достаточно активно и в других направлениях (по объективным причинам снизилось только количество экскурсий в наших выставочных залах) — были подготовлены и

изданы четыре книги, сделано 180 различных публикаций, 28 докладов на конференциях, круглых столах и семинарах, выпущено 223 теле- и радиосюжета, два цикла теле- и три цикла радиопередач, подготовлены и проведены 20 выставок (в том числе четыре виртуальные), две научно-практические конференции. Всего в массовых мероприятиях, проведенных ОГАЧО в 2020 г., приняло участие более 15 тыс. человек. Отличительной особенностью 2020 г. стало то, что в большом количестве случаев работа со СМИ велась по телефону, а также посредством сервисов Skype и Zoom.

Еще одной отличительной чертой прошлого года стало проведение некоторых публичных мероприятий в онлайн-режиме. Так, были проведены обе наши, уже ставшие традиционными, конференции («Генеалогия и архивы» и «Архив в социуме — социум в архиве») и часть образовательных курсов, в том числе по реставрации документов. Таким же образом стали проводиться оперативные совещания и дирекции. Эта форма работы была признана успешной и должна использоваться и после снятия ограничительных мер. Уже в этом году в онлайн-режиме нами были проведены круглые столы по некоторым аспектам архивной работы с коллегами из Башкортостана и Пермского края.

В 2020 г. ОГАЧО удалось заработать рекордные для нас 16,2 млн руб., что превысило поступления 2019 г. более чем на 4 млн. Это стало возможным благодаря внедрению новых форм и видов платных услуг, а также увеличению прибыльности (в первую очередь вызванную введением ограничительных мер) существовавших ранее услуг, в числе которых прежде всего следует назвать предоставление удаленного доступа к электронным образам документов, внеплановое сканирование по просьбе заказчика, а также исполнение тематических запросов. При этом следует отметить, что в связи с известными обстоятельствами общение с большинством наших контрагентов, причем вне зависимости от вида предоставляемой услуги и статуса заказчика, проходило в удаленном режиме. Статус бюджетного учреждения позволил нам, как и в предыдущие годы, направить значительную часть заработанных средств как на материальное стимулирование сотрудников (главным образом за выполнение работ, не предусмотренных планом), так и на развитие материально-технической базы нашего учреждения. Среди крупных приобретений и работ прошлого года следует выделить покупку автомобиля и современного сканера, ремонт крыши архивохранилища № 3, ремонт ряда служебных кабинетов и хранилищ во всех трех зданиях ОГАЧО, включая читальный зал (архивохранилище № 2), столовую (архивохранилище № 3) и некоторые другие.

В 2020 г. было сделано многое, за что хочется выразить искреннюю благодарность всему коллективу областного архива. Но в то же время, как говорится, мы не собираемся останавливаться на достигнутом и надеемся, что 2021 г. принесет нам новые достижения и решение многочисленных задач, стоящих перед нами на текущем этапе. Среди них в числе приоритетных следует назвать работы по переводу архивных документов в электронный вид, которые будут выполняться как за счет областной субсидии, так и нашими собственными силами. В связи с активным приемом документов в ОГАЧО (с 2005 по 2018 гг. архивом принято более 1 млн ед. хр., в среднем 71 тыс. в год) все чаще среди текущих проблем нашего учреждения будет возникать тема свободных площадей. Если в ближайшие годы эту проблему можно будет решать традиционным путем, то есть приобретением мобильных стеллажей в здание по адресу: пр. Свердловский, 30а (на сегодняшний день таковыми оборудовано 60 % его архивохранилищ), то в отдаленной перспективе, скорее всего, все острее будет проявляться необходимость приобретения для ОГАЧО четвертого здания.

Еще одним проблемным вопросом, требующим оперативного решения в 2021 г., является приобретение нового сервера для архивохранилища № 1, так как в связи с высокими темпами сканирования его ресурсы на сегодняшний день практически исчерпаны.

Решение этого вопроса, как и многих других, упирается в первую очередь в достаточность наших финансовых средств, в том числе внебюджетных, поступление которых мы постараемся сохранить на уровне прошлого года, а по возможности и приумножить. Уже в начале 2021 г. в учреждении продолжался текущий ремонт служебных кабинетов, так как улучшению условий труда сотрудников ОГАЧО мы уделяем первостепенное значение. В то же время, если позволят внебюджетные средства, в этом же году мы планируем начать работу по организации в здании по Свердловскому проспекту собственного конференц-зала. Также некоторых финансовых затрат (из того же источника) потребует и запланированное на этот год начало работ по производству собственных архивных коробов.

Практически все наши публичные мероприятия, запланированные на 2021 г., будут проводиться в рамках празднования 100-летнего юбилея архивной службы Челябинской области. Хочется, чтобы столь знаменательный для нас год, несмотря на сохранение (пусть и в несколько ослабленном режиме) ограничительных мер, запомнился яркими мероприятиями и событиями, создав праздничное, торжественное настроение как у самих архивистов, так и у простых южноуральцев, интересующихся историей родного края.

Е. Д. Карманова

Организация взаимодействия пользователей и архива в ГАСО

Архивы играют важную роль в духовной сфере жизни общества. Они являются хранителями документов, занимаются просвещением граждан, помогают исследователям найти нужную информацию. В данной статье мы подробно разберем основные формы работы Государственного архива Свердловской области с пользователями и постараемся определить, какие пути взаимодействия будут актуальны в будущем.

Формы работы с посетителями мы можем условно разделить на традиционные и нетрадиционные. К традиционным относятся общение по телефону и в читальном зале, а к нетрадиционным — взаимодействие с помощью информационных технологий. Рассмотрим эти группы подробнее.

Общение по телефону, несмотря на активное развитие информационных технологий, остается одним из основных способов обращения в архив по любым вопросам. На то есть несколько причин. Во-первых, людям старшего возраста привычнее позвонить в архив и услышать ответ на свой вопрос. Во-вторых, такой способ коммуникации позволяет получить информацию быстрее, чем электронная почта. В-третьих, даже в наш век информационной революции не все умеют пользоваться компьютерами и смартфонами, поэтому обращаются в ГАСО по телефону. В процессе разговора люди получают сведения, которые помогают им спланировать дальнейшие действия: написать запрос, заказать документы и т. д. Таким образом, телефонное взаимодействие остается основным способом коммуникации архива и пользователей.

К традиционным способам также можно отнести личное посещение архива. Посетители приносят / забирают документы, приходят на прием к сотрудникам архива, работают в читальном зале. Помимо этого посетители могут прийти и посмотреть выставки, которые размещены в читальном зале или на втором этаже архива.

К нетрадиционным способам относятся запись пользователей в читальный зал по электронной почте, сайт¹, электронные выставки², портал «История рода Демидовых в архивных документах»³ и информационный ресурс «Книга памяти раскулаченных Свердловской области»⁴, а также общение с пользователями через аккаунты в социальных сетях ВКонтакте⁵ и Facebook⁶.

Запись для работы в читальном зале осуществляется двумя способами, но исследователи среднего возраста предпочитают именно электронную почту. Также с помощью электронной почты можно задать вопрос или отправить запрос. Этот форма взаимодействия с пользователями является не такой оперативной, как общение по телефону, однако отличается удобством и является привычной для людей в возрасте от 20 до 40 лет.

Сайт ГАСО является основным средством коммуникации архива и пользователей в сети Интернет. На данном ресурсе посетители могут изучить описи и перечни документов, узнать архивный шифр дел и заказать нужные материалы. Также с помощью сайта можно ознакомиться с новостями архива, изучить статьи сотрудников. Статьи носят как научный, так и научно-популярный характер. Они обычно освещают какое-либо историческое явление или процесс, документы по которому хранятся в ГАСО.

На сайте размещены официальные документы, характеризующие деятельность ГАСО: например, устав организации, источники комплектования; обозначены и сведения о вакансиях. Также на сайте представлена ссылка на ресурс «История рода Демидовых в архивных документах». Он позволяет находить материалы о представителях династии Демидовых, которая внесла большой вклад в развитие Урала и Российской империи. Поиск осуществляется путем использования именного или географического указателей. В настоящее время на сайте доступны 546 документов (данные на 21 января 2021 г.), их количество постоянно увеличивается.

Важно отметить, что в рамках ресурса представлены статьи, которые позволяют изучить отдельные события из жизни Демидовых: например, пожалование ордена Св. Анны Павлу Демидову. Сотрудники архива заполняют данный раздел регулярно, что способствует просвещению граждан. Помимо этого пользователи могут изучить виртуальный тур «Демидовы в Европе» и электронную выставку «Заводы Демидовых на картах России». Для тех, кто пожелает ознакомиться с данной темой подробнее, представлен список книг, которые посвящены данному вопросу (причем на сайте есть книги как российских, так и зарубежных авторов).

Сейчас на ресурсе размещены документы о конкурсе исследовательских и творческих работ по истории рода Демидовых. В нем могут принять участие ученики 8–11-х классов и студенты. Конкурс проходит по трем номинациям: «Рассказ», «Исследовательский проект» и «Логотип». Целью конкурса является развитие гражданско-патриотических качеств и навыков исследовательской деятельности обучающихся на основе изучения наиболее важных страниц истории Урала. Это новый способ взаимодействия архива и пользователей, который позволяет сформировать позитивный образ архивного дела у поколения XXI в.

Другим важным ресурсом архива является проект «Книга памяти раскулаченных Свердловской области» — сервис по поиску информации о дате, времени, месте и основании раскулачивания жителей Свердловской области в 1930-е гг., а также месте хранения этих материалов. Поиск

можно осуществлять с помощью именного и географического указателей, представлен также фотоархив. Это постоянное направление работы ГАСО, которое можно назвать трудоемким и требующим от архивистов особой отдачи.

Если вернуться к разговору о сайте ГАСО, то следует отметить, что архивисты находятся в поиске интерактивных способов взаимодействия с пользователями, поэтому наполняют сайт интересным контентом. Так, в январе 2021 г. они разместили на данном ресурсе викторину «Города Урала», которая представляет собой комплекс из десяти вопросов, освещающих факты о городах нашего края. В качестве подсказки дается фотография этого места.

Пандемия коронавируса и самоизоляция внесли изменения в работу архива: нетрадиционные способы взаимодействия с пользователями вышли на первый план. В связи с этим традиционные выставки перешли в электронный формат. Сотрудники ГАСО создают информационные продукты на ресурсе Tilda — такой вариант представляется наиболее оптимальным, так как позволяет с наименьшими затратами сделать красивый визуальный контент.

Электронные выставки ГАСО состоят из следующих компонентов: заголовок, аннотация, разделы, основная часть, форма обратной связи. Они выполнены в едином стиле, что облегчает восприятие информации и создает ассоциации с архивом. Основными функциями выставок являются выполнение плана, популяризация архивных документов и взаимодействие с пользователями архивной информации.

Другим современным способом работы с аудиторией является публикация заметок и очерков в аккаунтах «Управление архивами Свердловской области» в социальных сетях ВКонтакте и Facebook. Архив давно реализует эту идею, которая оправдала себя: посты набирают больше 250 просмотров, некоторые из них — больше 1000, что можно назвать неплохим показателем, ведь архивная тематика не представляет собой ту сферу, которая пользуется повышенным интересом у публики.

Сотрудники архива публикуют очерки о памятных датах, событиях и народных приметах. Мы видим, что посты охватывают широкий спектр вопросов, и данная тактика была выбрана осознанно — она позволяет расширить аудиторию. Архивисты придумали новый формат — загадки. Он представляет собой перечень фактов о каком-либо заводе, городе или личности и архивную фотографию, которая иллюстрирует текст. Данная форма пользуется вниманием публики.

Также архивисты пишут статьи для социальных сетей. Их объем не превышает трех страниц, так как длинные тексты, по мнению сотрудников архива, не подходят для такой дистанционной площадки. Данные материалы носят научно-популярный характер и, в отличие от статей для сайта, не ограничены планом ГАСО. Архивисты сами выбирают темы и фотографии, ищут инте-

ресные материалы и адаптируют их для социальных сетей. Данный формат пользуется меньшим спросом, чем очерки, однако статьи тоже читают и комментируют.

Таким образом, Государственный архив Свердловской области реализует традиционные и нетрадиционные формы работы с посетителями. Традиционные формы связаны с привычными, существовавшими в XX в. способами, которые сохраняют свою актуальность и сейчас. Нетрадиционные формы можно реализовывать только с помощью информационных технологий. Значение последних увеличилось в период пандемии, однако традиционные формы также продолжают использоваться, ведь не все посетители архива имеют возможность использовать компьютер и Интернет в силу разных причин (отсутствие данных каналов связи, неумение ими пользоваться). Мы не можем полностью исключить традиционные способы взаимодействия с пользователями, так как они более оперативны, к тому же их исключение приведет к росту цифрового неравенства. Сочетание традиционных и нетрадиционных способов взаимодействия с пользователями является залогом успешной работы ГАСО и удовлетворения информационных потребностей пользователей, в связи с чем такой политики архив планирует придерживаться и в дальнейшем.

Пандемия показала, что дистанционная работа является обязательной частью деятельности любой компании, в частности ГАСО. Можно предположить, что онлайн-средства взаимодействия с пользователями будут активно внедряться в плановую работу архива и выйдут на новый уровень. Не исключено, что архивы будут вести свои каналы на Яндекс.Дзене или в Instagram, ведь эти ресурсы уже прочно вошли в повседневную жизнь населения и являются отличной площадкой для популяризации архивных документов. Нельзя забывать и о YouTube. Онлайн-консультации и лекции позволили бы человеку, который первый раз собирается работать с документами, упростить данный процесс и снизили бы нагрузку на сотрудников: им не пришлось бы отвечать на однотипные вопросы. YouTube-канал сократил бы дистанцию между архивом и молодежью, способствовал популяризации архивных документов. Преимущество YouTube состоит в том, что он, в отличие от Skype и Zoom, хранит видео, что позволяет создать базу полезных материалов. Такие способы взаимодействия с аудиторией, на наш взгляд, позволяют расширить количество контактов ГАСО с другими организациями, снять часть работы с архивистов и повысить статус архива и архивистов в обществе.

Примечания

¹ URL: <http://gaso-ural.ru>.

² URL: <https://xn--80aacbf3an9auge0i.xn--p1ai>.

³ URL: <http://xn--b1adadpxq9h.xn--p1acf>.

⁴ URL: <http://xn--80aapawgqaulx4cl.xn--p1ai>.

⁵ URL: <https://vk.com/uralarchives>.

⁶ URL: <https://www.facebook.com/uralarchives>.

И. В. Панкова

Медиапроекты как основа информационного сотрудничества СМИ и архива. Опыт пятилетней совместной работы издания «Аргументы и факты — Челябинск» и ОГАЧО

Одна из тем конференции «Архив в социуме — социум в архиве», посвященная интеграции архивной проблематики в социокультурное пространство, в современных реалиях представляется мне особенно актуальной.

За последние десятилетия мы наблюдаем даже не рост, а взлет общественного интереса к архивным источникам и научным работам, которые посвящены выявлению и исследованию архивных документов. Это связано с тем, что на протяжении последних лет у людей растет интерес к изучению семейной истории. Люди обращаются к своим корням, к изучению своей родословной. Человек хочет чувствовать связь поколений, ощутить, что он является частью конкретной семейной цепочки.

Точно так же растет интерес к истории региона, малой родины. В свою очередь архивные документы, рассекреченные и введенные в научный оборот, позволяют обогатить историческую картину, насытить ее важными, значимыми событиями. И люди хотят быть причастными к такой истории — увлекательной, многоголосой, многонаселенной.

Важно отметить, что со стороны архивов наблюдается встречное движение: архив как социальный и научный институт перестает быть «вещью в себе», активно выстраивает партнерские отношения со школами и вузами, общественными организациями, средствами массовой информации.

Архив и традиционные СМИ

Особая роль в той политике информационной открытости, которую последовательно проводит архивная служба, отводится средствам массовой информации. Да, в последние годы бурно развиваются альтернативные информационные площадки — соцсети, паблики, разнообразные интернет-платформы. Но традиционные СМИ (я отношу сюда не только газеты с многолетней историей, но, разумеется, и радио, и телевидение), тем не менее, отличаются от перечисленных ресурсов двумя важными моментами.

Во-первых, СМИ как профессиональные медиаструктуры несут ответственность за достоверность представленной информации. Во-вторых, они стремятся поддерживать высокую планку качества своих материалов. Оперативно, грамотно, достоверно, интересно — вот краткий девиз традиционных СМИ.

Сотрудничество одного из самых авторитетных российских изданий — я имею в виду еженедельник «Аргументы и факты» — и ОГАЧО насчитывает пять лет. На мой взгляд, это достаточно серьезный срок, чтобы мы могли обобщить и изучить накопленный опыт.

Мне кажется, в нашем случае произошло счастливое совпадение интересов архива и издания «Аргументы и факты — Челябинск». И в первую очередь я хочу отметить исключительный профессионализм сотрудников ОГАЧО, которые всегда шли на сотрудничество, помогали в поиске материалов, давали все необходимые пояснения. А со стороны издания существовали высокий интерес к историческим, краеведческим материалам и готовность публиковать их на своих страницах. Тут я хочу сказать, что фраза «публиковать на своих страницах» не совсем точна. Потому что статьи, подготовленные на основе архивных документов, публиковались не только в печатной версии «АиФ-Челябинск», но и в сети Интернет на сайте издания.

Стоит также отметить, что газета «Аргументы и факты» в Челябинской области является самым популярным печатным изданием, ее еженедельный тираж — более 40 тыс. экземпляров — самый высокий по сравнению с другими областными газетами. Кроме того, сайт chel.aif.ru стабильно входит в десятку самых читаемых южноуральских сайтов. Все это означает, что материалам на исторические и краеведческие темы обеспечена самая широкая аудитория.

Системный подход

Пятилетний опыт работы в контакте с архивной службой наглядно показал: обязательным условием успешного сотрудничества СМИ и архивов является системное взаимодействие, которое не имеет ничего общего с практикой разовых спонтанных публикаций краеведческой тематики.

На мой взгляд, системность — это ключевой, самый важный момент в подобном сотрудничестве. Не секрет, что у многих СМИ «просыпается» интерес к архиву только к определенным историческим датам (например, 9 Мая, 23 Февраля, региональные юбилейные даты и т. д.), когда журналистам надо «отработать» новостную повестку. Это тоже часть информационного процесса, ничего плохого тут нет.

В свою очередь углубленное и долговременное партнерство архивов и СМИ требует от журналистов грамотного медиапланирования и настраивая на серьезную исследовательскую работу, а от работников архива — готовности предоставить интересующие материалы, дать профессиональные комментарии и вообще тратить свое время на общение с представителями СМИ.

Что включает в себя системный подход, о котором мы говорим? Как показала практика, нам удалось выстроить системное взаимодействие, когда мы («АиФ-Челябинск» и ОГАЧО) начали сотрудничество в формате тематических проектов,

рассчитанных на достаточно длительные сроки (от полугода до года).

Основные этапы создания и реализации медиапроекта включают в себя разработку интересных тем, актуальных для данного региона, поиск необходимых (в том числе редких, эксклюзивных, ранее не исследованных) материалов, тщательное изучение представленных документов, интервью с экспертами — сотрудниками архива, профессиональными историками и так далее.

Авторами статей могут быть как сотрудники архива, так и журналисты — это зависит от политики и формата издания. В нашем случае все статьи для «АиФ-Челябинск» были написаны мной, вся исследовательская работа шла под руководством и при поддержке работников архива.

Первый совместный медиапроект мы осуществили в 2016 г. Он назывался «**Челябинская область в лицах и документах**» и был посвящен наиболее значимым моментам в летописи Челябинска и Южного Урала на историческом отрезке от 1736 г. (времени создания Челябинской крепости) до начала 1920-х гг. Заголовок первой статьи нашего первого проекта звучал так: «XVIII век. Жителей Челябинской крепости волновали безопасность и экология». Как можно понять из данного заголовка, уже в первом материале обозначился один из основных принципов создания журналистских материалов — стремиться не просто рассказывать о минувших исторических событиях, но и по возможности актуализировать их, находить параллели с нашим временем и делать их интересными для современных читателей.

Далее в течение 2016 г. в газете и на сайте «АиФ-Челябинск» были опубликованы статьи, посвященные различным аспектам жизни дореволюционного Челябинска и Южного Урала: образованию, культурной жизни, чайной торговле, традициям благотворительности, появлению в городе технических достижений, открытию железнодорожной ст. Челябинск и т. д.

Что же касается актуализации исторических материалов, то в некоторых случаях проблематика статей и сегодня выглядит вполне современно. Например, в статье «Ни шагу без галош» рассказывается о том, что представлял собой город в начале XX в. в плане благоустройства и оснащения коммунальными сетями. Цитата: «Воду для бытовых нужд брали из Миасса. Граждане и тогда были довольно небрежны в вопросах соблюдения чистоты: зимой вываливали на лед мусор и навоз, потом все это вместе с растаявшим льдом уходило в реку. В результате жители получали “питьевую воду из реки, отдающую гнилостным запахом”».

Приходится признать, что и на данный момент, по прошествии более ста лет, вопросы чистоты на улицах, состояния р. Миасс и санитарной культуры граждан стоят достаточно остро. А в целом в 2016 г. в сотрудничестве с архивом было подготовлено и опубликовано 15 больших материалов, каждый из которых целиком занимал одну газетную полосу.

Тематические проекты

Следующий масштабный проект в 2017 г. был посвящен серьезной исторической дате — 80-летию начала Большого террора на Южном Урале. Он назывался «**Личное дело №...**». В материалах этого проекта мы рассказывали о биографиях наших земляков, ставших жертвами репрессий в конце 1930-х гг. В ОГАЧО хранится около 37 тыс. архивно-следственных дел лиц, осужденных по политическим статьям в годы Большого террора. Среди них — представители всех социальных слоев: рабочие, крестьяне, инженеры, священнослужители, руководители разных уровней...

Нашим общим решением (издания и сотрудников архива) было изменить оптику — говорить о репрессиях не языком цифр и уже известных фактов, а рассказывать истории конкретных людей, опираясь на личные дела, хранящиеся в фондах архива. Тем более что в архиве Челябинской области в следственных делах хранятся не только официальные документы — справки, докладные записки, протоколы допросов, — но и личные письма подследственных. Таким образом, у нас появилась возможность «дать слово» самим репрессированным, узнать о том, что они думали и чувствовали. Во второй половине 2017 г. в газете и на сайте «АиФ-Челябинск» было опубликовано 12 статей в рамках данного проекта. Герои публикаций были самые разные: от скромного преподавателя политэкономии Челябинского педагогического института Михаила Давыдова до крупного организатора производства, начальника треста «Магнитострой», забытого героя индустриализации Константина Валериуса. От крестьянина Бродоколмакского района Спиридона Севастьянова до известного челябинского художника Николая Русакова. Кстати, важно подчеркнуть, что во всех изученных мною делах хранятся не только справки о реабилитации осужденных, но и документы, подтверждающие, что признания обвиняемых были получены незаконными методами.

В 2018 г. по инициативе главного археографа ОГАЧО Галины Кибиткиной в «АиФ-Челябинск» появился очередной проект — цикл публикаций «**Особая папка**». В фонде ОГАЧО «Особая папка» хранятся документы, которые в советское время содержали партийную и государственную тайну. Диапазон этой «тайны» был достаточно широк: здесь была информация об эпидемиях, голоде, несчастных случаях на производстве, перебоях с продовольствием, производственных авариях, криминальной ситуации в регионе и т. д. Благодаря этому проекту мы получили возможность рассказать читателям на основе ранее засекреченных документов о малоизвестных (или вовсе прежде неизвестных) фактах и событиях из истории Челябинской области. В течение 2018 г. в газете и на сайте были опубликованы статьи, посвященные масштабным эпидемиям начала 1930-х гг., перебоях с продовольствием, криминальной ситуации в 1920–1930-е гг.

и фактах коррупции в годы войны на Южном Урале.

В начале 2019 г. стартовал новый тематический проект «История повседневности». Как говорят историки, внимательный научный взгляд на повседневность, на жизнь простого человека делает историческую картину мира более полной, позволяет увидеть то, что раньше ускользало от внимания исследователей. А также помогает лучше узнать, как жили наши бабушки, дедушки и более далекие предки. Для подготовки статей по этому проекту использовались различные архивные источники: ведомственные отчеты, доклады, газетные материалы 1940–1950-х гг. На сайте и на газетных страницах появились материалы, рассказывающие о состоянии жилищно-коммунального хозяйства, о проблемах торговли, о работе сферы обслуживания того времени и даже о таком уникальном факте, как забастовка рабочих в Магнитогорске в 1950 г.

На данный момент сотрудничество «АиФ-Челябинск» и ОГАЧО продолжается. В 2021 г. на сайте мы реализуем очередной совместный проект «ЧелябинскЪ», посвященный предстоящему 285-летию столицы Южного Урала. Тема проекта: подробная картина городской жизни в 1911 г., воссозданная по материалам ежедневной газеты «Голос Приуралья». Мы рассказываем о важных городских событиях, случившихся 110 лет назад, о том, как челябинцы работали и проводили свободное время, какие фильмы смотрели, какие товары покупали, и о многом другом.

Почему именно медиапроекты я считаю основным направлением нашего сотрудничества? Во-первых, выбранные конкретные темы задают вектор исследований и диктуют подбор документов. Во-вторых, они концентрируют наше внимание на определенном временном отрезке, на определенных героях и событиях, позволяют «не распыляться». В-третьих, именно тематические проекты предполагают погружение в историческую эпоху и исключают поверхностный подход при подготовке журналистских материалов.

Другие направления работы

Однако рассказать только о тематических проектах — значило бы заметно сузить диапазон нашего взаимодействия. Еще одной гранью совместной работы является информационная поддержка деятельности архива. На страницах издания и на сайте регулярно появляются материалы, рассказывающие о мероприятиях, которые проводит архив: выставках, круглых столах, акциях «Пополни историю» и т. д. В целом за прошедшие пять лет в рамках нашего сотрудничества на страницах издания «Аргументы и факты — Челябинск» и на сайте chel.aif.ru было опубликовано 120 статей на исторические и краеведческие темы.

Кстати, в 2019 г. читатели газеты «АиФ-Челябинск» приняли активное участие в архивной акции «Пополни историю». Как рассказали мне тогда работники архива, в фондах ОГАЧО не

очень много фотографий, отражающих обычную жизнь наших земляков в 1940–1960-е гг. Фотоаппаратов в личном пользовании тогда было мало, люди фотографировались нечасто. К тому же с того времени прошло уже полвека, и многие фотоматериалы были утрачены или пришли в негодность.

И вот в феврале 2019 г. редакция «АиФ-Челябинск» попросила своих читателей внимательно изучить семейные фотоархивы и прислать в адрес редакции фотографии 1940–1960 гг., отражающие быт южноуральцев. Люди очень активно откликнулись на эту просьбу. В течение одного месяца в редакцию пришло более ста редчайших фотографий от читателей из Челябинской и Курганской областей. Таким образом, нам — журналистам и читателям «АиФ» — тоже удалось внести свой посильный вклад в пополнение архивных фондов.

Следующее важное направление работы — взаимодействие со специалистами архива как с экспертами, которых мы привлекаем при подготовке журналистских материалов на исторические, краеведческие, документоведческие темы. Еще раз подчеркну, что специалисты ОГАЧО придерживаются политики максимальной открытости для общества и СМИ и всегда готовы дать профессиональный комментарий, ответить на интересующие журналистов вопросы.

Я хочу сказать спасибо всем работникам архива за их ежедневный самоотверженный труд и, конечно, хочу выразить огромную благодарность непосредственно тем специалистам, с кем мы тесно сотрудничали эти пять лет и благодаря которым на страницах «АиФ-Челябинск» публиковались статьи, посвященные истории Южного Урала. Это главный археограф ОГАЧО Галина Николаевна Кибиткина, которая постоянно генерировала идеи, искала нужные документы и вообще всегда приходила мне на помощь; директор ОГАЧО Игорь Игоревич Вишев, заместитель директора по использованию документов Николай Александрович Антипин, главный археограф Елена Павловна Турова, ведущие археографы Елена Борисовна Рохацевич, Сергей Александрович Кусков, главный археограф отдела публикации и научного использования документов Михаил Александрович Базанов, заведующие читальными залами Марина Николаевна Степанова и Алевтина Владимировна Береза.

Подводя итог всему вышесказанному, хочу сделать главный вывод: пятилетний опыт показал, что совместная системная работа журналистов и архивистов способствует появлению в СМИ социально значимых материалов. Эти материалы не только повествуют о событиях минувших лет, но и пробуждают интерес к истории родного края, к краеведческим исследованиям, формируют уважение к малой родине и землякам — как к современникам, так и к нашим предшественникам, которые жили здесь, строили, трудились на благо Южного Урала и всей страны.

Е. В. Латышева

Формы взаимодействия архивов, музеев, библиотек в современном информационном пространстве

В современных условиях, характеризующихся усилением глобализационных процессов, развитием телекоммуникаций, интернет-технологий, наблюдается процесс повышенного взаимодействия между социокультурными учреждениями, которые накапливают, хранят, структурируют, распространяют достижения интеллектуального, духовного, исторического и культурного наследия. Особенно активно в условиях новой социально-коммуникационной реальности происходит сотрудничество архивов, библиотек, музеев в ведущих государствах мира.

Проблема сотрудничества между ними актуальна и в нашем государстве, поскольку формирование качественной социально-коммуникационной электронной среды в значительной степени зависит от процессов кооперации по созданию общего электронного пространства (ресурса), направленного на обеспечение доступа граждан к культурному наследию, хранящемуся в фондах библиотек, музеев и архивов. Именно поиск форм такого сотрудничества и является основной задачей современного общества для повышения эффективности использования коллективных ресурсов данных учреждений, что, безусловно, предопределяет актуальность выявления эффективных форм и их взаимодействия на национальном и межнациональном уровнях.

Различным аспектам сотрудничества библиотек, архивов и музеев посвящены статьи отечественных и зарубежных исследователей: С. А. Шемяева¹, Т. В. Майстрович, А. В. Чугунова², С. В. Гавриловой³, Н. С. Самарчук⁴, Е. А. Воронцовой⁵, И. Н. Никулиной, А. Б. Антопольского⁶, М. Брэдли (M. Bradley), Р. Ларсена, (R. Larsen), Р. Мартина (R. Martin). В большинстве работ внимание акцентируется на понимании информационно-ресурсной составляющей библиотек, музеев, архивов как единой целостности; на их общих признаках и различиях; проблемах интеграции в едином информационном пространстве; особенностях реализации совместных проектов. Немаловажным фактором является и подготовка квалифицированных специалистов для отрасли через взаимодействие с вузами, что прослеживается в ряде публикаций⁷. Неоднократно данной проблеме были посвящены всероссийские и международные конференции, а также круглые столы и ряд сборников научных статей. Достаточно работ посвящено сотрудничеству образовательных учреждений с организациями культуры, в том числе и по Республике Крым⁸.

Целью исследования мы считаем освещение результатов анализа форм взаимодействия библиотек, музеев, архивов в России и за рубежом.

Как философская категория данное взаимодействие отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга и их взаимообуслов-

ленность. Такая форма движения, развития определяет существование и структурную организацию любой системы. А если рассматривать с точки зрения теории социальных коммуникаций, то взаимодействие — это процесс установления связи между системами, который вызывает изменения в каждой или в одной из них⁹. Этот процесс в условиях развития электронной среды и социальных коммуникаций является закономерным.

На международном уровне тоже признана необходимость интеграции в едином информационном пространстве объектов культурного наследия человечества, которые хранятся в фондах различных институтов памяти, в частности библиотек, музеев, архивов. Успешная реализация указанной социальной миссии библиотек, музеев, архивов обуславливает усиление взаимодействия между ними на принципах сотрудничества, партнерства, кооперации.

С целью выявления форм взаимодействия библиотек, музеев, архивов в России и зарубежных странах были проанализированы публикации американских, немецких, английских, датских, норвежских, финских, украинских авторов, в которых освещается данный опыт сотрудничества и осуществлен мониторинг российских библиотечных, музейных и архивных сайтов. На основе проведенного анализа были определены следующие основные формы взаимодействия библиотек, музеев, архивов:

- создание на национальном уровне специальных структур с целью координации совместных действий данных учреждений;
- реализация совместных программ и проектов;
- интеграция электронных ресурсов;
- организация и проведение совместных социально значимых акций и мероприятий, совместных выставок, конференций;
- подготовка и выпуск указателей, справочников.

Ниже приведена таблица, из данных которой следует, что для организации и поддержки взаимодействия библиотек, музеев и архивов во многих зарубежных странах, в частности в США, Великобритании, Дании, Норвегии, созданы специальные органы. Одним из таких органов является Совет музеев, библиотек и архивов Великобритании (MLAC), созданный в 1936 г. с целью преодоления коммуникационных барьеров, связанных с различиями в деятельности учреждений трех секторов¹⁰. Значительный опыт в организации системных связей между библиотечными, музейными и архивными учреждениями имеет совместный Комитет архивов, библиотек и музеев США, который объединяет с 1970 г. представителей данных профессиональных объ-

единений: Общества американских архивариусов (SAA), Американской библиотечной ассоциации (ALA) и Американскую ассоциацию музеев (AAM)¹¹. В Норвегии и Дании созданы специальные комитеты (АВМ и АВМ-utvikling соответственно¹²), деятельность которых направлена на консолидацию усилий библиотек, музеев, архивов по совместному размещению архивных документов, библиотечных информационных ресурсов и музейных объектов в электронном пространстве и организации доступа к ним; их участие в сохранении культурного наследия; выработке совместных решений в направлении стандартизации совместных электронных ресурсов; координации совместных действий. Кроме этого, следует отметить, что норвежский комитет АВМ-utvikling является посредническим органом взаимодействия библиотек, музеев, архивов между скандинавскими странами¹³. Для кооперации усилий библиотечных, музейных и архивных работников в Финляндии также создана специальная группа е-КАМ, в которой выделены две подгруппы. Деятельность первой направлена на отбор документов и определение приоритетов

оцифровки; вторая ответственна за принятие решений по финансированию проектов¹⁴.

Самой распространенной формой взаимодействия библиотек, музеев, архивов в условиях развития современных информационных технологий, электронных коммуникаций является интеграция их информационных ресурсов. Процессы интеграции происходят на местном, региональном, государственном и межгосударственном уровнях во всех странах, представленных в процессе исследования. Прежде всего это связано с общественным пониманием необходимости сохранения культурного наследия на основе оцифровки библиотечных, музейных и архивных фондов и создания общей комфортной среды для использования информационных ресурсов библиотек, музеев и архивов; расширение их совместной краеведческой деятельности.

В большинстве европейских стран усиливаются процессы интеграции информационно-ресурсной составляющей библиотек, музеев, архивов в рамках международных и национальных программ и проектов, стираются национальные границы культурных пространств. Например,

Таблица 1

Формы взаимодействия библиотек, музеев и архивов

Страна	Сотрудничество	Партнерство	Кооперация	Наука, комитеты
Россия	Организация выставок; создание указателей, справочников	Проекты: «Научное наследие»; «LibMeta» и др.	Электронные энциклопедии; Формирование региональных ресурсов	Конференции
Украина	Организация выставок; создание указателей, справочников	Формирование электронной базы «Культура Украины»	Консорциум «Историческая Вольнь»	Конференции
США	Совместные мероприятия	Национальные программы и проекты	Региональные проекты	Совместный комитет архивов, библиотек и музеев (CALM); конференции
Великобритания	Совместные мероприятия	Национальные программы и проекты	—	Совет музеев, библиотек и архивов (MLAC); конференции
Германия	Совместные мероприятия	Национальные проекты «ВАМ»	Региональные проекты	Конференции
Франция	Совместные мероприятия	Национальные проекты	—	Конференции
Швеция	Совместные мероприятия	Национальные проекты	—	Центр АВМcentrum; конференции
Дания	Совместные мероприятия	—	Региональные и местные проекты (Северной Ютландии NOKS)	Комитет АВМ, Конференции
Норвегия	Совместные мероприятия	Национальные проекты	—	Норвежский орган АВМ-utvikling; конференции
Финляндия	Совместные мероприятия (общегосударственная поисковая система FINNA)	Национальные проекты	Региональные и местные проекты	Группа е-КАМ; конференции

в течение нескольких лет реализуется международный проект «Электронная библиотека без границ», в котором принимают участие музеи и библиотеки Финляндии, Норвегии, России и других стран.

Следует также отметить, что на государственном уровне принимаются правительственные программы по формированию единого цифрового ландшафта культурного наследия. В Украине целью государственной целевой национальной культурной программы создания единой информационно-библиотечной системы является программа «Библиотека XXI»: еще в 2011 г. было объявлено о повышении эффективности использования, обеспечения доступности культурного наследия, хранящегося в библиотечных, музейных и архивных фондах.

То есть главным критерием взаимодействия библиотек, музеев и архивов признана интеграция их информационных ресурсов, сосредоточенных в информационно-коммуникационных структурах, различных по источнику, дате создания, способам передачи и распространения, назначению, содержанию, объему, доступности, социальному статусу, режиму использования, уровню восприятия, форме представления, структурным элементам культурного явления или события.

Проведенный анализ форм взаимодействия библиотек, музеев и архивов свидетельствует, что результатами реализации национальных программ и проектов являются порталы, электронные библиотеки, которые предоставляют доступ к общему электронному ресурсу библиотек, музеев и архивов в таких государствах, как Германия, Великобритания, США, Франция, скандинавские страны, Россия и Украина. Вместе с тем хотелось бы отметить, что формирование электронной базы «Культура Украины» проходит по инициативе Национальной парламентской библиотеки Украины¹⁵, поэтому различные учреждения культуры Украины взаимодействуют в рамках формирования общего электронного ресурса, что совпадает с мировыми общекультурными тенденциями.

Заслуживает внимания и российский опыт: в рамках программы РФФИ совместными усилиями научно-педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, Государственной публичной научно-технической библиотеки России, Библиотеки природных наук РАН, Государственного дарвиновского музея, архива РАН создан портал LibMeta, который является примером развития информационно-технологической среды интеграции электронных коллекций научно-го и культурного наследия¹⁶.

Хотелось бы обратить внимание, что во многих странах инициированы региональные и местные проекты, направленные на совместное размещение в электронном пространстве музейных объектов, информационно-библиотечных ресурсов и архивных документов. К ним можно отнести проект по размещению финского культурного наследия в электронной среде социальных ком-

муникаций; некоторые местные проекты России, Украины, Дании, Швеции, Германии. Одним из таких проектов Дании является NOKS, в результате реализации которого создана база данных с материалами об истории культуры на базе материалов библиотек, музеев и архивов¹⁷. Также региональный краеведческий аспект воплощается в проектах Архангельской областной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова, а также в европейских странах через участие краеведческих, исторических музеев, местных архивов и публичных библиотек.

В качестве среды интеграции информационных ресурсов учреждений культуры регионов в России распространяется создание электронных энциклопедий. В частности, формируется электронная энциклопедия Санкт-Петербурга, которую российские исследователи рассматривают как ядро культурных ресурсов и которая объединяет базы данных архивов, музеев, библиотек, органов охраны памятников истории и культуры¹⁸. Формирование общего электронного ресурса в форме энциклопедии способствует решению политических, научных, исторических, краеведческих, образовательных задач, проблем повышения региональной туристической привлекательности, что так важно в период снятия эпидемиологических ограничений.

Несомненно, интеграционные процессы библиотек, музеев, архивов четко проявляются в сочетании потоков различной информации; взаимодополняемости общих ресурсов на государственном, межгосударственном, региональном и местном уровнях; в углублении процессов формирования информационной среды культурного и научного наследия; в повышении общего уровня краеведения в регионах. Однако объективные различия между библиотеками, музеями и архивами тормозят развитие их взаимодействия во многих странах, в том числе и в России. Главными препятствиями являются: разница в способах организации фондов, принципах их учета и каталогизации; несоответствие программных платформ, форматов представления данных; применение различных классификационных таблиц; недостаточное материально-техническое обеспечение.

Установлено, что во всех странах систематически проводятся международные и региональные конференции, в рамках которых дискутируются проблемы практического взаимодействия, совместных научных исследований, подготовки кадров, разработки стандартов совместимости, перспектив развития сотрудничества между библиотечными, музейными и архивными учреждениями. Следует отметить, что в рамках конференций обсуждаются проблемы и направления взаимодействия библиотек, музеев и архивов¹⁹.

Среди распространенных форм взаимодействия библиотек, музеев, архивов можно назвать сотрудничество, основанное на их физическом соседстве. Это организация совместных мероприятий. Важным в этом направлении является

Таблица 2

Проблемы интеграции

Характер проблем	Описание
Содержательные	Обусловлены необходимостью определения тематики и критериев отбора для оцифровки и представления на общих ресурсах
Организационные	Связаны с определением и поддержкой механизмов взаимодействия
Технологические	Обусловлены организацией доступа к общим ресурсам, созданием качественного поискового аппарата, обеспечением возможности длительного сохранения электронной информации и данных
Правовые	Направлены на обеспечение взаимоотношений между партнерами, в частности на соблюдение норм авторского права, разработку соответствующей нормативно-регламентирующей документации
Психологические	Связаны с неготовностью работников сотрудничать, непониманием преимуществ взаимодействия

опыт взаимодействия Донской государственной публичной библиотеки с библиотеками, музеями и архивами Ростовской области: представлен региональный проект по формированию национального репертуара электронных ресурсов «Донская электронная библиотека». Это краеведческая полнотекстовая электронная библиотека, содержащая оцифрованные документы и документы, свободно размещенные в сети Интернет, об истории, быте и традициях Донского края и Кавказа²⁰.

Безусловно, взаимодействие библиотек, музеев, архивов происходит на основе использования различных форм сотрудничества, партнерства и кооперации. В то же время следует отметить, что коммуникационное взаимодействие библиотечных, музейных и архивных учреждений реализуется на недостаточном уровне, в частности в нашем государстве. Создание, отбор, структурирование, хранение и использование собственных ресурсов каждое учреждение осуществляет самостоятельно, без какого-либо согласования и координации. Возможно, именно недостаточность процессов взаимодействия в отечественном опыте негативно сказывается как на оперативности и качества использования культурных и научных достижений, так и на имидже и дальнейшем развитии библиотек, музеев и архивов как важных компонентов социальных коммуникаций.

Следует отметить, что развитие сотрудничества между различными учреждениями помогает расширению коммуникационного пространства, а реализация совместных проектов через представленные выше формы взаимодействия способствует повышению эффективности их деятельности, развитию системного единства. В пользу расширения и развития различных форм взаимодействия библиотек, музеев, архивов в Российской Федерации свидетельствуют следующие аргументы:

- библиотечные, музейные, архивные учреждения приобрели бы возможность сообща обучаться на основе различных подходов, международного опыта;

- сотрудничество всегда способствует решению сложных вопросов, прежде всего на основе

использования потенциала компетентных сотрудников библиотек, музеев и архивов;

- реализация совместных программ и проектов создает условия для укрепления позиций библиотек, музеев, архивов в обществе;

- развитие партнерства способствует организации оперативного доступа граждан к их совместным коллекциям;

- кооперация в направлении оцифровки культурного и научного наследия экономит материальные ресурсы, повышает качество электронных собраний;

- системные связи расширяют возможности библиотек, музеев, архивов по социальным коммуникациям; способствуют развитию знаний, культуры, а также социальной адаптации человека в сложном современном мире.

В результате очевидно, что процессы взаимодействия библиотек, музеев, архивов усиливаются, а их взаимодействие приобретает постоянный характер и уже сегодня проявляется в различных формах, наиболее распространенными из которых являются: реализация проектов в направлении формирования общего электронного ресурса культурного наследия; создание цифровых коллекций регионального и местного уровней; организация конференций; сотрудничество в рамках отдельных социально значимых акций и мероприятий. Несомненно, прослеживается необходимость выстраивания дальнейшего системного взаимодействия библиотек, музеев, архивов на национальном и региональном уровнях. Только их совместная деятельность приведет к развитию образовательного и культурного уровней общества, а кооперация будет способствовать популяризации данных учреждений.

Примечания

¹ Шемаев С. А. Особенности взаимодействия библиотек, музеев, архивов в зарубежных странах // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 734–737.

² Майстрович Т. В., Чукунов А. В. Электронное документное пространство: взаимодействие библиотек, университетов, архивов и музеев // EVA-2004: Информация для всех: культура и технологии информационного общества : материалы конф. М., 2004.

³ Гаврилова С. В. Сотрудничество библиотек, музеев и архивов в области интеграции информационных

ресурсов // Культур. жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 93–95.

⁴ Самарчук Н. С. Архивы, библиотеки, музеи: формирование единого социокультурного пространства // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : VI Всерос. науч.-практ. конф. в рамках VII Всерос. конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров нар. танца им. Геннадия Власенко. Самара, 2018. С. 368–373.

⁵ Воронцова Е. А. Информационное обеспечение исторической науки и музеи — библиотеки — архивы как хранилища информации: теория, методология, практика // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. М., 2016. С. 87–93.

⁶ Антопольский А. Б. Среда интеграции данных научных библиотек, архивов и музеев «LibMeta» // Информ. ресурсы России. 2012. № 5. С. 8–12.

⁷ Никулина И. Н. Проблемы взаимодействия университетов, архивов, библиотек, музеев в учебном процессе // Актуальные вопросы гуманитарного знания : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. «Барулинские чтения: Россия в эпоху социальных трансформаций». Барнаул, 2018. С. 54–56.

⁸ Латышева Е. В., Кравченко Н. А. Практическая подготовка и особенности ее организации на базовой кафедре // Науч. вестн. Крыма. 2017. № 4 (9). С. 22 ; Латышева Е. В., Назарчук Т. Б., Кадырова Л. З. Республиканская Крымско-татарская библиотека им. И. Гаспринского как поликультурный центр крымского региона: история возникновения и перспективы развития // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11 (55). С. 110–117.

⁹ Ильганаева В. А. Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность) : слов.-справ. Харьков : Гор. тип., 2009. С. 56.

¹⁰ O'Neill B. A strategy for supporting and sustaining high quality research in the UK's Museums, Galleries, Libraries and Archives. URL: <http://www.britac.ac.uk/policy/ahrc-2006/museums/museums-galleries.cfm>.

¹¹ Bradley M. Collaboration between libraries, archives and museums: Essential for maintaining relevance in the Digital Age // J. of the Amer. Society for Inform. Science and Technology. 2010. Vol. 58, no. 14. Pp. 2205–2225.

¹² Larsen R. The amalgamation of the Norwegian archive, library and museum sectors. As viewed by smaller special libraries // Scandinavian Public Quarterly. 2003. Vol. 36, no. 2. Pp. 4–8. См. также: O'Neill B. Ibid. ; Kirsten B. The cultural historical search base of Northern Jutland. An ALM project (Archive — Library — Museum) // Scandinavian Public Quarterly. 2003. Vol. 36, no. 2. Pp. 12–13 ; Hedegaard R. The benefits of archives, libraries and museums working together. A Danish case of shared databases // New Library World. 2004. Vol. 105, no. 1202/1203. Pp. 290–296.

¹³ Larsen R. Ibid.

¹⁴ Чечикова Ю. С. Проекты оцифровки библиотечных и музейных коллекций в Финляндии // Библиотекосведение. 2009. № 1. С. 95–100.

¹⁵ Микитенко А. Электронна бібліотека «Культура України» // Бібл. планета. 2011. № 1. С. 5.

¹⁶ Антопольский А. Б. Указ. соч.

¹⁷ Kirsten B. Ibid.

¹⁸ Гринфильд П. А. Политика интеграции информационных ресурсов по культуре на региональном уровне. URL: www.nsl.ru.

¹⁹ Никулина И. Н. Указ. соч.

²⁰ Гаврилова С. В. Указ. соч.

Ю. А. Денисенко

«Обречены сотрудничать!»: к вопросу партнерства Государственного архива Республики Крым и Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

В современных условиях развитие Российского государства зависит от его способности своевременно и адекватно реагировать на потребности общества и продуцировать инновации, что является возможным только при наличии качественной системы образования и исторического капитала. Несмотря на высокую степень охвата населения образованием, в частности вышшим, его качество, наличие научно-исследовательских разработок и уровень подготовки персонала находятся в не совсем удовлетворительном состоянии. Некачественное образование влечет за собой отставание и неприятие инноваций. Инновационное развитие становится возможным благодаря тесному сотрудничеству университетов, предприятий и государства и характеризует роль каждого из институтов в развитии инноваций, а значит, и общества и региона в целом. На практике такая модель применима и для Республики Крым, в частности для сотрудничества Государственного архива Республики Крым (ГАРК) и университета, которые волею судеб появились в революционном 1919 г., причем благодаря усилиям профессора Таврического уни-

верситета Б. Д. Грекова¹, который справедливо считается основателем Крымского архива.

В марте 2014 г. Крым стал субъектом Российской Федерации, и начался процесс интеграции региональной архивной и образовательной отрасли в национальное правовое культурное и образовательное пространство². Важным, исторически сложившимся элементом сотрудничества является методическое и консультативное сопровождение ГАРК деятельности архива университета. В связи с созданием ГАРК университет обработал и передал на хранение документы по сменному составу сотрудников, в том числе их личные дела с 1937 по 1975 гг. Являясь наиболее крупным образовательным учреждением полуострова, университет служит источником комплектования государственных архивов Республики Крым.

Мы подводим первые итоги совместной деятельности, направленной на улучшение подготовки высококвалифицированных специалистов — документоведов и архивистов — в Крымском регионе через формирование компетенций у обучающихся в университете. В этом году отмечаем пятилетие совместной работы на базе

кафедры «Архивное дело и делопроизводство» исторического факультета Таврической академии. Кафедра является площадкой для практической деятельности обучающихся трех направлений подготовки: «История», «Документоведение и архивоведение» и «Политология»³. А главное, сотрудничество просто необходимо для адаптации указанных основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) под потребности регионального рынка труда.

Именно приближение образовательной деятельности к реальным запросам работодателя — самая важная задача для современного образовательного учреждения, каковым и является университет. Сотрудники базовой кафедры работают на условиях внешнего совмещения и являются специалистами архива с многолетним опытом и высокой квалификацией. Заместитель директора архива Н. А. Кравченко является преподавателем базовой кафедры архивного дела и делопроизводства и уже пять лет успешно проводит учебную и производственную практику для обучающихся университета как очной, так и заочной форм обучения. Ею была освоена дистанционная форма проведения уроков в условиях ограничений из-за пандемии коронавируса.

Госархив Республики Крым является экспертом и рецензирует ОПОП направления подготовки «Документоведение и архивоведение» в университете; сотрудники архивного учреждения проводят анализ фондов оценочных средств, разработанных преподавателями кафедры документоведения и архивоведения, согласовывают как работодатели тематику курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров данной кафедры, при необходимости проводят консультации при подготовке курсовых и дипломных работ бакалавров и магистров направления подготовки «История».

Большое внимание уделяется и научно-практическому сотрудничеству. Сотрудники университета принимают участие в ежегодных научных и научно-практических конференциях памяти профессора Б. Д. Грекова, Крымско-московских чтениях. Сотрудники ГАРК — директор Ю. А. Денисенко и ее заместитель Н. А. Кравченко — выступают с докладами на конференции, проводимой кафедрой документоведения и архивоведения университета. Сотрудники университета и ГАРК совместно принимают активное участие в организуемом базовой кафедрой архивного дела и делопроизводства круглом столе. В 2021 г. он состоялся 26 апреля и был посвящен актуальным вопросам применения новых технологий: «Перспективы развития архивного дела в условиях цифровизации». В ходе обсуждения были затронуты вопросы нормативно-правового регулирования архивного делопроизводства в условиях цифровизации, особенностей системы профессиональной подготовки квалифицированных архивистов за рубежом. Свое видение социальной миссии российских архивов в новых ус-

ловиях представили студенты исторического факультета⁴.

Плодотворное научное сотрудничество отразилось в ряде публикаций, освещающих деятельность архивной отрасли полуострова. Например, профессор Е. В. Латышева посвятила ряд публикаций работе, проводимой ГАРК по оцифровке документов⁵, профессор Н. Д. Борщик уделила данной теме значительное внимание⁶; опыт работы по подготовке специалистов отрасли отражен в совместных и индивидуальных публикациях сотрудников-архивистов Ю. А. Денисенко⁷, Н. А. Кравченко и О. В. Мусяченко⁸. Налажено сотрудничество с редакцией журнала «Археон», который издается в Сербии Национальным архивом Воеводины⁹.

В связи с проведенной глубокой модернизацией ГАРК и в рамках знакомства с обновленными помещениями архивохранилищ и лаборатории обеспечения сохранности документов и информационных технологий, по уже сформировавшейся в рамках сотрудничества традиции, ежегодно в сентябре — начале октября архив с экскурсией посещают студенты первого курса исторического факультета университета.

Значимым является и регулярное сотрудничество Музея истории Крымского федерального университета (КФУ) им. В. И. Вернадского с ГАРК. Была проделана огромная работа с фондами архива по написанию статей, связанных с историей высшего образования на полуострове и первого высшего учебного заведения Крыма.

Сотрудники музея истории университета на материалах, хранящихся в ГАРК, составили базу данных «Сотрудники Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского — ветераны Великой Отечественной войны» (2020). Работники ГАРК в сжатые сроки выявили многочисленные дела сотрудников университета и подготовили копии личных дел с фотографиями ветеранов Великой Отечественной войны. Благодаря сотрудничеству двух учреждений в базе данных музея истории университета числится более 400 человек — сотрудников и выпускников КФУ, судьба которых связана с войной.

В 2019 г. опубликована коллективная монография сотрудников кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета университета «Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения»¹⁰, часть материалов которой посвящена ГАРК и его работе и использует документы, хранящиеся в учреждении, или анализирует показатели. В 2020 г. сотрудники архива помогли доктору исторических наук, профессору, директору музея истории университета А. А. Непомнящему в подготовке к изданию его монографии «Восточный факультет», занимаясь подбором и копированием документов.

В 2021 г. университет запустил интересный медиа-проект «Куда приводит история», где сотрудники ГАРК представили профессию историка

в лице сотрудников музея истории университета¹¹. Все герои имеют высшее историческое образование, в видеороликах рассказали о своей профессиональной реализации. В медиа-проекте представлены: директор ГАРК Ю. А. Денисенко; реставратор, начальник лаборатории сохранности архивных документов и информационных технологий ГАРК Д. В. Давыдов; кандидат исторических наук, начальник отдела обеспечения сохранности, государственного учета и научно-справочного аппарата ГАРК Б. П. Парасулько.

Плановые посещения музея истории проводит Государственный комитет по делам архивов Республики Крым. Последний визит архивистов с целью ознакомления с состоянием документальной коллекции музея истории состоялся 31 марта 2021 г.

22 апреля 2021 г. состоялась встреча обучающихся и выпускников кафедры документоведения и архивоведения с директором ГАРК Ю. А. Денисенко, в ходе которой она в непринужденной беседе рассказала о структуре и деятельности вверенного ей архивного учреждения. Являясь потенциальным работодателем, она подробно остановилась на существующих вакансиях и условиях труда, опыте прохождения практики студентами исторического факультета, подчеркнула, что таким важным направлением деятельности архива, как оцифровка документов, сейчас занимаются именно выпускники данного факультета. Много вопросов было задано студентами об обновлении архивохранилищ после ремонта, закупке лабораторного оборудования по реставрации документов, а главное, о сканировании документов и последующем их использовании. Удалось раскрыть планы развития Госархива и ремонта второго корпуса¹² и, возможно, заложить новую традицию проведения встреч.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что нам удалось выявить формы взаимодействия между ГАРК и университетом, а анализ собранного материала показал, что сотрудничество между двумя учреждениями имеет историческую основу и носит системный характер, отличается разноплановостью и многовекторностью, а главное, базируется на взаимовыгодных условиях взаимодействия, развивается и имеет перспективу, что положительно сказывается на развитии архивной отрасли полуострова и качестве подготовки кадров.

Примечания

¹ Латышева Е. В. Процесс оцифровки документов в Государственном архиве Республики Крым (на примере

фонда «Феодосийская портовая таможня») // Документ. Архив. История. Современность : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию ист. фак. Урал. федер. ун-та. Екатеринбург, 16–18 нояб. 2018 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 239.

² Шарова Т. А., Хабибулина Г. А., Кузнецова Т. А. и др. Интеграция крымских архивов в архивную отрасль Российской Федерации // Отечествен. арх. 2014. № 4. С. 93–104.

³ Борщик Н. Д., Латышева Е. В. Сотрудничество Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского и Государственной архивной службы Республики Крым // Отечествен. арх. 2016. № 4. С. 25.

⁴ Пять лет базовой кафедре архивного дела и делопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <https://ta.cfuv.ru/ru/news/7169>.

⁵ Латышева Е. В. Указ. соч. С. 237–248 ; Она же. Работа по оцифровке документов и созданию фонда пользования в Государственном архиве Республики Крым // Отечествен. арх. 2019. № 6. С. 44–48 ; Она же. Информационный потенциал Государственного архива Республики Крым в создании электронной базы данных служащих крымских таможен первой половины XIX в. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Т. В. Кузнецовой. М., 2019. С. 196–203.

⁶ Борщик Н. Д., Латышева Е. В. Практико-ориентированное обучение в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского: пять лет деятельности базовой кафедры архивного дела и делопроизводства // Отечествен. арх. 2021. № 3. С. 47–51.

⁷ Денисенко Ю. А., Латышева Е. В. Организационная структура Государственного архива Республики Крым // Науч. вестн. Крыма. 2020. № 5 (28). С. 20.

⁸ Латышева Е. В., Кравченко Н. А. Практическая подготовка и особенности ее организации на базовой кафедре // Науч. вестн. Крыма. 2017. № 4 (9). С. 22 ; Латышева Е. В., Кармазина Н. В. Особенности формирования системы подготовки документоведов и архивных работников в Республике Крым // Науч. вестн. Крыма. 2016. № 1 (1). С. 10 ; Архивная информация как фактор формирования общественного сознания // Науч. вестн. Крыма. 2020. № 5 (28). С. 9.

⁹ Lатышева Е. V. State Archive of the Republic of Crimea: Work on Documents Digitizing and Creating a Fund for Usage // Arheon: journal of the Archives of Vojvodina. 2019. Год. 2, бр. 2. P. 101–106.

¹⁰ Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения : монография / И. С. Башкова, Н. Д. Борщик, Е. В. Латышева, Т. Б. Назарчук и др. Курск, 2019.

¹¹ URL: <http://museum.cfuv.ru/news/exhibitions/куда-приводит-история>.

¹² «У нас в гостях работодатель»: новая форма диалога между обучающимися и директором Государственного архива Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://ta.cfuv.ru/ru/news/7169>.

Архив в современном социокультурном пространстве: сотрудничество с общественными организациями

В последние годы российские архивисты активно стремятся осмыслить место архивов в современном социокультурном пространстве. В 2018 г. к столетию архивной службы России в Томске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в системе социальных коммуникаций». Ее организаторы так выразили основную идею конференции: «Архивы в широком смысле слова — это связующее звено между прошлым и будущим, один из институтов социальной памяти, говорящий на языке документа. Но цепь каждый раз смыкается здесь и сейчас, среди возможностей, ограничений и требований, которые предоставляет и предъявляет архивам настоящее». Настоящая IV Всероссийская научно-практическая конференция «Архив в социуме — социум в архиве» также посвящена определению места архивов в современном обществе. В названии конференции заложены две идеи: первая — значение и миссия архивных учреждений в обществе; вторая — отражение многообразной истории общества в архивных документах.

Архив в современном мире — это не только фонды, хранение и их использование, но и институт, который занимает важное место в социокультурном пространстве. Архивы являются неотъемлемой частью культуры и потому сотрудничают с музеями и библиотеками, образовательными учреждениями и научными организациями. Архивы — это часть государственной структуры, они выполняют важные функции, направленные на обеспечение деятельности органов власти, обеспечение социальной защиты населения. Современные архивы — это открытые организации, включенные в общественную жизнь, а потому активно сотрудничающие с общественными организациями, реализуя совместные просветительские проекты. Кроме того, общественные организации являются фондообразователями ОГАЧО. Опыт архивной службы Челябинской области показывает направления взаимодействия архивов и общества.

Стремление к открытости архивной службы вылилось в создание общественного совета при Государственном комитете по делам архивов Челябинской области¹. Сопредседательный орган образован приказом председателя комитета С. М. Иванова от 7 апреля 2014 г. № 58. Согласно положению, общественный совет является постоянно действующим коллегиальным совещательным органом при Государственном комитете по делам архивов Челябинской области. Он образован в целях обеспечения открытости деятельности архивной службы и повышения эффективности его взаимодействия с институтами гражданского общества, научными, образовательными и иными учреждениями при реализации функций и полномочий государственного комитета, а также для

осуществления общественного контроля над деятельностью органа власти. В задачи общественного совета входят: выработка предложений по формированию и реализации государственной политики в сфере архивного дела на территории региона; рассмотрение инициатив общественных организаций, связанных с выявлением и решением наиболее актуальных проблем в сфере архивного дела; развитие взаимодействия государственного комитета с общественными объединениями, научными, образовательными учреждениями и иными некоммерческими организациями и использование их потенциала для повышения эффективности реализации государственным комитетом своих полномочий; формирование обоснованных предложений по совершенствованию предложений в сфере архивного дела; осуществление общественного контроля в целях наблюдения за деятельностью государственного комитета в соответствии с действующими нормативными правовыми актами, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых им актов и принимаемых решений.

Совет имеет право осуществлять общественный контроль, запрашивать и получать необходимую информацию, вносить предложения, образовывать комиссии и рабочие группы, принимать участие в работе совещательных органов. Так, члены совета участвуют в работе коллегии, комиссий по аттестации государственных гражданских служащих, по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы и для включения в кадровый резерв государственного комитета. На заседания совета приглашаются руководители архивных органов и учреждений, представители общественных объединений и организаций.

Новый состав (второй созыв) общественного совета был утвержден 9 марта 2021 г. В него вошли одиннадцать человек — представители различных сфер, связанных с архивами и музеями, исторической наукой, образовательными учреждениями, общественной работой: И. М. Баштанар, М. Ш. Гайнуллин, Н. А. Дида, П. Ф. Назыров, С. В. Нечаева, Н. В. Парфентьева, М. С. Салмина, Г. Х. Самигулов, А. П. Сурков, К. А. Шишов, а также автор этой статьи В. М. Сыров. Каждый из членов совета понимает миссию архивов, имеет богатый опыт сотрудничества с архивной службой, участвовал в совместных проектах, что является важным условием работы в составе совета. Например, обозреватель газеты «Южноуральская панорама» М. Ш. Гайнуллин на протяжении многих лет освещает работу ОГАЧО,

пишет о выставках, книгах, конференциях, организуемых архивной службой региона. П. Ф. Назыров руководит практикой студентов-историков Челябинского государственного университета, которые ежегодно приходят в архив; Н. В. Парфентьева возглавляет Челябинское региональное отделение Российского исторического общества, с которым у областного архива налажены тесные партнерские связи; М. С. Салмина участвует в организации регионального этапа ежегодного Всероссийского конкурса юношеских учебно-исследовательских работ «Юный архивист», она же руководит научно-исследовательской работой учащихся школы № 59 на основе архивных документов. Г. Х. Самигулов многие годы занимается исследованием истории Южного Урала, привлекает областной архив к работе над книгами и сборниками, он же руководит двумя общественными организациями — Челябинским региональным отделением Российского военно-исторического общества и общественным фондом «Южный Урал». Почетный гражданин Челябинска К. А. Шишов является фондообразователем ОГАЧО. Другие члены совета также активно сотрудничают с архивной службой.

Автор настоящей статьи, как руководитель общественной приемной губернатора Челябинской области в Металлургическом районе Челябинска, член президиума Совета ветеранов Металлургического района Челябинска, член комиссии на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы и для включения в кадровый резерв государственного комитета и эксперт Общественной палаты региона, также давно сотрудничает с областным архивом: в 2016 г. к 95-летию архивной службы при моем участии была установлена мемориальная доска, посвященная основателю архива Н. М. Чернавскому, открытая на здании архивохранилища № 1. Я с интересом занимался разработкой эскиза, подготовкой текста, выбором материала и его поиском, организационной работой и финансированием; также участвовал в пополнении коллекции предметов, активно формируемой в последние годы в архиве.

Архивная служба всегда стремилась выстроить сотрудничество с общественными организациями. Так, в прошлые годы тесные связи сложились с общественными организациями, многие из которых, как и их руководители, являются фондообразователями. Архивисты сотрудничали с областным Советом ветеранов, фондом «Будущее Отечества» им. В. П. Поляничко, обществом «Танкоградцы», клубом «Уралочка». В ходе реализации ведомственной целевой программы «Инициативное комплектование аудиовизуальной информацией и документами личного происхождения» фонд «Будущее Отечества» оказал серьезную помощь архивистам в налаживании доверительных отношений с известными деятелями Челябинской области, проживающими ныне в Москве, или с их родственниками. Это дало возможность посетить, запи-

сать воспоминания и привезти в архив документы личного происхождения от многих первых лиц Челябинской области, знаменитых спортсменов, поэтов и писателей, директоров крупных промышленных предприятий. На базе этих документов создана значительная коллекция документов партийных, советских, хозяйственных деятелей, руководивших Челябинской областью с 1941 г. по современный период. Особое направление деятельности составляет работа с религиозными конфессиями — Челябинской митрополией и духовным правлением мусульман, однако это отдельная тема.

Общество — это живой организм, оно подвижно, меняются его приоритеты и запросы, на которые чутко должен реагировать архив. Сегодня выделяется несколько направлений взаимодействия архивной службы Челябинской области с общественными организациями, которые рассмотрены ниже.

Исполнение запросов и информационное обеспечение деятельности общественных организаций

Общественные организации, как и граждане, органы власти, периодически обращаются в архив, чтобы получить необходимую информацию. Примеров немало, чаще всего такие обращения связаны с выявлением документов по определенной теме. Например, в 2019 г. по запросу Челябинского регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов специалистами ОГАЧО была проведена работа по выявлению информации и фотографий о Героях Труда, Героях Социалистического Труда, Героях Труда РФ в Челябинской области. В результате было выявлено 320 фотографий. В 2021 г. по запросу Ленинской районной общественной организации Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Челябинска архивистами выявлены документы по истории завода «Сигнал» для увековечения памяти руководителей предприятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Подобные запросы часто поступают в архив. При этом не всегда общественные организации имеют официальный статус, как, например, ветераны завода «Оргстекло», которые собрали инициативную группу и на протяжении нескольких лет ведут работу по сохранению, изучению и популяризации истории своего предприятия (они передали в архив документы, фотографии, предметы, в том числе красное знамя завода, в 2020 г. издали книгу, подготовленную с использованием архивных документов).

Обращаются в архив и поисковики, Челябинское региональное отделение Российского военно-исторического общества, когда необходимо найти информацию об участниках Великой Отечественной войны.

Подготовка совместных выставочных проектов

Архив — это хранилище бесценных свидетельств прошлого, документов и фотографий, часто уникальных. Поэтому фонды ОГАЧО привлекаются для подготовки разнообразных выставок. Архив давно и плодотворно сотрудничает с межрегиональной научно-просветительской общественной организацией «Урало-Сибирский дом знаний», Челябинским областным общественным благотворительным фондом «Будущее Отечества» им. В. П. Поляничко и другими организациями.

В 2018 г. на аллее Славы в центре Челябинска открылась фотовыставка «Станок — оружие, цех — поле боя», которая стала очередным совместным проектом областного архива, Урало-Сибирского дома знаний, региональной организации ветеранов профтехобразования и регионального отделения движения «Бессмертный полк»². Фотоэкспозиция была посвящена комсомольцам военного времени и рассказала о работе молодежи и подростков во время Великой Отечественной войны на предприятиях Челябинской области. Архив представил на выставку 120 фотографий из своих фондов, на них отражены жизнь и труд подростков во время Великой Отечественной войны, известные комсомольские бригады, передовики производства, для которых станок был оружием, а цех — полем боя.

В том же 2018 г. совместно с Челябинским областным общественным благотворительным фондом «Будущее Отечества» им. В. П. Поляничко была подготовлена выставка «Комсомол не подведет», посвященная столетию ВЛКСМ³. Сначала выставка открылась в Центре историко-культурного наследия г. Челябинска, а затем работала в Челябинском государственном академическом театре оперы и балета им. М. И. Глинки. На выставке использовались материалы музея комсомольской славы «Орленок», сохранившиеся в фондах областного архива. В экспозиции были отражены темы: Гражданская война, трудовые пятилетки, героизм во время Великой Отечественной войны, послевоенное восстановление страны, освоение целины, комсомольские ударные стройки, победы в спорте, освоение космоса.

В 2019 г. ОГАЧО совместно с группой «Архи-Страж» и ее руководителем краеведом Ю. В. Латышевым при поддержке общественного фонда «Южный Урал» была подготовлена выставка «Объекты культурного наследия Южного Урала». В экспозиции были представлены объекты культуры федерального значения, здания культового назначения, деревянное зодчество Челябинской области, индустриальные здания и сооружения; памятники, дореволюционная архитектура, советская архитектура, утраченные объекты культурного наследия.

Важно, что архивная служба вышла за пределы стен своих учреждений, вышла в общественное пространство. Например, на пешеходную ул. Кирова или в Центральный парк культуры и отдыха им. Ю. А. Гагарина, где выставки, подго-

товленные архивистами, доступны гораздо более широкому кругу жителей и гостей Челябинска. Все это способствует повышению эффективности патриотического воспитания граждан, популяризации истории России и Южного Урала, знакомству молодежи с прошлым родного края.

Подготовка издательских проектов

В этом направлении в последние годы есть примеры успешного сотрудничества. В 2018 г. Челябинский областной общественный благотворительный фонд «Будущее Отечества» им. В. П. Поляничко под руководством Л. М. Рабченка, который входил в общественный совет при Государственном комитете по делам архивов Челябинской области, была подготовлена и реализована программа мероприятий, посвященных столетию ВЛКСМ. Упомянутая выше выставка была подготовлена в рамках этой программы. Кроме того, фонд добился выделения целевого финансирования на подготовку и издание книги. В результате ОГАЧО выпустил в 2018 г. альбом «Век комсомола: история в фотографиях»⁴. Это был уникальный опыт для архива, ведь до сих пор архивисты занимались подготовкой сборников документов, и работа над альбомом фотографий стала хорошим поводом для представления богатого фонда фотографий архива. Выход этой книги стал возможен благодаря тесному сотрудничеству архивистов с ветеранами комсомола.

Архивная служба участвует в совместных издательских проектах Челябинского регионального отделения Российского военно-исторического общества и общественного фонда «Южный Урал». Заказчиком изданий выступает Администрация губернатора Челябинской области, а затем в сотрудничестве рождаются новые книги: например, «Южный Урал: от колесниц до мирного атома» (2017)⁵, «Край, заслуживший свои победы» (2019)⁶, «Южный Урал. От Аркаима до Магнитки» (2020)⁷. Цель изданий — представить наиболее интересные сюжеты из истории Южного Урала от древности до современности. В изданиях использованы фотографии и документы из фондов ОГАЧО, его сотрудники стали авторами отдельных глав, а также выступили составителями некоторых книг.

Интересен опыт сотрудничества с Обществом развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел». В 2019 г. общество выступило спонсором двух изданий, подготовленных ОГАЧО. Издание сборника документов «Император Александр II и Южный Урал»⁸ было приурочено к 200-летию со дня рождения Александра II. Работа над изданием началась в 2018 г., книга увидела свет летом 2019 г. К реализации проекта были привлечены партнеры: архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Красногорска, Оренбурга, Уфы, Екатеринбурга, Златоуста (ГАРФ, РГВИА, РГИА, РГАКФД, ГАОО, ГАСО, НАРБ, АЗГО), краеведческие музеи Челябинской области (Челябинск, Верхний Уфалей, Златоуст, Кыштым),

а также Государственный Русский музей (всего 16 учреждений).

Другая книга, изданная при финансовой поддержке общества «Двуглавый орел», — сборник документов «Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории»⁹. Подготовка книги была приурочена к столетию создания Челябинской губернии, которая стала важным этапом на пути образования современной Челябинской области. При отборе документов для публикации составитель руководствовался в первую очередь потребностями таких новых и активно развивающихся направлений науки, как историческая антропология, история повседневности, микроистория. Преимущество при публикации отдавалось источникам, повествующим о быте различных слоев населения, привычных для них повседневных практиках, способах выживания и вживания в новую для них социальную и политическую реальность. В сборнике можно обнаружить документы как «обзорного» характера, охватывающие определенную сторону жизни всей губернии в целом, так посвященные отдельным событиям (как их принято называть, «кейсам» или «казусам»), на примере которых хорошо просматривается действие тех или иных общественных механизмов на микроуровне социального пространства.

*Участие в реализации проектов
в рамках освоения грантов*

С 2017 г. активизировалась работа, направленная на развитие гражданского общества, на федеральном уровне был создан Фонд президентских грантов, который выступает единым оператором грантов Президента России. В 2020 г. на региональном уровне организован Фонд поддержки гражданских инициатив Южного Урала. Грантами губернатора Челябинской области поддерживаются проекты, направленные на социальное обслуживание, охрану здоровья, поддержку семьи, а также на поддержку проектов в области науки, образования, просвещения, культуры и искусства. Особое внимание уделяется сохранению исторической памяти, что невозможно без участия архива.

Объединенный государственный архив Челябинской области в последние годы выступает партнером многих проектов, участвует в подготовке заявок на конкурс, консультирует, оказывает содействие в разработке содержания проектов, а в случае победы участвует в их реализации. Так, областной архив выступал в качестве партнера в проектах: «Тыловая вахта памяти» (Урало-Сибирский дом знаний, 2019), «Историческая реконструкция Челябинска» (общественный фонд «Южный Урал», 2020), «Музей башкир Челябинской области» (Челябинская областная общественная организация «Башкирский Курултай», 2020), «Живое слово» (благотворительная организация «Школа православного гида», 2021), «Ленинград — Танкоград. Дорога, нити и линии жизни» (Центр социальной и культурной под-

держки инвалидов, ветеранов детей и молодежи Челябинской области, 2021).

Естественно, не все заявки побеждают в федеральном и региональном конкурсах грантов, но есть и позитивные примеры. В 2021 г. руководитель группы «АрхиСтраж» Ю. В. Латышев получил финансовую поддержку от Фонда поддержки гражданских инициатив Южного Урала на создание интернет-ресурса «Памятники истории и культуры Челябинской области»¹⁰. Объединенный государственный архив Челябинской области принимает участие в наполнении этого сайта, щедро делится фотографиями объектов культурного наследия из своих фондов и информацией. В результате уже в этом году появится информационный ресурс, содержащий достоверную и актуальную информацию о памятниках истории и культуры Челябинской области (зданиях, сооружениях, памятниках, достопримечательных местах и др.). Это повысит сохранность памятников истории и культуры; увеличит туристическую привлекательность региона и его отдельных мест; даст возможность использовать сайт в образовательных программах краеведческой направленности; будет способствовать сохранению исторического и культурного наследия региона.

Таким образом, взаимодействие архивной службы Челябинской области и общественных организаций носит системный и взаимовыгодный характер. Такое сотрудничество позволяет архиву решать собственные задачи, популяризировать фонды, расширять каналы продвижения архивной информации, привлекать ресурсы общественных организаций. И общество получает от архивистов ответы на свои запросы. Так рождается партнерство, которое позволяет архиву найти свое место в социуме. Необходимо подчеркнуть, что архивы являются хранителями истории, они содержат ценные свидетельства о важнейших этапах истории России, примеры героизма наших предков и их трудового подвига, самопожертвования. И на этом основывается одна из главных задач архивистов — патриотическое воспитание граждан, популяризация славных страниц далекого и близкого прошлого нашей страны.

Примечания

¹ URL: <http://www.chelarhiv.ru/htmlpages/Show/overview/Soveshhatelnyeorgany/goskompodelarx/obsv>.

² *Рохачевич Е. Б.* Станок — оружие, цех — поле боя. URL: <https://archive74.ru/news/stanok-oruzhie-ceh-pole-boya>.

³ *Рохачевич Е. Б.* Выставка «Комсомол не подведет». URL: <https://archive74.ru/news/vystavka-komsomol-nepodvedet>.

⁴ *Век комсомола: история в фотографиях / ред. кол.: Н. А. Антипин и др.* Челябинск : Элефант, 2018.

⁵ *Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов.* Челябинск, 2017.

⁶ *Край, заслуживший свои победы / сост. Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов.* Челябинск, 2019.

⁷ *Южный Урал. От Аркаима до Магнитки / сост. Г. Х. Самигулов.* Челябинск : Юж. Урал, 2020.

⁸ Император Александр II и Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019.

⁹ Челябинская губерния, 1919–1923 гг.: абрис истории

: сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019.

¹⁰ URL: <https://pik174.ru/>

Т. В. Вербущая

Пути развития трансграничного взаимодействия Свердловской области (на примере налаживания международных связей государственным архивом региона под эгидой Управления архивами Свердловской области)*

Следует отметить, что укрепление акторности Свердловской области посредством принятия властными структурами мер по развитию международных связей данного субъекта России, прежде всего в сфере экономики, политики (в форме заключения внешнеэкономических контрактов и соглашений о сотрудничестве с иными государствами и их территориальными единицами), налаживание культурных связей через обмен документами, касающимися важнейших исторических событий, выдающихся государственных, научных, общественных деятелей, содействует укреплению статуса региона на мировой арене, поскольку позволяет убедиться в том, что регион играл значимую роль в политических процессах, развитии международных связей в сфере образования, научном сотрудничестве государств. Именно поэтому изучение особенностей сотрудничества, направления которого ежегодно определяются Управлением архивов Свердловской области с утверждением плана мероприятий с участием зарубежных партнеров по согласованию с Министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области и Управлением МВД России по Свердловской области, позволяет осуществить поиск и определение иных возможных путей укрепления позиций региона в области трансграничного сотрудничества.

Планы и программы мероприятий, утвержденные Управлением архивами Свердловской области (в соответствии с рекомендациями 31-го заседания Совета глав субъектов Российской Федерации), осуществляются Государственным архивом Свердловской области (ГАСО) в разных формах (выполнение генеалогических запросов граждан иностранных государств, организация международных конференций, обмен документами с зарубежными архивами и музеями и организация выставок), тем более что практика развития межархивного сотрудничества, применяемая ГАСО, осуществляется в русле передового опыта реализации подобной деятельности других архивов России¹.

Неоценимо значение межархивного сотрудничества как для совершенствования имеющихся коллекций документов, так и для развития

трансграничных культурных связей, позволяющих повысить статус государства в целом и отдельных его территориальных единиц у иностранных партнеров².

Одной из первых форм выстраивания диалога является выполнение генеалогических запросов, поступающих от граждан зарубежных государств, которые стремятся изучить историю своего рода, узнать о своих корнях. Особенно это характерно для жителей государств постсоветского пространства, чьи предки жили в регионе, или были эвакуированы в Свердловскую область в годы Великой Отечественной войны. Нередко такие запросы поступают через архивы других стран после проведения тематических выставок и встреч с зарубежными партнерами. Кроме того, лица, обладающие частными коллекциями документов, в которых имеются сведения об именитых персоналиях в истории России или области, обращаются с просьбой о включении и, соответственно, получении интересующих их сведений о предках, архивных справок, копий документов. Так выстраиваются трансграничные связи архива и происходит пополнение имеющихся фондов документами, позволяющими получить дополнительную информацию о судьбе выдающихся личностей. Если искомый представитель рода оставил след в истории, науке, политике, сведения о нем можно найти в именном каталоге архива, который позволяет существенно продвинуться в архивных поисках. Соответственно создание и регулярное пополнение именных каталогов, в которых содержатся сведения о людях, оставивших след в истории, позволяет и зарубежным партнерам получать интересующие их сведения о представителях своего рода и способствует формированию положительного образа региона за рубежом.

Важно заметить, что в ГАСО ведется регулярно пополняемый с 1990 г. перечень представителей зарубежных стран (в котором записаны граждане как государств постсоветского пространства (Беларусь, Казахстан), так и Австралии, Великобритании, Венгрии, Германии, Франции, США, Чехии, Японии), которые осуществляют архивный поиск в читальном зале ГАСО, что говорит об известности архива среди зарубежных исследователей. Например, запрос на работу в читальном зале направляли: аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Университета Ньюкасла (Австралия), аспирант историче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-414-660001р_а «История развития и эволюция формирования международной субъектности Свердловской области».

ского факультета Университета Париж 1, почетные профессора Университета Париж 8 и Амьенского университета, аспирант исторического факультета Техасского университета (Остин), аспирант исторического факультета Университета Пенсильвании (Филадельфия), аспирант департамента истории университета Северной Каролины, доцент кафедры истории Университета Уэльса (г. Сванси), профессор российской истории Университетского колледжа Лондона и Ноттингемского университета (Великобритания), декан философского факультета Остравского университета (Чехия), научный сотрудник Института экономических исследований при Университете Хитоцубаши. 8 мая 2018 г. Екатеринбург с рабочим визитом посетила группа архивистов из КНР (провинция Хэйлуцзян), которая имела возможность изучить архивные документы в читальном зале ГАСО³.

Вторая форма трансграничного взаимодействия традиционна для учреждений образования, науки и культуры и заключается в организации ГАСО (при координирующей роли Управления архивами Свердловской области) конференций (а также круглых столов) с использованием электронных средств связи, а также в участии сотрудников ГАСО в международных и зарубежных конференциях. Конференции, как правило, тематические и посвящены проблемам развития архивной деятельности (введение электронного документооборота, принятие новых правил архивирования и пр.), обмену опытом между архивными учреждениями. Активно участвует ГАСО и в международных конференциях, организуемых Управлением архивов с участием общегосударственных и зарубежных архивов и всегда привлекающих большое внимание СМИ. Так, Управление архивов и ГАСО приняли участие в работе Международной конференции европейских архивов «Первая мировая война и ее последствия для военнопленных и гражданских лиц», организатором которой выступила региональная делегация Международного комитета Красного Креста в Российской Федерации, Белоруссии и Молдове. На этой конференции был подписан протокол о намерениях сотрудничества и обмена опытом в сфере архивного дела между Управлением архивами Свердловской области и Государственным архивом в Лодзи (Польша)⁴. Такие конференции являются также и плацдармом для инициирования соглашений об обмене с зарубежными архивами документами о важных исторических событиях, известных персоналиях.

Следует подчеркнуть, что раз в два года Управлением архивов Свердловской области проводится целый комплекс встреч, осенних и весенних, с консулами и консульскими работниками зарубежных стран. Осенние встречи проводятся с консулами и консульскими работниками государств Европы (Великобритания, Венгрия, Финляндия, Франция, Чехия), весенние — с представителями стран Азии (Вьетнам, Китай, Индия). При этом, как правило, осенние встречи

сопровождаются памятными мероприятиями или посвящены памятным событиям. Так, 15 октября 2018 г. состоялось заседание III Международного круглого стола ученых, историков и краеведов «Трагедия плена»⁵. Организация таких мероприятий осуществляется с участием ГАСО. 13 февраля 2019 г. в Центре документации общественных организаций Свердловской области состоялась встреча руководства Управления архивами Свердловской области, руководителей государственных архивов Свердловской области с руководителями консульских учреждений, расположенных в Екатеринбурге (Генеральным консулом Франции, представителями Генерального консульства ФРГ, консульства Чехии, Генерального консульства Болгарии, Вьетнама, Венгрии)⁶. Вторая рабочая встреча состоялась 21 ноября 2019 г. с представителями консульств КНР, Белоруссии, Вьетнама, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана⁷.

Одной из самых интенсивно развивающихся сфер выхода ГАСО на международную арену является межархивное сотрудничество, обмен документами с музеями, научными учреждениями. Такое сотрудничество позволяет существенно дополнить фонды ГАСО документами, по-иному, нередко через призму понимания зарубежных партнеров, исследователей, освещающими те или иные исторические события, получить недостающие сведения, обогатить коллекции ГАСО документами на иностранных языках. Таким является, например, активное сотрудничество по персоналиям, которые постоянно проживали за рубежом и представляли там интересы России и региона (подобно Демидовым), или, наоборот, прибыли в регион из-за рубежа (в качестве примера можно привести научную деятельность Онисима Клера, прибывшего на Урал из Швейцарии, основавшего в регионе Общество естественного и постоянно переписывающегося с зарубежными коллегами). Следует отметить, что обмен документами может происходить не только посредством прямого взаимодействия ГАСО с зарубежными архивами, но также и через сотрудничество с иными российскими архивами (такими, как РГАДА). Так, например, сотрудничество с РГАДА позволило дополнить коллекции документов ГАСО сведениями о жизни и деятельности Демидовых в Италии, во Франции, в Англии, их переписке из этих стран с органами власти, государственными деятелями Санкт-Петербурга и Пермской губернии. Изучение документов из фондов РГАДА позволило, в частности, получить сведения о том, что Демидовы обсуждали проблемы развития гуманитарного права с основателями Международного комитета Красного Креста, в том числе вкладывали ресурсы в развитие этой организации, строили школы, ремонтировали общественные здания в городках Флоренции, изучали особенности торговли железом Нижнего Тагила с Англией, отправляли студентов на учебу в школы горного дела Швеции и Англии, реконструировали свои имения, в том числе посредством возведения в них постро-

ек в русском стиле⁸. Результатом такого обмена документами является создание, пополнение тематических информационных порталов, причем как ГАСО⁹, так и зарубежных партнеров¹⁰. Например, 13 апреля 2016 г. Национальный архив Финляндии передал главе Управления архивами Свердловской области А. А. Капустину копии документов о 259 уральцах, числящихся пропавшими без вести во время Второй мировой войны (данные о советских военнопленных: общий список, учетные карточки, сведения о месте и дате захоронения). В свою очередь представителям Финляндии вручены копии документов и фотографий, связанных с визитами в 1960-е гг. в Свердловск делегаций из Финляндии, в том числе возглавлявшихся популярным финским государственным деятелем, восьмым главой Финляндии Урхо Калева Кекконеном¹¹.

Четвертая форма сотрудничества заключается в организации тематических выставок документов, посвященных важному историческому событию (такому, например, как юбилей Уральской гранильной палаты), процессу (деятельность Международного комитета Красного Креста в Свердловской области), персоналиям (известные представители рода Демидовых). Нередко такие выставки сочетаются с конференциями. Например, 19 сентября 2007 г. в Екатеринбурге состоялось открытие межрегиональной выставки архивных документов «Вехи истории. 1917–1920 годы», посвященной 90-летию буржуазной и социалистической революций 1917 г. в России и истории Гражданской войны. Презентация выставки была приурочена к началу заседания Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве (19–20 сентября 2007, Екатеринбург)¹². Государственный архив Свердловской области участвует в проведении кинофестиваля архивных фильмов «Уральский хронограф». 19 августа 2016 г. в ГАСО состоялось открытие межрегиональной выставки архивных документов «Демидовы на Урале», проходившей по 2 октября 2019 г. включительно. К гостям выставки с приветствием обратились глава Управления архивами Свердловской области А. А. Капустин, директор Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского О. Д. Опарина, министр международных и внешнеэкономических связей Свердловской области А. О. Соболев, Генеральный консул Франции Эрик Мийе, заместитель Генерального консула Чешской Республики Петер Рихтер, кандидат исторических наук Е. П. Пирогова. Было зачитано приветственное слово председателя Комитета по социальной политике Законодательного Собрания Свердловской области В. В. Погудина. В выставке приняли участие Национальный архив Финляндии, государственные архивы Франции, Финляндии, государственные архивы Российской Федерации, Свердловской области, Пермского края, Санкт-Петербурга, Республики Крым, Ярославля, Барнаула, Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ и Нижнетагильский му-

зей-заповедник «Горнозаводской Урал», Свердловская областная библиотека им. В. Г. Белинского¹³, Нижнетагильский городской исторический архив, Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», фотограф Евгений Тамплон¹⁴.

Исследователи также дополняют эту форму таким направлением развития диалога сторон, как документальные публикации справочно-информационных и научно-популярных изданий¹⁵. Освещение указанных выставок документов в СМИ позволяет зарубежным архивам, иностранным гражданам получать важные и интересные сведения о политических процессах, развитии экономики, промышленности, значимых для России в масштабах региона, с выходом на мировую арену, о судьбах представителей именитых родов и принять решение о сотрудничестве с ГАСО.

Пятая форма сотрудничества заключается в обмене опытом по разным направлениям деятельности ГАСО (включая опыт взаимодействия с зарубежными партнерами) с другими архивными учреждениями в рамках научно-методических советов. Так, в УрФО создан и действует Научно-методический совет архивных учреждений округа, основными функциями которого являются: координация научно-исследовательской и методической работы членов совета; обеспечение совместной разработки архивами УрФО научных и методических трудов по проблемам архивоведения, документоведения, археографии и их реализация; содействие архивным учреждениям УрФО в разработке отраслевых научно-исследовательских работ; информирование сотрудников архивов об имеющихся научно-технических решениях в области архивного дела; распространение передового опыта архивного дела для повышения профессионализма работников архивов. Указанный совет совместно с учеными Института истории и археологии УрО РАН выпускает межрегиональный исторический научно-популярный журнал «Архивы Урала»¹⁶.

Шестая форма сотрудничества — зарубежные поездки и стажировки в сфере архивного дела. Работники ГАСО имели возможность знакомиться с особенностями архивного дела во Франции, регулярно совершать командировки в национальные архивы Франции (Париж), Венгрии, Германии, Италии, Китая (сотрудничество с ним развивается с 2012 г. в форме регулярных встреч и поездок делегаций¹⁷), Финляндии. Так, в июне 2018 г. Управлением архивов Свердловской области был организован ряд поездок согласно плану мероприятий по выявлению и приобретению документов по истории рода Демидовых в рамках губернаторской программы. Например, заведующая отделом научно-исследовательской и методической работы ГАСО А. С. Марина была направлена для проведения исследований в Национальный архив Финляндии, где она продолжила анализ архивных документов наследницы демидовских капиталов Авроры Карловны Демидовой-Карамзиной (Шернваль)¹⁸. Такие

зарубежные поездки завершаются подписанием документов о продолжении сотрудничества. Так, в Дрездене проведена рабочая встреча с представителями Народного союза Германии, объединения «Саксонские мемориалы», на которой достигнута договоренность о подписании соглашения о сотрудничестве. Также ключевое значение таких поездок — изучение зарубежного опыта ведения архивных дел с целью применения наилучших образцов.

Ученые отмечают, что использование всех указанных форм сотрудничества (которые применяются на практике в ГАСО и активно развиваются), позволит постепенно сформировать глобальную систему межархивного взаимодействия. Участниками таких глобальных систем могут стать не только архивы, но и библиотеки, музеи, Интернет — конгломерат самых разнообразных материалов в сфере культуры¹⁹. Развитие таких систем позволит не только архивам, но и в целом регионам государств представлять себя на международной арене, повышать свой статус²⁰. Исследователи подчеркивают, что особое значение имеет межархивное сотрудничество в рамках СНГ — в силу общего исторического прошлого сторон и наличия налаженных возможностей развития диалога не только на межгосударственном, но и на межрегиональном уровнях²¹. Так, в частности, для обмена сведениями по имеющимся архивным фондам в странах Содружества на основании решения консультативной встречи глав архивных служб СНГ в Алма-Ате на базе Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в 1995 г. был создан Информационный центр по архивному делу, выпускающий информационный бюллетень (всего вышло 39 номеров)²².

Таким образом, выше были представлены ключевые формы сотрудничества ГАСО с зарубежными партнерами, среди которых выделены выполнение генеалогических запросов граждан иностранных государств, организация международных конференций, обмен историческими документами с архивами и музеями других стран и организация тематических выставок. Изучение особенностей трансграничного взаимодействия ГАСО позволило установить, что налаживание культурных связей региона посредством обмена историческими документами с научными, образовательными, архивными учреждениями позволяет, во-первых, углубить уже имеющееся сотрудничество в политической и экономической сферах, во-вторых, создать картину для зарубежных партнеров относительно участия региона в важных политических процессах в исторической ретроспективе как внутри государства, так и за его пределами (имидж на мировой арене). Указанный результативный опыт сотрудничества ГАСО с иностранными партнерами в сфере культуры может быть использован и другими властными структурами при развитии контактов в указанной сфере на

мировой арене, что будет являться средством углубления уже имеющихся связей в политической и экономической сфере.

Примечания

¹ Медведева Е. В. Из опыта взаимодействия службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа с общественностью, научными организациями, учреждениями культуры и образования // Архив как источник исторической памяти народа : сб. материалов науч.-практ. конф., к 95-летию арх. службы Челяб. обл. Челябинск, 2016. С. 116–122 ; Воронцова Е. А. Российская архивная энциклопедия: от идеи к воплощению замысла // История и архивы. 2019. № 2. С. 63–84.

² Абдулина А. Становление государственного архивного дела // Мысль. 2005. № 9. С. 71–76 ; Гельман-Виноградов К. Б. Пространственная одиссея документов как глобальное явление // Отечество. архивы. 1992. № 2. С. 24–30 ; Изафарин А. В. Комплектование государственных архивов документами общественно-политических организаций России новейшего времени (на примере РГАСПИ и ЦАОПИМ) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 45.

³ Екатеринбург с рабочим визитом посетила группа архивистов из Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://uprarchives.midural.ru/news/show/id/527> (дата обращения: 19.08.2020).

⁴ Управление архивами Свердловской области подвело итоги своей работы в области международного сотрудничества в 2018 г. // Арх. вед. 2019. № 1. С. 1–2.

⁵ 19 августа 2016 г. состоялось открытие межрегиональной выставки архивных документов «Демидовы на Урале» [Электронный ресурс]. URL: <http://gaso-ural.ru/novosti?n=127> (дата обращения: 29.01.2021).

⁶ Нам есть, за что благодарить друг друга: встреча свердловских архивистов с руководителями консульских учреждений // Арх. вед. 2019. № 2. С. 1–2.

⁷ Архивисты взяли курс на Азию // Арх. вед. 2019. № 11. С. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1466. Л. 6 — 6 об.

⁹ См., например: История рода Демидовых в архивных документах [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1adadpxq9h.xn--p1acf/> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁰ См., например, статьи и работы О. Клера и об О. Клере, отправленные российскими архивами, в том числе ГАСО, в Швейцарию, Нешатель, родной город уральского ученого в сфере естественных наук: Bibliothèque du réseau Neûchatel-Jura [Электронный ресурс]. URL: https://explore.rero.ch/fr_CN/nj/result?se=on%C3%A9sime+clerc&submit=&fd=any&pr=contains&ex=0&o=rank (дата обращения: 13.08.2020).

¹¹ Национальный архив Финляндии передал Управлению архивами Свердловской области документы об уральцах, пропавших без вести во время Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Федеральное архивное агентство. URL: <http://archives.ru/press/13-04-2016-finland.shtml> (дата обращения: 13.03.2021).

¹² Стручкова Н. В. Научно-методический совет архивных учреждений Уральского федерального округа. Хроника 2007 г. // Вестн. архивиста. 2008. № 3. С. 205–208.

¹³ Управление архивами Свердловской области подвело итоги своей работы в области международного сотрудничества в 2018 г. // Арх. вед. 2019. № 1. С. 1–2.

¹⁴ 15 октября 2018 г. состоялось заседание III Международного круглого стола ученых, историков и краеведов «Трагедия плена» [Электронный ресурс]. URL: <https://uprarchives.midural.ru/news/show/id/564> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁵ Пащковская Г. С., Фисюк Т. Н. Документальные публикации справочно-информационных и научно-попу-

лярных изданий — одна из форм популяризации архивных документов // История науки и техники. 2016. № 11. С. 34–46.

¹⁶ Стручкова Н. В. Указ. соч.

¹⁷ Архивисты взяли курс на Азию // Арх. вед. 2019. № 11. С. 1.

¹⁸ Сотрудники Государственного архива Свердловской области вернулись из рабочих поездок в архивные учреждения Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://urgarchives.midural.ru/news/show/id/541> (дата обращения: 11.02.2021).

¹⁹ XVIII Международный конгресс архивов: рассказывают участники // Отечеств. арх. 2016. № 6. С. 3–13.

²⁰ Ульяницкий К. Б. Единая архивно-информационная среда в контексте информатизации общества // Отечеств. арх. 2009. № 3. С. 31–37.

²¹ Колодежный В. Н., Репников А. В. Центр по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов: первые пять лет // Вестн. архивиста. 2007. № 2. С. 5–11; Чекалина Л. А. Деятельность исторического архива Омской области в контексте развития российско-казахстанского сотрудничества // Сибир. арх. 2020. № 3. С. 53–64.

²² Козлов В. П., Новохатский К. Е. Документальное наследие в контексте гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ: сотрудничество архивистов стран СНГ: некоторые итоги и возможные перспективы. Гуманитарная миссия архивов на постсоветском пространстве // Отечеств. арх. 2006. № 3. С. 3–16.

З. М. Сулейманова

Тенденции использования архивных аудиовизуальных документов в информационных мероприятиях в современном обществе (на примере деятельности Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана)

Роль архивов в современном обществе неуклонно растет. Если в середине XX в. архивы были знакомы определенным социальным группам, в основном историкам, литераторам, деятелям науки и культуры, студентам высших учебных заведений, то сегодня круг потребителей архивной информации значительно расширился. Потребность в архивах охватила все социальные группы, людей различных профессий и возрастов. Об этом можно судить даже по изменениям в терминологии: замена слова «исследователь»¹ словом «пользователь»².

С другой стороны, деятельность архивов приобретает новые формы, развивается в новых направлениях. Рассмотрим тенденции использования аудиовизуальных документов в информационных мероприятиях в современном обществе на примере деятельности Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана.

Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана хранит аудиовизуальное наследие страны и народов, проживавших и проживающих на ее территории. За время существования архива посетителями были люди разных профессий: кинорежиссеры, скульпторы, художники, фотографы, искусствоведы, журналисты, ученые, костюмеры, студенты. В последние десятилетия круг пользователей еще более расширился. Причин этому несколько.

Во-первых, мы живем в век информации. Потребность в архивной информации неуклонно растет во всем мире.

Во-вторых, после обретения республикой независимости возросло историческое самосознание народа, желание лучше узнать историю своего края.

В-третьих, растет потребность людей в составлении своих генеалогических древ, то есть повышается частный интерес. Обращаясь к архиву кинофотофонодокументов, граждане ищут

фотографии своих прадедов, основателей рода.

Значительно увеличилось количество экскурсий в архиве. Заказы поступают и со стороны трудовых коллективов различных предприятий, организаций и учреждений, и со стороны учебных заведений. Если в середине XX в. архив посещали в основном учащиеся старших классов школ, то в последние десятилетия архивными документами интересуются и дети среднего школьного возраста. Так, в первом полугодии 2021 г. от пятиклассников двух школ поступили заявки на проведение обзорных экскурсий по архиву.

Расцвет в Узбекистане народно-прикладного искусства в годы независимости пробудил интерес ремесленников к архивной информации. Изучая архивные фотографии, они находят для себя новые формы творческого самовыражения. Так, мастер изготовления женских украшений в народном стиле, изучая архивные фотографии этнографического характера, создала новые эскизы для своего творчества.

С другой стороны, архив в инициативном порядке организует информационные мероприятия. Архивам аудиовизуальных документов цифровая эпоха предоставляет широкие возможности для реализации данных форм использования. Российский государственный архив кинофотофонодокументов помимо традиционных экскурсий, лекций и встреч с общественностью, кинопоказов организует виртуальные выставки и экскурсии, реализует интернет-проекты³. Российский государственный архив фонодокументов — инициатор многочисленных интернет-проектов⁴. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов также реализует онлайн-проекты (например, проект «Голоса эпохи»⁵).

Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана, являясь научно-методическим центром⁶ по работе с кинофотофонодокументами

республиканского значения, стремится стать и культурным центром, имея на хранении богатое информационное культурное наследие. Поэтому регулярно проводит творческие встречи с театральными актерами, писателями и поэтами.

С 2015 г. специалисты Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана активно участвуют в проводимых в стране республиканских и международных фестивалях, например в проходящем ежегодно в древнем городе Бухаре фестивале «Шелк и специи». Это красивое мероприятие посвящено Великому шелковому пути и развитию ремесленничества. Архив не только организует выставки, но и осуществляет кинопоказ для гостей фестиваля. В 2019 г. архив принял активное участие со своими фото- и фонодокументами в фестивале музыкальных инструментов в Ташкенте. Приобретенный архивом опыт участия в международных фестивалях показал интерес туристов к аудиовизуальному наследию, что, в свою очередь, инициировало создание проекта по ознакомлению зарубежных туристов с архивными документами. На 2022 г. запланированы работы по созданию в архиве соответствующей инфраструктуры.

С целью реализации культурно-просветительских и научно-образовательных функций Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана развивает сотрудничество с крупнейшими вузами, средними специальными и общеобразовательными учреждениями, научно-исследовательскими институтами, информационными учреждениями, музеями. Совместно с Галереей изобразительных искусств Республики Узбекистан и Государственным музеем прикладного искусства и ремесленничества в 2019 г. было организовано комплексное мероприятие значительного, научного и просветительского значения⁷. Мероприятие включало в себя научно-практическую конференцию, пресс-конференцию мастеров гончарного дела и выставку фотодокументов. Демонстрируемые архивные кинодокументы стали материалом для обсуждения вопросов поиска истоков цветовой гаммы в изделиях традиционных школ керамики.

Фотодокументы Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана, отражающие историю Второй мировой войны, легли в основу документальной экспозиции Музея славы при открывшемся в 2020 г. по инициативе Президента Республики Узбекистан Парке Победы в Ташкенте⁸. Экспонаты музея с документальной достоверностью рассказывают о вкладе многонационального народа Узбекистана в Великую Победу, о мужестве и героизме на фронте и в тылу, о гуманизме.

Ежегодно проводятся литературные и музыкальные вечера, в рамках которых и архивисты пробуют себя на литературном поприще, в театрализованных постановках, песенном творчестве, и, с другой стороны, писатели, поэты, музыканты ближе знакомятся с архивными кино-, фото- и фонодокументами.

В апреле 2021 г. архивом совместно с Государственным музеем истории Узбекистана был организован музыкальный вечер, посвященный творческой династии известных певцов и музыкантов Закировых⁹.

Начиная с 2016 г. Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана организует открытые уроки для школьников на основе аудиовизуальных документов¹⁰. Уроки носят интерактивный характер. Дети высказывают свое мнение по поводу исторических документов, по поднятой теме, проявляют сотворчество. Для каждого урока составляются своя концепция и сценарий с учетом возрастных особенностей. Сотрудники архива готовят открытые уроки не только по истории, но и по другим предметам: литературе, географии, биологии, этике. Например, для первоклассников к Дню космонавтики был проведен урок «Космонавты».

Для школьников архивисты подготавливают мультимедийную программу. Так, для учеников третьего класса на основе архивных кино- и фотодокументов была создана презентация «Корней Чуковский». Цель проведения урока — ознакомление с творчеством детского поэта, развитие словарного запаса и воображения.

Темы для открытых уроков сотрудники выбирают исходя из актуальных проблем. С целью экологического воспитания школьников, формирования у них неприятия к вырубке деревьев была подготовлена программа о бережном отношении к растениям. Для урока были отобраны хроникальные и документальные фильмы об экологических угрозах, научно-популярные фильмы о народно-хозяйственной и экологической пользе лесопосадок, а также фотографии, запечатлевшие последствия неразумного отношения к природе.

Сотрудниками Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана инициировано и ознакомление с архивными документами детей дошкольного возраста. Для воспитанников детских садов была подготовлена программа на основе архивных фотодокументов «Игрушки бабушки Хамро» о творчестве уникального мастера по изготовлению глиняных игрушек. Творческая работа архивистов ярко и красочно рассказывает о народном прикладном искусстве. Эти занятия прививают детям любовь к труду, творчеству, искусству, пробуждают интерес к истории своего народа. Организованные на основе аудиовизуальных документов открытые уроки для детей оказывают на них большое эмоциональное воздействие, имеют познавательное, воспитательное и эстетическое значение.

В последние годы ощутимо и значимо присутствие архива в социальных сетях, где ведется продуктивный диалог с пользователями. Знакомия на своем официальном сайте и в социальных сетях с аудиовизуальным наследием¹¹, а также со своей деятельностью, архив получает горячий отклик слушателей и зрителей, задающих большое количество вопросов, что демонстрирует

заинтересованность общества. Информационная служба архива проводит социальные опросы среди молодежи по вопросам науки и культуры, об отношении людей к родному языку, книгам, побуждая тем самым творчески и аналитически мыслить.

К 75-летию Победы, в разгар пандемии коронавируса, Национальным архивом кинофотофонодокументов Узбекистана был организован челлендж. Эта современная форма самовыражения в Интернете приобрела, благодаря архиву, новое звучание. Представители разных профессий и разных возрастов приняли активное участие в этом мероприятии, создавая и демонстрируя видеоролики, коллажи из фотографий, декламируя стихотворения, в том числе собственного сочинения, исполняя музыкальные произведения в честь Дня Великой Победы. Данная акция стала для многих членов общества источником вдохновения, выявила огромное число талантов¹², способствовала развитию идей гуманизма в обществе.

С 2019 г. архив организует кинофестивали. К участию в работе приглашаются ученые, деятели культуры, искусства (соответственно теме мероприятия), учащиеся высших и средних учебных заведений. Это своеобразная площадка для обмена мнениями, для популяризации исторического и культурного наследия, прослеживания связи времен, актуальности архивных документов. Первый кинофестиваль, проходивший с 1 по 3 ноября 2019 г., был организован совместно с Национальным агентством «Узбеккино» и посвящен 100-летию образования системы государственных архивов в Узбекистане¹³. Кинофестиваль собрал большое количество зрителей, по достоинству оценивших представленные их вниманию уникальные кинодокументы. Второй кинофестиваль был посвящен 75-летию Победы. В связи с пандемией он был организован в онлайн-формате. Третий, также онлайн-кинофестиваль, был посвящен развитию науки и цифровой экономики. Он проходил с 5 по 8 декабря 2020 г. под названием «Исторические источники развития науки, просвещения и цифровой экономики». Кинофестиваль объединил за круглым столом в онлайн-среде известных ученых-математиков, преподавателей математики из школ и учеников старших классов. Участники мероприятия обменялись мнениями о развитии математики в стране и мире, о проблемах и перспективах подготовки кадров в данной сфере, о ценности исторических источников научного знания. На кинофестивале «заговорили» и сами источники — аудиовизуальным языком¹⁴.

Считая своим долгом принимать участие в решении актуальных социальных проблем, архивисты активно сотрудничают и с общественными организациями. В 2017–2018 гг. архив организовал в Комитете женщин Узбекистана выставку фотодокументов, показывающих участие женщин в политической, экономической, научной и культурной жизни страны, преимущества

гендерного равенства и одновременно хрупкость и силу женщин. В 2019 г. Комитету женщин Узбекистана специалистами архива был предложен инновационный проект по созданию семейных центров творчества на основе архивных кинофотофонодокументов.

Сотрудники архива участвуют и в мероприятиях, организуемых женскими организациями за рубежом. Архив широко использует аудиовизуальные документы с целью пропаганды вековых ценностей, в том числе семейных. Так, 13–14 апреля 2018 г. в Феодосии сотрудники архива в онлайн-режиме участвовали в работе III Международного крымского женского конгресса «Цветущий миндаль» с докладами на основе архивных кинофотофонодокументов «Семейные традиции народов Узбекистана» и «Материнство как социальная роль женщины».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что архив, являясь не только научно-методическим и информационным, но и культурным центром, принимает деятельное, значимое участие в формировании ценностных ориентиров у молодежи, в развитии культуры в современном обществе.

Примечания

¹ Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М., 1980 ; Основные правила работы государственных архивов СССР. М., 1984 ; Основные правила работы ведомственных архивов с кинофотофонодокументами и видеофонограммами. М., 1989.

² Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях // Федеральное архивное агентство : сайт. URL: <https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (дата обращения: 28.05.2021).

³ Российский государственный архив кинофотофонодокументов : сайт. URL: <http://www.rgakfd.ru/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁴ Архивы Беларуси : сайт. URL: <https://archives.gov.by/blog/news/622> (дата обращения: 16.05.2021).

⁵ Российский государственный архив фонодокументов : сайт. URL: <http://ргаф.рф> (дата обращения: 28.05.2021).

⁶ Об утверждении нормативных документов по архивному делу : Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 30 октября 1999 года № 482 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан : сайт. URL: <https://lex.uz/ru/docs/331300> (дата обращения: 20.05.2021).

⁷ Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана : сайт. URL: <http://kinofotofono.uz/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁸ Музей славы в Парке Победы // Газета.uz : сайт. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/09/museum/> (дата обращения: 28.05.2021).

⁹ URL: https://t.me/kinofotofono_uz.

¹⁰ Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана.

¹¹ URL: https://t.me/kinofotofono_uz (дата обращения: 28.05.2021).

¹² URL: <https://www.facebook.com/kinofotofono.uz> (дата обращения: 20.05.2021).

¹³ URL: <https://www.facebook.com/uzarxiv/posts/473552063249434> (дата обращения: 28.05.2021).

¹⁴ URL: <https://www.facebook.com/uzarxiv/posts/736439686960669> (дата обращения: 28.05.2021).

Е. Ю. Захарова

Официальный сайт ОГАЧО как образовательный ресурс на уроках истории в средней школе

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) отдает приоритеты личностным и метапредметным результатам обучения, что требует от учителя использовать на уроках широкий спектр видов деятельности обучающихся. Уроки истории должны погружать школьников в современное информационно-образовательное пространство. Данный подход находит свое отражение и в понимании учебно-методического комплекса по истории (УМК) нового поколения, в котором, по мнению О. Ю. Стреловой, особое место занимают дополнительные информационные ресурсы УМК: художественная и научно-популярная литература, репродукции произведений изобразительного искусства, художественные и документальные фильмы, теле- и радиопередачи, периодические издания, локальные достопримечательности, музейные экспозиции и т. п.¹ Одним из таких дополнительных ресурсов УМК по истории учителями Челябинской области может рассматриваться и официальный сайт ОГАЧО. Активное участие ОГАЧО в современном образовательном процессе неоднократно анализировалось и отмечалось в ряде публикаций². Но сотрудничать с архивом можно не только во внеурочной работе, но и непосредственно на уроках истории.

Во-первых, работа с сайтом ОГАЧО формирует универсальные умения работы с информацией, представленной в различных форматах: текст, база данных, фотография и т. д. Принципиальным подходом здесь должно быть достижение метапредметного результата: готовности и способности к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, умения ориентироваться в различных источниках информации и применять в работе с ними различных технологий (и в первую очередь технологии, связанные с анализом этих источников).

Во-вторых, в разных разделах сайта представлена в доступной школьникам форме обширная информация по истории Челябинской области, что создает условия для эффективной реализации регионального компонента в изучении истории.

В-третьих, материалы сайта ОГАЧО позволяют формировать историческое мышление путем включения посетителя в историю, благодаря че-

му ученик может выделить события на определенных основаниях, описывать эти события, используя разные источники, интерпретировать их, осмысливать прошлое, настоящее и прогнозировать будущее родного края. Особое значение это имеет для изучения истории XX в., который насыщен разнообразными процессами и событиями. Молодое поколение должно понимать, что в историческом прошлом России были как огромные достижения и успехи, так и не уступающие по размерам ошибки и просчеты. С конца XX в. в России идет процесс рассекречивания архивов, становятся доступными для граждан многочисленные документы, которые позволяют говорить на уроках истории в общеобразовательных организациях о разных аспектах истории. Особую сложность вызывает изучение истории массовых репрессий в СССР. Осознание учащимися всего масштаба произошедшей трагедии возможно только тогда, когда в содержание уроков истории активно включается региональный компонент.

Так, при изучении в десятом классе темы «Политическое развитие СССР в 1930-е годы», включающей в себя историю политических репрессий, можно организовать урок-исследование³. Одним из вариантов такого исследования может стать работа с материалами электронной выставки «Южный Урал. Хроники Большого террора»⁴, представленной на официальном сайте ОГАЧО в разделе «Проекты». Такую работу можно организовать в компьютерном классе, с помощью гаджетов учащихся или путем показа на большом экране. Десятиклассники могут работать как в группах, так и индивидуально. Учащимся предлагается заполнить таблицу «Большой террор на Южном Урале» (см. таблицу), используя материалы электронной выставки ОГАЧО «Южный Урал. Хроники Большого террора», внести туда информацию о К. В. Рындине, М. А. Советникове, И. Г. Егурнове, Н. А. Русакове, И. А. Шумилинском, А. А. Любарском, И. К. Зеленском, Б. А. Кривошекове (Ручьеве).

Далее учащимся предлагается на сайте ОГАЧО найти электронные «Книги памяти» по истории репрессий в Челябинской области и ответить на вопрос: «Рассмотрите обложки и объясните, почему Книг памяти несколько». Тем

Большой террор на Южном Урале

Ф. И. О.	Род деятельности, должность	Дата ареста	Статья УК РСФСР, обвинение	Мера наказания	Дата исполнения приговора

самым учащиеся сами делают вывод о том, что репрессиям подвергались различные социальные группы граждан СССР, проживавших в то время на территории области.

Для формирования универсального умения работы с базами данных ученикам предлагается самостоятельно найти в «Книге памяти жертв политических репрессий в Челябинской области» информацию о И. Я. Нестеровском, В. А. Бухарине, М. А. Балакине, Я. А. Ахтямове и внести эту информацию в таблицу.

На этапе рефлексии ученики, используя материалы заполненной таблицы, должны подтвердить конкретными региональными примерами направления и масштаб проходивших в СССР репрессий.

В завершение исследования (вариант — домашнее задание), используя «Книгу памяти жертв политических репрессий», нужно дополнить таблицу информацией о жителях вашего населенного пункта (родственников, однофамильцах). Подобное задание позволит учащимся увидеть свой населенный пункт или свою семью в рассматриваемом историческом процессе, что может стать первым шагом на пути погружения в генеалогию.

Важно отметить, что рассматриваемый ресурс будет эффективен и при использовании технологии «перевернутый класс», когда учащиеся часть работы (исследование по материалам электронной выставки) могут выполнить дома, а на уроке произвести анализ полученных результатов, сопоставить их с общими процессами в СССР и дополнить таблицу информацией о жителях вашего населенного пункта (родственников, однофамильцах). Данное задание позволит выйти учащимся на такие актуальные для Челябинской области процессы, как рассказывание, раскулачивание, репрессии представителей прибалтийских народов 1940 г.

Традиционно особое место в изучении XX в. занимает история Великой Отечественной войны, где федеральные учебники по истории России для десятого класса основное внимание уделяют событиям на фронтах и очень общепоказывают историю советского тыла в годы войны, обходя стороной тему политических репрессий в 1941–1945 гг. Но историю Танкограда нельзя раскрыть без оценки роли трудовой армии (трудармейцев), находившейся в системе ГУЛАГа.

Для реализации регионального компонента можно провести как учебное, так и внеурочное занятие по теме «Все для фронта, все для победы!», которое покажет вклад депортированных российских немцев в победу над фашистской Германией и объяснит большое количество немецких фамилий среди современных жителей Челябинской области. Провести такое занятие поможет электронная «Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ “Бакалстрой — Челябинметаллургстрой”. 1942–1946», размещенная на сайте ОГАЧО в разделе «Книги памяти». В данной книге есть раздел «Фото», в котором размещены фотографии из альбомов — отчетов в Главное

управление лагерей. Работа с этими фотографиями позволит визуализировать историю, увидеть эпоху глазами людей того времени.

В рамках группового практикума предлагается подготовить виртуальную экскурсию по территории будущего Metallургического района в период с 1941 по 1945 гг., где располагался ИТЛ «Бакалстрой — Челябинметаллургстрой». Группы получают текстовую основу для экскурсии — небольшой очерк (у каждой группы свой) об истории российских немцев-трудармейцев на строительстве Челябинского metallургического района⁵. С помощью гаджетов (компьютеров) необходимо подобрать фотоматериал, которой иллюстрирует конкретный очерк. В процессе погружения в тему учащиеся должны критически оценивать и интерпретировать информацию с разных позиций, распознавать и фиксировать противоречия в информационных источниках.

На аналитическом этапе занятия каждая группа представляет свою виртуальную экскурсию, которая погружает учеников в историческое пространство и знакомит с началом строительства на Першинской площадке, расположением и устройством лагерей, составе трудармейцев, условиях жизни, поднимает вопрос сохранения памяти о трудовом подвиге российских немцев в Бакаллаге и его филиалах.

Учителю важно подвести учащихся к пониманию того факта, что во многих регионах СССР лагеря располагались по соседству с населенными пунктами или в некотором отдалении от них. С крушением системы ГУЛАГа лагерные зоны оказались заброшенными и забытыми, из многих поселков при лагерях уехало все население. В отличие от них Бакаллаг стал основой для образования нового административного района Челябинска⁶. В рамках домашнего задания можно предложить учащимся познакомиться с биографиями трудармейцев (поискать однофамильцев, посмотреть гражданство трудармейцев, их историческую судьбу).

Ввиду отсутствия современного учебного пособия по региональной истории для учащихся средней школы можно рассматривать материалы с сайта ОГАЧО как дополнительный цифровой ресурс УМК не только по российской истории, но и в контексте всеобщей истории.

Таким образом, использование материалов сайта ОГАЧО помогает учителю истории через язык цифр, конкретных фактов, фотографий выстраивать работу над важнейшим комплексом личностных результатов среднего общего образования: признание неотчуждаемости основных прав и свобод человека, которые принадлежат каждому от рождения; готовность к осуществлению собственных прав и свобод без нарушения прав и свобод других лиц; готовность отстаивать собственные права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ; правовая и политическая грамотность⁷.

Примечания

¹ Стрелова О. Ю. Рабочая программа. Всеобщая история 5–10 классы. М. : Дрофа, 2017. С. 9–10.

² Захарова Е. Ю. Архив в современном образовательном пространстве: из опыта сотрудничества ОГАЧО и кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин ЧИППКРО // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 17–19 ; Кибиткина Г. Н. Архив — школе. Из опыта работы Объединенного государственного архива Челябинской области. Челябинск, 2019. 148 с. ; Салмина М. С. Архив и школа: из опыта взаимоотношений // Архив как источник исторической

памяти народа : сб. материалов науч.-практ. конф. Челябинск, 2016. 221 с.

³ Уроки памяти: история политических репрессий в России и на Южном Урале : метод. рек. / Е. Ю. Захарова, В. М. Кузнецов, Д. И. Никитин и др. Челябинск : ЧИППКРО, 2019. 52 с.

⁴ Электронная выставка «Южный Урал. Хроники Большого террора». URL: <https://archive74.ru/news/yuzhnyy-ural-hroniki-bolshogo-terroga>.

⁵ Уроки памяти...

⁶ Захарова Е. Ю. Бакаллаг как градообразующий фактор в истории Metallургического района города Челябинска // Ист. демография. 2019. № 2 (24). С. 53–56.

⁷ Кибиткина Г. Н. Указ. соч.

С. А. Сергеев

Опыт использования архивных документов в проектной деятельности обучающихся творческой студенческой лаборатории «Грани познания»

XXI век — век инновационных технологий. Соответственно основным требованием к образовательному пространству, как наиболее чуткой сфере жизни общества, является создание необходимых условий для овладения обучающимися навыками, полезными для интеграции в современное, динамично изменяющееся общество. В этом контексте одним из наиболее эффективных дидактических средств активизации познавательного и творческого развития обучающегося является научно-исследовательская и проектная деятельность¹.

Примером эффективной организации современного проектно-исследовательского процесса является деятельность комплекса творческих студенческих лабораторий на базе Златоустовского техникума технологий и экономики (ЗТТиЭ)². Одна из таких творческих площадок — творческая студенческая лаборатория «Грани познания», организованная в 2018 г. Создание лаборатории преследовало конкретную цель — вовлечь обучающихся в научно-исследовательский процесс, раскрыть творческие способности личности, сформировать желание учиться и созидать. Прогнозировалось, что именно свободное и открытое планирование деятельности лаборатории, индивидуальный подход к обучающимся и сотрудничество в процессе работы с руководителем способны привести к положительным результатам для самого обучающегося, общества, науки и имиджа техникума.

Учитывая конъюнктуру конференций, курсов и научных форумов последних лет, в которых приходилось принимать участие, а также опыта исследовательской деятельности, приоритетной точкой приложения усилий была выбрана следующая область исследования — локально-исторические процессы в контексте истории Отечества, то есть историческое краеведение.

Историческое краеведение, как особая область знаний, обладает рядом принципиальных положений, как нельзя лучше подходящих для достижения намеченных результатов деятельности лаборатории³. Вот некоторые из них.

1. Принцип научности — позволяет сформировать у обучающихся научный взгляд на мир.

2. Принцип систематичности и последовательности — позволяет научиться ставить цели и задачи, а также формировать план достижения конкретных результатов.

3. Принцип историзма — отражает необходимость рассматривать окружающий мир в тесной связи с прошлым и с учетом перспектив изменения и развития.

Более того, процесс исследовательской деятельности в области краеведения тесно связан с процессом популяризации истории и распространением знаний. Предполагалось, что исследования из числа обучающихся принесут новое и ценное в науку, пополнят базу знаний по истории Южного Урала.

Методическое обеспечение образовательного процесса в лаборатории представлено:

– образовательной программой, срок реализации которой составляет один учебный год;

– учебно-тематическим планированием, рассчитанным на 80 часов в году;

– методическими рекомендациями по выполнению и защите индивидуального проекта по учебным дисциплинам общеобразовательного цикла, разработанными учебно-методическим отделом ЗТТиЭ.

– консультированием с ведущими специалистами по научно-исследовательской деятельности в области истории и краеведения (Елена Викторовна Швачко, доцент, кандидат педагогических наук (Челябинский институт развития профессионального образования), Вера Анатольевна Журавлева, профессор, доктор исторических наук (филиал ЮУрГУ в Златоусте), Игорь Александрович Новиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета).

Работа с обучающимися имеет следующую структуру:

1. Этап набора в учебную группу. Как правило, это специальности, у которых в учебном пла-

не присутствует выполнение индивидуального проекта: 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения», 43.02.01 «Организация обслуживания в общественном питании», 38.02.05 «Товароведение и экспертиза качества потребительских товаров». Также принимаются во внимание итоги входного контроля знаний по истории, предыдущие успехи в школе.

3. Выбор тематики исследования и формы деятельности (научно-исследовательская, творческая работа). Определяется предпочтениями и отношением к ним студента (краеведение, история).

2. Этап изучения основ научно-исследовательской деятельности, курирование процесса сбора информации и изучения источников. Источниковая база представлена фондами документов Архива Златоустовского городского округа, Златоустовского краеведческого музея, электронными ресурсами архивов России.

3. Этап апробации работ. Реализуется на нескольких уровнях. Первый уровень — местный, представлен участием в конференции «Профессия. Творчество. Инициатива», проходящей на площадке нашего техникума. Второй уровень — городской, предполагает участие в таких конкурсах, как «Шаг в будущее: созвездие НТТМ*», муниципальный этап областного конкурса краеведческих работ «Отечество», городской конкурс научно-исследовательских работ, ежегодная региональная краеведческая конференция «Золотые россыпи былого» и др. Третий уровень — участие в областных и всероссийских конкурсах: «Юность. Наука. Культура», областном конкурсе студенческих научно-исследовательских работ и др.

Основной архивной базой для выполнения проектных работ исследовательского типа являются фонды близлежащего хранилища документов — Архива Златоустовского городского округа. Для работы в архиве для юных исследователей были установлены следующие условия:

1. Проведение обзорной экскурсии и знакомство с работой архива.

2. Личное заполнение исследователем заявления о работе с документами.

3. Составление и реализация плана посещения архива для работы с документами и сбора информации к работе.

4. Знакомство с полученными документами, выяснение сложностей в работе с ними (текст, почерк, даты и т. д.).

5. Анализ, обработка информации и использование ее в тексте работы.

Учитывая, что многим обучающимся работа с историческими документами еще не знакома, каждый из этапов курировался наставником. Так, при анализе информации документов использовался так называемый метод кратких вопросов. Посещая читальный зал заранее, до появления обучающегося, наставник изучал несколько листов документов и оставлял подопечному на листе

бумаги ряд кратких наводящих вопросов с требованием дать конкретный ответ на них. Ответ обсуждался и позже вносился в работу.

За три года работы с полным или частичным использованием архивного материала были выполнены следующие исследования: «Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. в материалах газеты “Пролетарская мысль” (автор Владимир Забалуев), «Улица имени В. И. Ленина в историческом облике г. Златоуста» (Ксения Михляева), «Память о первом бое Гражданской войны на Южном Урале» (Анастасия Худенцова), «Юбилейные торжества в честь Дня Победы на страницах газеты “Златоустовский рабочий” в первое послевоенное десятилетие» (Аделина Хасанова), «Стахановское движение в Златоусте накануне Великой Отечественной войны» (Анастасия Худенцова), «Отражение Сталинградской битвы на страницах газеты “Пролетарская мысль”» (Михаил Захаров), «Отражение первых дней Великой Отечественной войны на страницах газеты “Пролетарская мысль”» (Виктория Двойнишникова).

Как видно из приведенных примеров, на первом месте по использованию источников выступали номера городской газеты «Златоустовский рабочий» («Пролетарская мысль», «Большевистское слово»)⁴. Несмотря на то, что газета советского периода является весьма специфичным историческим источником, ангажированным и идеологически мотивированным, она несет определенную фактологическую нагрузку. При подробном контент-анализе можно найти упущенные предыдущими исследователями нюансы: даты, хронологию и порядок событий, имена и фамилии участников, утраченные элементы обстановки. Так, благодаря анализу майских номеров газеты «Пролетарская мысль» удалось восстановить хронологию и состав участников событий, связанных с празднованием дня победы в Златоусте, что существенно дополнило опубликованную ранее информацию в краеведческих изданиях⁵.

Нужно отметить, что газета является доступным материалом для выработки таких умений у будущих специалистов по праву и организации социального обеспечения (именно обучающимся по этой специальности и предлагались проекты на основе изучения газет), как выделение главной мысли, понимание и осмысление прочитанного, способность его интерпретировать и сравнивать с информацией из других источников.

На втором месте среди документов, изучаемых юными исследователями, находятся документы фондов, рассказывающих о революционном движении в городеб и начале стахановского движения на златоустовских заводах в предвоенный период⁷.

В первом случае, стремясь привлечь внимание общественности на состояние памятника на месте первого боя гражданской войны в Златоусте (около железнодорожной выемки) автор создал в популярной социальной сети ВКонтакте группу, в которой поместил перепечатанные

* Научно-техническое творчество молодежи.

воспоминания участников события⁸. Для информирования населения была создана информационная листовка, содержащая QR-код, что позволяет собственнику современного мобильного устройства связи зайти на страницу группы.

Работа с документами инструментального завода им. В. И. Ленина вызывала определенные трудности у обучающегося. Связано это в первую очередь с тем, что в девятом классе общеобразовательной школы еще не изучался блок новейшей истории нашего Отечества. А стало быть, такие понятия, как «стахановцы», «первые сталинские пятилетки», «директивный метод» и т. д., были исследователю не знакомы. Это обстоятельство на некоторое время приостановило работу в архиве. Необходима была элементарная начальная историческая информация (и ее осмысление) по предвоенному периоду истории СССР. Впрочем, это позволило исследователю более подробно и точно соотнести события, произошедшие в городе, с общесоюзным движением. Нами же был сделан вывод о необходимости знать (и более тщательно) будущих исследователей с общей концепцией событий перед началом локально-исторических исследований. Работа по анализу стахановского движения оказалась удачной, что косвенно подтверждают публикации в городской газете «Златоустовский рабочий»⁹. Исследовательская работа была опубликована в сборнике материалов XIII Всероссийской научной конференции «Наш край: прошлое, настоящее, будущее»¹⁰.

Таким образом, использование архивных документов в исследовательской и проектной деятельности студентов техникума является, безусловно, делом нужным и необходимым. Как показал опыт работы студенческой лаборатории «Грани познания», документы архива могут служить существенным подспорьем в изучении истории Отечества. Результатом таких исследований является пополнение научной базы новыми данными.

Самым же ценным результатом, на наш взгляд, является отзыв самих студентов — исследователей, получивших новый для себя опыт, знания и навыки. Вот некоторые из них.

Отзыв студентки второго курса А. Худенцовой (научно-исследовательская работа «Память о первом бое Гражданской войны на Южном Урале»): «Побывав в архиве, я узнала много нового об истории родного города Златоуста. Работа над проектом была очень интересной и познавательной для меня. Узнала имена героев Златоуста, о событиях вековой давности. Главное — внесла посильный вклад в сохранение истории и памяти о земляках-златоустовцах».

Отзыв студентки первого курса А. Кузнецовой («Стахановское движение в Златоусте накануне Великой Отечественной войны»): «В архиве я провела не так много времени, но это был очень интересный опыт. Я узнала много нового по теме стахановского движения. Больше всего меня заинтересовало в этой теме то, что она не так сильно освещена, и было интересно узнать больше. В технологии создания проекта было сложно связать воедино информацию, полученную из архива, в целом работать над проектом было очень увлекательно».

Отзыв студента второго курса В. Забалуева («Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. в материалах газеты “Пролетарская мысль”»): «Работа очень сильно увлекла меня, так как я узнавал много нового. Мне было интересно конкурировать с другими участниками, интересно было слушать их работы. Я получил большой опыт, выступая на конференциях, участвуя в олимпиадах и конкурсах. Я считаю, что учащимся нужно работать над проектами, так как это увлекательно и познавательно. Я бесконечно благодарен преподавателю за идею, за совместную работу».

Примечания

¹ Довженко Н. В. Нормативно-правовое обеспечение проектной и инновационной деятельности преподавателя: от теории к практике // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы II Междунар. науч. конф., г. Санкт-Петербург, июль 2017 г. СПб. : Своё изд-во, 2017. С. 13–15. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/216/12518>.

² Научно-исследовательская деятельность студенческо-преподавательского сообщества ГБОУ ПОО «Златоустовский техникум технологий и экономики» 2019–2020 учебный год. URL: http://zite.ru/files/0/nid/ruk_nid.pdf.

³ Лукеева Е. Б. Историческое краеведение : учеб. пособие. Томск, 2003. С. 5.

⁴ Пролетар. мысль. 1937. № 14–245 ; 1941. № 146–150 ; Большевик. слово. 1945. № 89–92.

⁵ Хасанова А. М. Первый День Победы в Златоусте в материалах газеты «Большевикское слово» // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч. практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 287–290.

⁶ АЗГО. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 311, 376, 464–466.

⁷ Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 665. Л. 3–64 ; Оп. 18. Д. 91. Л. 1–5.

⁸ Память о первом бое Гражданской войны. URL: <https://vk.com/public200544322>.

⁹ Кузнецова А., Сергеев С. Рабочие кирпичики в фундамент мира // Златоуст. рабочий. 2021. 13–15 янв.

¹⁰ Кузнецова А. П., Сергеев С. А. Стахановское движение в городе Златоусте накануне Великой Отечественной войны // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XIII Всерос. науч. конф., г. Челябинск, 8 нояб. 2019 г. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2020. С. 151–158.

В. Л. Шилова

Архив в современном социуме: интеграция в школьную среду

Социальная память, память историческая, память общественная — пожалуй, одна из глубинных, имеющих важный смысл составляющих современного социокультурного пространства. Изучать, воссоздавать объективные картины исторического развития, использовать опыт прошлого в нынешней жизни, избегать применения к подрастающему поколению выражения «Иваны, не помнящие родства» — вот верные шаги на пути развития нашего общества. Архивы, как хранители той самой социальной памяти, несут в себе значимую роль в развитии современного общества. Время идет, поколения сменяют друг друга, как и приобретаемые ими ценности. Сохранять и передавать историю — одна из первоочередных задач архивных служб.

Кунгур — старинный уральский город, славный своей купеческой историей, удивительное место, где гармонично переплелись прошлое и настоящее. Его возраст перевалил далеко за 350. Через 140 лет со дня основания в городе был назначен первый архивный служащий — архиворазбиратель Гаврило Скрипов, который уже в мае 1804 г. докладывал Кунгурской городской думе о разборе дел и составлении описи и алфавита.

Сегодня Кунгурский городской архив (КГА) — это крупное научное учреждение, где хранятся ценнейшие подлинники документы, рассказывающие о развитии города и всего Присыльвенского края с 1720 г. Кроме того, в текущем году фонды КГА в связи с объединением территорий города и района пополнились документами ликвидированного Архива Кунгурского муниципального района. Таким образом, кунгурские архивисты могут по праву заявить, что они работают в уникальном месте — богатейшем источнике ретроспективной документации. Это ценное наследство никоим образом не должно оставаться закрытым на архивных полках — таков закон Кунгурского архива. Этим наследством нужно делиться, оно должно приносить пользу, привносить свой вклад в воспитание подрастающего поколения.

Кунгурский архив уже многие годы является культурно-просветительским центром по патристическому и нравственному воспитанию кунгуряков. Это стало возможно прежде всего потому, что мы вышли за пределы узкого ведомственного общения и вступили в новые творческие контакты с образовательными организациями и учреждениями культуры города. Вопросы образования и воспитания не входят в прямую компетенцию архивной службы, но специалисты архива считают, что архивный документ помогает донести до школьника сведения о родном крае, воспитывает патриотизм, духовное и нравственное начало.

В течение нескольких десятилетий архив активно сотрудничает со школами города. Одна из

форм такого взаимодействия — проведение уроков по документам Кунгурского архива. Школьные учебные планы пополняются новыми темами по истории города, почетным гражданам Кунгура, судьбам репрессированных кунгуряков, Великой Отечественной войне: «Тыл — фронту», «Письма кунгуряков с фронта», «Война глазами женщин кунгурячек — участниц Великой Отечественной войны» и многими другими интересными и важными тематиками.

С учащимися в стенах архива проводятся экскурсии — тематические (например, «Благо творить — было и есть честью для кунгуряков», «Кунгуряки — защитники Ленинграда», «Кунгур накануне войны», «Чернобыль — катастрофа XX века», «Правда о чеченской войне») и обзорные — об истории и деятельности архива. Также проводятся тематические экскурсии, посвященные дням памяти фондодержателей — известных кунгуряков. Вниманию посетителей представляются подборки архивных документов, фотографий, писем, воспоминаний, фонозаписей.

Большой интерес у ребят вызывают конкурсы. В «копилке» Кунгурского архива есть такие мероприятия, как конкурс «Традиции и ценности моего рода, моей семьи». Его целью были обозначены сохранение культурно-исторической памяти кунгуряков, привлечение подрастающего поколения к изучению истории. Участниками конкурса были представлены творческие работы, отражающие семейные традиции, в трех номинациях: «Обряды», «Традиции», «Ценности».

Конкурс «Ретро-гид» для учащихся школ и студентов проводился под девизом: «Время — Пространство — Человек». «Время» условно протекало из настоящего в прошлое, «Пространством» были обозначены город, улица, дом, а «Человек» выступал носителем лучших традиций и опыта. Цель конкурса — привлечь учащихся и студентов к изучению архивных материалов, исторической литературы; развить навыки исследовательской деятельности, повысить интерес к историческим памятникам и документам.

Еще одно мероприятие, проведенное Кунгурским архивом, — командный конкурс «Наследники старинного города», сложный и многогранный по своей структуре. Состязание проходило в три этапа: 1) исследовательская работа в читальном зале архива; 2) интервью с жителями города и составление отчета; 3) творческий этап — написание ответа на «реальное» письмо с фронта, выбранное из архивных материалов.

Ученики средних и старших классов с большой пользой для себя приняли участие в этом конкурсе. Они научились краеведческому поиску документов в фондах архива, изучали хронику событий в годы войны в Кунгуре, читали фронтовую корреспонденцию, воспоминания жителей о Великой Победе.

Все мероприятия — уроки, конкурсы, экскурсии — несут в себе большой и глубокий смысл — воспитание гражданственности и патриотизма. Итоги их проведения — пополнение знаний школьников на базе историко-документального наследия и обогащение архивных фондов новыми материалами.

За последние два десятилетия среди учреждений образования города плодотворно работает научное общество учащихся. Ежегодно более трехсот кунгурских школьников пробуют себя в написании рефератов на самые различные темы. Участие в НОУ дает возможность ребятам, начиная с младших классов, проявить себя в роли научных исследователей. Большую помощь в этих исследованиях оказывает Кунгурский архив. Так, в течение каждого учебного года читальный зал архива посещают десятки школьников разных возрастов. Увлеченные новыми открытиями и имеющие большое поле информации для изучения, они продолжают развивать начатые темы и в последующие годы участия в работе научного общества.

Наиболее популярные темы для изучения: история кунгурского купечества, промышленных производств, мануфактур и др. Отдельной темой для изысканий является история школ. Кунгур — город старинных построек. Многие нынешние школы размещаются в стенах уникальных памятников архитектуры, зданиях со своей интереснейшей историей.

Одно из красивейших зданий Кунгура до недавнего времени занимала вспомогательная школа-интернат. Дом — ныне памятник градостроительства и архитектуры регионального значения — построен купцом и меценатом М. И. Грибушиним в начале 1820-х гг. под приют для мальчиков-сирот и детей из бедных семей. В 1941 г. в здании находился штаб 379-й стрелковой дивизии.

В здании средней общеобразовательной школы № 10, построенном в 1903 г., в начале прошлого столетия размещалось городское четырехклассное училище. Во время Великой Отечественной войны в этих стенах, так же как и в «грибушинской» школе, располагались эвакуационные госпитали для раненых советских солдат. Здесь в военные годы совершали свой подвиг врачи, медсестры, нянечки — пра- и прапрабабушки нынешних школьников.

Одним из новых направлений во взаимодействии со школьниками является участие в открытом конкурсном отборе по приоритетному направлению «“Серебряное” добровольчество» в рамках Всероссийского конкурса лучших региональных практик поддержки волонтерства «Регион добрых дел». На конкурс представлен проект «Фондодержатели Кунгурского архива: увлечение как образ жизни». В ходе реализации проекта будут проводиться встречи держателей личных фондов КГА со школьниками. «Серебряные» добровольцы расскажут о своих жизненных увлечениях, работе, интересных историях из

жизни. Специалисты архива подготовят тематические выставки архивных материалов из личных коллекций фондодержателей.

Как считают авторы проекта, эти встречи расширят детский кругозор, научат знакомиться и общаться с новыми людьми, вести диалог с пожилыми, слушать и слышать советы старшего поколения. В свою очередь уважаемые всеми нами ветераны получат дополнительный круг общения, разнообразят свой досуг. Возможно, для них, людей преклонных лет, в какой-то степени уменьшится риск наступления «одинокости старости», чувства ненужности обществу.

Реализация проекта запланирована на 2022 г., но дабы не терять времени, авторы приняли решение — апробировать проведение этих мероприятий уже в июне этого года, во время работы пришкольных летних площадок.

В наши дни дети с раннего возраста приобщаются к виртуальному общению, и общество уже сталкивается с рядом проблем на фоне этого. Однако данная статья не призвана к их решению. Факт в том, что использование интернет-ресурсов является неотъемлемой частью и важной составляющей нашего современного бытия. По данным Федерального института оценки качества образования, лидером среди всех социальных сетей у российских школьников в 2019–2020 гг. стала социальная сеть ВКонтакте.

Кунгурский архив в начале 2020 г. включился в общение с пользователями самой популярной социальной сети, что позволило расширить формы работы архива. В официальной группе Архива Кунгура мы еженедельно публикуем новости, связанные с юбилейными датами и историческими фактами. К памятным событиям специалисты архива проводят онлайн-акции, к участию в которых приглашаются кунгуряки, в том числе и учащиеся школ. Так, например, в декабре 2020 г. для школьников была организована мини-викторина по истории памятников и мемориалов Кунгура.

1 апреля 2021 г. в группе заведена новая рубрика «Заметки архивиста», на страницах которой мы знакомим своих подписчиков и гостей с деятельностью учреждения, работой секторов, интересными событиями, проблемами, новшествами в работе архива. Публикации сопровождаются фото- и видеоматериалами по освещаемым темам. Здесь можно увидеть как архивные документы, так и сюжеты из работы архива в настоящее время. Развивая работу в интернет-сети, наши архивисты преследуют цель побуждения интереса к своей работе среди школьников и студентов, к документальным источникам информации.

Основными целями исторического и обществоведческого образования, заложенными в федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения, являются: «...воспитание патриотизма, гражданственности, социальной ответственности, уважения к истории и традициям нашей Родины, к правам и свободам

человека, демократическим ценностям современного общества». Являясь хранителями достоверных исторических фактов в виде документальных материалов, архивные службы должны приложить все усилия для реализации этих целей.

Формирование представлений об историческом прошлом нашей страны и своей малой родины происходит не только за счет получения школьных знаний, но и в ходе активной творчес-

кой познавательной деятельности учащихся. Кунгурским городским архивом «взят курс» на молодое поколение, на развитие сотрудничества с образовательными учреждениями, на интеграцию архивоведения в школьную среду. Имеющиеся в архиве материалы, их доступность, компетентность сотрудников КГА и желание взаимодействовать на этом поприще — сильные факторы успеха.

В. Б. Прозорова

Наследственная генеалогия во Франции: архивные аспекты

Наследственная генеалогия — очень интересная сфера деятельности на стыке наследственного права и архивной эвристики. Для того чтобы наследственная генеалогия стала не просто одним из инструментов нотариуса, а платной услугой, должны сложиться несколько факторов:

- 1) наличие стабильного среднего класса, передающего из поколения в поколение имущество;
- 2) государственные и международные гарантии частной собственности;
- 3) наличие традиционной семьи или ее умеренная деградация (возможность развода, адюльтера, наличия внебрачных детей, отказа от обязанностей и прав родителей);
- 4) оптимальная система документирования и отслеживаемость гражданского состояния;
- 5) полнота, сохранность и доступность государственного архивного фонда.

Во Франции эти факторы сложились в первой четверти XIX в., и первую генеалогическую фирму создал в 1830 г. негоциант Ипполит Тарнуа: имея обширные знакомства по стране, он придумал заключать договоры о призвании к наследству наследников, не известных ни наследодателям, ни нотариусам. Его сотрудники-адвокаты с 1850 г. начали собирать каталог биографических данных французов из записей гражданского состояния, списков избирателей и военнообязанных и других персональных данных, собранных местными властями. Государство использовало их уникальный каталог за 1850–1860 гг., ныне насчитывающий 200 млн карточек, для восстановления данных ЗАГС после пожара Парижской мэрии в 1871 г.

В 1875 г. под руководством адвоката Гюстава Пеллетье, купившего дела конкурентов, фирма получила современную структуру (центральный офис в Париже и филиалы в провинции), а имя его зятя стало названием унаследованной им фирмы¹. Вторая крупнейшая фирма, носящая сегодня название «Куто-Рориг», была образована в 1895 г. Ее создатель Амадей Куто основал первую генеалогическую газету «Юридический мир», а его наследник Ж.-К. Рориг издал первую научно-популярную книгу об их работе. Обе фирмы работают по всей Франции и по всему миру.

Содержание и соотношение факторов, позволявших возникнуть наследственной генеалогии, менялось со временем.

1. Средний класс был обескровлен войной 1914–1918 гг., и с 1920-х гг. во Францию хлынули трудовые мигранты из Восточной и Южной Европы, из стран Магриба. Это вывело французскую наследственную генеалогию на международную арену в 1970-е гг.

2. Несмотря на колебания между национализациями и приватизациями, институт частной собственности был стабильным.

3. Институт семьи деградировал весьма медленно из-за консервативного законодательства. С 1793 г. во Франции стали возможны анонимные роды, и весь XIX в. существовали разные формы «признания» родителями внебрачных детей. Но из-за канонической идеи о «наследовании вины» дети, рожденные вне брака, имели, по нормам 1789 и 1804 гг., вплоть до 2005 г. меньше прав наследования, чем законнорожденные, но больше, чем «дети адюльтера» одного или обоих родителей.

Высокая стоимость развода подтолкнула людей к различным зарегистрированным формам сожительств, некоторые из которых (например, пакт гражданской солидарности PACS) дают налоговые льготы партнерам-наследникам. Отметим, что во Франции в 2016 г. 59,7 % детей родились вне брака, а возможность усыновления открыта для состоящих в браке гомосексуальных пар.

4. Созданная в XIX в. оптимальная система документирования актов гражданского состояния путем взаимных ссылок в одних актах на другие помогает установить гражданское состояние, права и обязанности человека и найти его наследников. На полях акта (о рождении, заключении брака, смерти) есть помета о том, что данное гражданское состояние изменил последующий акт. Эта практика сходна с отметкой о выдаче паспорта (загранпаспорта). Но французская помета полнее: помимо реквизитов нового акта (даты, автора) она содержит цитату об изменении статуса лица. Поскольку для многих нотариальных действий во Франции нужно предъявить свидетельство о рождении, на его полях делаются записи о смерти лица, о заключении брака (или пакта гражданской солидарности), о разводе (или разрыве этого пакта), об ограничении дееспособности. На полях свидетельства о браке могут быть пометы об изменении режима

имущества супругов, раздельном проживании, разводе.

Каковы же основные этапы работы генеалогической фирмы над заказом?

Получение ордера или заказа

В настоящее время в 3 % случаев ведения наследственных дел необходимо искать наследников. Это нужно при отсутствии завещания, и при наследовании по закону при отсутствии детей, и если в завещании указан сложно идентифицируемый наследник. Пример такого завещания привел Ж.-К. Рориг: «Альберту, моему спаги, моей прекрасной и единственной любви»². Другой пример привел Ж.-М. Андриво, когда некто Попов, беременная подруга которого вышла замуж за другого, оставил имущество ее дочери, считая ее своей. Наследницу с трудом нашли, но она отказалась от своих прав из уважения к своим «настоящим родителям»³. Генеалогические фирмы могут найти неплательщиков алиментов, собственников предлагаемого принудительной продаже жилья, отсутствующего супруга, с которым был заключен брачный договор, подлежащий изменению. Заказы нотариусов оформляются ордерами.

Реже бывают заказы от частных лиц: отказников или тех, чья мать выбрала «анонимные роды». Отказник всегда мог найти следы родителей, а информацию об анонимных родах закон закрывал до 1978 г., несмотря на возмущение медиков и самих детей. По данным Ж.-К. Рорига, после 1978 г. документы о передаче в приюты рожденных анонимно запросили 26 тыс. человек⁴. Для психотерапии, корректирующей «семейные сценарии»⁵, нужно много информации по истории семьи, за которой часто обращаются к специалистам.

Поиск наследников

Технология поиска наследников отлична от принятой в семейной истории, ибо наш специалист не знает, кого он ищет.

Первый этап поиска — просмотр свидетельств о смерти и о рождении наследодателя. По пометам выясняют его семейное положение, правовой анализ которого дает направление поиска. Самый простой случай — бездетный не состоявший в браке наследодатель. Если бездетные супруги не имели братьев и сестер и не заключали брачного договора, их наследство будет поделено пополам между родственниками мужа и жены по восходящей линии, а затем внутри каждой группы по количеству найденных наследников.

Но если имущество в бездетном браке регулировалось режимом универсальной общей собственности с переходом всего имущества пережившему супругу, то искать наследников можно будет лишь с его стороны. Эти тонкости объясняют, почему у специалистов по наследственной генеалогии, много работающих с архивами, в 2/3 случаев образование юридическое. Архивная служба Франции постепенно признала обще-

ственно полезный характер их деятельности и предоставила этим специалистам особый режим доступа к архивной персональной информации. Но при принятии закона об архивах от 15 июля 2008 г. об особом режиме доступа для них забыли, и постепенно вернули его лишь в 2009–2017 гг.⁶, разрешив им в порядке исключения индивидуальный доступ к актам гражданского состояния, составленным менее 75 лет назад, к налоговым документам, государственным реестрам регистрации прав собственности и спискам состоящих на учете в призывном участке. Разрешение может быть выдано генеалогической фирме и отдельному специалисту по предоставлению ими выписки из реестра юридических лиц и справки о членстве в соответствующем профессиональном союзе, а также копий предыдущих разрешений на доступ к такого рода документам, если они были получены.

Разрешение архивной службы носит принципиальный характер и не позволяет профессионалам работать с любыми документами ЗАГСов. Для доступа к документам конкретного лица нужен мандат от нотариуса на поиск наследников. Если нужен просмотр решений о разводе, нотариус должен специально указать это в ордере, иначе придется просить доступ к этим делам на общих основаниях.

Специалист по наследственной генеалогии должен прекрасно знать архивный и документальный фонд страны за последние 150 лет, четко понимать, какую личную информацию он может найти в тех или иных ведомственных и государственных архивах и библиотеках. Он должен уметь выявить следы родственников в массовых источниках персональной информации, как открытых, опубликованных (телефонных и адресных книгах, справочниках по профессиям), так и закрытых архивных (в переписях населения, земельном кадастре, налоговых декларациях, государственных и профсоюзных базах данных, в том числе по личному составу Вооруженных сил и движения Сопротивления).

При поиске наследников за рубежом Франции методика меняется. Отправной точкой поиска становится дело о получении гражданства, где есть свидетельство о рождении, выданное в стране рождения и на ее языке, и заявление о предоставлении гражданства, содержащее данные о семье родителей покойного⁷. Изменение написания фамилии после получения гражданства или при переезде в другую страну, искажение фамилий в документах органов ЗАГС СССР в 1920-е гг., перемена пола в конце XX в. могут быть препятствиями при идентификации наследников.

Сотрудники фирм Андриво и Рорига должны знать сеть архивов и законы о документах ЗАГС и доступе к архивам не только своей, но и соседних стран, в которых работают. Как писал Андриво, «годы опыта позволили каждому специалисту лучше узнать ту или иную часть глобуса и стать, если даже это нигде и не написано, “специалистом” по ней. Это преимущество старых

фирм, где есть проверенные временем привычки»⁸. Региональный специалист — часто билингв с историческим, юридическим или архивным образованием. Страны рождения французских наследодателей — чаще Италия, Испания, Португалия, Великобритания, Германия, Польша, Греция, Алжир, реже Россия, Египет. Особый режим доступа за рубежом не действует, и французский «охотник за наследниками» там лишь частное лицо, пытающееся получить персональные данные других лиц. Поэтому, выявив наследников в странах бывшего СССР по открытым источникам (телефонным и адресным книгам, сайтам и форумам) и подписав с ними договор, французские генеалогические фирмы просят их обращаться в архивы и органы ЗАГС с составленными профессионалами запросами о рождении их прабабок и прадедов. Разумеется, максимум работы (запросы в государственные и ведомственные архивы и библиотеки, органы МВД, просмотр выложенных в Сеть телефонных и адресных книг, составление объявлений по местному радио и публикаций в местных газетах) делается еще во Франции, чтобы в дорогостоящей зарубежной командировке заняться только опросом в последнем известном месте проживания и работой с неоцифрованными документами.

Хотя супружеские измены и рождение в их результате детей — факторы, извечно усложняющие поиск наследников, их характер в эмиграции имеет особенности. И поляки, и африканцы бросали опостылевших жен в надоевшей стране, уезжали в эмиграцию с любовницами, декларируя их во Франции как законных супругов. Это вскрывалось не при отсутствии акта регистрации брака «супругов», а когда на запрос из страны, откуда пара прибыла, приходили данные о браке «супруга» с другой дамой и об их общих детях — законных наследниках. При поиске наследников остарбайтеров очень помогают фонды губЧК в областных архивах и Архивы Арользена.

Однажды, когда в силу нормы об универсальной общей собственности племянники жены потеряли право наследовать, а наследников со стороны мужа не нашли (его семья бежала в 1918 г. из Петрограда, население которого в 1918–1945 гг. изменилось так сильно, что среди ленинградцев почти нет коренных петербуржцев), мы обнаружили дальнего родственника, не являющегося наследником. Он имел с наследодателем общего прапрапрадеда, знал свою родословную до 18-го колена и до XVI в. и был тронут, когда специалисты Ж.-М. Андриво передали ему цифровые копии нансеновских паспортов и несколько десятков писем из Стамбула и Парижа за 1921–1930 гг. Он обрел часть утерянной семейной памяти и не жалел о доме под Парижем. В «Маленьких историях специалистов по наследственной генеалогии» Андриво также описал случай, когда дети были очень рады не наследству, а документам о жизни их отца, арестованного FLN⁹ и работавшего на французскую разведку.

Нередко родственников и наследников, даже не знавших друг о друге до появления в их доме сотрудников генеалогической фирмы, ищут с двух сторон границы — итало-славянской¹⁰, белорусско-польской, франко-германской. Это считается большой удачей, потому что часто за XX в. родственники успели разъехаться по всему миру.

Из архивов на территории бывшей Российской империи, где прошли Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая войны, регулярно приходят ответы, что метрические книги или документы органов ЗАГС за те или иные годы XX в. на хранение не поступали, утеряны при эвакуации или погибли. Ж.-К. Рориг привел пример, когда племянник наследодателя не смог найти свидетельства о рождении, утраченные в польском городе Любартове во время Холокоста, и лишился наследства¹¹. С появлением ДНК-тестов некоторые семейные тайны стало проще раскрыть. Так, благодаря судебному запросу и ДНК-тесту, на котором настояла старшая сестра наследодательницы, один из племянников оказался... родным сыном покойной и получил все ее имущество¹².

Информирование потенциальных наследников об их правах

Первый контакт с потенциальными наследниками — сложный момент. От него, так же как и от изучения документов, зависит, выполнит ли генеалогическая фирма поручение своего главного клиента — нотариуса. Этот контакт (чаще всего по телефону) требует знания психологии. И при отсутствии скрытых конфликтов в семье людям сложно узнать за один разговор о существовании дальнего родственника, о его смерти и о необходимости определиться с отношением к его наследству. «Большинство наследственных дел, которыми занимаются специалисты по наследственной генеалогии, — пишет Ж.-М. Андриво, — касаются кузенов, что часто подразумевает людей, которые в той или иной степени относятся к одному поколению с наследодателями»¹³.

Найденные наследники могут отказаться и от контакта с представителем нотариуса, и от наследства из-за неприязни к наследодателю (который оставил их во младенчестве, не помог в сложной ситуации¹⁴ или совершил в их отношении преступление сексуального характера). Крайне важно, если выявленный наследник не желает принять наследство, уговорить его подписать отказ, чтобы не блокировать получение наследства другими, следующими в очереди наследниками.

Заключение договора о призывании к наследованию

Вознаграждение генеалогической фирмы в договоре между ней и наследником, по которому она представляет его интересы, варьируется от 15 до 40 %. Особенно предприимчивые наследники пытаются после встречи с генеалогической фирмой в обход нее связаться с нотариусом,

чтобы не оплачивать услуги тех, кто сообщил им о наследстве. К чести французских нотариусов, нам неизвестны случаи, когда они шли на сговор с клиентом. Андриво приводит пример внучатого племянника, который, узнав от сотрудницы фирмы Андриво о наследстве, угрожая ей оружием, отобрал у нее свое генеалогическое древо, затем явился с ним к нотариусу и получил деньги, не подписав договор о призвании к наследованию. Фирма Ж.-М. Андриво судилась два года, но добилась выплаты за месяц работы по этому делу¹⁵. Чуть проще оказалось использовать наивность банковских служащих: наследник, получив информацию о наследодателе в ходе описи имущества, пришел до ее завершения в банк и вынес все содержимое ячеек за час до прихода туда официальных лиц и сотрудника «Рориг-Куто»¹⁶. Но всего в контракте не предусмотреть: у Андриво был случай, когда наследники неизвестного им ранее и не оформившего при жизни концессию могилы кузена отказывались в течение двух лет его хоронить, ибо «они его не знают», и «пусть его похоронят в общей могиле»¹⁷.

Опись имущества

Это обязательная процедура описания движимого имущества, обнаруженных ценных бумаг и денежной ликвидности в принадлежащих наследодателю объектах недвижимости и в его банковских ячейках с участием специалиста по генеалогии, найденных наследников, подписавших договор, аукциониста и нотариуса. Этот этап богат на сюрпризы: полотна великих художников, склады серебра и золота, украденных слугами — родителями наследодательницы у своих хозяев (срок давности истек, осталось лишь констатировать факт)¹⁸... Иногда в ходе описи или распродажи имущества находят завещание *inextremis*. Если оно написано от руки и датировано, а в идеале содержит фразу «это мое завещание», оно может изменить ход процедуры. Брошенная в детстве девочка завещанием лишила наследства всю свою семью, независимо от степени родства, и оставила деньги благотворительному фонду¹⁹. Сотрудники Рорига нашли в сейфе не женатого официально наследодателя завещание в пользу благотворительной организации²⁰. В книге Ж.-М. Андриво есть пример, когда в ходе описи наследник сам нашел среди писем завещание своей тетки в пользу общества защиты грызунов, с просьбой кормить три раза в день ее любимого хомяка²¹. Разочарование наследников делает правомерным вопрос о статусе домашних животных во французском праве: эти существа, почти члены семьи, считаются «недвижимым имуществом» и не могут быть, как в США, наследниками²².

Вступление в наследство, его ликвидация и окончательный расчет

Если наследников больше одного, то имущество продают и делят между ними полученные средства. Ж.-К. Рориг привел пример, когда при демонтаже мебели на распродаже нашли завеща-

ние, которым все имущество, в обход найденных фирмой племянников, отошло местной барменше, «удивительной женщине, которая, в течение более чем 10 лет была всей... вселенной»²³ покойного. Дама получила наследство, фирма «Рориг-Куто» — убытки. Весьма высокий процент ставок оплаты генеалогической фирмы (15–40 % от полученного наследниками имущества) создает этим фирмам устойчивость, несмотря на дела, в которых находят неизвестные нотариусам завещания или когда нет наследников.

По мнению Ж.-К. Рорига, его коллеги — «люди спокойные, методичные», «организованные, увлеченные профессией, которую они выбрали»²⁴. Они должны быть общительны и психологически устойчивы. Как верно пишет Андриво, «даже если мы редко физически сталкиваемся со смертью, она является частью повседневности специалиста по наследственной генеалогии. Это даже сама основа его занятости, потому что он вступает в дело, когда человек умер и оставил наследство»²⁵.

Заключение

Норма французского делопроизводства об обязательных пометах на полях документов ЗАГС очень удобна для генеалогических исследований и заслуживает заимствования.

Наследственная генеалогия в России долго не будет прибыльной, так как весь XX в. внешне- и внутривосточные катаклизмы разрушали средний класс, и массовое наследование состояний неактуально. Но, возможно, наследственная генеалогия исчезнет и в Европе, так как традиционная семья распадается, а средний класс исчезает из-за экономических проблем. И тем важнее сохранить ее опыт.

Примечания

¹ URL: <https://www.Andriveau J.-M.fr/notre-etude/histoire-andriveau/> (дата обращения: 17.06.2021).

² Roehrig J.-C. En quête d'héritiers : la généalogiste, la fortune, le destin : documents d'histoire. Paris : Tallandier, 1998. P. 117.

³ Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Petites histoires de généalogistes / préface de J. Favier. Paris : Recherche midi, 2011. P. 33–34.

⁴ Roehrig J.-C. Op. cit. P. 43.

⁵ Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование гено-социогаммы. М., 2011. 256 с.

⁶ Instruction DPACI/RES/2009/012 du 29.05.2009. Etat-civil, naissances et mariages. Procédures de communication par dérogation aux généalogistes professionnels ; Décret n° 2017-890 du 6 mai 2017 relatif à l'état civil et circulaire AD 91-9, actualisé par la circulaire DGP/SIAF/AACR/2010/006 du 05.07.2010.

⁷ Idem. P. 123–129.

⁸ Idem. P. 107.

⁹ Idem. P. 54.

¹⁰ Idem. P. 147.

¹¹ Roehrig J.-C. Op. cit. P. 42.

¹² Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Op. cit. P. 74–75.

¹³ Idem. P. 165–166.

¹⁴ Roehrig J.-C. Op. cit. P. 77–82.

¹⁵ Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Op. cit. P. 96–98.

¹⁶ Roehrig J.-C. Op. cit. P. 98.

¹⁷ Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Op. cit. P. 20.

¹⁸ Idem. P. 29–31.

¹⁹ Roehrig J.-C. Op. cit. P. 134.

²⁰ Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Op. cit. P. 66.

²¹ Idem. P. 53.

²² Roehrig J.-C. Op. cit. P. 107–115.

²³ Idem. P. 105.

²⁴ Idem. P. 18, 21.

²⁵ Andriveau J.-M., Andriveau M., Andriveau C. Op. cit. P. 165.

И. С. Зяблова

Фонд, описание, дело в домашнем архиве

Документы семьи обычно не требуют каталогизации и занимают одну папку или ящик в шкафу. Но при составлении родословной их объем резко увеличивается, как и время поиска нужной информации. Поэтому возникает необходимость введения удобной системы хранения домашнего архива.

Необходимость каталогизации как электронного, так и бумажного архива появляется при наличии отрицательного ответа хотя бы на один из следующих вопросов:

1) Точно ли известно, где искать нужную информацию?

2) Можно ли ее *быстро* найти?

3) Удобно ли пользоваться имеющейся системой хранения?

В настоящей статье предлагается несколько вариантов систематизации и каталогизации семейных документов.

Организация документов в государственном архиве

Обратимся к терминологии. Архивный фонд — это совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой¹. Фондообразователем может являться как юридическое, так и физическое лицо², в процессе деятельности которого образуется документальный фонд (совокупность документов). А поскольку само наличие паспорта, свидетельства о рождении и прочих создаваемых или собираемых бумаг у человека уже является признаком фондообразователя³, то можно организацию документов из государственных архивов перенести в каждый дом, каждую семью. Дополнительно стоит отметить, что разновидностями архивного фонда могут выступать: фонд личного происхождения, образовавшийся в ходе жизнедеятельности фондообразователя, его семьи, рода; объединенный архивный фонд, сформированный из документов двух и более фондообразователей, имеющих между собой (для физических лиц) родственные, профессиональные, творческие, деловые связи; архивная коллекция — совокупность документов, образовавшихся в деятельности различных фондообразователей, объединенных по тематическому, авторскому, хронологическому и другим общим признакам⁴.

Организовать документы внутри архивного фонда можно на основе единиц хранения (документа или совокупности документов), обеспечи-

вая их учет, поиск и использование. Единицы хранения систематизируются в фонде по следующим признакам:

- структурному (в соответствии с принадлежностью единиц хранения к структурным подразделениям организации);

- хронологическому (по периодам или датам, к которым относятся документы);

- функциональному, отраслевому, тематическому, предметно-вопросному (в соответствии с функциями, отраслями, направлениями деятельности фондообразователя, темами и вопросами, которых касается содержание документа);

- номинальному (по делопроизводственной форме, видам и разновидностям документов);

- корреспондентскому (по организациям и лицам, в результате переписки с которыми образовались единицы хранения);

- географическому (в соответствии с определенными территориями, населенными пунктами и другими географическими наименованиями, с которыми связаны содержание документов, их авторы, корреспонденты);

- авторскому (по названиям организаций или фамилиям лиц, являющихся авторами документов)⁵.

Единицы хранения внутри фонда группируются последовательно по признакам, применение которых является наиболее целесообразным. Как правило, применяются сочетания признаков, наиболее полно отражающих делопроизводственную и смысловую связь между единицами хранения и создающих условия для наиболее удобного их использования.

Для учета документов в государственном архиве используется шифр, состоящий из номеров архивного фонда, описи и единицы хранения⁶. Электронным делом может являться совокупность электронных документов или один электронный документ⁷.

Организация документов в домашнем архиве

Составление родословной — это всегда формирование объединенного архивного фонда нескольких фондообразователей (например, родственников), а также архивных коллекций (например, дореволюционных документов). В электронном архиве можно придерживаться правила: корневая папка — это фонд, подпапки выступают в роли подфондов или описей, а вложенные в них папки — соответственно дела.

Рассмотрим фонды, которые могут быть сформированы исследователями истории своей семьи: персоны, родство, места (населенные пункты), история (факты, первоисточники, архивы), ВГД (фамильные ветки, закладки, комментарии), военный поиск, ДНК-генеалогия, древо, запросы, интервью, мормоны, НЛО, план поиска, польза (разное), расходы, таблицы и шаблоны, фотографии и видео.

И на конкретном примере посмотрим, как можно облегчить работу с документами. Пусть фондообразователи — физические лица: Челябинский Архив Юбилеевич с женой Архивной Службой Юбилеевны.

Родам Челябинских и Архивных необходимо присвоить номера, исходя из следующего принципа: фамилия ребенка — это 1, отца — это снова 1, матери — 2, деда по отцу — 1, бабушки по отцу — 3, деда по матери — 2, бабушки по матери — 4 и т. д. При этом в шифр попадет Р1, что означает род № 1, или Челябинские, Р2 — Архивные. Для боковых веток — РБ№, РНБ№. Другие варианты каталогизации:

1. Можно обозначать род с использованием первых букв фамилии. Недостаток этого способа — возможное значительное увеличение символов в шифре; преимущество — интуитивно понятно из обозначения, про какую ветку идет речь.

2. Род самого дальнего предка — это 1, девичья фамилия жены сына — это 2 и т. д. Этот вариант удобен в том случае, если в архивах за более ранний период документов больше не сохранилось — и к родословному древу добавляются уже только потомки.

3. Если в папке «Персоны» создать подпапки: «Род Архива по папе», «Род Архива по маме», «Род Службы по папе», «Род Службы по маме» с номерами 1, 2, 3 и 4, соответственно, в внутри этих папок поместить все фамилии. Тогда у Челябинских код будет Р1.1, а у Архивных — Р3.1. С боковыми ветками и потомками создаются отдельные подпапки — им присваиваются шифры: РБ№ (боковые роды), РП№ (прямые потомки), РБП№ (боковые потомки).

Многие документы — свидетельство о заключении брака, похозяйственные книги, исповедальные ведомости и пр. — являются общими для членов одной семьи. Поэтому удобно информацию о предках хранить в семейных папках, которые лежат в папке с родом и нумеруются по хронологии от потомков к предкам или наоборот. Если дочь вышла замуж и поменяла фамилию, для которой не создается отдельная папка с боковым родом, то появляется «боковая» семья. В шифр включаются следующие обозначения: С№ (прямые предки), СБ№ (боковые предки), СП№ (потомки), СБП№ (боковые потомки), где № — это порядковый номер семьи, идущий через точку после регистрационного номера рода.

Семья Архива и Службы стоит особняком, потому что является связующим звеном между прошлым и будущим, нулевым уровнем, точкой отсчета (обозначается С0 и хранится непосред-

ственно в папке «Персоны»). Примеры: С2.1 — род № 2, семья № 1; или С3.1.1 — род № 3.1, семья № 1.

Идентификаторы персон формируются следующим образом: к коду семьи родителей добавляется порядковый номер персоны. Примеры: Челябинский А. Ю. — № 1.1-1, Архивная С. Ю. — № 2.1-1, Челябинский Юбилей — № 1.2-1, а Архивный Юбилей — № 2.2-1 (либо соответственно № 1.1.1-1, № 3.1.1-1, № 1.1.2-1 и № 3.1.2-1). Заметим, что использование буквенных обозначений: № Чел.1-1 или № Арх.1-1 — интуитивно более понятное, но занимает чуть больше места.

Введем краткие обозначения для типов документов: ОД — основные документы (паспорт, загранпаспорт, военное удостоверение, трудовая книжка, полис обязательного медицинского страхования, свидетельство государственного пенсионного страхования (СНИЛС), свидетельство об ИНН, аттестаты, дипломы); ДД — дополнительные документы (документы умерших родственников, грамоты, дипломы конкурсов, поощрения, письма, награды и ордена, паспорта, удостоверения, орденские книжки, военные билеты, иные документы); СОР — свидетельство или справка о рождении; СОБ — свидетельство или справка о браке; СОРБ — свидетельство или справка о разводе; СОС — свидетельство или справка о смерти; Ф — фотографии; А — аудиозапись; В — видеозапись; АС — архивная справка; АВ — архивная выписка; АК — архивная копия.

Все фамильные документы — ревизские сказки, фотографии с большим числом представителей данного рода и пр. — на данном этапе обретают название: Р№-Тип документа-№ документа. Примеры: Р1-РС-1 (копия № 1 ревизской сказки с информацией о Челябинских), Р2-Ф-5 (фото № 5 с изображением нескольких семей рода Архивных). Семейные и личные документы обозначаются аналогичным образом: С1.1-СОБ-1 (справка № 1 о браке родителей Архива Юбилеевича), 2.1-1-ОД-4 (трудовая книжка Службы Юбилеевны).

Для населенных пунктов используются общепринятые обозначения: СССР, РФ, ЧО74, МСК, СПБ, ЧЕЛ.

Там, где необходимо многоуровневое хранение данных, добавляются подфонды. На основе признака систематизируемых единиц хранения создается буквенное или численное обозначение, которое интегрируется в шифр: например, ДоР — для дореволюционных документов (хронологический признак), ВОВ — для документов Великой Отечественной войны (совокупность признаков).

Фотографии занимают особое место в домашнем архиве, потому что даже у людей, не занимающихся составлением родословной, их количество постоянно растет. Чтобы их систематизировать, необходимо сформировать фонды: фотографии людей (группируем по персонам, семьям, родам), мест (карты, достопримечательности), исторических событий, не связанных с какой-ли-

бо семей (коллекция фотографий с празднования 100-летия Архивной службы Челябинской области из разных городов).

Формируются подфонды фотодокументов: ФС — семья, ФД — друзья, ФУ — учеба, ФР — работа, ФРод — родственники, ФП — путешествия. Также могут быть указаны подтипы документов: Б — бумажные (в электронном архиве — это отсканированные), Т — с телефона, Ф — с фотоаппарата, П — профессиональные, И — из Интернета, З — из ответов на запросы и др.

Рассмотрим пример: Ф. 1.1-1-ФУ, Оп. 2, Д. 5 (фонд фотодокументов Архива Юбилеевича, подфонд «учеба», опись № 2 «школа», дело № 5 «10 лет выпуску»). Шифр будет выглядеть следующим образом 1.1-1-ФУ-2.5 или 1.1-1-ФУ-Б-2.5 (для детализации, что этот документ является сканом фотографии из альбома). На компьютере в папке с фотографиями лежит файл Excel с описанием фондов и гиперссылками на все подпапки, выполняющий роль каталога. В папке Челябинского А. Ю. находится аналогичный файл, а также папка ФУ, в которой есть список описей (тоже в Excel) с гиперссылками на соответствующие папки с делами (фотографиями или папками фотографий по какому-то одному эпизоду из жизни Архива Юбилеевича).

При увеличении количества вложенных папок их номера добавляются через точку. Например, имеется следующая многоуровневая структура: ФУ «учеба» — 1, «учеба в Челябинске» — 2, «школа» — 11, «11 класс» — 4, «участие в соревнованиях» — 1, «награждение победителей». Тогда 1.1-1-ФУ-Т-1.2.11.4.1.3 — это шифр для фотографии № 3, сделанной с помощью телефона во время награждения победителей на соревнованиях одиннадцатиклассников в Челябинске.

Аналогичный принцип именования документов действует и для остальных папок и файлов в домашнем архиве. Там, где требуется расположить документы в хронологическом или алфавитном порядке, а не по фондам, например, в названии файла на первое место ставится дата в формате «ГГГГ-ММ-ДД», автор или место создания документа.

Заключение

Вариантов систематизации может быть множество. Главное — выбрать наиболее удобный для себя, исходя в первую очередь из того, как эта информация в конечном итоге будет использоваться. При ведении домашнего документооборота крайне важно понимать, что даже государственные учреждения при группировании единиц хранения исходят из принципов целесообразности и удобства, применяют сочетания признаков, наиболее полно отражающих делопроизводственную и смысловую связь между документами. Поэтому описанная выше система хранения документов, скорее всего, может быть улучшена и оптимизирована для еще более комфортной и быстрой навигации в семейном архиве.

Примечания

¹ Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 43. Ст. 4169. Гл. 1. Ст. 3.

² Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М. : Стандартинформ, 2014. П. 3.3.1.

³ Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации. М. : Росархив, 2002. П. 2.2.1.1.

⁴ Там же. П. 2.2.1.1.

⁵ Приложение к приказу Министерства культуры РФ от 31 марта 2015 г. № 526 «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях». М. : Росархив, 2015. П. 2.11.

⁶ Приложение к приказу Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24 «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях». URL: pravo.gov.ru.

⁷ Там же.

Часть III
История архивов

Л. Н. Мазур

Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации*

Важнейшей подсистемой общества выступает его информационное пространство (среда), которое определяется в литературе как совокупность «результатов семантической деятельности человека» — информационных ресурсов, технологий, а также институтов, ориентированных на поддержку и оптимизацию информационных потоков¹. Инфраструктуру информационного пространства составляют информационные институты — библиотеки, архивы, музеи, средства массовой информации. Каждый из них работает в своем режиме и обслуживает определенный класс информационных потребностей общества. Средства массовой информации формируют актуальную новостную повестку, переключая общество на злободневную тематику, и создают образ настоящего, апеллируя к прошлому или возможному будущему. Библиотеки и архивы являются хранилищами документов, составляющих историко-культурное письменное наследие, и выступают модераторами исторической памяти, участвуя в конструировании образа прошлого. Музеи представляют собой синкретический институт с точки зрения объектов хранения и механизмов влияния на сознание и память человека. Музеи не просто формируют образ прошлого / настоящего, они его эмоционально заряжают и делают осязаемым, включая более тонкие механизмы восприятия информации и формирования «следа» памяти в общественном сознании. В совокупности все информационные институты, не теряя своей специфики, все больше превращаются в центры хранения, использования и распространения информации.

В триаде информационных институтов (архивы — библиотеки — музеи), архивы занимают особое место, определяемое его функциями. Архив служит поставщиком информации для исторических исследований, хранилищем документов — свидетелей прошлого. В современных условиях цифровой революции архивы, продолжая выполнять функции хранения ретроспективной информации (документов), постепенно расширяют зону своего присутствия и влияния. Однако возможны различные варианты их трансформации — все зависит от той роли, которую архивам отводит общество и / или государство.

Особенности российской архивной системы

В мировой практике получили развитие две модели архива: 1) архив как собрание документов, сложившееся в процессе деятельности физического или юридического лица (европейская

модель); 2) архив как элемент системы управления, эволюционировавший в государственное учреждение, комплектующее, описывающее, сохраняющее документальное наследие (русская модель)². В словаре Брокгауза и Ефрона приведено следующее определение рассматриваемого понятия: «Архив — это *установление*, устраиваемое для хранения письменных документов»³, которое можно интерпретировать в обоих смыслах.

История российских архивов изначально была тесно связана с государством и его интересами. Само понятие «архив» было введено в обиход «Генеральным регламентом», изданным 28 февраля 1720 г. одновременно с оформлением системы архивных учреждений. Первоначально были образованы два архива: общий для всех коллегий архива, находящийся в ведении Коллегии иностранных дел, и финансовый — под руководством Ревизион-коллегии (гл. 44)⁴. На протяжении XVIII–XIX вв. вместе с развитием системы государственного управления непрерывно росло число архивных учреждений. В конце XIX в. в Российской империи сложилась система исторических ведомственных архивов, к которым относились:

- Архив Государственного совета;
- архивы в подчинении Министерства иностранных дел: Государственный архив в Санкт-Петербурге, учрежденный при Коллегии иностранных дел; Московский главный архив — хранилище исторических документов, устроенное при Петре I;
- Архив Святейшего синода;
- Московский архив Министерства юстиции, образованный в 1852 г. для хранения дел Правящего сената;
- два исторических архива в ведении Министерства просвещения — Киевский и Виленский, учрежденные в 1852 г. для хранения древних актов книг губерний;
- Витебский центральный архив (1852), образованный для хранения древних актов Витебской и Могилевской губерний;
- Военно-учетный архив Главного штаба (1796);
- Архив Морского министерства, образованный из архива Адмиралтейств-коллегии, учрежденного в 1724 г.;
- петербургские и московские архивы дворянских ведомств и архив Собственной Его Императорского Величества канцелярии;
- губернские исторические архивы.

Помимо правительственных архивов, устроенных при каждом ведомстве, функционировали также общественные, общинные и частные архивы, передававшие свои документы или в правительственные, или в исторические архивы⁵.

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 21-18-00418 (<https://rscf.ru/project/21-18-00418>).

Структура архивной сети начала XX в. интересна тем, что в ней представлены два типа архивов — правительственные (ведомственные), создаваемые при ведомствах, и исторические, куда передавались исполненные дела из ведомственных архивов и частных хранилищ. На протяжении XIX в. исторические архивы постепенно преобразуются из чисто управленческой институции в общественную, публичную, то есть в учреждения, использующие свои документы для научно-исследовательских целей, составления справок по частным запросам и пр.

Однако этот тренд был прерван событиями XX в., эпицентром которых стали Октябрьская революция и появление на политической карте мира советского государства. Огосударствление коснулось не только экономики, культуры, общественной жизни, но и архивной системы⁶. Одним из последствий огосударствления стало утверждение системы архивных учреждений, соответствующей централизованной структуре власти и управления, для которой были свойственны ведомственность и системные ограничения использования документов.

В 1920-е гг. был принят ряд нормативных актов, последовательно ограничивающих доступ к архивным документам. В частности, был запрещен вынос архивных выписок без просмотра заведующим читальным залом. Вводилось понятие «секретные материалы», к которым была отнесена часть документов, созданных до 1917 г. Учреждениям и организациям было дано право засекречивать документы по своему усмотрению⁷. В государственных архивах создавались обособленные, закрытые для общего пользования фонды.

3 февраля 1925 г. коллегия Центрархива утвердила «Положение об организации ЕГАФ СССР», в соответствии с которым архивы подразделялись на архивы, хранящие материалы дореволюционной эпохи; архивы, хранящие материалы советской эпохи; архивы, хранящие материалы двух эпох — дореволюционной и советской (с обособленным учетом и хранением материалов по эпохам внутри каждого архива)⁸. Положением об архивном управлении РСФСР от 28 января 1929 г. устанавливались сроки передачи документов в архив и критерии проведения экспертизы ценности, основным среди которых стал классовый признак, а использование документов было привязано к народно-хозяйственным целям⁹. Окончательно система архивных учреждений получила оформление в 1941 г. Согласно новому «Положению о ГАФ СССР и сети государственных архивов» утвердилась трехуровневая сеть архивов: центральные (союзного значения), республиканские и региональные¹⁰.

Параллельно с мерами по централизации управления архивами сложилась тенденция к созданию практически самостоятельных архивов внутри отдельных ведомств. Принцип ведомственности в СССР был признан «не противоречащим идее о централизации архивного дела в стране»¹¹. Ядром системы ведомственного хране-

ния стали партийные архивы, дополненные архивами наркоматов СССР, получившими права самостоятельного хранения документов¹². От ГАФ фактически отделялись целые комплексы документов органов внутренних дел, спецслужб, «систем внешнеполитического и оборонного ведомств»¹³. Особый режим хранения и использования был установлен также для ОГФ (отраслевых государственных фондов), к которым относились Всесоюзный геологический, Центральный картографо-геодезический фонды, Госфонд данных о состоянии окружающей природной среды, Центральный госфонд стандартов и технических условий, Госфильмофонд.

Попытки снятия ограничений в работе архивов предпринимались в ограниченных масштабах в 1960-е гг. на волне оттепели, а затем в 1990-е гг. Архивная реформа была нацелена на демократизацию архивной системы, но также осталась незавершенной, а ее результаты — весьма противоречивыми. С одной стороны, были ликвидированы партийные архивы, их фонды переданы в государственные архивы, смягчились правила работы архивов, они стали публичными учреждениями, проводились мероприятия по рассекречиванию документов. С другой стороны, был расширен перечень федеральных органов исполнительной власти и организаций, которым было разрешено депозитарное (долговременное) хранение документов Архивного фонда РФ. В 2006 г. перечень включал 20 структур: федеральные министерства (с подведомственными им федеральными службами), а также федеральные службы и агентства, руководство деятельностью которых осуществлял Президент РФ¹⁴. Система архивных депозитариев получила название «отраслевые архивные фонды» или «специализированные отраслевые ведомственные фонды», которые отличались по степени доступности документов от публичных (открытых) архивов.

Таким образом, сложившаяся в недрах государственного управления российская архивная система характеризуется рядом специфических черт: централизацией, ведомственностью, ограничением доступности документального фонда, что непосредственно отражается на реализации функций архива как института памяти.

Документальное наследие и архивная документальная память

Предоставляя информацию для реконструкции исторической реальности, архивы непосредственно участвуют в формировании исторического сознания и национальной идентичности, то есть выполняют функции института памяти. В этой связи возникает вопрос: какую информацию хранят российские архивы, насколько она доступна и как влияет на процессы конструирования образа прошлого?

Для характеристики архивных фондов в настоящее время все чаще используются взаимосвязанные понятия «документальное наследие» и «документальная память». Они ориентированы

на решение двух основных задач — сохранение культурного наследия и использование его для реконструкции исторической реальности и формирования коллективной исторической памяти.

Оба понятия были введены в научный оборот в 1970-е гг. В Законе СССР от 1976 г. архивные документы были включены в группу «документальные памятники» наряду с «актами органов государственной власти и органов государственного управления, другими письменными и графическими документами, кинофотодокументами и звукозаписями, а также древними рукописями, записями фольклора и музыки, редкими печатными изданиями» и подлежали охране¹⁵.

В современном определении понятия «архивный фонд» выделены три содержательных момента, отразившие особый статус архивных документов:

– исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое, культурное значение;

– *«неотъемлемая часть историко-культурного наследия народов Российской Федерации»*

– *«информационный ресурс, подлежащий постоянному хранению в соответствии с российским законодательством»*¹⁶.

Собственно категория «документальное наследие» была введена в научный оборот в 1990-е гг. благодаря программе ЮНЕСКО «Память мира», принятой в 1992 г. В ней приведено следующее определение рассматриваемого понятия: «...документальное наследие — это документированная коллективная память народов мира, с помощью которой можно проследить эволюцию мысли, открытий и достижений человеческого общества»¹⁷. В 1995 г. был учрежден Реестр (международный, региональный и национальный), куда включаются наиболее значимые документы, соответствующие установленным критериям отбора. В российской практике используется более широкое толкование рассматриваемого понятия. Оно охватывает документы Архивного фонда и библиотечных фондов РФ¹⁸ и в этом смысле употребляется наиболее часто¹⁹. В целом категория «документальное наследие» закрепляет за архивами роль *хранителя наиболее ценных документов*.

Другое понятие — «документальная память» — получило развитие в трудах К. Б. Гельмана-Виноградова, который ввел в научный оборот такие категории, как «документная среда ноосферы» («пространство, включающее все множество существующих и вновь создаваемых документов») и «документальная память ноосферы» («совокупность информации, заключенная в документной среде ноосферы») ²⁰. В дальнейшем документальная память стала объектом исследования в трудах В. П. Козлова, который определил ее как один из типов исторической памяти и главный объект деятельности архивов²¹. В. П. Козлов охарактеризовал свойства докумен-

тальной памяти (комплексность, непосредственность фиксации информации и независимость от социального заказа) и ее функции, в том числе уточнил данное понятие, отделив его от комплексов документов, которые хранятся в библиотеках или музеях.

Оба термина («документальное наследие» и «память») были интегрированы в упомянутой выше программе ЮНЕСКО. Концептуальным ядром программы «Память мира» выступают принципы сохранения наследия и обеспечения его постоянной и всеобщей доступности. Использование документов для научных, культурных, образовательных целей является условием их включения в память человечества. Один из пунктов программы (п. 2.7) так и называется — «Совместное приобщение к памяти», в нем изложены принципы взаимодействия по идентификации и сохранению документального наследия.

Такой подход позволяет по-новому взглянуть на деятельность архивов — одного из хранителей документального наследия, наряду с библиотеками и музеями. Не только обеспечение сохранности документального наследия, но и создание условий для его использования (доступности), является важнейшей функцией архива, позволяющей реализовать миссию института памяти. В наибольшей степени этой миссии соответствует модель открытого исторического архива.

Российский архив также реализует функции института памяти, но специфически. Во-первых, значение имеют информационная структура архивных фондов, полнота отражения исторической реальности. Не секрет, что отбор документов на постоянное хранение проводится по типовым перечням, включающим преимущественно организационно-распорядительную, финансовую и кадровую документацию организаций — источников комплектования. А это очень специфический срез жизни общества. В результате наиболее полно отечественные архивы отражают разнообразие российской государственности, хуже — общество, еще слабее — частную жизнь²².

Во-вторых, архивная документальная память является преимущественно пассивной, не введенной в научный оборот. По подсчетам Е. В. Старостина, обществом используется не более 20 % архивной информации, а 80 % ее остается невостребованной²³. Это либо не доступные для использования документы, либо не представляющие исторической ценности. «Идеальный» архив, реализующий функции института памяти, должен иметь зеркальные показатели. Но чтобы достичь желаемого уровня использования архивных материалов, необходимо совершенствовать не только методы комплектования и экспертизы ценности документов, нужно обеспечить информационную открытость архива. На практике российские архивы продолжают функционировать в рамках охранительной стратегии с тенденцией к усилению режима закрытости и ограничений доступа.

Нередко перспективы развития информационного пространства в целом и архивной систе-

мы в частности связывают с процессами цифровизации архивного фонда через создание архивных сайтов, баз данных, электронных архивов, через организацию сервисов, реализующих удаленный режим работы с документами. Но парадокс состоит в том, что в открытых системах цифровизация расширяет доступность архивной информации, в закрытых, напротив, еще более ограничивает доступ к архивным материалам за счет включения дополнительных процедур отбора документов с учетом их соответствия официальной политике памяти.

Выводы

Особенностью формирования и развития российской архивной системы была ее тесная связь с государством. Изначально архив создавался как хранилище документов, необходимых для нужд государственного управления, то есть решал сугубо практические задачи. Переход к концепции сервисного государства привел к расширению круга потребителей архивной информации, включив сюда, помимо государственных учреждений, органов власти и прочих «юридических лиц», рядовых граждан (физических лиц). В этой картине мира архив представляет собой сервисное учреждение, призванное обслужить прежде всего «источники комплектования». В результате процесс трансформации архива в публичное учреждение в силу ряда причин остался незавершенным. В большинстве своем российские архивные фонды не введены в публичное информационное пространство, что влияет на особенности конструируемого на архивных материалах образа прошлого, соответствующего государственному заказу.

Примечания

- ¹ Цветков В. Я. Информационное пространство как ресурс познания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3-2. С. 207–212. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8701> (дата обращения: 18.07.2021).
- ² Хорхордина Т. В. О проблеме взаимопонимания в цепочке «архивист — потребитель» // Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив : материалы семинара Центра россиеведения РАН. М. : ИНИОН, 2010. С. 19–27.
- ³ Архивы // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. 2. СПб. : Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1890. С. 255–263.
- ⁴ Генеральный регламент, 28 февраля 1720 г. // 100 раритетов российского государственности. URL: <https://garitety.rusarchives.ru/dokumenty/generalnyy-reglament> (дата обращения: 18.07.2021).
- ⁵ Архивы... С. 255–263.
- ⁶ О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР : Декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. // Российский государственный архив социально-политической истории : сайт. URL: <http://rgaspi.info/funds/unikalnye/6102-2/>; О губернский архивных фондах : Декрет СНК от 31.03.1919 // Исторические материалы : сайт. URL: <http://istmat.info/node/35862> (дата обращения: 18.07.2021).

⁷ См.: Цеменкова С. И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века: XX — начало XXI века : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 51.

⁸ См.: Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М. : РГГУ, 1994. С. 107–108, 159.

⁹ См.: Егоров С. А. Обеспечение сохранности архивных документов. 1918–1941 гг. // Вестн. архивиста. 2009. № 4. URL: <http://www.vestarchive.ru/dokumentovedenie/1029--1918-1941-.pdf> (дата обращения: 29.02.2020).

¹⁰ Положение о Государственном архивном фонде СССР, утв. Постановлением СНК СССР от 29 марта 1918 г. // КонсультатПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20024#pEb0MdSUJLYoNKE5> (дата обращения: 18.07.2021).

¹¹ Волкова Т. С. Ведомственность в архивной практике СССР и Российской Федерации (нормативно-правовой аспект) // История и архивы. 2008. № 8. С. 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennost-v-arhivnoy-praktike-sssr-i-rossijskoj-federatsii-normativno-pravovoy-aspekt-1> (дата обращения: 27.04.2020).

¹² Об упорядочении архивного дела в народных комиссариатах и центральных учреждениях Союза ССР : Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отд. первый. М. : Управление делами Совета нар. комиссаров Союза ССР и Совета труда и обороны, 1924–1937. Ст. 57.

¹³ Волкова Т. С. Указ. соч. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Об охране и использовании памятников истории и культуры : Закон СССР от 29.10.1976 г. // Электронный фонд правовых и научно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9011427> (дата обращения: 18.07.2021).

¹⁶ Архивный фонд // Архивы России : сайт. URL: <https://rusarchives.ru/arhivnyj-fond-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 18.07.2021).

¹⁷ Память мира: Общие руководящие принципы сохранения документального наследия (пересмотренное издание 2002 г.) / подгот. Р. Эдмондсоном. Париж : ЮНЕСКО, 2002. С. 8.

¹⁸ ГОСТ Р 33.505-2003: Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200032423> (дата обращения: 18.07.2021).

¹⁹ См., например: Документальное наследие России: проблемы теории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 8 июня 2018 г. М. : Архив РАН, 2018.

²⁰ Гельман-Виноградов К. Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) // Гельман-Виноградов К. Б. Особая миссия документов : избр. тр. / предисл. проф. М. В. Ларина. М. : РГГУ, 2009. С. 28–54.

²¹ Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М. : Архив РАН : Древлехранилище, 2017.

²² Старостин Е. В. Архивы в системе социальной памяти российского общества // Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив : материалы семинара Центра россиеведения РАН. М. : ИНИОН., 2010. С. 12–18.

²³ Там же. С. 17.

И. О. Иванов

Городской социум как фактор систематизации архива Московской духовной консистории

Деятельность Московской духовной консистории (МДК), управлявшей сначала Синодальной областью (1722–1742), а затем и Московской епархией (1742–1918) под названием «духовная дикастерия», немыслима без собственного архива. Состав документального комплекса архива МДК уходит в досинодальную эпоху, поскольку в его основу легли документы существовавшего с 1668 г. Духовного приказа¹ и ведавшего московским церковным благочинием Приказа церковных дел. На момент возникновения в 1738 г. архива Святейшего синода² — главного церковного архивохранилища периода 1721–1918 гг. — в консистории уже второе десятилетие существовал стабильно растущий документальный комплекс.

Трансформация старого приказного архивохранилища в архив как структурное подразделение консистории впервые в истории отечественного делопроизводства получает юридическое оформление в главе 44 изданного в 1720 г. Генерального регламента³. Однако полноценное функционирование консисторского архива происходит не вдруг и не сразу. В течение первых двадцати лет существования учреждения служащим консистории, в то время носившей наименование дикастерии, не свойственно было обращение к бумагам, вышедшим из оперативного делопроизводства. Дела решались ситуативно, по обычаю, часто минуя сбор справок с использованием документов прошлого. Организация церковного суда еще во многом напоминала приказные времена, и в 1720-е гг. в штатах консистории продолжали числиться прежние приказные дьяки⁴.

В 1737 г. архив дикастерии сильно пострадал после крупного пожара, и необходимость справочной работы отпала сама собой. Но с накоплением новых материалов, а также по мере усвоения заложенной в Генеральный регламент опорной конфигурации канцелярских чиновников (секретарь, регистратор, актуариус) консистория вырабатывала более пристальное отношение к внутреннему обороту документов и справочной деятельности.

В течение 1740-х гг. наблюдалось учащенное обращение к архивному документу как носителю необходимой для текущего делопроизводства информации прошлого. Консистория, а вместе с ней и ее архив, ставший фактически вторым лицом учреждения, играли все большую роль в жизни города, как церковной, так и светской.

Деятельность консистории как правопреемника Духовного приказа изначально была направлена на регулирование жизни и нравов духовенства московской епархии. Так называемое «приискание дел по консистории» за каким-либо священником или дьячком нередко являлось не чем иным, как поиском по архивным делам совершенных церковнослужителем проступков или

более серьезных канонических преступлений. Со временем компетенции консистории вышли далеко за пределы контроля над духовенством и затрагивали разнообразные сферы московской церковной жизни.

К концу XVIII в. документальный комплекс МДК вмещал широкий делопроизводственный спектр по определениям священников, дьячков и просфорниц в приходской причт, определению монахов в монастыри, пострижениям в монашество, назначению и увольнению викарных священников, увольнениям священнослужителей на покой, увольнениям из должности и духовного звания, запретам в служении, высылке незаконно проживающих в Москве священнослужителей, незаконному найму причетников, незаконному заключению браков, разрешениям на вступление во второй брак, бракам православных с иностранными поданными, домовладениям в приходских комплексах, территориальным спорам, аморальному поведению духовенства, нарушениям богослужебного устава, ремонтным работам, открытию и упразднению домовых храмов, расследованиям мнимых чудотворений, возобновлению иконостасов, зачислениям и отчислениям студентов духовных школ Московской епархии, продаже церковного леса, выдаче справок по метрическому материалу. Архивирование документов по перечисленным направлениям деятельности требовало тщательного соблюдения порядка при группировании. Консистория играла исключительно важную роль в жизни губернского города, и беспорядочное состояние архива подрывало ее деятельность, а полное его разорение вследствие природных катаклизмов (пожары 1737 и 1768 гг.) и социальных эксцессов (чумной бунт 1771 г., нашествие 1812 г.) было равносильно уничтожению.

Приведение архивных документов к определенной системе может показаться явлением прагматическим, опосредованным исключительно потребностями «удобства приискания дел в архиве». Ретроспективное обозрение архивных материалов консистории демонстрирует разные подходы, опосредованные не только соображениями удобства, но и окружающей консисторию социальной обстановкой.

Документы провинциальных духовных приказов досинодальной поры не требовали какой-либо специальной систематизации, и отвечавший за архив приказной служитель выстраивал материалы судопроизводства в хронологическом порядке. Количество производимых дел, а также их предметное разнообразие выполнялись без учета территориальных особенностей. По разным причинам делопроизводство московского Духовного приказа не дошло до наших дней, однако, судя по содержанию позднего докумен-

та середины XVIII в., группирование дел в приказе ограничивалось хронологическим порядком. Назначенный 23 октября 1749 г. первый архивариус МДК Дмитрий Кривников получил распоряжение разобрать дела патриаршего периода только «по годам», без упоминания актуальных для московского церковного делопроизводства сороков, городов и уездов⁵. Это значит, что разбор следовало произвести согласно традиционному для периода приказов хронологическому принципу. Нельзя не отметить, что материалы Духовного приказа не играли важной роли в консисторском делопроизводстве, так как в ранних протоколах двадцатых-тридцатых годов не содержится признаков обращения к архивным документам той поры. Усложнение структуры документального материала приходит в консисторский архив со стороны Тиунской избы, или Приказа церковных дел, с 1691 г. занимавшего каменные палаты неподалеку от собора Покрова на Рву⁶. В 1701 г. этот приказ на некоторое время был слит с Духовным и переведен на патриарший двор, однако в 1711 г. по распоряжению Сената был возвращен на прежнее место, где существовал вплоть до ликвидации 20 мая 1724 г., когда в покинутое здание въезжало отделение Берг-коллегии⁷. Не исключено, что раздельное существование объясняется проведением публичных показательных акций, порой жестоких и совершенно неприемлемых для выполнявшего функции патриаршей канцелярии Духовного приказа. В 1698 г. подверглись четвертованию священники восставших стрелецких полков⁸. 5 октября 1722 г. Синод распорядился выставить образцы специальной, дискриминирующей социальной статус раскольников одежды⁹.

Ведомство закрытого Приказа церковных дел разделилось между Розыскной канцелярией, Казенным приказом и духовной дикастерией. Через два с половиной года произошла важная для Московского епархиального архива передача дел закрытого учреждения¹⁰. 13 января 1727 г. канцелярист Филипп Бессонов по указу Святейшего синода принял дела Приказа церковных дел. Важно отметить, что указ предписывал строго соблюдать порядок, в котором дела откладывались в течение многих лет: «Собрание московских попов книг о исповедующихся и не исповедующихся», «О наряде в крестные духовными московских сороков», ведомости о скоропостижно умерших, и «Собрание ведомостей от московских старост родившимся и умершим»¹¹. Так, принимая прототипы метрической документации¹², дикастерия усвоила очень важную для своей последующей деятельности функцию сбора учетных материалов. Впоследствии связь учреждения с государственным институтом метрикации только возрастала, а само хранение метрических книг навсегда стало ответственно важной функцией епархиального управления, разом уничтоженной большевистским декретом об отделении Церкви от государства (1918).

Здесь же впервые возник ставший классическим для консисторского архива порядок группирования материалов по московским территориально-административным церковным единицам, или сорокам. Такое формирование раннего архива МДК с опорой имеет эмпирический характер и вытекает из традиционного административного церковного деления города, восходящего к Стоглавому собору 1551 г. С другой стороны, в основе этой прагматики стоит поискать несколько утерянный в современном церковном сознании фактор самоорганизации прихода. Несмотря на определенный государством норматив — один священник на сто дворов¹³, — городской социум XVIII в. еще сохранял инерцию независимой приходской жизни, выраженной прежде всего в самостоятельном выборе кандидатов на ключевые должности, необходимые для полноценного функционирования прихода: священника, дьячка и просвирницы. Поэтому в рамках сорока на каждый храм в архиве откладывался своего рода документальный свод, оперативно восстанавливающий основные события приходской жизни¹⁴.

Драматические события первой четверти XIX в. привнесли существенные изменения в этот отточенный десятилетиями классификационный подход. От расквартированных в здании Чудова монастыря французских солдат кроме архива пострадало все консисторское делопроизводство в целом. Скрупулезно составленные экстракты журналов заседания присутствия с емким по существу изложением дела и выписками из законов сменились краткими, написанными нервным почерком текстами. Падение уровня административной культуры эхом отзывалось не одно десятилетие: докладные реестры по архиву за 1845 г. констатируют исчезновение журналов входящих и исходящих дел за 1814–1815 гг. Сохранившиеся протоколы заседаний консистории за 1813–1814 гг. также свидетельствуют о полной архивной катастрофе. Послевоенный журнал консистории отмечал: «По справке, учиненной в консистории о том, что дело о кладбищных церквях от неприятеля вывозимо не было, а осталось в консистории, которого по выходу не оказалось»¹⁵.

Вторым фактором, не только повлиявшим на группирование материала, но и вызвавшим серьезную реорганизацию архивного дела в МДК, стал переход государственных архивов на предметно-тематический принцип классификации. И в самой консистории патриархальная система распределения документов по сорокам уже не поспевала за увеличением объемов документирования и усложнением картины общества. Освоение служащими консистории навыков предметной классификации наступило лишь к 1837–1845 гг., когда место старых поветий окончательно заняли возглавляемые секретарями две экспедиции с четко определенными компетенциями. Эти две экспедиции делились на пять столов, каждый из которых в общих чертах

отвечал за дела православной веры (1-й стол 1-й экспедиции), церковное благочиние (2-й стол 1-й экспедиции), внутренние дела консистории (3-й стол 1-й экспедиции), дела по проступкам духовенства и расторжение незаконно совершенных браков (1-й стол 2-й экспедиции), хозяйственные дела (2-й стол 2-й экспедиции).

В 1813–1837 гг. в группировании дел наблюдался явный беспорядок. Размытость административной структуры приводила к таким серьезным делопроизводственным ошибкам, как ведение дел по именным повытьям. Среди недействующих описей дел МДК можно встретить «Опись по повытью бывшего повытчика Александра Лисицына, а ныне Казанского Московской округи ниже показанных церквей за 1813 г.», куда попали дела церквей северо-восточного Подмосковья и монастырские дела за январь¹⁶. То же самое можно сказать об описи «по повытью титулярного советника Доброва за 1816 г. по монастырям», также определяющей происхождение документов по повытчику, хотя в XVIII в. дела каждого монастыря группировались отдельно. Получалось, что поиск нужного дела осуществлялся не по территориальной единице, а по кругу занятий давно забытого повытчика. Встречались и другие, ошибки, вызванные все той же размытостью административных компетенций структурных подразделений. Недействующая опись хозяйственного 2-го стола 2-й экспедиции почти полностью соответствовала бы своему содержанию, если бы не появление дел по нехозяйственным отделам, а именно следственных дел по жалобам на недостойное поведение духовенства, принадлежащих 1-му столу той же экспедиции¹⁷. И здесь, как в случае с группированием по именным повытьям, для последующих поколений служащих архивный поиск зависел от осведомленности в характере компетенций консисторских экспедиций.

Но самым серьезным, если не удручающим, показателем делопроизводственных неустойчивостей было беспорядочное состояние метрических книг. Накопившиеся к 1830-м гг. недочеты и методы их устранения представлены в докладе кураторовавшего в то время архив члена консистории протоиерея Иоанна Русинова, настоятеля храма Николая Чудотворца в Хлынове, и священника Московского Зачатьевского монастыря Петра Никольского. Авторы доклада на имя Высокопреосвященного митрополита Московского Филарета указывают на халатное отношение повытчиков прошлых лет к метрическим материалам. Так, допускались составные метрические книги, когда повытчики прошивали в одну книгу ведомости, присланные из разных приходов, разных территориальных единиц. Эта сложность была бы решаемая при заведении алфавита с указанием, в каких книгах находятся нужные ведомости, однако не то что алфавита, но даже общей описи в архиве давно уже не было, отчего архивариус в своей работе полагался на чутье, а не на точные данные справочного ап-

парата, так как наличные описи были составлены с ошибками и заканчивались 1828 г.¹⁸ В результате для разбора метрических книг и делопроизводственных материалов в соответствии с новым предметным принципом в 1831 г. был создан просуществовавший вплоть до 1918 г. специальный комитет по разбору архива МДК, сумевший не только преодолеть наступивший архивный кризис, но и поддерживать системный порядок на протяжении оставшегося периода существования учреждения.

Возобладавшая в государственных канцеляриях предметно-тематическая классификация всецело зависела от специфики учреждения. Высочайше утвержденный 27 марта 1841 г. «Устав духовных консисторий» в своей архивной главе не навязывал какой-либо четкой, обязательной для всех епархиальных канцелярий номенклатуры: «Дела в консистории, с утверждения епархиального архиерея, распределяются по предметам их на отделения, и расписываются по производству по столам, со всевозможным уравниванием занятий»¹⁹. Кроме удобства распределения предметов по экспедиции такой подход вполне позволял по мере необходимости создавать новые материалы дел. Связанные с изменением общественного климата процессы поставили консисторию перед необходимостью создавать новые тематические рубрики. Инициативы обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева о церковно-приходских школах, утвержденные царем 13 апреля 1884 г., возлагали решение кадровых вопросов для новой институции на епархиальных преосвященных²⁰, что естественным образом прибавляло консисториям управленческих забот. И если в 1882 г. в МДК рассматривалось всего 46 законоучительских дел, то в 1892 г. их количество резко возросло до 188, что стало поводом для заведения сразу двух отдельных описей, содержащих дела по зачислению законоучителей из священников, диаконов и закончивших курс семинаристов в детские училища, сельские воскресные школы, частные и государственные учебные заведения, а также в военные части²¹.

Другой пример появления новых предметов — недействующая опись 1-го стола 2-й экспедиции за 1904–1905 гг., где помимо привычных для профиля данного структурного подразделения дел о предании покаянию московских мещан появляется новая категория дел — о самоубийствах. Столоначальник отмечал, что из 361 дела только 70 не связаны с суицидом, а по особой сдаточной описи в архив сдано 52 дела²². Опись той же экспедиции за 1911 г. уже полностью посвящена разбору дел по самоубийствам и включает 1065 дел²³.

Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»²⁴ значительно расширил возможности неправославных религий и послужил поводом для появления новых предметов судопроизводства, связанных с отпадением из православного исповедания. В фонде МДК не сохранилось канцелярских или архивных описей

тех лет, однако даже с помощью наличного справочного аппарата 1-й экспедиции²⁵ можно убедиться в возрастании в разы дел межконфессионального содержания. Крупный пласт материалов архива консистории обозначает демаркационную линию, через которую идет напряженный обмен между Российской православной церковью, с одной стороны, и неправославными исповеданиями — с другой. Причем лютеранство и католицизм теряют традиционный приоритет в пользу иудаизма, после Постановления Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»²⁶ резко возрастает удельный вес открытых уклонений от утратившей господство Церкви.

Таким образом, можно сказать, что отработанные в консистории классификационные практики являлись отражением крупных общественных процессов. Принятая в XVIII в. территориальная классификация отражала отношения с отдельным городским приходом, сохранявшим сравнительно независимое существование и выступавшим перед государством как мир-контрагент. Эти тенденции замирают в XIX в., когда объектом консисторского делопроизводства становится не община, а контроль над отдельными направлениями деятельности и частной жизнью православных — поданных империи. В результате консистория переходит к предметно-тематическому учету, однако и здесь по мере изменений общественного сознания в начале XX в. происходят заметные перемены, не повлиявшие, впрочем, на саму сущность подхода. Важно отметить, что на всем протяжении существования консистории и ее архива соблюдался прагматический подход к классификации, когда при сохранении учрежденческого комплекса документы для удобства использования распределялись с применением хронологического, территориального и предметного принципов.

Примечания

¹ Кантефев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович : в 2 т. Т. 2. М., 2018. С. 451.

² Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего синода и консисторские архивы. СПб., 1906. С. 3.

³ ПСЗРИ-I. Т. 6: 1720–1722. № 3534. СПб., 1830. С. 141–160.

⁴ ПСПиР. Т. 2: 1722. № 901. СПб., 1872. С. 599.

⁵ Розанов Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего синода : в 2 т. Т. 2. М., 1871. С. 54.

⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы : в 2 ч. Ч. 1. М., 1884. С. 1198–1199.

⁷ Будылина М. Тиунская изба // Архитектурное наследие. М., 1951. С. 9.

⁸ Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 127.

⁹ ПСПиР. Т. 2: 1722. № 844. СПб., 1872. С. 54–55.

¹⁰ Шимко И. И. Патриарший казенный приказ. М., 1894. С. 52.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 746. Д. 9. Л. 42–43.

¹² Ведомости о «родившихся и умерших» восходят к распоряжению Петра I, составленному от имени Духовного приказа 14 апреля 1702 г.; ПСЗРИ-I. Т. 4: 1700–1712. СПб., 1830. С. 192. Эти ведомости, с точки зрения Е. В. Старостина, становятся отправной точкой для ведения метрических книг: Старостин Е. В. Архив Святейшего синода XVIII–XX вв. Вып. 3. М., 2008. С. 102–104.

¹³ ПСЗРИ-I. Т. 1: 1722. № 745. СПб., 1872. С. 434–439.

¹⁴ Материалы храмов московских сороков по причине пожара начинаются преимущественно не ранее 1737 г.

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 147. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 464. Л. 1.

¹⁷ Там же. Оп. 775. Д. 502. Л. 1–11.

¹⁸ Там же. Оп. 746. Д. 701. Л. 1 об.

¹⁹ ПСЗРИ-II. Т. 16. № 14409. СПб., 1842. С. 255; Для светских архивариусов это правило закреплял именной указ Николая I от 2 января 1845 г. «Учреждение губернских правлений»: «Располагать и содержать дела в том самом порядке, в каком они поступают к нему по отделениям, по столам и годам»; ПСЗРИ-II. Т. 20: 1846. № 18580. СПб., 1846. С. 59–60.

²⁰ Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 36.

²¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 775. Д. 867; Д. 868.

²² Там же. Д. 912. Л. 32.

²³ Там же. Оп. 755. Д. 939. Л. 1–77 об.

²⁴ ПСЗРИ-III. Т. 25: 1905. № 26125. СПб., 1908. С. 257–258.

²⁵ Данное тематическое направления широко представлено в: Оп. 759.

²⁶ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917. С. 46–49.

В. В. Раков

Деятельность Курского губернского статистического комитета по выявлению предметов древности и их популяризации (вторая треть XIX — начало XX века)

Курский губернский статистический комитет был открыт 20 июля 1835 г.¹ В задачи комитета входило ведение местной административной статистики: сбор сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах губернии, составление описаний губернии в топографическом, историческом, промышленном и торговом отношении, обработка и издание статистических данных по губернии.

Штат губернского статистического комитета состоял из председателя — губернатора и непреременных членов: губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, почетного попечителя гимназии, губернского прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторой, директора губернских училищ, члена духовной консистории. Каждый непреременный член доставлял в комитет сведения по вверенному ему

направлению деятельности. Из числа постоянных жителей губернии статистический комитет избирал членов-корреспондентов, которые, не являясь членами губернского статистического комитета, оказывали ему посильную помощь в сборе и составлении статистических сведений по той или иной части губернии (как правило, по уезду). В случае необходимости для сбора сведений могли привлекаться губернские землемер и архитектор. Городской голова, в свою очередь, представлял сведения о городских купеческих обществах.

Циркуляром Статистического комитета Министерства внутренних дел от 26 мая 1854 г. губстаткомитетам было предписано избирать непременно членами местных начальников горной и таможенной части, губернского почтмейстера и председателя губернской строительной и дорожной комиссии². При ежегодном избрании членов-корреспондентов предпочтение отдавалось тем лицам, которые наряду со сбором статистических сведений могли также внести денежные пожертвования на развитие комитета. В журнале Курского губернского статистического комитета от 16 апреля 1855 г. опубликован список лиц, выразивших желание быть членами-корреспондентами с обязательными пожертвованиями: из помещиков — камергер А. Нелидов, статский советник Звягинцев, князь Барятинский, камер-юнкер Денисьев, отставной поручик де-Санглен, отставной штаб-ротмистр Изъединов, коллежский регистратор Денисьев, отставной гвардии штаб-ротмистр Стремоухов, коллежский асессор Студзинский и рьльские помещики Доменков и Юрасов; из почетного купечества — курский городской голова Иванов, рьльский городской голова Аристархов и купец 1-й гильдии Гостев. Принять участие в работе губстаткомитета в качестве членов-корреспондентов только своими трудами, без внесения денежных пожертвований, пожелали: статский советник М. Пузанов, надворный советник Н. Пузанов, коллежский советник Клечиновский, штатный смотритель Рьльского уездного училища Дмитриюков и курский астроном-самоучка Семенов³.

Утверждение в звании членов-корреспондентов Курского губернского статистического комитета производилось в Министерстве внутренних дел после представления их губернатором. Все вышеперечисленные члены-корреспонденты были утверждены⁴. Избранные члены-корреспонденты обязались вносить 600 руб. в год в распоряжение статкомитета⁵. В штат комитета на этот период кроме председателя, помощника и секретаря входили 11 непременных, 24 действительных и 3 почетных члена.

Безусловно, сам губернский статистический комитет не обладал законотворческими правами; последние являлись компетенцией МВД. Так, например, циркуляр МВД № 13 за 1886 г. обязывал полицейских приставов при описи имущества по решению суда выделять в отдельные перечни вещи, представляющие археологиче-

скую ценность, и направлять их в статистический комитет или в губернскую ученую архивную комиссию. Насколько эта практика имела распространение, судить трудно: ни в архивных документах, ни в немногочисленной местной прессе подобных фактов нами не выявлено.

Губернаторам, как председателям статистических комитетов (по должности), и местной полиции, губернаторам же и подчиненной, предписывалось брать на заметку «остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности», «доносить о всех древностях в Министерство внутренних дел с приложением по мере возможности рисунков, планов или фотографических снимков с сих памятников»⁶.

Кроме того, предполагались масштабные работы по систематизации и описанию памятников старины. Особое внимание предполагалось уделить выявлению архивных и этнографических исторических источников: «Местные исторические материалы, хранящиеся в уездных и губернских архивах, далеко не исчерпаны и не было попыток к исследованию волостных архивов; что же касается исторических документов, хранящихся в центральных архивах и имеющих важное значение для уяснения быта религиозного, семейного, общественного и юридического, как, например, писцовые книги (в Московском архиве Министерства юстиции), то эти документы в местных работах почти не использованы, хотя на возможность и способ их использования были сделаны указания (профессором Багалей⁷). В отношении изучения местного говора предстоит много работы, так же как и в разработке материалов по обычному праву. Некоторые местности с населением, отличающимся бытовыми особенностями (цуканы во Львовском уезде, горюны в Путивльском, сев[ерная] часть Дмитр[иевского] уезда, входившая в XVII веке в известную Камарницкую волость, и др.) ждут еще исследователей»⁸.

В конце 1899 г. было положено начало устройству при статкомитете хранилища предметов древности, найденных в Курской губернии. Среди поступивших предметов особый интерес представляли: головные (височные) украшения из коллекции курганных предметов, датированных исследователем А. И. Дмитриюковым XI в.; каменный шлифованный молоток, найденный крестьянином с. Солонецкая Поляна Богородской волости Новооскольского уезда; бивень мамонта длиной 3 аршина 1 вершок, найденный на усадьбе крестьянина Ильи Осиповича Кретова в с. Молотычи Хмелевской волости Фатежского уезда, и др.

По итогам работы в хранилище сформировалось несколько коллекций различного профиля: окаменелости животных, морских организмов и растений; кости мамонта и других ископаемых животных; античная коллекция; нумизматическая коллекция; археологические находки и предметы быта⁹.

В библиотечный отдел статкомитета поступили: старинные карты Курской и Харьковской губерний; рукопись курского этнографа

А. С. Машкина, найденная среди старых бумаг секретарем комитета; ряд материалов, не относящихся к Курской губернии (прошение государю Петру II от 1728 г., копия с писем Сперанского за 1813 г. и др.), переданных И. И. Дубасовым¹⁰. Формирование такой коллекции предметов старины объективно закладывало фундамент будущего музея.

Императорская академия художеств, собиравшая сведения о памятниках отечественного древнего искусства, разработала специализированную анкету. Анкета была разослана по губерниям в конце 1886 г. и состояла из 15 вопросов, в том числе двух делопроизводственного свойства. Наряду с вопросами археологического, градостроительного и инженерного свойства (о наличии древних курганов, городков и городищ, пещер, тайных подземных ходов с их топографической привязкой, городских укреплений, земляных валов, башен, острогов, старинных дворцов и теремов, каменных палат и деревянных изб, срубленных до 1800 г.), запрашивались сведения об известных каменных бабах и каменных крестах, обнаруженныхкладах монет и драгоценных вещей, о предметах утвари: дубовых столах, лавках, креслах, стульях, а также старинной одежде и пр.¹¹

В ответах, представленных уездными исправниками, в основном содержится информация о монастырях и церквях, но вместе с тем имеются и другие достаточно интересные материалы с мест. Так, например, из Ново-Оскольского уезда пришла информация о наличии в с. Холки пещеры, в которой имелся храм, с приложением плана: «В 3-м стане в с. Холок, на расстоянии от приходской церкви около 40 сажен, в меловой горе находятся пещеры с длинными коридорами на протяжении 45 саж[еней]; по сторонам коридора имеются келии, в конце главного коридора помещения для церкви с коридорами вокруг оной, от главного коридора вправо — другой коридор в 9 саж[енях] с двумя келиями и ямою для погребения в коридорах»¹². В сопроводительной записке говорилось: «Алтарь церкви обращен на восток, яма для погребений пустая, в коридорах, келиях и церкви никаких устройств и вещей нет, и, как помнят старожилы крестьяне с. Холок с давних времен не было...»¹³

В начале XX в. председатель Курского губернского статистического комитета губернатор генерал-лейтенант А. Д. Милютин посетил эту пещеру, о чем сообщил на заседании губернского статистического комитета 3 декабря 1901 г. Он, в частности, сказал: «Пещера эта <...> находится в 7 верстах от слободы Чернянки Ново-Оскольского уезда. Она углублена в меловой горе, довольно обширна, в ней есть гробницы, надписи на стенах и вообще она имеет вид обширной обители, поэтому среди местного населения существует предание, что эта пещера вырыта в первые века христианства»¹⁴.

Из Грайворонского уезда в ответе на анкету сообщали об имевшихся курганах. Только в пре-

делах I-го стана сохранилось 66 курганов «длины от 7 до 60 сажен, от 1 до 10 сажен ширины и вышины от 1 до 3 сажен...»¹⁵

Еще один циркуляр МВД (№ 31), спущенный в 1894 г., напоминал губернским статистическим комитетам о необходимости принимать на хранение и экспертизу случайные находки, имеющие археологический интерес; важнейшие из них пересылать в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) для проверки и помещения в крупные музеи¹⁶.

Отметим в этой связи некоторые случаи обнаружения кладов. В 1868 г. Максимом Карягиным, сыном отставного бомбардира Федота Андреева Карягина, при вспашке земли в дер. Петровы Буды Черноошешенской волости Суджанского уезда в небольшом глиняном кувшине было найдено пять серебряных слитков весом 2 фунта 39 золотников и 997 джучидских серебряных монет XIV в. весом 3,5 фунта. Находка была «препровождена» в Курский губернский статистический комитет, откуда монеты попали в ИАК, где были атрибутированы В. Тизенгаузенем. В конечном итоге монеты были переплавлены на Монетном дворе, гривны же приобретены для Эрмитажа. За клад Ф. А. Карягину ИАК выплатила 119 руб. 37 коп.¹⁷ Всего же в делах архивного фонда Курского губернского статистического комитета зафиксировано 23 случая обнаружения монетных и вещевых кладов¹⁸.

Одним из направлений деятельности Курского губернского статистического комитета стало выявление древних печатных и рукописных источников. В. В. Лапин в архивных бумагах Курской мужской гимназии обнаружил записки помещика Владимирского драгунского полка капитана Ивана сына Петрова Анненкова, относящиеся к середине — второй половине XVIII в. Им же были найдены и рукописи курского археолога А. И. Дмитрюкова о курских городищах и курганах.

От И. И. Дубасова в дар губстаткомитету поступили три документа, в их числе визитная карточка Ховров-Мирзы, найденная членом Саратовской судебной палаты М. Г. Розановым, и письмо Алексея Оленина графу П. И. Кутайсову, датированное 27 февраля 1827 г. и содержащее материалы по истории и этнографии (о театральных костюмах, народные заговоры и т. п.)¹⁹.

Курский губернский статистический комитет принимал активное участие во всероссийских этнографических, промышленно-художественных, кустарных и других выставках и съездах, сотрудничал с центральными музеями, международными обществами, предоставлял информацию в различные министерства и ведомства.

Курских любителей старины давно интересовал вопрос об учреждении в губернском центре специальной комиссии для изучения губернии в историческом отношении. Этот вопрос неоднократно обсуждался в местной прессе. Ярким примером служит целый цикл статей А. А. Танкова, опубликованный в «Курских губернских ведомостях» в 1897–1900 гг.

Практическое осуществление идеи началось в конце 1900 г. по инициативе губернатора А. Д. Милютин. Он предложил учредить при Курском губернском статистическом кабинете Ученую архивную комиссию, которая бы совместно со статкомитетом выполняла работы исторического характера. С точки зрения губернатора, для решения этой задачи сложились вполне благоприятные условия: «...ученые учреждения, выполняющие теперь подготовительные работы к предстоящему в 1902 году XII Археологическому съезду в Харькове и заинтересованные, между прочим, научным обследованием в Курской губернии, обратились к содействию местного статистического комитета, прося образовать для сего при нем особую комиссию, но и независимо от этого представляется настоятельным исследование губернии в историко-археологическом и этнографическом отношениях...»²⁰

Решение о соответствующем ходатайстве перед министром внутренних дел было принято единогласно. После этого губернатор А. Д. Милютин дважды (23 декабря 1900 и 3 февраля 1901) встречался с директором Санкт-Петербургского археологического института, и хоть и признал учреждение такого органа необходимым, но, однако, высказался за самостоятельное существование проектируемой архивной комиссии, независимой от Курского губернского статистического комитета²¹. Тем не менее уже 12 мая 1901 г. представил в МВД мотивированное ходатайство о необходимости учреждения архивной комиссии при губстаткомитете.

В ответ на это ходатайство МВД 26 июня 1901 г. уведомило курского губернатора, что, «находя слишком обременительным учреждение при Курском губернском статистическом комитете Губернской архивной комиссии, министерство полагает более целесообразным разрешить Комитету выделить из состава своего постоянную историко-археологическую комиссию с приглашением в члены ее посторонних лиц, применительно к 615 ст. Положения о губерн[ских] статистич[ских] комитет[ах], с тем чтобы в круг совместной с комитетом деятельности этой комиссии входили работы исторического характера, указанные в 607 ст. названного Положения»²².

Долгожданное событие произошло 3 декабря 1901 г. Председателем комиссии был избран преподаватель Мариинской женской гимназии статский советник А. А. Танков, членами-учредителями — вице-губернатор Н. Г. фон Бюнтинг, директор Курской мужской гимназии В. В. Лапин, директор народных училищ Курской губернии И. И. Дубасов, статский советник Ю. М. Штокман и секретарь губстаткомитета Н. И. Златоверховников²³.

Принятое решение позволяло историко-археологической комиссии проводить широкую деятельность по выявлению, научному исследованию с последующей публикацией результатов, инициированию мер по сохранению памятников местной старины, в том числе путем собирания

и хранения предметов древности, старинных вещей, монет, предметов искусства, редких местных печатных изданий и рукописей и т. п.

При Курском губернском статистическом кабинете имелась и библиотека. По состоянию на 1 января 1902 г. в ней насчитывалось 2640 книг по археологии, географии, этнографии, политической экономии и статистике, народному образованию, правоведению, медицине, сельскому хозяйству и др.²⁴

Популяризация историко-культурного наследия Курским губернским статистическим комитетом осуществлялась посредством публикации материалов и исследований в газетах и журналах, выпуска собственных изданий периодического характера, участия в общероссийских археологических съездах. Чаще всего статьи краеведческого характера, написанные членами губернского статистического комитета, размещались в неофициальной части «Курских губернских ведомостей», издаваемых с 1838 г. и долгое время являвшихся единственной газетой в губернии. В 1850-е — первой половине 1860-х гг. на страницах газеты читателям были представлены статьи Александра Михайловича Головащенко (1810-е — после 1883) — губернского секретаря и правителя газетного стола, преподавателя курской мужской гимназии. Его перу принадлежат публикации о различных аспектах местной истории: «Краткий исторический обзор Курской губернии», очерки об истории курской Коренной иконы и Коренной ярмарки, биографический очерк о местном астрономе Ф. А. Семенове и др.²⁵

В 1893–1898 гг. «Курские губернские ведомости» (неофициальную часть) редактировал Тит Иоильевич Вержбицкий (1845–1899), который не только опубликовал ряд статей по курской тематике, но и выступил с инициативой установить памятники поэту И. Ф. Богдановичу в Курске, купцу-землепроходцу Г. И. Шелихову в Рыльске; увековечить память астронома-самоучки Ф. А. Семенова (городские метеостанция, публичная библиотека его имени), а также собрал и передал музею при Киевской духовной академии коллекцию старинных рукописей и отдельных археологических находок.

Еще больший след в историко-краеведческой тематике оставил Анатолий Алексеевич Танков (1856–1930) — педагог и журналист, редактор неофициальной части «Курских губернских ведомостей» в 1888–1890 и 1905–1907 гг., председатель историко-археологической комиссии Курского губернского статистического комитета, опубликовавшего в курских газетах более сотни статей. Достаточно привести только некоторые из них, отличающиеся как по широте исследования, так и по объему самих публикаций: «Училищная летопись Курской губернии (исторический очерк)», «Первые курские статистики (очерк)», «Старинные переселения курских крестьян», «Отечественная война в Курской губернии», «История пожарных команд Курской губернии (очерк)», «Освобождение крестьян в Кур-

ской губернии», «Необходимость и возможность учреждения в Курске ученой архивной комиссии», «Курские старинки» и др.²⁶

Самым известным и распространенным видом книжной продукции Курского губернского статистического комитета стали памятные книжки и календари. В 1855 г. было принято решение о начале выпуска «Памятной книжки» — ежегодного справочного издания. Разрешение на подобное издание от МВД было получено 14 июня 1855 г.²⁷ За период своего существования издание не раз меняло название: «Памятная книжка», «Календарь и памятная книжка», «Курский адрес-календарь». По подсчетам петербургских исследователей Н. М. Балицкой и А. И. Раздорского, вышло 17 выпусков курского издания²⁸.

Уже в первом выпуске «Памятной книжки Курской губернии на 1860 год» были помещены материалы краеведческого характера: о курских древностях (меловая крепость, вал на р. Рати, стародавние предметы в церквях); история Курского Знаменского монастыря, Молчанской Софрониевой пустыни, Коренной ярмарки; жизнеописание преосвященного Иоасафа Горленка, епископа Белгородского; история гетмана Мазепы как великорусского помещика²⁹. Следующий выпуск вышел лишь в 1884 г. под названием «Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год»³⁰. В составлении памятных книжек принимали участие помощник председателя губстаткомитета Д. Г. Жаворонков, члены комитета И. И. Шалфеев, А. А. Танков, Т. И. Вержбицкий. На страницах памятных книжек были опубликованы несколько достаточно пространственных работ местных любителей старины, а также ученых из других городов: «Описание Курского наместничества» С. Ларионова, «Путешествие российского купца, рыльского гражданина Григория Шелехова в 1783–1787 гг. из Охотска к американским берегам», «Повесть о граде Курске и о Знаменской иконе Божией Матери» Д. И. Багалея, «Страничка из истории Курской гимназии» А. Гусаковского, биографический очерк о естествоиспытателе А. М. Мизгере, «Исторические заметки о г. Судже и его уезде» и др.

Профессор Киевского университета историограф В. С. Иконников оценивали издания губернских комитетов статистики как образцовые с научной и просветительской точек зрения, выделяя при этом труды статкомитетов из Воронежа, Курска, Перми и Чернигова³¹.

Особое место среди изданий губернского статистического комитета занимают «Труды Курского губернского статистического комитета», первый выпуск которых вышел в 1863 г. Затем последовали выпуски в 1866, 1869, 1874 гг. Все выпуски содержат массу статистических материалов: о демографических процессах, в том числе результатах однодневной переписи населения Курска, Стрелецкой, Казацкой, Пушкарной и Ямской слобод 27 марта 1865 г., о торговле и ценах, об урожайности хлебов, о фабриках и заводах, об учебных заведениях и т. п.

Для нас важно то обстоятельство, что в этих сборниках были также размещены материалы по этнографии, археологии, историко-культурному развитию курского края. Это записки о Коренной ярмарке И. И. Бесядовского, заметки историка-краеведа А. Дмитриюкова «Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах», статья известного археолога Д. Я. Самоквасова «Об историческом значении городищ», этнографические очерки А. С. Машкина «Обычаи и обряды простонародья в Обояни» и «Об особенностях обоянского простонародного говора», работа врачебного инспектора Курской врачебной управы И. Тихомирова «Очерки холерной эпидемии за 1830 и 1831 гг.» и др.

В начале XX в. Курский губернский статистический комитет смог реализовать интересный и популярный проект — в 1901–1912 гг. вышли в свет семь выпусков «Курского сборника» — издания многопрофильного и информационно насыщенного. Нас в первую очередь интересует, как были отражены краеведческие исторические темы на страницах этого сборника. Уже в первом выпуске «Курского сборника» (1901) приведены сведения об изданиях, хранящихся в библиотеке статкомитета, предметах древности, различные всероссийские программы по собиранию сведений по историческим и церковным древностям, этнографическим материалам, а самое главное — напечатан путеводитель по Курску³², в котором даны описание и исторические справки по памятникам истории и культуры губернского центра. В последующих выпусках были опубликованы «Материалы к этнографии Курской губернии» Е. И. Резановой, «К истории освобождения крепостных в Курском крае» А. А. Танкова, «Кустарные и другие промыслы Курской губернии» и «О каменных бабах в Курской губернии» Н. И. Златоверховникова и др.

К сожалению, не была реализована еще одна инициатива статкомитета — издание писцовых книг, хранившихся в архиве Министерства юстиции в Москве³³. Археологическую обработку, источниковедческий и исторический обзоры брал на себя профессор Харьковского университета Д. И. Багалея. В финансовом плане статкомитету было не под силу реализовать этот проект, и оно обратилось за помощью к Курскому губернскому земскому собранию. Однако последнее это ходатайство отклонило «ввиду отсутствия практического значения в этом деле, представляющем лишь научный интерес»³⁴.

Таким образом, являясь формально-юридическим государственным органом с весьма ограниченным бюджетом и кадровыми ресурсами, Курский губернский статистический комитет смог не только выполнять свои непосредственные функции профессионального свойства, но и, привлекая общественные и финансовые ресурсы, опираясь на сформировавшиеся связи с научными обществами и организациями общероссийского масштаба, на долгие десятилетия стать, по сути, единственным информационным и популяризаторским

центром в Курской губернии, внесшем значительный вклад в дело выявления, сохранения и использования культурно-исторического наследия региона.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 551. Л. 1.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

³ Там же. Д. 22. Л. 11–13.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 65–67.

⁶ Там же. Д. 113. Л. 1.

⁷ Багалея Д. И. О необходимости изучения Курской губернии в историко-географическом отношении // Памятная книжка Курской губернии за 1888 г. Курск, 1887. С. 243–257.

⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 124а. Л. 9 — 9 об.

⁹ Там же. Д. 119. Л. 35 — 36 об.

¹⁰ Там же. Д. 124а. Л. 14 — 14 об.

¹¹ Там же. Д. 101. Л. 2–3.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 11–12.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Там же. Д. 124а. Л. 47.

¹⁶ Щавелев С. П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. 2-е изд., испр. и доп. : в 2 т. Т. 1. Курск, 2021. С. 327–328.

¹⁷ Плаксин И. М., Шпилев А. Г. Свод курских кладов // Курский край: История изучения курских древностей : в 20 т. Т. 5. Курск, 2000. С. 280.

¹⁸ Там же. С. 275–340.

¹⁹ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 124а. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 119. Л. 51–52.

²² Там же. Д. 124а. Л. 8 об.

²³ Там же. Д. 124а. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 119. Л. 66.

²⁵ Головащенко А. М. Чудотворная икона Знамения Божией Матери, называемая курская // Курс. губерн. вед. 1850. Часть неофиц. № 37–38 ; *Он же*. Самое подробное жизнеописание Семенова // Там же. № 25 ; *Он же*. Там же. 1851. Часть неофиц. № 20 и др.

²⁶ Танков А. А. Училищная летопись Курской губернии (Исторический очерк) // Курс. губерн. вед. 1888. Часть неофиц. № 44–49, 50–52, 69 ; *Танков А. А.* Первые курские статистики (очерк) // Там же. № 54, 56, 58, 64, 65 ; *Он же*. Старинные переселения курских крестьян // Там же. № 66, 67, 70, 81, 83 ; *Он же*. Отечественная война в Курской губернии // Там же. № 72, 75, 76, 78, 89 ; *Он же*. История пожарных команд Курской губернии (очерк) // Там же. 1889. Часть неофиц. № 32–44, 47–49, 52, 54–57, 60, 64, 66, 68, 69, 71, 73, 74, 76–81, 83, 84, 86, 90, 92 ; *Он же*. Освобождение крестьян в Курской губернии // Там же. 1890. Часть неофиц. № 2, 4, 8, 10, 12 ; *Он же*. Необходимость и возможность учреждения в Курске ученой архивной комиссии губернии // Там же. 1898. Часть неофиц. № 31, 32, 40–42, 44, 123, 124, 220, 221, 243 ; *Он же*. Курские старинки губернии // Там же. 1888. Часть неофиц. № 101–125.

²⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 8.

²⁸ Балицкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1936–1917) : свод. кат.-репертуар. СПб., 2008. 645 с.

²⁹ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 16–144.

³⁰ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск, 1883. 241 с.

³¹ Иконников В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. Т. 1, кн. 2. Киев, 1891. С. 276.

³² Танков А. А., Златоверховников Н. Н. Путеводитель по городу Курску // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Вып. 1. Приложения. Курск, 1901. С. 1–86.

³³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3150. Л. 4.

³⁴ Сборник постановлений Курского губернского земского собрания 1865–1891 гг. Курск, 1893. С. 187.

В. В. Чернышов

Деятельность архивных учреждений Енисейской губернии в дореволюционный период (по документам Государственного архива Красноярского края)

В наше время архивные учреждения играют заметную роль в жизни общества. Все больше и больше людей обращаются в архивы с социально-правовыми запросами, занимаются в читальных залах научными исследованиями, составлением своей родословной, краеведческими изысканиями. Однако если мы откроем документы, книги, газеты 100-, 150- или даже 200-летней давности, то увидим, что и в то время термин «архив» был достаточно широко известен, по крайней мере, среди образованной части населения. Что же представляли из себя эти архивы? Чем они отличались от современных? Какие функции выполняли? Какие наиболее злободневные проблемы стояли перед архивистами прошлого? Ответы на эти вопросы очень важны для понимания социальной роли архивов.

Достаточно интересны в этой связи документы региональных архивов. В Государственном архиве Красноярского края материалы о деятельности архивных учреждений на территории Приенисей-

ского региона до революции можно встретить практически во всех фондах крупных досоветских учреждений: Енисейского губернского управления и Красноярской городской управы, Енисейской губернской казенной палаты и волостных правлений, уездных полицейских управлений и духовных правлений. Большое количество фондов, содержащих такие документы, объясняется отсутствием единого органа управления архивными учреждениями в нашей стране до 1918 г. и наличием отдельных архивов у каждого ведомства. Так, архивы волостных правлений и полицейских учреждений на территории Енисейской губернии находились в ведении губернского управления, архив Красноярского окружного суда и нотариальный архив — в ведении Министерства юстиции, епархиальный архив, архивы духовных правлений и отдельных церквей — в ведении Енисейской епархии Русской православной церкви.

Ведомственная подчиненность обусловила одну из особенностей региональных дореволю-

ционных архивных учреждений — малочисленность их сотрудников. Например, из документов Енисейского губернского управления видно, что в 1893 г. штат Енисейского губернского архива при губернском управлении состоял всего лишь из заведующего архивом (енисейского губернского архивариуса) и писцов¹. А это был крупнейший архив губернии, где помимо дел собственно губернского правления за неимением помещений и специалистов периодически хранились и дела других ведомств: губернского суда, приказа общественного призрения, врачебной управы, губернского по воинской повинности присутствия, упраздненных конторы и полиции Троицкого солеваренного завода². Что же говорить о многих иных архивах? Они были даже не учреждениями или их отделами, а определенными помещениями при соответствующем управлении, где работали несколько человек.

Другой особенностью, с которой сталкивались региональные архивисты рассматриваемого периода, был разнообразный ведомственный подход к хранению архивных дел. В документах фонда «Енисейская нижняя расправа» находится рапорт Туруханского нижнего земского суда о том, что в сентябре 1786 г. судом в нижнюю расправу были направлены ревизские сказки Туруханского округа «для хранения и использования в архиве»³. Последняя формулировка очень примечательна. Она характеризует основную работу, которую проводили архивные учреждения дореволюционного периода, и полностью соотносится с Генеральным регламентом 1720 г., гласившим, что «книги, документы, дела... когда оные три года в канцелярии и в конторе лежали, потом в архив с распиской архивариусу отдаются», и чтобы «коллегии и их канцелярии знать могли, куда и в которой архив им вышеупомянутые письма надлежит отдавать»⁴.

Правда, к сожалению, Генеральным регламентом не было определено, какие именно документы должны быть сохранены в архиве, а какие подлежали через определенное время уничтожению, что, естественно, вело к накоплению большого количества материала, хранить который было негде, а разбор его требовал достаточно значительных усилий. Особенно это касалось небольших архивов, находящихся при церквях и монастырях. Так, в 1875 г. игумен Туруханского Троицкого монастыря Симон сообщал в Енисейскую духовную консисторию, что он, согласно распоряжению консистории, приступил к разбору и приведению в порядок архивных бумаг. При этом, пишет игумен Симон, «многие из них по содержанию своему составляют нечто целое об одном предмете и таковых бумаг открылось немалое число»; открылось также, что по содержанию своему одни бумаги заслуживают полного внимания, другие же «пустяшные»⁵.

Конечно, иначе осуществлялся разбор дел в крупных архивах. Здесь к работе привлекалось большое количество чиновников. В фонде «Енисейское губернское управление», например, со-

хранился интересный документ о делах Ачинского окружного управления. Из него следует, что 20 мая 1894 г. это окружное полицейское управление представило на рассмотрение губернского правления опись дел управления за 1868–1879 гг., хранящихся в архиве и подлежащих уничтожению. Рассмотрев представленную опись, губернское управление направило ее в Енисейский губернский статистический комитет для выявления в ней дел, которые могут представлять интерес в статистическом, географическом, историческом или вообще в научном отношении, и составления из них списка дел, не подлежащих уничтожению⁶. Только после составления такого списка губернское управление направило опись и сам список губернатору для создания последним, согласно законодательству, при Ачинском окружном полицейском управлении комиссии по уничтожению дел в составе окружного исправника, товарища окружного прокурора и третьего чиновника (по своему усмотрению)⁷.

Собственные критерии хранения документов были выработаны и Министерством юстиции. Как видно из документов Красноярского окружного суда, 24 июля 1899 г. состоялось заседание общего собрания суда, которое рассмотрело описи дел архива упраздненного Канского окружного суда, выделенные для уничтожения. Собранием было решено, что дела по расследованию мелких краж, обид и оскорблений без письменных заявлений от пострадавших, пожаров и скоропостижных смертей, по которым не было заявлено подозрений в насильственной смерти и поджоге, а также входящие и исходящие документы, наряды, разносные, дежурные и другие книги подлежат уничтожению. Дела же по расследованию нарушений разных уставов, нанесению ран, грабежей, угроз, мошенничества, согласно циркуляру от 12 июля 1873 г., могут быть уничтожены только после разрешения министерства⁸. В документе также сообщалось, что Министерство юстиции определило критерии выделения дел, предназначенных для вечного хранения. Под такие критерии попадали дела по расследованию определенных преступлений, в том числе должностных, а также дела, имеющие историческое значение или представляющие интерес в этнографическом, топографическом, статистическом, юридическом отношении, содержащие указания на поверья, суеверия или характеризующие нравственное состояние местности⁹.

Интересно, что иногда происходило и межведомственное взаимодействие по вопросу сохранения документов. Так, в 1893 г. во время пребывания губернатора Л. К. Теляковского в Минусинске местный окружной исправник в личной с ним беседе затронул вопрос о том, какое ведомство должно заведовать архивом минусинского окружного начальника. Дело в том, что существовавший ранее институт окружных начальников был упразднен еще в 1860-е гг., а дела минусинского окружного начальника частично переданы в окружной суд, подчиненный Министерству

юстиции, частично — в местное полицейское управление, подчиненное Енисейскому губернскому управлению, где с того времени и находились¹⁰. По инициативе губернатора окружной исправник и минусинский окружной судья приняли решение разобрать архивы общими силами¹¹.

Но, как видно из документов, даже введение критериев, по которым отбирались дела, не помогло крупным региональным архивам решить вопрос с хранением документов¹². В 1908 г. архив Красноярского окружного суда занимал, например, три большие комнаты в здании суда. Главная проблема заключалась в том, что эти комнаты находились на третьем этаже, прямо над залом судебных заседаний. Так как общий вес документов составлял приблизительно около 4000 пудов, в помещении, занимаемом архивом, образовалась столь значительная осадка полов, что в недалеком будущем, по мнению осматривавшего здание известного красноярского архитектора В. А. Соколовского, могло повлечь окончательный обвал потолков. Поэтому были арендованы другие помещения, но они также не отличались удобством, так как представляли собой отдельный флигель и несколько арендованных комнат в здании, принадлежавшем купцу Гадалову¹³. И такая ситуация с помещениями была характерна для многих архивов. Архив Красноярского городского суда размещался в одном здании с кладовой Красноярского резервного пехотного полка, вследствие чего у дверей здания постоянно дежурили караульные. И однажды, ссылаясь на недопустимость проникновения в помещение, где находится неприкосновенный запас полка, посторонних, командир полка перестал допускать архивариуса и его помощников к документам¹⁴. Этот межведомственный конфликт достиг таких размеров, что его пришлось рассматривать Красноярской городской управе¹⁵.

Немного лучше обстояли дела с архивом Енисейского губернского правления. Кроме восьми помещений в здании Гостиного двора в Красноярске¹⁶ архив губернского правления в 1893 г. занимал подвальный этаж каменного дома, выделенного под губернское управление. Как сообщается в протоколе, составленном членами комиссии губернского управления, созданной для освидетельствования архива, последний располагался в четырех комнатах с кирпичным полом и деревянным оштукатуренным потолком. Хотя помещение было холодным, так как не имело печей, но зато довольно сухим. Дела, зафиксировала комиссия, хранились в связках, обернутых в картон с недвижимыми ярлыками, и установлены на деревянных полках, устроенных так, что между рядами был свободный проход¹⁷.

Ситуация с накоплением архивных дел складывалась во многом еще потому, что немногочисленный штат архивных учреждений был занят решением других вопросов. Ведь кроме собственно хранения дел архивные учреждения занимались в рассматриваемый период и выдачей разнообразных справок, о чем также сохранилось мно-

жество документов. В частности, церковные архивы выдавали метрические справки о рождении, сочетании браком, смерти. Как правило, этим занимался священник соответствующей церкви. Когда же священник из-за своей загруженности не мог этим заниматься, ведение архива перепоручалось кому-либо из членов причта или даже гражданским служащим — копиистам. Такой порядок, например, отражен в одном из дел фонда «Иркутская духовная консистория», которое содержит переписку о поручении в 1833 г. копиисту Александру Шарыпову заниматься делами архива Красноярского духовного правления¹⁸.

Интересные сведения о такой работе архивов отложились в документах того же Красноярского окружного суда: 5 мая 1915 г. и. о. архивариуса Красноярского окружного суда помощник секретаря З. Проскураков направил председателю суда ведомость о деятельности по архиву суда за «январскую треть» 1915 г. В ведомости значилось, что за отчетный период на хранение в архив поступило 670 уголовных и 7 гражданских дел. Архив также занимался выдачей дел по требованию окружного суда, прокурора окружного суда и мировых судей. Только окружному суду было представлено 214 уголовных и 52 гражданских дела. Также за отчетный период в архив окружного суда поступило бумаг и переписок к раскладке: из самого окружного суда — 214, от мировых судей — 6; выслано копий приговоров и выписок из них — 116; выдано справок суду, другим учреждениям и лицам — 116 по уголовным делам, 35 по гражданским делам; исполнено разных бумаг — 11¹⁹.

Еще одним видом деятельности дореволюционных архивистов была работа с разными лицами, обратившимися по тому или иному вопросу в архив. Так как архивы были ведомственными, работа в них осуществлялась только с разрешения соответствующего руководства. Поэтому когда собирался материал для «Памятной книжки Енисейской губернии» за 1864 г., Енисейский губернский статистический комитет обратился епископу Енисейскому и Красноярскому Никодиму допустить в епархиальный архив для составления сведений по истории населенных пунктов губернии и церквей членов комитета. После согласования с Синодом такое согласие было получено²⁰.

Иногда, когда запрос о работе с архивными документами исходил от высокопоставленного лица, запрашиваемые документы направлялись в его распоряжение. В фонде «Енисейское губернское управление» содержится переписка по этому вопросу енисейского губернского воинского начальника В. К. Андриевича с енисейским губернатором. Согласно этой переписке, В. К. Андриевич, работая над «Историей Сибири», 14 сентября 1887 г. запросил у енисейского губернатора опись дел, сохранившихся в архиве с. Каратузского²¹, а после ее изучения заказал указанные в ней дела за 1794–1824 гг.²² Как видно из переписки, эти дела в трех тюках были отправлены в Красноярск²³.

Изучая архивные документы, можно увидеть, что постепенно, год за годом, деятельность архивных учреждений все более и более усовершенствовалась. Но все же несмотря на достаточно передовое законодательство, примером которого могут служить и Генеральный регламент 1720 г., и принятые в XIX в. «Учреждения губернских правлений» разных редакций, несмотря на определенные наработки в области определения критериев хранения документов, процесс этот шел достаточно медленно — во многом из-за несогласованности действий между различными структурами, к которым относились архивы. Однако именно стараниями архивистов дореволюционного времени были сохранены бесценные материалы, которые легли в основу дореволюционных фондов Государственного архива Красноярского края.

Примечания

¹ Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4041. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Д. 3017. Л. 1.

³ Там же. Ф. 907. Оп. 1. Д. 21. Л. 1а.

⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.

⁵ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 178. Л. 3 об.

⁶ Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6892. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4722. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 3123. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 561. Оп. 2. Д. 1586. Л. 328.

¹⁵ Там же. Л. 329.

¹⁶ Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 4067. Л. 5.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 491. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 287. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3960. Л. 2.

²¹ Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2917. Л. 1.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 8.

Е. С. Бутрин

Переломный этап в деятельности Иваново-Вознесенского губархивбюро: 1922–1924 годы

В начале весны 1919 г. в Иваново-Вознесенске была сформирована инициативная группа по созданию губернской архивной комиссии. На ее заседании 12 марта 1919 г. уполномоченным Главного управления архивного дела и заведующим губернским архивом был назначен П. А. Сакулинский — на тот момент секретарь Иваново-Вознесенского горсовета. Вскоре губернский архив получил и помещение — 1 июля 1919 г. он въехал в здание бывшего магазина готового платья Е. М. Кошелева. Единственным штатным работником учреждения являлся секретарь-делопроизводитель Н. И. Бородин. К весне следующего года стала очевидной необходимость замены заведующего: 26 апреля 1920 г. Сакулинский заявил Главному управлению архивным делом (ГУАД), что, «не имея никакой возможности уделять время для занятий по должности заведующего архивом», он с 1 мая вынужден сложить эти обязанности. Вторым заведующим губархивбюро на заседании ГУАД лишь 24 мая 1920 г. был назначен известный иваново-вознесенский общественный деятель И. И. Власов, трудившийся к этому моменту юрисконсультом при административной комиссии губисполкома¹. Передача дел ему состоялась 30 июня 1920 г.² К этому времени в архиве были сконцентрированы фонды всего восьми учреждений: городских органов самоуправления и полиции Иваново-Вознесенска, а также местных продовольственной управы и комитета Союза городов³.

Власов активно принялся за работу, озабочившись переводом архива в новое здание, для которого избрал собственную квартиру на ул. Шереметевской, а также поиском кандидатов

на должности уездных уполномоченных губархивбюро. В ходе командировки по губернии ему удалось подобрать кандидатов на должности в трех «старых» уездах: К. М. Казанского — в Кинешме, А. И. Батуева — в Юрьевце, А. Н. Овсянникова — в Шуге. В «новых» уездах (Тейковском и Середском) архивов дореволюционных учреждений не было и уполномоченные пока не требовались. Закljučая отчет о работе архива в 1920 г., Власов замечал, что «надлежащая постановка архивного дела в губернии может быть осуществлена только при условии надлежащего финансирования»⁴. Но денег на архивные цели в 1921 г. практически не выделялось. Вследствие этого провалилась попытка подбора кадров из представителей «старой интеллигенции»: научный сотрудник С. В. Зволянская проработала в губархивбюро два с половиной месяца, А. А. Беген, Л. Л. Гандурина и А. М. Зыкова — по два месяца, О. П. Алявдина — семь месяцев. К апрелю 1922 г. в губархиве, кроме заведующего, осталась лишь уборщица Е. М. Вороничева⁵. 1 апреля 1922 г. в губисполкоме был заслушан доклад И. И. Власова «о тяжелом финансовом состоянии губархива». По его результатам было постановлено перевести губархив из ведения отдела народного образования непосредственно в ведение губисполкома в качестве отдела при нем.

Было очевидно, что архиву требуется новое руководство, сосредоточенное исключительно на архивной работе: трудившиеся «по совместительству» П. А. Сакулинский и И. И. Власов не смогли уделить ей должного внимания. В результате 5 мая 1922 г. Власов был отозван от заведывания губархивом и на его место назначен Я. А. Осипов.

Через три дня он пригласил на место заместителя П. М. Экземплярского, который и стал фактическим руководителем архивной отрасли вплоть до 1929 г. Научным сотрудником архива стал профессор Иваново-Вознесенского политехнического института Б. В. Александров. Первым вопросом, который необходимо было решить новому руководству, оказался перевод архива в новое помещение, поскольку нахождение большей части материалов в квартире И. И. Власова «нарушало элементарные требования архивохранилищ — отсутствие непосредственного соприкосновения с жилым помещением». Кроме того, одна из комнат этой квартиры вследствие обвала потолка требовала ремонта. Временно в качестве хранилища был оставлен нежилой каменный флигель во дворе дома (89 кв. аршин). Передача дел от Власова Экземплярскому состоялась 15 мая 1922 г. Как сообщал последний в отчете, «ознакомление с материалом и приемка его представляли большие и временами непреодолимые затруднения». За два года директорства Власова хранилище пополнилось документами городской мещанской управы, нотариусов, Общества фабрикантов и заводчиков и фабрики И. Н. Гарелина. Самым ценным оказался архив Ивановской вотчинной конторы графа С. Д. Шереметева, который был случайно обнаружен Власовым «в разбитом виде, в помещении, занятом детским домом на Крутицкой ул.», причем документы к этому времени уже «долгое время брались детьми для рисования». При приемке в упорядоченном виде оказались только дела городской управы и посадской думы, а также полицейского управления. Материалы мещанской управы оказались в ящиках, шереметевской конторы и фабрики И. Н. Гарелина — на полу, а книги городской управы и полицейского управления были навалены беспорядочной кучей в сарае. Получил Экземплярский также ящик «бумаг XVIII в.», 96 связок книг архивной библиотеки и инвентарь. Хуже всего у старого заведующего обстояло с делопроизводством: приходно-расходных книг заведено не было, описи не имелось, отчетов о деятельности архива также не велось⁶.

Весь этот «беспорядочный материал» был обработан во второй половине мая 1922 г. с помощью двух технических сотрудников. В качестве нового помещения для архива были выделены три комнаты на первом этаже бывшего дома Д. И. Кумошенского (ул. Поповская), всего — 123 кв. аршин. Это помещение было приспособлено под архивохранилище к 6 июня 1922 г., а через три дня туда была перевезена наиболее ценная часть архива. А после того как 23 июня 1922 г. в это хранилище поступило шесть возов документов Ивановского волысполкома, помещение оказалось забито под завязку. Новое руководство архива держало постоянную связь с губисполкомом — в его докладе 11 июля 1922 г. был намечен ряд неотложных мероприятий. Для архивохранилища требовалось отвести новое помещение (бывший магазин И. А. Соколова на

ул. Рождественской). Учитывая, что на губархив-бюро лежала обязанность «сохранности всего губернского архивного фонда», необходимо было немедленно назначить уездных уполномоченных в Шуе, Кинешме и Юрьевце, поскольку «уездные архивы подвергаются невежественному истреблению». Собранный в губернском архивохранилище материал требовал «элементарного описания» и «освобождения от бумажного хлама», целый ряд фондов оказался «разбит прямо по листочкам». Для этого предлагалось увеличить штат еще одним техническим сотрудником. Заканчивался доклад пафосным лозунгом: «Рабочий Иваново-Вознесенской губернии должен знать свое прошлое, чтобы прочнее стоять на настоящем»⁷.

Самым важным вопросом было пополнение штата губархива, и эта сторона его жизни постепенно стала налаживаться. Уже в мае 1922 г. в архиве появились архивариус А. А. Беген и делопроизводитель В. П. Алеев — «аккуратные и исполнительные технические работники»⁸. В сентябре 1922 г. к ним присоединился архивариус Л. Л. Гандурина⁹. Со второй половины августа началась выдача архивом справок для учреждений и частных лиц. А П. М. Экземплярский тем временем в ходе командировок в губернию пытался ликвидировать наиболее «болевы точки» гибели архивов в уездах. 21 июля 1922 г. он провел обследование усадьбы известного писателя А. А. Потехина в дер. Орехово Юрьевецкого уезда. «Остатков архива» в этой усадьбе обнаружить не удалось, за исключением незначительного количества писем, сохранившихся в сундуке в амбаре. Выяснилось, что остальная часть потехинской библиотеки и архива еще летом 1921 г. была расхищена местными крестьянами и «использована в качестве курительной бумаги»¹⁰.

А 16–19 августа 1922 г. Экземплярский обследовал положение архивов в Кинешме. Ему удалось осмотреть архивы городской управы и сиротского суда, оказавшиеся «в беспорядочном виде» со следами «расхищения». Архив уездных съездов оказался «разбросан» в подвале общежития для беженцев. Ключи от этого помещения достать так и не удалось, но в окно было ясно видно плачевное состояние документов — они были разбросаны по листочкам на полу и явно «в значительной мере расхищены». После этого он предпринял поездку в усадьбу Щельково (в 20 верстах от Кинешмы), принадлежавшую известному драматургу А. Н. Островскому. Документов там не обнаружилось, зато в соседней Николаевской церкви в с. Бережки оказалось «порядочное количество архивного материала», включая не только метрические книги и клировые ведомости, но и Синодик 1716 г., а также «разрешения на браки крепостных от вотчинных контор». Эти ценные документы были изъяты в губархив, а остальные оставлены в церкви под ответственность настоятеля. По итогам этой командировки П. М. Экземплярский предложил ряд срочных мероприятий — прежде всего вы-

делить помещение «для свозки угрожаемых архивов» и подобрать уездного уполномоченного (для этой цели он предлагал кандидатуру М. Н. Куломзина)¹¹. В августе 1922 г. Б. В. Александровым также было начато обследование богатых фабричных архивов Иваново-Вознесенска¹².

Совещание, подводившее итоги первого этапа деятельности губархивбюро, состоялось 29 сентября 1922 г., и на него прибыл председатель губисполкома М. А. Чернов. Его особенно заинтересовал поиск архивов фабричных инспекторов, но попытки отыскать их, по словам П. М. Экземплярского, не дали положительных результатов. Я. А. Осипов сообщил, что обследование уездных архивов произведено в Кинешме, Юрьевце, Макарьеве, Кадые, Сокольском и Пучеже. Положение их оказалось плачевным — «никакой упорядоченной работы над архивами не производилось». Уисполкомы соглашались взять на себя «хозяйственную сторону архивного дела» (выделение помещений), тогда как содержание сотрудников должен был принять на себя губархив. Кандидаты на должности уполномоченных во всех уездах были уже подобраны. Было решено ввести должности уполномоченных в Шуйском, Юрьевецком и Кинешемском уездах, а также в Макарьеве и Пучеже, «указав им в качестве первого задания отыскивание, собирание и первоначальное упорядочение архивного материала». Занимавшийся обследованием фабричных архивов Б. В. Александров сообщил, что дела лежат на фабриках «в беспорядочной груде, без всяких описей», так что в дальнейшем это грозит «уничтожением ценного материала». Он предложил создать «отдельный фабричный архив для всего района с определением для него особого помещения и штата». В качестве возможного архивохранилища он назвал трехэтажное здание конторы при бывшей фабрике Н. Т. Дербенева, испросив 30 млрд руб. на «оборудование помещений, концентрацию и разборку материала» городских фабрик и 1 млрд руб. на текущее содержание архива. Представители Иваново-Вознесенского текстильного треста предлагали «разобрать материал на местах», поскольку в концентрации фабричных фондов в одном месте смысла не видели. Александров в ответ настаивал на «громдном практическом значении» такого архива, как справочного учреждения. Его поддержал М. Н. Чернов, приветствуя создание фабричного архива «и с практической и с идейной стороны» — как справочного учреждения и центра по разработке истории «революционно-рабочего движения»¹³.

На этом же совещании был решен вопрос о выделении нового помещения для губархива. Поскольку выделения помещения в доме И. А. Соколова добиться не удалось, руководство архива еще 8 сентября 1922 г. обратилось в губком РКП(б) с предложением создания при архиве историко-революционного отделения, которое могло бы разрабатывать архивный материал «совместными усилиями» губархива и истпарт

губкома. При этом архив сетовал на недостаток помещений и предлагал содействовать в выделении под архивохранилище свободного двухэтажного дома И. К. Невского на ул. Напалковской (124 кв. сажени). На совещании 29 сентября 1922 г. было принято решение о передаче архивом части «историко-революционных» фондов истпарту (физически они оставались в помещении архива) и одновременно — о выделении для нужд архива помещения в доме И. К. Невского. Договор об аренде этого дома был заключен 16 октября 1922 г.¹⁴ Вскоре было закончено его переоборудование под архивохранилище, а уже к декабрю весь архивный материал свезен в новое помещение. При нем уже 5 декабря 1922 г. получили квартиры и архивные работники: П. М. Экземплярский, технический сотрудник А. Д. Никольский и истопник В. П. Андреев¹⁵. В ноябре 1922 г. был организован также первый уездный архив — в Кинешме. Для него выделена часть помещения бывшего духовного училища, а на должность уполномоченного принят Д. П. Смирнов. В первый же месяц в кинешемское хранилище поступили документы городской и земской управ, сиротского суда, уездного съезда, земских начальников, мировых судей, фабричных инспекторов и воинского присутствия. При этом большая часть архива полицейского управления, сваленного в сарае, оказалась расхищена¹⁶.

В том же месяце началась деятельность и шуйского уполномоченного губархива А. А. Грацианова, назначенного на эту должность президиумом Шуйского уисполкома еще 23 октября 1922 г. Уже 9 ноября он получил от губархива мандат на «право входа в хранилища архивных материалов уезда для постановки дела в них и вывоза архивных дел». В своем докладе 7 декабря 1922 г. Грацианов сообщал, что произвел обследование архивов полутора десятков учреждений, причем все они, за исключением почтового, оказались «в большом беспорядке» и не имели описей. В особенно плохом состоянии оказались архивы: военный («целых дел почти не имеется, на полу — разрозненные бумаги слоem в 1,5 арш[ина]»), полицейский («дела разбиты»), судебный («дела страшно растрепаны») и предводителя дворянства («осталось всего несколько дел»). Под архивохранилище в Шуе было выделено помещение в бывшем доме В. В. Рубачева (ул. Садовая), куда со второй декады декабря должен был поступать архивный материал¹⁷. В губернское же хранилище в течение второй половины года поступили всего девять фондов, три из которых представляли собой остатки частных архивов (писателя А. А. Потехина, фабриканта С. И. Каретникова и помещика П. А. Соколова)¹⁸.

В следующем году создание сети уездных уполномоченных активно продолжалось. В январе 1923 г. Я. А. Осипов и П. М. Экземплярский выехали в командировки в Кинешму, Юрьевец и Макарьев. И если в Кинешме уполномоченный

получил очередные инструкции по «разборке архивного материала», то в двух других уездах пришлось решать вопрос о создании архивов. В Юрьевце 23 января 1923 г. на должность уездного уполномоченного был назначен А. К. Постников, 3 февраля было принято решение о приспособлении под архивохранилище здания бывшего казначейства¹⁹. 18 марта 1923 г. уполномоченный докладывал, что в хранилище были перемещены архивы городской и земской управ, а также полицейского управления. Все они оказались в «очень плачевном состоянии». Дела городской управы были наполовину расхищены, а оставшиеся «растрепаны и лежали кучами и в виде отдельных листов». Полицейские дела «в виде растрепанных листов валялись в помещении конюшни», а вот архив земской управы «пострадал не особенно сильно». Зато была констатирована гибель архива уездного казначейства — акт об этом был составлен 16 марта 1923 г.²⁰ В Макарьевском уезде П. М. Экземплярский обследовал архив Макарьевско-Унженского монастыря, «представляющий исключительную ценность». Охрана его 3 февраля 1923 г. была поручена председателю местной общины верующих Н. Д. Никольскому²¹. Перед Макарьевским исполкомом был поставлен вопрос о создании уездного архива, и уже 3 февраля 1923 г. на пост уездного уполномоченного был назначен А. П. Тихомиров²².

5 марта 1923 г. он докладывал о первичных результатах осмотра архивов. Наилучшим образом хранились документы Макарьевско-Унженского монастыря, имевшие большую научно историческую ценность, в том числе 48 царских и патриарших грамот XVII в., 60 делопроизводственных книг за 1703–1857 гг. и другая документация. В «удовлетворительной» виде сохранялся также архив уездной земской управы, лишь небольшая часть которого оказалась рассыпана. А вот архивы военного ведомства были большей частью свалены на пол в деревянном холодном сарае. Еще хуже обстояло дело с документами казначейства — они большей частью были рассыпаны по полу вследствие попытки хищения, случившейся в 1921 г. В помещении архива съезда мировых судей, дела которого находились в «страшнейшем беспорядке», оказалось «много мышей и крыс». Еще хуже приходилось полицейскому архиву — его дела «рассыпались по полу», образовав настил толщиной в 1,5 аршина. Кроме этих архивов Тихомировым были обследованы фонды городской управы, сиротского суда и землеустроительной комиссии. Архивохранилища ему выделено пока не было, но в качестве приоритетного варианта он рассматривал покои архимандрита в Макарьевском монастыре²³. Однако они оказались забронированы за уездным военкоматом. Неустанные ходатайства Тихомирова позволили ему получить под архивохранилище двухэтажный каменный корпус в монастыре, ранее занимаемый духовной семинарией. Но помещение требовало значительного ремонта, а по смете, утвержденной в середине апреля, на эти

цели вместо 22,4 тыс. руб. было выделено всего 6,9 тыс. руб. Помещение все же было приспособлено под хранилище, и 26 апреля 1923 г. началась приемка первого архивного фонда — землеустроительной комиссии. А в конце мая А. П. Тихомиров по поручению губархивбюро принял «старинный архив» Николо-Надеевского монастыря (61 книга и три связки рукописей). 29 июня 1923 г. архивы Макарьевско-Унженского и Николо-Надеевского монастырей, запакованные в 29 ящиков, были отправлены в Иваново-Вознесенск²⁴.

В начале февраля 1923 г. П. М. Экземплярский отправился еще в одну командировку в Шуйский уезд. Он посетил Николо-Шартомский монастырь с целью осмотра архива, но так и не попал в его помещение — ключи от него оказались у бывшего в отъезде настоятеля. Новая командировка в Николо-Шартомский монастырь оказалась успешной: 23 марта 1923 г. у священника с. Введенского П. М. Экземплярским и Б. В. Александровым был принят весь архив монастыря²⁵. Но еще в ходе первой командировки в исполкоме Экземплярский получил неутешительные сведения об организации уездного архива: выделение помещения для него «безнадежно затягивалось на неопределенное время». 5 марта 1923 г. Я. А. Осипов напоминал шуйским чиновникам, что «из всех уездов губернии г. Шуя по богатству архивных материалов занимает первое место», так что вопрос об архивохранилище требовалось решить как можно быстрее²⁶. А 15 марта 1923 г. шуйский уполномоченный доносил, что им взято на учет 15 архивов, но вот помещение для хранилища так до сих пор и не выделено²⁷. Он получил его в конце марта — архивохранилище расположилось в бывшем доме Ф. П. Хониной (ул. Костромская). Первым делом в него были приняты дела духовного правления и Воскресенского собора²⁸.

Между тем командировки с целью поиска архивов на местах продолжались. П. М. Экземплярский и Б. В. Александров 4–5 июня 1923 г. выезжали в с. Лежнево с целью поисков «долгорукского архива», но обнаружить документов им не удалось²⁹. А с 24 июня по 7 июля 1923 г. они находились в длительной командировке на северо-восток губернии, в Юрьевецкий, Кинешемский и Макарьевский уезды. Главной задачей этого вояжа была эвакуация в столицу губернии документов Макарьевско-Унженского монастыря, а также выявления других ценных архивов для последующей переброски в Иваново-Вознесенск. Первым делом ими было осмотрено архивохранилище в Юрьевце, определенное как «лучшее в губернии». Правда, архивные дела в нем оказались по большей части разбитыми и отсыревшими «в старых местах их хранения». Посетили архивисты также местную Благовещенскую церковь и Успенский собор, в которых были обнаружены столбцы XVII–XVIII вв. и книга указов (с 1731). В Макарьеве Экземплярским и Александровым была организована эвакуация мона-

стырских архивов, ради которой и была организована поездка. Уездное архивохранилище оказалось очень удобным. Из остальных осмотренных командированными архивов в наилучшем положении оказались полицейский (хранившийся в сыром сарае) и казначейский (в помещении которого оказались выбиты окна).

Лухское архивохранилище располагалось в горисполкоме, в нем находились дела «старых городских и судебных учреждений» с конца XVIII в. Ценный архив и библиотека Лухско-Тихоновского монастыря также хранились в надлежащих условиях (в шкафах в сухом помещении). Были осмотрены также полицейский архив (секретные дела начала XX в. из него были изъяты и отправлены в Юрьевец), а также библиотека Воскресенской церкви, содержащая старопечатные издания 1657, 1677 и 1689 гг. В Пучеже архивохранилище также располагалось при горисполкоме и содержало дела городской управы начиная с 1820-х гг. В библиотеке Воскресенской церкви оказались старопечатные книги 1640, 1647 и 1677 гг., а также рукописный сборник указов с 1717 г., изъятый архивистами. Архив Макарьево-Решемского монастыря оказалась небогат (дела с 1723), зато в библиотеках монастыря и местной Воскресенской церкви имелись четыре старопечатные книги, включая «Обет душевный» Симеона Полоцкого 1681 г. Экземплярский и Александров наметили к перевозке в губернское архивохранилище 455 пудов «архивного материала»: 200 пудов — из Макарьева, по 100 — из Луха и Юрьевца, 50 — из Пучежа и всего 5 — из Решмы³⁰. Еще одна поездка с целью поиска исчезающих архивов была предпринята в Шуйский уезд, который 25–30 августа 1923 г. посетил П. М. Экземплярский (им были обследованы в основном церковные архивы уезда и изъят из них наиболее ценный материал)³¹.

Неустанно продолжались поиски ускользнувших от внимания архивистов фондов и в Иваново-Вознесенске. Так, 6 марта 1923 г. в поисках документов были осмотрены подвал и сарай бывшей городской публичной библиотеки (ул. Покровская), 5 июня 1923 г. — межевой архив при губернском земельном управлении (более 50 тыс. планов и документов), с 11 по 22 июня 1923 г. А. А. Бегеном и П. М. Экземплярским произведен осмотр документов Покровской церкви Иваново-Вознесенска. Важнейшим делом представлялась также концентрация в губернском архивохранилище наиболее ценных документов из уездов³². В майском отчете 1923 г. подобная мера объяснялась необходимостью приведения этого материала в должный порядок и использования его в научных целях. Ресурсами для этого обладал только губернский архив. В первую очередь предполагалось эвакуировать в Иваново-Вознесенск наиболее ценные шуйские архивы, включающие обширный материал по истории губернского центра — с. Иванова и г. Иваново-Вознесенска³³. Постепенно налажива-

лась и эта сторона работы. Согласно обязательному постановлению губисполкома от 20 июля 1923 г., в губернское хранилище должны были сдаваться «архивные материалы дореволюционных учреждений до 1871 г. включительно»³⁴. В сентябре 1923 г. в губархив из Шуи поступили дела местного духовного правления, уездного казначейства, мировых посредников, предводителя дворянства и Воскресенского собора, а из Кинешмы — уездной земской управы, в ноябре — Шуйского полицейского управления, мирового съезда и мировых посредников³⁵. Были сделаны и первые шаги по организации фабричного архива. Губархивбюро 30 июля 1923 г. удалось добиться от президиума губисполкома обещания содействовать в выделении под губернский архив помещения конторы при фабрике Н. Т. Дербенева, речь о котором шла еще на совещании 29 сентября 1922 г.³⁶ В октябре архив, наконец, получил возделенное помещение конторы, а впридачу еще подвал губернского склада книгоиздательства «Основа»³⁷.

Таким образом, в течение полутора лет, начиная с мая 1922 г., когда пост заведующего губархивбюро покинул И. И. Власов, новому руководству удалось в достаточной мере наладить работу учреждения: была решена кадровая проблема, подобраны уездные уполномоченные, которые получили в свое распоряжение вполне приемлемые помещения для архивохранилищ, путем «архивных разведок» оказалось выяснено положение большинства «затерянных» архивов как в губернском центре, так и в уездах. По мнению А. С. Князева, иваново-вознесенским архивистам к 1925 г. удалось «сформировать самую устойчивую сеть уездных архивохранилищ в Верхневолжье»³⁸. После этого началась концентрация наиболее ценных фондов сначала в уездных, а затем и в губернском архивохранилище. Губернский архив получил под хранилище достаточно удобное помещение, которое будет использоваться им еще более четырех десятилетий. Наконец, было принято принципиальное решение о создании фабричного архива, который должен был стать одной из визитных карточек архивного дела в Иваново-Вознесенской губернии. Главным фактором столь резкого сдвига в организации губернского архивного дела явился тесный контакт руководства архива (прежде всего заведующего губархивбюро Я. А. Осипова) с губисполкомом. На заседании архивной секции Иваново-Вознесенского губернского совещания 1–3 марта 1926 г. Я. А. Осипов относительно дополнительных ассигнований на архивную отрасль справедливо замечал: «Все что можно, мы получаем»³⁹. Нельзя не отметить, что благосклонность областного начальства не в последнюю очередь была продиктована усилиями архивистов по изучению «историко-революционной» тематики — на это были направлены и сотрудничество с испартом, и создание отдельного фабричного архива.

Примечания

- ¹ Князев А. С. Иваново-Вознесенское губернское архивное бюро в 1918–1920: к вопросу об учреждении и деятельности // Вестн. КГУ. 2016. № 2. С. 57–59.
- ² ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
- ³ Захарова О. И. Из истории архивной службы Ивановской области // Вестн. архивиста. 2008. № 4. С. 141–145.
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 3. Л. 24–25.
- ⁵ Князев А. С., Флейман Е. А. Иваново-Вознесенское губернское архивное бюро в 1920–1924: от беспорядочной смены кадров к постоянному составу // Вестн. ИвГУ. Сер. Гуманит. науки. 2016. № 3. С. 47–50.
- ⁶ ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–8.
- ⁷ Там же. Д. 15. Л. 2–6.
- ⁸ Там же. Д. 11. Л. 1.
- ⁹ Там же. Д. 15. Л. 31.
- ¹⁰ Там же. Д. 16. Л. 8–11.
- ¹¹ Там же. Л. 30–32.
- ¹² Там же. Д. 15. Л. 23.
- ¹³ Там же. Д. 11. Л. 14–21.
- ¹⁴ Там же. Д. 65. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 36 — 36 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 19. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Д. 15. Л. 41.

- ¹⁹ Там же. Д. 26. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 27 — 27 об.
- ²¹ Там же. Л. 6–7.
- ²² Там же. Л. 13, 16.
- ²³ Там же. Л. 17 — 18 об.
- ²⁴ Там же. Л. 51–52, 62–64.
- ²⁵ Там же. Л. 10, 26.
- ²⁶ Там же. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Л. 57.
- ²⁸ Там же. Д. 25. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ Там же. Д. 14. Л. 10–12.
- ³¹ Там же. Д. 25. Л. 74.
- ³² Там же. Д. 27. Л. 21, 27, 43, 59.
- ³³ Там же. Д. 14. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Л. 5.
- ³⁵ Там же. Д. 25. Л. 77, 82.
- ³⁶ Там же. Д. 27. Л. 66.
- ³⁷ Там же. Д. 25. Л. 79.
- ³⁸ Князев А. С. К вопросу о формировании и функционировании сети уездных архивов в Верхнем Поволжье (на материалах Костромской, Иваново-Вознесенской, Ярославской губерний): 1918–1929 гг. // Вестн. КГУ. 2016. № 6. С. 25.
- ³⁹ ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 31. Л. 33.

О. А. Коптилова

Развитие архивного дела на Камчатке

В декабре 2020 г. архивная служба Камчатского края отметила свое 95-летие. За период становления архивного дела на Камчатке была проведена огромная работа по сбору, систематизации, сохранению документов, представляющих историческую ценность для потомков.

На Камчатке советская власть установилась значительно позже, нежели в других регионах. В течение нескольких лет власть переходила от красногвардейцев к белобандитам и интервентам. Ситуация осложнялась присутствием японцев, которые постоянно пытались раздуть пламя гражданской войны как на Камчатке, так и на Дальнем Востоке в целом. И только в ноябре 1922 г. советская власть на полуострове установилась окончательно.

Реализация первых декретов Совнаркома РСФСР, принятых в 1918 и 1919 гг. и касающихся создания архивного фонда, на Камчатке началась позже. В первые годы советской власти местные органы не могли уделять должного внимания вопросам архивного дела из-за неблагоприятной политической обстановки. 31 декабря 1923 г. Камчатским губревкомом было принято постановление, в котором указывалось, что для «приведения архива в порядок, согласно заданиям Центра, установить штат сотрудников архива в 3 человека: заведывающего архивом... и 2 архивариусов...»¹ В следующем 1924 г. губревком издал обязательное постановление № 14 о централизации документальных материалов, находящихся в распоряжении частных и должностных лиц, в губернский архив.

На местах документы подлежали сдаче в уездные, волостные и сельские ревкомы в месячный

срок по получении постановления губревкома, а в Петропавловске срок сдачи был установлен в две недели. Согласно указанному постановлению, архивные материалы, обнаруженные при обыске у лиц, взявших во временное пользование документальные материалы из губревкома, после истечения указанного срока, подлежали изъятию и сдаче в губернский отдел управления, а виновные — должны были привлекаться к уголовной ответственности. Этим же постановлением не допускался вывоз архивных материалов за пределы области².

После организации губернского архива были предприняты попытки осуществить сбор документальных материалов из учреждений. Однако документы сдавались в архив с грубейшими нарушениями — в хаотичном состоянии, без обложек, — из-за чего было трудно определять их фондовую принадлежность и наводить по ним справки. Было предложено сдавать в губернский архив все законченные дела и переписку после трехлетнего хранения на местах, и категорически запрещалось уничтожение каких-либо документов.

В 1926 г. губернное архивное бюро было преобразовано в окружное, но, несмотря на это, существенное положение дел в архиве не изменилось: в штате был всего один человек — архивариус, который помимо своих прямых обязанностей ведал хранением и выдачей отделам окружного канцелярских принадлежностей. Документы, принадлежавшие советским организациям и поступавшие на хранение, продолжали находиться в неупорядоченном состоянии, контроль над состоянием документальных материа-

лов не осуществлялся ввиду малочисленности штата.

По результатам проверки окружной РКИ, проведенной в 1926 г., было отмечено, что на день проверки архив насчитывал 15 фондов (18 тыс. ед. хр.), причем было обработано и учтено всего пять фондов (5253 ед. хр.).

В архиве были собраны ценные материалы, характеризующие политико-экономическое состояние Камчатки с первой половины XIX в.: ревизские сказки переписи 1869 г., статистические сведения по рыбной промышленности, пушному промыслу, сельскому хозяйству, отчетные доклады о Чукотке, материалы по исследованию бережий пролива Дежнева за 1899–1900 гг., отчеты по вопросам развития горного дела на Камчатке, материалы о землетрясениях на Камчатке и другие, не менее интересные документы.

В мае 1934 г. на должность заведующего архивом был назначен Федор Лукич Слободчиков, но буквально через год он был переведен на другую работу в областной комитет ВКП(б). Работа по разбору и систематизации документов, начатая директором, прекратилась. Еще несколько лет документы хранились в непригодном для этого помещении, что пагубно сказывалось на их физическом состоянии.

В ноябре 1938 г. на должность заведующей областным архивом облисполкома назначили М. И. Артамонову, выпускницу Московского государственного историко-архивного института. При передаче архива в ведение НКВД в штат была введена должность архивно-технического работника. В акте отмечалось, что специально оборудованного помещения архив никогда не имел, документы хранились на чердаке здания облисполкома, отчего покрылись толстым слоем пыли. Иногда документы использовались для канцелярских нужд как оберточный материал³.

К концу 1939 г. систематизация документальных материалов по фондам была закончена, в результате в архиве было сформировано 17 801 дело в 75 фондах. Именно 1939 г. для областного архива стал годом его организации как самостоятельного учреждения: была утверждена смета расходов, составлен план работы архива, выделены и упорядочены новые фонды (например «Камчатский губревком», «Военный губернатор Камчатки»), обследованы архивы четырех организаций города из 24⁴.

1940-е гг. принесли серьезные испытания областному архиву, как и всей стране. Это было также время образования Корякского государственного окружного архива и районных архивов (процедура их создания затянулась до 1950-х гг.) и эвакуации документов в глубокий тыл для обеспечения их сохранности в связи с ожидаемым нападением империалистической Японии.

В октябре 1941 г. первая партия документов (55 мест) была отправлена в Хабаровск для последующей их передачи в Красноярский краевой государственный архив. Через год в Мичуринск отправили вторую партию (5640 дел). В конце

1943 г. третья партия (33 ящиков, около 3 тыс. дел) отправилась в Томск, в ЦГА РСФСР Дальнего Востока, где и по сей день документы находятся на хранении⁵. Всего за годы войны эвакуировали 253 фонда, в том числе 129 фондов отдела Октябрьской революции и социалистического строительства. В середине 1940-х гг. фонды архива пополнились новыми документами (11 233 ед. хр.) из райгосархивов и учреждений Петропавловска-Камчатского.

Однако областной архив по-прежнему находился в плачевном состоянии, размещался в здании, в котором проживали три семьи. Вместо кирпичных дымоходов были установлены железные прогоревшие трубы, отсутствовал противопожарный инвентарь. Архивные площади уже не позволяли принимать документы на хранение: в помещении площадью 30 кв. м под хранилище было отведено 20 кв. м. К тому же оно не охранялось.

К концу 1940-х гг. штат областного архива был утвержден в составе двух человек, по факту имелся только один архивно-технический работник, но и тот выполнял функции далеко не по своей должности, совмещая все виды деятельности. Должность заведующего архивом штатным расписанием не была предусмотрена.

В начале 1951 г. начальником Архивного отделения УМВД по Камчатской области был назначен Василий Дмитриевич Никулин, проработавший в этой системе до 1987 г. С его именем связано развитие архивной службы Камчатки.

Родился Василий Дмитриевич в 1924 г. в Вятке. В 1936 г. вся семья переехала на Камчатку. По окончании семилетки подросток Василий Никулин поступил в ремесленное училище в Петропавловске, обучался на судосборщика корпусного цеха. Но окончить училище ему не довелось — 19 августа 1942 г. в связи с наступлением призывного возраста Василий получил повестку в военкомат. Его отправили служить во Владивосток, в 72-й железнодорожный полк, который осуществлял охрану важных объектов и сопровождал грузы, в том числе на фронт. В 1944 г. Василия Никулина перевели в действующую армию и в составе 105-го пограничного полка направили в тыл 54-й армии Ленинградского фронта. Доукомплектовав полк солдатами и офицерами НКВД и пограничниками, отправили на борьбу с бандитизмом и диверсантами. После снятия блокады Ленинграда полк был переведен в распоряжение командования 3-го Прибалтийского фронта, участвовал в освобождении Латвии и ее столицы Риги, в ликвидации бандитизма в Западной Белоруссии.

Вместе с полком Василий участвовал в освобождении Берлина. Ему повезло нести охрану в Карлсхорсте⁶ непосредственно при подписании акта о капитуляции фашистской Германии. Он также охранял рейхсканцелярию, в частности кабинет и бункер Гитлера, библиотеку Геббельса. Воспользовавшись случаем, Василий расписался на стене гитлеровского бункера: «Никулин с Камчатки»⁷.

После войны Василий Дмитриевич служил в Берлине, а по возвращении в Петропавловск-Камчатский в 1951 г. был назначен заведующим Архивным отделением УМВД по Камчатской области.

В 1951 г. архивных работников в Камчатской области насчитывалось 20 человек: в областном архиве работали пятеро, в Корякском национальном округе — пятеро, на Чукотке — четверо, в районных архивах — шестеро (по одному человеку на район). Ситуация с камчатскими архивами освещена в докладной записке, составленной на имя председателя Камчатского облисполкома Совета депутатов трудящихся А. Ф. Спасенных от 31 марта 1955 г.: «Здание, в котором размещался облгосархив, ветхое, сырое, мало по своим размерам, опасно в пожарном отношении. Хранилище площадью 33 кв. м документами забито до отказа. Читального зала, где бы могли работать посетители над документами, облгосархив не имеет. Посетителям архива не представляется никакой возможности для нормальной работы, так как сами сотрудники, ввиду скученности, вынуждены работать, сидя по два человека за одним столом, а часть сотрудников по этой же причине вынуждена работать непосредственно в хранилище и глотать бумажную пыль. В учреждениях и предприятиях города и окрестных архивах скопилось большая масса документальных материалов, подлежащих передаче в облгосархив, однако принять их к себе последний не может из-за отсутствия места для их размещения. Петропавловский горисполком, несмотря на неоднократные указания облисполкома и ходатайства УМВД области, вопрос о предоставлении помещения облгосархиву серьезно не решает»⁸.

Что же касается положения районных архивов, то ситуация была не менее плачевной. Архив Пенжинского района, например, был размещен в фанерной юрте, в которой хранились также собачья юкола и разный хозяйственный инвентарь. Усть-Камчатский райгосархив находился в жилом доме, помещения Усть-Большерецкого и Мильковского архивов были малы, Соболевский же райархив вообще не имел своего помещения.

Положение с хранением документов было не лучшим. Ответственных лиц за состояние, учет и использование документальных материалов не имелось. Доступ к документам посторонних лиц был свободным. В Тигильском и Карагинском райисполкомах документы хранились на чердаках в разбросанном и растрепанном виде. Большинство помещений не убиралось, а в зимнее время не отапливалось.

С назначением в сентябре 1953 г. на должность заведующего областным архивом Ю. И. Скитейкина, выпускника Московского историко-архивного института, усилилось и улучшилось качество научно-технической обработки документальных материалов и их учета. Так, в течение только 1954 г. два сотрудника архива обработали и учли 139 фондов. За это же время приняли на хранение 2473 документов, в основном из ведомственных архивов.

К концу 1955 г. закончилось упорядочение документальных материалов в объеме 17 249 ед. хр. Только в течение этого года было обработано 9583 дела вместо 6319 по плану. В том же году архив приступил к картонированию документов.

В связи с выходом Камчатской области в начале 1956 г. из состава Хабаровского края архивное отделение было преобразовано в архивный отдел, который перешел в непосредственное подчинение Архивному управлению МВД РСФСР. Архивному отделу была предоставлена самостоятельность в решении ряда вопросов, которые раньше он не мог решать. Например, теперь руководство архива получило право рассматривать и утверждать отборочные списки документов, не подлежащих хранению, которые до этого направлялись в архивный отдел Хабаровского края. Одновременно был увеличен штат за счет введения должности научного сотрудника, которого не было в архиве в течение последних 13 лет.

С середины 1950-х гг. началось планирование архивной деятельности. В годовых и квартальных планах отражались организационные мероприятия (работа по комплектованию фондов, картонированию документальных материалов, составлению описей), деятельность по руководству архивами (учет фондов областного и районных архивов, проведение семинаров, ревизий и проверок работы районных архивов), работа с кадрами (проведение занятий по повышению квалификации сотрудников, обучение работников в Московском историко-архивном институте, подбор кадров, имеющих специальное образование).

В 1957 г. областной архив приступил к созданию тематического каталога. В результате были составлены первые тематические карточки (444 шт.), в основном по теме установления советской власти на Камчатке. На 1 января 1966 г. в архиве насчитывалось 4530 тематических карточек. Проводилась экспертиза документальных материалов, продолжалось картонирование.

Но вопрос об обеспечении полной сохранности архивных документов решен не был. Помещение по-прежнему не отвечало предъявленным к нему требованиям, площади были малы, что не позволяло архиву заниматься плановым приемом документов от ведомственных и районных государственных архивов. По-прежнему одной из основных проблем являлось отсутствие соответствующего помещения, и с 1961 г. В. Д. Никулин настойчиво занимался решением этого вопроса⁹.

1960-е гг. внесли коррективы в жизнь не только страны, но и архивной службы. Постановление Совета министров СССР от 7 февраля 1956 г. № 246 «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» потребовало серьезной перестройки всей работы архивных учреждений. Для того чтобы исключить путаницу в приеме документов по личному составу на хранение в архивы и искоренить неправильную практику комплектования государ-

ственных архивов документальными материалами, Главным архивным управлением при Совете министров СССР были разработаны соответствующие меры, например разработка примерных списков учреждений, организаций и предприятий, документальные материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР. Одновременно архивным органам было предложено разработать на основании этих списков перечни конкретных предприятий, документы которых подлежали приему в местные госархивы в первую очередь¹⁰. Документы по личному составу предприятий, не подлежащие сдаче в архивы, оставались на хранении на предприятиях и в организациях.

В соответствии с Постановлением Совета министров РСФСР от 25 ноября 1961 г. № 1424 исполком Камчатского областного Совета депутатов трудящихся принял решение об организации архивного отдела Камчатского облисполкома, заведующим которого был назначен В. Д. Никулин. Под руководством Василия Дмитриевича выстраивалась работа госархивов Камчатской области. В ведении архивного отдела осталась вся сеть (за исключением партийного архива) архивных учреждений Камчатской области, не претерпевавшая изменений до начала 1990-х гг. Этим же решением был утвержден штат архивного отдела и государственных архивов области в количестве 27 человек.

В 1965 г. для размещения областного архива был выделен цокольный этаж в жилом доме. Увеличение площади хранилищ позволяло пополнять фонды областного архива новыми документами. В облгосархиве было сформировано 486 фондов (16613 ед. хр.). Была налажена работа по обеспечению сохранности документальных материалов: еженедельно проводилась уборка помещений и протирка стеллажей и документов от пыли, хранитель фондов, руководствуясь правилами, выдавал документы согласно оформленным требованиям. Более четко и грамотно стала проводиться работа по учету, совершенствовалась научно-техническая обработка документальных материалов. Были обновлены и заново составлены описи, создана комиссия по проведению экспертизы и проверке документов, расширился список предприятий — источников комплектования. В областном архиве функционировали читальный зал и библиотека, архивисты работали над составлением сборников документов, статьи в газеты, принимали участие в передачах на радио. В эти годы наблюдалось заметное оживление использования документов госархивов Камчатской области в организационно-пропагандистских и научно-исследовательских целях. Совместно с областным краеведческим музеем была организована выставка документов на тему «Установление советской власти на Камчатке», на которой было представлено около 40 фотокопий документов и фотоматериалов. В ознаменование 225-летия присоединения Командорских островов к России была подготовлена выставка доку-

ментов по истории Командор. Материалы этой выставки экспонировались в музее Алеутского района, а также в здании облисполкома и читальном зале областного архива.

1970–1980-е гг. — период поступательного развития архивного дела в области. Фонды областного архива пополнялись документами ведущих учреждений и предприятий: органов исполнительной власти, областного Совета профсоюзов и отраслевых обкомов, крупнейших предприятий рыбной промышленности, сельского и лесного хозяйства, водного, дорожного транспорта, строительства, научно-исследовательских учреждений, учреждений образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки, культуры. Сложилась сеть постоянных источников комплектования областного партийного архива: в их число вошли областной, городской, а также все районные комитеты партии и комсомола, политотделы и первичные парторганизации учреждений и предприятий области.

В 1979 г. во многом благодаря стараниям начальника архивного отдела В. Д. Никулина было построено отдельное здание, в котором архив размещается и поныне. Помещение архива является одним из немногих специализированных на Дальнем Востоке.

В 1987 г. заведующий архивным отделом облисполкома Василий Дмитриевич Никулин уволился в связи с выходом на пенсию. За заслуги в профессиональной деятельности и добросовестный труд он был награжден медалью «Ветеран труда СССР», нагрудным знаком «Отличник архивного дела», почетными грамотами.

В 2008 г. в связи с изменением в административно-территориальном делении края произошли изменения и в архивной сфере. Было образовано Агентство по делам архивов Камчатского края, а областной архив стал Государственным архивом Камчатского края. В его фондах сосредоточен основной массив документов по истории Камчатки XX в. Сегодня в архиве насчитывается 1635 фондов с общим количеством дел более 436 467 ед. хр.

Сеть архивных учреждений края включает в себя архивные органы районных муниципальных образований Камчатского края (отделы, управления, секторы), два муниципальных архива (в Петропавловске-Камчатском и Вилючинске).

С 1990-х гг. в архив стали поступать документы современных общественно-политических движений, организаций, действовавших на территории Камчатской области в 1989–2005 гг., рассекреченные архивно-следственно-уголовные дела фонда «Региональное управление Федеральной службы безопасности РФ по Камчатской области» за 1923–2000 гг.

Примечания

¹ ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.

² Там же. Ф. П-25. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

³ Там же. Ф. П-177. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ ГАКК. Ф. Р-177. Оп. 2. Д. 3. Л. 41.

⁶ Район Берлина.

⁷ Там же. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 90. Л. 4–6.

⁸ Там же. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 55. Л. 5–6.

⁹ Там же. Д. 131. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 21.

К. Ю. Марченко

Партархив Оренбуржья в лицах: начало и реорганизация

Осмысление определенных этапов развития страны, региона или отдельного учреждения зачастую вызывает вопросы о роли той или иной личности: изменила ли она ход истории, или как развивались бы события без этого деятеля?

История бывшего партийного архива Оренбургского (в 1939–1957 гг. Чкаловского) областного комитета ВКП(б) — КПСС (ныне Оренбургский государственный архив социально-политической истории — ОГАСПИ) представляет особый интерес в разрезе не только изучения его как структуры в системе парторганов области, но и исследования роли руководителя архивного учреждения в переломные моменты его развития.

Проблемы, существовавшие в архиве на этапе создания и реорганизации учреждения по прошествии более полувека, во многом тождественны. Решать их приходилось в первую очередь руководителям — заведующим архивом, тем примечательнее их роль и ответственность в столь сложные периоды.

Вопрос об организации областного партийного архива встал с образованием Чкаловской области в декабре 1934 г., но его создание было отложено в связи с необходимостью решения более важных, порой глобальных административно-территориальных проблем. Партийный архив Чкаловского областного комитета ВКП(б) был образован 4 марта 1939 г. согласно постановлению обкома. В подвале Дома Советов под него было выделено помещение в 240 кв. м, состоящее из пяти комнат и архивохранилища. Первым заведующим партархивом стала бывший инструктор обкома партии, участница Гражданской войны Екатерина Ивановна Фролова (1886–1959)¹. Тяжелая ноша, связанная с решением масштабных задач и принятием важных решений по устройству архива легла на хрупкие женские плечи Екатерины Ивановны, которая проработала в учреждении более 12 лет в сложнейший для всей страны период.

Множество писем с жалобами и требованиями ею были написаны в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), в обком партии о снабжении литературой по архивному делу и о необходимости выделения ассигнований для приобретения оборудования, о выплате заработной платы работникам, транспортировке архивных документов из Куйбышева (ныне Самара), Кзыл-Орды, Уральска, Актюбинска².

До этого времени многие документы партийных и комсомольских органов находились в архивах соседних областей в «беспризорном, хаотичном», неупорядоченном виде, частью в россыпи. В феврале 1940 г. из Куйбышева поступили документы бывшей Оренбургской губернской

парторганизации: 21 502 дела и 396 кг россыпи. Все это необходимо было разобрать, описать, классифицировать, реставрировать, подшить, переплести. Одновременно с этим началась работа по приему документов, хранившихся до этого непосредственно в горкомах, райкомах партии. Нужно было научиться самим и научить работников партийных структур архивному делу, поэтому Екатерина Ивановна стала инициатором систематического проведения семинаров и занятий для представителей райкомов партии на тему применения «правил и инструкций для приведения в порядок партийного хозяйства (делопроизводства)»³.

Несмотря на то что дела большей частью не были распакованы и упорядочены, а сотрудниками проводилась только систематизация документов, с марта 1940 г. началась работа по выдаче справок, научно-исследовательская деятельность по истории революционных событий и Гражданской войны в регионе.

Позже в связи с перемещением партархива в здание по адресу: пер. Хлебный, 2 (ныне здание Дворца творчества детей и молодежи), Е. И. Фролова неоднократно ставила перед вышестоящими органами вопрос о чрезвычайно сложном положении архива. Так, в докладной записке в обком партии от 26 июня 1940 г. Екатерина Ивановна отмечала: «Партархив занимает 216 кв. метров полуподвального помещения, остальное помещение здания занималось курсами Совстроительства, теперь оно передано пединституту под общежитие, с этого времени началось употребление студентками примусов, паровых утюгов, керосиновых ламп, что представляет опасность в пожарном отношении. Кроме того, студенты имеют продукты, отчего разводятся мыши и крысы, что также представляет опасность для партархива»⁴.

Трепетное отношение к архивным документам, забота и беспокойство за будущее молодого учреждения проявлялись со стороны всего небольшого коллектива (в 1941 г. в штате числилось всего пять человек) и в частности со стороны Екатерины Ивановны. Благодаря их слаженной работе в мирное предвоенное время в годы Великой Отечественной войны у областного партархива была возможность принять эвакуированные партийные архивы. В стенах его архивохранилищ разместились документы из Воронежской области, а также из Днепропетровской, Винницкой, Дрогобычской, Каменец-Подольской, Одесской, Черниговской, Черновицкой областей Украины, временно захваченных врагом. С начала 1944 г. началась реэвакуация архивов, и к концу года документы партархивов были от-

правлены в освобожденные районы Украины и Воронежской области⁵.

В годы войны Чкаловский партийный архив вынужден был форсировать прием документов от партийных и комсомольских органов области⁶. С начала 1950-х гг. основным направлением его работы стал плановый прием данных документальных материалов в соответствии с указанием Управления делами ЦК ВКП(б)⁷.

В послевоенные годы все силы сотрудников партархива были отданы обработке фондов, их описанию и учету. Кроме того, в 1950-е гг. проводилось активное перемещение фондов из архивов одних в архивы других областей в соответствии с современным административно-территориальным делением. В Чкаловский партархив передавались документы абдулинских, бузулукских, бугурусланских комитетов разных уровней, принадлежавшие ранее Самарской губернии и Средне-Волжскому краю. Чкаловцы же, в свою очередь, отправляли по принадлежности обнаруженные у себя дела партийных комитетов в Самару, Актюбинск, Свердловск, Ульяновск. Возвращали на Украину и в регионы Центральной России забытые при реэвакуации материалы. Документы советских органов передавали на хранение в областной государственный архив⁸.

Таким образом, завершился начальный этап создания и становления областного партийного архива под четким руководством его первого заведующей Екатерины Ивановны Фроловой. Он явился отличным стартом для развития учреждения с возможностью решения ключевых задач архива в дальнейшем.

Деятельность архива с 1951 по 1975 гг. можно охарактеризовать как сложный период, сопряженный с кратковременным пребыванием его руководителей в должности. Но именно в это время решается одна из важнейших для любого архивного учреждения проблема — строительство в 1960-е гг. нового, единственного в регионе (до настоящего времени) специального типового здания областного партийного архива по адресу: ул. Выставочная (ныне ул. Маршала Г. К. Жукова), 38, общей площадью 3371,6 кв. м.

Учитывая, что партархив всегда находился под пристальным вниманием высших органов и местной партийной власти, необходимо было помимо строительства здания решить вопрос о руководителе архива, который сможет в короткие сроки решить массу вопросов, накопившихся за более чем двадцать лет: кадровый, по организации комплектования, учета и хранения документов и многих других. Из многочисленных претендентов на должность заведующего партийным архивом первый секретарь Оренбургского обкома КПСС А. В. Коваленко сделал выбор в пользу Виктора Александровича Шокова (1936–2017).

Виктор Александрович, как и Е. И. Фролова, до прихода в партархив имел огромный опыт работы в комсомольских и партийных органах, где занимал в том числе и руководящие должности, но непосредственно с самой архивной де-

ятельностью знаком не был. На протяжении всей своей деятельности в должности заведующего партархивом Оренбургского обкома КПСС (позже — директора Центра документации новейшей истории Оренбургской области) с 1975 по 2011 гг. В. А. Шоков не ограничивался управленческой деятельностью. По личной инициативе он внёс вклад в практическую работу архива. С одной стороны, это было обусловлено желанием самостоятельно освоить все виды работ и «научиться общаться с работниками архива по-архивному», а с другой — постоянной нехваткой кадров в учреждении⁹. С конца 1970-х гг. происходило функциональное становление партийного архива, сопряженное с коренными штатными изменениями. Благодаря грамотному руководству Виктора Александровича практически полностью обновленный штат сотрудников действовал как единый слаженный механизм более 30 лет, проводя работу по систематизации и организации учета, хранения и приема документов в архив. Командный дух, единство во всем, высочайший профессионализм, поддержка — вот, что было главным и связующим для всего коллектива в эти годы.

В 1990-е гг. в ходе глобальных изменений государственной жизни страны и общества изменилась деятельность архивов, и прежде всего партийных. Благодаря огромным усилиям В. А. Шокова как руководителя на протяжении десятилетия планомерно решались сложные и противоречивые вопросы интеграции бывшего партийного архива в систему государственной архивной службы, в ходе которой предстояло поставить его деятельность на «новые рельсы».

В 1991 г. на базе партийного архива Оренбургского обкома КПСС был создан Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ныне ОГАСПИ), который получил в наследство колоссальный объем интереснейших архивных документов партийных и комсомольских организаций. В связи с переменами, происходившими в обществе в 1990-е гг., определился круг новых источников комплектования архива, которыми по сей день являются общественные организации и объединения, региональные отделения политических партий; открыты фонды документов личного происхождения.

На новом этапе развития учреждения под руководством Виктора Александровича в архиве было сделано многое, но необходимо подчеркнуть самое важное: установка оборудования для создания страхового фонда документов, приобретение и внедрение в деятельность архива компьютеров, прием фильтрационно-проверочных дел бывших военнопленных Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и реэмигрантов из Китая от Управления комитета государственной безопасности по Оренбургской области, начало работы по приему документов ликвидированных организаций, рассекречивание большого массива архивных документов партийных и комсомольских органов Оренбургской области, обширная исследовательская и издательская деятельность на основе

документов и другое, что во многом сделало архив открытым для всех исследователей.

Делая вывод, но не претендуя на объективную оценку и сопоставление деятельности Е. И. Фроловой и В. А. Шокова, невольно прочтываешь определенную схожесть их трудовой биографии, свидетельствующую, что пребывание указанных лиц в должностях первого и последнего руководителей партархива было неслучайным и даже закономерным. Екатерина Ивановна и Виктор Александрович — оба до прихода в архив занимались партийной деятельностью, но имели представление о внутренней «кухне» архива; оба вникали лично в практическую работу архива; оба не изменили партархиву и оставили свое место работы в преклонные годы по состоянию здоровья; оба были руководителями архива в чрезвычайно сложные периоды для всей страны: Великая Отечественная война, прекращение деятельности КПСС и распад Советского

государства. Жизнь и работа для этих удивительных людей были понятиями неотделимыми.

В завершение хотелось бы привести строки из автобиографического очерка В. А. Шокова, ставшие своего рода завещанием и добрым напутствием на многие десятилетия: «Мое главное желание, чтобы мою должность занял достойный человек и продолжил бы успешную работу архива».

Примечания

¹ ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 20. Д. 381. Л. 13 ; Оп. 28. Д. 2545 ; Ф. 8021. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² Там же. Ф. 8021. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–41.

³ Там же. Д. 602. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 26, 30.

⁶ Там же. Д. 602. Л. 3.

⁷ Хранители. Страницы истории архивного дела в Оренбургском крае / под общ. ред. С. М. Муромцевой. Оренбург : Димур, 2009. С. 74.

⁸ Там же. С. 74–75.

⁹ ОГАСПИ. Ф. 8113. Оп. 1. Д. 23. Л. 56.

Т. В. Медведева

Продажа архивных публикаций за границу в 1930-е годы: проблемы, пути их решения и итоги

Тема международных проектов в архивной сфере актуальна в настоящее время, поскольку непосредственно затрагивает не только вопросы популяризации документального наследия, но и проблемы законодательного регулирования валютных операций в деятельности архивов, авторского права в археографической практике и эффективности использования архивных документов в науке. Поэтому рассмотрение советского опыта является тут не только иллюстрацией к истории архивного дела, но и способом вернуться к ряду злободневных вопросов современности.

Коммерческие внешнеторговые проекты советских архивов в 1930-е гг. до сих пор являются малоизученной сферой, а те публикации, например, из архива Романовых, которые были предприняты на Западе в это время, в отечественной историографии связывают с тайной деятельностью малоизвестных одиночек «из архивистов старой школы» — настолько мало они согласуются с традиционным представлением о публикационной активности за рубежом в предвоенный период.

Например, В. С. Лопатин, рассказывая предысторию французской публикации переписки Екатерины II с Г. А. Потемкиным (1934), замечает: «...она была продана при посредстве М. Е. Кольцова французскому журналисту Удару... Тогдашний глава архивного ведомства настаивал на выяснении обстоятельств “этой сделки, несомненно не выгодной и политически неправильной” и требовал привлечь к ответственности виновных... [И. С.] Зильберштейн и другой участник сделки К. А. Уманский (тогдашний глава Литературного агентства, впоследствии видный советский дипломат) не пострадали»¹. Здесь,

кроме неверных представлений о ходе сделки, важно отметить фактическую ошибку: упомянутый в рассмотренных документах «Уманский» являлся не «видным советским дипломатом» Константином Александровичем, а его родным братом, тоже по-своему талантливым. В схожих терминах Е. А. Чиркова описывает передачу за границу переписки Николая II с матерью, утверждая: «Предполагалось издать (в СССР. — Т. М.)... более полный текст писем, для чего они спешно копировались. Эти копии... были нелегально переданы за рубеж кем-то из архивистов “старой школы”, работавших в Государственном архивном фонде. На основе этих копий в 1937 г. в Лондоне Эдвардом Бингом было осуществлено издание “Писем царя Николая и императрицы Марии”»². Принципиальной неточностью здесь является заключение о «нелегальности» передачи текста переписки: указанное издание Э. Бинга было осуществлено совершенно законно и стало итогом длительного сотрудничества советских архивов, внешнеторговых учреждений и англо-американских коммерсантов.

Документы из фондов ГАРФ, которые дополняют экономические отчеты РГАЭ, и частная переписка ученых того времени раскрывают имена настоящих «героев» этого «невидимого археографического фронта» и организацию, под именем которой велась торговля документальными богатствами страны.

Инициатором советского «археографического торгсина» являлось акционерное общество «Литературное агентство», созданное 8 апреля 1934 г. согласно соответствующему постановлению Совнаркома³, в котором ключевую роль играл переводчик и редактор Дмитрий Александрович

Уманский (1901–1977), старший брат упомянутого журналиста и дипломата К. А. Уманского. Важно подчеркнуть, что «Литературное агентство» (далее — ЛА, в англоязычных документах — PresLit) не занималось продажей подлинников архивных документов. В ведении агентства была продажа прав на публикацию отечественных литературных произведений, а также архивных документов и археографических трудов. Поскольку Советский Союз не участвовал в конвенции об авторском праве, такое заключение прямых договоров с зарубежными издателями через ЛА обеспечивало легальное коммерческое продвижение книг и публикаций за рубежом и приносило прибыль в валюте. Важнейшим условием этой работы было размещение за рубежом наиболее интересных в коммерческом отношении материалов до их публикации (а иногда вместо публикации) в СССР. Только так можно было заставить иностранных партнеров заплатить максимальную сумму за право издания документов.

Создатель агентства Д. А. Уманский представлял собой сложный тип советского коммерсанта. Его знание зарубежных издательских процессов и обширные связи за границей были обусловлены долгим проживанием в Европе. Он в совершенстве владел немецким языком, неплохо знал французский и немного — английский⁴. С 1920 по 1926 гг. Д. А. Уманский даже имел австрийское подданство — «в связи с выполнявшейся мною работой по советской пропаганде», как писал он позднее в анкетах⁵. Вернувшись в Советскую Россию в 1927 г., он обосновался в Объединенном государственном издательстве (ОГИЗ), откуда, миновав «Жургаз» («Журнально-газетное издательство») М. Е. Кольцова, перешел в 1934 г. в «Литературное агентство», которое значительно усовершенствовал в части коммерческой деятельности.

Соучредителями акционерного общества «Литературное агентство» были оформлены: журнально-газетное объединение Наркомата просвещения РСФСР, внешнеторговое объединение «Международная книга», издательства «Academia» и «Советская литература»⁶, однако реальная деятельность общества координировалась двумя его руководителями. Уманский формально занимал должность заместителя руководителя, а главой агентства до 1938 г. был Абраам Павлович Мариинский (1895 — после 1969), работавший в 1929–1933 гг. в ТАСС.

Наиболее активное взаимодействие ЛА и советских архивов приходится на 1934–1937 г. и начинается с череды конфликтов, обусловленных расплывчатыми формулировками уставных документов агентства, которые можно было трактовать максимально широко в части полномочий его сотрудников. Руководители агентства считали, что имеют *carte blanche* на работу с документами советских архивов и их использование в коммерческих интересах страны.

В начале 1934 г. Уманский решил издать в Америке имеющиеся в распоряжении агентства

письма британского дипломата Джорджа Бьюкенена. Центральное архивное управление СССР (Центрархив, ЦАУ) сразу же выдвинуло «решительные возражения» против передачи кому бы то ни было копий этих писем⁷. Агентство пыталось проигнорировать мнение архивистов, апеллируя к постановлению Совнаркома о создании ЛА.

В свою очередь публикации ряда документов в журнале «Красный архив», предпринятые Центрархивом без согласования с ЛА, вызвали возмущение со стороны коммерсантов. Позиция агентства изложена в ранее засекреченном письме в ЦАУ по поводу публикации в «Красном архиве» дневника Николая II (перепечатанного затем французской газетой «Marianne»). «Сейчас дневник стал, после появления в “Красном архиве”, широким достоянием заграничной и не представляет уже никакой валютной ценности, — констатировал А. П. Мариинский в этом письме. — Таким образом, мы потеряли, учитывая возможность размещения дневника в ряде стран, изрядную сумму в золотых рублях. Помимо этого, и возможный политический эффект от опубликования дневника потерян, так как потеряна возможность опубликовать его с соответствующими комментариями... Мы стремимся заставить платить иностранные издательства за всякие советские произведения и материалы и установить фактическое авторское право за границей на советские произведения и материалы... Но случаи, вроде с дневником Николая II, срывают эту трудную и кропотливую работу, и наносят, таким образом, большой материальный и моральный ущерб, далеко выходящий за пределы потерь от незапродажи дневника Николая II», — говорится в документе⁸.

Руководитель Центрархива СССР Ян Антонович Берзин (Берзиньш) понимал, что игнорировать подобные обвинения и урегулировать возникавшие конфликты можно, только заручившись поддержкой на самом высоком уровне. Уже через две недели после создания «Литературного агентства», испытав напор его руководителей, Берзин обратился с письмом одновременно в три инстанции — в Совнарком, Политархив НКВД и ОГПУ, изложив свои соображения и предложения. Он подчеркивал: «По действующему законодательству архивные материалы... вообще не могут быть предметом сделок... выдача иностранцам даже копий с архивных документов, выписей из них и архивных справок допускается только с согласия Народного комиссара иностранных дел»⁹. Из этого следовало, что, так как постановлением СНК о создании ЛА эти законы не отменены, то «само постановление может быть понимаемо только в том смысле, что права акц[ионерного] о[бщества]ва “Литературное агентство” не распространяются на материалы, отнесенные к ведению ЦАУ СССР и ЦАУ союзных республик... Кроме того, — продолжал развивать инициативу Берзин, — в интересах охраны документов политического характера и наиболее ценных исторических, в том числе

и литературных материалов, представлялось бы необходимым установить правило, чтобы вывоз за границу каких бы то ни было архивных материалов (в том числе и тех, которые не отнесены к ведению архивных органов), допускался исключительно с разрешения ЦАУ Союза ССР. В противном случае не будет исключена возможность просачивания за границу таких документов, которые могут быть там использованы во вред Союзу ССР. Для выработки инструкции об условиях, при наличии которых Центральным архивным управлением должны быть даваемы разрешения на вывоз архивных материалов за границу, о характере документов, допускаемых к вывозу, и порядке выдачи разрешений было бы целесообразно образовать комиссию из представителей ЦАУ, НКВД и ОГПУ»¹⁰. Прежде чем отправить это письмо в СНК, Берзин запросил поддержку ОГПУ, направив 16 апреля 1934 г. короткое секретное письмо, в котором замечал, что постановление СНК о создании «Литературного агентства» «повлечет за собой при распространении толкования ряд серьезнейших недоразумений»¹¹.

Совнарком в июне 1934 г. коротко ответил сразу всем заинтересованным учреждениям (ЛА, ЦАУ, НКВД и ОГПУ), что «Литературное агентство» «должно осуществлять сбыт за границу архивно-исторических документов и копий таких документов с обязательным соблюдением действующих законов, регулирующих архивное дело. В этом отношении никакого изъятия из общего порядка для названного акционерного о[бщест]ва в утвержденном СНК СССР уставе не установлено»¹².

Таким образом, коммерческие интересы руководства ЛА были подчинены интересам Центрархива СССР. В дальнейшем сотрудничестве двух учреждений претензий со стороны агентства не возникало, а механизм утверждения архивных документов, продвигаемых за рубежом, включал обязательную визу Политархива НКВД.

Ежедневное взаимодействие «Литературного агентства» с центральными архивами, готовившими документы для заграничных публикаций, проходило через секретариат ЦАУ при личном участии Софьи Алексеевны Пашуканис, заместителя управляющего ЦАУ (до ее ареста в 1937). Из секретариата запросы ЛА направлялись главным образом в три архива: Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Центральный военно-исторический архив и Архив внешней политики.

Ключевая работа по поиску документов проводилась в ГАФКЭ под руководством его директора Анны Мартыновны Бирзе. В 1934–1935 гг. было организовано выявление материалов, представляющих интерес для зарубежных издателей. Поиск проводился в дворцовых фондах, и его итогом стал список из 200 наименований рукописей, в первую очередь принадлежавших представителям Дома Романовых и их ближайшему окружению¹³. Все они имели отношение к собы-

тиям при дворе и частной жизни царствующих особ.

Отдельное направление работы составляли «наполеоновские планы» агентства. Поиск документов Наполеона Бонапарта, особенно его частной переписки, виделся Уманскому и Мариинскому крайне перспективным в финансовом плане. «Документация о Наполеоне представляет большой интерес для заграницы, — писал Мариинский в Центрархив в 1935 г. — В качестве иллюстрации укажу на следующие факты: известное американское телеграфное агентство и газетный концерн «Юнайтед-Пресс» купило у французской национальной библиотеки право на опубликование ста с лишним писем Наполеона на сумму в полтора миллиона франков. Далее — в прошлом году в одной из наших газет появилось сообщение о том, что якобы в Кремле найдены архивы наполеоновского похода в Россию...»¹⁴ По запросам «Литературного агентства» в советских хранилищах искали неизданную переписку Наполеона и Жозефины и подобные материалы той эпохи. Однако ничего пикантного найдено не было.

Среди коммерческих проектов по документам советских архивов самой громкой и доходной сделкой 1930-х гг. стала подготовка и последующая продажа прав на издание переписки императора Николая II с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Это была многоступенчатая, затяжная сделка, в которой конкурирующие стороны пытались договориться в течение нескольких лет, пока подготовка документов архивистами шла своим чередом. Зарубежные партнеры хотели эксклюзивных прав на публикацию переписки на английском языке по всему миру. За право издать эту переписку боролись британский эмиссар Уманского Джон Родкер (John Rodker) и американская издательница Эрика Биль (Erica Beale). Свои интересы имели в этом деле такие известные личности русского зарубежья, как Мура (Мария Игнатьевна) Будберг, жившая тогда в Лондоне, и журналист Юджин (Евгений) Лайонс, недавно вернувшийся из СССР в Америку¹⁵. В конечном счете американский писатель-публицист Эдвард Бинг (Edward John Bynge (Bing)) выкупил все права на размещение переписки Николая II за границей, добившись от «Литературного агентства» эксклюзивного договора на продвижение книги. В Лондоне переписка вышла в издательстве «Николсон и Ватсон» (Ivor Nicholson & Watson Pub.) под строгим заглавием «The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie» («Письма царя Николая и императрицы Марии») ¹⁶. А в Нью-Йорке Бинг предпочел для издания более громкое — «The Secret Letters of the Last Tsar» («Секретные письма последнего царя») ¹⁷.

Сохранилась деловая переписка с издательницей Эрикой Биль, в которой подробно обсуждаются все особенности подачи царских писем, предисловие и примечания. «Наше собственное предположение, — поясняла Э. Биль, — сводится к тому, чтобы дать портрет царя таким, каким

он был, — человеком, поработанным своей женой, слабохарактерным и исключительно упрямым, который был худшим врагом самому себе»¹⁸.

Нью-йоркский «синдикат» Egica Veal Ltd. при посредничестве ЛА выстраивал план долгосрочных отношений с Централархивом. Наряду с перепиской Николая II американцев интересовали дневники последнего императора, его супруги и его матери¹⁹. Эрика Биль знала предыдущие публикации царского дневника в Германии и Франции, однако хотела взаимодействовать с советскими уполномоченными и иметь официальную полную версию текста из московских архивов. Такие условия были для нее важнейшими: в Америке это делало публикацию гораздо более авторитетной и снимало острый вопрос о правах на издание. Однако дальше стадии переговоров проекты американских издателей не продвинулись по целому ряду причин.

Закономерные трудности взаимодействия с архивами способствовали развитию второго направления археографических изысканий Д. А. Уманского. Он активно принуждал к сотрудничеству редакторов журналов, размещавших исторические материалы: В. Д. Бонч-Бруевича («Звенья») и И. С. Зильберштейна («Литературное наследство»). Причем если первый из них вынужден был поддерживать «притязания» Уманского на материалы «Звеньев», то второй старался максимально отстаивать свое право на публикацию собранных им материалов. Так, 29-й «франко-русский» выпуск «Литературного наследства», который готовился в 1935 г. (и вышел из печати в 1937-м), Зильберштейн максимально сохранил, несмотря на то что в него входили тексты, имеющие несомненный интерес для Франции. Содержание этого тома он, насколько возможно, скрывал от Д. А. Уманского, и это обернулось серией ценнейших для отечественной науки публикаций.

Судьба переписки Екатерины II с Г. А. Потемкиным, подготовленной известным историком Я. Л. Барсковым, сложилась, к сожалению, иначе. Археографический труд, включавший более 400 писем, предназначенный для одного из ведущих московских изданий, снабженный примечаниями и вступительной статьей, был «перехвачен» Уманским и уже в 1932 г. предложен во Франции (а затем и в Америке). Если сначала речь шла о переводе всей работы Барскова и размещении ее за границей, то вскоре предисловие и большинство примечаний его были отброшены, и текст вышел под редакцией Жоржа Удара²⁰. Барсков, находившийся в Ленинграде, не имел возможности следить за судьбой своей работы и получил лишь минимальный гонорар за подготовку текстов писем.

В эту работу оказался вовлечен другой известный историк, Н. В. Голицын, помогавший Барскову с переводом. В Москве Голицын был вынужден вести бесконечные (и, как правило, безрезультатные) переговоры с Уманским о судьбе

археографического труда и перспективах выплаты гонораров. «Для меня возникает вопрос о Ваших правах как автора, — возмущенно писал Барскову Голицын. — Вашей работой пользуются для ряда комбинаций, а что Вы за это имеете, кроме неприятностей?»²¹

Во французской публикации Ж. Удара Голицын «опознал» некоторые примечания Барскова и обнаружил одну краткую ссылку на ленинградского историка. В начале 1934 г. он с печалью отчитался Барскову: «На мой вопрос [Д. А. Уманскому]: а где и как будет печататься русский текст? он мне ответил, что “мы в этом не заинтересованы”»²². Я. Л. Барсков умер в 1938 г., и о его работе фактически забыли на несколько десятилетий, пока к ней не обратился в 1989 г. Н. Я. Эйдельман, вернувший ее отечественному читателю²³.

Сам Н. В. Голицын вскоре оказался в таком же положении, как и Барсков. Подготовленную им для «Звеньев» публикацию записок фрейлины Александры Андреевны Толстой (тетки писателя Л. Н. Толстого), посвященную последним годам жизни Александра II, Бонч-Бруевич отдал Уманскому, а тот пытался пристроить рукопись в Париже в 1934 г., однако безуспешно. Голицыну оставалось лишь дожидаться результатов переговоров с заграничными издателями — никакого реального веса его мнение в вопросе о размещении публикации не имело. «Документы, имеющие интерес для заграницы, здесь вообще издавать нельзя, прежде чем они не появятся там», — веско замечал Голицыну Бонч-Бруевич²⁴. А появление «там» напрямую зависело от конъюнктуры зарубежного рынка, финансовых условий и личной заинтересованности посредников «Литературного агентства» и могло затянуться на необозримый срок или не состояться вовсе. Как и в случае с публикацией Я. Л. Барскова, «Записки» А. А. Толстой пропали из поля зрения отечественных историков надолго. Только через 60 лет они появились на русском языке²⁵ в публикации сомнительного археографического уровня, без упоминания имени Н. В. Голицына.

В 1938 г. к руководству агентства накопилось много претензий. Возможно, свою роль сыграло требование разобраться с обстоятельствами продажи писем Екатерины II — деятельность ЛА стала объектом пристального внимания контролирующих органов. При этом архивы перешли в ведение НКВД, и работа по использованию документов была сильно сокращена.

19 марта 1938 г. акционерное общество было преобразовано в контору «Литературное агентство» внутри внешнеторгового объединения «Международная книга»²⁶. Агентство из коммерческой структуры становилось полностью пропагандистским. В 1939 г. Наркомат финансов выделил средства на разработку 48 печатных листов архивных материалов, но эти расходы руководство «Международной книги» признало «коммерчески нерентабельными» и запретило выдавать деньги на подготовку документов²⁷. Д. А. Уманский номинально

работал в агентстве до начала Великой Отечественной войны, когда был «уволен в связи с призывом в Военно-морской флот». Конеч войны он встретил инструктором Главного политического управления Военно-морского флота в звании майора²⁸.

С началом войны, в августе 1941 г., ЛА переместилось в структуру Всероссийского общества культурной связи с заграницей (ВОКС)²⁹, став еще одним отделом по печати и пропаганде. Примечательно, что в конце войны директором ЛА (тогда — «Литературно-музыкального агентства ВОКСа») был молодой, недавно демобилизовавшийся лингвист В. Ю. (М. И.) Розенцвейг, впоследствии известный переводчик.

Задача публикации архивных материалов не была вычеркнута из уставных документов, но в новом формате ЛА она стала никому не нужна. Публикациями архивных документов агентство более не занималось.

Опыт коммерческих документальных проектов 1930-х гг. обращает внимание на несколько дискуссионных проблем в контексте отечественной историографии 1930-х гг.: проблему приоритетов в развитии науки, проблему формирования правил использования архивных документов, проблему авторского права в археографии. Далеко не все из них решены в настоящее время.

Примечания

¹ Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). М., 1997. С. 487–488.

² Чиркова Е. А. Предисловие // Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / подгот. к изд. Е. А. Чирковой. М., 2017. С. 9.

³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2273. Л. 1–6.

⁴ Там же. Ф. 8581. Оп. 3. Д. 220. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2273. Л. 2–3.

⁷ Там же. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1021. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 1014. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11 — 11 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Там же. Д. 1022. Л. 5–22.

¹⁴ Там же. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3381.

¹⁵ Paterson I. The Translation of Soviet Literature: John Rodker and PresLit // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford, 2013. Pp. 197–198.

¹⁶ The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E. J. Bing. Ivor Nicholson and Watson Ltd. London, 1937. Десять переизданий с 1938 по 1995 гг.

¹⁷ The Secret Letters of the Last Tsar. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E. J. Bing. Longmans, Green and Co., New York, Toronto, 1938. Шесть переизданий с 1938 по 1974 гг.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1023. Л. 8–9.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Lettre d'amour de Catherine II a Potemkine / publ. par Georges Oudard. Paris : Caiman-Levy, 1934. И аналогичная публикация в журнале «Revue de Paris» за 1934 г.

²¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 16. Д. 35. Л. 18 об.

²² Там же. Л. 16.

²³ Эдельман Н. Я. Письма Екатерины II Г. А. Потемкину // Вопр. истории. 1989. № 7. С. 112 и далее.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 16. Д. 35. Л. 37.

²⁵ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / пер. с фр. Л. В. Гладковой. М. : Энцикл. рос. деревень, 1996.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–5.

²⁷ Там же. Д. 112. Л. 8.

²⁸ Там же. Ф. 8581. Оп. 3. Д. 220. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 8287.

О. С. Иванова

Эволюция архивного принципа провениенции в западноевропейской и североамериканской историографии во второй половине XX — начале XXI века

Формулировка классического принципа провениенции связана с именами нидерландских архивистов Самюэля Мюллера, Джона Фейта и Роберта Фруина и их работой «Руководство по приведению в порядок и описанию архивов», изданной Нидерландской ассоциацией архивистов в 1898 г. Принцип был официально признан в качестве основополагающего на Международном конгрессе архивистов и библиотекарей в 1910 г. Целенаправленная популяризация «Руководства» в первой половине XX в. в конце концов сделала из него, по выражению Теодора Шелленберга, «библию современных архивистов». С другой стороны, данный принцип никогда не оставался неизменным. Он переосмысливался при переводах «Руководства» на другие языки, адаптации к региональным особенностям архивного дела и национальным школам архивоведения. Об эволюции

принципа говорят и сами нидерландские архивисты¹. В этом заключается профессиональный парадокс: одни исследователи говорят об излишней догматизации принципа, другие — о перманентной эволюции на протяжении XX в. и серьезной трансформации на рубеже веков². Последний подход представляется наиболее обоснованным, и его анализу посвящена данная статья.

В 1908 г. Самюэль Мюллер определил принцип провениенции как «архивное правило, согласно которому каждый документ включается в архивный фонд и в ту часть фонда, к которой он принадлежал во время деятельности организации»³. Он основывался на французском «уважении к фонду» и немецком регистратурпринципе, устанавливал органический порядок внутри фонда, но не настаивал на жестком подчинении порядка потребностям канцелярии.

Британский архивист Хиллари Дженкинсон уже в 1922 г. признавал неизменность принципа уважения к фонду и доминирования «фонда» в континентальной системе хранения. Однако предлагал свою трактовку и новое понятие «*архивная группа*» (archivesgroup). Это результат работы администрации, органическое, завершенное, «мертвое» целое. В отличие от «фонда», «архивная группа» не являлась автономной, но была связанной с комплексами документов других административных единиц. Оно рассматривалось как более сложная структура, делящаяся на более мелкие элементы. При этом не должна была нарушаться взаимосвязь документа с организацией-создателем и смежными организациями, подчеркивалась его органичность⁴.

Еще один этап в осмыслении принципа начался в 1950–1960-е гг. Немецкий архивист Адольф Бреннеке в 1953 г. предложил концепцию фонда как «*архивного тела*» (archivkörper). По его мнению, отдельные документы и дела представляют собой клетки живого тела, пульсирующие с одинаковой жизненной силой. В таком «архивном теле» все элементы имеют одинаковое происхождение. В нем проявляется не только фактическая связь или родственность документов, но и общность фактов и отношения к ним, реализуются воля, право, память организации или лица. К такому организму Бреннеке применил идею живого роста, вмешательство в который может привести к серьезной болезни или смерти. Структура фонда в его интерпретации направлена на отображение внутреннего характера, функций и целей учреждения. Основным внешним фактором, воздействующим на данный организм, Бреннеке считал потребности научных исследований⁵. В то же время французский архивист Роберт-Анри Ботье, справедливо отмечал, что принцип органичности наиболее характерен для тех стран, где схема систематизации закладывается на стадии оперативного управления.

В 1964 г. другой именитый немецкий архивист, Йоханнес Паприц⁶, сделал фундаментальный обзор богатой литературы по теории происхождения и различных ее интерпретаций, а также практических сложностей в ее применении. Он пришел к выводу, что стремления назвать, переименовать, изобрести, переосмыслить, определить и переопределить принцип можно классифицировать как серию субпринципов, каждый из которых имеет свое значение, применение и определение. Они, как правило, ссылаются только на часть или отдельный аспект концепции происхождения, определенные виды фондов или правила их построения. Его восточные коллеги Х. О. Мейснер и В. Лееш (1960) перечислили не менее четырнадцати таких принципов⁷, а в «Лексиконе архивной терминологии Эльсвира» (1964)⁸ их отмечено шесть. Таким образом, 1960-е гг. в западноевропейской историографии выступают и как период обобщения подходов к интерпретации принципа провениенции⁹.

Качественно новый этап переосмысления связан с развитием североамериканской архивной историографии. Теодор Шеленберг основополагающим звеном своей теории сделал понятие «*документной группы*» (recordgroup) как живого, иерархического документного комплекса, который создается административной единицей или единицами. Принцип провениенции используется здесь в первую очередь для комплектования и описания документов государственных органов, но, по мнению автора, может распространяться и на частные архивы. Шеленберг предложил пять шагов для внедрения принципа провениенции, как связи между живыми (неархивными) документами, в работу государственных органов и впоследствии его последовательного распространения на документы частных организаций и рукописи. Принцип провениенции рассматривался им также как ключ к эффективному описанию документов¹⁰.

В то же время австралийский архивист Питер Скотт в своей статье в 1966 г. предложил отойти от «recordgroup» как понятия, которое предусматривает обязательный административный контроль при хранении документов. И предложил использование *recordseries группы записей* как основной классификационной единицы для возможности их независимого физического размещения, не связанного с административным контекстом¹¹. Питер Скотт предлагал отойти от классических подходов англоязычного мира, определенных Дженкинсоном и Шеленбергом в сторону их сближения с классическим французским пониманием фонда. Таким образом, круг интерпретаций принципа замкнулся.

Нидерландский архивист Питер Хорсман считает что серьезная ревизия началась в 1970-е гг. с выхода в свет статьи французского архивиста Михаэля Дюшена, в которой давалась очередная интерпретация принципа. В 1983 г. эта статья была перепечатана в канадском журнале «Archivaria», что стало своеобразным реоткрытием принципа для канадских условий архивного хранения, а также триггером для его переосмысления в более широком контексте. По мнению Дюшена, понятие и принцип архивного фонда должны были применяться соответственно ситуации разнородности административных структур. Чтобы оценить документ, важно точно знать, где он был создан, в рамках какого процесса, с какой целью, для кого, когда, как был получен адресатом и как попал в наши руки. Такие знания возможны лишь в той степени, в которой документы, которые сопровождают их, сохранились в целостности и не были перемешаны с документами различного происхождения.

В вопросе фондового принципа Дюшен предложил выделить два основных подхода, две различные интеллектуальные позиции — максималистскую и минималистскую. Первая состоит в определении фонда как единства функций, сосредоточенных на верхней ступени государственного управления. В этом случае фонд рассматривается

как архив всех государственных учреждений и министерств (Государственный архивный фонд в странах Восточной Европы). Минималистская позиция состояла, по его мнению, в рассмотрении фонда на уровне наименьшей функциональной единицы. Был выделен и уровень «коллективной архивной группы» (*collective record group*), а также открытых и закрытых фондов¹². Таким образом, разрабатывалась определенная иерархия архивных фондов, которая базировалась фактически на одном и том же принципе взаимосвязанности: между документами и учреждением, между рядом учреждений и пр. По сути, это было продолжение серии интерпретаций и обобщений принципа, начатой в 1950-е гг. и базирующейся на исходных позитивистских основаниях XIX в.

Говорить о качественно новом подходе можно лишь, рассматривая архивоведческие публикации, созданные уже в рамках новой постмодернистской теории. В конце 1980-х — 1990-е гг. канадский архивист британского происхождения Хью Тейлор объявил о смене парадигмы в архивной сфере, предложив этой дисциплине переосмыслить свои теоретические основы и традиционные практики, чтобы выжить в этом новом контексте производства знаний. Необходимо было пересмотреть и важнейшую веху архивоведения — происхождение. Тейлор говорил о приоритете функций документов и их создателей, а также контекста, в котором происходит взаимодействие документов с ними¹³.

Его мысль продолжил канадский архивовед Терри Кук, который в своей статье в 1992 г. обвещил начало *эпохи постхранения* (*post-custodialera*)¹⁴. Он призвал архивистов освободиться от ограничений «эпохи хранения» с упором на физическую систематизацию и обеспечение сохранности и принять новую реальность с ее концепцией логических связей и виртуальной реальности. Новый дискурс постхранения требовал нового научного языка и новой теории. Структура более не означала лишь организационную структуру. Контекст больше не означал только создателей документов, но также контекст их функций и действий¹⁵. Произошла контекстуализация не только комплексов документов, но и каждого документа как такового. Терри Кук рассматривал фонд как комплекс взаимоотношений между документами, документами и их создателями, документами и бизнес-процессами, документами и контекстом, в котором они были созданы. Фонд рассматривался как любой комплекс взаимоотношений, где документ является элементом идентификации (или неидентификации) взаимоотношений. Каждый документ в свете этого подхода может рассматриваться как часть одного или более взаимоотношений, а значит, одного или нескольких фондов. При этом Кук обращал внимание на непреодолимое противоречие между принципом провенанции и сохранением оригинального порядка, поскольку первое — это теоретический продукт, а второе — воплощение логического и физического порядка¹⁶.

Идея рассмотрения провенанции как множественности взаимоотношений документа с окружающим миром была продолжена в рамках канадской школы архивоведения профессором Университета Британской Колумбии в Ванкувере Лючианой Дюранти. Она представила концепцию архивных взаимосвязей и электронного фонда как совокупности множества взаимоотношений. Основной функцией принципа провенанции в ее подходе выступала возможность демонстрации и подтверждения надежности и подлинности документов. Самой серьезной задачей архивистов современного этапа она считала архивную связь между электронными и неэлектронными документами одной организации¹⁷.

В середине 1990-х гг. в канадской школе архивоведения возникла и концепция *социальной провенанции*. Том Несмит в своих «Мыслях о призраках архивной теории»¹⁸ отметил увеличение интереса архивистов к истории документов и архивов, а также то, что эти исторические знания могут повлиять на архивную теорию и практику. В частности, что документы и архивы имеют то, что можно назвать «социальным происхождением» (*social provenance*), поскольку создаются в процессе социальной коммуникации. Само архивирование состоит в основном из коммуникационных процессов, совместного создания документов, архивов и информации, которую они передают через коммуникативное взаимодействие с окружающим миром, помогая создавать реальность, а не просто документируя ее.

Этот подход был развит также Тревором Ливелтоном, который выделил четыре аспекта социальной провенанции: собственно «архивное происхождение» (организации и лица, которые создали или получили документ при ведении дел), «дипломатическое происхождение» (лица, которые являются авторами документов), «происхождение сохранности» (те, кто занимался хранением документов) и «трансмиссионное происхождение» (владельцы документов, от которых архив получил материалы). По его мнению, происхождение документа связано в значительной степени с тем, как он контекстуализирован. Если истоки документа взаимосвязаны с другими документами — его происхождение меняется. Если архивисты спорят и определяют происхождение документа — они формируют его. Они строят его из знаний, доступных им. Часто это означает, что архивы становятся важным компонентом осмысления, формирования и своеобразной «легализации» происхождения документов. Было предложено авторское понимание принципа: «Происхождение данного документа или комплекса документов состоит из социальных и технических процессов документирования, передачи, контекстуализации и интерпретации, которые составляют его существование, характеристики, продолжающуюся историю». Это определение подчеркивает интерпретирующий элемент в контекстуальности происхождения¹⁹.

Появление электронных систем хранения заставило теоретиков архивоведения задуматься о мультиинституциональном взаимодействии, мультифункциональных базах данных и информационных системах. Возникли более сложные концепции функциональной провениенции и мультипровениенции, которые развивались вместе с электронными системами и бизнес-процессами. Функциональная провениенция²⁰ акцентировалась на бизнес-функции, через которую создается документ. Хранение документов различных должностных лиц и различных уровней иерархии рассматривалось как отдельный процесс, независимый от бюрократической системы и технологий. *Мультипровениенция* обращала внимание на то, что документ может быть создан в результате взаимодействия большого количества субъектов. Эти подходы сделали возможным объединение цифровых, нецифровых, доцифровых материалов в соответствии с их интеллектуальным содержанием, а не физическими характеристиками²¹.

Кроме того, исследователи подчеркивали культурное значение принципа провениенции, артефактное содержание архивных структур и способов их построения. Документы и фонды, по их мнению, — это продукт функций и инструментов в определенный исторический период, на определенной территории с характерными ей культурными особенностями, которые находят отпечаток в документальном комплексе. Фонд также может рассматриваться в категориях «коллективной памяти», который сохраняет контекст²².

Провениенция как понятие начало обсуждаться в музейной сфере с 1970-х гг. Исследователи и музейные работники сосредоточились на важности изучения происхождения в музейном контексте. Под происхождением здесь понималась история и обстоятельства создания или владения объектом (место и время создания или обнаружения объекта, основные владельцы объекта, все места хранения и др.)²³. Эту точку зрения на происхождение предмета как на историю владения им разделяют также исследователи редких книг.

В последнее время концепция происхождения стала широко распространяться и использоваться во многих других дисциплинах (таких как право, библиотековедение, информатика и визуальная аналитика) и направлениях (облачных технологии, сохранение цифровых документов, открытые данные, наука о данных)²⁴, а также как принцип международной организации знаний²⁵. Несмотря на то что эти дисциплины имеют различные точки зрения на концепцию происхождения, среди них была определена общая черта — роль происхождения в определении достоверности документа. Особенно в связи с все большим использованием информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, с точки зрения современной постмодернистской теории, принцип происхож-

дения предполагает наличие нескольких акторов в процессе создания документа. Документ же создается в различных видах деятельности, в различные моменты, с различным содержанием. В этом контексте повторное открытие принципа происхождения признано и широко принято постмодернистским подходом в Канаде к концу 1980-х гг.

Понятие происхождения возникло в архивоведении в XIX в. и имело прагматическую цель — организовать комплекс документов, организационные отношения которых со своими создателями были разрушены в результате тематических классификаций. Тогда он применялся как принцип физической организации. Взгляд на происхождение как на статическую концепцию и теорию физической организации доминировал до второй половины XX в., когда информационно-коммуникационные технологии изменили способ создания и использования документов и возникла необходимость пересмотреть основной принцип организации архивных знаний, базируясь на новой философской концепции. Архивисты всего мира откликнулись на призыв переосмыслить происхождение как интеллектуальную конструкцию в рамках сначала информационного, а затем постмодернистского подходов.

Повторное открытие происхождения было достижением в первую очередь канадских архивистов. Новое понимание происхождения включает в себя создание документов в динамических и виртуальных системах, цифровом окружении, без жестких структур и с учетом множества происхождений. Эволюция происхождения создает сложные перспективы для архивной сферы в том смысле, что они должны столкнуться со всеми контекстами документов. Разные дисциплины с различными подходами строят свои собственные концепции с одной целью — определить происхождение документа в цифровом окружении.

Примечания

¹ Ketelaar E. Archival theory and the Dutch Manual // *Archivaria*. 1996. No. 41. P. 31–40.

² См., например: *Белявский А., Сызько К.* Принцип провениенции — репрезентация или симуляция архивной теории? (неопубл.) ; *Иванова В.* Падручник нідерландських архівістаў (1898 г.) і асновы сучаснага архівазнаўства // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. Вып. 18. Мінск, 2017. С. 180–196.

³ *Horsman P., Ketelaar E., Thomassen T.* New Respect of the Old Order: the context of the Dutch Manual // *American Archivist*. Vol. 66. 2003. P. 259.

⁴ *Jenkinson H.* A Manual of the Archive Administration, including the Problems of War Archives and Archive Making. London, 1922. P. 83–85.

⁵ *Brenneke A.* Gestalten des Archivs Nachgelassene Schriften zur Archivwissenschaft Herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Dietmar Schenk. Hamburg : University Press, 2018. 269 p.

⁶ *Papritz J.* Archivwissenschaft. Marburg, 1976. 357 s.

⁷ *Meissner H. O., Leesch W.* Grundzüge einer deutschen Archivterminologie: Referentenentwurf des Ausschusses für deutsche Archivsprache. Berlin, 1955. S. 1–14.

⁸ Elsevier's Lexicon of Archive Terminology. Amsterdam, 1964. 83 p.

⁹ *Horsman P.* The Last Dance of the Phoenix, or The De-discovery of the Archival Fonds // *Archivaria*. 2002. No. 54. P. 1–23.

¹⁰ *Schellenberg T. R.* The Principle of Provenance and Modern Records in the United States // *The American Archivist*. 1965. Vol. 28, no. 1. P. 39–41 ; *Idem.* Modern Archives: Principles and Techniques. Chicago, 1956. P. 181–183.

¹¹ *Scott P.* The Record Group Concept: A Case for Abandonment // *American Archivist*. 1966. Vol. 29, no. 4. P. 493–504.

¹² *Duchemin M.* Le “respect des fonds” en archivistique: principes théoriques et problèmes pratiques // *La Gazette des archives*. 1977. № 97. P. 71–96 ; *Idem.* Theoretical Principles and Practical Problems of Respect des fonds in Archival Science // *Archivaria*. 1983. No. 16. P. 64–82.

¹³ *Taylor H.* Transformation in the Archives: Technological Adjustment or Paradigm Shift? // *Archivaria*. 1987–1988. No. 25. P. 12–28 ; *Idem.* Heritage Revisited: Documents as Artifacts in the Context of Museums and Material Culture // *Archivaria*. 1995. No. 40. P. 8–20.

¹⁴ *Cook T.* The Concept of the Archival Fonds in the Post-Custodial Era: Theory, Problems and Solutions // *Archivaria*. 1992. No. 35. P. 24–37.

¹⁵ *Upward F.* Structuring the records continuum — part one: postcustodial principles and properties // *Archives & Manuscripts*. 1996. No. 24 (2). P. 268–285, etc.

¹⁶ *Cook T.* *Op. cit.*

¹⁷ *Duranti L.* The Archival Bond // *Archives and Museum Informatics*. 1997. Vol. 11. P. 213–218.

¹⁸ *Nesmith T.* The concept of societal provenance and records of nineteenth-century Aboriginal-European relations in Western Canada: Implications for archival theory and practice // *Archival Science*. 2006. No. 6 (3). P. 351–360 ; *Idem.* Still Fuzzy, but More Accurate: Some Thoughts

on the “Ghosts” of Archival Theory // *Archivaria*. 1999. No. 47. P. 136–150.

¹⁹ *Livelton T.* Archival Theory, Records, and the Public. Lanham, 1996. 177 p. ; *Piggott M.* Archives and Societal Provenance: Australian Essays. Oxford : Chandos Publishing, 2012. 358 p.

²⁰ Этот подход следует отличать от принципов функциональной, территориальной принадлежности (происхождения), существующих в архивоведении и международном праве. Принцип территориальности был сформулирован в 1815 г. французским архивистом Бертольдом Нибуром, который отмечал, что документы, созданные в данной области, используются для осуществления власти на этой территории. Эти принципы активно обсуждались в межвоенный период (Хиллари Дженкинсон), польскими архивистами во второй половине XX в. и по сей день (Андрей Стебельский, Андрей Томчак, Ежи Падральский, Вальдемар Хоранжичевский и др.). Зафиксированы в словарях архивной терминологии (*Lexicon of Archive Terminology*. Elsevier Publishing Company of Amsterdam, 1964. 83 p. ; *Walne P.* Dictionary of Archival Terminology: English and French with Equivalents in Dutch, German, Italian, Russian and Spanish. 2nd ed. München ; New York : K. G. Saur, 1988. 212 p.).

²¹ *Gilliland-Swetland A. J.* Enduring Paradigm. New Opportunities // *The Value of the Archival Perspective in the Digital Environment*. Washington, 2000. P. 12–14.

²² *Taylor H.* *Op. cit.*

²³ *White L.* Provenance of Museum Objects // *Encyclopedia of Library and Information Sciences*. 3rd ed. Boca Raton, 2015. 9 p.

²⁴ Provenance: Past, Present and Future in Interdisciplinary and Multidisciplinary Perspective // *Building Trust in Information*. 2016. P. 3–45.

²⁵ *Tognoli N., Guimarães J.* Provenance as a knowledge organization principle // *Knowledge Organization*. 2019. Vol. 46, no. 7. P. 558–568.

А. С. Прохоров

Становление и основные проблемы развития архивной системы Ярославской губернии в первые годы советской власти (1917–1925)

Одной из главных проблем, с которыми столкнулись молодые ярославские архивисты, было сохранение культурного наследия дореволюционной России. Основные направления, по которым разворачивалось ее решение, можно разделить на три основных категории:

- 1) охрана и спасение архивов в уездах;
- 2) та же деятельность в Ярославле;
- 3) создание новой, советской системы архивного дела.

В данной статье мы подробно рассмотрим последние два из них. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, эти два направления, как и история ярославского архивного дела в советское время, оставались не затронутыми в исследовательской литературе. Во-вторых, именно по ним сохранился гораздо больший объем документов.

Параллельно решался вопрос о сохранности архивного наследия Ярославской губернии до 1917 г. в губернском центре.

В связи с революционными событиями 1917–1918 гг. и мятежом в Ярославле 6–21 июля 1918 г. архивное дело в нашем городе практически не развивалось. Судя по сохранившимся докумен-

там, оно смогло вернуться на прежние рельсы лишь с конца января 1919 г. В это время дожила свой век существующая еще с дореволюционных времен Ярославская губернская ученая архивная комиссия во главе с Нилом Григорьевичем Первухиным. Он же спустя несколько месяцев стал первым «советским» архивистом, являясь уполномоченным Главного архивного управления Наркомата просвещения в Ярославской губернии. Слово «советский» намеренно взято в кавычки, так как ни он, ни его преемник не были коммунистическими архивистами в полном смысле слова в связи с их дореволюционным опытом и образованием. Их, на мой взгляд, можно охарактеризовать, скорее, как людей, сотрудничающих с новой властью.

Буквально с первых лет формирования ранняя советская архивная система в Ярославле столкнулась с такой проблемой, как расхищение архивных документов. Так, в начале 1919 г. они взяли на хранение частично расхищенные и сильно пострадавшие во время июльского мятежа 1918 г. коллекцию икон, чертежей, рукописей и рисунков, а также библиотеку бывшего город-

ского головы Вахрамеева, находившиеся в ведении культурно-просветительного отдела военного комиссариата¹. Часть бесценных исторических документов обнаружилась у ярославцев. Их находили во многом благодаря деятельности милиции. Так, в доме некоего Перивалова при обыске была найдена полицейская переписка 1797 г. Незначительная ее часть одним из канцелярских служащих в связи с отсутствием бумаги была употреблена на конверты. Все эти документы также были переданы на хранение в губернское архивное бюро.

Начиная с лета 1919 г. можно говорить о том, что Ярославская архивная комиссия стала заниматься систематизацией архивов бывших государственных организаций Российской империи. Одной из первых была бывшая торговая биржа, в здание которой въехал Ярославский исполком. В связи с этим бывший биржевой комитет распорядился вывести архив биржи для хранения в здание бывшего коммерческого училища. Сложенный на чердаке, этот архив во время квартирования в здании училища 55-го Северо-Двинского полка был «разбросан и расхищен солдатами, проникшими на чердак, взломав замок на дверях».

Позднее в связи с отводом второго этажа училища под эвакогоспиталь архив, хранившийся по-прежнему на чердаке, перешел в ведение этого госпиталя. Но ему вновь угрожала опасность расхищения, так как на чердаке очень часто ходили сотрудники данного лечебного заведения. Исходя из этого было принято решение передать его на хранение в Ярославскую архивную комиссию.

Чуть позже в состав Ярославской губернской комиссии постепенно вошли документы духовных организаций. Первым из них стал архив Ярославского епархиального совета, подчиненный ЗАГСу, здание которого было занято воинскими частями. В связи с этим архив переехал в помещение Ярославской духовной консистории.

Параллельно со сбором архивных документов гражданских лиц и организаций Ярославское губернское архивное бюро во главе с Н. Г. Первухиным занималось разработкой и систематизацией документации расквартированных на территории еще со времен Первой мировой войны воинских частей императорской армии. Перед Нилом Григорьевичем встали следующие задачи: 1) выяснить, какие военные архивы находятся в Ярославской губернии, обратив особое внимание на те, которые остались без присмотра, и сообщить о них в Главное архивное управление Наркомпроса и 2) принять все меры к их сохранению².

Одним из первых Нил Первухин обратил внимание на документацию бывшего Преображенского полка, выступив 1 марта 1919 г. в Главном архивном управлении с сообщением об охране этого архива. В частности, он предлагал снабдить лиц, охраняющих его, оружием, но получил отказ. Взамен ему было предложено обратиться в Ярославский реставрационный комитет с просьбой выделить окна, двери и ставни, установить их в

помещении архива и укрепить, обеспечив таким образом ему минимальную защиту³.

Ярославское губернское архивное бюро вместе с документами с 1919 г. начинает формировать и собственную библиотеку. Одной из первых ее пополнила библиотека бывшей Ярославской семинарии, но не в полном объеме. Дело в том, что она была разделена на три части. Часть передана в отдел народного образования, часть — в педагогический институт и лишь остальное — в архивное бюро.

К апрелю 1919 г. сверху было спущено решение о создании комиссии для отбора книг из библиотеки семинарии. В нее должны были войти представители Ярославского университета, педагогического института, Ярославской архивной комиссии и Ярославского отдела народного образования. Она должна была распределить библиотеку семинарии между указанными организациями и сообщить в Москву о своем решении⁴.

Похожие проблемы сохранения архивных документов в Ярославле продолжались и в последующие годы управления архивной службой Нилом Первухиным.

В 1921 г. Нил Григорьевич Первухин покинул пост уполномоченного Главархива по Ярославской губернии, сосредоточившись на работе в музейной сфере. На его место пришел Александр Иванович Смирнов, руководивший архивной службой до 1924 г. В целом он продолжил политику своего предшественника, но в то же время перед ним встала новая задача, и именно на ней хотелось бы акцентировать внимание.

К 1921 г. перед ярославскими архивистами возникла задача, связанная с реэвакуацией перевезенных в губернию архивов прибалтийских республик (Латвии, Литвы) и Белоруссии. Инициатива исходила от НКВД, который 3 января 1921 г. направил в подотдел принудительных работ Ярославского исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов предложение о предоставлении председателю реэвакуационной комиссии «Лавтия — Ярославль» упаковочных материалов и рабочей силы для погрузки и перевозки имущества с целью реэвакуации в Литву⁵. Просьба не была удовлетворена. Данный вывод сделан нами ввиду отсутствия соответствующей резолюции на документе.

Но сведения о том, что в нашем городе находятся эти архивы, дошла до самого верха. Вследствие чего ВЦИК издал постановление, согласно которому требовалось вернуть на родину материалы не только Литвы, но и Латвии и части современной Западной Белоруссии. Если говорить конкретнее, то речь шла о документах Виленского архива, Ковенской контрольной палаты и Виленского учебного округа, эвакуированных на территорию Ярославской губернии. Но тут же возник ряд задач, которые необходимо было решить для достижения поставленной цели. Помимо того что некуда было пристроить рабочую силу для реэвакуации архивных материалов из Латвии и Литвы, возникла проблема

коммунального характера, требующая немедленного решения.

Дело в том, что в 1921 г. был заключен мирный договор с Польшей, положивший конец советско-польской войне. В связи с этим было принято решение реэвакуировать вместе с прибалтийскими еще и архив этой восточноевропейской страны. Они хранились в Ярославле, в здании бывшего соборного дома, в стене которого находился пролом, и документы находились под угрозой расхищения. Все просьбы архивистов, обращавшихся в компетентные органы в лице коммунального отдела, заделать дыру ни к чему не привели⁶. Поэтому архивисты сняли с себя всякую ответственность за сохранность этих документов. Дошло до того, что было послано ходатайство в Ярославскую рабоче-крестьянскую инспекцию с просьбой привлечь коммунальный отдел к ответственности за халатное отношение к своим обязанностям и принудить его залатать пролом в стене соборного дома. Виновные в расхищении были определены сразу — солдаты.

В конце концов эпопея с зияющей дырой завершилась успехом, но теперь встал вопрос о вывозе архива на новое место хранения. Видимо, архивисты не были до конца уверены в том, что хищения не повторятся. И их опасения подтвердились: 27 апреля 1921 г. только что заделанный пролом появился вновь⁷.

Параллельно с обращением в высший орган власти Ярославской губернии была предпринята попытка спасти архив путем проведения субботника. Предполагалось вывезти его из соборного дома в Афанасьевский монастырь. Основными аргументами архивистов, требовавших ускорения процесса, были обязательства РСФСР перед Польшей по договору 1921 г. и чрезвычайная ценность хранившихся документов⁸. Ярославское отделение Главархива опасалось, что бюро субботников не сможет организовать незамедлительный вывоз ценнейших документов из соборного дома в монастырь. В связи с этим было подано прошение в высший орган власти Ярославской губернии. И это возымело действие.

К лету 1921 г. стало известно, что в Ярославле хранились документы не только учебных округов, но и торговых организаций. Речь идет об архиве Ярославского, Ковенского и Виленского акцизных управлений, хранящемся в Романово-Борисоглебском отделе Ярославского губсовнархоза. Под предлогом его плохой сохранности ярославские архивисты просили Управление водного транспорта принять срочные меры к сохранению наследия прошлого. Под этим имелась в виду передача их в Латвию и Литву по мирному договору. К сожалению, исключительно по документам Ярославского архивного бюро нельзя проследить судьбу прибалтийского архива.

Параллельно с проблемой сохранения и охраны наследия прошлого поколения архивистов решалась проблема становления новой советской системы архивоведения в Ярославской губернии. Особенно интенсивно этот процесс развивался,

когда в 1924 г. преемником Александра Смирнова на посту главы архивной службы Ярославской губернии стал Георгий Иванович Петровичев. Можно говорить о постепенном переходе от опыта дореволюционного архивного дела к подлинно советским архивам. Рубежом являются 1926–1927 гг. В качестве доказательства приведем следующие аргументы.

Первый из них свидетельствует о постепенно начавшейся при Г. И. Петровичеве советизации архивов, когда Ярославское губернское архивное бюро вошло в состав губисполкома, чего не было при его предшественниках.

Вторым доказательством советизации архивов является то, что Петровичев по указанию сверху распространял брошюру М. Н. Покровского, историка-марксиста, возглавлявшего Главархив, в которой подчеркивалась важность архивов для советской власти в связи с 10-летием Октября.

Вторым аргументом, доказывающим постепенный переход архивной службы от сотрудничества с дореволюционными кадрами «на советские рельсы», является постепенная централизация, выраженная в следующем.

Ярославская губерния не избежала «макулатурных кампаний», массово начавшихся в СССР в конце 1920-х гг. Но в нашем регионе предпосылки к ней начались еще раньше. Первой ласточкой в макулатурной кампании Ярославской губернии, явившейся, на мой взгляд, границей между деятельностью по спасению архивов, которой занимались архивисты с дореволюционным прошлым (Нил Первухин и Александр Смирнов — главы архивного бюро Ярославской губернии в 1919–1924 гг.), не делавшие различий между дореволюционными и ранними советскими документами, стал следующий факт. В конце января 1926 г. Главархив, который возглавлял известный историк-марксист М. Н. Покровский, издал циркуляр, согласно которому необходимо было пустить на макулатуру материалы почтово-телеграфных ведомств с приложением списка, который содержал перечень книг и документов. Им должны были руководствоваться архивисты при отборе документов на уничтожение. Одновременно им поручалось следить за тем, чтобы почтово-телеграфные ведомства не уничтожали документы без передачи их в архивы⁹. Для разгрузкикладовых приходно-расходных касс, главным образом райисполкомов и горисполкомов, от корешков налоговых квитанций по сельхозналогу было принято решение немедленно уничтожить корешки квитанций за 1923–1927 гг.¹⁰

К 1925–1926 гг. постепенно начинает решаться вопрос обеспеченности архивов кадрами. К сожалению, нами не обнаружены какие-либо документы по этому вопросу за 1919–1924 гг., лишь упоминается, что сотрудники архивного бюро получали деньги за выполнение тех или иных видов работ (речь, в частности, идет о финансировании кампании по вывозу военных архивов в Петроград при Н. Г. Первухине в 1919–

1920 гг.). Но в большинстве случаев сотрудники архивов работали фактически бесплатно. И лишь в 1926 г. впервые было предложено создать тарификационную сетку.

Но несмотря на указанные выше процессы постепенной централизации и советизации, начавшиеся при Георгии Петровиче, его все же нельзя назвать в полном смысле советским архивистом, в отличие от его преемников. Период его руководства был именно пограничным между работой архивистов, сформировавшихся и получивших образование до революции, и новым советским поколением. Дело в том, что он продолжал политику предшественников по сбору архивного материала. И в соответствии с реалиями времени большую часть из них составляли документы советских организаций за первые десять лет новой власти.

Так, одним из направлений, в котором работали архивисты при Петровиче, было взаимодействие с совхозами. В них отправлялись запросы с целью выявить хранящиеся там архивные документы. И на этой почве периодически возникали недопонимания между Петровичем и подчиненными ему архивистами, с одной стороны, и их коллегами из других отраслей (сельского, коммунального хозяйства и др.). Поскольку данный вопрос, на наш взгляд, находится за рамками рассказа о развитии архивного дела в Ярославской губернии в первые годы советской власти, оставим его для более подробного рассмотрения другим исследователям. Пока отметим лишь один эпизод из данной проблематики. Каждый раз специалисты получали отказ из совхозов в связи с отсутствием документов. Также в качестве аргумента приводилось то, что совхозы неоднократно обследовались, и «ничего ценного в

них выявлено не было»¹¹. Но, судя по резолюции на документе, в Ярославском архивном бюро не верили в правдивость данного заявления и просили принять меры к выявлению ценных для истории архивных документов.

Таким образом, в процессе становления архивной системы Ярославской губернии в первые годы советской власти можно четко выделить два основных направления, в рамках которых работали ярославские архивисты: систематизация и охрана документального наследия прошлого (1919–1926) и становление новой подлинно советской системы архивного дела (с 1925–1926). Основные задачи, которые поставили перед собой специалисты, были в целом решены полностью, во многом благодаря деятельности архивных работников, которыми руководил бывший председатель Ярославской губернской ученой архивной комиссии Нил Григорьевич Первухин. Он же заложил фундамент (в смысле охраны документального наследия), который лежит в основе современной деятельности архивной системы Ярославской области.

Примечания

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21 — 21 об.

⁵ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁶ См.: Там же. Д. 18. Л. 4, 5, 8.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 161. Л. 37.

¹⁰ Там же. Л. 39.

¹¹ Там же. Л. 55.

С. Д. Батищев

Николай Михайлович Чернавский об исследовании Дмитрия Александровича Кашинцева «История металлургии Урала» (1939): обзор неопубликованной рецензии

Н. М. Чернавский (1872–1940) — известный уральский архивист и краевед, первый директор Челябинского архива. В последние годы вышел целый ряд работ, посвященных его жизни и профессиональной деятельности. Их автором стал челябинский историк и археограф М. А. Базанов¹. Но не все стороны научных интересов Н. М. Чернавского нашли отражение в этих публикациях. В нашей заметке мы постараемся акцентировать внимание еще на одной теме, которой касался Н. М. Чернавский.

Н. М. Чернавский проявлял интерес к истории горнозаводского Урала. Свидетельством этого интереса является то, что он написал очерк по истории Кыштымского-Каслинского горного округа, который до настоящего времени не опубликован и хранится в виде рукописи². Но в этой заметке мы коснемся другой его неопубликованной работы.

В личном фонде Н. М. Чернавского в ОГАЧО³, мы обнаружили его рецензию на монографию Д. А. Кашинцева⁴, в которой тот одним из первых в советский период исследовал металлургию Урала с момента ее возникновения. Рецензия датирована 10 октября 1939 г., то есть Чернавский написал ее за несколько месяцев до своей смерти (умер он 2 января 1940 г.). Поскольку она, судя по всему, не была опубликована, мы сочли возможным дать ее обзор, чтобы показать, как Н. М. Чернавский воспринял текст Д. А. Кашинцева, какие сильные и слабые его стороны он увидел. Это, на наш взгляд, полезно для формирования представлений об истории исторической науки. Вероятно, это был черновик рецензии, поскольку в ней есть рукописные правки автора. Прежде чем перейти к обзору рецензии Н. М. Чернавского, необходимо сказать несколько слов о личности Д. А. Кашинцева

и значимости его труда в развитии провинциальной уральской историографии первой половины XX в.

Дмитрий Александрович Кашинцев (1887–1937) фигура любопытная для историков науки. На сегодняшний день не существует подробных биографических исследований об этом человеке, как нет и цельного историографического анализа его научного наследия. Поэтому заострить внимание специалистов-историографов на этом ученом представляется не лишним. Д. А. Кашинцев был специалистом в области экономической географии (исследования по металлургии Урала), а также профессионально занимался фотографией (его работы публиковались в специализированных журналах типа «Фотограф»), а еще увлекался театральной и музыкальной критикой. Во всех этих трех ипостасях этот человек оставил свой след для последующих поколений. Современные исследователи считают его одним из крупнейших специалистов по истории техники 1930-х гг.⁵ Поэтому нет ничего удивительного в том, что в своей работе он подробно останавливался на технической стороне заводского производства предприятий Урала в XVIII в. Такого акцента на технической и технологической частях работы заводов в советский период развития «ураловедения» до него не было. И в этом принципиальное значение его работы для последующих поколений исследователей истории горнозаводского Урала. Б. Б. Кафенгауз, который в 1949 г. выпустил известную монографию по хозяйственному комплексу Демидовых, называл книгу Д. А. Кашинцева «выдающейся»⁶. Уже одного этого признания крупнейшего специалиста 1940-х гг. по истории горнозаводского Урала XVIII в. достаточно, чтобы внимательно относиться к наследию Д. А. Кашинцева. Но специально останавливаться на сюжетных линиях его работы мы не станем, поскольку наша заметка посвящена иному вопросу.

Теперь обратимся непосредственно к рецензии Н. М. Чернавского и покажем, что он думал о монографическом исследовании Д. А. Кашинцева.

В 1930-е гг., отмечал Н. М. Чернавский, было выпущено три ценных издания по истории горного дела на Урале. Первым значимым трудом стало «Описание Уральских и Сибирских заводов» В. Геннина (1936). Вторым изданием был историко-статистический труд под названием «Металлургические заводы на территории СССР с XVIII века до 1917 г» (том первый под редакцией академика М. А. Павлова). И, наконец, третьим ценным изданием стала монография Д. А. Кашинцева (1939). Книга была написана раньше, еще в 1936 г., но вышла позднее, поскольку сначала решили выпустить вышеперечисленные работы, а потом уже исследование Кашинцева.

Одним из достоинств работы Д. А. Кашинцева, по мнению рецензента, служит наличие фотографий заводов, сделанных самим автором (тут

нельзя не вспомнить, что Д. А. Кашинцев был и профессиональным фотографом, известным под псевдонимом Антон Углов). Кашинцев в своем исследовании предлагал оригинальную периодизацию развития уральской горнозаводской промышленности, а именно по этапам строительства промышленных предприятий. Подход Д. А. Кашинцева к выделению этапов в истории металлургии Урала Н. М. Чернавским критиковался: «Периодизация моментов в ходе развития металлургии в XVIII в. очерчена Кашинцевым не ясно»⁷. На взгляд Н. М. Чернавского, периодизацию следовало бы проводить по царствованиям правящих особ: Петровский период, Аннинский период и т. д. Это смотрелось бы более понятно и логично для читателя.

Н. М. Чернавский выделял в работе и некоторые другие недостатки. Так, по его наблюдениям, Д. А. Кашинцев местами делал сопоставление Урала с прочими районами СССР, «причем Сибирь с своими заводами или вовсе игнорируется по данным за 1767 г., или же учитываются всего только два новых завода — Петровский и Томский за 1800 год»⁸.

Еще одним уязвимым местом в работе стала неполнота включенных в книгу таблиц. В таблицах, в которых представлена сводная информация о заводах, помещавшихся, как правило, в приложениях, даются сведения о годе основания заводов, «считая за таковое учреждение завода или начало постройки его, но года окончания постройки и пуска в действие, как правило, нигде не указывается. А между тем, для заводов важно знать именно начало его работы и вступление в производство, так как от этого момента только и можно учитывать его продукцию и производство»⁹.

В работе Д. А. Кашинцев периодически называет некорректные даты основания заводов. Н. М. Чернавский, несколько оправдывая автора, писал, что «датизацией заводов Урала занимаются давно, но и до настоящего времени этот вопрос полностью не исчерпан и как следует не разрешен. У Кашинцева по этой части встречаются досадные ляпусы или неполнота сведений»¹⁰. В качестве примера такого «ляпуса» Н. М. Чернавский приводил Каслинский завод. На разных страницах работы указаны разные даты основания завода (1746 и 1752), «причем об основании завода Коробковым нет даже и речи, как не назван он при перечне пионеров индустриализации Южного Урала»¹¹. Путаница в датировках возникла у Д. А. Кашинцева и при описании других заводов, в том числе Златоустовского.

Вообще перечень «пионеров индустриализации», на взгляд Н. М. Чернавского, не особо получился у Д. А. Кашинцева, так как «в этом перечне заводчиков, кстати сказать, вообще нет полных указаний имен и отчеств их, как и званий. А иные, как, например, Н. Н. Демидов, устроитель таких крупных заводов, как оба Кыштымских, не назван вовсе»¹².

Еще одним существенным недостатком работы Кашинцева Н. М. Чернавский называл то, что

«не отмечено, что некоторые заводы имели по два названия; так, Златоустовский иначе назывался Косотурским, Вознесенский — Иргиолинским (кстати, в показаниях Пугачева на допросах записан ошибочно “Киргиолинским”) и т. д.»¹³.

Датировка старейшего Невьянского завода тоже приводилась Д. А. Кашинцевым некорректно. Кашинцев датировал закладку его 23 апреля 1699 г. Н. М. Чернавский на это писал следующее: «На самом же деле это дата именного указа Петра I о постройке данного завода, а закладка завода была совершена позднее посланным из столицы дворянином Мих. Бибиковым. Первый чугун выпущен 15 декабря 1701 г., а железо 8 января 1702 г.»¹⁴.

Такие же ошибочные датировки приводил Д. А. Кашинцев и по Каменскому, а также Уктусскому и Алапаевскому заводам. После детального разбора ошибок Д. А. Кашинцева в датировках Н. М. Чернавский заключает: «Указанных примеров достаточно, чтобы пожелать от автора большей точности и обстоятельности в датировке устройства горных заводов Урала»¹⁵.

К позитивным моментам в рецензии (помимо наличия визуальных источников, о которых мы упоминали выше) можно отнести то, что Н. М. Чернавский положительно оценивает ту часть труда Д. А. Кашинцева, в которой дается характеристика продолжительности рабочего дня и условий труда на заводах Урала. Но и тут он сделал небольшое замечание: «В целях полноты вопроса необходимо было бы еще указать, что по Наказу заводскому комиссару от 15 октября 1723 года, на Урале рабочий день для надворных работников установлен был в зависимости от сезона: летом 14 часов (с 4 до 11 и с 1 до 8 час. вечера), осенью и весной 12 часов (с 6 до 11 и с 12 до 7 час. вечера) и зимой 10 часов (с 7 до 11 и с 12 до 6 часов), с большими и строгими взысканиями за всякое опоздание»¹⁶. Д. А. Кашинцев подробным образом описывал техническую часть заводского производства. И в этом Чернавский видел проявление одной из сильных сторон этой монографии.

В заключении своей рецензии Н. М. Чернавский писал, что, несмотря на ряд недостатков, которые выявлены им в работе Д. А. Кашинцева, исследование получилось интересным и важным для истории металлургии России и Урала в частности, поэтому ее можно рекомендовать всем, кто интересуется прошлым Урала.

В целом мы можем сказать, что Н. М. Чернавский показал те неточности в монографии Д. А. Кашинцева, которые и у более поздних исследователей вызывали некоторые нарекания. При этом, несмотря на то что основная часть рецензии состояла из критических замечаний, нельзя не заметить, что Н. М. Чернавский высоко оценил разобранный им труд, указав, что эта работа является одной из первых крупных исследований по теме уральской металлургии в совет-

ский период развития исторического знания, поэтому погрешности были неизбежны. Помимо того что рецензия показывает нам реакцию современника на изданную и на тот момент времени актуальную научную работу, она также позволила увидеть фигуру Н. М. Чернавского с несколько другой стороны — не как организатора архивного дела в уральской провинции, а как вездельного, аналитически мыслящего читателя и вдумчивого исследователя истории горнозаводского Урала. А эти стороны деятельности Н. М. Чернавского пока не получили отражения в современной историографии.

Наша небольшая заметка призвана привлечь внимание челябинских историков и архивистов к этой теме. Для успешного достижения этой цели необходимо продолжить изучение личного фонда Н. М. Чернавского в ОГАЧО, в особенности неопубликованных рукописей, в том числе выше упомянутого очерка по истории Кыштымского горного округа, о существовании которого практически никому из специалистов не известно, даже тем, кто защитил по истории этого округа кандидатскую диссертацию¹⁷.

Примечания

¹ Базанов М. А. Н. М. Чернавский — первый заведующий Челябинским окружным архивом // Отечественный архив. 2016. № 1. С. 3–13; *Он же*. Провинциальный краснед между богом и революцией: стратегии интеллектуальной адаптации к советским идеологическим реалиям в судьбе Н. М. Чернавского // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2017. № 2. С. 24–36.

² См.: ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 66.

³ Там же. Ф. Р-874.

⁴ См.: Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. Первобытная эпоха XVII и XVIII веков. М.; Л.: Металлургиздат, 1939.

⁵ См.: Захарчук П. А. Трагические судьбы историков техники: Д. А. Кашинцев, С. П. Сигов, В. А. Каменский // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 85-летию ИИЕТ РАН. М.: Янус-К, 2017. С. 396–399.

⁶ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 12.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 80. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ См.: Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск: Изд-во СГФТА, 2003; Мишанин И. А. Социально-экономическое развитие Кыштымского горного округа в 1900–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003. 260 с.

И. Б. Шубина

Златоустовский архив в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Златоустовские архивисты по роду своей деятельности всегда готовы найти, подсказать, разъяснить сущность архивных документов исследователям, прийти на помощь предприятиям, организациям и учреждениям в вопросах, касающихся истории их создания и развития. Однако история Златоустовского архива все еще остается недостаточно изученной. В данной статье предпринята попытка чуть более подробно осветить особенности работы Златоустовского архива в годы Великой Отечественной войны.

Архивная служба Челябинской области была создана через два года после окончания Гражданской войны на Урале — в сентябре 1921 г. В это тяжелое для страны время, когда почти повсеместно царили разруха, голод, многие промышленные предприятия не работали, система органов управления советской власти только формировалась, тем не менее была поставлена задача — сохранить архивы царской России и начать формирование единого государственного архивного фонда молодой Советской республики. Действовать необходимо было согласно Декрету об архивах от 1 июня 1918 г.

В Златоусте эта работа началась 1 марта 1924 г., когда протоколом заседания президиума Златоустовского окрисполкома № 25 (п. 5) было создано Златоустовское окружное архивное бюро¹. В течение семи лет меняя несколько помещений, в 1931 г. Златоустовский архив получил большое помещение (ул. Спорта, 3), которое со всеми принадлежащими ему постройками протоколом заседания президиума Златоустовского горсовета от 11 февраля 1939 г. № 289 (п. 1) закрепили за архивом². С 9 по 12 февраля 1939 г. приемно-сдаточная комиссия произвела приемку в ведение УНКВД Челябинской области Златоустовский областной госархив «вместе с личным составом, имуществом и помещением по производственному и финансово-хозяйственному состоянию на 1 января 1939 г.»³.

В предвоенные годы, с момента передачи архивных органов в ведение НКВД СССР, произошли большие сдвиги в работе Златоустовского архива. Улучшилось его финансовое положение. Если в 1932 г., согласно смете расходов, архиву было выделено 4700 руб., то на 1939 г. — уже 36 849 руб. К тому же дополнительно было отпущено на ремонт здания еще 5469 руб. В 1941 г. расходная часть бюджета архива была увеличена до 60 085 руб.⁴

Для организации научно-исследовательской работы расширили штат архивных работников. В 1939 г. появилась должность научного сотрудника. На 1 января 1941 г. в Златоустовском архиве работали девять человек, шестеро из них занимались непосредственно архивной работой⁵. На учете в архиве на 1 января 1941 г. состояло 276 фондов (212 192 ед. хр.)⁶. В это время Злато-

устовский архив занимался уже не только комплектованием фондов и выдачей справок, но и начал популяризировать архивные материалы. В местной печати стали появляться заметки и статьи архивных работников.

Военно-политическая обстановка в мире в конце 1930-х гг. требовала от советского правительства напряженной работы по укреплению обороноспособности страны, проведения мероприятий по сохранению государственной и военной тайны при использовании архивных документов. В этот период в Златоустовском архиве была проведена работа по выделению секретных документов из общих фондов и передаче их на специальное хранение. Были взяты на учет и составлены картотеки на служащих царской и Белой армий, подозреваемых в контрразведке, на участников антисоветских выступлений, членов бывших русских политических партий, служащих царской полиции. Были также составлены картотеки на иностранных подданных, раскулаченных, на лиц, лишенных избирательного права⁷.

Ряд мер, предпринятых советским государством по централизации архивного дела и совершенствованию работы архивов, обеспечили возможность сохранения документальных материалов Государственного архивного фонда в тяжелых условиях войны.

Великая Отечественная война внесла свои страшные коррективы в мирную жизнь СССР и прервала социально-экономическое развитие страны. Это отразилось и на работе Златоустовского архива. Были сокращены штаты, финансирование сведено к минимуму. Вместо намеченных на 1941 г. расходов в 60 тыс. руб. бюджет архива был уменьшен до 34 720 руб.⁸ В сентябре 1941 г. были сокращены ставки научного сотрудника, начальника отдела секретных фондов, архивно-технических работников, счетовода⁹. В октябре 1941 г. в Златоустовском архиве насчитывалось пять штатных единиц. Фактически же штат архивно-технических работников в годы войны состоял из двух-трех человек. В то же время значительно увеличился объем работы. Из прифронтовых районов страны в Златоуст прибыли 24 эвакуированных предприятия и учреждения¹⁰. Из Харькова был эвакуирован Государственный архив Октябрьской революции Украины. Он разместился в здании городского краеведческого музея¹¹. Все прибывшие в Златоуст предприятия и учреждения перед эвакуацией уничтожили свои архивные материалы, отложившиеся к этому времени¹².

25 ноября 1941 г. был подготовлен приказ НКВД СССР № 0498/К, а 7 января 1942 г. вышло распоряжение ГАУ НКВД СССР № 3-1/46, согласно которым архивы должны были обеспечить сохранность документальных материалов периода Отечественной войны, образовавшихся в де-

тельности предприятий, учреждений и организаций¹³. Поэтому в первую очередь необходимо было взять на учет текущее делопроизводство эвакуированных предприятий и организаций, установить контроль над сохранностью архивных материалов, отложившихся после эвакуации, с целью их дальнейшего использования. Ежегодно архивисты проводили от 20 до 50 и более проверок архивов учреждений и организаций, находившихся в городе, его пригородах и прежде всего эвакуированных и оборонных предприятий — заводов № 66, 384, 385, 825, треста «Южтяжстрой» и др. По итогам проверок Златоустовский горисполком не раз выносил решения о сохранении архивов организаций и предприятий¹⁴.

Другой важной задачей, стоящей перед архивами, была организация работы по выявлению и использованию документальных материалов, имеющих не только государственное и научно-историческое, но и практическое значение и которые могли быть использованы в хозяйственных и оборонных целях.

В совместном обращении начальника Златоустовского городского отдела НКВД майора Ф. Чичиланова и начальника Златоустовского филиала Госархива УНКВД по Челябинской области А. А. Лосевой ко всем предприятиям и организациям последним предлагалось обращаться в Златоустовский архив, так как: «В Златоустовском филиале сосредоточены документы промышленных предприятий и учреждений... которые не утратили своего оперативного значения и могут быть использованы организациями и предприятиями в своей практической работе. Так, например, в фондах проектно-строительных организаций и отделов предприятий имеются проекты, чертежи, ситуационные планы, сметы и другие материалы, относящиеся к постройке общественных зданий, жилых домов, коммунальных и промышленных сооружений, объяснительные записки о пригодности различных площадок для строительства, о водном балансе окружающей их территории и т. д. В архивных материалах промпредприятий имеется значительное количество документов, содержащих сведения о проводившихся геологоразведочных работах, о месторождениях рудных и нерудных полезных ископаемых, строительных материалов»¹⁵.

Сотрудниками архива было просмотрено около 20 фондов, содержащих сведения оперативного и практического значения. Так, например, в первом квартале 1942 г. только из двух просмотренных фондов были выявлены ситуационные планы и чертежи железных рудников бывших Кусинского и Златоустовского заводов, генеральный план округа Миасского завода, планы золотосодержащих рудников. По запросу проектно-изыскательского бюро Главного управления промышленного строительства НКВД СССР были просмотрены топографические карты района озера Зюраткуль, в истоке которого проектировалось строительство гидроэлектростанции. Для гидрологической партии, занятой исследованием

водных источников района Златоуста, Бакальско-го рудника, Кусинского и Миасского заводов с целью обеспечения технической и питьевой водой промышленных предприятий и населения района, были выявлены материалы о водном балансе района. Для геологоразведочной партии Наркомхимпрома (находящейся в Златоусте) были выявлены сведения о наличии ископаемых — сырья для химической промышленности. Для возможного использования в военно-экономических целях на все выявленные материалы была составлена учетная картотека¹⁶.

Отношением Главного архивного управления НКВД СССР от 18 июля 1941 г. № 3/213 на период военного времени было запрещено выдавать в читальные залы, на руки, вывешивать и выставлять в витринах архивные документы, содержащие картографический, фотографический материал местностей и отдельных объектов (мостов, вокзалов, плотин), карты и схемы путей сообщения, справочно-статистический материал о населенных пунктах, телефонные справочники городов. Доступ к этим материалам разрешался только по особым распоряжениям органов НКВД¹⁷.

В связи с военной обстановкой, на основании директивы ГАУ НКВД СССР от 27 августа 1941 г. № 3/2/159, допуск в читальные залы архивов для работы с документальными материалами обычному кругу посетителей был запрещен. Работа в архивах разрешалась только представителям партийных органов, военного командования, органов НКВД, судебно-следственных органов, органов прокурорского надзора и сотрудникам архивов, работающим по планам, утвержденным Архивным отделом УНКВД по Челябинской области¹⁸.

Условия военного времени требовали быстрой, четкой и оперативной работы архивистов. Согласно отношению ГАУ НКВД СССР от 8 августа 1941 г. № 1, справки по запросам партийных и советских органов, военного командования, оперативных органов НКВД и других государственных органов выдавались по первому их требованию и исполнялись в течение 48 часов. В случае надобности работа по исполнению запросов велась круглосуточно¹⁹. В отчете начальника Златоустовского филиала госархива УНКВД по Челябинской области С. Н. Корнеевкова за 1942 г. отмечалось: «Трудовая дисциплина сотрудников филиала Госархива удовлетворительна. Случаев нарушения ее не имелось. При необходимости архивно-технические работники работают, не считаясь со временем, исполняя различные поручения и в нерабочее время»²⁰.

Справки биографического характера составлялись только в связи с оперативными надобностями учреждений и организаций по их письменным запросам и высылались только руководителям учреждений. Выдача справок на руки гражданам запрещалась. При этом все справки биографического характера проверялись по спецкартотекам архива, составление которых было завершено накануне войны. Если обнаруживались

компрометирующие материалы на проверяемое лицо, данные проверялись местными органами НКВД — УНКВД, и только после их разрешения справка высылалась адресату²¹. В 1941–1945 гг. было исполнено около 1000 запросов.

Были предприняты меры по усилению режима охраны архива. Распоряжением начальника Златоустовского филиала Госархива УНКВД по Челябинской области от 12 августа 1941 г. № 13 в архиве с 13 августа 1941 г. был установлен пост милиции и введен строжайший пропускной режим. Для работы в неурочные часы сотрудники архива, при наличии постоянного пропуска, должны были оформлять специальный временный пропуск²². Все сотрудники архива прошли подготовку по самозащите в случае возникновения пожара и медико-санитарную подготовку²³.

Для поднятия боевого и патриотического духа населения архивисты посещали госпитали и организации с лекциями об истории Златоуста и беседами об успехах Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, организовывали выступления по местному радио, публиковали в местной печати заметки о революционном прошлом Златоуста, боевых и трудовых подвигах златоустовцев, принимали участие в организации выставок. В 1942 г. была организована совместная с краеведческим музеем выставка, посвященная освобождению Златоуста от Колчака. Сотрудники архива подобрали материалы и разработали разделы общегородской выставки, посвященной 25-летию Октябрьской революции: «Октябрь на Южном Урале и в Златоусте», «Гражданская война на Южном Урале», «Годы сталинских пятилеток на Южном Урале», «Герои фронта и тыла Великой Отечественной войны — трудящиеся г. Златоуста», «СССР — единый боевой лагерь в Великой Отечественной войне». В газете «Большевикское слово» была опубликована статья «Освобождение Урала от Колчака»²⁴. В 1943 г. были написаны и опубликованы заметки «Расстрел златоустовских рабочих 26 марта 1903 года», «Герои Гражданской войны В. Ковшов, А. Назаров и Н. Скворцов»²⁵.

Златоустовские архивисты в годы войны, так же как рабочие и служащие предприятий, участ-

вовали в соревновании на звание ударников труда, работали в колхозах, на очистке железнодорожных путей от снежных заносов, принимали участие в субботниках по благоустройству города²⁶.

Для сохранения трудоспособности и спасения своей жизни в апреле 1944 г. в связи с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в Златоусте и на основании приказа начальника штаба гражданской обороны НКВД от 4 апреля 1944 г. № 35 сотрудники архива были вакцинированы противотифозной прививкой²⁷.

Во время Великой Отечественной войны сотрудники Златоустовского архива, несмотря на все трудности, не только оперативно исполняли поручения органов власти, но и выполняли свою повседневную плановую работу, сохраняя архивные документы для будущих поколений, вносили свой вклад в обеспечение обороноспособности страны.

Примечания

¹ АЗГО. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 135. Л. 87, 87 об.

² Там же. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 26. Л. 55.

³ Там же. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 102а. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 136. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 268. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 257. Л. 1 об.

⁸ Там же. Д. 129. Л. 28.

⁹ Там же. Д. 125. Л. 11.

¹⁰ Там же. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 40. Л. 16.

¹¹ Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 108. Л. 13.

¹² Там же. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 141. Л. 2 об.

¹³ Там же. Д. 137. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 141. Л. 2 об. — 3.

¹⁵ Там же. Д. 148. Л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 141. Л. 1 об. — 2.

¹⁷ Там же. Д. 123. Л. 66 — 66 об.

¹⁸ Там же. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 68.

²⁰ Там же. Д. 141. Л. 5.

²¹ Там же. Д. 123. Л. 68.

²² Там же. Д. 125. Л. 10.

²³ Там же. Д. 137. Л. 15.

²⁴ Там же. Д. 141. Л. 2 — 2 об.

²⁵ Там же. Д. 268. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 141. Л. 5.

²⁷ Там же. Д. 156. Л. 14.

Г. Н. Фаезова

Государственный архив ТАССР в годы Великой Отечественной войны: трансформация и развитие

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. деятельность архивной службы СССР претерпевала значительные изменения. В первую очередь они были связаны со сменой ведомственной принадлежности. В 1938 г. Центральное архивное управление СССР было преобразовано в Главное архивное управление и передано в ведение НКВД СССР. В июле 1941 г. Главное архивное управление НКВД СССР переименовывается в Управление государственными архивами, а архивные отделы на местах — в отделы государ-

ственных архивов. В их числе был и Отдел государственных архивов НКВД ТАССР, который возглавляла Александра Ивановна Ямпольская¹.

Во исполнение циркулярного распоряжения ГАУ НКВД СССР от 7 апреля 1941 г. «О порядке реорганизации республиканских, краевых и областных архивов» на базе Исторического архива и Архива Октябрьской революции создается Центральный государственный архив ТАССР со следующей структурой:

- отдел дореволюционных фондов;
- отдел фондов Октябрьской революции и социалистического строительства;
- отдел секретных фондов;
- отдел научно-справочной литературы;
- читальный зал².

Директором архива была назначена Мария Николаевна Олимпина.

В системе Отдела госархивов было образовано три отделения: научно-издательское, административно-хозяйственное и инспекторская группа. В соответствии с новой структурой отдела и госархива был утвержден штат и произведена соответствующая расстановка кадров.

На начало 1942 г. в Отделе госархивов НКВД ТАССР и ЦГА ТАССР работал 41 сотрудник, в том числе 11 — с высшим образованием, что составляло 26,8 % от общего числа сотрудников, причем 7 человек окончили Историко-архивный институт, а 14 — архивоведческие курсы³.

Центральный государственный архив ТАССР занимал три архивохранилища, из них два находились в приспособленных помещениях (церквях), одно было специальным. Все архивохранилища были электрифицированы, но только одно из них отапливалось.

Нападение гитлеровской Германии на СССР повлекло за собой перестройку архивной работы на военный лад. С этого времени вся деятельность осуществлялась в соответствии с приказом НКВД СССР от 30 августа 1941 г. «Об охране государственных архивов в военное время». Согласно этому приказу основной задачей архива являлось обеспечение сохранности документов Государственного архивного фонда СССР и их всестороннее использование в интересах защиты Отечества.

В начале осени 1941 г. на фронт ушли семь сотрудников, что осложнило выполнение плана. Оставшиеся работники по-боевому взялись за решение поставленных задач, развернув индивидуальные и групповые соревнования.

На первом плане стоял вопрос эвакуации архивных документов из западных районов страны. В Казань переправили документы из государственных архивов Костромской, Мурманской областей, из Центрального государственного архива Карело-Финской ССР в г. Петрозаводске и его филиала в Выборге, составившие пять вагонов⁴. Документы сопровождали сотрудники архивов. Все материалы разместили в одном из зданий Центрального государственного архива на ул. Старой. Здесь, в помещении бывшей старообрядческой церкви, находились документы отдела дореволюционных фондов. Условия хранения были неплохими, но принимать эвакуированные фонды было фактически некуда. Прибывшие материалы хранились в ящиках и мешках, расставленных на полу в хранилище. Только старшему научному сотруднику Костромского архива Мачтину, написавшему жалобу заместителю наркома НКВД ТАССР, удалось потеснить казанских архивистов и разместить документы

своего архива на стеллажах в отдельной комнате⁵. Еще одну из рабочих комнат переоборудовали под общежитие для эвакуированных архивистов, что в целом осложнило работу архива. «Научные работники, начальник госархива и часть архивно-технических не имели места для работы, ютились по хранилищам или занимали освобождающиеся столы... Такое положение не могло не сказаться отрицательно на работе отдела и госархива», — отмечалось в отчете Отдела государственных архивов НКВД ТАССР за 1942 г.⁶

В это же время архивистами Татарии была проделана большая работа по принятию и размещению архивов эвакуированных в Казань учреждений и предприятий. В Казань вывезли архивы президиума Академии наук СССР и ее 17 институтов, Наркомата пищевой промышленности СССР и его 15 главков, наркоматов финансов СССР, здравоохранения СССР и РСФСР, резиновой промышленности СССР, Главного управления гражданского воздушного флота СССР.

Академия наук СССР переслала в Казань 15 тыс. ед. хр., преимущественно личные дела ее членов и протоколы заседаний президиума. Институты эвакуировали 13 222 ед. хр., в том числе рукописи научных трудов, планы и отчеты о научной деятельности, протоколы заседаний ученых советов, стенограммы научных заседаний, переписку, бухгалтерские документы, личные дела сотрудников. Так, среди документов Московской биогеохимической лаборатории АН СССР находились материалы научных экспедиций, переписка академика В. И. Вернадского с директором института профессором А. П. Виноградовым.

Документы институтов хранились в закрытых шкафах в помещениях канцелярии, директорских кабинетах, активно использовались. Так, например, в кабинете директора Института физических проблем АН СССР академика П. Л. Капицы в неогороемом шкафу находились его научные труды, секретная переписка. Документы президиума АН СССР сконцентрировали в отдельном помещении в Казанском государственном университете⁷.

По результатам проведенного Отделом госархивов НКВД ТАССР в январе 1942 г. обследования Главное управление гражданского воздушного флота СССР отправило в Казань 14 830 ед. хр., Наркомат финансов СССР — 54 тыс., Наркомат резиновой промышленности СССР — 37 тыс., Наркомат пищевой промышленности СССР — 60 тыс. ед. хр. и т. д.⁸ Большинство документов хранилось в упакованном виде, позволявшем использовать их в работе учреждений и при выдаче справок, часть документов наркоматов размещалась на стеллажах.

Весь период войны отдел госархивов проводил свою работу по следующим основным направлениям:

1. Максимальное научное использование документальных материалов.
2. Разработка секретных фондов (Канцелярии казанского губернатора, Казанского губернского

жандармского управления, Казанской судебной палаты и др.) и их использование в оперативных целях органами НКВД.

3. Систематический отбор документов, не подлежащих хранению, из фондов Центрального госархива и архивов учреждений.

4. Концентрация, учет и охрана документов военного периода, образующихся в процессе деятельности учреждений республики⁹.

В это время ЦГА ТАССР активно проводил экспертизу ценности документов, руководствуясь инструкцией от 6 июля 1941 г. № 1342 о порядке разгрузки архивов в период военного времени от документальных материалов, не подлежащих постоянному хранению. Так, в течение 1942 г. к уничтожению отобрали около 150 тыс. дел из 1 385 060, хранящихся в архиве¹⁰.

Упорядочение архивных документов — важное условие для их всестороннего использования. В период войны использование архивных документов было призвано решать главным образом задачи идеологического характера. При этом основной акцент делался на обращение к историческому опыту, использование его в качестве примера для подражания. Эта установка нашла отражение в первую очередь на характере публикаций. Так, только в первый год войны были опубликованы статьи «Казанцы и Отечественная война 1812 года», «Гражданская война и партизанское движение на территории Татарии», «Фронт и тыл в годы Гражданской войны» и др.¹¹ За годы войны подготовлено и прочитано 30 докладов и лекций на предприятиях, в учреждениях и госпиталях. Доклады были подготовлены с привлечением большого количества документов по истории народов Татарии.

Архивные документы широко привлекались для решения актуальных задач хозяйственного строительства, стратегических оборонных вопросов. В том числе была усилена работа по использованию фондов дореволюционного периода, содержащих сведения о природных богатствах республики. Выявлены документальные материалы и представлены справки по следующим вопросам:

– поисково-разведывательные работы по водоснабжению;

– месторождения меди, соли, битума, нефти на территории Татарии¹².

Согласно положению о Едином государственном архивном фонде, архивистами был произведен учет архивного материала, имеющего научно-историческое и культурное значение, находящегося в библиотеках, музеях и других научно-исследовательских учреждениях, и организована

передача в госархив обязательных экземпляров от редакций всех газет и Татгосиздательства¹³.

Несмотря на тяжелое положение в стране, в годы Великой Отечественной войны вышел ряд правительственных постановлений, направленных на решение социальных проблем архивистов, повышение окладов научных сотрудников госархивов. Все сотрудники были прикреплены к столовой и магазину спецторга НКВД ТАССР, что было немаловажно в материальном плане и способствовало закреплению кадров. На 1944 г. четырнадцать человек получают литературное питание, «из них 2 чел. имеют 3-разовое литературное питание, 3 человека 2-разовое и 9 человек только обеды. По линии Хоз[яйственного] о[тдела] НКВД периодически отдел получает ордера на промтовары. В течение года получено: ботинок дамских 27, мужских 6, дамских туфель 4 пары, валенок 5, детских валенок 9, меховых детских пальто 4, дамских 1, ватных телогреек 8...»¹⁴

Реэвакуация архивов началась уже в 1942 г., после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, хотя отправка архива сразу вслед за учреждением архивными органами не приветствовалась.

Первым в феврале 1942 г. вместе с Наркоматом финансов СССР в столицу отбыл его архив, в марте 1943 г. — архив Наркомата здравоохранения СССР. В 1944 г. реэвакуировали документы государственных архивов Карело-Финской Республики и Костромской области, часть документов Госархива Мурманской области, а в первом квартале 1945 г. реэвакуировали остатки последнего.

Задача, поставленная перед архивистами историей, была выполнена. Документы Государственного архивного фонда СССР, сохраненные усилиями казанских архивистов и сотрудников эвакуированных архивов, вернулись в свои хранилища.

Примечания

¹ Грохова Л. В. Архивное дело в Татарстане (1940–2001). Казань, 2003. С. 6.

² ГАРТ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.

³ Там же. Д. 737. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 696. Л. 1 об. — 2.

⁵ Там же. Д. 737. Л. 22–23.

⁶ Там же. Л. 21.

⁷ Там же. Д. 738. Л. 46.

⁸ Там же. Л. 12–14, 97.

⁹ Там же. Д. 737. Л. 17–18.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Д. 724. Л. 7–14.

¹² Там же. Д. 750. Л. 5–6.

¹³ Там же. Д. 696. Л. 11–13.

¹⁴ Там же. Д. 772. Л. 17.

А. П. Пудалова

Архивы Горьковской области в системе органов НКВД–МВД (1939–1962)

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. архивные органы и учреждения страны были переданы из ведения Центрального исполнительного комитета СССР в ведение Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР. Спустя почти десять месяцев приказом по УНКВД по Горьковской области от 9 февраля 1939 г. была создана комиссия под председательством заместителя начальника УНКВД В. В. Губина, которая должна была произвести «приемку на ходу» по производственному и финансово-хозяйственному состоянию на 1 января 1939 г. Горьковского областного архивного управления, областных архивов в Горьком, филиала в Арзамасе, а также районных архивов в ведение системы НКВД¹. Приемка была завершена к 23 мая 1939 г.

На момент передачи в ведение Горьковского областного архивного управления находились: областной исторический архив, областной архив Октябрьской революции, областной секретный архив, областной фотоархив, филиал областного архива в Арзамасе, а также номинально 62 районных государственных архива. Штат был укомплектован на 80 % (Управление и облгосархивы — на 90 %, районные архивы — на 70 %; общее количество сотрудников 119 человек вместо положенных по штату 148)². В архивной службе наблюдалась высокая текучесть кадров: только в областных архивах в 1938 г. уволились 44 человека (56 % списочного состава, в основном архивно-технические работники). Основными причинами увольнения стали низкий уровень оплаты и тяжелые условия труда.

Архивное хозяйство перешло в систему НКВД в плачевном состоянии. Архивохранилища областных архивов располагались в бывших церквях, нуждавшихся в ремонте или соседствовавших с гаражами, где хранились легковоспламеняющиеся жидкости³.

Не лучше обстояло дело и с районными архивами. На 1 декабря 1938 г. из 62 районов Горьковской области райархивы были только в 44, причем архив считали организованным, «при условии, что есть заведующий райархивом, хотя бы и не было годного помещения, или где есть помещение и архивные материалы, хотя в данный момент заведующий архивом и работает по совместительству»⁴. В актах приема-сдачи, составлявшихся при передаче районных архивов из ведения райисполкомов в ведение районных отделений НКВД, зафиксировано состояние помещений, выделенных под архивы. Неотапливаемые коридоры зданий райисполкомов, отделенные тесовыми перегородками, маленькие комнаты без окон, освещения, стеллажей и с протекающей крышей, кладовые, сараи, запирающиеся на гвоздь, с гниющими делами — такими были большинство районных архивов.

Были и архивы-исключения, положение которых было чуть лучше. К примеру, Балахнинский районный архив занимал целых две отапливаемых освещенных комнаты общей площадью 43 кв. м в четырехэтажном каменном помещении райисполкома.

В переходный период, растянувшийся на три с половиной месяца, архивная служба Горьковской области оказалась в сложной ситуации: УНКВД еще не завершило приемку и практически еще не осуществляло руководство отраслью, а облисполком и райисполкомы уже не руководили и не обеспечивали работу архивов, так как не считали их частью своей системы. К тому же и до этого в подавляющем большинстве райисполкомы смотрели на архив, «как на нечто ненужное, на что не стоит “бросать зря средства”»⁵.

По итогам приема-передачи и. о. начальника отдела архивов УНКВД В. Г. Антипов⁶ проинформировал председателя Горьковского облисполкома М. И. Родионова о состоянии районных и ведомственных архивов, подчеркнув «безобразно-хаотическое, а в некоторых случаях — преступное»⁷ отношение к хранению архивных материалов. Он предложил ряд первоочередных мер для улучшения ситуации: обеспечить архивы подходящими помещениями и необходимым оборудованием, а также увеличить зарплату работников до 250–300 руб. в месяц, чтобы устранить текучесть кадров. Однако было принято достаточно мягкое постановление президиума облисполкома об упорядочении архивного дела в районных и ведомственных архивах, которое не обязывало, а предлагало руководству райисполкомов и учреждений до 1 октября 1939 г. привести в порядок свои архивные фонды, а также обеспечить архивы помещениями, оборудованием и кадрами⁸.

Вслед за этим 10 ноября 1939 г. последовало жесткое указание заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова «немедленно принять меры, обеспечивающие упорядочение архивного дела в области»⁹.

Первоочередной мерой по улучшению архивной работы стало ускорение разборки и упорядочения архивных документов. За 1939 г. областными архивами было обработано 260 фондов, из них с момента передачи в органы НКВД — 248. В процессе разборки архивных материалов в областных архивах выявлено 609 ранее не учтенных фондов. Таким образом, общее количество фондов увеличилось с 2944 до 3557 (четыре фонда поступили от организаций)¹⁰.

Заметно усилился контроль не только над работой областных архивов, но значительно расширилась практика обследования районных архивов, в ходе которых зачастую удавалось решить проблемы с выделением помещений, ремонтом или выделением дополнительных ставок

сотрудников¹¹. К концу 1940 г. осталось всего семь районов (из 62), где помещение под архив так и не было выделено, правда, еще в 27 районах имеющиеся архивные помещения были непригодны для хранения документов. В итоге более половины райархивов нуждались в пригодных оснащенных помещениях¹².

Изменилось отношение к кадровому обеспечению архивных учреждений и к повышению квалификации сотрудников. В 1939 г. на работу были приняты четыре выпускника Историко-архивного института. Всего в штате стало семь сотрудников с высшим профессиональным образованием, они занимали руководящие или старшие научные должности. Выпускница Историко-архивного института Л. М. Отливанова в 1942 г. возглавила архивную службу Горьковской области, сменив на этом посту В. Г. Антипова¹³. Кроме того, большое внимание стали уделять профессиональной переподготовке сотрудников, а также обучению новичков, пришедших на низовые должности. Регулярно проводились курсы государственного технического минимума для архивно-технических работников, а также курсы повышения квалификации.

Горьковские архивисты возлагали надежды на улучшение материально-технического обеспечения архивов и сотрудников, а также на общее повышение статуса архивной службы после передачи ее в ведение НКВД, так как до этого времени архивы, особенно районные и ведомственные, воспринимались как обуза и финансировались по остаточному принципу. И действительно произошли некоторые улучшения: частичный ремонт зданий, постройка и утепление рабочих комнат, дооборудование стеллажами. Но делалось это исходя из имеющихся финансовых возможностей¹⁴. Заявка на дополнительные 563 тыс. руб. была направлена в ГАУ, но средства выделены не были. Причиной стала сложившаяся двойственность подчинения архивных учреждений: с одной стороны, они были переданы в ведение НКВД и организационно подчинялись ему, а с другой стороны, финансово они все равно оставались на балансе исполнительных комитетов разных уровней, поэтому все вопросы, связанные с увеличением заработной платы, выделением помещений, средств для их ремонта и оснащения необходимым оборудованием зависели от исполкомов. Последние старались избавиться от финансового «балласта», поэтому при проведении в 1940 г. сокращения штатов райсоветов и горсоветов были уволены именно делопроизводители-архивариусы ЗАГСов и заведующие архивами, как не состоящие в штате, но получающие зарплату в исполкомах. Уволенные сотрудники были восстановлены на рабочих местах предписанием председателя Горьковского облисполкома М. Т. Третьякова, но сама ситуация наглядно показывает отношение к архивам и архивистам.

В военные годы отношение к ним не изменилось. В 1941 г. от авианалета пострадало одно из

архивохранилищ: воздушной волной выбило 110 оконных рам, часть здания дала трещины. Да и остальные архивохранилища требовали ремонта: в одних частично обвалились сгнившие потолочные перекрытия, в других не работало отопление, были перебои с электричеством и т. д. Но плановая комиссия Горьковского облисполкома последовательно отказывала в выделении средств и строительных материалов на том основании, что архивы больше не в ведении облисполкома¹⁵. Только вмешательство главка дало возможность частично отремонтировать хранилища летом 1944 г.

Накануне Великой Отечественной войны горьковские областные архивы были реорганизованы¹⁶ и объединены в Государственный архив Горьковской области, а филиал в Арзамасе сохранил свой статус.

С началом войны Горьковская область была объявлена прифронтовой, поэтому план работы областного госархива был перестроен с учетом обеспечения сохранности документального наследия в условиях военного времени¹⁷. Особое внимание уделялось архивам эвакуированных учреждений и предприятий. Благодаря добросовестному отношению сотрудников случаи бесконтрольного уничтожения архивных документов были единичны. Вопиющим стало практически полное уничтожение архива Наркомата судостроительной промышленности СССР, эвакуированного в Горький. Уничтожение проводилось сотрудниками наркомата по личному распоряжению заместителя наркома Белова без согласования с архивными органами¹⁸.

Почти половина архивистов были призваны в армию или ушли добровольцами на фронт, а оставшиеся помимо архивной работы несли еще и значительную общественную нагрузку: шефствовали над госпиталями, выступали с лекциями историко-патриотической тематики, шили нательное и постельное белье для больных, активно включились в донорское движение. Кроме того, архивисты и сотрудники архивного отдела участвовали в строительстве Горьковского оборонительного рубежа, ездили на торфоразработки и лесозаготовки. Несмотря на это, активно продолжалось комплектование облгосархива и филиала в Арзамасе, в том числе документами и печатными изданиями по истории Великой Отечественной войны. Проводилась научно-техническая обработка дел и справочная работа, продолжала действовать экспертно-поверочная комиссия, сохранялась практика инспектирования районных и ведомственных архивов и оказания им методической помощи.

Работа по использованию архивных документов была организована в соответствии с директивами Управления государственными архивами (УГА) НКВД СССР от 1941 г. о научно-исследовательской работе (НИР) и о разработке документов в оперативно-чеккистских целях¹⁹. Значительная часть рабочего времени уходила на выявление сведений о контрреволюционных эле-

ментах по «политическим окраскам» и составление списков-справочников: только за 1941 г. было взято на учет более 25 тыс. человек, в УГА НКВД СССР и 1-й спецотдел УНКВД отосланы списки-справочники на 4862 человек²⁰.

В 1944 г. по указанию главка акцент в использовании документов был сделан на инициативное информирование предприятий Горького и области и работу по их запросам. В основном это касалось гидрогеологии города, разработок торфа и газа, промышленного и железнодорожного строительства²¹.

Вопреки сложившемуся стереотипному представлению о тотальной засекреченности архивных документов в Горьковском облгосархиве не прекращалась работа исследователей. Из-за разбросанности архивохранилищ по верхней части города не было единого читального зала, а исследователям приходилось заниматься с документами в рабочих комнатах при архивохранилищах²².

Вопрос о выделении пригодного или о строительстве нового здания для областного архива ставился неоднократно, но не решался. В августе 1955 г. был получен очередной ответ из главка о том, что из-за ограниченности средств «строительство здания госархива Горьковской области в ближайшие годы не предусматривается»²³. Весной 1956 г. начальник архивного отдела УМВД по Горьковской области М. П. Третьякова снова обратилась в главк с просьбой при решении вопроса о постройке нового здания учесть имеющееся количество архивных дел и перспективы комплектования и дать согласие на постройку здания для размещения 2,5 млн ед. хр. К этому времени в областном госархиве уже находилось около 1,4 млн дел, в районных архивах — 300 тыс. ед. хр., подлежащих передаче в областной архив, кроме того, планировалось начать комплектование научно-технической документации²⁴.

Ситуация в Горьковской области не была уникальной. Отсутствие или нехватка приспособленных зданий были общими проблемами. На совещании с горьковскими архивистами в апреле 1956 г. представители главка отметили, что «основное зло в работе по обеспечению сохранности документальных материалов заключается в неудовлетворительном состоянии архивохранилищ; лучший выход из этого положения — строительство нового здания»²⁵. Однако присутствовавший на совещании начальник Архивного управления МВД РСФСР А. Г. Белов признал, что «за 38 лет в РСФСР не было построено ни одного хранилища», но обещал принять все меры к организации строительства нового здания для архива.

Дело действительно сдвинулось с мертвой точки. Однако главк согласовал строительство типового здания облгосархива на 1,2 млн ед. хр. Таким образом, новое здание изначально планировалось строить с дефицитом площадей. В октябре 1956 г. был отведен участок земли под строительство, к концу 1959 г. построено и введено в эксплуатацию новое здание.

Новым направлением архивной работы стало рассекречивание документальных материалов (в соответствии с приказом МВД СССР от 1956 г. № 0275).

В 1950-е гг. особое внимание главк уделял научно-исследовательской работе и взаимодействию архивной службы с научной общественностью. В развитие Приказа МВД СССР от 25 мая 1954 г. № 238 для рассмотрения важнейших вопросов этого направления при начальнике архивного отдела УМВД по Горьковской области был создан научный совет, в который кроме архивистов вошли историк, член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский, историк-краевед, заместитель директора краеведческого музея И. А. Кирьянов, ученые-историки, руководители крупнейших музеев и библиотек²⁶. Одним из результатов этого взаимодействия стала активизация публикаторской деятельности: только в течение 1955–1957 гг. были изданы три сборника документов: «Революционное движение в Нижегородской губернии в 1905–1907 гг.», «Революционное движение в Нижегородской губернии в 1900–1904 гг.» и «Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии». Продолжалась подготовка сборника «Нижний Новгород в XVII веке».

В итоге приходится констатировать, что включение архивной отрасли в систему органов внутренних дел привело к противоречивым результатам.

С одной стороны, надежды архивистов на повышение статуса отрасли и стабильность материально-технической и финансовой базы не сбылись. Документы показывают, что архивы оставались «пасынками» и в системе органов внутренних дел, и в системе органов исполнительной власти. С архивистов много и строго спрашивали, мало что давая взамен.

С другой стороны, проведенная под эгидой НКВД реорганизация сделала сеть архивных учреждений всеохватной истройной. Эта же стройность закрепилась и на региональном уровне. Именно с подачи руководства НКВД удалось все-таки организовать архивы в каждом районе области, тогда как руководство Горьковского облисполкома с этой задачей не справилось. Судя по документам середины 1930-х гг., если бы архивы остались в структуре облисполкома, это, скорее всего, привело бы к коллапсу.

Положительным было и то, что основные направления архивной деятельности организовывались и жестко контролировались главком. Это обеспечило системность архивной работы, сохранившуюся и впоследствии. Качественный скачок был достигнут в профессиональной подготовке и переподготовке кадров архивных работников, чему способствовал Историко-архивный институт, бывший в определенные годы ведомственным.

Кроме того, принадлежность архивов к системе НКВД обеспечила в период Великой Отечественной войны эвакуацию архивных фондов, а для Горьковской области — подготовку

к их эвакуации (к счастью, не потребовавшейся).

Таким образом, общий итог пребывания архивной службы в системе органов внутренних дел был в целом положительным. Сформированная сеть архивов, организация работы и внимание к подготовке кадров стали основой развития архивной отрасли в последующие периоды.

Примечания

¹ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 207. Л. 9.

² Там же. Л. 1–8.

³ Там же. Л. 77.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 84. Л. 31.

⁵ Там же. В Горьком ситуация мало отличалась, должностные лица перекладывали ответственность за разруху в архивах друг на друга. К примеру, архив Сормовского райсовета в хаотическом состоянии гнил в сыром подвале, при этом председатель райсовета уверял, что ежегодно включает в смету все необходимые расходы на содержание архивариуса, на ремонт помещения и на упорядочение архива, а председатель горсовета ежегодно эти статьи из сметы вычеркивает.

⁶ Штатный сотрудник УНКВД, ранее не работавший в архивах.

⁷ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 207. Л. 1–8.

⁸ Там же. Д. 222. Л. 17. Это не первое постановление такого рода. В 1936 г. Горьковский крайисполком уже принимал постановление, обязывающее райисполкомы безоговорочно обеспечить райархивы приспособленными помещениями, однако оно практически полностью было проигнорировано на местах.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 84. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 39–44.

¹¹ Весной 1940 г. по итогам обследований и переговоров в исполкомах в Тоншаевском районе вместо сырого подвала архиву было выделено сухое каменное помещение площадью около 40 кв. м и начаты его ремонт и оснащение; в Краснобаковском районе было принято решение о выделении помещения под рабочую комнату для работника архива и т. д. См.: ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 236. Л. 15 — 19 об.

¹² Там же. Д. 237. Л. 20.

¹³ С этого момента на протяжении трех лет архивное управление возглавляли профессиональные архивисты.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 84. Л. 39–44.

¹⁵ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 4. Д. 611. Л. 2–6.

¹⁶ См.: Постановление СНК СССР от 29 марта 1941 г. «Об утверждении положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР», в развитие которого ГАУ НКВД СССР 7 апреля 1941 г. издало свой циркуляр «О порядке реорганизации республиканских, краевых и областных архивов».

¹⁷ Горьковским архивам в период войны посвящены отдельные статьи: Пудалова А. П. Архивная служба Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Архивы через прошлое в настоящее : материалы 16-й межрегион. ист.-архив. конф. Ульяновск, 2020. С. 151–160 ; Она же. Архивы Горьковской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 4 (56). С. 69–73.

¹⁸ До эвакуации архив Наркомата насчитывал 36 400 ед. хр. Из них 17 524 дела было эвакуировано в Горький, остальные уничтожены в Москве. Из всего архива удалось спасти только 4,5 тыс. дел, которые успели извлечь из кочегарки. См.: ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 254. Л. 6–7.

¹⁹ Отделы секретных фондов были созданы еще в 1940 г. до реорганизации архивов. Основными задачами сотрудников были разработка фондов, выявление и взятие на учет контрреволюционных элементов, составление картотеки и справочников оперативно-чеккистского характера.

²⁰ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–16.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 922. Л. 71–72.

²² В 1941 г. с архивными документами ГАГО работали 26 человек, в 1942 г. — 9, в 1943 г. — 10, в 1944 г. — 10 человек. Количество исследователей уменьшилось из-за того, что наиболее ценные архивные документы были упакованы и изолированы от остальных фондов, а также из-за тяжелых условий работы (холода и регулярного отсутствия электричества).

²³ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 340. Л. 68. Строительство нового здания для архива в Арзамасе не обсуждалось, так как в указанный период он не являлся филиалом облгосархива в связи с существованием в 1954–1957 гг. самостоятельной Арзамасской области. До 2015 г. Арзамасский филиал находился в Спасо-Преображенском соборе Арзамаса.

²⁴ Там же. Д. 347. Л. 22.

²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 35. Л. 54–55.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.

Часть IV
Экономическая история

О. С. Суржик, Н. У. Белялов

Роль профсоюзных организаций Московского региона в развитии авиации в 1920-е годы (по документам Московского областного архивного центра)

В 2021 г. исполнилось 60 лет со дня первого полета человека в космос. Авиация и космос связаны одним небом. Авиация стала колыбелью космонавтики. Авиационная отрасль является одним из основных партнеров ракетно-космической промышленности. В авиации начинали работу многие известные космические конструкторы. Авиационные специалисты принимали участие в создании проектов аэрокосмических систем. Первые отечественные космонавты, включая Ю. А. Гагарина, отбирались из числа летчиков. Становление космической отрасли, первый полет человека в космос — это следующие ступени развития авиационной техники и промышленности. Без авиации не было бы освоения космоса.

Во время Первой мировой войны русские заводы выпускали всего 115 самолетов и 54 мотора в месяц и были вынуждены приобретать технику за рубежом, где им продавали преимущественно устаревшие модели¹. Тем не менее в 1914 г. на гидросамолете «Фарман» русский летчик Нагурский совершил первый полет в Арктику с целью поисков пропавшей экспедиции².

Двадцатые — тридцатые годы прошлого века принято считать отправной точкой развития авиации. Прошло всего несколько десятилетий, и деревянный биплан эволюционировал в сверхзвуковой пассажирский самолет. СССР стал одной из ведущих авиационных держав мира. В 1922 г. была открыта первая международная регулярная воздушная линия Москва — Кёнигсберг. В 1923 г. Совет труда и обороны принял постановление «О возложении технического надзора за воздушными линиями на Главное управление воздушного флота и об организации Совета по гражданской авиации»³.

В условиях нэпа военная промышленность оказалась в весьма непростом положении. Особое беспокойство в начале 1920-х гг. вызывало состояние авиационной промышленности⁴. Для содействия развитию воздушного флота страны в 1923 г. руководством страны было принято важные решения о создании Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) и общества «Добролет», ставшего предшественником «Аэрофлота» (1932). Первое из них было основано 8 марта 1923 г. В совет общества входили Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Держинский и др. Общество существовало на добровольные пожертвования и занималось промышленно-хозяйственной, финансовой, агитационно-пропагандистской и спортивной деятельностью. К концу 1923 г. оно объединяло почти 600 тыс. человек. Перед обществом ставились следующие задачи: пропаганда развития авиации, оказание материальной и иной помощи в создании отечественной

авиации и авиационной промышленности. Лозунгом ОДВФ был призыв: «Трудовой народ, строй воздушный флот!» Общество собирало деньги на строительство самолетов. Издавало популярную литературу об авиации с целью привлечения внимания трудящихся к авиации⁵.

17 марта 1923 г. было создано Российское акционерное общество добровольного воздушного флота — «Добролет». Л. Д. Троцкий, утверждал, что на одном энтузиазме небо не покорить⁶. «Добролету» отводилась роль творца авиационной мощи страны. Всем желающим предлагалось купить акции «Добролета». Согласно уставу, деятельность общества заключалась в перевозках пассажиров, почты с грузами, в аэросъемках. Если какая-либо компания приобретала акции на 25 тыс. руб., она могла использовать выпущенный на эту сумму самолет в собственных целях, однако по первому правительственному требованию все имущество «Добролета» отходило военному ведомству. На первые 500 тыс. руб., собранных с продажи акций, были приобретены иностранные самолеты, и вплоть до 1930-х гг. закупались германские «Юнкерсы» и голландские «Фоккеры»⁷. Вскоре «Добролет» превратился в крупнейшего авиаперевозчика и авиастроителя в СССР. В целях привлечения трудящихся к материальной поддержке и развитию авиации было выпущено множество агитационных плакатов ОДВФ и «Добролета», издавалась специальная агитационная литература. Так, в 1923 г. в губотдел металлистов обращался представитель общества «Добролет» с просьбой помочь в издании сборника «Добровольный воздушный флот и его значение»⁸.

В Московском областном архивном центре хранятся документы низовых профсоюзных организаций, большинство из которых не только не публиковались, но и не введены в научный оборот. С 1921 г. работники предприятий авиационной промышленности входили в состав профсоюза металлистов, который объединял рабочих, занятых в 28 отраслях промышленности с общим количеством около полутора миллионов членов профсоюза.

Московский областной районный комитет Союза рабочих металлистов начал работу в сентябре 1929 г. В Московском областном архивном центре профсоюз металлистов широко представлен архивными документами⁹. В октябре 1934 г. на пленуме профсоюза металлистов произошло разделение на профорганизации рабочих автотранспортной и авиационной промышленности. Создание профсоюза авиапрома было обосновано бурным развитием в 1930-е гг. отечественного авиастроения. В десятках городов в строй вводились самолетостроительные и авиамоторные за-

воды. В фонде профсоюза металлистов представлены протоколы общих собраний, совещаний и конференций сотрудников заводов самолетостроения Московского региона: государственных авиазаводов № 1 им. ОДВФ¹⁰, № 4 «Мотор»¹¹, № 5 «Самолет»¹², № 6¹³, авиационного завода Безобразова¹⁴.

В создании и становлении авиации в 1920–1930-е гг. активное участие принимали общественные организации и широкие массы трудящихся. В ускоренном развитии гражданской авиации, в делах, проектах и достижениях ее работников важная роль отводилась профессиональным союзам. Профсоюзные организации активно сотрудничали с Осоавиахимом, существовавшим в 1927–1948 гг.

Организация должна была опираться на самодеятельность, инициативу и творчество масс и содействовать развитию авиационного и «химического» дела в целях обороны Советского Союза. Общество состояло из ячеек, созданных по производственному принципу; в него принимались все желающие, независимо от пола и возраста. В качестве основных задач Осоавиахима назывались: широкое развертывание массовой авиационной культуры, укрепление низовых осоавиахимовских ячеек «как основного организатора и воспитателя масс»¹⁵. «У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь»¹⁶, — сказал И. В. Сталин в 1933 г.

В стране во многом благодаря профсоюзам стало разворачиваться шефство различных организаций, заводов и фабрик над авиацией. Так, профсоюз медработников «Медсантруд», объединивший в своих рядах 98 % всех медицинских, аптечных и ветеринарных работников СССР и выросший в многочисленную, крепкую организацию, с большим энтузиазмом брал шефство над отрядами Красной Армии, авиаотрядами.

В планах работы профсоюза на лето 1925 г. указаны конкретные меры помощи 6-му авиаотряду: «Провести проводы отряда на лагерную стоянку в день авиации 14 и 7-го, проводы отпускников 1902 г. и встречу молодняка. Обслужить отряд преподавателям школы малограмотности, снабжать единовременно культинвентарем, в случаях острой нужды обслуживать постановкой спектаклей и киносеансов без материальных расходов. Предоставить одно курортное место и вести санвоспитательную работу среди молодняка, обследовать качество питания. Отпускать по 200 штук трамвайных талонов для комиссий связи отряда. Периодически обследовать быт красноармейцев (1 раз в месяц). Вести длительную углубленную компанию по изысканию средств в фонд постройки самолета»¹⁷.

В архивном фонде профсоюза «Медсантруд» сохранились фотографии самолетов, пилотов, сотрудников подшефных авиаотрядов¹⁸. В шефскую деятельность включились сотни промышленных предприятий, производящих сырье и материалы для авиационной промышленности и авиации, самолетостроительных и иных заводов. Одним

из вариантов шефства стали массовые субботники, в ходе которых рабочие на добровольных началах переводили заработанные деньги в фонд развития авиации.

Профсоюзные организации в эти годы выполняли важную роль и в производственной, и в общественной деятельности коллективов предприятий: соцсоревнование, ударничество, организация денежных пожертвований и многие другие инициативы проводились с непосредственным и активным участием профсоюза.

В циркулярном письме Мосрайкома Всесоюзного союза рабочих металлистов трудящиеся мотивировались жертвовать на создание воздушного флота следующим образом: «Он (воздушный флот. — О. С.) одинаково важен для охраны от нападения на нас империалистов и международных хищников и для культурных целей. Все рабочие должны сознавать, что каждый новый самолет отодвигает от нас новую войну»¹⁹. Райком союза обязывался приступить к постройке самолета «Московский металлист-истребитель», для чего каждый член профсоюза обязывался внести 2 % от зарплаты единовременно. Работа по сбору средств для постройки самолета должна была быть закончена к очередному губернскому съезду союза²⁰.

На заседании пленума фабкома при фабрике «Передовая текстильщица» предлагалось «в ближайшее время созвать общее собрание рабочих фабрики, на котором широко ознакомить, всесторонне осветить, для чего, собственно, необходимо создать мощную авиацию, и склонить общее собрание к возможно посильной помощи на постройку воздухофлота»²¹.

Общее собрание женщин, занятых на торфоразработках, требовало разъяснения важности и значения воздухоплавания, необходимость его поддержки со стороны трудящихся. Работницы-торфяницы призывались к вступлению в общество воздушного флота²².

В планах Щелковского отделения профсоюза текстильщиков на 1923 г. было предусмотрено отчисление работниками Пушкинской красильно-аппретурной фабрики части дневного заработка в пользу воздушного флота²³.

Нередко на профсоюзных собраниях принимались решения о пожертвованиях. Готовность жертвовать на добрые дела коренилась в основанной на христианстве русской культуре, и, несмотря на сложное материальное положение работниц, не всегда была вынужденной.

Подобная традиция жертвовать на военно-гражданские суда восходит ко второй половине XIX в. На добровольные пожертвования представителей различных сословий в 1878 г. было создано одно из крупнейших судоходных обществ в Российской империи — Общество добровольного флота (ОДФ). Инициатива его создания принадлежала Императорскому обществу для содействия русскому торговому мореходству. 11 апреля 1878 г. был учрежден Комитет по устройству добровольного флота, председателем

которого стал наследник цесаревич Александр Александрович, а вице-председателем — К. П. Победоносцев²⁴. На добровольные пожертвования были приобретены корабли «Гользация», «Тюрингия», «Гаммония» и «Саксония», после освящения получившие названия «Россия», «Москва», «Петербург» и «Нижний Новгород».

Предполагалось, что во время войны суда будут участвовать в боевых действиях, а в мирное время исполнять торговые функции. В 1880–1881 гг. корабли Доброфлота входили в состав Тихоокеанской эскадры адмирала С. С. Лесовского на Дальнем Востоке. В 1883 г. добровольный флот перешел в ведение Морского министерства. В Русско-японскую и Первую мировую войны пароходы добровольного флота использовались в качестве военных кораблей, госпитальных и транспортных судов. В 1925 г. оставшиеся в России суда были включены в состав Совторгфлота.

Небо всегда притягивало человека. Достаточно вспомнить миф об Икаре. Человек издавна мечтал летать, преодолеть земное притяжение в широком смысле слова. В стремлении человека к полету видится неосознанная попытка уйти от обыденности, отчасти от материального мира с его брэнностью и тяготами. На более глубоком, подсознательном уровне стремление в небо являлось выражением стремления человека к Богу.

Конечно, развитие авиации было обусловлено необходимостью обороны и хозяйственными нуждами. Однако то воодушевление, с которым люди вкладывали свои ресурсы в дело развития авиации, сложно объяснить только материальными причинами. Постепенно уходя из сферы политической, профсоюзные организации в своей деятельности концентрировались на вопросах организации труда и быта людей, отчасти взяв на себя роль общины для вчерашних крестьян. Профсоюзные организации в 1920-е гг. имели немалое влияние на формирование образа жизни трудящихся. С одной стороны, они проводили полити-

ку, диктуемую вышестоящими инстанциями, с другой — включая в себя на низовом уровне представителей традиционного мировоззрения, несли в себе зерно традиционной культуры народа.

Примечания

¹ См.: Авиация и воздухоплавание : объяснит. текст к альб. многокрасоч. изостат. таблиц по истории развития, соврем. состоянию и применению авиации, воздухоплавания, планеризма и парашютизма для воен. и мир. целей. М. : Всесоюз. ин-т изобразит. статистики совет. строительства и хозяйства при ЦИК СССР : ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934. С. 1.

² См.: Там же. С. 11.

³ См.: Гражданская авиация России. История полетов. URL: <https://spec.tass.ru/istoriya-poletov>.

⁴ См.: Советское военно-промышленное производство (1918–1926) : сб. док. М. : Новый хронограф, 2005. С. 25, 28.

⁵ См.: *Валентэй И.* Как летают самолеты, и какая от них польза народу. М. : Воен. вестн., 1924. 31 с.

⁶ См.: МОАЦ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 500. Л. 108 — 110 об. ; Даешь мотор : прил. МОДВФ. 1924. № 3.

⁷ См.: Каким был Аэрофлот, когда он еще был Доброфлотом. URL: <https://cont.ws>.

⁸ См.: МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1.

⁹ См.: Там же. Ф. 135.

¹⁰ См.: Там же. Д. 1307.

¹¹ См.: Там же. Д. 941, 1228, 1308, 2643.

¹² См.: Там же. Д. 1242, 1637.

¹³ См.: Там же. Д. 1, 373, 1194.

¹⁴ См.: Там же. Д. 103.

¹⁵ См.: Авиация и воздухоплавание... С. 10.

¹⁶ Гражданский воздушный флот. К VII съезду Советов. М. : ОНТИ НКТП СССР ; Л. : Гл. ред. авиац. лит., 1935. С. 4.

¹⁷ См.: МОАЦ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 500. Л. 172.

¹⁸ См.: Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2822.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 135 Оп. 1. Д. 1032. Л. 1.

²⁰ См.: Там же. Л. 4.

²¹ См.: Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 116. Л. 31.

²² См.: Там же. Ф. 293. Оп. 1. Д. 575. Л. 71.

²³ См.: Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

²⁴ См.: Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому // Литературное наследство. Вып. 15. М., 1934. С. 137.

Н. А. Михалев

Освоение Ямальского Севера в 1930–1950-е годы: формы и методы привлечения рабочей силы¹

Двадцатое столетие в истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа) характеризуется очевидной неравномерностью темпов исторических преобразований. То, что происходило здесь до середины 1960-х гг., слишком явно несло в себе черты замедленного периферийного развития, а то, что наступило после этого рубежа, — справедливо отмечает К. И. Зубков, — можно смело уподобить мощному историческому взлету, результатом которого стало превращение Ямала в один из важнейших в стратегическом отношении регионов России. Однако этот перелом в судьбе региона вряд ли можно рассматривать исключительно в терминах исторического контраста. Прорыв в развитии Ямальского Севера, свя-

занный с открытием и эксплуатацией его богатейших природных ресурсов, был подготовлен предшествующим развитием региона². Начавшееся в первой трети XX в. активное хозяйственное освоение территории края создало тот необходимый фон, на котором произошел и без которого был невозможен этот прорыв.

К началу 1930-х гг. входившая в состав Уральской области обширная территория Северо-Западной Сибири представляла собой труднодоступный и малоосвоенный район, который существенно уступал по уровню социально-экономического развития, численности и плотности населения сопредельным районам Урала и Сибири. Освоение этих и иных пространств страны

требовало огромного количества рабочих рук. Однако реализация государственной политики добровольного переселения, активно проводившаяся с этой целью в 1920-е гг., сталкивалась с постоянными проблемами финансирования, различными организационными и другими сложностями. Ее результативность была невысокой, так как приток желающих был гораздо ниже тех потребностей, которые диктовала необходимость развития лесной и добывающей промышленности, других отраслей производства³.

В связи с этим в 1930-е гг. в балансе рабочей силы, требуемой для освоения новых территорий, важную, а в ряде случаев решающую роль начинают играть различные категории спецконтингента. Фактически то, что не смогло сделать государство, проводя политику добровольного переселения на малоосвоенные земли, стало осуществляться путем насильственных миграций, ставших одной из отличительных особенностей российской истории 1930–1950-х гг. Ямал в этом смысле вовсе не являлся исключением⁴. Наоборот, Ямало-Ненецкий округ стал одним из тех регионов, история которых наглядно показала прагматическое отношение к спецпереселенцам как к инструменту хозяйственного освоения новых территорий. Невыгодный с общеэкономической точки зрения принудительный труд приобретал здесь особое значение. Тяжелейшие климатические условия и бытовые лишения препятствовали сколько-нибудь надежному закреплению вольнонаемной рабочей силы, а коренное население оказалось неподготовленным к массовому участию в современных сферах занятости. Отсюда столь значительная роль спецсылки в развитии хозяйства Ямальского Севера, роль гораздо большая, чем доля этой категории в общем населении края⁵. В 1930–1950-е гг. именно спецпереселения являлись главным источником рабочих рук в округе. Основу этой «спецколонизации» составили несколько мощных миграционных потоков.

В начале 1930-х гг. территория Ямальского округа стала местом ссылки крестьян, репрессированных в процессе раскулачивания и массовой коллективизации сельского хозяйства. Согласно принятому 5 февраля 1930 г. постановлению бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» высылке в малонаселенные и необжитые районы Севера подлежало только из округов Уральской области «до 15 000 кулацких хозяйств»⁶. Кроме этих 15 тыс. «уральских кулаков» еще несколько ранее, на заседании бюро обкома 31 января 1930 г., было решено «ориентировочно принять предложение Центра о размещении на Урале 40 000 семейств кулачества, высылаемых из других районов Союза». Из них к размещению в Тобольском округе, к которому тогда относилась территория Ямала, планировалась 21 тыс. семейств⁷. Причем в ходе разработки подобных переселенческих планов всегда подчеркивался потенциальный экономический эффект для

«районов-реципиентов» от жертв этих принудительных миграций. «Кулацкая ссылка» должна была размещаться исключительно «в порядке колонизации, с расчетом использования на лесоразработках и рыбных промыслах», должна была быть поставлена «в такие материальные условия, при которых она будет находиться в полной зависимости от государственных предприятий, дающих ей заработок»⁸.

Таким предприятием, на которое была возложена обязанность по вселению и обслуживанию репрессированных крестьян и от которого они были поставлены в полную экономическую зависимость, на Ямальском Севере стал Уральский (с 1931 г. — Обский) государственный рыбопромышленный трест. Общая численность спецпереселенцев, переданных тресту и размещенных на территории региона, к концу 1930 г. составила на примерно 3 тыс. человек, увеличившись к концу 1935 г. до 3,5–4 тыс. человек. К этому же времени устанавливается и сеть основных спецпоселков, размещенных в таких пунктах, как Обдорск, Аксарка, Новый Порт, Ныда, Шуга и т. д. Усилиями спецпереселенцев были построены многие рыбозаводы (в частности Новопортовский и Пуйковский), они же стали и первыми работниками этих предприятий⁹.

Следующий этап принудительных переселений на Ямальский Север пришелся на первую половину 1940-х гг. и отличался еще большей интенсивностью. Одним из основополагающих документов, заложившим базу для размещения на территории Ямало-Ненецкого округа новых контингентов спецпереселенцев в этот период, являлось принятое 6 января 1942 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Оно потребовало «приступить немедленно к организации и расширению рыбных промыслов в бассейнах рек Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Селенги, Ангары, Баргузина, Амуре и их притоков, Обской и Байдарацкой губы, Гыданского и Енисейского заливов... с тем чтобы весной 1942 г. уже был развернут массовый лов рыбы в этих бассейнах»¹⁰. Секретная часть данного постановления предписывала в первом полугодии 1942 г. «переселить в районы низовья Оби, Байдарацкой, Тазовской и Обской губ и Гыданского залива 10 тыс. чел. и в 1943 г. — 3 тыс. чел. спецпереселенцев для использования их на лову и предприятиях рыбной промышленности»¹¹. Созданный этим постановлением Омский (с 1943 г. — Ямальский) госрыбтрест должен был трудоустроить большинство переселенцев, реализовать на практике тот сугубо прагматичный подход к ним как к будущей рабочей силе в районах нового хозяйственного освоения, что уже был опробован в прошлое десятилетие «кулацкой ссылкой».

Наибольшее число переселенцев поступило в округ в 1942 г. — около 6–6,3 тыс. человек. Несмотря на то что первоначально предполагалось их число было еще большим — 6 тыс. человек

только трудоспособных работников, — с обустройством и обслуживанием даже этого контингента возникли серьезные трудности. Поэтому в 1943 г. ссылка в округ временно прекратилась. В 1944 г. она возобновилась, и тогда на Ямал прибыло около 1,4 тыс. человек. Причем по сравнению с 1930-ми гг. состав спецссылки был более «пестрым». Перепись, проведенная органами НКВД на предприятиях Ямальского рыбтреста в середине 1945 г., фиксировала подневольное население по пяти основным категориям: «кулаки», высланные на Север в начале 1930-х гг.; «немцы», высланные в 1941 г. из бывшей Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей; «калмыки», высланные из Калмыцкой АССР в 1944 г.; «бессарабцы», то есть украинцы, молдаване и румыны, высланные в 1941 г. из Западной Украины и Молдавии; «ленинградцы» — финны, немцы, поляки, русские и т. д., переселенные главным образом из Ленинграда и Ленинградской области в 1941–1942 гг.¹²

Самым мощным источником сосредоточения в регионе контингентов подневольного населения явились ИТЛ строительства № 501 и 503. Находившиеся в ведении Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) МВД СССР, они осуществляли сооружение заполярной железнодорожной магистрали Чум — Салехард — Игарка в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг.¹³

Кадры строительства были неоднородны и включали несколько категорий. К самой многочисленной относились заключенные. Данные таблицы свидетельствуют, что наибольшее количество заключенных трудилось на заполярной стройке в конце 1949 — первой половине 1951 г. В течение этого периода их численность колебалась от 69,9 до 75,1 тыс. человек (в среднем, таким образом, превышая 71 тыс. человек). Год 1951-й ознаменовался сокращением объема строительной программы. В связи с этим по указанию ГУЛАГа за пределы ИТЛ стройки № 501 и 503 было отправлено значительное количество заключенных. По состоянию на конец 1951 г. в сравнении с его началом численность заключенных, содержащихся в ИТЛ строительства № 501, уменьшилась на 28,2 тыс. человек (или на 68 %), в ИТЛ строительства № 503 — на 13,5 тыс. (или на 47 %). В дальнейшем по мере сворачивания строительства и ликвидации с октября 1952 г. ИТЛ объекта № 503 численность заключенных продолжала сокращаться. После консервации участка Салехард — Игарка контингенты размещались на участке Чум — Лабитнанги. По состоянию на январь 1954 г. на этом отрезке трассы имелось семь лагерных пунктов, рассчитанных на 4,4 тыс. человек. Последние колонны строителей ушли с трассы в 1955 г.¹⁴

Динамика численности заключенных ИТЛ строительства № 501 и 503, чел.*

Год	Дата	Лагерь		Всего
		№ 501	№ 503	
1947	1 июля	18 133	—	18 133
	1 октября	34 687	—	34 687
1948	1 января	33 501	—	33 501
	1 октября	51 618	—	51 618
1949	1 января	51 363	—	51 363
	1 октября	43 630	26 270	69 900
1950	1 января	41 203	29 126	70 329
	1 октября	44 544	30 518	75 062
1951	1 января	41 718	28 774	70 492
	1 октября	13 462	15 291	28 753
1952	1 января	13 499	14 191	27 690
	1 октября	20 880	13 055	33 935
1953	1 января	29 049	—	29 049
	1 октября	9247	—	9247

* Составлено и подсчитано по: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков. М., 2005. С. 532, 534.

К кадрам строителей относились также вольнонаемные работники и военизированная охрана. Их учет приведет к увеличению общего числа работавших на строительстве как минимум на 20 % (более точные данные указать невозможно из-за отсутствия полных сведений за отдельные годы по охране и вольнонаемному составу). Эти расчеты, кроме того, не принимают во внимание членов семей строителей. По данным последнего начальника 501-й стройки А. Д. Жигина, когда строительство закрывалось, было эвакуировано до 100 тыс. человек¹⁵.

Следует отметить, что несмотря на нахождение в отдаленных районах Заполярья, стройка привлекала к себе как вольнонаемных, так и подневольных работников. Так, например, по свидетельству живущей в Игарке семьи Еремеевых, в период строительства жители многих енисейских станков стремились попасть на работу в Ермаково (центр строительства № 503): жизнь там была намного сытнее¹⁶. Сходные отзывы имеются и о 501-м строительстве. По словам работавшей директором культурно-воспитательной части 19-й колонны Обского ИТЛ Ф. П. Панаевой, на стройку «многие мечтали устроиться — в Салехарде тогда оклады были маленькие, северные не платили, а там у меня зарплата — 1620 рублей в месяц...»¹⁷ Действительно, вольнонаемным сотрудникам, офицерскому и сержантскому составу МВД был установлен оклад с самым большим северным коэффициентом, превышавшим более чем в два раза обычный в этой должности. За каждые полгода работы полагалось 10 % надбавки¹⁸.

Заклученных привлекала применявшаяся на строительстве система «зачетов». Л. В. Шерешевский, известный поэт и переводчик, прошедший через ИТЛ строительства, впоследствии вспоминал: «Весной 1947 года в лагерях, расположенных в центре России, разнеслась весть о том, что на Дальнем Севере затевают некую громадную стройку, куда приглашают добровольцев из заключенных... Само такое сочетание может показаться чудовищным. Однако дело обстояло именно так — заключенным предлагали заявить о своем желании поехать на новую стройку, и многие такое желание выразили. Тем, кто соглашался ехать на новую стройку, маячили зачеты. Зачеты — это значит, что при выполнении или перевыполнении нормы и соблюдении всех режимных правил день засчитывают за полтора, а то и за два. Срок можно сократить на треть или даже вдвое и приблизить желанный час освобождения». Действовавшая система предусматривала, что при выполнении заключенными дневной нормы на 125 % один день в лагере засчитывался за два, а на 150 % — уже за три¹⁹.

Дорога так и не была завершена, всего на трассе Чум — Салехард — Игарка было уложено около 848 из 1459 км пути. Была полностью закончена линия Чум — Салехард, с 1950 г. началось регулярное движение прямых вагонов Москва — Лабытнанги. В 1952 г. открыто рабочее движение поездов от Салехарда до Надыма, курсировали даже пассажирские вагоны Москва — Надым²⁰. Тем не менее большинство исследователей сегодня признают целесообразность строительства дороги не только с точки зрения исторической перспективы (прохождение в районах богатейших месторождений углеводородов и других полезных ископаемых, интенсивное освоение которых началось десятилетия спустя), но и с точки зрения пользы от магистрали в то время, когда она возводилась²¹. По словам председателя Ямало-Ненецкого окрисполкома М. М. Броднева, «открытие железной дороги имело громадное моральное значение. <...> С постройкой железной дороги путь от Салехарда до Москвы сократился до 2436 км. Ежедневно два вагона Лабытнанги — Москва на третьи сутки доставляют пассажиров в столицу. Исчезло чувство оторванности от “Большой земли”, что способствовало закреплению кадров, притоку в округ специалистов, рабочих. Главное же в том, что с постройкой железной дороги исчезла зависимость от сезонных транспортных перевозок, ранее осуществляемых только водным путем»²².

Итак, освоение Ямальского Севера в 1930–1950-е гг. осуществлялось преимущественно при помощи принудительного труда различных категорий спецпереселенцев и заключенных. Их усилиями была во многом заложена та социально-экономическая база, с которой округ вступил

в 1960-е гг. и которая явилась основой для его дальнейшего развития, построенного уже на совершенно иных формах и методах привлечения и закрепления рабочей силы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010.

² История Ямала : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексева. Т. 2: Ямал современный, кн. 1: У истоков модернизации. Екатеринбург, 2010. С. 10.

³ Подробнее об организации плановых переселений на территорию Уральской области, куда в 1920-е гг. входила современная территория Ямало-Ненецкого округа, см.: Павлова О. В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 109–137.

⁴ См., например: Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002 ; Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003 ; Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009 и др.

⁵ См. подробнее: История Ямала Т. 2, кн. 1. С. 353–357.

⁶ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) : сб. док. / сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель. Екатеринбург, 1993. С. 29–30.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 452.

⁸ Там же. Л. 90, 452.

⁹ См. подробнее: Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010. С. 102–108.

¹⁰ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). Т. 2: 1929–1945 гг. М., 1957. С. 719–720.

¹¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири (1939–1945 гг.) : сб. док. Новосибирск, 1996. С. 110–112.

¹² См. подробнее: Михалев Н. А. Указ. соч. С. 114–130.

¹³ О предыстории и причинах сооружения магистрали см. подробнее: Гриценко В. Н., Калинин В. А. История «мертвой дороги». Екатеринбург, 2010. С. 11–39 ; История Ямала. Т. 2, кн. 1. С. 325–329.

¹⁴ См. подробнее: Михалев Н. А. Указ. соч. С. 131–138.

¹⁵ См.: Пиманов А. С. История строительства железной дороги «Чум — Салехард — Игарка» (1947–1955). Тюмень, 1998. С. 42.

¹⁶ См.: Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Красноярск, 2000. С. 11–12.

¹⁷ Липатова Л. Ф. Потомственная обдорянка // Л. Ф. Липатова. 20-й век глазами обдорян. Салехард, 2005. С. 85–86.

¹⁸ Азаров О. По тундре, по железной дороге... // Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / сост. Г. В. Невский. Сыктывкар, 1999. С. 201.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Пиманов А. С. Указ. соч. С. 21–22 ; Добровольский А. Мертвая дорога // Отечество : краевед. альм. М., 1994. С. 199–200.

²¹ См.: Пиманов А. С. Указ. соч. С. 103–104.

²² Цит. по: Гриценко В. Н., Калинин В. А. Указ. соч. С. 209.

Т. В. Судакова

Строительство заводов в Каменске-Уральском в годы Великой Отечественной войны в архивных документах

Первенец уральской металлургии Каменский железодельный завод и поселок, давший начало нынешнему Каменску-Уральскому, стали одним из опорных пунктов промышленного развития края. С момента своего основания и многие десятилетия завод выпускал пушки и артиллерийские орудия для российской армии, чугунные трубы для строительства железных дорог и устройства городских водопроводов. Проработав 225 лет, завод — единственное предприятие, сердце Каменска — был закрыт. Второе рождение города началось в эпоху бурного промышленного строительства молодой советской страны. За 1930–1940 гг. в Каменске были воздвигнуты такие гиганты индустрии, как Синарский трубный и Уральский алюминиевый заводы, население города выросло в десять раз.

Постановлением Президиума ВЦИК 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на три области: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую. С этого времени и до 15 июня 1942 г. Каменский район и рабочий пос. Каменск (с 1935 г. — г. Каменск, с 1940 г. — г. Каменск-Уральский) входили в состав Челябинской области¹.

Архивные документы этого периода фондов исполнительных комитетов Каменского районного и городского советов депутатов трудящихся, отделов народного образования, здравоохранения, финансов, Синарского трубного и Уральского алюминиевого заводов находятся на хранении в филиале ГАСО в Каменске-Уральском. В фонде треста № 20 был выявлен комплекс документов управления строительством Каменских заводов (УСКЗ). Силами этой организации в годы Великой Отечественной войны велось строительство заводов № 286 (Каменск-Уральский литейный завод) и № 268 (Каменск-Уральский металлургический завод) Главного управления Народного комиссариата авиационной промышленности, районных подсобных предприятий (силикатного комбината, завода по изготовлению металлоконструкций, деревообделочного комбината), разработка карьеров песка и бутового камня. В документах Каменск-Уральского горисполкома содержатся решения, касающиеся взаимодействия городской исполнительной власти и УСКЗ, а также решения о выделении жилья для рабочих и площадок под строительство других объектов.

Подготовительные работы на строительстве завода № 286 в были начаты в конце 1940 г. Выполнялись они подрядным способом силами строительного-монтажной конторы № 2, входившей в состав Союзного строительного треста № 5 НКПА. С 1 февраля и до июля 1941 г. строительство завода было передано тресту «Уралалюминстрой», а трест № 5 стал готовить площадку для строительства нового завода (№ 268)

и подсобных предприятий²: силикатного и деревообделочного комбинатов, завода по изготовлению металлоконструкций, щебеночно-бутового и песчаного карьеров. Проектирование предприятий было поручено тресту № 41 НКПА. Трест не выдерживал сроки сдачи проектной документации в производство, не располагал необходимой индустриальной базой для развертывания капитальных работ, жилого фонда, технических кадров, имел слабое оснащение механизмами и транспортом, поэтому не мог освоить заданные объемы строительства и ввести в эксплуатацию необходимые производственные мощности.

Начавшаяся война потребовала резко усилить темпы строительства для подготовки производственных площадей на случай эвакуации оборонных предприятий. Нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин своим приказом от 14 июля 1941 г. потребовал немедленно форсировать строительство Каменских заводов. Для этого из Москвы в Каменск-Уральский эвакуировали трест № 30 НКПА, а трест № 5, который вел работы на каменских стройках, влился в него³.

При эвакуации в Каменск-Уральский треста № 30 было получено 1148 вагонов общим весом 14 208 т, перевезено 5413 человек, из них 3342 рабочих. На новом месте они начали трудиться 1 августа 1941 г.

Получив достаточно механизмов и транспорта, располагая техническими кадрами и квалифицированными рабочими, наконец, располагая помощью наркомата, трест № 30 в кратчайший срок должен был закончить строительство ряда основных цехов Каменских заводов и создать условия для ведения монтажа и восстановления эвакуированных предприятий. Перед руководством стояла задача обеспечить строительство в зимний период: подготовить фундаменты зданий, провести отопление строящихся цехов, подготовить жилища.

На заседаниях исполкома городского совета за период с июля по октябрь 1941 г. были приняты решения: о прокладке шоссейной дороги до промышленной площадки и вырубке леса для проведения линии электропередач к заводу № 268; о выделении участков для строительства временных подсобных складов; о строительстве временных бараков и жилых каменных домов для рабочих заводов № 268 и 286; об открытии рынка, устройстве водопровода и др.⁴ В силу сложившихся обстоятельств (недостаточное снабжение материалами, нехватка рабочей силы, отсутствие автотранспорта) проекты и сметы стройконтора получала со значительным опозданием, выполнение производственного плана шло с большим отставанием. 14 октября 1941 г. за допущенный провал каменского строительства нарком авиационной промышленности снял руко-

водство треста № 30, для ведения работ форсированными темпами объединил руководство заводом № 268 и трестом № 30 в одних руках.

В ноябре 1941 г. на базе треста № 30 и ОКСа завода № 268 было создано объединенное УСКЗ с переводом работ на хозяйственный способ. Начальником УСКЗ назначен Гурген Варганович Визириян, а с февраля 1942 г. — Петр Антонович Герасимов.

И все-таки план 1941 г. был выполнен только на 48 %, производительность труда составила 71 %⁵.

В течение всего 1941 г. наряду с перемещением руководства треста производились неоднократные изменения в организационной структуре управления низовыми звеньями (конторами и участками); частая смена руководящего персонала приводила к текучке кадров. Прибывавшие на стройку рабочие из ИТК и строительных батальонов были малоквалифицированными и весьма недисциплинированными, осваивали новые профессии в течение длительного времени. Неудовлетворительно были организованы общественное питание и обеспечение жильем⁶.

Не были полностью решены вопросы теплоснабжения и электроснабжения. Для отопления необходимо было построить тепломагистраль от Красногорской ТЭЦ до промплощадки и разводящие сети протяженностью 4000 погонных метров. Фактически план был выполнен на 0,2 % (начаты земляные работы). Для выхода из положения производственные цеха пришлось отапливать индивидуальными котельными с установкой десяти паровозов. Для снабжения электричеством начато строительство подстанции (готовность на 1 ноября — 18,8 %). Для размещения прибывающего оборудования не было подготовлено необходимых складских помещений, погруочно-разгрузочных средств и разбитой железнодорожной сети⁷.

По состоянию на 1 января 1942 г. в Каменск-Уральский из г. Ступино Московской области с комбината № 150 на площадку завода № 268 были отправлены оборудование (1285 вагонов), производственные материалы и инструменты (452 вагона), персонал (192 человека). В связи с поступлением большого потока грузов — до 100 вагонов в день — и отсутствием достаточного количества кранов приходилось ежедневно перебрасывать со стройки до 700 рабочих⁸.

На площадку завода № 286 к концу ноября прибыли три эшелона с оборудованием и персоналом эвакуированного из-под Москвы Балашихинского литейно-механического завода № 120, выпускавшего колеса для самолетов⁹. Сильнейшим испытанием для строителей зимой 1941/1942 гг. стали морозы, которые доходили до -40 °С.

Для расселения эвакуированных приходилось строить в общежитиях двойные нары, а часть семей размещать в ближайших селах. Торговая сеть и сеть предприятий общественного питания, принадлежавших Челябинторгу, снабжали население в основном только хлебом. Рабочая

столовая, пущенная в эксплуатацию в октябре, и столовая для стахановцев работали с перебоями. Обед ограничивался одним первым блюдом¹⁰.

Тем не менее проектирование и строительство шло уже нарастающими темпами. До организации УСКЗ все проектирование промышленного и жилищного строительства заводов № 286 и 268 производилось специальным проектным бюро № 2 (СПБ-2) Гипроавиапрома на правах генерального подрядчика¹¹. В октябре 1941 г. было принято решение об организации проектно-технического отдела (ПТО) в составе УСКЗ.

По решению правительства часть оборудования комбината № 150 в марте 1942 г. была реэвакуирована в Ступино, принято решение об оснащении завода № 268 новым импортным оборудованием. Проектно-техническому отделу пришлось подвергнуть ревизии и переделке все без исключения проекты. Был кардинально переработан генеральный план завода, включая проекты железнодорожных путей, вертикальной планировки и совмещенных коммуникаций завода. Заново разработаны проекты внешних сетей (водопровод, канализация, ливнестоки, теплофикация, кабельные сети и пр.), проект электроснабжения завода и освещения цехов. Запроектирован новый жилой поселок при заводе с несколькими типами жилых домов, больницей, поликлиникой, детскими садами, яслями, магазинами, клубом. Проектно-технический отдел самостоятельно провел все изыскательские и геодезические работы. До конца 1941 г. было выпущено более 2000 чертежей.

К 1 января 1942 г. на заводе № 268 закончилось строительство корпуса литейного цеха. В стадии монтажа были системы отопления, электроосвещения и две электроплавильные печи. В прокатном цехе заканчивалось бетонирование монолитного железобетонного каркаса, завершался монтаж металлических конструкций крыши, проводилась кладка кирпичных стен. В кузнечном цехе закончены земляные работы, возведены железобетонные сборные конструкции каркаса. Почти полностью были закончены семь пролетов низкой зоны главного корпуса. В высокой зоне корпуса производилась укладка кровельных железобетонных плит, велась кирпичная кладка внутренних и наружных стен, оруджался фундамент под оборудование. Литейный корпус выведен из состояния консервации, велась земляные работы и бутовая кладка фундаментов. Закончены строительные работы опытной литейной, производился монтаж отопления. Во временном сборочном цехе шел монтаж оборудования. Велась подготовка к устройству фундаментов под плавильные печи. Закончено строительство и монтаж модельного цеха.

12 марта 1942 г. на заводе № 286 были отлиты первые детали самолета транспортного назначения Ли-2 — измененной конструкции лицензионного самолета ДС-3 «Дуглас». Этот день стал днем рождения Каменск-Уральского литейного завода, нового производства на Урале¹².

На подсобных предприятиях УСКЗ на 1 января 1942 г. выполнены работы в следующих объемах: в стадии завершения находились работы по возведению основного здания завода силикатного кирпича, шла подготовка к монтажу оборудования. Основной цех завода металлоконструкций был закончен и сдан в эксплуатацию. На деревообрабатывающем комбинате столярный цех закончен и сдан в эксплуатацию, смонтировано оборудование двух лесопильных рам. Закончено строительство сушилки.

Для выполнения такого большого объема работ были привлечены дополнительные кадры. Трестом № 30 переведено с московскихстроек около 3500 человек рабочих и техперсонала. С завода № 486 переведено 340 человек, с комбината № 150 рабочих 1047 человек, техперсонала и служащих — 585, рабочих строительных колонн — 3400 человек. До апреля состав строительного батальона ежемесячно менялся и переформировывался для отправки в действующую армию. Так, в январе — марте было отправлено на фронт и вновь поступило около 6000 человек¹³.

Наличие основных строительных механизмов на 1 января 1942 г. было следующим: экскаваторов — 8, бетономешалок — 20, растворомешалок — 15, транспортеров — 24, камнедробилок — 3. Для авто- и гужевого транспорта имелись гараж на 40 машин, 2 конюшни, авторемонтные мастерские. Находились в эксплуатации 87 автомашин, 127 лошадей, 3 автобуса, 9 легковых машин¹⁴.

Строительные батальоны стали со временем расформировывать, переводить в статус вольнонаемных рабочих и закреплять за строительством. Были организованы сквозные и комплексные бригады, к отстающим прикреплялись лучшие инструкторы или назначались бригадирами стахановцы. Передовым бригадам предоставлялись повышенное питание, внеочередное снабжение одеждой, обувью и табаком. Улучшились бытовые условия: ликвидированы нарные общежития, прошел перевод на коечную систему. Были оборудованы кухни и сушилки, на территории поселка построена баня-прачечная. Управление имело поликлинику и больницу, считавшиеся лучшими в городе. Детский сад и ясли получили первенство в городском соревновании. Управление также завоевало первое место в городе по медико-санитарному обслуживанию¹⁵.

С начала третьего квартала 1942 г. все стройплощадки треста полностью были охвачены социальным соревнованием по выполнению обязательств, принятых уральцами на имя И. В. Сталина. Бригадам, выполняющим задания сверх 200 %, ежедневно вручали переходящее Красное знамя и 100 руб. премии. Штукатуры Вальков и Шаболов за восемь часов работы оштукатурили по 190 кв. м вместо 19 кв. м по норме, выполнив план на 1000 %. Бетонщики Бартенев и Пахомов за восемь часов уложили по 115 куб. м — 1300 % нормы. Плотники Смердов и Переверзев на установке опалубки подкрановых балок выполнили норму на 1262 %. За год 292 человека овладели вто-

рой профессией. Члены бригады тысячников К. И. Смердова работали плотниками, каменщиками, бетонщиками, землекопами и арматурщиками. В систему вошло изучение правил техники безопасности и охране труда на строительстве¹⁶.

С начала проектирования предприятий СПБ-2 было дано большое количество рациональных решений, направленных на удешевление строительства, сокращение сроков, затрат материалов и рабочей силы. В феврале 1942 г. началась работа по рационализации и изобретению, которую выполнил актив рационализаторов в количестве 437 человек, собрано 1007 рацпредложений с суммой экономии от их внедрения в 3130 тыс. руб.

Для экономии дефицитных вяжущих материалов в сложных растворах для каменной кладки и штукатурных работ применяли заменители: известь заменяли золой, добавляли также глину в естественной смеси с песком. Основной сырьевой базой являлась Красногорская ТЭЦ, откуда поставляли золу с электрофильтров¹⁷. Эту практику продолжили и в послевоенный период при строительстве других культурно-бытовых зданий. Так, киноконцертный зал Уральского алюминиевого завода (памятник архитектуры регионального значения) был построен из шлакоблоков, изготовленных по бесцементной технологии из золы Красногорской ТЭЦ¹⁸.

По итогам 1942 г. строительные-монтажные работы на заводе № 268 были выполнены на 105 %. План по строительству завода № 286 выполнен на 103 %. Все работы на объектах треста № 41 производились собственными силами УСКЗ без привлечения подрядных организаций. Годовой план выполнен на 187 %. Основная продукция — силикатный кирпич, известь и железобетонные изделия — лимитировала строительные работы УСКЗ, поэтому строителями были приложены все силы для быстреего окончания объектов и сдачи их в эксплуатацию¹⁹.

25 декабря 1942 г. исполком Каменск-Уральского горсовета принял решение «Об утверждении проекта планировки поселка завода № 268». Проект планировки был утвержден и разрешена постройка 15 домов и киноклуба. Новому поселку присвоено наименование — «поселок Чкалова»²⁰.

1943 год охарактеризовался сдачей в эксплуатацию основных производственных зданий и сооружений завода № 268, это составило 73 % всех работ УСКЗ. На основных площадках сданы в эксплуатацию: кузнечно-прессовый цех № 35, вертикально-гидравлический пресс «Болдвин — Саутварк», закупленный в США по ленд-лизу. Основным персоналом нового цеха составили строители, занимавшиеся монтажом прессы. Сдано в срок под монтаж здание прокатного цеха № 42, а также два прессы с насосно-аккумуляторной станцией, нагревательными печами и селитровыми ваннами цеха № 43. Новые цеха были также укомплектованы персоналом из числа строительных рабочих, подготовленных на специальных курсах²¹.

1 сентября 1943 г. пущен кузнечный цех, первой его продукцией стали штампованные лопасти для фронтальных штурмовиков Ил-2. 7 ноября 1943 г. введен в эксплуатацию профильно-прессовый цех, где успешно прошло первое прессование профилей. По итогам 1943 г. на заводе № 268 было выпущено и отгружено предприятиям оборонной промышленности 2611 т слитков из алюминевых сплавов, 11 327 лопастей для самолетов, 125 т профилей и прутков²².

Управление в 1943 г. выполнило работы по жилищному и социально-культурному строительству заводов № 268 и 286, сдав 21 040 кв. м жилья. Заводской персонал и строители были полностью обеспечены жильем, имея 4,8 кв. м на одного человека²³. В рабочем поселке им. Чкалова весь жилой фонд благоустроен, снабжен системой центрального отопления и сетью электроосвещения, каменные дома — горячим водоснабжением и канализацией. На территории поселка построены: больница, инфекционное и детское отделения, поликлиника, школа, детский сад, ясли, аптека, клуб. Работала швейная, сапожная, часовая мастерские, мастерская бытового ремонта, парикмахерская, баня, прачечная, дезокамера и молочная кухня²⁴.

В целях экономии остродефицитных материалов строительная лаборатория проводила опытно-исследовательскую работу. В результате УСКЗ стал выпускать новые изделия из бесцементных бетонов, полученные при автоклавной обработке: перегородочные шлако-известково-золевые плиты, бордюрные камни, железобетонные перемычки и ступени, а для прокладки канализационных и водопроводных колодцев — сегментные камни. На основе извести, золы и опилок был разработан и освоен новый тип утеплителя для жилых и общественных зданий — известково-золевый фибролит. Его применение дало большую экономию леса, а из-за простого монтажа значительно высвободило рабочую силу. На базе битумов и битумоподобных материалов были разработаны синтетический асфальт, тугоплавкая мастика, рулонный кровельный материал, что также дало значительную экономию²⁵.

20 декабря 1943 г. решением правительства был создан строительно-монтажный трест № 20. Все цеха, хозяйственные единицы и отделы, входящие в завод № 268, перешли в распоряжение вновь назначенного директора Федора Терентьевича Маленка, а оставшиеся строительные, монтажные участки, отделы главного механика и рабочего снабжения, транспортные конторы и конторы подсобных предприятий переданы в состав треста № 20, которым продолжал руководить Петр Антонович Герасимов.

Основные итоги 1944 г.: на заводе № 268 сданы цех № 42 площадью 22 400 кв. м с опробованной и подготовленной к пуску линией горячего проката; здание цеха № 35 с полным печным оборудованием, ковочными вальцами и пилами для резки лопастных заготовок; насосная циркулярного водопровода, электростанция, нитка водовода,

центральная проходная. Сдано 16 638 кв. м шоссейных дорог, 2355 погонных метров железных дорог, 7 472 кв. м жилья, реконструирована столовая. Трестом проведены работы по благоустройству поселка: проложено 3630 погонных метров тротуаров, высажено около 20 тыс. кустарников.

Монтаж оборудования на заводе № 268 велся своими силами с привлечением субподрядных организаций «Электропечь» и треста № 8 НКАП. Оборудование, поставляемое американскими фирмами, зачастую приходило не в полном комплекте, поэтому проектировалось, изготавливалось и устанавливалось собственными силами. В 1944 г. были смонтированы: прокатные станы «Кварто», прогладочный стан «ДУО», агрегат «Леонардо», пила горячей резки, отжигательные колодцы и др. Общее количество оборудования на конец 1944 г. составляло 14 940 т²⁶. Выпуск оборонной продукции по сравнению с 1943 г. увеличился в 7,2 раза²⁷.

В 1944 г. на заводе № 286 были сданы в эксплуатацию: главный административный корпус с размещенными в нем заводоуправлением, химической лабораторией и рабочей столовой. Сданы помещения расходных мазутных цистерн, ацетиленовая станция, компрессорная с трансформаторной подстанцией и электросеть завода, 1200 погонных метров подземных коммуникаций. Построено 4285 кв. м жилья, реконструирована часть зданий (детский сад, поликлиника, аптека, почта, сберкасса), проложены тротуары и шоссейные дороги, высажено около 1000 деревьев и кустарников²⁸.

В 1945 г. основные работы треста № 20 велись на двух площадках: шло окончание второй очереди завода № 268, жилищное и культурно-бытовое строительство и благоустройство поселков. Дополнительные объемы работ выполнялись на заводах № 261 и 95 9-го Главного управления НКАП по собственному капитальному строительству треста и внеаркоматским заказам: строительству 7 км путепровода, железнодорожной линии Синарская — Челябинск. Трестом выполнены работы по электрификации прилегающих девяти колхозов.

1 июня 1945 г. завод № 268 был принят комиссией Наркомата и приказом от 11 июля 1945 г. введен в эксплуатацию.

За годы войны на площадке завода построены и смонтированы основные производственные цеха: литейный, профильно-прессовый, прокатный, ремонтно-механический, инструментальный, первая очередь кузнечно-штамповочного цеха, энергетические службы, коммуникации. Всего сдано 117 тыс. кв. м промышленных площадей. Завод, оснащенный современным уникальным оборудованием, дал стране на 172 млн руб. оборонной продукции. При заводе построен поселок общей площадью 109 тыс. кв. м. Выполнена значительная часть работ по благоустройству территории завода и поселка.

На заводе № 286 в течение 1945 г. выполнены работы, связанные с переводом производства

на поток, произведена реконструкция цеха № 3. Введены в эксплуатацию пять двухэтажных каменных домов общей площадью 2490 кв. м. Вместо намеченных годовым планом 2100 кв. м дорог сдано 4157 кв. м, построены стадион, парк культуры и отдыха²⁹.

Коллектив УСКЗ и его преемник трест № 20 за годы Великой Отечественной войны проделали значительные по объему и сложные по характеру строительные и монтажные работы, добились высоких показателей в своей работе. Тридцать девять выдающихся работников стройки награждены орденами и медалями. Строительно-монтажный трест № 20 в 1945 г. был удостоен правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Обеспечивая наращивание мощностей авиационной промышленности на Урале УСКЗ — трест № 20 дал стране два крупнейших оборонных завода — металлургический № 268 и литейный № 286, построил завод строительных материалов. Наряду с этим выполнены большие объемы работ по жилищному строительству — буквально на пустом месте в Каменске-Уральском возникли два новых рабочих поселка.

Примечания

¹ Изменения в административно-территориальном делении Свердловской области 1934–1991 гг. Екатеринбург : Ср.-Урал. кн. изд-во, 2008. С. 49.

² Каменск-Уральский филиал ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

³ Там же Л. 5.

⁴ Там же. Р-102. Оп. 1. Д. 6. Л. 28, 29, 185.

⁵ Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁶ Там же Л. 14.

⁷ Там же Л. 22.

⁸ Там же. Л. 23.

⁹ Кругликов В. П., Овчинникова М. В., Гуцин В. М. Рожденный во имя победы, ОАО «Каменск-Уральский литейный завод». Каменск-Уральский, 2002. С. 14.

¹⁰ Каменск-Уральский филиал ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 37.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Кругликов В. П., Овчинникова М. В., Гуцин В. М. Указ. соч. С. 16.

¹³ Каменск-Уральский филиал ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 44–84.

¹⁵ Там же. Д. 7. Л. 28.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 115–124.

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 53–56.

¹⁸ Зенкова Л. В. Каменск-Уральский. Путеводитель по достопримечательностям и истории города. Каменск-Уральский, 2017. С. 54.

¹⁹ Каменск-Уральский филиал ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–13.

²⁰ Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 10. Л. 203.

²¹ Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–27.

²² Каменск-Уральский в Великой Отечественной войне. Каменск-Уральский, 2020. С. 154, 155.

²³ Каменск-Уральский филиал ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 14. Л. 6, 29.

²⁴ Там же. Л. 153, 154.

²⁵ Там же. Л. 100–120.

²⁶ Там же. Д. 19. Л. 3–32.

²⁷ Там же Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 23а. Л. 1–7.

С. И. Пудовкин

Медный рудник имени III Интернационала в годы Великой Отечественной войны

Рудник им. III Интернационала — месторождение медных руд — был открыт в 1906–1907 гг. геологическим отделом управления Нижнетагильских заводов. В 1920-е гг. поступил в ведение Калатинского (ныне Кировградский) медеплавильного завода. В 1926 г. были вновь начаты геологоразведочные работы. А с конца этого года велась разработка золотоносной железной шляпы, которая до глубины 16–18 м производилась открытым способом. В 1928 г. в этом же районе было открыто месторождение серных руд, построена шахта «Серная». В 1930 г. заложена шахта им. О. Ю. Шмидта, в 1932 г. — шахта им. XV годовщины Октября (в 1935 г. стала выдавать первую руду), в 1934 г. — шахта «Капитальная» (выдала первую руду накануне войны)¹.

Вероломное нападение гитлеровской Германии нарушило мирный труд советского народа. Среди рабочих и ИТР шахт, цехов и отделов рудников Урала были проведены экстренные митинги с целью мобилизации всех ранее не использованных ресурсов для значительного перевыполнения всех государственных планов и заданий. Все шахты перешли на военный режим работы.

В октябре 1941 г. аппарат Наркомата цветной металлургии переехал в Свердловск, где работал под руководством заместителя наркома П. Я. Антропова. В Москве осталась небольшая оперативная группа во главе с наркомом П. Ф. Ломако. В Свердловск было переведено Главное управление медной промышленности во главе с Д. Г. Десятниковым и главным инженером Д. М. Юхтановым. Некоторые ответственные работники Наркомцветмета и главков были назначены директорами уральских предприятий цветной металлургии. В Свердловск и на уральские заводы приехали многие видные ученые из Москвы и Ленинграда, а также президиум Академии наук СССР. В сентябре 1941 г. под руководством президента АН СССР В. Л. Комарова была образована комиссия по мобилизации ресурсов Урала и восточных районов страны для нужд обороны. В ее работе деятельное участие приняли академики А. А. Баймаков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, М. А. Павлов, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, член-корреспондент Д. М. Чижилов, профессор В. И. Смирнов и другие ученые. Комиссия обобщила данные о состоянии народного хозяйства края и наметила не-

отложные меры по развитию производства, расширению сырьевой и топливной баз. Были намечены и мероприятия по улучшению работы предприятий цветной металлургии Урала, Сибири и Казахстана².

Война задержала намеченные планами развитие медной промышленности Урала. Перебазирование с запада страны на Урал многих предприятий вызвало дефицит электроэнергии, и в 1942–1944 гг. пришлось временно остановить отдельные агрегаты Среднеуральского, Карабашского и других заводов. С первых дней войны на фронт ушло много квалифицированных рабочих, инженеров, техников. В предвоенные годы на шахтах рудника им. III Интернационала трудилось большое количество спецпереселенцев. Многие из них еще в 1939 г. получили конституционные права, в связи с чем были поставлены на воинский учет и подлежали призыву³.

Перестройка деятельности горнорудных предприятий цветной металлургии осложнялась еще и тем, что кроме бесперебойного снабжения рудой обогатительных фабрик и металлургических заводов было необходимо создать специальные цехи (участки) по производству военной техники и боеприпасов. Одновременно вводились в строй новые мощности: строились новые шахты, заводы, фабрики, цеха.

В 1941 г. шахта «Капитальная» окончательно вступила в строй и вышла на проектную мощность. Руководителями шахты в годы войны были П. Сухаков, В. А. Вайполин, А. П. Игнатъев, Н. Ф. Воронин, И. Головки, Соломин. Коллектив рудника собственными силами наладил производство многих материалов, которые перестали поступать от государства. Под руководством В. А. Орла и Н. Н. Шустова было организованно производство взрывчатого вещества — динамита.

За время войны рабочие научились изготавливать все, чего требует шахта. Здесь научились из обрезков вагонных рельсов делать любые сложные части перфоратора: стаканы, поршни и даже геликондальный стержень, который ввинчивает бур в породу. В механическом цехе была организована бурозаправочная мастерская.

За время войны рудник организовал не только ряд подсобных предприятий. Он принял меры к тому, чтобы иметь свое горючее. Коллектив химлаборатории во главе с В. И. Голощаповым начал изготавливать из старых выкорчеванных пней скипидар. Из известняка готовили карбид кальция, заменявший бензин и смолу для шахтерских ламп и автогенных работ.

В механических мастерских рудничные умельцы под руководством главного механика И. М. Шармай и мастеров В. Е. Прибылева и Е. К. Мачнева освоили изготовление запасных частей к перфораторам и другому горному оборудованию из отрезков рельсов и отходов металла с Нижнетагильских заводов. Была организована самозаготовка крепежного леса и дров⁴.

Военные годы были годами напряженного героического труда трудящихся рудника. Созда-

вались фронтовые бригады, стахановские школы. Непрерывно росло число гвардейцев тыла, стахановцев и ударников. Люди работали по 11–12 часов в сутки и более, а если было надо, не выходили из шахты по нескольку дней, без отпусков и выходных, выполняли норму за двоих и троих, а такие, как Бауназар Надоршин — и за 10–12 человек. Лозунги партии «Все для фронта, все для победы!» и «Фронт и тыл неотделимы» нашли свое воплощение в работе стахановских фронтовых бригад и лучших стахановцев. В июне 1941 г. группа стахановцев шахты XV годовщины Октября в открытом письме, помещенном в «Уральском рабочем», рапортовала: «Годовой план подготовительных работ перевыполнен за 5 месяцев в 1,5 раза. Обещаем увеличить добычу медной руды еще в 2 раза»⁵.

В 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня за образцовое выполнение заданий правительства по добыче медной руды рудник первым среди горных предприятий Союза и первым среди предприятий Нижнего Тагила награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орден коллективу вручил командующий войсками Уральского военного округа генерал-майор А. В. Катков. Кроме ордена коллективу вручили переходящее Красное знамя ГКО, которое он удержал до конца войны, а потом его оставили коллективу на вечное хранение.

На встрече присутствовал и знаменитый забойщик Илларион Янкин. В 1940–1942 гг. он подолгу работал на руднике им. III Интернационала, обучая своему методу забойщиков, увлекая и вдохновляя их своим примером. За высокие производственные показатели И. П. Янкин в 1940 г. был награжден нагрудным знаком «Отличник социалистического соревнования НКЦМ», именными часами и легковым автомобилем. В 1942 г. он был удостоен Сталинской премии и награжден орденом Ленина. Этот орден был вручен ему на торжественном митинге, посвященном вручению коллективу рудника ордена Трудового Красного Знамени 2 августа 1942 г. А 20 июня прямо во время работы ему была вручена поздравительная телеграмма от наркома следующего содержания: «Горячо поздравляю Вас с выдающимся успехом — выполнением нормы на 2214 процентов. Ваши трудовые подвиги вдохновляют на борьбу новые тысячи соревнующихся горняков, чтобы дать дополнительно стране тысячи тонн цветных металлов для ускорения разгрома врага. Желаю новых успехов. Наркомцветмет Ломако». После войны И. П. Янкин был направлен на учебу в Уральский горный институт, стал горным инженером и много лет работал директором Пышминского медного рудника⁶.

Самоотверженным трудом ковали победу над ненавистным врагом лучшие стахановцы и стахановки рудника — забойщики Байназар Надоршин, Галей Хабибуллин, Николай Хомутов, Александр Баталов, Гатаудлин, Тищенко, Асхат Усманов, Карим Нацыбуллин, Зинур Мусагитов,

Александр Глотов, Андрей Самусев, Леонид Потиненко, Раиса Никитина, Серафима Федюнина, Александра Карпеева, Анна Рычкова и многие другие герои трудового фронта. Большая заслуга в этом деле принадлежала руководству партийной организации. Секретарями парткома в то время были Григорий Соломатин, Анатолий Петрович Игнатъев, Леонид Федорович Кравченко. Коммунисты всегда были в авангарде борьбы за перевыполнение государственных планов. Среди них отличались Александр Васильевич Орел, Анисим Иванович Мошкин, Александр Осипович Лобок, шахтер Харис Гарипов, Евгений Петрович Душков, Владимир Ефимович Прибылев, Валентина Алексеевна Хомякова. Николай Никитич Шустов, Валерий Викторович Горшков и др.

Тем не менее ситуация осложнялась ввиду нехватки рабочих. Одними из первых ушли на фронт и погибли смертью храбрых начальник смены Я. С. Борисов, прораб ОКСа М. И. Грещиков (погиб в звании майора), забойщик В. Лакшинский, начальник электроцеха А. А. Першин, маркшейдер А. М. Мандзюк, мастер А. Р. Мешаев (в звании полковника), парторг шахты им. Шмидта П. И. Постыляков, профорг шахты Шмидта В. К. Салазников, парторг шахты им. XV годовщины Октября В. В. Швецов и многие другие.

Ушли на фронт добровольцами: секретарь парткома Г. Саломатин, бывший председатель рудкома и парторг шахты «Капитальная» Л. С. Никешин, главный инженер шахты «Капитальная» Н. Ф. Воронин. Среди комсомольцев первым ушел на фронт Кораблев. Всего ушло с рудника на фронт в годы Отечественной войны более 600 человек. Более 110 из них погибли на полях сражений. Имена их отлиты в металле и навечно закреплены на монументе, воздвигнутом в центре поселка к 30-летию Великой Победы.

Многие трудящиеся рудника — участники Великой Отечественной войны награждены боевыми орденами и медалями. Орденом Красного Знамени награждены слесарь Махьянов и механик Н. И. Дмитриев; орденами Отечественной войны I и II степеней и орденом Красной Звезды — начальник транспортного цеха П. С. Дмитриев; орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной Звезды — рабочий ОКСа Хасан Нураглиев и сигналист шахты Ольховка Н. А. Фадеев; тремя орденами Красной Звезды — машинист компрессорной станции В. И. Бухаленков; двумя орденами Красной Звезды — столяр А. М. Гура, электрослесарь А. Е. Финадеев, бывший директор подсобного хозяйства М. А. Смирнов; орденом Красной Звезды и орденом Славы — бурильщик Г. М. Бусыгин; орденом Красной Звезды — люковой шахты «Капитальная» П. Е. Алимов, взрывник С. И. Ивлев, бывший шофер В. П. Ладыгин, забойщик М. С. Лобок, слесарь шахты «Капитальная» А. П. Ливанов, нормировщик Я. Е. Новожилов, каменщик ОКСа П. И. Петров, работник рудоуправления С. Ф. Смольников, контролер

П. П. Павлов, слесарь В. Е. Финадеев, электроконтролер М. А. Чуксин, слесарь центральной котельной М. П. Леонтьев, слесарь шахты «Ольховка» С. П. Шляпников, крепильщик шахты «Капитальная» В. А. Губанов, сигналист шахты «Капитальная» Н. Д. Котов, крепопед Г. П. Лиханов, слесарь жилищно-коммунального отдела Г. В. Монахов, шофер Н. Ф. Лукин; орденами Славы 2-й и 3-й степеней — боец военизированной горноспасательной части И. Ф. Фомин; орденом Славы 3-й степени — преподаватель Б. В. Главацкий, слесарь шахты Капитальная И. Д. Мутных, инженер технаба М. Е. Мещареков, военрук школы № 24 А. Ф. Сафонов. Сотни участников войны награждены медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», за освобождение и взятие городов нашей Родины и ряда европейских стран⁷.

Для повышения эффективности работы основное внимание пришлось сосредоточить на добыче богатых руд, отработка месторождений бедных вкрапленных руд и серных руд была сокращена. Преимущественно отрабатывались участки с содержанием меди в 2,5–3,0 раза более высоким, чем в руде, добывавшейся в предвоенные годы.

Добыча медных руд производилась подземным способом, поэтому большое внимание уделялось внедрению новых производительных систем разработки. За 1941–1945 гг. 20 % всех медных руд на Урале было добыто системами, предусматривающими применение крепления и закладки, 60 % добычи — системами «средней эффективности» (слоевое обрушение, с магазинированием, подэтажное обрушение). Для повышения качества руды и производительности горнорабочих решено было отрабатывать только камерные запасы, а междукамерные и междуэтажные целики добывать после окончания войны.

В ноябре 1943 г. произвели обследование рудной базы и геологической службы рудника. Комиссия констатировала, что на шахте им. Шмидта горизонты отработаны до 200 м, горно-подготовительные работы ведутся на горизонте 240 м; на шахте XV годовщины Октября — на 110–200 м, на «Ольховской» — до 60 м; подготовка до 100 м горизонта, на серном месторождении — до 120 м. Комиссия заключила, что «потенциальные возможности рудника, по наличию рудных площадей, велики, и с вводом в эксплуатацию новых рудных площадей перспективы добычи значительно расширяются», поэтому руднику при наличии достаточного количества рабочей силы под силу выполнение постановления ГКО от 31 декабря 1942 г. о добыче 550 тыс. т товарной руды⁸. На 1944 г. на основании этих исследований планировало провести значительные геологоразведочные работы.

В конце 1944 г. на балансе рудника состояли 12 автомашин, в том числе 6 газогенераторных, 2 трактора, 12 паровых котлов, 22 трансформатора, 320 электрогенераторов, 2 буровых станка, 17 станков по металлу и т. д.⁹

После окончания войны рудник получил из армии тягачи Т-20 «Комсомолец» и СТЗ-НАТИ и другое оборудование. Для улучшения снабжения рудника крепежным лесом ему приказом от 5 июля 1946 г. был передан Вьюшкинский лес-промхоз близ Верхней Салды. Стало улучшаться питание рабочих: с января 1948 г. шахтеры получали спецжиры (0,5 л молока ежедневно). Все-му техперсоналу рудника (а это 1369 человек) выдавали ежемесячно по 400 г мыла¹⁰.

Самоотверженный труд горняков в годы войны красочно описан в очерке писательницы Беллы Дижур «Под землей и на земле» в 1943 г.:

Полумрак, сырость и тишина. Сверху льется вода, собирается струйками вдоль стен, стекает ручейками у ног и журчит, журчит — монотонно и бесперерывно. Освещая путь синеватыми огоньками карбидок, мы направляемся вдоль рельсов по главной шахтной дороге — квершлагу. Это своего рода большой тракт, от которого во все стороны расходятся тропинки-штреки.

Светлячки карбидок освещают бревенчатые крепи, сжатые огромным давлением горных масс. Отдельные бревна прогнулись и нависли. Но тут же внизу чьи-то заботливые руки уже приготовили новый материал для ремонта старых, сдвинутых временем, креплений.

Издредка навстречу нам попадают шахтеры в белых от сланцевой пыли металлических шапках и брезентовых спецовках.

Они молча приветствуют моего спутника. Иные останавливаются покурить, перекинуться несколькими словами, и все это выглядит так просто и обыденно, точно ходим мы не под землей на глубине двухсотого метра, а по знакомой открытой поверхности...

...Мы лезем вверх и вскоре оказываемся в просторном каменном гроте.

В воздухе стоит мелкая сланцевая пыль, грохочет перфоратор, врезаясь в неподатливую породу, на скрипучей сердитой цепи взад и вперед ходит гигантская челюсть скрепера, жадно захватывая и отгаскивая в сторону новые и новые партии руды.

А сквозь этот грохот, сквозь белое облако пыли и скрип скреперной лебедки плывет женская песня.

Я с трудом разглядываю поющую женщину. Она лопатой убирает руду, легко подкидывая огромные камни.

Другая женщина работает с перфоратором. Чувствуется, что ее мышцы в предельном напряжении, но она не позволяет аппарату владеть собой, она не шевелится, не вздрагивает, а прямо сжимая отбойный молоток, руководит им...

...Высокая буржица кажется хозяйкой этого каменного грота, его несметных богатств.

Песня смолкает. Мы идем дальше, в глубь подземного царства. Знакомиться со старыми шахтерами.

— Подвижное оно, наше рабочее место, — говорит Андрей Самусев, рослый белорус. Он ходит чуть-чуть вразвалку, сдвинув кепку на правый глаз.

— На Самусева можете положиться. Не подведет, — говорит он о себе. И это не звучит похвальбой. Веришь этому прямому, серьезно-

му взгляду, этим большим жестким ладоням, которые беззастенчиво управляют одновременно четырьмя перфораторами...

— Шахта — не завод, а забой — не станок. Станок, он всегда одинаковый. Сегодня ты на нем 200 процентов дашь и завтра дашь. И никакого настроения он не меняет. А у нас так: сегодня идет, как по маслу. Породы так и липнет к тебе. А после пошел — и все наоборот. Сердитый камень, семь потов с тебя стонит. И опять же идешь. Ничего.

Здесь на руднике по соседству с Самусевым внедряет свой метод проходки штреков проходчик-орденоносец Александр Васильевич Баталов. Улыбаясь веселыми огоньками глаз, он подробно рассказывает, как он первый на руднике применил шведскую колонку, облегчающую бурение, как, пользуясь своим скоростным методом, одолевает он известную тринадцатую линзу, и на прощанье дарит нам свою маленькую книжечку «Мой метод проходки штреков».

Гатаулин, старый забойщик-тысячник, интересен в другом роде. Врачи запретили ему работать в шахте, а он, презрительно тряхнув своей монгольской бородкой, сказал: «Я сам себе лучший врач. И знаю себе место».

Вопреки всяким медицинским предостережениям, стал работать и давать ежедневно по несколько забойных норм.

Ритмично распределив свои силы по часам, по минутам, работает здесь же забойщик Байназар Надоршин. Тот самый Надоршин, что изо дня в день дает руду за восемь человек, а летом 1942 года, когда началось движение тысячников, он... сработал за двенадцать человек. Таких людей немало на руднике.

В последние два года в шахте появились женщины. Одновременно с нами на рудник приехали сто семьдесят молодых рязанских девушек.

Вначале они ходили по поселку, тесно прижавшись друг к другу. И вечерами, — что уж тут греха таить, — девушки не раз всплакнули, вспоминая родимое село и стареньких мам. В общежитие девушек пришел директор.

— Как нравится вам общежитие? Не холодно? Как вас покормили? Мы вас давно ждали. Работа у нас горячая, а люди вот как нужны.

Девушкам выдали новые спецовки — блестящие резиновые сапоги и брезентовые костюмы. Они хихикали, подталкивая друг друга и неловко ворочаясь в нагнувшихся брезентовых штанах¹¹.

Рудник им. III Интернационала ежедневно отгружал десятки вагонов руды. Тысячи тонн руды с него получали ежедневно Кировградская база и Красноуральский завод. Быт той тяжелой поры описывает в своих воспоминаниях Лидия Ивановна Семенова, приехавшая в Нижний Тагил из Рязани 11-летней девочкой:

На рудник я приехала в конце 1941 г. Тогда жили тут мои родители, когда началась война, и немец двигался быстро к Москве. Дядю и его жену (медика) взяли на фронт, они боялись за нас, если возьмут Москву, а до Рязани рукой подать, и написали, чтобы мы приехали. Ехали мы с бабушкой 22 дня, уже везли станки, и мы

с ними под открытым, есть у нас было нечего, и нам давали сухарики солдаты, кое-как добрались. ...Был голод, и женщины что привезли с собой, хорошие вещи меняли на картошку, чтобы хотя бы как-то прокормить семью. ...На руднике была своя овощная база, хлебозавод выпекал хлеб черный, весомой и давали по карточкам по 200 г иждивенцам, 300 г детям, шахтерам 1 кг, вместо сахара сахарин, вместо масла рыбий жир. Летом полегче, гнилая картошка без соли, лебеда да крапива, помоешь пол в столовой, дадут бидон супа, напишешь письмо солдату, мать даст три картошки. На Пиритной (Привокзальная была) стояла будка, отпускали воду 2 копейки за ведро. Ул. Чаплыгина (Кирова) тротуары деревянные. Клуб сгорел, и отвели место в рудоуправлении. Рудник был Рудный район имел несколько шахт, райсовет, милицию, прокуратуру, больницу райпромкомбината, магазины, 2 школы, райком партии и комсомола, свой радиоузел, газету «За Колчедан» (редактор Гречихин)¹².

Матвеева Августа Алексеевна приехала в Нижний Тагил буквально за пару дней до войны — 20 июня 1941 г.:

Отца сразу же направили в трудармию и увезли в Карабаш, работал там тоже в шахте и 12 мая 1945 года он там умер, ему было тогда всего 39 лет. Я пошла по стопам отца и поступила работать на шахту им. XV годовщины Октября. Начальником шахты был Шатунов Яков Андреевич. Работала на сцепке вагонов (колотинка) на 240 горизонте, где начальником смены был Галимов К., а начальником участка Карпенко Григорий Харитонович. На шахте не хватало грузчиков-каталей, и меня перевели на эту работу: грузили вагоны, затем откатывали их до стрелки, а там их лошадей отвозили в рудный двор, к стволу. В дальнейшем пришлось мне работать машинистом подземного электровоза, по производственной необходимости. Работали на 180 горизонте, это было уже в 1943 г. Работала хорошо. Грузчиком у меня был Павел Куликов, а сцепщиком его жена Мария. Мы постоянно перевыполняли план, об этом не раз писала газета «За колчедан», и нас называли «экипаж машины боевой». Всем нам давали УТП (талоны усиленного питания). По собственной инициативе я пошла работать в забой, помощником забойщика, очищала забой, убирала руду лопатой. И вдруг судьба вновь круто изменила мою жизнь, меня послали учиться на курсы взрывников. После окончания курсов работала взрывником на третьем участке шахты

Капитальная. Начальниками смены были Шпырев П. и Ахмадеев Г. Взрывники в мою смену были Бурдаков Тимофеем Андреевичем и Хлебников Иван Ефимович¹³.

Завершим воспоминания женщин-горняков рассказом Евдокии Ивановны Толстовой:

Ой, а сколько нашего брата-горняка в те военные годы гибло в шахте! Сколько их завалило, сколько самой погибших доводилось мне на электровозе отвозить к клетке, чтобы поднять их на свет божий, а затем снова предать земле. Да и то сказать: что за условия труда раньше были! В бригадах рабочих по очистке путей и канав только женщины, из инструментов — келка, лопата, ломик. Помашка-ка ими 12 часов на полупустой желудок! Да в полумраке и сырости, да на сквозняках от вентиляции! И не болели — работали. А главная забота — чем семью кормить. На детей давали по 300 граммов хлеба, рабочие-подземники получали по килограмму, те, кто работали на поверхности, по 700 граммов. Знали, что все нужно терпеть ради фронта, ради Победы!¹⁴

Примечания

¹ Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. 317. Оп. 1. Историческая справка. Л. 1–3; *Пудовкин С. И.* Звенящая медь Тагила. История рудника имени III Интернационала. 1927–2007 гг. Нижний Тагил, 2007.

² Горное производство цветной металлургии Урала. Екатеринбург, 2002. С. 60–62.

³ НТГИА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

⁴ *Федорин И. М.* Тагил — фронту. Нижний Тагил, 2004. С. 13.

⁵ Нижний Тагил. Свердловск, 1961. С. 116.

⁶ *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1982. С. 62; *Ломако П. Ф.* Цветная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 98–102.

⁷ Нижнетагильский музей «Горнозаводской Урал». РФТМ. Фонд Т. М. Сыровой; НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 557. Л. 1, 42, 115.

⁸ НТГИА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 10. Л. 5, 6.

⁹ Там же. Д. 15. Л. 26.

¹⁰ Там же. Д. 16. Л. 10, 87.

¹¹ *Дижур Б.* На земле и под землей // Нижний Тагил: сб. очерков. Свердловск, 1945. С. 139–144.

¹² Материалы музея школы № 24. Книга памяти: [рукопись]. Воспоминания Семеновской Л. И.

¹³ Там же. Воспоминания Матвеевой А. А.

¹⁴ Там же. Воспоминания Толстовой Е. И.

«Миасский форсированный»: из истории разработки и производства двигателей на Уральском автомобильном заводе в годы Великой Отечественной войны

«Рождение» новой форсированной модели двигателя было связано с обстоятельствами военного времени. Дело в том, что в годы войны страна остро нуждалась в артиллерийских тягачах, для которых в свою очередь требовались мощные двигатели. Для этой роли лучше всего подходили дизельные моторы. Однако именно с их массовым производством в СССР имелись проблемы. Отечественные довоенные разработки не были внедрены в производство, а попытки приобрести лицензию на двухтактный дизель у американской фирмы GMC не увенчались должным результатом¹.

В 1942 г. в Ярославле был налажен выпуск гусеничного артиллерийского тягача Я-11, разработанного НАТИ. Для упрощения конструкции его проектировали на основе шасси танка Т-40. Ввиду отсутствия двигателя подходящей мощности на артиллерийский тягач устанавливали «спарку» маломощных автомобильных двигателей ГАЗ-М. Конструкция с использованием спаренных автомобильных двигателей вызывала массу нареканий со стороны военных, но найти им альтернативу было весьма проблематично. Поэтому артиллерийские тягачи продолжали собирать «из того, что есть»².

Вскоре перед ярославскими автозаводцами встала еще одна проблема. После бомбежки Горьковского автозавода с 4 по 22 июня 1943 г. моторный корпус № 1, где производили двигатели ГАЗ-М, был надолго выведен из строя. Перед Ярославским автозаводом встал вопрос о замене двигателей ГАЗ. Эта проблема была решена посредством использования дизельных моторов GMC 4-71 мощностью 112 л. с., поставлявшихся в СССР по ленд-лизу. Артиллерийские тягачи с американским дизельным мотором получили обозначение Я-12³.

Быстрое израсходование первой партии силовых агрегатов GMC и неопределенность с их дальнейшей поставкой вновь поставила вопрос о применении на тягаче отечественного двигателя. Осенью 1943 г. таким реальным силовым агрегатом мог быть только бензиновый шестицилиндровый двигатель ЗиС-5 мощностью 73 л. с., а позднее — его усовершенствованная версия ЗиС-5М. В это время он уже в достаточных количествах производился Миасским автомоторным заводом. Модель артиллерийского тягача с двигателем ЗиС-5 получила обозначение Я-13. В эксплуатации эти машины уступали Я-12, так как имели мотор меньшей мощности, но зато легче запускались в холод и, в отличие от американского дизеля, имели возможность ручного запуска⁴.

Видя острую необходимость в более мощном и выносливом двигателе на быстроходные тягачи и легкие бронированные гусеничные машины,

Миасский автомоторный завод приступил к созданию форсированной версии ЗиС-5, который мог бы развивать мощность до 90–100 л. с.⁵

Появлению форсированного мотора способствовали и на ГАЗе. Так, например, военным представителем на Горьковском автомобильном заводе полковником Муравичем была высказана идея максимально форсировать довоенный двигатель ЗиС-16 (версия двигателя ЗиС-5, использовавшаяся на автобусах), одновременно доработав его и приспособив к «танковой» службе. Перепроектированием этого мотора в начале 1943 г. занимались конструкторы А. М. Кригер, Н. Г. Мозохин, Г. В. Эварт под общим руководством главного конструктора ГАЗа А. А. Липгарта, специалиста в области двигателестроения. И хотя эта работа закончилась неудачей, а ГАЗ к ней больше не возвращался, полковнику Муравичу удалось заинтересовать в проведении коренной модернизации мотора ЗиС-5М главного конструктора миасского завода А. С. Айзенберга. Несмотря на малочисленность коллектива КБ, к тому же загруженного работой, связанной с массовым производством, отсутствие экспериментального цеха и нехватку универсальных станков на еще не полностью оборудованном заводе, его сотрудники проделали большую работу по созданию фактически нового двигателя ЗиС-МФ («миасский форсированный»)⁶.

Работы по совершенствованию конструкции и технологии производства двигателя ЗиС-5 велись на Миасском автомоторном заводе в конструкторско-экспериментальном отделе (КЭО), созданном 2 февраля 1942 г. Возглавлял работу КЭО главный конструктор А. С. Айзенберг.

Александр Семенович был эвакуирован в Миасс вместе с Московским автомобильным заводом и имел солидный опыт работы в автомобильной промышленности. Краткие строки его биографии свидетельствуют о том, что весь его жизненный путь был связан с техникой. А. С. Айзенберг родился в 1908 г. В 1924 г. окончил мехпрофшколу в Виннице, затем работал слесарем-мотористом на сахарном заводе. В 1930 г. окончил Киевский политехнический институт и поступил на Московский автомобильный завод, где работал инженером и руководителем группы. После эвакуации в Миасс с 1942 по 1951 гг. трудился главным конструктором завода⁷.

Согласно заводскому отчету, в 1942 г. на основе стандартного двигателя ЗиС-5 была разработана конструкция форсированного двигателя. Мощность этого мотора должна была составлять 100–110 л. с. Новый двигатель получил обозначение «МФ» (миасский форсированный). Предназначался этот мотор для артиллерийских тягачей и легких бронированных гусеничных машин⁸.

Первостепенное внимание инженеров было сосредоточено на улучшении качества основной продукции завода — двигателя ЗиС-5. В течение 1942 г. КЭО были внесены изменения в конструкцию водяного насоса, так как насосы прежней конструкции давали течь. Совершенствовались технологии производства отдельных деталей двигателя. Так, например, к концу 1942 г. при изготовлении ряда деталей двигателя стали применять поверхностную электрозакалку по методу профессора В. П. Вологодина. Закалке подвергались такие детали двигателя: кулачковый вал (распределительный вал), валы водяного и масляного насосов. На заводе метод был внедрен в производство 18 ноября 1942 г. С этого времени до конца года по этому методу было обработано около 13 тыс. деталей, включая 3146 кулачковых валов. Применение нового метода позволило сократить производство бракованных деталей двигателя ЗиС-5, а также сэкономить большое количество топлива. Только за первый месяц применения метода поверхностной закалки деталей токами высокой частоты удалось сэкономить 13 т мазута⁹. Эти технологии массового производства впоследствии были использованы и при изготовлении форсированных моторов.

В 1943 г. завод стали готовить для выпуска автомобилей. Постановление ГКО от 8 января 1943 г. предписывало организовать автомобильный завод на базе цехов Миасского автотранспортного завода им. Сталина. Миасский завод должен был работать в тесной кооперации с Шадринским автоагрегатным и Челябинским кузнечно-прессовым заводами. Для организации законченного цикла автомобильного производства на миасском заводе предполагалось построить дополнительный корпус общей площадью 25 тыс. кв. м, а также привезти из Ульяновска (УльЗиС) необходимое для этих целей промышленное оборудование. Госкомитет обороны требовал начать производство автомобилей с 1 ноября 1943 г. Согласно этим указаниям в ноябре 1943 г. завод должен был собрать 100 грузовых автомобилей, а в декабре — 250¹⁰. В связи с расширением производства завод получил новое наименование — Миасский автомобильный завод им. Сталина¹¹.

Несмотря на указание ГКО в 1943 г. производство автомобилей в Миассе наладить так и не удалось¹². Предприятие продолжало изготавливать двигатели и КПП. Причем производство автомобильных двигателей значительно увеличилось. Это произошло благодаря расширению производственных мощностей завода. В марте 1943 г. цех «Мотор» был разделен, на предприятии стали действовать два моторных цеха. С этого времени завод стал лучше выполнять месячные программы по выпуску двигателей¹³.

В 1943 г. Миасский завод стал производить двигатель ЗиС-5М. Конструкция этого мотора отличалась от двигателя ЗиС-5 новой головкой блока цилиндров, которая имела более совершенную форму камеры сгорания. Степень сжатия была увеличена до 5,3 (на двигателе ЗиС-5 —

4,7). На улучшенном двигателе использовался карбюратор с новой регулировкой, устанавливались более теплостойкие свечи зажигания, водяной насос улучшенной конструкции. Согласно отчетным документам завода, двигатель должен был развивать мощность 77 л. с.¹⁴ Стандартный мотор ЗиС-5М, который производили и после окончания войны, имел мощность 76 л. с. при 2400 об/мин¹⁵.

Инженерами КЭО была продолжена и разработка форсированного двигателя увеличенной мощности. В течение 1943 г. разработали конструкцию, изготовили образцы и провели испытания форсированных двигателей, получивших обозначение УФ-1 и УФ-2 (вероятно, «уральский форсированный»). Двигатель УФ-1 был создан на основе стандартного двигателя ЗиС-5М и «развивал мощность двигателя ЗиС-42, но не имел дефицитных алюминиевых поршней». На двигателе УФ-2 устанавливалось два карбюратора, он развивал мощность до 105 л. с. Эти опытные образцы послужили основой при создании двигателя ЗиС-МФ, предназначенного для вездеходов, тягачей и спецмашин. Заявленная мощность мотора составляла 100 л. с. В сравнении со стандартным двигателем ЗиС-5М на ЗиС-МФ устанавливались новые узлы и детали, которые повышали мощность и износостойкость деталей двигателя. Для повышения мощности и экономичности двигателя была создана новая головка блока цилиндров. Головка имела измененную форму, степень сжатия двигателя была повышена до 6,0 (против 5,3 у стандартного двигателя ЗиС-5М). В отличие от двигателя ЗиС-5М на двигателе ЗиС-МФ был регулируемый подогрев топливной смеси, а также измененные формы и сечения коллекторов. На двигателе устанавливался карбюратор со специально подобранной регулировкой¹⁶.

Для повышения надежности и износостойкости в конструкцию двигателя ЗиС-МФ были внесены некоторые изменения, отличавшие его от стандартного мотора для грузовика. На ЗиС-МФ использовался регулятор максимального числа оборотов. В форсированном двигателе были облегчены все детали шатунно-поршневого механизма, проведена центровка коренных и шатунных подшипников, установлены сальники на концах коленчатого вала. Чтобы форсированный мотор новой конструкции не перегревался, на него устанавливали водяной насос повышенной производительности. Система смазки двигателя подверглась существенной модернизации. На ЗиС-МФ был установлен новый масляный фильтр улучшенной конструкции и масляный насос большей производительности¹⁷.

В 1943 г. конструкция форсированного мотора была утверждена народным комиссаром среднего машиностроения С. А. Акоповым. Завод приступил к подготовке производства форсированных двигателей. Для серийного выпуска необходимо было подготовить 120 приспособлений и 500 наименований инструмента. В 1943 г. завод должен был получить 50 металлорежущих стан-

ков для запуска производства двигателей ЗиС-МФ. Однако даже к началу 1944 г. завод этого оборудования не получил. Станки для машиностроительной отрасли в условиях войны были большим дефицитом. Из-за отсутствия необходимого оборудования серийный выпуск форсированных моторов откладывался¹⁸.

8 июля 1944 г. с конвейера завода сошел первый грузовой автомобиль ЗиС-5В. Двигатели и КПП завод, как и прежде, производил самостоятельно. Часть деталей и заготовок для производства машин УралЗиС получал от кузнечно-прессового завода в Челябинске и автоагрегатного завода в Шадринске¹⁹. Теперь от заводчан требовалось изготовить еще больше двигателей. Ведь заводу необходимо было снабжать двигателями не только собственный конвейер, но и, как прежде, поставлять моторы «на сторону».

В объяснительной записке к годовому отчету за 1944 г. сообщалось, что в 1943 г. завод изготавливал моторы максимальной мощностью 67 л. с., в 1944 г. стал выпускать моторы мощностью 77 л. с., а в 1945 г. будет производить двигатели ЗиС-МФ мощностью 100 л. с. Необходимо разобраться с этими сведениями более подробно.

Как уже говорилось, довоенный стандартный мотор производства Московского автомобильного завода им. Сталина имел мощность 73 л. с. Однако в условиях военного времени, в период становления моторного производства в Миассе в 1942–1943 гг. фактическая мощность изготовленных моторов не превышала 67 л. с.²⁰

В отчете двигатель, произведенный в 1943 г., обозначался маркой ЗиС-5. Мотор производства 1944 г. в отчете имел обозначение ЗиС-5В. Вероятно, авторы отчета назвали так двигатель ЗиС-5М, производство которого, как было указано выше, наладили на заводе в 1943 г.²¹ Какой была фактическая мощность серийных моторов, изготовленных в 1942–1943 гг., из-за отсутствия данных об испытаниях определить невозможно. Но одно можно сказать с уверенностью — конструкция серийного мотора постепенно совершенствовалась, улучшалась технология обработки отдельных его деталей.

Вместе с тем завод не мог обеспечить стабильного качества выпускаемых двигателей. Заводские испытания свидетельствовали о том, что серийные образцы не дотягивали до нормативов государственного стандарта. По нормам 1944 г. двигатель ЗиС-5М должен был иметь мощность 77 л. с. при 2400 об/мин (позднее этот норматив был уменьшен до 76 л. с.)²². Испытания, которые проводились с марта по ноябрь 1944 г., показали, что изготовленные на УралЗиС двигатели не обладали необходимыми показателями мощности. Самые высокие показатели были у образца двигателя, испытанного в августе 1944 г., его мощность составила 76,1 л. с. Наименьшая мощность была зафиксирована у образца мотора, испытанного в июле — 69,3 л. с. Испытания каждого месяца показывали разную мощность двигателей, но эта цифра была всегда ниже норматива — 77 л. с.²³

Сложность изготовления продукции стабильного качества была связана с недостатками в механической обработке деталей. Причина этого была в том, что на заводе не хватало не только необходимых станков, инструмента, но и квалифицированных рабочих. Эти обстоятельства, несомненно, создавали проблемы для производства.

Кроме перечисленных причин было еще одно весьма веское обстоятельство. С 1944 г. УралЗиС полностью перешел на обеспечение производства собственным литьем. В 1943 г. часть литых деталей и заготовок на УралЗиС поставлял Московский автозавод. Эти поставки покрывали значительную часть потребностей УралЗиС в литых изделиях. На первый взгляд, это никаким образом не должно было повлиять на качество выпускаемой продукции. Однако это лишь на первый взгляд. Дело в том, что чугуны, произведенные на металлургических заводах Южного Урала, которые поставляли на УралЗиС, содержали большое количество хрома. Технологии производства литейщиков Московского автозавода были приспособлены под использование чугунов с низким содержанием хрома. Для того чтобы наладить производство ковкого чугуна необходимого качества из местного сырья, литейщикам УралЗиС пришлось изрядно потрудиться. Специалистам УралЗиС пришлось разработать собственную технологию литья, найти подходящий режим плавки, отжига и охлаждения. Естественно, это не могло произойти в один момент и потребовало значительных усилий и времени²⁴.

Другой, не менее сложной задачей стало изготовление поршневых колец. Проблема заключалась в отсутствии липецких и криворожских чугунов, для которых завод имел готовую, отточную годами технологию обработки. Заводчанам пришлось заново разрабатывать технологию производства поршневых колец из низкофосфористых магнитогорских чугунов. Эта задача была также решена. Специалистам завода удалось не только наладить производство поршневых колец, но и увеличить их выпуск с 38 тыс. штук в январе 1944 г. до 260 тыс. в декабре²⁵.

Вопреки всем трудностям в 1944 г. Уральскому автомобильному заводу удалось выпустить 2760 автомобилей ЗиС-5В. Продолжал завод изготавливать и двигатели, хотя производство их значительно сократилось. Всего, по данным заводского отчета в 1944 г., УралЗиС произвел 14 448 моторов, в том числе 3092 двигателя «на сторону», которые поставлялись предприятиям и ведомствам, не входящим в объединение ГлававтоЗиС²⁶.

В 1945 г. на заводе приступили к разработке нового грузовика. Работы по созданию новой машины были обусловлены необходимостью модернизации ЗиС-5В. На заводе осознавали, что автомобиль устарел, выпускать упрощенную модель военного времени в мирное время было нецелесообразно.

Вопрос о модернизации грузовика ЗиС-5В подробно обсуждался на второй партийно-

технической конференции Уральского автомобильного завода им. Сталина, которая проходила 17–18 мая 1945 г. В обсуждении насущных проблем завода участвовали все ведущие специалисты. Среди основных вопросов, которые обсуждались на конференции, был вопрос о совершенствовании серийных двигателей. В выступлении главного конструктора завода А. С. Айзенберга отмечалось, что мотор, который планируется устанавливать на новый грузовик, будет «улучшен узлами двигателя “МФ” и алюминиевыми поршнями». Он считал, что детали для стандартных двигателей необходимо обрабатывать по той же технологии, что и двигатель ЗиС-МФ. Требования к качеству изготовления деталей и сборке форсированных двигателей были значительно выше, чем к стандартным моторам, которые устанавливали на грузовик ЗиС-5В²⁷.

По мнению А. С. Айзенберга, новый грузовик Уральского автомобильного завода должен был иметь следующие характеристики: «В кратких чертах — это будет машина с 85-сильным усовершенствованным мотором МФ, с хорошей динамикой и улучшенной против существующей машины экономичностью, с расчетом упрощения регулировки для компенсации износа фрикционных накладок, скоростная коробка передач будет со спиральными шестернями с повышающей передачей. Кроме этого старый редуктор (заднего моста) заменится новым, усиленным с циркуляционной смазкой. Будет улучшен руль и увеличена емкость бензобака. Кабина также претерпит изменения. Платформа будет усиленная, с откидными бортами». При этом особое внимание главный конструктор уделял тому, чтобы «при конструктивном изменении узлов и деталей» не потребовалось «существенных изменений в технологическом процессе»²⁸. То есть усовершенствованный грузовик планировали изготавливать на оборудовании, имевшемся на заводе.

В 1945 г. УралЗиС изготовил опытный образец новой машины. Новый грузовик отличался от стандартного автомобиля ЗиС-5В улучшенной регулировкой сцепления, имел пятиступенчатую коробку передач, карданный вал с шарнирами на игольчатых подшипниках, гидравлические тормоза на все колеса, автомобильный вариант двигателя ЗиС-МФ, металлическую кабину с новым оперением, усиленную грузовую платформу с тремя откидными бортами, а также другие менее значительные усовершенствования²⁹.

С серийным выпуском двигателей ЗиС-МФ завод испытывал существенные затруднения. Проблемы производства серийного форсированного мотора обсуждались на страницах заводской газеты «Уральский автомобиль». В газетной статье под авторством Ф. М. Хиронникова, начальника моторного цеха № 2, было написано, что выпуск форсированных двигателей тормозится из-за отсутствия необходимой оснастки и расходных материалов для станков. В моторном цехе № 2 не могли качественно обработать коленчатый вал из-за отсутствия качественных абрази-

вов. Кроме того, не хватало трапециевидных ремней к шлифовальным станкам. Из-за недостаточного снабжения не могли качественно обработать шейки коленчатого вала, что приводило к увеличению брака.

Часть заготовок для форсированного двигателя поставлял КПЗиС. У некоторых заготовок имелись дефекты. В частности, поковки шатунов производства КПЗиС имели большие отклонения от установленных размеров, указанных в чертежах, значительную кривизну стержней, перекосы малой и большой головки.

Недостаточно высокое качество поршневых колец тормозило изготовление моторов. Ф. М. Хиронников отмечал, что литейный цех № 1 УралЗиС поставляет некачественные заготовки поршневых колец. Несмотря на то что начальник этого цеха Г. Н. Коган еще в 1944 г. объявлял о том, что отливки поршневых колец освоены, на заводе имелись проблемы с изготовлением этого сложного в производстве изделия. Дело в том, что заготовки имели повышенную твердость. В отдельных случаях брак заготовок поршневых колец достигал 50–60 %. Повышенная твердость поршневых колец приводила к задиру стенок цилиндров в собранных моторах³⁰.

Критиковал Ф. М. Хиронников и низкую культуру производства в собственном цехе. Он писал, что в результате невнимательной работы старшего мастера Емельянова и мастера Картузова в моторном цехе № 2 изготавливались низкокачественные алюминиевые поршни. Цех выпускал плохо отшлифованные поршни неправильной геометрической формы³¹.

Наряду с дефектами, связанными с низким качеством обработки деталей, у двигателей бы В статье в газете «Уральский автомобиль» за 10 апреля 1945 г. сообщалось, что литейный цех № 3 подавал в цех моторов № 1 плохо очищенные блоки цилиндров, имевшие следы литейной грязи. Загрязнения и неочищенный литейный пригар замедляли механическую обработку деталей, портили режущий инструмент и оборудование. На испытательной станции цеха сборки и испытания моторов использовалось загрязненное моторное масло, что вело к порче новых двигателей³².

Все трудности и проблемы с организацией серийного производства форсированного мотора нашли яркое отражение в стихотворении Ю. Короткова «МФ», помещенного в декабрьском номере заводской многотиражки «Уральский автомобиль»:

«ЭМ-ЭФ» — не мотор, а лев!
Словом одним — красавец! Чудо!
Аж стыдно при нем показать свой гнев,
Не то что бы выразиться как-то худо.
С каких это пор, скажите, у нас
Делать мотор стали на глаз?
При выправке фаски и иного уродства
Применяется рашпиль, обмотанный тряпкой!
Увидишь — глаза прикрывай хоть шапкой.
«Новое в технике производства»!!!

А отступление от чертежа?! —
Разве не хуже ножа?
Вот два примера:
Шлифовка цилиндров не дает размера!
Крышки подшипника с участка Горюнова
Хоть сразу же в брак, без слова.
Разве теперь о станках
Прибавить чего еще?
Станки на блоке — не станки, а страх,
Как будто с какого побищца.
Ужели техника пошла на снижение?
Нет, технике нашей — почтение.
Вот техники наши зато — не то.
Что им цех и детали?
Мелькнет в цеху чье-нибудь пальто —
И поминай как звали.
Фишбейн и другие, скажем смело, —
Почтенные имена.
Но вряд ли продукция им нужна,
Деньги — другое дело.
ЦСИМ, ОТК и двум «Моторам»,
Всем без исключения —
ПЕ-РЕ-ВЫ-ПОЛ-НЕ-НИ-Е!!!
Черным по белому оно у всех.
Здесь перевыполнили, там преуспели,
Ну, а на деле —
Смех.
Где же, товарищи, где же моторы?
Нет их, — есть одни разговоры.
Коль по статистике посмотреть —
Из собранных принята только треть.
Возьмем две фигуры
Широкой натуры,
Достойных кисти покойного Бродского, —
Трейваса и Шаргородского.
Вот Шаргородский, нач. ОТК,
У него повелительная рука.
Достаточно контролеру знака,
Что б деталь в хорошие пошла из брака.
Коль Шаргородский в решении скор
Деталь «хорошую» выбрать в браке,
То Трейвас некачественный мотор
Готов отстаивать вплоть до драки.
Вот новые методы выполнения программы,
Достойные самой злой эпиграммы.
Если судить и правдиво и строго,
При такой «работе» треть — это много³³.

Как бы то ни было, но в 1945 г. Уральский автомобильный завод им. Сталина изготовил 207 двигателей ЗиС-МФ³⁴. Серийный форсированный мотор устанавливался на артиллерийский тягач Я-13Ф, сконструированный на Ярославском автомобильном заводе. На гусеничном тягаче миасский форсированный мотор стал заменой двухтактным дизельным моторам ГМС, которые поставляли в СССР по ленд-лизу. Производство артиллерийских тягачей Я-13Ф с отечественным бензиновым мотором было налажено на заводе № 40 в подмосковных Мытищах.

Как отмечалось выше, серийный форсированный двигатель значительно отличался от автомобильного собрата тем, что имел более совершен-

ную головку блока цилиндров, увеличивавшую степень сжатия в двигателе до 6,1 (по другим данным — до 6,0). В форсированном моторе использовали алюминиевые поршни с иным расположением колец, более жесткие шатуны с усиленными поршневыми пальцами. Нижние головки шатунов, как и коренные подшипники коленчатого вала, заливали высококачественным баббитом Б-83. Шейки коленчатого вала закаливали токами высокой частоты. На двигатель устанавливали распределительный вал с расширенными фазами газораспределения, а также клапаны увеличенного размера. ЗиС-МФ имел иные всасывающий и выхлопные коллекторы. На двигатель устанавливали новый карбюратор МКЗ-10 типа «Зенит» с пневматическим ограничителем оборотов типа «Солекс». Были усилены маховик и его картер. На двигатель устанавливался увеличенный масляный поддон, который был больше, чем на стандартном автомобильном моторе ЗиС-5М, на 4 л. Ввиду значительной форсировки двигателя на него устанавливались более теплонапряженные свечи. На двигатель устанавливали 12-вольтовое электрооборудование (на автомобиле ЗиС-5В напряжение в сети было 6 вольт). Для ЗиС-МФ применяли стартер МАФ-31 мощностью 2 л. с. (на двигателе ЗиС-5М — 0,9 л. с.). С полным оборудованием ЗиС-МФ устойчиво развивал мощность 95–96 л. с. при 2800 об/мин. При этом форсированный мотор был более требователен к качеству топлива. Для работы ЗиС-МФ использовали бензин с повышенным октановым числом — КБ-70³⁵.

Таким образом, двигатель, разработанный для артиллерийских гусеничных тягачей, был не только мощнее, но дороже и сложнее в производстве стандартных автомобильных моторов. К тому же он потреблял более качественное и дорогое топливо. Серийные форсированные моторы имели свои недостатки. Однако стоит помнить, что от разработки до внедрения в производство этих моторов прошло слишком мало времени. Мотор был сконструирован в сжатые сроки — в 1942–1943 гг., а уже в 1945 г. был налажен его серийный выпуск. Производить двигатели на заводе, который не имел необходимого оборудования и помещений, испытывал хронический недостаток материалов и человеческих ресурсов, а уж тем более создавать новые двигатели (пусть и на основе имеющихся моделей) было делом колоссального труда.

ЗиС-МФ был предназначен для военной техники, но конструкторские решения и технологии, разработанные для его производства, послужили для автомобильной промышленности после окончания войны. В 1955 г. завод наладил серийный выпуск автомобильного мотора, о котором писал А. С. Айзенберг весной 1945 г. Этот двигатель развивал мощность 85 л. с., устанавливали его на автомобиль УралЗиС-355, который являлся модернизированной версией грузовика ЗиС-5М³⁶. Произошло это спустя десять лет после окончания войны.

Примечания

- ¹ Мордовцев Н. Н. Русский дизель. Ярославль, 2016. С. 66–79.
- ² Прочко Е. И. Артиллерийские тягачи Советской Армии // Бронекolleкция : прил. к журн. «Моделист-конструктор». 2005. № 2. С. 15–19.
- ³ Там же. С. 19–25.
- ⁴ Там же. С. 27–29.
- ⁵ Там же. С. 29.
- ⁶ Там же. С. 29–30.
- ⁷ Приданников В. Н. Конструкторско-экспериментальный отдел // Автомобильный завод «Урал» : энциклопедия / редкол.: В. Х. Корман и др. Челябинск, 2009. С. 174–175 ; *Он же.* Айзенберг Александр Семенович // Там же. С. 14.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 13. Л. 19–20.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 79. Л. 54–56.
- ¹¹ Манин А. В. Уральский автомобильный: страницы истории ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени автомобильного завода имени 60-летия СССР. Челябинск, 1987. С. 29.
- ¹² РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 31. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 30.
- ¹⁴ Там же. Л. 44.
- ¹⁵ Автомобильные двигатели АМО, ЗиС, ЗиЛ: особенности конструкции, технические характеристики, объемы выпуска, имена создателей. 1916–2011 гг. / под ред. В. Г. Мазепы. М., 2012. С. 85.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 31. Л. 44–45.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 41.

- ¹⁹ Пьянков С. А., Бедель А. Э. Война, люди и моторы: история создания Уральского автомобильного завода (1941–1945 гг.) // Клио. 2018. № 9. С. 180.
- ²⁰ Косоголов В. В. Двигатели Уральского автомобильного завода // Автомобильный завод «Урал» : энциклопедия / редкол. В. Х. Корман и др. Челябинск, 2009. С. 95–96 ; *Поликапов Н.* Грузовой автомобиль ЗиС-5. М., 2007. С. 37.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 31. Л. 41.
- ²² Автомобили СССР : кат.-справ. / сост. П. А. Фиш-бейн. М., 1966. С. 5.
- ²³ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 151.
- ²⁴ Там же. Л. 137–138.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 64. Л. 53 об.
- ²⁷ Вторая партийно-техническая конференция завода // Урал. автомобиль. 1945. 26 мая.
- ²⁸ Айзенберг А. С. Модернизируем автомобиль ЗиС-5 // Урал. автомобиль. 1945. 8 июля.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 46. Л. 120.
- ³⁰ Ильинкова Т. А. Коган Григорий Менделеевич // Автомобильный завод «Урал» : энциклопедия / редкол. В. Х. Корман и др. Челябинск, 2009. С. 162.
- ³¹ Хиронников Ф. Обеспечить выпуск качественного двигателя «МФ» // Урал. автомобиль. 1945. 3 апр.
- ³² Мартынов. Устранить причины, тормозящие выпуск «МФ» // Урал. автомобиль. 1945. 10 апр.
- ³³ Коротков Ю. «МФ» // Урал. автомобиль. 1945. 11 дек.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 64. Л. 13.
- ³⁵ Прочко Е. И. Указ. соч. С. 29–31.
- ³⁶ Автомобили СССР : кат.-справ. ... С. 1–5.

С. П. Сайнаков, Ш. В. Исупов

Состояние сельского хозяйства Кулябской области в 1942 году (по архивным материалам)

За период Великой Отечественной войны был принят ряд важнейших постановлений СНК Таджикской ССР и ЦК КП(б) Таджикистана в области сельского хозяйства: «О повышении для колхозников обязательного минимума трудней», «Об установлении размера сдачи колхозами в хлебный фонд Красной Армии», «О практических мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) о мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах Таджикской ССР», «Об уборке урожая и заготовке сельхозпродуктов», «О прополке и междурядной обработке посевов», «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Эти постановления наметили пути, по которым должно было развиваться колхозное, социалистическое сельское хозяйство в условиях военного времени.

Большая работа была проведена в колхозах Кулябской области по подготовке колхозного скота к зимовке. План накопления грубых кормов в переводе на сено был выполнен на 125,1 % (заготовлено 187 607,6 т)¹.

Отечественной война все больше и больше требовала людских резервов. Много работников сельского хозяйства было призвано в РККА с ору-

жием в руках отстаивать честь и независимость нашей Родины. На их место пришли новые кадры, в основном молодежь. Перед партийной организацией встал серьезный вопрос — быстро обучить этих людей, чтобы они смогли полноценно заменить своих товарищей, ушедших на фронт. С этой целью в области была организована сеть краткосрочных семинаров и курсов по подготовке звеньевых, сборщиков, косцов, учетчиков, табельщиков и т. д. Всего в 1942 г. прошли подготовку по массовым специальностям 1929 человек. Кроме того, путем индивидуального обучения подготовлено 180 трактористов, из них 40 женщин, 11 комбайнеров (6 женщин), 6 помощников комбайнеров, 6 шоферов, 7 слесарей, 7 кузнецов, 5 токарей (из них 2 женщины). Обучились 106 колхозных счетоводов, в том числе 52 женщины и 4 инвалида Отечественной войны. Помимо этого проводилась подготовка механизаторских кадров в Ленинабадский и Шахринауской кишлаки: 15 механиков МТС, 45 бригадных механиков, 10 комбайнеров, 13 шоферов. Неплохо было постановлено дело с подготовкой кадров в Колхозабадском, Кулябском, Кизил-Мазарском районах. Безусловно, все это еще не обеспечивало сельское хозяйство области кадрами².

Все колхозы, районы и МТС области включились во всесоюзное социалистическое соревно-

вание. Многие колхозы и районы провели взаимопроверку соцдоговоров.

План сельхозработ области на 1942 г. рассматривался облисполкомом и обкомом партии 6 января. Для доведения указанного плана до районов и колхозов и оказания практической помощи в реализации важнейших постановлений партии и правительства на места выезжали работники сельхозотдела, а также облпартсоактив.

Основной отраслью сельского хозяйства области являлось зерновое производство. В 1942 г. посевная площадь была увеличена по сравнению с 1941 г. на 19 116 га (под яровой сев — на 5616 га, под озимый — на 13 500 га) и составила 219 760 га, фактически же было засеяно 242 801 га. Хотя область в целом успешно справилась с весенней посевной кампанией, в некоторых колхозах имели место недосевы. Люди не придерживались норм высева, а кое-где занимались очковитирательством: показывали выполнение плана сева больше, чем фактически было засеяно.

Вырастив богатый урожай, парторганизация и колхозы области должны были решить не менее важную задачу — провести уборку в сжатые сроки и без потерь. В 1942 г. на уборке работало 30 комбайнов, собравших зерно с 6225 га (77,8 % от плана), простейшими сажеными — 306 га (30,6 %). Но в основном уборка производилась вручную. Для оказания практической помощи за районами и колхозами на весь период уборочных работ были закреплены работники облпартсоактива, в том числе и сотрудники сельхозотдела.

В 1942 г. согласно плану посева хлопка заняли 11 тыс. га (как и в 1941). Учитывая повышение контрактации 1942 г. (1 ц/га), область сдала на 76 т хлопка больше, чем в 1941 г. Однако план хлопкосдачи 1942 г. был выполнен всего на 94 %, то есть недодано государству 1132 т хлопка. Недовыполнение плана отмечалось в районах Пархар, Колхозабад, Муминабад, Кзыл-Мазар. Парторганизации этих районов не мобилизовали колхозы на своевременную, высококачественную обработку и полив хлопчатника, в результате чего не обеспечили его высокую урожайность в 1942 г. Первенство по проведению хлопкоуборочной кампании занял Кулябский район, выполнивший план хлопкосдачи к 20 ноября. А на 1 января 1943 г. план хлопкосдачи был выполнен районом на 105,7%.

В области имелись восемь МТС, план тракторных работ к началу 1943 г. был выполнен на 85 %. Несмотря на известные трудности, созданные войной, ряд МТС неплохо справились со своей задачей (см. табл. 1) и сыграли огромную роль в выполнении плана сельскохозяйственных работ. Кзыл-Мазарская МТС выполнила план тракторных работ к 20 ноября, Кулябская МТС — к 15 декабря 1942 г.

Исключительно важное значение в условиях военного времени приобрело выполнение планов госпоставок сельхозпродуктов (табл. 2). Кроме того, в порядке госзакупа колхозы продали государству 208 т зерна.

Таблица 1

Выполнение тракторных работ МТС Кулябской области в 1942 году*

Район	Выполнено работ		%
	по плану	фактически	
Дахана	8709	8276	95,2
Куляб	10 395	10 461	100,6
Колхозабад	17 618	13 821	78,4
Кзыл-Мазар	7411	7553	101,9
Ховалинг	5759	3789	65,7
Дзержинская	8079	5393	66,7
Фархар	19 020	18 007	94,6
Дангара	15 559	11 658	74,9

* ГАНИ РТ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 118.

Таблица 2

Выполнение хозяйствами Кулябской области плана госпоставок на 1 января 1943 года*

Поставка	Количество		%
	по плану на 1942 г.	фактически	
Зерно, ц	193 640	194 465	100,4
Фонд РККА, ц	53 155	53 387	100,4
Семенная ссуда, ц	6574	6756	102,7
Масло, кг	95 041	95 057	100,0
Мясо, ц	23 988,3	24 090	100,4
Брынза, кг	70 586	71 207	100,8
Яйца, шт.	1 397 921	1 405 829	100,5
Сено, ц	23 227	24 665	104,6
Картофель, ц	11 335	11 450	101,0
Овощи, ц	6399	6488	101,4
Шерсть, кг	221 540	225 565	101,8
Кокконы, кг	141 570	143 508	101,4
Клещевина, ц	482	268	55,1
Кунжут, ц	4746	3343	70,4
Зигир, ц	24 528	24 528	100,1
Шала, ц	4593	4204	91,5
Натуроплата, ц	23 235	21 568	92,8
Кожи крупные, шт.	4123	3455	81,2
Кожи средние, шт.	1773	1703	96,0
Кожи мелкие, шт.	120 219	95 172	79,0

* ГАНИ РТ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 119.

Однако в некоторых районах дело с заготовками обстояло неудовлетворительно. Так, Колхозабадский район не выполнил план по госпоставкам зерна (сдано было 99,2 %), шалы (80 %), брынзы (91,7 %); в фонд РККА было сдано всего 92,4 %. Ховалингский район выполнил план по зерну на 99,2 %, по шале — всего на 74,1 %, по сену — на 91 %. Не лучше обстояло дело с заготовкой и в Больжуанском районе.

Благоприятные условия имела область для развития животноводства. Колхозы области в целом перевыполнили плановые показатели по всем видам скота.

Таблица 3

Выполнение хозяйствами Кулябской области плана по животноводству на 1942 год*

Вид животных	Было на 1 января 1942 г.	План 1942 г.	Выполнено на 1 января 1943 г.	Прирост в головах	Процент выполнения плана
Крупный рогатый скот, в том числе коровы	28 688 9277	36 000 9800	41 361 12 139	12 673 2339	114,8 124,0
Рабочие волы	4914	4900	5791	891	118,1
Овцы и козы, в том числе овце- и козوماتки	136 015 —	164 000 78 000	176 375 94 210	45 350 —	107,5 120,7
Свиньи	2837	3100	3388	550	109,2
Лошади	5364	5880	7782	2318	133,0
Ослы и мулы	1231	2000	2922	1691	146,1
Верблюды	—	25	6	—	24,0

* ГАНИ РТ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 120.

Хороших результатов в 1942 г. добились районы Даштиджум, Муминабад, Пархар, Сари-Хасор, Ховалинг, Шуроабд.

Для укомплектования колхозных ферм было законтрактовано 25 070 голов овец и коз (против плана в 24 тыс.), из них поставлено на фермы, по состоянию на 1 ноября 1942 г., 24 513 голов. Крупного рогатого скота законтрактовано 13 456 голов (против плана в 7800 голов), поставлено на фермы 12 166 голов. На 1 октября 1942 г. в колхозах области имелось ферм: крупного рогатого скота — 621, птицеводческих — 621, свиноводческих — 217. Как видно из этих цифр, все колхозы области имели не менее двух животноводческих ферм и одну птицеводческую.

В целях ликвидации бескоровности колхозам области был спущен кредит (суммарно 425 тыс. руб.) со следующим распределением по районам (табл. 4).

Таблица 4

Кредитование хозяйств Кулябской области для устранения бескоровности*

Район	Спущено кредита, тыс. руб.	Использовано на начало 1943 г., тыс. руб.
Большджуан	35	Нет
Фархар	35	35
Дангара	35	9
Ховалинг	42	42
Кангурт	38	24
Муминабад	38	38
Даштиджум	30	Нет
Шуроабд	33	32
Сари-Хасор	34	Нет
Колхозабд	31	30
Кзыл-Мазар	42	41
Куляб	32	28

* ГАНИ РТ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 121.

Как видно из таблицы, исключительно плохо освоили кредиты колхозы Кангуртского, Данга-

ринского и Кулябского районов, а Большджуан, Даштиджум и Сари-Хасор совершенно не приступали к освоению кредитов, несмотря на то что процент бескоровности в этих районах был особенно высок.

Большое внимание уделяло правительство вопросу приобретения колхозами рабочих волов. На эти цели области был спущен кредит в 800 тыс. руб. со следующим распределением по районам (табл. 5).

Таблица 5

Кредитование хозяйств Кулябской области на приобретение рабочих волов*

Район	Спущено кредита, тыс. руб.	Использовано на начало 1943 г.
Большджуан	65	59
Фархар	60	80
Дангара	60	14
Ховалинг	80	80
Кангурт	48	38
Муминабад	75	75
Даштиджум	80	6
Шуроабд	75	75
Сари-Хасор	70	34
Колхозабд	62	82
Кзыл-Мазар	60	60
Куляб	65	120
Всего	800	723

* ГАНИ РТ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 121.

Перевыполнение плана использования кредитов Пархарским, Кулябским и Колхозабдским районами объясняется тем, что от ряда районов кредиты в конце месяца были сняты и переданы указанным районам.

В постановлении СНК и ЦК КП(б) Таджикистана от 25 марта 1942 г. указаны пути значительного увеличения поголовья скота: прежде всего полное сохранение молодняка в колхозах, а также в личном пользовании у колхозников.

В 1942 г. колхозы область имели приплод: жеребят — 1539 голов, телят — 8381, ягнят — 60 739, поросят — 2358 голов. Однако с его сохранением дело обстояло неблагоприятно: пало за год 89 жеребят, 779 телят, 4545 ягнят, 407 поросят. А всего за этот период пало 267 лошадей, 1379 голов крупного рогатого скота, 11 030 овец и коз, 611 свиней.

Большая работа проведена в колхозах области по подготовке скота к зимовке. План накопления грубых кормов, в переводе на сено, был выполнен на 125,1 % (заготовлено 187 607,6 т).

Таким образом, в этот период руководство области планировало путем еще большего разветвления соцсоревнования повысить произво-

дительность труда, добиться, чтобы утвержденные нормы выработки выполнялись всеми колхозниками. Следовало решительно улучшить обработку почвы, своевременно производить поливы, прополку культур, тем самым добиться повышения урожайности, особенно на богарных землях, всемерно расширять посевные площади, чтобы армии и стране дать столько хлеба, сколько его требовалось. Решено было всемерно развивать садоводство и пчеловодство.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Республики Таджикистана. Ф. 3. Оп. 126. Д. 185. Л. 114.

² Там же. Л. 119.

О. В. Полухина

«Сталинградский Тракторострой» на восстановлении Сталинградского тракторного завода (по материалам архивного фонда Волгоградской области)

Закончилась Сталинградская битва. Серьезный ущерб был нанесен всему городскому хозяйству Сталинграда. Разрушено было и предприятие-гигант — Сталинградский тракторный завод, составлявший индустриальную основу города. К восстановлению завода наряду с самими заводчанами приступила особая строительно-монтажная часть № 14 (ОСМЧ-14), которая была создана в 1941 г. в Сталинграде на базе строительного треста №14 НКС СССР. В связи с приближением линии фронта в 1942 г. ОСМЧ-14 частично была эвакуирована в Челябинскую область.

В 1943 г. основной задачей оставшейся части ОСМЧ-14 было проведение восстановительных и строительно-монтажных работ на территории Сталинградского тракторного завода, строительство жилья для рабочих завода. Организация восстанавливала и другие объекты: кислородный, гидролизный, лесопильный заводы, жилой фонд и объекты культурно-бытового назначения. Но восстановление Сталинградского тракторного завода после Сталинградской битвы для производства танков и тракторов стало первоочередной задачей в условиях продолжающейся войны. Эта задача нашла свое отражение: в названии особой строительно-монтажной части № 14 с ноября 1943 г. добавились слова «сталинградский Тракторострой» (ОСМЧ СТС).

Историю данной организации можно изучить по документам, которые находятся на хранении в Волгоградском городском архиве, Государственном архиве Волгоградской области, Центре документации новейшей истории Волгоградской области. В фондах архивов имеются приказы, отчеты, планы, справки о ходе строительных работ, документы по личному составу ОСМЧ «Сталинградский Тракторострой», а также справки различных организаций, партийных органов, содержащие информацию об исполнении их указаний и постановлений. В документах содержится информация о количественном составе кол-

лектива организации, социально-бытовых, жилищных и санитарно-гигиенических условиях жизни строителей в непростое время восстановления городского хозяйства после Сталинградской битвы.

Работа ОСМЧ-14 началась сразу после окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 г. с учета оставшегося после эвакуации имущества, а также сбора трофейной техники. Первыми мероприятиями восстановительных работ стали расчистка территорий цехов СТЗ и разминирование¹. В составе ОСМЧ были созданы участки промышленного строительства № 1 и 2, работавшие непосредственно на промплощадке СТЗ, и участки жилищного строительства № 3 и 4, которые восстанавливали цеха и коммуникации, занимались строительством жилых домов для заводчан.

Восстановление началось с создания минимальных условий проживания тракторостроевцев. Для расселения прибывающих на строительство рабочих и их бытового обеспечения готовились помещения: фасадное крыло здания заводоуправления, столовая пресси-штампового цеха, кухня в Доме техники. Это были наиболее сохранившиеся здания и сооружения на территории стройки после боевых действий. Условий не было практически никаких. «Для приема рабочих собрать 300 матрасов в щелях и подвалах разрушенных зданий... отремонтировать и собрать 500 кроватей», — звучало в приказе начальника ОСМЧ-14. Питание рабочих происходило на открытом воздухе².

Кадры в состав ОСМЧ-14 поступали по линии комсомола, Наркомата обороны, Наркомстроя (квалифицированные рабочие строительных специальностей). Привлекали к работам спецконтингент и военнопленных. По трудовой мобилизации населения, проходившей по стране, в ОСМЧ прибывали в основном женщины в возрасте от 16 до 45 лет, а также мужчины в возрасте от 16 до 55 лет. На восстановление завода

Наркомстроем СССР направлялись специалисты из других строительных организаций: ОСМЧ № 18, ОСМЧ № 52 (Куйбышев), ОСМЧ «Моспромстрой» (Саратов), ОСМЧ «Стройгаз» (Горький), Главприволжскстрой. Это были инженеры, мастера, прорабы.

В составе ОСМЧ-14 работала трудовая строительная колонна, сформированная из военнообязанных мужчин, ограниченно годных к строевой службе. Это было военизированное трудовое подразделение, личный состав которого проходил военную подготовку и жил на казарменном положении отдельно от вольнонаемных рабочих.

К маю 1943 г. в структуре ОСМЧ-14 действовало 28 подразделений: шесть строительных участков по промышленному и гражданскому строительству, 13 предприятий, обеспечивающих нужды стройки (машинопрокатная база, предприятия по добыче щебня, песка, лесопиления, водного, железнодорожного транспорта), управление подсобных предприятий, транспортная контора, административно-хозяйственные отделы³. В июне 1943 г. в штате ОСМЧ-14 числились 4985 человек, из них комсомольцев — 1600, спецконтингента — 1800, квалифицированных кадров Наркомстроя — 220 человек⁴. Рабочие расселялись в общежитиях, дополнительно организованных в механическом институте, школах № 27, 28, подвалах полуразрушенных домов. В связи с нехваткой помещений разбивались палаточные городки. Приказом начальника ОСМЧ-14 от 27 февраля 1943 г. «в целях быстрейшего выполнения правительственного задания по восстановлению промышленных предприятий» устанавливался десятичасовой рабочий день, с 8 утра до 7 часов вечера, с перерывом на обед продолжительностью один час⁵. Выходными днями объявлялись 28 марта, 11 апреля, 30 апреля, 9 мая, 13 июня и т. д. (воскресенья). Можно предположить, что люди трудились практически без отдыха. Рабочими было отработано в 1943 г. ежемесячно по 24–25 дней. Передовики производства трудились и в выходные. В документах зафиксирована отработка 30 дней в месяц. Выходные дни объявлялись для всех стройучастков, за исключением пусковых объектов на СТЗ. Строгой была и дисциплина. Самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству. Рабочих привлекали к ответственности: за дезертирство документы направлялись в прокуратуру, за прогулы — в суд.

16 апреля 1943 г. на Сталинградском тракторном заводе силами заводчан и сталинградского Тракторостроя был закончен монтаж временной цеховой электростанции. В цехах пущены первые станки, на заводе начался ремонт боевой техники. И в июне 1943 г. на фронт отправились первые отремонтированные танки.

Постановление ГОКО от 22.04.1943 г. № 3230 «О восстановлении Сталинградского тракторного завода и завода № 264 Наркомтанкопрома» устанавливало крайне сжатые сроки ввода в эксплуатацию цехов СТЗ. Однако выполнение ра-

бот затягивалось. В июне 1943 г. плановые показатели были выполнены по ремонтно-литейному цеху на 90 %, по прессовому — на 75 %, по инструментальному — на 60 %, по термическому — на 9 %, по ТЭЦ — на 80 %. Основными причинами Тракторозаводский райком ВКП(б) назвал отсутствие рабочих рук, механизации работ, плохую организацию труда и низкую его оплату⁶.

Низкая механизация работ снижала производительность труда. Рабочие практически вручную разбирали завалы и очищали территорию завода, переносили строительные материалы. Лишь с августа 1943 г. проводилась замена носилок на тачки. В отчете за февраль 1944 г. в ОСМЧ СТЗ из производственных механизмов значились: два экскаватора, восемь бетономешалок, двенадцать растворомешалок, одна камнедробилка⁷.

Отрицательно на качество и срок исполнения работ влияла плохая организация труда. На строительных объектах зачастую случались простои вследствие несвоевременного подвоза строительных материалов, выдачи нарядов на работы. Нормирование труда, как отмечалось, находилось в «неудовлетворительном состоянии», заработная плата рабочих была крайне низкой.

Для материальной заинтересованности с июня 1943 г. вводилась прогрессивно-премиальная оплата труда. Оплате по данной системе подлежали только работы, выполненные с 100-процентным качеством. Молодым рабочим, прибывшим на строительство в порядке мобилизации, оплачивались работы, начиная с 70-процентного выполнения норм. Рабочим, выполняющим и перевыполняющим дневные нормы, выдавались дополнительные обеды (второе блюдо). Остальным за десятичасовой рабочий день горячее питание выдавалось один раз.

Бюро Сталинградского обкома ВКП(б) на заседании 9 ноября 1943 г. поставило перед сталинградским Тракторостроем задачи закончить строительные монтажные работы по особо важным цехам СТЗ в кратчайшие сроки. Кузнечный, термический, чугунолитейный цеха должны были быть пущены к 15 ноября 1943 г., ТЭЦ — к 20 ноября, сталелитейный цех — к 1 января 1944 г.⁸

По состоянию на 25 ноября 1943 г. было восстановлено около 72 тыс. кв. м производственных площадей, здание ТЭЦ, нефтеемкости и коммуникации тракторного завода. Восстановлено около 16 тыс. кв. м жилой площади и приспособлено для жилья в зимних условиях 13,5 тыс. кв. м. Однако, как было указано в справке Сталинградского горкома ВКП(б), «несмотря на переключение почти всего коллектива на окончание промышленных объектов, последние сдаются с отставанием от 5 до 15 дней от сроков, установленных ГОКО. Качеству работ должного внимания не уделяется». Руководство города настаивало на форсировании работ и ликвидации недоделок по сданным объектам⁹.

Все силы были брошены на промышленное строительство. Темпы восстановления жилых до-

мов значительно отставали. Осенью 1943 г. готовность планируемых к сдаче домов была 45–95 %. С наступлением зимы и без того трудное бытовое положение рабочих еще более ухудшилось. В сентябре 1943 г. в палатках проживали 2686 рабочих сталинградского Тракторостроя, из них 1680 женщин, 408 человек — семейных с детьми. Восстановленный ОСМЧ жилой фонд большей частью передавался для проживания рабочих Сталинградского тракторного завода. Рабочие сталинградского Тракторостроя переселялись из палаток лишь в несколько восстановленных домов, каменные бараки, пять сборно-разборных домов. Помещения были непригодными, отсутствовало отопление, иногда и водопровод.

Многие виды строительных работ по обустройству домов и общежитий тракторостроевцев проводились черкасовским способом силами рабочих во вторую смену. Был организован декадник по подготовке общежитий к зиме. Черкасовские бригады сталинградского Тракторостроя принимали участие в восстановлении во внерабочее время культурно-бытовых учреждений: Дома советов, стадиона «Трактор», детских яслей¹⁰.

Для ускорения работ, повышения качества и производительности труда было организовано социалистическое соревнование строительных участков, субподрядных организаций, подсобно-вспомогательных организаций ОСМЧ СТС, приказом от 28 мая 1943 г. № 187 учреждено переходящее Красное знамя. В июле 1943 г. первым победителем социалистического соревнования стал коллектив участка промышленного строительства № 2¹¹.

Еще одним видом повышения производительности труда и материальной заинтересованности были «сталинские фронтовые задания», которые выдавали бригаде строителей сроком на десять и более дней. Сроки выполнения работ по заданиям должны были соответствовать графику или сокращены. Если график работ срывался, бригада лишалась премии по итогам выполнения задания. При выполнении и перевыполнении рабочих премировали талонами на продукты и товары. При выполнении норм выработки на 125–149 % выдавали: муки — 2 кг, рыбы / мяса — 2 кг, овощей — 2 кг, мыла — 2 куса, табака — 100 г (талон № 2). При выполнении норм выработки на 150 % и выше выдавали: муки — 5 кг, рыбы / мяса — 4 кг, жиров — 0,5 кг, мыла — 4 куса, табака — 400 г, мануфактуры хлопчатобумажной — 5 м или шерсти — 3 м (по особому разрешению), кондитерских изделий — 250 г (по особому разрешению) (талон № 1)¹².

Вся страна помогала восстанавливать СТЗ. Однако строительные работы в условиях войны было трудно обеспечить всеми необходимыми материалами и оборудованием. В связи с этим особенно были ценны предложения рационализаторов-строителей. Уже на начальном этапе восстановительных работ, 5 мая 1943 г., руководство сталинградского Тракторостроя премировало рабочих и инженеров отдела глав-

ного механика за восстановление и ввод в эксплуатацию 15 металлорежущих станков, подлежащих списанию¹³.

Рационализаторские предложения коснулись различных направлений строительного-монтажных работ: ремонт шарикоподшипников, способ проходки монтажа электроосветительных сетей, универсальный станок по изготовлению циркульных пил и фрезеровки разнообразных деталей и др. В целях экономии вяжущих материалов осваивалась установка для пробуждения в растворах красного кирпича, лаборатория ОСМЧ составила рецепты для литья гипсолитовых потолков на баскунчакском гипсе с учетом использования строительных отходов. Авторами рацпредложений были слесари, инженеры, механики, электрики, работающие на стройке.

В мае 1945 г. ОСМЧ СТС участвовала во Всесоюзной строительной выставке в Москве. Там были представлены экспонаты и технологии, разработанные тракторостроевцами: использование материалов от разрушенных зданий; стройматериалы из отходов промышленности; краска из кирпичного боя; кровля с утеплителем из отходов асбошиферного производства; первые изделия из высокопрочного гипса; кран-деррик «СТС»; монорельсовая тележка; станок для очистки кирпича; применение сборно-щитовых конструкций при восстановлении цехов; плиты для устройства перекрытий и др. Наркомстрой отметил технические предложения строителей и опыт их внедрения¹⁴.

Несмотря на технические новшества, важнейшей проблемой по-прежнему оставалось отсутствие квалифицированных рабочих кадров. Значительная часть прибывающих рабочих ранее не трудилась на стройках, не владели строительными специальностями. Поэтому в структуре ОСМЧ СТС был создан учебно-производственный комбинат для обучения рабочих строительным специальностям. На строительных участках организованы стахановские школы, в которых инструкторы стахановских методов труда обучали передовые комсомольско-молодежные бригады. Однако в целом техническая подготовка рабочих кадров оставалась на низком уровне. Для воспитания собственных кадров при сталинградском Тракторострое в 1944 г. была открыта школа ФЗО с обучением 500 человек по девяти строительным специальностям¹⁵.

В списочном составе ОСМЧ СТС значилось большое количество работающих женщин, которые прибыли по комсомольским путевкам или трудовой мобилизации. Например, в первом строительном участке промышленного строительства на восстановлении пятого корпуса СТЗ работали 202 человека, из них 163 женщины (80 %). Это были бригады разнорабочих и грузчиков, то есть тяжелый неквалифицированный труд выполнялся молодыми женщинами, которым было 18–25 лет. В июле 1943 г. на стройке работала бригада 18-летних девушек во главе с шестнадцатилетним бригадиром Н. И. Мишиной (1927 г. р.)¹⁶.

Квалифицированными рабочими — плотниками, каменщиками, арматурщиками, столярами — были в основном мужчины. Но и женщины не отставали и осваивали строительные специальности. Среди передовиков и стахановцев были Н. П. Миляева (каменщик, 19 лет), М. С. Борискина (штукатур, 25 лет), А. П. Платайс (каменщик, 20 лет), М. Кондрашева (каменщик, 19 лет).

Работа коллектива ОСМЧ СТС неоднократно отмечалась. В июле, сентябре и октябре 1943 г. переходящее Красное знамя городского комитета обороны вручили строительному участку № 2 сталинградского Тракторостроя, а в ноябре и декабре 1943 г. — всему коллективу ОСМЧ. Одновременно коллектив получил вторую премию и переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомстроя¹⁷.

Результаты следующего, 1944, г. были не такими впечатляющими. В апреле 1944 г. ОСМЧ СТС сдал в эксплуатацию 6000 кв. м производственных площадей фасонно-сталелитейного цеха СТЗ. В восстановленном цехе организовали производство траков, литых элементов тракторных гусениц. Сроки полного восстановления чугунолитейного и механосборочного цехов, намеченные на июнь, переносились. Лишь в июле 1944 г. с вступлением в строй этих цехов СТЗ приступил к серийному выпуску тракторов. Сданные строительные объекты имели значительное количество недоделок. В целом руководство сталинградского Тракторостроя допустило удорожание строительства на 1,2 %, что указывало, по мнению Тракторозаводского райкома ВКП(б), на наличие недостатков в организации труда, неправильное расходование стройматериалов, механизмов. Срывы графика работ объяснялись начальниками стройучастков ОСМЧ СТС завышенными сроками выполнения, отсутствием рабочей силы, несвоевременным поступлением стройматериалов¹⁸.

Строительные работы по промстроительству резко опередили восстановительные работы по жилищному и культурному строительству. План жилищного строительства первого полугодия 1944 г. был выполнен на 56 %. Объекты сдавались с недоделками, с отставанием от графика. Это создавало угрозу несвоевременного размещения вновь прибывающих рабочих на СТЗ и СТС и переселения рабочих из палаток в капитальное жилье. Для ускорения восстановительных работ летом 1944 г. с промышленных площадок перевели на строительство жилых домов 600 человек — вольнонаемных и спецконтингента¹⁹.

Восстановительные работы требовали большого количества рабочих, что лимитировало производственные возможности сталинградского Тракторостроя. Представителей ОСМЧ СТС командировали весной 1944 г. в Москву, Куйбышев, Орел, Ростов, Казань, Пензу, Саратов, Чкалов для мобилизации комсомольцев. Увеличилась численность рабочей колонны в составе СТС за счет дополнительной мобилизации военнообязанных.

Для мобилизации местного населения на стройку в соответствии с решением облисполкома от 9 февраля 1944 г. «О мобилизации рабочих для ОСМЧ “Сталинградский Тракторострой”» в районы Сталинградской области направляли уполномоченных от ОСМЧ. Однако мобилизация ощутимых успехов не дала. Из 1000 человек, подлежащих мобилизации, по Сталинградской области было мобилизовано на стройку только 380 человек. За срыв мобилизации начальник отдела кадров СТС был привлечен к уголовной ответственности. Местные людские ресурсы оказались минимальными. Привлекать специалистов из других областей было сложно²⁰.

Нехватка рабочих рук на строительстве сопровождалась и большой текучестью кадров. За март 1944 г., например, были приняты на работу в ОСМЧ СТС 1092 человека, а убыли 763 человека²¹.

Участились случаи дезертирства со стройки, прогулов и опозданий. Например, на участке № 4 за июль 1944 г. дезертировали 48 человек (10 % списочного состава). За этот и предыдущие месяцы плановые показатели выполнялись участком только на 68 %. Заработная плата рабочих снизилась до «безобразно» низкого уровня²².

Бытовые условия в общежитиях сталинградского Тракторостроя оставались тяжелыми. В помещениях было тесно и холодно. На одного проживающего приходилось 1,9 кв. м жилой площади. Дрова подвозили несвоевременно, не везде имелись умывальники. В общежитиях-землянках и подвалах отмечалось большое количество клопов, крыс. Постельными принадлежностями были обеспечены не все рабочие. Многие остро нуждались в одежде и обуви.

Уровень трудовой дисциплины являлся результатом плохих жилищно-бытовых условий рабочих. Люди уставали от внутренней неустойчивости, бездушного отношения и низкой заработной платы. Руководство сталинградского Тракторостроя плохо интересовалось жизнью рабочих, обратив все свое внимание на решение поставленных перед стройкой порой нереальных задач. «Как заботятся о нас так мы и работаем», «Привезли, бросили, как хочешь так и живи», — такие мнения высказывали рабочие²³.

К октябрю 1944 г. должны были быть восстановлены восемь жилых домов для переселения рабочих ОСМЧ СТС (жилая площадь около 8000 кв. м). Намечены были мероприятия по улучшению бытового обслуживания рабочих и служащих СТС, по благоустройству общежитий и подготовке к зиме (утепление, штукатурка стен, перекладка печей, установка вторых оконных переплетов, обустройство прачечных). Однако этих мер было недостаточно. В феврале 1945 г. в не подготовленных к зиме помещениях и палатках оставались 430 рабочих²⁴.

Из справки инструктора Тракторозаводского райкома ВКП(б) о выполнении мероприятий по улучшению бытовых условий на Тракторострое от 11 апреля 1945 г.: «Общественное питание в

последнее время ухудшилось: отсутствуют картофель, мясо, жиры. Кормят кислой капустой, вяленой рыбой. В столовых по-прежнему отсутствует посуда. Рабочие получают еду в свои грязные котелки и консервные банки. Очереди в столовых...»; «Нетерпимое материально-бытовое положение рабочих на Тракторострое является результатом безразличного отношения со стороны хозяйственного руководства»; «У руководства СТС потерялось чувство ответственности за сохранность жизни людей. В результате имеют место случаи, когда здоровье рабочих подрывается и мер не предпринимается». Вследствие плохого питания среди рабочих участились случаи заболевания туберкулезом, дистрофией. Инструктором райкома ВКП(б) подчеркивалась преступная медлительность в решении этого вопроса: «Благодаря бездушному отношению к этим людям они превратились в скелетов, ходячих трупов из молодых и жизнерадостных»²⁵.

В планах на 1945 г. были работы по промышленному, жилищному и культурно-бытовому строительству на сумму 66,5 млн руб. Это означало завершение восстановительных работ на СТЗ, позволяющее обеспечить нарастающий выпуск продукции, ввод в эксплуатацию промышленных площадей, обеспечение ввода 40 тыс. кв. м жилой площади для рабочих СТЗ и СТС²⁶.

В январе 1945 г. коллективы СТЗ и СТС в письме председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину подвели итоги своей работы: «В результате упорного труда коллективом тракторного завода и Тракторостроя уже восстановлено 176 тыс. кв. метров производственных площадей. ...вместе с заводом восстанавливается и наш заводской поселок. Восстановлены хлебозавод, две школы, больница, бани, жилые дома. Всего восстановлено 67 тыс. кв. метров жилой площади... Уже в 1943 году коллектив завода отремонтировал и передал фронту танков на четыре танковых бригады и дизелей на пять бригад... С июля 1944 года началось серийное производство тракторов. Снова с большого конвейера Сталинградского тракторного завода пошли тракто-

ра с маркой «СТЗ». Ответом стала телеграмма, опубликованная в газете «Сталинградская правда» 9 февраля 1945 г., в которой И. В. Сталин поздравил коллективы СТЗ и СТС с восстановлением завода и пуском первых 500 гусеничных тракторов и танковых дизелей²⁷.

Несмотря на тяготы и лишения, ценой невероятных нечеловеческих усилий и благодаря самоотверженному труду рабочих ОСМЧ «Сталинградский Тракторострой» было обеспечено восстановление Сталинградского тракторного завода.

Примечания

¹ ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Л. 37.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–4.

⁵ ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

⁶ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–4.

⁷ Там же. Д. 91. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. 113. Оп. 14. Д. 8. Л. 60.

⁹ Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: док. и материалы. 2-е изд. / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2007. С. 671.

¹⁰ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 66. Л. 23.

¹¹ ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1. Л. 155.

¹² Там же. Д. 9. Л. 132.

¹³ Там же. Д. 16. Л. 30.

¹⁴ Там же. Л. 72.

¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 39.

¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 38 об.

¹⁷ Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: док. и материалы. С. 629, 639.

¹⁸ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.

¹⁹ ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 173.

²¹ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

²² ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 9. Л. 110.

²³ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.

²⁴ ВГА. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 9. Л. 146–150.

²⁵ ЦДНИВО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 108. Л. 30 об.

²⁶ Там же. Д. 100. Л. 100–104.

²⁷ Книга памяти: в 2 т. Т 1, кн. 1: Сталинградцы в бою и труде. 1941–1945. Воспоминания. Документы. Фотографии. Волгоград, 1994. С. 437.

А. Э. Беделъ

Организация промышленного производства высокообогащенного урана в СССР*

Проблема обеспечения технологических прорывов на важнейших направлениях российской модернизации заставляет с особым вниманием отнестись к историческим достижениям в осуществлении отечественной атомной программы, позволившей в полном объеме задействовать интеллектуальный и промышленный потенциал страны.

Ключевая проблема при создании ядерного оружия — организация производства делящихся материалов — плутония и высокообогащенного

урана. Для решения этой задачи необходим ряд условий: правильно определить направление научного поиска, позволяющего заложить основы практических действий, осуществить масштабный комплекс работ по проектированию, техническому оснащению и освоению производства.

Для создания атомного оружия нужен был не только плутоний как основная ядерная «взрывчатка», но и другой делящийся ядерный материал — высокообогащенный уран-235. Место для размещения первого отечественного предприятия по производству высокообогащенного урана определили недалеко от Свердловска,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00103.

у пос. Верх-Нейвинского (ныне г. Новоуральск). Пока шло проектирование, в Лаборатории № 2 (ныне Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») под руководством члена-корреспондента АН СССР И. К. Кикоина отработывали комплекс научных, конструкторских и технических проблем.

Отсутствие специальных знаний, новизна вопросов, которые предстояло решить, жесткие сроки строительства самого первого завода на этой площадке, получившего еще до рождения имя «Д-1», потребовали напряженного труда всех его создателей, всех необходимых ресурсов. Были и дополнительные трудности из-за соблюдения строгой секретности на всех этапах работы. Объект «Д-1» проектировал большой коллектив специалистов Государственного союзного проектного института № 11 (Ленинград).

Следует отметить выдающуюся роль разведывательных органов в решении отечественной урановой проблемы¹. В Великобритании для получения материала для атомной бомбы (урана-235) планировали метод разделения изотопов урана при помощи диффузионного аппарата. Исходным сырьем для процесса разделения предлагался гексафторид урана, химически активное вещество, что приводило к усложнению процесса. Предпочтение метода газовой диффузии перед методом центрифугирования стало для наших специалистов неожиданностью, так как метод диффузии считался у нас практически непригодным для разделения изотопов тяжелых элементов.

Материалы, полученные из США, показали, что там началось строительство предприятия по разделению изотопов урана газодиффузионным методом. Весной 1945 г. в Ок-Ридже (штат Теннесси) был пущен первый в мире газодиффузионный завод. Поступающая информация обеспечила корректировку направлений поиска технологического обеспечения получения высокообогащенного урана. Научное руководство разработками диффузионного метода обогащения урана было возложено на трех ученых во главе с И. К. Кикоиным: И. К. Кикоин отвечал за физику процесса; И. Н. Вознесенский — за инженерные решения; академик С. Л. Соболев занимался расчетно-теоретическими работами². В этот период С. Л. Соболев, известный советский математик, являлся также заместителем И. В. Курчатова по руководству Лабораторией № 2.

В 1946 г. И. Н. Вознесенский вместе со своими сотрудниками форсировал разработку первой отечественной диффузионной машины. В отличие от американской одноступенчатой машины, о которой стало известно из «Доклада Г. Смита»³, отечественная конструкция представлялась разработчиками многоступенчатой. Данный проект был передан для рабочего проектирования на Горьковский машиностроительный завод № 92 Министерства вооружения. После многократных отработок конструкции горьковчане вынесли приговор — машина технологически настолько

сложна, что запустить ее в серийное производство невозможно. Кроме Горьковского завода проект многоступенчатой машины передали и в ОКБ ленинградского Кировского завода. Все узлы многоступенчатой конструкции в конце концов были отвергнуты. Это означало, что к концу 1946 г. ни о каком монтаже оборудования на уральской площадке не могло быть и речи.

В конце 1946 г. в результате открытого конкурса в Ленинграде и Горьком были разработаны одноступенчатые машины. В ходе обсуждения на секции научно-технического совета Первого главного управления по диффузионному разделению изотопов урана принимается решение комплектовать уральскую площадку машинами Горьковского завода, но «конструкции малых и средних машин завода оказались неудачными и не выдержали испытаний»⁴.

В начале 1948 г. эшелоны с диффузионными машинами непрерывно прибывали на строящийся завод. Машины поступали на укомплектование их пористыми фильтрами, а потом на сборку и монтаж для соединения в каскады. Эти работы были возложены на заводы-поставщики.

В первоначальном проекте, в соответствии с принятой для него технологической цепочкой так называемого «каскада каскадов», количество разделительных машин, которые выстраивались в единую технологическую цепочку, равнялось 7216. По расчетам специалистов, было нецелесообразно одновременно вводить в эксплуатацию такое количество машин, поэтому принимается решение: осуществлять их ввод в эксплуатацию отдельными частями, или «очередями».

Первая очередь завода пускалась в апреле 1948 г. Она состояла из 256 разделительных машин. 21 апреля 1948 г. была произведена подача напряжения со Среднеуральской ГРЭС на главную понизительную подстанцию строящегося завода. К середине июля 1948 г. был закончен монтаж первых четырех каскадов, каждый из которых содержал 126 ступеней машин, соединенных в блоки по 10–15 штук. Каждый блок мог отсекается от остальных машин моторными клапанами, и поток газа направлялся по обводным (байпасным) коммуникациям. После заполнения гексафторидом урана каждого каскада в отдельности они были объединены в схему двойного каскада. Принятие такой схемы для диффузионного завода было связано с тем, что из-за отсутствия опыта работы с большими каскадами диффузионных машин опасались, что гидравлическая устойчивость большого каскада окажется недостаточной. И возникающие вследствие этого колебания газовых потоков будут уменьшать эффект разделения. Каждый участок располагался в достаточно герметически плотном металлическом отсеке — каньоне. Это позволяло вести монтаж и наладку отсеками, соблюдая высокие требования «гигиены» машин и упрощало все последующие монтажные и наладочные операции. Каждый участок имел отдельный щит технологического контроля. Таким образом, при эксплу-

атации облегчалось поддержание заданного температурного режима и минимальной влажности воздуха (в большинство отсеков поступал осушенный воздух).

«Питание» машин производилось из 60-литровых баллонов сначала на заводе «Рулон» Министерства химической промышленности (завод № 148 в Днепродзержинске), а с 1949 г. — на Кирово-Чепецком заводе.

Отсутствие опыта работы с гексафторидом урана привело к неприятным последствиям. При нагреве баллона создавалось избыточное давление, и прокладку фланца баллона пробило. Произошел выброс большого количества продукта, которого хватило, чтобы заполнить густым облаком газа весь цех. После выяснения причин аварии были разработаны новые виды защиты по температуре, давлению, проходимости. Баллоны на предприятие стали поступать заполненными на две трети объема.

22 мая 1948 г. было принято постановление Совета министров СССР, разрешающее предъять первую очередь завода к пуску⁵. Это был период непрерывного поступления оборудования. Разгрузочные площадки отсутствовали. Складских помещений не хватало, да и вновь строящиеся не обеспечивали сохранность оборудования, которое складировалось «навалом», что приводило к его порче. Не была обеспечена также сохранность материалов и инструментов. Этим же постановлением новым директором завода № 813 (ныне Уральский электрохимический комбинат, г. Новоуральск) был назначен А. Л. Кизима — директор ленинградского Кировского завода Министерства транспортного машиностроения.

Этим же постановлением предусматривалось, что руководящие работники завода — директор, научный руководитель, главный инженер и его заместители, начальник главного корпуса, научный руководитель главного корпуса, главный механик, главный энергетик, начальник технического отдела — «пользуются следующими материально-бытовыми условиями в течение всего времени работы на указанном заводе: надбавка в размере 50 % к окладу, бесплатная квартира и коммунальные услуги, а за их семьями сохраняются занимаемые ими квартиры»⁶ (по месту жительства). За работниками Академии наук СССР сохранялись должности, занимаемые ими в институтах, с выплатой заработной платы по месту прежней работы. Последнее связано с тем, что И. К. Кикоина обязали «к 25 мая 1948 г. перевести на завод из Лаборатории № 2 15 научных работников и инженеров для работы по обеспечению подготовки оборудования к пуску и освоению производства»⁷.

Начальники основных цехов завода также были назначены постановлением Совета министров СССР, чтобы подчеркнуть особое значение их роли и ответственности в эксплуатации первого в стране завода по разделению изотопов урана.

Первой серьезной трудностью в ходе монтажа стало обеспечение вакуумной плотности оборудования. В таких масштабах вакуумноплотного оборудования никогда не было. Уровень техники был довольно низок. Отыскание течи велось путем «обмыливания» соединений или подозрительного места (нанесением мыльной пены). При создании избыточного давления в оборудовании в местах неплотных соединений появлялись пузыри. Естественно, это приводило к потере времени, требовало большой ловкости и мастерства вакуумщиков.

В период пуска каскадов первой и второй очередей стало очевидным, что в проекте электрической части завода было допущено много ошибок, без устранения которых была невозможна устойчивая работа основного технологического оборудования — газодиффузионных машин. С учетом того, что монтаж приостановить было нельзя, приняли решение все необходимые исправления и изменения в электрической схеме вносить по ходу монтажа, а некоторые даже во время эксплуатации. Перед электропромышленностью была поставлена задача — создание принципиально новых приборов.

Третью очередь завода пускали в октябре 1948 г. К началу монтажа был накоплен некоторый опыт эксплуатации диффузионных машин, который показал, что механическая надежность компрессоров этих машин значительно выше предполагавшейся. С точки зрения механической надежности основного оборудования, можно было считать, что отечественные заводы создали уникальные машины. После окончания монтажа третьей очереди все машины были заполнены рабочим газом (гексафторидом урана) и включены в работу. Полученные результаты по коэффициенту разделения дали основание считать, что решение проблемы разделения изотопов урана находится на принципиально правильном пути.

К началу монтажа машин четвертой очереди в декабре 1948 г. уже накопился определенный опыт эксплуатации машин первой и второй очередей. Было предложено обработать машины горячим газом для уменьшения потерь. Задача была сложная. При выборе режима обработки горячим гексафторидом урана принципиальное значение имел выбор температуры и давления рабочего газа, а также длительность горячей обработки. К концу декабря 1948 г. все машины четвертой очереди были обработаны по специальной методике и включены в технологическую цепочку.

При пуске пятой очереди было принято решение проверить в производственных условиях возможность фторирования уже собранных, готовых к работе машин. Лабораторные опыты, проведенные в центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ), не дали положительных результатов. При подготовке к фторированию машин в масштабах завода предстояло решить целый ряд технических проблем: транспортировка и хранение

фтора, заполнение баллонов фтором, удаление фтора из машин, прошедших фторирование, определение концентрации фтора, повышение температуры фтора в разделительных машинах, техника безопасности обращения с фтором. Фторирование машин пятой очереди было весьма слабым и не смогло существенным образом повлиять как на коррозионные потери в этих машинах, так и на поведение пористых перегородок (фильтров) в процессе эксплуатации.

Для ускорения решения возникших проблем и укрепления завода научными кадрами приказом начальника ПГУ от 7 июля 1949 г. заведующий лабораторией электрохимии Уральского филиала АН СССР (УФАН) доктор химических наук С. В. Карпачев был переведен на завод и назначен заместителем начальника ЦЗЛ по совместительству. Этим же приказом заведующий лабораторией механических свойств Уральского физико-технического института УФАН кандидат физико-математических наук М. В. Якутович назначен заместителем научного руководителя завода. Это «поручение» определяло и срок «командировки» — два года. Но, как показало время, «командировка» длилась семь лет для С. В. Карпачева и двенадцать лет для М. В. Якутовича.

Еще в январе 1949 г. принимается постановление Совета министров СССР, в котором констатируется, что на основании данных, представленных научным руководителем проблемы И. К. Кикоиным, установлено: «...при испытании серийных компрессоров выявились не предусмотренные при проектировании значительные потери рабочего газа, которые могут снизить проектную производительность завода на 35–50 %»⁸.

В июне 1949 г. завод № 813 был полностью введен в эксплуатацию, и началось в безотборном режиме «заполнение легким компонентом» — выведение завода на расчетное распределение концентраций урана-235 по технологической цепочке. В начале августа 1949 г. на совещании у заместителя начальника Первого главного управления М. Г. Первухина было доложено, что «рост концентрации легкого изотопа идет с большим отставанием от расчетного вследствие повышенных потерь продукта — в 5–6 раз против принятых в расчете». Одной из причин повышения потерь продукта являлась повышенная температура воды.

Между тем наступила осень 1949 г. Температура охлаждающей воды понизилась, а потери существенно не уменьшились. Стало ясно, что имеются дополнительные серьезные источники потерь. Встал вопрос: возможно ли вообще на этом заводе добиться разделения изотопов урана и получить «товарный рабочий газ достаточной чистоты для технических целей»? Не надо забывать, что к этому времени, 29 августа 1949 г., уже был успешно испытан плутониевый заряд, изготовленный из «материала», полученного на комбинате № 817 в Челябинске-40 (ныне производственное объединение «Маяк, г. Озерск»). А в Верх-Нейвинске результата все еще не было.

В середине октября — с 15 по 17 число — для выяснения на месте причин, из-за которых «оружейная» кондиция урана-235 никак не могла быть получена, на завод № 813 прибыл «шеф» атомного проекта — Л. П. Берия. Его сопровождали начальник ПГУ Б. Л. Ванников, а также А. М. Петросьянц, М. Г. Первухин, В. А. Малышев, И. В. Курчатov. Прибыли они специальным поездом. Вот как об этих днях вспоминал бывший начальник техотдела и заместитель главного инженера Н. М. Синев: «Три классных вагона этого поезда были отцеплены и установлены на железнодорожных путях напротив здания дирекции завода. Началось рассмотрение... Оно проходило как на шумных совещаниях, так и методом персонального опроса-допроса. В вагон поочередно вызывались руководители стройки, представители служб эксплуатации завода, ведущие сотрудники научных и технических подразделений»⁹. Одним из итогов приезда Л. П. Берии на завод стало снятие с должности директора А. Л. Кизимы. На должность директора комбината в конце октября 1949 г. был возвращен А. И. Чурин, а главным инженером вновь стал М. П. Родионов.

Коррозия «угрожала» не только машинам. Люди понимали, а сейчас это известно и из документов, что последствия срыва сроков выполнения правительственных директив могли повлечь за собой более жесткие меры, чем просто выговор или снятие с работы. Наиболее остро свою ответственность сознавали «исполнители» — ученые, руководители заводов, все, кто был в той или иной мере вовлечен в круговорот атомной гонки.

На решение ключевой проблемы — борьбы с коррозией — были брошены крупные научные силы. Приказом ПГУ от 26 октября 1949 г. под председательством академика А. Н. Фрумкина (Институт физической химии АН СССР) была организована комиссия «для координации и наблюдения за ходом работ по вопросам химических свойств кремнила-6 (гексафторида урана) и его действия на различные материалы». В ее состав вошли члены-корреспонденты АН СССР А. П. Виноградов (Институт аналитической химии АН СССР) и И. В. Тананаев (Институт общей и неорганической химии АН СССР), профессор Б. А. Алексеев (НИИ-42); от Лаборатории измерительных приборов АН СССР (ЛИПАН) — так стала называться Лаборатория № 2 — доктор физико-математических наук М. Д. Миллионщиков и кандидат физико-математических наук И. В. Савельев; от научно-технического совета ПГУ — В. И. Тихомиров; комбинат № 813 представлял заместитель начальника ЦЗЛ С. В. Карпачев. Этой комиссией был разработан план научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и мероприятий по снижению потерь урана-235.

Были организованы поиски источника потерь по всей разделительной цепочке. Отдельные диффузионные машины разбирали и осматривали. Все

продукты разложения гексафторида урана собирали, взвешивали и подвергали детальному изучению в ЦЗЛ. После кропотливого поиска и многих бессонных ночей был выявлен главный «виновник» — низковольтный электродвигатель компрессора типа ДТ (двигатель-трансформатор), установленный на всех машинах ОК-7 и ОК-8. Радикальной мерой являлась замена этих двигателей, что требовало времени. А пока надо было искать другой выход из критического положения. Надо было уменьшить потери на поверхности пористых фильтров и других поверхностях оборудования. Проблема была решена благодаря внедрению предложения профессора В. А. Каржавина.

Для оказания помощи в экспериментальных работах на диффузионных машинах в октябре 1949 г. были привлечены ученые институтов «А» и «Г»: крупный физико-химик профессор В. А. Каржавин, физик И. Г. Гвердцителли и «иностранный делегация» немецких специалистов: Г. Герц, П. Тиссен, Г. Барвих, Ю. Мюлленфордт, В. Шютце¹⁰.

В период пребывания на «объекте» немцы участвовали в совещаниях, проводимых научным руководителем И. К. Кикоиным. П. Тиссен, Г. Барвих и Г. Герц были привлечены к работам по снижению потерь гексафторида урана и предотвращению снижения проницаемости плоских диффузионных фильтров. Шютце участвовал в контрольных измерениях проб урана-235 и совершенствовании масс-спектрометра, предложенного им для анализа изотопного состава высокообогащенного урана.

Тиссен, ранее работавший в Сухуми над проблемой создания делящихся каркасных нике-

левых фильтров, совместно В. А. Каржавиным предложил проводить антикоррозионную обработку (пассивацию) внутренних поверхностей машин всех каскадов вместе с трубопроводами с использованием нагретой фторно-воздушной смеси.

Первую продукцию завода — уран-235, обогащенный до 75 %, — получили в ноябре 1949 г. Нарботанный материал был использован при изготовлении уран-плутониевой бомбы, испытанной 18 октября 1951 г. При дальнейшем расширении предприятия — пуске более совершенных газодиффузионных машин — в ноябре 1952 г. комбинат № 813 начал выдавать уран-235 90-процентного обогащения.

Примечания

¹ Подробнее см.: Волошин Н. П. К истории отечественного атомного проекта : курс лекций для слушателей учеб. заведений «Росатома», студентов физ. специальностей вузов. М., 2009. С. 38–51.

² Атомный проект СССР : док. и материалы : в 3 т. / под общ. ред. А. Д. Рябева. Т. 2, кн. 4. М., 2003. С. 7.

³ Подробнее см.: Смит Г. Д. Атомная энергия для военных целей : официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США / пер. с англ. под ред. Г. Н. Иванова. 2-е изд. М., 2006.

⁴ Атомный проект СССР : док. и материалы. Т. 2, кн. 3. С. 741.

⁵ Там же. С. 472–474.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ Там же. С. 474.

⁸ Там же. Т. 2, кн. 4. С. 222.

⁹ Синев Н. М. Обогащенный уран для атомного оружия и энергетики. М., 1991. С. 69.

¹⁰ Подробнее см.: Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 59–60.

Ю. В. Латышев

История производства диоксида титана в Челябинске

Белая краска, белая бумага, белые пластмассовые изделия, белая зубная паста... Все они белые благодаря тому, что в них содержится белый пигмент — диоксид титана (по старой номенклатуре — двуокись титана). Мало кто знает, что Челябинск и Челябинская область имели к этому химическому соединению самое непосредственное отношение.

Примерно сто девяносто лет назад крупный знаток камней профессор минералогии Йоханнес Менге из г. Любека на севере Германии приехал в Ильменские горы. Он облазил все копи, рылся в отвалах, смотрел минералы в крестьянских избах. Менге составил краткое геологическое описание Ильменских гор, опубликованное в «Горном журнале» в 1826–1828 гг. Он открыл и описал ряд новых минералов, найденных им в Ильменах, в частности черный минерал с ярким металлическим блеском — титанистый железняк, который был назван ильменитом.

В 1908 г. в Норвегии была разработана технология получения из этого черного минерала белого соединения — двуокиси титана. В 1916 г.

там же, в Норвегии, построен первый в мире завод по производству двуокиси титана. Вскоре такие же заводы появились и в других странах, в том числе в Германии.

В Челябинске есть улицы Ильменская и Титановая, а до недавнего времени была также улица Титанстрой. Все эти три улицы появились в Челябинске в 1938 г. И такие названия они получили потому, что в 1930-е гг. было принято решение строить завод по производству двуокиси титана в Челябинске по немецкой технологии.

В 1979 г. я листал толстый отчет в мягком зеленом переплете — техническое предложение компании Titangesellschaft (входила в состав знаменитого концерна IG Farben) по строительству завода двуокиси титана в Челябинске. Тогда я не придал большого значения этой находке. Несколько лет назад я вспомнил об этом отчете, но найти его так и не смог.

Почему этот завод решили построить именно в Челябинске? Во-первых, в Челябинской области было разведано несколько месторождений, содержащих ильменит и пригодных для

промышленной разработки. В частности, Кусинское месторождение около г. Кусы. Во-вторых, для того чтобы получить диоксид титана, нужно разложить ильменит серной кислотой. А эту кислоту планировали получать на строящемся рядом цинковом заводе. Одним из главных спутников цинка в рудах и продуктах их обогащения является сера. Цинковые концентраты обжигают при высокой температуре в присутствии кислорода. В качестве побочного продукта образуется сернистый ангидрид, который является сырьем для производства серной кислоты. Проектирование и строительство серноокислотной установки для цинкового завода в Челябинске началось в 1931 г., одновременно с проектированием и строительством основного производства. Цинковый завод был пущен в июле 1935 г., однако готовность серноокислотного цеха к началу этого года составляла всего 13 %. В результате только в апреле 1942 г. серноокислотное производство было пущено в эксплуатацию как самостоятельный серноокислотный завод Наркомата химической промышленности СССР¹.

Как следует из отчета за 1939 г., строительство завода по производству двуокиси титана началось на северной окраине Челябинска между Свердловским шоссе (ныне Свердловский тракт) и левым берегом р. Миасс в первом квартале 1935 г. по утвержденному проекту, в отсутствие готового генерального плана². Однако в челябинских газетах за 1935 г. первое упоминание о строительстве этого завода появляется только в ноябре, да и то о нем говорится как о планируемом на следующий год: «В 1936 году начинается строительство лакокрасочного комбината в Челябинске. Одной из важнейших частей комбината является завод титановых белил на сырье, получаемом от обогащения титаномагнетитовых руд Кусинского месторождения»³. То, что в 1935 г. серьезных строительных работ практически не велось, подтверждается газетными публикациями в апреле 1936 г. Сообщалось, что заместитель наркома тяжелой промышленности Пятаков утвердил проект первой очереди лакокрасочного завода стоимостью около 47 млн руб. Планировалось строительство цехов «двуокиси титана, производительностью в 12 тыс. тонн продукции в год, окиси цинка — на 4500 тонн, бланфика — 11 тыс. тонн, барита — 5 тыс. тонн, серный — 1400 тонн, тертых белых красок — 12 тыс. тонн и олифоварки — 4950 тонн»⁴.

К сожалению, и после утверждения проекта завода строительство его велось очень вяло. В газетной заметке от 14 июля 1936 г. отмечалось: «Пока строятся лесозавод, трансформаторная будка, центральный склад и контора. Но и на этих объектах можно видеть ошибки, которые необходимо предупредить в будущем... Из-за неправильных проектов пришлось переделать эстакаду для подачи леса, а в здании центрального склада, едва успевшем войти в эксплуатацию, провалился пол... Различного рода переделки, вызванные непродуманными и неразработанными

ми проектами, привели к тому, что строительный план при обеспеченности рабочими в 122 процента выполнен только на 37 процентов»⁵.

К началу 1939 г. было почти закончено и подготовлено к сдаче в эксплуатацию здание заводоуправления. Также было начато строительство цеха двуокиси титана. Как отмечалось в отчете за 1939 г., строительство «уже располагало значительным подсобным хозяйством: хорошо оборудованной столярной мастерской, лесопильным заводом, конным двором, механической мастерской, гаражом, подъездными и внутризаводскими железнодорожными путями, а также жилым массивом, состоящим из поселка для ИТР и рабочего поселка»⁶.

Однако в конце 1939 г. стройка была приостановлена. В 1940 г. финансирование строительства возобновилось лишь в четвертом квартале и в незначительном объеме⁷. Но потом началась война, и в зданиях так и не достроенного титанового завода разместили эвакуированный лакокрасочный завод и организовали производство оксида цинка (окиси цинка, цинковых белил), который в некоторой степени является заменителем диоксида титана.

Первая установка по производству двуокиси титана в Российской Федерации (и в Советском Союзе) была построена в 1933 г. на заводе «Свободный труд» в Ярославле. На этой установке мощностью одна тысяча тонн в год производился пигментный диоксид титана для лакокрасочной промышленности. Интересно, что производство в Ярославле было усовершенствовано с помощью двух американцев, которые приехали в Советский Союз на заработки. В 1941 г. один из этих «иноспециалистов» Л. М. Аагард подготовил отчет о своей работе в Советском Союзе⁸. Он отметил, что в конце 1936 г. он и его брат Фритиоф были ознакомлены с техническим проектом цеха двуокиси титана в Челябинске, где планировалось использовать «жидкофазный» метод разложения ильменита слабой серной кислотой. После ряда испытаний на установке в Ярославле американские специалисты предложили переделать подготовленный проектно-строительной и монтажной конторой «Лакокраспроект» (Ленинград) технический проект цеха двуокиси титана в Челябинске с учетом перехода на твердофазный метод. Однако проектировщики сначала остановились на «жидкофазном» методе с возможностью перехода на «среднефазный» метод. Лишь через год было принято решение о перепроектировании завода на твердофазный метод. Были и другие недостатки у челябинского технического проекта, которые, по мнению американских специалистов, не позволяли добиться необходимой производительности и высокого качества готового продукта. Американцы также предложили технические условия на воду для челябинского завода, на основании которых Центрспецстройпроектом была запроектирована станция для очистки воды из р. Миасс. В конце 1938 г. под руководством американских специа-

листов был подготовлен проект получения смешанных титано-бариевого и титано-кальциевого пигментов для Челябинского завода титановых пигментов.

В 1947 г. заместитель министра химической промышленности СССР С. М. Тихомиров утвердил проектное задание на строительство цеха по производству двуокиси титана мощностью 6 тыс. т год⁹. При этом предполагалось 2300 т выпускать в виде твердосплавной двуокиси титана, 600 т — вискозного и 3100 т — в виде малярной двуокиси титана. Кроме того, из этого количества планировалось 2000 т двуокиси титана пускать на смешение с бланфиксом (сульфат бария) для выпуска в виде смешанных титано-бариевых пигментов. Но позже состав первой очереди был изменен. В первую очередь был запроектирован и выстроен к 1950 г. цех твердосплавной двуокиси титана мощностью 3 тыс. т в год. В 1950 г. на Челябинский лакокрасочный завод Министерством химической промышленности был направлен начальником цеха двуокиси титана Леонид Александрович Ильичев (в 1961–1971 гг. председатель исполкома Челябинского городского Совета депутатов трудящихся) с заданием в сжатые сроки пустить цех и освоить производство¹⁰. До этого Леонид Александрович работал начальником аналогичного цеха на Ярославском лакокрасочном заводе. Производство непигментной двуокиси титана на Челябинском лакокрасочном заводе началось в ноябре 1950 г. В качестве сырья использовали ильменитовый концентрат с Кусинского месторождения и серную кислоту с Челябинского сернокислотного завода. Под Свердловским трактом был проложен туннель, в котором смонтирован трубопровод для подачи серной кислоты в цех двуокиси титана. Государственным научно-исследовательским и проектным институтом № 4 (ГИПИ-4) в 1950 г. был выполнен технический проект цеха по производству малярной двуокиси титана (для лакокрасочной промышленности) мощностью 3 тыс. т в год, но он был реализован только к середине 1959 г. В этом проекте были учтены предложения советских специалистов, посетивших завод двуокиси титана в Грушеве (Чехословакия).

Осенью 1959 г. в Челябинске был создан филиал Института лакокрасочных покрытий. Основной задачей этого филиала было совершенствование технологии производства диоксида титана. Челябинский филиал возглавил Николай Михайлович Кондратов, который с 1950 г. возглавлял самостоятельный сернокислотный завод, а с декабря 1957 г. являлся начальником этого же сернокислотного производства, но уже в составе Челябинского цинкового завода.

Фактическое производство диоксида титана в двух цехах Челябинского лакокрасочного завода в 1960-е гг. было выше проектной мощности. Так, в 1966 г. было произведено 5753 т непигментного диоксида титана и 588 т пигментного диоксида титана анатазной модификации. Об-

щий выпуск диоксида титана в 1967 г. вырос до 6538 т¹¹.

Добыча руды на Кусинском месторождении велась Златоустовским рудоуправлением с 1934 по 1974 г. подземным способом. Когда запасы Кусинского месторождения стали истощаться, встал вопрос о новой сырьевой базе. А на Уктраине в это время уже началась добыча ильменитовых руд более простым открытым способом. И там были построены два самых крупных в Советском Союзе заводов по производству диоксида титана. Первым в 1968 г. был запущен завод в Сумах с использованием итальянской технологии. А в 1973 г. в г. Армянске на севере Крыма началось производство диоксида титана на производственном объединении «Титан». Технологические регламенты для этого предприятия были подготовлены сотрудниками Челябинского филиала научно-исследовательского института неорганических пигментов (в настоящее время Институт пигментных материалов).

После постройки заводов диоксида титана в Сумах и Армянске Челябинский лакокрасочный завод перешел на производство только непигментных марок диоксида титана. В 1970-е гг. производство диоксида титана превысило 7 тыс. т в год (7224 т в 1973 г. и 7015 т в 1974 г.¹²). В 1975 г. на Челябинском лакокрасочном заводе было произведено 7066 т непигментного диоксида титана шести марок (конденсаторный, лигатурный, электродный, для силикатных эмалей, ЦНИИЧМ и специальный)¹³.

Из-за проблем с поставками ильменитового концентрата производство диоксида титана на Челябинском лакокрасочном заводе в 1976 г. снизилось до 5900 т, так как в этом году завод перешел на использование импортного норвежского ильменитового концентрата¹⁴. По мере освоения нового сырья производство диоксида титана снова увеличивалось. В 1978 г. марка диоксида титана для производства конденсаторов была аттестована на «Знак качества»¹⁵.

В конце 1970-х гг. на Челябинском лакокрасочном заводе взамен двух старых цехов был построен новый цех по производству диоксида титана непигментных марок мощностью 7 тыс. т в год. Он был пущен в 1980 г. В цехе в качестве сырья сначала использовался импортный норвежский ильменитовый концентрат, а затем титановая стружка — отход с предприятий по производству титана. В начале 1990-х гг. производство диоксида титана в Челябинске было прекращено.

Примечания

¹ Новоселов В. Н., Рубинчик В. М. Цинк. Годы. Имена. Челябинский цинковый завод: страницы истории. Челябинск, 2010. С. 203–221.

² ОГАЧО. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Челябин. рабочий 1935. 7 нояб.

⁴ Строительство Челябинского титанового завода // Челябин. рабочий. 1936. 17 апр.; Первая очередь Челябинского лакокрасочного завода // Там же. 18 апр.

⁵ Как проектируют на Титанстрое // Челябин. рабочий. 1936. 14 июля.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 208. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 211. Л. 1.

⁸ Отчет о работе иноспециалиста гр. Аагард Л. М. за время работы 1936–1941 г. по производству двуокиси титана и титановых пигментов. 5 января 1941 года. 35 с.

⁹ П очередь. Цех двуокиси титана малярной: технический проект. Ленинград, 1950. 123 с.

¹⁰ Ильичев Леонид Александрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 2. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 565.

¹¹ Отчет по теме № 44-68 «Обзор работы действующих цехов и заводов по производству минеральных пигментов» / предприятие п/я Г-4392. Ленинград, 1968. С. 38.

¹² Отчет по теме «Составление отечественных обзоров работы пигментной промышленности и выполнение

отдельных заданий в/о «Союзкраска», Челябинский филиал ГИПИ ЛКП. Челябинск, 1974. С. 4.

¹³ Составление отечественных обзоров работы пигментной промышленности и выполнение отдельных заданий в/о «Союзкраска». Сбор материалов по результатам работы пигментной промышленности за 1975 год / ЧФ НИПРОИНС ЛНПО «Пигмент». Челябинск, 1975. С. 7.

¹⁴ Обзор работы отечественной пигментной промышленности за 1976 год / ЧФ НИПРОИНС ЛНПО «Пигмент». Челябинск, 1977. 38 с.

¹⁵ Анализ технического уровня ведущих лакокрасочных производств / ЧФ НИПРОИНС ЛНПО «Пигмент». Челябинск, 1980. 43 с.

О. Н. Аргунов

Аграрная политика периода позднего сталинизма: реализация и последствия (на материалах Курской области)

Победоносное завершение Великой Отечественной войны было результатом подвига советского народа, совершенного на фронте и в тылу. Однако хозяйство регионов, попавших под оккупацию, в особенности аграрная отрасль экономики, оказалось серьезно подорванным. Его восстановление стало главной задачей, которую советское государство решало на протяжении последующих лет. Организационно все эти мероприятия были определены четвертым (1946–1950) и пятым (1951–1955) планами послевоенного восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Уже в середине 1945 г. начинается подготовка документов к возвращению советской экономики, в том числе и сельского хозяйства, к развитию в рамках пятилетних планов¹, что было обусловлено желанием советских лидеров не только в кратчайшие сроки восстановить разрушенное в годы войны хозяйство, но и показать всему миру силу социалистической модели хозяйствования, потенциал которого был доказан еще в военное время. Предполагалось предусмотреть не только полное восстановление народного хозяйства районов СССР, подвергшихся немецкой оккупации, послевоенную перестройку народного хозяйства, но и дальнейшее развитие всех районов СССР. Собственно сам закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. был принят 18 марта 1946 г.²

Указанный закон предполагал полное восстановление сельскохозяйственной отрасли СССР к концу пятилетки, а также рост продукции аграрной отрасли экономики на 27 % по сравнению с 1940 г. Его реализация должна была основываться на постоянной интенсификации по всем направлениям развития аграрного сектора советской экономики. Стоит отметить, что реализация данной установки в имевшихся объективных условиях, в которых находилась к началу 1946 г. Курская область, да и страна в целом, была заведомо невыполнимой. Однако общий вектор развития отрасли, направленный на повышение механизации, применение улучшенной агротех-

ники, расширенное использование передового опыта, внедрение улучшенных сортов сельскохозяйственных культур и пород животных, если и не был принципиально новым, то, во всяком случае, позволял решать многие из накопившихся к началу пятилетки проблем.

На основе данного закона Курским облпланом был разработан «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Курской области на 1946–1950 гг.»³, который стал основным документом, регламентирующим практику восстановления в регионе.

Вместе с тем политика восстановления и развития сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки (1946–1950) характеризовалась ужесточением административного пресса со стороны высших партийно-государственных органов в попытках решения основных проблем развития аграрного сектора регионов страны (укрепление трудовой дисциплины, борьба с хищениями государственной собственности, снижение себестоимости продукции и пр.). В эти годы в политике Советского Союза в области сельского хозяйства все более усиливался центростремительный вектор: происходило нарастание администрирования в вопросах планирования, следствием чего явился недостаточный учет местных особенностей развития отрасли.

В указанный период на всесоюзном уровне происходило принятие нескольких документов, которые усилили репрессивный характер аграрной политики советского государства. В первую очередь это Постановление ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР от 19 сентября 1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁴. В данном документе фиксировались наиболее распространенные нарушения устава сельскохозяйственной артели, выраженные «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушении демократических основ управ-

ления делами сельскохозяйственной артели — выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников»⁵. Ликвидация этих нарушений, по мнению авторов документа, позволила бы в короткие сроки решить все вышеуказанные проблемы и восстановить пострадавшее за годы войны сельское хозяйство страны.

Вместе с тем механизмы решения данных нарушений и проблем были в духе периода коллективизации 1930-х гг. и носили практически полностью командно-административный характер, как указывалось выше. По нашему мнению, это было обусловлено тем, что, во-первых, подобные методы администрирования дали быстрый положительный эффект при переводе экономики на военные рельсы в начале 1940-х гг. Во-вторых, сталинская модель управления народным хозяйством не предполагала относительной экономической свободы и возможности альтернативы, так как экономические интересы полностью подчинялись политической реальности того периода.

Реализация вышеуказанного постановления коснулась в той или иной степени многих колхозников и колхозных руководителей, а для контроля над его исполнением в октябре 1946 г. был создан Совет по делам колхозов при Правительстве СССР (куда входил первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронин⁶), а в каждой области, в том числе в Курской, работал представитель Совета.

К важнейшим задачам Совета по делам колхозов относились:

«а) улучшение устава сельскохозяйственной артели на основе предложений деятелей колхозно-строительства;

б) выработка мер по систематическому расширению общественного (обобщественного) хозяйства колхозов;

в) выработка мер поощрения колхозов, честно и аккуратно выполняющих свои обязательства перед государством;

г) созыв, по мере необходимости, съездов представителей колхозов».

Однако большинство действий Совета по делам колхозов было направлено на ликвидацию нарушений устава, в том числе и на территории Курской области, о чем подробно рассказано в одной из наших публикаций⁷. В то же время нельзя не отметить и тот факт, что данная контролирующая структура достаточно успешно занималась распространением передового опыта в колхозах, о чем свидетельствуют местные архивные материалы⁸.

Документом репрессивного характера по отношению к сельскому населению, изданным в изучаемый период, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»⁹. Реализации указа также посвящена одна из наших работ¹⁰, поэтому подробно останавливаться на рас-

смотрении данной проблемы мы не будем. Отметим лишь, что достичь поставленных указом целей так и не удалось, а его выполнение не носило всеобщего характера. В большинстве случаев выселения носили характер санации, когда из сельской местности выселялись антиколхозные элементы, пособники немецко-фашистских оккупантов, на что также было обращено внимание в историографии¹¹.

На восстановление и развитие сельского хозяйства страны во многом повлияли засуха и голод, прокатившиеся практически по всей территории европейской части страны в 1946–1947 гг. Во многом эти события подвигли высшее партийно-государственное руководство СССР на принятие дополнительных мер по подъему аграрной отрасли народного хозяйства страны. Эти мероприятия были обозначены в постановлении февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»¹². «Решительный подъем сельского хозяйства» должен был происходить за счет решения ряда проблем:

– улучшение организации и руководства сельским хозяйством;

– ликвидация нарушений устава сельскохозяйственной артели;

– ликвидация недостатков в организации и оплате труда;

– улучшение работы машинно-тракторных станций;

– организация подготовки и переподготовки кадров для сельского хозяйства;

– оснащение аграрной отрасли народного хозяйства страны современной техникой, а также обеспечение горюче-смазочными материалами и удобрениями, в первую очередь минеральными.

Ряд мероприятий был направлен на интенсификацию аграрного производства за счет восстановления и введения севооборотов, расширения травосеяния, улучшения агротехники, ирригации и электрификации, что должно было вывести сельское хозяйство страны, по задумке авторов документа, на принципиально новый уровень развития, когда аграрная отрасль народного хозяйства стала бы менее зависимой от метеорологических условий.

Основные мероприятия по ликвидации метеозависимости несколько позднее были отражены в совместном Постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, введения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР»¹³, которое в историографии получило название «Сталинский план преобразования природы». Согласно данному документу, предполагалось значительно расширить орошаемые площади в колхозах и совхозах регионов СССР, в том числе в Курской области, высадить на значительной территории лесозащитные полосы, которые смогли бы

предотвратить суховеи и, как следствие, регулярные засухи.

Отметим, что осуществление аграрной политики в СССР в конце 1940-х гг., как отмечалось выше, было направлено в первую очередь на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Но осуществление данной практики предполагалось за счет преимущественно административных методов, которые зачастую расходились с реалиями той или иной территории, что также было обозначено нами ранее. В таком положении в 1950 г. оказалась Курская область.

19 февраля 1950 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Против извращений в организации труда в колхозах»¹⁴. В ней особенно острой критике подвергся Курский обком ВКП(б), «который вместо укрепления производственной бригады ведет линию на ослабление ее, на подмену производственной бригады обособленными звеньями». В качестве «идейного вдохновителя» данного процесса был выдвинут первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронин, в годы деятельности которого (1938–1948) особенно укреплялась звеньевая система организации труда. Это шло в разрез с официальной политикой, выдвигавшей в качестве основной формы организации труда на селе постоянную производственную бригаду. Как показывает анализ архивных данных, без широкого внедрения звеньевой системы организации труда те успехи, которых добились колхозники курского региона в деле его восстановления, были бы невозможны. В след за «Правдой» активная критика звеньевой системы развернулась и в местной периодической печати¹⁵.

Однако нельзя не отметить и тот факт, что к 1950 г. в Курской области сложились все условия для укрупнения колхозов. Именно это отодвигало звеньевую систему на задний план. По нашему мнению, ее ликвидация в ряде отраслей полеводства была преждевременной, так как основные проблемы полеводства после реорганизации звеньев в полевые бригады решены не были.

Еще одной значительной вехой в деле восстановления и развития сельского хозяйства страны стало укрупнение колхозного производства, направленное на интенсификацию использования имевшихся производственных сил (в конце весны — начале лета 1950 г. был принят ряд нормативно-правовых документов, регламентирующих данный процесс¹⁶). Это было направлено в первую очередь на сокращение издержек в аграрном производстве. Еще К. Маркс указывал, что «благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки...»¹⁷ Данный процесс активно развернулся в середине 1950 г., хотя предпосылки имелись еще в 1948 г. Тогда в ряде регионов СССР, в том числе в Курской области, началось постепенное переселение жителей отдельных хуторов и мелких населенных пунктов в более крупные близлежащие деревни и села¹⁸. Укрупнение сельскохозяйственных артелей было обусловлено в

большей степени концентрацией аграрного производства, постепенным превращением колхозов в крупные хозяйства на основе более эффективного использования имевшейся техники и трудовых ресурсов, а также электрификации и химизации сельского хозяйства.

В целом же, оценивая успехи в восстановлении сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки, стоит признать их исключительную значимость: практически полностью были восстановлены довоенные посевные площади и поголовье крупного рогатого скота, значительно возрос уровень механизации сельскохозяйственного производства¹⁹. Но при этом, на наш взгляд, не была решена ключевая проблема сельского хозяйства — зерновой вопрос. Вместе с тем на XIX съезде ВКП(б) высшее партийно-государственное руководство страны в лице председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова провозгласило об окончательном решении продовольственной проблемы в стране²⁰. Что было далеко от истины и носило исключительно пропагандистский характер.

Данное утверждение противоречило местным материалам. Например, в мае 1951 г. Курским облздравотделом было проведено расследование, в ходе которого установлено, что в ряде семей, проживавших в колхозах Завидовского сельсовета Томаровского района, наблюдались случаи дистрофии, вызванной постоянным недоеданием. Вот некоторые примеры.

Семья Елены Федоровны Алексеевой состояла из трех человек (она, старшая дочь и сын). Дочь работала в колхозе (за 1950 г. выработала 300 трудодней), сын окончил четыре класса, но школу не посещал из-за отсутствия одежды и обуви. Семья не смогла выкупить муку, данную в порядке помощи, из-за отсутствия денег. Питались практически исключительно картофелем.

Семья Татьяны Егоровны Сычевой состояла также из трех человек (она и двое малолетних детей). Дети были одеты плохо, из-за чего даже один ребенок не мог ходить в школу. До марта 1951 г. в семье питались только картофелем, а после получения продовольственной помощи в виде муки питались хлебом — картофель закончился. «Когда закончится мука — питаться будет нечем»²¹.

Такое положение в некоторых местностях СССР не могло быть подлинным «решением зерновой проблемы», однако руководство страны не намерено было исправлять ситуацию. В начале 1950-х гг., несмотря на то что ежегодно рапортовали о значительных успехах в деле развития сельского хозяйства, во многих регионах, во-первых, еще не были завершены восстановительные процессы (Курская область была в их числе), а во-вторых, аграрная отрасль народного хозяйства страны находилась в глубоком структурном кризисе. Модель хозяйствования, сложившаяся после окончания Великой Отечественной войны, несмотря на ряд достоинств, не отвечала тем задачам, которые ставились перед сельским хозяйством. Это было отражено и в директивах

XIX съезда ВКП(б) по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг., согласно которому валовый урожай зерновых должен был увеличиться на 40,0–50,0 %, картофеля — на 40,0–45,0 %, сахарной свеклы — на 65,0–70,0 % и т. д.²² Однако вместо увеличения сбора урожая в 1953 г. уже наблюдалось значительное его снижение: в стране было заготовлено 1 млрд 899 млн пудов хлеба, а израсходовано на снабжение и семенную ссуду 2 млрд 20 млн пудов²³, что говорило о назревании продовольственного кризиса, из которого нужно было искать выход.

Таким образом, можно видеть, что к середине 1953 г. во всех ключевых отраслях сельского хозяйства Курской области, как и страны в целом, назрел структурный кризис, вызванный не только изживанием сталинской системы управления аграрной отраслью экономики, но и несоответствием системы хозяйствования на селе основным потребностям страны. Все это было прямым следствием деформаций в партийно-государственной политике восстановления и развития сельского хозяйства региона в послевоенные годы. Отсутствие должного внимания к проблемам сельского хозяйства со стороны верховных властей и невозможность решить назревшие проблемы на местном уровне по причине сверхадминистрирования системы управления отраслью привели к тому, что аграрный сектор экономики оказался не способным обеспечить основные потребности страны сельскохозяйственной продукцией.

На преодоление структурного кризиса в сельском хозяйстве и были направлены последующие аграрные реформы Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева.

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 7: 1938–1945. М., 1985. С. 554.

² Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 6–81.

³ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 2. Д. 72.

⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. Т. 3: 1941–1952 гг. М., 1968. С. 336–341.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. С. 323–326 ; КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8: 1946–1955. С. 75.

⁷ Аргунов О. Н. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 38–49.

⁸ См., например: ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 37.

⁹ Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке Указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отецеств. архивы. 1993. № 2. С. 31–38.

¹⁰ Аргунов О. Н., Хисамутдинова Р. Р. Реализация Указа 1948 года о выселении крестьян: сравнительно-региональный анализ (на материалах Уральского региона и Курской области) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2020. № 1 (33). С. 158–172.

¹¹ Коровин В. В., Манжосов А. Н., Головин Е. А., Коровин В. А. Цена предательства: коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг. и его социально-правовые последствия. Курск, 2016. С. 305–306.

¹² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954 : в 4 ч. Ч. 2: 1924–1930. М., 1954. С. 1045–1093 ; О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период: постановление Пленума ЦК ВКП(б) принятое по докладу тов. Андреева. Курск, 1947. 104 с.

¹³ О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР. Курск, 1948. С. 3–40.

¹⁴ Статья вышла также отдельной брошюрой: Против извращений в организации труда в колхозах. Курск, 1950. 16 с.

¹⁵ Курс. правда. 1950. 4 марта, 14 марта, 21 марта, 22 марта и др.

¹⁶ Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. : сб. док. : в 4 т. Т. 4: 1953–1957 годы. М., 1958. С. 500–502, 534–536, 539–540 ; КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. 6: 1941–1954 гг. М., 1971. С. 304–307.

¹⁷ Маркс К. Капитал: Критика политической экономии : в 3 т. Т. 3. М., 1970. С. 90.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 30.

¹⁹ Сабуров М. Доклад о директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы (8 октября 1952 г.). М., 1952. С. 6.

²⁰ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 97.

²¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 202. Л. 304–305.

²² Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. М., 1952. С. 15.

²³ Лапина Г. Е., Пикин А. С. Торжество колхозного строя. М., 1960. С. 99.

А. В. Буданов

Развитие производства спецсталей для авиационной и ракетной техники на Златоустовском металлургическом заводе в середине XX века

Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. в истории России — это период успехов и достижений в сфере ракетостроения и космических технологий: от запуска первого спутника Земли и фотографирования обратной стороны Луны до полета в космос Ю. А. Гагарина. Однако в массовом сознании эти успехи часто ассоциируются с работой отдельных узкопрофильных ученых,

предприятий и научно-исследовательских организаций. В реальности же для создания ракетной техники требуется кооперация сотен производств различных отраслей и творческий труд тысяч квалифицированных специалистов. Например, в США в 1960 г. поставщиками материалов и комплектующих 75 крупных ракетостроительных предприятий являлись до 5000 различных фирм-

смежников¹. В СССР же в это время существовало около 120 профильных ракетостроительных предприятий и 65 научно-исследовательских и конструкторских организаций². При этом поставщиков-смежников было довольно много — если не тысячи, то сотни. Этот вопрос нуждается в проведении дальнейших архивных исследований. Для изучения проблемы необходимо сосредоточить внимание на анализе фондов региональных архивов, так как в годы хрущевской оттепели руководство страны реформировало систему управления предприятиями и стройками, ликвидировав министерства и передав их полномочия советам народного хозяйства экономических административных районов (совнархозам), которые в том числе стали руководить серийными и смежными ракетостроительными производствами. При этом инновационные предприятия, передовые проектные и научно-исследовательские организации остались под контролем столичных ведомств, например, Государственного комитета Совета министров СССР по оборонной технике.

В фондах ОГАЧО собраны сведения о многих оборонных производствах, подчиненных Челябинскому совнархозу (фонд Р-1613). Одним из таких предприятий, чей вклад в развитие советского ракетостроения недостаточно изучен, является Златоустовский металлургический завод, который первоначально был частью знаменитого Златоустовского казенного завода, где в начале XX в. была построена «Ермоловская» домна. В годы индустриализации завод был модернизирован и стал выпускать качественные стали, например нержавеющей, шарикоподшипниковую. Великая Отечественная война способствовала дальнейшей технической модернизации, так как в ходе эвакуации на завод было переведено оборудование и кадры с заводов «Днепроспецсталь» (стан «280»), «Красный Октябрь», «Серп и Молот» (цех серебрянки) и «Электросталь» (четыре электропечи, кузнечное оборудование) и т. д.³ Это позволило увеличить производство качественной стали, способной функционировать в агрессивной среде — в авиационных и танковых двигателях, стрелковом вооружении. В 1942–1943 гг. в строй были введены новые производственные мощности: стан «280», термокалибровочный и молотовый цеха, четыре электропечи ЭСПЦ-1, мартеновский цех № 2 (построен трестом «Южтяжстрой»), налажено производство стали-серебрянки, на блюминге удалось организовать прокатку крупных (до 4,5 т) слитков легированной стали. В итоге предприятие стало одним из лидирующих производств всесоюзного объединения «Главспецсталь». В целом было освоено производство до 140 марок легированных сталей. Например, в 1943 г. начался массовый выпуск хромоникелевых и хромистых нержавеющей сталей с маркировкой ЯИ и ЯИТ (X18H8–X18H8T, X13–4X13). Успехам способствовала и эвакуация на предприятие образованных и опытных специалистов: И. Н. Голикова, А. М. Данилова,

Ф. П. Еднерала (был начальником электросталеплавильного цеха № 1, а впоследствии стал известным ученым), А. А. Елисеева, А. А. Осминкина, М. А. Перцева (директор завода в 1944–1955 гг.), В. В. Солодовникова, А. Г. Уткина, Г. А. Хасина и многих других. За отработку технологии выплавки в мартеновских печах высоколегированной стали И. И. Мурзин, С. И. Малышев, И. Н. Голиков и А. А. Осминкин были удостоены в 1943 г. Сталинской премии⁴.

После окончания Второй мировой войны спрос на металл для оборонной промышленности резко снизился, что стало причиной нарастания кризисных явлений на предприятии. Тем не менее в стране стали создаваться новые образцы вооружений — атомная и ракетная техника, что привело к новому повышению потребности в качественных сталях. При этом в Златоусте с 16 декабря 1947 г. на основании приказа министра вооружений Д. Ф. Устинова на производственной базе завода № 66 (ранее производил стрелковое вооружение) было создано СКБ № 385 по разработке ракет дальнего действия. Ракетные технологии в середине 1950-х гг. стали одной из основ военной доктрины СССР. Финансовые вложения в отрасль способствовали институциональному развитию прилегающих к этим предприятиям территорий. Златоуст даже посетил курировавший оборонную промышленность секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В городе велось активное строительство производственных мощностей и жилья для ракетостроителей, даже возник отдельный район — Ново-Златоустовский. В 1955 г. после приезда на предприятие конструктора ракет для подводных лодок В. П. Макеева СКБ-385 начало разрабатывать морские баллистические ракетные комплексы. Производство расширялось, строились корпуса в районе Миасса, где также появился новый жилой район — Машгородок⁵. Наличие в непосредственной близости металлургических мощностей, способных выплавлять жаропрочную, коррозионно-устойчивую и износостойкую сталь было одним из важных факторов размещения ракетостроительных предприятий в районе Златоуста и Миасса, так как двигатели морских ракет тогда делались из нержавеющей стали.

Предприятие стало важной частью отечественного оборонно-промышленного комплекса, а в 1957 г. было отнесено к первой группе по своему значению (наравне с Магнитогорским меткомбинатом, Челябинскими металлургическим и трубопрокатным заводами). Директора этих организаций имели дополнительные права и полномочия в вопросах управления производством⁶. В период с 1955 по 1963 гг. предприятие возглавлял Павел Павлович Менушенков — выпускник Ленинградского политехнического института 1941 г., направленный по распределению на Златоустовский металлургический завод. Впоследствии этот опытный руководитель был переведен на должность главного инженера Управления черной металлургии Южно-Уральского

совнархоза, а в итоге возглавил Всесоюзное промышленное объединение по производству качественных сталей⁷. Главным инженером завода до 18 апреля 1960 г. был А. К. Петров⁸, а затем выпускник Керченского металлургического техникума (1950) и Челябинского политехнического института (1956) Олег Иванович Тищенко, который возглавил предприятие в 1963 г.⁹

Потребность в качественных металлах в СССР была велика. В 1957 г. стране только для традиционного оборонного производства (без учета нужд атомной и ракетной техники) требовалось более 1 млн т.¹⁰ Даже на XXI съезде КПСС (27 января — 5 февраля 1959) было признано, что машиностроению следует сократить расход проката черных металлов не менее чем на 25 %. По итогам съезда Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет министров РСФСР приняли Постановление от 18 апреля 1959 г. № 668 «О дополнительном производстве черных металлов в Российской Федерации в 1959 г.», согласно которому Челябинскому совнархозу поручалось произвести в 1959 г. дополнительно 100 тыс. т чугуна, 125 тыс. т стали, 130 тыс. т проката, 22 тыс. т стальных труб, 70 тыс. т кокса, заготовить 80 тыс. т металлолома и т. д. Златоустовскому металлургическому заводу Челябинский совнархоз поручил дополнительно выплавить 10 тыс. т качественной стали и 6 тыс. т сортовой конструкционной стали¹¹.

Продукция предприятия имела большой спрос. Златоустовский завод по числу заказов находился на третьем месте по Управлению черной металлургии Челябинского совнархоза. Например, в 1958 г. было выполнено 630 тыс. 268 заказов; больше было только на ММК (5,1 млн) и на ЧМЗ (1,3 млн). Для сравнения: Челябинский трубопрокатный завод выполнил 220 тыс. 381 заказ, при этом по объемам валовой продукции завод находился на пятом месте, уступая ММК (4,4 млрд руб.), ЧМЗ (1,6 млрд руб.), Челябинскому ферросплавному заводу (1,1 млрд руб.), ЧТПЗ (773 млн руб.). На третьей позиции в 1958 г. завод находился и по обеспеченности инженерно-техническими кадрами (1097 человек), уступая лишь ММК (4544) и ЧМЗ (1740). Большое количество специалистов свидетельствует о важности и сложности производства спецсталей.

Правительством СССР принимались усилия по развитию производственных мощностей в металлургии. Например, 13 февраля 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР издали Постановление № 183-86 «О развитии мощностей по производству специальных труб для атомной, авиационной и оборонной промышленности». В постановлении содержался перечень мероприятий по технической модернизации металлургических заводов страны. В июне 1958 г. на Златоустовском металлургическом заводе был сдан в эксплуатацию 2-й электросталеплавильный цех, который с весны 1959 г. специализировался на производстве именно жаропрочных сталей: например, применяемой в агрессивных средах (в

ракетной технике) коррозионно-стойкой хромоникелевой стали марки 1X18H9T. На Златоустовском металлургическом заводе в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 июня 1958 г. № 666-315 «О мероприятиях по расширению применения вакуума в металлических процессах» предусматривалось строительство и ввод в действие в четвертом квартале 1959 г. двух вакуумных индукционных электропечей ОКБ-571 и одной вакуумной дуговой электропечи ЦЭП-359. Постановление от 9 февраля 1959 г. № 125 «О дальнейшем развитии мощностей по термической обработке проката черных металлов» предусматривало ввод в действие на заводе в том же 1959 г. комплекса цехов по производству жаропрочных сплавов¹². В 1960 г. Постановлением Совета министров СССР от 28 марта № 333 было решено построить на ЧМЗ и Златоустовском металлургическом заводе электропечи для производства синтетических шлаков, а также выделить технический глинозем для проведения опытных работ. Распоряжением Совета министров РСФСР от 11 августа 1960 г. № 5094-р предприятию были выделены средства для наращивания объемов производства стали серебрянки с высоким качеством отделки, которая также использовалась для нужд оборонной промышленности¹³. Высший Совет народного хозяйства СССР (создан 13 марта 1963) 29 ноября 1963 г. издал Распоряжение № 269к, в котором намечались мероприятия по увеличению производства подшипников для авиации. Для этих изделий требовалась качественная сталь. На Златоустовском металлургическом заводе в третьем квартале 1964 г. было решено построить за счет капитальных вложений, выделяемых правительством Южно-Уральскому совнархозу по отрасли «черная металлургия», три установки по электрошлаковой переплавке металла типа Р-951 (еще четыре установки планировалось построить на ЧМЗ, а всего по стране — девять). Также в первом квартале 1965 г. на Златоустовском заводе планировалось заменить трехфазный трансформатор электрошлаковой установки на три однофазных¹⁴. 7 декабря 1963 г. вышло постановление Совета министров СССР о создании мобилизационных мощностей по выпуску высококачественных сплавов для авиационной и ракетной техники, которое обязало Челябинский совнархоз ввести в действие в 1964 г. вторую очередь цеха жаропрочных сплавов на Златоустовском металлургическом заводе. Однако при реализации планов модернизации возникали трудности, и на 1 января 1965 г. не доставало для этой цели 32 слиткообдирочных станков, так как их производство было остановлено на Коломенском заводе тяжелого станкостроения и передано Рязанскому станкозаводу¹⁵.

Завод регулярно поставлял металл, требовавшийся для ракетостроения. Например, в октябре 1959 г. предприятие по наряду Росглавчерметснабсбыта при Госплане РСФСР было обязано поставить для производства наземного оборудования

ракетной техники сортовую нержавеющую сталь: Тюменскому судостроительному заводу (п/я 45, выпускал комплекты средств изотермической автомобильной транспортировки и стыковки атомных боеприпасов под названием «Степь» для ракет типа Р-5, Р-11, «Луна»¹⁶) — 14,2 т; заводу «Текмаш» Орловского совнархоза (изготавлял пусковые столы 8У25 для ракет Р-11) — 4,6 т; Лаптевскому машиностроительному заводу Тульского совнархоза (производил заправщики окислителя 8Г113 для ракет Р-12) — 21,5 т; котлостроительному заводу Белгородского совнархоза (изготавливал заправщики типа 8Г17 для окислителя ракет Р-11) — 6 т¹⁷. В 1961 г. завод поставил 37 т проката Х17Н2 во взрывобезопасном исполнении Мышегскому арматурному заводу Тульского совнархоза, который производил герметические клапаны для объектов ракетных войск стратегического назначения. Завод совместно с ЧМЗ поставлял нержавеющую сталь для спецразъемов типа РКГ-45, РГМ-40, РКГ-45, РГМ-40 и РКГМ-154 заводу № 371 Татарского совнархоза, где они собирались по заказу НИИ-592 Государственного комитета по радиоэлектронике Совета министров СССР. Спецразъемы использовались в бортовой аппаратуре новейшей жидкостной одноступенчатой баллистической ракеты с подводным стартом Р-21, которой оснащались отечественные дизель-электрические и атомные подводные лодки, вооруженные ракетным комплексом Д-4. Поставлялась также сутунка (заготовка для проката) на Ашинский металлургический завод, где из нее производили нержавеющую сталь для завода № 82 Московского городского совнархоза, выпускавшего баки для зенитных ракетных комплексов «Оса»¹⁸.

К 1963 г. завод производил по заказам российских и общесоюзных снабженческих организаций (Росглавчерметснаббыт и Союзглавметалл) следующие марки стали и проката для передовой военной техники: сортовую конструкционную никельсодержащую; сортовую инструментальную никельсодержащую; сортовую нержавеющую никельсодержащую; прочую сортовую нержавеющую; прочие особые стали без никеля; сортовую холоднотянутую никельсодержащую; сортовую нержавеющую жаропрочную; прочую сортовую холоднотянутую¹⁹. Это как минимум 50 тыс. т специальных сталей, или около 3 % в весовом эквиваленте продукции (то есть в тоннаже). Однако если учитывать стоимость высококачественной стали, то есть ее долю в валовой продукции, то объем производства будет выше.

Вместе с тем внедрение новых технологий усложнило производственный процесс. Негативным следствием этого стало падение технологической дисциплины. Рабочие и инженерно-технические кадры не сразу осваивали передовые производственные процессы, уставали от повышенной трудовой нагрузки. Это явление было характерно для прогрессивно и скачкообразно развивавшейся оборонной промышленности всей страны. В результате 16 февраля 1961 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли Поста-

новление № 166-68 «О мерах по улучшению качества производства военной техники». Однако проблемы решались постепенно. В 1961 г. на Челябинском и Златоустовском металлургических заводах проявились сложности с производством стали для авиации. На Златоустовском металлургическом заводе рекламации (жалобы на брак) за семь месяцев этого года составили по стали 30ХГСНА — 3,5 % к отгрузке, по сплаву ЭИ268 — 0,87 %, по стали 20Ч2Н4А — 1,3 %²⁰. Совнархозом были приняты меры дисциплинарного характера, но проблема сводилась не только к дисциплине, но и к объективно сложному процессу освоения новых технологий. В итоге 30 августа 1963 г. Южно-Уральский совнархоз вынужден был вновь принять Постановление № 5-пс «О мерах по дальнейшему улучшению качества изделий военной техники». Дефекты выявили в марках стали для нужд авиационной промышленности (2012НЧА, 30ХГСА, ЭИ961, ЭИ415): неметаллические включения, волосовины и пр.²¹ Сталь марки ЭИ437Б содержала карбиды и не соответствовала требованиям по жаропрочности. От руководства завода и начальника отдела технического контроля О. М. Чехомова потребовали срочно решить проблему. Схожая ситуация была и на Челябинском металлургическом заводе²².

Все же количество марок стали, в которых встречались дефекты, по мере возрастания производственного опыта становилось все меньше. В целом завод прогрессивно развивался. Рост объемов валового производства за девять лет составил около 54 %, что является довольно высоким показателем (в среднем на 6 % в год, а в конце 1950-х гг. — до 10–12 %), в натуральном выражении по прокату и стали — более 80 %.

Объемы производства Златоустовского металлургического завода

Год	Валовая продукция, млн руб.	Сталь, тыс. т	Прокат, тыс. т	Калибровочная сталь, тыс. т	Сталь серебрянка, тыс. т
1956	832,395	878,8	586,7	21,2	Нет данных
1957	875,329	901,3	623,8	21,8	Нет данных
1958	930,7	920,7	638,8	24,0	1,211
1959	1048,4	980,3	651,7	25,4	1,322
1960	123,37 (далее с учетом деноминации)	1016,5	664,6	26,75	1,327
1961	125,337	1037,8	664,6	25,42	1,656
1962	138,103	1061,7	673,45	28,4	1,851
1963	144,644	1072,1	686,9	29,0	1,8409
1964	154,871	1090,0	711,5	30,0	1,856

Для дальнейшего увеличения производственного потенциала 16 января 1965 г. к Златоустовскому металлургическому заводу на правах цеха был присоединен Златоустовский абразивный завод (соответствующее Постановление № 12 было принято Южно-Уральским совнархозом)²³.

Златоустовский металлургический завод являлся в середине XX в. одним из передовых металлургических предприятий Южного Урала. Основной продукцией была качественная сталь (в том числе калибровочная) и прокат, которые использовались преимущественно в оборонной промышленности, что делало завод зависимым от государственных заказов и потенциала бюджета страны. Предприятие внесло заметный вклад в развитие отечественного авиа- и ракетостроения.

Примечания

- ¹ Некоторые вопросы технологии ракетостроения в США: обзор зарубежных материалов. М., 1960. С. 3.
- ² Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. С. 275.
- ³ Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док./редкол.: Н. А. Антипин и др. СПб.: Первый ИПХ, 2020. С. 52, 59, 205.
- ⁴ Бразгин И. А. Мартеновское производство // Златоустовская энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Л–Я. Златоуст, 1997. С. 27; История ООО «Златоустовский метал-

лургический завод». URL: <http://www.zmk.ru/company/istoriya/> (дата обращения: 31.05.2021).

- ⁵ Буданов А. В. Ракетостроение как фактор территориального и институционального развития городов Миасс и Златоуст Челябинской области накануне Карибского кризиса // Науч. ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 276–280.
- ⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 6. Л. 7.
- ⁷ Чабаненко В., Костюшева С. Менушенков Павел Павлович // Златоустовская энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Л–Я. Златоуст, 1997. С. 35.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 175. Л. 138.
- ⁹ Костюшева С. Тищенко Олег Иванович // Златоустовская энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Л–Я. Златоуст, 1997. С. 179–180.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 7. Д. 320. Л. 4.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 32. Л. 213, 216, 217.
- ¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 7. Д. 631. Л. 29, 47.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 55. Л. 7–74.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 131. Д. 2. Л. 76.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 637. Л. 103.
- ¹⁶ Буданов А. В. Проблемы производства наземного оборудования для ракетной техники на Тюменском судостроительном заводе в 1958–1964 гг. // Тюменский исторический сборник. Вып. 17. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. С. 135.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 102. Л. 255–257.
- ¹⁸ Там же. Д. 408. Л. 62, 88, 96.
- ¹⁹ Там же. Д. 549. Л. 119.
- ²⁰ Там же. Д. 402. Л. 274
- ²¹ Там же. Д. 545. Л. 40, 44, 45
- ²² Там же. Д. 546. Л. 171–173.
- ²³ Там же. Оп. 7. Д. 142. Л. 31.

Ю. В. Щербаков

Роль личности Н. С. Хрущева в истории: от десталинизации до сельскохозяйственного скачка (по архивным документам Государственного архива общественно-политической истории Курской области)

Документы Государственного архива общественно-политической истории Курской области эпохи Н. С. Хрущева содержат ставшие в советский период традиционными сведения о хозяйственном и культурном развитии Курской области, починах и повышенных обязательствах трудящихся, направлении курян на новые грандиозные стройки СССР, быстром росте товарной продукции, одобрении директив партии и правительства; проявлении бдительности, борьбе с отклоняющимся поведением советских граждан.

В то же время документы характеризуют и специфические явления, с которыми ассоциируется эпоха Хрущева: развернутое коммунистическое строительство; результаты обсуждения доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях»; решение всенародной задачи — догнать и перегнать США по производству молока, мяса и масла на душу населения; ликвидация различий между городом и деревней; широкое внедрение кукурузы в сельском хозяйстве; развитие крупнопанельного домостроения; антирелигиозная кампания и воспитательная работа с народом; обеспечение уволенных из армии при сокращении Вооруженных сил СССР.

Другие признаки эпохи, характерные для Курской области и присутствующие в документах¹:

- Хомутовка — центр района, в котором находится малая родина Никиты Сергеевича Хрущева (Калиновка), — становится местом проведения областных экономических и научных конференций по сельскому хозяйству;
- упоминание колхоза села Калиновка становится обязательным в выступлениях и статьях того времени, и обязательно при перечислении колхозов — передовиков сельского хозяйства первым упоминается колхоз с. Калиновка;
- издание методички, обобщающей опыт колхоза с. Калиновка как эталона для других колхозов;
- обязательное упоминание о проведении в жизнь советов Н. С. Хрущева и их экономической эффективности (так, первый секретарь обкома КПСС А. Г. Монашев отмечал, что «советы как программы действий товарища Хрущева для Курской области имеют особое значение, так как он их нам дает лично, приезжая в область, в Калиновку»²).

Начавшаяся в Курской области десталинизация отражена в справках и докладных о ходе и итогах обсуждения решений XX съезда КПСС

в парторганизациях области. Интерес представляет информация³, что при обсуждении в парторганизациях доклада Н. С. Хрущева о культе личности И. В. Сталина, помимо сообщений о горячей и безусловной поддержке решений съезда в осуждении действий И. Сталина, были и другие сообщения. Коммунисты области, например, подмечали разницу в выступлениях ряда партийных руководителей, в частности Анастаса Ивановича Микояна: на XIX съезде он за Сталина, а на XX съезде — против. Спрашивали, почему члены ЦК и Политбюро раньше не разоблачили Сталина, при его жизни. Как вообще они (партийное руководство) голосовали за решения, принимаемые Сталиным, зная о его вредительской деятельности?

Интересная информация на эту же тему содержится в тексте выступлений в партийной организации книжного издательства писателей В. В. Овечкина, Д. А. Ершова.

В. В. Овечкин отметил, что критика и самокритика превратились в парадный разговор о недостатках, а значит, необходим официальный документ о Сталине, который следует довести до народа во избежание различных толкований, а поэтому нужен закон о неприкосновенности советского гражданина, выступившего с критикой в адрес руководителя или бюрократа. А по поводу сказанного в докладе Хрущева он заметил, что это было давно в наших душах и мыслях, а тут еще, оказывается, сам Сталин об этом знал и участвовал в репрессиях. Свое выступление Овечкин завершил словами одобрения действий партии и высказыванием о необходимости донесения всей правды до народа.

Писатель Д. А. Ершов же свое выступление, посвященное решению съезда о культе личности Сталина, свел к обсуждению реальных дел в Курской области, заявив, что надо разобраться со всеми делами в регионе. Привел такой факт: все молчат о том, что в 1955 г. на полях области было засеяно 224 тыс. га кукурузы, а убрали только 128 тыс. га и при этом отчитались, что все благополучно. А огромные массивы остались необранными. Обратил внимание на то, что вокруг имени Хрущева творятся нехорошие дела: на всю область только три комбайна по уборке конопли на семена, один — в колхозе «Родина Хрущева», два — в Свободинском районе, а потом и эти два комбайна передали колхозу в Калиновку. И скрыли от Хрущева в Хомутовке, что кукурузу убирают не только школьники, но и рабочие, служащие из города, а инструктор обкома КПСС Глушков считает, что так и следовало поступить, а между тем в народе, когда говорят о достижениях колхоза «Родина Хрущева», отзываются: «Знаем, мол, какие у них условия». Ершов заметил, что, несмотря на проблемы, планируется посеять еще больше трудоемких культур — кукурузы и сахарной свеклы. А знают ли руководители, как с этим дело обстоит? Писатель заметил, что колхозникам говорят, что они хозяева, а на деле им планы по-прежнему спус-

кают верху. И об этом надо говорить в полный голос.

О взглядах Н. С. Хрущева на развитие сельского хозяйства можно судить по стенограмме его выступления 28 июля 1962 г. в Доме культуры с. Калиновка Хомутовского района Курской области⁴. Его речь проста, порой сумбурна и сбивчива. Вместе с тем в его выступлении много верных и правильных идей и положений в адрес колхозников. В частности, Никита Сергеевич, обращаясь к колхозникам, заявил, что каждый колхоз должен идти вперед, поднимая урожайность за счет совершенствования методов обработки почвы, лучшего использования органических и минеральных удобрений, применения правильного севооборота. На этой встрече Хрущев поставил задачу перед курскими специалистами — вывести для курских земель более продуктивные семена пшеницы, ржи и других культур. Он указал на то, что есть сорта пшеницы, дающие не 30–35 ц/га, как у калиновцев, а по 60–70 ц. Привел в пример опыт работы селекционеров Краснодарского края и Украины, которые создали высокопродуктивные сорта сельскохозяйственных культур для своих территорий. В своем выступлении Хрущев признал, что сельское хозяйство ведется по-прежнему примитивно. И это недопустимо. Нужно сдружиться с наукой, следить за ее достижениями, применять все новое. В вопросах обработки почвы необходимо экспериментировать, искать лучшие формы у других колхозов и совхозов. При этом агроном должен не только «по полям бегать», но и уметь быть организатором, читать много необходимой литературы, заниматься семеноводством и научной работой. При освещении вопросов животноводства Никита Сергеевич отметил необходимость взять опыт американцев. Привел в пример Америку: там расходуют 2,5 кг на откорм цыплят для получения килограмма привеса, а в СССР расходуют от 5 до 7 кг, а то и больше. И если у американского фермера расход составит 3 кг, то он «вылетит в трубу», его хозяйство пойдет с молотка, он проиграет конкуренцию. При этом Хрущев сожалел, что советские колхозники таким вопросом не задаются, а ведь должны думать, использовать науку и производить.

В своей речи Хрущев часто критиковал работу производственных управлений и Министерства сельского хозяйства. Нелестно отзывался он и о работе партийных и советских органов в республиках, краях и областях: «...нужно не языком трепать на трибуне, а идти работать на СТФ, МТФ, птицефермы; смотреть как идет хозяйство, как оно организовано, как организован труд, какие затраты корма, какие корма...»⁵

Коснулся Никита Сергеевич и вопроса организации труда. Рассказал, как только что ехал на эту встречу с земляками через поля, и наблюдаемая на них картина напомнила ему далекое детство, когда он учил в Калиновской школе стихотворение А. С. Пушкина о крестьянских буднях начала девятнадцатого века. Столько лет про-

шло, а картина не меняется — также ходят бабы, шевеля сено граблями, а рядом конь, запряженный в телегу. И задал вопрос: при таких же оставшихся технологиях можем ли мы получить больше продукции? Уборка сена производится такими же орудиями, как и при крепостном праве. Для чего революцию делали? Хрущев отметил, что ставку необходимо делать на машины и людей, владеющих этими машинами. Кто лучше использует машины, тот даст более высокую производительность труда, высокий доход колхозу и за это получит высокую плату.

«Что касается оплаты, — заключил Никита Сергеевич, — труд должен быть оплачиваемым, поскольку сделан вклад, неважно, коммунист он или нет. Если бы не платили, то затормозила бы развитие науки, техники и страны».

Возвращаясь к вопросу о способах ведения сельского хозяйства, Н. С. Хрущев заключил, что по интуиции вести хозяйство невозможно, необходимо иметь знания. А знания дают образовательные учреждения, в том числе специализированные. Но этого недостаточно. Человек идет на производство, наука развивается, поэтому необходимо идти в ногу со временем, следует всегда учиться. В этом же направлении должны работать и Министерство сельского хозяйства, и Академия сельскохозяйственных наук, НИИ — наука и практика должны идти вместе.

Не раз Никита Сергеевич в своем выступлении высказывался о впечатлениях от увиденного в киножурналах «Наука и техника» и т. п. Отмечал, что обидно становится, когда столько вложено — подготовили, написали, засняли, показали — и на полку положили. Сколько придумано научными учреждениями, учеными? А сколько этого доходит до производства? Очень мало! Привел пример, что учеными открыт лабораторный способ получения каротина (содержится в моркови), нужного для птицеводства, но производством его никто не занимается. Привел другой пример: в 1950 г. советские ученые придумали способ производства медного купороса из нефти, но до сих пор ничего не внедрено, купорос покупается за границей. От советских тружеников зависит поставить научные достижения на промышленные рельсы.

В своем выступлении Хрущев хвалил калиновцев за достижения. Но отмечал, что они ничем не отличаются от других. Что это доступно каждому колхозу.

Никита Сергеевич напомнил землякам, как советовал им сеять кукурузу. Они посеяли и потом ругали его (кукуруза выросла, но початки не созрели; их собрали и складировали в кучи, где они через какое-то время заплесневели, в результате все початки выбросили). А теперь научились, и выращивают кукурузу на корм скоту. И Курская область вошла в зону «нужной спелости».

В своем выступлении Хрущев затронул и вопросы ветеринарной службы: высказал непонимание, почему эта служба не в почете, и к ветврачу бегут, когда уже поздно. А ветврач должен

обслуживать животное, делать ему прививки, чтобы не было заболеваний, чтобы животное находилось в хорошем состоянии, давало привесы.

Своих критиков Никита Сергеевич назвал бездельниками: они, в частности, критикуют Лысенко. И тут же привел пример с успешным экспериментальным хозяйством Лысенко в Ленинских Горках: он вывел породу коров, дающую молоко большой жирности. А ведь это богатство. А мы все по-прежнему примитивом занимаемся. Молоко же должно иметь питательные и вкусовые свойства. Хрущев рассказал, как давал свои советы секретарям обкомов партии, чтобы они шли учиться у Лысенко.

В своем выступлении Никита Сергеевич охватил и вопрос о высвобождении в колхозах рабочей силы, поскольку столько людей уже не нужно. И чтобы не было безработных, дал совет сеять в колхозных садах клубнику, которую можно продавать в свежем виде, перерабатывать в компот, варенье и пр. Отметил, что это сезонное дело и рекомендовал придумать еще другие виды работ. Заключил, что рабочую силу надо использовать, чтобы больше получать продукции, поднимать доход колхоза и заработка колхозников.

В своей речи Хрущев коснулся и вопроса механизации сельского хозяйства. Рассказал, что когда был в Казахстане, на целине, ученые показали ему замечательную работу косилок. Они создали многозахватную косилку, с которой трактор проходил поле в три раза быстрее, а значит, повышалась производительность труда, требовалось меньшее количество машин и людей, снижался расход горючего. В присущей ему манере Никита Сергеевич заявил: «Вот вам деньги. Просытятся»⁶. Отметил, что хозяйств, использующих это, мало. Многие научные достижения до колхозов доходят с опозданием. Нужно постоянно учить трактористов, инженеров и других специалистов сельского хозяйства. Заключил, что у в колхозах появились бы дополнительные машины, трактора, рабочая сила. А вместо этого есть ЦК республик, производственные управления, которые только болтают, а никаких требований не предъявляют к Союзтехнике, Министерству сельского хозяйства, не разрабатывают рекомендаций, не доводят необходимую информацию до хозяйств, бригад и звеньев. Хрущев отметил, что если бы это делалось, то в стране поднялись бы производственные возможности. Но нужно смотреть, в каких условиях это можно применять, а в каких это невозможно.

Рассказывая об обработке пропашных культур, Никита Сергеевич привел в пример то, что видел в одном из киножурналов: агрономы Кабардино-Балкарии создали новую ротационную мотыгу для обработки кукурузы, причем создатели усовершенствовали все имеющиеся в эксплуатации машины и перспективные разработки из соцстран (из Болгарии). Использование этой мотыги позволяло исключить ручной труд и уйти от квадратно-гнездового способа выращивания культуры. При этом Хрущев в очередной раз заключил, что все должно окупаться!

В своей речи Никита Сергеевич не мог обойти вниманием критику из-за границы (там трубят, что в СССР не хватает мяса, а ведь у них самих его не хватает, а вот про промышленность им сказать нечего). Отметил, что даже американский журналист Шварц, специализирующийся на клевете против нашей страны, признал, что стапельная промышленность СССР больше выпустила продукции, чем США.

После всего сказанного Хрущев, обращаясь к собравшимся, заявил: «Мало вы еще, товарищи, работаете. Не зазнавайтесь. Только начинаете работать, нужно упорно продолжать»⁷. И добавил, что председатели колхозов должны сами искать пути повышения производительности, а производственные управления и другие органы должны им помогать. При этом надо беречь председателей колхозов, бригадиров, заменять их только в крайнем случае. А если председатель колхоза допустил ошибку по незнанию, то его надо обучить, помочь, а не увольнять сразу. Если председатель не хочет работать и учиться, то нужно перевести его на другую работу, ведь у каждого свой потолок, он может быть и честный, но недостаточно опытен.

Несколько слов Никита Сергеевич сказал о молодежи: надо смелее ее выдвигать, особенно ударников. В возрасте 21 года комсомолец — это образованный человек, он имеет знания, энергию, задор, и это надо использовать. При этом Хрущев заявил, что он не против старых кадров, что он сам достиг уже пенсионного возраста. Однако не боится уходить на пенсию: «Поеду тогда в Калиновку грибы собирать»⁸.

И далее Никита Сергеевич добавил: «Одним словом, кадры беречь и не передерживать. Нужно проявлять мудрость и осторожность. Производственному управлению надо взять Калиновку за образец, а если будет лучше колхоз, чем в Калиновке, взять его. А что-то на вооружение можно взять из менее успешного колхоза, есть же там какое-то направление успешное, которое лучше развито, чем в лучшем колхозе»⁹.

Хрущев заявил, что сейчас важнее — обеспечить мир. А чтобы его обеспечить, нужно больше дать стране хлеба, мяса, молока, масла, картофеля, овощей: «Да, товарищи, это имеет прямое отношение, если бы мы больше производили мяса»¹⁰.

В завершение своей речи Никита Сергеевич заявил: «Если мы народ будем кормить сытно, если мы будем народ одевать тепло и красиво, если будем иметь жилье теплое, светлое, чтобы были школы, чтобы наши дети учились, чтобы были сады и ясли, чтобы дети были догляжены и воспитывались, вот вам тогда культура, вот вам техника, вот вам экономика. Тогда враги языки прикусят. Да к этому еще прибавочка — ракеты и термоядерные бомбы. И совсем можно жить»¹¹.

Империализм с его армиями сравнил с козлом, с которым «лучше жить в мире, чем воевать, надо только этого козла в свой огород не пус-

кать». Для этого, сказал Хрущев, необходимо поднять экономку, вооружение, двигаться вперед — к коммунизму, как намечено XXII съездом КПСС. Поэтому, заключил Никита Сергеевич, труженики села должны много потрудиться над выполнением решений XXII съезда КПСС — поднять сельское хозяйство и обеспечить страну продуктами питания и сырьем.

Вот такие мероприятия в области сельского хозяйства на 1961 г. планировали курские областные власти после визита Н. С. Хрущева, поставившего им задачи, о чем говорится в записке от 29 октября 1960 г.¹²

Помимо разработки организационных мероприятий по устранению недостатков в сельском хозяйстве, повышению сельскохозяйственного производства и разворачиванию социалистического соревнования среди сельских тружеников были установлены показатели, которые необходимо было достичь в 1961 г. В области полеводства перед курянами поставили следующую задачу: в 1961 г. за счет повышения урожайности валовый сбор зерна увеличить сразу на 36 %. Кроме того, были установлены показатели урожайности для кукурузы и сахарной свеклы с одновременным требованием увеличения под их посевы земельных площадей. Этот же план мероприятий указывал способы и технологию выращивания проса, гречихи и бобовых.

В области животноводства за один год предусматривалось увеличить производство мяса на 35 %, а кроме того, план мероприятий устанавливал увеличение производства молока, шерсти, яиц. Указывал, сколько откормить и продать государству крупного рогатого скота, свиней и птицы.

Областной план мероприятий по сдаче государству продукции сельского хозяйства на 1961 г. содержал перечень ее наименований и конкретные цифры, достичь которых было практически невозможно. Поэтому усилилось давление на колхозников, которые должны были получить такое количество зерна, мяса, молока и масла, чтобы догнать и перегнать Америку. Этим Н. С. Хрущев скорее загнал людей, отдалил их от земли еще больше, чем кто-либо в предшествующие десятилетия.

Примечания

¹ ГАОПИ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3219 ; Д. 3329; Д. 3334; Д. 3544. Л. 37–65. Д. 3747.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3544. Л. 2–3.

³ Там же. Д. 2675. Л. 27–30.

⁴ Там же. Д. 3874. Л. 73–103.

⁵ Там же. Л. 84.

⁶ Там же. Л. 92.

⁷ Там же. Л. 99.

⁸ Там же. Л. 100.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 101.

¹² Там же. Д. 3544. Л. 8–9.

Б. И. Фарманов

Развитие сырьевой базы металлургической промышленности на Урале в 1950–1960-е годы

В 1950-е гг. началась перестройка управления промышленностью и строительством народного хозяйства страны. Усиление связи управления с производством привели к созданию Советов народных хозяйств. Их функция заключалась в усовершенствовании хозяйственного механизма, в улучшении условий труда и социального благополучия трудящихся. Совершенствование организационных форм управления затрагивало все отрасли народного хозяйства. Управление промышленностью базировалось на сочетании централизованного и местного руководства. Приоритет при таком сочетании имели местные органы управления. Передача управления на места предусматривала целесообразное использование производственных мощностей предприятий, лучшее кооперирование и экономически обоснованное размещение капитала в производство. В 1959 г. состоялся внеочередной XXI съезд партии. На съезде были приняты контрольные цифры развития народного хозяйства страны за семилетку (1959–1965). На 1965 г. была поставлена задача довести выплавку чугуна до 65–70 млн т, стали — до 86–91 млн т, производство проката — до 65–70 млн т, добычу товарной железной руды — до 150–160 млн т¹. Уральские металлургические предприятия были основной базой для выполнения решений партии и правительства. Для выполнения планов, намеченных партией, необходима была реконструкция и модернизация металлургического комплекса Урала.

Уральская металлургическая база за сотни лет выработала собственные ресурсы. В начале Великой Отечественной войны были предприняты меры для увеличения добычи руды, ускорено строительство заложенных до войны шахт. Началось строительство новых шахт, разрезов и обогатительных фабрик. В декабре 1941 г. на Воронцовском руднике сдана в эксплуатацию шахта «Северная». В 1943 г. началась разработка открытым способом Масловского месторождения магнетитов и мартитов на левом берегу р. Сосьвы. В 1944 г. вступили в строй действующих предприятий шахты «Капитальная» на Ауэрбаховском руднике и «Южная» на Воронцовском руднике, возобновил работу Покровский рудник.

В 1945 г. пущены дробильно-обогатительные фабрики на шахте «Капитальная» и на Покровском руднике. Масштабы добычи железной руды постоянно росли. Основной была проблема развития сырьевой базы. После войны основные капиталовложения направлялись на восстановление разрушенного хозяйства западных районов страны. Поэтому геологоразведочные работы на Урале практически не велись, и его рудные запасы были плохо исследованы. В середине 1950-х гг. стала очевидна ограниченность запасов

горы Магнитной. Для интенсификации доменной плавки особенно важно было использование богатых железных руд.

В послевоенные годы содержание железа в балансовых рудах понизилось: до 37 % в 1955 г. (в 1940 г. — 55 %). В 1960-е гг. большинство открытых карьеров были выработаны или извлекали последние запасы. Добыча сырой руды в 1960 г. составила 1480 тыс. т, из них 873 тыс. т (59 %) были получены подземным способом, 607 тыс. т (41 %) — открытыми разработками. В 1970 г. из общей добычи сырой руды в 1761 тыс. т почти вся руда — 1693 тыс. т (96,1 %) — была добыта подземным способом, открытыми получено только 68 тыс. т (3,9 %). С 1970-х гг. рудоуправление всю руду стало добывать полностью подземным способом². Переход уральских заводов в конце 1950-х гг. на использование более бедного сырья поставил на повестку дня вопрос об увеличении количества добываемого рудного сырья и повышения качества товарной руды. Решение этой проблемы потребовало технической реконструкции большинства действующих рудников, строительства новых крупных рудников и ГОКа. Директивами по семилетнему плану на 1959–1965 гг. намечалось значительное увеличение капитальных вложений в развитие горнорудной промышленности края.

В 1960-е гг. масштабы добычи железной руды на Урале росли быстрыми темпами. Если в 1960 г. в регионе было добыто 39,1 млн т сырой руды, то в 1965 — 49,6, в 1970 г. — 63 млн т. Добыча руды на Урале велась сотни лет, богатые железом залежи были уже выработаны. Добываемая сырая руда становилась все беднее: в пересчете на железо в 1960, 1965 и 1970 гг. было добыто соответственно 26,8 млн, 27,6 млн и 26,1 млн т руды. Фактически количество сырья в расчете на металл на протяжении всех десяти лет не менялось. Из общего объема добытой на Урале сырой руды в 1960 г. было получено товарной руды 68,8 %, в 1965 г. — 55,4 %, в 1970 г. — 41,5 %. В 1965 г. при среднем содержании железа в добытой сырой руде 40,8 % в товарной руде оно составило в результате обогащения 56,7 %. Это привело к снижению удельного веса уральской железной руды в составе добычи как по республике, так и по стране в целом. Производство агломерата увеличилось во много раз, а его доля в железорудной части доменной шихты повысилась до 90,8 %³.

В середине 1960-х гг. более 70 % всей добываемой в стране железной руды подвергалось механической обработке, в результате которой получались богатые концентраты. Повышение содержания железа в доменной шихте только на 1 % увеличивало производительность доменной

печи на 2–3 %, снижало расход кокса и флюсов на 1,5–2 % и улучшало коэффициент использования полезного объема печи⁴. Обогащение руд развивалось по пути непрерывного улучшения качества получаемого железорудного сырья при максимально возможном извлечении металла и более полного использования руды. В 1965 г. на семи обогатительных фабриках страны было получено 34,3 млн т концентрата, содержащего более 63 % железа, что составило 30 % от общего производства концентрата. Среднее содержание железа в товарной руде возросло с 54,3 % в 1959 г. до 56,7 % в 1965 г.⁵ Внедрение офлюсованного агломерата значительно повысило производительность доменных печей. Наряду с этим большое значение имело повышение температуры дутья. Применение высоконагретого дутья позволило экономить топливо, улучшило работу доменных печей. С ростом масштабов производства большое значение приобретали вопросы экономии дефицитного и дорогостоящего кокса в доменном производстве путем частичной его замены менее дефицитными видами топлива: природным газом, мазутом и др.

К началу 1960-х гг. проявилось резкое отставание сырьевой базы черной металлургии. Уральские рудники уже были не в состоянии обеспечить металлургические предприятия местной рудой, и поэтому во все больших количествах заводы были вынуждены завозить руду из других районов страны, прежде всего с Курской магнитной аномалии и из Казахстана. Ввоз руды из Казахстана начался еще в 1957 г.

В мае 1957 г. в Свердловской области началось строительство самого крупного в мире Качканарского горно-обогатительного комбината — предприятия по добыче и обогащению титаномагнетитовых руд. В отдельные периоды на строительстве трудилось около 15 тыс. рабочих и ИТР. Вынуто и перемещено около 15 млн кубометров земли, уложено 525 тыс. кубометров монолитного железобетона, изготовлено и смонтировано 46 тыс. кубометров сборного железобетона, израсходовано 36 тыс. т металлоконструкций. В августе 1963 г. на комбинате получен первый концентрат, а 30 сентября госкомиссия приняла первую очередь Качканарского ГОКа в эксплуатацию. Полностью его строительство было закончено в 1971 г.⁶ Качканарское месторождение было известно давно, однако считалось непромышленным из-за низкого содержания же-

леза в руде, которое не превышало 16 %. В связи с этим большим резервом сырьевой базы металлургии Урала можно было считать переход на переработку бедных руд.

В силу изменения техники и технологии, несмотря на бедность руды, разработка этого месторождения стала экономически выгодной. В годы 8-й пятилетки завершилось строительство первой очереди шахты «Северопесчанская». С окончанием этого строительства была укреплена рудная база металлургических предприятий Среднего и Западного Урала. Важным направлением решения сырьевой проблемы на Урале было повышение комплексности использования рудничного сырья.

Производство чугуна на Урале возросло за 1960-е гг. с 15 млн до 23 млн т. В то же время удельный вес региона в производстве чугуна по России снизился на 14,7 %. На такое резкое снижение доли Урала повлияло сокращение добычи в регионе товарной руды, использование более бедных руд. Второй причиной стало бурное развитие аналогичного производства в других регионах страны и ориентация уральской металлургии на реконструкцию и повышение доли качественных видов продукции. Кроме того, объемы добычи железной руды здесь в течение всего периода возрастали незначительно. В 1967 г. запасы железных руд на Урале составили 8,3 млрд т, однако из других районов на Урал было завезено 13,5 млн т.

Таким образом, на Урале при отработке запасов не было своевременно организовано изучение и освоение рудных баз. Огромным запасам бедных, но обогатимых руд не придавали должного значения. В результате образовалась диспропорция между мощностями горнорудного и металлургического производства, которая привела к снижению эффективности отрасли района.

Примечания

¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 145.

² *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала. XVIII–XX века. Екатеринбург : УрО РАН, 2001. С. 200.

³ *Личман Б. В.* Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х — середины 80-х гг. Екатеринбург, 2007. С. 230.

⁴ *Запарий В. В.* Указ. соч. С. 201.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 67. Д. 140 Л. 129.

И. А. Новиков

**«Колыбель величайших социалистических гигантов»: Челябинская область
в исследованиях преподавателей Челябинского государственного
педагогического института в конце 1930-х — начале 1960-х годов***

В настоящее время краеведение — неотъемлемая и важная составляющая научной и общественной жизни Челябинской области. В городах и районах области трудятся на благо своей малой родины как отдельные краеведы, так и краеведческие сообщества при университетах (институтах), музеях, архивах и библиотеках. Многие из них являются продолжателями деятельности предыдущих поколений краеведов 1970–1990-х гг., а в некоторых — и начала XX в., и 1920-х гг.

В декабре 2021 г. исполнится сто лет организованному краеведческому движению в России. Созванная по инициативе академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР 1-я Всероссийская краеведческая конференция проходила в Москве с 12 по 20 декабря 1921 г. На ней было принято решение о создании Центрального бюро краеведения (ЦБК), которое стало руководящим органом краеведческого движения в РСФСР в 1920-е гг.¹ Органы власти были заинтересованы в деятельности обществ краеведения: «Массовые возникновения обществ краеведения не являются очередным увлечением, не порывом. Это насущные запросы каждого самоопределяющегося края — это есть следствие современной политики СССР. Через краевые организации государство быстрее подойдет к разрешению проблем производства, к изучению производительных сил страны и быстрее докажет мировому капиталу мощь и силу республики»².

Несмотря на свои несомненные достижения в деле изучения местного края и его природных богатств, в силу изменившихся подходов определенный формат центрального и местных краеведческих обществ был ликвидирован: 10 июня 1937 г. СНК РСФСР постановило: «Признать нецелесообразным дальнейшее существование центрального и местного бюро краеведения, указанные организации ликвидировать, возложить руководство, а также контроль и наблюдение за краеведческой работой на Музейный отдел Наркомпроса и органы народного образования на местах»³.

Челябинск — родина современного российского краеведческого движения. Связано это с тем, что 25–28 апреля 1990 г. на Южном Урале прошла учредительная конференция краеведов России, и 27 апреля С. О. Шмидт (1922–2013) открытым голосованием был избран первым его

председателем⁴. За год до этого, в мае 1989 г., в Челябинской области было создано Челябинское областное общество краеведов, и первым председателем совета общества 18 мая был избран писатель и журналист А. П. Моисеев (1938–2013). В общество вошли краеведы городов и районов области. В настоящее время в Челябинской области можно выделить несколько краеведческих центров и направлений, в том числе вузовское краеведение, реализуемое в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете (в 1934–1995 — Челябинский государственный педагогический институт, в 1995–2016 — Челябинский государственный педагогический университет), в котором благодаря педагогической составляющей представлены различные направления краеведения, а университет стал одним из центров краеведческой жизни Челябинской области.

С момента создания в 1934 г. Челябинского государственного педагогического института в основе научно-исследовательской деятельности его факультетов (географического, исторического и филологического) стало обращение к изучению истории, географии и литературных аспектов Челябинской области. Существовавшие в 1920-е — начале 1930-х гг. краеведческие общества Челябинска, Златоуста и филиалы в Миассе, Белорецке при музеях родного края прекратили свою деятельность в связи с переездом их руководителей или арестом некоторых из них⁵. Поэтому именно преподаватели, стоявшие у истоков высшего педагогического образования Челябинской области, стали продолжателями историко-краеведческого и географо-краеведческого изучения Южного Урала (Челябинской области) практически до начала 1960-х гг. Только в середине 1950-х гг. выпускники института А. И. Александров, А. Н. Беликов, В. М. Леднев, В. К. Егоров, Ф. Н. Яблонский и другие, работая учителями в школах и научными сотрудниками в местных музеях, воссоздадут краеведческие исследования в городах и районах Челябинской области. Их многочисленные исследования будут опубликованы в местных периодических изданиях, выйдут отдельными трудами⁶.

В 1930-е гг. краеведческие исследования в педагогическом институте осуществлялись благодаря преподавателям с исторического и географического факультетов. Историки С. М. Петров (стал одним из первых исследователей гражданской войны на Южном Урале⁷) и М. Н. Мельников (изучал историю уральской промышленности XVIII в.⁸) заложили основы изучения истории Южного Урала. Исследования географов велись по разнообразным темам:

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение научно-исследовательских работ МК-039 от 26 апреля 2021 г. по теме «Фальсификация истории: современные научные методы противодействия».

«Озера восточного склона Урала и их роль в водном балансе Челябинской области» (С. З. Калинин), «Карсты Коелго-Сухорышского района Челябинской области» (Т. Ф. Качарин), «Мраморы Челябинской области» (Н. И. Лебедев), «Экономико-географическое районирование Челябинской области» (В. С. Старцев, он уже имел публикации⁹), «Челябинский промышленный район» (М. И. Старикова), «Карст Кунгурско-Красноуфимского степного клина» (А. Д. Сысоев), «Птицы Челябинской области» (В. М. Темирова)¹⁰.

В плане научно-исследовательской работы на 1941 г. В. С. Старцев написал: «Челябинская область — колыбель величайших социалистических гигантов. Она является ярким свидетелем реализации принципов социалистического размещения хозяйства. Раскрыть ее хозяйство, зафиксировать размещение и дать прогноз дальнейшего развития социалистического хозяйства на территории Южного Урала и Зауралья — цель работы. Значение порайонного экономико-географического размещения хозяйства — очевидно. Его ждут планирующие организации»¹¹. К сожалению, с началом Великой Отечественной войны разработка многих тем исследований была прекращена в связи с уходом ученых на фронт (С. З. Калинин погиб в феврале 1942 г. на Карельском фронте¹²) и возобновлена уже в конце 1940-х гг. А. Д. Сысоевым¹³, М. Н. Мельников изменил тему исследования¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны при участии преподавателей Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена — В. Н. Бернадского, Ф. Д. Сказкина и др., — эвакуированных в Кыштым¹⁵, проходили защиты диссертаций, в том числе известного в будущем исследователя южноуральских говоров Г. А. Турбина, выпускника Воронежского педагогического института (1938), направленного в 1941 г. в Челябинск после окончания московской аспирантуры¹⁶. Продолжились краеведческие исследования, усилилась научно-исследовательская деятельность студенческих краеведческих кружков.

После окончания войны выпускники Челябинского педагогического института (А. Г. Карманов, М. А. Андреева, Л. А. Глинкина и др.) и приехавшие в Челябинск по распределению преподаватели (М. И. Альбрут, В. Е. Гусев, В. Н. Елисева, В. Е. Четин и др.) продолжили заложенные в предвоенные годы историко-, географо- и фольклорно-литературно-краеведческие направления исследований: «Озера Среднего и Южного Урала» (М. А. Андреева)¹⁷, «История КПСС и партийных организаций Урала» (Н. К. Лисовский и П. С. Лучевников)¹⁸, «История промышленности и рабочего класса Южного Урала» (В. Н. Елисева)¹⁹, «Русские говоры Южного Урала» (Г. А. Турбин)²⁰. Эти темы на долгие годы стали основными для кафедр физической географии, русского языка, истории СССР и истории КПСС.

Необходимо выделить еще нескольких авторов, их темы и направления исследований: М. И. Альбрут («Экономическая история дорево-

люционного Южного Урала»²¹ и «История дореволюционного Челябинска»²²), В. Е. Гусев («Русские народные песни Южного Урала»²³), В. Г. Сержантов («Челябинский указатель»²⁴), Е. М. Тяжелыников («Освоение целины»²⁵), В. Е. Четин («Отмена крепостного права на Южном Урале» и «История промышленности и рабочих Южного Урала в пореформенный период»²⁶), М. Д. Машин («История Оренбургского казачьего войска» и «Вопросы установления советской власти и восстановление жизни в регионе после окончания Гражданской войны»²⁷), Н. П. Шмакова («История индустриализации на Южном Урале»²⁸), А. Г. Карманов («Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны»²⁹).

В основе исследований А. Г. Карманова — история Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. По этой теме он защитил в 1955 г. диссертацию «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор патриотического движения рабочего класса в годы Великой Отечественной войны (на примере Челябинской области)»³⁰, определив три составляющих Победы. Во-первых, освещающая события начального периода войны, он показал организаторскую и политическую работу Челябинской областной организации ВКП(б) в 1941–1942 гг. по перестройке всей работы на военный лад, раскрыв условия, обеспечивающие коренный перелом в работе тыла. Во-вторых, рассмотрел работу партийных организаций в год коренного перелома в войне. В-третьих, проанализировал организаторскую и политическую работу коммунистов Челябинской области в период решающих побед на завершающем этапе Великой Отечественной войны³¹. В своих работах А. Г. Карманов остановился на трех составляющих вклада Челябинской области в победу в войне: 1) трудовой подвиг рабочих тяжелой промышленности, 2) борьба за укрепление боеспособности Красной Армии, 3) всенародная помощь фронту³².

Еще в годы войны на историческом и филологическом факультетах начали действовать студенческие научные кружки. Именно при А. Г. Карманове студенты активно начали работать с архивными документами³³. Были созданы кружки, в том числе краеведческой направленности: этнографический (руководитель А. И. Лазарев), историко-краеведческий (В. Е. Четин), археологический (Ю. М. Тарасов), истории партизанского движения (М. Д. Машин), диалектологический (Г. А. Турбин). Декан историко-филологического факультета Г. А. Турбин в своем отчете за 1958/59 учебный год особо отмечал работу кружков этнографического и истории партизанского движения. Летом и осенью 1959 г. состоялись организованные кружками экспедиции: диалектологическая, этнографическая, археологическая и по местам движения бывших партизанских отрядов Южного Урала³⁴.

В 1950–1961 гг. историко-краеведческие исследования были связаны с деятельностью

В. Н. Елисеевой (сначала в Магнитогорске, затем в Челябинске). С ее назначением в 1956 г. заведующей кафедрой истории СССР Челябинского педагогического института произошел всплеск интереса к изучению истории Челябинской области и Южного Урала, каждый из преподавателей кафедры специализировался на определенном периоде или теме исследования, что привело к увеличению количества опубликованных научных статей и монографий, сборников документов и учебных пособий³⁵. Несмотря на то что доцент кафедры С. А. Сидоренко больше внимания уделял истории Сибири, Южному Уралу была посвящена его статья «Предпосылки развития горнозаводской промышленности на Южном Урале в XVIII веке»³⁶.

Именно благодаря инициативе, стараниям, настойчивости и выдержке В. Н. Елисеевой в конце 1950-х гг. был подготовлен обобщающий труд по истории Челябинской области, охватывающий период с древнейших времен до конца 1950-х гг. Подготовленный сборник около пяти лет пролежал в книжном издательстве, и только благодаря Е. М. Тяжельникову, который с поста ректора ЧГПИ перешел в Челябинский обком КПСС, труд был издан в 1965 г. под названием «Краткий очерк истории Челябинской области». В ее создании были задействованы все члены кафедры истории СССР: Ю. М. Тарасов, М. Д. Машин, С. А. Сидоренко, А. Г. Карманов, В. Н. Елисеева и В. Е. Четин. Сама Варвара Николаевна подготовила довольно сложный и дискуссионный раздел «Социально-экономическое развитие Южного Урала в 1907–1914 годах». Написанные преподавателями разделы проходили жесткую правку коллег, обсуждались на заседаниях кафедры³⁷.

Создание «Краткого очерка» — первая попытка написания систематизированного труда по истории Челябинской области, который «представляет собой научно-популярный очерк, рассчитанный на широкий круг читателей и учителей истории. В нем дается систематическое изложение исторических процессов... местного края»³⁸. В 1991 г. в сжатом изложении и до событий 1917 г. он был переиздан под названием «Очерки истории Челябинской области»³⁹. Заложенные В. Н. Елисеевой основы историко-краеведческих исследований продолжились и в 1960-е гг., даже несмотря на ее переезд в 1961 г. в Воронежский педагогический институт, в котором она трудилась до 1986 г., а в 1963–1970 гг. возглавляла кафедру истории СССР⁴⁰ и продолжила свои исследования по истории рабочего класса⁴¹.

В середине 1950-х гг. все преподаватели кафедры истории СССР под руководством В. Н. Елисеевой в той или иной степени были задействованы в выполнении разнообразной краеведческой работы на общественных началах. Так, В. Н. Елисеева и М. Д. Машин оказывали содействие в работе областного архива, являясь членами ученого совета; С. А. Сидоренко и М. Д. Машин разработали подробный экспозиционный план для областного краеведческого

музея к 40-летию советской власти, а М. Д. Машин также подготовил сборник документов по восстановлению народного хозяйства Челябинской области. Кроме того, перед учителями и жителями Челябинска преподавателями было прочитано 20 лекций, проведены три научных экспедиции по сбору документов и материалов к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Студенты историко-филологического факультета выступили перед рабочими Челябинского тракторного завода с докладами по истории Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале⁴².

Таким образом, со становлением во второй половине 1930-х гг. в Челябинске высшего педагогического образования и до начала 1960-х гг. благодаря энтузиазму и стараниям нескольких поколений преподавателей были созданы и развивались различные направления краеведческих исследований, что помогало студентам — будущим учителям — лучше и более детально изучить свой предмет на примерах местного, южноуральского материала, способствовало становлению научных краеведческих школ как в самом Челябинске, так и в городах и районах области. Заложенные основы были развиты в 1960–1980-е гг., благодаря чему произошел всплеск интереса к изучению родного края, стали проходить уральские Бирюковские чтения, а в 1989 г. состоялся учредительный съезд краеведов России.

Примечания

¹ Козлов В. Ф. Первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и его роль в организации краеведческого движения // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Владимир, 27–28 мая 2011 г.) / сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. С. 10; *Она же*. Центральное бюро краеведения (ЦБК) как руководящий орган краеведческого движения в 1920-е гг. // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Можайск, 1–2 июня 2012 г.) / сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. С. 16.

² АЗГО. Ф. И-107. Оп. 1. Д. 60. Л. 11.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1л. Д. 146. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 147. Л. 10.

⁵ *Боже В. С.* Подробнее см.: Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.): справ. пособие. Челябинск, 1995; *Новиков И. А.* Из истории краеведческого движения на Южном Урале в 1920-е гг. (на примере деятельности Общества краеведения Златоустовского округа Уральской области) // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Можайск, 1–2 июня 2012 г.) / сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. С. 52–59.

⁶ Например: *Александров А. И.* Солдаты революции. Челябинск, 1957; *Она же*. Участие народных масс Южного Урала в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1957; *Она же*. Подводная лодка «Челябинский комсомолец». Челябинск, 1961; Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. Миасское; Челябинск, 1966; Материалы по истории Златоуста: сборник / Златоуст. краевед. музей; сост. Н. Косиков, Ф. Яблонский. Златоуст, 1958 и др.

⁷ *Петров С. М.* Борьба с дутовщиной. Челябинск, 1937; *Она же*. Разгром дутовщины. Челябинск, 1940.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

- ⁹ По Уралу: очерки и рассказы о горах, реках, озерах и пещерах Урала / сост.: В. С. Старцев, К. В. Рождественская. Свердловск, 1935; *Старцев В. С.* Южный Урал и Зауралье: географ. очерк Челяб. обл. Челябинск, 1936.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 47. Л. 12 об. — 14.
- ¹¹ Там же. Л. 13 об. 14.
- ¹² *Лычагов С. Н.* Карельский фронт в памяти южноуральцев...: кн.-альбом. Челябинск, 2020. С. 46.
- ¹³ *Сысоев А. Д.* Очерки физической географии Челябинской области. Челябинск, 1959; *Он же.* О «каменных морях» на Южном Урале. Челябинск, 1961.
- ¹⁴ *Мельников М. Н.* Деятельность Челябинского губревкома в 1919–1920 гг. // II конференция научных работников Челябинской области: доклады. Челябинск, 1948. С. 13–15; *Он же.* Революционное движение на Южном Урале в октябре — декабре 1905 г. // Ученые зап. Челяб. пед. ин-та. 1956. Т. 1, вып. 1. С. 97–108.
- ¹⁵ Подробнее см.: ЛГПИ в годы войны. Кыштымский период / сост. М. К. Ахлупина, Н. А. Вахрушева, И. А. Новиков, Н. П. Шмакова. Челябинск, 2005.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 61. Л. 46.
- ¹⁷ Архив ЮУрГГПУ. Оп. 9л. Д. 2011. Л. 79; *Андреева М. А.* К вопросу о хозяйственном использовании озер Челябинской области. Челябинск, 1961.
- ¹⁸ *Лисовский Н. К.* Революция 1905–1907 гг. на Урале. Челябинск, 1955; *Он же.* Октябрь на Южном Урале (борьба за установление и упрочение советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск, 1957; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Алферова К. В.* История промышленности и рабочего класса Южного Урала XVIII–XX вв. в исследованиях преподавателей кафедры истории СССР Челябинского государственного педагогического института (1950–1990-е гг.) // Проблемы культурного образования: сб. науч. и учеб.-метод. тр. (ежегодник). Вып. 15. Челябинск, 2018. С. 58–77. Например: *Елисева В. Н.* Из истории проектирования и строительства Магнитогорского металлургического комбината // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале: сб. ст. Челябинск, 1959. С. 125–171; *Она же.* Рабочее движение на Южном Урале в 1907–1914 гг. // Из истории Урала: сб. ст. Свердловск, 1960. С. 239–253.
- ²⁰ *Турбин Г. А.* Из истории южнорусского акающего населения в северной части Челябинской области. Челябинск, 1961; *Он же.* Из истории русских говоров Южного Урала // Краеведческие записки: сб. ст. Вып. 1. Челябинск, 1962.
- ²¹ *Альбрют М. И.* История эксплуатации руд горы Магнитной до Великой Октябрьской социалистической революции // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале: сб. ст. Челябинск, 1959. С. 3–20; *Альбрют М. И., Елисева В. Н.* Общая характеристика народного хозяйства дореволюционной России и его география: учеб. пособие для студентов-заочников. Челябинск, 1959.
- ²² *Альбрют М. И.* О происхождении названия — «Челябинск». Челябинск, 1961; *Он же.* Социально-экономическая характеристика Челябинска в эпоху империализма. Челябинск, 1961.
- ²³ *Гусев В. Е.* Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала (по материалам экспедиций Челябинского пединститута в 1952–1953 гг.) // Ученые зап. Челяб. гос. пед. ин-та. 1956. Т. 1, вып. 1. С. 235–258; *Он же.* Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957.
- ²⁴ *Сержантов В. Г.* Челябинский указатель (из истории революционного движения в Челябинске) // Юж. Урал. 1957. № 1 (27). С. 148–156.
- ²⁵ *Тяжельников Е. М.* Покорители целины: очерки. Челябинск, 1957.
- ²⁶ *Четин В. Е.* Борьба горнозаводских рабочих Южного Урала против остатков крепостничества в 1861–1863 гг. // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале: сб. ст. Челябинск, 1959. С. 21–47; *Он же.* О падении крепостного права на Златоустовских заводах: к столетию реформы 1861 года в России. Челябинск, 1961; *Он же.* Рабочее движение в Пермской губернии в 70-х гг. XIX в. // Из истории рабочего класса Урала: сб. ст. Пермь, 1961. С. 179–195.
- ²⁷ *Машин М. Д.* Борьба с голодом в 1921–1922 гг. на Южном Урале // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале: сб. ст. Челябинск, 1959. С. 100–124; *Он же.* За власть Советов. Из истории борьбы трудящихся Катавского района за установление и упрочение советской власти. Челябинск, 1958; *Он же.* Из истории классовой борьбы в период перехода к НЭПу в Челябинской губернии в 1920–1921 гг. // Доклады научно-краеведческой конференции. Челябинск, 1961; *Машин М. Д., Панин Л. М.* Борьба за власть Советов на Южном Урале (обзор новых публикаций документов и исследований) // История СССР. 1961. № 4. С. 175–178.
- ²⁸ *Шмакова Н. П.* Наш тракторный. Из истории строительства Челябинского тракторного завода. Челябинск, 1966.
- ²⁹ *Карманов А. Г.* Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны: материалы в помощь лекторам. Челябинск, 1958; *Он же.* Трудовые подвиги южноуральцев в годы Великой Отечественной войны // Челябинская область за 40 лет советской власти. Челябинск, 1957. С. 227–274; *Он же.* Челябинская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Елисева В. Н. Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965. С. 382–426.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 457. Л. 44.
- ³¹ *Карманов А. Г.* Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор патриотического движения рабочего класса в годы Великой Отечественной войны (на примере Челябинской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Высш. парт. школа при ЦК КПСС. М., 1955. С. 3, 10, 15.
- ³² *Карманов А. Г.* Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны: материалы в помощь лекторам. Челябинск, 1958. С. 3.
- ³³ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 434. Л. 25.
- ³⁴ Там же. Д. 409. Л. 104–105.
- ³⁵ Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.): сб. док. и материалов / сост. В. Н. Елисева. Челябинск, 1965; *Елисева В. Н.* Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965.
- ³⁶ *Сидоренко С. А.* Предпосылки развития горнозаводской промышленности на Южном Урале в XVIII веке // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962. С. 47–77.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 409. Л. 190.
- ³⁸ *Алферова К. В.* «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала // Архив в социуме — социум в архиве: материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 298–299.
- ³⁹ Очерки истории Челябинской области / Н. Б. Виноградов, В. Н. Елисева, А. В. Лушников и др. Челябинск, 1991.

⁴⁰ Кафедра истории отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / Л. Г. Майзель и др. Челябинск, 2008. С. 14–15.

⁴¹ Елисеева В. Н. К вопросу о периодизации истории рабочего класса СССР и источниках его формирования в 1926–1941 гг. // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та.

1964. Т. 45. С. 65–79 ; *Она же*. О способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации СССР (1926–1937 гг.) // Там же. 1967. Т. 63. С. 33–86.

⁴² ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 328. Л. 121.

Е. Р. Курапова

Экономика на острие политики. Деятельность Министерства экономики и прогнозирования СССР в 1991 году (по материалам РГАЭ)

Можно предположить, что фраза «экономика на острие политики» является характерной для многих периодов экономической истории СССР: нэпа, коллективизации и индустриализации, Великой Отечественной войны, реформаторских экспериментов Н. С. Хрущева и М. С. Горбачева. Но к 1991 г. эта сентенция применима буквально. Известный российский экономист Е. Г. Ясин, характеризуя 1991 г., полагает, что союзная «экономика оставалась жертвой политики, которая наносила ей все более ощутимый урон»¹.

В апреле 1991 г. было создано Министерство экономики и прогнозирования СССР. Функционально оно было наследником Госплана СССР. Жизненный цикл министерства завершился вместе с ликвидацией СССР. Возглавлял министерство В. И. Щербаков, уроженец Приморского края, выпускник Тольяттинского политехнического института, в 1986–1991 гг. председатель Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам.

Архивный фонд министерства находится в РГАЭ и насчитывает 104 ед. хр. В фонде помимо традиционной организационно-распорядительной документации имеется документальный блок, представляющий колоссальный исследовательский интерес: это подготовленные в недрах министерства ответы на поручения Кабинета министров СССР (с августа 1991 г. — Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР). Он состоит из двух сюжетно-тематических частей: о текущей экономической ситуации в стране и прогнозы развития ситуации на период с трехлетним лагом, 1992–1994 гг.

Рассмотрим подробнее материалы, связанные с экономической ситуацией в стране в 1991 г. Часть ответов (писем) имеет технический характер, являясь сопроводительными письмами к проектам постановлений Совета министров СССР, подготовленных министерством. Но по большей части это содержательные, имеющие в определенной степени самостоятельный характер документы, касающиеся таких отраслей экономики страны, как торговля, финансы, строительство, машиностроение, сельское хозяйство, топливно-экономический комплекс, социальный блок, оборонный комплекс и др. При этом они затрагивают как внутригосударственный, так и внешнеэкономический аспекты. Для данной статьи, цель которой — ввести в научный оборот ряд документов по обозначенной теме, выбран

внешнеэкономический аспект, конкретнее — сюжеты, связанные с агропромышленным комплексом, закупкой оборудования и финансами (в части валютных средств).

Агропромышленный комплекс. Затрагиваются вопросы экспорта в СССР из-за рубежа продовольствия и оборудования. Например, в начале августа 1991 г. рассматривался вопрос о закупке в счет предоставленных ФРГ кредитов под гарантию страхового общества «Гермес» десяти мини-заводов по переработке сельхозпродуктов для Республики Кыргызстан. В ответе министерства указывается, что «объем закупки продукции, осуществляемой в счет... кредита, с погашением за счет средств Союзно-республиканского валютного фонда... достиг общей суммы кредита», и закупка мини-заводов этим кредитом не предусмотрена. В то же время «предприятиями оборонной промышленности созданы комплекты отечественного оборудования для мясоперерабатывающих предприятий... а также цехов малой мощности по производству овощных и фруктовых консервов», их комплектацией занимаются госконцерн «Нефтегазстрой», Красноярский машиностроительный завод и Белгородский спецстрой. Итоговый вывод документа: «...Республика Кыргызстан может приобрести это оборудование через свои снабженческие организации»².

Также было отказано Комитету по аграрной и продовольственной политике Верховного Совета СССР в поставках в СССР израильской фирмой «Блю Стар» быстромонтируемых зернохранилищ емкостью до 1000 т в связи с экономической (функциональной) нецелесообразностью³. Отказом со стороны министерства закончилось и рассмотрение предложения посла Республики Болгария в СССР В. Велчева «о внеплановой поставке в СССР до 70 тысяч тонн свежих помидоров» стоимостью «не менее 25 млн долларов США». Было указано на «крайне ограниченные возможности по изысканию валютных средств для оплаты планового импорта основных видов продовольствия, включая детское питание, а также медикаментов», кроме того, «в конце июля в стране началась массовая уборка свежих помидоров»⁴.

15 августа 1991 г. Минэкономики направило в правительство ответ «по вопросу экспорта товаров и закупке зерна». Речь шла «о поставке на экспорт в 1991 году товаров для закупки на

вырученные средства зерна». Минэкономики с участием Минресурсов СССР, Министерства внешних экономических связей СССР, корпорации «Российские промышленники», Минметаллургии СССР, Внешэкономбанка СССР и Минсельхоза СССР посчитало «возможным согласиться с предложением Совета министров РСФСР о поставке в 1991 году на экспорт проката черных металлов (за исключением цветных металлов), газетной бумаги и целлюлозы предприятиями ряда автономных республик, областей и краев РСФСР сверх госзаказов и заданий по экспорту». При этом, учитывая что «сложилось напряженное положение с обеспечением сельского хозяйства страны нефтепродуктами, минеральными удобрениями и лесоматериалами», нецелесообразно было «поставлять эту продукцию на экспорт сверх установленного задания» на 1991 г. Заключительное предложение министерства: «Целесообразно освободить предприятия-поставщики от налога на экспорт и полностью использовать вырученные средства на закупку зерна и белкового сырья»⁵.

Положительным оказалось решение Минэкономики СССР о валютном финансировании (52,6 млн инвалютных рублей) проекта создания агропромышленного модуля в Ставропольском крае с участием итальянского концерна «Ферруцци», а также о дополнительной закупке 125 тыс. т растительных масел в Венгрии⁶. В конце августа и начале сентября 1991 г. были рассмотрены два вопроса, касающиеся Украинской ССР. Речь шла о закупке за рубежом оборудования по изготовлению стеклотары для агрофирмы «Заря» Ровенской области и о выделении валютных средств для закупки зернофуража для Украины. По первому сюжету было предложено решить вопрос «при товарном наполнении инвестиционной части испанского кредита в счет квоты, выделенной Украинской ССР»; по второму — указано, что в предварительном порядке согласована с Минсельхозом США «возможность получения в США дополнительных кредитов на закупку продовольствия, включая зернофураж, в рамках третьей части кредита на сумму 400 млн долларов с 1 февраля 1992 г.», в счет которых может быть закуплен и зернофураж для Украины⁷.

16 сентября 1991 г. Комитетом по оперативному управлению народным хозяйством СССР было дано поручение Минэкономики о рассмотрении вопроса об оплате фрахта по перевозке сахара из Республики Куба. Уже 20 сентября министерством был дан ответ: по мере поступления наличных средств в Союзно-республиканский валютный фонд за экспорт товаров будут оплачены и расходы на иностранные суда, зафрахтованные внешнеторговым объединением «Продинторг»⁸.

14 октября 1991 г. на имя заместителя руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР Ю. М. Лужкова во исполнение поручения комитета был направлен ответ Минэкономики по вопросу поставки в

СССР турецкого фасованного чая, на чем настаивал Минторг СССР. Было указано, что обменным письмом между СССР и Турцией предусмотрена в 1991 г. поставка ряда турецких товаров (в обмен на газ), в том числе фасованного чая на сумму 17 млн долларов. Однако с учетом того, что «направлениями использования средств Союзно-республиканского валютного фонда импорт фасованного чая в 1991 г. не предусмотрен», было принято целесообразным при проведении переговоров с турецкой стороной в октябре «поставить вопрос о замене» указанных поставок «на чайное сырье и другие продовольственные товары (растительное масло, детское питание), имеющие приоритетное значение для народного хозяйства»⁹.

Закупки оборудования за рубежом для нужд промышленности. Импортное оборудование закупалось не только для агрокомплекса СССР, но и для нужд промышленности. Например, 8 октября 1991 г. министерство сообщало в правительство о своем согласии с предложением Минметаллургии СССР о закупке в Чехословакии ломоперерабатывающего оборудования за счет «полного использования» предприятиями-экспортерами валютных средств от продажи за рубеж до 100 тыс. т металлолома. При этом предприятия-экспортеры освобождались от уплаты налога на экспорт по указанной операции¹⁰. Спустя декаду в правительство от Минэкономики был направлен «Перечень контрактов, подписанных с итальянскими фирмами (кредитная линия 1990 г.)», в соответствии с которым предлагалось начать осуществление платежей по вступившим в силу контрактам на общую сумму 213,3 млн руб. При этом сообщалось, что эта сумма будет отнесена «на общий объем валютной задолженности страны». В перечне из 36 позиций перечислены предприятия РСФСР (23 позиции, на сумму 151,28 млн руб.), Украины (6 позиций, на 52,8 млн руб.), Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Грузии и Армении. Анализ перечня позволяет сделать вывод, что реципиентами поставляемого по импорту оборудования становились машиностроение, автомобильная, легкая и пищевая промышленность. Конкретные места установки оборудования: в РСФСР — Горьковский автозавод, завод «Уралэлектромотор», завод точного машиностроения в Туле, завод искусственных кож в Александрове, трикотажное объединение в Воронеже, макаронная фабрика в Нижнем Новгороде и др.; в Украине — производственное объединение «Химволокно» в Киеве и др.; в Кыргызстане — макаронная фабрика в Бишкеке; в Армении — Ереванский завод нестандартной обуви и др.¹¹

29 октября 1991 г. Минэкономики положительно отреагировало на предложение о выделении валютных средств на потребности Ленинградского завода турбинных лопаток. Было сочтено возможным оплатить расходы завода «на проведение шефмонтажных работ, закупку штатных запасных частей и лабораторного оборудо-

вания, необходимых для обеспечения ввода пресса ВП-14400 в действие, в размере до 8 млн немецких марок из средств, полученных от продажи пресса ВП-8000»¹².

Неоднозначное письмо было отправлено министерством 26 ноября 1991 г. на имя заместителя руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством А. И. Вольского о компенсационной сделке с зарубежными фирмами на поставку технологического оборудования для производства цемента. В письме изложена история вопроса. В 1989 г. в состав научно-производственного объединения «Стромэкология» был передан цементный завод «Победа Октября» мощностью 350 тыс. т цемента в год. Преследуемая цель — развитие опытно-технологической базы по производству обеспыливающего оборудования для предприятий цементной промышленности. Нарращивание мощностей по выпуску цемента на предприятии не предусматривалось по причине «имеющейся высокой концентрации цементного производства в курортной зоне Новороссийска». Вывод документа: предложение консорциума «Экопром» о расширении действующего предприятия требует «дополнительной проработки и согласования с местными санитарными органами», а по вопросам заключения компенсационной сделки на поставку технологического оборудования спецразрешения не требуется: порядок подобных сделок определен Указом Президента РСФСР от 15.11.1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР»¹³.

Финансы. 18 сентября 1991 г. Комитетом по оперативному управлению народным хозяйством СССР было дано поручение Минэкономики СССР представить в октябре 1991 г. предложения об использовании средств Союзно-республиканского валютного фонда. Спустя месяц министерство направило в комитет ответ. В сопроводительном письме разъяснялось, что при подготовке предложений министерство исходило «из необходимости первоочередных платежей за продовольствие, сырье для легкой промышленности и медикаменты, а также сырья, материалов и комплектующих изделий для обеспечения выпуска непродовольственных товаров народного потребления». «Распределение валютных средств для оплаты закупок и доставки продукции по импорту в октябре 1991 г.» содержит 107 позиций на общую сумму 621 млн руб. Самые крупные суммы ассигнуются на «продовольствие, сырье для его производства, пленку полиэтиленовую, тароупаковочные материалы для пищевой и табачной промышленности, ветеринарные препараты, ядохимикаты по определению Госкомпрода СССР, Минсельхоза СССР и Госкомобеспечения РСФСР» (150 млн руб.) и на медикаменты (80 млн руб.). По 30 млн руб. было выделено по позициям «Авансовые платежи и оплата доставки товаров, закупаемых в счет кредитных соглашений», «Сырье и материалы по определению Госкомлегпрома СССР» и «Товары и оборудо-

дование для предприятий Минобороны СССР». По 15 млн руб. приходилось на статьи «Каучук натуральный, включая латекс», «Сера», «Товары для предприятий Минавтосельхозмаша СССР». По 10 млн руб. — на «Товары для корпорации «Фарминдустрия», «Медоборудование» и «Товары и оборудование для предприятий Минобороныпрома СССР». Остальные позиции в основном охватывают диапазон от 6 до 0,2 («Фотохимикаты») млн руб.¹⁴

В октябре — ноябре 1991 г. министерство ответило на поручения правительства по вопросам финансового взаимодействия с ОАЭ (предоставление кредита), Бангладеш (использование платежей по кредиту на нужды информации городского хозяйства Москвы в объеме 2 млн долларов США) и Германии (подписание кредитных соглашений на поставку в СССР 16 построенных в ГДР судов на сумму 800 млн руб.). Интерес представляет видение министерством ситуации с кредитом ОАЭ в миллиард долларов США. Первую его половину предложено было использовать на цели обслуживания внешнего долга СССР, на счет второй — «обсудить с ОАЭ возможность использования этой суммы в форме государственного (со стороны ОАЭ) финансового вклада в уставные фонды совместных предприятий». Также в письме сообщалось, что Объединенные Арабские Эмираты предложили Советскому Союзу гуманитарную помощь в объеме до 100 млн американских долларов, на 5 млн из которых уже объявлено о поставке продовольствия в СССР¹⁵.

Наконец, нельзя обойти вниманием два документа — от 5 и 13 ноября 1991 г., направленные Минэкономики в правительство: «О погашении внешнего долга СССР» и «Предложения об улучшении валютного положения страны». В первом из них отмечено, что «вопрос урегулирования внешней задолженности СССР... в условиях суверенитета республик» актуален и для каждого государства, и для мирового сообщества. Важнейшая проблема — «определить и согласовать между республиками критерии распределения внешнего долга между ними». Такая работа проводилась, но завершить ее на тот момент не удалось «из-за расхождения подходов со стороны различных республик». Однако «не позднее ноября» 1991 г. согласование документов необходимо было завершить, чтобы в 1992 г. «не произошло задержек в платежах по обслуживанию долга» и не были введены «встречные санкции со стороны кредиторов»¹⁶. Во втором документе дается характеристика «состояния внешнеэкономических связей и положения с валютными ресурсами в 1991 г.» и «прогнозные оценки на 1992 г.». На конец 1991 г. внешняя задолженность СССР составляла 49,3 млрд руб. (в том числе кредитная задолженность — 41,4 млрд руб.), задолженность перед бывшими соцстранами, расчеты с которыми осуществлялись по клирингу, — 17,3 млрд переводных рублей. Последнее требовало «дополнительного урегулирования»¹⁷.

Известно, что вторая половина 1991 г., по сути, стала критичным периодом существования СССР как единого государства. 6 сентября 1991 г. Госсовет СССР юридически признал выход из состава СССР Латвии, Литвы и Эстонии. На этом фоне интерес представляют несколько материалов периода с августа по октябрь 1991 г., связанных с прибалтийскими республиками: «Об экономических взаимоотношениях Союза ССР с Латвийской Республикой и Эстонской Республикой», «О Литовской ассоциации свободных предпринимателей» и «О союзной собственности в Эстонской Республике». Поручения по этим темам были даны Министерству экономики и прогнозирования СССР соответственно 11, 15 июля и 10 сентября 1991 г.

По первому сюжету Минэкономики СССР совместно с Минфином СССР и Госбанком СССР рассмотрело «проекты соглашений об экономических взаимоотношениях Союза ССР с Латвийской Республикой и Эстонской Республикой» и сообщало, что предложения этих республик «по передаче Госбанком СССР всех активов и пассивов республиканских банков Госбанка ССР банкам Латвии и Эстонии и отделению банковских систем этих республик от общесоюзной системы» могут быть реализованы «только в условиях выхода Латвии и Эстонии из состава СССР и их отказа от участия в едином экономическом пространстве». При этом позиции республик разнятся по вопросу участия в погашении внутреннего и внешнего долга СССР: Латвия отказывается, Эстония «предполагает участие». Отдельным абзацем говорится о постановке Латвией «вопросов о выплате пенсий пенсионерам Вооруженных сил СССР, МВД СССР, КГБ СССР, возмещения ущерба участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС за счет средств Союза ССР. Ввиду «отрицательного отношения» Латвии к участию в формировании союзного бюджета и внебюджетных фондов такая постановка вопроса представлялась союзному Министерству экономики неправомерной, ведь «право на пенсию для этих граждан обусловлено исполнением служебных обязанностей, связанных с общими интересами страны, и приобретено в тот период, когда вопрос о выходе из состава СССР республикой не ставился». В заключительной части документа Минэкономики подчеркивает, что представленные Латвией и Эстонией проекты соглашений «по существу являются проектами соглашений между правительствами суверенных государств», в связи с чем «до подписания Союзного договора» и завершения обсуждений между

делегациями Союза ССР, Латвии, Эстонии «по всему кругу политических, социальных и экономических вопросов» заключение соглашений «в настоящем их виде является нецелесообразным»¹⁸.

В ответ на обращение Литовской ассоциации свободных предпринимателей Минэкономики СССР с участием Минресурсов СССР и Минюста СССР сообщало, что ассоциация включена в перечень фондодержателей на 1992 г., лимиты ее «на производственно-эксплуатационные нужды и строительство выделяются по централизованно распределяемой номенклатуре продукции отраслей союзного и республиканского ведения». Указано, что «обеспечение продукцией животноводства и растениеводства войсковых частей Минобороны СССР и МВД СССР», которые расположены на территории Литвы, «производится за счет сдачи этой продукции Литовской Республикой в общесоюзный фонд». В случае реализации предложения ассоциации о поставке этим частям продукции непосредственно ассоциацией, рекомендовано установить прямые связи между ассоциацией и войсковыми частями¹⁹.

В заключение нельзя не отметить, что полноценное археографическое освоение тематического документального массива, частично охарактеризованного в данной статье, безусловно, обогатит наши, теперь уже исторические, представления об экономической, политической, социальной истории СССР на излете его существования.

Примечания

¹ Ясин Е. Г. Основные экономические процессы в 1991 г. // Российская экономика в 1991 году. Тенденции и перспективы. М. : Ин-т экон. политики, 1992. С. 6. URL: www.iep.ru (дата обращения: 04.05.2021).

² РГАЭ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 12. Л. 5, 6.

³ Там же. Л. 194.

⁴ Там же. Л. 248, 249.

⁵ Там же. Д. 13. Л. 1, 2.

⁶ Там же. Л. 107, 113.

⁷ Там же. Л. 198 ; Д. 16. Л. 230, 231.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 256.

¹⁰ Там же. Л. 218.

¹¹ Там же. Д. 17. Л. 30–34.

¹² Там же. Л. 130.

¹³ Там же. Д. 18. Л. 74, 75.

¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 43–48.

¹⁵ Там же. Д. 17. Л. 79, 80, 214 ; Д. 18. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 17. Л. 162–165.

¹⁷ Там же. Л. 218.

¹⁸ Там же. Д. 13. Л. 16–18.

¹⁹ Там же. Л. 136а, 137.

Часть V
Социальная история

К. В. Курченко, Н. В. Никитина

Организация системы призрения сирот в провинциальном российском городе в начале XIX века (по материалам РГИА и ГАСО)

Деятельность государства в сфере призрения детей-сирот в России началась только в конце XVIII в., в период правления Екатерины II. Открытие Московского воспитательного дома в 1763 г., в который принимались дети, оставшиеся без попечения взрослых, в возрасте до трех лет, дало толчок складыванию государственной системы попечения над ними. В провинциальных городах эта работа «легла на плечи» созданных в 1776 г. приказов общественного призрения, в компетенцию которых, помимо прочих вопросов, входило и установление надзора за воспитанием детей-сирот. Незаконнорожденные подкидыши и сироты до совершеннолетия поступали в учрежденные приказами «сиротопитательные дома», а затем становились свободными людьми. В конце XVIII в. судьбой детей-сирот активно занималась жена Павла I — Мария Федоровна. Она руководила Воспитательным обществом, а затем и воспитательными домами, которые создавались в том числе и в провинциальных городах.

С 1798 г. в Смоленске работало военно-сиротское отделение, которое занималось воспитанием детей солдат и нижних воинских чинов, оставшихся сиротами. Смоленский губернатор Лев Васильевич Третьяковский (1798–1800) в этом же году предложил открыть новое учебное заведение для содержания «сирот благородного поколения», то есть дворянских детей, оставшихся без попечения родителей. В своем письме от 25 февраля 1798 г. генерал-прокурору А. Б. Куракину губернатор убеждал столичные власти, что в ведении Смоленского приказа общественного призрения находились одни только народные училища («да и то в посредственном состоянии»), а доходы с капиталов этого государственного учреждения позволяли открыть еще одно благотворительное заведение в губернском центре, которое Лев Васильевич именовал «Дом под названием призрения ближнего». Губернатор предлагал расположить его в здании Главного народного училища, принимать в это учебное заведение 20 юношей и 10 девушек-сирот дворянского происхождения. Для руководства заведением «будет мною учреждена дирекция... и прочая, что нужным окажется», — писал далее губернатор. Однако император Павел I отказал в реализации этого начинания: заведение приюта «представить собственной воле дворянства без всякого предупреждения правительства»¹. Таким образом, первая попытка открыть сиротский приют в Смоленской губернии для попечения детей из дворянских фамилий оказалась неудачной по вполне прозаической причине — сказалось отсутствие финансирования со стороны государства и благотворительной поддержки от местных дворян.

Следующий смоленский гражданский губернатор Дмитрий Яковлевич Гедеонов (1802–1804), едва вступив в должность, инициировал открытие в Смоленске сиротопитательного дома для незаконнорожденных детей и сирот. В письме министру внутренних дел В. П. Кочубею в декабре 1802 г. он так объяснял причины своего начинания: «Усмотрел при самом вступлении моем в управление Высочайше вверенной мне губернией, что из предначертанных приказам общественного призрения человеколюбивых заведений ныне по здешнему месту двух самонужнейших, а именно для несчастнорожденных сиротопитательного дома, а для неимущих больных городской больницы не имеется. Хотя тогда же ревностей своей прилагал я попечение об изыскании средств к скорейшему учреждению оных, но по весьма ограниченному доходу здешнего приказа, донныне принужден я был останавливаться в само необходимо нужном»². Ныне же «к построению оных надежда на пособие со стороны благомыслящих особ, от благотворительности коих имеется уже в сборе до двух тысяч рублей, полагаю, что нужно ускорить учреждение столь нужных заведений...», — сообщал далее Гедеонов³. Кроме того, чистая прибыль приказа общественного призрения в Смоленской губернии составляла более 28 тыс. руб. в год, что позволяло выделять средства и на содержание сиротского приюта. Таким образом, Гедеонов предлагал не только использовать государственные средства, но и привлечь благотворительную поддержку для учреждения сиротопитательного дома в Смоленске.

Проект Гедеонова, который был составлен осенью 1802 г., предусматривал открытие сиротского приюта на 48 воспитанников обоего пола, а расположить детей предполагалось вместе с неимущими больными разных сословий в «одном деревянном на каменном фундаменте с нужными флигелями доме», но в отдельных покоях-отделениях⁴. В октябре 1802 г. были составлены план дома и смета его строительства, составившая 9978 руб. 82 коп.⁵ Ежегодное содержание приюта было рассчитано смоленским бау-адыютантом, артиллерии капитаном Швансбахом — 4134 руб. 23 коп. в год⁶.

Власть одобрила это начинание местной администрации. Министр внутренних дел В. П. Кочубей ответил губернатору Гедеонову в письме от 26 февраля 1803 г., что не находит препятствий к заведению сиротопитательного дома и больницы, «особливо предполагая, что при оном будут соблюдены все меры прочности и хозяйства»⁷.

Государство выделило на строительство корпуса для сиротского приюта и больницы средства из капитала приказа общественного призрения.

Губернатору Гедеонову удалось привлечь и благотворительные суммы: смоленские дворяне пожертвовали более 2,5 тыс. руб., причем Петр Пассек, Иван Барышников, Степан Храповицкий выделили по 500 руб., а император Александр I «за таковой человеколюбивый подвиг смоленских дворян изъявил им Высочайшее свое благоговение»⁸.

В документах Смоленского приказа общественного призрения того времени это учебное заведение часто фигурирует как военно-сиротское отделение, что не соответствует форме: контингент воспитательных домов составляли подкидыши из разных сословий, а военно-сиротских отделений — дети военных сословий (преимущественно военные кантонисты). Кроме того, военно-сиротские отделения находились в ведении военного министра, а воспитательные дома относились к Министерству внутренних дел. При этом военные кантонисты содержались в воспитательных домах за счет приказов общественного призрения. Путаница контингента воспитанников военно-сиротских отделений и воспитательных домов в провинции была явлением повсеместным.

Контингент воспитанников воспитательных домов достаточно быстро стал всесословным. К концу XVIII в. бедность заставляла и представителей привилегированных социальных групп отказываться от своих сословных предрассудков и искать возможности для устройства детей, их содержания и образования. Указами 1798, 1800 и 1801 гг. разрешалось принимать в отделения сиротских домов детей дворян, штаб и обер-офицеров⁹.

Первоначально воспитательный дом не имел своих помещений и использовал арендованные здания. Но 9 июля 1803 г. в окрестностях Смоленска, «за шлагбаумом по Киевской дороге» (за Молоховскими воротами), был заложен дом для «несчастнорожденных и бедных воспитанников», получивший в Смоленске название «сиропитательный дом», располагавшийся в одном здании с городской больницей¹⁰. После окончания официальной церемонии, на которой присутствовали губернатор, генерал-аудитор князь Салагов, смоленский епископ Дмитрий Устимович и все смоленское просвещенное общество, был дан обед для 250 «бедных и увечных смолян»¹¹.

Сиропитательный дом вместе с городской больницей был построен в 1804 г. губернским архитектором Михаилом Никифоровичем Слепневым. Это было двухэтажное деревянное строение на каменном фундаменте, окруженное обширной территорией, на которой разместились разные службы (чулан, кухня детская, амбар, сарай, конюшня, баня, «нужные места»). Все строения воспитательного дома занимали значительную площадь между домовладениями помещиц Корсаковой и Друцкой-Соколинской, мещанина Максима Беликова.

Сироты помещались в главном здании в девяти комнатах-спальнях, также здесь было не-

сколько классных комнат, общая зала, помещения для надзирателей¹². Особо следует упомянуть, что незаконнорожденных младенцев принимали в приют тайно, через отдельное окно, для этого имелся «переулок для приносу детей». О таком способе помещения младенцев в октябре 1810 г. смоленский гражданский губернатор Казимир Иванович Аш писал в рапорте министру внутренних дел: «Виновницы бытия такого несчастного принюхают к дому приставникам — оставляет его и уходит... По цели его (приказа общественного призрения. — *Авт.*) утверждения и по самому человеколюбию не может отказывать в призрении тем слабым жертвам, коих жестокосердные и развратные матери бросают на улицах»¹³.

Штат служащих состоял из смотрителя (Антон Антонович Радуцкий в 1804–1823 гг.), надзирателя из дворян, учителя, учительницы, 18 кормилиц, 2 сторожей¹⁴. На содержание воспитательного дома приказ общественного призрения отпускал более 2 тыс. руб. в год, в 1810 г. содержание было увеличено почти в два раза. Однако государственных средств и денег, выделяемых Смоленской городской думой, катастрофически не хватало, поэтому руководство приказа изыскивало возможности для пополнения денежных сумм воспитательного дома за счет благотворителей.

Медикаменты для детей поставлял вольный аптекарь Эммануил Богданович Мего¹⁵. Медицинские услуги оказывали врачи располагавшейся рядом городской больницы. Несмотря на их усилия, детская смертность в приюте была ужасающей. Метрические книги окрестных церквей свидетельствуют, что в 1807 г. умерли 65, в 1809 г. — 80, в 1810 г. — более 80, в 1817 г. — 116, в 1822 г. — 128 младенцев и детей старшего возраста¹⁶.

Девочек учили грамоте, чтению и письму, а также шитью, вышиванию и вязанию чулок. Мальчики обучались началам российской грамматики и арифметике, поэтому в дальнейшем их передавали в военно-сиротское отделение¹⁷.

Хотя проект Смоленского воспитательного дома был рассчитан на содержание 25 детей, оставшихся без попечения родителей и родственников, уже в 1808–1809 гг. в нем воспитывались от 48 до 54 ребенка (33 мальчика и 21 девочка), в октябре 1810 г. — 59 детей, а в 1811 г. — 66 питомцев¹⁸.

В 1808 г. в Смоленске задумались о строительстве нового здания для воспитательного дома, кроме того, предполагалось, что сироты-младенцы останутся в существующем доме, а старших переведут в другое помещение. С этим предложением губернатор К. И. Аш обратился к правительству. В мае 1809 г. Министерство внутренних дел ответило согласием и приняло решение «завести в Смоленске сиротский дом» для питомцев старшего возраста¹⁹.

К сентябрю 1809 г. план сиротского дома на 100 человек был разработан смоленскими властями. Проект и смету на строительство подготовили

губернский архитектор М. Н. Слепнев, полицмейстер Дмитрий Сверчков и городской голова купец Климент Савельев, требуемая сумма составила 49 596 руб. 37,5 коп.²⁰ Хотя члены Смоленского приказа общественного призрения решили, что дом на сто воспитанников городу не нужен (такое количество воспитанников «непомерно велико»), было определено место под строительство нового каменного двухэтажного здания для размещения приюта (в центре Смоленска, за Ильинской церковью)²¹.

В октябре 1809 г. подготовленный проект был отправлен в Министерство внутренних дел на согласование²². Однако дело застопорилось, вероятно, из-за значительной стоимости строительства. В 1811 г. смоленские власти сократили число предполагаемых воспитанников до 30 человек и разработали новый проект²³. Но министр первоначально отклонил это предложение, написав: «Никакой надобности не предвидится уничтожить сие заведение, когда оно существует с пользой с 1803 года»²⁴. Но необходимость новых собственных помещений для сирот была очевидна, поскольку их численность постоянно росла. 11 августа 1811 г. после длительных согласований министр полиции А. Д. Балашов подписал план отвода земель под строительство воспитательного дома и его проект²⁵.

Перед Отечественной войной новое просторное двухэтажное каменное здание приюта и двухэтажный деревянный дом со службами (в том числе кухня с пекарней) были выстроены на отведенном казной месте — в центре города, в Ильинском приходе²⁶.

Неудачная попытка открыть приют в уездном городе Смоленской губернии была предпринята в 1806 г. Бельский купец, итальянский подданный Степан Иванович Фивизио и губернский секретарь Иван Никифорович Жилинский пожертвовали векселей и расписок на 1223 руб., которые им давали с 1793 г. на заведение в г. Белом не только сиропитательного дома, но и больницы. Отчаявшись вернуть долги, Фивизио и Жилинский отдали дело в руки власти, отослав бумаги военному губернатору С. С. Апраксину через посредничество бельского городничего Михаила Андреевича Адамовича. Когда в 1827 г. сын одного из благотворителей, Иван Степанович Фивизио, потребовал вернуть из проданных имений должников своего покойного отца 140 руб., ему было отказано под тем предлогом, что эти деньги были пожертвованы и истрачены. Однако бельский приют так и не был открыт (сказался недостаток средств и отсутствие инициативы местных властей), а вот больница в Белом была учреждена.

Не реализовался еще один проект, задуманный губернатором Д. Я. Геденовым в том же 1806 г. Побывав с делегацией смоленских дворян в Мариинском женском институте в Санкт-Петербурге, он «восхитился всем там увиденным» и вознамерился учредить подобное учебное заведение для дворянских девочек-сирот в Смоленске²⁷. Заручившись поддержкой губернского предво-

дителя дворянства Сергея Ивановича Лесли, Геденов поручил ему найти подходящее место в губернском центре для постройки здания этого воспитательного заведения: «Между тем без огласки в прогулках Ваших по городу изберите место к замещению того института»²⁸. Пытаясь разбудить инициативу дворянства, Геденов из собственных средств выделил 1000 руб. для содержания пяти воспитанниц, наказав и потомкам своим жертвовать на это «человеколюбивое» дело. Но смоленское дворянство не поддержало этот проект ввиду недостатка свободных капиталов.

В начале Отечественной войны 1812 г. воспитанников на обывательских подводах «при наблюдении того спокойствия для воспитанников, какое лишь при сем случае найдено» эвакуировали в Тверь, а затем в Кострому. С ними находились только смотритель Радуцкий с женой Аграфеной и кормилицы младенцев.

Здание воспитательного дома в период войны серьезно пострадало от огня, было разграблено все его имущество. Казна предпринимала усилия для восстановления здания приюта, но средств на это выделялось немного, восстановление затянулось. Поэтому в Смоленск воспитанники вернулись только в 1816 г. А в 1834 г. в результате реформирования системы социального призрения воспитательный дом в Смоленске был закрыт. С уверенностью можно констатировать, что до середины 1830-х гг. он оставался единственным воспитательным заведением системы социального призрения сирот в Смоленской губернии.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2, 4 об.

² Там же. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 131. Л. 531.

³ Там же. Л. 532.

⁴ Там же. Л. 532 об.

⁵ Там же. Л. 534.

⁶ Там же. Л. 535–537.

⁷ Там же. С. 541.

⁸ Там же. Л. 544–546.

⁹ ПСЗРИ. Т. 28. № 21945 (1805 г.). СПб., 1901. С. 1288.

¹⁰ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

¹¹ Мурзакевич Н. А. История города Смоленска. Смоленск : Свиток, 2008. Л. 124–125.

¹² РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 571. Л. 81.

¹³ Там же. Л. 67.

¹⁴ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 7.

¹⁶ Там же. Ф. 48. Оп. 5. Д. 352; там же. Д. 414.

¹⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 5 об. ; РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 571. Л. 10, 49 об., 81, 351.

¹⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 571. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 17, 21–26.

²¹ Там же. Л. 27–29.

²² Там же. Д. 585.

²³ Там же. Д. 571. Л. 88 ; Д. 990. Л. 351 об.

²⁴ Там же. Д. 571. Л. 91.

²⁵ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 10.

²⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 990. Л. 357 ; ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

²⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 321.

²⁸ Там же. Л. 210.

Н. А. Алексеев

К истории организации медицинской службы Оренбургского казачьего войска в XIX веке

Медицинская помощь населению Российской империи изначально развивалась в нескольких направлениях — прежде всего обслуживала военное ведомство, затем постепенно распространялась и на гражданское население. И то и другое направления, совершенствуясь в течение XIX в., в организационном плане дробились на медицинские службы различных ведомств и контингентов. Военная медицинская служба делилась на подразделения по обеспечению медпомощью регулярных и иррегулярных войск, сухопутных и военно-морских сил. В гражданском ведомстве выделялась сельская медицина, тюремная, школьная; существовала медицинская служба частных горных заводов, приисков, железной дороги.

Медицина казачьих войск развивалась, отпочковавшись от военной, и стала самостоятельной к середине XIX в. Особенность ее заключалась в том, что медицинским обслуживанием охватывались не только сами казаки, но и члены их семей.

Ниже приводится краткая история развития медицинской службы Оренбургского казачьего войска (ОКВ). До настоящего времени эта тема в многочисленных исследованиях по Оренбургскому казачьему войску практически не освещалась.

Оренбургское казачье войско было сформировано по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1748 г. на территории Оренбургской губернии как Оренбургский нерегулярный корпус. С 1755 г. казаки несли службу на Оренбургской линии, подчинялись оренбургскому военному губернатору, с 1882 г. — командующему Казанским военным округом. С 1798 г. территория ОКВ делилась на пять кантонов и Оренбургский неперменный полк, с 1840 г. — на десять полковых округов, с 1867 г. — на три отдела (Верхнеуральский, Оренбургский и Троицкий), в 1917 г. добавился Челябинский отдел¹.

В организации медицинских служб военного и гражданского ведомств, в том числе казачьих войск, во взаимодействии их изначально наблюдалось довольно много противоречий.

Ситуация, складывавшаяся в управлении военной медициной в Российской империи, подробно изложена 4 августа 1805 г. в докладе министра внутренних дел Виктора Павловича Кочубея «О преобразовании Медицинской части по армии и флоту». Он писал: «Медицинское управление имеет целью сохранение человеческого здоровья. Сей предмет заключает как предупреждение, так и пользование болезней. Единство цели требует единства управляющей власти; но в теперешнем Медицинском управлении оно нарушено во многих отношениях».

Расходование средств на лечение больных контролировалось Министерством внутренних

дел, при этом ассигнования шли через военные департаменты. Управление всеми медицинскими делами на местах, в том числе назначение, увольнение, награждение медиков воинских частей, осуществлялось через врачебные управы, относящиеся к гражданскому ведомству, нередко без согласования с воинскими начальниками. Врачебные управы не всегда справлялись с объемом работы как по гражданской, так и по военной части. В. П. Кочубей в своем докладе отмечал: «Разделение управляющей власти по предметам, к одной цели стремящимся, а потому в ближайшей связи между собою состоящим и одинакового действия требующим, есть причина несообразностей в следствиях; повод к вредным несогласиям и неповиновениям, к медленности и запутанностям, которые не престают почти на каждом шагу встречаться в настоящем управлении...» Он предложил центральное управление военной медициной передать военным департаментам (сухопутному и морскому). В прилагавшем к докладу положении по управлению медициной были расписаны штаты как управляющих органов, так и непосредственно медиков в воинских частях. В каждом пехотном полку предлагалось иметь лекарей по числу батальонов (а именно трех лекарей на батальон: одного старшего и двух младших) и трех фельдшеров; в кавалерийских частях предлагалось содержать двух лекарей и двух фельдшеров². Ранее в регулярных полках по штату был положен один лекарь и подлекарь. После упразднения в 1797 г. специальности подлекаря взамен их в штат вводились фельдшеры.

Но изменения в управлении медициной произошли не скоро. Мешали нехватка врачей, недостаток больничных коек.

Непростая ситуация с медицинским обслуживанием воинских частей, казаков, гражданского населения складывалась и в Оренбургской губернии.

25 апреля 1809 г. военный министр обратился к императору Александру I с докладом, который имел довольно длинное название: «Об обращении оренбургского госпиталя, из губернских доходов содержимого, в военное ведомство; о распространении его на 300 человек больных и об определении в оный медицинских чиновников по примеру штата Георгиевского госпиталя, 4 августа 1805 года Высочайше утвержденного». Доклад опирался на рапорт оренбургского военного губернатора Волконского от 8 июля 1808 г., в котором тот доносил, что в Оренбурге имеется только два лазарета, принадлежащих Рыльскому мушкетерскому и Оренбургскому гарнизонному полкам. При последнем был развернут лазарет на 60 человек: для артиллерийской, инженерной и других проходящих воинских команд, для

арестантов и рекрутов, не определенных в полки. Кроме того, имелся госпиталь, содержащийся на губернские доходы, в который поступали и военные чины. Но госпиталь и лазарет были «весьма недостаточны для пособия больным»: «Из того выходит, что полки Оренбургский казачий и два Тептярские, находясь всегда на службе и не имея при себе ни лекарей, ни медикаментов, оставляют больных своих без успокоения и пользования, какие требуются для восстановления здоровья их. А хотя и отправляют некоторых в госпиталь губернский, но и в нем не могут они получить нужной помощи по недостаточному положению суммы на оный и медицинских чинов, коих состоит только два человека и кои по своему званию должны еще отлучаться в разные места, да и обязанность пользоваться людей военных не есть для них совершенно определена. Ставропольского войска калмыки, крепостные войска Оренбургского казаки, башкирцы и мещеряки, ежегодно к Оренбургу и окрестностям на линию прибывающие, вовсе уже остаются без пользования в болезнях».

Губернатор предлагал увеличить мощность госпиталя до 300 мест, штат в нем определить по примеру Георгиевского госпиталя в следующем составе: дивизионный доктор, старший лекарь, два младших лекаря, четыре фельдшера, гезель, два аптекарских ученика. При необходимости следовало привлекать лекарей и фельдшеров из полков. Предполагалось, что в госпитале будут лечиться в том числе и казаки из ОКВ, Тептярского, Мещеряцкого кантонов. Доклад был утвержден³.

После утверждения доклада изменения происходили постепенно. В течение последующих нескольких лет медицинская служба ОКВ постепенно отпочковалась от военной медицины и сформировалась как самостоятельная.

Организационная структура ОКВ строилась на примере Донского казачьего войска, включая обеспечение медицинской помощью в мирное и военное время. В соответствии с этим в казачьем полку и артиллерийской батарее появилось по одному лекарю и лекарскому ученику⁴.

В 1836 г. в 1-м Оренбургском казачьем полку на службе состоял штаб-лекарь Иван Алексеевич Благодатов. В конно-казачьей артиллерийской бригаде при легкой батарее № 9 — лекарь Сергей Иванович Скачков. В каждом из одиннадцати линейных батальонов регулярных войск состояли на службе лекари⁵.

Особую роль сыграло, в том числе и в упорядочении медицинской помощи казачьему населению, положение об ОКВ от 12 декабря 1840 г., в соответствии с которым регламентировалась практически вся жизнь войска. Положение четко определяло границы войска, которому отводились территории Троицкого и Верхнеуральского, а также значительная часть Челябинского, Орского и Оренбургского уездов⁶.

В положении указывалось: «§ 1. Для водворения Оренбургского казачьего войска опреде-

ляются: 1) Земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границы Сибири до пределов Уральского казачьего войска, в глубину линии не менее пятнадцати верст. 2) Часть казенных земель прилинейных уездов: Челябинского, Троицкого и Оренбургского, которые для избежания чрезполосицы причисляются, в определенных выше границах, к войсковым вместе с поступающими в войско живущими на них крестьянами. 3) Земли Илецкого района. 4) Земли, заключающиеся между новою и старою линиями, в прирезанном от киргизской степи участке. 5) Земли Переволоцкой защиты <...> § 5. По виду военного состава войска, способу поземельного доводства и самому образу управления все земли Оренбургского казачьего войска, сим положением определяемые, делятся, соответственно числу водворяемых полков, на десять полковых округов, составляющих два военных округа...» Кроме того, в состав ОКВ входила конно-артиллерийская бригада⁷.

Численность казачьих войск в течение XIX в. постоянно возрастала. В 1825 г. войсковое население превышало 56 тыс. человек обоего пола. Увеличение происходило за счет казенных крестьян, отставных солдат, башкир, киргизов, казахов, пленных поляков и др.⁸ В 1856 г. войсковое население составляло уже почти 200 тыс. человек, к 1895 г. — более 300 тыс.⁹

Деление на десять полковых округов предопределило впоследствии организацию медицинской помощи казакам путем деления территории ОКВ на десять медицинских участков. Для управления медициной ОКВ в составе войскового управления «Положением» учреждалась войсковая врачебная управа¹⁰. В состав врачебной управы ОКВ под управлением корпусного штаб-доктора отдельного Оренбургского корпуса определялся старший лекарь с положенным по штату числом лекарей и аптекарских учеников, а именно: корпусной штаб-доктор, старший лекарь, три младших лекаря, три старших и три младших аптекарских ученика. Обязанности войсковой врачебной управы были такими же, как и обязанности управ гражданского ведомства (губернские врачебные управы)¹¹. Фактически врачебный инспектор, возглавлявший губернскую врачебную управу, совмещал свою должность с должностью старшего доктора ОКВ¹².

Как было отмечено в «Положении», находясь на полевой службе и в походе, большие офицеры и нижние чины (рядовые) поступали в военные госпитали и городские больницы и лечились за счет казны. Лекарства для них отпускались из полковых и местных казенных аптек бесплатно¹³.

1 октября 1842 г. для обеспечения фельдшерами Оренбургского, Уральского, Башкиро-мещеряцкого и Калмыцкого казачьих войск при Оренбургском военном госпитале была учреждена фельдшерская школа. На обучение принимали только мальчиков, которые по окончании школы работали фельдшерами в казачьих войсках. Первый выпуск составил 18 человек¹⁴.

Башкиро-мещерякское войско имело своих врачей и фельдшеров. В 1851 г. к двум имеющимся в войске лекарям добавили еще двух с жалованьем в 342 руб. 85 $\frac{3}{4}$ коп. в год плюс 171 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп. на разъезды. Поскольку медиков стало четыре, войско разделили на четыре участка, в каждый из которых входили от двух до пяти башкирских и мещерякских кантонов. На дополнительные вакансии были определены лекарь Садык Нигматуллин и окончивший курс в Казанском университете мещеряк Мухамет Сафу Юсупов¹⁵.

Во врачебной управе ОКВ в 1851 г. состояли: старший лекарь — надворный советник Михаил Иванович Малеев; младшие лекари — штаб-лекарь коллежский советник Петр Андреевич Чупригин и титулярные советники Витмян и Антон Иосифович Сикорский. Последний после отставки заведовал башкирской больницей в Челябинске. Врачом 4, 5, 6 и 10-го полковых округов состоял титулярный советник Дементий Карлович Жамбони. В остальных округах должности врачей были вакантными¹⁶. Лекарем конно-артиллерийской бригады ОКВ и 19-й батареи служил Николай Михайлович Васильев, лекарем 17-й батареи — Николай Васильевич Щепин, лекарем 18-й батареи — титулярный советник Беляев¹⁷.

В эти годы параллельно с военной формировалась и медицина для сельского населения. В декабре 1868 г. Государственным Советом было утверждено положение об устройстве сельской врачебной части в селениях тех губерний, где не действовало положение о земских учреждениях. К таким губерниям относилась и Оренбургская. Для врачебной помощи сельскому населению в

каждый уезд назначались: один сельский врач, по одному фельдшеру на участок, имеющий до 7000 жителей, и по три повивальных бабки на уезд¹⁸. К концу XIX в. в Оренбургской губернии было сформировано десять сельских медицинских участков. Одновременно в Оренбургской и Уфимской губерниях учреждались медицинские участки для башкирского населения. В Оренбургской губернии было организовано три таких участка¹⁹.

Таким образом, к концу века в Оренбургской губернии сформировалось несколько категорий медицинских работников: городские и уездные врачи, сельские врачи, врачи башкирского населения, врачи казачьего войска, военные врачи. К 1868 г. все десять медицинских участков ОКВ были укомплектованы врачами. Медицинские участки были причислены к уездным городам.

В 1868 г. в должности губернского врачебного инспектора и старшего доктора ОКВ состоял надворный советник Иван Александрович Михайлов.

Челябинск был центром 9-го медицинского участка ОКВ. Врачом на этом участке в течение многих лет (1865–1892) служил Андрей Александрович Вятковский. После смерти Вятковского участком заведовал Алексей Стефанович Арнольдов, затем Павел Александрович Агапов.

К началу 1870-х гг. медицинские участки казачьего войска при дефиците врачей по отношению к утвержденным штатам в целом по губернии были неплохо укомплектованы медицинскими кадрами, в том числе фельдшерами²¹. Но иногда должности участковых врачей какой-то период времени оставались вакантными.

Участковые врачи Оренбургского казачьего войска²⁰

Город, воинское формирование	Участок	Медицинский работник
Оренбург	1-й Нижнеозерный	Медико-ветеринар титулярный советник Кузьма Николаевич Калачев
	2-й Оренбургский	Лекарь Адольф Иванович Янковский
Орск	3-й Верхнеозерный	Лекарь коллежский асессор Леонид Клементьевич Довгилович
	4-й Орский	Лекарь Лев Францевич Анцута
Верхнеуральск	5-й Верхнеуральский	Фридрих Андреевич Гадмер
Троицк	6-й Уйский	Лекарь надворный советник Дмитрий Иванович Виноградов
	7-й Михайловский	Лекарь коллежский асессор Иосиф Доминикович Шумский
	8-й Кундравинский	Лекарь Василий Герасимович Преображенский
Челябинск	9-й (Челябинск)	Лекарь титулярный советник Андрей Александрович Вятковский
	10-й (ст. Усть-Уйская)	Лекарь Валериан Иосифович Слободзинский
Конно-артиллерийская бригада	—	Лекарь коллежский асессор Иван Григорьевич Янушевич
Пешие батальоны	№ 1	Лекарь Лейзар Лезенович Гарштейн
	№ 5	Лекарь Михаил Александрович Светлосанов
	№ 7	Лекарь Василий Разумихин

Обширный круг обязанностей врачей казачьего войска, большое количество прикрепленного населения, длинные расстояния между станицами не позволяли оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся в ней. В отчете об ОКВ за 1895 г. в разделе о народном здравии указывалось: «Для пользования больных лиц войскового сословия войско не имеет своих лечебных заведений, и потому заболевающие пользуются в лазаретах и больницах военного и гражданского ведомств, находящихся в Оренбургской губернии, с платою за содержание и лечение лиц мужского пола, по ежегодно утверждаемым Министром внутренних дел таксам, из сумм войскового капитала, а за содержание и лечение женщин — из их собственности, при несостоятельности же их — из общественных сумм».

Медицинских и ветеринарных фельдшеров по штату не предусматривалось. Первые имелись по одному-двум в каждой станице войск и получали содержание из войсковых сумм. Повивальных бабок по штату иметь было не положено, но вместо них состояли пять повивальных учениц.

Потребность местного населения в медикаментах удовлетворяли аптечки, устроенные при приемных покоях в местах постоянного пребывания участковых врачей и вольные аптеки и аптекарские магазины, имеющиеся в Оренбурге, Орске, Верхнеуральске, Троицке и Челябинске. Туда весьма нередко, помимо приобретения медикаментов, население, живущее в станицах и поселках, расположенных вблизи названных городов, обращалось за медицинской помощью к состоящим в этих городах на действительной службе и вольнопрактикующим врачам.

В 1895 г. для оказания медицинской помощи казачьему населению и санитарного надзора, кроме врачей, имелось 53 фельдшера и фельдшерлиц, пять повивальных учениц. На одного врача приходилось по 36 223 человека собственно войскового сословия, на одного фельдшера — 6534 человека, на одну повивальную ученицу — 36 799 женщин. В отчете указывалось, что состоявшее в войске число лиц медицинского персонала далеко не соответствовало числу проживающего в войске населения.

Врачи медицинских участков несли довольно большую нагрузку: «Помимо исполнения своих прямых обязанностей по поданию населению медицинской помощи участковые врачи привлекаются то в лагерные учебные сборы, то к частным и различным освидетельствованиям казаков, как, например, в станицах при зачислении в служилый состав, при перечислении из приговоренного разряда в строевой, при выкомандировании на службу со сборных пунктов, по прибытии команд на льготу на распускных пунктах и по разным случаям военной службы при управлениях отделов». Кроме того, те же врачи несли обязанности по судебномедицинской и судебно-полицейской части, при исполнении которой ими составлялось ежегодно свыше ста судебно-медицинских актов и свидетельствовалося до

тридцати и более мертвых тел. «Все это, вместе взятое, служит красноречивым подтверждением ничтожной услуги врачей населению войска в смысле подачи ему медицинской помощи, которой население пользуется частью при приемных покоях при квартирах врачей, а частью при случайных проездах врачей через станицу или поселок. Весною же и осенью, когда наступает полное бездорожье и прекращается сообщение иногда даже между ближайшими поселками, населению приходится довольствоваться исключительно домашними средствами или помощью фельдшеров и местных знахарей. В еще худшем положении находится в войске повивальное дело: на 207 780 женщин имеется только 5 повивальных учениц, почему женское население, можно сказать, всецело отдано в распоряжение ничего не знающих, грубых и невежественных местных повитух, губящих своими приемами массу женщин и детей»²².

Вместе с тем при всех имеющихся проблемах медицинская служба в ОКВ продолжала совершенствоваться. В 1913 г. на средства казачьего общества в Челябинске была построена первая больница для казачьего населения (Романовская).

В советское время медицинская служба ОКВ была ликвидирована, впрочем, как и войско. Сохранился только принцип деления территорий и населения на медицинские участки, принятый на вооружение земством, а впоследствии и советской медициной.

Примечания

¹ URL: <http://rus.bashenc.ru/index.php/prosmotr/2-statya/15218-orenburgskoe-kazache-vojsko>.

² ПСЗ-I. Т. 28. № 21866. С. 1153–1165.

³ Там же. Т. 30. № 23606. С. 928–931.

⁴ ПСЗ-II Т. 10. № 8163. С. 520.

⁵ Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений. Оренбург : В тип. штаба Оренбург. отд. корпуса, 1836. С. 15, 16, 19–23.

⁶ URL: <https://zema.su/blog/istoriya-orenburgskogo-kazachego-vojska>.

⁷ ПСЗ-II. Т. 15. № 14041. С. 797, 798.

⁸ URL: <https://maxpark.com/community/8238/content/7131799>.

⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оренбургские_казаки.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 15. № 14041. С. 821.

¹¹ Там же. С. 825 ; Приложение. С. 705.

¹² Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год. Оренбург, 1867. С. 27 ; Справочная книжка Оренбургской губернии на 1869 год. Оренбург, 1868. С. 37 ; Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1888 год. Оренбург, 1887. С. 3 ; Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в правительственных и общественных учреждениях Оренбургской губернии на 1891 год. Оренбург, 1890. С. 3.

¹³ ПСЗ-II. Т. 15. № 14041. С. 819.

¹⁴ URL: <http://gaoyspoomk.narod.ru/istspr.html>.

¹⁵ ПСЗ-II. Т. 26. № 24985. С. 159.

¹⁶ Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1851 год. Уфа, 1850. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 61, 65.

¹⁸ ПСЗ-II. Т. 43. № 46590. С. 560.

¹⁹ Там же. Т. 45. № 48272. С. 505.

²⁰ Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1868 год. С. 71, 94.

²¹ Обзор Оренбургской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора за 1870 г., 1871 г., 1876 г.

²² Всеподданнейший отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год : в 2 ч. Ч. 2: Часть гражданская. Оренбург, 1896. С. 58.

И. В. Сибиряков

Дореволюционная «интеллектуальная миграция» на Южном Урале (челябинские медики в XIX — начале XX века)*

Понятие «интеллектуальная миграция» вошло в отечественный научный дискурс только во второй половине XX в. Первоначально его использовали при изучении трансграничных перемещений значимых социальных групп населения, в основном занятых интеллектуальным трудом¹. Практика применения этого понятия для изучения миграционных процессов внутри отдельных государств пока носит очень ограниченный характер². Еще меньше работ, где феномен «интеллектуальной миграции» исследуется на локальном конкретно историческом материале³. На наш взгляд, такие исследования могли бы быть очень полезны не только с точки зрения получения нового фактического материала, связанного с историей отечественной интеллигенции и других групп населения, но и с точки зрения научного анализа многих важных явлений, повлиявших на развитие науки, культуры, государства в целом (в первую очередь речь идет о формировании социокультурной среды в провинциальных центрах дореволюционной России).

Южный Урал, с точки зрения изучения феномена «интеллектуальной миграции» в дореволюционной России, по нашему мнению, представляет большой интерес. Он связан в первую очередь с особенностями развития этого региона (отсутствие высших учебных заведений, стремительный рост численности населения в силу развития транспортных коммуникаций, интенсивное проникновение различных культурных традиций и т. д.), которые во многом определили скорость и направления социальных трансформаций, происходивших здесь на рубеже веков и очень важных для понимания политических процессов, протекавших как на отдельных территориях, так и в Российской империи в целом. С другой стороны, роль отечественной интеллигенции в жизни российской дореволюционной провинции сегодня оценивается многими учеными почти противоположно, что заметно увеличивает значимость тех исследований, в которых используются различные методы и данные, позволяющие подкрепить или опровергнуть результаты, полученные путем дискурса-анализа.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)».

Начальная дата исследования (1828) определена созданием в Челябинске городской больницы, работа которой требовала постоянных медицинских кадров высокой профессиональной квалификации. Конечная дата (1917) определена революционными событиями, что привели к радикальному изменению почти всех сторон жизни Российского государства, в том числе и организации медицинской помощи населению Челябинска.

Выбор в качестве объекта исследования основных траекторий перемещения именно медицинских работников дореволюционного Челябинска объясняется двумя главными факторами: интеллектуальным характером труда врачей и возможностью зафиксировать эти перемещения с помощью доступных исторических источников.

Многие сюжеты истории развития медицины в дореволюционном Челябинске были освещены в прекрасной книге Н. А. Алексеева «Возращение из небытия», которая составляет фундамент формирующейся в последнее время историографии исследуемой темы⁴. Для работы активно использовалась авторская база данных «Медики дореволюционного Челябинска», применение которой (наряду с анализом доступных исторических источников) позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, медицинское сообщество (в первую очередь врачи) были важной частью интеллектуальной элиты провинциальных дореволюционных городов во многих регионах Российской империи, в том числе и на Южном Урале. Врачи занимали особое место в рядах формирующейся отечественной интеллигенции, совмещая выполнение значимой социальной миссии по оказанию медицинской помощи населению с функцией формирования, сохранения и развития новых культурных традиций.

При этом собственных учебных заведений, способных подготовить врачей самой высокой профессиональной квалификации во многих регионах российской империи не было, что делало процесс интеллектуальной миграции в границах империи неизбежным.

Чаще других в дореволюционном Челябинске оказывались врачи, получившие высшее образование в университете Казани, но были среди челябинских врачей и выпускники Московского и Харьковского университетов. Медицинские факультеты этих университетов формировали не только профессиональные компетенции у будущих

врачей, но и систему ценностей, игравшую важную роль в выборе дальнейших жизненных стратегий южноуральских медиков. Можно предположить, что географическая близость Челябинска и Казани во многом и определила большее количество выпускников казанского университета среди челябинских врачей. Часть из них оказалась в Челябинске по решению государственных органов, которые таким образом пытались решить кадровую проблему, обострившуюся на Южном Урале на рубеже веков. Часть приехали добровольно. Прокладка через Челябинск знаменитой Транссибирской железной дороги привела в город новые финансовые и людские потоки. Если в 1884 г. в городе проживали всего 7440 человек, то в 1897 г. его население составляло уже 19 998 человек, а в 1905 г. — 35 494, в 1907 г. — 55 615, в 1909 г. — 61 884, в 1916 г. — 67 304 человек⁵.

Потребность в оказании медицинской помощи населению выросла в несколько раз, стимулировав создание новых медицинских учреждений и приток в город медицинских кадров из других регионов страны, из других уездов и городов Оренбургской губернии.

После революции 1905–1907 гг. в городской больнице Челябинска, которая располагалась на Уфимском тракте, работали: врач Э. Г. Циммерман, фельдшеры К. П. Петров, К. Я. Водиллов, И. Д. Иванов, Л. С. Ильичева, акушерка Р. С. Гольдберг, сестра милосердия М. В. Петрова. Смотрителем больницы был И. И. Деев, счетоводом — С. И. Иванов. При этом в городской амбулатории, которая располагалась на Хлебной площади, работали врач И. С. Коган и фельдшер А. И. Дмитриева. На ул. Исетской в доме Павлова располагалась зубная лечебница Рабиновича. Частную врачебную практику вели врачи П. А. Агапов, А. Ф. Бейвель, И. И. Воронцов, А. М. Киркель, И. С. Коган, Н. Л. Лебединский, С. Е. Мазин, Э. Г. Циммерман, Н. М. Шефтель. В качестве зубных врачей работали А. С. Гауэр, И. Е. Рабинович, Л. С. Снисаренко и «г-жа Либединская». Кроме того, в путеводителе по городу упомянуты десять акушерок, один ветеринар, две аптеки и два аптекарских магазина, городская оспопрививательница. Таким образом, общая численность медицинского сообщества Челябинска в этот период может быть приблизительно оценена (если включать сюда в первую очередь врачей и фельдшеров) в 19 человек⁶.

Во-вторых, обращает на себя внимание высокий процент врачей, которые покинули Челябинск до завершения своей профессиональной карьеры. По нашим подсчетам, в дореволюционный период на отдельных этапах он мог составлять до 75 %. Такая динамика свидетельствует о существовании целого комплекса проблем в развитии медицины в дореволюционном Челябинске, главными из которых были недостаточный, с точки зрения врачей, уровень оплаты труда и условия работы. Именно поиск более достойных условий труда часто выступал одним из главных мотивов перемещения медицинских работников

по стране. С другой стороны, особенно на рубеже XIX–XX вв. по мере развития в Челябинске промышленности, торговли, системы образования число врачей, стремившихся получить работу в Челябинске, стало расти. Об этом убедительно свидетельствует ситуация, которая сложилась в 1900 г. после увольнения А. Ф. Бейвеля с должности заведующего городской больницей. Челябинская городская управа после его заявления сообщила «о свободной вакансии врача, заведующего местною городскою больницею» и попросила «желающих занять эту вакансию подать в Управу до 25 августа письменные заявления, с приложением надлежащих документов». Жалования врачу было назначено 1200 руб. в год⁷. Объявления были размещены в газетах, которые издавались в Самаре, Оренбурге и Екатеринбурге. Показательно, что в адрес управы в указанный срок поступило десять заявлений⁸. Среди них были заявления от врача Красноуфимского земства М. Г. Циммермана, и. о. земского врача 2-го участка Спасского уезда Казанской губернии М. Бакина, заведующего земской больницей г. Бирска Я. Левуцкого, врача Белорецкого завода А. Г. Эрдмана, врача Кагинского и Узенского заводов «Вогау и К^о» А. К. Новицкого, земского врача в Симском заводе В. П. Просвирина, земского врача из Москвы Е. С. Таля, сельского врача 9-го участка Оренбургской губернии А. Штернберга, а так же от А. Н. Позднякова из Орска и В. В. Васильева из Екатеринбурга. В дальнейшем в думу поступили еще два заявления — от Е. Г. Мунблина и Д. К. Цигнера.

«Заявление Новицкого выгодно отличалось от прошений других претендентов, так как имело рекомендации известных медиков, перечень научных трудов»⁹. А. К. Новицкий представил копию университетского диплома, рекомендации профессоров (хирургии — В. И. Разумовского, офтальмологии — Е. В. Адамюка), копии удостоверений о его службе в Спасском и Уржумском земствах, отношение Совета попечительства о слепых и сведения о трех научных работах: «Случай паховой герниотомии», «Обстановка подачи акушерской помощи в земской практике», «Отчет о деятельности Кагинского глазного пункта за 1887г.»¹⁰. Неслучайно выбор был сделан в его пользу.

В-третьих, основная масса врачей, прибывавших в Челябинск в исследуемый период, приезжала из небольших российских городов (таких как Бирск, Верхнеуральск и т. д.) и уезжала в такие же города (Бузулук, Инсара, Орск и пр.). Стоит обратить внимание на то, как эмоционально жестко описал в своих мемуарах переезд в Челябинск А. К. Новицкого К. Н. Теплоухов: «Новицкий приехал из какой-то дыры В[ерхне-]уральского уезда, наскучался от общества...»¹¹ Это суждение, при всей его эмоциональности, на наш взгляд, позволяет почувствовать очень важные особенности восприятия ситуации, сложившейся в регионе, которые были свойственны многим представителям наиболее образованной части жителей Челябинска.

По данным, которые удалось установить в ходе исследования, лишь пятеро челябинских врачей смогли продолжить свою карьеру в более крупных городских центрах: Москве (Э. Г. Циммерман), Уфе (И. Е. Постников), Томске (В. П. Арнольдов) и др. Остальные так и остались работать в небольших провинциальных городах и земствах, где формировались совершенно особая социокультурная среда и весьма своеобразные традиции повседневной жизни.

В-четвертых, когда речь идет о перемещениях представителей отечественной интеллигенции по различным регионам страны, следует помнить о сложной индивидуальной природе побудительных мотивов таких перемещений, которые почти не были ограничены на законодательном уровне. Поиск более комфортных для проживания и работы регионов был лишь одной из причин принятия соответствующих решений. В целом ряде случаев в качестве основной причины переезда выступали семейные конфликты или конфликты на прежнем месте работы, состояние здоровья или нерешенность «квартирного вопроса». Очень интересен этот сюжет на примере биографии южноуральского врача М. В. Вакуленко в свое время раскрыла Е. В. Шуляк. Она, в частности, писала: «...отсутствие достаточного опыта врачебной практики и высокая конкуренция в условиях крупного города, стесненные условия проживания в номерах Юшкова, жалование размером все в 5 рублей в месяц из которых 20 рублей он отдавал за обеды, а 6 рублей за комнаты, преждевременная смерть отца (В. П. Вакуленко умер в феврале 1901 г. в возрасте 52 года), намерение работать в провинции и служить народу, серьезная клиническая практика и бракосочетание с Л. Н. Простосердовой — все это послужило причиной смены места жительства и службы»¹².

Но при этом важно обратить внимание на тот факт, что некоторые из врачей, оказавшихся в Челябинске, именно здесь прервали свои «миграционные цепочки», сумев реализовать себя не только на медицинском поприще. С этой точки зрения очень показательна биография А. Ф. Бейвеля¹³.

А. Ф. Бейвель родился 19 марта 1867 г. в Житомире в семье преподавателя французского языка Оренбургской мужской гимназии. В 1899 г. он закончил медицинский факультет Казанского университета и с 1892 г. проживал в Челябинске. С 1892 по 1902 гг. А. Ф. Бейвель работал врачом в городской больнице. Но при этом уже в 1898 г. был выбран гласным городской думы, а с 1903 по 1911 гг. являлся городским головой. Активно занимался предпринимательской деятельностью, благотворительностью. К 1917 г. от активной общественной деятельности отошел и сосредоточился на врачебной практике.

В-пятых, масштабы дореволюционной «интеллектуальной миграции» врачей на Южном Урале с формально-количественной точки зрения выглядят очень скромно. Но при оценке роли этого явления в жизни региона, на наш взгляд, следует учитывать два обстоятельства:

небольшие размеры самого Челябинска в дореволюционный период и особенности работы врачей, которые в силу своей профессиональной деятельности контактировали с различными группами населения, представляя особую категорию людей, игравших заметную роль в формировании так называемого общественного мнения провинциальных городов.

Возможно, при изучении феномена «интеллектуальной миграции» в уездных центрах дореволюционной России следует воспринимать количественные показатели, отражающие этот процесс, менее эмоционально, признавая особую роль индивидуальных миграционных историй, раскрывающих важные детали тех процессов, что не возможно обнаружить с помощью статистических показателей.

Примечания

¹ Леднева В. Ю. Интеллектуальная миграция: мировые и российские тенденции // Высш. образование в России. 2014. № 2. С. 106–113; Митин Д. Н. Интеллектуальная миграция: сущность, последствия и пути решения // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2011. № 1. С. 41–47 и др.

² Сажнева Ю. А. Исторические аспекты интеллектуальной миграции в России. URL: http://tsutmb.ru/nayk/nauchnye_meropriyatiya/int_konf/vseross/i_vserossijskaya_nauchnaya_studencheskay/istoricheskie_aspektyi_intellektualnoj_migraczi_v_rossii (дата обращения: 12.03.2021); Сибиряков И. В. Феномен российской интеллектуальной миграции // Наука ЮУрГУ: материалы 71-й науч. конф. Челябинск, 2019. С. 183–188. и др.

³ Еремеева А. Н. «Сколько ученых, артистов, вельмож месяц глубокую грязь без калаш»: южно-российские города как центры интеллектуальной миграции (1917–1920 гг.) // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной перспективе: особенности национальной идентичности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2016. С. 344–362 и др.

⁴ Алексеев Н. А. Возвращение из небытия. Челябинск, 2014. 384 с.; Он же. К 150-летию Павла Алексеевича Агапова // Гороховские чтения: материалы десятой регион. музейн. конф. Челябинск, 2019. С. 118–124; Он же. Организатор первой городской больницы Челябинска В. Г. Жуковский (дополнение к биографии — потомки) // Архив в социуме — социум в архиве: материалы регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2018. С. 138–142; Он же. По долгу служения. Штаб-лекарь В. Г. Жуковский. Челябинск, 2020. 227 с.; Шуляк Е. В. История здравоохранения Южного Урала в персоналиях: врачи М. В. Вакуленко, И. С. Вегер, Э. Г. Салищев // Гороховские чтения: материалы седьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 545–549 и др.

⁵ Дореволюционный Челябинск в слове современников. Челябинск, 2010. С. 7.

⁶ Алексеев Н. А. Возвращение из небытия. С. 98–100.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 648. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Алексеев Н. А. Возвращение из небытия. С. 279.

¹⁰ Там же. С. 280.

¹¹ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 37.

¹² Шуляк Е. В. История здравоохранения Южного Урала в персоналиях... С. 545.

¹³ Божье В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска: в 2 т. Т. 2. Челябинск, 2006. С. 33–35.

А. А. Абузаров

Всероссийские переписи населения 1917 и 1920 годов: методика проведения

Во все времена любое государство уделяло большое внимание переписям населения. С начала XVIII в. и в России стали проводиться переписи населения, именуемые ревизскими сказками. Всего было проведено десять ревизий.

В Национальном архиве Республики Башкортостан хранятся переписи пяти последних (с 1795 по 1858 гг.). Уникальной по своему значению является последняя в дореволюционной России сельскохозяйственная перепись населения 1917 г., проведенная Временным правительством. Ее результаты имеют большое значение для изучения социально-экономического положения крестьянства Уфимской губернии. В связи с большим всплеском интереса к истории родного края, своей малой родины, к своим корням, с учетом ревизий XVIII–XIX вв., перепись 1917 г. позволяет любому гражданину нашей страны проследить свою родословную, составить ее.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения 1917 г. проходила в сложный период. Все еще шла Первая мировая война, это был период между двумя революциями — Февральской и Октябрьской. Перепись прошла под эгидой отдела переписи Министерства земледелия Временного правительства, а в Уфимской губернии — статистического отдела земской управы¹. На совещании земских статистиков 16–18 февраля 1917 г. обсуждался вопрос о типе переписи (сплошная или выборочная). Голоса разделились поровну. На заседании статистико-экономической комиссии временного государственного Продовольственного комитета от 24–25 марта 1917 г. было принято решение «перепись хозяйств крестьянского типа произвести сплошную по карточной системе»². В постановлении съезда земских, городских и правительственных статистиков от 18–22 апреля было указано, что Всероссийская перепись в 1917 г. должна быть произведена сплошь по всем хозяйствам и охватить как сельское, так и городское население³.

Задачей сельскохозяйственной и поземельной переписи являлось собирание материалов для построения, во-первых, общего продовольственного плана на 1917/18 сельскохозяйственный год, то есть плана снабжения армии и населения хлебными и мясными продуктами и, во-вторых, плана аграрной реформы⁴.

Перепись проводили переписчики-регистраторы. Временное правительство уделяло большое внимание подготовке персонала для переписи. Так, в Киеве в мае прошли краткосрочные курсы по подготовке кадров из многих губерний, профессора читали лекции на разные темы: «Программа сплошной переписи», «Сельхозмашины и орудия», «Животноводство» и др.⁵ Надо полагать, что были организованы курсы и по подготовке кадров для переписи населения Уфимской губернии. Отделом переписи Мини-

стерства земледелия была издана «Инструкция по производству переписи»⁶.

Для проведения переписи было установлено четыре формуляра: подворная карточка, общинный бланк, список рабочих и служащих в частновладельческих хозяйствах, бланк описания крупных частновладельческих экономий.

Основным документом являлась подворная карточка. Она составлялась на все без исключения хозяйства во всех населенных пунктах, включая хутора, заимки, а также на все население, включая всех крестьян, помещиков, частных лиц, приписных или постоянно проживающих в данном месте — вотчинников. К частновладельческим (помещичьим) хозяйствам относились все хозяйства, владеющие 50 и более десятинами собственной и удобной земли.

Подворные карточки четко отражали социально-экономическое положение крестьянства, в том числе по национальному признаку. В подворных карточках указывался и состав семьи с возрастными показателями. К сожалению, в них не указывались имена членов семьи (представлены данные об отношении к главе семьи, возраст), только информация о домовладельце. Но это ни в коем случае не умаляет значимости выдающейся по своей информационной базе Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Следует отметить огромную организаторскую роль Временного правительства, несмотря на сложную международную и внутреннюю ситуацию в стране, сумевшего организовать и провести эту перепись.

После свершения Октябрьской революции (сейчас она преимущественно именуется переворотом) большевики, сломав весь старый госаппарат, стали создавать новые органы власти, как в центре, так и на местах. На заседании губревкома от 23 июня 1919 г. было организовано Уфимское губернское статистическое бюро⁷. На территории Малой Башкирии на заседании Башвоенревкома от 12 ноября 1919 г. было организовано Центральное статистическое управление БССР⁸. Башнаркоматом Рабоче-крестьянской инспекции было утверждено положение о нем⁹.

Уже в те годы понималось большое значение органов статистики в жизнедеятельности Башкирской Республики. В докладе представителя Башнаркомюста от 25 октября 1920 г. по проекту положения о государственной статистике БССР отмечалось: «...необходимо поставить статистическое управление в положение вполне аналогичное с остальными народными комиссариатами и придать ему все права последних»¹⁰. Что и было сделано в принятом постановлении БашСНК от 28–30 октября и 1 ноября 1920 г.¹¹

Декретом СНК РСФСР от 22 апреля 1920 г. в «целях выявления численности населения РСФСР, его рабочего класса и наличности эконо-

мических сил страны» было принято решение произвести в 1920 г. демографическо-профессиональную и сельскохозяйственную перепись населения с учетом промышленных предприятий, как было указано, на всем пространстве РСФСР и федерируемых советских республик: Украинской, Киргизской, Башкирской, Туркестанской и Татарской¹². Перепись демографическая и профессиональная распространялась на все местности — как сельские, так и городские.

Сельскохозяйственная перепись охватывала все крестьянские коллективы — коммуны, артели, совхозы, а так же все одиночно расположенные хозяйства: лесные и промысловые заимки, будки путевых сторожей и стрелочников, лесные сторожки. Инструкцией по переписи населения определялось, что она производится путем опроса счетчиками (регистраторами), приглашенными по распоряжению Губстатбюро или уездных специалистов. Непосредственное формирование корпуса счетчиков возлагалось на заведующих отделами (районных инструкторов)¹³.

Перепись в учреждениях с пропускным режимом (тюрьмах, помещениях ЧК, милиции и пр.) производилась по распоряжению руководства этих учреждений, их представителями, но под контролем заведующих переписными отделами. Инструкция довольно подробно описывала процесс проведения переписи. Места на станциях железных дорог и пристанях, где скапливались пассажиры, подлежали переписи между 6 и 9 часами утра. Поезда, стоящие с пассажирами на станциях, и пароходы, остановившиеся на пристанях, подвергались переписи между 9 часами утра и 12 часами дня. Личные листки записывались на всех младенцев, родившихся только до 9 часов утра, а на умерших — только после 9 часов дня переписи.

Для опорося населения в городах счетчики сами должны были обходить все дома и квартиры. Инструкция подробно описывала все возможные случаи, которые могли возникнуть в ходе переписи, вплоть до такого, что никого не окажется дома. В значительных городах разрешалось оставлять бланки листов в квартирах под расписку. К городским поселениям относились все губернские и уездные города, поселения, имеющие городские и поселковые советы, пригороды, поселки при фабриках и речных пристанях или в полосе отчуждения железных дорог, дачные поселки и курорты, имеющие не менее 500 жителей. В городских поселениях счетчики, одновременно с переписью населения должны были производить и перепись промышленных предприятий на особых карточках. Под «промышленным заведением» понималась производственно-хозяйственная единица, имеющая специальное помещение с механическим двигателем и пользующаяся наемным трудом.

Основными задачами переписи было определение числа промышленных заведений, численности рабочих, количества заведений, применя-

ющих механические двигатели. По данному вопросу имелась отдельная инструкция по учету промышленных заведений. Промышленный отдел БашЦИУ письмом от 23 октября доводил до сведения ЦСУ РСФСР, что на территории БССР числится 688 предприятий крупной, средней и мелкой промышленности¹⁴.

Имелись отдельные бланки для сельскохозяйственной переписи о наличии сельхозинвентаря по кантонам с указанием количества орудий для подготовки почвы (плуги, бороны, сеялки) и уборочных машин (лобогрейки, самосброшки, сеновязальки, сенокосилки и пр.).

В бланках предварительных итогов переписи по волостям БССР указывалось число хозяйств, населения, скота, количество птицы, посевов в десятинах.

На наш взгляд, самым уникальным документом переписи 1920 г., как и переписи 1917 г., являлись подворные карточки на каждое хозяйство. В них указывались все исходные данные хозяина: фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства, состав семьи (с указанием возраста каждого члена), количество имеющегося скота, птицы, посевов, размер приусадебного участка. Указывались физические недостатки: слепота, глухонмота, хромота, горб. Регистрировались безрукие и безногие. Указывались и психические заболевания: сумасшествие, идиотизм, кретинизм, слабоумие.

Как определяли эти болезни регистраторы-переписчики — вопрос, находящийся вне рамок данной статьи.

Всероссийские переписи 1917 и 1920 гг. являются историческими документами огромной важности. Были переписи и в последующие годы советской власти, но, на наш взгляд, по своему значению, рассмотренным вопросам и темам они уступают двум вышеописанным переписям.

Огромный пласт документов по переписям 1917 и 1920 гг. сосредоточен в фондах Национального архива Республики Башкортостан.

Данная тема ждет своего исследователя для более полного изучения событий 1917 и 1920 гг.

Примечания

¹ НАРБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 183.

² Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 179а. Л. 2, 6.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 158.

⁵ Там же. Л. 146.

⁶ Инструкция по производству Всероссийской и земельной переписи и Всероссийской городской переписи 1917 г. Пг., 1917.

⁷ НАРБ. Ф. Р-1119. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

⁸ Там же. Ф. Р-1107. Оп. 1. Д. 30. Л. 36.

⁹ Там же. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 33. Л. 23–24.

¹⁰ Там же. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–68.

¹¹ Там же. Д. 239. Л. 26.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ ЦСУ. Всеобщая перепись. 1920 г. М., 1920. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 9.

А. А. Приборович

Перепись городского населения БССР 1923 года: поиск, состояние и состав архивных документов

«Источники всегда дают фрагментарное представление об истории... И для того, чтобы преодолеть это фрагментарное представление, нужны, во-первых, знание источников и, во-вторых, талант историка, который способен вообразить, как все было, хотя это получается на уровне гипотезы, а не абсолютной истины...», — сказал в одном интервью российский историк Сергей Михайлович Каштанов¹.

Действительно, исследование историком прошлого является лишь попыткой отображения реальности, запечатленной в наборе фактов источника. Задача исследователей истории состоит в том, чтобы провести интерпретацию содержания источника в контексте той среды, в которой он был создан и с учетом цели научного познания.

Среди источников по истории Беларуси, не до конца изученных в репрезентативном отношении, выделяются советские статистические материалы 1919–1941 гг., отражающие определенные этапы развития экономики и положение населения БССР². Интерес к этим источникам вызван тем, что в 1920–1930-е гг. в советской республике разворачивались модернизационные процессы, происходило становление национальной высшей школы, академической науки и др. Все эти события происходили после разрушительных войн и революций, последствия которых мы можем наблюдать при сравнении статистических сведений.

Актуальность темы статьи в значительной степени обусловлена появившейся с 1990-х гг. возможностью для исследователей истории Беларуси открытой работы со статистическими источниками, в которых запечатлены разные аспекты жизни и экономики советских граждан. Последние переписи населения Республики Беларусь наглядно демонстрируют нам переход от естественного прироста населения, начавшегося после Великой Отечественной войны, к естественной его убыли. Если текущая статистика нам помогает найти причины сегодняшней демографической угрозы, то история позволит нам узнать, что же могло послужить фактором роста благополучия советского населения в сложном XX в. В этой связи особенно важным, наряду с другими источниками по истории Беларуси, становится анализ материалов переписей населения БССР 1920, 1923, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

Актуальность темы вызвана также тем, что в 2023 г. исполнится сто лет с момента, когда в БССР была осуществлена демографическая городская перепись, которая одновременно производилась на всей территории Советского Союза. Городская перепись населения 1923 г. была проведена в связи с возникшей потребностью советского руководства в определении численности городского населения, которое было распреде-

лено по ряду социальных и производственных признаков, и в частности для получения ответа на вопрос о соотношении положения слоев городского населения в условиях реализации новой экономической политики (нэп). Полученные по итогам переписи сведения планировалось использовать для более рационального проведения финансовых мероприятий по укреплению советской экономики, восстанавливающейся после Гражданской войны и интервенции. Отсюда материалы указанной переписи представляются важным дополнением корпуса источников о характеристиках городского населения советской Беларуси в 1920-е гг.

Цель статьи заключается в выявлении и описании состава архивных материалов городской переписи населения БССР 1923 г. Предметом исследования являются статистические документы, репрезентирующие демографическое и социально-экономическое положение населения городов и местечек БССР на 1923 г. Анализ рассматриваемых документов с точки зрения свойств структурности и функциональности позволяет соотнести различные группы и виды материалов переписи городского населения 1923 г., выявить признаки того или иного документа, определяющие специфику их форм в зависимости от целей статистического учета.

Некоторые аспекты проблемы рассматривались белорусскими (М. В. Довнар-Запольский, А. Г. Злотников, В. М. Игнатовский, В. А. Латышева, Б. Я. Смулевич и др.) и зарубежными (В. К. Воблый, А. И. Гозулов, В. З. Дробижев, В. Б. Жиромская, В. М. Кабузан, Ю. А. Поляков, П. И. Пустоход, А. П. Хоменко и др.) историками. Большой интерес представляют работы советских статистиков и демографов 1920-х гг., написанные по результатам первой обработки материалов городской переписи 1923 г. (Б. В. Авилов, А. Головкин, О. А. Квиткин, В. И. Масальский, С. Г. Струмилин и др.). В публикациях указанных исследователей даются общие сведения о населении некоторых городов и поселков городского типа РСФСР, УССР, КССР. Однако в послевоенной научной литературе практически не ставились вопросы поиска и описания состава архивных материалов по переписи городского населения БССР 1923 г.³

В белорусской историографии вопрос о важности результатов переписи городского населения БССР 1923 г. слабо изучен, так как основными сведениями о демографическом положении населения Беларуси в 1920-е гг. на протяжении уже практически века считаются итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. Не проанализированы в полном объеме сохранившиеся разработанные материалы городской переписи, связь и зависимость возможностей применения коли-

чественных методов при обработке такого рода исторического источника. Эти и сопутствующие им проблемы — в центре внимания автора данной статьи, в задачи которой входит выявление наиболее отчетливых перспектив задействования статистических материалов в изучении истории Беларуси.

Демографическая перепись городского населения 1923 г. проводилась в городах и поселениях городского типа СССР с 15 по 22 марта. Ею было охвачено население 50 городских поселений 6 уездов Советской Беларуси (без учета сводки 1924 г.): шесть городов (Минск, Борисов, Бобруйск, Игумен (Червень), Мозырь, Слуцк), 42 местечка (Березино, Вызна, Глуск, Городок, Грозново, Дукора, Житковичи, Заславль, Зембин, Каролин (Ельск), Койданово, Копаткевичи, Копыль, Лапичи, Лельчицы, Ленино, Логойск, Любань, Могильно, Озаричи, Осиповичи, Острошицкий Городок, Паричи, Петриков, Плещеницы, Пуховичи, Самохваловичи, Свислочь, Скрыгалово, Смиловичи, Смолевичи, Старобин, Старые Дороги, Тимковичи, Туров, Узда, Узляны, Уречье, Холопеничи, Холуй, Шацк, Щедрин), два поселка (Ново-Борисово, Ясень).

В переписи 1923 г., как и в последующих переписях 1920–1930-х гг., статистические материалы группировались по социальным категориям населения. В данной переписи в качестве социальных групп были выбраны следующие общности: рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева (одиночки), работающие только с членами семьи, помогающие члены семьи, иждивенцы государственных и общественных учреждений, деклассированные элементы и безработные.

В общем, городская перепись 1923 г. содержала почти все вопросы переписи 1920 г., только по некоторым пунктам несколько сузила их. В городской переписи отсутствовал специальный вопрос о занятии в сельском хозяйстве, хотя все же в личном листке спрашивалось о членстве в деревенском хозяйстве, и вопросы, непосредственно связанные с участием в войне. Вопрос о профессии поставлен только для безработных, о трудоспособности — только для имевших занятия, в то время как перепись 1920 г. ставила вопросы для всех. Новыми вопросами переписи 1923 г. были: о владении домом и о получении жалованья, пайка или стипендии, если опрашиваемый учился.

Сбор сведений по городской переписи был приурочен к середине марта. Этот срок был относительно удобен при переписи городов, так как в это время еще не начинался отъезд горожан на летний период. С другой стороны, в Минске и других городах находились учащиеся (студенты) и преподаватели, что в свою очередь облегчало охват наиболее образованной части населения. Между городами БССР и местечками была налажена транспортная связь, что позволяло провести перепись (сбор сведений) за одну неделю.

Принято считать, что статистические материалы переписи представлены тремя видами документов: первичными формами, разработочными формами, публикацией итогов переписи. Основными материалами любой переписи являются первичные формы учета населения, которые, как правило, заполняют переписчики (счетчики). Статистические формы непосредственного сбора сведений о населении представляли собой систему показателей, характеризовавших основные социально-экономические стороны жизни обследуемого населения и в том числе его демографические параметры.

Преимущество переписи 1923 г. заключалось в проведении ее в строго определенное время на всей территории городских поселений Беларуси. Результаты переписи позволяли получить больше сведений о городах и местечках республики. Однако организационная форма проведения переписи была громоздкой, особенно в части, касающейся прохождения переписных документов. Документы во время переписи проходили долгий путь по всей многозвенной, хотя и слабо организованной, сети статистических органов Советской Беларуси, что, в свою очередь, растягивало на несколько месяцев подведение окончательных итогов. Для решения этой проблемы статистики проводили разработку или сводку первичных материалов (личный листок, семейная и квартирная карты) в разработочные таблицы как по отдельным категориям объектов исследования, так и по территориальным единицам (городской населенный пункт, уезд, губерния, республика). Сводка выполнялась по заранее продуманному плану. В нем устанавливались: сроки выполнения каждого этапа и сводки в целом; способы изложения результатов сводки и отправки в республиканский (союзный) аппарат государственной статистики.

Программа сводки предусматривала решение следующих общих вопросов:

- выделение групп населения в зависимости пола, возраста, рода занятий, источника дохода, наличия семьи и пр.;
- определение перечня группировочных признаков, позволяющих отнести городское население в ту или иную социальную группу;
- установление границ каждой группы при группировке по количественным признакам (например возрасту);
- установление системы показателей для количественной и качественной характеристики выделенных групп.

Сохраненные первичные материалы переписи 1923 г. использовались статистиками вплоть до 1926 г. при новой сводке статистических сведений о населении городов и местечек, вызванной изменением границ БССР (1924, 1926) и проведением административно-территориальной реформы 1924 г. События Великой Отечественной войны привели к уничтожению большей части первичных материалов демографической переписи 1923 г. В НАРБ (Национальный архив

Республики Беларусь) имеется лишь малая часть основных форм переписи: около 7500 семейных карт по Гомельской губернии (г. Могилев, Могилевский, Рогачевский, Речицкий уезды и др.)⁴, несколько переписных списков военнослужащих Западного военного округа⁵ и часть отчетных листов счетчиков и регистраторов переписных отделов⁶.

На 2021 г. уцелевшие архивные материалы городской переписи 1923 г. представляют собой корпус документов, созданный как в Центральном статистическом бюро БССР, так и его подразделениями в уездах (округах), а также переписными органами на местах. При этом в НАРБ материалы переписи представлены отдельно как по БССР на 1923 г., так и с учетом укрупнений 1924 и 1926 гг.⁷

В основном в НАРБ сохранились разработочные (сводные) таблицы первичных форм городской переписи 1923 г. Разработка сведений личных листков представлена в следующих таблицах: № 1 — «Население по полу и источникам средств существования, с выделением одиночек»; № 2 — «Самодетельное население по главным занятиям и социальному положению (по классификации)»; № 3 — «Самодетельное население по главным занятиям и по главным производствам и отраслям труда»; № 4 — «Самодетельное население по главным занятиям и возрасту»; № 5 — «Самодетельное население по социальному положению, возрасту и семейному состоянию»; № 6 — «Самодетельное население по социальному положению и побочным занятиям»; № 7 — «Самодетельное население по социальному положению и связей с деревней»; № 8 — «Безработные по профессиям и продолжительности безработицы»; № 9 — «Несамодетельные по возрасту и семейному положению и № 9а — «Несамодетельные моложе 20 лет по однолетним возрастным группам»; № 10 — «Несамодетельное по полу и главным занятиям их кормильцев»; № 11 — «Население по национальному составу, самодетельности и полу».

Разработка сведений семейных карт представлена в следующих трех формах: таблица № 1 — «Семьи по главному занятию и по полу главы семьи, с распределением по численному составу семей, с подсчетом числа семей, главы которых отсутствуют, наличного и отсутствующего населения по полу и числу полных брачных пар»; таблица № 2 — «Семьи по полу и главному занятию главы семьи, и по численности их составу, с подсчетом наличного населения по возрастам»; таблица № 3 — «Семьи по полу и главному занятию главы семьи и по численному их составу, с подсчетом самодетельных, безработных и прислуги».

В архиве сохранилась часть документов, касающихся разработки квартирной карты и подворной ведомости по следующим таблицам: «Застроенные владения и категории их владельцев» (форма № 1), «Общая характеристика застроенных помещений» (форма № 2), «Данные о квар-

тирах (нежилые застройки) и владениях» (форма № 3), «Распределение помещений по их назначению» (форма № 4), «Данные о квартирах (незастроенные владения) и владениях» (форма № 5), «Категории квартир по благоустройству» (форма № 6), «Квартирная плата» (форма № 7), «Распределение квартир по населенности» (форма № 8).

Итоговые же сведения городской переписи 1923 г. по БССР напечатаны в следующих изданиях: главные результаты предварительного подсчета — в «Бюллетене ЦСУ» (№ 77 за 1923), важнейшие данные о занятиях населения и его классовом составе — в «Бюллетене ЦСУ» (№ 80, 83, 86 за 1924); полные итоги некоторых важнейших данных переписи — в «Трудах ЦСУ». Сведения по БССР в «Трудах...» были опубликованы в ряде частей тома 20 под общим названием «Итоги Всесоюзной городской переписи»:

- часть 1 «Общие предварительные сведения о городах и их населении: выпуск 2 «Азиатская Россия, Белоруссия, Украина и Закавказье» (1924);

- часть 2 «Население городов Союза ССР по занятиям»: выпуск 3 «Крым. Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР» (1925), выпуск 4 «Распределение городского населения по главным отраслям труда» (1925);

- часть 3: выпуск 1 «Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию» (1926);

- часть 4 «Побочные занятия городского населения. Несамодетельное население по занятиям самодетельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписи семей» (1927).

В заключение отметим, что материалы переписи позволяют изучить характер занятий различных групп населения белорусских городов и местечек. Материалы переписи 1923 г. с учетом некоторых расхождений, вызванных административно-территориальными преобразованиями, могут быть сопоставлены фактически по всем признакам с материалами демографической переписи 1926 г., так как обе включают те же социальные категории городского самодетельного населения с несущественными расхождениями. Сопоставление данных переписей 1923 и 1926 гг. позволяет показать динамику социальной структуры городского населения в послевоенное время, так как одна из них отражает изменения в социальной структуре населения, происходившие в начале 1920-х гг., а другая позволяет подвести итоги нэпа.

Собственно, материалы переписи городского населения 1923 г. по БССР аккумулированы в фонде 30 НАРБ, преимущественно в виде разработочных таблиц личных листков, семейных и квартирных карт шести уездов Минской губернии. Сохранился также комплекс первичных и разработочных материалов переписи по ряду уездов Витебской и Гомельской губерний, которые были возвращены в состав БССР в ходе двух укрупнений.

Примечания

¹ Тюренкова О. В. Важно то, что интересно: разговор с Сергеем Михайловичем Каштановым // Проблемы истории России. Исторический источник и исторический контекст. Вып. 10. Екатеринбург, 2013. С. 20–21.

² Приборович А. А. Материалы центральных органов статистики БССР 1919–1939 гг. как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2019. 24 с.

³ Приборович А. А. Наблюдение за населением и народным хозяйством Беларуси центральными органами статистики БССР за 1919–1939 гг. // Вестн. ПолесГУ. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. 2017. № 2. С. 3–11.

⁴ НАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3996–4027.

⁵ Там же. Д. 4045а.

⁶ Там же. Д. 4308.

⁷ Там же. Д. 3889–4327 ; Оп. 2. Д. 98, 104–109.

И. В. Лоткин, А. П. Ярков

Об антикоммунистических восстаниях 1920–1922 годов

Завязка драмы

Административное разделение территорий между РСФСР и Киргизской (Казахской) АССР к началу 1920-х г. в основном закончилось, но «коллективное бессознательное» воспринимало регион и население как целое и неделимое, где «Россия — за Уралом». А для уральцев происходившие у соседей процессы были понятны.

В событиях 1920–1922 гг. принимали участие не только крестьяне, но и кочевники, советские служащие и иностранные военнопленные. Действовали отбывавшие ссылку бывшие монархисты и националисты, представители уже запрещенных к тому времени политических партий и движений, офицеры царской армии и белогвардейцы, «зеленые» и «социально опасные элементы» разного происхождения. По сведениям комендантов Петропавловского, Кокчетавского, Кустанайского, Акмолинского концлагерей, многие заключенные были из «хлебопашцев»¹.

Признавая, что основной движущей силой были славяне, примем условность определений участников как «русские» и «иностранцы / нерусские». В событиях оказались задействованы не только русские (доминировали), но и алтайцы, башкиры, белорусы, бухарцы, евреи, казахи, коми-зыряне, латыши, литовцы, манси, немцы, немцы, поляки, татары (поволжские и сибирские), украинцы, ханты, чехи, эстонцы... У них был свой уровень образования² и политического сознания, социально-экономический уклад и психический склад, лингвистические, религиозные, культурные особенности, другими не всегда понимаемые и признаваемые. Объяснение — в специфической среде прародины, где этносы формировались, и в том историческом пути, по которому они шли. Например, командир ЧОНа Суджентских копей 25 сентября 1920 г. отмечал, что «в банде Лубкова» был карательный отряд, где «все добровольцы... исключительно мусульмане»³.

Случалось, что «межа» проходила не только среди соплеменников. Так, в семье Шевченко, недавних украинских переселенцев, в Ишимском уезде Яков служил в Красной армии, Илью повстанцы убили в самом начале восстания, Петр возглавлял сопротивление власти до августа 1921 г., а их сестра Елизавета до февраля 1922 г. скрывалась с повстанцами.

Признаем, что в массах отношение русских / православных (по происхождению) к нерусским /

«иноверцам» часто складывалось из предрассудков. Неслучайны используемые в одном из воззваний образы: «В с. Соколовское пойман коммунист, из документов которого выяснено, что он делегирован из Москвы относительно Варфоломеевской ночи, и [они собираются] вырезать крестьян и рабочих 75 %»⁴.

После разгрома Кольванского восстания летом 1920 г. власти доносили: «Духовенство, в своей массе, было на стороне повстанцев, но, наученное горьким прошлым опытом, воздержалось от активности, хотя отдельные служители культа и выступали в роли проповедников-агитаторов, служили молебны о даровании побед повстанцам, в отдельных случаях принимали живое участие в вербовке добровольцев и вылавливании коммунистов»⁵.

Иногда «межа» выстраивалась и среди географически (по месту исхода) и культурно (протестанты) близких переселенцев. Например, в дер. Ковалево Тюкалинского уезда эстонцы жили на ул. Вирусской Большой, латыши — на Курнаской, а финны-корлаки — на Корлацком конце. Делилось даже деревенское кладбище, протестантское по отправляемым обрядам⁶. Политической активностью отличались иные прибалты, а у латышей в Омске еще в 1910 г. возникла социал-демократическая группа. Затем она была разгромлена, но к 1916 г. восстановилась⁷.

Мобилизация нерусского населения в армию и ранее не приносила результатов Белому движению. Так сообщил 9 сентября 1919 г. управляющий Тарским уездом Барановский, опасавшийся, что «в войсковые части вольется нежелательный и даже опасный элемент»⁸.

Меньше всего придерживались закрытости те, кто разделял либеральные ценности, стремился к обновлению. Так, латыш К.-Ю. Х. Данишевский, имея большой опыт партийной, военной и советской работы, знакомый с местными условиями по ссылке, в разгар событий — с ноября 1920 по март 1921 г. — находился в Омске, являясь секретарем Сибирского бюро ЦК РКП(б)⁹. Активны были и другие профессиональные революционеры, подобные латышам Я. Я. Пеиче (Печенину) и А. П. Спундэ, членам РСДРП(б) соответственно с 1903 г. и 1909 г., работавшим в 1920 г. соответственно военкомом Тюменской губернии и председателем Енисейского губревкома¹⁰. Но слабая требовательность к «чистоте

партийных рядов» способствовала на практике резкому росту численности национальных секций большевистской партии, в результате членами их оказывались люди «далекие от коммунизма»¹¹.

Следует признать, что евреев оказалось немало среди большевистского актива. Это объяснимо: тысячелетиями угнетаемые в лозунгах увидели воплощение мечты о новой модели мира, социальном равноправии. Встречались и уникальные личности, подобные Я. З. Маерсу — американскому подданному, родившемуся в Филадельфии в семье чиновника. Он окончил русскую школу в Кливленде, а затем работал в типографии. Принимал участие в профсоюзном движении и состоял в Федерации анархистов, являлся членом ЦК индустриальных рабочих мира. В 1917 г. переехал в Россию, в 1918 г. организовал партизанский отряд на Урале, в 1919 г., вступил в РКП(б) и политотделом 3-й армии красных был откомандирован в Тюменский губпродком¹².

Вместе с «красными латышскими стрелками» и «красными мадярами» подобные люди стали одними из самых надежных (для большевистской власти) бойцов. Это оценили и уточнили (в формируемом образе врага) повстанцы. В воззвании штаба крестьянско-казахской повстанческой армии от 5 августа 1920 г. сказано: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников — вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области. Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть, или сбросить ненавистную жидовскую коммуну. Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались не мадяры и другие иностранцы, а свои, русские люди, выборные от народа, — тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть»¹³.

Занавес открывается...

У большевиков была конкретная задача — провести продразверстку успешно и в короткие сроки. Г. С. Инденбаум на вопрос, «допустимо ли садить граждан в холодные амбары, заявил, хотя это с точки зрения коммунизма недопустимо, но [за]то дает возможность выполнить разверстку», а Майерс требовал: «При аресте широко объявить населению, что они берутся заложниками впредь до выполнения Ишимским уездом продовольственной разверстки целиком»¹⁴.

Кроме плана по хлебу, зернофуражным и масличным семенам, только по Тюменской губернии были введены разверстки на картофель, мед, птицу, крупный и мелкий рогатый скот, кожи и шерсть, льноволокно, пеньку и др. Всего же на сельчан наложили 34 вида разверсток. В конце 1920 г. стало ясно — полностью задание Москвы

не выполнить: если губерния заготовила 6601 тыс. пудов хлеба (при плане в 6500 тыс. пудов), то мяса — лишь 60 %.

Латентная фаза конфликта власти и масс протекала вяло, но повсеместно — на севере и на юге, в степных и горных районах. Пролетариата (за исключением шахтеров) — опоры власти — было мало. К тому же сказалась засуха в Алтайской и Омской губерниях летом 1920 г., а местная промышленность произвела лишь 25,2 % дореволюционного объема продукции. Снижился выход угля¹⁵. Острый кризис переживало сельское хозяйство и у колонистов¹⁶. Тем не менее регион рассматривался правительством как источник сырья и продовольствия, поскольку в центральной и южной частях страны ситуация оказалась еще драматичнее. Первый этап заготовительной кампании был проведен в щадящем режиме — «самотеком»¹⁷. Но уже к лету 1920 г. нормы сдачи продовольствия были резко увеличены, что вызвало недовольство. Усилились трудовые повинности, а также борьба со спекуляцией и самогонварением¹⁸.

К продразверстке подключили и маргиналов. Например, «товарищ комиссар Крутиков», прибывший с отрядом в Варваринские юрты для выполнения плана по шерсти, дал «боевую задачу» населению — в ночь с 17 на 18 декабря 1920 г. собрать семь пудов шерсти. Задание не удалось выполнить, хотя были острижены овцы, которые «от стужи сдохли». Не собрав нужное количество шерсти, Крутиков более суток держал четверых селян под стражей в качестве заложников. Провели обыск у бедняка Айтмайдандинова, шерсти у того не оказалось, зато комиссару приглянулся тулуп. Комиссар надел его, а свой рваный тулуп скинул, приказав сдать в продконтролю¹⁹. Рвань не приняли взамен шерсти, а комиссар уехал в тулупе, оставив бедняка раздетым.

Сложно складывались отношения власти и кочевников в Кош-Агачской волости (Горный Алтай), где с апреля 1920 по осень 1921 г. действовали законы военного времени. Это было связано не только с пограничными конфликтами, но и с эмиграцией казахов (откочевало более 200 аилов, а остался 91), чья элита боялась притеснений.

Трудовая мобилизация в Петропавловском уезде 1120 казахов в возрасте 20–35 лет, как отмечал А. Байтырсунунов 30 июля 1920 г. (заведующий киргизской секцией в составе Киргизского ревкома), отвлекала от работ в своих хозяйствах. И это пагубно сказало на их положении²⁰.

Стремясь снять напряжение, в обращении «Товарищи крестьяне, казаки и киргизы!» Сибревком отмечал: «Победа требует жертв, и тяготы борьбы за полное освобождение трудящихся равномерно развертываются между всеми трудящимися». Выражена и надежда, что население поддержит власть, которая, впрочем, в том не была уверена. Так, за полгода до того в письме к В. И. Ленину И. Н. Смирнов спрашивал: «...для целей осуществления продразверсток не создать ли в Сибири несколько немецко-венгер-

ских дивизий?» Сохранилась ленинская резолюция: «По-моему, нужно»²¹. Дивизии должны были формироваться из военнопленных, разделявших концепт мировой революции. Представления о родине для них были связаны с политической идеей — расширением пространства социализма. Их действия иногда оправдывались «революционной необходимостью». Так, отряд Павлодарского уездного военкомата из 12 кавалеристов и 45 «интернационалистов-мадьяр» в иртышских станицах изъял 52 винтовки, 20 шашек, несколько сотен патронов, 62 седла и без суда расстрелял 34 человек²².

Тем временем уже эмоционально и идейно созрела надэтническая и внерелигиозная протестная общность, готовая к сопротивлению. Массы увидели, что собранные продотрядами (в том числе с насилием) тысячи пудов хлеба, льна, пушнины, кожи скопились в Омске, Новониколаевске, Томске, Красноярске. Руководители Сибири информировали В. И. Ленина: «...совершенно точные, проверенные нашими людьми сведения о лежащих на пристанях товарах, назначенных к отправке за границу. Все товары упакованы и через две недели пойдут в устье р. Оби. Мы свое дело сделаем, боюсь, что стоимость этих товаров в два-три раза превзойдет то, что нам привезут из Швеции». Несмотря на несоответствие цен и затрат, первые караваны из Карского моря ушли на запад в августе 1920 г., увезя 600 тыс. пудов хлеба, мяса и рыбы.

Север Урала и современного Казахстана, Западная Сибирь оказались зоной затяжной борьбы, хотя идеи противоборствующих сторон были непонятны многим нерусским, да и выражались они на русском языке, которым владела единицы.

Фрустрационная фаза отражала рост социальной и эмоциональной напряженности. Его обрисовал (но лишь в марте 1921) начальник штаба советских войск Петропавловского района С. Д. Володарский: «...идейным движение назвать нельзя; все лозунги, за исключением лозунга “Долой и бей коммунистов!”», носят совершенно неопределенный характер — “Свобода народа”, “Народное право” и проч., и могут быть использованы кем угодно»²³.

Кульминация

Первоначально подразверстка проходила в «щадающем» режиме, но к лету 1920 г. нормы сдачи увеличились, вызвав недовольство. Латентный конфликт перерастал в открытый. Недовольны были и ранее воевавшие за советскую власть. Так, под руководством бывшего командира партизанского отряда Причумышья Г. Рогова вспыхнул мятеж, который затем охватил пространство Змеиногорского, Славгородского и Семипалатинского уездов, распространился на север и северо-запад, захватив Каменский и часть Павлодарского уездов. Непокойно было в Курганском уезде Челябинской губернии, Шадринском и Камышловском уездах Екатеринбургской губернии²⁴.

Конфликтная фаза есть отражение противоборства сторон, когда уже очевидна неразрешимость задачи — совместить цели власти и интересы масс.

Архивные материалы утверждают — в Тюменской губернии мощный очаг восстания вспыхнул в Ишимском уезде 31 декабря 1920 г.²⁵ Несмотря на то что каждый из участников событий смотрел на мир, исходя из своих стереотипов, «набор» общих обид и возмущений их объединил. В воззвании повстанцев Кокчетавского повстанческого штаба сказано: «Казачи, крестьяне, мусульмане и граждане! Не ограничивайтесь одной радостью, а вступайте в ряды, организуйте свои отряды сами, как мы закрепляйте освобождение от кровавого террора коммунистов»²⁶. Так определился образ врага — коммунисты. Но при этом появились несовместимые лозунги: «С нами бог! Да здравствует советская власть и сибирское крестьянство! Долой коммунистов!» Караульно-ярский волисполком констатировал, что не только зажиточные «заглядывают в Библию или другие книги священного содержания, в которых якобы есть предсказания, что было, что есть и что будет, и ищут там ответа: “скоро ли будет иная власть?”»²⁷.

Кризисная фаза отражает ту степень кризиса, которую уже невозможно разрешить мирным путем. Именно в ответ на поборы, грозящие голодом (биологическая потребность) и обнищанием (материальная потребность), моральное унижение (социальная потребность) в конце 1920 г. прежняя латентная напряженность переросла в открытое и коллективное сопротивление.

Реагируя на острую ситуацию с разверсткой и недовольство масс от разбойных «подвигов» продработников, заработали военные трибуналы. Сиббюро ВКП(б) вынесло секретное решение: «Надо было соединить на скамье сугубо виновных — чекиста, продовольственника и бунтовщика»²⁸. Одной из таких «жертв» стал латыш М. А. Лаурис, большевик и член губернской контрольно-инспекционной комиссии по проведению подразверсток. Он предстал перед судом: ему вменили незаконные аресты, контрибуции, изнасилования. Лауриса расстреляли. Однако власть в расправе с «лаурисами» и в удовлетворении общественной потребности в справедливости опоздала.

Не удалось объединить всех восставших «Генеральному штабу», что расположился в ст. Ново-Николаевской, которому подчинялись Ишимский, Петропавловско-Петуховский и Казачий фронты²⁹. Многие отряды входили в так называемые армии, которые по структуре таковыми не являлись. Именовались по-разному: Народно-крестьянская зеленая, Мужичья, Крестьянско-казацкая, Южно-народная. Налицо — рассогласование целей и способов их достижения. Когда священник из Курганского уезда Н. А. Тихомиров 12 февраля 1921 г. отслужил молебен о даровании победы над коммунистами, прихожане запели «Боже, царя храни»³⁰.

Командование РККА заметило: «Банды в районе 76-го полка идут под трехцветными знаменами: первая полоса белая, вторая — синяя, третья — красная». В районе Кусеряка было захвачено трехцветное знамя (с пунцовыми цветами), где появилось и требование привести великого князя Михаила Александровича (а он уже был расстрелян!) к власти. Их монархические чувства не разделяли другие мятежники, для которых более близкой являлась надпись на знаменах: «Да здравствует советская власть без коммунистов, бей жидов, спасай Россию!»³¹.

В составе Народной армии Кольванского и Бухтарминского восстаний находилось около 5–6 тыс. человек. В Кольванском приняли участие и казахи, но, как заметил один сотрудник, «их винить не приходится, т. к. эта совершенно темная масса шла под угрозой казаков»³². Большевики же играли на разнице происхождения: в подавлении участвовали мусульманская и мадырская роты³³.

В августе появился отряд «зеленых» во Все-святском районе, а в начале сентября ст. Пресногорьковская была объявлена на осадном положении в связи с «зеленой бандой» Б. Горячева. На востоке — в Оренбургской губернии в Кваркемском районе — в октябре возникла «зеленая армия» Чумакова³⁴.

Во многих местностях повстанцев именовали «черными», перенеся анархистский цвет транспарантов и знамен на всех. А в Коротковском районе было захвачено красное знамя с черным крестом и надписью: «Мы боремся за хлеб. Не гноите его в амбарах»³⁵. Приказ командира 1-го Освободительного полка вообще предписал, что флаг должен быть зеленым, что означало леса, луга, растения на крестьянских полях, белые буквы надписи: «Долой коммунизм. Да здравствуют Советы» означали снег³⁶.

Да и служители культа были не едины. Власть отмечала: «...духовенство, организованное в “Братство Св. Симеона”, за отчетный период ничем себя наружно не проявило». Что касается других сил, то парторганы Шадринского района докладывали зимой 1920/1921 гг.: «Группы анархистов и евангелистов [очевидно, местных протестантов. — *Авт.*] за отчетный период наружно ничем себя не проявили, но по докладу сотрудника, работавшего среди них, на днях предполагается возобновление работы анархистов и с организацией комитета»³⁷.

В борьбе участвовали и бывшие большевики: среди командиров повстанческих отрядов, например, оказался и бывший председатель ячейки РКП(б) и бывший военком Троицкой волости Петропавловского уезда Т. Лидберг. В том же уезде в с. Соколовском уроженец Ковенской губернии поляк В. Л. Пужевский работал до 12 февраля 1921 г. счетоводом кооператива, затем стал начальником штаба Петропавловского боевого района, а через десять дней — уже начальником Главного штаба Сибирского фронта. Карьера стремительная, но короткая — был взят

в плен советскими войсками и 27 мая того же года расстрелян по приговору Омского губчека.

Люди нуждались в духовном окормлении. Поэтому священник с. Ново-Тырышкинского П. А. Попов благословлял: «...воины, желаю Вам всего хорошего. Идите с Богом!»³⁸

Что касается «инородцев», то газета «Голос Народной армии» 1 марта 1921 г. уточнила: «Первые искры посыпались со стороны Тарского уезда — восстали Карагайская и Тукузская инородческие волости», где «банда состояла из 150 человек, преимущественно татар, часть русских из волостей Саргатской, Тазовской, Укузской, Утьминской, Усть-Ишимской... Ярко вспыхнув, эти первые искры быстро погасли... Многие повстанцы были расстреляны на месте, еще больше произведено арестов; позднее почти все арестованные погибли. Тем временем вспыхнул Ишимский уезд, из которого движение проникло в Малиновскую волость, которая в свою очередь привела в движение волости Шестовскую и Ашлыкскую»³⁹. Драматические события произошли в с. Рыжково. Вот как описывает события «Latvieļi konvers sijas vardnesa»: «Зимой 1920–1921 гг. в колонии произошло восстание против советской власти, которое было разгромлено карательной экспедицией»⁴⁰.

По объявленной мобилизации в отряды повстанцев призывались мужчины (в том числе многодетные) в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением казахов, которые шли добровольно (среди них были как баи-скотоводы, так и их прежние враги — скотокрады). Так, в Акмолинском районе, по данным на 29 июля 1921 г., среди 80 мятежников были замечены и казахи. Встречались в отрядах и подростки, набранные по принуждению, а также шедшие из солидарности с взрослыми родственниками⁴¹.

В Тобольском уезде (где Вагайская волость дала по мобилизации 585 человек, из них лишь 10 добровольцев) больше всего участников среди татар и сибирских бухарцев оказалось в юртах Бегишевских, Баишевских, Тукузских, Миткинских, Казанка, Ренчики, Бигатино. В Тюменском уезде мятежников было немало в Тарханах, Матмасах, Карбанских юртах, в Ишимском — жители Новой Аптулы и Балахлая⁴². Среди них были и потомки служилых казаков, помнивших о былых привилегиях.

Поддерживая повстанцев, во многих поселениях жители выделяли продукты, предоставляли оружие и подводы, а некоторые бывшие или действующие служители культа проводили агитационную работу среди населения. Так, мулла, ставший учителем, З. М. Мирвалев при штабе повстанцев в Тобольском уезде был пропагандистом и агитатором, редактировал газету и выпускал листовки, проводил собрания с целью сбора продуктов и оружия.

С участием жителей Истяцких, Ашлыкских, Бегитинских юрт 21 февраля был занят Тобольск, где власть взял в свои руки временный городской совет. В его составе оказался и подданный

Польши дворянин О. В. Новодворский⁴³. В Тобольске он заведовал экономотделом. Хотя Новодворский еще с марта 1917 г. состоял в Петроградской группе анархистов-коммунистов, Тобольский совет с его участием предотвратил анархию и мародерство, запретил самосуды. Стремясь снизить накал страстей, совет даже потребовал разобраться с правомерностью арестов. В результате из 53 человек были отпущены на свободу 50, среди них и престарелый отец видного большевика З. Лобкова.

Вышло и обращение «От рабочих и служащих гор. Тобольска к Народной армии и ко всему трудовому крестьянству», где было замечено: «...как оживились с восстанием все черносотенные элементы... как громко раздаются голоса старых царских защитников, натравливающих татар на русских, русских на евреев». Любопытно, что в списках жертвователей на нужды Народной армии была еврейская община Тобольска, собравшая 133 тыс. руб. Бóльший вклад внесла только Городовая волость — 249 тыс. руб.⁴⁴

Нельзя идеализировать ситуацию в «еврейском вопросе»: воззвание Лопушинского повстанческого штаба говорило о большевиках: «Они, не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они — враги наши. Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент. Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жида с Рождества Христова — враги православного люда. Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель»⁴⁵. В Ишимском уезде в разгар событий встречались листовки: «...жидовское советское правительство забирает хлеб и отправляет его в Палестину, в жидовское царство». По Тобольску в апреле прошел слух, что арестован «заподозренный в еврействе» и убит прапорщик Шмидт. В Тюмени и некоторых других местах распространялись листовки с призывами: «Долой евреев!», «Долой еврейскую власть!»⁴⁶.

Не стоит оценивать события однозначно, поскольку были жертвы и среди тех, кто не разделял позицию повстанцев⁴⁷.

Трагические события произошли и в старейшей прибалтийской колонии Сибири — Рыжково, расколов ее на два лагеря. Если в вооруженной борьбе участвовали зажиточные крестьяне Игнатович, Янулевич, Мальцев и Штрейх, то подавляла ее стрелковая рота из деревенской бедноты под командованием К. Мяги, А. Лейтланда и М. Малькштейна. Большевики-эстонцы принимали участие в ликвидации «очагов» в Омской, Томской, Алтайской губерниях, где «потеряли в боях ряд своих товарищей»⁴⁸.

Уже с марта 1920 г. по специальному решению Сиббюро ЦК РКП(б) стали формироваться части и отряды особого назначения из коммунистов-националов⁴⁹. Но не всегда национальным секциям при губкомах удавалось завоевать доверие крестьян и наладить связь с сельскими партийными организациями. Так, коммунисты-прибалты подчеркивали, что «в ухудшении работы

виновна и русская организация, вызывая членов в город»⁵⁰.

Явная или скрытая борьба против большевиков стала частью сопротивления и на севере края, куда ушли мятежники. В атмосфере социального напряжения в Обдорске 20 февраля был создан Северный ревком (во главе с А. Д. Протасовым-Жизневым), чьи директивы отличались непомерной жесткостью. Известно, что когда в районе Кушевата неизвестные спилили телеграфные столбы, то 9 из 16 взятых заложников по приказу ревкома расстреляли. Расправились, например, с зажиточным рыбопромышленником из пос. Хэ П. И. Турковым и его сыном⁵¹.

Власть мятежников распространилась на Ямал почти на два месяца: были созданы комитеты общественной безопасности и вооруженный отряд, проведены выборы. Например, бывшего эсера и выдающегося исследователя Севера Г. М. Дмитриева-Садовникова избрали председателем местного Совета в пос. Хэ. Местным жителям обещали отмену продразверстки, возвращение утраченного. Реквизированное у П. И. Туркова имущество возвратили семье (вернувшиеся красные его вновь отобрали).

Центральная власть очень опасалась появления «Северного фронта». Поэтому направила отряд под командованием комиссара 232-го полка поляка Я. Ф. Судниковича.

С 26 мая мятежники стали уходить из Обдорска в ямальскую тундру, в устье Малой Оби и в верховья Обской губы. Зная, что в Карской товарообменной экспедиции 1921 г. принимают участие иностранные суда, «бунтовщики» рассчитывали на эвакуацию. Была, полагаем, и надежда, что удастся захватить и суда под советским флагом, переагитировав команды. Это не удалось, и, теснимые красными, они отступили за Уральские горы. А в это время Хэнскому волысполкому предписали провести перепись всех ушедших с повстанцами людей, составить списки погибших и утраченного имущества, скота.

Случаи грабежа и мародерства со стороны красноармейцев отмечали и на юге региона: в пос. Михайловском пострадала утварь церкви⁵². Между тем бойцам надлежало не грабить, а воевать, поскольку прорывались с боями в Китай большие группы, включая казаков, шедших с семьями и скарбом. Бывший военком ст. Екатеринбургской С. Г. Токарев в мае 1921 г. привел в Сибирь 1700 человек из бывших воинов 1-й Сибирской кавалерийской дивизии, Курганской освободительной армии и других отрядов.

Социализм в том варианте, что реализовывался в стране, — строй директивный, где коммунистическая партия должна идеологически обеспечить, а органы советской власти — преодолеть препятствия на пути построения системы, которая, в свою очередь, не предусматривала наличие третьей, сверхъестественной силы — божественной, и упорно с этим боролась на всех этапах своей истории.

Волнения 1920–1921 гг. подавлены с огромными жертвами, но советская власть не извлекла уроков, испытывая «сладострастие мести». В январе 1922 г. Безруковский волостной комитет РКП(б), например, запросил от уездной власти разъяснения: почему отряд товарища Голенайтиса берет продналог даже с беднейшего населения?

Эпиграф. «Занавес опускается...»

«Итоги» восстаний оказались плачевны не только в понесенных жертвах, но и в обнаружившихся «перспективах»: «Население Обдорского района обеспечено хлебом до 1 апреля будущего года по 20 фунтов на человека в месяц. Овощей и медикаментов нет».

На опасные симптомы «всеобщности» власть с опозданием, но отреагировала. В мае 1921 г. секретарь Тюменского губкома РКП(б) писал: «Среди тюркских народов необходимо вести большую политическую работу, отсутствие ее привело к тому, что мусульмане нашей губернии, ранее не отличавшиеся особой воинственностью, в дни бандитизма активно участвовали в выступлениях против советской власти». Другой политический деятель, секретарь Тобольского уездного комитета партии, подчеркивал, что «поголовное участие татарского населения в бандитском движении в 1921 г. показывает на безграничное невежество, политическую отсталость беднейших слоев населения и безграничную власть над ними кулаков-татар».

В то же время показательно, что к маю 1921 г. в Вагайскую волость вернулись 460 мусульман, вновь поверивших советской власти. Но продолжали сопротивляться и в июне разрозненные отряды в среднем течении Иртыша. Объявивший себя очередным главкомом чех Б. В. Сватов пытался использовать хантыйских помысловиков-охотников для засад, но безуспешно. Вскоре и сам погиб.

Несмотря на сорванную продрозверстку, руководством Омской, Алтайской, Томской, Семипалатинской, Енисейской, Иркутской губерний с 1 августа по 1 декабря 1921 г. должны были обеспечить сбор 110 млн пудов хлеба. Взамен им пообещали выделить кровельное железо, тазы, фуфайки, топоры и др.⁵³ Между тем восстания, совпавшие с обрушившимся на страну голодом, сильно подорвали экономику: 20 февраля 1922 г. на омском рынке мука стоила 4,5–5 млн руб. за пуд. Поскольку план продрозверстки был выполнен в Сибири на 75 %, введение продналога для Сибири отложилось. Да и оказался он сложнее в исполнении, в ряде случаев сопровождаясь репрессиями: «Добиваться от арестованных подписки исполнения 100 % налога в твердый срок, по получении подписок арестованных выпускать, но вести учет подпискам и неослабное наблюдение за выполнением».⁵⁴

К концу 1921 — началу 1922 г. голодали только по Казахской ССР 1309 тыс. человек. Отмечены были случаи людоедства, и самое страшное — люди поедали своих детей⁵⁵.

Ощущая всю совокупность «бед», латыши, литовцы, латгальцы, эстонцы, немцы, поляки стали эмигрировать. Если в 1920 г. оптировали эстонское гражданство (по данным Сибревкома) 4807 человек, то через год — уже 6406. Если в 1920 г. в Омской губернии проживали 2428 литовцев, то в 1924 г. в крае (по данным того же Сибревкома) осталось 310 литовцев, из которых 294 человек — в Алтайской губернии. Воспользовались возможностью эмигрировать и другие: из 6824 человек, завизировавших документы для въезда в Латвию с 1 апреля по 25 ноября 1922 г., латыши составляли 79,7 %, евреи — 5,4 %, поляки — 3,7 %, немцы — 2,1 %. Были среди них и русские (8,8 %), доказавшие наличие родственных связей в Латвии. Правом на оптиацию в Польшу воспользовались 6977 человек.

Еще дальше — в Германию, Китай и Америку — устремились меннониты (нередко уже именуюсь немцами), поскольку их сибирские колонии не оправались от опустошительных продовольственных кампаний и от ряда неурожайных годов. Немецкие хозяйства в 1922 г. сократили посевы вдвое.

Предчувствуя перемены, жившие в селениях Яланкуль, Каракуль и других сибирские бухарцы тоже решили эмигрировать в Турцию. Власти сорвали эмиграцию, а иных из активистов репрессировали.

«Очаги» еще долго тлели, но желающих выступать против власти становилось меньше. А когда «главнокомандующий Тавдинским районом» (ранее крестьянин, унтер-офицер, бывший красноармеец и бывший большевик) Пуртов 19 июля пытался мобилизовать заболотных татар, те сбежали из Кускургуля в лес⁵⁶.

Редкий случай, но обвиненный в октябре 1921 г. в участии в повстанческом движении мулла из Тюкалинского района Т. М. Мауметов был оправдан за недоказанность обвинения. Повезло казанскому татарину Н. Хуснутдинову, который, не оставляя крестьянских занятий, исполнял должность муллы Утяшевских юрт. Он выступил против репрессий и был арестован, но благодаря служившему в Красной Армии сыну его освободили через полгода.

Всеобщий характер репрессивные методы получили с середины 1920-х гг. Впрочем, позже пострадали и те, кто отстаивал советскую власть в Гражданскую войну, подавлял восстания 1920–1922 гг.

Вывод

Каждая власть, чтобы быть устойчивой и эффективной, должна в главном соответствовать чаяниям граждан. Этого не случилось в рамках «военного коммунизма». А результат — восстание против власти.

Примечания

¹ Гривенная Л. А. Крестьянское повстанчество в Северном Казахстане в начале 20-х годов XX века : учеб. пособие. Петропавловск, 2009. С. 66.

- ² Rihkova // *Latviešu konversācijas vardnesa*. Rīga, 1938. 39. 18.s.j. 36376. sl. ; МЭЭ ОмГУ. 1988. П. 47-1. Л. 1–2.
- ³ Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы : в 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 432.
- ⁴ Там же. С. 237.
- ⁵ Там же. Т. 1. С. 29.
- ⁶ Лоткин И. В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012.
- ⁷ Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 42.
- ⁸ ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 253. Л. 38.
- ⁹ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 152.
- ¹⁰ Васильев А. И. Отвоёванная Россия: книга воспоминаний и документов. Тюмень, 2011. С. 176 ; Сибирская Вандея... Т. 1. С. 35.
- ¹¹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 488. Л. 323 об.
- ¹² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 27.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 240.
- ¹⁴ Там же. Т. 2. С. 29, 40.
- ¹⁵ Баркан Н. М. Восстановление промышленности Сибири. 1920–1925 гг. // Из истории партийных организаций Сибири : науч. тр. НГПИ. Вып. 24. Новосибирск, 1968. С. 17.
- ¹⁶ Малиновский Л. В. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁷ Вторушин М. И. Социально-экономический и политический кризис 1920 — начала 1921 г. на территории Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 16–17.
- ¹⁸ Там же. С. 127.
- ¹⁹ Гарифуллин И. Б., Кабдулвахитов К. Б., Ярков А. П. «Мусульманский» аспект в «сибирских крестьянских восстаниях» периода утверждения советской власти (1917–1921 гг.) // 1937 год: память и уроки : материалы межрегион. конф. Тюмень, 2007. С. 21
- ²⁰ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 52.
- ²¹ Васильев А. И. Указ. соч. С. 111.
- ²² Сибирская Вандея... Т. 1. С. 230.
- ²³ Там же. Т. 2. С. 361.
- ²⁴ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 62.
- ²⁵ Государственный архив в г. Ишиме. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.
- ²⁶ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 68.
- ²⁷ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 66.
- ²⁸ Там же. Т. 2. С. 282.
- ²⁹ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 81.
- ³⁰ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 309.
- ³¹ Васильев А. И. Указ. соч. С. 343.
- ³² Сибирская Вандея... Т. 1. С. 394.
- ³³ Там же. Т. 1 С. 107, 112.
- ³⁴ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 59–61.
- ³⁵ Там же. С. 79.
- ³⁶ Васильев А. И. Указ. соч. С. 273.
- ³⁷ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 101.
- ³⁸ Там же. Т. 1. С. 349.
- ³⁹ Там же. Т. 2. С. 117, 326.
- ⁴⁰ Rihkova...
- ⁴¹ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 70.
- ⁴² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 501–502.
- ⁴³ Там же. Т. 2. С. 252.
- ⁴⁴ Васильев А. И. Указ. соч. С. 237.
- ⁴⁵ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 187.
- ⁴⁶ Васильев А. И. Указ. соч. С. 345.
- ⁴⁷ Гарифуллин И. Б., Кабдулвахитов К. Б., Ярков А. П. Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁸ МЭЭ ОмГУ. 1988. П. 47-1. Л. 1–2.
- ⁴⁹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 488. Л. 323 об.
- ⁵⁰ ЦДНИНО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 27.
- ⁵¹ Васильев А. И. Указ. соч. С. 193–195.
- ⁵² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 442.
- ⁵³ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 23–24.
- ⁵⁴ Баркан Н. М. Указ. соч. С. 78–79.
- ⁵⁵ Гривенная Л. А. Указ. соч. С. 140.
- ⁵⁶ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 559.

Н. Н. Макарова

Девиантное поведение в новых индустриальных центрах (по материалам Магнитогорска первой половины 1930-х годов)

Эпоха советской индустриализации стала важнейшим периодом отечественной истории, изменившим все стороны жизни общества и государства. Рубеж 1920–1930-х гг. — период социально-экономических экспериментов и трансформаций, когда закладывались основы нового образа жизни, — был одним из наиболее сложных. Целый ряд социально-экономических проблем повлек за собой снижение уровня жизни населения Советского Союза, что привело к количественному росту девиантных форм поведения. В значительной степени всплеск социальных аномалий был обусловлен революционными преобразованиями, происходившими в стране. В условиях Первой мировой и Гражданской войн, в ходе революционной борьбы, сопровождавшихся общим ростом уровня насилия, ценность человеческой жизни заметно снизилась, и как следствие, возросло число девиаций.

В Магнитогорске — городе-новостройке, куда съезжались рабочие со всего Советского Союза, — обстановка оказалась сложнее, чем по стра-

не в целом. В значительной степени это объяснялось «разношерстностью» контингента первостроителей и жителей города. Социальный портрет магнитогорца первой половины 1930-х гг. нарисовать достаточно сложно. Среди рабочих были заключенные, спецпереселенцы, представители различных социальных групп и национальностей, что усугубляло психологическую обстановку и увеличивало число конфликтов. Большие физические нагрузки и неустроенность быта также формировали сложную психологическую атмосферу. Важным фактором, влияющим на рост девиантных форм поведения в Магнитогорске, стало преобладание на строительстве города и завода молодежи, которая легче поддается негативному влиянию и воздействию психологической атмосферы. Данная возрастная категория, по мнению ряда психологов, также поддается значительному стороннему влиянию. Заметим, что основную часть осужденных в Магнитогорске составляли люди в возрасте 20–30 лет¹. Оторванные от семьи, лишенные

нормальных бытовых условий, забот о жилье и семейных обязанностей, многие молодые люди не знали, чем заняться. Свободное времяпрепровождение молодежи, предоставленной самой себе, подталкивало формирование стихийных коллективов. Подобные стихийно возникающие группы обладают высокой сплоченностью, агрессивностью, ориентированы на собственные, «внутренние» законы и легко усваивают стиль поведения криминальной среды. Подтверждением данных тезисов могут служить описи судебных дел за 1932–1933 гг.² Большинство преступлений совершались группами молодежи. Заметим, что данная тенденция характерна не только для Магнитогорска, но для Уральской области в целом³.

На территории города функционировала исправительно-трудовая колония. Контингент заключенных (расконвоированная часть) контактировал с населением города, частенько случались побеги. По данным на 15 сентября 1933 г., контингент Магнитогорской ИТК характеризовался следующим образом: «...общее количество отбывающих меру социальной защиты — 8480 человек, из них: без содержания под стражей — 7349 человек; в ссылке, соединенной с исправительно-трудовыми работами, — 548 человек; из общего числа лишенных свободы — 583 человека, рецидивистов — 33, женщин — 176»⁴. Хотя сроки заключения у большинства осужденных были небольшие, преимущественно от шести месяцев до одного года, имелись в магнитогорской колонии более серьезные преступники, срок наказания которых составлял пять и более лет за особо тяжкие преступления⁵. Кроме того, по данным оперативного отдела городского управления рабоче-крестьянской милиции и городского отдела ОГПУ, в Магнитогорске периодически «скапливались» «беспаспортники», то есть люди без определенного занятия и места жительства. Выживала такая категория горожан за счет систематического воровства и грабежей и, по словам городского прокурора П. Н. Кефала, они «буквально терроризировали население»⁶. Прокуратура и милиция вывозили «целыми вагонами» таких преступников из Магнитогорска, но по истечении определенного срока проблема вновь обострялась⁷. В Магнитогорск начиная с 1931 г. начали прибывать спецпереселенцы, многие из которых были озлоблены в связи с раскулачиванием, лишением избирательных прав, тяготами, перенесенными в дороге, а также сложностями бытового характера. О численности спецпереселенцев в Магнитогорске говорят данные архивов: в 1932 г. при Главном управлении Магнитостроя числилось 40 тыс. человек⁸. Усугублял обстановку в городе и пестрый национальный состав магнитогорцев: 83,7 % — русские, 6,8 % — украинцы, 2,7 % — татары, 1,57 % — белорусы, 1,37 % — башкиры, 1,1 % — киргизы и нагайбаки, по 0,5 % — мордва и прочие национальности⁹. Несомненно, разнообразная культурно-историческая база, образ жизни, ментальные

установки и традиции осложняли взаимоотношения среди магнитогорцев и влекли за собой формирование конфликтных ситуаций. Неоднократно представителей национальных меньшинств избивали, издевались над ними, обходили при выдаче премий, промтоваров, обслуживании в медицинских учреждениях¹⁰. В частности, на 9-м строительном участке «техник Фомин и десятник Чернов избивали нацменрабочего. На горе Ай-Дарлы нацменбригада подралась с русской бригадой “Красный партизан”»¹¹.

Волнообразный рост населения города за счет вновь прибывающих рабочих и крестьян, в соответствии с планом форсированной индустриализации и коллективизации страны, усугублял криминогенную обстановку. Хулиганство и драки были спутниками неблагоустроенного быта магнитогорцев. Переполненные бараки, по мнению В. Полонского, являлись одной из основных причин, вызывавших драки и хулиганство: «Но жилища переполнены сверх всякой меры, сверх отказа, вот в чем беда...»¹² Действительно, жилищная проблема становилась острой, жилищному приезжих приходилось тяжело. Газета «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковала статьи о хулиганстве, немотивированных актах жестокости, кражах, грабежах и убийствах. Спектр преступлений в Магнитогорске был достаточно широким: хищения и растраты, должностные преступления, хулиганства, преступления в сфере рабочего снабжения и общественного питания, спекуляции, преступления в сельском хозяйстве, конокрадство, бандитизм, грабежи и разбои, преступления в сфере культуры и быта и мошенничество. Статистические данные свидетельствуют о том, что наиболее распространенными видами преступлений в Магнитогорске в указанный период были хищения и различные кражи (36 %), должностные преступления (18,4 %) и хулиганство (16 %) ¹³.

Причины роста девиаций в городе, объясняемые объективными факторами, местная власть не принимала во внимание. Власти города не мирились с нарушениями правопорядка, но отклонение от норм в поведении, и прежде всего хулиганство, часто оценивалось с политической точки зрения. Исследователь Н. Б. Лебина отметила, что советское государство стремилось расценивать любое отклонение от норм с позиций политической конъюнктуры. Важным фактором, влияющим на рост хулиганства, являлась слабо организованная культурно-массовая работа. Психологи и дивантологи считают, что при наличии свободного времени, отсутствии культурных учреждений основными способами проведения досуга часто становятся пьянство и сопровождающие его драки, хулиганское поведение, а зачастую и преступления. В Магнитогорске неоднократно поднимали вопрос об организации культурного досуга населения с целью снижения девиантных форм поведения. В частности, газета «За металл» писала: «У нас нет красного уголка... Царит скука... Рабочие часто пьют»¹⁴.

Хулиганство по отношению к гражданам, сумевшим утвердить, а в некоторых случаях повысить свой социальный статус в условиях новой послереволюционной реальности, а также срыв культурных мероприятий рассматривались коммунистической партией, советским и местным руководством как проявления «вылазок классового врага»¹⁵, стремившегося сорвать планы пролетарского государства. Подобные явления нельзя оценивать однозначно, так как, с одной стороны, действительно имели место негативные проявления по отношению к данным категориям граждан со стороны лиц, лишенных свободы, спецпереселенцев. Здесь могли сказываться бытовые трудности, стрессы и унижения, пережитые людьми, возможно, чувство зависти. С другой стороны, нельзя утверждать, что хулиганы специально «выслеживали» ударников, комсомольцев и срывали культурные мероприятия. С хулиганами в Магнитогорске можно было встретиться даже в школе. Отказ от многовековой христианской морали вызвал ликвидацию элементарных регуляторов поведения и исчезновение уважения к старшим. Проблемы учебно-воспитательного процесса связывались главным образом с «происками классового врага» и слабой организацией коммунистического воспитания в школе. Все это, в сочетании с невероятно тяжелыми условиями жизни, приводило к распушенности детей и подростков. В качестве примера можно привести выдержку из информационной записки в Челябинский обком ВКП(б): «В школах области наблюдалось сильное хулиганство учеников, неуважительное отношение к учителям и учащимся друг к другу...»¹⁶ В отчете совещания партийных и комсомольских руководителей в ЦК ВКП(б) по вопросам пионерской работы от 7 мая 1933 г. отмечалось о неблагоприятной тенденции распространения хулиганства в индустриальных центрах Урала¹⁷. Кроме того, отмечалось, что в одной из школ Магнитогорска выявлена «бандитская воровская шайка», которая «вредила школе, терроризировала педагогов и учащихся»¹⁸. В городе было значительное число малолетних преступников. Прокуратура города была серьезно обеспокоена ростом детской преступности¹⁹. В течение января 1933 г. органами милиции было выявлено несколько десятков случаев участия малолетних в воровстве под руководством взрослых, но также в городе существовали преступные группы, состоящие только из детей²⁰. Самым громким стало дело о «шайке воров-школьников», которые в течение более двух лет занимались «организованным вредительством и воровством, устраивали целые побоища... было несколько случаев убийств»²¹.

Для борьбы с детской преступностью власти направляли малолетних преступников в детприемник Магнитогорска, который вскоре оказался переполненным. Боролась и за создание специальной организации по борьбе с детской беспризорностью и преступностью²². Кроме того, президиум городского совета издал 10 июля 1933 г.

специальное постановление «Об организации детколони для беспризорных детей», в которую направлялись несовершеннолетние нарушители закона из детприемника. Основными функциями названных организаций были борьба с беспризорностью и детской преступностью, организация системы патронажа и всех видов профилактической работы с детьми, а также пропаганда среди взрослого населения города²³. 19 октября 1933 г. горсовет издал обязательное постановление «О борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью», в соответствии с которым детям до 16 лет запрещалось «торговать на улице любым товаром, чистить обувь, болтаться на улицах и вокзалах, находиться на улице позднее 21 часа»²⁴.

Особое место среди девиантных форм поведения в Магнитогорске занимало воровство. Рассматривая данную проблему, стоит отметить, что в городе имело место как воровство в особо крупных размерах, связанное преимущественно со служебным положением, так и мелкое, бытовое воровство. Последняя категория придавала будням магнитогорцев особый колорит. Наибольшее возмущение среди горожан вызывало воровство в раздевалках при душевых металлургического завода: «...из-за халатности дежурной... 22 мая у горнового Скромного пропало из бумажника 60 рублей, у горнового Овсянникова пропало 30 рублей...»²⁵

Бытовые кражи совершались преимущественно людьми, ранее не занимавшимися воровством. Недоедание и недостаточность предметов первой необходимости в быту вынуждали горожан идти на преступления. Эти же причины подталкивали часто к спекуляции продуктами питания или одеждой. Кража дров в зимний период была наиболее распространенным типом воровства. Даже в бараке для сотрульников гороно неоднократно исчезали вязанки дров. Для борьбы с воровством в бараке был организован совет, который контролировал выдачу дров жильцам²⁶. Еще одним видом воровства в Магнитогорске была кража строительных материалов. Директора школ в целях форсирования ремонта школьных помещений или возведения зданий для учебных занятий сторожили вагоны с лесом, краской, мебелью, предназначенными для их школы, а учащиеся с родителями даже «выследили» пропавший вагон с красителями для гороно²⁷.

Но в ситуации всеобщей неразберихи находились предприимчивые горожане, которые наживались за счет чужой беды, спекулируя товарами первой необходимости, предназначенными для реализации в магазинах города. Наказания за столь разные виды спекуляции были приблизительно одинаковыми. Так, пять лет лишения свободы получили рабочий, продававший галоши, выданные ему на производстве, и группа лиц, систематически торговавшая ворованными продуктами.

Преобладающей девиацией в Магнитогорске в 1929–1935 гг. был алкоголизм, под воздействием которого в большинстве случаев совершались

преступления. В Магнитогорске, как и по всему Советскому Союзу, преобладало бытовое пьянство, связанное в значительной мере с проведением досуга. Однако пьянство можно рассматривать и как специфическую форму адаптации к новым сложным условиям, особенно при необходимости приспособляться к законам коллективного проживания. Госплан РСФСР при рассмотрении вопросов социально-культурного строительства в 1928 г. представил материалы к первому пятилетнему плану, которые содержали указания на девиации в специальном разделе «Борьба с социальными аномалиями (алкоголизм, беспризорность, нищенство, проституция)»²⁸. Борьба с алкоголизмом должна была развернуться в трех основных направлениях: регулирование производства и продажи спиртных напитков, лечебно-принудительные мероприятия и культурно-просветительская деятельность как способ отвлечения от пьянства. Однако в Магнитогорске попытки регулировать потребление спиртных напитков оказались неудачными. Свидетельством этого является введение на территории города сухого закона²⁹. Исследователь В. Полонский также указывает на наличие в Магнитогорске сухого закона: «Там нет продажи ни водки, ни пива»³⁰, однако это не означает, по его словам, что в городе не было пьяных. Действительно, при официальном запрете продавать спиртные напитки в городе существовала проблема алкоголизма. Довольно часто рабочие получали посылки из дома, в которых традиционно находились алкогольные напитки. «По обыкновению выпивший газовщик Спиридоненко»³¹ систематически пьянствовал в одном из барачков, а когда напивался, избивал первого попавшегося под руку. Единственным развлечением в городе для завербованных на строительство завода и города колхозных парней было пьянство. Кроме того, на территории города и в пригороде получило распространение самогоноварение, бороться с которым было практически бессмысленно³².

Общие причины существования преступности в городе в 1929–1935 гг. оставались неизменными. С одной стороны, в соответствии с теорией психолога XIX в. Ч. Ломброзо, это была врожденная предрасположенность к различным отклонениям, с другой стороны, социальная детерминированность, влияние среды и жизненных условий. По справедливому замечанию исследователя А. Г. Айрапетова, «вопрос о мотивации преступной деятельности связан с выявлением влияния социокультурной среды... и особенностей личностного развития...»³³. Основными же причинами аномальных проявлений в Магнитогорске выступали именно социально-экономические и социально-психологические факторы. Социально-экономическая обусловленность стала играть первостепенную роль и множила ряды преступников в обществе. Жизнь заставляла нарушать закон рядовых горожан. По имеющейся информации, в Магнитогорске процент рецидивистов был незначителен, что сви-

детельствовало о появлении так называемых ситуационных преступников — людей, которые вынуждены были в определенных условиях пойти на преступные действия. Психолог Т. Шибутани оценивал это как поведение человеческих существ, вынужденных выработать последовательный ряд приспособлений к условиям жизни. Повседневные бытовые трудности жизни, работы и учебы переплетались со специфической морально-психологической обстановкой. Жители строящегося Магнитогорска, по-видимому, испытывали стрессовые ситуации и постоянно были подвержены чувству повышенной эмоциональности. Это было вызвано серьезными изменениями в их обыденной жизни: новая работа, жилье, соседи... По улицам города было опасно ходить. Новые индустриальные города в 1930-е гг. пользовались «дурной славой»³⁴. Кроме пьянства ситуацию обостряли недостаточное количество служителей правопорядка и немощные, плохо освещенные улицы.

Социально-стратификационный срез преступности в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. показывает, что 95–97 % задержанных имели постоянную работу и относились к экономически активному населению. Оставшиеся 3–5 % задержанных являлись чаще всего несовершеннолетними. Анализ их правонарушений выявил, что основную часть малолетних преступников составляли не беспризорники, а дети из семей. Подавляющее преобладание среди воров и растратчиков лиц, получавших заработную плату, следует связать с наличием в городе жесткой системы распределения и нехваткой предметов первой необходимости, с желанием населения устроить свою жизнь как можно комфортнее. Детская преступность являлась прежде всего следствием недостаточного внимания, уделяемого детям в семьях, плохо организованной воспитательной и учебной работой и, естественно, порождалась неблагоприятными условиями жизни.

Таким образом, в Магнитогорске проблема девиаций стояла чрезвычайно остро. В 1930-е гг. индустриализация и социально-стратификационная модернизация общества оказались теснейшим образом сопряжены со сложными процессами адаптации магнитогорцев к основам абсолютно нового образа жизни. Среди других причин возникновения отклоняющегося поведения следует назвать плохую контролируемость потоков рабочих, прибывающих и покидающих Магнитострой, и невзгоды городской жизни. Они являлись благодатной почвой для городской преступности и существования других социальных отклонений. В 1929–1935 гг. в Магнитогорске только формировался процесс поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью. В целом город представлял собой сложное сплетение различных девиаций, вызванных в значительной степени специфической обстановкой, сформировавшейся здесь.

Примечания

- ¹ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 46. Д. 5. Л. 22.
² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 446.
³ Там же. Д. 452, 456, 466, 494.
⁴ *Баканов В. П.* Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2001. С. 218.
⁵ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 151.
⁶ Там же. Д. 8. Л. 39.
⁷ Там же. Л. 390.
⁸ ЦДОССО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 157.
⁹ *Зверев А.* На стройке гиганта. Свердловск, 1931. С. 70.
¹⁰ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 121. Оп. 2. Д. 16. Л. 11.
¹¹ *Зверев А.* Указ. соч. С. 90.
¹² *Полонский В.* Магнитострой. М., 1931. С. 45.
¹³ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.
¹⁴ За металл. 1934. 23 нояб.
¹⁵ *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1990. С. 202.
¹⁶ *Загребин С. С.* Повседневность как историческая реальность: 1930-е гг. на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. Челябинск, 1997. С. 84.
¹⁷ *Журавлев С. В., Соколов А. К.* «Счастливое детство» // Социальная история : ежегодник. 1997. М., 1998. С. 166.

- ¹⁸ Там же.
¹⁹ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 29.
²⁰ Там же.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.
²⁴ Там же. Д. 11. Л. 2.
²⁵ За металл. 1934. 27 мая.
²⁶ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
²⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 92.
²⁸ *Бордюгов Г. А.* Проблемы борьбы с социальными аномалиями в первом пятилетнем плане // Опыт планирования культурного строительства в СССР. СПб. ; М., 1988. С. 136.
²⁹ *Казакевич Э.* Слушая время. Дневники. Записные книжки. Письма. М., 1990. С. 104.
³⁰ *Полонский В.* Указ. соч. С. 48.
³¹ За металл. 1934. 12 марта.
³² Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
³³ *Айрапетов А. Г.* Преступность в Будапеште и Вене в конце XIX — начале XX века: опыт компаративного анализа // Социальная история : ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 461.
³⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 264.

Б. Д. Шмыров, И. В. Стоякин, В. Б. Феркель

Вопросы еще остаются...:

массовые политические репрессии в Челябинской области

В данной статье авторы постарались дать краткий анализ и выводы о событиях, проходивших в Советском Союзе и Челябинской области с июля 1937 по ноябрь 1938 г. и получивших затем несколько названий, в зависимости от взгляда тех или иных социальных групп российского общества. Если до развала СССР идеологи КПСС штамповали ярлыки типа «истребление лучших сынов коммунистической партии», «невинные жертвы сталинских репрессий», «Большой террор»¹, то теперь есть и другие названия происшедшего в указанный исторический промежуток: «очищение общества и Красной Армии от последователей Троцкого», «запретная правда о «сталинских репрессиях»»² и т. д.

Авторы не считают нужным останавливаться на много и часто цитируемых высказываниях советских политиков и статистических данных из работ авторов по озвученной теме. Причина простая. Как теперь выясняется, значительная часть подобной информации не соответствует действительности, но в конце 1980-х гг. усилиями идеологического отдела ЦК КПСС она была растиражирована в СМИ Советского Союза и была подана для советских исследователей и историков в качестве примера строго научного подхода к озвученной теме³.

Учитывая обширную территорию, на которой происходили вышеназванные события, авторы сузили географию, хронологию и объект своего исследования, ограничившись летом 1937 — но-

ябрем 1938 г., деятельностью особой тройки УНКВД по Челябинской области (далее по тексту — тройка) и границами Челябинской области в указанный период. Рассматривая тему о работе особой тройки, авторы обратились в первую очередь к содержанию электронной «Книги памяти жертв политических репрессий в Челябинской области»⁴, материал которой послужил основой для наработки статистических и других данных, использованных в статье. Также использовались данные из документов ГАРФ и других источников.

Авторы оставили за рамками статьи материал по так называемым расстрельным «сталинским спискам» 1937–1938 гг. по Челябинской области, так как считают, что он не соответствует теме о действиях тройки УНКВД Союза ССР по Челябинской области. Кроме того, данная тема требует отдельного изучения имеющегося материала и тщательной работы с ним.

1

При исследовании деятельности особой тройки УНКВД по Челябинской области с лета 1937 по ноябрь 1938 г., авторы кратко рассмотрели ряд показателей результатов деятельности советской системы наказания в 1937–1939 гг., используя для этого доступные данные. При этом к заявленным данным из указанной статистики надо подходить очень внимательно и осторожно.

Первого февраля 1954 г. к Н. С. Хрущеву с письмом обратились Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел СССР Н. С. Круглов и министр юстиции СССР К. П. Горшенин. В документе говорилось, что, по данным МВД Союза ССР, всего за период с 1921 по декабрь 1953 г. за контрреволюционную деятельность были осуждены 3 777 380 человек, из них к высшей мере наказания (ВМН) приговорены 642 980 человек. К вынесениям приговоров были причастны Коллегия ОГПУ, тройки НКВД, Особое совещание НКВД, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР, суды и военные трибуналы⁵.

Согласно докладу комиссии Н. П. Поспелова (далее — комиссия), по информации, которую использовал в своем «закрытом» докладе Н. С. Хрущев⁶ перед окончанием работы XX съезда КПСС в феврале 1956 г., за два года (1937–1938) были арестованы по обвинению в антисоветской деятельности 1 548 366 человек. Из них расстреляны 681 692 человека.

В годы горбачевской перестройки Д. А. Волгонов без ссылок на источники озвучил число репрессированных в Советском Союзе за вышеуказанный период — 5,5 млн человек, 900 тыс. осужденных из этого числа были расстреляны⁷.

При этом надо учитывать, что вынесением приговоров осужденным кроме НКВД занимались военные трибуналы соответствующих военных округов Союза ССР, а также союзные, краевые, областные гражданские суды и суды советских автономных территориальных образований, суды ряда союзных наркоматов.

Основанием для ведения военными трибуналами дел как военных, так и гражданских лиц служило совместное Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 августа 1926 г. «Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре»⁸. Затем в 1930 г. на основании Постановления ЦИК СССР «О железнодорожных судах» начали свою деятельность железнодорожные суды⁹, в июне 1934 г. были созданы суды на водном транспорте согласно совместному Постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры»¹⁰.

В 1937–1938 гг. законченные следственные дела арестованных УНКВД Челябинской области направлялись «на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, военному трибуналу, спецколлегии областного суда, Особому совещанию (ОСО) при НКВД СССР, тройке УНКВД Челябинской области и на решение наркома внутренних дел и прокурора СССР»¹¹. Число осужденных в 1936–1939 гг. в Советском Союзе органами НКВД и юстиции указаны в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что в 1937–1938 гг. общее число осужденных составляло 1 817 319 человек, что подтверждает данные комиссии. Но полученное число осужденных требует пояснений. Во-первых, надо учитывать, что в таблице кроме осужденных по ст. 58 УК РСФСР¹² представлены лица, осужденные за уголовные преступления. В докладе комиссии было указано, что за антисоветскую деятельность в указанный период были арестованы 1 548 366 человек, из них расстреляны 681 692 человека. Следовательно, 866 674 осужденных в конце указанного периода, то есть в 1938 г., должны были находиться в местах лишения свободы (в тюрьмах, на этапах, в ИТЛ) или учтены как умершие.

В конце XX столетия были опубликованы многочисленные данные, в том числе из Архива Президента РФ, о репрессивной деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ за период 1918–1953 гг.¹³ Публикация позволила по-новому оценить исследования и численность репрессированных в Советском Союзе в 1937–1938 гг., о чем говорят данные табл. 2.

Историк О. Мозохин также не указал, сколько человек было осуждено за указанный период, в том числе приговорено к ВМН по ст. 58 УК РСФСР. Он оставил без изменений численность осужденных за 1937 и 1938 гг., в том числе и расстрелянных — 681 692 человека, не делая разделения на политических и других заключенных¹⁵.

Сравнивая указанные ранее данные о репрессированных, авторы считают, что частично соответствует реальностям информация, указанная в книге «Реабилитация: как это было...», где указана численность «политических», арестованных по ст. 56 и за другие уголовные преступления. Но при этом в указанной работе также нет инфор-

Таблица 1

**Число осужденных органами НКВД и юстиции
в 1936–1939 годах в Советском Союзе***

На 31 декабря	Осуждено человек				
	всего НКВД	в том числе		судами и трибуналами	итого
		ОСО	тройками		
1936	282 712	—	—	556 694	839 406
1937	253 652	—	—	567 300	820 952
1938	496 191	36 865	—	500 176	996 367
1939	782 414	109 327	306 906	534 781	1 317 195

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 8.

Таблица 2

Численность репрессированных в Советском Союзе в 1937–1938 годах*

Год	Арестовано человек			Всего осуждено человек	В том числе приговорено к ВМН
	всего	в том числе			
		по ст. 58 УК РСФСР	по ст. 58 УК РСФСР за антисоветскую агитацию		
1937	936 750	779 056	234 301	790 665	353 074
1938	638 509	593 326	57 366	554 258	328 618
Итого	1 575 259	1 372 382	291 667	1 344 923	681 692

* Составлено по: Реабилитация: как это было...¹⁴.

мации о количестве осужденных, в том числе приговоренных к ВМН, из числа политических и уголовных преступников.

Появляется несоответствие между данными комиссии, опубликованными в книге «Реабилитация: как это было...» и той информацией, которая стала доступна при работе с документами фонда НКВД СССР. Архивные данные на конец учетного года дают другое число осужденных по политическим мотивам, содержавшихся лагерях НКВД, а также умерших там заключенных без указания статей: в 1937 г. — 104 826 человек (всего умерло 25 376), в 1938 г. — 185 324 человека (всего умерло 90 546). Следовательно, в 1937–1938 гг. всего насчитывалось 290 150 человек, осужденных по политическим мотивам и доставленных в места лишения свободы при общем числе умерших 115 922 человек, без указания политических или уголовных статей Уголовного кодекса¹⁶. Возникает вопрос: «А где остальные, не получившие по приговорам ВМН, из 576 525 заключенных, за вычетом погибших в тюрьмах, на этапах по пути в ИТЛ, в ИТЛ, осужденных по печально знаменитой статье Уголовного кодекса редакции 1926 года?» Вопрос требует ответа. Другой вопрос в исследовании событий 1937–1938 гг. заключается в присутствии военнослужащих РККА и служащих органов НКВД Союза ССР в числе репрессированных.

Говоря о применении НКВД к репрессированным высшей меры наказания — расстрела, необходимо учитывать следующий фактор. К территории действия органов НКВД 1937 г. необходимо добавить территории, вошедшие в состав СССР к лету 1940 г. В первую очередь это относится к освобожденным Красной армией от польской оккупации территорий Западной Белоруссии и Западной Украины. Кроме того, это часть Бессарабии и страны Прибалтики — Эстония, Латвия, Литва. Таким образом, к концу 1940 г. НКВД привел в исполнение ВМН как по отношению к осужденным по политическим мотивам, так и к уголовным элементам на территории **всего** Советского Союза: в 1939 г. расстреляно 2552 человек; в 1940 г. — 1649¹⁷.

В числе осужденных были задержанные представители карательных органов и вооруженных антисоветских бандформирований, криминальные элементы с территорий, вошедших в состав

Советского Союза в указанный отрезок времени. Кроме этих категорий лиц, осужденных до начала Великой Отечественной войны, в статистике расстрелянных НКВД необходимо учитывать и часть членов антисоветских вооруженных бандформирований, задержанных при попытке прорваться на советскую территорию через государственную границу СССР с Турцией, Ираном, на Дальнем Востоке.

2

В продолжение темы необходимо отметить, что 30 июля 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов подписал оперативный приказ по НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»¹⁸. Все антисоветские элементы, подлежащие репрессиям, разбивались, согласно оперативному приказу, на две категории:

...а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, — РАССТРЕЛУ;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

Согласно представленным учетным данным, наркоматами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждалась для каждой области, каждого края конкретная численность подлежащих репрессии. По Челябинской области число репрессированных определялось в 6000 человек. Из них по первой категории было указано 1500 человек, по второй — 4500. Начиная с 5 августа 1937 г. специально подготовленные оперативные группы НКВД начали репрессии по отношению к активным антисоветским элементам на всей территории Советского Союза.

Советские, а сегодня значительная часть российских исследователей, осуждающих так называемые массовые политические репрессии,

содержание и практическое претворение оперативного приказа на местах, указывают не всех представителей социальных групп Советского Союза, подлежащих запланированным репрессиям. Указывают бывших кулаков, бежавших из лагерей или трудпоселков, вернувшихся после отбытия наказания, скрывшихся от раскулачивания, и представителей антисоветских партий (эсеров, дашнаков и др.), а также бывших белых, жандармов, чиновников, карателей, бандитов, бандпособников, переправщиков, реэмигрантов, скрывшихся от репрессий, бежавших из мест заключения и продолжавших вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

Причисляя вышеперечисленные контингенты к подлежащим репрессиям, согласно п. 1–6 раздела I оперативного приказа, исследователи, как правило, не указывают следующие категории:

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам, которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

Таким образом, уголовные элементы, занимавшиеся преступной деятельностью, стали представителями антисоветских сил по определению оперативного приказа № 00447 НКВД Союза ССР.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г. № П51/199, согласно оперативному приказу, был озвучен состав троек НКВД СССР, в том числе и по Челябинской области. На территории РСФСР председателем тройки назначался руководитель или его заместитель областного / краевого управления НКВД (в автономных республиках — нарком внутренних дел республики). Членами тройки утверждались руководители или представители партийных органов и прокуратуры / суда. Члены троек, указанные в оперативном приказе или утвержденные после его выхода, несли персональную ответственность за проведенные расстрелы и направление в ИТЛ осужденных.

Авторы считают необходимым привести краткие данные из биографий членов троек Управления НКВД по Челябинской области, то есть тех, кто принимал личное участие в репрессиях с лета 1937 по ноябрь 1938 г. или был их свидетелем:

БЛАТ Иосиф Михайлович (Иось-Герш Михедевич). Начальник Управления НКВД по Челябинской области с 10 сентября 1936 по 13 июля 1937 г. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) П51/199 от 10 июля 1937 г. был назначен председателем тройки УНКВД СССР по Челябинской области. Арестован 13 июля

1937 г., поэтому его фамилия не попала в оперативный приказ № 00447 НКВД СССР от 30 июля 1937 г. Расстрелян 15 ноября 1937 г.

ЧИСТОВ Павел Васильевич, майор госбезопасности. С 29 июля 1937 г. начальник Управления НКВД по Челябинской области. Согласно оперативному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. назначен членом, затем председателем тройки УНКВД по Челябинской области. С 28 февраля 1938 г. начальник Управления НКВД по Сталинской (Донецкой) области. Умер в Москве в 1982 г.

МАЛЫШЕВ Борис Александрович, майор госбезопасности. С января 1936 г. заместитель начальника Управления НКВД по Челябинской области. Согласно постановлению Политбюро ВКП(б) № П51/199 от 10 июля 1937 г. и оперативному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. назначен членом тройки УНКВД по Челябинской области. Освобожден от должности 31 августа 1937 г. С 10 января 1938 по 21 января 1939 г. начальник Управления НКВД по Иркутской области. Арестован после 21 января 1939 г. Расстрелян 27 июля 1941 г.

СОКОЛИНСКИЙ Давид Моисеевич, старший майор госбезопасности. С 26 февраля по 30 апреля 1938 г. начальник Управления НКВД по Челябинской области. Согласно положению оперативного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. был председателем тройки УНКВД по Челябинской области. В апреле 1938 г. переведен в Наркомат водного транспорта СССР. Арестован в январе 1939. Расстрелян 21 января 1940 г.

ЛАПШИН Федор Георгиевич, капитан госбезопасности. С 27 сентября по 22 ноября 1937 г. помощник начальника Управления НКВД по Челябинской области. Заместитель начальника Управления НКВД по Челябинской области с 22 ноября 1937 по 28 мая 1938 г. На основании исходящей шифрограммы НКВД от 16 октября 1937 г. назначен членом тройки УНКВД по Челябинской области. С 28 мая 1938 по 28 января 1939 г. начальник Управления НКВД по Челябинской области и одновременно председатель тройки УНКВД по Челябинской области. Арестован в 1939 г. Расстрелян 25 сентября 1940 г.

ПОДОБЕДОВ Владимир Николаевич. Старший лейтенант госбезопасности. Секретарь тройки УНКВД по Челябинской области в 1937–1938 гг.

Кроме профессионалов из органов внутренних дел Союза ССР личное активное участие в репрессиях принимали партийные руководители Челябинского обкома ВКП(б) и Прокуратуры Челябинской области:

РЫНДИН Кузьма Васильевич. Первый секретарь Челябинского обкома и горкома ВКП(б) с 22 января 1934 по октябрь 1937 г. Согласно Постановлению Политбюро ВКП(б) № П51/199 от 10 июля 1937 г. и оперативному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. был назначен членом тройки УНКВД по Челябинской области. Арестован 12 октября 1937 г. Расстрелян 10 февраля 1938 г.

ХИТАРОВ Рафаэль Мовсесович. С июля 1937 г. секретарь Челябинского обкома ВКП(б). На основании исходящей шифрограммы НКВД

от 16 октября 1937 г. назначен членом тройки УНКВД по Челябинской области. Арестован 12 ноября 1937 г. Расстрелян 28 июля 1938 г.

УМАНСКИЙ Николай Семенович. Прокурор Челябинской области с 24 апреля 1935 г. Член тройки УНКВД по Челябинской области. Арестован в октябре 1937 г. Расстрелян 17 июля 1938 г.

ФИЛИППОВ Андрей Владимирович. С июля 1937 г. заместитель, и. о. прокурора Челябинской области. Член тройки УНКВД по Челябинской области. Арестован в ноябре 1937 г. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян 29 августа 1938 г.¹⁹

ТКАЧЕНКО Вячеслав Михайлович. С ноября 1937 г. и. о. прокурора Челябинской области. Член тройки УНКВД по Челябинской области. Снят с занимаемой должности в феврале 1938 г.²⁰

Деятельность всех видов троек НКВД Союза СССР, в том числе и в Челябинской области, по проведению новых арестов, ведению следствия и вынесению приговоров была прекращена после выхода Постановления СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Следствия по делу арестованных тройкой УНКВД по Челябинской области, начатые до указанной даты, были закончены в декабре 1938 г. и первом квартале 1939 г.

3

В тексте вступления «От авторов» в «Книге памяти» указывается, что «...в Челябинской области был осужден 37 041 человек, из них к расстрелу приговорены 11 592». Относительно приведенных данных, частично искаженных, по указанному числу репрессированных у авторов вопросов нет. Возникает несколько вопросов к авторам статьи «От авторов», не нашедших ответов на вопросы, появившиеся у них в ходе работы с материалом книги. Во-первых, хронологические рамки записей в книге не указаны, и следовательно, остается открытым вопрос о дате начала и окончания работы органов правопорядка. Во-вторых, как составители книги определяли границы Челябинской области? Территория Челябинской области, согласно существовавшему административно-территориальному делению в указанный период исследования, отличалась от современной. О какой территории в книге идет речь, если учитывать, что с момента образования Челябинской области 17 января 1934 г. до 6 февраля 1943 г. было проведено пять ее административно-территориальных изменений?

Кроме того, название и структура районов самой Челябинской области тоже претерпевали изменения, что не нашло отражения в комментариях к тексту из-за отсутствия в книге самого раздела «Комментарии»²¹. Авторы настоящей статьи постарались обозначать места проживания и работы репрессированных с учетом произошедших административно-территориальных делений

во время исследуемого исторического периода. Единственное исключение сделано авторами статьи для Южно-Уральской железной дороги, поскольку ее структуры обладали некоторой экстерриториальностью.

В ходе работы с «Книгой памяти» авторы статьи постарались определить хронологические рамки работы органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МВД — МГБ Союза ССР в существующих границах Челябинской области с 31 августа 1919 г.²² по 16 июня 1952 г.²³ При этом не исключается изменение этих дат на основе других документов.

В результате репрессивной деятельности тройки УНКВД Союза ССР по Челябинской области жертвами стали жители как областного центра Челябинска, так и области. Общее количество граждан, подвергшихся репрессиям по ст. 58 УК РСФСР с августа 1937 по ноябрь 1938 г., по данным, приведенным в «Книге памяти», авторы определили в 6232 человека, в том числе 276 женщин. Последующие данные, приводимые авторами в тексте, являются результатом работы с информацией об указанных 6232 репрессированных. Число репрессированных, указанных авторами, не окончательное и может как увеличиться, так и уменьшиться.

В январе 1956 г. начальником Управления КГБ по Челябинской области была подготовлена и отправлена справка для секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова. В документе говорилось:

За два года (1937–1938 гг.) УНКВД по Челябинской области было арестовано 25 368... человек, из них приговорено 14 379 человек к ВМН, остальные к различным срокам лишения свободы.

Тройкой УНКВД рассмотрено следственных дел на 16 786 человек, по которым приговорено 8656 ч[еловек] к ВМН²⁴.

Таким образом, требования оперативного приказа по Челябинской области к показателю итогового числа репрессивных в 6000 человек были исполнены с превышением более чем в два раза. По первой категории, то есть к ВМН, должны были быть приговорены 1500 человек. Но пункт 5.4 цитируемого документа давал тройкам право менять на их усмотрение число репрессированных по категориям: «Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по второй категории — к первой категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, — ко второй». Следовательно, пользуясь указаниями пункта 5.4 оперативного приказа, тройка УНКВД по Челябинской области приговорила к ВМН и привела приговоры в исполнения по отношению к 8656 осужденным, тем самым превысив указанный показатель (1500 человек) более чем в пять раз.

После проверки результатов деятельности тройки УНКВД по Челябинской области в документе от 16 января 1956 г. говорилось:

...В 1937–1938 годах бывшим руководством Управления НКВД по Челябинской области, а также периферийными органами, под видом борьбы с контрреволюцией и очистки области от антисоветских элементов проводилось большое количество незаконных и необоснованных арестов советских граждан, в том числе относившихся к советскому и партийному активу.

Сам процесс следствия проводился с грубым нарушением социалистической законности.

Обвинения арестованным фальсифицировались путем подлога документов, составлялись фиктивные и вымышленные показания, записи показаний в своем большинстве не соответствовали действительности и подписывались арестованными под физическим воздействием или при помощи провокационной камерной обработки, искусственно создавались дела по обвинению в принадлежности к так называемым контрреволюционным, повстанческим, белогвардейским, эсеровским и различным другим организациям...

...Привлеченные по этим [следственным] делам [репрессированные] лица, путем фальсификации следственных материалов искусственно объединялись в контрреволюционные повстанческие, шпионские организации и формирования, создавая видимость о наличии в области якобы действующего организованного контрреволюционного подполья²⁵.

Проверив на основе «Книги памяти» полученную информацию о деятельности тройки УНКВД Челябинской области в 1937–1938 гг., авторы сравнили ее с материалом из другого источника²⁶ и для наглядности все данные свели в табл. 3.

Таблица 3

Количество репрессированных в Челябинской области (по разным источникам)

Источник информации, период	Приговорено, чел.		
	к ВМН	к лишению свободы	всего
«Книга памяти», август 1937 — 1938 г.	3262	2970	6232
Справка для секретаря ЦК КПСС, 1937–1938 гг.	8656	8130	16 786

Авторы решили привести в своей работе ряд показателей для лучшего восприятия информации о тех 6232 репрессированных, чьи данные указаны в «Книге памяти». С партийной принадлежностью подсудимых можно ознакомиться в табл. 4.

Таблица 4

Партийная принадлежность репрессированных

Организация	Количество членов
ВКП(б)	227
ВЛКСМ	28
РСДРП(м)	14

Организация	Количество членов
Эсеры	253
Эсер / РКП(б)	1
Анархист	1
Грузинская партия	1
Беспартийные	5707

На основании данных табл. 4 можно сделать вывод, что подавляющую часть репрессированных составляли беспартийные, за ними шли члены партии социал-революционеров (эсеры), затем члены Всероссийской коммунистической партии (большевиков) и представители ее резерва — комсомольцы, а также представители меньшевистского крыла РСДРП.

Национальный состав репрессированных за исследуемый хронологический период представлен в табл. 5, из которой следует, что основную часть составляли русские (4635 человек, или около 74,4 %).

Таблица 5

Национальный состав репрессированных

Национальность	Численность, чел.
Австриец	7
Албанец	2
Американец	1
Армянин	12
Башкир	131
Белорус / белоруска	92 / 5
Болгарин	43
Венгр (мадьяр)	13
Грек	3
Грузин	8
Еврей / еврейка	39 / 13
Итальянец	1
Казах	7
Киргиз	1
Кореец	3
Латыш / латышка	16 / 1
Литовец	5
Мариец	5
Мордвин/мордовка	39 / 2
Нагайбак	64
Немец/немка	230 / 9
Перс	1
Поляк/полячка	84 / 10
Румын/румынка	11 / 1
Русский/русская	4419 / 216
Серб	2
Татарин/татарка	235 / 5
Татарин-нагайбак	4
Турок	1
Удмурт	1
Узбек	1

Окончание табл. 5

Национальность	Численность, чел.
Украинец / украинка	280 / 8
Финн/финка	2 / 1
Хорват	1
Цыган/цыганка	2 / 1
Чех	7
Чуваш	16
Эстонец	13
Не указана национальность, мужчины / женщины	151 / 7

Возраст репрессированных мужчин был в диапазоне от 17 до 76 лет. Мужчин в возрасте 78, 81, 89, 99 лет было по одному человеку. Возраст репрессированных женщин был от 17 до 65 лет. В возрасте 67 были две женщины, в возрасте 68 лет и 71 год — по одной осужденной. Отсутствуют данные о возрасте 44 мужчин и 7 женщин.

Социальное происхождение репрессированных указано в табл. 6, из которой видно, что основная часть арестов пришлась на жителей сельской местности, в том числе на часть крестьянства из числа так называемых кулаков. Численность этой группы жителей сельской местности составляла минимум 2656 человек. По мнению авторов, представители указанной социальной группы были и среди тех 1373 человек, кого записали как «крестьян», и среди 338 человек, указанных в графе «Крестьяне (середняки)».

Таблица 6

Социальный состав репрессированных

Социальная группа	Численность, человек
Буржуазия	1
Дворяне	28
Интеллигенция	12
Казачи	21
Крестьяне	1373
Крестьяне (бедняки)	213
Крестьяне (казачи)	110
Крестьяне (кулаки)	2656
Крестьяне (середняки)	338
Купцы	70
Кустари	41
Мещане	80
Помещики	4
Рабочие	492
Ремесленники	1
Священнослужители	55
Служащие	341
Торговцы	62
Не указано	334

В табл. 7 авторы привели данные по уровню образования репрессированных.

Таблица 7

Уровень образования репрессированных

Образование	Численность, чел.
Два курса института	1
Семь классов	2
Восемь классов	3
Высшее	91
Высшее медицинское	1
Высшее педагогическое	1
Высшее техническое	2
Духовная семинария	1
Духовная школа	1
Духовное	2
Институт	1
Медицинская школа	1
Неполное среднее	6
Неоконченное высшее	64
Среднее	344
Среднее военное	2
Среднее педагогическое	2
Среднее специальное	6
Среднее техническое	25
Среднее медицинское	4
Средне-духовное	1
Специальное военное	1
Специальное военное	1
Неоконченное среднее	129
Неоконченное средне-техническое	2
Ремесленное училище	1
Низшее и начальное	5538

Согласно данным «Книги памяти», в 1937 г. тройка УНКВД по Челябинской области до 30 декабря включительно провела на своих заседаниях рассмотрение дел 4057 человек. С 2 января до 30 декабря включительно 1938 г. тройка на заседаниях рассмотрела дела 2157 человек, 7 марта 1939 г. — дело одного человека. За одно заседание тройка рассматривала дела от одного до несколько подсудимых. Наибольшее количество дел было рассмотрено в ноябре 1937 г. Это был месяц 20-й годовщины Октябрьской революции. Только без учета тех дней, когда тройка рассматривала дела одного-трех человек, были рассмотрены дела: 4 ноября — 229 человек, 10 ноября — 211, 15 ноября — 379, 20 ноября — 236, 26 ноября — 486.

Второго декабря тройка УНКВД по Челябинской области рассмотрела дела на 817 (!) подсудимых.

До вынесения приговора умер один человек. По данным табл. 8 можно оценить сроки наказания, вынесенные тройкой УНКВД по Челябинской области в ходе заседаний.

Таблица 8

Установленные сроки наказания

Мера и срок наказания	Численность приговоренных, чел.
Четыре месяца лишения свободы	1
Семь месяцев ИТЛ	1
Один год ИТЛ	2
Два года под надзор по месту жительства	16
Три года ИТЛ	62
Три года лишения свободы	14
Три года тюрьмы лишения свободы	1
Пять лет лишения свободы	15
Пять лет ИТЛ	81
Пять лет концлагеря	2
Пять месяцев ИТЛ	1
Семь лет ИТЛ	4
Семь лет лишения свободы	1
Восемь лет	6
Восемь лет ИТЛ	1
Восемь лет ИТЛ	131
Восемь лет лишения свободы	3
Десять лет	87
Десять лет ИТЛ	1672
Десять лет концлагеря	1
Десять лет лишения свободы	361
Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого	10
Дело прекращено в связи с болезнью обвиняемого	1
Дело прекращено	56
Зачесть в наказание срок предварительного заключения	18
Освобождены с зачетом срока пребывания под следствием	30
Освобождены, гласный надзор по месту жительства	2
Из-под стражи освобождены	6
Нет сведений	3

По результатам проведенной работы авторы статьи пришли к следующим выводам. Обострившаяся в середине 1930-х гг. борьба за власть в Кремле явилась главной причиной тех событий, которые произошли в Советском Союзе в 1937–1938 гг. и привели к репрессиям по отношению ко всем социальным группам советского общества. Ангажированное и заявленное в советский период число жертв так называемого Большого террора оказалось завышенным по сравнению с фактическими результатами, ставшими известными в ходе кропотливой работы российских исследователей. Сегодня продолжается усиленная кам-

пания по фальсификации истории СССР, в том числе и периода Большого террора. И это несмотря на открытие в архивах Российской Федерации источников, которые позволяют историкам и специалистам исследовать события, происшедшие во второй половине 1930-х гг. в Советском Союзе, анализировать их и делать выводы.

Дискуссионной остается тема, являются ли события 1937–1938 гг. одной из причин добровольной сдачи военнослужащих РККА в плен в годы Великой Отечественной войны. Остается нерешенным очень спорный вопрос по результатам так называемой реабилитации жертв политических репрессий. Причина — отсутствие ясной нормативно-правовой базы, выверенной практической работой.

Общим итогом репрессий 1937–1938 гг. для советского общества стала мотивация на повышение сознательности, личной ответственности во всех звеньях исполнителей. При этом часть исследователей объясняют такой итог страхом общества перед практикой широких репрессий, проводимой органами НКВД. Укрепление трудовой и производственной дисциплины во всех отраслях советской экономики, образования и науки явилось одним из факторов победы Советского Союза над нацистской Германией в Великой Отечественной войне.

Авторы согласны с тем, что в результате так называемых сталинских репрессий были расстреляны не только беспартийные и рядовые члены ВКП(б), но и «коммунисты, верные ленинцы» из числа тех, кто принимал личное участие в терроре против представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Это были «те репрессированные члены партии, которые в прошлом сами творили жестокости или потворствовали жестокостям по отношению к беспартийным, [они] заслуживают отнюдь не большего, а лишь самого минимального сочувствия (с точки зрения обычной человечности) за их дальнейшие страдания»²⁷.

Авторы считают, что своей работой им удалось сократить информационную лагуну по озвученной теме, но вопросы ещё остаются.

Примечания

¹ Ангажированная в период горбачевской перестройки книга «Большой террор» (М., 1991), автором которой является Р. Конквест — профессиональный британский разведчик, специалист по Советской России и Советскому Союзу.

² Лысков Д. Ю. Запретная правда о «сталинских репрессиях». «Дети Арбата» лгут! М., 2012.

³ Например: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия Сталина : в 2 кн. Кн. 1. Кемерово, 1990.

⁴ Книга памяти жертв политических репрессий в Челябинской области. URL: <http://bd-chelarhiv.eps74.ru/kpnamrep/index.html>.

⁵ Архив Александра Яковлева. URL: www.alexanderyakovlev.org.

⁶ Текст «закрытого» доклада Н. Хрущева опубликовали американские газеты The Washington Post and Times Herald (5 June 1956) и New York Times (5 June 1956). Данные печатные издания доступны читателям Российской государственной библиотеки в Москве.

⁷ Волкогонов Д. А. Указ. соч. С. 375.

⁸ П. 9. При наличии в деле нескольких обвиняемых (исполнителей преступления), из которых один или несколько подсудны военному трибуналу, а другие общим судам, дело, при невозможности его разделения, рассматривается в отношении всех обвиняемых военным трибуналом. При наличии в деле обвинения по нескольким преступлениям, из которых одно или несколько подсудны общим судам, а другие — военному трибуналу, дело в отношении всех преступлений, между собой единством действий или намерения, рассматривается военным трибуналом. В противном случае преступления эти подлежат отдельному рассмотрению общих судов и военного трибунала по принадлежности (Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре : постановление ЦИС и СНК, 20 августа 1926 г. // Собр. законов СССР. 1926. № 57. Ст. 413. С. 1000). Например: Е. К. Абрамов, чернорабочий Еманжелинского элеватора, пос. Еманжелинск, Челябинская область. Осужден 17 мая 1935 г. военным трибуналом Уральского военного округа на пять лет с отбытием назначенного срока лишения свободы в ИТЛ.

⁹ Собр. законов СССР. 1930. № 57. С. 691.

¹⁰ Там же. 1934. № 33. С. 3.

¹¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 303.

¹² В Уголовных кодексах союзных республик имелись статьи, аналогичные ст. 58 УК РСФСР редакции 1926 г.

¹³ Реабилитация: как это было...

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах (деятельность органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ) (1918–1953). М., 2018. С. 28.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 3.

¹⁷ Реабилитация: как это было... С. 78.

¹⁸ Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.info/node/32818>.

¹⁹ Прокуратура Челябинской области. Челябинск, 2001. С. 186.

²⁰ Там же. С. 187.

²¹ Gebenkbush: книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой — Челябинметаллургстрой. 1942–1946 : в 2 т. / авт.-сост. А. М. Кириллов и др. Т. 1. М. : МСНК ; Нижний Тагил : НТГСП, 2011. С. 666–674.

²² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 337.

²³ Там же. Д. 9575, 9576.

²⁴ Реабилитация: как это было... С. 303.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Конквест Р. Большой террор : в 2 т. Т. 1. Рига : Расткниекс, 1991. С. 14.

Р. Ш. Хакимов

Поляки в Челябинской области в годы войны (1941–1945) и отношение органов власти к ним

Анализируя политику властных органов СССР по отношению к полякам и польским гражданам, находившимся на территории страны в годы войны, можно вывести видимую и жесткую связь между отношением к польским гражданам на местах с изменениями в политике высшего политического руководства страны. После событий сентября 1939 г., когда произошел раздел Польши между Германией и СССР, отношения между Польшей, которая была представлена эмигрантским правительством в Лондоне, и советским правительством можно охарактеризовать как открыто враждебные. Соответственно это отражалось и на положении польских граждан, находившихся в СССР. Бывшие польские солдаты и офицеры продолжали находиться в лагерях, в стране продолжалась репрессивная политика в отношении поляков, правда, в меньших масштабах, чем было в ходе «польской операции» НКВД в 1937–1938 гг. Тогда только в Челябинской области были репрессированы 152 гражданина польской национальности.

Рассмотрим положение поляков на примере Челябинской области, где, как и в других регионах страны, продолжались репрессии. Например, 26 января 1940 г. был осужден Особым совещанием при Управлении НКВД СССР по Челябинской области по ст. 58-6 УК РСФСР (контрреволюционные преступления), к пяти годам заключения в ИТЛ Альфонс Иванович Гайдук, 1909 г. р., место рождения — УССР, Винницкая область, Волочинский район, дер. Яхновер (Ях-

новцы), поляк, беспартийный, образование начальное, социальное происхождение — из крестьян, проживал также в Челябинске¹. 7 октября 1940 г. арестован Станислав Петрович Тадеуш, 1921 г. р., место рождения — УССР, Черновицкая область, Вежнецкий район, с. Нижние Лукавицы, поляк, беспартийный, образование — неоконченное среднее, социальное происхождение — из крестьян (кулаков), проживал в Челябинске, работал бригадиром в строительном тресте № 8. 1 февраля 1941 г. он был осужден Особым совещанием при УНКВД СССР по Челябинской области по ст. 58-10; 58-11; 58-14 УК РСФСР на пять лет заключения в ИТЛ².

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. уже в июле — августе произошла нормализация советско-польских отношений. 30 июля восстановлены дипломатические отношения между странами, в СССР прибыл польский посол С. Кот. 12 августа 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия польским военнослужащим, содержащимся в плену в советских лагерях. По договоренности между двумя сторонами на территории СССР началось формирование польских воинских формирований. Для организации польских граждан, находившихся на территории СССР, и работы с ними посольство Польши организовало двадцать своих представительств (делегатур). Для работы в Свердловской и Челябинской областях было организовано Уральское представительство с местонахождением в

Челябинске. Руководителем делегатуры утвержден Генрих Станиславович Словиковский. 7 октября 1941 г. суженный состав Челябинского горисполкома принял решение «О размещении представительства польского командования». Этим решением были выделены две комнаты с прихожей в помещении № 1 (северная часть гостиницы «Южный Урал»), занимаемом областным переселенческим управлением. Горисполком обязал начальника управления Дементьева в течение 24 часов освободить указанные комнаты от сотрудников³. Здесь можно отметить активную позицию челябинского руководства по поддержке польских органов. Но такая срочность и размещение представительства в самом центре города могли исходить только из указаний, полученных из Москвы.

Польское представительство начало активно работать. В помощь себе работники представительства привлекли доверенных лиц из числа наиболее опытных и авторитетных поляков, находившихся в городах и районах области. Как отмечает А. В. Чевардин, к апрелю 1942 г. делегатуре удалось взять на учет на территории двух областей 13 500 бывших польских граждан, из них 2480 детей, 5900 женщин и 5120 мужчин⁴.

Из-за границы, от польских эмигрантов в США и Великобритании через международный Красный Крест стала поступать значительная гуманитарная помощь, как в виде одежды, обуви, продуктов, так и финансовая. В Челябинск поступило 130 т гуманитарной помощи, было выдано 245 459 руб. в качестве пособий и 28 643 руб. на питание для польских граждан⁵. На средства, поступившие полякам из-за границы, были организованы детские сады, детские дома, амбулатории, школы, дома призрения, аптеки, врачебные стационары, столовые, пошивочные мастерские, подсобные хозяйства и многое другое. В этот период практически не происходило арестов и преследований поляков по политическим основаниям.

Однако после отказа польских формирований («армии Андерса») выступить на советский фронт и высказанного ими желания воевать на ближневосточном фронте вместе с англичанами и последовавшего в марте — апреле 1942 г. выезда поляков в Иран, начался период резкого охлаждения в советско-польских отношениях. С августа 1942 г. работа польского представительства пошла на спад, последовали аресты работников представительства, и осенью польская делегатура в Челябинске, как и все остальные в стране, была закрыта.

15 января 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принял решение № 39/155 «О советском гражданстве некоторых категорий бывших польских граждан», по которому НКВД СССР поручено было выдать советские паспорта всем бывшим гражданам Польши, и все они попали в разряд эвакуированного населения. При этом «лиц, демонстративно отказывающихся получить советские паспорта, а также всех подстрекателей к

отказу» было предписано «привлекать к уголовной ответственности»⁶. В этом же документе было решено «принять» под советскую юрисдикцию всю сеть польских благотворительных учреждений. 26 января 1943 г. СНК СССР принял распоряжение № 1716с о передаче всех польских благотворительных учреждений местным советским органам.

17 февраля 1943 г. суженный состав Челябинского облисполкома принял решение № 17 «О передаче бывших польских благотворительных учреждений в ведение местных Советов». В решении было записано:

В соответствии с распоряжением Совета Народных Комиссаров от 26 января 1943 года за номером № 1716с решает: «1. Предложить исполкомам городских районных Советов депутатов трудящихся взять на учет и составить список всех польских благотворительных учреждений (детские сады, детские дома и сады, амбулатории, школы, дома призрения, аптеки, врачебные стационары, столовые, пошивочные мастерские, подсобные хозяйства и пр.) как зарегистрированных, так и незарегистрированных в местных советских органах.

2. Поручить местным органам НКВД в 2-х недельный срок выдать советские паспорта советским гражданам, входящим в состав обслуживающего персонала и постоянного обслуживаемого контингента польских благотворительных учреждений. По окончании выдачи паспортов всем упомянутым выше лицам местным органам Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса и Наркомторга проверить состав обслуживающего персонала польских благотворительных учреждений в местных органах НКВД и назначить из числа советских граждан заведующих этих учреждений.

3. Установить, что с момента назначения заведующим тем или иным польским благотворительным учреждением советского гражданина это учреждение переходит в ведение соответствующих местных органов Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса и Наркомторга и содержится за счет государственного бюджета СССР.

4. В целях предотвращения расхищения имущества и денежных фондов указанных учреждений при принятии этих учреждений составить опись имущества с выделением специальной описью имущества, поступившего в данное учреждение от польского представительства.

5. Обязать облторготдел (т. Капустина) и исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечить снабжение продовольственными и промышленными товарами бывших польских благотворительных учреждений, перешедших в ведение местных органов указанных Наркоматов на существующем уровне, независимо от действующих на местах общегосударственных норм снабжения. Срочно изыскать необходимые дополнительные фонды на ближайшие 3 месяца, для сохранения ныне существующего уровня снабжения этих учреждений.

6. С момента перехода бывших польских благотворительных учреждений в ведение местных советских органов всякое сношение этих

учреждений с бывшими доверенными прекращается.

7. Обязать исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся к 20 февраля 1943 года представить в облисполком данные о количестве принятых польских благотворительных учреждений с указанием наименования каждого учреждения и контингента.

Председатель исполнительного комитета Челябинского областного Совета депутатов трудящихся А. Белобородов⁷.

Можно отметить достаточно жесткий характер решения, особенно в части полной реквизиции имущества благотворительных обществ, проверки состава работников, прекращения всяких контактов с доверенными лицами (а их подбирало польское представительство). Фактически без всякой правовой основы была проведена конфискация чужого имущества.

Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, в СССР практика деятельности благотворительных обществ была ликвидирована еще с первых лет советской власти — они просто выпадали и никак не вписывались в сложившиеся общественные отношения; во-вторых, сохранение польских благотворительных обществ фактически было невозможно как по политическим причинам («благотворительность — это буржуазное наследие»), так и ввиду полного отсутствия норм правового регулирования их деятельности. Однако как положительный момент можно отметить пятый пункт решения, который обеспечивал на переходный период («ближайшие три месяца») сохранение существующих норм снабжения бывших польских благотворительных учреждений (а они были существенно выше, чем в действовавших аналогичных советских учреждениях), и то, что все учреждения принимались на государственный бюджет.

С периодом охлаждения политических отношений между странами связано возвращение репрессивных мер в отношении поляков. Так, уже 22 сентября 1942 г. была арестована Юзефа Владиславовна Вуйцик, 1909 г. р., место рождения — Польша, Люблинское воеводство, г. Седлец, полячка, беспартийная, образование — низшее, социальное происхождение — из рабочих, проживала в Магнитогорске, работала в совхозе «Буранный» Агаповского района. 20 февраля 1943 г. Ю. В. Вуйцик была осуждена по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР на восемь лет заключения в ИТЛ⁸.

25 декабря 1942 г. был арестован Евгений Федорович Вейде, 1909 г. р., место рождения — Московская губерния, Павловский посад, поляк, беспартийный, образование — незаконченное высшее, социальное происхождение — из служащих, проживал в Саткинском районе, на ст. Бердяш, работал учителем в железнодорожной средней школе № 24. Тридцатого марта 1943 г. Е. Ф. Вейде был осужден на семь лет лишения свободы в ИТЛ⁹.

4 апреля 1943 г. был арестован Петр Иосифович Гроховский, 1891 г. р., место рождения —

УССР, Львовская область, Самбурский район, дер. Сусидовичи, поляк, беспартийный, образование — среднее, социальное происхождение — из крестьян, проживал на ст. Мамлютка Северо-Казахстанской области, работал сторожем в магазине польского посольства. 26 февраля 1944 г. П. И. Гроховский Особым совещанием при УНКВД СССР по Челябинской области был осужден по ст. 58-3 УК РСФСР, к пяти годам лишения свободы¹⁰.

25 мая 1943 г. был арестован Григорий Алексеевич Повх, 1902 г. р., место рождения — УССР, Ровенская область, Красноармейский район, с. Копани, поляк, беспартийный, образование — низшее, социальное происхождение — из крестьян, проживал в пос. Чебаркуль Челябинской области, работал кочегаром в котельной завода № 701. Г. А. Повх 28 августа 1943 г. был приговорен к восьми годам заключения в ИТЛ по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР¹¹.

10 июня 1943 г. был арестован Василий Сафатович Хмель, 1919 г. р., место рождения — Польша, Тернопольская область, Новосельский район, с. Токи, беспартийный, образование — малограмотный, социальное происхождение — из крестьян (бедняков), проживал в Кунашакском районе, работал поваром в Уралэнергострое. В. С. Хмель 14 октября 1943 г. по ст. 58-2; 58-10 ч.2; 58-11 УК РСФСР был осужден на восемь лет заключения в ИТЛ¹².

Из анализа состава попавших под репрессии видим, что это в основном были люди низкого социального статуса (повар, сторож, рабочая, кочегар), лишь один — учитель; лишь он один имел незаконченное высшее образование, остальные были малограмотными либо имели низшее образование; двое происходили из крестьян, в том числе один — из бедняков, двое — из рабочих, один — из служащих. Можно сделать вывод, что репрессии для этих людей были совершенно неоправданными, и выбор был продиктован фактически наличием польского гражданства или польской национальности, как в случае с Е. Ф. Вейде. Все подвергшиеся репрессиям были осуждены по одной статье — 58-й УК РСФСР. И все это говорит в пользу того, что это было оперативное реагирование местных органов НКВД на спущенные сверху директивы — весьма распространенное явление в их деятельности. Это доказывает и тот факт, что был арестован П. И. Гроховский, работавший сторожем на складе польского посольства на ст. Мамлютка Казахской ССР (на самом деле там находился основной склад гуманитарной помощи для поляков, а не магазин польского посольства, как написано в следственном деле). Дипломатические отношения между СССР и правительством Польши в эмиграции, находившимся в Лондоне были прерваны 25 апреля 1943 г.

В качестве вывода можно отметить, что и на примере пребывания польских граждан и лиц польской национальности в Челябинской области в годы войны можно наблюдать всю

сложность, неустойчивость отношений между двумя правительствами, обусловленную всей непростой, а то и трагической и конфликтной многовековой историей отношений между двумя странами, а также периода Второй мировой войны 1939–1945 гг. И все перипетии отношений отражались на положении рядовых граждан Польши и лиц польской национальности, волей судеб оказавшихся на Южном Урале.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5713.

² Там же. Д. 3402.

³ Там же. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 1. Л. 224.

⁴ Чевардин А. В. Деятельность польского представительства в Челябинске в 1942 году // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 131.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Катынь: март 1940 — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни : документы / отв. сост. Н. С. Лебедева. М., 2001. С. 417.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 4. Л. 57, 57 об.

⁸ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5524.

⁹ Там же. Д. 4872.

¹⁰ Там же. Д. 7046.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 8947.

¹² Там же. Д. 3073, 3074.

И. В. Рудометова

Подготовка кадров на предприятиях легкой и пищевой промышленности Челябинской области в период Второй мировой войны

Легкая и пищевая промышленность являются важнейшими сегментами экономической и социальной жизни. Их функциональный смысл заключается в удовлетворении потребностей человека в жизненно необходимых материальных благах, поддержании жизни граждан. В 1939–1945 гг. в рассматриваемых отраслях индустрии протекал процесс раннеиндустриальной модернизации, выражающийся в техническом перевооружении предприятий (внедрение частичной механизации), распространении предприятий фабричного типа, ориентации на отечественные технологии, директивно-плановом характере экономики, увеличении числа рабочих и служащих. Поэтому важное место занимал вопрос подготовки кадров.

В 1940 г. численность работающих в легкой промышленности Челябинской области составляла 4050 человек, в пищевой — 1688. Принимались меры по повышению общеобразовательного уровня трудящихся: организовывалась специальная учеба для ликвидации неграмотности и малограмотности¹.

Для обучения несложным специальностям (машинист, лаборант и пр.), для кадров районной промышленности проводились краткосрочные курсы. При самих предприятиях организовывались курсы подготовки различных специалистов, куда принимались лица от 18 лет с образованием пять классов. Так, в ноябре 1939 г. Троицкий мясоконсервный комбинат производил набор на курсы специалистов по изготовлению жестянобаночной тары для консервов, по обработке кишечного сырья, по отделению мяса от костей. Курсанты обеспечивались стипендией от 115 до 150 руб., одинокие — общежитием. Курсы состояли из производственного и теоретического обучения и продолжались два-три месяца².

Другими направлениями учебы и повышения квалификации являлись централизованные курсы (чаще двухмесячные), организуемые отраслевыми главками и наркоматами — на них готовили и переподготавливали мастеров пивобезалкогольного производства, крахмалопаточников и

пр., но количество выделяемых мест на курсах было ограничено одним-двумя на трест. Так, в феврале 1940 г. Челяббродтресту предоставили одно место для обучения по специальности «мастер сокового производства», за учебу курсанта трест должен был перевести на расчетный счет Росглавпива 4700 руб.; посылаемому на курсы надлежало иметь при себе командировочное удостоверение, производственно-политическую характеристику, справку о состоянии здоровья, постельные принадлежности.

Действовали также курсы сторонних ведомств по договорам (к примеру, «Трансэнергокадры»), где готовили кочегаров, шоферов³. Ответственных работников (часто с начальным образованием) направляли в Москву или Одессу на годовые курсы директоров с последующим назначением директорами⁴. Так, в октябре 1939 г. с Челябинского крупозавода № 8 на подобные курсы в Одессу были отправлены заместитель директора П. А. Пустозеров и механик И. В. Симаков.

В нашей области в целях повышения квалификации рабочих организовывалась техническая учеба, часто с соцсоревнованием на ее лучшее прохождение, устанавливался специальный фонд премирования лучших организаторов, педагогов и отличников учебы⁵. Соответствующие постановления принимались на партсобраниях предприятий, на заседаниях бюро обкома ВКП(б). Например, постановлением от 13 января 1941 г. «О подготовке предприятий мясомолочной промышленности к заготовкам овечьего-козьего молока и производству брынзы в 1941 г.» бюро обкома партии обязало управляющего трестом облжирбрынзопрома Катаева подготовить к 15 апреля 1941 г. 50 зоотехников, 20 инструкторов-производственников, 20 технологов и 40 мастеров; постановлением от 18 марта 1941 г. «О выпуске недоброкачественной продукции на Воздвиженском стеклозаводе» дирекцию предприятия поставили перед необходимостью организовать техучебу рабочих для снижения брака продукции⁶.

Областные управления легкой и пищевой промышленности ежегодно составляли план подготовки и переподготовки кадров с целью необходимого обеспечения квалифицированными кадрами предприятий с подсчетом суммы затрат⁷. Но зачастую планы не выполнялись. Так, в 1940 г. облпищепром намечал подготовить 191 человека, фактически было обучено 150. Основной причиной срыва плана был недостаток внимания к обучению со стороны трестов⁸. Для обмена опытом проводились отраслевые производственно-технические конференции и собрания, семинары, совещания директоров и стахановцев⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О Государственных трудовых резервах СССР» закреплял возможности обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных училищах и школах ФЗО¹⁰. По мнению уральских историков С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, ведомственная сеть профтехобразования не играла существенной роли в пополнении рабочего класса обученными кадрами¹¹. В Челябинской области подготовка кадров легкой и пищевой промышленности в таких учебных заведениях не производилась.

В легкой индустрии Союза накануне Великой Отечественной войны существовали два высших технических учебных заведения и 25 техникумов (ни один из них не располагался в нашей области). За 1940 г. они выпустили 1423 специалиста, в том числе 566 инженеров и 857 техников, которых распределяли по предприятиям. Но выпускники-специалисты в основном оседали в отраслевых наркоматах, непосредственно на производстве их работало очень мало¹².

Главки посылали информацию о выпускниках техникумов НКПП и НКЛП, для того чтобы областные управления легкой и пищевой индустрии могли сделать заявку на потребное количество специалистов. В заявке управления давали сведения о размере зарплаты, обеспечении жилплощадью, точный адрес предприятия¹³.

Но несмотря на принимаемые меры, уровень квалификации работников был низким, так как недостаточно выделялось денежных средств на подготовку кадров, выпускников из техникумов наркоматов не могли обеспечить жилплощадью и достойной зарплатой, поэтому они приезжали крайне редко.

Для многих предприятий была характерна неуккомплектованность квалифицированными кадрами, особенно инженерно-техническими. Данная проблема имела место и в отраслевых управлениях промышленности нашей области: не хватало инженеров для технической консультации предприятий. В июне 1940 г. в управлении легкой промышленности (УЛП) не было ни одного инженера-кожевника, следствием являлось невыполнение планов на кожзаводах. Для разрешения вопроса практиковался перевод специалистов из одной отрасли в другую. Так, в ок-

тябре 1940 г. на основании договоренности начальника УЛП Нестерова с секретарем Челябинского обкома ВКП(б) Ягудиным из облпищепрома в распоряжение обллегпрома был переведен А. А. Пестов — специалист-стекольщик, работавший до этого не по специальности¹⁴.

Иногда обком ВКП(б) обращался в отраслевой наркомат с просьбой выделить специалистов. Например, в апреле 1941 г. секретарь обкома партии по легкой и местной промышленности Кузьмин просил наркома текстильной промышленности РСФСР Микину направить на Шадринскую льнопрядильно-ткацкую фабрику инженера-ткача, двух техников-пряжильщиков¹⁵. При приеме на работу для инженерно-технических работников устанавливался испытательный срок (от двух недель до двух месяцев)¹⁶.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла изменения в вопрос подготовки и обеспеченности кадрами. Следуя лозунгу военного времени «Все для фронта, все для победы!», все ресурсы, в том числе и людские, перераспределяли в пользу военного производства. В первый период войны с предприятий легкой и пищевой индустрии были отозваны специалисты для работы на оборонных заводах (их начали возвращать обратно лишь к концу войны), из рай- и горкомбинатов работников мастерских ширпотреба часто отправляли на дорожно-ремонтные работы. Много мужчин было призвано в армию.

Привлечение недостающей рабочей силы происходило путем использования радио, местной печати, систематической связи с другими предприятиями, военкоматом, прокуратурой, исправительно-трудовыми колониями и другими организациями¹⁷.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 13 февраля 1942 г. на период военного времени производилась мобилизация трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве, постановлением Челябинского облисполкома от 14 декабря 1942 г. ряд служащих перевели на производство¹⁸.

Производственно-техническое обучение в военное время имело особенности: намного сократились его сроки, подготовка носила массовый характер. Основной формой стало индивидуально-бригадное обучение непосредственно на рабочем месте путем прикрепления вновь пришедших к квалифицированным рабочим, мастерам, техникам, включавшее теоретические и практические занятия. В мясомолочной индустрии за 1941 г. окончили подобное обучение 563 человека, в легкой промышленности за 1943 г. — 2377 человек¹⁹.

Исходя из постановлений СНК СССР от 13 февраля (изложенного выше) и 22 мая 1942 г. («Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества»), на учебу принимались лица, достигшие 14 лет (для подростков 14–16 лет рабочий день составлял шесть часов). Срок подготовки дифференцировался в зависимости от сложности квалификации (чаще

один-два месяца). Перевод на самостоятельную работу осуществлялся после прохождения испытаний и присвоения разряда. Ученикам устанавливались льготные нормы выработки, обучающим выплачивалось вознаграждение.

Большое внимание уделялось производственно-техническому обучению женщин. Широкое распространение получили различные курсы и стахановские школы, где работники наряду с теорией знакомились с правильной организацией рабочего места, наиболее рациональным использованием станка, инструмента, техникой безопасности, стахановскими методами труда. Так, при Курганском мясокомбинате в сентябре 1941 г. действовали четыре стахановские школы, где обучались 86 человек, одной из школ руководил П. С. Шемонаев — мастер-стахановец, награжденный значком «Отличник мясной и молочной промышленности»²⁰.

На подготовке рабочей силы негативно сказывались сокращение числа опытных рабочих, способных вести обучение, недостаток учебных и наглядных пособий, программ по теоретическому и практическому обучению и т. д. Не хватало мест для прохождения практики, приспособленных помещений и технических кабинетов для занятий, общежитий для курсантов²¹.

Работа по обучению кадров шла организованно, планомерно. Госкомитет обороны и СНК СССР утверждали годовые и квартальные планы подготовки и переподготовки рабочих по отраслям экономики, начиная с 1942 г. советское правительство стало выделять средства на эти цели. Управление легкой промышленности области в 1943–1945 гг. значительно перевыполняло спущенные наркоматом планы. Например, в 1944 г. через школы техминимума, индивидуально-бригадное обучение, обучение стахановским методам работы вместо запланированных 750 человек были подготовлены 1659, или 221,2 %²².

Согласно распоряжению НКЛП РСФСР от 14 октября 1943 г. с ноября был организован учебный пункт Республиканского учебного комбината по подготовке и повышению квалификации младшего и среднего административно-технического персонала предприятий системы обллегпрома.

На основании распоряжения СНК РСФСР при Челябинской № 2 и Магнитогорской № 1 обувных фабриках, Магнитогорской швейной фабрике № 1, Троицком шорно-фурнитурном комбинате, Златоустовской швейной фабрике, Воздвиженском стеклозаводе в конце 1944 — начале 1945 г. учреждены школы ФЗУ. Основным контингентом учащихся были воспитанники детских домов, подростки из детских приемников. Ученики обеспечивались бесплатным трехразовым питанием, обмундированием, зарплатой (75 руб.), с ними проводилась культмассовая, политико-воспитательная работа. Ряд школ имел отдельные от фабрик помещения. Для производственного обучения выделялись лучшие мастера, для теоретического закреплялись люди с

высшим образованием. Но не все было благополучно — некоторые общежития находились в антисанитарном состоянии, не был организован досуг учащихся. Такие явления, и позитивные и негативные, встречались и на других предприятиях Союза²³. В 1943 г. от некоторых предприятий легкой индустрии (в основном обувных) десять человек направили на обучение в Киевский технологический институт (он в годы войны располагался в Свердловской области).

В пищевой индустрии инженеров-технологов молочной промышленности готовил эвакуированный в с. Чаша Ленинградский институт молочной промышленности, в котором в 1942/1943 учебном году обучались 325 человек (из них женщин — 308)²⁴.

Формами повышения квалификации являлись обмен опытом между предприятиями области, Уральского региона, отраслевые совещания актива работников, участие в технических конференциях. К примеру, приказом начальника УЛП А. И. Баранова от 24 февраля 1944 г. диспетчера Челябинской обувной фабрики № 2 З. И. Моряшеву командировали в г. Кузнецк на обувную фабрику для обмена опытом²⁵.

Необходимо заметить, что в 1944 г. ГКО издавал распоряжения об освобождении от призыва в Советскую Армию студентов вузов и техникумов НКЛП и Наркомтекстиля СССР, что говорит о том, что государство стало считать приоритетным вопрос подготовки кадров легкой индустрии.

Итак, в период с 1939 до середины 1941 гг. в легкой и пищевой индустрии области наблюдалась неуккомплектованность квалифицированными кадрами, так как основной формой подготовки кадров были краткосрочные курсы. Великая Отечественная война вынужденно изменила формы подготовки: индивидуально-бригадное обучение, стахановские школы, курсы техминимума, школы ФЗУ, вуз. Причем обучение носило массовый характер. При этом в период перестройки промышленности на военные рельсы главной заботой была организация первичного обучения молодых рабочих, а затем заметно усилилось внимание к повышению профессиональной квалификации рабочих. Эвакуация вузов на Урал давала значительные возможности подготовки квалифицированных кадров. Потребность фронта в обмундировании и обуви способствовала открытию школ ФЗУ при крупных обувных и швейных фабриках области. Наиболее широкий масштаб подготовки имел место в легкой индустрии: именно для нее выделялось больше денежных средств, шире были возможности обучения (так как туда входили отрасли, наиболее необходимые для армии и войны, — швейная, кожевенно-обувная), тогда как в пищевой промышленности обучение ограничивалось в основном краткосрочными курсами.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.

- ² Вперед. 1939. 24 нояб. ; ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 75.
- ³ ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 75 ; Д. 95. Л. 35 ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 53. Л. 21, 29, 30.
- ⁴ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 95. Л. 317 ; Ф. Р-666. Оп. 1. Д. 93. Л. 40.
- ⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 49. Л. 22–24 ; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 ; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 79. Л. 105 ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.
- ⁶ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 35. Л. 4–6 ; Д. 49. Л. 22–24 ; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 ; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 79. Л. 105 ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.
- ⁷ Там же. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 85. Л. 75.
- ⁸ Там же. Д. 79. Л. 105 ; Д. 85. Л. 75 ; Д. 95. Л. 2.
- ⁹ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 81. Л. 10 об. ; Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 480. Л. 6 об. ; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 80. Л. 62.
- ¹⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2: 1929–1940 гг. М., 1967. С. 774, 775.
- ¹¹ Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004. С. 202.
- ¹² Сафарова В. И. Повседневно воспитывать кадры специалистов // Легкая промышленность. 1941. № 2. С. 23–25.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 53. Л. 12, 17.
- ¹⁴ Там же. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 20 ; Оп. 4. Д. 151. Л. 39 ; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 80. Л. 70.
- ¹⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 151. Л. 39.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 17. Л. 47.
- ¹⁷ Вперед. 1942. 15 янв., 19 февр. ; Женское лицо победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Челябинск, 2001. С. 76 ; Известия. 1941. 30 июля ; ОГАЧО. Ф. П.-179. Оп. 2. Д. 66 а. Л. 43 ; Ф. П-234. Оп. 19. Д. 60. Л. 43 ; Ф. П-288. Оп. 4. Д. 224. Л. 99 об. ; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 69. Л. 35 ; Ф. Р. 382. Оп. 4. Д. 23. Л. 234 ; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 221. Л. 19 ; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 26, 27.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 36. Л. 10 ; Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 386.
- ¹⁹ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 73–75 ; Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 33. Л. 75 об. ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.
- ²⁰ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 166. Л. 89, 90.
- ²¹ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. — 1945 г.) : док. и материалы. М., 1970. С. 78, 79 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 141. Л. 85 ; Ф. П-297. Оп. 2. Д. 626. Л. 430 ; Ф. Р. 382. Оп. 4. Д. 36. Л. 198 ; Д. 38. Л. 73–75 ; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 68. Л. 51 ; Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. С. 387 ; Урал — фронту / П. Г. Агарышев, М. Н. Евланова, А. Г. Наумова и др. ; под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985. С. 164–171.
- ²² ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 45. Л. 75.
- ²³ Там же. Ф. П-1439. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 37. Л. 66, 115 ; Д. 45. Л. 75, 76 ; Д. 48. Л. 54, 104 ; Д. 52. Л. 40, 43 ; Родионов С. Е. Школы ФЗУ — кузница новых производственных кадров // Легкая промышленность. 1943. № 5. С. 6–8.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 34. Л. 54 об.
- ²⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 79. Л. 73 ; Оп. 8. Д. 63. Л. 17 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 43. Л. 43, 63.

А. В. Сушков

Изделия из золота и серебра, мебель из красного дерева и другие предметы роскоши для руководителей блокадного Ленинграда: дело Ленинградского комбанка (1949–1950)

В документах органов госбезопасности сохранилось описание двухэтажного особняка первого секретаря Ленинградского обкома и Ленинградского горкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова. По документам 1946 г., этот особняк, именуемый как «объект Каменный остров», включал более 20 комнат, без учета различных подсобных помещений. Среди них были две гостиные, три кабинета и одна библиотека, три спальни, две столовые, две ванные комнаты. Свой досуг А. А. Кузнецов мог проводить в кинозале либо в бильярдной комнате. В доме насчитывалось девять ковров, восемь ковровых дорожек и ковриков, редкой работы хрустальные люстры, мебель, художественные полотна, дорогая посуда. Всюду ощущалось стремление хозяев особняка к роскоши и изысканности. Даже меню не напоминало об ужасающей ленинградской повседневности: столы украшали изысканные блюда и великолепное вино¹.

Происхождение богатой обстановки и различных ценностей у одного из руководителей блокадного Ленинграда позволяют установить документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Согласно этим документам, А. А. Кузнецов, как и некоторые другие руководители Ле-

нинграда, сумел значительно приумножить свое благосостояние в тяжелейшее военное время.

7 марта 1950 г. на заседании бюро КПК при ЦК ВКП(б) были рассмотрены итоги проверки заявления, поступившего несколькими месяцами ранее в ЦК, об управляющем Ленинградским городским и областным коммунальным банком В. А. Пряникове и его заместителе М. В. Шапиро. В подготовленной к этому заседанию записке ответственного контролера КПК В. Синельщикова приводились некоторые факты использования служебного положения в личных целях как руководителями банка, так и высшими чиновниками ленинградских властных структур — главными фигурантами так называемого «ленинградского дела».

В. Синельщиков писал на имя заместителя председателя цексовской КПК М. Ф. Шкирятова:

Решением секретариата ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1949 года поручено Комиссии партийного контроля произвести проверку анонимного заявления, в котором сообщалось о неправильных действиях управляющего Ленинградским коммунальным банком т. Пряникова В. А. и его заместителя т. Шапиро М. В. Проверкой на месте установлено следующее. Работая управляющим

Ленинградским коммунальным банком, т. Пряников допустил многочисленные факты незаконного финансирования и неправильной оплаты чеков и поручений, тем самым способствовал бывшим руководителям Ленгорсовета расхищать и разбазаривать государственные средства.

Ленинградский коммунальный банк, проводивший кассовое исполнение местного бюджета, не осуществлял банковского контроля при оплате счетов и поручений, предъявляемых общим отделом горсовета, в результате чего за период с 1941 по 1947 год незаконно было израсходовано свыше одного миллиона рублей государственных денег, отпускаемых Правительством на строго целевое назначение. Все эти деньги израсходованы на оплату изделий из золота и серебра, предметов роскоши и бытовой мебели для бывших руководящих работников горсовета. Как правило, все ценности приобретались горсоветом и оплачивались коммунальным банком в последние дни бюджетного года. Это делалось для того, чтобы искусственно сократить остатки бюджетных ассигнований на 1 января, которые подлежали сдаче в доход государства в связи с наступлением нового бюджетного года.

Например, 30 декабря 1942 года незаконно уплачено Ленкупторгу по счету № 129 за кабинет красного дерева из 11 предметов 29 400 рублей. В этот же день коммунальный банк оплатил за кровать, буфет и другие бытовые предметы 12 950 рублей.

В период с 30 ноября по 25 декабря 1943 г. горсоветом было закуплено в комиссионных магазинах различных бытовых вещей и предметов роскоши на общую сумму 305 877 рублей, в том числе гостиная розового дерева стоимостью 16 500 руб., спальный гарнитур — 35 500 руб., спальный гарнитур — 21 000 руб., чайный сервиз — 7000 руб. и т. д.

Незаконная оплата дорогостоящей бытовой мебели и предметов роскоши, покупаемых для бывших руководителей горсовета, производилась коммунальным банком по разрешению т. Пряникова и его заместителя также и из ассигнований, предназначенных на восстановление и оборудование бывшего Мариинского дворца (здание горсовета): в декабре 1944 года по распоряжению управляющего банком был оплачен счет № 1112 на сумму 76 314 руб., из них за кабинетный гарнитур 48 314 руб., за два чайных сервиза 28 000 руб. Для бывшего председателя горсовета (имеется в виду Петр Сергеевич Попков. — А. С.) магазин ювелирторга закупил у частного лица 12 предметов старинной бытовой мебели за 38 335 руб. 21 июня 1945 года комбанк оплатил стоимость этой мебели. Всего незаконно израсходовано средств из ассигнований на восстановление бывшего Мариинского дворца свыше 500 000 руб.

Кроме того, в 1945 году было оплачено коммунальным банком из средств, отпущенных на восстановительные работы, трофейное имущество на сумму 338 038 руб., большая часть которого расхищена и разбазарена. Из этого имущества т. Пряников по решению исполкома Ленгорсовета под видом премии бесплатно получил пианино.

Работая управляющим коммунальным банком, т. Пряников злоупотреблял своим положением: в 1946 году по знакомству получил новую квартиру (свою квартиру передал бывшей своей жене), которая была капитально отремонтирована за государственный счет. Но, несмотря на это, в 1947 году он получил в центральном коммунальном банке денежную помощь в размере 2000 руб., якобы на восстановление квартиры.

В 1946 году т. Пряников за низкую цену изготовил на фабрике театральной мебели лично для себя бытовую мебель, стоимость которой определяется в размере 150 тыс. рублей. Причем плюс в количестве 62 метров он получил из кладовой комбанка по 18 руб. за метр. Будучи в приятельских отношениях с бывшими руководителями Ленгорсовета, т. Пряников часто незаконно получал для себя в общем отделе горсовета единовременное денежное пособие. Только в 1947 году им было получено из средств, отпускаемых Правительством на охрану Смольного, 1000 руб., затем — еще 1500 руб., и, кроме того, он получил путевку стоимостью 1600 руб.

При проверке заявления подтвердились факты о недостойном поведении заместителя управляющего Ленинградским коммунальным банком т. Шапиро М. В., который при вступлении в партию скрыл, что его отец до революции был управляющим банком, что он вместе со своим отцом арестовывался за незаконное хранение большого количества золота и бриллиантов.

Кроме того, т. Шапиро скрыл от партийных органов, что его родной брат Борис и сестра Клара в 1930 году за попытку бегства за границу были осуждены, что при аресте у них отобрали большое количество золотых вещей и драгоценных камней.

С целью получения персонального звания т. Шапиро встал на путь обмана и фабрикации документов: неправильно сообщил партийному бюро комбанка, что он имеет высшее образование, а в 1948 году при помощи своей знакомой Захаровой — инструктора Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда — оформил фальшивое удостоверение об окончании в 1920 году 6-й Советской трудовой средней школы и в 1922 году — Петроградского промышленно-экономического техникума. На самом деле т. Шапиро закончил шесть классов императорского коммерческого училища.

Считал бы необходимым рассмотреть на Бюро КПК при ЦК ВКП(б) факты недостойного поведения управляющего Ленинградским коммунальным банком т. Пряникова В. А. и его заместителя т. Шапиро М. В.²

Здесь необходимо сделать несколько пояснений к приведенному документу.

В записке отсутствуют сведения о том, из каких средств были осуществлены оплаты в 1942 и 1943 гг. Эти данные содержатся в другой записке В. Синельщикова, где говорится, что оплата кабинета из красного дерева, гостиной из розового дерева, спальных гарнитуров, кроватей, буфетов, чайных сервизов и различных предметов роскоши в декабре 1942 г. и в декабре 1943 г.

была произведена коммунальным банком из средств, выделенных правительством на охрану Смольного³.

Что же подразумевалось под предметами роскоши, можно узнать из материалов ревизии, проведенной Министерством финансов СССР в 1949 г. В отчете о работе аппарата главного контролера-ревизора контрольно-ревизионного управления по РСФСР говорилось, что бывшее руководство Ленинградского горисполкома израсходовало 1 млн 388 тыс. руб. на приобретение дорогостоящих предметов роскоши — золотых часов и браслетов, гарнитуров мебели, ковров, картин и т. д., которые в качестве подарков были розданы узкому кругу лиц⁴.

О трофейном имуществе, за которое Ленинградский горисполком заплатил 338 тыс. руб., вероятно, речь идет в обвинительном заключении против главных фигурантов «ленинградского дела». Как указывалось в заключении, П. С. Попков и А. А. Кузнецов за государственный счет «задабривали» верных и угодных им работников ленинградской парторганизации вещевыми и продуктовыми посылками, а в 1945 г. направили в Германию заместителя председателя Ленинградского горплана Зиновьева для приобретения там ценного имущества. В итоге Зиновьев доставил в Ленинград 14 вагонов различного имущества, которое было поделено между ленинградскими руководящими работниками⁵.

Как уже говорилось, материалы проверки были рассмотрены 7 марта 1950 г. на заседании бюро КПК при ЦК ВКП(б). На заседание были вызваны В. А. Прянный, М. В. Шапиро, а также управляющий Центральным коммунальным банком СССР А. П. Силаев. В итоговых документах было указано, что часть имущества, о котором шла речь в материалах проверки, была использована для оборудования служебных кабинетов. Тем не менее это обстоятельство не переводило перечисленные действия ленинградских чиновников в разряд законных. К тому же, как выяснилось в ходе другой проверки, проведенной Министерством финансов СССР, мебель из Мариинского дворца передавалась в личное пользование работникам горисполкома — в частности, была перевезена в особняк одного из главных фигурантов «ленинградского дела» П. Г. Лазутина⁶.

По итогам заседания В. А. Прянный и его заместитель М. В. Шапиро были исключены из ВКП(б), первый — с формулировкой «за нарушение государственной дисциплины в расходовании денежных средств и использование служебного положения в личных целях», второй — «за обман партийных органов»⁷.

Решение бюро КПК было утверждено секретариатом ЦК ВКП(б) 28 апреля 1950 г., после чего выслано в Ленинград новым руководителям Смольного — первому секретарю обкома ВКП(б) В. М. Андрианову, первому секретарю горкома ВКП(б) Ф. Р. Козлову, секретарю партколлекции при обкоме и горкоме ВКП(б) А. Я. Новикову, а

также другим должностным лицам⁸. Однако не известно, что новые ленинградские руководители обнародовали это постановление КПК в городской парторганизации, не говоря уже о материалах, положенных в его основу. Отказ от широкого обсуждения в относительно закрытой партийной среде тех фактов, которые могли бы ярко проиллюстрировать «вражеское лицо» фигурантов «ленинградского дела», по всей вероятности, связан с тем, что обнародование подобной информации (особенно что касалось блокадного времени) могло нанести непоправимый репутационный ущерб действующей в СССР системе власти.

В последних работах некоторых историков появились утверждения, что коррупционные действия ленинградского начальства 1940-х гг. были вполне типичными нарушениями законности, характерными для всего регионального партаппарата СССР. «Безосновательно и утверждение о некоей особой “коррупционности” ленинградского руководства, которое в последнее время стало появляться не только в публицистике, но и в работах профессиональных исследователей, — отмечают в статье “За что расстреляли руководителей-блокадников?” историки К. А. Болдовский, Д. Бранденбергер и Н. Ю. Пивоваров. — Ленинградцы, как и другие руководители среднего и высшего звена, сформировались в сталинской системе управления, впитав все ее пороки и недостатки. В этом они мало отличались от своих коллег из других регионов, что доказывают материалы различных проверок, проводившихся в послевоенное время. Напротив, на Ленинград было обращено особое внимание центральной власти, и любые нарушения фиксировались немедленно, как, например, во время проведения денежной реформы 1947 г., когда, кстати, выяснилось, что масштаб злоупотреблений в городе на Неве был меньше, чем в других районах страны»⁹.

Как это уже неоднократно случалось¹⁰, историки не приводят в обоснование своих утверждений никаких документов, никаких материалов проверок. Документов, которые бы свидетельствовали о подобных коррупционных практиках руководителей других регионов, о том, что коррупционными действиями этих руководителей был нанесен столь же значительный ущерб государственному бюджету, исчисляемый миллионами рублей. А до тех пор, пока не обнародованы подтверждающие документы, действительно можно говорить об особой коррупционности ленинградского руководства.

Нужно сказать, что коррупционность эта в любом случае будет «особой». Хотя бы ввиду того, что главное ленинградское начальство было озабочено приобретением за государственный счет предметов роскоши в то самое время, когда повсюду в блокадном Ленинграде царили голод и смерть.

Примечания

¹ *Иванов В. А.* «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // *Политический сыск в России: история и современность.* СПб., 1997. С. 242 ; *Старков Б. А.* Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // *Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера* : сб. ст. СПб., 2008. С. 102.

² РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 154. Л. 62–64.

³ Там же. Л. 65.

⁴ *Никонова Т. Н.* Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде пар-

тийной номенклатуры : дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 178–179.

⁵ *Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 4. С. 1011.

⁶ *Сушков А. В.* «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018. С. 52–53.

⁷ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 154. Л. 58.

⁸ Там же. Л. 58 — 58 об.

⁹ *Болдовский К., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.* За что расстреляли руководителей-блокадников? Мифы и документы о «Ленинградском деле», сфабрикованном 70 лет назад // *Родина.* 2019. № 6. С. 132.

¹⁰ *Сушков А. В.* Указ. соч. С. 21–33.

Часть VI
История повседневности

А. В. Шевкунова, С. А. Сергеев

Особенности преподавания словесности в начале XX века (на примере Златоустовской женской гимназии)

Начало XXI в. особым образом отразилось на развитии современного российского школьного образования. Появилась возможность внедрения и апробации новых образовательных технологий. Не осталось в стороне и приобщение обучающихся к традиционным культурным национальным ценностям. Последний аспект на уровнях основного и среднего общего образования особо раскрывается в такой новой предметной области, как «Родной язык и родная литература»¹. Несмотря на важность изучения классической русской литературы для подрастающего поколения, вопрос о методах преподавания литературы вообще, и в частности нового предмета, подбора произведений и авторов, продолжает оставаться дискуссионным².

Вместе с тем отечественная образовательная традиция имеет замечательный многолетний (с дореволюционного времени) опыт применения в образовательном процессе всего огромного потенциала литературного творчества русских писателей, реализуемого на уроках словесности. Наиболее, на наш взгляд, интересным является опыт системы гимназического образования предреволюционного периода, являющегося привилегированным и образцовым в начале XX в., воспроизвести который не смогла советская система³. Особое место здесь занимают женские гимназии, так как они готовили кадровый состав для образовательных учреждений разных типов, а также для домашнего частного образования.

К вопросам организации образовательного пространства в гимназиях имеется достаточно устойчивый интерес исследователей, что видно по их публикациям. Среди прочих можно выделить работы М. С. Андриановой «Чему и как учили барышень 100 лет назад?»⁴, Ю. С. Буслаевой «Становление и развитие женских гимназий в России в 1870-х гг. — феврале 1917 г. (на материалах Владимирской и Костромской губерний)»⁵, О. А. Логиновой «Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии)», Б. М. Игошева, М. В. Попова, М. К. Елисафенко, М. В. Суворова «История развития педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930)»⁶ и др. Из региональных исследований можно выделить работы М. В. Егоровой «Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в.»⁷, В. Я. Рушанина «Из истории среднего образования на Урале (1861–1917 гг.)»⁸. В приведенных работах, выполненных на основе анализа значительного количества разнообразных источников, описывается учебно-воспитательный процесс в российских гимназиях, в том числе в женских, XIX — начала XX в. Однако приходится констатировать тот факт, что в этих работах уделяется мало внимания особенностям преподавания литературы.

Современные краеведческие издания «Златоустовская энциклопедия»⁹, «Златоуст — город крылатого коня»¹⁰, «Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1870–1917)»¹¹ большей частью дают общие сведения об открытии и функционировании в городе гимназии, состоянии ее здания. Более подробная информация о преподавателях, сословном составе учениц, материальном обеспечении гимназии, наименовании преподаваемых учебных предметов приводится в статье И. Шубиной «Женская гимназия»¹² и в публикациях Ю. П. Окунцова «История Златоустовской женской гимназии»¹³ и «Златоустовская женская гимназия (110 лет со дня создания)»¹⁴. Но и здесь отсутствует описание специфики преподавания разных дисциплин, в том числе словесности. Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности и перспективности дальнейшей разработки исследуемой темы.

Целью настоящей работы является выяснение особенностей преподавания словесности в начале XX в. на примере Златоустовской женской гимназии. Источниками в исследовании выступали документы Архива Златоустовского городского округа, характеризующие образовательный процесс по словесности в V–VI классах Златоустовской женской гимназии в 1913–1914 гг.¹⁵ Указанные документы были выбраны сознательно, так как, с одной стороны, в проекции на современную систему образования V–VI классы гимназии соответствуют уровню старшей ступени школьного образования, то есть 10–11-м классам. Последние в гимназической системе VII и VIII классы были профориентированы и больше соответствуют современному среднему профессиональному образованию. С другой стороны, указанный учебный год является предвоенным, что позволяет исключить уклон содержательной части образовательного процесса к особому патриотическому содержанию. Протоколы педагогических советов за 1914–1915 и 1915–1916 учебные годы позволяют составить общее представление о ведении образовательного и воспитательного процесса в гимназии¹⁶.

Златоустовская женская гимназия, согласно типологии, принятой в Российской империи, относилась к разряду средних учебных заведений, действовавших по уставу 1864 г.¹⁷ Находилась под началом Министерства народного просвещения¹⁸. Как учебное заведение такого статуса она начинает свою историю в 1905 г.¹⁹ Так, 9 сентября 1905 г. начинает работу сначала женская прогимназия, которая 1 июля 1908 г. преобразуется в гимназию. Отличительной особенностью последней становится увеличенный срок обучения — до шести лет. Позже, в 1906 и 1910 гг., открываются два дополнительных педагогических класса (VII и VIII), позволяющих вы-

пуксницам получать звания домашних наставниц и учительниц русского языка и арифметики²⁰.

До 1919 г. гимназия размещалась на втором этаже специально построенного для нее двухэтажного здания и занимала 14 комнат, 10 из которых служили классами, а 4 были отведены под рекреацию, физический кабинет, кабинет начальницы и учительскую. Имелись два коридора и раздевальная комната. В нижнем этаже размещалась Кирилло-Мефодиевская женская начальная школа²¹. Кабинеты физики и естественных наук имели необходимое оборудование, работали две библиотеки — ученическая и фундаментальная, насчитывающие в 1912 г. 2445 томов²².

Двухэтажное здание гимназии сохранилось и сегодня располагается по адресу: ул. Петровская, 1. Как отмечено в архивных документах, здание было построено предположительно в 1905 г. на средства городского общества. Его общая площадь составляла 97 кв. саженей, а стоимость — 10 тыс. руб.²³

Финансировалась деятельность учебного заведения из нескольких источников. В период с 1911 по 1914 гг. к ним относилась, во-первых, плата за обучение самих учениц. Она составляла примерно 52 руб. 99 коп. в год. Во-вторых, поступали средства от Министерства народного просвещения (850 руб. в год), городской думы (2000 руб.), губернского (1200 руб.) и уездного (200 руб.) земств. В-третьих, были и частные пожертвования. Так, почетная попечительница гимназии жена купца первой гильдии Ольга Петровна Злоказова жертвовала ежегодно по 300 руб.²⁴ Помощь в ведении финансово-хозяйственной деятельности оказывали родительский комитет и попечительский совет. С 18 января 1911 г. при гимназии существовало общество вспомоществования бедным учащимся, занимавшееся снабжением бедных учениц платьем, бельем, средствами для оплаты обучения и лечения в случае болезни²⁵.

Контингент учениц составляли представительницы разных сословных групп, что видно из данных табл. 1.

Таблица 1

Распределение учениц Златоустовской женской гимназии по сословным группам²⁶

Сословие	Количество учениц	
	в 1905/1906 учебном году	в 1911/1912 учебном году
Личные дворяне	34	59
Чиновники		
Духовное сословие	2	10
Почетные граждане	4	16
Купцы		
Мещане	72	69
Цеховые		
Крестьяне	15	50
Обыватели	—	75
Прочие	—	26
Всего	127	305

Вопреки устоявшемуся мнению гимназическое образование в Златоусте было доступно выходцам не только из семей привилегированных сословий, но и для мещан, обывателей и крестьян. Причем, по данным на 1 января 1912 г., последних было больше представителей привилегированных слоев в 2,5 раза²⁷. Поступить на обучение в I и II классы можно было после окончания городских начальных женских и смешанных училищ²⁸. Также был возможен переход из других учебных заведений. Примером может послужить случай с дочерью горного инженера Верой Новиковой, сдавшей экстерном экзамены за пять классов в Александровской гимназии в Перми и зачисленной сразу в VI класс гимназии в Златоусте²⁹. Неудачившие ученицы могли остаться на второй год обучения.

По окончании VII класса устраивали выпускные экзамены, успешное прохождение которых позволяло испытуемым получить аттестат с правом на золотую или серебряную медаль. Выпускницам VIII класса, успешно сдавшим экзамены, с учетом положительных оценок за год и результатов пробных уроков выдавали свидетельство о звании домашних наставниц и учительниц. На начало августа назначали переэкзаменовки неуспевающих. Приемные же экзамены проводили во второй половине августа для каждого класса гимназии. Они проверяли уровень знаний учениц и давали возможность выбрать способных детей для дальнейшего обучения³⁰. Нужно отметить, что количество обучающихся постоянно увеличивалось: если в 1905/1906 учебном году в гимназии обучались 127 девочек, то в 1911/1912 учебном году — уже 305 человек³¹. В апреле 1915 г. педагогический совет принимает решение учредить еще один — VI класс, что позволило бы уменьшить количество одновременно обучающихся учениц с 60 до 30 человек³².

Сохранилось несколько фотографий, позволяющих увидеть внешний вид гимназисток и их преподавателей. На фотографии 1906 г. запечатлены ученицы одного из начальных классов (примерно 9–10-летнего возраста), на фотоснимке 1907 г. — ученицы IV класса (примерно 14–15-летнего возраста). Хорошо видна форменная одежда: темное платье с белым фартуком. Ученицы скромны и опрятны.

Педагогический состав гимназии состоял из специалистов разных предметных областей. В 1914/1915 учебном году начальницей гимназии была Л. Н. Шабловская³³. Воспитательная работа была возложена на надзирательниц. Контроль образовательного процесса, распределение учебной нагрузки среди преподавателей, доведение до них информации вышестоящих инстанций, решение текущих проблем осуществлялись педагогическим советом, заседания которого проводились регулярно, не реже одного раз в семь дней³⁴.

Учебно-предметная часть была представлена следующей схемой. Учебный год начинался в сентябре и заканчивался в мае. Обучение проходило

в течение шести дней недели. С I по II класс преподавали такие предметы, как чистописание, арифметика, русский язык, французский язык, география, пение, рисование, рукоделие, Закон Божий. В III классе добавлялась история, в IV — естественная история. В V классе вместо арифметики, географии, русского языка и чистописания вводились словесность, алгебра и геометрия, в VI упразднялась естественная история и вводилась физика. В VII классе упразднялось рукоделие, вводились космография, педагогика, гигиена, арифметика, география. В последнем VIII классе (педагогическом) вместо космографии, физики, французского языка, рисования, географии и истории вводились русский язык, гимнастика, практика и методика русского языка, дидактика, практика и методика арифметики³⁵.

Из вышеуказанных данных видно, что наиболее востребованными в образовательном процессе являлись такие предметы, как Закон Божий, пение, французский язык и рисование.

Словесность преподавали лишь с V класса и до конца курса, сначала заменяя на протяжении трех лет русский язык, а уже в VIII классе русский язык дополнял ее. В недельном расписании уроков за 1914/1915 учебный год они словесность давали три раза в неделю. Наравне с историей и французским языком в V классе, физикой в VI и VII классах и Законом Божиим в VIII классе³⁶.

Прежде чем перейти к детальному описанию курса словесности, следует дать определение этому понятию. В современной интерпретации уроки словесности относятся к разряду интегрированных. В основе же лежит способ стыковки двух самостоятельных учебных предметов — русского языка и литературы. Это позволяет овладеть учащимся родным языком с помощью осмысления функции языка в тексте, его роли при построении связной и красивой речи³⁷.

Нужно отметить, что весь учебный курс 1913/1914 учебного года делился на три временных отрезка, что было общим правилом для всех предметов в течение учебного года. В курс словесности были включены как теоретические, так и практические элементы в виде сочинений.

К особенностям изучения словесности в V классе следует отнести следующие факты. Первая четверть учебного года была посвящена изучению основных понятий — «словесность» и «литература». Подробно разбирались теория и практика написания сочинений, строение и состав стихотворения, словарный состав речи, виды речи, влияние на литературную речь народного, старинного и иностранных языков, виды описания и формы изложения. Практическая часть включала написание четырех сочинений: двух домашних и двух классных. Темы классных сочинений: «Мой сад», «Наступление зимы»; домашних сочинений: «V класс Златоустовской женской гимназии», «Уральские горы»³⁸.

Во второй четверти изучались типы речи — различные виды повествования (прозаическое и поэтическое). Уделялось время изучению особен-

ностей летописей и исторических записок. Интерес вызывают темы по методологии, приемам философского мышления: о рассуждении, логике, понятии, суждении и умозаключении. Рассматривались такие жанры, как поэма, эпос, сказка, былина, загадка и пословица. В классе ученицы должны были написать сочинения по трем темам: «Мой первый день в гимназии», «Различие между прозой и поэзией», «Характеристика князя Святослава по летописи, Карамзину и Соловьеву». Темы трех домашних сочинений: «Поездка на домну», «Значение лесов», «Моя подруга»³⁹.

В третьей четверти продолжалось изучение литературных жанров. Гимназистки знакомились с баснями, поэмами, балладами, романом, рассказом, повестью. Несколько уроков было посвящено лирике (литературной, народной, письменной и устной). В этой четверти предполагалось написание трех сочинений. Темы классных: «Почему стихотворение Пушкина “Бесы” называются балладой?», «К какому роду произведений относится стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу”?». Дома предлагалось самостоятельно поразмышлять над темой «Характеристика Марии Ивановны Мироновой из “Капитанской дочки”»⁴⁰.

Первая четверть учебного года в VI классе открывалась темой «Введение в историю русской словесности». Далее следовало подробное описание особенностей народного творчества. Изучались обрядовые и бытовые песни, заговоры, загадки, пословицы, сказки (мифологические, нравственные, о животных). Особый акцент делался на рассмотрении былин. Предполагалось знакомство с содержанием шести былин, трех исторических песен, одного духовного стиха. Интересно включение для изучения апокрифических произведений. Завершающая часть первой четверти была посвящена изучению русской литературы XI и XII вв. Темы классных сочинений: «Женская доля по народным песням», «Владимир Мономах как государь». Темы домашних сочинений: «Тип киевского богатыря», «Личность Даниила по его “Хождению в Святую Землю”»⁴².

Большая часть второй четверти была посвящена изучению литературы и творчества русских писателей XIII–XVII вв., Серапиона Владимирского, Максима Грека, архиепископа Макария, царя Ивана Грозного, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, царя Алексея Михайловича Романова. Завершал вторую четверть курс литературы эпохи правления Петра I. Причем акцентировался исторический аспект преобразований, аргументировались реформы. Здесь важными представителями литературного олимпа выступали Стефан Яворский, Феофан Прокопович, И. Т. Посошков и В. Н. Татищев. Темы классных сочинений: «Языческие воззрения на природу в “Слове о полку Игореве”», «Характер русского образования и литературы в эпоху Петра Великого». Для написания домашнего сочинения предлагались следующие темы: «“Слово о полку Игореве” и былины», «Се-

Таблица 2

**Тематический план по словесности
для V класса в 1913/1914 учебном году⁴¹**

Чет- верть	Темы	Тематика сочинений
I	Значение слов «словесность» и «литература». Основные понятия о сочинении. Тема, содержание сочинения, план, изложение, заглавие и идея. Различные способы выражения мыслей. Понятие о простом и образном выражении. Средства, сообщающие образность выражениям: эпитеты, тропы, фигуры. Речь мерная и немерная. Стихосложение метрическое, силлабическое и тоническое. Рифма. Строфа. Народный музыкальный стиль. Речь отрывистая и периодическая. Период и его части. Виды периодов. Словарный состав речи. Влияние на литературную речь народного, старинного и иностранных языков. Понятие о стиле. Главные требования слога. Формы изложения. Описание прозаическое и поэтическое	В классе: «Мой сад»; «Наступление зимы»
		Дома: «V класс Златоустовской женской гимназии»; «Уральские горы»
II	Повествование прозаическое и поэтическое. Летопись. История. Исторические заметки. Биография. Рассуждение. Краткие сведения из логики о понятии, его объеме и содержании, суждении и умозаключении. Характеристика. Произведения научного характера. Произведения ораторские. Различия между прозой и поэзией. Главные виды произведений поэтических. Общее понятие об эпосе и его делении. Эпос устный или народный. Сказки. Былины. Исторические песни. Загадки и пословицы	В классе: «Мой первый день в гимназии»; «Различия между прозой и поэзией»; «Характеристика князя Святослава по летописи, Карамзину и Соловьеву»
		Дома: «Поездка на домну»; «Значение лесов»; «Моя подруга»
III	Эпос письменный. Басня. Поэма. Баллада. Идиллия. Роман. Повесть. Рассказ. Поэзия лирическая. Общее понятие о лирике и ее делении. Лирика устная или народная. Лирика письменная или литературная. Ода. Сатира. Элегия	В классе: «Почему стихотворение Пушкина “Бесы” называется балладой?»; «К какому роду произведений относится стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу”?»
		Дома: «Характеристика Марии Ивановны Мироновой из “Капитанской дочери”»

мейная жизнь XVI столетия по Домострою»⁴³.

Третья четверть была всецело посвящена знакомству с биографиями и творчеством писателей, драматургов и поэтов XVIII в. Подробно изучалось творчество М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира. Обязательными к рассмотрению были педагогические сочинения императрицы Екатерины Второй. Из трех сочинений в этой учебной четверти предлагались к написанию в классе: «Черты ложного классицизма в оде Ломоносова “На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны”», «Общие черты в комедиях “О, время!” и “Недоросль”»; в качестве домашнего задания: «Недостатки русского общества, изображенные в комедии императрицы Екатерины “О, время!”»⁴⁴.

Все вышеизложенное позволяет сделать выводы о том, что Златоустовская женская гимназия, открытая в 1905 г., была одним из образцовых и перспективных учебных заведений. Это подтверждает неуклонный рост количества обучающихся. Гимназия имела стройную систему организации образовательного пространства, ко-

торая опиралась на квалифицированный педагогический состав, хорошее материально-техническое обеспечение. Являлась базой для подготовки педагогических кадров. Несмотря на значительное количество преподаваемых учебных дисциплин, словесность оставалась приоритетной для изучения в старших классах.

Преподавание словесности в V и VI классах гимназии имело стройную структуру, которая была отражена в программе, составленной преподавательницей А. Федоровой на весь учебный год. Весь изучаемый материал был разделен на три временных отрезка и включал изучение как теоретических основ литературы, стихосложения и написания сочинений, так и практические работы в виде классных и домашних сочинений. Всего за два года было написано 24 сочинения: 13 — в V классе и 11 — в VI. Такой подход позволял развивать умение формулировать свои мысли, высказывать свое мнение на заданную тему, помогал усваивать правила грамматики и синтаксиса, способствовал формированию целостного мировоззрения. В VI классе основной упор в изучении русской литературы был сделан на

истории ее формирования с языческого периода до конца XVIII в. К изучению предлагались произведения разных жанров. Также особенностью являлось изучение сочинений русских монархов — Ивана Грозного и Екатерины Второй. В курсе словесности прослеживаются и патристические мотивы, направленные на формирование уважения к государственной власти и истории малой родины.

Завершая исследование, нам хотелось бы отметить, что, несмотря на изменение подхода к современному школьному образованию, где приоритетными являются поиск и внедрение новых технологий, многое можно почерпнуть из истории. Выше был представлен педагогический и методический опыт применения в образовательном процессе всего огромного потенциала литературного творчества русских писателей и русской культуры вообще. Надеемся, что полученные результаты не только позволят частично восполнить пробелы в изучении истории образования Златоустовского городского округа, но и станут методической основой для разработки уроков в общеобразовательной и средней школе по предметам «Родная литература» и «Родной русский язык».

Примечания

- ¹ Нормативно-правовые основы освоения обучающимися родного языка и родной литературы. URL: <https://kiro46.ru/docs/26022019.pdf>.
- ² Проблемы преподавания литературы в школе. Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/talks/29996>.
- ³ Любжин А. Русская школа до 1917 года. // Мел : сайт. URL: <https://mel.fm/blog/aleksey-lyubzhin/9613-russkaya-shkola-do-1917-goda>.
- ⁴ Андрианова М. С. Чему и как учили барышень 100 лет назад? Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым». URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1373-chemu-i-kak-uchili-baryshen-100-let-nazad>.
- ⁵ Булаева Ю. С. Становление и развитие женских гимназий в России в 1870-х гг. — феврале 1917 г. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-zhenskikh-gimnazii-v-rossii-v-1870-kh-gg-fevrale-1917-g-na-materialakh>.
- ⁶ История развития педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930) : монография / Б. М. Игошев, М. В. Попов, М. К. Елисафенко, М. В. Суворов. Екатеринбург, 2013. 273 с.
- ⁷ Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. : монография. М. : Памятники ист. мысли, 2008. 215 с.
- ⁸ Рушанин В. Я., Копев Л. М., Чуприн В. В. Из истории среднего образования на Урале (1861–1917 гг.). Магнитогорск : Голос магнитог. молодежи, 1994. 46 с.
- ⁹ Косиков Н., Ковина Е. Гимназия и прогимназия. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?618>.
- ¹⁰ Златоуст — город крылатого коня / авт.-сост. А. В. Козлов. Златоуст : ФотоМир, 2004. 336 с.
- ¹¹ Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1870–1917). Челябинск : ТЭТА, 2016. С. 221.
- ¹² Шубина И. Женская гимназия // Златоуст. рабочий. 1997. 30 авг.
- ¹³ Окунцов Ю. П. История Златоустовской женской гимназии. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c121020181630>.
- ¹⁴ Окунцов Ю. П. Златоустовская женская гимназия (110 лет со дня создания) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2019. Челябинск, 2018. С. 289–291.
- ¹⁵ АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 18.
- ¹⁶ Там же. Д. 26, 29, 36.
- ¹⁷ Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения и подробные программы испытания зрелости в испытательных комитетах при учебных округах / изд. В. А. Маврицкого. 25-е изд., [на 1912–1913 г.]. Значит. изм. и доп. М., 1912. 229 с.
- ¹⁸ Окунцов Ю. П. История Златоустовской женской гимназии.
- ¹⁹ Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Указ. соч. С. 221.
- ²⁰ Шубина И. Указ. соч. ; АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 29. Л. 28.
- ²¹ Справка АЗГО № 44/11 от 16.03.2017 г. С. 1.
- ²² Шубина И. Указ. соч.
- ²³ Справка АЗГО № 44/11. С. 1.
- ²⁴ Окунцов Ю. П. История Златоустовской женской гимназии.
- ²⁵ Шубина И. Указ. соч.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же ; Окунцов Ю. П. История Златоустовской женской гимназии.
- ²⁸ Шубина И. Указ. соч.
- ²⁹ АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 29. Л. 34.
- ³⁰ Там же. Л. 27 об. — 28, 34.
- ³¹ Шубина И. Указ. соч.
- ³² АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.
- ³³ Там же. Д. 26. Л. 9 ; Д. 29. Л. 27.
- ³⁴ Там же. Д. 29. Л. 27–34 об., 34–44.
- ³⁵ Там же. Д. 27. Л. 74.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Игнатенко В. А. Уроки словесности как интегрированная форма обучения русскому языку и литературе // Метеор-сити : науч.-популяр. журн. 2017. № 2. С. 48–51. URL: <http://www.meteor-city.top/uroki-slovesnosti>.
- ³⁸ АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ АЗГО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 — 4 об.
- ⁴² Там же. Л. 5.
- ⁴³ Там же. Л. 5 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6.

Истоки формирования библиотечного обслуживания юных южноуральцев (XVII — начало XX века)

Поиски истоков становления и последующего развития библиотечной профессии в Челябинске интересуют не одно поколение библиотековедов, историков и краеведов.

Обращение к истокам библиотечной профессии в Челябинске потребовало от нас систематизации и детального изучения всего комплекса источников: книг, бытовавших в первых челябинских библиотеках, являющихся в настоящее время историческим ядром государственных держателей редких книг города; справочных и статистических изданий; сохранившихся печатных каталогов библиотек; периодических изданий; опубликованных и неопубликованных делопроизводственных документов; нормативно-правовых актов.

Историки библиотечного дела справедливо полагают, что начиная с XVII в. формирование и развитие библиотек на Южном Урале проходило в основном при монастырях, церквях, духовных училищах¹. Хранение и учет книжных собраний в монастырских библиотеках велись в специальных списках (описях), составляемых монахами. Некоторые из них дошли до нас и сохранили ценные сведения о книгах своего времени, составе фондов монастырских и церковных библиотек, основателях и их вкладчиках. Ценность книжных собраний монастырских и церковных библиотек заключалась в том, что в них собирались централизованно распространяемые книги, создавались свои рукописные книги, была представлена местная литература, они были первыми очагами распространения грамотности, просвещения среди населения.

Записи о книгах говорят о зарождении в XVII в. книгообмена. Появились библиотеки, поставлявшие книги в другие библиотеки. Богослужбные книги рассылались по тем епархиям, где ощущалась их нехватка. Таким путем некоторые из них попадали и в церкви Южного Урала.

С зарождением монастырских и церковных библиотек связано и развитие частных собраний книг. Они наиболее ярко характеризуют настроения, политические взгляды, мировоззрение различных социальных групп. Концентрировались книжные собрания у людей обеспеченных: государственных деятелей, промышленников, купцов, дипломатов².

Бесценна частная родовая библиотека русских купцов и промышленников Строгановых, формировавшаяся с XV в. Уникален подбор книг в ней, разнообразны пути ее комплектования. Библиотека Строгановых всесторонне исследована и признана национальным достоянием России. Комплектовалась она через покупку книг для церквей на Московском печатном дворе и в торговых рядах, передачу библиотек по наследству, изготовление рукописей в созданной Стро-

гановым книгописной школе, путем пожалования изданий Сибирским приказом, через служилых людей и духовенство, приезжавших из Москвы. Это сделало Строгановых самыми крупными поставщиками книг на Урале.

После раскола Русской православной церкви во второй половине XVII в. на Урале скрывалось много староверов-раскольников. Практически каждая община хранила древние книги, печатные книги в основном дониконовского периода, летописи, рукописи. Это были первые нелегальные библиотеки на Урале. В Челябинской области и сегодня живут приверженцы старообрядчества, их библиотеки — это непечатое поле деятельности для современных исследователей. Часть раскольниковых книжных собраний хранится в Свердловском и Пермском областных архивах. Без сомнения, старообрядческие общинные библиотеки оказали немалое влияние на духовную культуру жителей нашего края³.

Библиотечное дело в XVIII в. на Урале своим развитием во многом обязано Василию Никитичу Татищеву (1686–1750) — крупному государственному деятелю, историку, книговеду и книголюбу, организатору открытия школ и библиотек; зачинателю русской промышленной буржуазии Никите Акинфиевичу Демидову (1724–1789)⁴.

В. Н. Татищев имел определенную программу развития образования и просвещения в России. Им была создана четкая система комплектования школьных и личных библиотек. Свообразным библиотечным коллектором служила канцелярия горного правления, она занималась распределением заказанной литературы. Из записей 1735 г.: «Купить для обучения... на Макарьевской ярмонке букварей и азбук с десятисловием пятьдесят, букварей российских, греческих, латинских языков десять»⁵.

В. Н. Татищев добивался, чтобы в школьных библиотеках были учебные книги на русском языке. В «Разговоре о пользе наук и училищ» он писал: «Мы до днесь не токмо курсов математических, истории, географии Российской, которые весьма всем нужны, не говорю о высоких философских науках, но лексикона и грамматики достойной не имеем»⁶.

При его непосредственном участии и поддержке формировались библиотеки на Урале: при школах словесной и арифметической на Уктусском заводе; арифметической в Кунгуре, словесной на Алапаевском заводе. Библиотека при Екатеринбургской горной школе — предмет особого его внимания. К концу 1730-х гг. благодаря заботам Татищева она стала самым крупным книжным собранием, принадлежащим учебным заведениям не только Урала, но и России. Ее фонд насчитывал более 2 тыс. томов⁷.

Книги закупались в основном в Петербурге и Москве, стоили они дорого. К примеру, учебник арифметики — 3 р. 50 коп. за один экземпляр. По тем временам это большие деньги. Комплектование книжных фондов всех библиотек соответствовало просветительским целям того времени. Библиотека должна была воспитывать гражданина, человека государственных интересов, способного продолжать дело, завещанное Петром I⁸.

Во второй половине XVIII в. уральские заводы открывали школы, при которых обязательно были библиотеки. Основная группа читателей — дети рабочих и служащих, доступ к книгам имела и уральская «крепостная интеллигенция».

Демидовы открыли главное народное училище в Перми, впоследствии переведенное в Оренбург; на Нижнетагильском заводе — «Цифирную школу», в 1789 г. — малые народные училища. Горные школы начали работать при Кыштымском, Каслинском, Нязепетровском заводах Демидовых. При всех школах имелись библиотеки.

Челябинск был основан в 1736 г. Уже в 1779 г. местные служители церкви открыли русскую славянскую школу. С 1784 по 1815 г. в Челябинске действовало духовное училище. Вероятно, при нем была библиотека. В 1789 г. начало работать Челябинское малое народное училище. Оно просуществовало до 1793 г. При нем была небольшая библиотека, книги которой помещались в одном шкафу.

В 1755 г. библиотека для заводских служащих открылась в Златоусте при оружейной фабрике.

В Оренбургском казачьем войске еще в середине XIX в. был принят указ о всеобщем обязательном и бесплатном обучении детей казаков. Появление библиотек в казачьих станицах Южного Урала связано прежде всего с открытием учебных заведений, которые финансировались из казны казачьего войска (Верхняя Санарка, Борисовка, Кочкарь). Хотя казачата учились в основном по таблицам на стенах и по записям учителя, но минимальным числом книг школа располагала. Казачьих станиц в Челябинской области немало, в них работают современные сельские библиотеки, которые являются правопреемницами тех первых библиотек первой половины и середины XIX в.

Формируются и личные библиотеки — конечно, в основном в среде обеспеченных слоев населения: священнослужителей, купцов, мещан, чиновников. Этот пласт истории библиотечного дела еще ждет своих исследователей.

Первое приходское мужское училище в Челябинске появилось в 1839 г. В нем были две библиотеки — фундаментальная и ученическая.

Ученическая имела отделы для обслуживания учеников разного возраста. Это подтверждают штампы на книгах, сохранившихся до наших дней. До 1884 г. в училище всячески поощрялось чтение книг, считавшееся лучшим средством развития учащихся. Но в том году несколько преподавателей заявили, что два ученика 4-го класса

получают неудовлетворительные оценки потому, что не занимаются уроками, а увлекаются чтением книг. Решение правления было необычным и сомнительным: лишить учащихся на месяц права читать книги. С этого времени лишение старшеклассников возможности чтения книг на срок от одной-двух недель до двух месяцев стало практиковаться постоянно.

Воскресенский единоверческий монастырь основал игумен Иоанн в 1849 г. на берегу р. Ай в Уральских горах недалеко от Златоуста. До революции 1917 г. монастырь был богат и почитаем, особую ценность в нем представляли иконы и книги старого письма. Это свидетельство П. Семенова-Тян-Шанского. Вероятно, сегодня их отнесли бы к национальным культурным ценностям.

Существует легенда, что книги древнего письма ревнители старой веры спрятали где-то в подzemелье под церковью или в подземном ходу, что ведет аж до Единовера (это до десятка километров). В годы советской власти монастырь был закрыт и разграблен. Отрадно, что в наши дни монастырь восстанавливается. Может быть, в результате реставрационных работ будут сделаны открытия, касающиеся монастырской библиотеки.

К началу XX в. в Челябинске действовали Одигитриевский Богородицкий женский монастырь, мужское духовное и женское епархиальное училища, школы: пять церковно-приходских, воскресные, школы при костеле, синагоге.

В 1860-е гг. были проведены реформы в области народного образования: приняты положения о начальных и народных женских училищах, введен устав гимназий и прогимназий.

Челябинский уезд тогда входил в Оренбургскую губернию. В 1856 г. в ней было 158 училищ, где обучались 8323 человека. В 1861 г. в Челябинске открылось первое на Урале женское училище второго разряда, преобразованное в 1873 г. в прогимназию, в 1883 г. — второе женское училище. Оба они имели свои библиотеки. В женской прогимназии действовали фундаментальная и ученическая библиотеки и фонд учебных пособий. В 1897 г. их общий фонд составлял 2829 экз., в 1899 г. — 3187⁹. При выдаче книг из ученической библиотеки на дом надзирательница, она же библиотекарь, учитывала возраст, интеллектуальный уровень учениц.

Челябинское женское епархиальное училище, открытое в сентябре 1908 г., имело библиотеку. Выяснить состав этих библиотек трудно. Многие из них приближаются по типу к библиотекам образовательно-просветительского характера. Книги переходили от монастыря к монастырю, от одной церкви к другой.

В 1878 г. в Челябинске открылось 2-е приходское училище, оно также имело фундаментальную и ученическую библиотеки. К 1898 г., то есть через двадцать лет, в фонде библиотек было 2002 томов. Это говорит о том, что их фонд пополнялся очень медленно. В учебном фонде были учебники русского и церковно-славянского

языков, Закона Божьего, повести, рассказы, биографии знаменитых людей. С целью упорядочения книговыдачи было принято необычное решение: книги выдавались в определенные дни согласно вокальным данным читателей, а точнее — певческим голосам воспитанников. Так, обладатели низкого детского голоса — альта — могли посетить библиотеку только во вторник, а соответственно, высокого голоса — дисканта — только в четверг. Именно в эти дни ученики занимались пением. При сдаче книг в библиотеку кратко выслушивалось содержание прочитанного. Книги выдавал учитель¹⁰. Эту систему обслуживания внедрил Лев Степанович Коротовских (1865–1915) — заведующий Челябинским 2-м приходским училищем и первый библиотекарь Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни¹¹.

Уже в те годы закладывались основы библиотечной работы с детьми. В 1895 г. в Челябинске открылось 3-е Николаевское мужское приходское училище, и, конечно, при нем была библиотека.

В 1870-е гг. в Челябинске была предпринята попытка открыть общедоступную библиотеку духовного училища. В 1873 г. в Челябинском духовном училище обучались 116 детей (дети священников — 71 человек, церковнослужителей — 37, иннословных — 8).

Помощник смотрителя училища З. Ф. Полянцев, заведывая библиотекой (просуществовала до 1871), сумел привлечь местную публику, установил для абонентов 12-рублевый годовой взнос и благодаря этому пополнял библиотеку так называемыми толстыми журналами и вновь выходящими книгами. Библиотека Челябинского духовного училища была собрана на средства местного духовенства, состояла из 1696 томов (к 1880). Приобретались хрестоматии, словари, учебники по русскому, латинскому и греческому языкам, географии и астрономии (каждого наименования от 1 до 16 экз.).

З. Ф. Полянцев особо следил за качеством поставки книг: так, по счету № 114а от 24 сентября 1875 г. московскому магазину Ивана Глазунова была предъявлена претензия за поставку некачественных книг (книги возвращены обратно, а на 11 руб. дополнительно поставлено 13 наименований книг).

Ежегодно оформлялась подписка на 10–15 периодических изданий: «Странник», «Мирское слово», «Православное обозрение», «Детское чтение», «Всемирный путешественник». На подписку расходовалось 107 руб. 71 коп. с учетом «уплаты весовых, страховых и за росписки при пересылке денег»; на переплет книг из фундаментальной и ученической библиотек (53 экз. на сумму 15 руб.) и др. Так, были закуплены книги: рассказы И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, «Животные полезные», «О птицах и гадах», «Чем питается человек», при этом не было ни одного экземпляра книг по математике и всеобщей истории. Дополнительно приобретены 30 экз. брошюры «Ядовитые свойства табака» для безвозмездной раздачи

ученикам и 11 экземпляров Нового Завета для раздачи в награду лучшим ученикам¹².

Серьезным испытанием на библиотечном поприще для З. Ф. Полянцева стали многочисленные ревизорские проверки по линии Священного синода. Прибывший в 1871 г. для ревизии училища член-ревизор Учебного комитета при Священном синоде С. И. Миропольский распорядился закрыть фундаментальную библиотеку, передав профильные для училища книги в его учительскую и ученическую библиотеки. Поводом для данного решения послужило обнаружение в фонде библиотеки романов чрезвычайно популярного в то время французского писателя Шарля Поля де Кока (1793–1891). Критики обвиняли этого автора в излишней фривольности текстов, в то время как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой открыто оценили его литературное мастерство.

К 1880 г. фонд фундаментальной библиотеки Челябинского духовного училища составлял 664 наименования книг, а в ученической — более тысячи. Такое пополнение фонда было возможно благодаря ежегодному планомерному выделению ассигнований в сумме от 150 до 300 руб.

Примечателен факт недовольства ряда преподавателей Челябинского духовного училища, озвученного ими в 1887 г. в ходе очередной ревизии И. Зинченко: «...часть учеников занимается не уроками, а увлекается чтением, что приводит к получению неудовлетворительных оценок, соответственно было бы полезно лишить таких учеников на месяц права посещать библиотеку». Эта мера оказалась действенной: через две недели ученики повысили успеваемость и получили право посещать библиотеку¹³.

Обозначим предпосылки создания библиотек в Челябинске, основной задачей которых было библиотечное обслуживание юных горожан с целью формирования грамотной региональной элиты.

Социально-экономические преобразования повлекли за собой изменения и в культурной жизни: во второй трети XIX в. в Челябинске появились училища разного типа: духовное, уездное, приходское, казачье. За первые 30 лет после реформы 1861 г. население Челябинска выросло в 2,5 раза и составило почти 20 тыс. человек. Заработали первые типографии, телеграф. Новая эпоха в городской истории наступила после превращения Челябинска в станцию Транссибирской железнодорожной магистрали. Город превратился в крупный торгово-транспортный узел общероссийского значения. Это определило открытие здесь главного переселенческого пункта страны, положило начало бурному экономическому, демографическому росту города и ускорению его культурного развития¹⁴.

Население Челябинска вскоре увеличилось в несколько раз за счет активной миграции. Оказавшись на пересечении нескольких железнодорожных путей и заняв в результате правительственной тарифной политики уникальное экономическое

положение, Челябинск стал притягательным центром для местных и иногородних отечественных и зарубежных товаропроизводителей.

Грамотность горожан — важнейший маркер общего культурного уровня урбанизированного населения Челябинска. Показатель грамотности всего населения Оренбургской губернии, по данным переписи 1897 г., составлял 20,4 %. Доля грамотных в городах Оренбургской губернии равнялась 36,4 %. В Челябинске она составляла почти 40 %. По этому показателю город занимал второе место в губернии после Оренбурга, в котором к грамотным было отнесено 41,2 % населения. В общей численности грамотных челябинцев (7949 человек) насчитывалось 2733 женщины. Среди грамотных челябинцев 67 человек имели университетское образование. Эти горожане стали приоритетной категорией читателей дореволюционных городских библиотек.

Культурные запросы челябинцев в первом десятилетии XX в. удовлетворяли семь библиотек (примечателен факт создания специализированной библиотеки при городском винном складе; обязанности штатного библиотекаря выполнял Василий Александрович Мамыкин).

Таким образом, уже в XVII — начале XX в. закладывались основы библиотечной работы с детьми и юношеством.

Примечания

¹ Артамонова С. С., Заврина А. Г. Библиотеки и книги старого Челябинска // Вечер. Челябинск. 1986. 20 авг. ; Артамонова С. С. Библиотечное дело на Урале в 1917–1920 годах : учеб. пособие по курсу «Всемирная ис-

тория библиотечного дела». Челябинск, 1993. 110 с. ; Уткин Б. Т. Библиотечное дело на Южном Урале в 40–80-х гг. XIX в. (по материалам Оренбургского края) : монография. Челябинск, 2003. 132 с.

² Маслова Л. М. «И дольше века длится день...» : книга о старейших библиотеках Челябинской области. Челябинск, 2007. 196 с.

³ Артамонова С. С., Заврина А. Г. Указ. соч. ; Артамонова С. С. Указ. соч.

⁴ Артамонова С. С. Указ. соч.

⁵ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 157.

⁶ Там же.

⁷ Артамонова С. С., Заврина А. Г. Указ. соч. ; Уткин Б. Т. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ ОГАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 698а.

¹⁰ Боже В. С. Библиотеки дореволюционные // Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск, 2001. С. 96 ; ОГАЧО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 355а.

¹¹ Боже В. С. Коротовских Лев Степанович // Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск, 2001. С. 418–419.

¹² Яхнина Ю. С. Библиотечная деятельность Захария Федоровича Полянцева (1835 — не ранее 1903) // Семнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании : материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. О. В. Терехова ; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск, 2019. С. 296–300.

¹³ Там же.

¹⁴ Алеврас Н. Н. Социально-экономическое развитие Челябинска и челябинское купечество в 60–70-е годы XIX века // Города Урала в контексте русской культуры : тез. докл. юбил. регион. конф. Челябинск, 1993. С. 66–72.

А. С. Панин

Апофеоз войны. Визуальная репрезентация массовой религиозности в контексте Первой мировой войны

В фондах ОГАЧО хранится газетный лист, фиксирующий редкое событие — видимое проявление массовых религиозных верований.

Будучи неотъемлемой частью традиционной народной культуры небесные знамения, чудесные явления сверхъестественных сущностей и прочие визуальные феномены массового религиозного сознания редко фиксировались на бумаге и тем более получали зримый образ. В 1914 г. ситуация изменилась: началась война, которую позже назовут Первой мировой, массы вышли на подмостки истории, и все, что раньше служило пищей фольклористам и этнографам, неожиданно стало объективной частью повседневности. «Война вызвала несомненный подъем религиозных чувств — как искренних, так и фарисейских. Даже секуляризованная столичная интеллигенция склонилась к мнению, что “войну надо принимать религиозно”...»¹ Но если секуляризованная интеллигенция только задумывалась о религиозном смысле грозных событий, то простой народ, и прежде всего русское крестьянство,

другого смысла, кроме религиозного, в войне и не видел.

На фронты Первой мировой уходили с иконами, в русском царе обнаруживали защитника веры христианской, а в германском кайзере — почти антихриста. Периодическая печать и печатные средства пропаганды охотно подхватывали религиозные мотивы, называя войну священной и создавая иконографические образы русских воинов — «плакаты и открытки, изменяя в личном восприятии человека неприглядную реальность войны, становились... идеальной формой для функционирования мифического сознания...»²

Русская православная церковь поддерживала религиозные устремления народа-богоносца, однако на деле оказалось, что в «мифическом сознании» народных масс существовала не только и не столько православная вера, сколько сложная эклектичная система различных вер и верований. В контексте Первой мировой наиболее явными стали проявления народной (или, в условиях но-

вейшей истории, массовой) религиозности. «Как отмечали... служители культа, “народ духовно воскрес”... На деле подобные явления (увеличение количества исповедей, заказных молебнов, венчаний. — А. П.) относились скорее к области магического, нежели религиозного... В армии распространялись слухи об избавлении от смерти с помощью молитв, солдат посещали небесные видения»³. Об одном таком «небесном видении» повествует сохраненный в Челябинском архиве газетный листок, не носящий никаких примет типографского издания и тем еще больше напоминающий феномен массовой культуры. В данном конкретном случае — религиозной.

Перед нами ни много ни мало размноженная типографским способом визуальная репрезентация чуда — недаром газетная страница наклеена на лист плотного картона и предусматривает возможность вывешивания на стене. Изображение сверхъестественного явления превращается в отдельный объект религиозной культуры, не связанный ни с другими подобными (из того же типографского тиража), ни с маленькой заметкой («Дорогая русскому сердцу реликвия») на этой же странице.

Зримое чудо произошло в Харькове в 1915 г., практически в начале Первой мировой войны. При отправке на фронт «дружины» (частей ополчения) по окончании «напутственного молебна» и поднесения «иконы св. великомученика и победоносца Георгия» на «площади у вокзала» священник, «повернувшись лицом к западу», обратился к войскам с «напутственным словом». «Вдруг напряженно слушающая публика заколыхалась. По огромной толпе пронесся необъяснимый гул. Взоры всех устремились в голубое небо, и из тысячи грудей раздалась возгласы: “Посмотрите, посмотрите, крест! крест!”»⁴

Исторический контекст происходящего можно воссоздать лишь отчасти. В ноябре 1914 г. Перемышль был осажден меньшей по численности осадной армией генерала А. Н. Селиванова. Вторая осада и последующий штурм австрийской крепости дался русской армии непросто, о чем свидетельствует солдатская песня «Брали русские бригады Галицийские поля»:

Из села мы трое вышли,
Трое первых на селе.
И остались в Перемышле
Двое гнить в чужой земле.

9 (22) марта 1915 г. крепость Перемышль пала. Таким образом, упомянутые выше события, по всей видимости, относятся к первой четверти 1915 г. Уже летом на Восточном фронте начинается наступление германских войск, и ни о каком продвижении на запад русской армии речь больше не идет. Более того, к концу 1915 г. исчезают и упоминания о всякого рода благоприятствующих знамениях и чудесах. Во всяком случае подобные явления больше не отображаются и не тиражируются, хотя еще в 1914 г. явление Божи-

ей Матери в Августовских лесах (Восточная Польша) породило огромное количество визуальных репрезентаций чуда. «...“Августовская победа”... активно рекламировалась в многочисленных картинках и лубках... Свидетельством глубокой веры в чудесное заступничество Христа и Пресвятой Богородицы может служить необычайная популярность в солдатской среде истории о явлении русским воинам Богоматери с Младенцем Иисусом 1 (14) сентября 1914 года под Мариамполем, которое было расценено как знамение грядущей победы в Августовском сражении...»⁵

Чудесное явление Божией Матери сразу привело к появлению различных визуальных репрезентаций, причем еще до того, как Церковь определилась со своим отношением к необычному событию (считается, что первая версия иконы была напечатана в журнале «Нива»). Позже появляется большое количество вариантов Августовской иконы Божией Матери (в том числе и на Южном Урале). Изображение чудесного явления Божией Матери русским воинам в районе Августовских лесов также помещалось на выходявших тысячными тиражами листовках и открытках, плакатах, пасхальных яйцах. Однако другие подобные свидетельства вмешательства небесных сил в события Первой мировой широкого освещения не получили.

«Чудесное небесное явление креста» в небе над харьковским вокзалом в 1915 г., возможно, было последним явлением такого рода, что делает имеющийся визуальный источник достойным внимательнейшего рассмотрения.

Прежде всего внимание привлекает само изображение. В квадратном поле картинки все пространство плотно заполнено человеческими фигурами. На заднем плане с левой от зрителя стороны мы видим крыши строения под развевающимся флагом — вероятно, «станционное здание». Спиной к вокзалу стоят люди в штатском, впереди священник в фелони и клобуке, в его левой приподнятой руке крест, правая с раскрытой ладонью обращена в жесте увещания к стоящим перед ним воинам. Прямо перед священником спиной к зрителю стоит по-видимому офицер («командир»): длинная шинель, ремни португепи, левая рука придерживает шашку, голова почтительно обнажена. Справа от зрителя и от офицера начинаются и уходят на задний план, к вокзалу, шеренги войск. Впереди, вероятно, старшие чины: заметны погоны, ремни, усы и бородки. Папахи в опущенных руках, под ногами угадывается снег. В целом изображение кажется перерисовкой документальной фотографии — достоверны детали облачения священника, элементы воинской амуниции. Экспрессию и живописность происходящему придают стоящие впереди и слева фигурки детей — мальчика и девочки. Девочка в темном долгополом пальто и в повязанном на голове платке смотрит перед собой — туда, куда указывает вытянутой рукой мальчик в светлом пальто, с непокрытой, по

православному обычаю, головой. Если присмотреться, то видно, что лицо впереди стоящего офицера обращено в ту же сторону, некоторые из военных оборачиваются назад, а из толпы штатских кто-то тянет вверх руку, указывая пальцем в небо. Там, над головами собравшихся, заполняя всю правую верхнюю четверть изображения, в круге разверзшихся облаков и лучах света парит большой восьмиконечный крест.

Изображение дополнено описанием, из которого становится понятно, что крест был «правильной формы, с пропорциональными частями», «из белоснежных облаков с отблесками», что появился он «на голубом, зеркально-прозрачном фоне неба, в северо-западном направлении, немного выше горизонта, освященного лучами заходящего солнца». Кажется, что текст только дополняет изображение, но на деле он вводит его в определенный контекст, уточняя, что собственно произошло («чудесное небесное явление»), где именно (явление состоялось в Харькове), время случившегося (на закате, перед выступлением дружины «навстречу неприятелю»), подкрепляя событие свидетельством очевидцев (многотысячной «провожающей публики») и периодической печати (о явлении «сообщают "Хар. Вед." (вероятно, «Харьковские губернские ведомости», переставшие издаваться в конце 1915 г.). Что еще более важно, текст сообщения содержит однозначную интерпретацию события: «...оно навсегда, говорит командир, останется в нашей памяти как знак милости Божьей к нашей родине»⁶.

Таким образом мы можем полагать, что не менее важным, чем само «чудесное небесное явление», является его визуальная репрезентация и вербальная интерпретация.

Первое задокументированное «чудесное небесное явление креста», случившееся на глазах идущего «навстречу неприятелю» императора Константина (272–337), укладывается в ту же схему. Причем если историки до сих пор спорят, что именно увидел император в небе, то визуальная репрезентация явления вполне четко обозначается как «крест Константина» («Христовграмма»), а последующая вербальная интерпретация события оказывается даже наиболее важной. «Видение — реальное или воображаемое — внесло свой вклад в размышления Константина о проблеме богов и о том, где искать так необходимую ему помощь свыше...»⁷ Можно утверждать, что словесная реконструкция сверхъестественного события придает ему форму и становится основой для визуальной репрезентации чудесного. «Мы видим либо через культуру, наработавшую определенные понятийные значения, либо не видим вообще. Что же касается той или иной визуализации, связанной с выражением религиозного опыта, то реальность этого опыта, будучи доязыковой, невидима нами по определению...»⁸

Трудно сказать, что именно видели солдаты перед отправкой на фронт в Харькове в первые месяцы военного 1915 г. Не умаляя значимости

самого явления, которое «до глубины души потрясло всех присутствующих», и не пытаясь определить суть или достоверность чуда, отметим что визуальная репрезентация чудесного явления представляет крест. И не просто крест, но крест православный, восьмиконечный, практически идентичный тому, который держит в руке священник на изображении. Это позволяет говорить не о точном отображении случившегося, но о реконструкции события.

Визуальная репрезентация небесного явления, отображенная на газетном листе из фондов Челябинского архива, стала суммирующим результатом всех описаний случившегося. В данном случае не так важно, делалось ли описание непосредственными очевидцами, возникло ли оно в ходе косвенных упоминаний или напрямую является следствием творческих усилий создателей газетного сообщения. И в том и в другом случае перед нами выражение массовых религиозных представлений: на войне всегда возможно чудо, у чуда есть зримый образ, этот образ всегда понятен и интерпретируется как знак «милости Божьей». «Видения, легенды, магические практики, слухи о явлениях и различного рода религиозные переживания, порожденные ужасом от пребывания под постоянным артиллерийским огнем и утомительным, длительным ожиданием атак в окопах... были неотъемлемой частью солдатского военного опыта...»⁹

Интерпретация увиденного и / или пережитого всегда является важной частью религиозного опыта и наиболее объективной частью внутренней религиозной жизни. Солдаты на фронтах Первой мировой так же, как и их соотечественники в тылу, пытались создать свою версию «неприглядной реальности войны», используя привычный для них язык религиозной культуры, находя сакральный смысл в событиях повседневности, опираясь на зримые проявления чудесного.

Апофеоз войны — совпадение массовых ожиданий, государственной риторики и религиозного оформления происходящего — случился в Харькове в первой четверти 1915 г. По-видимому, с началом череды поражений русской армии в дальнейшем ходе Первой мировой о единстве народа, Церкви и власти говорить уже не приходилось. Массы еще могли ожидать чудес и видеть небесные знамения, но сверхъестественные явления происходили без участия священников и не находили отклика в официальной пропаганде. Только в 1917 г. массовая жажда чудесного получила новое визуальное выражение. Но это стало частью уже совсем другой войны.

Примечания

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 475.

² Первая мировая: война и миф. Печатная графика из собрания Ивановского историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурьлина, фотографии из коллекции Рыбинского музея-заповедника и Национального музея Республики Коми. М., 2014. С. Т84.

³ Россия в годы Первой мировой войны... С. 484.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-884. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 (?).

⁵ Первая мировая: война и миф. М., 2014. С. Г130, Г138.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-884. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 (?).

⁷ Эрман Б. Д. Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир. М., 2019. С. 48–49.

⁸ Смирнов А. Е. Религиозный опыт. Религиозная традиция. Религиозное обращение : учеб. пособие. Иркутск, 2013. С. 84

⁹ Воспоминания солдат о фронте по записям сестры милосердия Л. Д. Духовской (1914–1916 гг.). URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=540 (дата обращения: 07.05.2021).

А. В. Кокшарова

Женщины в колхозах — большая сила

«Женщины в колхозах — большая сила», — говорил И. В. Сталин на I-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1938 г. Великая Отечественная война особенно ярко показала, какими неисчерпаемыми духовными силами обладают женщины. С великим патриотизмом и беспредельной преданностью они доказали, что честь, отвага, доблесть свойственны им так же, как сострадание, сочувствие и любовь. Бродокалмацкий район Челябинской области проводил на поля сражений 2350 сыновей и дочерей. Из них не вернулись 1900 человек.

Галина Васильевна Ёлышева вспоминает: «22 июня 1941 года был теплый воскресный день. Мужики собрались в деляну пилить дрова. Неожиданно отец вернулся и сообщил, что началась война. Вскоре собрали многих мужиков и отправили на подводах на станцию Муслимово. Сначала все шли пешком со своими родными. Затем их посадили на подводы и повезли, а мы смотрели, как дальше и дальше уезжают наши отцы, все дальше и дальше облако пыли... Больше своего отца мы не видели»¹.

На глазах пустели деревни. В воздухе рассеялся мужской дух: потерялись громкие окрики, ядреные слова, твердые шаги, хриплые от самотады кашли. Даже удары топоров стали не такими звонкими. В районной газете «Колхозная жизнь», издававшейся в с. Бродокалмак, публиковались обращения к землякам: «...заменить ушедших на фронт мужчин, выполняя любую работу. Чем сильнее мы будем в тылу, тем скорее будет разгромлен враг!» Большие надежды возлагались на женщин. Звучали призывы: «Женщины-колхозницы! Изучайте трактор, заменяйте мужчин трактористов, ушедших на фронт!» Повсеместно организовывалась подготовка механизаторов, комбайнеров из числа женщин. В Бродокалмаке в 1941 г. был создан кружок по изучению трактора, позже организовали курсы. Проявляя чудеса трудового героизма, женщины-колхозницы стали пахарями, трактористками, животноводками и конюхами. Жили одним стремлением — помогать Красной Армии изгонять немецких захватчиков с родной земли. И это благородное стремление подкреплялось конкретными делами.

Страницы «Колхозной жизни» пестрели сообщениями: трактористка Русско-Теченской МТС Александра Шабалина, А. Е. Вишнякова, работая на ремонте задних мостов, ежедневно выполняли сменное задание на 100–110 %; так

же хорошо работали на ремонте радиаторов Александра Уфимцева, Евгения Черепанова; слесарь Бродокалмакской МТС Нина Старикова в совершенстве овладела мастерством слесаря, она ежедневно перевыполняла сменное задание; трактористка А. С. Согрина работала на ремонте гусеничных тракторов, являлась дисциплинированным товарищем и добросовестным работником. Примеров десятки².

Женщины-трактористки работали на многих марках тракторов: СТЗ, ЧТЗ, СТЗ-НАТИ. Но в основном трудились на колесных. Трактора эти были примитивными: без кабины, с железным сиденьем и большими железными колесами со шпорами, которые прикручивались на болты, а на передние надевались ребра, тоже железные. После работы у людей болели руки и спина. Хотя и трудно было, но все верили, что от их труда зависит многое, может, даже победа... «Трактористки Пашнина Мария и Панова Евдокия из колхоза им Буденного д. Паново на колесном тракторе перевыполняют нормы. Замечательно работает на газогенераторном тракторе “Нати” Елышева А.»³. «Почти круглые сутки трудится на обмолоте в поле комбайнерка Вишнякова Е. С.»⁴.

Чтобы приблизить победу, женщины пропадали в полях от восхода до заката. «Показывая образцы стахановского труда, — отмечается в очередном номере газеты «Колхозная жизнь», — Нина Алексеевна Бабина из колхоза “Крестьянин” Бродокалмакского совета выполняет сменное задание до 153 %, экономит горючего 26 кг»⁵. «В колхозе “2-я большевистская весна” на уборке ржи, гороха, овса комбайнерка Пономарева А. П. на комбайне “Коммунар” за 10 дней убрала 92 гектара и обмолотила 40. Хорошо работают Крапивина К. П., Кускова Е. И. Они простыми уборочными машинами скосили 96 га»⁶.

Труднее всего было с тракторами, которые работали на твердом топливе — сухих чурочках. Подростки, старики, домохозяйки — все заготавливали полешки размером примерно 10×10 см, которые потом развозили по домам, где хозяйева их сушили. Этими дровами и заправляли газогенераторные трактора. Их засыпали сухими в бункер, разжигали, а затем ехали пахать или сеять. Районная газета той поры сохранила для нас несколько имен тружениц из дер. Осолодки: «Колхозницы: Старикова Б. М., Новокрещенова А. Д. выполнили дневное задание на пилке чурок на 225 %. Следуя их примеру, Болтуц М., Пашнина А. выполнили задание на 170 %»⁷.

В короткие минуты отдыха или в ненастье девушки и женщины собирались кучками, рассказывали смешные истории, иногда сказки. Но больше всего любили петь песни: «Священная война», «Синий платочек», «Катюша», «На окошке на девичьем...». Питание было неважное, одежда никакая. Но не жаловались. Каждый понимал, что хлеб нужен для победы. В свободную минуту садились и готовили посылки на фронт. Кисет, набитый табаком, маленький флакончик одеколона, домашний хлеб, печенье, лепешки, варежки, носки, портянки. И каждая из женщин украдкой вытирала набежавшую слезу: «Может, и мой получит посылку».

К 26-й годовщине Красной Армии практически все сельчане готовили подарки защитникам Родины. Об этом писала «Колхозная правда»: «Работники промартеля “Кооперативный труд” сдали в подарок 130 кг муки для изготовления пельменей и 2000 руб. деньгами. Колхоз “Трактор” Тавранкульского совета — 40 кг мяса и готовят 2000 штук пельменей. Колхоз “Труженик” Сугоякского совета — 5 кг масла, денег 1000 руб., 25 кг мяса и готовят пельмени»⁸. В подарки вкладывали письма: «Пишет вам престарелая мать. У меня сынок тоже в Красной Армии. Мой наказ вам — бейте врага! Я посылаю 20 овчин, 1 кг меду... Если понравится подарок — буду готовить еще».

Не измерить, сколько было пролито от бесилия слез, когда девушки не могли справиться со своим трактором. Поломки чаще исправляли сами, но если не могли устранить неисправность, детали до МТС носили в мешках на себе. Трактора ломались часто, прямо в борозде. Трудности встречались на каждом шагу. Техника беспрепятственно подчинялась не всем, с первых дней войны хорошо водела трактор Ефросинья Степановна Девятова из колхоза «Прогресс» Карпинского совета. «...Трактористка Девятова работала на вспашке паров на колесном тракторе, вместо установленной нормы 4 га вспахивает 5,8 га и при этом экономит горючее...» — писали в газете «Колхозная жизнь» за 4 июня 1941 г. Через год Ефросинья возглавила тракторную бригаду. В 1944 г. стала кандидатом в члены ВКП(б). Образцовый порядок у нее был как на поле, так и на стане. «В тракторном вагончике чистота. Стены украшены портретами вождей и развешены лозунги, призывающие по-фронтовому работать на дело обороны Родины»⁹. «В марте 1944 года, уезжая на полевые работы, Ефросинья Степановна со своим коллективом трактористов взяла социалистическое обязательство: по-фронтовому работать, выполнить план тракторных работ с хорошим качеством и добиться экономии горючего. Взял обязательство — выполни, таков закон социалистического соревнования. И этот закон она с честью выполняет. К 20 августа ее бригада выполнила годовой план тракторных работ»¹⁰.

Умело обращалась с техникой трактористка колхоза «Красный уралец» Заманишенского сельсовета Нина Ярушева. По итогам весеннего сева

1944 г. ее имя было занесено на доску почета передовиков социалистического соревнования, давших наибольшую выработку при высоком качестве и экономии горючего¹¹.

Международный женский день 8 марта в 1944 г. женщины района встречали не за праздничным столом, а новыми производственными победами. «Александра Шабалина и Анфиса Вишнякова, трактористки Русско-Теченской МТС, — информировал мартовский номер газеты “Колхозная правда”, — работали на ремонте задних мостов, Александра Уфимцева и Евгения Черепанова на ремонте радиаторов. Ежедневно выполняя и перевыполняя сменные задания, качественно делали ремонт»¹².

Трудно доставался хлеб военного времени. После скашивания колосьев на поле оставались связанные снопы, и тогда бразды правления брали в свои руки машинисты молотилок. Это был очень ответственный пост. Сначала искали подходящее место для молотилки, устраивали ток, утрамбовывали землю. Молотилку подвозили на тракторах, работала она круглыми сутками. Следили за тем, чтобы ни одно зернышко не осталось на току. Как только все снопы были обмолочены, молотилку перетаскивали на другое поле, на уже подготовленный ток. Почти круглыми сутками работали Е. С. Вишнякова и А. П. Пономарева из колхозов «Победа» и «2-я большевистская весна» Нижнепетропавловского сельсовета на обмолоте ржи, гороха и овса на комбайнах «Коммунар». «Убирать в любую погоду, молотить круглые сутки» — под таким девизом шла уборка урожая осенью 1944 г.

Скошен хлеб, связаны снопы и сложены в копны. После этого с поля нужно собрать все колоски. К их сбору привлекались подростки и пожилые люди. За каждым закреплялась полоса скошенного поля. За день надо было пройти несколько километров. Хуже всего было то, что голыми ногами приходилось идти по скошенной траве. Было больно. К концу дня с трудом передвигались ноги, но мешок с колосками никто не выпускал из рук. Отчеты прошлых лет о колхозе «Прогресс» Бродокалмакского района (дер. Карпино) хранит фонд № 155 архивного отдела администрации Красноармейского муниципального района. В «Книге по начислению трудодней колхозникам колхоза “Прогресс” за 1943 год» зафиксированы лицевые счета колхозников. О том, что и школьники по окончании учебы в школах включались в сельскохозяйственные работы, свидетельствуют «Лицевые счета учащихся школы» за 1943 г. Сорок два человека записаны в одном из документов. В фонде № 102 «Редакция газеты “Колхозная жизнь”» отмечены ученики Бродокалмакской школы. Восемьдесят пять ребят трудились в колхозах и на пришкольных участках. За деятельное участие в сельскохозяйственных работах в 1943 г. школа получила Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса РСФСР «Отличник Всесоюзного социалистического соревнования школ». Эта награда вдохнов-

ляла ребят на хорошую учебу и работу в 1943/44 учебном году. «Это самые лучшие ученики нашей школы. Они понимают свой долг перед Родиной в суровые дни Великой Отечественной войны», — отмечала директор школы М. Н. Каздан¹³.

Колхозная деревня жила в напряженном трудовом ритме. Так, в разгар полевых работ во многих колхозах района рабочий день начинался в четыре-пять часов утра, а заканчивался в восемь-девять часов вечера, на сенокос выходили еще раньше и работали до позднего вечера. Работа находилась для всех, включая стариков и подростков. На страницах газеты «Колхозная жизнь» приводятся примеры хорошей работы: «Даже 60-летние старушки с серпами вышли убирать урожай. Звено старушек из колхоза «Свобода» в количестве 8 человек ежедневно выполняет и перевыполняет нормы выработки. Осолодкова В. С., Турсукова А. В., Подивилова выполняют вручную до 0,12 га каждая. Так же организованно вступил в уборку урожая и колхоз «Красный маяк» Беликульского совета. Здесь тоже работают старушки. Колхозники стремятся как можно скорее и без потерь убрать урожай, чтобы рассчитаться с государством по хлебопоставкам и получить хлеба на выработанные трудодни»¹⁴. Активное участие в уборке урожая принимали женщины в возрасте 65 лет из колхоза им. Сталина Кирдинского сельсовета. Ирина Захаровна Бобыкина, Прасковья Захаровна Попкова, работая на вязке снопов, ежедневно перевыполняли норму.

На протяжении четырех военных лет районная газета Бродокалмакской редакции «Колхозная жизнь», несмотря на огромные сложности со снабжением бумагой и всем прочим, кадровые и иные проблемы, выходила регулярно, без единого срыва. Газетные подшивки военных лет — это бесценные документы, свидетельствующие о мужестве и героизме наших земляков. Газета была самым востребованным изданием. Жители с нетерпением ждали свежие выпуски. В газете публиковались выступления с призывами жить верой в победу, освещались трудовые подвиги земляков, победы Красной армии. Тираж газеты (900 экз.) расходился моментально. Ее читали сообща, передавали из рук в руки.

Чтобы выпустить газету в свет, работникам редакции нужно было немало потрудиться. Нам, привыкшим щелкать кнопками компьютерной клавиатуры, трудно представить, как это происходило.

Ветерану труда Елизавете Федоровне Мосягиной в 2019 г. исполнилось сто лет. Она и сегодня помнит себя наборщиком в Бродокалмакской редакции газеты «Колхозная жизнь»: «Сегодня мало кто представляет, как тяжело было сотрудникам. Тогда был ручной набор. По одной букве складывали на металлическую пластинку слова и предложения. Шрифты тоже были металлические, разных размеров. В кассе они лежали не по алфавиту. Наборщик должен был четко знать

место расположения каждого шрифта, чтобы быстро ориентироваться во время работы. После того как форма газеты была набрана, завязывали ее шпагатом, переносили на металлический лист и несли к корректурному станку, делать пробный оттиск. Он отправлялся на читку к корректору, который искал ошибки. Если ошибок нет, газету несли на проверку, сначала в районное управление по делам издательств и литературы, а потом в райком партии. Там ее проверяли и давали разрешение на выпуск газеты в свет. В помещении редакции в зимнее время было холодно, топили печи. Пальцы согревали своим дыханием и снова принимались за работу. По ночам работали при керосиновой лампе. Но ни разу мы выпуск газеты не сорвали, никто не уходил домой, пока газета не была отпечатана».

7 октября 1944 г. семья Ваторопиных узнала из газеты радостную весть. Их сыну, младшему лейтенанту В. В. Ваторопину, приказом Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина от 25 июня 1944 г. была объявлена благодарность за участие в боях при прорыве сильно укрепленной обороны немцев, прикрывающей бобруйское направление.

В декабре 1944 г. через газету с пламенным фронтовым приветом к колхозникам и колхозницам Бродокалмакского района обратились гвардейцы части, где служил их земляк гвардии ефрейтор Сергей Петрович Юшков. Они рассказали о том, что гордятся уральским солдатом за его героические боевые действия, за храбрость, проявленную при освобождении Севастополя и Сталинграда, и поблагодарили за воспитание храброго воина.

Наряду с хлебом сельское хозяйство должно было давать Красной армии мясо, масло, яйца и другие виды продуктов животноводства. Кроме сырья для промышленности колхозная деревня обязана была обеспечить рабочих заводов продуктами питания. Не покладая рук работали животноводы района. С определенной периодичностью в газете публиковались материалы о стахановцах. Так, жена фронтовика Наталья Борисовна Вишнякова в течение 1943 г. честно выполняла порученную ей работу. Получив 50 голов приплода телят, полностью их сохранила. Правление колхоза «Победа» в порядке дополнительной оплаты выдало ей десятимесячного теленка. Телятница М. Ф. Курбатова из колхоза «2-я большевистская весна» воспитала и сохранила закрепленных за ней в 1943 г. 22 телят и получила дополнительную оплату — 40 кг мяса в живом весе. Овчарка того же колхоза Арина Яковлевна Курбатова от 50 овцематок получила приплод — 60 ягнят, и всех сохранила. Так изо дня в день колхозники во имя победы над врагом трудились в тылу, берегли и выращивали скот, чтобы Красная армия бесперебойно получала продукцию животноводства. Чабан-стахановка А. А. Кокшарова прилагала все силы к тому, чтобы сохранить полностью весь родившийся молодняк овец. Во время массового окота

овец она день и ночь находилась на ферме. Благодаря самоотверженному труду сохранила 59 ягнят от 54 овцематок. Правление выдало ей премию — поросенка и ватную фуфайку¹⁵. Конюх первой полеводческой бригады колхоза «1 Мая» Тирикульского сельсовета Елизавета Павловна Пирогова добилась того, что все закрепленные за ней лошади имели среднюю упитанность¹⁶. Евдокия Григорьевна Пашнина из колхоза «Трактор» работала свинаркой с 1930 г. Несмотря на трудности, недостаток кормов, она не допустила падежа свиней. Чутко реагировала на малейшие их заболевания, устанавливала для них особый режим¹⁷.

Важным средством общения в годы Великой Отечественной войны служила телеграфная связь. В 1945 г. в Бродокалмакской конторе связи работали 39 человек, в том числе 35 женщин. Телеграфистами, телефонистами, почтальонами были девушки, которым не исполнилось и 18 лет¹⁸. Люди продолжали обмениваться телеграммами, письмами, звонками. Объем отправлений был большим: сотни писем, десятки бандеролей шли в разные уголки страны. Летом почту перевозили на тележках, зимой — на санях, в которые запрягали лошадей.

2 июля 1945 г. в отдел снабжения Челябинской конторы связи поступил сигнал: «...в Бродокалмаке прошел сильный град, было выбито много окон. Просим срочно отпустить стекло, в районе нет...» 7 августа был телеграфирован ответ: «...на облскаде управления связи оконного стекла не имеется». 4 июля 1945 г. отбита новая просьба: «Просим выслать женских ботинок для почтальонов». В Ленинград летели телеграммы от эвакуированных граждан. Вот мать телеграфировала сыну в Ленинград: «Перевод получили, вестей нет. Телеграфируй». Или другое послание в Ленинград (ул. Садовая, д. 40, кв. 28): «Немедленно телеграфируй здоровье Фоли и мамы. Рахиль». Телефонogramмы из районного совета были каждодневными. К примеру, 21 января 1945 г. нужно было сообщить всем организациям района о проведении воскресника по оказанию помощи семьям военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны.

После окончания Великой Отечественной войны эвакуированные в Бродокалмак ленинградские дети готовились к возвращению домой. В отделение связи шли телефонограммы из райисполкома: В связи с реэвакуацией интерна-

тов с 5 июля 1945 г. бродокалмакская почта была обязана выделить одну подводку для перевозки детей и продуктов питания до ст. Муслимово¹⁹. Постоянным клиентом конторы связи была метеостанция, которая передавала сведения о дальности видимости в Челябинск.

За январь 1945 г., согласно архивным документам, были переданы 604 телеграммы, проведено 494 переговора, получено и отправлено несколько сотен заказных писем и бандеролей.

Четыре года женщины Бродокалмакского района стойко переносили все невзгоды, своим трудом приближая Победу. Не ради себя и не для награды, а на благо своих родных, той земле, где они родились и жили. И никакая сила, даже смерть, не могли убить эту любовь и веру в Победу.

Примечания

¹ Без малого четыре года гремела грозная война // Знакомьтесь — Бродокалмак. Челябинск, 2015. С. 196.

² Колхозная жизнь. Бродокалмак, 1944. 8 марта

³ *Синицын И. Е.* Ударники сева // Колхоз. жизнь. 1944. 1 мая.

⁴ *Стариков Ф.* Равняться по передовикам // Колхоз. жизнь. 1944. 16 авг.

⁵ *Предеин А. И.* Передовики сева // Колхоз. жизнь. 1944. 13 мая.

⁶ *Томин С.* Работают по-фронтовому // Колхоз. жизнь. 1944. 26 авг.

⁷ *Ердаков И.* Достоинно встретили день 8 Марта // Колхоз. жизнь. 1944. 11 марта.

⁸ Пошлем подарки Красной Армии // Колхоз. жизнь. 1944. 22 янв.

⁹ Свято выполнять первую заповедь перед государством // Колхоз. жизнь. 1944. 26 авг.

¹⁰ *Пермяков С.* Коммунисты выполняют свои обязательства // Колхоз. жизнь. 1944. 16 авг.

¹¹ Передовики социалистического соревнования // Колхоз. жизнь. 1944. 27 мая.

¹² *Пономарев М. И.* Успехи женщин трактористок // Колхоз. жизнь. 1944. 8 марта.

¹³ *Каждан М. Н.* Завоеем первенство // Колхоз. жизнь. 1944. 1 июля.

¹⁴ *Томилов С.* Ударный труд — первая помощь фронту // Колхоз. жизнь. 1944. 19 авг.

¹⁵ *Сырвачев С.* Всемерно поощрять стахановцев // Колхоз. жизнь. 1944. 19 февр.

¹⁶ Международный женский день // Колхоз. жизнь. 1944. 8 марта.

¹⁷ *Пикулев А. А.* Беречь скот как зеницу ока // Колхоз. жизнь. 1944. 8 апр.

¹⁸ Архивный отдел администрации Красноармейского района. Ф. 103. Оп. 1. Л. 73.

¹⁹ Там же. Л. 41.

**Спецпереселенцы в лесной промышленности Урала
в начале 1930-х годов: условия жизни и работы
(по материалам Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б))**

В результате массовой коллективизации и развертывания в деревне борьбы с кулаками с целью их уничтожения «как класса» на Урал начинают ссылаться раскулаченные, в регионе создается система спецпоселений. Бывших кулаков направляют на «стройки социализма» своим трудом искупать свой неправильный социальный статус. Согласно советскому законодательству лица, посланные на спецпоселение, в обязательном порядке должны были привлекаться к общественно полезному труду с учетом их трудоспособности¹.

Урал стал одним из основных районов ссылки семей раскулаченных². Многих спецпереселенцы-крестьяне высылали из Украины, с Северного Кавказа и других западных регионов СССР в суровые уральские условия. Так, за 1930–1931 гг. из Украины на Урал было выслано 32 127 кулацких семей, с Северного Кавказа — 25 995, из Белоруссии — 9113 семей³. В большом количестве спецпереселенцев начинают использовать в лесной промышленности. Из направленных в 1931 г. в Уральскую область в «кулацкую ссылку» крестьянских семей 37085 семей были определены для работы на предприятиях лесной промышленности⁴.

На новом месте они оказывались в тяжелых материально-бытовых условиях, оставив все свое имущество на прежнем месте жительства. Раскулаченным крестьянам, высланным вместе с их семьями, вырванным из привычных условий существования, нужно было обустроить свою жизнь заново. Реальные условия жизни на новом месте были крайне тяжелыми.

Государство выделяло определенные финансовые средства на обустройство и оплату труда спецпереселенцев. В апреле 1930 г. была создана комиссия СНК СССР во главе с заместителем председателя СНК СССР В. В. Шмидтом, которой поручалось «проведение мероприятий по трудовому и хозяйственному устройству кулацких хозяйств в местах постоянного расселения и определения размеров и источников средств, потребных на покрытие расходов», связанных с переселением бывших кулаков и их семей «до мест, назначенных для постоянного проживания»⁵. В 1932–1933 гг. советское правительство выделило лесным трестам Урала около 25 млн руб. для обустройства спецпереселенцев. В 1934 г. тресты «Уралзаплес» и «Свердлес» получили еще 3 млн 614 тыс. руб., из них на жилищное строительство — 760 тыс. руб., на сельскохозяйственное устройство — 2 млн 854 тыс. руб.

Но как показала практика, далеко не всегда государственные деньги уходили по назначению. Жизненные трудности спецпереселенцев усугублялись злоупотреблениями и безответственными действиями хозяйственных руководителей орга-

низаций, в которых они трудились. В 1934 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича письмо, в котором говорилось о неблагоприятном состоянии устройства спецпереселенцев в лесных организациях Свердловской области. По результатам письма лесобумажная группа Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) организовала проверку трестов «Уралзаплес» и «Свердлес»⁶.

В результате проверки уральских трестов партийные контролеры выявили неудовлетворительное расходование отпущенных им государством средств на обустройство и содержание спецпереселенцев. В отношении части выделенных средств было обнаружено их нецелевое использование, другая часть не была освоена. Бесхозяйственное отношение руководства леспромов к полученным финансам проявилось в том, что поселки спецпереселенцев строились на значительном удалении (до 200 км) от производственной базы лесозаготовок, что создавало серьезные затруднения с доставкой людей к местам работы и обратно. К тому же оказалось, что места для строительства поселков были выбраны неудачно — «около этих поселков не было подходящей земли даже для огородов»⁷. В результате из 77 трудовых поселков с 5110 домами, построенными трестом «Уралзаплес», пришлось законсервировать 28 поселков с 3418 домами. Убыток от этих необдуманных решений составил 2 млн руб.⁸

К тому же качество строительства было низким, построенные бараки оказывались непригодными для проживания. Руководство уральских леспромов буквально закапывало деньги в землю. Спецпереселенцам приходилось жить в прямом смысле в скотских условиях. Проведенная проверка показала низкое качество жилья для переселенцев: «До 30 % жилых домов не остеклены, окна забиты досками, зимних рам нет ни в одном здании»⁹. Оказалось, что деньги, предназначенные на строительство жилья спецпереселенцев, хозяйственники тратили на другие цели. В тресте «Уралзаплес» и его леспромовах в 1933 г. из общей суммы капиталовложений в 1 млн 709 тыс. руб. незаконно израсходовали 56 тыс. 740 руб., в том числе 16 тыс. руб. на административно-управленческие расходы аппарата треста¹⁰.

Проверяющие установили также факты нецелевого использования кредитов. В Косинском леспромохе треста «Уралзаплес» кредиты, предоставленные на землеустройство спецпереселенцев, были использованы руководством предприятия на другие цели¹¹. Хозяйственные руководители

были уличены и в махинациях с кредитами. В том же Косинском леспромхозе работник по спецпереселенцам Маленьких вступил в сговор с директором леспромхоза А. И. Нефедьевым, результатом чего стало составление подложного акта на проведенную якобы работу по устройству дороги к поселкам спецпереселенцев. В итоге оба комбинатора положили в свой карман 4700 руб.¹²

В то же время руководители предприятий лесной промышленности не осваивали в полном объеме средства, отпущенные на жилищное строительство. В 1934 г. по тресту «Уралзаплес» остались неиспользованными 143 тыс. руб., в Юринском леспромхозе из отпущенных на жилищное строительство средств в размере 180 тыс. руб. была израсходована только треть (64 тыс. руб.). Та же картина наблюдалась и в Свердловске: Сосьвинский леспромхоз не освоил 122 тыс. руб., а Гаринский леспромхоз — 64 тыс. руб.¹³ Если бы все капитальные средства были использованы, то можно было бы построить жилые помещения, вполне пригодные для проживания и отвечающие хотя бы минимальным санитарным нормам.

Хозяйственное руководство из рук вон плохо обеспечивало спецпереселенцев питанием. Проверяющие констатировали, что продовольственное снабжение лесных рабочих — спецпереселенцев «поставлено неудовлетворительно, несмотря на получаемые фонды»¹⁴. В отдельных леспромхозах области продовольственные фонды «расходовались не по назначению и на другие цели». Так, Гаринский леспромхоз перерасходовал 168 т муки «на другие цели», следствием чего стали проблемы с обеспечением рабочих-спецпереселенцев и их семей продовольствием. С учетом голода 1932–1933 гг., в результате которого умерли миллионы советских граждан, мука была серьезным стратегическим ресурсом, способным принести хороший доход тем, кто им распорядился. Можно было «убить сразу двух зайцев» — самообогатиться за счет государства и за счет спецпереселенцев. Вследствие этого с апреля 1934 г. продовольственный паек в леспромхозе стал выдаваться нерегулярно, особенно иждивенцам, а за июнь — июль паек вообще не был выдан. Обреченные на голод люди пытались найти выход из этой ситуации. Некоторые такой выход видели в побеге. В результате из поселка леспромхоза сбежали 662 человека¹⁵.

Спецпереселенцы могли бы купить необходимые продукты питания, но не имели возможности сделать это из-за серьезных задержек с выплатой заработной платы. Задолженность по зарплате перед спецпереселенцами со стороны руководства уральской лесной промышленности составляла свыше 1 млн руб., а многие не получали зарплату более четырех месяцев¹⁶. Проверкой был установлен систематический рост задолженности по зарплате. Трест «Свердлес» задолжал своим рабочим 810 тыс. руб., «Уралзаплес» — 245 тыс. руб.¹⁷ В отдельных леспромхозах (Лобвинском, Гаинском, Гаринском) спецпереселенцы не получали зарплату в течение четырех-

пяти месяцев¹⁸. Подобная ситуация являлась достаточно типичной для Урала. Как отмечала Т. И. Славко, «заработная плата выплачивалась по самым низким расценкам и нерегулярно. Задержки в ее выдаче нередко превышали несколько месяцев»¹⁹.

Такие обтекаемые формулировки, словесные эвфемизмы — «на другие цели», «расходование не по назначению» — по сути, означали, что средства и фонды, выделяемые государством на содержание спецпереселенцев, фактически расхищались хозяйственным руководством и обеспечивали его безбедное существование. Как отмечают историки, различные злоупотребления служебным положением, коррупция, взяточничество были достаточно широко распространены в системе ГУЛАГа²⁰.

Подобные методы хозяйствования неизбежно привели к «резкому понижению контингента трудоспособных» среди спецпереселенцев, занятых на лесозаготовках²¹. Причинами снижения численности спецпереселенцев являлись высокая смертность и побег, вызванные тяжелыми условиями жизни и работы. Так, проверяющая комиссия установила, что если в 1933 г. в трестах «Уралзаплес» и «Свердлес» числились 15 904 семьи общей численностью 55 539 человек, то через два года (в 1935) контингент спецпереселенцев сократился почти в два раза (на 47,4 %). В леспромхозах уральских трестов оставалось 8999 семей (29 237 человек). В результате только по одному тресту «Уралзаплес» в 1934 г. умер 2081 человек и сбежали из поселков 2887 человек²².

По итогам проверки партийной комиссии были приняты кадровые решения и возбуждены уголовные дела против неумелых руководителей, являвшихся «по совместительству» коррупционерами и расхитителями. За безответственное отношение к использованию отпущенных государством кредитов на обустройство спецпереселенцев, за допущенное разбазаривание хлеба, а также за несвоевременную выплату зарплаты управляющему трестом «Свердлес», члену партии с 1917 г. И. А. Заварзину и управляющему трестом «Уралзаплес», члену партии с 1925 г. А. Е. Корсунскому был объявлен выговор.

Бывшие проворовавшиеся директора Гаринского леспромхоза Глызин и Сосьвинского леспромхоза Холстинин за неиспользование кредитов, разбазаривание хлеба и невыплату зарплаты были привлечены к уголовной ответственности. Директору Косинского леспромхоза треста «Уралзаплес» А. И. Нефедьеву, члену ВКП(б) с 1924 г., подписавшему подложный акт о строительстве грунтовой дороги к поселкам спецпереселенцев был объявлен выговор, а в отношении его подельников, виновных в составлении подложного акта и получении денег, было возбуждено уголовное дело²³.

Таким образом, спецпереселенцы оказались между молотом и наковальней. Они терпели лишения и притеснения не только со стороны советского государства, как политического ин-

ститута, развернувшего против них репрессивную политику, но и со стороны непосредственных исполнителей его воли в местах своей ссылки в лице хозяйственных руководителей, которые относились к спецпереселенцам, как социальным маргиналам и подневольной дешевой рабочей силе, в отношении коих можно не соблюдать элементарные нормы законности.

Примечания

¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 23.

² Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936. М., 1995. С. 7.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // Социолог. исслед. 1990. № 11. С. 4.

⁴ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 49. Л. 248.

⁵ История сталинского Гулага... С. 33.

⁶ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 49. Л. 248.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 249.

¹¹ Там же. Л. 245.

¹² Там же. Л. 249.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 245.

¹⁵ Там же. Л. 249–250.

¹⁶ Там же. Л. 245.

¹⁷ Там же. Л. 250.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Славко Т. И. Указ. соч. С. 89.

²⁰ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 157.

²¹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 49. Л. 245.

²² Там же. Л. 250.

²³ Там же. Л. 245.

С. А. Кусков

Продовольственное обеспечение раненых в период «Зимней войны» (по материалам эвакуогоспиталей Уральского военного округа)

Советско-финская война — один из крупнейших вооруженных конфликтов, в которых принимал участие Советский Союз. За четыре месяца боев Красная Армия потеряла более 186 тыс. ранеными, больными и обмороженными¹. Все они лечились в военных госпиталях, разбросанных по восьми военным округам². Красноармейцы, пострадавшие в боях с белофиннами, не должны были испытывать ни в чем нужды, однако по целому ряду причин период нахождения в эвакуогоспиталях стал для многих из них временем разочарований. Неурядицы, связанные с обеспечением продовольствием, особенно раздражали раненых. В данной статье на примере Уральского военного округа (в 1940 г. в состав округа входили Свердловская, Молотовская, Челябинская, Кировская области, Башкирская и Удмуртская автономные республики) рассмотрим, как эвакуогоспиталями решался продовольственный вопрос.

Источником наших сведений по данному вопросу являются отчеты о работе и переписка эвакуогоспиталей, приказы Военно-санитарного управления Красной армии и эвакуопунктов. Все эти документы сосредоточены в фондах РГВА. К сожалению, мнения раненых по столь для них актуальному вопросу лишь отчасти отражены в отчетах руководства госпитальной службы. Продовольственное обеспечение раненых в эвакуогоспиталях глубокого тыла в период советско-финской войны ранее не изучалось. Между тем вопросы об источниках получаемого продовольствия — о материально-технической вооруженности продовольственной части, какие блюда и продукты доставлялись раненым и достигали ли они чувства сытости после приема пищи, как изменился паек для раненых красных командиров — интересны не только военным и медицин-

ским специалистам, так как показывают повседневный быт госпиталей и изменения социальной политики государства в отношении раненых бойцов и командиров Красной Армии.

В январе 1940 г. на Урале были сформированы два эвакуационных пункта (в Свердловске и Перми)³, которые руководили военной медициной Свердловской области (девять госпиталей, 5 тыс. коек), Пермской области (семь госпиталей), Башкирии (четыре госпиталя, 1500 коек), Удмуртии (два госпиталя, 700 коек), Кировской области (три госпиталя, 1700 коек), Челябинской области (два госпиталя, 450 коек)⁴. Таким образом, в первом квартале 1940 г. в условиях зимы в короткие сроки была создана система военно-медицинских учреждений, в которых одновременно лечилось не менее 12 тыс. раненых и больных воинов.

Руководство продовольственным обеспечением эвакуогоспиталей осуществлялось штабом Уральского военного округа, отделами снабжения эвакуопунктов. Интендантские службы эвакуопунктов по штату приравнивались к дивизионным. Формально продовольствие в эвакуогоспиталях должно было поступать с военных складов НКО СССР. Фактически командование складов в большинстве случаев только выдавало наряды на получение продовольствия от ближайших к госпиталю поставщиков продовольствия. Например, в апреле 1940 г. поставщиками уфимского госпиталя № 1738 были Уфимский мясокомбинат, трест «Главрыбсбыт», контора «Башзаготзерно», Уфимская макаронная фабрика, Башкирский трест «Ростглаптицепром», Уфимский городской молокозавод, Башкирская контора «Маслопром»⁵. Продовольствие доставлялось в госпитали самовывозом или с привлечением транспорта, мобилизованного городскими

советами. Перебои в снабжении продовольствием по линии Наркомата обороны в период советско-финской войны в источниках не зафиксированы.

Предметом гордости областных партийных организаций было привлечение дополнительно продовольствия сверх норм НКО от шефов и его закуп из торговой сети. Шефами, а также госпитальными осуществлялся закуп «деликатесов» в торговой сети. Благодаря этому раненые иногда получали по стакану томатного сока, клюквенного экстракта, другие фруктовые и овощные соки. А 23 февраля и 1 мая 1940 г. на праздничных столах появились торты, конфеты, пирожное, джем, варенье, консервированный компот, колбаса, сосиски и другие продукты.

Однако продукты мало было получить, требовалось их качественно приготовить и доставить на столы, а также избежать порчи продовольствия на складах. В начальный период работы госпиталей питание раненых оказалось плохо организованным из-за слабости соответствующей материально-технической базы. Пищевые блоки являлись наименее обустроенными подразделениями, так как формировались на базе школьных столовых. Кухни пришлось ремонтировать и срочно дооборудовать уже после развертывания госпиталей. На протяжении всего времени работы эвакуогоспиталей ощущался недостаток кухонного инвентаря и столовой посуды, что заставляло организовывать питание в несколько смен⁶. Так, в свердловском эвакуогоспитале № 1707, который просуществовал до октября 1940 г., уже в мае — июне стало заметно уменьшение количества стаканов и тарелок — побились⁷. Проблема решена не была. Лысьвенский завод в качестве шефской помощи изготовил и передал в молотовский эвакуогоспиталь № 1324 сто пятьдесят эмалированных кофейников⁸. Школьные столовые не имели складов для хранения запасов продуктов и овощехранилищ. В январе на скорую руку были оборудованы ледники и выделены временные склады. Поэтому большие запасы овощей оставались на территории пищеблоков.

В госпиталях, имевших несколько лечебных корпусов, готовую пищу переносили по улице. В холодное время пища в бачках быстро остывала. Ее подогрев вне кухни, как правило, не осуществлялся⁹. Кое-где вовсе не имелось столовых или их площадь оказывалась слишком маленькой, поэтому раненые принимали пищу в палатах.

Другой проблемой стал недостаточный штат работников кухни. Для ее решения командование госпиталей добивалось увеличения штатов. Например, в челябинском госпитале № 1724 он был увеличен на восемь дополнительных единиц, кроме того, в качестве добровольных помощниц привлекались жены работников НКВД¹⁰. Привлечение жен работников НКВД для работы в госпиталях имело место и в других госпиталях.

Суточная выдача продуктов раненым не была стабильной, выдерживалась лишь месячная норма, рассчитанная на основе госпитального пайка.

Госпитальный паек полагался всем пациентам эвакуогоспиталей — как рядовым красноармейцам, так и командирам¹¹. Суточный набор продуктов госпитального пайка весил 2305 г (см. таблицу)¹².

Госпитальный паек в период советско-финской войны¹³

Продукт	Суточная норма, г	Примечание
Хлеб ржаной	350	
Хлеб пшеничный	350	
Мука пшеничная (картофельная)	30	
Крупа перловая	15	
Крупа гречневая	15	
Пшено	15	
Крупа ячневая	10	
Крупа манная	15	
Крупа рисовая	15	
Макаронны, вермишель	35	
Мясо (говядина, баранина, свинина, птица)	140	
Рыба (свежая)	60	
Сало	10	
Масло растительное	5	
Масло коровье	40	
Картофель	400	
Капуста	170	
Свекла	60	
Морковь	35	
Лук	30	
Коренья, зелень, огурцы	40	
Томат-пюре	15	
Грибы сушеные	0,1	
Клюква	10	
Перец	0,3	
Лавровый лист	0,2	
Уксус	3а	
Желатин	0,16	
Фрукты сушеные	20	
Молоко свежее	250	
Творог	25	
Сметана	10	
Сыр	1	
Яйца	0,4	11,6 шт. в месяц
Сахар	60	
Кофе	0,2	
Чай	—	50 г в месяц
Соль	20	
Мыло туалетное	—	200 г в месяц

Факт остается фактом: раненые не наедались своими порциями. Они также часто жаловались на однообразное питание¹⁴. Сотрудники госпиталей не могли оставить раненых голодными и допускали перерасход хлеба и других продуктов. В приказе по Уфимскому госпитальному гарнизону от 9 марта 1940 г. командование госпиталя № 1740 констатировало увеличение числа бойцов, получавших диетическое (то есть повышенное) питание, таковых в госпитале оказалось более половины¹⁵. Особенно часто звучали жалобы на недостаток хлеба, хотя его выдавалось по 700 г в сутки. Руководство эвакуационного пункта пошло на увеличение суточных выдач хлеба до 850 г, но это увеличение производилось за счет уменьшения количества жиров, яиц, сахара и сухофруктов, доля которых в госпитальном пайке и так была невелика. Раненые не голодали, а чувство голода имело, скорее всего, психологическую природу, так как в период лечения они прибавляли в весе. Например, за время нахождения в ирбитском госпитале раненые прибавляли в весе по 4–5 кг¹⁶.

Для достижения чувства сытости в госпиталях практиковалось увеличение частоты приема пищи — до четырех-пяти раз в сутки. В Челябинском госпитальном гарнизоне командование пошло на увеличение приемов пищи до четырех раз¹⁷. Рекомендуемый распорядок дня в уральских госпиталях предполагал завтрак (с 9:00 до 9:30), обед (14:00 до 13:00) и ужин (с 19:00 до 19:30). То есть на еду раненым выделялось ежедневно два часа. На самом деле еще больше, так как командование эвакуационных госпиталей вынуждено было организовать питание в несколько очередей. Получать передачи с продуктами извне раненые могли только с разрешения дежурного врача госпиталя. В этом случае еду следовало употребить в тот же день, так как ее хранение в прикроватных тумбочках строго запрещалось¹⁸.

Со времен социалистической революции в госпиталях царили традиции революционного эгалитаризма: командиры не имели в продовольственном обеспечении никаких преимуществ перед ранеными красноармейцами. Такая ситуация сохранялась до лета 1940 г. В июне нарком обороны С. К. Тимошенко обратился с секретным письмом в СНК СССР, где просил увеличить норму продовольственного обеспечения состава в военных госпиталях. В итоге 10 июля 1940 г. Экономический совет при СНК СССР за подписью В. М. Молотова принял Постановление № 1240-353с «О выдаче санаторного пайка для начсостава». Отмечу, что к командному (начальствующему) составу Красной армии относились не только генералитет, но и сержанты. И теперь в госпитале красные командиры должны были ежедневно получать почти на 600 г больше продуктов, чем полагалась по нормам госпитального пайка, в том числе в пять раз больше яиц, в 25 раз больше какао и кофе¹⁹. На момент введения в жизнь привилегии для начсостава подавляющее большинство эвакуационных госпиталей на Урале

уже было свернуто, и воспользоваться ей могли лишь пациенты одного госпиталя (свердловского эвакуационного госпиталя № 1707)²⁰.

Фактические суточные рационы пациентов определялись командованием госпиталей, которое на каждый день утверждало четыре меню: общее, молочное, желудочное и «слабый» стол. Таким образом, не только практические задачи достижения чувства сытости, воспитательного эффекта праздничного застольного изобилия и демонстрации народной заботы о благополучии раненых советских воинов, но и медицинские резоны влияли на то, что и как будут есть раненые.

Врачебный подход к проблеме питания пациентов госпиталей определялся задачей повышения эффективности медицинской реабилитации. В эвакуационных госпиталях работал высококвалифицированный врачебный персонал. В 1940 г. на территории Уральского военного округа работали 6750 врачей²¹, лучшие из них были мобилизованы в военные госпитали. В свердловских госпиталях трудились ведущие специалисты Свердловского медицинского института А. Т. Лидский, Л. М. Ратнер, Д. Г. Шефер, Ф. Р. Богданов, В. К. Шамарин, В. Д. Чаклин²². В эвакуационных Удмуртии, Молотовской и Кировской областей работал профессор Ижевского медицинского института Василий Николаевич Парин²³. Хирургическую работу в эвакуационных госпиталях Челябинской области возглавил опытный хирург Петр Михайлович Тарасов²⁴. Доктор медицинских наук В. К. Модестов изготовил антисептические и индивидуальные пакеты, обработанные йодобромными водами, и применил их для лечения раненых в эвакуационных г. Молотова. Важность задачи поиска новых лечебных средств для скорейшей медицинской реабилитации раненых осознавалась очень хорошо, что видно из того, с каким вниманием к разработке В. К. Модестова подошли нарком здравоохранения Г. Митерев, начальник Военно-санитарного управления Е. И. Смирнов, академик Н. Н. Бурденко²⁵.

Ограниченность доступных военным врачам диагностических и лечебных средств диктовала преобладание консервативных методов лечения в практике работы госпиталей. Поэтому лечебный процесс направлялся таким образом, чтобы содействовать восстановлению сил организма раненых, профилактике осложнений, активно внедрялись физиотерапия и лечебная физкультура²⁶. В этих условиях уход за ранеными силами раненых, то есть бытовое обслуживание, также являлось лечебным средством. Однако внедрение лечебного питания в эвакуационных госпиталях в рассматриваемый период лимитировалось слабой мощностью госпитальных кухонь. В свою очередь плохо приготовленная пища или ее недостаток могли перечеркнуть результаты врачебной работы. Любые случаи отравлений или массовых поносов в эвакуационных госпиталях (а таковые имели место и в уральских госпиталях) отслеживались

военным командованием, тщательно расследовались их причины²⁷.

В своих отчетах командование эвакогоспиталей констатировало, что постепенно, от месяца к месяцу, питание раненых улучшалось. В свердловском эвакогоспитале № 1707 в феврале раскладка продуктов осуществлялась так, что на завтрак давалось только одно блюдо — суп или каша. Сладкое подавалось не в обед, а на ужин. В марте по просьбам пациентов утром вместо чая стали подавать кофе, выдачу сладкого блюда перенесли на обед. В апреле к завтраку стали выдавать кусочек сливочного масла. К июлю в госпитале оказались сосредоточены инвалиды войны, в это время пищеблок был переведен на «полуресторанную систему». На практике это выразилось в том, что раненые могли выбирать себе блюда из меню²⁸.

Рассмотрим подробнее, какие блюда оказывались на столе у пациентов эвакогоспиталей.

На завтрак раненым обычно подавали каши (рис, пшено, гречка), возможны были и другие варианты: винегрет с селедкой, картофель отварной с соленой селедкой или жареной рыбой, запеканка макаронная, вермишель в масле, макароны с мясом, картофель, жареный в масле, макароны в масле, яйца всмятку, омлет; напиток: молоко (стакан), кофе, чай с сахаром. Утром также могли дать кусочек сливочного масла, творог или сметану.

На обед подавались, как правило, два блюда (первое — суп, второе — гарнир), а также компот или кисель. Во время обеда на столах у раненых оказывались: борщ, щи, рассольник; супы грибной, с макаронами, картофельный с гречками; молочные: с рисом, с макаронами, с пшеном; бульоны с фрикадельками, с пирожками, с рисом; котлета с картофельным пюре, тефтели из курятины, зразы с рисом, рулет с макаронами, тушеное мясо с картофелем, гуляш с гречневой кашей, битки со сметаной, котлеты паровые или тефтели с картофелем, пудинг рисовый с яйцами, запеканка макаронная, вермишельник, запеканка пшеничная, картофель жареный, компот консервированный, кисель клюквенный, брусничный, изюмный, молочный.

На ужин, помимо первого и второго блюд, могли подать выпечку. Вечером раненые ели щи, супы с макаронами, гороховый; кашу гороховую, гречневую, каши молочные: пшеничную, рисовую; макароны в масле, картофель жареный, картофель с рыбой, гуляш с гречневой кашей; выпечку: пироги с рыбой, с рисом; ватрушки с картофелем, с творогом; оладьи или блинчики со сметаной, пирожки с мясом; яйца всмятку; кофе, молоко²⁹.

Отметим, что, помимо праздничных дней, меню для раненых подбиралось из вышперечисленных блюд. Стремление к разнообразию приводило к тому, что в разные дни суточные рационы могли иметь различную энергетическую и пищевую ценность. Это обстоятельство не могло не нервировать пациентов, будило подозрения в кражах продуктов в госпиталях.

После выписки эвакогоспитали направляли своих пациентов в часть, в батальоны выздоравливающих, в санатории и дома отдыха. На время передвижения эвакогоспиталь формально еще отвечал за прокорм выписанных. В дорогу выдавали по 1 кг хлеба, 100 г колбасы, 35 г сахара, 10 г соли, 2 г чая, 40 г коровьего масла на каждые сутки пути. В некоторых случаях суточный паек мог быть заменен «кормовыми деньгами», которые военному служащему предстояло отоварить в буфете госпиталя³⁰. Во всех эвакогоспиталях имелись буфеты, в которых за наличный расчет также велась торговля сладостями, соками и газированной водой.

Эвакогоспитали в период советско-финской войны оказались полностью встроены в систему военного продовольственного снабжения. Помощь шефов и закуп в торговой сети позволяли решать политические задачи демонстрации всенародной поддержки и организации праздничных застолий. Материально-техническая база продовольственной части эвакогоспиталей (недостаток складов, износ кухонного оборудования, посуды) оказалась недостаточной для качественного обслуживания контингента раненых, поэтому командованию эвакогоспиталей пришлось одновременно с лечебной работой ремонтировать кухни, строить ледники, а также расширять штат кухонных работников.

В начальный период во всех уральских эвакогоспиталях ввиду недостатков в организации продовольственного обеспечения, а также по психологическим причинам раненые не наедались выделяемыми им пайками, испытывали чувство голода. Проблема решалась путем выдачи дополнительного (усиленного) питания, увеличения частоты приемов пищи, увеличения в пайке доли хлеба. Эти меры позволяли компенсировать различия по весу, скорости обмена веществ, степени истощения, характера боевой травмы. Лечебным питанием обеспечивались желудочные больные, сердечные (бессолевая диета), а истощенные и обмороженные получали усиленное питание. В завершающий период работы эвакогоспиталей более ценное питание в сравнении с красноармейцами стали получать раненые командиры. Качество пищи раненых в госпиталях в течение первого полугодия 1940 г. постепенно улучшалось. Суточное меню оказывалось составлено таким образом, что наиболее вкусная (то есть самые трудоемкие в приготовлении блюда) и калорийная часть рациона потреблялась во второй половине дня.

Появление в повседневном меню жареного картофеля и выпечки обеспечивалось благодаря добровольным помощникам, работавшим в госпиталях на общественных началах. Крайне редко подавались картофельное пюре с котлетой (по источникам периода Великой Отечественной войны — наиболее любимое ранеными блюдо). В повседневном меню раненых отсутствовали салаты, ввиду трудоемкости их приготовления, а также отмечался недостаток овощей и зелени в

госпитальном пайке. Ценным источником витаминов оказывались фруктовые соки и воды, поступавшие в госпитали из торговой сети.

Регулярное приготовление для большого количества больных и раздача им пищи по три-пять раз в сутки стало серьезнейшим испытанием для госпитальных коллективов. На фоне перебоев в продовольственном обеспечении городского населения в первом полугодии 1940 г. раненые получали питание как в хороших столовых. Дальнейшее улучшение питания лимитировалось и набором получаемых продуктов. Его расширение для командиров создало новую ситуацию, проявившуюся позже, в период Великой Отечественной войны. Более вкусная и разнообразная пища подавалась во время официальных праздничных застолий, но это особый сюжет, требующий дополнительного изучения.

Примечания

¹ Куманев Г. А. Советско-финская «Зимняя война» (к 75-летию начала военных действий в Финляндии) // Геополит. журн. 2014. № 3. С. 81–94.

² Гладких П. Ф., Локтев А. Е. Служба здоровья в Великой Отечественной войне. Очерки истории военной медицины. СПб., 2005. С. 34.

³ Филиал военно-медицинских документов в г. Санкт-Петербурге. Ф. 262. Оп. 4999. Д. 2. Л. 2 ; Ф. 283/307. Оп. 4549. Д. 4, Л. 11.

⁴ РГВА. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

⁵ Там же. Ф. 34369. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

⁶ Там же. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 25. Л. 147.

⁷ Там же. Л. 149.

⁸ Там же. Ф. 34320. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

⁹ Там же. Ф. 37565. Оп. 1. Д. 62. Л. 165.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 16 об.

¹¹ Там же. Ф. 34369. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 4000. Л. 7.

¹³ РГВА. Ф. 34369. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 37565. Оп. 1. Д. 62. Л. 161.

¹⁵ Там же. Ф. 34370. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

¹⁶ Кусков С. А. Эвакуационные госпитали на территории Свердловской области в период советско-финской войны // Архивы Урала. 2017. № 21. С. 355.

¹⁷ РГВА. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 24. Л. 17.

¹⁸ Там же. Ф. 34370. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 4000. Л. 10.

²⁰ Кусков С. А. Указ. соч. С. 358, 360.

²¹ Смирнов Е. И. Война и военная медицина. 1939–1945 годы. М., 1979. С. 122.

²² РГВА. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 1. Л. 36.

²³ Там же. Ф. 34320. Оп. 2. Д. 33. Л. 87.

²⁴ Кусков С. А. Петр Михайлович Тарасов и его первый госпиталь: малоизвестная страница биографии начальника эвакуогоспиталя № 1722 // Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 285.

²⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 72. Л. 5, 12, 13.

²⁶ Кусков С. А. Эвакуационные госпитали... С. 356.

²⁷ РГВА. Ф. 34320. Оп. 2. Д. 34. Л. 24–29.

²⁸ Там же. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 25. Л. 147.

²⁹ Там же. Ф. 34320. Оп. 1. Д. 6. Л. 18 — 18 об.

³⁰ Там же. Ф. 34369. Оп. 1. Д. 6. Л. 301.

З. З. Хасанова

Архивные документы об эвакуации детей в Узбекистан

Судьба человека зависит от событий, происходящих вокруг него. И порой эти события не всегда хорошие, благополучные. Так и с людьми, жившими в годы Второй мировой войны. Каждый день они проживали как последний, но с надеждой. Правительство не стояло в стороне и всеми путями пыталось спасти своих граждан. Так, начались работы по эвакуации населения на территории, отдаленные от горячих точек.

В эвакуацию попало не только население, но и промышленные предприятия. Часть людей эвакуировались с организациями, в которых они работали. Такого рода эвакуация коснулась населения в возрасте 20 лет и старше. Оставшихся без присмотра или осиротевших детей отправляли группами, а детдома эвакуировались целиком в разные отдаленные районы. За годы войны Узбекистан принимал детей не только из сгруппированных или планомерно отправленных детдомов, но и тех, кто вынужден был сам добираться до безопасной зоны.

К 1 февраля 1942 г. в Ферганскую область прибыли 92 415 эвакуированных, из них 43 613 человек были размещены в Фергане, Маргилане и Коканде, а 48 802 — в других районах области. Значительный приток эвакуированных привел к тому, что население Ферганы увеличилось вдвое¹. С особой любовью и заботой населе-

ние встретило эвакуированных граждан из прифронтовой полосы: русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей, которые нашли здесь теплый прием. Все они были обеспечены жильем, продуктами питания, одеждой и работой².

Особой заботой были окружены эвакуированные дети, которых война разлучила с родителями. Всего за годы войны в Узбекистан было эвакуировано 250 тыс. детей. Многие из них обрели вторую семью в городах и селах Ферганской области. «Эвакуированные дети, — писал тогда Ю. Ахунбабаев, — приехали к нам, как в свою республику, в свои города, в свои дома»³.

Еще в январе 1942 г. собрание женского актива Ташкента обратилось ко всем женщинам Узбекистана с призывом: «Пусть не будет среди нас людей черствых и равнодушных к детскому горю. Шире общественную помощь эвакуированным детям!» Это обращение было одобрено Бюро ЦК КПУз. В Ферганской области, как и в других областях республики, для учета детей и детских домов 10 января 1942 г. была образована специальная комиссия⁴. С этой целью в районы области были командированы группы ответственных работников, организовано общественное шефство предприятий и учреждений над детскими домами и проведена разъяснительная

работа среди населения о сдаче одежды для детей.

В 1941–1942 гг. в Ферганскую область было эвакуировано десять детских домов. В Кокандском районе были размещены два детдома из Россоси и Кантемировки (Воронежская область)⁵, в Коканде — детдом из Волочанска (Харьковская область)⁶, в Фергане — из Бобруйска и Москвы⁷, в Куве — детдом из Шедловска⁸, во Фрунзенском районе — детдом из Сталинска, а в Маргиланском районе — еще два детских дома⁹.

Во многих городах и районах области были организованы новые детские дома и ясли. В Кировском районе открылись ясли и детплощадки на 3300 детей¹⁰.

В феврале 1942 г. обком партии и областной Совет приняли решение об устройстве 1200 эвакуированных из прифронтовой полосы подростков в возрасте 15–18 лет¹¹. В Фергане, Коканде и Маргилане для детей были открыты столовые с бесплатным питанием¹². Детским домам выделялись земельные участки для организации подсобных хозяйств¹³. Столь же сердечной была забота и об эвакуированных в область 1500 польских детях¹⁴.

Многие трудящиеся изъявляли желание взять на воспитание осиротевших детей. В январе 1942 г. на собрании женского актива Коканда, где присутствовали 500 женщин, заслуженная учительница Узбекской ССР Дараджанова говорила: «У меня шестеро своих детей, но я беру на воспитание седьмого»¹⁵. Следуя ее благородному почину, еще 17 учителей Коканда взяли на воспитание эвакуированных детей¹⁶. В Фергане первой усыновила эвакуированного из Калинина мальчика Володю работница городской прокуратуры Клавдия Сохненко. Ее примеру последовали помощник прокурора Ферганы Яхин, старший следователь облпрокуратуры Ахмадалиев¹⁷, секретарь Ферганского горкома партии В. И. Вельможин, директор базы «Заготзерно» Кошеева, рабочий ферганского гастронома Ахмедов, слесарь железнодорожной станции Суботко¹⁸, учитель Юсупов, рабочие пивзавода Васильев, Макаренко, Алексеева, Наваева, Донченко, а домохозяйка Ханкина и начальник облздраводела Сабиров взяли по два ребенка¹⁹.

Эвакуированные детдома и дети были размещены и в Андижанской области. К примеру, решением оргкомитета Верховного Совета УзССР по Андижанской области от 6 декабря 1941 г. № 782 «О размещении эвакуированных детских домов по Андижанской области» эвакуированные детдома с общим количеством воспитанников 917 человек были распределены по следующим районам:

а) в Андижанский район направлен детдом из Каменец-Подольской области (106 детей);

б) в Мархаматский район — из Немировска (86 человек);

г) в Аимский район — детдом № 1 из Киевской области (127 детей);

д) в Избаскентский район — детдом № 26 из Киевской области (120 детей);

е) в Джалакудукский район — детдом из Винницкой области (100 детей);

ж) в Ходжабадский район — из Киевской области (100 детей);

з) в Ленинский район — детдома № 5 и 7 (267 детей)²⁰.

На председателей райисполкомов были возложены обязанности по обеспечению детдомов помещениями, в первую очередь за счет занимаемых чайханами. В такой трудный период дети прибывали не только в составе детских домов, но и неорганизованно, по отдельности. В Андижанской области в соответствии с решением Оргкомитета Верховного Совета УзССР по Андижанской области от 6 декабря 1941 г. № 782 «О размещении эвакуированных детских домов по Андижанской области» был организован детдом на 200 человек для размещения беспризорных детей. Кроме того, в постановлении предусматривалась организация по инициативе учителей Андижанской области сбора для детей одежды и посуды.

В Бухарскую область прибыло 14 эвакуированных детских домов, свыше 2000 ребят. Все они получили помещения, расселились в городах и, главным образом, сельских районах области.

Гостеприимный узбекский народ тепло встретил украинских, белорусских, русских и еврейских ребят. Эти дети перенесли много ужасов войны. Их поезда подвергались бомбардировкам. Они были свидетелями гибели своих маленьких товарищей, братьев, сестер, матерей и отцов. Некоторые ребята потеряли речь, стали заикаться от виденных ими кошмаров. Человеческий долг, любовь к родине, любовь к детям, желание заменить им мать и отца призывали людей взять этих детей на воспитание в свои семьи, обувь и одежду подростков, помочь им устроиться на работу, постоянно следить за их жизнью, воспитывать, обеспечить работой, приходить на помощь в трудную минуту.

Был организован областной комитет помощи детям, созданы комиссии во всех районах, на предприятиях и в учреждениях Бухары. Подобрано на улицах по области 173 детей, поступили заявления о желании взять на иждивение 2707 человек, переданы на патронирование 319 детей. Собрано 87 тыс. руб. Собрано 12 тыс. шт. вещей, 122 ц продуктов. Многие работники партийных и советских учреждений Бухары брали на воспитание детей. Среди семей, принявших к себе эвакуированных ребят, были и многодетные семьи, со средним заработком.

Коллективы целого ряда организаций, колхозов и предприятий также проявили большую заботу и чуткость, взяв на воспитание эвакуированных детей и подростков. Например, Бабкентский район (заведующий Рахманов) сделал все для встречи эвакуированного детдома: подобрал помещение, изыскал часть кроватей, 295 ватных одеял, 600 матрацев, 199 пар детских брюк, 240 шапок, 205 пар ботинок, заготовил 71 кубометров дров и собрал много других необходимых

вещей. По школам и предприятиям г. Кагана было собрано 1185 руб., 97 платьев для девочек, 63 сорочки для мальчиков, очень много разной посуды и других вещей. В Бухаре собрано 4120 руб. Взятые на воспитание 48 детей, подано 223 заявления на принятие в семью ребят.

Отдельные учреждения и школы Бухары содержали на свои средства некоторых детей. Например, школа им. Кима перечисляла деньги в детдом *на* содержание двух ребят, тресты «Облшелк» и «Заготшелк» содержали тоже двух ребят, швейная фабрика им. 20-летия ВЛКСМ организовала филиал для десяти человек. В школе им. К. Маркса учительницы Зуборева, Норина и Кузнецова коллективно содержали одного ребенка; учительницы Пекарева и Денис — одного ребенка. Помимо этого учителя данной школы ежемесячно отчисляли 2 % своей зарплаты на содержание детей из детдома; колхозники, рабочие и служащие Свердловского района коллективно содержали филиал с 21 воспитанником. Задолго до организации филиала они заготовили необходимые продукты питания для этих детей. В Каганском районе организациями и колхозами для оказания помощи детям детдомов было собрано 600 кг продуктов, организован филиал, который полностью содержался колхозниками²¹.

Любовь, доброта, сострадание, толерантность — это качества узбекского народа. Именно эти качества сыграли большую роль в жизни сирот и безпризорных детей, так как им нужны были любовь, тепло и доброта. И по сей день эвакуированные дети, жившие на территории

Узбекистана, даже после реэвакуации с улыбкой на лице и теплотой на душе вспоминают узбекский народ.

Примечания

¹ Архив Ферганского областного комитета КПУз. Ф. 1. Оп. 2121. Д. 262. Л. 15.

² Госархив Ферганской области. Ф. 121. Оп. 4. Д. 169. Л. 160.

³ Ахунбабаев Ю. Трудящиеся Узбекистана фронту. М.: Профиздат, 1942. С. 29.

⁴ НАУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 8392. Л. 122.

⁵ Госархив Ферганской области. Ф. 121с. Оп. 8с. Д. 4. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 64.

⁷ НАУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 8392. Л. 122.

⁸ Там же. Л. 121.

⁹ Там же. Л. 122.

¹⁰ Ферган. правда. 1942. 17 июня.

¹¹ Архив Ферганского областного комитета КПУз. Ф. 1. Оп. 121. Д. 20. Л. 18.

¹² Госархив Ферганской области. Ф. 124. Оп. 4. Д. 165. Л. 5.

¹³ Ферган. правда. 1943. 2 нояб.

¹⁴ Госархив Ферганской области. Ф. 121с. Оп. 8с. Д. 5. Л. 91.

¹⁵ Ферган. правда. 1942. 14 янв.

¹⁶ Там же. 1942. 16 янв.

¹⁷ Там же. 1942. 17 янв.

¹⁸ Архив Ферганского областного комитета КПУз. Ф. 1. Оп. 99. Д. 48. Л. 2.

¹⁹ Ферган. правда. 1942. 14, 16 янв.

²⁰ НАУз. Ф. 837. Оп. 32. Д. 2603. Л. 63.

²¹ Архив Бухары. Ф. 76 Бухгорисполком. Д. 21. Л. 24–35.

В. В. Каплюков

Документы ЦДООСО о положении заключенных исправительно-трудовых лагерей на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны

Вопросы организации эффективной работы исправительно-трудовой системы в интересах обороны заняли в работе партийных органов Свердловской области с первых недель войны одно из важных мест. Уже 9 июля 1941 г. вышло постановление бюро обкома ВКП(б) «О состоянии кадров военизированной охраны и режима заключенных Северо-Уральского и Ивдельского лагерей НКВД СССР». К сожалению, вопросы материально-бытового и продовольственного обеспечения лагерей остались за рамками решения¹.

Работа системы ГУЛАГа была осложнена осенним 1941 г. решением о передаче в ведение хозяйственных наркоматов строительных колонн, повлекшим за собой неопределенность правового положения их бойцов, призванных «на правах якобы красноармейцев». Свердловский обком ВКП(б) был вынужден разъяснить, что коммунистов и комсомольцев, прибывших в распоряжение Управления ИТЛ в составе рабочих батальонов, следовало ставить на учет в политотделах²; интернированных было рекомендовано перевести на условия стройколонн с созда-

нием при последних первичных партийных организациях³.

Подразделениям ГУЛАГа спускались жесткие производственные задания, требовавшие эффективного маневра трудовыми ресурсами. В июле Управление Ивдельлага дважды просило обком об отмене либо согласовании с ГУЛАГом НКВД СССР решений, предписывавших выполнение крупного задания по изготовлению сборных домов и выделение на строительство железнодорожной ветки Ивдель — Полуночное двух тысяч заключенных⁴. В августе Управление Тавдинлага докладывало о сложностях с исполнением постановления бюро обкома о сокращении числа расконвоированных, ибо необходимость выполнения этого требования вынуждала в условиях некомплекта подразделений охраны попросту снимать заключенных с некоторых работ, что было чревато срывом выполнения производственных заданий⁵.

Рост численности спецконтингентов требовал дополнительных мер по обеспечению режима содержания и трудового использования

заключенных. Севураллаг просил летом 1941 г. содействия обкома в мобилизации в военизированной охране четырех тысяч человек⁶. С аналогичной просьбой в преддверии прибытия дополнительных контингентов обращалось в эти же дни руководство Ивдельлага⁷.

Параллельно принимались меры по оптимизации работы подразделений ГУЛАГа. Постановлением бюро обкома Управление Севураллага было переведено из Ирбита в Сосьву⁸. В сентябре — ноябре были поставлены вопросы об организации самостоятельных политотдела⁹ и специальной коллегии областного суда при Богословлаге НКВД СССР¹⁰. В Ивдельлаге к концу октября количество расконвоированных было сокращено вдвое, в том числе осужденных за контрреволюционные преступления — в 250 раз. В качестве ближайших задач были определены изоляция «политических» от «бытовиков», борьба с побегами, патриотическая мобилизация вольнонаемных сотрудников и спецконтингента¹¹.

Улучшение условий содержания заключенных откладывалось в пользу более актуальных задач. Ни слова о создании приемлемых условий труда и быта не было сказано в постановлении начальника политотдела Севураллага по результатам проверки ряда лаготделений¹². Настаивая на применении карательных мер в отношении «антисоветского и преступного элемента», обошел в письме в обком вопрос об условиях содержания заключенных начальник управления строительства БАЗа и лагеря НКВД¹³.

Характеризуя условия содержания заключенных, начальник Управления Ивдельского ИТЛ констатировал в конце ноября неподготовленность к зиме ряда лагпунктов, «катастрофическое положение с питанием», обеспеченность теплым обмундированием не более 30 % контингента, что приводило к ежедневному невыходу на работу до двух тысяч человек, случаям обморожений и нарастанию смертности¹⁴.

Партийные работники стремились зачастую приуменьшить трудности и, напротив, подчеркнуть имевшиеся успехи. Так, в ноябрьском донесении начальника политотдела Севураллага подробно перечислялись темы политбесед; приводились данные о перечислении в Фонд обороны финансовых средств; сообщалось о патриотических починах, сборе теплых вещей и продуктов. При этом отдельные детали позволяют усомниться в столь благой картине. В качестве одной из мер по созданию заключенным приемлемых условий быта упоминалось строительство «сенных шалашей»¹⁵. Начальником политотдела Ивдельлага невыполнение планов и низкая производительность труда объяснялись недостаточностью «балансового контингента», наличием высокого процента «слабосилки», отдаленностью лесосек от лагпунктов, «травматическими повреждениями конского поголовья»¹⁶. В октябре руководством железной дороги им. Л. Кагановича было отказано — ввиду «незагруженности поезда» — в просьбе начальника Управления Сев-

ураллага об открытии ежедневного сообщения по линии Серов — Сосьва¹⁷.

12 декабря 1941 г. Ивдельлаг докладывал об очередном невыполнении плановых заданий по причине «неполноценности рабочей силы». На производстве было занято чуть более 50 % заключенных, а остальные были отнесены к «слабосильным» категориям. Ноябрьскими этапами прибыло «много таких, которые не могли самостоятельно выходить из вагона». Поскольку большинство вновь прибывших составляли «немцы, румыны, молдаване... не привыкшие к уральским морозам», смертность возросла с 276 человек в октябре до 796 в ноябре; более 500 умерших составили «румыны и немцы вновь прибывших этапов»¹⁸.

4 декабря 1941 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) было принято постановление «О жилищно-бытовых условиях в исправительно-трудовых колониях области», в котором констатировались «невыносимые жилищно-бытовые условия, повлекшие за собой большой процент заболеваемости и смертности», падение производительности труда и ежедневный невыход на работы до четверти заключенных. Довольствующим органам было предписано принять меры по созданию заключенным приемлемых жилищно-бытовых условий, обеспечению их обмундированием и спецодеждой, постельными принадлежностями; наладить нормативное питание спецконтингента¹⁹.

25 декабря УНКВД по Свердловской области просило обком партии о содействии в налаживании — на любых условиях — продовольственного снабжения ИТЛ²⁰. В январе 1942 г. по результатам проверки лагпунктов Ивдельлага было констатировано «неудовлетворительное состояние» содержания заключенных, особенно прибывших из прифронтовой полосы по эвакуации; сообщалось, что в июле — ноябре умерли свыше двух тысяч человек²¹. В спецдонесении от 13 января 1942 г. начальника Управления Тавдинлага НКВД и строительства завода № 8 указывалось, что из трех тысяч заключенных пригодными к работе были не более пятисот человек, а около двух тысяч не были способны работать по причинам разутости, инвалидности, болезней и слабосильности²².

19 января 1942 г. начальник УНКВД по Свердловской области Т. М. Борщев доложил, что во исполнение решения бюро обкома от 24 декабря 1941 г. «ликвидированы перебои в снабжении заключенных основными продуктами питания», организованы пошив и направление на места рабочей одежды и постельных принадлежностей, медико-санитарное обслуживание ИТЛ²³. В донесении от 7 апреля указывалось, что в Богословлаге были приведены в порядок бараки, оборудованы жилые помещения и столовые для заключенных-стахановцев, отремонтированы бани и дезокамеры, расширена больница, что привело в марте к сокращению числа умерших и слабосильных до 419 и 1074 против 663 и 1439 в феврале²⁴.

При некоторых сдвигах ситуация с обеспечением надлежащих условий содержания заключенных оставалась крайне напряженной. По состоянию на 13 февраля лагерям было отгружено менее 40 % плановых месячных объемов муки; просьба о выделении местностей для организации децентрализованных закупок осталась без ответа²⁵. Начальник УНКВД был вынужден просить о выделении Богословлагу водоемов для рыбной ловли и районов для заготовок сельхозпродукции собственными силами²⁶.

13 апреля областное Управление НКВД докладывало в обком, что руководители ряда «решающих промышленных предприятий» области, использовавших труд заключенных, систематически нарушали договорные обязательства по обеспечению спецконтингенту «известного минимума жилищно-бытовых условий», что подвигало к отзыву заключенных и передаче их другим хозяйствующим субъектам²⁷. В докладной записке от 17 октября 1942 г. УНКВД по Свердловской области указывалось, что директора заводов Наркомцветмета в Верх-Нейвинске и Сухоложском районе, заводов № 56 и 63 в Нижнем Тагиле, завода № 68 в Невьянске, значительную, а то и основную рабочую силу которых составляли заключенные, не обеспечили минимально приемлемых жилищно-бытовых условий, что провоцировало рост заболеваемости и негативно сказывалось на решении производственных задач²⁸.

10 июня 1942 г. Управление НКВД информировало обком об «угрожающем положении» с продовольствием в тюрьмах области. Во втором квартале из централизованных фондов было получено мяса, рыбы и растительного масла 10,0, 4,2 и 2,0 т при плане 44,0, 11,4 и 4,3 т соответственно. Отмечалось, что «на почве систематической недодачи продуктов питания среди заключенных... резко повысились истощение, предцинготные заболевания и смертность»²⁹. В сообщении областного прокурора отмечалось нарастание смертности в тюрьмах от июля 1941 г. к марту 1942 г. от 12 до 200 человек в месяц³⁰.

В целях выполнения оборонного заказа продолжался маневр имевшимися силами и средствами. В январе 1942 г. Наркомат вооружения информировал обком ВКП(б) о постановке перед Наркоматом обороны вопроса о передаче заводу № 46 в Свердловске 200–300 бойцов строительных батальонов; заводу № 529 в Новой Ляле было предложено «договориться с ГУЛАГом НКВД о выделении [строительного] батальона»³¹.

27 января 1942 г. вышел приказ НКВД СССР «О мероприятиях по обеспечению строительства Ново-Тагильского металлургического и коксохимического завода и его рудной базы», которым строительство передавалось в ведение НКВД СССР с образованием лагеря «Тагилстрой НКВД СССР». Начальником Тагилстроя был назначен Я. Д. Раппопорт, его заместителями — В. А. Журин и И. К. Уралец. ГУЛАГу НКВД СССР было предписано довести к 1 мая списочный состав лагеря до 70 тыс. человек, в том числе за счет

переброски «людских ресурсов с Волгостроя и других строек НКВД»³².

10 апреля директор завода «Красная звезда» сообщал в обком о катастрофическом положении с кадрами после призыва части рабочих в РККА и отзыва Свердловским «последних 60 бойцов» 783-го строительного батальона; просил изыскать возможность направления на завод 100 мужчин и 150 женщин для использования на трудозатратных работах основного производства и в капитальном строительстве³³.

26 апреля директор верхнетуринского завода № 72 просил УНКВД и обком ВКП(б) передать для обеспечения выполнения производственной программы 800 заключенных, указывая, что завод располагает хорошо оборудованным лагерем, включающим в себя барак на 800 человек, кухню со столовой, карцер», а также два дома для состава лагеря³⁴. Впрочем, через три дня начальник УНКВД информировал о невозможности удовлетворения просьбы в силу отсутствия вблизи завода колоний, располагавших «излишним контингентом», и необходимости первоочередной передачи Тагилстрою 3600 человек³⁵.

27 июля секретарь обкома ВКП(б) по боеприпасам А. В. Носенков просил секретаря обкома В. М. Андрианова «поддержать... просьбу перед товарищем Берия об организации при заводе № 56 в Нижнем Тагиле колонны заключенных на 1000 человек для немедленного разворота строительства» жилья для мобилизованных рабочих, занятых в производстве изделия М-30³⁶. В конце лета — начале осени была подготовлена докладная записка «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение плана по заводам боеприпасов», в которой предлагалось:

- по заводу № 72 (Верхняя Тура, директор А. А. Сухих) — направить на завод 600 человек, в Туринский леспромхоз — 820 человек; «просить т. Берия и указать т. Борщеву увеличить колонию НКВД на заводе к 10 сентября до 1000 человек, немедленно направив 300 человек»;

- по заводу № 63 (Нижний Тагил, директор В. Ф. Романовский) — «просить т. Берия и обязать т. Борщева увеличить колонию НКВД на заводе № 63 до 2000 человек»;

- по заводу № 56 (Нижний Тагил, директор Климов) — «увеличить колонию НКВД с 300 человек до 1000 человек, о чем просить разрешения товарища Берия»³⁷.

В октябре — ноябре 1942 г. директор завода № 76 Наркомата боеприпасов в Серове Кныш просил о выделении предприятию дополнительно к 200 имевшимся еще 500 заключенных, сопроводив просьбу обязательством обеспечить должные условия содержания спецконтингента³⁸; в связи с отказом ГУЛАГа НКВД СССР на завод были направлены «300 немок»³⁹. 17 октября 1942 г. директор завода № 68 Наркомата боеприпасов в Невьянске С. А. Бунин обратился к В. М. Андрианову с просьбой — вопреки требованию начальника УНКВД Т. М. Борщева — об оставлении заключенных на работах

в прессовом и обжимном цехах, поскольку требование УНКВД противоречило решению ГКО о выделении заключенных для обеспечения производства фугасных снарядов и могло привести к остановке производства⁴⁰.

Осенью 1941 — зимой 1942 г. потребовались дополнительные меры по обеспечению эффективного функционирования уральских исправительно-трудовых учреждений. 12 сентября 1942 г. начальник Тагиллага Я. Д. Раппопорт обращал внимание обкома, что для обеспечения в 1942 и 1943 гг. 72-тысячного спецконтингента, а также 15 тыс. рабочих, служащих и ИТР строительства, военной охраны, требовалось не менее 22,5 тыс. т овощей и картофеля; предлагал изыскать дополнительные возможности для госпоставок, госзакупок и децентрализованных заготовок продовольствия⁴¹.

7 декабря 1942 г. начальник УНКВД информировал обком о недопустимых условиях содержания двух тысяч заключенных колонии при заводе № 63 в Нижнем Тагиле, обусловивших ежедневный невыход на работы половины истощенного и подверженного инфекционным заболеваниям контингента. Управлением НКВД рассматривался вопрос о возможности — в случае несоблюдения руководством завода нормативных требований к условиям содержания заключенных — передачи последних другим оборонным предприятиям области⁴².

23 декабря 1942 г. В. М. Андрианов был проинформирован о переполнении рассчитанной на 230 человек тюрьмы № 3 в Нижнем Тагиле, в которой «в последнее время содержится 1000–1100 заключенных», что было чревато вспышками эпидзаболеваний и истощением, побегами подследственных; начальник УНКВД просил обязать облпрокуратуру ускорить рассмотрение дел содержащихся в тюрьме заключенных⁴³.

При всех трудностях и лишениях поставленные перед системой ИТЛ задачи так или иначе выполнялись. В докладной записке начальника Богословского строительства сообщалось, что план 1942 г. был выполнен к 1 декабря на 116,5 % при укомплектованности лагеря на строительстве 87,8, а по группе строительно-монтажных работ — 85,7 %⁴⁴. Соцсоревнованием было охвачено 82 % трудармейцев и 71 % заключенных, «являвшихся... решающей силой в выполнении производственных планов правительства»; количество стахановцев возросло с 1320 в первом полугодии до 2077 — во втором⁴⁵.

Однако положение заключенных оставалось крайне тяжелым. В спецсообщении от 29 января 1943 г. Тагиллага в обком ВКП(б) отмечались «резкое сокращение рабочего фонда и физическое ухудшение заключенных». По состоянию на 25 января из 41 098 заключенных к группе «А» (работающие) был отнесен 16 821 человек, в том числе как пригодные к тяжелому физическому труду — лишь 2172, а к группе «Б» (неработающие) — 20 111 заключенных, или 49 % от их общего числа. Если в декабре 1942 г. в лагере еже-

дневно умирали в среднем 23 человека, то в январе — 28⁴⁶. Основными причинами ухудшения физического состояния заключенных являлись их неправильное трудоустройство, предельное удлинение рабочего дня, питание по заниженным нормам, необеспеченность жилых помещений топливом и кипяченой водой, скученность контингента при отсутствии надлежащих санитарных условий в быту⁴⁷.

6 февраля 1943 г. прокурором Богословского лагеря была направлена в обком докладная записка, в которой указывалось, что по состоянию на 20 января 1943 г. на списочном учете в лагере состояли 25 705 человек, в том числе 13 241 заключенный и 12 404 трудармейца. Об условиях содержания заключенных и трудармейцев, рассматривавшихся по тексту справки как единый контингент, свидетельствовали данные:

- о переуплотненности лагеря, в котором на человека приходился 1 кв. м площади при практически совместном содержании политических и бытовиков, стахановцев и «отказников», мужчин и женщин. В 14-м отряде не имели спальных мест около 200 человек, а в 13-м отряде на человека приходилось лишь 0,6 кв. м, что вынуждало заключенных спать по очереди;

- о постоянных перебоях в топливо- и водоснабжении, антисанитарии в местах проживания, слабости материальной и кадровой базы лагерьной медицины;

- о катастрофическом положении с продовольственным и вещевым обеспечением контингентов, пища для которых готовилась «в основном... из дробленой пшеницы» при минимальном присутствии в рационе мяса, рыбы и овощей, недоданная часть которых «заменилась крупой»⁴⁸.

20 февраля 1943 г. в обком ВКП(б) была направлена записка о физическом состоянии контингента Ивдельлага, составлявшего по состоянию на 1 января 1943 г. 16 020 заключенных и 9288 мобилизованных. Нередки были случаи срыва санобработки, заключенные и мобилизованные были вынуждены спать по очереди. Особенно тяжелыми были условия содержания мобилизованных немцев, обеспеченность которых матрацами, одеялами и подушками составляла 45, 22 и 27 % соответственно; большинство барачков освещалось лучинами либо коптилками. Лишь 6,9 % заключенных и 10,8 % мобилизованных могли быть использованы по состоянию здоровья на тяжелых работах. В декабре 1942 — январе 1943 г. умерли 868 заключенных и 440 мобилизованных, что объяснялось снижением калорийности питания в 1942 г. по сравнению с 1941 г. на 37–51 %, использованием на тяжелых работах лиц с медицинскими противопоказаниями, неудовлетворительным исходным состоянием прибывавших в лагерь этапов, а также «членовредительством, симуляцией и самоистощением (?) части мобилизованных и заключенных». Внимание обкома было обращено на чреватый сложностями с «сохранением физического состояния контингентов» разрыв между потребностью

для выполнения производственных заданий 1943 г. в 11 700 полноценных работников и фактическим наличием лишь 4800 таковых⁴⁹. В условиях срыва выполнения плановых заданий практически по всем показателям предлагалось рассмотреть вопросы предоставления работникам дней отдыха, сокращения переходов бригад к местам работы, укомплектования лагеря трудоспособными работниками и налаживания их полноценного питания⁵⁰.

Сходные оценки состояния рабочей силы поступали из других лагерей. Начальник Богословского строительства сообщал, что в марте лагерь располагал контингентом в 21 849 человек (10 942 заключенных и 10 907 трудармейцев-немцев), 70–80 % которых использовались по категориям «А» и «Б», и за март «убыло в лагере 395 человек против 569 в феврале». На строительстве в первой декаде марта взамен рыбы выдавали растительное масло, пшеница и грибы⁵¹. О снижении по итогам первого квартала 1943 г. физического состояния заключенных и трудармейцев сообщали в обком ВКП(б) руководители Севураллага⁵².

10 апреля 1943 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о работе Ивдельлага в первом квартале. Констатируя срыв выполнения плановых заданий по заготовке и вывозке древесины, высокую смертность лагерного контингента, массовый падеж лошадей, бюро обкома потребовало от руководства лагеря — под угрозой привлечения к партийной ответственности — решительных мер по преодолению ситуации⁵³.

Информационные сводки в партийные инстанции политотделов ИТЛ были, как правило, чуть более оптимистичными по сравнению с аналогичными сообщениями первых руководителей учреждений лагерной системы. Так, начальник политотдела Ивдельлага сообщал, что на 1 мая 1943 г. в лагере содержались 12 172 заключенных и 7050 мобилизованных немцев, в том числе 905 женщин-немок, физическое состояние которых «из месяца в месяц улучшается и смертность снижается», в том числе за счет сбора клюквы и березового сока, вылова рыбы, а большинство умерших составили «активированные инвалиды, которые из лагеря не могут быть освобождены по национальным признакам (финны, румыны, немцы и др.), или осужденные за особо опасные преступления (участники к[онтр]р[еволюционных] организаций, меньшевики, террористы и т. п.)»⁵⁴. В направленной в тот же день в обком партии докладной записке руководство лагеря рапортовало о положительных сдвигах, достигнутых во исполнение апрельского решения бюро обкома⁵⁵.

В докладной записке от 4 июня 1943 г. политотдела Базстроя отмечалось «значительное улучшение санитарно-бытового и медицинского обслуживания контингентов», снижение смертности заключенных от января к маю от 1168 до 349 человек, ставшие «результатом конкретных

оздоровительных мероприятий»⁵⁶. О снижении к лету 1943 г. смертности заключенных и трудармейцев Базстроя сообщалось и в докладной записке прокурора Богословлага⁵⁷.

По-видимому, более или менее согласованные усилия органов управления ГУЛАГа и партийно-советских органов принесли к середине 1943 г. некоторые положительные результаты. Так, начальник Управления Востураллага информировал обком о выполнении плановых заданий третьего квартала по заготовке и вывозке древесины, лесо- и шпалопилению, изготовлению спецтары на 102–122 %; производительность труда при этом составила по основным направлениям 108–120 %. В результате «мероприятий по оздоровлению контингентов» доля занятых в производстве по группе «А» возросла с 73,2 % в мае до 78,3 % в октябре, что позволило выполнить план вывода заключенных на работы на 112,6 %⁵⁸.

В третьем квартале стабилизировалось физическое состояние заключенных и трудармейцев Севураллага, что нашло отражение в показателях их привлечения к тяжелому, среднетяжелому и легкому труду. За три месяца умерли 385 заключенных и 72 трудармейца (1,5 и 0,5 % от численности соответствующих контингентов); при этом план заготовки и вывозки леса был выполнен на 139 и 137 %, что позволило приблизиться к годовым плановым показателям; то же касалось и выполнения планов деревообработки и углежжения. Были улучшены показатели продовольственного и вещевого обеспечения трудармейцев и заключенных⁵⁹.

27 октября 1943 г. прокурор Богословлага доложил обкому ВКП(б) о подготовке к зиме ИТЛ и строительства НКВД. По состоянию на 1 октября в лагере числились 25 654 заключенных, в том числе 9299 (36 %) ослабленных, больных и инвалидов. Обратив внимание на недопустимость использования «слабосилки» на тяжелых работах, прокурор предлагал перевести около двух тысяч ослабленных заключенных в другие ИТЛ с занятием их на посильных работах. Отмечая последовательное снижение помесечной смертности в лагере от января к сентябрю с 4,3 до 0,9 %, автор записки не утаил возобновления с осени роста числа пеллагрозных больных. Положение с жилплощадью в лагере и на строительстве заметно ухудшилось по сравнению с 1942 г. в связи с передачей части лагучастков для размещения вновь прибывавших рабочих завода; по состоянию на 23 октября 24 910 человек были обеспечены жилыми помещениями из расчета 1,04 кв. м при норме в 2 кв. м. В Волчанском отделении 2339 человек были размещены в бараках общей площадью 2110 кв. м. Лесоучастки и лаготделения не были в должной мере оснащены кухнями, столовыми, банями и дезокамерами. Обеспечение контингентов зимним вещевым довольствием составляло по важнейшим позициям 36–70 %, по постельным принадлежностям — от 40 до 50 %⁶⁰.

25 ноября 1943 г. уполномоченный КПК по Свердловской области М. И. Землянский информировал В. М. Андрианова о срыве выполнения постановления ЦК ВКП(б) о подготовке к зиме и недостатках в бытовых условиях рабочих трестов «Богословуголь» и «Богословуглестрой»; о тяжелых условиях, в которых проживали кадровые и мобилизованные рабочие, а также размещенные в зоне 4300 рабочих спецконтингента, на которых приходилось лишь 536 одеял⁶¹; трудмобилизованные были обеспечены одеялами и постельным бельем на 45 %⁶².

При всех трудностях уральские подразделения ГУЛАГа стремились к выполнению производственных заданий. Так, Восточно-Уральским ИТЛ октябрьский план 1943 г. был выполнен на 105–170 %, а в предоктябрьскую «фронтную неделю» — на 81–188 %⁶³. 4 января 1944 г. руководители Ивдельлага рапортовали, что коллектив лагеря добился досрочного выполнения производственной программы 1943 г. по большинству показателей на 100–120 %; для внесения в Книгу почета передовиков Сталинского Урала были предложены 12 отличившихся работников⁶⁴.

В целях патриотической мобилизации контингента начальник политотдела Ивдельлага просил в декабре 1943 г. помощи обкома в обеспечении парткабинетов, ленинских комнат и красных уголков газетной и журнальной периодикой, политической и художественной литературой⁶⁵.

Развернутая характеристика основных показателей работы Востураллага⁶⁶ была представлена в подробном отчете его политотдела за 1943 г. Приоритетом работы оставалось поддержание трудоспособности заключенных, заметно снизившейся в первой половине 1943 г. на фоне «чрезмерного напряжения» на производстве, плохих условий содержания и скудного питания. В январе — мае 1943 г. доля заключенных, пригодных к выполнению тяжелых работ, сократилась с 10,5 до 7,5 %, а контингент, пригодный лишь к легкому труду, увеличился с 39 до 43 %. Принятыми мерами к концу года удалось добиться выполнения плана по заготовке и вывозке древесины, лесо- и шпалопилению, производству спецтары и спецкупорки на 10–139 %. План повышения производительности труда был также перевыполнен, а доля спецконтингента, привлекаемого к работам по группе «А», возросла до 70 %. Еще более высокие показатели были достигнуты в трудовом использовании мобилизованных немцев⁶⁷.

Сходные данные были представлены в отчете политотдела Севураллага. Трудовое использование заключенных по группе «А» возросло во втором полугодии 1943 г. с 66,3 до 73,5 %, трудмобилизованных — с 77,6 до 87,4 %, а их ежемесячная смертность сократилась со 146 и 27 в августе до 12 и 2 в декабре. План 1943 г. по заготовке и вывозке древесины, спецсортиментам был выполнен на 112–117 %. По оценке автора, «значительное улучшение физического состояния контингента и его трудоустройства произош-

ло в результате более правильной расстановки рабочей силы и создания нормальных коммунально-бытовых условий лагеря»⁶⁸.

По информации от 5 апреля 1944 г., планы осенне-зимнего сезона по заготовке и вывозке древесины были выполнены Ивдельлагом на 108–119 %, трудоустройство спецконтингента по группе «А» составило 79,8 %, а производительность труда — 90–135 % от нормативной⁶⁹.

Однако в четвертом квартале 1944 — первом квартале 1945 г. в лагерях и на стройках НКВД СССР Свердловской области положение с продовольственным обеспечением заключенных и трудмобилизованных так и не улучшилось. При плане отгрузки муки в первом квартале 1945 г. по шести лагерям (Богословлаг, Ивдельлаг, Севураллаг, Лобвинлаг, Тавдинлаг, Востураллаг) в 3005 т недоотгрузка составила на 10 марта 2222 т, что привело к 50-процентному снижению в некоторых лагерях норм выдачи хлеба при критическом недостатке овощей и рыбы; о мясе и мясопродуктах в письме Свердловской конторы ГУЛАГснаба в обком ВКП(б) от 10 марта не упоминались вообще⁷⁰. В первом квартале 1945 г. отмечались перебои в снабжении контингентов Севураллага жирами и овощами, постоянные замены мяса низкосортной рыбой, полное отсутствие сахара⁷¹. При этом производственные планы неизменно перевыполнялись. Так, по Ивдельлагу план первого квартала 1945 г. был выполнен на 104–116 %⁷², по Севураллагу — на 116 %⁷³, по Востураллагу — на 102–108 %⁷⁴, что достигалось чрезмерным напряжением сил спецконтингентов. В Севураллаге доля лиц, пригодных к тяжелым работам, составила лишь 50 % от потребности⁷⁵; пополнение же лагеря за счет интернированных лишь усложняло ситуацию, поскольку до половины из них прибывали в лагерь вообще неработоспособными⁷⁶. Нехватка «полноценной рабочей силы, конепоголовья, фуража и продвещдовольствия» отмечалась в докладе Востураллага от 4 августа 1945 г.⁷⁷

Таким образом, на Среднем Урале в течение военного периода социально-бытовое обеспечение заключенных и приравненных к ним контингентов так и не было налажено. Снабжение лагерей осуществлялось по остаточному принципу, а выполнение производственных заданий заключенных и трудармейцев при небрежении их здоровьем и физическим состоянием. Попытки сохранить рабочую силу для выполнения производственных планов позволяли добиваться лишь частных и временных результатов.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 229–232.

² Там же. Оп. 31. Д. 172. Л. 144.

³ Там же. Л. 150. К слову, начальник строительства БАЗа и лагеря при строительстве майор госбезопасности Тарасюк информировал 1 октября свердловские обком ВКП(б) и облисполком, а также заместителя наркома внутренних дел А. П. Завенягина, что стро-

ительство завода осуществлялось «исключительно рабочей силой заключенных и изолированного контингента из районов военных действий (Там же. Л. 173).

- ⁴ Там же. Л. 330.
⁵ Там же. Л. 312.
⁶ Там же. Л. 340–341.
⁷ Там же. Л. 342.
⁸ Там же. Л. 329.
⁹ Там же. Л. 219–221.
¹⁰ Там же. Л. 112–113.
¹¹ Там же. Л. 229–232.
¹² Там же. Л. 116–118.
¹³ Там же. Л. 112–113.
¹⁴ Там же. Л. 84–95.
¹⁵ Там же. Л. 120–123.
¹⁶ Там же. Л. 129.
¹⁷ Там же. Л. 140–141.
¹⁸ Там же. Л. 66.
¹⁹ Там же. Оп. 18. Д. 14. Л. 693–694.
²⁰ Там же. Оп. 31. Д. 254. Л. 373 — 373 об.
²¹ Там же. Д. 255. Л. 171–172.
²² Там же. Д. 251. Л. 197–198.
²³ Там же. Д. 260. Л. 72.
²⁴ Там же. Д. 256. Л. 103 — 103 об.
²⁵ Там же. Д. 254. Л. 372.
²⁶ Там же. Д. 256. Л. 103 — 103 об.
²⁷ Там же. Л. 59–61.
²⁸ Там же. Д. 259. Л. 127–130.
²⁹ Там же. Д. 257. Л. 88.
³⁰ Там же. Д. 258. Л. 144.
³¹ Там же. Д. 251. Л. 218–219.
³² Там же. Д. 255. Л. 49 — 49 об.
³³ Там же. Д. 252. Л. 224–225.
³⁴ Там же. Л. 216.
³⁵ Там же. Л. 194.
³⁶ Там же. Д. 253. Л. 221–224.
³⁷ Там же. Л. 161–163.
³⁸ Там же. Д. 252. Л. 59.
³⁹ Там же. Д. 253. Л. 82–83.
⁴⁰ Там же. Л. 79–79 об.
⁴¹ Там же. Д. 254. Л. 24–25.
⁴² Там же. Д. 260. Л. 143.
⁴³ Там же. Л. 72.
⁴⁴ Там же. Д. 389. Л. 2–4. Общая численность работников на Богословском строительстве составила в 1942 г. 12 164 человека.
⁴⁵ Там же. Л. 10–11.
⁴⁶ Там же. Л. 22.
⁴⁷ Там же. Л. 24–30.
⁴⁸ Там же. Л. 105–110.
⁴⁹ Там же. Л. 119–121.
⁵⁰ Там же. Л. 168–169. В отсутствие поставок картофеля последний заменялся в рационе контингента сушеными грибами из расчета 5 г грибов за 100 г картофеля.

На строительстве Богословского алюминиевого завода в первой декаде марта взамен рыбы работникам выдавали растительное масло, пшеница и грибы. См.: Там же. Л. 178.

- ⁵¹ См.: Там же. Л. 175–179.
⁵² Там же. Л. 183–185, 201–204.
⁵³ Там же. Оп. 18. Д. 17. Л. 309–312.
⁵⁴ Там же. Оп. 31. Д. 389. Л. 298–299.
⁵⁵ Там же. Л. 301 — 303 об.
⁵⁶ Там же. Л. 314–317.
⁵⁷ Там же. Л. 319–325. В первом квартале 1942 г. умерли 1906, во втором квартале — 1550, в третьем квартале — 1328, в четвертом квартале — 1730 (всего 6250 человек); в 1943 г. смертность составила: в январе — 1110, в феврале — 826, в марте — 533, в апреле — 420, а за 25 дней мая — 295 (всего 3124 человека). По данным прокурора, «учитывая весь контингент, прошедший через Базстрой НКВД (принято на месте при организации строительства 19 640 человек и прибыли этапами с 1 декабря 1941 года по 25 мая 1943 г. 20 144 человека), с 1 января 1942 года по 25 мая 1943 года умерли 23,6 %».
⁵⁸ Там же. Д. 390. Л. 223–224.
⁵⁹ См.: Там же. Л. 227–245.
⁶⁰ См.: Там же. Л. 61.
⁶¹ Там же. Д. 413. Л. 190.
⁶² Там же. Л. 186.
⁶³ См.: Там же. Д. 390. Л. 271–272.
⁶⁴ Там же. Д. 600. Л. 8 — 9 об.
⁶⁵ См.: Там же. Д. 390. Л. 276 — 276 об.
⁶⁶ Образован 8 мая 1942 г. на базе ряда лаготделений и отдельных лагерных пунктов Севураллага.
⁶⁷ См.: ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 600. Л. 26–109.
⁶⁸ См.: Там же. Л. 117–120.
⁶⁹ См.: Там же. Л. 157–158.
⁷⁰ См.: Там же. Д. 718. Л. 27 — 27 об.
⁷¹ Там же. Л. 72.
⁷² Там же. Л. 45.
⁷³ Там же. Л. 58.
⁷⁴ Там же. Л. 145.
⁷⁵ См.: Там же. Л. 58.
⁷⁶ См., например: Там же. Л. 66–67. Из 2082 немцев, интернированных в полосу 1-го Белорусского фронта и направленных в Севураллаг, к месту назначения прибыли весной 1945 г. лишь 1400 человек, 40–45 % из которых оценивались как «вообще неспособный контингент», а 100–150 человек — как «безнадежные для выздоровления». Руководством лагеря было поставлено перед обкомом ВКП(б) вопрос о «вывозе неспособного контингента в другие места» с «завозом» взамен «людей, которые могли бы работать на лесозаготовках».
⁷⁷ Там же. Л. 145.

Е. В. Соколова

Научная жизнь Красноярского края в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война — одна из самых страшных и трагичных страниц в истории России. Для советского народа выстоять в борьбе с таким противником, как фашистская Германия, стало возможным только благодаря героизму солдат, отправившихся на фронт, и остальных жителей страны, поддерживающих фронт в тылу. Немаловажным вкладом в Победу стала деятельность ученых, коллективов научных учреждений. Документы, имеющиеся на хранении в Государ-

ственном архиве Красноярского края, позволяют более подробно изучить период Великой Отечественной войны и сохранить память о героизме деятелей науки, чьи достижения были поставлены на службу Победе и защите Отечества.

Несмотря на тяжелое положение в условиях военного времени, академическая наука в Красноярске не стояла на месте. Помимо того, что здесь уже существовали лесотехнический и педагогический институты, край также стал местом,

куда во время масштабной эвакуации из районов военных действий были перевезены не только промышленные предприятия и коллективы заводов, но и научно-исследовательские и проектные институты, вузы и другие учебные заведения.

С первых дней Великой Отечественной войны учебные заведения страны оказались в тяжелом положении. В условиях многократно сокращенного финансирования и мобилизации части преподавательского состава и студентов в армию, вузы были вынуждены перестроить всю учебную, научную и общественную работы в соответствии с потребностями фронта и тыла. Несмотря на отсутствие большинства преподавателей, институты сумели организовать учебный процесс так, чтобы не прекратилась подготовка специалистов¹.

Многие студенты были заняты работой на предприятиях, в колхозах и совхозах. Для них были организованы вечерние занятия во вторую смену. Ученые и преподаватели участвовали в решении проблем в области обороны, не прекращая подготовки специалистов и обеспечивая сохранность оборудования, дисциплину и порядок, диктуемые военной обстановкой.

Одним из эвакуированных на территорию Красноярского края вузов был Арктический научно-исследовательский институт. Перед Арктическим институтом стояли важные задачи, связанные с непосредственным обслуживанием арктической навигации (ледовые прогнозы, навигационные пособия, оперативная метео- и ледовая служба и т. д.). Работы производились по заданиям Управления военной гидрографии, по указаниям штаба Военно-морского флота и имели в условиях войны большое значение².

Об эвакуации института в своих воспоминаниях рассказывает старший научный сотрудник Арктического и антарктического научно-исследовательского института Н. А. Волков: «В критические дни немецкого наступления на Ленинград часть сотрудников Арктического института с основными фондами научных материалов были эвакуированы из Ленинграда в Красноярск. Он для размещения эвакуированных учреждений Главсевморпути был выбран неслучайно. Енисей связывал центральные районы Сибири с Арктикой... Первая группа сотрудников прибыла в Красноярск в июле 1941 года, состояла из главных специалистов. Вслед за ленинградцами осенью 1941 года в Красноярск из Москвы стали приезжать работники полярной авиации, участники арктических экспедиций и зимовок. Большое значение в организации слаженной, оперативной работы по руководству всеми службами в Арктике сыграл радиометцентр, построенный в Красноярске за короткое время работниками Главсевморпути. В первые месяцы все эти учреждения размещались в здании краеведческого музея... В конце 1941 года городские власти выделили для Арктического института здание средней школы на улице Охраны труда. Это здание хотя и не вполне было для нас пригодным, особенно для лабораторных работ, все же позволило со-

здать, необходимые условия для развертывания широких научных исследований»³.

Так как большинство мужчин были призваны в ряды Красной армии, контингент института, как и других подразделений Главсевморпути, по сравнению с довоенным периодом сильно сократился. Но, учитывая важные оборонные и народно-хозяйственные задачи, начальник Главсевморпути И. Д. Папанин, назначенный уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере, добился возвращения из действующей армии ряда специалистов, в том числе В. Х. Буйницкого, который весной 1942 г. снова возглавил Арктический институт, сменив на этом посту кандидата экономических наук В. В. Славина.

Научные исследования, не имеющие непосредственного значения для обороны и обеспечения арктического мореплавания, пришлось прекратить. Главной задачей института стало снабжение военно-морских и военно-воздушных сил специальными пособиями, а также научное обеспечение арктических навигаций.

В годы войны в основном усилиями сотрудников Арктического института были разработаны методические основы ледовых прогнозов и ледовой авиаразведки, а структура научно-оперативного обеспечения морских операций в полярных морях окончательно оформилась и утвердилась на многие годы.

Полярники приняли участие и в патриотическом движении — сборе средств на оборону. 9 ноября 1942 г. И. Д. Папанин передал в действующую армию танковый полк «Советский полярник», приобретенный на средства работников Главсевморпути и Арктического института. Вскоре это соединение под командованием полковника Н. С. Шальгина отличилось в Сталинградской битве. В мае 1943 г. полярники передали летчикам построенную на их средства эскадрилью самолетов-истребителей. За успешные бои в Белоруссии ей было присвоено звание гвардейской.

Весной 1944 г., как только была прорвана блокада Ленинграда и восстановлено движение поездов по Октябрьской железной дороге, коллектив института вернулся в родные стены Шереметьевского дворца на набережной Фонтанки⁴.

Также в Красноярск были эвакуированы части 1-го Ленинградского медицинского института им. академика Павлова, 2-го Ленинградского медицинского института, Ленинградского и Воронежского стоматологических институтов, которые на основании постановления СНК СССР от 13 ноября 1942 г. были объединены в единый Красноярский государственный медицинский институт⁵.

В своей статье доцент Красноярского медицинского института Н. А. Варгунин описывал эвакуацию студентов и преподавателей 2-го Ленинградского медицинского института в Красноярск: «От Красноводска до Красноярска едем с “комфортом” в дачных вагончиках, выбираясь подышать свежим воздухом на крыши вагонов.

В сентябре 1942 г. путь закончен. Мы в Красноярске. Город встретил нас золотым убранством и приветливыми улыбками горожан. Среди встречающих обращал на себя внимание энергичный человек, неожиданно оказавшийся директором Воронежского стоматологического института, прибывшего в Красноярск с преподавателями и студентами из горящего Воронежа всего лишь за несколько дней до нас. Сразу после прибытия началась большая работа по организации нового медицинского института. Из трех прибывших директоров профессор Н. И. Озерецкий назначается директором, П. Г. Подзолков — его заместителем. Для учебных нужд городские власти выделили два здания: по ул. Ломоносова, 7 (ныне школа-интернат) и ул. К. Маркса, 39 (ныне больница № 2)»⁶.

В этом же году объявляется прием на первый курс, и организуются кафедры. В местных институтах и школах собираем по крохам оборудование и реактивы. В 1943 г. взамен двух небольших зданий институт получил одно большое — по ул. Карла Маркса, 124, которое до этого было занято госпиталем.

В числе профессоров и преподавателей медицинских институтов, приехавших в Красноярск, были лауреат Сталинской премии профессор Заварзин, создавший свою школу гистологов; профессор Купалов — ученик академика Павлова, продолжавший разработку его учения об условных рефлексах; заслуженный врач РСФСР профессор Пирятинский, один из первых организаторов советской стоматологии; профессор Привес, впервые применивший в Союзе преподавание анатомии на живом человеке с помощью рентгеновых лучей; профессор Озерецкий, руководивший в течение многих лет научной и учебной работой 1-го Ленинградского медицинского института; профессора Розенталя, Платонов, Шапири и др.⁷

Институт готовил кадры врачей для фронта, проводил научно-исследовательскую работу. Проводились врачебные и научно-практические конференции. Ведущими в институте являлись кафедра хирургических болезней (ее приоритетом было лечение последствий фронтовых ранений и реабилитация раненых) и кафедра анатомии человека под руководством профессора М. Г. Привеса. Он смог в условиях острого дефицита учебных пособий и демонстрационного материала наладить их изготовление, и последствием этого стало формирование музея анатомии при институте. Кроме того, специалисты института оказывали консультационную помощь раненым и больным в госпиталях⁸.

В 1944 г. управляющий делами СНК СССР Чадаев телеграммой на имя председателя исполкома крайсовета сообщил, что Наркомздрав СССР и Комитет по делам высшей школы поставили перед правительством вопрос о ликвидации Красноярского мединститута. Краевые организации обратились в правительство с ходатайством об оставлении института. Позднее была

получена телеграмма, сообщавшая, что данный вопрос решен в пользу Красноярска.

Красноярский медицинский институт внес большой вклад в развитие медицинского обслуживания населения в крае, улучшение лечения раненых фронтовиков, а также в борьбу с эпидемическими заболеваниями и снижение детской заболеваемости и смертности.

Также, помимо ученых медицинского института, большой вклад в развитие медицины в крае внес ведущий хирург госпиталя № 1515 Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука). Разработанная им новая хирургическая тактика при остеомиелите крупных суставов — резекция сустава с исходом в анкилоз, распил пяточной кости и др. — спасала конечности солдат. Помимо своей работы хирургом Валентин Феликсович занимался научной деятельностью. Им был написан ряд научных статей: «О раневом сепсисе», «Наш опыт лечения огнестрельного остеомиелита в госпиталях глубокого тыла», «Поздние резекции при инфицированных раненых суставов». За его фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» архиепископ Лука был удостоен сталинской премии 1-й степени.

Проходила научная деятельность и в уже существовавших в Красноярске учебных заведениях. На первом плане находились прикладные исследовательские работы, имевшие оборонное значение. Для содействия развитию изобретательской мысли и внедрения рационализаторских предложений с 1 июля 1942 г. в крае действовал научно-технический совет⁹.

Новая конструкция паровых двигателей была создана доцентом Сибирского лесотехнического института Д. М. Левиным. Также лесотехническим институтом были переданы на фронт приборы, использовавшиеся учеными для геодезических работ, для применения их в артиллерии и топографии (например, применение сфероцилиндрического кипрегеля и теодолита (тахеометра) упрощает вычисление высот точек, что крайне желательно в условиях работы топоватарей)¹⁰.

Большие успехи в области физики были достигнуты на базе Красноярского педагогического института. Значительный вклад в развитие этой дисциплины внес доктор физико-математических наук, академик Л. В. Киренский. Леонид Васильевич прибыл в Красноярск в 1940 г. Здесь он стал работать на кафедре физики Красноярского государственного педагогического института (КГПИ). В начале 1941 г. назначен заведующим кафедрой, в июне того же года — деканом физико-математического факультета КГПИ. Еще до начала войны Леонид Васильевич готовился к постановке на кафедре прикладных работ. С началом Великой Отечественной войны Киренский возглавил прикладные исследования на базе лаборатории кафедры для нужд обороны. Первой продукцией новой лаборатории оказалась не научная статья, а конкретная прикладная работа — приборы для определения марки стали. В короткий срок здесь было создано и внедрено

в производство несколько видов приборов для контроля производства и качества продукции при выпуске брони и стали¹¹.

3 декабря 1943 г. Л. В. Киренский сделал доклад о работе магнитной лаборатории на заседании Красноярского филиала физико-химического общества им. Д. И. Менделеева. В нем были отмечены основные достижения лаборатории, а именно: разработка термоэлектрических сортировщиков стали и методов сортировки деталей из цветных металлов; создание электромагнита; изготовление магнитного микрометра для определения толщины антикоррозийных покрытий. После войны магнитная лаборатория КГПИ, возглавляемая Киренским, выросла в видный научно-исследовательский центр, в котором проводились исследования в области магнетизма и биофизики.

Новые технологии внедрялись и в машиностроении. Инженерами, работавшими на крупных заводах края, был, например, разработан новый тип топки в паровозах, позволивший увеличить площадь обогрева воды и, следовательно, увеличить скорость и мощность составов. Также в 1945 г. в Красноярске началось производство первых самоходных комбайнов. Особую известность приобрели двухбарабанные зерноуборочные машины «Сибиряк».

Важные задачи стояли и перед сотрудниками архивных учреждений. Помимо обеспечения сохранности документов в условиях военного времени и выявления документов, содержащих сведения о немецких, австрийских, венгерских, румынских и других шпионах или лицах, подозреваемых в шпионаже, архивами проводилась популяризаторская и пропагандистская деятельность, а также велась исследование документальных материалов, необходимых для нужд обороны и народно-хозяйственного строительства. Выявлялись документы, содержащие сведения по геологическим изысканиям и разведкам нефти, каменного угля, алюминия, золота, платины и дру-

гих полезных ископаемых, проекты и планы железнодорожного строительства. Так, например, красноярскими архивистами в 1943 г. было обработано по данной тематике 3350 ед. хр. Была создана картотека на 19 тыс. карточек, составлены три обзора по месторождениям исландского шпата, соли и графита. А специалисты Канского филиала краевого архива составили четыре обзора документов по соли, железу, краскам, гипсу¹².

Изучая хранящиеся в государственном архиве Красноярского края документы этого периода, можно понять, какую роль в достижении Победы играл Красноярский край. Он был одним из регионов, принявших крупные промышленные предприятия, культурные и научные учреждения, запасы продовольствия, сырья и других материальных ресурсов, а также десятки тысяч гражданских лиц, эвакуированных с оккупированных территорий. И несмотря на тяжелые условия, вызванные Великой Отечественной войной, советские высшие учебные заведения не прекратили своей работы по подготовке необходимых кадров для обеспечения ими фронта, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения. А ученые, работавшие в различных областях науки и техники, не остановили свою научно-исследовательскую работу, внося большой вклад в приближение победы над фашистской Германией.

Примечания

¹ Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1302. Оп. 2. Д. 61. Л. 34.

² Там же. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 427. Л. 70.

³ Там же. Ф. Р-2391. Оп. 1. Д. 191.

⁴ Там же. Ф. П-42. Оп. 11. Д. 174. Л. 166.

⁵ Там же. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 454. Л. 280.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 427. Л. 64.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 38. Л. 152, 153.

⁸ Там же. Оп. 14. Д. 454. Л. 291.

⁹ Там же. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 840. Л. 70.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1302. Оп. 2. Д. 61. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 469. Л. 3.

М. Б. Огнетова

Деятельность спецгоспиталя № 2929 для военнопленных в Нижнем Тагиле в 1947–1950 годах

Порядок деятельности специальных госпиталей (спецгоспиталей) для военнопленных был установлен «Инструкцией о порядке содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата обороны СССР» от 6 марта 1943 г. и «Положением о госпиталях Наркомата здравоохранения СССР, выделенных для обслуживания военнопленных» от 22 октября 1943 г.¹ Согласно положению, работа спецгоспиталей осуществлялась на общих основаниях с действующими госпиталями в СССР. Мощность госпиталей для военнопленных устанавливалась Наркоматом здравоохранения СССР (НКЗ) по согласованию с На-

родным комиссариатом внутренних дел СССР. Главным отличием спецгоспиталей от других лечебных учреждений было наличие зоны вокруг корпусов и строгого режима. Охрана, учет и оперативное обслуживание военнопленных закреплялись за НКВД, поэтому спецгоспиталю выделялся дополнительный штат сотрудников во главе с заместителем начальника госпиталя по режиму и охране, подчинявшимся в своей оперативной деятельности начальнику территориального Управления НКВД СССР и Управлению НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Наружную охрану спецгоспиталей осуществляли конвойные войска НКВД СССР².

Дополнительный штат по режиму и охране содержался за счет средств НКВД и пользовался всеми правами и льготами, установленными для работников системы НКВД. Положением о спецгоспиталях устанавливалось, что охрана и режим для военнопленных организуется и проводится в соответствии с инструкциями и указаниями НКВД, оснащение госпиталей для военнопленных медицинским, санитарно-хозяйственным имуществом производится по нормам и в порядке, установленном для эвакуогоспиталей НКЗ СССР, довольствие раненых и больных военнопленных производится по норме приказа НКО № 312, медицинский учет и отчетность в госпиталях для военнопленных ведется в порядке, установленном в эвакуогоспиталях НКЗ СССР. Дополнительно начальники госпиталей обязывались представлять непосредственно в НКВД (в Управление по делам военнопленных) спецдонесения и отчеты по формам и в сроки, утвержденные НКВД. Госпитальные врачебно-контрольные комиссии в спецгоспиталях в своей работе по комиссованию военнопленных должны были руководствоваться утвержденными инструкциями и указаниями НКВД.

Таким образом, спецгоспитали для военнопленных находились, с одной стороны, в ведении Наркомздрава СССР, а с другой стороны, направление в них военнопленных, эвакуацию выздоравливающих в лагеря, охрану, режим и спецучет в госпиталях осуществлял НКВД СССР.

Комплекс документальных источников о пребывании военнопленных в спецгоспитале для военнопленных, организованном в Нижнем Тагиле в 1947 г., находится на хранении в ГААОСО. Архивные документы, сохранившиеся в фонде спецгоспиталя № 2929 отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД СССР по Свердловской области, позволяют представить его структуру, условия содержания и качество медицинского обслуживания военнопленных, проанализировать работу учреждения за недолгий период существования (предположительно к июню 1950 г. спецгоспиталь был расформирован³). В фонде отложилась переписка с Главным управлением по делам военнопленных и интернированных МВД СССР, управлением МВД по Свердловской области, медицинским отделом Уральского военного округа о работе и прекращении деятельности спецгоспиталя за январь — июнь 1950 г.⁴ Основываясь на документальных источниках РГВА, В. П. Мотревич указывает дату расформирования спецгоспиталя № 2929 — 19 июня 1950 г.⁵ Документы фонда спецгоспиталя № 2929 были переданы в ГААОСО в 2008 г. из Нижнетагильского городского исторического архива (НТГИА).

В Нижнетагильском архиве документы, относящиеся к вопросу пребывания и содержания военнопленных в спецгоспитале в Нижнем Тагиле, находились с момента их передачи на хранение в начале 1950-х гг. В Нижнетагильский филиал Свердловского областного архива посту-

пили документы госпиталей (фонд 218): эвакуогоспиталя № 2929, передислоцированного в Нижний Тагил из Биробиджана, Николаевско-на-Амуре эвакуогоспиталя № 878, который также прибыл в Нижний Тагил после войны, спецгоспиталя № 2929. В августе 1947 г. два госпиталя — № 2929 и 878 — были реорганизованы в один спецгоспиталь № 2929. Кроме того, в 1949 г. в Нижнетагильский архив поступили документы Управления лагеря для военнопленных № 153 МВД СССР (фонд 223). В 1968 г. указанные архивные фонды Нижнетагильского филиала обл. архива, находящиеся на секретном хранении, были объединены в один фонд 223 спецгоспиталя № 2929⁶. К этому времени практически все сохранившиеся документы управления лагеря для военнопленных № 153 были переданы в иные архивы, часть документов выделена к уничтожению⁷.

Документы, отложившиеся в фонде спецгоспиталя № 2929, также частично были выделены к уничтожению в 1953 г., 45 дел переданы в 1966 г. в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР⁸: приказы по эвакуогоспиталю № 2929 и 878, медицинские отчеты, кладбищенские книги, документы по личному составу госпиталей и по учету военнопленных.

В 1999 г. опись 1 дел архивного фонда спецгоспиталя № 2929 была переработана, к ней составлен справочный аппарат, к фонду подготовлена историческая справка. В состав описи фонда внесен комплекс документов, имеющих историческое значение: приказы начальника госпиталя по основной деятельности и личному составу, штатные расписания, рапорты офицеров, паспорт спецгоспиталя, годовые и ежемесячные отчеты о работе спецгоспиталя и его медицинской части, отчеты о движении личного состава, больных и раненых, военнопленных и интернированных; доклады о состоянии охраны и режима содержания военнопленных, списки личного состава госпиталя, а также захороненных военнопленных. В состав фонда вошли документы эвакуогоспиталя № 2929 за 1941–1947 гг.: приказы начальника по основной деятельности за 1944 г., книги регистрации входящих и исходящих документов, объяснительные записки к отчетам эвакуогоспиталя, рапорты офицеров, сведения о вольнонаемных работниках, приказы начальника управления МВД СССР по Хабаровскому краю и управления лагеря для военнопленных № 21 Хабаровского края за 1947 г. В фонде отложились документы о работе эвакуогоспиталя № 878 за 1945–1947 гг.: переписка с управлением Забайкальско-Амурского военного округа; отчеты о работе медицинской части; книги регистрации входящих документов, учета штампов и печатей; сведения об офицерском и вольнонаемном личном составе, документы (инструкции, планы, схемы) о мобилизационной работе; сведения и списки умерших военнопленных японских граждан за январь — май 1947 г.⁹

На основании архивных документов фонда можно представить историю развертывания, работу спецгоспиталя № 2929, расположившегося в районе пос. Пионерского, на базе 1-го лагерного отделения и лазарета лагеря для военнопленных № 153 в Нижнем Тагиле.

Эвакогоспиталь № 2929 в годы Великой Отечественной войны входил в состав 3-го Белорусского фронта¹⁰. После войны по приказу Наркомата обороны СССР от 19 июня 1945 г. госпиталь был перебазирован на Дальний Восток, в Биробиджан, где принял первую партию военнопленных японцев. Госпиталь находился в ведении Санитарного управления Забайкальско-Амурского военного округа. В фонде спецгоспиталя № 2929 отложились сведения по учету японских военнопленных, поступивших и выбывших в отдельные рабочие батальоны военнопленных № 428 и 435 за 1947–1949 гг.¹¹

В августе 1947 г. госпиталь был передислоцирован на Урал, в Нижний Тагил, и принял от лагеря № 153 — 409 военнопленных разных национальностей (немцы, венгры, румыны, австрийцы). В это же время в Нижний Тагил был передислоцирован эвакогоспиталь № 878 из Николаевска-на-Амуре. Эвакогоспитали были объединены в один под новым названием «спецгоспиталь № 2929», который поступил в ведение Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР.

Спецгоспиталь находился на северо-восточной окраине Нижнего Тагила, в 9 км от станции железной дороги¹². Военнопленные разместились в шести бараках, требующих капитального ремонта. Летом 1949 г. был проведен текущий ремонт. В четырех землянках размещались подсобные помещения. По некоторым другим данным, на огороженной по периметру в 900 м площади госпиталя находились десять каркасно-засыпных барачных и шесть землянок общей площадью 2262 кв. м¹³.

Со второй половины 1948 г. была введена палатная система размещения больных. Сначала больные размещались на двухъярусных нарах вагонного типа, позднее в палатах появились железные кровати, тумбочки, шкафы, гардины. Палаты были электрифицированы и радиофицированы. Вентиляционных установок не было, имелись только форточки, но их невозможно было использовать из-за заводских труб, расположенных вокруг госпиталя. Это пагубно действовало на туберкулезных больных, которых было большинство. Для ремонта белья, обмундирования, обуви при госпитале были организованы портновская и сапожные мастерские, а для приема больных — санитарный блок мощностью 30–40 человек в час. Имелась дезинфекционная камера (суховоздушная вошебойка) на обработку 50 комплектов одежды в час¹⁴.

Все репатрируемые на родину получали новое обмундирование. По выздоровлении и направлении в лагерь военнопленные получали

добротное, хотя и бывшее в употреблении, обмундирование по сезону.

С момента дислокации в Нижнем Тагиле спецгоспиталь № 2929 находился на финансировании управления лагеря № 153. С января 1948 г. финансирование госпиталя осуществлялось финансовым отделом Управления МВД по Свердловской области. В 1949 г. на содержание одного больного приходилось 486 руб. 16 коп. в месяц.

Согласно документам, эпидемиологическая обстановка в спецгоспитале была на хорошем уровне, не зафиксировано ни одного случая внутригоспитальной инфекции. В начальный период своего существования спецгоспиталь был полностью укомплектован врачом и фельдшерским персоналом. Недостаток сестринских кадров восполнялся за счет студенток медицинской школы Нижнего Тагила. Половина врачей были хирургами. С июля 1949 г. излишнее количество врачей было откомандировано. С момента организации спецгоспиталя был в достаточной степени обеспечен медицинскими инструментами и аппаратурой, которые поступали с военно-санитарного склада Уральского военного округа. В физкабинете имелось самое необходимое медицинское оборудование: два аппарата для измерения артериального давления, два аппарата УВЧ, сто термометров, 167 носилок, шесть ламп «Солюкс», 27 наименований других аппаратов для физиотерапевтических процедур¹⁵. Но отмечался недостаток некоторых медикаментов: пенициллина, глюкозы, соляной кислоты, пепсина, диуретина.

За годы существования спецгоспиталя насчитывалось больше всего больных с дистрофией (21,9 %), туберкулезом легких (17,9 %). Наибольший процент смертности отмечался у больных с активной формой туберкулеза легких (27,4 % поступивших больных), с заболеваниями сердечно-сосудистой системы (20 %)¹⁶. Лечение больных с открытой формой туберкулеза легких было недостаточным в связи с отсутствием в штате врача-фтизиатра.

За 1947–1950 гг. спецгоспиталь принял 5216 больных мужчин и 55 женщин. Были выписаны и репатрированы (возвращены на родину) всего 4996 мужчин и 52 женщины. Умерли в спецгоспитале 167 больных мужчин. В архивном фонде спецгоспиталя¹⁷ имеются алфавитная книга учета умерших военнопленных за 1947 г., сведения по учету умерших японских военнопленных за октябрь 1947 — апрель 1949 г., по учету умерших военнопленных за январь 1949 — июнь 1950 г., объяснительные записки о смертности военнопленных за 1948–1950 гг., списки умерших военнопленных за 1949 г. К концу 1949 г. в спецгоспитале насчитывалось 56 больных, в том числе три женщины.

С января 1948 г. началась отправка военнопленных на родину. Интерес представляет акт от 7 января 1948 г. о готовности эшелона военнопленных немцев в Нижнем Тагиле к отправке на родину следующего содержания¹⁸:

Проведенной проверкой состояния эшелона № 98028, отправленного из лагеря № 153 и спецгоспиталя № 2929 с больными и нетрудоспособными военнопленными немцами на родину через лагерь № 69 в городе Франкфурт-на-Одере, в соответствии с приказом МВД СССР №1078 от 15 октября 1947 года установлено:

– для погрузки военнопленных подано 28 вагонов, из них 22 людских и 6 для хозяйственных нужд,

– в людские вагоны погружен 491 человек: из лагеря № 153 — 355 человек, из госпиталя — 136 человек,

– все больные перед погрузкой в вагон подвергнуты повторному медицинскому комиссованию как в лагере, так и в госпитале. Установлено медкомиссиями, что все погруженные больные являются транспортабельными, температурающих нет. Из общего числа 491 человек длительно нетрудоспособных — 229 человек. Инвалидов и хроников нет;

– вагоны оборудованы двухъярусными нарами, печами, унитазами. В каждом людском вагоне имеется бочка для воды, ведро для получения пищи с кухни;

– лагерь № 153 оборудован вагонный пищеблок с котлами емкостью на 1175 литров. Каждому военнопленному выданы миска, ложка, кружка;

– все обеспечены матрацами из расчета 2 матраца на 3 человек. Больные обеспечены и одеялами. Одет контингент в годное к носке обмундирование и обувь по сезону;

– на каждого выдан запасной комплект нательного белья;

– продуктами питания эшелон обеспечен на 20 суток по госпитальной норме;

– топливо заготовлено в достаточном количестве, погружено дров 20 кубометров, угля — 16 тонн, торфа — 12 тонн. Всему контингенту 5 января 1948 г. произведена комплексная санобработка с дезинфекцией нательного белья и обмундирования;

– медикаментами и перевязочными средствами эшелон обеспечен из расчета на 850 человек в достаточном количестве.

Начальник эшелона майор Лосев. Врач эшелона Гриценко... (всего шесть подписей).

9 февраля 1949 г. из госпиталя после лечения предполагалось отправить в Кемеровский лагерь № 503 семь военнопленных японцев. В приказе Управления МВД по Свердловской области, подписанном заместителем начальника управления генерал-лейтенантом Кривенко, указано: «1. Отправку военнопленных японцев произвести к месту назначения из госпиталя под конвоем вахтерской охраны в пассажирском поезде. 2. Перед отправкой произвести им санитарную обработку со сменой нательного белья, выдать качественное обмундирование и обувь, одеть их строго по сезону. 3. Выдать военнопленным на руки их личные вещи, ценности и документы. 4. Всех отправляемых обеспечить продуктами питания на весь путь следования...» Однако отправлены в лагерь были только шестеро. Один человек болел открытой формой туберкулеза и был оставлен в

госпитале как нетранспортабельный. Это был Данио Тацумаси, седьмой солдат. Он умер и похоронен на кладбище спецгоспиталя. Всего в Тагиле было захоронено 18 японских военнопленных.

Значительная часть больных поступила в спецгоспиталь № 2929 из лагеря № 153 (29 %), а также из лагерей № 314 Вехотурского района (22 %), № 504 из Карпинска (11,4 %), № 531 Верхнепышминского района (10,2 %). Из других лагерей и батальонов для военнопленных больные поступали в незначительном количестве (лагерь № 34, 199, 207, 245, 313, 376, 476, 477, 523, 2840; рабочие батальоны № 428, 429, 435, 1099, 1100, 1801, 1802; спецгоспитали № 3370, 5921). В 1947 г. было репатрировано в лагерь № 36, 69, 176 — 568 человек, в 1948 г. в лагерь № 136 — 990 человек, в 1949 г. — 1136 человек. Всего 2694 человека¹⁹.

По мере ликвидации лагерей и спецгоспиталей спецгоспиталь № 2929 в Нижнем Тагиле принимал больных военнопленных не только из Свердловской области. В 1948–1949 гг. поступили больные из Уфы, из лагеря № 207 Молотовской области (ныне Пермский край), спецгоспиталя № 3370 Новосибирской области, спецгоспиталя № 5921 Челябинской области.

Рассмотрим анкетные данные больных спецгоспиталя по состоянию на сентябрь 1948 г.²⁰ По национальному признаку числившиеся 598 больных, в том числе 39 интернированных, распределялись так: немцев — 494, венгров — 25, румын — 15, австрийцев — 7, украинцев — 1 человек; по званиям распределение выглядело следующим образом: старших офицеров — 1, офицеров — 39, унтер-офицеров — 144, рядовых — 375 человек; по партийной принадлежности среди больных спецгоспиталя насчитывалось: членов фашистской партии — 17, социал-демократической — 9, НСДАП — 46, гитлеровской молодежи — 26, коммунистов — 1, беспартийных — 368 человек; по военным специальностям военнопленные делились так: пехота — 346 человек, артиллеристы — 113, саперы — 46, танкисты — 34, СС и жандармерия — 24, связисты — 20, санитары — 18, гражданские специалисты (слесари, столяры, плотники, шоферы, строители) — 24; распределение больных на группы по возрасту: от 18 до 25 лет — 94 человека, от 25 до 35 лет — 237, от 35 до 45 лет — 206, от 45 до 50 лет — 46, старше 50 лет — несколько человек.

История спецгоспиталя № 2929 в Тагиле включает три периода:

1) с августа 1947 г. — в госпитале насчитывалось 1100 коек;

2) с августа 1948 г. — госпиталь перешел на штат в 700 коек;

3) с июля 1949 г. — госпиталь перешел на штат в 500 коек; контингент больных госпиталя убывает. Приказом МВД СССР от 14 января 1950 г. № 035 спецгоспиталь № 2929 переведен с 500 коек на 300.

В первый период в спецгоспитале имелось пять медицинских отделений: хирургическое, два терапевтических, туберкулезное, отделение для выздоравливающих. Во второй период отделение для выздоравливающих было ликвидировано, а его функции переданы одному из терапевтических отделений. В третий период произошло объединение терапевтических отделений в одно. С сокращением штатного количества коек и больничных в отделениях госпиталя были устроены небольшие палаты для больных, требующих отдельного ухода и наблюдения. В 1949 г. в структуру госпиталя входили отделения: хирургическое, терапевтическое, дистрофическое, туберкулезное; работали также вспомогательные отделения: лаборатория, рентгенкабинет, физиотерапевтическое отделение, зубной кабинет. Проводились как внутриспитальные медицинские консультации больных, так и консультации врачей из Нижнего Тагила (окулист, фтизиатр, дерматолог)²¹.

По состоянию на 3 февраля 1950 г. спецгоспиталь № 2929 имел следующую структуру²²:

1. Управление (командование, учетная часть, административная часть, медицинская часть с отделениями хирургическим, терапевтическим, физиотерапевтическим, рентгеновским, зубным кабинетом, лабораторией, аптекой, приемной).

2. Охрана и режим (заместитель начальника госпиталя по охране и режиму, 13 вахтеров). При вахткоманде была организована политшкола, проводились политинформации, беседы о текущей политике, читка газет.

3. Оперобслуживание (оперуполномоченный, переводчик).

4. Часть материального обеспечения (начальник части, начальник продфуражного снабжения, два заведующих складами, старший пожарник, финчасть, кухня и столовая (старшая диетсестра, повар), начальник транспорта, шофер, три подводочных).

Для работы вахткоманды в спецгоспиталь поступало вооружение. Оно было не новым, но находилось в удовлетворительном состоянии. Для вахтсостава проводилась систематическая служебная и боевая подготовка, изучались тактика, топография, проходила строевая и огневая подготовка.

В госпитале имелись подсобное хозяйство, пекарня, кухня, прачечная. Пекарня обеспечивала хлебом также детскую колонию. В обеспечении продовольствием проблем не было. На складе хранился месячный запас муки, крупы, мяса, рыбы, овощей, сахара. Существовало восемь диетических столов. Для дистрофиков организовано дробное питание — пять раз в день. В мягком инвентаре госпиталь нужды тоже не испытывал. Постельные принадлежности менялись регулярно. В среднем на каждую койку имелось три пары белья. Больничных халатов было достаточно. Но обуви не хватало²³.

Директивой ГУПВИ НКВД СССР «О захоронениях военнопленных» от 24 августа 1944 г.

предусматривалось для захоронения военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. С 1944 г. органы ГУПВИ производили плановую организацию мест захоронений умерших военнопленных и оформление соответствующей документации.

Земельный участок под кладбище военнопленных был отведен решением Нижнетагильского горсовета № 268 от 10 мая 1944 г. в двух километрах южнее поселка рудника им. III Интернационала, отдельно от православного кладбища граждан СССР. Первые захоронения умерших заключенных из лагеря № 153 были произведены в марте 1945 г. С марта 1949 по июнь 1950 г. на кладбище хоронили умерших в спецгоспитале. Здесь в двадцати квадратах находилось 470 могил, в которых захоронили 1725 военнопленных и интернированных²⁴. Участок был огорожен жердями. Над каждой могилой имелся надмогильный знак с обозначением ее номера и номера квадрата. Распоряжением МВД СССР от 24 мая 1949 г. № 324 кладбища военнопленных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Еще в 1953 г. в Нижний Тагил приезжали родственники умерших военнопленных²⁵.

В составе архивного фонда спецгоспиталя № 2929 имеются следующие документы о захоронениях умерших военнопленных²⁶: документы о состоянии кладбища спецгоспиталя за 1949–1950 гг. (акты, справка, схема), списки захороненных военнопленных с указанием местоположения и номеров могил, акт о передаче кладбища военнопленных Нижнетагильскому городскому отделу МВД за июнь 1950 г.

В настоящее время на месте захоронений военнопленных из лагеря № 153 и спецгоспиталя для военнопленных № 2929 в районе поселка рудника им. III Интернационала установлены памятные знаки, посвященные итальянским, венгерским и японским военнопленным. Площадь захоронения выровнена, ухожена. В документах архивного фонда администрации Нижнего Тагила находятся сведения о взаимодействии администрации города с Ассоциацией международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» за 1994–1997 гг. по вопросам увековечивания памяти о военнопленных на территории города, обследовании захороненных военнопленных, отводе земельных участков на муниципальных кладбищах для благоустройства территории захоронений военнопленных, перезахоронении останков японских военнопленных, установке памятных знаков (мемориалов) и памятных крестов²⁷.

На примере деятельности спецгоспиталя № 2929 для военнопленных можно сделать вывод, что в послевоенный период ситуация в спецгоспиталях стабилизировалась: снижались заболеваемость и смертность контингента, его численность. Обеспечение военнопленных лекарствами, лечебными процедурами и питанием в основном

осуществлялось по тем же нормам, что и для советских военнослужащих. Большое внимание уделялось профилактике и диагностике заболеваний. В зависимости от диагноза пленные получали хирургическое и терапевтическое лечение. Неприятельские военнослужащие попадали в госпитали с сильным истощением, что существенно затрудняло их выздоровление. Отрицательное влияние на здоровье оказывали долгая эвакуация, трудная адаптация к непривычному климату, тяжелый труд при недостаточных нормах питания. Эти обстоятельства во многом объясняют факт, что среди военнопленных количество больных значительно превышало количество пораженных в боях. К положительным сторонам создания системы спецгоспиталей можно отнести: наличие в них квалифицированных медицинских кадров, лечебно-диагностического оборудования, организованную систему снабжения. Такая забота о здоровье объяснялась необходимостью привлечения военнопленных к труду на предприятиях и стройках СССР, а также стремлением показать преимущества советского строя.

Спецгоспиталь № 2929 в Нижнем Тагиле справился со своей задачей по медико-санитарному обслуживанию военнопленных (немцев, венгров, румын, австрийцев, японцев). Коллективом лечебного учреждения была проделана огромная работа, что обеспечило достаточно высокий процент выздоровления военнопленных. После войны в адрес советских врачей поступали многочисленные письма из Германии с благодарностью за сохранение жизни и восстановление здоровья бывших врагов СССР.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Т. 14. Л. 175 — 175 об.

² Кузьминых А. Л. Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsgospitali-dlya-voennoplennyh-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-poslevoennyu-period/viewer> (дата обращения: 31.05.2021).

³ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 81.

⁴ Там же. Д. 56.

⁵ Мотревич В. П. Спецгоспитали Наркомата здравоохранения (Министерства здравоохранения) СССР в Уральском регионе: численность, дислокация, смертность. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/71051/1/motrevich-978-5-7845-0589-7_2019.pdf (дата обращения: 31.05.2021).

⁶ НТГИА. Дело бывшего архивного фонда Р-223. Л. 2, 3, 42, 39, 59–79.

⁷ На основании документов из дела бывшего архивного фонда № 223 НТГИА известно, что более 51 тыс. карточек военнопленных были переданы в ЦАМО, документы по личному составу лагеря № 153 — в 1-й спецотдел Управления охраны общественного порядка Свердловского облисполкома и в архивный отдел Свердловского облисполкома, учетные карточки на умерших военнопленных и интернированных в количестве 4,3 тыс. шт. — в Особый архив Главного архивного управления при Совете министров СССР.

⁸ НТГИА. Дело бывшего фонда Р-223. Л. 98.

⁹ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 22. Л. 41–85.

¹⁰ Там же. Д. 24. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 28.

¹² Там же. Д. 24.

¹³ Форум. Иностранцы воинские захоронения на территории РФ. Секретный эвакогоспиталь 2929. URL: <http://poisksvoih.ru/viewtopic.php?p=2373> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

¹⁷ Там же. Д. 28, 34, 42, 57, 61, 63, 66, 75.

¹⁸ Форум. Иностранцы воинские захоронения на территории РФ. Секретный эвакогоспиталь 2929.

¹⁹ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 24. Л. 49, 65.

²⁰ Тицкий Н. А. Из истории деятельности эвакогоспиталя № 2929 для военнопленных в г. Нижнем Тагиле (1945–1950 гг.). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/iz-istordeyatelnosti-evakogospitalya-2929-dlya-voennoplennyh-v-g-nizhnm-tagile-1945-1950-gg/viewer> (дата обращения: 31.05.2021).

²¹ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 24. Л. 51.

²² Там же. Д. 74. Л. 5–11.

²³ Тицкий Н. А. Указ. соч.

²⁴ Форум. Иностранцы воинские захоронения на территории РФ. Секретный эвакогоспиталь 2929.

²⁵ Кириллов Д., Чевардин В. Спецлагерь № 153. URL: http://historyntagil.ru/7_06.htm (дата обращения: 31.05.2021).

²⁶ ГААОСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 63.

²⁷ НТГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 88, 129, 131, 171, 205, 211.

В. В. Мамонтов

**Жизнь и быт работников системы среднего и высшего образования
Челябинской области в 1950–1970-е годы
(по материалам фондов областного комитета работников просвещения)***

В рамках работы над темой повседневности учителей Южного Урала в 1950–1970-е гг. для рассмотрения были взяты фонды ОГАЧО. В частности, рассмотрены и проанализированы фонды 1036, 2620, 2370¹. Объектом исследований стали аспекты быта, условий работы и досуга учителей и преподавателей нашего региона.

Основным источником явились стенограммы и протоколы ежегодных областных конференций профсоюза, на которых в качестве делегатов выступали учителя школ, преподаватели и представители высших учебных заведений, воспитатели дошкольных учреждений региона. На заседаниях поднимались наиболее острые вопросы системы образования: текучесть кадров, обеспечение педагогических работников жильем, учебная и воспитательная нагрузка, участие в социалистическом соревновании и работа над социалистическими обязательствами.

Отдельного внимания заслуживает практика социалистических соревнований в системе образования в Челябинской области, что также нашло отражение в стенограммах и отчетах. Появившиеся с движением стахановцев в тяжелой промышленности перед Великой Отечественной войной, данные соревнования имели место в школах Советского Союза. Но перед самой войной соцсоревнования были отменены указом Народного комиссариата просвещения РСФСР в силу их бесполезности. Однако к 1950-м гг. практика договоров возвратилась.

В архивных документах читается вполне четкая цель организации отмененных в военный период вышеупомянутых соревнований: «... работа была направлена на повышение эффективности и качества учебно-воспитательной работы педагогических коллективов школ и улучшение условий труда работников просвещения. Помимо этого, соревнования выполняли контролирующую функцию — от всеобщего соревнования, где отчитываются министерства республик, до межрайонных договоров Челябинской области, где регион проверял итоги и достижения школ с присуждением соответствующей награды»².

Соцсоревнования в условия договора включали, как правило, следующие критерии: успеваемость, охват учеников в зависимости от количества детей в округе школы, комплектация классов учениками и методическими инструментами, качество горячего бесплатного питания

для работников и учеников, показатели всеобщего шефства городских школ над сельскими, шефства предприятий над школами, показатели оздоровления (пионерские лагеря, медицинские осмотры), комплектование педагогическими кадрами, обеспечение учителей домами и квартирами.

Помимо понимания места и функционала социалистических договоров данные фонды архива дают четкую картину о положении кадров системы образования в регионе: 743 новых педагога пришли на работу в школы области, но при этом за 1974 г. с мест работы ушли 833; на следующий год из 1000 новых специалистов 970 покинули свои вакансии, что свидетельствует об очень низком приросте количества учителей в Челябинской области. Причины следующие: семейные обстоятельства, срочная служба в армии, переезд за пределы региона. Примечательно, что более 95 % представленных — молодые учителя, выпускники педагогических учебных заведений³.

Недостаток кадров — одна из самых актуальных и обсуждаемых проблем не только рассматриваемого периода, но и современной системы образования. Архивные материалы разворачивают многолетнюю дискуссию по первопричине малочисленности молодых педагогов и слабости последних как специалистов. На это указывают и регулярные постановления обкома профсоюза, и частные характеристики школьных учителей.

Интересна полемика представителей педагогических учреждений региона с руководством школ. Предметом было обоюдное обвинение в слабой подготовке учащихся как со стороны школ, так и со стороны вузов и училищ. Кульминацией стало выступление в 1967 г. на X конференции профсоюза учителей Челябинской области Евгения Михайловича Тяжельникова (ректор Челябинского педагогического института с 1961 по 1964 гг.). Он характеризовал проблему малограмотных выпускников педагогического вуза. Корень зла, как ни странно, был в уровне школьного образования. В ситуации, когда руководство школ обвиняет педагогические заведения в профанации выпускаемых кадров, представители данных заведений говорят о малом наборе в абитуриенты школьников с высокими результатами выпускных школьных и вступительных институтских экзаменов.

Таким образом, получается замкнутый круг: слабые в профессиональном плане учителя воспитывают слабых учеников — будущих абитуриентов, которые в итоге становятся слабыми учителями. Е. М. Тяжельников предлагал решить вопрос, работая с существующим педагогическим

* Научный руководитель — Надежда Владимировна Коршунова, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

составом области, который показывает слабые результаты: из 740 тыс. школьников области на 1966/67 учебный год 55 тыс. учились на «неудовлетворительно» по итогам первого полугодия⁴. И это при том, что из почти трехмиллионного населения региона 1300 тыс. человек являлись обучающимися.

Кроме социалистических соревнований и проблемы кадров в источниках ОГАЧО прослеживается еще одна веха повседневности работников педагогической отрасли. Жилищный вопрос в условиях всеобщей государственной собственности в Челябинской области не был решен вплоть до конца 1970-х гг.

На 1949–1950 гг., согласно данным профсоюза учителей средних и семилетних школ, из планируемых 170 жилых домов для педагогов были построены семь, покупались 35 и 12 находились в стадии строительства. На район, будь то Саткинский, Миасский или Брединский, приходилось в 1949–1952 гг. от одного до пяти построенных домов и до нескольких десятков купленных.

Сами учителя, выступая на профсоюзных конференциях, жаловались на отсутствие элементарного ремонта в некоторых домах. Но особенно остро стояла проблема с заключением договоров на жилье: учителя не могли в полной мере распоряжаться своей новой жилой площадью без закрепления права документально. Причиной данной проблемы считалось игнорирование горкомов и облоно своих прямых обязанностей⁵.

В силу малого жилищного фонда учителя-предметники, особенно молодые специалисты, вынуждены были жить в школах. Вот как описывает ситуацию в Челябинске в 1967 г. председатель профкома педагогического университета: «...студенты могут жить в общежитии, но молодые учителя живут в самих школах... трудовик — в классе труда, математик — в подсобном помещении...»⁶ И эта ситуация сохранялась не только до 1976, но и до конца 1970-х гг., правда в меньших масштабах.

Стоит упомянуть, каким было по источнику и значимости основание требований, выдвинутых органом республики, — Постановление Совета министров СССР от 10 февраля 1948 г. № 246 «О льготах и преимуществах начальных и семилетних школ»⁷. Данный документ гарантировал улучшение материальной базы школ и жилищно-бытовых условий учителей в рамках политики государства восстановления системы образования после Великой Отечественной войны. Работники, ответственные за исполнение постановления Совета министров в регионе, не справлялись со своими обязанностями.

На 1952 г. из 285 домов в области был построен 31 дом и куплено 70 — согласно решению исполкома комитета рабочих депутатов. Как видно, потребность в домах росла, как и темпы строительства, но последние не удовлетворяли потребность даже наполовину. Саткин-

ский, Нязепетровский, Верхнеуральский районы и вовсе не предоставили сельским учителям ни одного дома в 1952 г. Решение постановляло колхозам и совхозам предоставить материалы для строительства, а райкомам — оптимизировать доходы с самообложения, которые, по мнению комитета, расходовались не на целевые направления. Всего за 1952–1953 гг. в Челябинской области было построено 184 дома для сельских учителей⁸.

По данным фондов профсоюза работников просвещения ОГАЧО, на 1976 г. ситуация с жильем пришла в норму. В 1974 г. планировалось передать учителям 167 домов и 327 квартир за счет капремонта, местного бюджета и бюджета сельских поселений, на деле было готово 252 дома и 505 квартир. Но эти успехи перекрывались следующими данными: из 7446 сельских учителей области только 1932 человека жили в школьных квартирах, 4288 проживали в домах сельсоветов либо в совхозах, 246 снимали квартиры у частных. Ситуация, при которой выполняется и перевыполняется план по строительству домов для сельских учителей — не гарантия расселения всех нуждающихся. Вышеописанные меры имели основу в форме Постановления Совета министров СССР «О некоторых мероприятиях по укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных школ сельской местности», тут же указывалось — улучшить условия проживания учителей. Это при том, что на 1976 г. пятнадцать домов находились в аварийном состоянии, и вот уже 30 лет идет «улучшение» жилищно-бытовых условий школьных учителей⁹.

В данной статье представлен лишь небольшой перечень аспектов работы и быта работников системы образования Челябинской области с 1950-х по конец 1970-х гг. Главной бытовой проблемой учителей было наличие и качество жилья. В архивных источниках представлены казусы, когда педагоги были вынуждены жить в школах, особенно массово это происходило в первые пять лет после Великой Отечественной войны. Государство строило дома, но в большинстве случаев жилая площадь для учителей приобреталась муниципальными и региональными властями. Очень часто это жилье находилось в аварийном состоянии и было опасным для проживания. Ситуация с жильем стабилизировалась с массовым строительством панельных многоэтажных домов к концу 1970-х — началу 1980-х гг.

В профессиональной сфере преподаватели и педагоги сталкивались с дополнительной обширной нагрузкой в силу ежегодных отчетных социалистических соревнований и малого количества кадров. Единая система кадрового резерва не создана до настоящего времени в силу специфики и известной непопулярности профессии учителя. Данные архива дают полную картину развития и работы педагогической отрасли в нашем регионе.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. П-1036. Оп. 1, 2, 3, 4 ; Ф. 2620. Оп. 1 ; Ф. 3270. Оп. 1.

² Там же. Оп. 4. Д. 263.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 55–58.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 113.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 295.

⁷ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973. М. : Педагогика, 1974. 500 с.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-1036. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–2.

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 294. Л. 4.

Часть VII
Микроисторические исследования

Е. П. Новыхова

Катра Тэк — основное поселение хантов тегинской территории

Катра Тэк — название наиболее значимого поселения одной из групп хантов, называемых тегинскими. Тегинские ханты относятся к северной группе этого этноса. Местность их проживания называют тегинской территорией. По сообщениям информантов, тегинской территорией считали множество поселений, локализованных у большого сора* (название сора установить не удалось)¹. В данной работе мы остановимся на истории только вышеназванного поселения.

В настоящее время тегинские ханты населяют преимущественно с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Село расположено на левом берегу Малой Оби в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, который на севере граничит с Шурышкарском районом Ямало-Ненецкого автономного округа; на юге граница проходит по р. Вогулке и устью Северной Сосьвы².

Специфика этнических процессов, протекающих в рассматриваемой группе хантов, обусловлена тем, что они проживают на магистральной реке Оби и, как следствие, в своем историческом развитии в большей степени были подвержены инокультурным влияниям.

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным интересом общества к локальной истории отдельных этнических групп, а также тем, что изучение тегинских хантов не являлось предметом специального изучения.

Цель работы заключается в изучении наиболее значимого традиционного исторического поселения хантов тегинской территории Катра Тэк. Соответственно к задачам относится необходимость дать основную характеристику Катра Тэк, выявить и проследить обозначение названия поселения на картах, в архивных материалах, средствах массовой информации, полевых материалах автора.

Нами выявлено, что поселение под названием Теги переносилось три раза: существовали *Катра Тэк* (Старые / Древние Теги), *Кутлоп Тэк* (Средние Теги) и нынешнее *Тэк курт* (поселение Теги)³.

Катра Тэк — это постоянное (зимнее) поселение тегинских хантов. Первое упоминание о тегинских хантах встречается в ревизских сказках 1782 г.⁴ Впервые поселение Катра Тэк было отмечено на карте Тобольского наместничества 1792 г., входящей в Российский атлас. Поселение значится там как «Тегински»; на географической карте Березовского округа (уезда) Тобольской губернии 1809 г. — «Тегинские»; на карте Европейской России и Кавказского края, составленной, по новейшим сведениям, при Военно-топографическом депо и изданной Императорским русским географическим обществом (ИРГО) в 1862 г., — «Юр. зим. Тегъ-Гортъ» («юрты зим-

ние»); на карте северной части Тобольской губернии 1879 г. с показанием пути, пройденного членом-сотрудником Западно-Сибирского отдела ИРГО Н. К. Хондажевским, — «Тегъ-гортъ»; на карте Тобольской губернии 1901 г., составителем которой является Ю. М. Шокальский — «Юр. зим. Текъ-гортъ»; на карте Азиатской России 1895 г., составленной Г. М. Коверским по сведениям, имевшимся в министерствах Императорского двора, военного, морского, путей сообщения, государственных имуществ и юстиции; на геологической карте Сибири и ее полезных ископаемых 1905 г., составленной В. С. Реутовским, — «Юр. Зим. Текъ-гортъ»; А. А. Дунин-Горкавич на карте Тобольской губернии, изданной при поддержке ИРГО и Министерства земледелия и государственного имущества в 1903 г., отметил поселение «Тегинскія (Устремскія)»; в «Большом всемирном настольном атласе» А. Ф. Маркса, который редактировал Э. Ю. Петри (1905), а затем Ю. М. Шокальский (1909), поселение отмечено «Юр. зим. Тегъ-гортъ (Устремскія)». Под маркером «Ю. З. Текъ гортъ» поселение значится на настольной генеральной карте Европейской России 1913 г., составленной А. Ильиным. На карте Тобольской губернии 1914 г., которая вошла в состав «Атласа Азиатской России издания Переселенческого управления», есть обозначение «Юр. зим. Тегъ-гортъ». В 1919 г. вышла военнo-дорожная карта Азиатской России, составленная картографическим отделением Военно-топографического управления в 1895 г. и переиздававшаяся с 1919 по 1924 гг., поселение значится как «Юр. зим. Текъ-гортъ». В обзорной карте РККА Европы и центра СССР с показанием расположения войск противника на апрель 1942 г. значится поселение «Тегинские». На американской карте Европейской части СССР (является компиляцией с советских карт с 1932 по 1936 гг. с поправками на 1938 г.), которая была издана в 1943 г. в Вашингтоне, отмечены «юрт. Тек-Горт», а также «юрт. Тегинские» по правую сторону Малой Оби. На бланковой карте СССР под редакцией И. П. Заруцкой 1946 г. — «Теггорт» (несмотря на то что уже появились Кутлоп Тэк, они на карте отмечены не были). В «Атласе СССР» 1947 г., изданном Главным управлением геодезии и картографии при Совете министров СССР — «Теггорт»; на топографической карте 1985 г. — «лет. Древние Теги» (летние); на топографической карте севера Европейской России, составленной в 2000 г., также обозначено «лет. Древние Теги»; на топографической карте Ханты-Мансийского автономного округа 2001 г. — «лет. Древние Теги» (вероятно, это компиляция предыдущей карты).

В архивных материалах название поселения отражено как «Тен-горт», «Тегинские юрты», «юрты Теги», «ю. Теги», «Старые Теги», «Тега»⁵.

* Сор — местное название мелководных заливов озера Байкал, отделенных от него песчаными островками-косами.

На основании полевого материала, собранного нами в 2019 г., в поселении Катра Тэк проживали семьи из следующих родов: Аятовы, Макаровы, Миляховы, Неттины, Новьюховы, Носкины, Отшамовы, Тасмановы⁶. В доверительном приговоре, составленном на собрании тегинского общества 3 октября 1929 г., обозначены представители родов Новьюховых и Неттинных⁷. В протоколах общих собраний граждан юрт Тегини: Гындышев, Макаров, Миляхов, Неттин, Новьюхов, Тасманов, Харамзин⁸.

Основателем поселения считается род Неттинных, по информации М. А. Неттиной-Лапиной, он же является главным хранителем тегинского божества *Тэк ики* (Тегинский мужчина)⁹. Тэк ики — дух-покровитель тегинской территории, именуемый также *бог Тэк ики, старик Тэк, богатый Тэк ики* и имеющий зооморфную ипостась пятнистой собаки и рыжей лисы. Его местом обитания считается территория истока Тегинской протоки¹⁰. В настоящее время эти места называют Шаманскими.

Поселение Катра Тэк располагалось на левом низменном берегу *Тэк посл* (Тегинской протоки; нынешнее название — Старотегинская протока), в 6 км от Малой Оби. Исследователь А. А. Дунин-Горкавич пишет, что Тегинская протока находится с левой стороны Малой Оби, верхнее устье протекает на 2 версты выше от Катра Тэк, нижнее — на 3 версты¹¹. В зимний период через Тегинское поселение, по данным того же автора, пролегла дорога до Обдорска через соры и луга и по Тегинской протоке, а в период навигации дорога проходила через временное стойбище Устрём¹². Поэтому на своей карте А. А. Дунин-Горкавич обозначил поселение Тегинския (Устремскія). Устрём располагается на берегу Малой Оби, что было очень удобно для исследователей и путешественников¹³. Ихтиолог Н. А. Варпаховский отметил, что владельцами являлись инородцы из Тегинских юрт Куноватской народной управы в количестве 15 человек¹⁴. В исторических источниках часто упоминается это поселение с отметкой о принадлежности к тегинской территории. Е. В. Перевалова пишет, что представители рода Новьюховых проживали в Устрёме¹⁵.

В досоветский период тегинские ханты вели полуоседлый образ жизни: Катра Тэк являлось постоянным (зимним) поселением тегинских хантов, временных (обычно летних) поселений у данной локальной группы было значительно больше. Это связано с тем, что каждый род имел свою территорию для временного проживания, в зависимости от того, какой тип традиционного хозяйства вела семья — рыболовство, охота или оленеводство. В основном тегинские ханты были рыболовами, соответственно, на этот период они переезжали на свои угодья, в Катра Тэк оставалось всего несколько семей и старики. Е. П. Мартынова в своем исследовании указывает на то, что для жителей Тегинской протоки основным

занятием была охота, а рыбный промысел отошел на второе место, оленеводство имело только транспортное значение¹⁶. М. А. Лапина считает основным занятием рыболовство, ссылаясь на место проживания тегинских хантов — Малая Обь и ее притоки, также фольклор, в котором этот вид промысла отражен более прочно¹⁷.

По полевым данным, в зимнем поселении проживало большое количество семей. Т. Г. Харамзин в автобиографическом повествовании также отмечает, что Катра Тэк был крупным поселением. Информации о количестве хозяйств нет. При проведении переписи населения в 1782 г. было обозначено, что в Тегинских юртах проживали 24 мужчины и 26 женщин¹⁸. Вероятно, ревизия прошла в одном из временных стойбищ тегинских хантов. При отметках на картах и описании поселения, возможно, также возникла путаница, потому что исследователи и путешественники не разделяли временные и постоянные поселения. На такой вывод наталкивает, например, маркер «Тегинская (Устрёмская)» на карте А. А. Дунина-Горкавича. В переписи населения, проведенной в 1926 г., в Тегинских юртах зарегистрированы 32 хозяйства, в которых проживали 189 остяков¹⁹.

После установления советской власти многие временные (летние) поселения приобрели статус стационарных. Подтверждение этому можно найти в личном дневнике жителя тегинской территории Семена Игнатьевича Новьюхова²⁰, а также в материалах корреспондента «Сталинской трибуны» Г. Н. Скрипунова, побывавшего в Кутлоп Тэк в январе 1941 г. Он сообщает, что местное население живет по две-три семьи в 18 юртах, расположенных вокруг Древних Тег на 150 км²¹.

После начала коллективизации сельского хозяйства в стране, которое коснулось всех, было образовано простейшее производственное объединение — колхоз «Путь Ленина» с хозяйственным центром в Катра Тэк. В октябре 1939 г. объединение стало рыболовецкой артелью²².

Катра Тэк окончательно потерял статус основного поселения тегинских хантов после перенесения хозяйственного центра оттуда в Кутлоп Тэк. Произошло это вследствие того, что при обследовании территории хозяйственного центра в 1940 г. было выяснено, что поселение располагалось в низменном месте на берегу Тегинской протоки, на незаливаемой, но имевшей характер заболоченной котловины гриве, которая тянулась вдоль протоки на 750 м, и имела в ширину от 100 до 150 м. Поэтому расширение колхоза там не представлялось возможным²³.

По другой версии, изменение места поселения было вынужденным вследствие того, что Катра Тэк располагался на протоке, которая к осени мелела, что доставляло проблемы при передвижении водного транспорта²⁴.

По данным 1940 г. в Катра Тэк насчитывалось уже 54 хозяйства, 300 человек, из них трудоспособных — 144, мужчин — 78,

женщин — 68. По национальному составу преобладали ханты²⁵.

В 1941 г. стационарное поселение было перенесено на правый берег Малой Оби. Официально название не поменялось, но ханты тегинской территории старое поселение обозначили как *Катра Тэк*, новое — *Тэк кэрт*²⁶.

После перенесения хозяйственного центра из Катра Тэк в поселении осталось четыре хозяйства, 18 жителей. В основном в древнем поселении остаются проживать только старики. Даже после следующего вынужденного переезда на новое место, в *Тэк курт* (нынешнее с. Теги), в Катра Тэк остались люди. По данным информантов, последней жительницей поселения была Мария (Матрена) Ивановна Неттина, которую все звали «слепой бабушкой»²⁷, «женщиной с бубном» (*куйтон нэ*), «женщиной, лечащей в темном доме» (*патлам хотэн ими*). Она проводила многие священные обряды, при которых могла лечить, гадать и общаться с духами; являлась носителем фольклора тегинских хантов²⁸.

Таким образом, выявлено, что поселение Катра Тэк было зафиксировано в 1782 г. в ревизских сказках во время 4-й переписи ясачных подданных. А на картах Российской империи, СССР, РСФСР и тех, что принадлежали зарубежным странам, поселение стало фиксироваться с 1792 г.

В XVIII в. поселение на картах отмечали просто — «Тегинские», затем до середины XIX в. появляется дополнительное обозначение — «юрты зимние», а также отметка «горт», что означает по-хантыйски «поселение», с середины XIX в. картографы используют уже и простое написание «Тегинские», и с видоизмененным хантыйским словом «курт», в середине XX в. появляется топоним «летние Древние Теги».

Развиваться и процветать поселение перестало после перенесения хозяйственного центра в 1941 г. из Катра Тэк в Кутлоп Тэк. По одним данным, связано это было с невозможностью укрупнить хозяйство рыболовецкой артели, по другим — из-за короткого периода навигации вследствие быстрого пересыхания протоки осенью. Вероятно, эти проблемы выступали в совокупности. В Катра Тэк еще долго проживали люди, затем статус поселения изменился со стационарного на временное (летнее). Подтверждение этому можно получить на картах, издававшихся с 1985 г., где поселение промаркировано как «летние Древние Теги».

Примечания

¹ Полевые материалы автора (ПМА1; экспедиция в с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Июнь — август 2019 г. Информанты: Г. М. Курганова (Новьюхова), ханты, 1947 г. р.; С. А. Неттин, ханты, 1952 г. р.; С. С. Вениаминова (Новьюхова), ханты, 1951 г. р.). Г. М. Курганова.

² Новьюхова Е. П. Устрём — поселение тегинских хантов // История, экономика, культура в трансграничных исследованиях Севера (Арктики) = History, Economics and Culture in cross-border studies of the North (Arctic) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ханты-Мансийск : Ред.-изд. сек. ЮГУ, 2019. С. 213–222.

³ Там же.

⁴ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 756. Л. 180.

⁵ Архивный отдел администрации Березовского района Тюменской области. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–69.

⁶ ПМА1: Г. М. Курганова, С. А. Неттин.

⁷ Государственный архив Югры. Ф. 321. Оп. 1. Д. 294. Л. 3.

⁸ Архивный отдел администрации Березовского района Тюменской области Ф. 17. Оп. 1. Д. 17. Л. 39–72.

⁹ Лапина М. А. Тэк ёх мончат-путрат. Сказки-рассказы тегинских людей. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. С. 8.

¹⁰ Неттина-Лапина М. А. Жизнь богатыря Тэк Ики (Легенды о хантыйском богатыре Тэк Ики). СПб. : Алфавит, 1997. С. 4.

¹¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. Т. 2: Этнографический очерк местных инородцев. М. : Либерия, 1996. С. 255.

¹² Там же. С. 257.

¹³ Новьюхова Е. П. Указ. соч.

¹⁴ Варнаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Тюмень : Мандрика, 2003. С. 123.

¹⁵ Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. С. 198.

¹⁶ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М. : Изд-во ИЭА РАН, 1998. С. 105.

¹⁷ Лапина М. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 756. Л. 180.

¹⁹ История населенных пунктов Югры : крат. науч.-популяр. справ. / сост.: Е. А. Зайцева, В. П. Клюева, С. Н. Щербич. Ханты-Мансийск ; М. : Перо, 2012. С. 35.

²⁰ ПМА1: С. С. Вениаминова.

²¹ Скрипунов Г. Н. На новостройке // Сталин. трибуна. 1941. 11 янв.

²² Архивный отдел администрации Березовского района Тюменской области. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–69.

²³ Там же.

²⁴ Лапина М. Йис Тэк курт // Ханты ясан. 2015. № 4 (3424). С. 11.

²⁵ Архивный отдел администрации Березовского района Тюменской области. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–69.

²⁶ Лапина М. Йис Тэк курт. С. 11.

²⁷ ПМА1: С. А. Неттин.

²⁸ Лапина М. А. Тэк ёх мончат-путрат... С. 8–9.

З. А. Шмидт, Н. С. Сидоренко

Развитие железнодорожного транспорта в России в конце XIX — начале XX века и проблема подготовки специалистов-техников (к истории железнодорожного училища станции Челябинск Оренбургской губернии)

История развития железнодорожного транспорта России представляется актуальным и востребованным направлением исторической науки. Подобные исследования позволяют проследить роль транспортного комплекса России в процессе модернизации страны. Геополитическое положение России и специфика ее территориального расположения обусловили особую роль железных дорог в транспортном комплексе страны. Благодаря развитию сети железных дорог создавались благоприятные условия для использования ранее недоступных природных ресурсов, возникновения новых отраслей производства, развития ее внутреннего рынка и расширения внешнеэкономических связей с другими странами.

В конце XIX в. в развитии транспортной системы России активизировался региональный вектор. Одним из проявлений этого явилось строительство железных дорог на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, имевшее не только серьезное экономическое, но и стратегическое значение. Важной датой на этом пути явилось правительственное решение от 6 июня 1887 г. о сооружении Транссибирской магистрали. Принятию данного решения предшествовала большая предварительная работа, в которой особая роль принадлежала трудам инженеров путей сообщения О. П. Вяземского, Н. Н. Меженинова и А. И. Урсати, руководивших изыскательскими работами. Изысканиями по сооружению Западно-Сибирской дороги, одной из семи в составе этого проекта, которая должна была пройти от Челябинска до Оби, руководил Николай Павлович Меженинов. Результатом изысканий стало определение окончательного направления трассы¹.

В 1888 г. было начато, а в 1891 г. завершено строительство Самаро-Уфимской, затем Челябинско-Омской дорог². Руководил работами инженер путей сообщения К. Я. Михайловский, его помощниками были П. С. Жуков и П. С. Мухлинский. 8 сентября 1890 г. был пущен в действие участок Уфа — Златоуст. 25 октября в Челябинске встречали первый поезд.

С 1896 г. устанавливалось прямое бесперезонное сообщение Западно-Сибирской дороги с дорогами Екатеринбург-Челябинской ветви Уральской дороги с применением общих пассажирского и товарного тарифов, а также «Общего устава российских железных дорог» и всех правил и положений, действующих на дорогах сети³.

В начале XX в. железнодорожное строительство на Южном Урале продолжилось, в 1911–1914 гг. были построены линии Синара — Шадринск, Оренбург — Орск, Челябинск — Троицк,

ряд крупных станций находились в стадии проектирования (Троицк — Орск)⁴.

Высокие темпы развития железнодорожного транспорта в 1860–1880-е гг. были характерны для страны в целом. При этом «железнодорожная горячка» сопровождалась активным устремлением частного капитала в эту сферу. Однако привлечение частного капитала при отсутствии продуманного законодательства, регулировавшего отношения в сфере строительства и эксплуатации железных дорог, породили серьезные проблемы. Убытки в строительстве и эксплуатации железных дорог ложились на казну, которая приплачивала по гарантии более 40 млн руб. в год⁵. В результате в 1879 г. общий долг частных железных дорог государственному казначейству достиг 175 млн руб., что составило $\frac{2}{3}$ дефицита государственного бюджета. При этом основная масса железных дорог была убыточна⁶.

Сооружение Транссибирской магистрали было решено осуществить на средства казны, не привлекая иностранный капитал. Важной стороной данного подхода явилось стремление избежать усиления зарубежного влияния.

Эксплуатация вводимых в действие железных дорог стимулировала формирование и развитие соответствующей системы подготовки кадров. Начало ее положило учреждение Института корпуса водяных и сухопутных сообщений, переименованного в 1810 г. в Институт корпуса инженеров путей сообщения⁷. Это было одно из первых в мире технических путейских учебных заведений. Лишь Франция с Парижской школой мостов и дорог, открытой в 1775 г., имела подобный опыт⁸.

Институт корпуса инженеров путей сообщения стал важнейшим звеном двухступенчатой системы подготовки кадров для транспортного строительства совместно с учрежденной в 1820 г. Военно-строительной школой, которая видела своей задачей подготовку техников-строителей для ведомства путей сообщения.

Профессорами института были подготовлены первые учебники для получения специальных знаний в области железнодорожного дела. Так, работа профессора П. Л. Мельникова «О железных дорогах» (1835) явилась первым учебным пособием в России по железнодорожному транспорту. Автор (будущий первый министр путей сообщения) ввел понятия «железная дорога», «стрелка», «разъезд» и многие другие, которые используются в профессиональном и общеупотребимом лексиконе до сих пор⁹.

Сравнительно новая профессиональная категория инженеров путей сообщения представляла

собой отрасль, весьма популярную в общественном сознании. В учебные заведения среднего и высшего профессионального образования по подготовке инженеров и служащих железнодорожного транспорта стремились попасть молодые люди разных социальных категорий. Одной из причин этого было то, что при общем недостатке железнодорожных технических кадров на административных должностях инженерам платили значительные оклады.

В то же время насущной потребностью были специалисты-техники для «второстепенной» железнодорожной службы (машинисты, телеграфисты, дорожные мастера). Нередко аварийность и повышенный травматизм среди железнодорожных служащих были связаны именно с отсутствием должной профессиональной подготовки рабочих и именно «второстепенной» железнодорожной службы.

Ответом на потребности развития железнодорожного транспорта явилось создание сети профессионально-технических училищ на железных дорогах страны. В 1869 г. появились первые специальные технические железнодорожные училища, готовившие средний технический персонал¹⁰. В 1870–1880-е гг. при активной поддержке директора департамента железных дорог Министерства путей сообщения А. И. Дельвига система училищ получает дальнейшее развитие¹¹. В апреле 1886 г. все железнодорожные училища, как казенные, так и частные, были переданы в ведение Министерства путей сообщения, что дало возможность централизованно и планомерно готовить нужное для министерства количество специалистов всех уровней.

К 1 января 1898 г. на службе при железных дорогах состоял 4671 человек. Большая часть выпускников железнодорожных училищ занимали должности паровозных машинистов (1190 человек), помощников машинистов (851) и дорожных мастеров (307)¹².

Интенсивное строительство сети железных дорог на Южном Урале в 1880–1890-е гг., содействовало превращению железнодорожной станции Челябинск Оренбургской губернии в крупнейшую станцию Уральского региона, а за Челябинском прочно закрепилось звание «ворота в Сибирь». К этому времени в Челябинске действовали три крупных по тому времени железнодорожных депо. Число рабочих Челябинского железнодорожного узла доходило до 1,5 тыс. человек¹³. Качественное обслуживание железной дороги требовало подготовки соответствующих кадров. Запрос на специалистов в этой сфере возрастал год от года. В этой обстановке в 1898 г. и открылось на ст. Челябинск двухклассное железнодорожное мужское училище.

Челябинское железнодорожное училище можно рассматривать в качестве типового учебного заведения в системе Министерства путей сообщения. В основу его деятельности легло «Положение о технических железнодорожных училищах» от 7 апреля 1886 г., в котором были

определены образовательные цели и рекомендации по контингенту учащихся. При наборе обучающихся преимущество отдавалось детям железнодорожных служащих, второстепенных техников для железнодорожной службы, машинистов, помощников машинистов, дорожных мастеров и др. Для поступления в училище абитуриенту необходимо было иметь свидетельство об окончании двухклассной сельской, уездной, городской или церковноприходской школы, а также сдать вступительные экзамены по русскому языку и математике. Учебный курс был определен сроком в три года с дальнейшим совершенствованием в избранной специальности. Обязательной частью обучения являлась двухлетняя железнодорожная практика¹⁴.

Курс теоретических знаний составляли: Закон Божий, первоначальная математика с основанием практического счетоводства и землемерием, общие понятия из физики, практические сведения из телеграфии, краткий курс общей механики и прикладная механика (описательная), краткий курс обработки дерева и металлов, начальные практические сведения по строительному делу, черчение начальное и специальное от руки и с помощью инструментов, чистописание, ремесла (слесарное, кузнечное и столярное), гимнастика и пение.

Правилами 1886 г. устанавливалось, что учебный процесс представляет собой сезонные работы. В зимнее время ученики, проходившие практику, не участвовали в работах, а потому назначались в канцелярию для ознакомления с составлением технических смет, отчетов, канцелярским порядком и служебной перепиской. Ученикам-практикантам назначалось жалование в 30 руб. ежемесячно, а для следования к месту работы выдавалась лошадь. Примечательно указание о том, что на время практической деятельности учащиеся «вверялись начальникам работ в попечение, как в техническое, так и в нравственное»¹⁵.

В начале XX в. педагогический процесс в железнодорожном мужском училище на ст. Челябинск осуществляли: законоучитель священник о. Александр Андреевич Земляничин, его помощник диакон Анатолий Александрович Аврамов, преподаватель Закона Божия римско-католического исповедания ксендз Фома Пашкевич; учителя: Никанор Артемьевич Швейкин, Феодания Ивановна Борчанинова, Клавдия Ивановна Мамкина, Галина Павловна Рыжкова, Евгения Ивановна Чиркова, Ольга Сергеевна Бекетова, почетный блюститель инженер Ю. А. Коссовский. В разные годы училищем заведовали инженер Галиновский (1890) Василий Савельевич Фролов (1909), Петр Петрович Бекетов (1912)¹⁶.

Железнодорожное училище ст. Челябинск располагалось на ул. Клубной, 42. Недалеко от училища, на ул. Клубной, 97, находилась железнодорожная женская школа под управлением заведующей Екатерины Константиновны Игнатьевой.

Здание мужского железнодорожного училища, открытое на исходе XIX в., сегодня является объектом культурного наследия. Построенное в стиле эклектики с элементами русского стиля, оно напоминает нам о славном и героическом пути развития железнодорожного транспорта страны и региона¹⁷. Современник той эпохи публицист и краевед В. А. Весновский, описывая внешний вид учреждения и его месторасположение, отмечал: «Оба учреждения относились к южной части города Привокзальной части Челябинска. Название улицы Клубной соответствовало построенному на ней Клубу железнодорожного собрания. Благоустройство Привокзальной части города, где находились учебные заведения, представляло довольно печальное зрелище: строения исключительно деревянные (каменных домов не более пяти), улицы не распланированы, не замощены, всюду непролазная грязь, тротуаров нет, по ночам освещалась лишь одна улица»¹⁸.

Несмотря на скромный внешний вид, оба училища выполняли важную общественную и государственную задачу. Подготовка кадров в железнодорожном училище осуществлялась в соответствии с государственной политикой в данной сфере.

Ввиду нехватки учебных заведений и педагогов практиковалось прохождение обучения будущими кондукторами, писарями, канцелярскими служащими учащимися на базе существующих железнодорожных училищ. В частности, в Челябинском железнодорожном училище практику проходили учащиеся Вышневолоцкого училища кондукторов путей сообщения на участках Уфа-Златоустовской и Златоуст-Челябинской железной дорог.

После освоения теоретического курса учащиеся железнодорожного училища получали аттестаты на звание кондукторов с последующим обязательным прохождением практических занятий в течение двух лет. Молодые специалисты в звании кондукторов поддерживались казенной стипендией и обязаны были прослужить в ведомстве четыре года. Во избежание отказа учеников от прохождения практической деятельности ведомства принимались незамедлительные меры для побуждения учащихся к выполнению возложенных на них училищем обязанностей¹⁹. Следует отметить, что практическая подготовка учащихся железнодорожных училищ была значительно выше подготовки выпускников многих других технических училищ.

Ученики-практиканты, признанные достойными звания кондуктора путей сообщения, получали аттестат, прошение на Высочайшее имя и документы (метрическое свидетельство, свидетельство о явках к отношению воинской повинности, рапорт начальника участка Златоуст-Масской железной дороги) для определения на государственную службу в официальном обращении начальника училища²⁰.

В своей деятельности руководители и преподаватели учебного заведения стремились форми-

ровать не только профессиональные умения, но и личностные качества будущих служащих железнодорожного транспорта, воспитывали ответственность и дисциплинированность, почтение к профессии железнодорожного дела, а также побуждали к основательному изучению технических и гуманитарных наук, творческих предметов. Показательным в этом отношении представляется факт, выявленный нами в документах училища, хранящихся в фондах ОГАЧО. Суть его в следующем:

Приведенный на практические занятия по изысканию Западно-Сибирской железной дороги практикант училища Сергей Сурский задолжал мещанке Варваре Тихомировой 35 руб. за квартиру в Волочке, с обещанием уплатить долг из получаемого им на практике содержания. При отъезде практиканта в Казань, перед мещанкой обязательство по контролю уплаты пришлось возложить на себя начальника училища, инженеру Галиновскому. Начальник училища обратился с просьбой к начальнику работ К. Михайловскому поручить Сурского особому надзору местного начальства, и в случае повторения с ним подобного, задолженностей с уклонением от уплаты в месте настоящего служения отнести к нему со всей строгостью, предупредив, что для получения звания кондуктора путей сообщения недостаточно одних знаний, но нужно обладать и надлежащими нравственными качествами²¹.

Внешний вид учащихся подвергался серьезному надзору и строго соблюдался в целях формирования дисциплинированности, ответственности, чувства принадлежности к «железнодорожной семье», отражая корпоративный стиль²². Ношение форменной одежды для учащихся начальных училищ регламентировалось правилами от 25 сентября 1898 г. Устанавливалось обязательное ношение форменной фуражки с козырьком, зеленым кантом по черному околышу и черной тульей с буквами «Н. У.» и наименованием дороги, помещенными в венке из дубовой и лавровой ветвей белого металла²³. Парадная и необязательная формы одежды также регламентировались. За соблюдением правил ношения формы строго следили. По воспоминаниям учащихся, «даже зимой... ходили в форме, валенки и шапки запрещались»²⁴.

Таким образом, история Челябинского железнодорожного мужского училища отражает часть чрезвычайно важного процесса развития железнодорожного транспорта России на рубеже XX в. — периода определенного сдвига центра тяжести экономического, социального и культурного развития страны от центра на восток с целью укрепления позиций России в Тихоокеанском регионе. Неотъемлемой частью решения этой задачи выступало транспортное освоение Урала и Сибири.

Помимо сооружения линий железных дорог это потребовало подготовки ряда технических специалистов — дорожных мастеров, кондукторов,

механиков и техников, бухгалтеров и счетоводов, ревизоров всех служб и др. Несмотря на то что в стране возникла сеть соответствующих учебных заведений, потребность в специалистах не была удовлетворена в полной мере, в то же время имевшиеся в наличии кадры сумели обеспечить, вместе с инженерами и рабочими, высокие темпы строительства железных дорог и успешную их эксплуатацию²⁵.

Деятельность Челябинского железнодорожного училища явилась основой для дальнейшего развития профессионального образования в Челябинске и регионе. В 1936 г. на его базе действовала дорожная техническая школа²⁶.

С 1950-х гг. в здании железнодорожного училища Челябинска размещалось дорожное отделение милиции на ЮУЖД, затем следственная часть Южно-Уральского линейного управления МВД на транспорте. Здание использовалось следственной частью Южно-Уральского УВД на транспорте до 2019 г. В настоящее время, по сведениям 74.ru, от использования данного здания управление отказалось, вследствие чего проводится подготовка к его продаже. Информация о продаже объекта должна появиться на сайте РЖД.

Здание бывшего двухклассного железнодорожного мужского училища Челябинска является объектом культурного наследия регионального значения, находится под государственной охраной и нуждается в сохранении как исторически ценный для региона объект. Однако на самом здании отсутствует какая-либо памятная доска, указывающая на столь высокий его статус, или информация о его первоначальном историческом назначении. Хочется надеяться, что данный памятник истории Челябинска, истории Южно-Уральской железной дороги как части Великого Сибирского пути будет сохранен. Ведь без подготовки специалистов-техников данным училищем наряду с другими движение по Сибирской железной дороге было бы невозможно.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

² *Липтневская И. В.* Роль Челябинского железнодорожного узла в развитии рыночных связей казенных заводов Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. // Челябинску — 260 лет : тез. докл. на краевед. конф., посвящ. юбилею города. Челябинск, 1997. С. 52.

³ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 5. Л. 473.

⁴ *Алферова Е. Ю., Бакунин А. В., Иванов В. П., Крючков М. Т.* Железнодорожный транспорт // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 198–199.

⁵ *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. : в 2 т. Т. 1. М. : ТЕРРА, 1997. С. 191.

⁶ *Лебедев А. В.* История транспорта России в XIX — начале XX века : текст лекций. Ярославль : ЯрГУ, 2011. С. 40.

⁷ История железнодорожного транспорта России : в 3 т. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб., 1994. С. 121.

⁸ *Виргинский В. С.* Возникновение железнодорожного дела в России до начала 40-х гг. XIX в. М. : Трансжелдориздат, 1949. С. 93.

⁹ *Лафин В. К.* Подготовка специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих для железнодорожного транспорта России в конце XIX — XX в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 1999. 19 с.

¹⁰ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. С. 124.

¹¹ *Иванова А. Ю.* Железнодорожные училища в системе образования России (вторая половина XIX века) // Наука и школа. 2010. № 1. С. 129.

¹² *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 35. СПб., 1902. С. 117–119.

¹³ *Скориков А. И.* Челябинск в энциклопедиях // Челябинск : энциклопедия. Челябинск : Камен. пояс, 2011. С. 983.

¹⁴ Положение о технических железнодорожных училищах, утвержденное 7 апреля 1886 г. с изменениями, утвержденными 26 декабря 1888 г., 8 апреля 1891 г. и 28 февраля 1894 г. мнениям Государственного совета. СПб., 1894. С. 1, 3.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–45.

¹⁶ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 год. Оренбург : Губерн. тип., 1912. С. 127.

¹⁷ Акт государственной историко-культурной экспертизы, обосновывающей принятие решения о включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия «Здание мужского училища», расположенного по адресу: Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Свободы, 175, Лит. А от 12.12.2016 г. (эксперт Т. И. Маевская). С. 5–7.

¹⁸ *Весновский В. А.* Весь Челябинск и его окрестности : карман. справ. Челябинск : Тип. Л. Б. Бреслиной, 1909. С. 115, 127–128.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3.

²⁰ Там же Л. 7–17.

²¹ Там же Л. 74–75.

²² *Сердюк В. А.* Из опыта формирования корпоративной культуры железнодорожников: учебно-воспитательная деятельность в школах и училищах Сибирской железной дороги (конец XIX — начало XX в.) // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2. С. 325.

²³ ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 7. Л. 30.

²⁴ Воспоминания В. М. Голованова, учащегося Томского технического железнодорожного училища в 1909–1914 гг. : [рукопись] / Архив Музея Томского техникума железнодорожного транспорта ; *Сердюк В. А.* Из опыта формирования корпоративной культуры железнодорожников: учебно-воспитательная деятельность в школах и училищах Сибирской железной дороги (конец XIX — начало XX в.) // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2. С. 325.

²⁵ *Алейников М. В., Гирепок С. Н., Мезенцев Р. В.* Влияние железнодорожного строительства на развитие системы профессионального образования в России // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 421.

²⁶ *Морозов Е. Г.* Учебных заведений ЮУЖД отдел // Челябинск : энциклопедия. Челябинск : Камен. пояс, 2011. С. 915.

А. А. Карпухина

Из истории Кустанайского реального училища по документам Государственного архива Костанайской области

В современном мире архивы — это не просто место хранения старых документов. Это удивительное средоточие истории и современности. Именно здесь по документам можно воссоздать забытую истину. Архивисты заинтересованы не только в сохранении исторических источников, но и в их использовании и популяризации. Сквозь призму документов мы пропускаем через себя их информацию и намного отчетливее понимаем значимость истории родного края. А зерно любопытства к историческому прошлому обязательно прорастает уважением к тем людям, которые творили нашу историю. А история предков, как отмечал в свое время П. Карамзин, всегда любопытна для тех, кто достоин иметь Отечество.

Настоящая статья посвящена теме образования в конце XIX — начале XX в. на примере Кустанайского реального училища, открытого чуть более ста лет назад¹. Стремительный экономический рост города не менее стремительно повышал спрос на интеллектуальный труд, а потому понятно привлечение общественной инициативы к развитию образования среди молодежи.

С разрешения министра народного просвещения в Кустанае было открыто реальное училище в составе двух младших классов. Согласно смете, был разрешен кредит на первоначальное обустройство мебели и учебными пособиями и устройством физического кабинета (в счет 20 тыс. руб.) Кустанайского реального училища — 3000 руб.² Чуть позже военный губернатор Тургайской области И. Страховский обращался к министру народного просвещения с прошением о необходимости выделения средств (не менее 40 тыс. руб.) на строительство здания реального училища в Кустанае³.

О торжественном открытии училища был составлен акт следующего содержания: «В благополучное царствование Его императорского величества государя императора Николая Александровича, в лето от Рождества Христова 1910-е распоряжением бывшего министра народного просвещения, ныне действительного тайного советника Александра Николаевича Шварца, 5 мая за № 13363 через господина попечителя Оренбургского учебного округа действительного статского советника Ф. Н. Владимировича предложено было открыть в городе Кустанае правительственное реальное училище»⁴.

После акта было приступлено к чтению поздравительных телеграмм, полученных от следующих лиц: епископа Феодосия («Призываю Божие благословение на учащихся и учащихся Кустанайского реального училища»), попечителя округа действительного статского советника Ф. Н. Владимировича («Приветствую открытие первого среднего учебного заведения в далекой Тургайской области, желаю ему правильного разви-

тия и процветания. Разделяю радость населения. Педагогическому персоналу — успеха в делах»), губернатора И. М. Страховского («Сердечно приветствую открытие училища, от души желаю его процветания на пользу всего Тургайского края»), члена Государственной Думы Е. П. Кавалевского («Желаю училищу процветания»). Кроме того, поздравительные телеграммы были получены от некоторых средних учебных заведений округа и частных лиц. После чтения поздравительных телеграмм для учащихся был устроен музыкально-вокально-литературный вечер.

С 1 августа Высочайшим указом на должность директора был назначен коллежский советник В. В. Петров, заведующий частным реальным училищем, председатель педагогического совета Кустанайской женской гимназии. Распоряжениями попечителя Оренбургского учебного округа сформирован первый личный состав преподавателей нового училища. Исполняющим обязанности законоучителя стал священник Иоанн Петрович Аржанов, окончивший Оренбургскую духовную семинарию; преподавателем обществоведения — Иван Михайлович Жуковский, кандидат естественных наук Императорского Новороссийского университета; преподавателем истории и русского языка — Николай Павлович Куборский, окончивший Императорский Харьковский университет; и. о. преподавателя французского языка — Гастон Виталиевич Уэ, окончивший Сорбоннскую гимназию; и. о. преподавательницы немецкого языка — Анна Михайловна Популоская, окончившая Казанский Родионовский институт со званием домашней наставницы; преподавателем графических искусств — Николай Васильевич Ильин, окончивший Пензенское художественное училище им. Сильверстова со званием «художник-пейзажист»⁵. Распоряжениями директора училища на должность помощника классных наставников был назначен Иван Евдокимович Никифоров, окончивший Оренбургскую русско-киргизскую учительскую школу; на должность письмоводителя училища — бывший помощник классных наставников Уфимского реального училища Николай Николаевич Левицкий, окончивший уездное училище; к и. о. учителя гимнастики временно допущен запасной сверхсрочный фельдфебель Севастьян Григорьевич Бельшин. Врачом училища назначен распоряжением господина попечителя Александр Васильевич Лавровский, окончивший медицинский факультет Императорского Казанского университета.

В конце июля 1910 г. через директора училища от некоторых жителей Кустаная поступило коллективное прошение на имя господина попечителя учебного округа об открытии подготовительного класса при реальном училище. Но по скудности собранных средств округ не нашел

возможным удовлетворить эту просьбу. Тогда горожане, не останавливаясь перед затратами для осуществления своей цели, собрали до тысячи рублей, и в результате к концу сентября на имя директора училища последовало распоряжение из округа об открытии пригготовительного класса при реальном училище с распределением уроков между наличным составом преподавателей. Таким образом, новоучрежденное реальное училище стало функционировать при трех классах: пригготовительном, первом и втором. Плата за право учения установлена была: для пригготовительного класса — в размере 45 р., для первого и второго — по 40 руб. за учебный год⁶.

3 сентября 1910 г. начались учебные занятия. Должностных лиц при училище значилось 11 человек; общее число учеников в реальном училище — 94. Они распределялись по классам так: в первом классе — 36, во втором — 35, в пригготовительном — 23 человека. По вероисповеданию среди учеников было 80 православных, 10 магометан, двое лютеран, римских католиков и иудеев по одному человеку. По сословиям они распределялись на сыновей личных дворян и чиновников (пять человек), духовного звания (трое), почетных граждан и купцов (двое), мещан (23); большинство учащихся составляли крестьяне⁷.

В общей сложности учащиеся изучали около 20 предметов, в том числе Закон Божий, немецкий и французский языки, математическую географию, арифметику, тригонометрию, специальный курс математики, естественную историю, законоведение, письмоводство и книговодство. Отдельно ставились отметки за гигиену, внимание, прилежание, поведение и число пропущенных уроков.

Из среды педагогического состава был сформирован хозяйственный комитет под председательством директора В. В. Петрова, членами вошли законоучитель священник И. Аржанов, преподаватель естествоведения И. Жуковский и преподаватель графических искусств Н. Ильин. Сосредоточив в своих руках хозяйственную часть, комитет приступил к снабжению училища мебелью, хозяйственными предметами, пособиями, к оборудованию физического, естественно-минералогического и прочих кабинетов в пределах сметы. Прежде всего наладили контакты с русскими и заграничными фирмами для выписки необходимых пособий. С разрешения попечителя округа большинство приборов для физического кабинета были выписаны из-за границы: фирма «Мейзер и Мертинг» из Дрездена выполнила заказов на 1940 марок, «Фолькмар» из Лейпцига — на 85 руб.⁸

Русское акционерное общество «Вакуум ойл компания», находящееся в Москве (Мясницкая, 20), согласно почтовому заказу, отправляла реальному училищу по накладной по пуду пылесвязующего средства «гаргойл флурит» (новинка Бактериологического российского фармацевтического общества), флурита (противомикробное средство) и запасной войлок. Торговым домом

И. Г. Стахеева из Елабуги для реального училища было отпущено восемь метров тифлисской бязи, механической мастерской И. Т. Бачинского — крюки для весов, желоба крашенные и из золотой жести, магазином А. А. Менщикова в Челябинске — фонари «Светоч» и резина для пневматических воздушных насосов⁹.

Отделение типографии «Русская книжная торговля и типография А. Г. Сыркина» в Варшаве приняло заказ на изготовление чучел птиц: иволги, голубя, фазана, чайки и других, получив 25-процентную скидку. Библиотекарю реального училища А. Мясникову Кустанайское казначейство выделило 45 руб. на приобретения пособий В. Богучарского «Великаны животного царства», Брэма «Китообразные», М. Слепцова «Змеи», П. Аникеева «Насекомые». Пособия высылались из Санкт-Петербурга книжным магазином «Новое время», там же приобретались географические карты, циркуляры, карточки «Отечественная война», свидетельства для отличников, похвальные листы на плотной бумаге и многое другое¹⁰.

Присылал пособия и книги в реальное училище и книжный магазин иностранной и русской литературы «Н. Киммель в Риге», который являлся поставщиком Его императорского высочества государя великого князя Николая Михайловича, поставлял также книги Императорской академии наук, Императорской публичной библиотеке, Гидрографическому департаменту Морского министерства Императорского вольного экономического общества, Императорскому Киевскому университету Св. Владимира, Императорскому Казанскому университету и существовал с 1763 г. Всего же в фундаментальной библиотеке училища значилось 46 названий учебных пособий на сумму 242 руб., в ученической библиотеке — 331 название на сумму 154 руб., наглядных пособий — 24 предмета на сумму 153 руб.¹¹

Год существования училища показал, насколько оно необходимо было для населения города.

Заведующим училищем В. Петровым при участии председателя крестьянских начальников Кенике, переселенческого чиновника Безобразова, ветеринарного врача Резе и других устраивались благотворительные вечера, охотно посещавшиеся местным обществом. Сбор с этих вечеров предназначался на удовлетворение нужд учащихся средних учебных заведений Кустаная. В течение учебного года училище посетил директор народных училищ Тургайской области Ронгинский, а затем окружной инспектор М. Языков.

Учебный год закончился экзаменами, произведенными с 17 по 25 мая под председательством командированного учебным округом в качестве депутата заслуженного преподавателя Троицкой мужской гимназии статского советника Соболева. Из 45 человек, оставшихся к концу учебного года, к испытаниям были допущены 42 ученика, из которых 34 успешно выдержали экзамены¹².

Здание бывшего Кустанайского реального училища, являющееся памятником архитектуры, имеет долгую и интересную историю. За время

своего существования, а это ни много ни мало более ста лет, внешний вид здания претерпел значительные изменения: было разрушено северное крыло. Главный фасад в первоначальном варианте находился на юго-западной стороне, чем и объясняется его богатый декор. Впоследствии здание было оштукатурено и побелено (кроме юго-западного фасада). В 1915 г. его занял под казарму 246-й запасной пехотный батальон, сыгравший свою роль в 1918 г. Год спустя отдел городского хозяйства и комендант Кустаная отвели здание реального училища под размещение войсковых частей. В разные годы в нем располагались Казахский педагогический техникум, Учительский институт, военный завод¹³. В начале 2000-х гг. на территории училища располагался филиал Казахского института правоведения и международных отношений, в настоящее время — Кустанайский гуманитарный колледж (пр. Аль-Фараби, 109).

Примечания

¹ В дореволюционной России и ряде других стран — среднее или неполное среднее учебное заведение, в котором существенная роль отводится предметам естественной и математической направленности. Прототипами реальных школ или училищ были практические учебные заведения, возникавшие в Европе еще в Средние века. В России инициатива устройства

реальных училищ исходила от частных лиц и возникла к началу 1830-х гг. Первоначально целью таких училищ ставилось только распространение «технических, непосредственно полезных для промышленной деятельности познаний», но затем она была расширена в сторону общеобразовательных знаний. После Октябрьской революции 1917 г. этот тип учебных заведений в России был упразднен. Вместо них в Советской России возникли близкие по задачам школы фабрично-заводского ученичества (прообраз системы ГПТУ 1960-х гг.), с 1923 г. — техникумы (как полноценные средние специально-технические учебные учреждения, ССУЗы).

² Из истории города Костаная : сб. док. Костанай, 2009. С. 166.

³ Там же. С. 167.

⁴ Училище является архитектурным памятником объемом в два этажа, из жженого кирпича на бутовом ленточном фундаменте, выполненным в стилизации, характерной для всего Уральского региона. Автор проекта В. Н. Чаплиц, строитель объекта инженер Ф. В. Володко.

⁵ Из истории города Костаная. С. 180.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ ГАКО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

⁹ Там же. Л. 84.

¹⁰ Там же. Л. 87.

¹¹ Там же. Л. 91.

¹² Там же. Л. 93.

¹³ Кустанайская область : энциклопедия. Астана, 2006. С. 585.

Д. С. Катаев

Астрономическая наука в Пермском университете в 1910–1920-е годы

В 2021 г. отмечается 60-летие первого полета человека в космос, состоявшегося 12 апреля 1961 г. Ныне Пермь является одним из основных центров космической промышленности России, что способствует развитию профильного высшего и среднего профессионального образования.

В Перми подготовка инженерных кадров высшей квалификации для космической отрасли ведется на аэрокосмическом факультете Пермского национального исследовательского политехнического университета; ведущим учреждением среднего специального образования по аэрокосмическому профилю является Пермский авиационный техникум им. А. Д. Швецова. Но крайне важно осветить первые шаги профессиональной астрономической и астрофизической науки в Прикамье, особенно при том, что они связаны с учеными, в дальнейшем получившими всесоюзное и мировое признание. И эти страницы истории образования и науки в Прикамье связаны со становлением в конце 1910-х — 1920-е гг. Пермского университета (ныне Пермский государственный национальный исследовательский университет — ПГНИУ).

Некоторые биографические сведения о профессорах Пермского университета, в том числе астрономах, астрофизиках и физиках, освещены в издании «Профессора Пермского государственного университета»¹. Обстоятельства становления физического факультета Пермского университе-

та и его предшественников раскрыты в книге «Физический факультет ПГУ (история становления и развития)»².

Документы, сохранившиеся еще с XVIII в., фиксируют научные наблюдения за звездами, планетами, Солнцем в Прикамье и на Среднем Урале. Наиболее заметными астрономическими событиями в истории Пермской губернии стали солнечное затмение (последнее с полной фазой, наблюдавшейся в Перми) и падение метеорита в Оханском уезде, произошедшие в августе 1887 г. с разницей менее чем в две недели. Однако источники, освещавшие данные события, показывают слабое развитие любительской астрономии в губернии. Так, консультантом редакции «Пермских губернских ведомостей» при подготовке цикла публикаций, посвященных затмению, выступил профессор Казанского университета Д. И. Дубяго³. Астрономия была одним из второстепенных направлений деятельности Уральского общества любителей естествознания, созданного в 1870 г., при том что не находится свидетельств существования какого-либо заметного неформального общества любителей, специализирующегося на астрономии. В целом любительская астрономия России до начала XX в. являлась занятием не организованных в какие-либо общества одиночных энтузиастов, и Урал в этом отношении не был исключением.

Сильно ситуацию изменило создание в октябре 1916 г. Пермского отделения Императорского Петроградского университета (с июля 1917 г. — Пермский университет), который с первых годов существования стал одним из центров астрономической науки на Урале. При университете были созданы физико-математическое общество и астрономический кабинет.

Создаваемый в условиях продолжающейся Первой мировой войны, революционных событий Пермский университет принял ученых из Петрограда и Юрьева. Среди ученых-астрономов первых годов существования университета были также выпускники Московского, Казанского и Варшавского университетов. Но мощным ударом для развития молодого университета и в частности астрономической науки в нем стали уже события Гражданской войны, наиболее важное из которых — эвакуация университета в Томск, осуществленная в марте 1919 г.

И первым ректором университета стал именно ученый-астроном — Константин Доримедонтович Покровский (1868–1944), исследователь объектов Солнечной системы, специализировавшийся на изучении комет. Выпускник физико-математического факультета Московского университета, он много лет работал в Юрьевском университете. 28 октября 1916 г. К. Д. Покровский был допущен управляющим Петроградским учебным округом А. Остроумовым к чтению лекций на физико-математическом факультете Императорского Петроградского университета⁴. В 1918 г. дважды просил совет Пермского университета об освобождении от должности его ректора «ввиду усталости от двухлетней сложной организационно-правовой работы». Прошение было удовлетворено в мае 1918 г.⁵ В марте 1919 г., в ходе эвакуации Пермского университета в Томск, К. Д. Покровский был командирован в Омск, а позднее — на Южный Алтай для осуществления астрономических наблюдений⁶.

В 1918–1920 гг. в Пермском университете работал Александр Александрович Фридман (1888–1925) — математик и астрофизик, выпускник физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, во второй половине XX в. признанный основоположником теории нестационарной Вселенной. В 1913–1914 гг. работал в Пулковской обсерватории, в 1914–1917 гг. служил в действующей армии, воевал на фронтах Первой мировой войны. 15 сентября 1918 г. А. А. Фридман был назначен заведующим хозяйством Пермского университета⁷. В марте — июне 1919 г. находился на службе в Колчаковской армии⁸. 1 октября 1919 г. избран деканом сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского университета, в подчинении которого временно находились физико-математические подразделения вуза⁹.

Еще один заметный ученый-астроном, работавший в Пермском университете в первые годы его существования, — Сергей Владимирович Орлов (1880–1958), выпускник физико-математиче-

ского факультета Московского университета. С 1914 до ноября 1917 г. он служил в действующей армии, службу завершил подпоручиком артиллерии¹⁰. 11 августа 1920 г. был единогласно избран профессором по кафедре астрономии и геодезии¹¹. В Пермском университете С. В. Орлов работал в 1920–1922 гг., возглавлял кафедру астрономии и физики. В дальнейшем руководил Государственным астрономическим институтом им. П. К. Штернберга.

Также в Пермском университете читал лекции по астрономии Борис Михайлович Щиголев (1891–1976), выпускник физико-математического факультета Варшавского университета. В Пермском университете он работал с 1919 по 1921 г. В дальнейшем стал одним из основателей Астрофизического института Наркомпроса (в 1931 г. вошел в состав Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга).

Но наиболее важный период развития астрономического образования в Пермском университете 1920-х гг. связан с именем Александра Николаевича Нефедьева (1887–1929), выпускника физико-математического факультета Казанского университета (1910). С 1923 по 1927 гг. он читал в Пермском университете лекции по описательной и теоретической астрономии, высшей геодезии. На должность профессора по кафедре астрономии ПГУ был рекомендован К. Д. Покровским. Именно А. Н. Нефедьев стал инициатором создания при Пермском университете обсерватории, проект которой рассматривался в 1927 г.

Вопрос создания обсерватории был актуализирован пожаром 1927 г., последствия которого вызвали необходимость реконструкции главного корпуса университета в городском районе Заимка (ныне — корпус № 2 ПГНИУ). Всего на работы по восстановлению требовалось 130 тыс. руб.¹² Тогда же руководитель астрономического кабинета Нефедьев в докладной записке в Пермскую окружную плановую комиссию указывал, что для обустройства обсерватории только на приборы необходимо 7000 руб.: 4000 руб. — на пассажные инструменты, 2500 руб. — на астрономические часы, 500 руб. — на хронограф¹³. Также для устройства обсерватории необходимо было установить телескоп-рефлектор и антенны для радиотелеграфных приборов. В дальнейшем Нефедьев уточнил необходимую комплектацию новой обсерватории, которая должна была быть оборудована лабораторией радиотелеграфного времени, чтобы «астрономическая обсерватория могла вступить в число корреспондентов союзных, германской и французской служб времени».

Для установки главного телескопа-рефлектора на мансардном этаже главного корпуса университета должна была быть построена площадка с вращающимся куполом, то есть строительство обсерватории прямо увязывалось с реконструкцией главного корпуса университета после пожара. Сам кабинет астрономии в то время располагался в малом здании «мешковского комплекса» (ныне — корпус № 3 университета), упо-

миналось наличие отдельного астрономического павильона на Заимке.

Таким образом, уточненная смета на обустройство обсерватории была следующей¹⁴:

№ п/п	[Приборы]	Цена, руб.
1	Пассажный инструмент с безличным микрометром	2300
2	Астрономические часы типа Rieflera или Zeigau	1500
3	Хронограф, приспособленный для регистрации радиосигналов с числом переув менее трех	400
4	Универсальный инструмент	1500
5	Приборы Штернека для определения относительной силы тяжести	1500
Всего		7200

Также А. Нефедьев обращал внимание на тот факт, что астрономический кабинет ПГУ уже «обладает ценнейшей библиотекой директора Пулковской обсерватории Баклунда и астронома Зейбота, которая... начала пополняться заграничными изданиями».

Кроме образовательного значения (в первую очередь, для студентов педагогического факультета университета) проектируемое строительство обсерватории обосновывалось ее необходимостью при картографировании территории Прикамья, создании сети радиосвязи. Однако осуществленная реконструкция главного корпуса университета все же не предусматривала создание обсерватории, а последовавшая в 1929–1930 гг. реорганизация сильно ослабила материально-техническую и кадровую базу данного вуза. Вопрос создания обсерватории, таким образом, стал неактуальным.

Из астрономов, работавших в Пермском университете уже в ходе его реорганизации на рубеже 1920–1930-х гг., стоит отметить Константина Константиновича Дубровского (1888–1956). Выпускник Санкт-Петербургского Императорского университета, в 1928–1933 гг. он являлся профессором кафедры астрономии и геодезии Пермско-

го университета. Последующая его профессиональная карьера связана с г. Горьким¹⁵.

В дальнейшем Пермский государственный университет не имел какого-либо образовательного направления по астрономической специализации, исследовательские работы по небесной механике проводились механико-математическим факультетом. С 1960-х гг. астрономическое просвещение в Перми, ориентированное и на детей, и на взрослых, связано в первую очередь с Пермским планетарием. В свою очередь во второй половине XX в. Пермь стала одним из ведущих центров в стране по подготовке кадров для аэрокосмической отрасли, и, как уже выше было указано, основную роль в этом играет Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Но события первых пятнадцати лет существования Пермского университета являются яркими страницами истории астрономической науки и астрономического просвещения. Они связаны с именами ученых-астрономов, внесших весомый вклад в советскую астрономическую науку. А проект создания астрономической обсерватории в Перми в аспекте развития учреждений высшего образования и науки на Урале опередил время: первой астрономической обсерваторией на Урале стала Коуровская при Уральском государственном университете, открытая в 1965 г.

Примечания

¹ Профессора Пермского государственного университета. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. 432 с.

² *Сорокин М. П.* Физический факультет ПГУ (история становления и развития). Пермь, 2006. 132 с

³ Перм. губерн. вед. 1887. № 61.

⁴ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 260. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 108.

⁷ Там же. Д. 385. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 22 об.

⁹ Там же. Л. 26.

¹⁰ Там же. Д. 256. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Там же. Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 174. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Профессора Пермского государственного университета. С. 63.

А. А. Абрамовский

Челябинская судебная система вековой давности

Сто лет назад на территории Челябинской губернии функционировала сложная и многообразная судебная система. В первую очередь плодотворно работала чрезвычайная и специальная юстиция. Продолжал выносить приговоры губернский революционный трибунал, образованный в первые месяцы после освобождения края от колчаковщины. В это время чрезвычайный суд возглавлял Г. Г. Морозов. «С декабря 1920 г. я по настоящее время предгубревтрибунала, — писал Георгий Георгиевич. — Вследствие чего по административной, а в последнее время и по

судебной деятельности, я приобрел некоторый навык. Но соответствую ли я настоящей деятельности, это вопрос другой. Я прошел лишь начальную школу и считаю себя малограмотным, что неизвестно и Верхтриб (Верховный трибунал. — А. А.). А потому полагаю, что предгубревтрибунала должен быть более грамотным, чем я»¹. С такой самокритичной оценкой в общем-то была согласна и губернская партийная власть. «С работой справляется удовлетворительно, для административной должности наиболее подходит. Чувствуется недостаток общего развития», —

отмечалось в партийной характеристике Морозова в октябре 1922 г.²

С апреля 1921 г. заместителем председателя губревтрибунала стал бывший заведующий секретным отделом губЧК Ф. Ф. Березкин, он же возглавил и партийный суд Челябинского губкома РКП(б)³. В декабре 1921 г. в коллегии чрезвычайного суда входили: председатель Г. Г. Морозов, его заместитель Д. Ф. Татаркин, члены: А. И. Зябкин, А. К. Дьяков, А. Я. Шалапин, Д. И. Жихарев, И. В. Качинский, Т. А. Коробейников; временные члены: Л. П. Ильинский (с 31 марта по 17 июля 1922 г. — постоянный чиновник трибунала⁴, в 1918 г. комиссар просвещения Челябинского военно-революционного комитета) и М. А. Климович⁵. Одной из форм деятельности трибунала являлись его выездные сессии. Так, например, в 1921–1922 гг. одну из них постоянно возглавлял Г. П. Фоминых, будущий председатель Челябинского окрисполкома⁶, другую — бывший член Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов И. С. Солодовников.

Деятельность трибунала проиллюстрируем на примере четырех месяцев (с марта по июнь) 1921 г. В производстве находилось 1103 дела, из них рассмотрены две трети — 733 (66,5 %). Назначены следующие наказания: принудительные работы с лишением свободы — 123 приговора (15,4 %), лишение свободы — 121 (15,1 %), штраф — 50 (6,3 %), условное наказание — 150 (18,8 %); оправдательных приговоров вынесено 353 (44,3 %). Таким образом, всего были осуждены 797 человек, из которых почти половина были оправданы⁷.

В целях упорядочения чекистской карательной деятельности в Челябинске 12 марта 1920 г. губернским советом народных судей был сформирован суд при губЧК⁸. Первым судьей при ЧК Челябинска стал Н. А. Васильев, назначенный на этот пост 14 марта 1920 г. на совместном заседании президиума губернского народного суда и коллегии губЧК, а с 4 августа 1921 г. — уполномоченный чрезвычайной комиссии П. С. Крылов. Суд размещался в Челябинске по адресу: ул. Васенко, 2. В состав суда вошли и народные заседатели (Ананьин, Бугров, Бухарин, Гребнев, Зиновьев, Игнатьев, Казаков, Кирзачев, Козленко, Лоренсова, Мальцев, Мельников, Орлов, Потапов, Протасов, Романенко, Скуловский, Тарасов, Черкунов): одиннадцать рабочих, семь служащих советских учреждений города и один крестьянин из уезда. Коммунистами являлись четверо, высшее образование имел один, среднее — трое, начальное — десятеро, пятеро не имели никакого образования⁹.

Данный чрезвычайный суд разбирал преимущественно дела контрреволюционного характера. Так, например, в 1920–1921 гг. было рассмотрено 756 дел по обвинению в контрреволюционной агитации. Необходимо признать, что большая часть дел уже тогда (до «Большого террора») возбуждалась за бытовые разговоры, в ходе которых высказывалась острая критика и

недовольство советской властью, в первую очередь продовольственной политикой. Определенным образцом чекистского правосудия служит дело рабочего Кусинского завода С. Т. Рябинина. В марте 1921 г. в дер. Кутлаковке он в присутствии председателя сельсовета и двух обывателей говорил о том, что советская власть плоха и у них в Кусинском поселке убирают с ответственных должностей коммунистов. Рябинин, обвиненный в том, что «посредством агитации и распространения слухов старался подорвать авторитет и возбудить недовольство к советской власти и РКП[(б)]», был приговорен к двум годам исправительных работ. Казак Уйской станицы Ф. Баженов был приговорен «за агитацию против хлебной разверстки к 2 годам заключения в концентрационном лагере», уйский же казак Ф. И. Фомин за контрреволюционную деятельность и участие в арестах советских деятелей — к десяти годам лишения свободы¹⁰.

Часть дел возбуждалась по анонимным доносам, в том числе и в отношении церковников. Так, например, в начале 1920-х гг. чекистским судом привлекались к ответственности священник Н. А. Шепетов и епископ Дионисий. Ввиду отсутствия доказательств оба были оправданы. Всего за 1920–1921 гг. были оправданы 215 человек, обвиняемые в контрреволюционной пропаганде, а осуждены 360 преступников¹¹.

Кроме того, в Челябинской губернии были созданы специальные военные суды — полковые. В 1921 г. в данный сегмент входили судебные учреждения Челябинского, Троицкого, Кустанайского караульных батальонов, Курганского уездного военкомата, 146-го Челябинского и 6-го Курганского эвакуационных пунктов, а также отдельного полка Троицкого укрепрайона.

После Гражданской войны была восстановлена и система общих народных судов. В губернии организовано 67 судебных участков, в том числе в Челябинске — 3 (причем не был «замещен один участок»), в Челябинском уезде — 10 (1), в Миассе и его районе — 4 (3), в Кургане и уезде — 13 (1), в Троицке и уезде — 7 (4), в Кустанае и уезде — 2. Таким образом, как отмечал в своем отчете отдел юстиции губревкома, «постоянное отправление суда происходит в 40 участках, из остальных 27, большую половину в уездах Кустанайском и Верхнеуральском следует считать начатой, и лишь в 10–12 участках нет народных судей, избрание которых зависит от горуездисполкомов. В этом отношении горуездкомы жалуются на отсутствие подходящих кандидатов»¹².

К середине 1921 г. штаты всех 12 судебных и 6 следственных участков Троицкого уезда были укомплектованы. Участковыми судьями являлись Давид Семенович Чикунев (4-й участок), Михаил Никитович Васильчиков (8-й участок), А. И. Угрюмов, П. Н. Туринева, А. В. Перминов, Полянцева, Евдокимов. Вскоре двое последних за службу в колчаковских следственных комиссиях в июне 1921 г. были отстранены от должности.

Нам удалось установить ряд судебных участков в Курганском уезде. Так, в с. Чернавском был образован судебный участок № 3. В его юрисдикцию вошли Глядянская, Чернавская, Половинская, Михайло-Архангельская, Утятская и Нижне-Алабужская волости. Возглавил судебное учреждение Роусин. Через год в Чернавском был сформирован еще один участок — № 5. Первым народным судьей стал Сергей Иванович Матвеев. В с. Утятском создан судебный участок № 4 (Утятская, Меньшиковская, Чесноковская и Митинская волости), судья — И. С. Бутаков¹³.

В Шадринске и уезде было сформировано два городских и двенадцать сельских судебных участков. Так, одним из городских судей стал Николай Дмитриевич Чернавин, судьей 3-го участка (юрисдикция — дер. Макарова, Батурино, Кабанье и Осиновка) — Федор Иванович Вахрушев, другого (с. Ольховка, Вознесенское и Воденникова) — Николай Александрович Макаревский¹⁴.

Иллюстрацией объема судебной нагрузки того времени служат отчеты народных судей. Судья 8-го участка Троицка М. В. Васильчиков отчитывался: «С 1 по 28 марта 1921 года было 18 судебных заседаний. Рассмотрено уголовных 68, гражданских 49, бракоразводных 15. Всего 132 дела. Нерассмотренных до 150 дел»¹⁵.

В 1921 г. только в одном четвертом квартале в производстве всех народных судов региона находились 9171 уголовное дело, 3597 гражданских, 932 бракоразводных. В ходе 1105 заседаний были осуждены 2470 человек, оправданы 1569. К лишению свободы приговорены 1282 человека, в том числе 577 (45,0 %) — к условной мере, 667 — к принудительным работам без лишения свободы, 77 — к общественному порицанию, остальные — к другим видам судебной репрессии. Даже если предположить, что по одному делу проходил только один субъект (а это, конечно же, было не всегда так, потому что существовала групповая преступность), то в народных судах региона не было рассмотрено и половины дел (44,0 %). При этом более трети подсудимых (38,8 %) были оправданы¹⁶.

Высшей территориальной судебной властью в Челябинском регионе являлся губернский совет народных судей, созданный губревкомом 28 октября 1919 г. В 1921 г. председателем губсовнарсуда стал В. И. Планков, было созвано заседание обновленного президиума (В. И. Планков, К. В. Белобородов, Б. А. Письменный и О. А. Попов) по распределению функций каждого судебного чиновника. Общее руководство работой губсовнарсуда и судебно-следственного подотдела вверялось Планкову, заведование уголовным отделением возлагалось на Белобородова, гражданским — на Попова, Письменному поручалась подготовка дел к рассмотрению в сессиях губсовнарсуда, а также «ревизия нарсудов и нарследователей по поручению коллегии губсовнарсуда»¹⁷. На Втором губернском съезде судебных работников в июне 1921 г. председателем губнарсудей был избран В. М. Зайковский,

ранее работавший судьей 2-го участка Челябинска и окончивший в Омске краткосрочные юридические курсы.

При Челябинском губернском совете народных судей особая сессия по рассмотрению «более крупных уголовных и гражданских дел, как-то: людоедство, конокрадство, взяточничество иски по расторжению договоров и т. д.» была образована 2 февраля 1921 г.¹⁸ Имеется архивный документ, иллюстрирующий работу сессии за одиннадцать месяцев 1921 г. «Рассматривались дела за хищение и кражу, нарушение декрета о продналоге, убийства, политические преступления, саботаж, дезертирство (военное)... Всего поступило дел — 1090, из них по дезертирству 1011 (92,8 % — А. А.), приговорены: к лишению свободы — 137, лагерь принудительных работ — 137, принудительные работы без лишения свободы — 118, условно — 115...», — констатировалось в документе¹⁹. Скорее всего, это была сессия под председательством Попова, так как в апреле 1921 г. президиум губсовнарсуда постановил: «Впредь до запасного народного суда по гор. Челябинску поручить рассмотрение дезертирских дел» вышеуказанному судье²⁰.

Четвертого сентября 1919 г. была создана губернская комиссия по борьбе с дезертирством (комдез), дислоцировавшаяся в доме на углу улиц Сибирской (ныне ул. Труда) и Большой (Цвиллинга). Ее возглавил И. С. Солодовников. На следующий год в губернии функционировало уже пять уездных и около ста станичных и волостных комдезов²¹. В состав комиссий, как правило, входили чиновники разного уровня из ревкомов, партийных структур, военных комиссариатов и милиции. До создания революционных трибуналов на освобожденных от белогвардейцев территориях постановлением Совета труда и обороны от 29 марта 1919 г. губернским комдезам предоставлялось «право рассмотрения дел о дезертирстве с наложением взысканий и наказаний на виновных»²². Немалая часть санкций была вынесена при личном участии председателя отделения губревтрибунала при губернской комиссии по борьбе с дезертирством И. М. Либуркина.

Таким образом, сто лет назад весьма разветвленная система общих судов, на которую падал основной вал дел, дополнялась территориальными трибуналами, чекистским правосудием, разнообразными военными установлениями и другими учреждениями, обладавшими правом вынесения приговоров.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 469. Л. 6.

² Там же. Л. 2.

³ Абрамовский А. П., Кобзов В. С., Вериго Е. А. Челябинский областной суд. 70 лет : ист. очерк. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 176.

⁴ ОГАЧО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 159. Л. 9, 11.

⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 319. Л. 47.

⁶ Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов : в 2 т. / гл. ред. А. П. Финадеев. Т. 2: 1917–1941.

Челябинск, 2008. С. 44.

⁷ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 98. Л. 7.

⁸ Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997. С. 146.

⁹ Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Указ. соч. С. 146; Семенов А. И. Народный суд при Челябинской губернской ЧК: юридическая основа создания и формирования аппарата // Проблемы деятельности органов внутренних дел: история и современность: материалы кафедр. науч.-практ. конф. / редкол.: Е. П. Сичинский и др. Челябинск, 1998. С. 36–37.

¹⁰ Шибанов Н. Зеленая война: ист. очерки. Челябинск, 1997. С. 26, 28.

¹¹ Семенов А. И. Органы суда и следствия на Южном Урале в 1919–1921 гг. // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Конституции РФ: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск, 2003. С. 124.

¹² Кобзов В. С., Семенов А. И. Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны. Челябинск,

2002. С. 100.

¹³ В храме правосудия: книга об истории судов города Кургана и Курганской области / ред.-сост. А. М. Кудрявцев. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2004. С. 352.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Аблина Н., Ларичева Т. Страницы истории Троицкого окружного суда // Вперед. 2004. 22 июня. С. 6–7.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 96. Л. 249–250.

¹⁷ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

¹⁸ Там же. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 30. Л. 116.

¹⁹ Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 124. Л. 40.

²⁰ Там же. Д. 95. Л. 31.

²¹ Паныкин С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. Т. 3. Челябинск: Камен. пояс, 2008. С. 324; Освобождение Южного Урала от белогвардейских войск: метод. рек. в помощь лекторам, учителям, слушателям нар. ун-тов, студентам ист. фак. / сост.: В. С. Семьянинов, В. С. Кобзов. Челябинск, 1989. С. 39.

²² Декреты советской власти. Т. 4: 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 540.

Н. Т. Агунизян, Н. В. Гришина

Центральный парк культуры и отдыха города Челябинска: проект — обсуждение — воплощение (1930-е гг.)*

Челябинский городской бор и р. Миасс, протекающая через город, являются объектами постоянного внимания горожан. Они и образцы для гордости, и примеры нерационального природопользования, и источники конфликтов между местной властью и жителями города. То есть лес и река являются частью актуальной городской повестки. Проект Центрального парка культуры и отдыха Челябинска интегрировал оба эти природных объекта, что актуализирует обращение к материалу, связанному с созданием парка.

Целью исследования является изучение истории создания центрального парка культуры и отдыха Челябинска как части городского пространства.

История создания челябинского парка культуры и отдыха практически не изучена, однако существуют исследования, посвященные феномену советского парка. В работах Л. Н. Девятовой¹, К. Кухер², Н. Л. Шайгардановой³, А. А. Зеленик⁴, Е. В. Барышевой⁵ идет речь о специфике и символизме советских парков культуры и отдыха 1920–1930-х гг. Обращение к этим исследованиям позволяет вписать челябинский парк в пространство советской досуговой культуры. Советская власть изначально находилась в поиске адекватных новой идеологии способов организации досуга. Парки культуры и отдыха, массово создававшиеся с конца 1920-х гг., являлись не просто местами гуляния, а пространствами для полезного времяпрепровождения и политического воспитания.

Идея сочетать рекреационную и воспитательную функции в парках появилась на рубеже 1920–1930-х гг. Согласно разъяснению отдела культуры Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР, парком культуры и отдыха является «учреждение, организующее политико-воспитательную работу в сочетании с отдыхом и оздоровлением трудящихся»⁶. Для советской архитектурной политики были свойственны типовые проекты зонирования парков, которые включали в себя стандартный набор секторов. Парки должны были стать универсальными, доступными культурно-просветительскими учреждениями. При этом, безусловно, стояла задача адаптировать типовые проектные решения к местным ландшафтам и практике развития конкретных городов.

Парк культуры и отдыха в Челябинске, с одной стороны, должен был стать связующим элементом для разрастающегося города, способствовать созданию нового центра города, имея выходы ко всем районам. С другой стороны, с помощью парка предполагалось интегрировать в городское пространство лесной массив, непосредственно примыкающий к жилой застройке, а также систему водных объектов. Эти условия вносили индивидуализирующее начало в типовой советский парковый проект.

Реконструкцию начальной истории ЦПКиО Челябинска от проекта до первых шагов по его воплощению позволяют осуществить документы, хранящиеся в нескольких фондах ОГАЧО⁷. Фонд Р-185 Челябинского городского финансового отдела включает в себя материалы за 1923–1956 и 1939–1956 гг. Городской финансовый отдел контролировал деятельность районных финансовых

* Исследование выполнено в рамках проекта «Индустриальная эволюция в лесной отрасли в старопромышленных регионах на примере Урала во второй половине XX века» конкурса проектов «Зеркальные лаборатории» (2020, № СС/044-2020).

отделов, учреждений, организаций и предприятий, а также обеспечивал плановое финансирование народного хозяйства города, мобилизацию денежных масс. Основу фонда составляют приказы, бюджеты, объяснительные записки к отчетам об исполнении бюджета, росписи доходов и расходов. Фонд Р-485 Статистического управления Челябинской области за 1934–1960 гг. содержит делопроизводственную документацию, а именно: приказы, штатные расписания, сметы расходов, финансовые отчеты учреждений. В 1934 г. был создан аппарат по организации Челябинского областного управления народнохозяйственного учета (УНХУ), который вел статистику по отраслям народного хозяйства и культуры области, контролировал выполнение государственных планов и отчетность учреждений. Фонд Р-964 Плановой комиссии исполнительного комитета Челябинского городского Совета народных депутатов сконцентрировал в себе материалы по планированию бюджетов, составлению годовых и квартальных планов учреждений. Плановая комиссия была организована в 1935 г. Ее деятельность контролировал до 1938 г. исполнительный комитет Челябинского городского Совета народных, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, а с 1939 г. — исполнительный комитет Челябинского городского Совета народных депутатов. Плановая комиссия занималась вопросами планирования всех отраслей городского хозяйства и культурной работы. В фонде Р-1588 отдела культурно-просветительной работы исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся отложились приказы, решения, протоколы, годовые планы и отчеты отдела. Таким образом, комплекс делопроизводственной документации, включающий в себя списки и годовые отчеты о работе ЦПКиО в 1934 г.⁸, объяснительную записку к проекту планировки парка культуры и отдыха от 1935 г.⁹, финансовый план Челябинского парка культуры и отдыха¹⁰, отражает идеологические, финансовые и культурные основы парка.

К сожалению, не все документы сохранились, и не все схемы (карты), прилагаемые к плану парка, были переданы на хранение в ОГАЧО. Все же имеющийся материал дает представление о том, как должно было происходить строительство «большого» парка и какую значимую роль в проекте отводили природному компоненту. Дальнейшую историю парка после его строительства отражают отчеты начиная с 1934 г. Сохранились отчеты, составленные до начала 1940-х гг., далее имеются хронологические лакуны, и проследить непрерывно по годам динамику роста или упадка парка не представляется возможным. Отчеты представляли собой бланки, на заполнение которых предоставлялось пять дней. Бланки заполнялись в трех экземплярах, в них давалась подробная информация о площади территории, содержании секторов и финансовой стороне (доходах и расходах) работы парка. Один экземпляр отчета оставался в парке, второй заполненный

экземпляр возвращался в областное, краевое УНХУ, третий передавался в учреждение, в ведении которого находился парк.

Главными архитекторами челябинского парка культуры и отдыха были члены Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) М. И. Прохорова и Л. С. Залеская. Ассоциацию возглавлял их преподаватель — архитектор Н. Ф. Ладовский, который был основоположником архитектурного рационализма. В первую очередь Ладовский обучал будущих архитекторов не смотреть на образцы, чтобы не копировать материал, а создавать нечто оригинальное и новое. М. И. Прохорова и Л. С. Залеская следовали этому принципу даже в типовых проектах садово-ландшафтной архитектуры. Они старались учитывать местные особенности ландшафта и природные условия, таким образом, закладывая в каждый создаваемый ландшафтный проект индивидуальную особенность предлагаемого пространства.

М. И. Прохорова и Л. С. Залеская стали основоположниками советской ландшафтной архитектуры в конце 1920 — 1930-е гг. В рамках данного архитектурного направления специалисты были ориентированы на работу с имеющимися естественными ландшафтами и на создание искусственного ландшафта, который должен был заменить разрушенный природный ландшафт¹¹.

Над проектом ЦПКиО работали не только архитекторы, привлекались также инженеры И. И. Кланг, Д. Т. Данилов, А. И. Наумов, Л. Б. Луц. В проекте были задействованы дендрологи, без консультаций с которыми было невозможно грамотно подобрать растения для озеленения секторов с учетом их совместимости с лесными деревьями. К примеру, участником проекта стал известный биолог и дендролог С. Д. Георгиевский. Инженер-архитектор Н. А. Бойно-Родзевич работала над оформлением ассортимента насаждений. Поскольку на территории парка планировался зоопарк, то к участию в проекте был вовлечен известный советский зоолог П. А. Мантейфель.

Планирование челябинского парка культуры и отдыха началось в 1931 г., когда был создан общественный комитет по его строительству. К 1932 г. комитет рассмотрел генеральный проект, созданный Госзеленстроем Москвы. В соответствии с проектом на каждого посетителя выделялось 80 кв. м территории бора¹². Проект парка территориально охватывал не только площадь Челябинского бора (1800 га), но и «мельничную запруду» (пруд «Коммунар»), пруд ЧГРЭС, а также территорию р. Миасс. Это был один из самых масштабных проектов парка в СССР, большой лесной массив (5000 га) планировалось использовать лишь в Новосибирске.

Масштабность проекта предполагала его поэтапную реализацию. В первую очередь было решено начать строительство с малого парка, или «микропарка», в северо-восточной части городского бора. Территория малого парка составляла 70 га и была ограничена в широкой части

просекой длиной до 600 м и шириной до 200 м¹³. Поскольку малый парк являлся, в некотором смысле, макетом большого ПКиО, то по структуре он представлял аналогичное зонирование. Зона психотерапевтического воздействия включала в себя выставки, технику, мастерские и лаборатории. Зона эмоционального воздействия предполагала наличие театра и аттракционов. Зона моторной зарядки должна была служить для мероприятий по оборонной пропаганде, а также включать физкультурные площадки. Распределительная аллея около железной дороги открывала входы в данные зоны, направляя посетителей парка.

По проекту, зоны большого ПКиО также были ориентированы на комплексную работу с посетителями. Сектор массовой политической работы был наиболее связан с другими секторами, фактически он планировался как центральный элемент парка. Научно-популярный сектор предполагал наличие выставочной базы, зоопарка, ботанического парка. Военный сектор связывался с физкультурно-оздоровительным и включал в себя площадки для занятий конным спортом, стрельбой, собаководством.

Архитекторы и консультанты при проектировании ЦПКиО руководствовались принципами создания кратчайших расстояний между секторами парка и городом для обеспечения удобного доступа в любую точку парка, размещения секторов парка с дальнейшей перспективой их расширения, использования природных участков, подходящих к функциям секторов.

Основной задачей архитекторов было проектирование парка с учетом ландшафта территории, интегрировав его в пределы бора, сохранив зеленые насаждения. Для оформления главного входа в парк и создания транспортного разгрузочного узла должна была производиться частичная вырубка с посадкой новых пород декоративного характера. Заболоченные участки предполагалось превратить в искусственные пруды. Использовать ландшафт бора планировалось при создании таких научно-просветительских участков, как «тундра», «тайга» и «степь» с соответствующей растительностью, которая бы могла прижиться в местных климатически-географических условиях.

Идея максимально бережного отношения к лесному массиву артикулировалась на протяжении всего периода разработки проектной документации. Зеленые насаждения необходимо было внедрить в естественную существующую лесную среду. Расширение древесного ассортимента предполагалось за счет плодовых деревьев, а также пород, имеющих утилитарное значение (дающих масла, краски, продукты питания). Архитекторы акцентировали внимание на том, что насаждения являются дополнением к естественному живописному пейзажу, особенно это было заметно при проектировании аллей. Зеленые насаждения вдоль аллей не изолировали посетителей от окружающей природной зелени, а только

архитектурно дополняли существующие насаждения.

Для поддержания природного баланса насаждения были разделены на зеленые массивы, защитные полосы, групповые рядовые посадки, которые должны были занять не менее 70 % общей площади парка¹⁴. Для того чтобы уберечь лесной покров от вытаптывания, было решено создать устойчивый газон, который мог бы выдерживать нагрузки, особенно в физкультурно-оздоровительном секторе. Если в секторе предполагалось капитальное строительство, то сначала рассматривались выгоревшие территории. Вырубки в здоровых частях массива должны были производиться только в крайних случаях. В основном, чтобы сохранить бор, использовались непригодные лесные территории.

В плане ЦПКиО не предполагалось получения фиксированной прибыли от продажи, например, древесных пород или лекарственных растений, однако в финансовых документах 1936 г. можно встретить сметы цветочного хозяйства, которое от продажи сезонных цветов выручило за год 25 тыс. руб.¹⁵ В целом для второго года существования парка это довольно неплохой результат, если учесть тот факт, что в 1936 г. на закупку семян и растений было затрачено 3000 руб.¹⁶

На нескольких заседаниях проектирующей группы обсуждалась ситуация с трудно осваиваемыми природными участками, которые архитекторы не могли точно спроектировать. Одним из таких участков стал пруд ЧГРЭС. Руководство Челябинска освоение территории вокруг пруда и строительство базы ЧГРЭС считало первостепенными задачами, на строительство планировалось выделить 1564 тыс. руб.¹⁷ Это было обусловлено тем, что в районе пруда появился большой рабочий район. Более масштабное использование речной артерии города также указывалось местными властями в качестве настоятельного пожелания, что определило внесение в проект ряда дополнений. К примеру, архитекторам было предложено предусмотреть выходы из всех секторов к реке, а также включить в проект противоположный берег реки.

Дендрологи поднимали вопрос о том, что почвенные условия неблагоприятны для такого широкого ассортимента зеленых насаждений, так как мощность почвы составляет 25 см и вокруг произрастает сосна. Каштановые почвы с гумусовым горизонтом мощностью 20–25 см действительно отличаются недостатком влаги. Без мероприятий по сохранению и накоплению влаги и внесению различных удобрений обеспечить здоровые всходы и тем более расширение ассортимента насаждений было бы невероятно сложно. В итоге было предложено спланировать на 1932 г. посадку растений путем применения динамита и подвоза соответствующего грунта. То есть специалисты не отказывались от идеи посадки уже определенного набора культур, а пытались найти способы осуществить задуманное. Не

всегда выбранные способы оказывались рациональными, так как практически любые дополнительные шаги — это новые незапланированные расходы и удорожание проекта, а изначальная стоимость проекта парка была рассчитана только на «микروпарк».

Подобные несоответствия между планом и действительностью существовали не только в случае с Челябинском парком культуры и отдыха. М. И. Прохорова в 1936 г. в статье «Архитектура парков и природные условия» отмечала, что архитекторам приходилось маневрировать между типовыми задачами и желанием внести в проекты творческое начало. Она перечислила основные проблемы паркового проектирования. Во многих парковых проектах фигурируют колоссальные территории в несколько квадратных километров, не соответствующие реальным масштабам. Территория парков заполнена сооружениями и площадками, в итоге не остается почти ни одного участка живой нетронутой природы. Индивидуальные потребности отдельного горожанина совершенно растворяются в коллективном запросе отдыхающих, то есть недооценивается потребность личности в тихом, одиночном отдыхе. Стандарты планировки парков культуры и отдыха не позволяли полностью учесть местные природные условия. Грандиозные проекты, к тому же не доведенные до стадии рабочих чертежей, никак не укладывались в рамки реального осуществления. В результате, делала вывод Прохорова, строительство шло самотеком, кустарно, без умелого распределения средств¹⁸.

Челябинский ЦПКиО был спроектирован в соответствии с идеей советской культурной застройки, которая ориентировалась на формирование нового, совершенного гражданина. При строительстве парка решались две основные задачи. Первая — воспитание здорового, любознательного и патриотичного человека, подконтрольного партии и идеологии. Вторая задача была ориентирована на сохранение природных ресурсов и их рациональное использование. В связи с принятием генплана Челябинска в 1935 г., а также финансовыми трудностями проект городского ЦПКиО был реализован лишь частично.

На протяжении почти 90-летней истории парка осуществлялись попытки воплотить в жизнь некоторые запланированные элементы за пределами «микрорайона». Так, в 1935 г. на одном из участков был построен стадион «Динамо». В 1940-е гг. архитектурно оформлен вход в ЦПКиО, однако он получился гораздо скромнее, чем планировался. Попытки использовать незадействованную территорию согласно запланированным секторам прослеживаются в организации выставки техники в 1946 г. на месте предполагавшегося военного сектора. В августе 1949 г. была пущена детская железная дорога. Протя-

женность ее на тот момент была минимальной — около 700 м; она была построена благодаря тому, что часть путей уже существовала (ветка от мелькомбината).

Таким образом, в действительности сложились две зоны: зона организованного регулярного отдыха на территории «микрорайона» и прилегающих к нему небольших пространствах и территория соснового городского бора как зона неорганизованного самостоятельного отдыха. В итоге в представлении горожан парк культуры и отдыха («микрорайон») и городской бор не стали единым целым, размежевание этих понятий в восприятии горожан осталось с 1930-х гг. Лишь частичное воплощение проекта парка в жизнь, с одной стороны, не дало нам возможности стать свидетелями реализации большого советского проекта, а с другой, позволило сохранить нетронутыми, насколько это возможно в городе-миллионнике, целые уголки леса.

Примечания

¹ Девятова Н. А. Парк как идеальное место // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/park-kak-idealnoe-mesto-1> (дата обращения: 20. 04. 2021).

² Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М. : РОССПЭН, 2012.

³ Шайгарданова Н. А. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014.

⁴ Зеленюк А. А. Парки культуры и отдыха Киева в системе советской обрядности // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1164–1167.

⁵ Барышева Е. В. «Фабрика перделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 9–25.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 39. Л. 76. Списки и годовые отчеты о работе парков культуры и отдыха Челябинской области за 1934 г.

⁷ Там же. Ф. Р-185, Р-220, Р-485, Р-964, Р-1588.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 39. Списки и годовые отчеты о работе парков культуры и отдыха Челябинской области за 1934 г.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 17. Объяснительная записка к проекту планировки парка культуры и отдыха г. Челябинска 1935 г.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 2. Д. 48. Промфинплан Челябинского парка культуры и отдыха на 1936 г.

¹¹ Залеская А. С., Микулина Е. М. Ландшафтная архитектура : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Стройиздат, 1979. С. 6.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ Там же. Л. 88.

¹⁵ Там же. Ф. Р-220. Оп. 2. Д. 48. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ Там же. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

¹⁸ Прохорова М. И. Архитектура парков и природные условия // Проблемы садово-парковой архитектуры : сб. ст. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. С. 123–148.

Л. А. Сарбанская, Е. С. Гусева

Поселок имени Чкалова в 1941–1942 годах (по документам Государственного архива Свердловской области)

Об истории города Каменска-Уральского в настоящее время имеется довольно много материала, а вот история отдельных его территорий — белое пятно. Это касается и поселка им. Чкалова, где расположена библиотека № 17. Сам город Каменск-Уральский формировался как раз из таких небольших поселков, названия которых до сих пор используются в повседневной речи. Поселок Первомайский, поселок УАЗа (Уральского алюминиевого завода), поселок Ленинский, поселок Силикатный, поселок Трубный...

Называют эту территорию по-разному. Кто-то официально — «поселок им. Чкалова», или просто «поселок Чкалова», как когда-то было написано в постановлении Каменск-Уральского городского Совета депутатов трудящихся. Кто-то совсем уж коротко — «Чкаловский». А в самом начале его строительства поселок называли Аварийным.

Так все-таки почему у него такое название? Кем были его первые жители? Почему именно в Каменск был эвакуирован Ступинский металлургический комбинат № 150? Какую роль он сыграл в возведении поселка и строительстве завода № 268, будущего Каменск-Уральского металлургического?

Ответы на эти и другие вопросы помогли найти документы ГАСО, которые предоставили сотрудники его филиала, расположенного в нашем городе. Его директор Татьяна Витальевна Судакова и ее коллеги Татьяна Геннадьевна Сахарных и Юлия Алексеевна Четыркина посоветовали сначала изучить протоколы заседаний исполнительного комитета Каменск-Уральского городского Совета депутатов трудящихся за 1941–1942 гг., так как более ранних документов не сохранилось. Все, что было связано с комбинатом № 150, заводом № 268, Аварийным поселком и Управлением строительства каменских заводов (УСКЗ), стало объектом пристального изучения.

Самый первый документ — протокол № 3 от 31 января 1941 г., в котором в пункте 3 говорится о том, чтобы «предложить горлесхозу взять обязательство с управления завода № 268, о проведении им нивелировки и облесения разрастанной местности»¹. А пункт 16 гласит: «Обязать директоров пром. предприятий по СТАЗ* — Боброва, КМЗ** — Огаркова, УАЗ — Богданчикова, по заводу № 268 тов. Павловского... по запросу начальника гор. пожарных команд, выделять автобус или автомашины с закрытыми кузовами для перевозки в пожарное депо бойцов, перемокших на пожарах и загораниях во время зимнего периода. Председатель Исполнительного Коми-

тета Городского Совета депутатов трудящихся Лиханов, секретарь Исполнительного комитета Городского Совета депутатов трудящихся Вальков»² (в данном и во всех последующих приведенных документах сохранены исходные орфография и стилистика).

И еще один нюанс. Вышеназванный Павловский никогда не был директором завода № 268, хотя эта должность указывается рядом с его фамилией еще несколько раз.

В протоколе № 27 от 11 июля того же года заводу было посвящено целых три пункта — № 1, 2 и 5. Именно здесь можно прочесть, какие дома и в каких кварталах должны были быть построены. Причем завод просил об одном, а решение было вынесено другое.

СЛУШАЛИ:

1. Об утверждении мест строящихся 2-х эт. 4-х жил. домов в 1-ом аварийном поселке, 2-х эт. 10-ти жилых домов во 2-ом аварийном поселке, 2-х эт. 4-х домов в кв. № 5 и об отводе места для строительства 4–5 эт. гостиницы в квартале №5 южного района города (чертеж прилагается).

Исполком Городского Совета РЕШАЕТ:

1. Отметить, что, несмотря на решение Горисполкома от 4/IX-1940 г. № 35 и специальное предупреждение Госстройконтролера Горкомхоза от 28/III-41 г. о запрещении стр-ва без оформления документов о разрешении, дирекция завода — директор тов. Павловский продолжает строить вышеуказанные дома, не оформив соответствующим образом документы на разрешение стр-ва.

2. Указать тов. Павловскому, что он со своими действиями нарушает постановление СНК РСФСР от 22/V-40 г. за № 390: «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах и рабочих поселках».

Предупредить тов. Павловского, что в дальнейшем за нарушения указанного постановления на него будет передано дело прокурору для привлечения к ответственности.

3. Закрепить за 268 заводом места для строящихся 3-х многоэтажных домов за №№ 6, 7 и 10 в 5 квартале и 4-х 2-х эт. домов за №№ 16, 17, 19, 18 в 10 кв. южного района города согласно прилагаемых чертежей³.

В августе 1941 г. в Каменске-Уральском Челябинской области прошла паспортизация школ, благодаря которой каждый ребенок был прикреплен к своему образовательному учреждению. Так как в Аварийном поселке школы еще не было (она была открыта в бараке лишь в январе 1942 г.), дети работников завода и строительства ходили за 6 км в поселок УАЗа. Тем не менее в пункте 4 протокола № 36 от 5 сентября говорится о начале очередного учебного года в школах города, несмотря на войну. Исполком горсовета

* Синарский труболитейный завод.

** Каменский магниевый завод.

отмечал, что новый 1941/1942 учебный год начался своевременно и организованно, хотя в трех школах города занятия велись в три смены.

А вот в решении под пунктом 11 значится следующее: «Предложить Управл. Треста № 30 закончить строительство нач. школы аварийного поселка к 1 октября»⁴. И это при том что в поселок пока еще не пошел поток эвакуированных из Подмосковья заводов и его работников.

В октябре горисполком вновь возвращается к вопросу о школе. Четвертый пункт повестки дня (протокол № 42 от 17 октября) называется «О всеобщем обязательном обучении детей в г. Каменске-Уральском». На эту дату «не охвачено обучением 481 человек, причем из них 218 детей, которые живут на аварийном поселке. Они не посещают школу ввиду дальности расстояния от места жительства до школ УАЗа»⁵. В решении исполкома записано, что необходимо обязать начальника строительного треста № 30 Афоняева закончить строительство школы в Аварийном поселке к 1 ноября 1941 г.

В протоколе № 35 от 3 сентября в пункте № 16 повестки дня значится очень важное событие — открытие рынка в поселке завода № 268. С 21 августа в городе были введены продовольственные карточки, снабжение продуктами шло с перебоями, поэтому продажа колхозниками своего товара была большим подспорьем для городского населения. До открытия рынка в поселке многие строители и рабочие самостоятельно ездили по окрестным деревням и занимались обменом своих вещей на продукты питания. Исполком горсовета решил:

1. Учитывая крайнюю необходимость колхозной торговли на площадке зав. № 268, обязать директора колхозных рынков тов. Прямыкова с 1 сентября 1941 года организовать и открыть колхозную торговлю на рынке пос. завода № 268 при существующем благоустройстве, одновременно с этим обязать директора завода № 268 благоустроить данный рынок к 1 октября 1941 года первоочередным строительством: 2-х навесов, конторки и мясо-молочной контр. станции.

2. Смету доходов и расходов по рынку — доходная часть 6 т. р., расходная часть 2478 р. по рынку з-да № 268 на период 4-х месяцев — утвердить⁶.

Еще один важный вопрос того времени — соблюдение санитарно-гигиенических норм. Приезжавших на строительство завода и поселка нужно было отправлять в санпропускник, а это означало помывку людей и стирку белья. Осенью 1941 г. в поселке еще не было ни бани, ни прачечной. Именно поэтому в протоколе горисполкома № 36 от 5 сентября под пунктом № 1 записано: «Обязать управление Треста № 30 построить не позднее 15/X-41 г. на территории стр-ва заводов 268 и 286 бани типа санпропускника по 100 чел. в час с прачечной мощностью на 500 кг гр. в сутки»⁷. Но в протоколе № 45 от 15 декабря

было отмечено, что «Трест № 30 (Управл. т. Афоняев) до сего времени не построил на з-де 268 и 286 бани типа санпропускника и прачечных»⁸.

Так как ни поликлиники, ни больницы также в поселке тогда не было, протокол № 41 от 10 октября зафиксировал выделение «дополнительных средств здравпункту завода № 268 в сумме 2825 рублей»⁹. Достаточно большие деньги по тем временам.

И буквально через две недели, 24 октября, протокол № 43 постановляет:

2. Обязать Управляющего Трестом № 30 НКПА тов. Афоняева:

а) построить на территории поселка завода № 268 терапевтическую больницу на 100 коек (бар. типа), срок до 15.XII с. г.

б) Представить помещение для поликлиники 268 з-да на 4–5 врач. кабинета, с выделением детской консультации и молочной кухни, срок 15.XI с. г. ...

5. Предложить... т. Афоняеву... вновь выстроенные медицинские учреждения обеспечить оборудованием (мягким и жестким инвентарем)¹⁰.

Но это решение не было выполнено. Больница в поселке была открыта только в июне 1942 г.

А начало 1942 г. ознаменовалось протоколом № 3 заседания исполкома от 16 января, в котором в шестом пункте повестки дня стоял вопрос об открытии в поселке неполной средней школы № 7. Исполком городского совета решил «открыть неп. ср. школу № 7 на аварийном поселке. Просить Исполком Областного Совета выделить средства по отделу Народного образования для финансирования вновь открываемой НСШ* в 1942 году»¹¹. Через четыре месяца исполком принял новое решение в рамках рассмотрения вопроса о подготовке школ к новому 1942/1943 учебному году. Пункт 3: «Обязать директора 268 завода т. ГЕРАСИМОВА до 15 августа освободить помещение НСШ № 7 от конторы и жильцов, предоставить полностью здание для школы»¹². Вот это решение было выполнено, и новый учебный год начался в полностью отремонтированном и освобожденном от жильцов бараке.

28 августа 1942 г. на очередном заседании исполкома был поднят вопрос о распределении школ по торгующим организациям города, чтобы в первых из них создать буфеты. Протокол № 26 обязал ОРС завода № 268 открыть такой буфет в неполной средней школе № 7, так как там обучались 933 человека¹³.

И еще один документ, касающийся школы. Решение № 708 «Об обеспечении школьников одеждой и обувью», включенное в протокол № 34 от 13 ноября, гласило:

1. Для обеспечения школьников одеждой и обувью установить на IV квартал 1942 года задание по выделению за счет рыночных фондов

* Неполная средняя школа.

из торгующих организаций, а также по пошиву детской одежды и обуви из материалов по фондам легкой промышленности и шерстяного лоскута в следующем количестве. Пошив верхнего плат. в штуках 50. Пошив обуви пар 300. Валенная обувь пар 100. Варезки пар 100.

Обязать руководителей торгующих организаций, директоров предприятий местной промышленности обеспечить полное выполнение установленного задания по изготовлению и выделению одежды и обуви для школьников до 20 декабря 1942 года...

6. Поручить Зав. Горно т. Иванцову учесть остронуждающихся в одежде и обуви детей и организовать правильное распределение¹⁴.

Приведенные данные свидетельствуют, что и в самое тяжелое время администрация города уделяла внимание нуждам школьников.

Интерес вызывают документы, посвященные работе медицинских учреждений в поселке. Так, например, в июле исполком заслушал вопрос о питании в лечебных учреждениях города и постановил: «Обязать Нач. ОРСов, торгов, продснабов обеспечить отпуск необходимого количества продуктов питания, согласно установленных норм не менее как на 10 дней вперед, установить, что снабжение продуктами питания обеспечиваются:...

г) ОРС завода 268 т. ДУБОРАСОВ больницы Аварийного поселка»¹⁵.

Вполне естественно, что летом рассматривали и утверждали план мероприятий по борьбе с летними желудочно-кишечными заболеваниями. В данном плане имеется и пункт об открытии молочной кухни на заводе № 268 с 15 мая 1942 г. Сюда же внесен пункт об «организации дневного стационара на 10 коек при д/консультации № 4 и д/консультации 268 завода — 10 коек»¹⁶ также с 15 мая. Все это зафиксировано протоколом заседания исполкома № 14 от 8 мая 1942 г.

В решении № 695 протокола № 33 от 30 октября, где говорилось об утверждении сметы молочной кухни № 3 (завода № 268), можно прочитать следующее:

1. Утвердить смету по молочной кухне 268 завода, как по доходам, так по расходам в сумме 113 848 рублей (сто тринадцать тысяч восемьсот сорок восемь рублей) в том числе фонд зарплаты 7540 рублей (семь тысяч пятьсот сорок рублей).

2. Утвердить распорядителем кредита зав. молочной кухней № 3 тов. ШПАГИНУ Н. Е.¹⁷

Далее приводится смета, включающая все доходы и расходы с расшифровкой по статьям.

Следует сказать, что в течение 1942 г. поселок упоминался в разных протоколах в связи с разными обстоятельствами. Например, указывалось, что его население в те годы обслуживалось почтой с большими задержками, вплоть до 5–7 дней. Причем в самом поселке почтового отделения не было: несмотря на приказ областного управления связи, начальник конторы связи

Шишкин не торопился его выполнять. Поэтому в протоколе № 10 от 27 марта записано решение исполкома горсовета: «...к 25-му апреля открыть два отделения связи: одно на з-де 286 и второе на з-де 268. Обязать директора з-да 286 тов. Гарницкого и Нач. стр-ва з-да 268 т. Герасимова выделить помещение для отделений связи»¹⁸.

Не менее интересны протоколы № 24 от 7 августа, № 31 от 16 октября и № 6 от 13 февраля. В первом из них можно прочитать о работе рынков. В данном случае «Исполком Горсовета РЕШИЛ:... 6. Принять предложение дирекции и парткома 268 завода, а также начальника 10-й стройконторы и секретаря парторганизации, что ими будут сооружены рынки на аварийном пос. 268 завода и на территории КМЗ. Удовлетворить ходатайство выше указанных предприятий об открытии рынков после их сооружения. Обязать зав. Горкомхозом т. ПИРОГОВА в 3-х дневный срок отвести места под рынки на Аварийном поселке и поселке КМЗ. Поручить директору рынков т. ПРЯМИКОВУ проследить за строительством указанных рынков и после окончания строительства организовать их работу»¹⁹.

Во втором протоколе речь идет о строительстве в поселке. Решением № 673 была создана специальная комиссия.

1. Для приемки вновь выстроенных жилых домов в поселке завода № 268 создать комиссию в составе:

Председатель — Член Исполкома Горсовета — ГАЧЕВСКИЙ А. А.

Члены комиссии

1. РЯБУШКИН И. А. — Представитель Промбанка

2. ХВОЙНИЦКАЯ — Госсанинспекция

3. МИРОШНИКОВ — Пож. охрана города

4. ЯРОСЛАВСКАЯ — Горфо

5. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ — Сдатчика

6. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ — Приемщика.

2. Предложить комиссии осмотреть выстроенные здания и акт приемки до 1/XI — с. г. представить в Исполком Горсовета на утверждение²⁰.

Третий протокол представляет информацию о том, что на начало 1942 г. «решение 21-й очередной сессии Городского Совета руководителями 150 комбината полностью не выполнено. Не пущена в эксплуатацию прачечная, поликлиника по-прежнему находится в непригодном помещении и новое помещение для нее не оборудовано, больница не открыта из-за отсутствия помещений. В большинстве общежитий отсутствуют — умывальные комнаты, камеры для хранения личных вещей, сушилки для одежды и обуви. Поселки находятся в антисанитарном состоянии, уборные не чистятся, помойные ямы не оборудованы, санитарно-просветительная работа в домах и общежитиях отсутствует, санитарные комиссии не организованы. Бытовое обслуживание трудящихся, проживающих на Аварийном поселке и в деревне Волково, поставлено неудов-

летворительно. Нет парикмахерских, мастерских по ремонту одежды и обуви и бытового инвентаря, отсутствует магазин хозяйственных товаров и т. д.»²¹.

Именно поэтому горисполком решает следующее:

Обязать начальника УСКЗ тов. Герасимова:

1. Закончить строительство и оборудование прачечной и пустить в эксплуатацию к 20-му февраля.

2. К 5-му марта с. г. закончить оборудование помещения для поликлиники и оборудовать помещение для детяслей. Заведующей Горздравотделом тов. ПУХОНТО открыть в указанные сроки поликлинику, больницу на 50 коек и ясли для детей.

3. Обязать Зам. начальника строительства по быту тов. Карулина и начальника коммунального отдела тов. Проворова до 20 марта с. г. привести территорию поселков строительства в санитарное состояние, произвести сколку и вывозку нечистот от бараков из помойных ям, уборных, построить у каждого барака помойную яму и уборную. Госсанинспектору тов. СИВКОВУ установить жесткий контроль за соблюдением санитарных мероприятий. Организовать совместно с коммунальным отделом в домах и общежитиях санитарные комиссии и развернуть санитарно-просветительную работу среди населения.

4. В целях лучшего бытового обслуживания трудящихся, проживающих в Аварийном поселке, обязать председателя артели «Бытовик» тов. Устюжанина до 1-го апреля открыть на аварийном поселке сапожную мастерскую, председателя артели «Швейпром» тов. Кузнецову к этому же сроку открыть швейную мастерскую и заведующего Горкомхоза тов. ПИРОГОВА открыть две парикмахерских, одну на Аварийном поселке на 4 кресла и одну в деревне Волково — на 4 кресла.

Обязать начальника стр-ва тов. Герасимова выделить под мастерские и парикмахерские помещения.

5. Обязать директора Челябторга тов. ЗОРИНА к 15-му марта открыть магазин хоз. товаров и обеспечить нормальную торговлю предметами домашнего обихода.

6. Обязать начальника Гор. Милиции тов. Кривошекова организовать на Аварийном поселке участок Милиции и усилить борьбу с хулиганством.

7. Перевести 3-й участок Народного суда из поселка УАЗ на Аварийный поселок в срок до 20 марта, обязать начальника стр-ва тов. Герасимова выделить помещения для нарсуда²².

И, наконец, самое главное решение исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся. Протокол № 38 от 25 декабря 1942 г., решение № 798, пункт 14 повестки дня «Об утверждении проекта планировки поселка завода № 268».

Исполком Горсовета РЕШИЛ:

1. Предоставленный заводом №268 проект планировки поселка (чертеж № 8996) — ут в е р д и т ь.

2. Разрешить заводу № 268 постройку пятнадцати домов за №№ 1–12, 29–31 и киноклуба.

3. Обязать директора завода № 268 тов. ГЕРАСИМОВА:

а) При разработке рабочего проекта застройки — детские учреждения перенести в соседний квартал на участки домов №№ 26 и 28 и ликвидировать 2-й проезд, сделав его продолжением 1 проезда:

б) рабочий проект застройки представить на утверждение в Горкомхоз к 15 января 1943 года:

в) к 1 мая 1943 года убрать с территории поселка временный конный двор и произвести полную очистку территории:

г) к 1 сентября 1943 года произвести полное озеленение поселка.

4. Присвоить поселку завода № 268 наименование «поселок Чкалова».

5. Утвердить предложение заводом № 268 наименование улиц поселка Чкалова (чертеж 2978) обязав директора завода ввести изменения в соответствии с пунктом 3-а настоящего решения и к 5 января 1943 года представить в Горкомхоз десять экземпляров уточненного плана поселка с наименованием улиц и номеров домов.

6. Рекомендовать заводу № 268 при проектировании одноэтажных каменных домов для дальнейшей застройки поселка предусмотреть возможность надстройки 2-го этажа²³.

Благодаря приведенному выше решению на карте Советского Союза появился поселок им. Чкалова, и теперь историки и краеведы получили в свое распоряжение точные данные о том, как и когда произошло это событие. И за это нужно благодарить сотрудников ГАСО.

Примечания

¹ ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 186–187.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 69

⁵ Там же. Л. 128.

⁶ Там же. Л. 65–66.

⁷ Там же. Л. 68.

⁸ Там же. Л. 183.

⁹ Там же. Л. 117.

¹⁰ Там же. Л. 147–148.

¹¹ Там же. Д. 8. Л. 3.

¹² Там же. Л. 143.

¹³ Там же. Д. 9. Л. 166.

¹⁴ Там же. Л. 120–121.

¹⁵ Там же. Л. 73.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 126.

¹⁷ Там же. Д. 10. Л. 106–107.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 66.

¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 140.

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 80.

²¹ Там же. Д. 7. Л. 24.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 10. Л. 203.

Н. Л. Карпова

**Микроистория: региональный аспект на примере зарождения движения
целинников в Удмуртской АССР в 1954 году
(по документам филиала Государственного архива
общественно-политической истории)**

Микроистория — это направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Микроисторический анализ предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом.

В работах по микроистории «маленький человек» предстает активным действующим лицом прошлого, имеющим свой голос и реализующим собственные жизненные цели и стратегии, участвующим в формировании общественных настроений и так или иначе влияющим на власть.

Крайне важным для микроистории является выбор объекта исследования. Чаще всего такими объектами являются хорошо отраженные в источниках частные случаи, поступки, ситуации, биографии людей, а также жизнедеятельность коллективов и общностей. При этом для микроистории характерен особый ракурс: она изучает явление или социум не «сверху», а «снизу» и «изнутри», раскрывает всю сложность каждодневной жизни.

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть по документам Государственного архива общественно-политической истории такое явление в истории нашей страны, как движение целинников на территории Удмуртской АССР (УАССР), зародившееся в среде молодежи, самой мобильной части населения, в 1954 г. Подробнее хотелось бы остановиться на нескольких вопросах: как началось движение целинников на территории УАССР, как сложилась судьба первых добровольцев из Удмуртии, направленных по путевке комсомола на освоение целинных земель, в новых для них условиях.

В Государственном архиве общественно-политической истории, в архивных фондах партийных и комсомольских органов и организаций, тематических коллекциях отложились документы, рассказывающие о том незабываемом времени. В архиве находятся на хранении решения партийных и комсомольских органов, планы отбора и направления на целину, списки, заявления добровольцев, протоколы заседаний отборочных комиссий, комсомольские путевки, переписка, почетные грамоты, удостоверения, воспоминания целинников, фотодокументы и др.

В конце февраля — начале марта 1954 г. пленум ЦК КПСС провозгласил курс на резкое увеличение производства зерна за счет освоения 13 млн га новых земель на Урале, в Сибири, Казахстане, Поволжье, на Северном Кавказе. В по-

становлении плenuma партийным, профсоюзным и комсомольским организациям предлагалось «развернуть разъяснительную работу среди сельских механизаторов, специалистов и руководящих сельскохозяйственных кадров с целью привлечения добровольцев, желающих выехать на постоянную работу по освоению новых земель»¹.

Значительную роль в мобилизации молодежи на борьбу за «большой хлеб» целины сыграл комсомол. Центральный комитет ВЛКСМ принял решение направить на целину 100 тыс. человек². В райкомах ВЛКСМ и на крупных предприятиях создавались комиссии для отбора добровольцев. Районные и городские комиссии по отбору добровольцев начали получать заявления комсомольцев и молодежи об отправке их на освоение целинных земель с февраля 1954 г. Тысячи юношей и девушек из Удмуртии просили направить их «по зову сердца»³ на битву за целинный урожай. Вот что писал в своем заявлении Владимир Евгеньевич Татаринков: «Отвечая на призыв партии и правительства по освоению залежных земель, как сотни других комсомольцев нашей страны, отвечаю и я на призыв партии своим желанием поехать и принять участие на пользу своей Родины в освоении залежных земель»⁴.

Архивные документы свидетельствуют о том, что энтузиазм был массовым, но предпочтение при отборе кандидатов отдавалось молодым людям, уже имеющим рабочую специальность, необходимую для работы в поле: трактористам, шоферам, прицепщикам, слесарям-механикам⁵. Вручение путевки проходило в городских и сельских домах культуры в торжественной обстановке. Звучали напутственные слова, играл духовой оркестр. Затем будущие целинники направлялись в Ижевск на общий сбор.

19 марта 1954 г. с ижевского вокзала торжественно, в сопровождении духового оркестра, проводили в Павлодарскую область Казахской ССР первый отряд добровольцев в составе 350 человек, отобранных из 5 тыс. желающих⁶. Дорога занимала довольно много времени, так как на протяжении всего пути пассажирский состав постоянно переформировывался, к нему прицеплялись дополнительные вагоны.

По прибытии к месту назначения молодежь была встречена на вокзале партийным и комсомольским руководством, местным населением. Сразу же было проведено распределение по совхозам и МТС. Так как будущие места работы находились на значительном расстоянии (порой до нескольких сотен километров) от областных центров, вновь прибывших ожидал неблизкий путь.

Вот как об этом вспоминал Виктор Дмитриевич Булдаков: «Повезли нас с Павлодара на грузовых машинах, правда, они были закрыты спереди и с боков, а сзади открыты. Проехали от Павлодара километров 25–30, разыгралась очень сильная метель, и водители вернулись снова в Павлодар... Через два дня погода утихла, и нас — снова по машинам и в путь. Вечером нас привезли в Краснокутск, это райцентр... До Коминтерновской МТС было еще 100 км, но снова метель, и мы просидели двое суток в райцентре. Пришли с МТС машины с тракторами, и нас повезли. В МТС приехали вечером...»⁷

Но не все добровольцы сразу попадали к месту работы. Так было и с группой молодежи, в составе которой ехала Тамара Михайловна Хартен. Вот что она писала об этом в своих воспоминаниях: «Наконец мы приехали в город Атбасар. Здесь нас распределили по будущим совхозам. На тракторах в кибитках нас привезли в старый аул. Мы попали в немецкую семью... Днем ходили на курсы трактористов... Так прошел месяц»⁸.

Помимо больших расстояний наших земляков ожидало еще одно испытание — погода, которая не только задерживала передвижения, но и просто очень осложняла жизнь: «Стояла мерзкая погода, моросил мелкий дождь с ветром. Ветра там дули постоянно»⁹.

По прибытии к месту работы не всех ожидало готовое жилье. Целинник В. Д. Булдаков вспоминал: «...[группу] распределили по квартирам, и мы — 3 человека — попали на квартиру к украинцам. За квартиру с нас ничего никто не брал»¹⁰. Ивану Дмитриевичу Стрелкову повезло чуть меньше: «Нас привезли за реку Иртыш в 7-й аул, Ленинская МТС. Первую ночь спали вповалку в конторе МТС, а потом раскидали по разным углам на нары»¹¹.

Т. М. Хартен по окончании месячных курсов трактористов со своей группой была переправлена через Ишим: «Река только освободилась ото льда. Мы на лодках стали переправляться через Ишим. Нашу лодку закружило, каким-то чудом все благополучно переправились. Приехали в степь. Нет ни одного деревца! Поставили большую палатку, посередине — печь-буржуйка. По одну сторону спали парни, по другую девчата... Ночью выли шакалы... С продуктами было плохо. Помню, что все пшено варили на кострах»¹².

Конечно, для ребят, выросших в приуральском регионе с его лесами, полями, многочисленными реками, бескрайние казахские степи, отсутствие привычных многочисленных на родине ручьев и родников, малочисленное, проживающее на значительном расстоянии друг от друга население — все это было в новинку. Но и здесь, в непривычных для себя условиях, они замечали красоту местного края: «Наступил май. Степь зацвела, засеребрился ковыль, расцвели тюльпаны. Их было много и разных цветов: темно-фиолетовые, красные, лазоревые. Недалеко от палатки находилось заросшее камышом озеро, а на нем

плавало много непуганых уток лысух. Летали лебеди»¹³.

Работа по освоению степных пространств началась не сразу. Местные МТС не были готовы к наплыву такого большого количества добровольцев: отсутствовали дороги, техники не хватало. Но наши земляки не сидели без дела, самостоятельно обустроивались как могли: «Ребята стали рыбу ловить, уток добывать, а мы [девушки] собирали утиные яйца... В этом году мы не пахали, не сеяли... Мы начали строить. Разработали каменный карьер... Построили из камня пекарню, столовую-клуб. Когда подсохло... стали подвозить финские щитовые 4-квартирные домики... клали печи»¹⁴.

Но несмотря на все трудности с организацией полевых работ, они начались в положенные сроки: «Первую борозду прокладывали всей бригадой, в длину 5 км. Работали по 12 часов, перемена в 6 утра и 6 вечера. Два тракториста на трактор работали неделю в ночь, неделю в день. Менялись»¹⁵.

В ходе освоения целины возникла острая нехватка женских рук. Требовались доярки, телефонистки, полеводы, повара. 17 июля 1954 г. группа девушек из совхоза «Мариновский» Атбасарского района Казахской ССР обратилась через газету «Правда» к девушкам и женщинам страны с призывом ехать на целину. И вновь — тысячи заявлений от добровольцев. «Отвечая на призыв девушек Мариновского совхоза... могу сказать одно: желаю ехать на целинные земли, работать, для того чтобы еще лучше расцветала и крепла наша любимая Родина»¹⁶, — так писала в своем заявлении Роза Жигалова, ученица Юскинской средней школы.

На целинных землях Казахстана при участии комсомольцев Удмуртии появились совхозы «Ижевский», имени Гастелло, имени Матросова, «Мариновский» и др. Трудящиеся республики держали с целинниками постоянную связь, помогали им в улучшении бытовых условий, посылали строительные материалы, стандартные дома, предметы культурно-бытового обихода. В письме Удмуртского обкома ВЛКСМ Виктору Ладыгину, работавшему в Первомайской МТС Павлодарской области, в ответ на его просьбу помочь с приобретением мотоциклов для облегчения преодоления стокилометрового расстояния между МТС и колхозами, говорилось: «Вашу просьбу о покупке мотоциклов мы направили министру торговли УАССР тов. Злыгостеву, который уже дал распоряжение отгрузить 4 мотоцикла в Ваш адрес...»¹⁷ Целинники периодически получали посылки не только с родины: «Потом мы получили правительственные посылки. Это была для нас большая радость. В посылке были приемник “Родина” с питанием, рация “Урожай”, баян, шахматы, шашки, патефон с набором пластинок, домино»¹⁸.

После окончания полевых работ молодежь возвращалась к месту своей приписки: в совхозы и аулы, где за несколько прошедших месяцев

уже успели построить все необходимое, и условия жизни стали намного лучше: «Уборку закончили. Наступила осень, вернулись [в] 7-й аул, в МТС. Жили в новом общежитии, питались в столовой. Зимой работали на снегозадержании вблизи аулов. Жили на квартирах»¹⁹.

Несмотря на очевидные недостатки в организации работ по освоению целины (отсутствие дорог и инфраструктуры, нормальных условий для жизни) и суровый климат (изнуряющая жара летом, морозы и бураны зимой, песчаные пыльные бури и суховеи), это не могло ослабить тот подъем, который зародился в среде молодежи. Парни и девушки в основном 19–25 лет, а иногда только что закончившие школу, с огромным энтузиазмом, в едином порыве взялись за новое для них дело, не испугавшись предстоящих трудностей.

По всей стране, и в частности в Удмуртии, это движение с 1954 г. росло и крепло. Изначально в ряды добровольцев набирали молодых людей рабочих специальностей, лишь изредка — без специального образования и опыта работы на селе. Но постепенно, с развитием инфраструктуры, улучшением условий проживания, возникла необходимость и в специалистах иных профилей — учителях, врачах, работниках культуры. На освоение целины стали приезжать целыми семьями.

Добровольцы из Удмуртии, приезжая в Казахскую ССР, попадали в многонациональную среду, где проживало не только коренное население (казахи), но и переселившиеся или выселенные на данную территорию в 1930–1940 гг. русские, украинцы, молдаване, немцы, чеченцы, гагаузы. И наши земляки мирно сосуществовали в этой многокультурной, многоязыковой среде, осваивали новые для себя профессии, преодолевали возникающие трудности, не теряя при этом жизнелюбия, бодрости и уверенности в скором достижении поставленных целей.

Молодежь Удмуртии внесла существенный вклад в дело освоения целинных земель. Родина высоко оценила ее заслуги. За весь период це-

линной эпопеи медалями «За освоение целинных земель» награждены 400 посланцев Удмуртии, значками ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель» — 1343 человека, более 2800 человек отмечены почетными грамотами ЦК комсомола Казахстана, Акмолинского, Павлодарского обкомов комсомола и похвальными листами райкомов комсомола Казахстана²⁰.

Целина была не только освоением новых земель. Она стала настоящей кузницей характеров и отношений. Здесь рождалась дружба, пронесенная сквозь десятилетия. Многие молодые люди не довольствовались командировками на уборку целинного урожая, но оставались там на постоянной основе, заводили семьи. И по прошествии многих лет целинники вспоминали то время с ноткой сожаления о прошедшей юности, наполненной романтикой, неистощимым оптимизмом и задором.

Примечания

- ¹ Комсомолец Удмуртии. 1954. 9 марта.
- ² Славный путь Ленинского комсомола: история ВЛКСМ. М., 1978. С. 405.
- ³ Филиал ЦГА УР — ГАОПИ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 124. Л. 68.
- ⁴ Там же. Ф. 2083. Оп. 21. Д. 193. Л. 135.
- ⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 453. Л. 24–25 ; Ф. 871. Оп. 1. Д. 294. Л. 4.
- ⁶ Удмуртия в зеркале двадцатого столетия, 1901–2000 гг. : ист. хроника. Ижевск, 2002. С. 93.
- ⁷ Филиал ЦГА УР — ГАОПИ. Ф. 4941. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 об. — 2.
- ⁸ Там же. Д. 59. Л. 3.
- ⁹ Там же. Л. 3 — 3 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 43. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Д. 56. Л. 1.
- ¹² Там же. Д. 59. Л. 3 об. — 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 4 — 4 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 56. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Ф. 871. Оп. 1. Д. 294. Л. 90.
- ¹⁷ Там же. Ф. 92. Оп. 5. Д. 82. Л. 29.
- ¹⁸ Там же. Ф. 4941. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ И оживает время. Ижевск, 1981. С. 268.

Часть VIII
Исторические источники в архивах

Е. Н. Воронкова

Документы круга ведомства церковного суда второй половины XVIII века в фонде И-33 «Челябинское духовное правление» ОГАЧО

Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем более дела житейские?

1 Кор, VI, 3

Изучение документов Русской православной церкви конкретной эпохи невозможно без досконального знания ее законодательства. По объективным причинам специалистов в области истории церковного права в нашей стране на сегодняшний день не так много, тем более среди архивистов. В последние три десятилетия создание научно-справочного аппарата к фондам духовных правлений и консисторий стало одним из приоритетных направлений деятельности региональных архивов. Такая работа велась с начала 2000-х гг. автором данной статьи и в ОГАЧО — при описании дел второй половины XVIII в. из фонда И-33 «Челябинское духовное правление»¹. Систематизация и классификация документов круга ведомства церковного суда, хранящихся в данном фонде, — результат многолетней архивной деятельности и научных исследований.

Предлагая свою классификацию, мы ни в коем случае не претендовали на строгий порядок распределения документов в рамках фонда. Наши задачи были вполне скромны, а именно: помочь коллегам в региональных архивах, только приступающим к описанию церковных фондов духовных правлений, сориентироваться в основных типах соответствующих документов; для историков и священнослужителей — дать примеры дел, которые могут быть использованы в научных исследованиях; лингвистам — представить уже систематизированный материал для изучения старинных рукописных текстов в аспекте лингвистического источниковедения².

С самого начала работы по описанию документов фонда И-33 мы целиком и полностью опирались на два фундаментальных труда по церковному праву: учебник основателя русской науки церковного права Николая Семеновича Суворова³ и современный курс протоиерея Владислава Цыпина⁴. Профессор Суворов дает подробную историческую справку по вопросу в разделе «Церковный суд»⁵ и классификацию дел «круга ведомства церковного суда».

Для данной статьи, в соответствии с классификацией Суворова, все архивные дела по вышеуказанной тематике мы сочли возможным разбить на несколько частей, разделов и глав и привести по одному примеру к каждой конкретной главе (или параграфу внутри главы).

Часть 1. Спорные дела

Раздел А. Взаимные споры между духовными лицами, могущие возникать из пользования дви-

жимой и недвижимой церковной собственностью. Раздел доходов.

Пользование имуществом: дело Шадринского духовного правления по репорту «Кислянского дьячка Зудилова о употреблении дьяконом Ильиным для себя церковных от риз тавтянних лоскутков». 06.03.1785 — 02.06.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–3. *Раздел доходов:* дело по доношению дьяконов Воскресенской церкви села Воскресенского Григория Пеунова и Михаила Тоболкина об обиде их священником Капустиным при разделе хлебной руги. 20.03–03.07.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 287. Л. 1–10.

Раздел Б. Спорные дела светских лиц: бракозаключительные и бракоразводные.

Глава 1. Бракозаключительные (о законности и незаконности брака).

Указы. Указ из Тобольской духовной консистории о правилах венчания священнослужителями браков; репорты приходских священно- и церковнослужителей о получении указа. 25.10.1777. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 76. Л. 63–67. *Разрешение мирянину на брак:* дело Шадринского духовного правления по доношению крестьянской дочери Бабаевой о дозволении ей выйти замуж. 20.01–25.04.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 269. Л. 1–12. *Разрешение священнослужителю на повторный брак:* дело по прошению дьячка Христорождественской церкви г. Челябинска Трапезникова о дозволении ему жениться во второй раз. 04.07–25.09.1788. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 356. Л. 1–8. *Брак по малолетству:* дело «о венчанном в малолетстве Долговского села крестьянском сыне Максиме Клишеве». 30.09.1784 — 10.10.1787. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–39. *Переписки о браках со светскими судами:* переписка Челябинского духовного правления, Челябинского нижнего земского суда и священно- и церковнослужителей Куртамышской слободы о венчании брака крестьянина Реутова. 07.11.1784 — 29.10.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–4. *Близкородственный брак:* дело по репорту священника Таловской слободы Насонова о свенчании священнослужителями Николаевской церкви близкородственного брака. 06.04–15.12.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–22. *Повторный брак:* дело по сообщению из Шадринского духовного правления о вышедшей повторно замуж крестьянке Юриных. 15.02.1788 — 12.02.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–37. *Брак между людьми, состоящими в духовном родстве:* дело по репорту челябинского священника Кайдалова «о свенчании еманжелинским священником Комаровым копеиста Коптеева с секретарской дочерью Качусовой, состоящих в ближайшем духовном родстве». Допросные листы. 13.07.1789 — 07.03.1791. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 408. Л. 1–50. *Брак с малолетним:* дело по репорту десятоначальника с. Воскресенского

Протасова о браке малолетнего сына крестьянина Кувалдина с крепостной девкой Кислянского села Евдокией. 15.10.1791 — 21.06.1793. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 555. Л. 1–37.

Комментарии. Все дела о заключении браков, исходя из заголовков этих дел, разделены условно (!) на две группы. Одни вошли в часть «Спорные», другие — в часть «Преступления». У Суворова есть пояснение, касающееся неоднозначности в классификации бракозаключительных дел: «...впрочем, так как в этих делах часто бывает уголовный элемент (см. ниже о круге ведения церковного суда по преступлениям. — Е. В.), то по этим делам возможно в том или другом объеме участие светского суда»⁶.

Глава 2. Бракоразводные.

Близкородственный брак: дело о прекращении близкородственного брака (разводе). [10.1777 — 29.11.1779]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12в. Л. 1–9. *Особые случаи:* «Дело о разводе крестьянина Нижнеуvelьской слободы Василия Бобылева с женой». 06.10.1779 — 31.10.1791. И-33-1-156-77-101⁷. *Развод с раскольниками (старообрядцами):* дело по доношению жены казачьего сына «состоящего в старообрядстве» Ивана Шелехова — Авдотьи о разводе ее с мужем. Допросные листы. 08.02.1790 — 27.09.1794. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 511. Л. 1–46⁸. *Прошение о разводе:* дело по доношению крестьянской жены дер. Баландиной Матвеевой с просьбой о разводе с мужем. 05.07.1791 — 23.06.1792. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 557. Л. 1–8. *О запрещении развода:* дело по указу из Тобольской духовной консистории о запрещении развода брака мужа и жены Поздняковых. [12.03.1786 — 30.03.1790]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 265. Л. [1–14]. *Дела о разводе:* дело по сообщению Челябинской округи земского исправника Аничкова о крестьянине Подкорытове (о разводе его с женой). Допросные листы по делу жителей дер. Долгой и сельского заседателя Сапожникова (имеется его личная печать). 10.01–30.09.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 493. Л. 1–31.

Часть 2. Преступления и проступки

Раздел А. Общие для духовных и светских лиц.

Глава 1. О богохульстве, ереси, волшебстве. Осквернение церкви.

Разграбление и уничтожение церквей во время Пугачевского бунта: сведения, собранные из ведомостей разных городов, о разграблении и уничтожении церквей во время Пугачевского бунта; о жертвах среди священнослужителей и других жителей. 1775 год (печатное). Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–14. *Осквернение церкви:* дело по репорту священников Еткульской крепости об осквернении церкви. 18–22.03.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 433. Л. 1–6. *Богохульные слова:* дело «по объявлению протоиерея Мухина о богохульных словах мещанина Хитрова». 02.03–18.06.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–16.

Глава 2. Преступления против нравственности и семейного союза.

Незаконнорожденные: дело по репорту священника Куртамышской слободы Ильина о рождении незаконнорожденного младенца крестьянской девкой*. 22.12.1791 — 05.07.1792. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 556. Л. 1–10. *Побеги жен:* «Дело о побеге жены крестьянина деревни Тавранкульской Саввы Кулакова» 1779 г. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 15в. Л. 50–61. *Блудодетание:* «Дело по доношению священнослужителей Троицкой церкви г. Челябинска о прелюбодеянии казака* и женки*». 23.02–11.07.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–9. Дело по письму дьячка Куртамышской слободы Емельянова о прелюбодеянии дьячка*. 22.02.1787 — 23.09.1787. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–32.

Глава 3. Похищение церковного имущества. Недостаток церковной казны.

Переписка по делу о краже денег и вещей из Богородицкой церкви с. Птичьего 16 апреля 1775 г. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 1а. Д. 65–75 об., 85. Репорты священно- и церковнослужителей Трехсвятительской церкви Карачельского форпоста о раздаче церковных денег старостой Дряхлых. 22.12.1783 — 26.01.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–4.

Раздел Б. Преступления и проступки духовных лиц

Глава 1. Преступления против чести («обида») и против имущества. «Партикулярные».

По жалобам со стороны духовных лиц: дело «о битии дьяконом Христорожественного собора г. Челябинска Задориным священника Балярского и других». 1777 г. Указы, репорты, доношения, допросные листы. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 82–145. Переписка Тобольской духовной консистории, Челябинского духовного правления и священника Куртамышской слободы Земляницына о взыскании денег с дьякона Долговского села Лыткина. 15.04.1784 — 04.04.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–8. *По жалобам со стороны мирян и светских властей:* доношение купеческой вдовы Кокшаровой о своем должнике диаконе Задорине. 24.01.1780. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 1. Дело по сообщению из Челябинского нижнего земского суда об избииении священником Чумлятской слободы Рычковым церковного старосты Щипунова. 22.04.1785 — 20.01.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–28. Дело по сообщению Челябинского нижнего суда об отнятии дьячком Каминской слободы Анцыферовым у крестьянина Черепанова лошади. 07.06.1785 — 17.01.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 189. Л. 1–25.

Глава 2. Преступления и проступки против должности.

§ 1. Отправление богослужения и треб:

Крещение.

Насильственные: переписка между Исетской провинциальной канцелярией и Челябинским духовным правлением по делу о насильственном

* Здесь и далее в тексте некоторые фамилии из этических соображений заменены звездочкой.

крещении детей челябинского мещанина Анисима Толстых («из раскола»). 08.1778. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 126. Л. 54 — 56 об. *Некрещение, пропуск в метриках*: переписка Челябинского духовного правления и священно- и церковнослужителей Таловской слободы о некрещении священниками младенцев в церкви и о пропуске их в метриках. 16.01–22.03.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–13. *Неполное крещение*: переписка Челябинского духовного правления, Челябинского нижнего земского суда, священника Таловской слободы Насонова о неполном крещении последним младенца у крестьянина Начесова. 13.02–02.07.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–8. *Общие дела*: допросные листы по делу о крещении младенца исетских казаков атамана Ханжина. 21.06–04.07.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 445. Л. 1–4.

Браки.

Указы: указы из Тобольской духовной о венчании браков малолетних со взрослыми, о неправильно венчанных браках, о принуждении со стороны светских властей. Репорты священно- и церковнослужителей. [19.08.1779 — 08.1781]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 166. Л. 72, 110–113. *Насильственное венчание*: дело «о насильном свенчании за новокрещенного из башкир Ивана Устьянцова казачьей дочери Анны Рышковой». 15.03.1784 — 13.03.1791. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–35. *Беглые браки*: дело по доношению священника Уйской крепости Бурова о венчании Кундравинским священником Молявиным «беглых» браков. 10.05.1788 — 18.05.1788. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–4. *Раскольничий брак*: дело о венчании «раскольничьего брака». [10.1777 — 29.11.1779]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12в. Л. 29–29 об. *Браки между православными и раскольниками*: переписка между Тобольской духовной консисторией, Челябинским духовным правлением, Челябинской ратушей и священнослужителями Троицкой церкви г. Челябинска по делу о браке раскольника — челябинского мещанина Федота Толстых с «состоящей в православии» дочерью раскольника Малышева. 05.02.1778 — 01.1780. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 16. Л. 64 — 70 об. *Незаконные венчания*: дело по сообщению городничего фон Швейгхофера о незаконном венчании дворовой женки с драгуном Хохловым. 17.10.1788 — 04.01.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–8. *Венчание прихожан чужих приходов*: дело по донесению священника Нижнеуvelьской слободы о венчании священником Парышевым браков прихожан из чужих приходов. 02.02–09.03.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–7. *Тайные венчания*: указ Тобольской духовной консистории о тайном венчании брака священником Куртамышского пригородка. 27.04–31.05.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–3. *Венчание браков без справок*: дело «о свенчании священником Челябинской Троицкой церкви Кузнецовым браков без справок». 09.11.1786 — 15.03.1787. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–12.

Отпевания и погребения.

Указы: дело «по указу Тобольской духовной консистории о непогребении скоропостижно

умерших без свидетельств нижних земских судов и лекарей». 06.05–17.07.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–17. *Скрытие причины смерти*: дело о священнослужителе, скрывавшем истинную причину смерти отпетога. [05.01.1778 — 28.01.1780]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12а. Л. 36–56. *О захоронении при церквях*: письмо обывателя Нижнеуvelьской слободы заказчику Челябинского духовного правления Филиппу Галяховскому с жалобой на местных священников, хоронящих умерших при церкви. 9 февраля 1783 г. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 31. Л. 79–79 об. Письмо священника по данному вопросу. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 31. Л. 73, 76. *О потере тела*: дело по сообщению Челябинского нижнего земского суда «о потерявшемся мертвом младенческом теле, отданном для погребения куртамышскому пономарю Серебренникову». 05.02.1785 — 22.03.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–10. *О неотпевании утопленника*: репорт челябинского священника Земляницына о неотпевании утонувшего копииста Мамина. Допросные листы. 21.08–13.09.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–5.

Богослужения и знание устава.

Указы: указ из Тобольской духовной консистории о запрещении находящимся в монастыре исповедовать мирян. 27.12.1789 — 26.01.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 491. Л. 1–4. *Знание устава*: дело по репорту куртамышского причта о неисправном знании устава дьячком Петровым и о подозрении его в краже церковных денег. 14.03.1785 — 14.02.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–40. *О неслужении*: дело «по репорту Еткульской крепости диакона Молчанова о не служении священником Поршенинниковым в высокаторжественные дни». Допросные листы. 08–16.01.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–6. *Исправление таинств*: дело по доношению Челябинской Троицкой церкви диакона Попова «об исправлении священником Кузнецовым церковных таинств в пьяном образе». Допросные листы. 02.06–20.08.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–10. *О нерачительном исполнении своей должности*: репорт священнослужителей о нерачительном исполнении своей должности дьячком Милицыным. [22.01–24.07.1790]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 533. Л. [1–13]. *Неслужение по болезни*: репорт пономаря Христорожественской церкви г. Челябинска об отказе священника Кайдалова проводить службу по болезни. 05.02.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–2. *Разные*: дело по доношению священника Троицкой церкви г. Троицка об удерживании священником Бирюковым сына своего — пономаря — от службы. 31.08–20.09.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 502. Л. 1–7.

Плата за требы.

Указы: указ о деньгах, взимаемых священниками за требы. [30.12.1779 — 03.1781]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 16в. Л. 15–16 об. *Излишняя, неумеренная плата*: сообщение из Челябинского нижнего земского суда о взимании священником с Долговского Кондаковым неумеренной платы за требы. 29.03–07.11.1788. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 364. Л. [1–4].

§ 2. Исправное ведение документов.

Указы: указ Тобольской духовной консистории «о представлении метрических ведомостей в срок». 19.06–13.07.1784. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–4. Ошибки в записи бывших и не бывших на исповеди:* промемория из Куртамышской комендатской канцелярии об ошибочном записывании бывших на исповеди прихожан небывшими священником Комаровым. 18.12.1784. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–2. Духовные росписи:* дело «по репорту десятиначальника священника Протасова о несоставлении духовных росписей Карачельскими и Птичанскими причтами». 20.08–10.1786. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–18. Метрические тетради:* репорты священника Звериноголовской крепости Милицына об утрате метрической тетради. 30.10–15.12.1786. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–3. Репорт Челябинского духовного правления в Тобольскую духовную консисторию о причинах непредставления метрических книг по Куртамышской слободе.* 04.03–30.07.1791. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 547. Л. 1–3.*

§ 3. Самовольные отлучки.

Указы: указ из Тобольской духовной консистории «об обязанности подписками» всех священно- и церковнослужителей, с тем «чтобы они от церквей своих не отлучались». Репорт из Челябинского духовного правления о получении указа. 18.01–20.02.1775. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2. Дела:* дело по сообщению троицкого коменданта Корфа о самовольной отлучке пономаря Кайдалова. 24.05–03.06.1784. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2. Дело о самовольной поездке дьячковского сына Переберина в Курганскую округу.* 01.07–22.08.1790. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 496. Л. 1–8.*

Глава 3. Преступления и проступки против благочиния и благоповедения.

Указы: указ из Тобольской духовной консистории о запрещении сквернословить священно- и церковнослужителям. Расписки священно- и церковнослужителей в получении указа. 25.11.1789 — 01.1790. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 409. Л. 1–7. О поведении:* дело о поведении священника Верхнеуевельской слободы Третьякова: указы, репорты, доношения, допросные листы по данному делу. [29.05.1777 — 15.04.1811]. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7а. Л. 75–109. Конфликты внутри причта:* дело (следственное) о поведении священно- и церковнослужителей Спасской церкви Чумлятской слободы. 10.10.1785 — 20.01.1791. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–191. О пьянстве:* дело по репорту священно- и церковнослужителей Таловской слободы о пьянстве дьячка Караульщикова. Допросные листы. 17.05.1789 — 24.02.1791. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–22. О бегстве:* дело по сообщению из Троицкого Рафаиловского монастыря о побеге священника Кораблева. Допросные листы. 22.06–16.07.1789. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–10. О невоздержанности:* репорт дьячка Куртамышской слободы о невоздержанности священника Петрова. 09–22.03.1784. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–3. О беспорядочных (непорядочных) поступках:* указ из Тобольской духовной консистории

«о непорядочных и предосудительных поступках попа Федора Толкачева». Репорты священно- и церковнослужителей Челябинской округи о получении указа. 04.11.1784 — 17.03.1785. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–15. О недостойном поведении, о нечестивых поступках:* дело по репорту диакона Кислянского села Ильина о недостойном поведении священника Мальцова. Допросные листы. 18.04–07.06.1789. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 397. Л. 1–20.*

Комментарий. Профессор Суворов отмечает: «Понятия благочиния и благоповедения не могут быть разграничены одно от другого. Это суть вообще нарушения обязанностей звания или сана духовного, каковы нетрезвость, нецеломудрие, неприличие в одеянии, занятие несообразными с духовным званием профессиями. Сюда могут относиться и такие поступки, которые по общему порядку, подлежат светской юстиции по 42 ст[атье] мир[ового] уст[ава] (появление в публичном месте в пьяном до беспамятства или в безобразном от опьянения виде)»⁹.

Раздел В. Проступки членов семей священно- и церковнослужителей.

Дело о побеге священнической вдовы Протасовой. Допросные листы. 03–24.08.1789. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–4. Дело по репорту дьячка г. Челябинска Задорина о бегстве учеников — детей священника Каракульской крепости Мутина.* 03.10–10.1791. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 560. Л. 1–7.*

Часть 3. Жалобы священно- и церковнослужителей на обиды со стороны должностных лиц и мирян

Дело по доношению священника Усть-Уйской крепости Меркурьева «о происходящих у него с комендантом Ершовым ссорах». 26.04.1785 — 14.02.1786. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–28. Дело по доношению священника с Долговского Кондакова об оскорблении его крестьянином Вихоревым.* 02.04–25.07.1788. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 349. Л. 1–6.*

Часть 4. Различные дела о прихожанах, рассмотренные в Челябинском духовном правлении**Раздел А. Дела о преступлениях и проступках прихожан.**

Кражи: дело по сообщению от исецких войсковых казачьих дел «о увещании казака Баландина в заpiresательстве против допроса товарища его в покраже у разных людей имения». 17.02–13.03.1785. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–6. Церковный староста:* дело о поведении церковного старосты. [10.1777 — 29.11.1779]. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12в. Л. 56–63. О поведении мирян:* дела о поведении мирян [01.01.1783 — 31.12.1783]. *Ф. И-33. Оп. 1. Д. 31. Л. 315–323. Обиды жен:* дело «по репорту Троицкого священника Балярского о бесчеловечных поступках сержанта Пешкова с женою». 10.04.1784 — 13.03.1785. *Ф. И-33. Оп. 1.*

Д. 95. Л. 1–16. *Разные*: дело по сообщению из нижнего земского суда о казачьей дочери Миасской крепости Дорофеевой. 11–17.04.1788. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–6.

Раздел Б. Дела о естественной смерти и убийстве прихожан. Репорты и свидетельства священно- и церковнослужителей.

Убийства: переписка Челябинского духовного правления и Челябинской первой нижней расправы по делу об убийстве крестьянина Куртамышской слободы Завьялова его женой. 03–07.08.1788. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 377. Л. 1–4. *О нарушениях при погребении*: репорт десятона начальника с. Воскресенского священника Протасова о крестьянине дер. Щучьей Семене Авраамове Кувалдине, похоронившем без отпевания свою дочь (умерла при рождении сына Иллариона). 20.10.1786. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–2. *О сомнительной смерти*: переписка Челябинского духовного правления, Челябинских городничих дел и священника Христорожественской церкви Баярских по делу о скоропостижной смерти протоколиста Степана Евтюгина. 27.01–08.02.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–7.

Часть 5. Церковные наказания

Раздел А. Наложение епитимии и других наказаний.

Указы: указ из Тобольской духовной консистории о наложении епитимий на прихожан за недостойное поведение [30.12.1779 — 03.1781] Ф. И-33. Оп. 1. Д. 16в. Л. 82–83. *Дела*: «Дело о жене поручика Малковского, ставшей причиною смерти прапорщика Демидова в период Пугачевского восстания». 22.01–12.12.1775. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–14. Дело по сообщению из Челябинской нижней расправы о наложении епитимьи на отставного солдата Красильникова за кражу двух лошадей. 19.04–19.05.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–4. Дело по сообщению Челябинской нижней земской расправы о наложении епитимьи за небытие на исповеди более трех лет на прихожан церковью Челябинской округи. 28.03.1785 — 25.06.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–14.

Раздел Б. О прихожанах, находящихся под епитимией. Ведомости по годам.

Ведомости: ведомость о прихожанах, находящихся под епитимьей за 1784 г. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 73. Л. 22 об. — 25. *Образец епитимии*: «Росписание, каким образом исполнять епитимью» [05.01.1778 — 28.01.1780]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12а. Л. 20, 51. *О поведении находящихся под епитимьей*: дело о поведении казака, находящегося под епитимьей. 02.01.1781. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5. *Об исполнении епитимии прихожанами*: дело по репорту священно- и церковнослужителей с. Петровского «об исполнении епитимьи крестьянином* и крестьянской женой*». 14.01.1784 — 15.05.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–35.

Раздел В. Наказания духовных и церковно-должностных лиц.

Ведомость о священно- и церковнослужителях, отлученных от церкви. 03.09–30.10.1790. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 478. Л. 11 об. — 12. Переписка между Тобольской духовной консисторией, Челябинским духовным правлением, Исетскими войсковыми казачьими делами и священником Чебаркульской крепости об отстранении от должности пономаря Николая Пономарева и отсылке его в «светскую команду» [02.09.1783 — 20.06.1784]. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–11. Дело по указу Тобольской духовной консистории «о запрещении в служители диакона Протасова за битие башкирца». 31.01–18.11.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–14.

Часть 6. Дела о священно- и церковнослужителях, рассмотренные с участием судебных органов и других светских властей

Свидетельские показания: переписка Челябинского духовного правления, Шадринского нижнего земского суда и десятона начальника Воскресенского села священника Протасова об отображении свидетельских показаний от Окуневских священников о том, что поручик Томилов при составлении завещания находился в полном разуме. 25.06–12.08.1784. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–7. *Наказания*: дело по сообщению Челябинского нижнего земского суда о наказании священника Чюмлятской слободы Рычкова. 21.12.1784 — 09.04.1785. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–16. *Допросы*: дело по сообщению Челябинской первой нижней расправы «о присылке в оную села Введенского священника Максимова для допроса по делу помещицы Дебусобриевой». 16.12.1786 — 16.01.1787. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–10. *Задержания*: сообщение из палаты уголовного суда Уфимского наместничества о задержании дьячка Ленева села Анцыфьева. 23.10–02.11.1789. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 442. Л. 1–4. *Взыскания денег*: дело по сообщению из Челябинского городского магистрата о взыскании с дьячка Рязанова денег. 10.07–09.09.1791. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 549. Л. 1–13.

В заключение необходимо сделать несколько важных замечаний. Научные исследования, опирающиеся на старинные церковные документы, без сомнения, имеют свои особенности. Это связано не только с прерванной в начале прошлого столетия исторической традицией и трагической судьбой самой Церкви. В первую очередь нельзя забывать, что архивные дела круга ведомства церковного суда содержат «персональную» информацию по преимуществу негативного характера. Речь в этих документах идет о предках тех людей, которые проживают как в уральском регионе, так и в других уголках большой страны (и за рубежом). Соблюдение этических норм архивистов и исследователей — важнейшая профессиональная задача при работе с данными документами ведомства Русской православной церкви¹⁰.

Примечания

¹ Воронкова Е. Н. Научно-справочный аппарат к фонду И-33 «Челябинское духовное правление»: арх. справ. // Архив в социуме — социум в архиве: материалы регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2018. С. 88–92.

² Сухина Е. Н. [Воронкова]. Документы Челябинского духовного правления второй половины XVIII века в аспектах исторического и лингвистического источниковедения // Археография Южного Урала. Изучение документальных источников по истории развития языков народов Южного Урала: материалы VI межрегион. науч.-практ. конф. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 143–150.

³ Суворов Н. С. Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004.

⁴ Цытин В. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин, 2004.

⁵ Суворов Н. С. Указ. соч. С. 242–293.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ «В Великой пост явился муж моей жены...» Дело о разводе крестьянина Василия Бобылева с женой. 1779–1781 гг. Публикацию подготовила Е. Н. Сухина // Отечеств. арх. 2007. № 4. С. 127–136.

⁸ Лингвистическое краеведение на Южном Урале: в 2 ч. Ч. 2: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2001. С. 58–68.

⁹ Суворов Н. С. Указ. соч. С. 258.

¹⁰ Воронкова Е. Н. Этические аспекты использования региональных церковных документов XVIII века в архивной практике и научных исследованиях // Архивы без границ: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. / Гос. арх. Перм. края Пермь, 2017. С. 39–53.

Ф. Г. Закирова

Источники по истории Уфы в фондах Национального архива Республики Башкортостан

В преддверии 450-летнего юбилея Уфы особую актуальность приобретает научная литература и источники, хранящиеся в фондах архивов и библиотек. В научно-справочной библиотеке (НСБ) архива имеется много изданий, имеющих большое научное и культурное значение для исследователей истории Башкортостана и Уфы: адрес-календари и справочные книжки Уфимской губернии за 1873–1917 гг., памятные книжки Оренбургского учебного округа за 1911–1913 гг., «Уральские торгово-промышленные календари» за 1901 и 1915 гг., обзоры Уфимской губернии за 1878–1915 гг., сборники статистических сведений по Уфимской губернии за 1898–1911 гг., списки населенных мест, справочники по административно-территориальному делению Уфимской губернии и Башкортостана за 1870–1999 гг., материалы переписей населения за 1897–1989 гг. и др. В НСБ хранится первая книга, изданная в Уфимской губернской типографии, — «Описание Оренбургской губернии в этнографическом, хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях» В. Н. Черемшанского (1868). Книга эта была удостоена золотой медали Ученого комитета Министерства государственных имуществ. Из других книг, ценных для истории демографии края в разрезе сословий, следует назвать «Материалы к истории уфимского дворянства» В. А. Новикова (Уфа, 1879), «Уфимская епархия» Е. И. Златоверховникова (Уфа, 1897), «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» В. Н. Витевского (Казань, 1897).

В подготовке к изданию части этих книг участвовали и служащие отдела статистики Уфимской губернской земской управы, уездных земских управ, городских дум и управ, а также Оренбургского и Уфимского губернских статистических комитетов. Фонды этих сословных и государственных учреждений также хранятся в Национальном архиве.

Историю статистики края нельзя представить без такой известной в крае и России личности, как Николай Александрович Гурвич (1828, Гродно — 20.05.1914, Уфа) — врач, экономист, историк, этнограф, географ, действительный статский советник, действительный член Русского географического общества. Он был одним из первых профессиональных статистиков Башкирии. В 1864–1891 гг. секретарь Уфимского губернского статистического комитета, редактор неофициальной части газеты «Уфимские губернские ведомости» (1865–1896), один из инициаторов открытия в Уфе губернского краеведческого музея (1864), первой бесплатной лечебницы (1870), первой государственной библиотеки с бесплатной читальней, создания общества врачей Уфимской губернии (1882). Автор работ по экономической, демографической и санитарной статистике, истории и этнографии края.

В августе 1885 г. Уфимский губернский статистический комитет по инициативе Н. А. Гурвича созвал общее собрание по случаю подготовки к 300-летию существования Уфы. В собрании участвовали: председатель комитета, начальник губернии, почетные, непременные и действительные члены комитета, городской голова, члены городской управы гласные городской думы, представители дворянства, земства, сословий и духовенства.

С докладом выступил член-секретарь статистического комитета, действительный статский советник Н. А. Гурвич. В своем обстоятельном докладе Николай Александрович осветил суть разночтений по вопросу о дате основания Уфы. «У исследователей края, например Рычкова и Карамзина, — сказал докладчик, — датой этой отмечается целый период — с 1573 до 1586 года». Поскольку споры продолжались, было решено обратиться к академику П. П. Пекарскому (к 1885 г. уже покойному), который после долгих поисков в Московских архивах и после тщетных

поисков в Петербурге нашел «положительное и несомненное известие, что Уфа и Самара основаны в 1586 году¹» (подлинные слова П. П. Пекарского). Результаты изысканий академика были опубликованы отдельной брошюрой в типографии Императорской академии наук в 1872 г. Главным доводом был ответ царя Федора Иоанновича в ноябре 1586 г. послам ногайских владельцев на их требование не ставить городов на Уфе и Самаре: «...государевым городам на Уфе и Самаре быть».

В то же время Н. А. Гурвич отмечает, что указания о строительстве города «начинаются с 1574 года — с прибытия в Уфу воеводы из Москвы Ивана Нагого, а по указанию источников, в 1573 г. башкиры просили о построении города среди них. Есть даже указания относительно города Уфы, относящиеся к более раннему периоду, именно к 1560 году²».

В своем обосновании празднования юбилея Гурвич различает два момента: основание города, то есть начало сооружения (закладка храма либо стратегического сооружения, или форта), и построение города. То есть в 1574 г. был построен стратегический пост, или Детинец. Переговоры же с ногайским князем Урусом, который всячески сопротивлялся строительству городов, шли долго, и именно в сентябре 1586 г. было дано знать Урусу, что город на Белой Воложке «веле-но ныне поставити», что дало основание академику Пекарскому прийти к убеждению, будто Уфа основана в течение весны и лета 1856 г. То есть еще до официального утверждения собственно города Уфы началась застройка початка, или окраины, вроде форштадта или слободки под крепостью, и был даже церковный приход.

В то же время Николай Гурвич дипломатично добавляет, что и другое мнение имеет право на существование. Датой же празднования он предложил 8 июля, то есть день почитания иконы Казанской Божией Матери, храм во имя которой был заложен в 1579 г. Также Гурвич отмечает, что из этого не следует, что юбилейный праздник Уфы составляет торжество только христианского населения города: «...отнюдь нет: оно торжество русских людей, верноподданных русского царя, и конечно в том числе и магометан, а главное — башкир». Известно, что, помимо стратегических и административных целей, построение Уфы было вызвано и просьбой самих башкир. По показанию Рычкова, «среди их для безопасности их промышленности и удобнейшего взноса ясака, последнее конечно, было второстепенным мотивом³». Таким образом, статистический комитет и его легендарный член-секретарь Николай Александрович Гурвич на основе изучения различных источников обосновали дату празднования трехсотлетнего юбилея г. Уфы в 1886 г.

Продолжателем традиций статистиков дореволюционного периода стал Николай Николаевич Барсов (1901–1981), экономист, плановик, статистик, краевед. Николай Николаевич родился

в Уфе 6 сентября 1901 г., в 1911 г. поступил учиться в Уфимскую мужскую гимназию, которую окончил в 1920 г., после преобразования ее в советскую школу второй ступени. Член партии социалистов-революционеров в 1917–1923 гг. (в 1920 г. секретарь Уфимского губернского комитета, в 1922 г. кандидат в члены и член Центрального бюро меньшинства партии). В 1920 г. поступил на работу инструктором Уфимского губсовнархоза, был командирован в Москву на курсы инструкторов-экономистов промысловой кооперации. В 1923 г. вернулся в Уфу, начал работать в органах государственной статистики (ЦСУ).

В 1924–1926 гг. находился в Суздальском политизоляторе (концлагере), с 27 декабря 1926 г. по 11 февраля 1927 г. — в московской Бутырской тюрьме. Вернувшись в Уфу, Николай Николаевич до 1930 г. специализировался в области демографической, коммунальной и санитарной статистики, написал и опубликовал по этим вопросам несколько работ, важнейшая из которых «Национальный состав населения Башкирии» (Хозяйство Башкирии. 1928. № 8–9).

С 1930 г. перешел на плановую работу в Башкомхоз НКВД, реорганизованный впоследствии в Наркомат коммунального хозяйства БАССР; по совместительству в 1931–1932 гг. работал в Башкирском филиале Гипрогора руководителем группы экономических обоснований, в Башкирском НИИ социалистической гигиены и здравоохранения и т. д.

С 1928 г. состоял членом жилищно-коммунальной секции Башгосплана. В 1935 г. перешел в Госплан, но в начале 1937 г. был уволен. В 1938 г. поступил лаборантом на кафедру социальной гигиены Башкирского мединститута, где проработал до осени 1943 г. в должности старшего преподавателя санитарной статистики, а затем латинского языка. В 1943 г. откомандирован в Госплан, где проработал до 1961 г.

Н. Н. Барсов занимался изучением истории Уфы и библиотечного дела, демографической, санитарной и коммунальной статистики. Автор более 400 публикаций. С 1964 г. член совета, с 1971 г. председатель секции краеведения Башкирского республиканского отделения ВООПИК.

С 1923 г. он работал в Уфе в органах статистики, в 1936–1937 и 1943–1961 гг. в Госплане республики. Изучал историю статистики, книжного, библиотечного дела края, Уфы. Ежегодно с 1991 г. Обществом краеведов Республики Башкортостан проводились республиканские Барсовские краеведческие чтения. В Национальном архиве РБ хранится фонд личного происхождения Н. Н. Барсова (Р-1943), где имеются материалы по истории статистики страны и республики, документы о биографии, семье, фотографии, обширная переписка с учеными и краеведами страны. Также в архиве составлена картотека статей известного краеведа по истории края и Уфы (более 400 публикаций) и др.

Интересные документы про истории столицы Башкортостана содержит личный фонд Вениа-

мина Давидовича Таича, картографа, долгие годы изучавшего картографию России и края, составившего реконструкцию Уфимского кремля и подготовившего рукопись по ранней истории города. Этот труд отредактировал ученый-историк, археолог П. Ф. Ищериков. Петр Федорович исследовал и опубликовал труд по истории краеведческих изысканий, в том числе документы о работе комиссии в по отбору архивных дел по описям на постоянное хранение в Уфимском губернском правлении, переписку с научными учреждениями России по работе комиссии и др. Сотрудничество археолога, картографа, плановика-статистика дало возможность ознакомить общественность с научно достоверной историей населенных пунктов, в первую очередь с летописью Уфы.

Таким образом, при подготовке к юбилею Уфы исследователям помогут труды наших предшественников — археологов, историков, картографов, статистиков, многие десятилетия неустанно трудившихся в архивах, библиотеках, на археологических раскопках и оставивших результаты своих изысканий в тех же архивах, библиотеках и академических учреждениях.

Примечания

¹ Когда и для чего основаны Уфа и Самара? Историческое разыскание академика П. П. Пекарского. СПб., 1872. С. 1–29.

² Уфимский юбилейный сборник в память празднования трехсотлетнего юбилея города Уфы. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1887. С. 6.

³ Там же. С. 11.

В. В. Кашиш

Архивные документы жандармерии (1870–1917) — важный исторический источник изучения Урала

Спустя столетие после организации архивного дела на Урале отметим архиважную функцию архивов в сохранении исторического наследия, касающегося всех сторон российского социума.

Более трех веков наш народ активно осваивал территорию Урала, который стал срединным хребтом Российской империи, а теперь современной России. И весь этот длительный процесс сопровождался осмыслением достигнутого.

Огромным и малоисследованным до настоящего времени является пласт документов имперской политической полиции за полвека практической деятельности на Урале. Длительное время указанные документы находились в спецхране и не были доступны исследователям. Кроме того, в советский период преобладал критический и идеологизированный подход к деятельности охранителей общественного спокойствия, которые рассматривались как «царские сатрапы» из пресловутой «охранки». До настоящего времени террористы и боевики дореволюционной России, обильно пролившие кровь, предстают в качестве героев, посвятивших себя «благородной цели освобождения человечества». Как правило, история, которую мы знаем и изучаем, писалась победителями. В непростом развитии русской революции после длительной и упорной борьбы в 1917 г. победили социал-демократы в союзе с социал-революционерами. Но всегда полезно услышать и другую сторону — в данном случае через аутентичные жандармские документы. В качестве прорывной отметим работу архивистов Башкортостана¹. К удаче уральских историков, сохранились достаточно большие массивы документов жандармерии конца XIX — начала XX в.

Пермское губернское жандармское управление (ГЖУ) было учреждено в соответствии с «Положением о корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. и с 1880 г. функционировало в составе

Министерства внутренних дел в качестве территориального подразделения Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). В части розыска и следственной деятельности управление подчинялось Департаменту полиции, в рамках компетенции занимаясь выявлением, пресечением и расследованием государственных преступлений, розыском революционных организаций и лиц, надзором за настроениями во всех слоях населения. Жандармерия, как и полиция, была распущена постановлением Временного правительства «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной полиции» от 10 марта 1917 г.

В Госархиве Пермского края сохранились солидные архивы жандармских переписок и обзоров, материалов розыска и дознания, финансовых и личных дел. Так, в фонде 162 «Пермское губернское жандармское управление» содержится 794 ед. хр. начиная с 1846 г. Кроме того, имеются фонды «Помощники начальника Пермского ГЖУ» (около 500 дел) в Перми (Ф. 168), а также Кунгурском (Ф. 228), Пермском, Соликамском и Чердынском (Ф. 229), Екатеринбургском и Красноуфимском (Ф. 230), Верхотурском (Ф. 231), Камышловском и Шадринском (Ф. 238) уездах. Таким образом, «жандармская» коллекция с учетом железнодорожных коллег превышает 1400 томов.

В Государственном архиве Свердловской области имеются на хранении аналогичные фонды: «Начальник Пермского ГЖУ» (Ф. 538) и «Помощники начальника Пермского ГЖУ в <...> уездах»: Екатеринбургском (Ф. 185), Верхотурском, Ирбитском (Ф. 519), Камышловском и Шадринском (Ф. 520), Красноуфимском и Кунгурском (Ф. 521). Всего 840 ед. хр.

Указанные фонды содержат исторические справки, общие предметные, географические,

именные указатели. Предоставляется удаленный доступ к описям, что позволяет проводить предварительный целевой поиск. В качестве уникальных источников ГАПК отметим аутентичные списки членов партий анархистов, эсеров, кадетов, большевиков Пермской губернии. А вот списки монархистов были составлены по материалам фонда уже в советское время².

К сожалению, документы жандармских фондов ГАПК не имеют электронных копий. В век цифровизации исследователям предлагают выцветшие микрофиши сорокалетней давности (например, в октябре 2019 г. — дела Ф. 162). Кроме того, дело «Списки иностранных специалистов» составлено сотрудниками ОГПУ в период социалистического строительства Прикамья, в 1930-е гг., и ошибочно отнесено к жандармам, что дезориентирует исследователей³.

Отметим, что документы Пермского ГЖУ разделены по двум госархивам — в Перми и Екатеринбурге, причем архивисты ГАСО указали: «Дата поступления фонда неизвестна»⁴. Возможно, раздел произошел в результате выделения Екатеринбургской губернии, но тогда следует признать его произвольный механистический характер. Выскажу свою версию: ликвидационные комиссии Временного правительства в отношении жандармерии изымали уездное делопроизводство в 1917 г. и вывозили в сложившиеся административные центры по принципу «ближе и удобнее».

В 1980-е гг. архивисты переработали описи, систематизировав их по номинально-хронологическому принципу, составили научно-справочный аппарат, оформили новые титульные листы, оглавления и предисловия. Сотни документов прошли реконструкцию и реставрацию.

Документы «дел давно минувших дней» убеждают в логической последовательности деятельности российских спецслужб в течение XIX–XXI вв., обеспечивающих безопасность государственных институтов. В настоящее время признание преемственности уже не считается чем-то из ряда вон выходящим, как это наблюдалось в недалекой истории. Так, в начале 2022 г. Российская прокуратура отметит 300 лет служения, считая от выхода указа Петра I. Любое государство стремится обеспечить свой суверенитет и обороноспособность, незыблемость строя и укрепление институтов власти. В этих целях многовековой общественной практикой выработан и используется традиционный арсенал защиты правопорядка.

Жандармерия по долгу службы и в силу рутинной розыскной работы кроме революционных процессов и различных чрезвычайных происшествий фиксировала многие повседневные события на Урале: религиозные шествия и массовые молебны, потравы посевов и ущерб от градобоя, уличные драки и спланированные убийства, хищения драгметаллов и остановки заводов, работу школ и библиотек, врачей и учителей, а также взаимоотношения людей на переломе веков и в ходе мировой войны. На защите самодержавия

(как и в борьбе с ним) стояли конкретные люди с достоинствами и недостатками, свойственными им на протяжении всего пути развития человечества.

* * *

В 2019 г. мы выбрали для исследования фонды «Помощник начальника Пермского ГЖУ в Верхотурском уезде», одновременно сформированные и в ГАПК (Ф. 231. Д. 1–14), и ГАСО (Ф. 519). Последний состоит из 272 дел и содержит около 31 тыс. листов, из них свыше четверти (8377) оцифрованы! Причем документы отличает хорошая сохранность, чему способствовали и мирная смена власти в ходе Февральской революции, и увольнение сотрудников жандармерии в соответствии с законом. Около трехсот архивных томов послужили серьезной источниковой базой для изучения различных сторон развития общества, в том числе борьбы с революционным движением на горнозаводском Урале.

Верхотурский уезд был самым обширным административным районом Урала с большим количеством заводов и предприятий. Несмотря на то что центром уезда являлся г. Верхотурье, местом для жандармской резиденции был выбран Нижний Тагил как центр транспортных коммуникаций и индустриального производства. В период с 1870 по 1917 гг. указанную должность, сменяя друг друга, занимала дюжина офицеров в чине ротмистра и подполковника. Один из них, В. Н. Руссиянов, дал пищу для многолетних дискуссий историков всего мира. Именно от него, эмигрировавшего в США, пошел по свету документ о том, что И. В. Сталин являлся агентом царской охраны⁵.

В ходе нашего исследования удалось восстановить жизненные этапы другого, не менее интересного жандарма, который провел первый этап русской революции в Верхотурском уезде⁶.

На рубеже 1905–1906 гг. Российскую империю после проигранной войны с Японией повсеместно сотрясали революционные выступления и общая смута, а в Москве было жестоко подавлено с применением войск декабрьское восстание рабочих на баррикадах Красной Пресни. Накануне Рождества штаб Корпуса жандармов срочно запросил досье на одного из офицеров Пермского ГЖУ для безотлагательного доклада министру внутренних дел П. Н. Дурново. При этом само руководство корпуса оставалось в неведении о сути проявленного интереса сановника к уральскому жандарму. Личное дело С. М. Ральцевича позволило выделить моменты биографии 34-летнего жандарма, выходящие за пределы нормы⁷.

С. М. Ральцевич с 1904 г. отвечал за Верхотурский уезд, который превышал территорию Бельгии в два раза. С началом революционных волнений он твердо противостоял забастовкам, проведя ряд арестов зачинщиков антиправительственных выступлений повсеместно от Алапаевска до Надеждинска (ныне г. Серов). Эти рабочие поселки прогремели на всю Россию после

учреждения первых Советов, массовых беспорядков и террористических актов против царских чиновников и заводских управляющих со стороны боевиков Лбовской дружины.

На момент столичного запроса еще продолжался разбор чрезвычайного происшествия, связанного с освобождением членов стачкома 14 декабря 1905 г. рабочими Нижне-Тагильского завода, принадлежавшего наследникам П. П. Демидова, князя Сан-Донато. Тогда решительно настроенные рабочие числом до полутысячи вынесли на руках товарищей из арестного помещения Земского дома. Никто из присутствующих чинов полиции и сам жандармский ротмистр, задержавший организаторов железнодорожной забастовки, не посмел отдать приказ солдатам на применение оружия⁸. Несмотря на жесткую позицию столицы, адекватность поведения силовиков стала осознана со временем, после губительных последствий расстрелов демонстраций у Зимнего дворца, в Златоусте, на Ленских приисках.

В декабре 1905 г. по Высочайшему повелению были введены режимы «усиленной охраны» в Уфимской и Вятской губерниях, «чрезвычайной охраны» — в Пермской губернии, военного положения — в Челябинском уезде Оренбургской губернии. Вскоре во всей Пермской губернии было введено чрезвычайное положение, а новый губернатор получил дополнительные войска и права по наведению порядка, используя их против бунтовщиков Мотовилихи и Чусового. Прибывший в начале 1906 г. в Нижний Тагил губернатор А. В. Болотов с удовлетворением заслушал доклад Ральцевича о повторном аресте руководителей железнодорожной забастовки А. И. Бессонова, В. В. Каменского и дворянина Ф. С. Пикликевича, а также организатора их освобождения А. Л. Петрова⁹.

В Верхотурском уезде удалось восстановить работу предприятий и успокоить массы, поэтому в целом обстановку на вверенной С. М. Ральцевичу территории с населением в четверть миллиона человек губернатор и жандармское руководство особо не выделяли. Ход и результаты умирения рядовых забастовок и отдельных беспорядков на Урале, тем более после многочисленных жертв в центре, вряд ли могли так глубоко интересовать министра. Причина повышенного интереса к офицеру была явно в другом.

* * *

Дворянин во втором поколении Сергей Матвеевич Ральцевич родился в 1870 г., получил общее образование в Ейском реальном училище, где дополнительно совершенствовался во владении французским языком. По окончании Киевского военного училища (1894) по второму разряду был определен в Петрозаводский пехотный полк с присвоением первого офицерского чина — подпоручика. Ровно через четыре года он получил очередное звание, а спустя аналогичный период дослужился до штабс-капитана (1902). После помпезного празднования столетия полка

с вручением Георгиевского знамени в 1903 г. офицер подал рапорт о смене рода службы. Одним из немногих вариантов вырваться из «медвежьего угла», а также добиться карьерного роста был перевод в Корпус жандармов.

С момента создания политической полиции в России (сразу после восстания декабристов) от претендентов требовалось дворянское происхождение, оконченное по первому разряду военное училище и не менее шести лет строевой службы. Не допускались лица «бывшие в штрафах, под судом и следствием», картежники, выпивохи и должники. В православной державе лицам польского происхождения, католического исповедания или женатым на католичках, евреям, путь в жандармерию был закрыт.

С. М. Ральцевич выдержал экзамены и окончил в столице полугодовые курсы, где прослушал историю революционного движения, приобрел навыки политического сыска и производства дознания. При этом он получал жалование из части, считаясь в командировке. За это время ведомство собрало подробные сведения о его семье, личных качествах и убеждениях, а также взаимоотношениях в полку. Проверка кандидата Ральцевича в соответствии с «Правилами приема офицеров в Отдельный корпус жандармов» не выявила препятствующих оснований. И только после этого на основании приказа Николая II состоялось его зачисление в Ярославское ГЖУ на первую должность — адъютанта. В установленном порядке его пехотный чин был переименован в жандармский — «ротмистр» (взят из кавалерии), а через год последовало назначение на самостоятельную должность на Урале.

После смены деятельности офицер наконец задумался об устройстве семейного гнезда. Обезьяна по служебным обязанностям крупнейшие заводы, принадлежавшие известным в России семьям Демидовых, Половцевых и Собакиных-Яковлевых, бывая в приличных обществах, он высмотрел в с. Государева Лая девицу 24 лет. Несмотря на согласие невесты и родителей, брак в Российской империи был строго регламентирован, и к нему относились серьезно. Для состоящих на государственной службе лиц подготовка к женитьбе была обременена получением письменного дозволения высшего начальства. Без ононого виновный, даже жандармский офицер, мог попасть на гауптвахту. Выбор невесты офицера должны были одобрить не только родители, но и «семь посаженных отцов» по служебной линии из губернского центра и столицы.

28 марта 1905 г. С. М. Ральцевич обратился к начальнику управления с рапортом одобрить его выбор. Согласно приказным нормам, тот запросил уездного исправника «совершенно негласным путем собрать и сообщить в возможной скорости сведения о поведении, нравственности и политической благонадежности» невесты. Верхотурский исправник через пару недель ответил под грифом «Секретно. Весьма нужное»: «Имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что

дочь протоирея Кушвинского собора Екатерина Николаевна Левитская поведения отличного, безупречной нравственности и в политическом отношении вполне благонадежна»¹⁰.

Получив необходимые заверения от коллеги по министерству, жандармский полковник обратился 19 апреля по служебной иерархии в Санкт-Петербург с просьбой санкционировать брак подчиненного, в свою очередь ручаясь, что невеста вполне удовлетворяет требованиям пристойности брака. Для соблюдения порядка месяцем ранее были заблаговременно исполнены заверенные нотариусом подписки. Молодая женщина подтверждала, что добровольно выходит замуж, а родители соглашались на брак дочери с жандармом. Таким образом, все документы, собранные, казалось бы, полным и надлежащим образом, были доставлены в столицу. На что довольно быстро пришел ответ, зарегистрированный пермской канцелярией ГЖУ 8 мая 1905 г.: «Командующий корпусом разрешил вступить в первый законный брак помощнику Вашему ротмистру Ральцевичу с дочерью протоирея Кушвинского собора девицею Екатериною Николаевною Левитской. Представьте одну гербовую марку 60-копеечного достоинства для оплаты рапорта названного офицера о разрешении на вступление в брак. Начальник штаба Генерального штаба полковник С. Саввич, 29 апреля 1905»¹¹.

Удивительно! За министерскими окнами полыхала революция. После январского расстрела людей на Дворцовой площади по всей стране прокатились протестные акции миллионов рабочих и крестьян, вплоть до восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». А жандармское руководство продолжало тщательно соблюдать норму закона, без промедления откликаясь на устремление семейной жизни уральского офицера.

Поручителями законности акта бракосочетания выступили начальник управления полковник В. А. Бабушкин, его помощники в Красноуфимском и Кунгурском уездах подполковник В. М. фон Оглио, в Екатеринбургском уезде ротмистр граф М. А. Подгоричани-Петрович. За невесту поручились священники нижнетагильской Введенской церкви И. Двинянинов и кушвинского Свято-Троицкого собора Л. Юшков. Венчание состоялось в Кушве 4 мая — на четверо суток раньше, чем поступило разрешение.

Казалось, жандарм учел все приказные требования. Но одна досадная мелочь была выявлена высоким начальством в Санкт-Петербурге и поставлена как обязательное условие законности санкции. Поясним, что обращение государственного служащего о намерении вступить в законный брак в Российской империи должно было быть оплачено гербовым сбором, равно как и другие важные обращения в жизни поданных. Принятый еще Петром I закон неукоснительно исполнялся вплоть до ноября 1917 г., исправно пополняя казну, как и другие налоговые сборы. Пришлось ротмистру выслать фельдъегерской почтой в столицу марку в 60 коп., чтобы ее при-

клеили на его рапорт о женитьбе и таким образом соблюли закон.

Полагаю, что не забытая марка и поспешный брак явились причиной интереса к ротмистру в Нижнем Тагиле со стороны высокого сановника.

* * *

Перевод С. М. Ральцевича в Корпус жандармов раздвинул жизненные горизонты и рамки его интеллектуальных интересов. Он все больше времени стал уделять хобби, скрываемому от окружения во избежание насмешек.

Устав от служебных тягот, жандарм плотно закрывал шторы и двери, погружаясь в другой мир — без революционеров и бунтовщиков. Он доставал изящную лупу и разглядывал кляссеры с марками из различных уголков земного шара. Почтовые знаки пробуждали у него неподдельный интерес к диковинным вещам, заморским колониям, неведомому и не доступному ему миру. Вокруг рушился порядок, повсеместно нарушался закон, страна шла к катастрофе, а Ральцевич закрывался в своем уютном мирке зубчатых миниатюр. На каждой марке своей коллекции он аккуратно проставлял чернильный оттиск личного факсимиле. С годами Ральцевич стал авторитетным специалистом по земским маркам Российской империи. Малотиражные знаки почтовой оплаты, выпускаемые в обращение местными органами самоуправления, имели ограниченную территорию хождения и были редкими по определению. Круг единомышленников в провинции был слишком узок, и Ральцевич обращался не только к столичным филателистам, но и вступил в переписку с известными коллекционерами Европы. Среди зарубежных адресатов С. М. Ральцевича оказались члены известных королевских династий Европы¹².

Важнейшим источником осведомления охраны в ту пору являлась перлюстрация почтовой корреспонденции, которая практиковалась правительствами различных государств. Издавна прибегали к ней и в России. На основании высочайшего указа Александра III специальные чиновники МВД вскрывали, читали и копировали письма неблагонадежных граждан, выявляя крамолу и заговорщиков. Революция 1905 г. дала новые поводы к тщательному изучению переписки не только внутрироссийской, но и с иностранными корреспондентами. Письма переводились, а копии подозрительных текстов направлялись местной охране для розыска автора и проведения дознания. В особых случаях переписка представлялась начальству МВД в подлинниках.

Полагаем, что именно здесь и зародилась причина интереса к фигуре ротмистра. Невинные по содержанию письма С. М. Ральцевича заинтересовали самого министра внутренних дел и шефа жандармов П. Н. Дурново, длительное время лично контролировавшего корреспонденцию важных персон.

Известно, что в 1893 г. в Санкт-Петербурге неожиданно разразился дипломатический скан-

дал при участии П. Н. Дурново. Директор Департамента полиции, в чьем подчинении находился «черный кабинет», перлюстрировавший почтовую переписку, ознакомился с неким письмом интимного содержания великосветской дамы к послу Бразилии в России. Эта особа оказалась любовницей самого Дурново. В приступе ревности улика была предъявлена изменнице, а дом дипломата подвергся вторжению оскорбленного сановника, сопровождавшемуся незаконным обыском и крушением мебели. Громкий скандал дошел до Александра III, и шефу полиции пришлось уйти в отставку после десяти лет службы. Только властью С. Ю. Витте он был возвращен в министерское кресло в 1905 г. для наведения порядка в России¹³.

***

В ходе установления адресата зарубежной переписки и его политической благонадежности ротмистр никоим образом не пострадал, а редкое по тем временам хобби не помешало ему продолжить служение трону. В 1907 г. С. М. Ральцевич был переведен в горную столицу Урала на более важный и ответственный участок. Войну с Германией и Австро-Венгрией он встретил в чине подполковник и должности помощника начальника Бессарабского ГЖУ на пограничном пункте Рении при впадении р. Прут в Дунай¹⁴.

В 1914 г. киевский журнал «Русский филателист» начал печатать серию его исторических очерков «Русская земская почта и ее марки», однако мировая война помешала завершить публикацию. Жандармский подполковник не дождался крушения самодержавия и упразднения политической полиции. С. М. Ральцевич умер в 1916 г. в возрасте 46 лет и был похоронен на воинском кладбище в Одессе.

Таким образом, благодаря стараниям сотрудников ГАПК и ГАСО сохранены тысячи подлинных и уникальных документов Пермского ГЖУ, которые позволяют «вывести на свет» тысячи персоналий и послужить источниковой базой для изучения политических, социально-экономических процессов в периоды развития русской революции на Урале, а автору данной статьи — подготовить монографию, завершающую трилогию об органах госбезопасности Нижнего Тагила к 300-летию образования города в 2022 г. (советское время, период колчаковского режима и до революции)¹⁵.

Примечания

¹ Уфимское ГЖУ 1873–1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012.

² ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 500. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 497.

⁴ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Л. 2.

⁵ Каптелов Б. Перегудова З. Был ли Сталин агентом охраны // Родина. 1989. № 5. С. 66–69.

⁶ Кашин В. В. Жандармский ротмистр Ральцевич // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности : в 3 кн. Кн. 3. М., 2019. С. 71–79.

⁷ ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 461. Л. 1–68.

⁸ Там же. Д. 124. Л. 44–46.

⁹ Там же. Л. 58–59.

¹⁰ Там же. Д. 461. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Письма Ральцевича на французском языке из коллекции Н. Щекотова (Нижний Тагил).

¹³ Дурново Петр Николаевич [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. . URL: <https://ru.wikipedia> (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁴ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1915. С. 706.

¹⁵ Кашин В. В. На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, события, факты. Нижний Тагил, 2008. 338 с. ; *Он же*. Белый Тагил. По трофейным документам Колчака. Нижний Тагил, 2018. 380 с.

Н. М. Мирзаяев

Архивные документы казийских ведомств Ташкента XIX — начала XX века

Еще в начале 1930-х гг. исследователи М. Изаксон¹ и И. Первышев² опубликовали статьи о важности изучения восточных документов по истории Средней Азии, которые хранились в различных архивах и оставались малоизученными. По их мнению, основной причиной неосведомленности исследователей было отсутствие какой-либо информации об этих документах в виде научного описания в архивных справочниках и каталогах. Несмотря на то что в настоящее время ведущими архивами мира широко практикуется размещение в Интернете архивных путеводителей и описи архивных фондов, данный вопрос по-прежнему остается весьма актуальным.

Важность данного вопроса подчеркивается и современными западными исследователями, занимающимися изучением истории Средней Азии второй половины XIX — начала XX века. В частности, в своей публикации Адиб Халид обращает

внимание исследователей на значение использования документов местных госархивов в сочетании с материалами периодической печати, манускриптами и книгами, опубликованными на местных языках, а также документов из частных коллекций граждан³. По мнению автора, именно эти материалы, не пересекавшиеся с интересами государства, помогут услышать реальные голоса и оценить реакцию мусульманского населения на различные трансформационные процессы.

Национальный архив Узбекистана является одним из крупных архивов в Центральной Азии, в нем сосредоточены документы на восточных языках: арабском, персидском и чагатайском. С точки зрения периодизации, архивные фонды подразделены на исторический период (до 1917), советский период и период независимости республики. На сегодняшний день в архиве хранятся более 900 архивных фондов исторического

периода. В 2012 г. на основании протокола Центральной экспертно-проверочной комиссии агентства «Узархив» Республики Узбекистан все фонды исторического (до советского) периода были признаны особо ценными.

Одним из информативных и малоисследованных фондов архива являются казийские фонды. В архиве собрано около 120 архивных фондов Туркестанского края. Это отдельные фонды единоличных казиев и съезда казиев Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской областей, а также четырех частей (даха) Ташкента. Уникальной коллекцией арабографических документов Национального архива Узбекистана, затрагивающих важные вопросы, касающиеся особенностей функционирования судебно-административной системы в Туркестанском крае, являются фонды казийских судов Ташкента. Основной причиной малоизученности фондов является текстологическая специфика и трудночитаемость казийских автографов. Это требует от исследователей владения археографическими навыками чтения и интерпретации арабографических текстов, а также знания принципов кодикологии и сопоставления исламских юридических текстов.

Учитывая вышеизложенное, остановимся на краткой источниковедческой характеристике и описании архивных фондов казиев Ташкента. Казийские архивные документы территориально распределены по четырем частям (Шайхонтахур, Себзар, Бешагач, Кукча), самостоятельно функционировавшим в городе единоличным казиям и съездам казиев Ташкента.

Исходя из специфики ведения делопроизводства, документы казиев можно разделить на два вида: судебные (уголовные и гражданские) дела; нотариальные акты. Делопроизводственный язык ташкентских казийских документов — старый узбекский (чигатайский). Количественный метод и контент-анализ фондов позволяет нам сделать вывод, что основная часть документов архивных фондов состоит из различных регистрационных книг казиев. Например, в фонде съезда казиев Ташкента всего 58 ед. хр. за 1869–1916 гг., из которых 41 являются книгами регистрации решений, а оставшая часть — книгами регистрации актов⁴. В фонде казия Бешагачской части сосредоточено 97 единиц хранения за 1869–1922 гг., из них две книги приказов и объявлений казия, 48 книг решений, оставшая часть — книги регистрации актов⁵. В фонде казия Кукчинской части 91 ед. хр. за 1869–1918 гг., одна книга приказов и объявлений казия, 45 книг решений и 45 книг регистрации актов⁶. В фонде Себзарского казия хранится 94 книги за 1878–1924 гг., из них одна книга регистрации событий 1881 г., 44 книги решений и 48 книг регистрации актов. Последнее, 94-е дело содержит завещание «Сайид Газихана»⁷. В архивном фонде казия Шейхантахурской части города 110 ед. хр. за 1878–1923 гг., из них одна книга приказов и объявлений казия, 51 книга решений, остальные 58 — книги регистрации актов⁸. Данные книги

со временем прикладывались к отчетам казиев, которые отправлялись либо в управление начальнику (хакиму) Ташкента или в соответствующее областное правление к военному губернатору. В связи с чем определенную часть казийских книг можно обнаружить и в составе архивного фонда «Управление начальника г. Ташкента Туркестанского края»⁹.

Вышеприведенный анализ показывает, что при отборе на архивное хранение как самими казиями, так и сотрудниками архивов в свое время основное внимание уделялось только тем книгам, которые были внедрены в практику имперской власти, а остальная часть документов оседала в личных архивах самих казиев.

Особый интерес для исследователей представляет специфика казийского делопроизводства. Известно, что в 1865 г. военный губернатор М. Черняев получил специальное поручение от военного министра Д. Милютина разработать план мероприятий по снижению влияния и статуса местных казийских и бийских судов. На основе временного положения об управлении Туркестанской областью, принятого 6 августа того же года, право назначения казиев было передано военному губернатору. Кроме того, казии могли самостоятельно рассматривать лишь гражданские дела, а уголовные дела подлежали утверждению со стороны военного губернатора. Также была упразднена должность кази-калана, должность казиев и биев были уравнены, установлен трехлетний срок деятельности, а также определена четкая территория функционирования каждого из них.

В 1867 г. после принятия Положения об управлении Туркестанским краем был внедрен порядок выбора и функционирования казиев и биев. Согласно положению, суды, обслуживавшие население, были подразделены на единоличные казийские и бийские суды, съезд народных (казийских и бийских) судей, чрезвычайный съезд народных судей (рассматривал разногласия между населением различных волостей и уездов). Последние являлись апелляционной инстанцией решений единоличных судей¹⁰.

Несмотря на то что, согласно Положению об управлении Туркестанским краем, казийские и бийские суды официально были переименованы в «народные суды», изучение печатей, проставленных на документах, хранящихся в казийских архивных фондах Национального архива Узбекистана, показывает, что казии в оформленных ими документах продолжали указывать свою старую должность — казий. Это еще раз подтверждает то, что вопреки установленным новым порядкам казийские суды продолжали функционировать в прежнем статусе.

Позже и в Положении об управлении Туркестанским краем, принятом в 1886 г., теоретически была сохранена структура и система делопроизводства народных судей. В частности, в ст. 227 Положения отмечалась необходимость ведения казиями специальных книг для регист-

рации решений и актов. Форму настоящих книг разрабатывало и утверждало областное правление за счет народных судей¹¹.

Также народным (казийским) судам предоставлялось право по востребованию тяжущихся сторон выдавать заверенную копию решения и утверждать различные договоры и акты, составленные между местным населением. Стороны в качестве подтверждения факта получения копии решения должны были расписываться на оставшейся части в книге.

Акты, выданные представителям населения при участии двух свидетелей (вместо безграмотных участвовали их доверенные лица), в обязательном порядке заверялись сторонами. Данные расписки должны были под специальным регистрационным номером фиксироваться в переплетенной регистрационной книге и заверяться подписью и печатью казия, оформившего процесс. Данные книги, как указывалось выше, оформлялись по установленным имперской властью формам. Это были переплетенные книги, изготовленные по заказу в типографии. Для облегчения ведения записей в книге были выделены отдельные графы с заголовками на русском и местном языках.

В «Книге регистрации решений» были сосредоточены документы, связанные с судебным процессом, выделенные в установленном порядке на решения по рассмотренным делам и искам. В целом, согласно формуляру, изложение подобных решений было похоже друг на друга, однако содержание рассмотренных вопросов отражает порядок решения по законам шариата различных социальных проблем коренного населения.

Структура записи в «Книге решений» казиев была такой: порядковый номер, дата (день, месяц, год), содержание жалобы истца и оправдания ответчика, решение казия, подписи сторон и казия, заверительная надпись о получении копии с решения¹².

В книгу регистрации актов вносилась вся нотариальная деятельность, осуществленная казием, то есть заверение договоров о купле-продаже, расписки о выдаче и получении долга, передача имущества под залог и т. д.¹³ Кроме того, в некоторых случаях по особо важным вопросам заводились отдельные книги. Например, в книге регистрации несовершеннолетних сирот, оформленной казием Кукчинской части Ташкента Мулло Одил Исхокбой оглы в 1899–1900 гг. было зафиксировано 202 рассмотренных дела, из них в 1899 г. — 104, в 1900 г. — 98 дел. Книга регистрации несовершеннолетних сирот была заведена Мулло Одил казием в качестве отчетности перед имперской властью по вопросам регулирования собственности сирот¹⁴. Записи в книге имеют своеобразный порядок и специфику оформления. В отличие от других книг и документов казиев она содержит упорядоченную информацию об опекунстве и управлении собственностью сирот. Записи сделаны на старом узбекском (чагатайском) языке. Если обратить внимание на по-

рядок внесения записей, то можно увидеть, что вместе с основной информацией в некоторых случаях на полях книги приводились уточнения.

В изложении каждого из рассмотренных вопросов казий строго соблюдал установленный формуляр. В частности, первоначально фиксировался адрес сирот, название махалли, имя, возраст, пол, имя отца и опекуна. Указывалось точное название, количество наследства сирот (деньги, недвижимость, утварь и т. д.) и порядок его распределения между наследниками с точным указанием до копейки. Особенно при описании недвижимости (дом, земля, сад и т. д.) приводились подробные географические и метрологические данные.

Вместе с тем информация по делам сирот всегда была под контролем казия. Периодически для уточнения обстоятельств казий приглашал к себе опекуна и брал у него отчет о проделанной работе. После чего казий вносил соответствующие записи в книгу, писал свое заключение о рассматриваемом вопросе и под расписку давал новые поручения опекуну. При оформлении факта указывались имя, фамилия свидетелей, участвовавших в обсуждении. В конце каждого документа казий Мулло Одил ставил свою печать.

При исследовании настоящего источника можно проследить внедрение новых терминов и отношений в социальную жизнь населения. В значительной части документов можно встретить новый для того времени термин «*банки подшохий*» (имперский банк), в графе под этим названием указывается о вложении капитала сирот в банк, и казий в своих решениях призывает население пользоваться данными услугами.

Также в книге отдельное внимание уделяется вопросам семьи и воспитания детей. К примеру, приводится следующий случай.

В махалле Обиназир под опекунством дяди Мулло Фуладжон Мулложонбой находятся Юлдашжан (18 лет), Усмонжан (15 лет) и Жамилябиби (16 лет) — дети Комилжонбой мутаваффо. Опекун управляет денежными средствами сирот в размере 13 844 сума. В махалле есть двор, а также в Октепе Кукчинской части есть кусок земли, принадлежащий сиротам. С них нет прибыли. В связи с тем, что Юлдашжан достиг совершеннолетия, он желает забрать свою долю от опекуна и заняться торговлей. После рассмотрения вопроса казий приходит к заключению, что внешность и вменяемость Юлдашжана позволяют дать ему разрешение самостоятельно заниматься торговлей. Из этих денег на долю Юлдашжана пришлось 5536 сум, опекун на данную часть дал от своего имени васика¹⁵ под номером 332, а оставшаяся часть — 8719 сум — принадлежат Усманжану и Жамилябиби. При этом с учетом молодости и безопытности Юлдашжана казий обязывает опекуна не оставлять его без надзора и всегда контролировать и помогать в продвижении его бизнеса.

В другом случае Биби Робиъа из махалли Чигатай находится под опекунством своей матери

Биби Хадича Усто Салимсок кизи. Наследство сиротки — 107 сум. При вызове к себе матери Биби Хадича казий, узнав о положении дел, принимает решение о передаче денежного наследства сиротки доверенному лицу, а полученную прибыль использовать для воспитания дочери. При этом и мать-опекушка, и доверенное лицо, использовавшие ее имущество, должны были отчитываться перед казием о проделанной работе¹⁶.

В целом сведения, зафиксированные в настоящей книге, позволяют не только оценить ее в качестве свода шариатских указаний по управлению собственностью несовершеннолетних сирот, но и придать им статус ценного источника по освещению социальной истории региона. Отдельный интерес в этом отношении представляют документы съезда казиев. Изучение Положения об управлении Туркестанским краем и документов съезда казийских судов показывает, что порядок работы съезда, время его проведения, количество участников определялось военным губернатором, а начальник уезда был ответственным за созыв съезда. Казии из числа участвовавших в съезде избирали председателя¹⁷.

Здесь уместно привести рапорт съезда казиев Ташкента, отправленный в 1894 г. на имя хакима (начальника) города. В рапорте указывалось, что на съезде, проходившем в январе 1894 г., председателем был избран казий Себзарской части города Рахимходжа Эшон Алиходжа Эшон оглы¹⁸. Рапорт был утвержден печатью казиев Шейхантахурской, Кукчинской и Бешягачской частей города.

Съезд также принимал решение по порядку работы единоличных казиев. В частности, 2 января 1894 г. была утверждена специальная программа работы казиев. Согласно ей, с 8:00 до 15:00 в пять дней, кроме среды и воскресенья, были объявлены рабочими часами казиев.

Порядок делопроизводства съезда был определен Инструкцией для народных судей, утвержденной в 1892 г. туркестанским генерал-губернатором А. Б. Вревским. Согласно п. 12 инструкции, съезд в оформлении своих решений и утверждении актов, подобно единоличным казиям, должен был следовать порядку ведения книг¹⁹. Тем не менее в оформлении книги решений съезда встречаются некоторые расхождения. Например, в книге решений съезда указывалось, что пересмотр решения единоличного казиев осуществлялся в соответствии с указом хакима (начальника) Ташкента. После всестороннего изучения вопроса писалось заключение относительно правильности или ошибочности решений единоличного казиев, которое заверялось печатью председателя и участников съезда²⁰.

Существовал и своеобразный порядок обжалования решений единоличного казиев. Недовольная решением казиев сторона не имела права напрямую подавать апелляцию в съезд казиев. Она должна была представить свою жалобу через начальника уезда, или участкового пристава, или волостного правителя. Поступившая жалоба указывалась в графе «содержание заявлений» книги решения съезда казиев. Если заявление поступало через указание хакима Ташкента, в решении указывались точная дата и номер входящего документа. Кроме того, в отличие от книги решения единоличных казиев, не приводились подробные описания, связанные с изучением обстоятельств, а только вписывалось заключение съезда относительно рассмотренного дела.

Наряду с этим анализ показывает, что «Книги регистрации актов» съезда казиев имеют существенные отличия от книг единоличных казиев и с источниковедческой точки зрения содер-

Итоги статистического анализа книги решений съезда казиев Ташкента²¹

Рассмотренные вопросы	Книга решений за 1884 г.					
	Всего обращений	Женщины		Результат		
		лично без посредников	через доверенных лиц	положительный	отрицательный	отказ от иска
Купля-продажа земли	3	—	—	1	1	1
Наследство	9	1	2	6	1	2
Долг	20	2	—	6	8	6
Назначение на должность мутаваллия	3	—	—	—	2	1
Ссора	1	—	—	—	—	1
Право на собственность	7	1	2	4	2	1
Имущество или деньги, находящиеся на хранении, подлежащие возврату	1	—	—	1	—	—
Вакуфное имущество	3	—	—	—	3	—
Денежный кредит	2	—	—	2	—	—
Развод	1	1	—	—	1	—
Воровство	1	—	—	1	—	—
Всего	51	5	4	21	18	12

жат наиболее полную информацию о рассмотренных фактах.

При изучении данных книг съезда можно проследить, что каждое дело рассматривалось согласно решению хакима Ташкента; при пересмотре договоров о купле-продаже (васика), расписки о выдаче и получении долгов, соглашений о выдаче под залог имущества описывались точные границы и площадь территории. Кроме того, указывалось, при участии каких свидетелей данный договор или соглашение были составлены, размер пошлыны и имя казия, утвердившего документ²².

Таким образом, подводя итог нашим исследованиям по казийским архивным фондам Ташкента, хранящимся в Национальном архиве Узбекистана, можно отметить их источниковедческую важность для изучения социальной жизни населения Туркестана в конце XIX — начале XX в. Данные материалы не только освещают процесс судопроизводства традиционных судов, но и раскрывают специфику ведения и оформления казийских документов, порядок и сроки их рассмотрения. Контент-анализ внутреннего содержания позволяет осветить социально-экономическое положение края, повседневный быт и образ жизни населения, условия и порядок реализации договоров о купле-продаже, некоторые экономические вопросы, связанные с ценой на землю и другую недвижимость, а также получить топонимические сведения о названиях улиц, кварталов и махалли.

Примечания

¹ *Изаксон М.* Национальные фонды Центрального архива УзССР в Ташкенте // Библиография Востока. 1932. № 1. С. 55–72.

² *Первышев И.* О документальной базе для историографии феодальной формации в Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сб. 1. Ташкент, 1934. С. 106–111.

³ *Khalid A.* Searching for Muslim Voices in post-soviet archives // *Ab Imperio*. 2008. No. 4. Pp. 302–312.

⁴ Национальный архив Узбекистана. Ф. И-362. Оп. 1.

⁵ Там же. Ф. И-363. Оп. 1.

⁶ Там же. Ф. И-364. Оп. 1.

⁷ Там же. Ф. И-365. Оп. 1.

⁸ Там же. Ф. И-366. Оп. 1.

⁹ Например, в составе фонда «Управление начальника г. Ташкента» (Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2458, 2459, 2460) хранится книга регистрации актов съезда казиев (1884–1886).

¹⁰ Единоличные казии имели право рассматривать дела до 100 руб., а съезд казиев — до 1000 руб. См.: О судебной реформе в Туркестанском крае и степных областях // Журн. М-ва юстиции (февраль 1899 г.). 1899. С. 7.

¹¹ Положение об управлении Туркестанским краем : в 2 т. Т. 2, ч. 2. СПб., 1886. С. 29.

¹² Национальный архив Узбекистана. Ф. И-363. Оп. 1. Д. 13.

¹³ Там же. Д. 139.

¹⁴ Там же. Ф. И-364. Оп. 1. Д. 50. Л. 54.

¹⁵ Васика — долговая расписка.

¹⁶ Там же. Ф. И-364. Оп. 1. Д. 50. Л. 21 — 21 об.

¹⁷ Положение об управлении Туркестанским краем. Т. 2, ч. 2. С. 237, 239.

¹⁸ Национальный архив Узбекистана. Ф. И-364. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 42. Л. 1–3.

²⁰ Там же. Ф. И-362. Оп. 1. Д. 19.

²¹ Таблица составлена на основе переписки за 1884 г. между съездом казиев и начальником Ташкента.

²² Национальный архив Узбекистана. Ф. И-362. Оп. 1. Д. 18.

А. А. Худобородов, А. В. Самохина

История казачьего зарубежья в документах российских архивов (обзоры основных фондов)

Казачье зарубежье 1920–1940-х гг. — уникальное явление в отечественной истории и российской культуре. Именно в тяжелейших условиях эмиграции проявились лучшие черты казачества: сплоченность, коллективизм, стремление к консолидации, взаимопомощи, любовь к Родине, к малой родине — казачьи края, сохранению казачьих обычаев, традиций, элементов словенной казачьей культуры.

До настоящего времени история казачьего зарубежья исследована далеко не в полной мере. Между тем в российских архивах имеются богатейшие фонды документов и материалов, отражающих жизнь казаков на чужбине. Многие из них еще не введены в научный оборот, хотя некоторые из них уже опубликованы¹. Цель данной статьи — дать обзор основных фондов архивов, содержащих материалы о казачьей эмиграции.

Основную часть материалов по истории казачьего зарубежья, хранящихся в российских архивах, составляют фонды бывшего Русского за-

граничного исторического архива в Праге, перевезенного в 1946 г. в Москву и размещенного в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Ныне эти документы размещены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Наибольший интерес представляет ряд фондов ГАРФ — например, фонд Казачьего союза в Париже (Ф. 6678). Документы фонда отражают многообразную деятельность этого ведущего Казачьего союза на чужбине в 1924–1933 гг., его взаимоотношения с казачьими группами, хуторами и станицами во Франции, Югославии, Германии, Польше и других странах Европы, а также в Северной Америке. Переписка правления союза с казачьими станицами и группами на местах содержит богатый материал о хозяйственных и бытовых условиях жизни эмигрантов, их настроениях и нуждах. Одновременно документы

фонда освещают политическую ориентацию союза, донского атамана А. П. Богаевского и Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, их место среди организаций русской эмиграции во Франции.

Особый интерес представляет переписка правления данного союза в Париже с казачьими союзами в Шанхае и Харбине. Письма и документы казачьих организаций в Китае позволяють ознакомиться с условиями жизни казаков в Шанхае и Маньчжурии, а также с их политической полемикой с эмигрантскими организациями в Европе.

Политические настроения и программные установки казачьей эмиграции демократической ориентации в 1920-е гг. отражены в документах фонда Союза возрождения казачества, действовавшего в 1921–1926 гг. в Константинополе и Праге (Ф. 6079). Протоколы, заявления и воззвания ЦК Союза возрождения казачества касаются, например, таких вопросов, как оценка причин поражения Белого движения в Гражданской войне, отношение к агитации за возвращение казаков на родину, будущее казачества в постсоветской России, полемика с монархическим и умеренным течениями в казачьем зарубежье.

Достаточно большой документальный материал содержится в фондах Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Чехословакии (Ф. 5768) и Казачьего союза в Шанхае (Ф. 5963).

Ценная информация о различных сторонах жизни казаков-эмигрантов содержится в личных фондах крупных деятелей казачьего зарубежья. Это фонды Василия Акимовича Харламова, председателя Донской исторической комиссии и редактора пражского журнала «Казачий путь» (Ф. 6344); Федора Федоровича Абрамова, командира Донского корпуса и руководителя III отдела Русского общевойскового союза в Болгарии и Турции (Ф. 6460); Терентия Михайловича Старикова, генерал-лейтенанта Донского войска, одного из участников вольно-казачьего движения в Чехословакии конца 1920-х — начала 1930-х гг. (Ф. 6473). В частности, в фонде Т. М. Старикова исключительный интерес представляет рукопись его статьи «Казачьи организации за границей» (Прага, 1931), дающая обобщающий материал об основных политических течениях и организациях зарубежного казачества в Европе к началу 1930-х гг.²

Для анализа жизни и деятельности казаков-эмигрантов в фашистской Германии и оккупированных ею странах несомненный интерес представляют в ГАРФ материалы фонда 5761 «Общеказачье объединение в Германской империи, г. Прага, 1939–1945 гг.» и фонда 5762 «Канцелярия казачьего национально-освободительного движения (КНОД), г. Прага, 1941–1945 гг.».

Дело в том, что гитлеровцы после 1933 г. ввели жесткую цензуру над всеми печатными изданиями и резко усилили контроль над деятельностью эмиграции. В этих условиях содержащаяся, например, в фонде 5761 личная переписка ата-

мана Общеказачьего объединения в Германской империи Е. И. Балабина с начальником Управления по делам российской эмиграции в Германии В. В. Бискупским, с П. Н. Красновым и атаманами казачьих станиц в Третьем рейхе более объективно и правдиво отражает их взгляды, настроения и надежды, чем их выступления в печати и на официальных приемах. Переписка активистов КНОД с начальником этого движения В. Г. Глазковым имеет также более откровенный, а нередко и доверительный характер, чем их публичные речи и выступления. Так, письмо П. К. Харламова В. В. Глазкову из Берлина в Прагу от 10 апреля 1942 г. сопровождается характерным замечанием: «Письмо в высшей степени строго доверительное и по прочтению подлежит немедленному уничтожению»³. Правда, это письмо так и не было уничтожено получателем, то есть В. Г. Глазковым, а сохранилось до наших дней.

Это письмо ценно тем, что в нем откровенно признается крах надежд и планов самостийников относительно создания в будущем государства «Казакия» с помощью германских властей. П. К. Харламов, в частности, пишет: «Через мои особые связи мне удалось с достоверностью установить, что, а) казачьего народа нет и быть не может, б) казачьего вопроса нет и поставлен к разрешению он не будет, в) казаками совершенно не интересуются и принципиально не хотят интересоваться те, от кого зависит будущая судьба Востока, г) наконец, отношение к казакам скверное, т. е. совершенно такое же как к остальной части русской эмиграции. Ни в одном правительственном учреждении отдельного особого реферата по казачьим делам не существует и создание такового не предполагается»⁴. Все эти признания, однако, не помешали В. Г. Глазкову, П. К. Харламову и другим лидерам КНОД и дальше активно сотрудничать с фашистским режимом, в том числе и с гестапо.

В целом в фондах 5761 и 5762 ГАРФ содержатся уникальные документы и материалы, раскрывающие сложные взаимоотношения германских властей с русскими эмигрантскими организациями, в том числе и с казачьими, соперничество двух конкурирующих эмигрантских группировок (КНОД во главе с В. Г. Глазковым и Общеказачьего объединения во главе с Е. И. Балабиным), надежды и планы казаков-эмигрантов на скорое возвращение на Дон и Кубань после нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., участие эмигрантов во вооруженных казачьих формированиях в составе вермахта, отношение казачьей эмиграции к А. А. Власову и русской освободительной армии (РОА).

Фонды Заграничного исторического архива в Праге имеются также в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Материалы этих фондов отражают место и роль казачества в культуре русского зарубежья. Особую ценность представляют докумен-

ты фонда Донского казачьего хора под управлением С. А. Жарова (Ф. 2477) и личного фонда донского казачьего поэта и режиссера С. Ф. Сулина (Ф. 2273).

Документы фонда 2477 включают программы концертов хора в Венгрии, Германии, Румынии, Болгарии и других странах, отзывы на выступления хора в эмигрантских газетах «Руль», «Наша речь», «Новое русское слово» и др., дающие очень высокую оценку мастерству и таланту как солистов, так и руководителя хора.

Многочисленные материалы личного фонда Сергея Федоровича Сулина раскрывают его огромную подвижническую деятельность по созданию на острове Лемносе и руководству Донским корпусным театром в г. Ямбол (Болгария), где театр действовал под названием «Русский передвижной театр». В фонде имеются афиши и программы выступлений театра, отзывы на его спектакли и концерты, а также отзывы на выступления различных кружков художественной самодеятельности в г. Бургасе в 1930-е гг., которыми также руководил С. Ф. Сулин. Документы этого фонда показывали во всех крупных культурных мероприятиях русской эмиграции. Так, 30 июня 1934 г. С. Ф. Сулин выступил с проникновенной речью на открытии Дня русской культуры в Бургасе⁵.

Наконец, в фонде 2273 РГАЛИ хранится переписка С. Ф. Сулина с Ф. Ф. Абрамовым, казачьей поэтессой М.Ф. Волковой и др. Эти письма отражают те внимание и помощь, которые оказывали развитию культуры и искусства казаков-эмигрантов в Болгарии донской атаман А. П. Богаевский, талантливейший поэт казачьего зарубежья Н. Н. Туроверов и кружок казачьих литераторов в Париже.

Значительный интерес для изучения казачества на чужбине представляют материалы и других центральных архивов. Так, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде Российской миссии в Белграде (Ф. 166) имеются ценные материалы о жизни казаков в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в первые годы эмиграции. В этом фонде отложились, например, такие важные документы, как Соглашение главнокомандующего Вооруженными силами Юга России П. Н. Врангеля и атаманов, правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани от 22 июня 1920 г.⁶, ставшее камнем преткновения между П. Н. Врангелем и указанными атаманами в первые же месяцы эмиграции и расторгнутое окончательно в мае 1921 г., положение об управлении станицами и хуторами за границей (за подписью А. П. Богаевского и Н. Мельникова, 1923 г.)⁷ и др.

Документы фонда 166 освещают ту значительную помощь и заботу, которую проявляли к воспитанию молодого поколения эмигрантов, в частности к Донскому кадетскому корпусу и Донскому женскому Мариинскому институту, Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, донс-

кой атаман, председатель Державной комиссии по делам русских беженцев и российский посланник в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. При этом по вопросам контроля и управления этими учебными заведениями возникали противоречия и трения между казачьими эмигрантскими организациями, с одной стороны, и правительственными органами Сербии, например, уполномоченным по устройству русских беженцев в Королевстве, с другой⁸.

Определенный интерес представляют документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), фонд 17, опись 84 — «Бюро секретариата ЦК РКП(б), 1918–1926 гг.». В телеграммах и письмах полномочного представителя РСФСР в Чехословакии П. Н. Мостовенко в Наркомат иностранных дел Г. В. Чичерину и в секретариат А. И. Рыкову были поставлены вопросы о репатриации казаков из Чехословакии и Франции (Французский иностранный легион).

Своеобразным источником являются документы Российского государственного военного архива (РГВА) из фонда Управления делами Реввоенсовета СССР, Секретариата заместителя Председателя РВСР (Ф. 33988). Это сводки и донесения III отдела Разведывательного управления штаба РККА, а также доклады членов Разведупра из различных стран Европы о положении дел и настроениях в рядах белой эмиграции, особенно в армии П. Н. Врангеля за 1921–1922 гг. Военная разведка периодически сообщала о структуре и численности частей и соединений врангелевской армии, в том числе Донского корпуса Ф. Ф. Абрамова и Кубанского корпуса, о планах сербского, французского, болгарского правительства по размещению эмигрантов, о росте оппозиционных настроений среди казачьих частей по отношению к П. Н. Врангелю, о политических настроениях и группировках среди зарубежного казачества.

Особенно подробно агенты военной разведки информировали Центр о подготовке казаков-эмигрантов к репатриации в Советский Союз, о соответствующей агитационной и пропагандистской работе среди них, о сотрудничестве в этом направлении с агентами разведупра ряда известных казачьих офицеров и генералов, например М. Н. Гнилорыбова⁹. Интересно отметить, что официальная советская пресса категорически отрицала причастность советской разведки к работе по репатриации казаков-эмигрантов, хотя эмигрантские организации неоднократно указывали на участие советских агентов в кампании по возвращению казаков на родину¹⁰.

И все же относиться к отдельным разведсводкам нужно осторожно и критически, так как источники информации для разных сводок были неодинаковыми, и это приводило иногда к различным цифровым сведениям по одному и тому же вопросу. Например, в одном случае III отдел Разведупра сообщал о численности к 1 апреля 1921 г. Донского корпуса в 9000 человек,

Кубанского корпуса — в 7000 человек¹¹, а в другом документе того же III отдела Разведупра численность Донского корпуса к 1 апреля 1921 г. определена в 12 тыс. человек, а Кубанского корпуса — 8 тыс. человек¹².

Материалы по истории казачьей эмиграции имеются и в ряде региональных российских архивов. Так, в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) в фонде 1 содержатся документы о репрессированных русских эмигрантах из Маньчжурии (вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг.), том числе о казаках-эмигрантах¹³. Ряд фондов Государственного архива Хабаровского края содержат документы харбинского Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Документы по истории южнороссийского казачества на чужбине имеются в Государственном архиве Краснодарского края¹⁴.

Приведенные в статье материалы свидетельствуют, что в архивах Российской Федерации имеется огромное число документов о жизни казаков на чужбине, многие из этих документов еще не введены в научный оборот и могут быть использованы для дальнейшего научного изучения истории русской эмиграции и истории казачества, а также в воспитательной работе с учащимися и студентами.

Примечания

¹ Худобородов А. Л., Мамонов В. Ф. «Во имя блага Родины...» Из истории казачества в эмиграции. 1920-е —

1930-е гг. (Публикация документов с комментариями и примечаниями) // Ист. архив. 1995. № 5–6. С. 165–204; *Они же*. «Мы щепки, забитые в заводь, подле бурно несущегося потока...» Русская эмиграция в Третьем рейхе. 1941–1943 гг.: публикация документов с комментариями и примечаниями // Там же. 1998. № 3. С. 153–163; *Василенко С. Ю., Грибков И. В., Дробязко С. И.* Переписка генерала П. Н. Краснова. 1939–1945 гг. М., 2018.

² ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 40.

³ Там же. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

⁴ Там же.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–3.

⁶ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 19. 12 — 15 об.

⁷ Там же. Л. 2 — 4 об.

⁸ Там же. Д. 43. Л. 41–44.

⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 714. Л. 106 — 106 об.

¹⁰ Обращение к казакам Объединенного совета Дона, Кубани и Терека от 7 июня 1922 г. // *Донская летопись*. 1923. № 1. С. 339–341.

¹¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 362. Л. 198.

¹² Там же. Л. 202.

¹³ *Худобородов А. Л.* Дело «японского шпиона» казака Ф. И. Аксенова (из истории русской эмиграции в Маньчжурии) // *Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика*. 2003. № 2 (3). С. 201–205.

¹⁴ *Ратушняк О. В.* Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // *Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века*. Волгоград, 2013. С. 147–151; *Они же*. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): монография. Краснодар, 2013.

Н. П. Палецких

Бюджетные обследования рабочих и служащих Челябинской области в годы Великой Отечественной войны как исторический источник

Социальная тематика истории советского тыла периода Великой Отечественной войны с течением времени не утрачивает, а, наоборот, приобретает дополнительную научную и общественно-политическую актуальность. Достоверная ретроспектива социальной истории на любом срезе ее рассмотрения — на срезе социальной инфраструктуры, какого-либо аспекта повседневности или феноменов локальной микроистории — невозможна без расширения источниковой базы научных исследований не только за счет эго-документов, но и за счет более активного обращения к массиву статистических данных. По справедливому замечанию руководителя Федеральной службы государственной статистики А. Е. Суринова, предпосланному юбилейному статистическому изданию 2015 г., «в условиях постоянных попыток переписать историю как никогда актуальна информация из первоисточников»¹.

В статистических сборниках, изданных в 1950-е гг. на Урале, в том числе в Челябинской области, военный период был представлен малым набором самых общих показателей по состоянию на 1941 и 1945 гг., то есть на начало и на

конец войны². Между тем в годы войны Центральным статистическим управлением (ЦСУ) Госплана СССР и его местными подразделениями проводилась оперативная работа по множеству направлений учета, отчетности и планирования. Без преувеличения можно сказать, что статистической обработке в то время подвергались почти все аспекты общественной и частной жизни населения страны. Документальные следы этой гигантской работы отложились в федеральных и местных архивах. Немалую ценность представляющих хранящиеся в архивных фондах статистических управлений республиканских и областных центров Урала первичные документы, содержащие результаты бюджетных обследований семей рабочих, служащих, колхозников. Они относятся к разряду развернутых во времени и социальном пространстве статистических наблюдений, формируемых по балансовому принципу. Часть этих материалов по Башкирской АССР, Свердловской, Чкаловской (ныне Оренбургская), Молотовской (ныне Пермский край) областям публиковалась и получала научную интерпретацию в работах В. Г. Айрапетова и С. П. Панфилова, А. А. Антуфьева, Г. Е. Корнилова, В. П. Мот-

ревича, М. Н. Денисевича³. Аналогичные документы по Челябинской области в научном обороте представлены пока слабо⁴. Главная причина недостаточного использования в научных трудах бюджетных обследований военного времени заключается в повышенной трудоемкости выявления и анализа внесенной в них информации. Цель предлагаемого сообщения автор усматривает в том, чтобы с помощью сжатой характеристики этих документов, имеющихся в ОГАЧО, привлечь внимание исследователей к этому уникальному, информационно насыщенному виду источников.

В Челябинской области бюджетные обследования семей рабочих и служащих промышленности велись с 1939 г. сразу по нескольким формам, в том числе по форме № 2 — помесечного балансового учета прихода и расхода. 1 июля 1941 г. ЦСУ СССР утвердило ее новый, расширенный вариант. Для наблюдения старались выбирать репрезентативные для данной территории и промышленной отрасли семьи. Насколько можно судить по немногим сохранившимся сведениям об организации этой работы⁵, обследуемые за плату (40 руб. в месяц) вели текущие записи, которые проверяли и оформляли в первичную статистическую разработку инспектором-статистиком. Первичные разработки поступали в сектор бюджетов областного статистического управления, где составляли бюджетные сводки, отсылаемые в Москву.

Банк данных в бюджетной разработке формы № 2 охватывал 136 пунктов, включавших в себя в общей сложности 867 показателей, большинство которых имело внутреннюю детализацию еще по двум-трем параметрам. Например, пунктом 71 учитывались расходы на приобретение «культуртоваров, предметов гигиены, косметики и т. п.»⁶ по двум позициям: а) все расходы, б) отдельно рыночные расходы. Все 867 показателей в разработке группировались по четырем разделам: I — общие сведения, II — поступление отдельных непродовольственных товаров, III — баланс денежного прихода и расхода, IV — поступление и потребление продуктов питания. Надо добавить, что методика обследования предусматривала наличие дублирующих (контрольных) пунктов внутри совокупной выборки, когда один и тот же показатель был введен в контекст разных разделов

Информативную ценность содержащихся в статистической разработке сведений можно продемонстрировать на примере сводной обработки месячных бюджетов 25 семей служащих промышленных предприятий из городов Челябинской области за январь 1942 г.⁷ Выбор данной сводки обусловлен тем, что спустя полгода после начала Великой Отечественной войны на Урале, в том числе в Челябинской области, во-первых, уже отчетливо проявились негативные тенденции в социальной сфере: ужесточение трудового режима для всего занятого населения; прибытие и размещение сотен тысяч эвакуированных гражд-

дан и в силу этого усиление нагрузки на жилищно-коммунальный и торгово-снабженческий секторы; ухудшение эпидемической обстановки; повышение уровня общей и детской смертности и т. д. Во-вторых, к началу 1942 г. вступили в силу основные меры, предпринятые государством в рамках социальной политики военного времени, а также действовали как традиционные, так и адаптированные к новым условиям жизни обыденные практики населения. Вполне закономерно, что эти обстоятельства непосредственно сказывались на показателях бюджетных обследований. В целом программа банка учитываемых данных объективно и достаточно полно отражала действовавшие в начале 1942 г. социальные тенденции и регуляторы.

Программа I раздела, включавшая 25 пунктов, позволяет установить размеры и возрастной состав семьи, выявить характер и степень трудовой занятости членов семьи, выяснить масштабы пользования системой общественного питания. Кроме того, здесь присутствуют сведения о поголовье скота и птицы в личных подсобных хозяйствах. Так, в анализируемой сводке 25 бюджетов указано число всех членов семей обследуемых — 76 человек, в том числе рабочих и служащих — 36 человек, стипендиатов — 0, пенсионеров — 1. Средняя заработная плата, приходившаяся на основного работника обследуемых семей, исчислялась 491,69 руб.⁸

В 15 пунктах II раздела фиксировались источники и объемы поступлений в семью наиболее важных непродовольственных товаров: одежды, тканей, мыла, обуви, а также топлива и керосина. Эти сведения позволяют судить о степени пользования государственной, кооперативной и рыночной торговлей. В них обнаруживается информация о нескольких ценовых системах в городской местности. К примеру, выясняется, что в январе 1942 г. 25 семьями служащих было приобретено тканей, обуви, одежды и галантереи на сумму 1065,95 руб. Этот расход был произведен по следующим статьям: покупки в госторговле по карточкам — на 277,95 руб. (в том числе на 70 руб. — 3,5 м хлопчатобумажных тканей); покупки без карточек в госторговле и кооперации (включая безденежные поступления от предприятий и учреждений в виде премии, разовой помощи, выделенной спецодежды, предоставления места в детском учреждении и т. п.) — на 378 руб. (7 м тканей); покупки на колхозном рынке и у отдельных граждан — на сумму 410 руб. Привлекает внимание тот факт, что ни одного приобретенного куска туалетного мыла изучаемая сводка не зафиксировала. Хозяйственного мыла было куплено по карточкам 6,1 кг на 24,55 руб., у отдельных граждан — 0,4 кг на 130 руб., керосина куплено на рынке 1,75 л на 170 руб. Весь расход на культтовары, предметы гигиены, косметики и т. п. составил 253,45 руб., из них 130 руб. было уплачено на рынке отдельным гражданам. Затраты на вино, спиртоводочные изделия и пиво равнялись 129 руб. и не были распределены

по статьям платежа. Приобретение на рынке скота и кормов для личного хозяйства обошлось в 4500 руб.

В III разделе сводки подробно, по 59 пунктам, раскрываются денежные доходы и расходы семей. В приходной части учета подлежали все заработки членов семьи, пособия, пенсии, стипендии, премии; суммы, полученные по облигациям и страховкам, взятые в долг и со сберкнижек; доход от продаж и от сдачи жилплощади внаем; остаток денег на начало месяца. В ведомости показано, что всего за отчетный месяц поступило денег в семьи 24 929,02 руб., остаток денег на первое число месяца составлял 4702,5 руб. Таким образом, на протяжении месяца все семьи располагали суммой 29 631,52 руб. (то есть 1185,26 руб. на семью). Наибольшая часть этого баланса относилась к заработной плате всех членов семей — 16 803,35, или 67,4 %. Крупная сумма была выручена от продаж имущества: 5 тыс. получено за козу и 800 руб. — от других продаж отдельным гражданам. Размер полученной пенсии равнялся 211,55 руб. Денежные средства со счета в сберкассе никто из обследованных не снимал.

Денежные расходные статьи расписывались по двум графам: весь расход и отдельно — оплата покупок на рынке. Наряду с покупками фиксировались расходы на общественное питание и детские учреждения, на оплату коммунальных и культурно-бытовых услуг, в том числе на лечение, приобретение облигаций госзаймов, выплаты налогов, взносов и сборов. Отмечались вклады в сберкассе, передача денег взаймы, остаток денег на конец месяца. Изучение денежных балансов дает широкие возможности для анализа проблем ценовой политики государства, денежного обращения, налогообложения. В частности, обращают на себя внимание следующие показатели. Наибольшими размерами характеризуются расходы на оплату разных налогов и сборов (3695,83 руб.), на приобретение облигаций госзаймов (942,50 руб.), на членские и другие взносы в общественные организации (678,45 руб.), на оплату пользования детскими учреждениями (674,60 руб.), а также нетоварные расходы на культпросветнужды, гигиену, косметику, лечение и т. д. (549,15 руб.).

Материалы IV раздела, распределенные по 37 пунктам и 18 графам, характеризуют источники продовольственного снабжения и объемы потребления вне системы общественного питания⁹. Поступление 34 основных продуктов питания из личного хозяйства, карточкой и бескарточной государственной торговли, с рынка регистрировалось в натуральном и стоимостном выражении. Возможности прочтения этого блока сведений наглядно проступают после небольших арифметических расчетов. В структуре домашнего питания обследуемой категории семей 96,2 % составили хлеб, крупа, макаронны, картофель; доля расходов на них равнялась 32,5 % от всех затрат на продовольствие. Потребление других продуктов и расходы на них составляли соответственно

(в килограммах и денежных суммах в рублях, переведенных в проценты): молоко — 1,1 и 12,94 %, сахар — 0,83 и 1,69 %, мясо — 0,52 и 24,67 %, жиры — 0,51 и 22,46 %, рыба — 0,19 и 0,21 %, овощи — 0,13 и 2,08 %, сухофрукты — 0,04 и 0,99 %. Рассматриваемая сводная ведомость свидетельствует, что в январе 1942 г. в городах Челябинской области наиболее высокими рыночные цены были (руб./кг): на сало — 800, сливочное масло — 750, растительное масло — 600, говядину — 250. При этом, напомним, в среднем заработная плата работающих обследуемых служащих равнялась 491,69 руб., а весь денежный приход на семью — 1185,26 руб.

Немалый интерес представляют бюджетные отчеты отдельных граждан и семей, прорисовывающие контуры повседневной жизни в тылу. Автор располагает более или менее подробными выписками из нескольких десятков месячных бюджетов промышленных рабочих и служащих области за разные годы войны. Наряду с типовыми сведениями во многих из них обнаруживаются важные детали тыловой повседневности. Они нуждаются в расшифровке.

Пример 1. Бюджет за июль 1943 г. Крановщица на ЧТЗ, одинокая. Остаток денег на начало месяца 626,52 руб., получена зарплата 678,49 руб. Затраты на питание в заводской столовой — 141,72 руб. Хлеба, купленного по карточкам (24,8 кг), не хватало, на рынке приобретено 2,4 кг на 450 руб. На рынке куплено молока 1,75 л на 117 руб. и овощей 0,6 кг на 38 руб. По карточкам куплено конфет 0,3 кг на 3 руб. и печенья 1 кг на 7,50 руб., галантереи на 3 руб., мыла хозяйственного 0,4 кг на 2 руб. Обследуемая смогла позволить себе нетоварные расходы на культурно-просветительные и гигиенические нужды, развлечения в размере 130 руб. Оплата облигаций госзайма составила 70 руб., налогов — 128,49 руб. Итого все расходы равнялись 1121,71 руб. и к концу месяца осталось неиспользованных 183,30 руб.¹⁰

Пример 2. Бюджет за декабрь 1944 г. Обследуемый — забойщик в копеейской шахте, одинокий мужчина. Показана оплата жилой площади 46 руб., это означает, что оплачивалось койкоместо в общежитии. На начало месяца имел остаток денег в сумме 902 руб., зарплата составила 750 руб. Постоянно пользовался столовой предприятия, расходы на общественное питание равнялись 254 руб. По карточкам выкупил 31 кг пшеничного хлеба. Домашнего питания не было. На рынке и у отдельных граждан куплено 2 л молока на 60 руб., махорки (или табака) на 60 руб., алкогольных напитков на 220 руб. Половину всех расходов составила выплата налогов — 561 руб. Покупок промтоваров не было. Остаток денег на конец месяца — 420 руб.¹¹

Пример 3. Бюджет за июнь 1944 г. Служащая (машинистка) на Златоустовском металлургическом заводе, в семье три человека, работали двое. Остаток денег на начало месяца 56,88 руб. Зарплата обследуемой 896 руб., других членов се-

мы — 434,50 руб. Получено возвратных ссуд от государственных и общественных организаций 1000 руб. Баланс прихода 2377,3 руб. Общественным питанием постоянно пользовался один человек, затрачено 173,75 руб. По карточкам выкуплено хлеба пшеничного 45,1 кг, крупы и бобовых 0,9 кг на 1,70 руб., картофеля 30 кг на 18 руб., сельди 0,5 кг на 4,80 руб., маргарина 0,75 кг на 11 руб., конфет 1,5 кг. Приобретена в госторговле без карточек одна пара обуви за 25 руб. Семья активно прибегала к рыночным покупкам: куплено муки ржаной 0,2 кг на 40 руб., хлеба ржаного 0,3 кг на 30 руб., крупы и бобовых 0,2 кг на 40 руб., картофеля 3 кг на 150 руб., молока 4 л на 167 руб., масла растительного 0,5 л на 125 руб., прочих продуктов на 123 руб. Из набора купленных продуктов следует, что семья не имела подсобного хозяйства. Приобретено облигаций госзайма на 177 руб., выплачено налогов 255,50 руб., дано родственникам 30 руб. Все расходы составили 1476,75, остаток денег 900,63 руб.¹²

Анализ бюджетов позволяет отметить отдельные детали и сделать некоторые наблюдения. Так, очевидно, что материально-бытовые трудности легче переносили семьи, имевшие личное подсобное хозяйство и располагавшие запасами продуктов для домашнего питания. Следует принимать во внимание тот нюанс, что индивидуальное огородничество и животноводство требовало немалых затрат времени, сил и средств. Например, в феврале 1942 г. мастер Златоустовского металлургического завода, семейный, имевший корову, уплатил за сено на рынке 3550 руб.¹³ Кроме того, рабочие и служащие, имевшие скот, были обязаны платить соответствующие налоги и сборы. Однако затраты на хозяйство, безусловно, оправдывались.

В выявленных бюджетных отчетах обнаруживается такая примета тыловой повседневности, как вовлечение в трудовую деятельность подростков. К примеру, из обследования за январь 1942 г. семьи женщины — начальника смены на Саткинском заводе следует, что ее зарплата составляла 500 руб., пособие семье военнослужащего рядового и младшего состава равнялось 100 руб. В семье было двое детей. За пребывание младшего ребенка в детском саду было заплачено 75,62 руб. Зарплата старшего ребенка, который не достиг 13 лет, составила 239,85 руб. Учитывая месяц обследования, можно считать, что его работа носила не сезонный, а постоянный, скорее всего, сопряженный с ученичеством характер¹⁴.

В бюджетных ведомостях встречаются сведения об оплачиваемых подработках, которыми заняты помимо основной работы обследуемые женщины: это стирка и починка белья, мытье подъездов и лестниц в государственных домах¹⁵.

Вся выборочная совокупность семейных бюджетов военных лет демонстрирует огромную разницу в ценах карточной и базарной торговли не только по продовольственной, но и по промтоварной группе. К примеру, в январе 1943 г. рабочий челябинского завода им. Колущенко ку-

пил хозяйственного мыла по карточной системе 0,4 кг на 2 рубля, а у частных лиц — 0,8 кг на 320 руб. Кроме того, он приобрел валенки у граждан за 800 руб., в то время как другому рабочему этого завода была предоставлена возможность выкупить по талону валенки в магазине ОРСа за 77 руб.¹⁶

Комплекс формируемой в условиях войны официальной статистической информации определялся насущными потребностями советского общества. Важную роль играли бюджетные обследования рабочих, служащих и колхозников, с их помощью устанавливалось текущее материально-бытовое состояние населения тыловых регионов, выявлялись типовая структура и размеры доходов и расходов, определялись назревшие задачи в социальной сфере. Нельзя не согласиться с мнением А. Блюма о том, что в СССР статистика «была источником информации и средством принятия решения, но она была также и орудием власти, так как должна была подтвердить точность государственной политики»¹⁷. Самоотверженным трудом сотрудников органов государственной статистики в экстремальных условиях военного времени создавалась качественная информационная база, позволявшая принимать обоснованные властные решения и отслеживать эффективность проводимой социальной политики, направленной в конечном счете на достижение победы в войне. Высокий уровень достоверности сведений, сообщенных респондентами на основе конфиденциальности и проверенных статистиками, делает бюджетные обследования важнейшими и зачастую незаменимыми историческими источниками.

Примечания

¹ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник : стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 5.

² См.: Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска : стат. сб. Челябинск, 1957.

³ Айрапетов В. Г., Пауфилов С. П. Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала (июнь 1941–1945) // Из истории социалистического строительства на Урале : сб. ст. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1978. С. 65–80 ; Антуфьев А. А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1981. С. 82–101 ; Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 166–170 ; Мотревич В. П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1981. С. 45–66 ; Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991. С. 79–84.

⁴ Палецких Н. П. Бюджетные обследования рабочих и служащих Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Роль Урала как арсенала Победы : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2000. С. 103–105.

⁵ Этот вопрос требует дальнейших уточнений, поскольку организационная сторона работы низового звена статистической службы (районной, городской инспектуры) предполагала выполнение сложных задач по определению респондентов, налаживанию длительного взаимодействия с ними, контролю за достоверностью записей и т. д.

⁶ Формулировка из бюджетной разработки.

⁷ Все цифровые данные, имеющиеся в этой сводке, приведены или рассчитаны по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 15. Д. 63. Л. 323.

⁸ В бюджетных разработках денежные суммы указывались в копейках.

⁹ В бюджетах показывались лишь суммарные денежные расходы на общественное питание.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 15. Д. 68. Л. 311.

¹¹ Там же. Д. 84. Л. 391.

¹² Там же. Д. 78. Л. 179.

¹³ Там же. Д. 49. Л. 289.

¹⁴ Там же. Д. 47. Л. 271

¹⁵ Там же. Д. 48. Л. 310 ; Д. 49. Л. 338.

¹⁶ Там же. Д. 63. Л. 290, 292.

¹⁷ Блюм А., Местуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / пер. с фр. М. : РОССПЭН, 2006. С. 7.

В. М. Кириллов, Е. П. Турова

Документы о российских немцах в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области

Самым крупным лагерем принудительного труда в Челябинской области в годы Второй мировой войны являлся ИТЛ «Бакалстрой — Челябинский металлургстрой» НКВД–МВД (1941–1947). В нем содержалось более 37 тыс. трудмобилизованных, в том числе более 31 тыс. — российских немцев.

Документы ИТЛ «Бакалстрой — Челябинский металлургстрой» (БМК–ЧМС) поступили на хранение в ОГАЧО в составе фонда Р-1619¹ «Трест “Челябинский металлургстрой”» (1558 ед. хр.). Документы фонда наглядно свидетельствуют, что главной рабочей силой на этой стройке, наряду с заключенными ГУЛАГа, были трудмобилизованные советские немцы. Большая часть документов носит директивный и распорядительный характер, это приказы и распоряжения по тресту «Челябинский металлургстрой». Кроме того, ценная информация содержится в переписке руководства треста с партийными, советскими и хозяйственными органами, в докладных записках вышестоящим организациям. Документы фонда отражают административно-хозяйственную деятельность руководства треста, организацию подразделений военной стройки.

Например, Ф. Р-1619. Оп. 1:

– Д. 2 «Приказы по Стройуправлению Бакалметаллургстроя за 1941 год»;

– Д. 3 «Приказы по Управлению особого строительства Бакальского металлургического комбината НКВД СССР. 1941–1942 гг.»;

– Д. 5 «Постановления облисполкома и переписка с партийными и политическими организациями. 1941–1942»;

– Д. 7–11 «Приказы по Управлению особого строительства Бакальского металлургического комбината НКВД СССР. 1942»;

– Д. 13 «Подлинные приказания и распоряжения по Управлению ЧМС за 1942»;

– Д. 18–23 «Приказы по Управлению ЧМС за 1943»;

– Д. 26–28 «Приказы по Управлению Челябинского металлургстроя НКВД. 1944»;

– Д. 134 «Докладные записки и переписка о работе лагподразделений военизированной охраны Бакалстроя НКВД. 1942»;

– Д. 25а «Типографские оттиски приказов по Управлению Челябинметаллургстроя. 1944»;

– Д. 29а «Приказы по Управлению. 1944–1945»;

– Д. 33 «Приказы начальника НКВД. 1945»;

– Д. 36 «Приказы по Управлению ЧМС НКВД. 1945»;

– Д. 39б «Приказы начальника Челябинского металлургстроя НКВД СССР. 1946»;

– Д. 52 «Акт приема-сдачи Челябинского металлургстроя. 31.05.1947»;

– Д. 134 «Схема движения рабочей силы в ЧМС НКВД. 1942»;

– Д. 145 «Стенограмма совещания начальников санитарных частей отрядов ЧМС НКВД по улучшению жилищно-бытовых условий работников ЧМС. 1943»;

– Д. 146 «Переписка с НКВД СССР, с ГУЛАГом НКВД СССР и Главпромстроем по вопросам строительства ЧМС. 1943»;

– Д. 313 «Главнейшие показатели хозяйственной деятельности. 1941»;

– Д. 157 «Планы и отчеты промкомбината по производству, труду и себестоимости. 1945»;

– Д. 161 «Объяснение Управления ЧМС НКВД СССР по акту комиссии Министерства государственного контроля по проверке хода строительства ЧМЗ от 10.09.1946»;

– Д. 164; Д. 340 «Военный трибунал при Управлении ЧМС; Штатные расписания лагерного сектора промрайонов ЧМС НКВД. 1946»;

– Д. 539 «Годовой отчет. 1944» и т. д.

Фонд Р-1619. Оп. 2. В 1991 г. было рассекречено 54 дела из этой описи. Например:

– Д. 1 «Копия постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 27.12.1941 о мероприятиях по обеспечению строительства Ново-Тагильского и Бакальского металлургических и коксохимических заводов и их рудных баз, ведомости распределения оборудования и продтоваров. 1942»;

– Д. 2 «Решения суженного состава исполкома Челябинского областного совета депутатов трудящихся и переписка по ним. 1941–1942»;

- Д. 11 «Материалы по строительству Бакальского металлургического завода (планы, схемы, карты, графики монтажных работ, объяснительная записка за 1942–1944);
- Д. 11 «Схема Генплана промплощадки и соцгорода Бакалметаллургкомбината. 1942»;
- Д. 12 «Чертежи. 1942»;
- Д. 13 «Проект постановлений Государственного Комитета обороны СССР (с приложениями о строительстве Челябинметаллургкомбината НКВД СССР в 1943, возражения НКВД по проекту). 1943»;
- Д. 15 «Секретные приказы по Управлению ЧМС НКВД. 1943»;
- Д. 18 «Постановления СНК СССР и переписка с союзными наркоматами. 1944»;
- Д. 19 «Секретные приказы по Управлению ЧМС НКВД. 1944»;
- Д. 25 «Отчеты санитарного отдела ЧМС по основной деятельности за 1944»;
- Д. 26 «Докладные записки о состоянии лагерного сектора Челябинметаллургстроя НКВД СССР. 1944–1945»;
- Д. 28 «Акт о передаче лагеря УВР НКВД г. Чапаевска в ведение ЧМС НКВД от 4.11.1944 и переписка о мерах по ликвидации последствий взрыва на заводе № 15 и 309 за 1944»;
- Д. 29 «Выписка из постановления СНК СССР от 10.11.1945 о мероприятиях по обеспечению строительных работ в 1945–1946 на стройках черной металлургии, осуществляемых НКВД СССР. 1945»;
- Д. 30 «Секретные и совершенно секретные приказы и распоряжения начальника ЧМС НКВД СССР. 1943»;
- Д. 40 «Приказы начальника ЧМС НКВД СССР. 1946»;
- Д. 41 «Приказы МВД СССР по вопросам строительства № 859 МВД. 1946–1947»;
- Д. 43 «Совершенно секретные и секретные приказы и распоряжения, касающиеся строительства № 859 и строительства курорта “Сунгуль”. 1946»;
- Д. 44 «Подлинные секретные приказы по управлению ЧМС МВД за 1946»;
- Д. 45 «Секретные распоряжения и циркуляры начальника Управления ЧМС НКВД. 1946»;
- Д. 48 «Докладные записки о состоянии лагерного сектора Челябинметаллургстроя НКВД СССР с докладными записками о работе Челябинлага МВД. 1946–1947»;
- Д. 49 «Сведения о движении осужденных иностранно-подданных, отбывавших наказание в лагере ЧМС НКВД СССР за 1946–1947»;
- Д. 50 «Секретные и совершенно секретные приказы начальника ЧМС МВД СССР. Спецпеселенцы. 1947»;
- Д. 57 «Докладные записки о состоянии ИТЛ при Управлении восстановительных работ НКВД. 1944»;
- Д. 147 «Штатные расписания ЧМС НКВД. 1946».

В начале 1990-х гг. в архив поступили фильтрационно-проверочные и архивно-следственные дела (АСД) репрессированных по ст. 58 УК 1926 г. жителей Южного Урала из архива бывшего НКВД–МВД, ныне ФСБ. Фонд Р-467 «Управление НКВД–МВД–МГБ–КГБ–ФСБ (1934–...)» содержит АСД на трудмобилизованных советских немцев, арестованных и осужденных за контрреволюционные преступления в 1940-е гг. Есть тут и АСД времен «Большого террора» 1936–1938 гг., в ходе которого проводилась массовая «немецкая» операция.

Решения об осуждении трудмобилизованных принимали специальные суды, материалы которых также сданы на хранение в ОГАЧО: например, Ф. Р-1410 «Специальный лагерный суд исправительно-трудовых лагерей и колоний по Челябинской области МВД СССР» (333 ед. хр., 1943–1954 гг., Оп. 1–4). В описях 1–3 имеются уголовные дела трудмобилизованных немцев (например: Оп. 1. Д. 54, 55, 56, 58, 59).

Несомненный интерес для изучения репрессивной политики и ее последствий представляют документы прокуратуры: Ф. Р-1275 «Прокуратура лагерей и колоний Челябинской области (1945–1952)». Фонд состоит из одной описи (17 ед. хр.). Наибольший интерес представляют доклады, справки, отчеты о работе прокуратуры Челябинского ИТЛ и строительстве НКВД СССР (Д. 1, 3, 5, 13, 17), материалы прокуратуры по надзору за местами лишения свободы (обзоры, протоколы) — Д. 6, 11, 14. В этих документах имеются сведения о структуре лагеря, его контингенте, о физическом состоянии заключенных и о социально-бытовых условиях их содержания, в том числе после снятия проволочного ограждения и военизированной стрелковой охраны строительных отрядов трудмобилизованных после 4 февраля 1946 г. (Д. 3. Л. 88).

Имеются сведения о количестве трудмобилизованных в ИТЛ на 1 июля 1945 г. (Д. 1. Л. 1), на 1 января 1946 г. (Там же. Л. 50), на 20 марта 1946 г. (Д. 3. Л. 88), на 1 апреля 1946 г. (Там же. Л. 2), на 1 июля 1946 г. (Там же. Л. 53).

Более широкое представление о репрессиях против российских немцев дают материалы фонда Р-1075 «Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД СССР по Челябинской области (1930–1943)». Документы фонда поступили на хранение 25 ноября 1947 г. и частично 21 сентября 1951 г. Информация об увеличении числа колоний и, соответственно, заключенных в них после 1 января 1941 г. содержится в докладной записке начальника управления НКВД по Челябинской области начальнику ГУЛАГа (Оп. 1. Д. 217. Л. 119). Рост численности заключенных обусловил и реорганизацию отдела ИТК в Управление ИТЛ УНКВД по Челябинской области в начале 1942 г. (Оп. 1. Д. 210. Л. 1).

В приказах начальников управлений НКВД по Челябинской области и исправительно-трудовых лагерей и колоний поднимались вопросы

повышения производительности труда заключенных (Оп. 1. Д. 213. Л. 50, 133), улучшения работы по рационализации и изобретательству (Там же. Л. 147), недисциплинированности и нарушения революционной законности (Там же. Л. 54), об учете и реализации продукции ширпотреба в ИТК (Там же. Л. 55). Некоторые приказы касались нарушений порядка содержания заключенных в ИТК (Там же. Л. 78).

В описи 1 (Д. 211. Л. 183–200) находится один из наиболее важных для контингента колоний приказ начальника управления ИТЛК НКВД по Челябинской области за 1942 г. — «О введении новых норм питания заключенных в ИТК УНКВД».

Редко встречаются документы, имеющие непосредственное отношение к заключенным немецкой национальности: например, циркуляр УНКВД по Челябинской области о выполнении директивы об освобождении от дальнейшего отбытия наказания заключенных, этапированных из прифронтовой полосы (заключенные немцы, финны, румыны, венгры и итальянцы освобождению не подлежали) (Оп. 1. Д. 198. Л. 8).

12 октября 1943 г. начальник управления НКВД по Челябинской области издал приказ «Об учете движения и наблюдения за режимом содержания и трудиспользованием мобилизованных немцев, работающих по хозорганизациям Челябинской области». Также был разработан «План мероприятий по налаживанию работы учета и наблюдения за режимом и трудиспользованием мобилизованных немцев, работающих на предприятиях Челябинской области на октябрь — ноябрь 1943 г.» (Оп. 1. Д. 226. Л. 93–94).

В этом же фонде есть и картографический материал: например, карта лагерей Урала (1946).

Кроме документов ИТЛ несомненный интерес представляют материалы строительства и функционирования Челябинского металлургического завода, которые содержатся в фонде Р-1596 (1595 ед. хр.). Описание 2 сформирована из документов с грифом «Секретно» за 1941–1956 гг. Особый интерес представляют документы начального этапа строительства завода, то есть за 1941–1945 гг.: постановления ГКО и наркоматов по строительству завода (Д. 1–3), по обеспечению оборудованием пусковых и действующих объектов завода (Д. 4), переписка с ЦК ВКП(б), наркоматами, обкомом ВКП(б) по строительству завода (Д. 7, 9).

В 1991 г. на хранение в архив поступили раскреденные материалы, которые стали активно использоваться исследователями. Благодаря многочисленным публикациям в газетах, журналах, сборниках документов ОГАЧО и материалов научно-практических конференций, в том числе и международных, в научный оборот были введены сотни интереснейших документов.

В некоторых приказах по кадровой деятельности упоминаются инженерно-технические работники предположительно немецкой национальности (Оп. 3. Д. 3. Л. 127, 146, 149). В приказах наркома черной металлургии СССР (1942)

разъясняются задачи руководства завода по формированию рабочих колонн (Оп. 2. Д. 2. Л. 103, 157, 176, 244). В ряде документов упоминаются трудмобилизованные Челябинского металлургического завода (например, в: Оп. 3. Д. 9. Л. 7).

В документах архива есть сведения и о выдающихся представителях российских немцев, которые, несмотря на все политические препятствия, занимались научной и организаторской деятельностью. Такая информация содержится в фонде Р-1754 (46 ед. хр.; 1910–2006 гг. Оп. 1. Предисловие). Это личный фонд Виктора Гербертовича Шеррлюбе — кандидата технических наук, заслуженного металлурга РФ, генерального директора ОАО «Челябинский электродный завод» (1993–2001), президента Ассоциации промышленных предприятий и банков Челябинской области (1997–2003), заместителя губернатора Челябинской области, члена Правительства Челябинской области. Он родился в 1940 г. Сын трудармейца Бакаллага.

В силу властного положения коммунистической партии в СССР значительный интерес представляют материалы фонда П-602 «Партком Челябинского металлургического комбината (ЧМК)» (4235 ед. хр.; 1941–1991 гг. Оп. 1, 14, 16, 18 и т. д.).

История партийной организации ЧМЗ тесно связана с историей парторганизации треста «Челябметаллургстрой», поэтому в фонде отложились протоколы первых партийных собраний именно этой организации: приказ № 1 закрытого организационного собрания Бакалметаллургстроя от 13 мая 1941 г.; приказ № 2 от 22 мая 1941 г. и т. д. (Ф. П-602. Оп. 1. Д. 1). Лишь 15 января 1942 г. состоялось общее закрытое партийное собрание при Бакалметаллургстрое, на котором прошли выборы партийного бюро парторганизации Бакалметаллурга (протокол № 1; Ф. П-602. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4).

27 октября 1942 г. состоялось общее закрытое собрание партийной организации ЧМЗ, на котором был поднят актуальный для военного времени вопрос о повышении революционной бдительности. Особый акцент был сделан на проступках трудмобилизованных, в том числе рабочих немецкой национальности, по вине которых якобы происходили аварии, несчастные случаи, поломки оборудования и пр. (Там же. Л. 70–72). Факты вредительства на заводе обсуждались и на многих последующих партсобраниях.

После объединения с Центром документации новейшей истории в архиве оказались фонды политотдела ЧМС МВД и Челябинлага МВД СССР (1942–1952), в которых находятся материалы партийной организации ИТЛ БКС–ЧМС НКВД–МВД. Примерами могут служить следующие фонды:

– П-879 «Политотдел управления исправительно-трудовых учреждений УВД Челябинской области (1942–1952, 1958–1988)»;

– П-899 «Первичная организация ВКП(б) Управления ИТЛ и колоний Управления МВД

СССР по Челябинской области (1940–1950)»;

– П-900 «Первичная организация ВЛКСМ Управления ИТЛ и колоний Управления МВД СССР по Челябинской области (1935–1944)»;

– П-908 «Первичная организация ВКП(б) ИТК № 1 Управления ИТЛ и колоний Управления МВД СССР по Челябинской области (1941–1951)»;

– П-909. Оп. 3 «Первичная организация ВЛКСМ Челябинской ИТК № 1 Управления ИТЛ и колоний 1944–1951»;

– П-920. Оп. 3 «Первичная организация ВКП(б) управления “Челябметаллургстрой”. 1943–1951».

Поскольку российские немцы трудились на предприятиях разных наркоматов, министерств, для изучения их жизнедеятельности можно обратиться к ряду других фондов:

– Р-348 «Шахта № 30 Государственного каменноугольного комбината “Челябинскуголь”; п. Роза г. Коркино Челябинской области (1942–1971)» (296 ед. хр.);

– Р-792 «Челябинский тракторный завод им. В. И. Ленина. В 1940-е гг. Кировский завод на Урале. 1933–2005» (523186 ед. хр.);

– Р-962 «Государственный каменноугольный трест “Челябуголь” Министерства угольной промышленности СССР, г. Копейск Челябинской области (1919–1954)» (1062 ед. хр.).

К числу наиболее важных справочных публикаций ОГАЧО относится «Путеводитель по фондам Объединенного государственного архива Челябинской области». Информация о других изданиях архива размещена на его сайте. На сайте архива размещена также электронная книга памяти трудармейцев треста «Челябметаллургстрой».

Фонды архива, содержащие материалы о трудмобилизованных российских немцах, уникальны в силу нескольких причин. Во-первых, ИТЛ БМК–ЧМС был крупнейшим лагерем трудармейцев в пределах СССР. Во-вторых, фонды ИТЛ оказались в обычном гражданском архиве и находятся в режиме открытого доступа для всех категорий исследователей.

Одной из первых публикаций о трудмобилизованных ИТЛ стала книга Г. Вольтера «Зона полного покоя» (1993, 1998)². Он был узником Бакалстройа, книгу написал по воспоминаниям около полутора сотен трудармейцев с использованием материалов архива лагеря в ОГАЧО и Музея истории Челябинского металлургического комбината. Челябинский исследователь Г. Я. Маламуд защитил кандидатскую диссертацию по теме «Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х — начале 1950-х гг.»³. В ходе работы над ней он освоил значительную часть документов фонда Р-1619. В гимназии № 96 Челябинска с углубленным изучением немецкого языка, основателем которой является бывший трудармеец Т. Шлей, в конце 1990-х гг. создан Музей истории российских нем-

цев. В 2003 г. музей получил официальный статус. В нем собраны личные вещи и более ста воспоминаний ветеранов-трудармейцев, о них написаны десятки школьных рефератов. В 2000 г. опубликована статья Е. П. Туровой о составе фонда Р-1619 ОГАЧО по проблеме трудовой мобилизации⁴. Исследователь из Германии В. Кригер (Институт восточноевропейской истории при Гейдельбергском университете) реализовал проект «Российские немцы в трудовой армии и в ГУЛАГе в 1941–1945 гг.». Он побывал в Челябинске и провел большую исследовательскую работу в фондах ОГАЧО. Десятки статей о трудармейцах, их воспоминания появились в периодической печати, им посвящены разделы в научных трудах и публицистике. Г. А. Гончаров в 2006 г. защитил докторскую диссертацию «Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны»⁵.

С 2002 г. в рамках проекта «Возвращенные имена» коллектив архивистов во главе с начальником архивного управления области А. П. Филадельевым и главным археографом Л. П. Туровой начал обработку фонда Р-1619, ввод в электронную базу данных учетных карточек трудармейцев, работавших на предприятиях ЧМС. В 2009 г. уже в рамках проекта «Gedenkbuch. Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой–Челябметаллургстрой. 1942–1946» эта работа была завершена. В ходе реализации проекта (центром осуществления которого была лаборатория исторической информатики Нижнетагильского государственного социально-педагогического института) к 2014 г. было издано четыре тома «Книги памяти»⁶. Над книгой трудился интернациональный коллектив ученых. Произойшла публичная реабилитация репрессированных 37 086 российских немцев и лиц 37 других национальностей.

В 2016 г. создан субсайт на портале Rusdeutsch «Электронная книга памяти российских немцев» общим объемом сведений на 100 тыс. репрессированных немцев, куда вошли данные из картотеки и архива ОГАЧО⁷.

В 2018 г. в издательстве «РОССПЭН» вышла монография, созданная на основе четвертого тома «Книги памяти» трудармейцев ИТЛ БМК–ЧМС⁸. В 2020 г. краеведом из Гамбурга Софи Вагнер переведены на немецкий язык и опубликованы три тома «Книги памяти» немцев — трудармейцев Челябинского металлургического комбината. Сегодня баварский Центр культуры российских немцев в Нюрнберге совместно с лабораторией исторической информатики Нижнетагильского государственного социально-педагогического института ведет работу по созданию электронной базы данных немцев-трудармейцев Урала. В эту базу включены и сведения о трудмобилизованных ИТЛ БМК–ЧМС.

Фонды ОГАЧО представляют собой значительный по объему и тематическому содержанию массив документов, дающих возможность решать многие исследовательские задачи в области изучения истории российских немцев.

Примечания

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области : путеводитель : в 2 т. Т. 1, ч. 1 / сост.: О. А. Бровкин, Е. В. Буданова, Л. И. Мамаева, Т. Н. Москвичева, М. В. Полухина, Е. А. Сибирякова, Н. Сигатулина. Челябинск, 2015. 576 с. ; Там же. Т. 2. Челябинск : Дом печати, 2005. 630 с.

² *Вольтер Г. А.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. Изд. 2-е, доп. и испр. / под ред. В. Ф. Дизендорфа. М. : Варяг, 1998. 416 с.

³ *Маламуд Г. Я.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х — начале 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

⁴ *Турова Е. П.* Документы Объединенного госархива Челябинской области о советских немцах на строительстве Челябинского металлургического завода (1941–1945 гг.) : науч.-информ. бюл. // Bulletin. 2000. No. 3 (23). S. 8–11.

⁵ *Гончаров Г. А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 483 с.

⁶ Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой — Челябинметаллургстрой. 1942–1946 : в 4 т. М. ; Нижний Тагил, 2014.

⁷ Электронная книга памяти российских немцев. URL: <http://www.gedenkbuch.rusdeutsch.ru>.

⁸ Фрицляндия на Урале. Российские немцы в лагере принудительного труда на Бакаллаг — Челябинметаллургстрой. 1942–1946 : монография. М. : Полит. энцикл., 2018. 800 с.

⁹ Gedenkbuch: Stolze Geduld. Zum Gedenken der Deutschen der Sowjetunion den Gefangenen des ABL Bakalbau und Tscheljabmetallurgiebau. 1942–1946 / V. M. Kirillov, S. L. Rasinkov, E. P. Turowa. Bd. 1. Hamburg : AALEX Druck Produktion, 2020. 632 s. ; Gedenkbuch: Stolze Geduld. Zum Gedenken der Deutschen der Sowjetunion den Gefangenen des ABL Bakalbau und Tscheljabmetallurgiebau. 1942–1946 / V. M. Kirillov, S. L. Rasinkov, E. P. Turowa. Bd. 2. Hamburg : AALEX Druck Produktion, 2020. 576 s.

Р. Р. Каюмова

История войны в коллекциях писем с фронта Национального архива Узбекистана

Изучение Второй мировой войны является одним из актуальных научных направлений в отечественной исторической науке. Интерес этот обусловлен тем, что сегодня в условиях возрастания интереса мировой общественности к проблеме войны данный период подвергается тщательному изучению и объективной переоценке и в узбекистанской историографии. Бурные дискуссии вокруг итогов войны, определения вклада Республики Узбекистан в победу над фашизмом и роли в этом отдельных личностей также находятся в центре внимания отечественных историков.

При этом в ходе всестороннего изучения не только экономических, политических, но и социальных аспектов истории войны немаловажное значение имеет оценка сознания личности — участника и очевидца событий. В этом отношении одним из малоисследованных видов источников выступают такие военные документы, как фронтовые письма. Письма очевидцев войны — это личное, эмоционально насыщенное свидетельство о войне и ушедшей эпохе, это мысли, записанные под непосредственным впечатлением от военных событий.

С началом Второй мировой войны и необходимостью обеспечения первостепенных нужд и потребностей фронта все тыловые учреждения СССР были переведены на военные рельсы. В этом плане эвакуация фондов архивных учреждений прифронтовой полосы, представляющих бесценное материально-культурное наследие народов страны, раскрывающих суть и содержание, особенности эволюции ее политической, экономической, социальной и духовно-культурной жизни, имела особое значение. Получение врагом доступа к архивным фондам государства оз-

начало фактически духовно-идеологическое поражение страны, что было абсолютно недопустимо, особенно в условиях политического соперничества двух общественно-политических систем.

Следовательно, важной государственной задачей в этой области стало любой ценой сохранить и обеспечить надлежащее функционирование архивных учреждений страны, которые одновременно должны были реагировать на возможные запросы с фронта. В связи с этим на следующий день после начала войны вышел приказ Главного архивного управления НКВД СССР о перемещении особо ценных документов в безопасные районы. 24 июня 1941 г. по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Совет по эвакуации. Через три дня советское правительство приняло постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»¹.

В начале июля 1941 г. последовало указание о перебазировании в восточные регионы культурных ценностей из городов, оказавшихся в зоне возможных боевых действий и находившихся под угрозой бомбардировок авиацией врага. В сложной ситуации, когда наступила пора приема на государственное хранение архивных материалов войсковых частей, отправленных на фронт, ликвидированных, переселенных учреждений и предприятий, в Узбекистане активизировалась работа по обеспечению сохранности и пополнению архивного фонда. Архивное руководство усилило внимание к защите ретроспективной информации эвакуированных в Узбекистан предприятий, учреждений и организаций. В июне 1941 г. при Архивном отделе НКВД УзССР была создана экспертно-проверочная ко-

миссия. В 1942 г. архивисты Ташкента оказали практическую помощь в упорядочении более 30 эвакуированных ведомственных архивов².

Так, в первый год войны только в Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный военный архив Узбекистана было принято более 35 тыс. ед. хр. В 1942 г. количество принятых документов, вместе с делами Ташкентского областного архива, выросло до 65 тыс. ед. хр. За два года общий объем укомплектованных государственными архивами республики документов достиг свыше 1 млн 700 тыс. дел³. Несмотря на сложности и плохие условия труда, архивисты весьма добросовестно выполняли свои обязанности: производили научно-техническую обработку материалов и описание документов. Благодаря их усилиям в течение 1941 г. было упорядочено более 100 тыс. дел⁴, а в 1945 г. объем выполненной работы составил свыше 136 тыс. дел⁵.

В то же время архивная служба республики уделяла особое внимание комплектованию событийных архивных фондов. Начиная с 1942 г. архивистами была проделана значительная работа по сбору и формированию отдельного архивного фонда коллекций писем с фронта. Для организации сбора эпистолярных источников проводилась переписка архивов с редакциями газет, государственными учреждениями и организациями, передавались также обращения к гражданам по радио. Именно поэтому в фонде появились письма, напечатанные на машинке. Одновременно архивисты встречались с людьми, у которых сохранились письма с фронта. В результате проделанной работы было собрано более 10 тыс. писем. Фронтные письма, сосредоточенные в различных фондах центральных и региональных архивов республики, отражают героические подвиги узбекистанцев в 1941–1945 гг.

На основе собранных писем периода войны в Национальном архиве Узбекистана был сформирован специальный фонд Р-1735 «Коллекция писем с фронтов Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Архивная опись фонда была составлена в 1948 г. Всего в фонде хранятся около 5 тыс. писем, отправленных в редакции различных газет, в учреждения, частным лицам, друзьям, близким и знакомым. В коллекцию вошли письма фронтовиков в редакции газет «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока», «Фрунзовец», «Хорезмская правда» и др. Также в нем нашли свое место письма, направленные в Узрадиокомитет, в Управление землеустройства Наркомзема УзССР, в Гидроэнергопроект, рабочим заводов и фабрик и т. д. Кроме того, в коллекции содержится частная переписка фронтовиков со своими родственниками, близкими и знакомыми. Авторы писем — люди разных возрастов и профессий, разного жизненного опыта. Строки писем повествуют о трудных дорогах войны. Но прежде всего каждое фронтное письмо — это весточка домой о том, что боец «жив, здоров», и, конечно, забота о родных и близких, оставшихся

в тылу. Многие письма написаны наскоро, в перерывах между боями, в окопах, блиндажах, при свете коптилки, на койках фронтных медсанбатов. Написаны они карандашом или чернилами на почтовых бланках, на листах, вырванных из блокнотов, на листках из школьных тетрадей, на открытках, оберточной бумаге.

В исследовании темы войны и внутренних переживаний солдат особое значение имеют письма с фронта. Элементы пространственно-временных отношений в текстах фронтных писем содержат сведения о географии новых мест, видимые через призму персональной психологии военнослужащих. Так, старший лейтенант Мищенко Василий в своем первом письме, адресованном узбекским девушкам, пишет:

...Летом 1942 г. враг захватил мою родину цветущую Кубань, после чего я потерял связь со всеми родными и близкими. К тому от трех братьев, защищающих Родину, не получаю уже 7 месяцев никаких вестей. Мне 20 лет. Меня воспитала наша социалистическая Родина, наш Ленский комсомол! Поэтому я считаю своей Родиной не только Кубань, а Родина простирается для меня от Ледовитого океана до Кавказских гор, от Днепра до Дальнего Востока.

Дорогие девушки! Как плохо становится на душе, когда рядом воюющие друзья-фронтовики получают письма от родных, друзей и любимых девушек. Но я надеюсь, что вы, девушки солнечного Узбекистана, замените мне сестер, родителей, любимой девушки, братьев, с которыми прервана связь... Девушки, пишите по адресу: 1618 полевая почта, часть 150. 15 декабря 1942 г.⁶

Важной стороной фронтных писем являются эмоции их авторов. В письме, адресованном родным, М. Авазов пишет:

Здравствуйте, дорогая мама и сестра Фатима! Что-то давно от вас не получаю писем, начинаю беспокоиться. Вы обо мне не беспокойтесь. Я за три года на фронте многому научился. Сейчас вместе с товарищами гоню немцев за пределы нашей Родины. Недавно получил правительственную награду — орден Красной Звезды. Это знак того, что не зря воевал, что и я внес частицу труда в нашу победу над врагом. Я знаю, что вы все делаете для скорейшего разгрома гитлеровских разбойников. Давайте удвоим усилия, приблизим день нашей радости. Надеюсь, что скоро встретимся. Пока до свиданья, крепко вас целую, ваш сын. Сентябрь 1944 г.⁷

Кроме того, тексты писем солдат позволяют реконструировать этапы личностного развития, выявить стратегии фронтной эпистолярной коммуникации и определить тендерные особенности поведенческой практики человека на войне. Так, в письме, отправленном в редакцию газеты «Кзил Узбекистон», служивший в Магнитогорске солдат Ашир Аманов пишет:

Сегодня 11 марта. Получив Ваше письмо, написанное 15 февраля, очень обрадовался. Шлю Вам и всем нашим знакомым... привет с фронтов Отечественной войны. <...> В одном из жестоких сражений меня ранило пулей в правую ногу, но я не обратился к врачам, а вылечился сам в строю. За мои заслуги в одном из боев командование отправило ходатайство о награждении меня орденом Красного Знамени. Если я сфотографируюсь, то фото Вам отправлю на память. Вы в своей газете осветили взятие железнодорожного узла городов районного центра Волово и Касторное, надо сказать, что большая заслуга в освобождении этих мест принадлежит мне и моим друзьям.

Мы каждый день в снегу по колено передвигаемся в сторону запада. Каждый день приближает нас к победе, и эта победа поможет нам с вами встретиться, это начало свободы и счастья. Мы видим солнце только на западном горизонте, так как наши взгляды устремлены только на запад. Ребята-узбеки, служащие рядом со мной, через огонь и воду с честью оберегают гордое имя узбеков. Пусть я пожертвую сном, но доведу до вас и всего узбекского народа все их имена, и пока я жив, я не прекращу свою службу.

Вы написали про самаркандского снайпера. Он заслуживает хвалы, но в одном из сражений он получил сильное ранение в грудь и сейчас находится на лечении. Если будет возможно, хотелось бы, чтобы эпизоды поэмы о нем были включены в серию книг, и я был бы счастлив оттого, что это послужит хорошим материалом для других людей. А. Назаров. 11 марта 1943 г.⁸

О беспримерном героизме, отваге и мужестве узбекских солдат говорит письмо Володи Селиванова, отправленное своей матери:

Здравствуй, дорогая мама! Сегодня у меня радостный день: наши войска уже в Германии, слушали приказ Сталина, нам салютуют. Наша часть, кроме названия по имени моего родного города «Рогачевской», получила еще название Померанской. Фрицы бегут. У нас громадные трофеи. Целые города, дома со всеми вещами брошены, заводы, всевозможные склады, ценное имущество, скот, птицу — все фрицы бросают, даже не успев уничтожить. Не горюю, мама, что погиб Митя, он погиб, защищая Родину. Я за брата буду мстить без всякой пощады. Фашисты знают, что мы идем как судьи, и поэтому удирают, бросая все, но скоро им уже некуда бежать будет. До Берлина нам осталось уже меньшая часть пути. За 14 дней мы прошли всю Польшу — от Вислы, через Варшаву, Лодзь, Познань. Поляки встречают нас с цветами, приветствуют нас, когда мы проезжаем через города и говорят: «Вы наши избавители».

Маня мне часто пишет. Я ей пишу тоже. Алик также пишет мне письма. Маня в последнем письме писала, что он заболел, и я очень волнуюсь, но, наверное, это просто простуда. Лида лежит в больнице, сыпной тиф в очень сложной форме. 12 дней было 40 [градусов], но теперь, пишет ее сестра, она стала поправляться. Почему не пришлешь мне адрес Вовы? Я очень бы желал с ним переписываться. Те-

перь я буду писать тебе чаще, а то ты, как я вижу, волнуешься. Не беспокойся, меня убить трудно, а если и придется погибнуть, то будешь знать, что твои сыновья отдали жизнь за Родину.

Справку я выслал, на днях пошлю посылку, есть кое-какие вещи. Как у вас с продуктами? Могу выслать сахару, можно 5 кг в месяц. Это маловато, но ничего. Целую крепко, не волнуйся, мамуся, скоро увидимся. Привет всем, Володи. Февраль 1945 г.⁹

В эпистолярных источниках военного периода отражены чувства солдат в день долгожданной победы, когда они стремились к встрече с родными. Такие же слова можно прочесть в письме капитана М. Абдураимова:

Тома, здравствуй! Нет слов передать сегодня радость свою. Очаг войны уничтожен. От души поздравляю тебя с победой! Теперь нет сомнения, что мы скоро встретимся.

Тома! Я никогда не падал духом, даже в самых труднейших сражениях. А сейчас пишу и плачу. Сколько женщин не дождалось своих сыновей, мужей, женихов, любимых. Когда в бою рядом со мной падали друзья, я накалялся особенной яростью и бешено дрался. Сегодня, когда кончилась война, я вспомнил многих погибших друзей и невольно слезы выступили на глазах. Трудно досталась нам победа. Образы друзей навсегда останутся в памяти. Вечная слава героям, павшим на поле сражения!

Тома, здоровье улучшается, рана заживает. Боли становится все меньше и меньше. Очень жаль, что в последних боях я не смог принять участие. Поздравь за меня с победой Валу и Шуру. Целую и обнимаю, твой Махкам. 9 мая 1945 г.¹⁰

В другом письме, отправленном солдатом, продолжавшим свою службу после победного дня, выражаются чувства любви и тоски по родным:

Приветствие, наполненное тоской. Жителям Шахризабса, живущим в здравии и согласии: 1) дяде, 2) его жене Янгамулло, 3) Райхоной, 4) Зайнобой, 5) Асатилложону, 6) Саиджану, 7) односельчанам, 8) друзьям, знакомым и близким, а также всем, кто присутствует во время чтения настоящего письма, пламенный привет от Ачилова Абдумаджиды, служащего в рядах армии. Я жив и здоров, прохожу службу. Каждый день молю Бога о Вашем спокойствии и здоровье. Родные, я написал Вам письмо, но ответа так и не получил. Почему не пишете письма? 3 октября 1945 г.¹¹

В целом сложившиеся устойчивые тенденции и традиции исследования эпистолярных источников как явления культуры в широком смысле этого понятия, а также методы анализа, оценки их информационных возможностей в качестве нетрадиционного источника позволяют прояснить определенные аспекты психологии и мировосприятия очевидцев войны, а также реалии фронтовой повседневности.

Настоящие архивные письма являются важным историческим источником наряду с официальной документацией, мемуарами и периодической печатью. Небольшая часть текстов из этих писем частично или полностью была опубликована на русском и узбекском языках отечественными архивистами и историками¹².

В целом, несмотря на экономические сложности и плохие условия труда, архивисты весьма добросовестно выполняют свои обязанности: проведена масштабная работа по концентрации, хранению, учету и дальнейшему использованию и популяризации архивных эпистолярных источников изучаемого периода.

Примечания

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

² НАУз. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 680. Л. 5–8.

³ Там же. Л. 28, 75.

⁴ Там же. Д. 1145. Л. 21.

⁵ Там же. Д. 956. Л. 38.

⁶ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 288–289.

⁷ Письма с фронта / под ред. канд. ист. наук Я. Н. Серого и В. А. Шишкина. Ташкент: АН УзССР, 1949. С. 121.

⁸ НАУз. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 4. Л. 148–152.

⁹ Там же. Л. 56; Письма с фронта. С. 140.

¹⁰ НАУз. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 40. Л. 120; Письма с фронта. С. 144.

¹¹ НАУз. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 42. Л. 47.

¹² Письма с фронта; Письма с фронта / под ред. д-ра ист. наук Р. Х. Аминовой. Ташкент: Узбекистан, 1965. 106 с.

М. М. Абдурахманова

Архивные документы об эвакуации промышленных предприятий в Самаркандскую область Узбекской ССР

В годы Второй мировой войны среди среднеазиатских республик Узбекская ССР стала крупнейшим пунктом промышленной эвакуации. Согласно источникам, только в 1941–1942 гг. в УзССР было эвакуировано 93 предприятия, а всего за годы войны сюда прибыло 151 предприятие¹. География их размещения была широкой: Ташкент и Ташкентская область, Ферганская, Андижанская Наманганская, Самаркандская, Бухарская, Сурхандарьинская области. Значительное число эвакуированных предприятий (около 70 %) осталось в столице республики и Ташкентской области. Это объяснялось тем, что данный регион имел хороший экономический потенциал и достаточно развитую инфраструктуру. Распределение эвакуированных заводов и фабрик по указанным городам соответствовало тем отраслям промышленности, которые преобладали на их территориях, а также имевшемуся там сырью и специализации. Так, в Ташкенте были размещены предприятия тяжелой промышленности, электроэнергетики и машиностроения, в Ферганской области — предприятия легкой и химической промышленности, в Андижане, Намангане, Самарканде, Бухаре и Сурхандарье — предприятия легкой и пищевой промышленности.

К началу Второй мировой войны в Самаркандской области насчитывалось 195 промышленных предприятий и более трех тысяч мелких с общим количеством рабочих 17,3 тыс. человек и годовым объемом промышленной продукции 926,5 млн руб. (1941). При этом на долю пищевой промышленности приходилось 53 %, текстильной (в том числе хлопкоочистительной) — 31 %. Удельный вес крупной и металлообрабатывающей промышленности был сравнительно невелик — соответственно 11 и 5 %².

Все промышленные предприятия перестраивали свою работу на военный лад, готовили новые кадры рабочих из числа молодежи и женщин на случай ухода на фронт квалифицированных

специалистов. Большое внимание уделялось повышению производительности труда как важнейшего фактора выполнения и перевыполнения планов.

Перестройка промышленных предприятий на военный лад проходила в сложных условиях и была сопряжена с большими трудностями. Предстояло изыскать или изготовить оборудование, соответствующее новому профилю предприятия, обеспечить заводы квалифицированными кадрами. Проблема кадров была острой, поскольку уже в первые месяцы войны десятки тысяч квалифицированных рабочих ушли в действующую армию.

Фабрика «8 марта» полностью переключилась на пошив комплектов армейского обмундирования, кожзавод изготавливал кожи для армейских сапог, шелкоткацкая фабрика стала вырабатывать специальную нить для оборонной промышленности, винзавод № 2 организовал производство технического спирта. Промкомбинат и промкооперации области изготавливали полушубки, меховые жилеты, шапки-ушанки, телогрейки, ватные брюки, санитарные сумки и многие другие вещи, необходимые воинам действующей армии³.

С 1941 г. в Самарканд стали прибывать предприятия, эвакуированные из прифронтовой полосы. На базе эвакуированных предприятий — Киевского фотоаппаратного завода № 6, ленинградского («Кинап») и одесского заводов киноаппаратуры — был организован Самаркандский завод киноаппаратуры. Из Полтавы была эвакуирована трикотажная фабрика. Она разместилась на территории бывшего винзавода № 3 и спустя три месяца приступила к выпуску промышленной продукции. Завод виннокаменной кислоты, перемещенный из Одессы, был восстановлен на базе винзавода № 4 и вступил в строй в середине февраля 1942 г. Московская чайная фабрика разместилась на базе Самаркандской чайной фабрики, Симферопольский овощно-консервный

завод — на базе винзавода № 5, соковый завод из Одессы — на базе лимонадного завода. В целом за годы войны на предприятиях Самарканда было создано свыше 150 новых цехов, освоено производство более 200 видов новой продукции, общий уровень производства повысился вдвое.

В ноябре 1941 г. из Новороссийска в Самарканд прибыл завод «Красный двигатель», который в короткий срок был размещен на базе завода «Колхозник». В июне 1942 г. рабочие приступили к организации производства запасных частей для тракторов. В приказе по Глававто-трактородетали заводу «Красный двигатель» поручалось:

«1. Все оборудование, прибывшее из Новороссийска, полностью использовать для расширения производства запасных частей для сельскохозяйственной техники.

2. Ввести в действие к 20 ноября 1942 г. новый литейный цех площадью 23 000 м² и с 1 января 1943 г. обеспечить ежемесячный выпуск тракторных запасных частей на 1 млн руб.

3. К 15 ноября доукомплектовать оборудованием линию механической обработки гильз и обеспечить выпуск не менее 500 штук гильз в сутки, а с 1 января — 1000 штук в сутки.

4. Доукомплектовать оборудованием линию механической обработки поршней с учетом обеспечения выполнения установленного плана.

5. К 5 декабря 1942 г. подготовить по литейному и механическому цехам всю оснастку для производства гильз к тракторам «Универсал» и с 1 января обеспечить выпуск их по 800 шт. в сутки.

6. Обеспечить выпуск первой очереди термического цеха к 15 декабря 1942 г.

7. Подготовить приспособление к изготовлению деталей 170,01-02»⁴.

В отчете о ходе работ по восстановлению завода «Красный двигатель» на 12 октября 1942 г. говорится о состоянии, в котором находились строительные и монтажные работы. Так, литейный цех к этому сроку был готов на 85 %, механический — на 85 % (были поставлены на фундамент шесть станков, смонтированы шинные сборки и внутренняя электропроводка), компрессорная — на 90 %; строительство трансформаторной подстанции было выполнено на 80 %; работы по созданию лаборатории еще не были начаты, а по наружному водопроводу выполнены на 90 %.

В отчете имеются также сведения о прибытии оборудования и материалов завода «Красный двигатель»:

«11/VIII — прибыло лабораторное оборудование (50 тонн), которое было завезено на склад и разобрано;

1/X — прибыло 42 единицы оборудования и 286 ящиков запасных частей, инструмента и материалов. Все оборудование было завезено в цеха, инструменты были разобраны и организован инструментальный склад;

10/X — прибыло 3 платформы с оборудованием, материалами — в том числе 5 станков,

большие бегуны в разобранном виде, электрооборудование и материалы, а также иные материалы, прибывшие 3 платформы были разгружены, была закончена перевозка»⁵.

Для разгрузки прибывающих оборудования, материалов и имущества «Красного двигателя» в начале августа силами рабочих и служащих во внеурочное время при городской железной дороге недалеко от территории завода была построена разгрузочная площадка, что значительно облегчило разгрузку и перевозку.

Что же касается людей, то из личного состава завода «Красный двигатель» в Самарканд прибыл 1091 человек (включая иждивенцев и детей). На производство были направлены 285 человек, временно на строительство — 301 человек. Часть прибывших была призвана в ряды Красной Армии⁶.

В 1942 г. на заводе было произведено 20 тыс. новых поршней, реставрированы десятки тысяч старых, построено 308 бункеров, началось освоение производства новой продукции, необходимой фронту⁷.

В отчетном докладе о работе Самаркандского государственного союзного завода «Красный двигатель» НКСМ СССР за 1943 г. приводятся сведения о выполнении производственной программы текущего года. Там отмечается, что после эвакуации из Новороссийска завод «Красный двигатель» развернул производство в полном объеме с марта 1943 г. А в первые месяцы года завод занимался установкой прибывшего оборудования, осваивал новый литейный цех, осуществлял поиск и разработку залежей формовочных песков, налаживал производство новых видов изделий, оснастки, специальных приспособлений и инвентаря.

Производственная программа 1943 г. заводом была выполнена: по валовой продукции — на 119,9 %, по товарной — на 115,1 %, по тракторным запчастям — на 95,9 %⁸. Завод «Красный двигатель» обеспечивал тракторными запасными частями Алтайскую, Башкирскую, Бурят-Монгольскую, Вологодскую, Красноярскую, Новосибирскую, Омскую, Пензенскую, Свердловскую, Удмуртскую, Челябинскую, Читинскую области.

15 августа 1941 г. начальник управления «Главконсерв» Шахновский письмом на имя директора Симферопольского консервного завода «Серп и Молот» поставил того в известность о возможной эвакуации завода в неугрожаемые районы. Изначально предполагалось направить оборудование завода на Янгиюльский консервный завод Узбекской ССР, но впоследствии маршрут изменился, и было решено эвакуировать завод в Самаркандскую область. В том же письме давалось распоряжение приступить к подготовке к эвакуации: составить окончательные списки людей, оборудования и важнейших материалов, подлежащих вывозу; подготовить упаковочный материал; выделить людей, ответственных за демонтаж, упаковку и погрузку оборудования и

персонала. Этим же письмом предлагалось приступить к демонтажу и упаковке оборудования, подлежащего вывозу, которое в то время не находилось в эксплуатации. К письму был приложен список оборудования, подлежащего вывозу.

30 августа 1941 г. и. о. управляющего Консервтреста Одноколов отдал распоряжение демонтировать и подготовить к отправке все оборудование консервного и жестяно-баночного цехов, одну линию томатного цеха, соковую линию и два паровых котла; оставить под паром два других котла (для обеспечения работы томатного цеха на оставшейся одной линии). Получив это распоряжение, завод приступил к демонтажу оборудования, упаковке его и перевозке на вокзал⁹.

19 сентября 1941 г. был издан приказ по Крымконсервтресту, которым предлагалось директору завода «Серп и Молот» Губскому срочно произвести отправку оборудования и людей согласно утвержденным спискам и сопровождать их к месту назначения. Дополнительным распоряжением по Крымконсервтресту все оставшееся в действии оборудование (одна линия томатного цеха, два паровых котла), все здания, материалы, тара, топливо, транспорт и другие материальные ценности вместе с оставшимся штатом работников завода были переданы Симферопольскому консервному заводу им. 1 Мая. Вся наличная готовая продукция после неоднократно изменявшихся решений областных организаций Крыма и треста по этому вопросу была передана (при соответствующем оформлении) сбытовой конторе управления «Главконсерв».

Стоит отметить, что существовали обстоятельства, тормозившие эвакуацию завода из Симферополя и способствовавшие тому, что много ценных материалов и оборудования осталось не вывезенным из Крыма. Деятельность представителя Наркомпищепрома в Крыму Дуче привела к тому, что не вывезенным осталось ценное заводское оборудование: паровые котлы, два трансформатора, томатная линия, а также большое количество вспомогательных материалов. По настоянию Дуче, добившегося в областных организациях Крыма специального запрещения, на заводе осталось все имевшееся количество цветных металлов, не была снята вся внешняя и внутренняя электропроводка.

20 сентября 1941 г. началась эвакуация оборудования завода «Серп и Молот». В течение трех дней все предназначенное к эвакуации оборудование было отправлено по железной дороге в Феодосию. Участок железной дороги от Симферополя до Джанкоя в то время часто подвергался вражеским воздушным обстрелам. Несмотря на это, людских потерь (в каждом вагоне находился проводник из числа сотрудников завода), а также повреждений оборудования в пути не было. В целях безопасности ввиду частых бомбардировок на железной дороге людей, подлежащих эвакуации, переправили в Феодосию автотранспортом.

В Феодосии прибывший груз (кроме двух паровых котлов) в течение восьми дней был перемещен на пароход, который 29 сентября направился в Новороссийск. Два паровых котла были оставлены в Феодосии из-за отсутствия в порту подъемного крана соответствующей мощности. Несмотря на то что в городе остался представитель завода, который должен был отгрузить котлы, этого ему сделать не удалось, так как к тому времени военная обстановка в Крыму осложнилась.

Из Новороссийска оборудование и заводской персонал направились по маршруту, указанному в правительственной телеграмме Эвакосвета: Симферополь — Феодосия — Новороссийск — Махачкала — Красноводск — Янги-Юль. В пути следования произошло изменение места назначения: вместо Янги-Юля завод должен был направиться в Самарканд. В город завод прибыл 20 декабря 1941 г.

Путь следования был чрезвычайно труден, много было перевалок, связанных с затруднениями транспортного, погрузочного характера и др. Особенно много трудностей было в Махачкале, где заводчанам пришлось пробыть два месяца в ожидании морского транспорта. Несмотря на все усилия, погрузить оборудование компактно, на один пароход, не удалось, и пришлось переброску его через Каспийское море произвести в шесть приемов. В порту Махачкалы столкнулись с нехваткой погрузочных средств. Подъемный кран в порту работал с перебоями, поэтому часто приходилось многотонные ящики с оборудованием грузить вручную. К тому же заводское оборудование находилось далеко от причала, поэтому люди вынуждены были производить лишнюю работу: вначале доставляли ящики на причал, затем размещали их на баржах, с которых потом перегружали на основной морской транспорт. Весь людской состав, эвакуированный вместе с оборудованием, был задействован в погрузочно-разгрузочных операциях; все работы, связанные с перевозкой оборудования, были выполнены силами работников завода.

Во время пребывания эвакуированных в Махачкале была получена специальная телеграмма наркома пищевой промышленности В. П. Зотова на имя председателя СНК Дагестанской АССР и секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) с ходатайством о предоставлении парохода под оборудование завода «Серп и Молот». Несмотря на это, находившийся в то время в Махачкале народный комиссар морского флота С. С. Дукельский отказал в предоставлении водного транспорта под оборудование завода.

20 декабря 1941 г. консервный завод «Серп и Молот» был размещен в Самарканде. На основании постановления СНК УзССР и Самаркандского облисполкома ему была отведена территория бывшего коньячного завода. Основная работа по прибытию эвакуированных в Самарканд заключалась в быстрой перевозке оборудования с вокзала на отведенную территорию. И почти сразу

пришлось столкнуться с трудностями. Собственного транспорта завод не имел, а предоставленные в его распоряжение трактор и несколько арб не могли обеспечить быструю переброску оборудования с вокзала. Кроме того, выделенный на разгрузку трактор часто отзывали на посторонние работы. По этой причине перевозка оборудования с вокзала задержалась и протекала около месяца.

Острую нехватку транспорта завод ощущал и в последующее время, когда развернулись работы по строительству площадок и монтажу оборудования. Срывалась доставка на завод строительных материалов. Несмотря на указания управляющей трестом «Узконсервплодоовощь» Абидовой о выделении заводу 60 тыс. руб. на приобретение транспорта, их до сих пор не было. Необходимо было срочно выделять средства на приобретение гужевого транспорта, в противном случае своевременная доставка на завод всех необходимых строительных материалов систематически бы срывалась.

По прибытии в Самарканд инженерно-технические работники завода были привлечены к проектированию технологической части восстановления предприятия. Установленный для них срок — 13 января 1942 г. — был выдержан. Проект был рассмотрен и утвержден научным советом НКПП УзССР 20 января 1942 г.¹⁰

Заводоуправлением был установлен план монтажных, строительных и ремонтных работ в разрезе отдельных объектов завода с указанием календарных сроков начала и окончания работ. На основе этого плана разработаны графики выполнения отдельных участков работы.

В отчете об итогах работы консервного завода «Серп и Молот» за 1942 г. говорится, что завод в течение всего первого полугодия вел строительство и монтаж оборудования, эвакуированного из Симферополя. К началу сезона работы в основном закончились, завод был готов к приему овощного сырья. Однако он не был пущен в срок по причине полного отсутствия угля. Не был завод обеспечен также водой, так как в городском водопроводе не отсутствовал должный напор воды. Необходимо было срочно принимать меры по выведению завода из создавшегося положения. Нашли выход — использовать арычную воду. С этой целью были приспособлены имеющиеся на площадке завода небольшие водоемы, устроены фильтрация и хлорирование воды, смонтирована водонасосная станция¹¹.

Даже в этих условиях при отсутствии угля завод все же не мог вырабатывать стандартную продукцию, предусмотренную планом. С целью использования прибывающего на завод овощного и томатного сырья было решено организовать выработку на огневых печах овощной икры для быстрой реализации на местном рынке, организовать солнечную сушку кабачков, баклажан и помидор, а также вырабатывать сульфитированную томатную пульпу.

Если говорить о рабочих завода «Серп и Молот», то и здесь имели место небольшие затруд-

нения. Из Симферополя завод привез с собой очень незначительное количество высококвалифицированных рабочих. Поэтому начинать производственную деятельность по окончании строительно-монтажных работ пришлось с совершенно новыми кадрами, не имеющими необходимых навыков. Немного помогли в этом отношении организованные заводом перед началом овощного сезона курсы на 150 человек. Однако они составили только основной костяк рабочих. Большинство же работников поступали на завод, не имея никакого представления о консервном производстве.

Потребность в рабочей силе на заводе возрастала по мере расширения производства. Не имея в достаточном количестве подготовленных кадров, завод, как и всякое вновь возникшее предприятие, испытывал острую нехватку квалифицированных специалистов. Этот вопрос приходилось решать на ходу, путем обучения людей без отрыва от производства. Таким образом силами инженерно-технического персонала завода были подготовлены: бригадиры, контролеры производства, кочегары, обвальщики мяса, станочные рабочие. Однако высококвалифицированных работников таким способом подготовить не удалось, так как в этом случае требовалось специальное и длительное обучение.

Недостаток рабочей силы усугублялся также тем обстоятельством, что завод при разворачивании своего производства комплектовал штаты главным образом из числа эвакуированного населения, размещенного в Самарканде. По мере освобождения районов от немецких захватчиков эвакуированные рабочие увольнялись с завода и возвращались в освобожденные районы, вместо них приходилось набирать новых рабочих, обучать их производственным процессам.

Несмотря на возникшие сложности при эвакуации, размещении и восстановлении деятельности завода «Серп и Молот», он в целом справлялся с поставленными задачами. Так, выполнение плана в ассортиментном разрезе характеризовалось следующими цифрами: выработка мясной и мясорастительной продукции составляла 379,1 туб*, овощной закуской — 206,0 туб, консервов — 1065,7 туб, дополнительной продукции (томатная пульпа, морковное пюре, овощи сушеные, баклажаны, капуста, икра кабачковая) — 408,4 т¹².

Таким образом, в сложных условиях военного времени, при перебазировании многих промышленных предприятий на новые места встречалось немало трудностей, связанных с призывом значительной части квалифицированных рабочих на фронт, с нехваткой сырья и рабочих рук. Женскому контингенту предприятий приходилось преодолевать эти трудности и прилагать титанические усилия для выполнения производственных планов. За героический труд в годы Второй мировой войны заводы «Красный двигатель», «Ки-

* Туб — тысяча условных банок.

нап», фабрики «Худжум» и другие неоднократно были удостоены правительственных наград.

Примечания

¹ Махкамов А. В. Рассекречивание документов периода Второй мировой войны в Республике Узбекистан // Отечеств. архивы. 2020. № 4. С. 133–135.

² История Самарканда : в 2 т. Т. 2: От победы Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Самарканд : Фан, 1970. С. 203.

³ Вклад самаркандцев в победу [Электронный ресурс] // Samcity.uz : соврем. портал города Самарканда. URL: <https://samcity.uz/gorod/923-vklad-samarkandtsev-v-pobedu>.

⁴ История Самарканда. Т. 2. С. 203.

⁵ Там же.

⁶ Государственный архив Самаркандской области. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁷ История Самарканда. Т. 2. С. 211.

⁸ Государственный архив Самаркандской области. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–12.

⁹ Национальный архив Узбекистана. Ф. Р-2290. Оп. 1. Д. 500. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Государственный архив Самаркандской области. Ф. 939. Оп. 1. Д. 54. Л. 17а — 24.

¹² Там же.

Г. А. кизи Касимова

Архивные документы о вкладе медицинских работников в победу во Второй мировой войне

С первых дней войны народ Узбекистана осознал всю опасность, которая угрожала миру и странам. Многонациональный народ Узбекистана, как и все миролюбивое человечество, участвовал во Второй мировой войне и внес достойный вклад в Великую Победу. В первые дни войны в военные комиссариаты поступило 32 тыс. заявлений от узбекстанцев о добровольной отправке на фронт¹.

Экономические и трудовые ресурсы Узбекистана были мобилизованы на фронт. В этот период в Узбекистане был введен новый режим труда: увеличена продолжительность рабочего дня, отменены праздники и каникулы. К концу 1941 г. в республике работало около 300 предприятий по производству военной техники, оружия и боеприпасов. На предприятиях мобилизованных на фронт мужчин заменили старики и женщины. Одновременно республика восстанавливала свою экономику, занималась и созданием военных резервов для армии и усилением массовой обороны. Десятки тысяч юношей и девушек прошли обучение в общеобразовательных школах, а также в Осоавиахиме. Важную роль в данной подготовке сыграл Среднеазиатский военный округ (САВО), имевший боевой резерв и фронтовую командную структуру. Только с ноября 1941 по март 1942 г. было сформировано 14 национальных дивизий и бригад, из них девять артиллерийских батальонов и пять кавалерийских дивизий².

Узбекские солдаты проявили себя на войне храбрыми бойцами, 120 тыс. воинов были награждены боевыми орденами и медалями, из них 338 удостоены звания Героя Советского Союза, 53 — ордена Славы³.

Во время войны медицинский персонал служил наравне с другими бойцами. В частности, 700 тыс. фронтовиков были врачами с высшим образованием, а более 2000 тыс. составляли средний и младший медперсонал. В октябре 1943 г. 800 врачей были отправлены из Узбекистана на освобожденные от врага территории Белоруссии,

Украины и России⁴. Одним из них был Вениамин Михайлович Файбушевич.

Вениамин Михайлович родился в 1898 г. В ноябре 1929 г. начал свою трудовую деятельность ординатором в НИИ курортологии и физиотерапии им. Н. А. Семашко, затем был ассистентом, а с 1934 по 1941 г. — доцентом и директором института. В войну продолжал врачебную практику на поле боя. В своих воспоминаниях, посвященных событиям на фронте («Записки военного врача»), писал: «В ноябре 1941 года меня призвали на действительную военную службу и направили в полевой эвакуационный центр старшим инспектором-невропатологом. Как и другие граждане-медики, я был счастлив вступить в ряды Красной армии»⁵.

«Записки военного врача» возвращают нас к событиям 1941–1945 гг. и проливают свет на деятельность медицинской службы на фронте. Эта тема, несомненно, представляет большой интерес. Тема фронтовой медицины, особенно во время Второй мировой войны, еще не была так широко освещена. «В повести рассказывается о военных госпиталях, созданных в первые годы войны, проблемах их организации, трудностях взаимоотношений между различными частями медицинской помощи», — пишется в рецензии на рассказ В. М. Файбушевича⁶. В годы войны не только военные врачи, но и все участники боевых действий испытывали трудности вдали от своих семей. В свой рассказ В. М. Файбушевич включил и записи из личного дневника.

24 декабря мне пришло сообщение, что мой сын Борис Ярослав находится в тяжелом состоянии в военном госпитале. Я не понимаю, что происходит. Я волнуясь... Я приехал в Ярославль 25 декабря в 11 часов дня...

Горе, тяжелое горе... В 20:00 19 декабря трагически скончался мой единственный сын... Меня ждали в военном госпитале и еще его не похоронили. Мой сын лежал в гробу с бледным измученным лицом, но в то же время красивым худым израненным лицом.

Несчастный мальчик...

В пять часов вечера я похоронил сына на далеком братском кладбище в чужой Польше. Я похоронил своего дорогого сына, мое истекающее кровью поколение, половину своего тела, свои 20 лет жизни, в чужой стране...

На следующее утро я снова пошел на кладбище с ним проститься... Я оставил своего единственного сына Ярослава на всю жизнь... Мой путь был идти на запад с Красной армией...

У меня совсем нет сил ни физически, ни духовно; нападает грусть...

Что является источником силы? Где взять, как мне преодолеть свою печаль?! <...> Я не могу бросить работу... Я не могу сдержать слез, я плачу, горько плачу...

Завтра Новый год... Как я могу этому радоваться... Пустая, одинокая жизнь без цели... Нужно время, чтобы человеческое сердце привыкло к печали...

Я в подавленном настроении, не могу привыкнуть к потере Бориса... Уход с работы... Погибли миллионы людей... Снова умрут... Мир полон крови, слез и боли...

Враг все еще силен. Он должен быть уничтожен. Для этого каждому из нас нужны силы. Для этого каждый из нас... преодолевает себя; нам нужна сила, чтобы преодолеть собственные печали... Нам нужно быть сильнее и активнее в этой войне... Нам нужен сильный дух, чтобы победить врага⁷.

Врач забывает свое горе и возвращается на фронт ради свободы Родины, ради спасения жизней храбрых воинов.

После войны В. М. Файбушевич продолжил работу в НИИ курортологии и физиотерапии им. Н. А. Семашко. Находясь на посту заместителя директора по научной работе, он много работал над восстановлением разрушенного во время войны института и активизацией его научно-исследовательской деятельности. В 1946 г. В. М. Файбушевич защитил докторскую диссертацию. В январе 1947 г. ему было присвоено звание профессора. Вениамин Михайлович автор более 70 научных работ, в том числе пяти монографий. Под его руководством защищены 20 кандидатских и четыре докторские диссертации. Награжден орденами Красной Звезды (1943), Отечественной войны (1945), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; за долгую и плодотворную работу в институте — орденом Красного Знамени. Профессор В. М. Файбушевич проработал в НИИ курортологии и физиотерапии им. Н. А. Семашко до февраля 1958 г. Умер в 1972 г.⁸

Другой храбрый врач — Усмон Мирахмедович Мирахмедов — родился в 1918 г. в Ташкенте. В 1940 г. окончил лечебный факультет Ташкентского государственного медицинского института, после чего работал в с. Варганза Кашкардарьинской области. С 1940 по 1946 г. служил в армии. Во время Второй мировой войны служил врачом в танковых, артиллерийских и кавалерийских частях армий 1-го и 3-го фронтов на

юго-западе Белоруссии, а также в Киевском и Московском военных округах. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, 13 медалями, почетными грамотами Президиума Верховного Совета СССР. С 1946 г. работал в Ташкентском государственном техническом университете, сначала ординатором, затем ассистентом, доцентом, профессором⁹.

Нам известны имена нескольких героических женщин, которые наравне с мужчинами служили на войне. В качестве примера можем назвать женщин-медработников — фронтовиков.

Ханифа Кабилова родилась 8 февраля 1924 г. в Ташкенте. По окончании средней школы поступила на курсы сестринского дела, после чего работала медсестрой в Ташкентском военном госпитале. Юрий Ильинский в своем документальном рассказе «О друзьях-товарищах» так описывает Ханифу Кабилову:

Среднего роста девушка с круглым лицом шла, торопясь, по узким улочкам Ташкента, что то напевая тихим голосом. Но она хотела петь всем голосом. Приближаясь к месту, где шла стройка, она начала петь громче. Проходящие мимо люди с улыбкой смотрели на нее, вздыхая над воспоминаниями о своей прошлой юности.

Перед стеной стоял старый каменщик Кадырхан и собирал кирпичи один за другим. Его руки были в грязи.

— Отец, меня приняли!

Старик уронил кирпич.

— Спасибо, дочь, за то, что сделала меня счастливым. Ты станешь доктором, будешь лечить людей.

— Я буду медсестрой, а не врачом. Я же поступила в техникум, а не в институт.

— Тебе повезло, дочка. Есть ли работа лучше, чем помогать людям?!

<...>

Ханифа оделась в свою лучшую одежду и крепко заплела свои волосы. Отец подарил ей красивый кожаный портфель.

— Теперь с портфелем ты стала настоящим доктором.

Учеба была очень интересной, Ханифа с большим интересом спрашивала у учителей, прилежно читала учебники, полностью записывала все лекции.

Три года обучения пролетели мгновенно, и студенты спорили друг с другом о выпускных экзаменах под чинарой перед техникумом, обменивались адресами друг с другом и обещали писать друг другу письма.

Ханифа не знала, куда ее направят на работу. Направление должны были дать через три дня. Когда Ханифа подошла к директору техникума по поводу направления, перед ним сидел неизвестный военный.

— Ты будешь работать в Ташкентском военном госпитале? — спросил военный.

— Да, конечно!

Ханифа приступила к работе в пятницу, а уже в воскресенье началась война¹⁰.

Ханифа добилась своего — стала медсестрой на фронте. Ее приняли в штат санитарного поез-

да. Туда же попали и ее подруги: Таскира, Мукаддам, Салиха. В одном из ожесточенных сражений Ханифа попала под бомбежку. После тяжелого сотрясения мозга она месяц лечилась в военном госпитале. Несмотря на слабое здоровье, ей разрешили вернуться на фронт в эвакуационный госпиталь. Стройная девушка в белом халате, рядом с ней тысячи раненых солдат. Она не может вспомнить, кого вытаскивала с поля боя на плечах, кому из них спасла жизнь, сколько человек спасла в боях на Украине, в Польше, Чехословакии. Результатом сотрясения мозга стало то, что она много лет страдала от головных болей. Через два месяца после окончания войны она вернулась в Ташкент. Отец Ханифы, встретивший ее на вокзале, не узнал дочь: война изменила стройную девушку с длинными волосами. На подножке вагона стояла девушка с короткой стрижкой, в военной форме, с орденами и медалями на груди.

После войны Ханифа работала в одной из поликлиник Ташкента. Была награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Другая героиня — Собира Маджидова — военный врач, старший лейтенант медицинской службы. В 1941 г. окончила Ташкентский медицинский институт, затем работала в медицинском техникуме. Когда началась война, написала заявление в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Ушла со своими подругами Нури Шокировой и Пулатой Кадыровой. Подруги вместе отправились в Москву, а затем их пути разошлись. Собира сначала направлялась в сторону Брянска, затем воевала под Ленинградом в составе 59-й специальной инженерно-саперной бригады, в качестве военного врача принимала участие в боях за Днепр, на Курской дуге. После этого была направлена в эвакуационный госпиталь 60-й армии. Здесь она вступила в ВКП(б).

Начальник военного госпиталя поручил Собиру сопровождать раненых, поступивших в эшелон, в Харьков. Это была чрезвычайно ответственная задача. В пути до пункта назначения эшелон неоднократно подвергался вражеским бомбардировкам. Когда поезд останавливался, легко раненые покидали поезд и укрывались в убежищах, в то время как тяжело раненые, которых было трудно даже поднять, оставались на местах. Но даже в такой сложной ситуации Собира справилась со своей задачей с честью. После войны она продолжала работать врачом-инфекционистом. За участие в боях на Днепре Собира Маджидова была награждена медалью «За боевые заслуги»¹¹.

Максуд Мударрисович Мухамеджанов родился 3 августа 1919 г. в Башкирской АССР. В начале войны был студентом третьего курса лечебного факультета Ташкентского медицинского института. В августе 1942 г. вступил добровольцем в Красную Армию. С августа по октябрь 1942 г. обучался на курсах общей медицинской подготовки. По окончании учебы работал старшим врачом на Юго-Западном фронте. Участвовал в сражениях на Дунае, Балканах, в Карпатах, Румынии, Болгарии, Южной Славии, Венгрии, Австрии, вернул к жизни тысячи бойцов. «...Мне было 22 года, когда я ушел на фронт. Мы не были хирургами, но мы делали операции, пытались лечить раненых, больных, у нас было 2–3 дня бессонных ночей, но никто из нас не заболел: мы не знали слов “я устал”, “у меня болит голова”, “это не мое дело”, мы не знали, что такое выходные или праздничные дни, мы не знали, что такое отпуск, мы только думали о том, как лучше и больше спасти раненых», — писал он в своих воспоминаниях о войне¹².

После войны М. Мухамеджанов занимался врачебной практикой в нескольких больницах Ташкента. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «XXX лет Советской Армии и флота», «Ветеран труда». Отличник здравоохранения СССР¹³.

Много погибло людей, которые не видели ничего, кроме тяжелого труда и страданий в годы войны. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что представленные краткие архивные сведения об ужасных последствиях Второй мировой войны в целом, о медицинских кадрах, сражавшихся за жизни солдат на войне, будут полезны общественности.

Примечания

¹ URL: <https://yuz.uz/news/ikkinchi-jahon-urushi-yillarida-ozbekistonda-300-ta-sanoat-korxonasi-faqat-harbiy-mahsulot-ishlab-chiqargan>.

² URL: http://testhistory.ru/history.php?id=his_6_15.

³ URL: <https://yuz.uz/news/ikkinchi-jahon-urushi-yillarida-ozbekistonda-300-ta-sanoat-korxonasi-faqat-harbiy-mahsulot-ishlab-chiqargan>.

⁴ Исакова М. С., Мухамеджанова М. М. Ўзбек аёллари иккинчи жаҳон уруши майдонларида // Ўзбекистон тарихи журналы. 2020. 2-сон, 43-бет.

⁵ ЦГАНТМД РУз. Ф. 143. Д. 1. Оп. 1. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Д. 3. Оп. 1. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 283.

¹⁰ НАУз. Р-2791. Оп. 1. Д. 74. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 61. Л. 6.

¹² Там же. Д. 97. Л. 3.

¹³ ЦГАНТМД РУз. Ф. 301.

Л. А. Новожилова

**«Напрасно старушки ждут дочек домой...»:
анкеты бывших несовершеннолетних узниц фашизма
из фонда музея «Дети войны» школы № 73 Челябинска¹**

Создание музея «Дети войны» в школе № 73 Металлургического района Челябинска было связано с ветеранами — бывшими несовершеннолетними узниками фашизма. 27 февраля 2012 г. Александр Дмитриевич Конюченко (1925–2014), руководитель организации бывших несовершеннолетних узников фашизма Металлургического района Челябинска, передал в фонд музея «Дети войны» рукописные документы — анкеты ветеранов (всего 18 анкет). Цель анкетирования — сохранить информацию о членах ветеранской общественной организации, пополнить документальный раздел основного фонда музея свидетельствами очевидцев и участников событий.

Воспоминания о военном детстве осмыслены с позиции взрослого человека, пожелания юному поколению содержат нравственную оценку событий, связь с современными реалиями. Развернутые ответы на вопросы анкет относятся к провоцируемым (побуждение извне) личным источникам, в которых есть фиксация, интерпретация, актуализация событий прошлого.

Половина анкет заполнена в 2011 г. информантами-женщинами в возрасте 70–75 лет. По их возрасту в годы войны можно выделить две группы: девочки до 10 лет и подростки с 11 до 16 лет. Младшие по возрасту (М. А. Абраменкова, Н. Я. Ефременкова, Н. А. Рогожина, Н. И. Телегина) находились в лагерях на оккупированной территории РСФСР вместе с членами своей семьи; старшие (А. Е. Кехтер, В. А. Росликова, М. П. Селинова, В. Г. Хребтова, А. И. Щербаченко) были угнаны с территории УССР на принудительный труд в Германию. Для респондентов первой группы характерны опосредованные (со слов старших членов семьи) и фрагментарные воспоминания. Так, Нина Яковлевна Ефременкова, 1941 г. р., упоминает лагерь на территории г. Рославль Смоленской области²; она указывает, что информация получена со слов матери и старшего брата. Мария Ивановна Абраменко, 1934 г. р., уроженка с. Семидесятное Хохольского района Воронежской области, уже называет ряд фактов: «3 июля село было оккупировано, а с 12 июля 1942 г. солдаты 168-й пехотной роты 14-го полка немецкой дивизии погнали колонны мужчин, женщин, стариков и детей в концлагерь на территории колхоза [ОСО]. Под открытым небом в овраге — до 7 тысяч было военнопленных и мирных жителей»³. Об условиях содержания в лагере: «Заключенных морили голодом: кроме павшей конины и пол-литра кипятка больше ничего не давали...»⁴ Надежда Александровна Рогожина, 1933 г. р., уроженка дер. Бояриново Себежского района Псковской области, запомнила страшные обстоятельства пленения семьи:

«В начале войны нашу территорию заняли немецкие войска, вся наша семья скрывалась в лесу, жили в землянках. Немецкие карательные отряды прочесывали лес и нас обнаружили, погрузили в вагоны и повезли до станции Игрица. Переночевали в вагонах, этой ночью нас бомбили наши. Наутро нас отправили в гор. Тухумс (Тукумс, Латвия. — Л. Н.), поместили в лагерь. Бои были страшные, в 1944 году освободили наши войска»⁵. Подробности содержания в лагере в анкете не упоминаются.

Нина Ивановна Телегина, 1937 г. р., уроженка пос. Софиевка Злынковского района Брянской области, вспоминала: «Угрожая прикладами, фашисты согнали всех в кучу, женщин и детей, и погнали своим ходом 25 км до станции Новозыбков под дулом автомата. Загнали нас в здание бывшей больницы, где не было окон, дверей. Спали на полу. Кормили баландой один раз в сутки, хотелось кушать, пить. Фашисты угрожали нам угоном в Германию, но не успели. Партизаны ночью напали на охрану лагеря, освободили нас. Партизаны кричали: “Бегите в лес!” Мы бежали раздетые, месяц — сентябрь, голодные, ели ягоды, траву, грибы, корешки. Когда вернулись в свой поселок, все были в ужасе, из 100 дворов — щепки не осталось, стояли одни разваленные печки, а впереди — зима. Женщины и дети копали землянки, зимовали по 2–3 семьи, вместо постели была солома»⁶.

Более подробно представим анкеты второй группы информантов, переживших депортацию в Германию. Ряд упомянутых ими фактов соответствуют опубликованным воспоминаниям других бывших подростков-остарбайтеров («восточных рабочих») в фашистской Германии⁷.

Вот фрагмент из воспоминаний Анны Ефимовны Завалишиной (Осипенковой) из музейной коллекции документов: «...Напрасно старушки ждут дочек домой, / Им скажут — они зарыдают. / А составы вагонов все мчатся вперед / И где-то вдали исчезают...»⁸ Вот с такой песней ехали мы в Германию, пели и успокаивали друг друга. Приехали в польский город Белосток, здесь мы прошли санпропускник и карантин. Санпропускник — раздели в общей бане девчат и ребят донага, вымылись, облили нас каким-то раствором и повезли дальше. В 3-й декаде августа мы были в городе Дрездене на бирже труда, здесь нас продавали фабрикантам-хозяевам. Они ходили возле строя и выбирали самых крепких, какие им понравятся. Наш шеф лагеря, он же был и мастером на асбестной фабрике, на второй же день поставил нас к станку, работали по 12 часов, а асбест был со стеклянной ватой, до ужаса колючий, тело невозможно чесалось, иногда до слез, пока немного привыкли...»⁹

В данном тексте упоминается Белосток, там находился лагерь-распределитель, откуда угнанных подростков направляли в постоянные лагеря. Данные подтверждают вывод современных исследователей: «Для восточных рабочих отсутствовали половые и возрастные ограничения в отношении рабочей нагрузки»¹⁰. Признаки принудительного труда выражаются в насильственном угоне (депортации), тяжелых бытовых условиях, системе наказаний.

Данные из анкеты:

«Ф. И. О.: Хребтова Вера Георгиевна.

Дата рождения: 1926, 1 января.

Местожительство в военные годы: г. Запорожье, поселок 9.

Кратко о родителях: Жарков Георгий Васильевич, машинист паровоза.

Мама: Жаркова Анна Игнатьевна, медсестра.

Место концлагеря¹¹, время пребывания: В 1942 г. немецкие войска заняли наш город, начали устанавливать свои порядки. Собрали народ и объявили о том, что «будете работать на нашу власть», молодежь взяли на учет. Мы поняли, что мы должны подчиняться немецким властям, стали прятаться кто куда. Если находили, отправляли в лагерь за колючую проволоку. В 1943 году в мае месяце стали отправлять в Германию. Я попала сначала в лагерь гор. Штетин, затем нас продавали штатским хозяевам на сельхозработы.

Рассказ о самом памятном: Работать приходилось с утра до ночи. Кормили очень скудно и мало. Если удавалось что-то взять тайно, то наказывали строго. У хозяина работал француз, ухаживал за лошадьми. Поскольку его приводили утром, а вечером вводили в лагерь, он нам иногда сообщал о том, что скоро нас освободят. Конец войны приближался, и действительно, нас освободили 1 мая 1945 г. американцы.

О дне победы: Было очень радостно и незабываемо! До 9 мая нас не отпускали, ждали приказа от советских войск. Так мы вернулись. Это вкратце, вспоминать все очень тяжело.

Пожелание внукам: Детям, внукам и правнукам никогда не знать, что такое война и фашизм! Чистого неба, успехов в учебе, любить своих родителей, уважать учителей и близких! Любите свою Родину!

Хребтова В. Г.»¹². Указан адрес, телефон.

В анкете упоминается лагерь Штетин. Данные анкеты соответствуют опубликованным воспоминаниям Л. Е. Ласькова, 1926 г. р., из Смоленской области: «Привезли в г. Штетин. Обстановка, как везде в лагерях. Каждого человека сфотографировали для документов, взяли отпечатки пальцев. Записали особые приметы»¹³.

Вторая анкета из коллекции рукописных документов бывших узниц:

«Ф. И. О.: Щербаченко Антонина Михайловна.

Дата рождения: 1926, 12 августа.

Местожительство в военные годы: г. Таганрог, ул. Кузнечная, д. 112.

Кратко о родителях: Отец — Щербаченко Михаил Михайлович, 1892 г.

Мать — Щербаченко Екатерина Емельяновна, 1895 г.

Место концлагеря, время пребывания: В 1942 году в мае месяце была угнана в Германию, в город Дюссельдорф, концлагерь, где до 3 мая 1945 г. работала рабочей на металлургическом заводе «Роденберг». После работы нас приводили в лагерь под охраной с собаками.

Условия: Спали на трехъярусных нарах, кормили баландой с брюквой, хлеба давали по 100 г в день. Хлеб — одно название: из отрубей и всякая смесь. Одежда — комбинезон с маркировкой «Ост»: на синем фоне — белые буквы. На ногах были деревянные колодки.

Рассказ о самом памятном: Перед отступлением немецких войск нас ночью подняли, вывели из бараков и погнали через реку Рейн для уничтожения. Но нас предупредил пленный француз о том, чтобы во время бомбежки разбежались и прятались в развалинах. Так мы остались в живых до прихода американцев. Американцы нас откормили, одели и отправили к нашим войскам, где проходили фильтрацию. После возвращения — по своим городам.

О дне победы: День Победы — незабываемое ощущение радости, слезы, просто не верилось, что мы пережили такой ад! По возвращении на Родину нас считали «врагами народа».

Пожелание внукам: Пожелание детям, внукам и правнукам, чтобы жили, не зная войны, уважали родителей, учителей и любили друг друга!

Щербаченко А. М.»¹⁴. Указан адрес, телефон.

В анкете указан Дюссельдорф. Именно здесь в 1797 г. родился поэт Генрих Гейне, именно здесь находился один из филиалов лагеря Бухенвальд. «Вместе с мужчинами в Бухенвальд в большинстве случаев пребывали также женщины и дети. Однако их либо вообще не пускали в лагерь, либо направляли дальше непосредственно в женские концентрационные лагеря...»¹⁵

Третья анкета из коллекции рукописных документов бывших узниц:

«Ф. И. О.: Росликова Вера Алексеевна.

Дата рождения: 1929, 26 сентября.

Местожительство в военные годы: Сталинская область, село Новотроицк.

Кратко о родителях: Отца забрали на фронт в 1941 г., как только началась война, воевал до 1944 г., защищал г. Запорожье, где и погиб. Нашу территорию заняли немецкие войска в 1942 г., маму стали вывозить рыть окопы.

Место концлагеря, время пребывания: С 1942 по 1945 г. находилась в Германии. Трудовой лагерь, сельхозработы. Это непосильный рабский труд, голод, ежедневные бомбежки, постоянно на чужой стороне... Кормили плохо, с большим трудом приходилось выполнять непосильные по возрасту работы с 4 утра до темна. Нас заставляли забыть своих родителей, мы находились в чудовищных условиях. На ногах — деревянные колодки, а на форме был пришит «ОСТ», с левой стороны на груди.

Рассказ о самом памятном: Мы боялись разговаривать в присутствии полиция, иначе

наказывали нас строго. Помню, если надо было варить пороссятам картошку, свеклу, отруби вперемешку, то это было счастье, можно было поест, хотя встречалась не мытая, с землей, но зато было вкусно, если тебя не засекут. Вот так прошло наше детство. Только это мизерное воспоминание за три года и три месяца

О дне победы: В 1945 году нас освободили американские войска. Как мы уцелели, сами не поняли, но было столько радости!

Пожелание внукам: Никогда не знать войны, ценить своих родителей, учителей, друзей и близких! Пусть всем детям светит яркое солнце и будет чистым небо! Во всем — огромных успехов!

Росликова В. А.»¹⁶. Указан адрес, телефон.

В сентябре 2021 г. нашему школьному музею «Дети войны» исполнится десять лет. К сожалению, поределели ряды ветеранов, но свою историческую миссию — хранителей памяти о пережитом в годы Великой Отечественной войны — они выполнили. В конце своего жизненного пути они желали нашим детям «мирного неба» и «любить свою Родину»¹⁷.

Примечания

¹ Продолжение темы. Начало см.: Новожилова Л. А. «По ту сторону...»: анкеты бывших несовершеннолетних узников фашизма из фонда музея «Дети войны» МАОУ «СОШ № 73 г. Челябинска» // Архив — в социуме, социум — в архиве. Челябинск, 2020. С. 411–415.

² Музей «Дети войны» МАОУ «СОШ № 73 г. Челябинска». КП-140. ОФ. ДР-12/2.

³ Там же. ДР-12/1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. ДР-12/8.

⁶ Там же. ДР-12/13.

⁷ Знак не сотрется. Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М.: Agey Tomesh, 2016.

⁸ Перефразированы слова матросской песни «Раскинулось море широко...».

⁹ Музей «Дети войны» МАОУ СОШ № 73 г. Челябинска. КП-140. ОФ. ДР-12/19.

¹⁰ Гаража Н. А. Характер и условия принудительного трудоустройства советских детей и подростков в Германии в период Великой Отечественной войны // Гуманит. науки. История. 2015. № 2 (34). С. 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-i-usloviya-prinuditelnogo-trudoispolzovaniya-sovetskih-detey-i-podrostkov-v-germanii-v-period-velikoy-otечественnoy-voyny/viewer> (дата обращения: 28.02. 2020).

¹¹ В вопросах анкеты не уточнялся термин «концлагерь», в данном случае правильнее «трудовой лагерь» для оstarбайтеров.

¹² Музей «Дети войны» МАОУ СОШ № 73 г. Челябинска. КП-140. ОФ. ДР-12/14.

¹³ Бадаев М. Г. Память хранит всё. Смоленск. 1995. С. 102.

¹⁴ Музей «Дети войны» МАОУ «СОШ № 73 г. Челябинска». КП-140. ОФ. ДР-12/16.

¹⁵ Бухенвальд. Документы и сообщения. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 89.

¹⁶ Музей «Дети войны» МАОУ «СОШ № 73 г. Челябинска». КП-140. ОФ. ДР-12/9.

¹⁷ Там же. ДР-12/8.

М. В. Бекленищева

Личные дела иностранных студентов как исторический источник (на примере Свердловской области 1946–1991 годов)

Практически сразу после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., в Свердловск прибыли первые иностранные студенты из КНДР, поступившие учиться в Свердловский горный институт им. Вахрушева (СГИ) и Уральский политехнический институт им. Кирова (УПИ). В Уральский государственный университет им. А. М. Горького (УрГУ) в 1946 г. поступили представители КНДР и Албании. К концу 1940-х — началу 1950-х гг. иностранные студенты обучались уже в пяти вузах Свердловска. К упомянутым добавились Уральская государственная консерватория им. Мусоргского и Свердловский юридический институт.

Основную массу иностранных студентов принимали в своих стенах УПИ, СГИ и УрГУ. На материалах архивов этих трех вузов мы и сосредоточимся. Отметим, что после создания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) путем слияния УрГУ и УПИ архивы вузов вошли в структуру Управления по делопроизводству и общим вопросам УрФУ без соединения фондов. Архив бывшего УПИ остался на своей площадке, архив бывшего УрГУ — на своей.

Выявленные документы позволяют нам с уверенностью говорить о том, что было две волны обучения иностранных студентов в вузах Свердловска. Первая волна охватывает период с 1946 по 1960 г. и отличается широкой географией сотрудничества. Вторая волна начиналась в вузах в разное время. В УПИ она стартовала в 1961 г., в УрГУ — в середине 1970-х, а в СГИ — в 1979 г. Так как УПИ среди всех уральских вузов был флагманом в обучении иностранцев, примем хронологические рамки второй волны с 1961 по 1991 гг. Верхняя хронологическая граница определена с учетом распада СССР. Основным контингентом второй волны были монгольские студенты.

Остановимся подробнее на каждом этапе.

Первый этап (1946–1960). Принцип комплектования архивов бывших УрГУ и УПИ позволяет с высокой точностью определить число иностранных студентов, учившихся в вузах, а также страны, из которых они прибыли. Так, в УрГУ учились 113 студентов, в том числе один из Албании, два из Болгарии, 38 из Венгрии, семь из КНДР, три из КНР, 14 из Польши, 42 из Румынии, шесть из Чехословакии. В УПИ — 719 студентов, включая 259 из КНР, 104 из КНДР, од-

ного из Албании, 28 из Югославии, 60 из Чехословакии, 52 из Польши, 60 из Болгарии, 93 из Румынии, 62 из Венгрии¹.

В СГИ же архив формировался без выделения личных дел иностранных студентов в отдельный фонд. В настоящий момент в архиве СГИ сформирован в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word список окончивших вуз с 1930 по 1957 гг., а также отдельными файлами сохранены перечни окончивших СГИ в 1958, 1959 и 1960 гг. Списки составлены в алфавитном порядке. Проблемным вопросом является то, что в списках не содержится указание на гражданство окончивших вуз. В ответ на письменный запрос сотрудник архива предварительно подготовил выборку студентов, которые потенциально могли относиться к числу иностранных. В итоге было рассмотрено 153 личных дела студентов. Из них 30 человек, к примеру, Цай Хан Ин, Ли За Сон, Лим Мунгир, Когай Ин Бон и др., оказались гражданами СССР, родившимися и выросшими на территории Советского Союза. Из 123 иностранцев, которых удалось выявить, двое были из Болгарии, десять из Венгрии, 38 из КНР, 38 из КНДР, четверо из Монголии, один из Польши, один из Югославии, 21 из Румынии, 21 из Чехословакии². Благодаря материалам региональной периодической печати было установлено, что в СГИ учился в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию кореец Ли Ен Пек³. Его личное дело размещено в архиве среди личных дел других аспирантов СГИ и также было представлено для ознакомления⁴.

Итак, по имеющимся в нашем распоряжении данным, за 14 лет в УПИ, УрГУ и СГИ, по самым скромным подсчетам, обучались 956 иностранцев из Восточной Европы и Азии. С большой долей вероятности численность обучавшихся в Свердловске иностранцев за первый период может быть увеличена благодаря выявлению в числе студентов СГИ болгарских и польских студентов. К примеру, В. М. Пряхин в своем диссертационном исследовании утверждает, что в СГИ в рассматриваемый период обучались 40 болгар и 14 поляков⁵.

Проблемой является разная степень сохранности и полноты пакетов документов, отложившихся в личных делах. Личные дела иностранных студентов УрГУ, как правило, содержат учетную карточку, фото, автобиографию и обращение начальника иностранного отдела Министерства высшего образования СССР на имя ректора о зачислении в число студентов иностранного гражданина с указанием его имени и фамилии, страны, специальности на которой он будет обучаться, размера стипендии.

В личных делах иностранных студентов УПИ содержатся: автобиография, фотография, личный листок по учету кадров, листы диспансеризации, выписка из приказа о зачислении в вуз, ходатайство о зачислении в число студентов от иностранного отдела Министерства высшего образования СССР, выписка из приказа о переводе на следу-

ющий курс обучения, заявление на выезд на каникулы в другие города Советского Союза или за границу (на родину или в другую страну социалистического лагеря), учебная карточка студента, отзыв руководителя дипломного проекта, рецензия на дипломный проект, задание по дипломному проекту, характеристика студента, выписка из зачетной ведомости, копия диплома, ликвидационный лист и зачетная книжка.

Личные дела иностранных студентов СГИ комплектованы из зачетной книжки, копии диплома, учебной карточки студента, обходного листа, в ряде случаев характеристики студента.

Сведения о размере стипендии советских граждан (для сравнения) можно почерпнуть из книг приказов по студентам, хранящимся в архивах. Стипендия иностранных студентов в 1946–1960 гг. составляла 500–580 руб., что указывалось в их личных делах. В среднем в 1949 г. она составляла 320–420 руб. Повышенная стипендия (за отличные оценки) варьировалась от 525 до 600 руб., Сталинская стипендия (за выдающиеся достижения в учебе) составляла 720 руб., но получали ее единицы.

Анализ личных дел иностранных студентов УПИ и СГИ позволяет констатировать, что в основном они добросовестно готовились к занятиям, успешно сдавали сессии и проходили практику на предприятиях Свердловской области и всего Советского Союза. К сожалению, не обошлось без инцидентов во время учебного процесса. Так, в личном деле болгарского студента металлургического факультета УПИ содержится информация о том, что по причине халатного отношения к использованию материалов лабораторий пробирного анализа был нарушен нормальный ход учебного процесса. За это студенту был объявлен строгий выговор⁶. Происходили и настоящие трагедии. Например, болгарский студент УПИ по дороге из Свердловска в Актюбинск, к месту прохождения практики, утонул, купаясь в реке Урал (в Оренбурге)⁷. Во время прохождения практики в г. Сухой Лог Свердловской области также утонул студент СГИ из Польши⁸.

В ряде случаев иностранные студенты успевали поучиться в нескольких вузах Советского Союза. В личных делах встречаются документы, свидетельствующие о переводе их из одного учебного заведения в другое. Причем перевести могли не только в вузы, расположенные, например, в Москве и Ленинграде, но и из одного свердловского вуза в другой. Так, китайский студент был переведен из УПИ на пятый курс механико-математического факультета УрГУ⁹, а болгарский студент из СГИ был переведен в Свердловский юридический институт¹⁰.

Второй этап (1961–1991). В вузах Свердловска на данном этапе учились студенты из Вьетнама (в настоящий момент выявлены два человека, учившиеся в УПИ в 1961–1966 гг.), Монголии и Лаоса. Студенты из Лаоса оказались на Среднем Урале в конце 1980-х гг. и заканчивали учебу уже после распада Советского Союза.

Личные дела иностранных студентов, учившихся в УрГУ и УПИ, продолжили комплектовать обособленные фонды. В отдельный фонд были определены личные дела иностранных студентов, учившихся в СГИ в 1984–1994 гг. За второй период в УПИ училось порядка 720 иностранных студентов, в УрГУ — несколько сотен человек. В СГИ учились 249 иностранцев, из которых 50 человек (студенты из Монголии) были отчислены и не смогли окончить обучение, 154 окончили СГИ до распада СССР, остальные 45, включая четырех представителей Лаоса, получили дипломы в 1992–1994 гг.

В структуре личного дела к зачетной книжке, учебной карточке, автобиографии, копии диплома, выписке из зачетной ведомости, характеристике от преподавателей вуза добавляются биография отца и/или матери, медицинское свидетельство, подготовленное в Монголии, где указано, что противопоказаний для обучения за границей нет, копия аттестата, правила проживания иностранцев, прибывших в СССР на учебу, с отметкой об ознакомлении с ними, характеристика из школы на русском языке с рекомендацией к обучению за рубежом.

Значительная часть монгольских студентов, направлявшихся в Советский Союз, обучалась на подготовительном факультете для иностранных граждан в Иркутском политехническом институте. Часть студентов обучалась на подготовительном отделении Института русского языка Монгольского госуниверситета (МонГУ). Это должно было обеспечить должный уровень общей подготовки и знаний русского языка. Однако ожидаемый эффект достигался не всегда. Многое зависело от добросовестности и ответственности студента. По окончании подготовительного факультета давалась рекомендация к дальнейшей учебе в СССР. Ряд студентов русского отделения филологического факультета МонГУ проходили годичную стажировку по специальности «Русский язык и литература» на филологическом факультете УрГУ, по итогам которой защищалась курсовая работа.

Большинство монголов, учившихся в вузах Свердловска, успешно их оканчивали, получали дипломы и направлялись на родину для дальнейшего трудоустройства. Были и отчисленные. Отчислялись по разным причинам: ухудшение здоровья и невозможность в связи с этим продолжать учебу в СССР, перевод в другой вуз, академическая неуспеваемость.

Причины академической неуспеваемости могли быть самые разные. Так, за несдачу экзаменов и невыполнение учебного графика был отчислен один из студентов первого курса СГИ, учившийся по специальности «Электрификация и автоматизация горных работ». Как отмечалось в представлении к отчислению, в осенний семестр без уважительных причин студент пропустил более 50 часов учебных занятий, а в весен-

ний — более 130 часов, не были сданы экзамены по высшей математике, физике, студент не был аттестован ни по одному предмету, кроме русского языка. Кажется, что в свердловском вузе оказался совершенно безответственный человек. Однако все было не так однозначно. Будучи школьником, он отличался примерным поведением, активным участием в общественной жизни, проявлял упорство в учебе. В чем же крылась причина столь разительной перемены? Классный руководитель и директор школы отмечали, что его больше интересовали художественная литература и журналистика, а поступить он мечтал на отделение журналистики МонГУ. Школу он окончил с тремя тройками — по алгебре, геометрии и химии, зато по монгольской литературе, обществоведению и истории МНР получил «отлично»¹¹. Так, трудный выбор, сделанный под влиянием обстоятельств, принес только разочарование — как студенту, так и преподавателям СГИ.

Подводя итоги, отметим, что именно личные дела, отложившиеся в архивах вузов, составляют основу для изучения пребывания и обучения иностранных студентов в Советском Союзе, дают представление о численности и географии сотрудничества в вопросах экспорта образования, позволяют выявить закономерности и особенности, проследить смену внешнеполитических акцентов. Вместе с тем несомненно, что для формирования целостного представления об обучении иностранцев в СССР требуется проработка различных комплексов источников, включая материалы периодической печати, устной истории, а также документы, отложившиеся в региональных и федеральных архивах.

Примечания

¹ Архив Уральского федерального университета. Ф. Личные дела иностранных студентов (УПИ, УрГУ).

² Архив Уральского государственного горного университета.

³ Диссертация Ли Ен Пэка // Урал. рабочий. 1957. 1 дек.

⁴ Архив Уральского государственного горного университета. Ф. Личные дела аспирантов. Д. 144.

⁵ *Пряхин В. М.* Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946–1960 гг. : дис. ... канд. ист. наук, Екатеринбург, 1994. С. 246.

⁶ Архив Уральского федерального университета (УПИ). Ф. Личные дела иностранных студентов. Д. 519. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 520. Л. 46.

⁸ Архив Уральского государственного горного университета. Ф. Личные дела студентов 1930–1957 гг. Д. 6–43. Л. 8.

⁹ Архив Уральского федерального университета (УрГУ). Личные дела иностранных студентов. Д. Китайский студент Л. Ц. Л. 3.

¹⁰ Архив Уральского государственного горного университета. Ф. Личные дела студентов 1930–1957 гг. Д. 26–32. Л. 4.

¹¹ Там же. Ф. Личные дела иностранных студентов 1984–1994 гг. Оп. Отчисленные. Д. 4.

Ш. А. Абдурахимова

Статистические данные и письма как источники по истории здравоохранения Узбекистана в 1980–1990 гг.

Объектом исследования в настоящей статье являются статистические сведения и письма граждан, адресованные в редакции местных газет. В ней не рассматриваются служебные письма, представляющие в рамках существующих классификаций исторических источников один из видов делопроизводственной документации. Хотя иногда бывает достаточно сложно отнести то или иное письмо к категории служебных или личных¹. И здесь порой недостаточным оказывается наличие (или, наоборот, отсутствие) необходимых реквизитов на интересующем исследователя документе, требуется анализ его содержания, с учетом трех тесно связанных между собой аспектов: архивоведческого, источниковедческого и археографического.

По известным причинам, тщетно было бы искать личную переписку в государственных учреждениях или общественных организациях; основное место ее хранения — личные архивные фонды, архивные коллекции, ранее создававшиеся и ныне создающиеся в государственных архивах, рукописных отделах библиотек и музеев, а также личные архивы граждан. Именно эти архивные собрания личного происхождения и являются объектом пристального внимания посетителей читальных залов, занимающихся либо исследовательской, либо археографической или текстологической деятельностью, связанной с введением в научный оборот таких важных в научно-отношении исторических источников, какими являются личные письма². Заметим, что в последние полтора десятилетия благодаря прежде всего работникам архивных учреждений республики сделано очень многое в деле расширения географии архивных собраний личного происхождения.

В Национальном архиве Узбекистана хранятся интересные статистические материалы и письма граждан, адресованные в редакции газет, касающиеся разных вопросов социальной жизни народа. Если статистические материалы содержатся в фондах государственных учреждений (Комитет государственной статистики, Министерство здравоохранения, Комиссариат Народного контроля), то письма были собраны в виде коллекций из всех районов Узбекской ССР. Компильтивный анализ статистики и информации из текста писем, позволяют всесторонне осветить образ жизни населения, его потребности, выразить его волю, отношение к изменениям в обществе, а также как благодарность, так и недовольство людей³.

Хронологический и количественный анализ писем граждан

Исзуемые нами письма относятся к 1980–1990 гг. В редакцию поступило около тысячи писем, отражающих состояние системы здраво-

охранения⁴. Около 800 писем содержат недовольство, вызванное некачественным медицинским обслуживанием. Вместе с тем 125 писем выражают благодарность больных, получивших исцеление. Остальные 20 писем — от граждан, пользовавшихся услугами экастрасенсов⁵.

В исследуемых письмах критикуются халатность врачей и медсестер, деятельность хирургов, врачей скорой медицинской помощи, этика (деонтология), материально-технические условия лечебных учреждений, реанимационных отделений, аптек, а также обеспеченность лекарствами.

Проблемы в системе здравоохранения

Сколько бы союзное руководство ни старалось презентовать миру «самую передовую медицину», на практике ситуация была совершенно иной. Многие медицинские учреждения страдали от нехватки основных средств и медицинского оборудования. Около четверти больниц и амбулаторий в Советском Союзе нуждались в капитальном ремонте, 29,3 % не имели центрального отопления, 27 % — водопровода, 40,8 % медицинских учреждений не имели горячего водоснабжения и канализации⁶. В частности, в письме жительницы Ташкентского района Ташкентской области Зухры Кадыровой указывалось, что в Ташкентской областной центральной больнице не хватает помещений для пациентов, не работает система отопления, отсутствует питьевая вода и не работает канализация. Лечение в таких тяжелых условиях доставляло неудобство пациентам, особенно пожилым и тяжелобольным⁷.

В некоторых случаях тяжелые условия в больницах становились причиной смерти пациентов. Например, в письме жителя с. Кунчи Андижанской области Кадыржона Расулова говорилось, что его восьмимесячный сын был госпитализирован в Андижанскую городскую инфекционную больницу с диагнозом «гепатит». Несмотря на то что это был последний месяц осеннего сезона, в больнице не было отопления, в комнатах было холодно, а в окна дул холодный ветер. В результате у ребенка диагностировали пневмонию, и через неделю он скончался.

Существовали большие региональные различия в обеспечении медикаментами и медицинским оборудованием лечебных учреждений. В то время, когда больницы строились более чем в 90 % городских районов, сельские районы находились в тяжелом положении. Когда лечебные места в стране распределяются по различным специальностям медицины, становится ясно, что лечебных мест, в основном для женщин и детей, не хватает. Например, как правило, на 10 тыс. человек должно было приходиться 17,5 лечебных мест для женщин и младенцев, а в 1980 г. в Узбекской ССР приходилось 11,9. Самаркандская

область занимала одно из первых мест в стране по нехватке медицинских учреждений⁸.

Кроме того, распределение акушерских и гинекологических коек было не таким, как сказано выше. Такое количество — 21,7 койки на 1000 человек — отмечалось лишь в городах, в сельской местности — всего 5,45. Медленно шло строительство детских и родильных домов. Например, из 500 тыс. руб., выделенных в 1980 г. на их строительство, было израсходовано лишь 129,2 тыс. руб., а с июля строительные работы были полностью приостановлены. Многие из детских и родильных домов размещались в зданиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям. Из 124 только 12 имели региональные очистные сооружения.

Отмечались также серьезные недостатки в лечении и профилактике заболеваний. В Самаркандской области только 46 % детей в возрасте до одного года находились под систематическим медицинским наблюдением. В Намангане на 1000 человек приходилось 2,3 педиатра, в районе — 1,4, или 58 % от необходимого количества.

Ситуация с дородовым уходом за беременными в некоторых районах также была неудовлетворительной. В Самаркандской области этот показатель составил 71 %, в Наманганской — 65 %. В целом количество акушеров-гинекологов по районам составляло 0,6 на 1000 человек, в регионах — 1,2. Словом, можно проследить низкое качество медицинских услуг.

В частности, такие случаи наблюдались в Чархильском роддоме Паст-Даргомского района Самаркандской области, в центральном родильном доме г. Китаб Кашкадарьинской области, Туракурганском районе Наманганской области и в родильном отделении центральной больницы г. Ургенча Хорезма. Авторы писем из этих областей указывают, что в этих областях некоторые врачи относились равнодушно и халатно к больным, ставили неправильные диагнозы.

В сельских районах было много случаев, когда маленьких детей вовремя не доставляли в больницу, а детей, лечившихся дома, никто и не контролировал. В частности, в своем письме учитель школы им. У. Юсупова Навоийской области Навбахорского района Хусан Худойназаров пишет: «...люди обращались в больницу в крайнем случае».

Так по каким причинам население обращалось в больницу лишь в крайнем случае? Во-первых, из-за экономического кризиса. Во-вторых, многие сельские медпункты располагались далеко от населенных пунктов. В-третьих, не было достаточно транспорта — только одна машина «скорой помощи» на 25 тыс. человек. К тому же часто не было для нее горючего. И еще одна причина — большую часть населения составляют многодетные семьи, в которых в среднем от 5 до

12 детей (средний возраст — один год). Матери оставляют детей дома, не ходят в больницу. В результате 48 % младенцев в области умерли, в основном от пневмонии и острых инфекционных заболеваний. Конечно, все это свидетельствовало о низком уровне жизни населения, нехватке медперсонала, квалифицированных кадров. В области в среднем 3,3 педиатра на 10 тыс. человек⁹.

Обеспечение медицинских оборудованием лечебных учреждений также была неудовлетворительной. Единственный аппарат УЗИ появился в конце 1980-х гг., и только в Ташкенте и Самаркандской области. В своем письме Эшмурадов Урал, житель Ангорского района Сурхандарьинской области, предлагал обеспечить сельские поликлиники и больницы медицинским оборудованием за счет добровольного сбора денег.

Среди других проблем, существовала и такая, когда люди, не получившие профессиональной помощи, обращались к экстрасенсам. В те годы среди населения были широко известны имена экстрасенсов Анатолия Кашпировского, Алана Чумака, Джуны, Юрия Лонго. В Узбекской ССР был известен экстрасенс Ю. Кенджаев. В архиве хранится около 20 писем, адресованных ему, и даже одно благодарственное, подписанное 70 жителями Душанбе (Таджикистан)¹⁰.

В течение исследуемого периода в системе здравоохранения Узбекской ССР возник ряд проблем в связи с продолжавшимися в стране экономическими и политическими преобразованиями, получившими название «перестройка».

В целом экономический, экологический и социальный кризис в стране, нехватка квалифицированных кадров, рост коррупции способствовали развитию различных болезней среди населения, ежегодному росту показателей материнской и детской смертности. Проблемы, существовавшие в медицинской системе в прошлом столетии, продолжают сказываться и по сей день.

Примечания

¹ *Зарецкий Ю. П.* Стратегии понимания прошлого. Теория, история, историография. М., 2011. С. 242.

² *Махмудов М., Умирзаков Б. Х.* Здравоохранение Узбекистана. Ташкент, 1991. С. 39–42.

³ *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти (1945–1991). Новосибирск, 2000. С. 20–25.

⁴ *Баранов А. А.* Охрана материнства и детства в современном этапе: проблемы и пути их решения // Совет. здравоохранение. 1989. № 3. С. 3–6.

⁵ В СССР все было самое лучшее. На самом деле нет. Главные мифы о «золотом веке» позднем Советском Союзе. URL: www.meduza.ru.

⁶ *Хайдаров И. М., Хрипунов В. К.* Проблемы перестройки медицины и здравоохранения / под ред. проф. А. Р. Рахимджанова. Ташкент: Медицина, 1988. С. 9.

⁷ НАУз. Р-2806. Оп. 1. Д. 103. Л. 125.

⁸ Там же. Д. 24. Л. 5.

⁹ Там же. Д. 158. Л. 80–125.

¹⁰ Там же. Д. 102. Л. 20.

Н. С. Гуськова

«Я должен возвратиться к тебе...»
(фронтовые письма копейчанина Ивана Михайловича Старикова)

Фронтовые письма — живые свидетели «бес- смертного полка» в повседневном мире Великой Отечественной войны. В этих шедеврах эпистолярного жанра — свидетельство духовного единства фронта и тыла, в которых

«Родные три сестры волновали нас вечно,
Родные три сестры волнуют нас сейчас.
Пусть Вера прекрасна, Любовь бесконечна,
Но только Надеждой живем в трудный час»¹.

О важности фронтовых писем для бойцов газета «Правда» 18 августа 1941 г. опубликовала передовую статью «Фронту и тылу — образцовую связь» с обращением: «Важно, чтобы письма бойца родным, письма и посылки бойцам, которые огромным потоком идут со всех концов страны, не задерживались по вине работников связи. Каждое такое письмо, каждая такая посылка именем отцов и матерей, братьев и сестер, родных и знакомых, именем всего советского народа вливают новые силы в бойца, вдохновляют его на новые подвиги»². В этом убеждают и письма Ивана Михайловича Старикова, призванного Копейским горвоенкоматом 15 июня 1943 г. в Красную Армию.

Согласно сохранившейся легенде, эти письма несколько лет назад в Копейский краеведческий музей сдали жильцы, которые случайно обнаружили их в купленной квартире. Письма были аккуратно прошиты вместе с дневниковыми записями, постранично пронумерованы и вложены между картонными обложками скоросшивателя. На обложке едва заметная потертая надпись карандашом: «Личное дело. Не местный». Хронологически дневниковые записи охватывают период с 1 июля 1942 по 7 ноября 1942 г., а письма, адресованные Анне Трофимовне Блиновой, — с 17 июня 1943 по 8 ноября 1945 г. На обложке дневника — многократные росписи, аналогичные таковым на треугольниках писем³.

Как следует из письма И. М. Старикова от 15 июня 1943 г., Анна Трофимовна сама сброшюровала их. Тогда же Иван Михайлович писал, что Анна «запустила» его своими письмами, которых накопилось уже 105, и он разложил их по датам, бережно храня вместе с документами, но предупреждал своего адресата: «Смотри, чтоб никто, кроме тебя, не мог прочесть их — вообще, если вмешается третье лицо, — наша дружба может испортиться»⁴.

Определяющей датой в жизни двух молодых людей стало 5 июля 1941 г., о котором трепетно вспоминал боец в письме с фронта 5 июля 1944 г.: «Я впервые подошел, гордый ходил по саду под ручку с тобой. С тобой, о которой я мечтал, подружился и добился своего. Добился девушки, которая была моей мечтой, моей любовью. И я

был счастлив в течение двух лет, но я не хочу расставаться»⁵.

В условиях военного времени Иван Михайлович брони не имел, потому что не работал в шахте, и готов был к призыву в Красную Армию, тем более что его друзья уже воевали. Именно по этой причине было отложено его совместное проживание с Аней Блиновой.

15 июня 1943 г. А. Т. Блинова провожала в Красную Армию И. М. Старикова. Тогда они и предположить не могли, как долго продлится разлука.

Время мобилизации Старикова попадает в хронологические рамки завершения коренного перелома в Великой Отечественной войне. В результате разгрома гитлеровцев в июле — августе 1943 г. в грандиозной битве на Курской дуге Красная Армия овладела стратегической инициативой и не намеревалась ее терять. Победы Красной Армии вдохновляли новобранцев на обучение воинской профессии.

Мобилизованных отправили в Свердловск, а десять человек — в г. Сарапул Удмуртской АССР для поступления в школу пилотов ВМФ, где они должны были сдавать экзамены по физике и русскому языку. Экзамены выдержали только трое. Не прошедших по каким-либо причинам комиссию отчисляли в другие училища. Боец рассуждал вполне здраво в письме от 1 июля 1943 г.: «Ничего в разлуке через год, а может два... Нецелесообразно служить — жить без цели». По совету сослуживцев Иван Михайлович подал в Сарапуле заявление об обучении на артиллериста⁶.

4 августа Ивана Михайловича возвратили в дивизион, расположенный в Челябинске. Он с радостью сообщал о своей учебе в школе радистов, расположенной в Медгородке. В артиллерийском училище красноармеец намеревался побыстрее изучить специальность. По признанию в письме к любимой девушке, в училище он «окончательно превратился в военного человека», потому что «здесь дисциплина, как положено по уставу»⁷. Однако болезненно переживал, что не стал офицером перед отправкой на фронт. Спустя год, 12 сентября 1944 г., в письме к Анне он признавался: «...стыдно попасться солдатом, ты могла бы иметь меня офицером. Перед тобой неудобно... Но постепенно я смирился с военной жизнью. Я солдат только ради тебя, ради того, чтоб поскорее вернуться к тебе. И под солдатской шинелью есть человечески пылающее любовью сердце»⁸.

Эшелон со станции Чурилово был отправлен 12 сентября 1943 г. по пути следования Свердловск — Молотов — Киров — Горький — Москва. С каждой станции новобранец посылал письма Ане Блиновой⁹. Обучение по специальности

«артсвязист танкового экипажа» Иван Михайлович завершил в пос. Ивантеевка Пушкинского района Московской области. Но 3 октября его неожиданно по приказу перевели в писари продснаба¹⁰.

Обученные новобранцы были отправлены на фронт 28 декабря 1943 г. через освобожденные территории Брянска, Ново-Зыбково к г. Жлобину¹¹.

К началу 1944 г. огромная часть территории Советского Союза была оккупирована. Гитлеровские войска стояли на подступах к Ленинграду, гитлеровцы удерживали под своим контролем значительную часть России, Крым, Правобережную Украину, Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву и Молдавию. Эти территории Красной Армии предстояло освободить в тяжелейших боях с врагом в течение года¹².

В письме из Белоруссии адресату сообщалось, что Иван Михайлович получил должность старшего писаря и звание старшины. Боевое крещение его состоялось в Белоруссии. Во время бомбежки и суматохи он потерял свой вещмешок, в котором лежали подарки из дома. Единственной связующей нитью оставался платочек Ани, который боец носил в кармане гимнастерки. В этих же боях Иван получил первое осколочное ранение в руку и сообщил об этом только своей девушке. В момент отчаяния при поддержке раненого сослуживца Алексея Ломако он отправил любимой письмо, в котором описал безнадежное состояние своего здоровья. «Проверка на прочность» не увенчалась успехом: негативная часть письма была изъята военной цензурой (аналогичное письмо А. Ломако ему возвратили), а девушка жестко ответила бойцам¹³. Этот «шутливый» поступок достоин и осуждения, и понимания. Под влиянием кинематографа формировались духовные и нравственные качества военнослужащих. Не исключены были и моменты подражания, например, героям фильма «Два бойца». Анна Блинова отвечала на письма одновременно и И. М. Старикову, и А. А. Ломако. Лишь извинения бойцов и стихи восстановили мирные отношения:

Ты далеко, но теми же путями,
Что я прошел в тревоге и борьбе,
Что минами рвались под сапогами,
Я возвращусь с Победою к тебе¹⁴.

Интенсивность переписки нарастала по мере продвижения Ивана Старикова на Запад с соблюдением требований Постановления № ГКО-37сс от 6 июля 1941 г. Меры политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции были следующими: не включались сообщения и сведения военно-экономического и политического характера, объем каждого письма не превышал четырех страниц формата почтовой бумаги, запрещалось пересылать виды и фотографии территории расположения¹⁵. Аня Блинова в рамках дозволенного «двигалась» вместе с

И. Стариковым на запад по карте: отмечала места сражений, читая приказы И. В. Сталина в газете «Правда». Значимые даты отдельных номеров боец сообщал в письмах. В повседневных письмах лета 1944 г. отражается повседневный мир бойцов в период крупнейшего успеха Красной армии в Белоруссии в ходе операции под кодовым названием «Багратион»¹⁶.

Едем в опасный район. Это я от тебя не скрываю. Не ручаюсь за себя, все может быть. Живы будем, не умрем (1 мая).

С фронта в отпуска ни по каким-либо причинам не отпускали, особенно в настоящий период. Соседние фронты и часть нашего уже перешли в наступление (26 июня).

Друзей становится меньше. Скоро окончательно разобьем немцев... Хотя впереди еще бои, но пройдем огонь и воду (5 июля).

Прошло восемь бессонных ночей и дней. Наступаем. Двигаемся прямо по пятам, окружаем и уничтожаем своих врагов. 22 [июня] форсировали реку Западный Буг и зашли в Польшу (25 июля).

Кончился отдых. Опять принимаемся за основную работу — истреблять фашистов. Вероятно, через 1–2 дня двинемся, предстоят тяжелые бои (11 августа)¹⁷.

Тогда в трех котлах Белорусской стратегической операции — витебском, бобруйском и минском — оказалось 158 тыс. военнопленных. Войска под командованием Рокоссовского наступали одним крылом на Бобруйск и дальше на запад, а другим — проводили операцию под Ковелем¹⁸.

В каждом из писем И. М. Старикова звучат вера в победу и признание достоинств Ани Блиновой:

Я надеюсь, что эти счастливые дни вернуться... Я тебя люблю уже три года и не разочаровался (5 июля).

Возвращусь к тебе, и поедем вновь на Украину. К чертям Копейск. Вечно угольная пыль, ветер с песком. Копейск не сравнить с этими местами (10 июля).

Сегодня смотрел ближайшее расстояние по карте: 80 км до Германии. Так что им скоро придется обороняться, на своей территории испытать войну. В общем, они скоро отвоюются (15 июля).

В эти дни горячих боев я часто вспоминаю тебя, особенно в минуты опасности: «Верю в тебя, дорогую подругу мою» (25 июля).

Наш союз крепкий, чтобы не случилось. Если останусь жив, к тебе вернусь (30 июля)¹⁹.

Боец настоятельно рекомендовал девушке ознакомиться с газетой «Правда» за 10 июля 1944 г., посвященной взятию г. Ковеля — одного из важнейших узлов немецкой обороны на брестском направлении, который немецкий генерал Гилле называл «ключом к Висле»²⁰. Можно предположить, что эта настойчивость обусловлена рядом факторов. В газете размещена фронтовая фотография с бойцами Белорусского фронта. Тя-

желые пушки Красной Армии движутся вперед — на запад. Вполне возможно, среди них был и И. М. Стариков. К тому же письмо к Ане Блиновой за 10 июля, в котором Иван Михайлович пишет, что после войны «поедем вновь на Украину», позволяет предположить, что он не был коренным копейчанином и прибыл в город по оргнабору после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР накануне войны. И. М. Стариков, возможно, надеялся, что Анна прочитает записку военного корреспондента Макарова и поймет смысл Великой Отечественной войны, в которой у воюющих бойцов Красной Армии «идея... такая: каждый боец за свое крепкое счастье дерется, кровь свою за это проливает, чтобы земля наша русская, советская большой была. Чтобы в поле хозяйничал пахарь, а на заводе — рабочий, чтобы власть наша народная жила, немецкая погань не сидела на нашей шее. А народ у нас — золотой»²¹.

Движение на запад в личной жизни Ивана Михайловича омрачилось известиями о смерти мамы, которое пришлось в день его рождения, 25 сентября 1944 г., от Анны Трофимовны и дяди Алексея. В письмах она информировала Ивана регулярно о её болезни. Вопреки негласно установившейся в шахтерском городке традиции Анна помогала рано овдовевшей женщине при полном равнодушии родственников И. М. Старикова. В благодарность Иван Михайлович писал любимой девушке: «За это оказывается ты — моя мечта... большое спасибо за заботу о моей матери. Она действительно одинока. Одинока... помощи ей ждать не от кого. Но побори стыд, будь смелее. Я прошу как будущую подругу жизни. Все, что осталось у меня, все, что дорого мне, — это моя мать и ты. Так пусть же живут и здравствуют она и ты. Я надеюсь на скорую встречу. Твое отношение к моей маме будет мне служить показателем твоего отношения ко мне»²². Забота о матери сформировала у И. М. Старикова понимание личной ответственности за свою девушку и ее жизнь после войны. Поэтому он рекомендовал ей повышать культурный уровень, вести дневник, читать литературу, прежде всего классическую, грамотно писать и не обижаться на замечания, потому что «сейчас приходится переносить больше трудностей — и то живы». Боец рекомендовал «иметь силу воли... больше требований к себе. Нужно взять себя в руки, а не плакать. Не нужно обижаться на свои ошибки, их лучше исправлять. Пиши чаще, особенно сейчас в период жарких боев...»²³ Он поддержал ее желание учиться, повышать профессиональную квалификацию в Свердловске²⁴.

Со смертью мамы, на похороны которой он не мог приехать в условиях активных боевых действий, И. М. Стариков пришел к осознанию того, что он теперь сирота: «Да, я самый несчастливый. Жизнь складывается неважно. Рано умер отец, в разлуке умерла мать... Я должен увидеть свет. Я должен возвратиться к тебе, моя любимая, я должен быть счастлив. Я только сейчас

начал понимать, что значит любить, любить настоящему, и что значит быть в разлуке с любимым человеком»²⁵.

Аня отказалась получить доверенность на оставшееся имущество Стариковых и продолжала писать, не жалуясь на трудности житья и свою судьбу. Предстоящие бои на подступах к Германии ожидалась более жестокими, но бойца не покидали мысли о будущем: «Мы должны позаботиться еще о нашем поколении. О чем я очень беспокоюсь и сейчас ругаю себя — могут убить, не останется даже наследника²⁶... в душе почему-то твердо уверен, что дождешься, и мы будем счастливы. Ты для меня все, я весь отдаюсь этим мечтам, ты — единственная моя гордость»²⁷. Появившаяся надежда на будущее изменила и содержание писем. Они стали более открытыми, доверительными, но не выходили за рамки установленных требований цензуры.

Последующие письма — бесценные свидетельства повседневного мира завершающейся войны на территории, где обосновался фашизм:

Вот уже 9 дней в непрерывном движении с боями продвигаемся вперед. Приказ Сталина (21 января 1945).

Наш фронт имеет большие успехи. Больших боев наша часть пока не видела. Никак не догоним отступающих немцев. Сейчас пишу письмо в доме богатого князя. Не дом, а дворец. Хозяин убежал к немцам (17, 18 января 1945).

Немцы бегут, все оставляют, т. к. действия наших войск для них неожиданны. <...> Только что получил благодарность Сталина и чтоб где-либо не потерять высылаю ее тебе. <...> Ведем непрерывные бои. Воевать здесь потруднее. Сопротивляются, стреляют с чердаков. Но мы им тоже даем перцу. Картины, художники которых были немцы, у нас. Они сейчас наяву. В общем, узнали, как воевать и издеваться над старыми и детьми (Германия, 2 февраля 1945).

Вот сейчас мы воюем на территории Германии. Не скрываю — воевать здесь гораздо труднее. Каждую минуту грозит опасность. Хочется жить! В таких оборотах жизни хочется жить только ради тебя. Ведь весь смысл моей дальнейшей жизни заключается только в тебе, поэтому живу и постараюсь жить (10 февраля 1945).

За встречу с тобой я сейчас бы отдал полвека жизни, как хочется повидаться (Германия, 26 февраля 1945).

Опять пошли в наступление. Уже заняли несколько городов. Выехали в 10 часов по батареем для раздачи продовольствия. Батареи взаимодействуют с разными частями. Обстановка меняется каждый час. Ездили в только что занятый город. Снаряд разорвался в 100 метрах, т. к. мчались на всю железку, то и не задело. Одним словом, каждый день можно получить смерть (1 марта 1945).

С декабря почти не видели населения. Лес да землянки. Да еще поле боя... ты должна понять нашу солдатскую жизнь, нашу ненависть к фрицу... но мы не скушаем, используем все, чтобы вернуться, а главное, у многих где-то далеко есть самый близкий человек, самый любимый человек (Германия, 15 апреля 1945).

Находился в госпитале... Сейчас обратно в часть. Ранение легкое, так что не беспокойся. Дней через 10–15, вероятно, опять попаду в госпиталь, так как остался осколок, который надо вынимать. Ранили меня 8 мая, в день окончания войны. В эти радостные дни мне так приходится волноваться, но все-таки я уверен, с тобой ничего не случилось. А скоро придется встретиться! С каким нетерпением я жду этого дня, любимая! Скоро опять мы будем вместе (Германия, 19 мая 1945)²⁸.

Окончание Великой Отечественной войны не гарантировало военнослужащему приказа о демобилизации. Дислокация воинской части в Германии обязывала быть терпеливыми и политкорректными на территории поверженного врага, сохранять честь и достоинство советского воина. В письмах И. М. Старикова с июня — августа 1945 г. нет ни ненависти, ни агрессии к местному населению. Его канцелярия располагалась в танковой казарме. У солдата на этот счет была своя правда: «Они были враги и остались ими. Но они люди, а мы — не немцы, мы их не притесняем. Но и шикарничать, как раньше, они теперь уже не могут. Отошли их времена»²⁹. Боец по-прежнему не только мечтал о счастливом будущем, но и сформулировал credo жизни для себя и любимой девушки: «Если уже поставить цель в жизни, нужно твердо держиваться одной дороги и твердыми шагами идти по ней для достижения поставленной цели, пренебрегая все трудности и лишения... Нужно иметь силу воли»³⁰.

18 июня 1945 г. в письме Иван Михайлович сделал предложение Анне Трофимовне своеобразным образом: «Я уверен, что наша любовь все-таки не проходит. Я заранее обещаю тебе быть честным мужем, несмотря на мою гордость и вспыльчивость».

Война была окончена, но путь домой преградила автомобильная катастрофа. И. М. Стариков с другом-сослуживцем были сбиты легковым автомобилем 29 июля в Германии. И снова госпиталь, где друг скончался, а Иван выжил.

24 августа Иван Михайлович выехал из Германии на Украину, получив отпуск.

Встреча И. М. Старикова и А. Т. Блиновой состоялась 25 сентября 1945 г., в день его рождения. Об этом свидетельствует надпись, сделанная собственноручно Аней Блиновой на письме от 15 августа 1945 г.³¹ После окончания отпуска боец вернулся на Украину в воинскую часть в надежде на приказ о демобилизации.

На письмах И. Старикова, которые А. Блинова получила 1 и 8 ноября 1945 г., девушка подписывалась фамилией Старикова. На письме с датой «8/XI-45 г.» она отметила: «В 6 часов вечера пришли на дежурство с Вовкой». Это позволяет предположить, что Анна Трофимовна Блинова, для которой И. М. Стариков направлял письма в Копейский городской отдел здравоохранения, после повышения квалификации в Свердловске работала в больнице Копейска.

Эта переписка военного времени предопределила поиск более полных сведений о Иване Михайловиче Старикове, как в его письмах, так и на общедоступных интернет-сайтах. Первоначально в заблуждение ввело письмо от 9 октября 1945 г., в котором его автор сообщал о возможной мобилизации «нестроевиков» даже 1925 г. р. На информационных ресурсах с аналогичными данными значатся два человека. Один — в списке репатриированных советских граждан; прибыл в Ковельский призывной пункт из Рослау № 51598 31 октября 1945 г. и отправленный 26 ноября 1945 г. из Москвы в управление Раздольева эшелоном № 67 под номером 95667³². Другой боец И. М. Стариков был призван Беловодским райвоенкоматом Ворошиловградской области в октябре 1943 г.³³

Ясность внесло письмо Ивана Михайловича от 5 июля 1944 г., отправленное адресату в связи с третьей годовщиной дружбы: «Сегодня пошел четвертый год. Тогда мы были в рассвете лет юности — 18 лет». Это сориентировало поиск на И. М. Старикова 1923 г. р.

Поиск сведений на сайте «Подвиг народа» с этой датой рождения оказался большой удачей, потому что на его страницах опубликован приказ по самоходному артиллерийскому Краснознаменному Седлецкому полку № 1459 от 20 мая 1945 г. от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР. В числе награжденных этого полка — Иван Михайлович Стариков, старшина, писарь, старший сержант, 1923 г. р., русский, беспартийный, призванный в Красную Армию Копейским горвоенкоматом Челябинской области. Боец был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном приказе отмечалось, что «в период боев на территории Белоруссии, Польши, Германии старший сержант много стараний и труда приложил для точного аккуратного и своевременного оформления документации хозяйственной части, и неоднократно выдавал продукты питания и подвозил горячую пищу расчетам самоходных установок на огневые позиции»³⁴.

За время войны Иван Михайлович не стал офицером. В письме к Ане Блиновой от 16 октября 1944 г. он писал, что девушка поторопилась с поздравлениями о повышении воинского звания. Ответ находим в письме самого военнослужащего: «Я свободолюбивый человек, не люблю подчиняться, а в армии это основа — дисциплина, поэтому у меня часто стычки с офицерами»³⁵. По количеству получаемых писем И. М. Стариков был чемпионом, что раздражало сослуживцев, особенно получивших письма от жен с предъявлениями развода.

Таким женам в 1943 г. Константин Симонов написал «Открытое письмо»:

Пускай поставят вам в вину,
Что душу птичью вы скрывали,
Что вы за женщину, жену
Себя так долго выдавали.
Примите же в конце от нас
Презренья наше на прощанье...³⁶

Девушка-мечта была старше Ивана на два года. Чтобы доказать серьезность своих отношений, он откровенно писал о службе, боях, о вере в победу, о надежде на скорую встречу. Девушка, подражая героине фильма «Жди меня», в канун 1945 г. написала: «Пусть пули врага, снаряды вражеских орудий будут для тебя невредимыми, а ты — ничем не уязвим. Знай, что я жду и буду ждать твоего возвращения». За время войны Анна Трофимовна получила писем в объеме 190 страниц.

Закрывая страницу в истории двух обычных копейчан, переживших Великую Отечественную войну в разлуке, с верой в победу, с надеждой на встречу, с любовью по жизни, было желание найти еще какие-либо сведения об Иване Михайловиче Старикове.

Случилось неожиданное. Накануне нового 2021 г. в музей были сданы два фотоальбома, выброшенные кем-то на улицу. В альбом было вложено поздравление с юбилеем заместителю главного бухгалтера конторы-базы материально-технического снабжения комбината «Челябуголь» К. Г. Рабеку, на котором стояла подпись И. М. Старикова, председателя месткома этой организации, и дата — 28 декабря 1971 г.³⁷

Но это уже иная страница истории.

Примечания

¹ Горская А. Врачеватель мой — четверостишие... Челябинск : Книга, 2008. С. 63.

² «Письмо именем отцов и матерей, братьев и сестер...» // Родина: Документы Победы. Письмо. 2020. № 3. С. 3.

³ Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Л. 190.

⁴ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 15 июля 1943 г.

⁵ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 5 июля 1944 г.

⁶ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 1 июля 1943 г.

⁷ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 10 августа 1944 г.

⁸ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 26 сентября 1944 г.

⁹ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 17 сентября 1943 г.

¹⁰ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 3 октября 1943 г.

¹¹ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 28 декабря 1943 г.

¹² Рудаков В. Сорок четвертый год // Историк. 2019. № 5. С. 1.

¹³ Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 5 апреля 1944 г.

¹⁴ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 11 апреля 1944 г.

¹⁵ Постановление № ГКО-37сс о мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции // Родина: Документы Победы. Письмо. 2020. № 3. С. 3–5.

¹⁶ Исаев А. Сокрушительная победа // Историк. 2019. № 5. С. 28–29.

¹⁷ Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Письма И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 1 мая, 26 июня, 5 июля, 25 июля, 11 августа 1944 г.

¹⁸ Исаев А. Указ. соч.

¹⁹ Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Письма И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 5, 10, 15, 25, 30 июля 1944 г.

²⁰ Ковель // Правда. 1944. 10 июля.

²¹ Там же.

²² Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 15 июня 1944 г.

²³ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 17 июля 1944 г.

²⁴ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 18 ноября 1944 г.

²⁵ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 23 октября 1944 г.

²⁶ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 24 октября 1944 г.

²⁷ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 16 октября 1944 г.

²⁸ Там же. Письма И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 21, 17, 18 января; 2, 10, 26 февраля, 1 марта, 15 апреля, 19 мая 1945 г.

²⁹ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 11 августа 1945 г.

³⁰ Там же. Письма И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 18 июня 1945 г., 15 августа 1945 г.

³¹ Там же. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 8 ноября 1945 г.

³² Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/info.htm?id=79653771>.

³³ Память народа, герои войны [Электронный ресурс]. URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/?adv_search=48last.

³⁴ Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=268002818tab=navDetai/ManAward>.

³⁵ Краеведческий музей Копейского городского округа. НВФ-8465. Письмо И. М. Старикова — А. Т. Блиновой. 5 июля 1944 г.

³⁶ Лепский Ю. Почему нельзя? // Родина. 2020. № 12. С. 69.

³⁷ Краеведческий музей Копейского городского округа. ЭФЗК-3/9-2021.

Е. В. Волков

Материалы ОГАЧО о кинотеатрах Челябинска советской эпохи*

Кинотеатр как объект исторического исследования, безусловно, представляет интерес, поскольку связан с изучением, с одной стороны, культурной политики, а с другой — сферы досуга людей прошлого, без чего невозможно полностью реконструировать и понять их жизнь. Являясь продуктом эпохи модерна, кинотеатр представлял собой специфическое социальное пространство в сфере массовой культуры. Такое социальное пространство с течением времени, в силу разных факторов, трансформировалось. Даже если внешний архитектурный облик кинотеатров оставался прежним, их внутреннее содержание под влиянием времени и культурных перемен значительно менялось.

Научная история кинотеатров Челябинска находится только на начальной стадии развития. К настоящему времени опубликовано лишь несколько текстов — в энциклопедиях «Челябинск» (2001) и «Челябинская область» (семитомной, 2003–2007) — о городских кинотеатрах как дореволюционного, так и советского периода¹. В энциклопедических изданиях представлены краткие исторические справки о некоторых челябинских кинотеатрах: «Знамя», имени А. С. Пушкина, «Кировец», имени 30-летия ВЛКСМ, «Родина», «Спартак», «Аврора», «Урал», «Заречье»². Историк А. Е. Перебейнос опубликовал в 2012 г. статью о функционировании кинотеатров, главным образом в Перми, Екатеринбурге, Уфе и Челябинске, в контексте динамично развивающейся этой сферы досуга среди населения Урала дореволюционного периода³.

В 2016 г. вышла обзорная статья краеведов Ю. В. Латышева и Д. Г. Графова о кинотеатрах Челябинска XX столетия. Авторы статьи выделили пять периодов в истории челябинских кинотеатров: дореволюционное время и Гражданская война; 1920–1930-е гг. и начало Великой Отечественной войны; с 1942 г. до начала 1960-х гг.; с 1961 г. до распада СССР; современный период. Статью завершает таблица с краткой информацией о выявленных городских кинотеатрах, функционировавших в XX столетии. Всего, вместе с клубами и дворцами культуры, постоянными и летними кинотеатрами, с дореволюционного периода до начала 2000-х гг. в таблице зафиксировано 76 названий⁴.

Таким образом, указанные выше работы, создали основу для исследования кинотеатров Челябинска. Однако необходимо двигаться дальше — реконструировать историю кинотеатров в контексте управления ими структур, внутренний «кухню» функционирования этих учреждений массовой культуры, взгляды и предпочтения зрителей.

Для более глубокого погружения в историю кинотеатров, на наш взгляд, может быть эффективен концепт «социального пространства» французского философа и социолога Анри Лефевра (1901–1991). Согласно данной концепции, социальное пространство применительно к кинотеатру включает три уровня. Во-первых, это «репрезентация пространства»: набор официально зафиксированных норм и установлений, которые «сверху» навязываются потребителям с позиций представлений о наиболее эффективном устройстве и функционировании кинотеатра (архитектурный облик и интерьеры, репертуар, пропаганда определенных идей и т. п.). Во-вторых, это «пространственные практики» — функционирование кинотеатра в реальных условиях посредством деятельности его персонала, позиции которого в отношении организации кинопросмотра могли существенно расходиться с версией, которая диктуется «сверху». В-третьих, «пространство репрезентаций» — «взгляд снизу», то есть восприятие («переживание») практики «похода в кино» зрителями⁵.

Кинотеатры любого советского города делились в соответствии со своей принадлежностью к управляющим структурам на государственные, профсоюзные и ведомственные. В 1920-е гг., в период нэпа, имелись также частные коммерческие и кооперативные кинотеатры, а в конце 1980-х гг. в условиях политики перестройки кинотеатры стали передавать в аренду «трудовым коллективам». Постоянно действующие кинотеатры, с архитектурной точки зрения, — отдельно стоящие здания, и только в некоторых случаях сооружения первого уровня, вписанные в то или иное строение. Профсоюзные и ведомственные кинотеатры располагались в клубах, домах или дворцах культуры либо представляли собой кинозалы в отдельных учреждениях. Если говорить о постоянно действующих кинотеатрах Челябинска советской эпохи, то их насчитывалось в разное время от нескольких единиц до более двух десятков.

В советский период управление кинотеатрами претерпело существенные изменения. С момента национализации в 1919 г. советские кинотеатры подчинялись Наркомату народного просвещения РСФСР, с 1929 г. — различного рода комитетам, объединениям и управлениям при Совнаркоме СССР (в 1930–1933 гг. — при ВСНХ СССР). В 1946–1953 гг. существовало самостоятельное Министерство по делам кинематографии СССР, затем кинотеатры подчинили Министерству культуры СССР, а с 1963 г. и до конца советского периода эти учреждения находились в ведении Госкино СССР (специального комитета по кинематографии).

Кинотеатрами Челябинска в 1920-е — начале 1930-х гг. занимались губернские и городские

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00-107.

власти, позднее, в связи с образованием Челябинской области (1934), был создан кинотрест. Через несколько лет, в 1940 г., это учреждение преобразовали в Управление кинофикации Челябинской области. Во время Великой Отечественной войны, в сентябре 1943 г., создали самостоятельное городское управление (позднее — дирекция) кинофикации в связи с переводом Челябинска в статус города республиканского подчинения⁶. Поставками кинофильмов и рекламной продукции занималась Челябинская областная контора Главкинопроката, отделения которой были в Магнитогорске и Златоусте (позже — еще в Кыштыме и Троицке). В 1988 г. путем объединения Управления кинофикации и конторы кинопроката создали Челябинское областное киноvideообъединение.

У сотрудников кинофикации имелся свой профсоюз — Челябинский областной союз кинофотоработников, возглавляемый выборным комитетом, который решал главным образом вопросы социального обеспечения. Не забывало о киносети и партийное руководство. Например, в период Великой Отечественной войны вышло три постановления обкома ВКП(б) относительно вопросов, связанных с кинообслуживанием населения: «Об улучшении сельской киносети в Челябинской области» (11 сентября 1943), «О восстановлении и ремонте киноаппаратуры, имеющейся в районах области» и «О мероприятиях по улучшению кинообслуживания населения Челябинской области» (18 ноября 1944)⁷. Кроме того, в июле 1943 г. появился проект постановления Челябинского обкома ВКП(б) «Об улучшении кинообслуживания населения гор. Челябинска»⁸, который тогда в полной мере реализовать не удалось. В дальнейшем партийные постановления на региональном уровне во многом являлись своеобразным «эхом» решений, принимаемых высшим партийным руководством страны.

Материалы ОГАЧО позволяют раскрыть многие аспекты истории кинотеатров Челябинска. В этом плане наиболее информативным является фонд Р-1600 «Областное государственное бюджетное учреждение культуры по прокату кинофильмов», содержащий документацию, в основном делопроизводственного характера, Челябинского областного кинотреста и Управления кинофикации: постановления, приказы, инструкции, штатные расписания, планы, протоколы производственных совещаний, отчеты. Все эти документы дают возможность, с одной стороны, реконструировать государственную систему управления кинотеатрами и их основную деятельность, а с другой — увидеть проблемы функционирования киносети и подходы к их решению. Кроме того, материалы фонда свидетельствуют о различного рода пропагандистских мероприятиях советской эпохи. Прежде всего это тематические показы, приуроченные к советским праздникам и юбилейным датам, а также кинофестивали. Здесь же содержатся сведения о соревновании между кинотеатрами области и

города, о смотрах-конкурсах на звание «Лучший кинотеатр высокой культуры обслуживания». Данный документальный массив охватывает период с 1930-х гг. до конца советского периода. Наиболее интересными материалами фонда, на наш взгляд, являются годовые отчеты областного Управления кинофикации, городской дирекции киносети и отдельных кинотеатров.

Фонд Р-458 «Кинотеатры Челябинска» не столь богат информативно, как указанный выше. Материалы данного фонда содержат приказы директоров относительно сотрудников, некоторые сведения о них, в том числе о заработной плате. Все эти документы относятся к пяти кинотеатрам города, функционировавшим в период с 1946 г. до конца XX столетия: «Урал» (1946), «Луч» (1957), «Аврора» (1967), «Победа» (1975), «Урал» (1971). Пожалуй, наибольший интерес среди материалов данного фонда представляют бумаги об истории создания, открытия и дальнейшей работы кинотеатра «Победа», о передаче его с января 1991 г. в аренду «трудовому коллективу» на пять лет⁹.

К сожалению, фонд Р-989 «Челябинская областная контора Главного управления массовой печати и проката кинофильмов» содержит документы только за период с 1933 по 1941 гг., которые касаются поставок фильмов, ремонта фильмокопий, информационных бюллетеней о кинокартинах, штатов работников этого учреждения. Однако здесь могут быть полезными сведения о фильмах, поставляемых на экраны Челябинска и области, о специфике работы конторы кинопроката.

Интересную информацию можно получить из фондов советских и партийных органов областного и городского уровня. Так, например, в материалах фондов Р-138 «Челябинский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» и Р-98 «Челябинский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» имеются сведения о контроле, расходах и налогах в сфере кинообслуживания населения в Челябинске, о распоряжении зданиями кинотеатров в начальный период советской государственности.

Фонд Р-220 «Челябинский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» содержит материалы по управлению киносетью со стороны Челябинского горсовета. Прежде всего это связано с утверждением смет расходов и доходов кинотеатров, а также с передачей им различных зданий или, наоборот, отъемом помещений для других целей.

Указание на создание в марте 1934 г. Челябинского областного кинотреста можно найти в фонде Р-274 «Челябинский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет». Здесь же можно обнаружить информацию о некоторых кинотеатрах и состоянии их зданий¹⁰.

Фонд П-288 «Челябинский обком КПСС» содержит материалы проверок и докладные

записки о работе отдельных кинотеатров города с точки зрения репертуара и пропаганды советского образа жизни. Есть в этом фонде и документы, датируемые апрелем 1936 г., которые иллюстрируют поиски «врагов народа» из «троцкистско-зиновьевского блока» в областном кинотресте. Здесь имеется также информация о ходе строительства в Челябинске будущего кинотеатра им. А. С. Пушкина, открытого в 1937 г., к столетней годовщине смерти русского поэта-классика¹¹. Материалы данного фонда содержат также отчеты о работе Челябинского горкома партии, в частности его отдела пропаганды и агитации, деятельность которого распространялась и на кинотеатры.

Весь советский период, за исключением нескольких последних лет, проводилась целенаправленная и вполне понятная политика в области кинопроката, которая предполагала беспорочное доминирование на экране отечественной кинопродукции. Новый прорыв на советский экран зарубежных фильмов, после времен нэпа, случился в период Великой Отечественной войны, когда граждане СССР получили возможность увидеть целый ряд «кинокартин союзников» американского и британского производства. Данные фильмы, судя по количеству дней проката (об этом свидетельствует репертуар кинотеатров, публиковавшийся в газете «Челябинский рабочий») и по некоторым источникам личного происхождения¹², безусловно, завоевали популярность у зрителей и принесли большой доход киносети в целом. Однако в официальном дискурсе партийных структур они стали своеобразной «фигурой умолчания». Это, например, демонстрирует отчет отдела пропаганды и агитации Челябинского горкома ВКП(б) за 1943 г., где приводится список только советских наиболее популярных у зрителей кинокартин¹³.

Другой партийный фонд — П-92 «Челябинский горком КПСС» — содержит преимущественно документы об использовании кинотеатров как пространства для политической пропаганды. Например, в начальные месяцы Великой Отечественной войны одним из новых приемов в наглядной агитации с применением кинотехники стала так называемая «световая газета» Челябинского горкома ВКП(б), которая информировала о положении на фронте (причем подчеркивались колоссальные боевые успехи Красной армии в боях с германскими войсками) и трудовых достижениях рабочих городских предприятий. Всего в августе — ноябре 1941 г. было продемонстрировано в челябинских кинотеатрах не менее семи номеров такой «световой газеты»¹⁴. Фонд содержит документы о том, как кинотеатры планировали и проводили мероприятия, приуроченные к важным датам советского календаря (годовщины Октябрьской революции, Красной Армии, В. И. Ленина и т. п.).

Отдельные документы, например акты проверок кинотеатров на предмет пропагандистской работы, содержатся в фондах комитетов партии

разных районов Челябинска: Кировского (П-118), Советского (П-119), Центрального (П-120), Ленинского (П-121), Тракторозаводского (П-122). В качестве примера можно привести справку, составленную в 1953 г. заведующей отделом пропаганды и агитации райкома Пановой о работе кинотеатра «Родина», располагавшегося в то время в Сталинском районе Челябинска¹⁵.

Полезными для исследователей будут документы фонда П-1990 «Первичная организация КПСС Челябинского областного производственного объединения по кинообслуживанию населения», в котором содержатся протоколы партийных собраний за период со второй половины 1930-х до начала 1980-х гг. с обозначением проблем, связанных с процессом работы киносети и пропагандистской деятельности. Здесь же можно обнаружить отчеты о строительстве двухзального кинотеатра им. А. С. Пушкина¹⁶, а также сведения о дальнейших его проблемах (кинотеатр был открыт спешно, с большими недоработками)¹⁷. Протоколы содержат информацию в форме отчетов по отдельным кинотеатрам и киносети области в целом, о выполнении решений пленумов и съездов партии, о приеме новых членов в партию и разборе персональных дел коммунистов. Дела второй половины 1930-х гг. — сообщают об исключении из партии отдельных лиц, арестованных и получивших клеймо «враг народа»¹⁸. При обсуждении персональных дел коммунистов зачастую речь шла о допущенных ими растратах, прогулах или появлении на работе в нетрезвом виде, а также о лицах, не плативших взносы и не посещавших собрания¹⁹. Другой интересный факт, зафиксированный в протоколах: в 1938–1939 гг. на отдельных партийных собраниях обсуждались критические заметки, опубликованные в центральной и городской прессе, об ошибках в работе сотрудников киносети²⁰.

Поскольку в 1953 г. было упразднено Министерство кинематографии и все его структуры вошли в ведение Министерства культуры СССР, некоторые материалы (стенограммы совещаний, проекты планов развития, отчеты) по кинотеатрам Челябинска и области можно обнаружить в фонде Р-1589 «Главное управление культуры исполкома Челябинского областного совета депутатов трудящихся».

Отдельные документы есть, например, в фонде Р-804 «Главное управление экономического развития и торговли Челябинской области», где речь идет о планах функционирования киносети и их реализации в определенные периоды, а также в фонде Р-1694 «Челябинский городской комитет народного контроля» в связи с проверкой в 1974 г. экономических аспектов деятельности кинотеатра «Урал», в ходе которой был выявлен целый ряд фактов, связанных с несоблюдением финансовой дисциплины²¹.

Объединенный государственный архив Челябинской области содержит также фонды с материалами советской периодической печати. Например, информация из газеты «Правда» (1917–

1991) дает возможность ознакомиться с постановками и решениям партийных и советских органов относительно кинообслуживания населения страны. Рекламные объявления в газетах «Челябинский рабочий» (1926–1991) и «Вечерний Челябинск» (1970–1991) позволяют выявить репертуар городских кинотеатров. Кроме того, полезную информацию дают анонсы фильмов и отзывы на них. В материалах городской прессы также поднимались проблемы кинопроката. Особенно «урожайным», с точки зрения публикаций, стало начало 1939 г., когда появился целый ряд заметок о недостатках в работе областного кинотреста в целом и челябинских кинотеатров в частности. Главными проблемами, судя по материалам газеты «Челябинский рабочий», являлись: невыполнение плана по кинообслуживанию населения области в 1938 г.; жалобы сельчан на редкий показ фильмов; хулиганские выходки в челябинском кинотеатре «Пролетарий»; плохая организация детских киносеансов в кинотеатре «МЮД»; отсутствие финансовой поддержки симфонического оркестра при кинотеатре им. А. С. Пушкина; пьянство на рабочем месте; растраты государственных средств²².

Таким образом, документы и материалы ряда фондов ОГАЧО позволяют реконструировать важные аспекты истории кинотеатров Челябинска, с точки зрения социального пространства, с ориентировкой на концепцию А. Лефевра, по крайней мере, на двух уровнях — «репрезентация пространства» и «пространственные практики». В первом случае речь идет об управлении кинотеатрами «сверху», во втором — о каждодневной деятельности их сотрудников в рамках работы с фильмами и зрителями. Реконструкция третьего уровня («пространство репрезентаций») требует выявления и тщательного изучения эго-документов кинозрителей в виде дневников, писем, мемуаров, устных свидетельств. Объединение и осмысление данной информации по этим трем направлениям позволит, на наш взгляд, раскрыть феномен кинотеатра и дать его полную картину как социального пространства.

Примечания

¹ Янгирова И. С. Кинематограф (кинематограф, синема, электротheater) // Челябинск : энциклопедия. Челя-

бинск, 2001. С. 374 ; Янгирова И. С., Карманова Е. В., Андреева Т. А., Семочкина Е. И. Кино // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. 2-е изд. Т. 3. Челябинск, 2008. С. 198–201.

² Богуж Е. Л. «Знамя» // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 313 ; Кобышева Е. В. Кинотеатр им. А. С. Пушкина // Там же. С. 374–375 ; Она же. «Кировец» // Там же. С. 376 ; Богуж Е. Л., Вознюк Л. Ю. Кинотеатр им. 30-летия ВЛКСМ // Там же. С. 375 ; Богуж Е. Л., Кобышева Е. В. «Родина» // Там же. С. 726 ; Богуж Е. Л. «Спартак» // Там же. С. 808 ; Вознюк Л. Ю. «Аврора» // Там же. С. 14 ; Богуж Е. Л. «Урал» // Там же. С. 904 ; Скориков А. И. «Заречье» // Там же. С. 303.

³ Перебейнос А. Е. Новая форма досуга в повседневной жизни уральского населения (вторая половина 90-х гг. XIX — начало XX в.) // Музейный вестник. Вып. 12. Челябинск, 2012. С. 72–79.

⁴ Латышев Ю. В., Графов Д. Г. Кинотеатры Челябинска XX века // Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф / под ред. Н. А. Антипина. Челябинск, 2016. С. 45–51.

⁵ Lefebvre H. La production de l'espace. Paris : Anthropos, 1974. 485 p. Цит. по изд. на рус. яз.: Лефевр А. Производство пространства : пер. с фр. М., 2015. С. 51–52.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 49. Л. 247.

⁷ Там же. Д. 34. Л. 68–69 ; Д. 55. Л. 1–3 ; Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996. С. 235.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 7. Д. 115. Л. 19–22.

⁹ Там же. Ф. Р-458. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–7.

¹⁰ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 293. Л. 154 ; Д. 684. Л. 52.

¹¹ Там же. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 678. Л. 20–25, 51–53.

¹² Багрецова Н. Челябинск, сороковые // История людей на Южном Урале : альманах. Вып. 1. Челябинск, 2005. С. 263.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 243. Л. 58–59, 68.

¹⁴ Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 48. Л. 1–33.

¹⁵ Там же. Ф. П-120. Оп. 1. Д. 341. Л. 106–110.

¹⁶ Там же. Ф. П-1990. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 46–48.

¹⁸ Там же. Л. 15–16.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 1–7, 50–63 ; Д. 7. Л. 39–43, 188–192 ; Д. 23. Л. 67–71.

²⁰ Там же. Д. 2. Л. 56–57, 71 ; Д. 3. Л. 18–24.

²¹ Там же. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 913. Л. 7–12, 14–31.

²² Улучшить кинообслуживание трудящихся (обзор писем) // Челяб. рабочий. 1939. 26 янв. ; Гольдштейн М. О Челябинском симфоническом оркестре // Там же ; Никаноров С. В кинотресте зажимают критику // Там же. 28 янв. ; Маликов Ф. В. Почему плохо работает кинотрест // Там же. 29 янв. ; Санников, Лещинский. Обанкротившиеся руководители // Там же. 5 февр.

Часть IX
История памяти

И. В. Нарский, Н. В. Нарская

Разговорчивые вещи: об источниковедческой ценности предметов, найденных на блошином рынке (фрагменты из будущей книги)

Несколько лет назад авторы этих строк стали страстными посетителями блошиных рынков. По стечению обстоятельств это были преимущественно рынки Германии и Швейцарии, а в последние годы — почти исключительно Мюнхена, где одному из соавторов довелось довольно долго работать. А поскольку профессия обязывает, мы невольно стали присматриваться к течению жизни одного мюнхенского рынка старины с позиции социолога и антрополога, через оптику включенного наблюдения, а к самим предметам торга — взглядом историка, критически оценивая источниковедческий потенциал старых вещей. В результате возникла идея создания исследования о блошином рынке как о месте встречи людей со старыми вещами и друг с другом, как о месте коммуникации с прошлым и о прошлом, наконец — как о месте альтернативного, непрофессионального и частного обращения с прошлым. Надеемся, монография в скором времени будет завершена. А пока — рады познакомить читателя с несколькими фрагментами будущей книги. Надеемся, они окажутся полезными и для челябинских архивистов, которым приходится атрибутировать, хранить и расшифровывать не только документы, но и предметы из прошлого.

Как разговаривают вещи?

Конечно, старые вещи не являются самостоятельными рассказчиками. Во-первых, они молчат до тех пор, пока им не задают вопросов. А чтобы задать им вопросы, нужно обратить на них внимание. Например, вспомнив о каком-нибудь куда-то запропастившемся или давно утраченном предмете из интерьера родителей, дедушек и бабушек. Или услышав вопрос от детей или внуков о какой-то примелькавшейся вам вещице из вашего же окружения. Или наткнувшись на странный предмет, как часто случалось с нами на мюнхенском блошином рынке. Во-вторых, истории, которые якобы рассказывают нам предметы, создают их авторы и владельцы, оценщики и критики. Когда вы спрашиваете торговца на блошином рынке о происхождении и истории объекта, который намереваетесь приобрести, тот угодливо преподносит вам историю, которая покажет вожаденный предмет в самом выгодном свете и по возможности еще больше возбудит ваш аппетит. Возможно, эту историю рассказчик, будучи непрофессиональным продавцом, слышал от владельцев предмета — своих родителей или их родителей — и постарается воспроизвести ее возможно близко к тому, что когда-то услышал. А если он эту историю подзабыл, можно ее и дописать, и приукрасить. Если же вы имеете дело с профессиональным торговцем, то можете

быть уверены, что он расскажет вам не больше, чем сам узнал пару дней назад от бывшего владельца или посредника-антиквара, коллекционера или аукциониста, или из ненадежных данных Интернета, или из запасников собственного опыта и воображения. Может быть, вещи в действительности не в состоянии нам рассказать больше, чем мы о них уже знаем из других, надежных или ненадежных источников?

Это не так уже потому, что вещи с блошиного рынка, в-третьих, могут быть носителями вербального послания и, таким образом, личным свидетельством. Письма, подписанные открытки, девичьи альбомы со стихами и рисунками, дневники, воспоминания, заполненные фотоальбомы, фотографии с надписями на оборотах, подарки с посвящениями — все содержит информацию, зачастую, казалось бы, заурядную и не оригинальную. Ведь их авторы — простые, ничем не примечательные люди. Но это только видимость. Личные свидетельства могут оказать неоценимую услугу тому, кто интересуется историей повседневности, атмосферой эпохи, опытом обращения «обычных» людей с прошлым.

В-четвертых, ответы, которые дают нам вещи, зависят от нашего взгляда на них и от наших вопросов к ним. И этот взгляд, и эти вопросы могут отличаться от намерений их заказчиков и создателей, от использования их прежними владельцами. Именно таким образом возникают реликвии из предметов, утративших прежнюю функциональность и потребительскую стоимость¹. Именно поэтому книга или картина, прочитанная или увиденная нами в детстве или юности, вдруг, спустя годы и десятилетия, приносит нам весть, которую мы раньше проглядели, — потому что мы сами изменились. Не только книга или произведение искусства, но любой предмет, оторвавшись от «производителя», начинает жить собственной жизнью: «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора»².

В-пятых, наконец, именно потому, что старые вещи были созданы не нами и не для нас, они могут приоткрывать нам неожиданные истории, заложенные в них их создателями и пользователями. В этом смысле предметы могут рассказать нам больше, чем мы ожидаем. Они могут оказаться не покорными нашей воле, своенравными рассказчиками. Вещи могут ввергнуть нас в изумление кукловода по поводу неожиданных возможностей управляемых им марионеток: «В беседе с кукловодом выяснится, что марионетки не перестают его удивлять. Он заставляет марионетку делать вещи, которые невозможно свести к его собственным действиям и которые сам он делать не умеет — даже потенциально»³.

«Большая история» на блошином рынке

Поворотные исторические события недавнего прошлого, так называемая «большая история», то и дело оставляет свои следы вдали от музейных экспозиций и мемориальных комплексов. На блошином рынке можно встретить материальные осколки разных эпох. Предметы исторической значимости и архивно-музейного уровня, как, например, третий рукописный список американской конституции 1787 г., сенсационная весть о находке которого на блошином рынке облетела американские газеты⁴, встречаются там исключительно редко. Чаще это — остатки повседневной предметной среды. Одному из соавторов как-то попала, например, римская легионерская пряжка, которую знакомый итальянский торговец хотел продать «в нагрузку» к баварскому значку участника движения по охране народных традиций. В другой раз среди завалов книжного антиквариата обнаружился французский настольный календарь 1789 г. — первого года Великой французской революции. К сожалению, продавец хорошо представлял себе, что продает, поэтому, когда он назвал цену, осталось только крикнуть с досады и ретироваться.

Но иногда нам везло. Здесь хотелось бы представить читателю несколько предметов с мюнхенских блошиных рынков, имеющих отношение к революциям и войнам с участием Германии в середине XIX — начале XX в. И поразмышлять об их потенциале как исторического источника.

* * *

На столе стоит круглая табакерка из папьемаше диаметром 9,5 см и высотой 2 см. На съемной крышке — карикатура. Посреди огромной мощеной городской площади стоит господин, одетый по моде второй четверти XIX в. — в приталенном фраке и высоко цилиндре. В его позе чувствуется растерянность: он чуть присел от страха и неожиданности, приподняв руки и повернув голову в сторону опасности. Справа от господина (слева от зрителя) на него надвигается отряд русских военных, офицер в двууголке, на коне и с саблей наголо выступает впереди. За ним движутся два ряда гренадеров в киверах с султанами и ружьями наизготовку, позади них виднеются ряды конных кирасиров с пиками. Офицер кричит одинокому прохожему: «Не собираться! Разойтись!» Карикатура называется «Немецкая революция». В самом низу табакерки почти невозможно разобрать очень мелкую и закрашенную по нижнему краю надпись: «У Rota & Rau в Нюрнб-ге». Имелся ли в виду производитель карикатуры или городок Рот под Нюрнбергом (одно из зданий на карикатуре подозрительно похоже на ратушу XVIII столетия в окружном центре).

Мы имеем дело с карикатурой на немецкую революцию 1848–1849 гг.⁵ Одни историки считают ее потерпевшей поражение, другие — не доведенной до конца. Общепризнанно, однако, что эта либерально-буржуазная революция имела

далеко идущие последствия для истории Германии вплоть до середины XX в., поскольку в ней идеи нации и демократии радикально разошлись, в отличие от Франции или США. Последующее объединение Германии (1871) пошло недемократическим путем, как, впрочем, и дальнейшие решения вопросов национального унижения и реванша, вплоть до Второй мировой войны и Холокоста. Но были у революции 1848 г. и свои достижения, в том числе возникновение свободной прессы. Собственно, табакерка как раз и есть воплощение новых надежд и свобод: она свидетельствует о том, что можно было, доставая нюхательный табак, прилюдно продемонстрировать свое отношение к чрезмерному усердию при подавлении революции, жертвой которого мог стать любой ни в чем не повинный немец. Карикатура на табакерке критиковала победителей Наполеона, которые объединились в Священный союз и хозяйничали в Европе, попирая границы. В первую очередь критика адресовалась российскому императору Николаю I, который вновь направился на усмирение бунтовщиков, как и восемнадцатью годами раньше, когда он, получив весть о революции во Франции 1830 г., прервал бал, воззвал к офицерам: «По коням, господа!»

* * *

Стальной кабинетный лоток под канцелярскую мелочь для мужского письменного стола сделан в форме блюдечка диаметром 13,5 см на трех ножках в виде маленьких, размером 8 мм, шариков. Лоток украшен барельефом по мотивам картины Вильгельма Кампгаузена «Наполеон III и Бисмарк наутро после битвы при Седане». Картина была создана в 1878 г. Это произведение принадлежало не к лучшим работам известного немецкого баталиста, профессора и члена Берлинской академии художеств и Венской академии изобразительных искусств. Решающая в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. битва при Седане 1 сентября 1870 г. закончилась сокрушительным разгромом французской армии и пленением Наполеона III. Победа прусской армии при Седане ознаменовала гибель Французской империи и устранение препятствий для создания Германской⁶.

Кампгаузен изобразил канцлера Пруссии и одного из авторов объединения немецких территорий в единое государство Отто фон Бисмарка в военной форме, ботфортах и шлеме. Победитель сидит на стуле, опираясь на саблю, и гордо, сверху вниз, взирает на подавленного и растерянного французского императора, фигура которого мешковато обвисла на стуле. Собеседники сидят на фоне здания, служащего временной темницей венценосного пленника. Слева поодаль стоит группа офицеров из свиты Наполеона III, на заднем плане виднеется карета с кучером на облучке, в которой приехал Бисмарк.

Лоток достаточно точно воспроизводит картину, приспособив композицию к размещению в круге. Барельеф окружен растительным

орнаментом с легким налетом стиля модерн и веткой дуба — дерева немецкой военной славы. Под картиной расположена извивающаяся складками лента для посвящения — на тот случай, если бы лоток был подарком. На нашем лотке плоскость для дарственной надписи не заполнена.

* **

Этот предмет представляет собой музейную ценность. Один из соавторов уверен, что видел его точный аналог в берлинском Германском историческом музее в 2004 г. на выставке, посвященной 90-летию Первой мировой войны. Это детская тарелка с подогревом, созданная знаменитой Вюртенбергской фабрикой металлоизделий (WMF). Эффект грелки обеспечивает металлический поддон с двумя подвижными ручками, в который заливается горячая вода. Завинчивающаяся часть крышки утрачена и заменена пробкой. Металлическое навершие крышки сделано в форме кайзеровского орла. На фарфоровой тарелке изображен пышущий здоровьем, розовощекий, улыбающийся карапуз лет пяти-шести. Он экипирован в униформу германской армии времен Первой мировой войны: на нем развевающаяся длинная серая шинель с латунными пуговицами, патронташной сумкой и окопным ножом на ремне, шлем с шишаком, ранец и сапоги. Под мышкой правой руки он держит винтовку Манлихера.

Датировать детскую тарелку несложно. Штемпель на дне тарелки — бегущий справа налево страус — использовался фабрикой с 1880 до 1925 гг. Однако тарелка могла быть произведена только во второй половине 1914 г., на волне патриотического порыва и убеждения, что пустяшная, не сложнее детской игры, военная кампания закончится до Рождества первого года войны. Войны, которой в действительности будет суждено превратиться в мировую бойню, радикально изменить мир и наложить отпечаток на ход событий всего XX столетия.

* * *

Завершающий презентацию предмет относится к бесславному для кайзеровской Германии концу Первой мировой войны. Овальная металлическая пепельница размером 10,5×7 см произведена и лицензирована во Франции. Пепельница окаймлена гирляндами цветов. С двух сторон ее располагаются ручки — ложа для двух тлеющих сигарет. Однако центр пепельницы противоречит ее назначению: в нем под стеклянной линзой находится миниатюрная фотография железнодорожного вагона, под которым мелким шрифтом по-французски написано: «Компьенский лес. Вагон маршала Фоша, в котором 11 ноября 1918 г. было подписано военное перемирие».

Фактически, ранним ноябрьским утром 1918 г., в разгар революции в Германии и на следующий день после отречения кайзера Вильгельма II от престола, была подписана ее капитуляция⁷. Для патриотически и реваншистски на-

строенных немцев перемирие в Компьенском лесу и последующий Версальский мир стали символом национального позора, одним из воплощений пресловутого «удара ножом в спину» со стороны революционеров и стоящего за их спинами «всемирного еврейского заговора». Поражение в Первой мировой войне стало одной из причин формирования в Германии праворадикальных реваншистских организаций, в том числе гитлеровской НСДАП. Симптоматично, что капитуляция Франции в войне с Германией была подписана 22 июня 1940 г. в том же Компьенском лесу и даже в том же вагоне, что и в 1918 г. Для этого вагон по приказу Гитлера был извлечен через пролом из здания, специально построенного для него в 1927 г. на Поляне перемирия⁸.

Первоначально «сердцевина» пепельницы представляла собой рельефное изображение на металле парусника на волнах с реющими над ним чайками. Неуместность стекла и бумаги в центре пепельницы позволяла с первого же взгляда заподозрить ее более позднее перепродумывание в место памяти об унижении германского политического и национального достоинства. К тому же стеклянный медальон отставал от металлической основы и под ним угадывались какие-то линии. Другими словами, пепельница была переделана ее владельцем (немецким) из банального французского туристического сувенира. Автор переделки нашел для этого стекло и фото подходящего размера или, скорее всего, использовал французский сувенир — нагрудный значок, брелок для карманных часов или ключей с символическим изображением торжества французского военного искусства и политики. Таким способом он, видимо, желал продемонстрировать свое презрение к событиям в вагоне французского адмирала 11 ноября 1918 г.

Подводя итоги

Могут ли представленные читательскому вниманию предметы рассказать нам что-либо о событиях, кроме того, что нам известно из других источников? Конечно, нет. Но эти бытовые предметы демонстрируют нам повсеместное присутствие эмоционально заряженной политической проблематики в повседневной жизни немцев середины XIX — первых десятилетий XX в. С помощью табакерки с пародией на революцию можно было продемонстрировать в мужской компании свое несогласие с политикой Священного союза. Как предмет гордости за военную победу 1870 г. прошлое могло напоминать о себе с помощью лотка на рабочем столе в мужском кабинете. В виде любимой тарелки для мальчика младшего возраста военная тематика витала в столовой или детской комнате. Наконец, настольное место памяти в виде переделанного аксессуара курильщика позволяло по многу раз на дню демонстрировать презрение к акту национального позора, место которому — среди табачного пепла и сигаретных окурков.

Конечно, вещи рассказывают не сами. Их рассказы — это, во-первых, истории об их создании и их создателях. Эти истории сознательно заложены или непредумышленно запечатлены в них людьми, которые их заказали и сделали. Во-вторых, рассказы старых вещей — это истории их использования, в ходе которого их назначение и смысл, а иногда и внешний вид преобразовались. Иногда владельцы этих предметов знают их «генеалогию». Если же владельцы менялись, а вещи не привлекали внимания, то историю о путешествии вещей из рук в руки, из эпохи в эпоху берем на себя мы с вами, люди сегодняшнего дня, если нам это важно и нужно из профессионального или личного интереса. Тогда мы подбираем к ним «ключики» — интересующие нас сегодня вопросы, на которые вещи начинают нам отвечать, то есть позволяют найти адекватные ответы в ходе расследования.

Люди и вещи находятся в сложных и напряженных, но равноправных отношениях. По убеждению французского социолога и философа науки Брюно Латура, «объекты — это не средства, а скорее посредники... Они не передают покорно нашу силу — во всяком случае, не больше, чем мы покорно выполняем их указания»⁹. Человеческое обращение с вещами, включая разговоры или молчание о них, предательски красноречиво. Взаимодействие людей и вещей способно рассказать о людях — об их буднях и праздниках, о публичном и интимном, о надеждах и страхах, о радостях и печалях — больше, чем может представить себе самый словоохотливый рассказчик. В этом контексте метафора говорящей или молчащей вещи перестает быть литературным приемом и становится самостоятельной исследовательской проблемой. Об этом свидетельствует, помимо прочего, «онтологический», или «материальный поворот» (одним из идеологов которого и выступил Б. Латур) в науках об обществе и культуре. Он отражает стремление ученых преодолеть характерное для современной науки и культуры господство языка и противопоставление объекта и субъекта, природы и культуры, тела и разума¹⁰. История блошиного рынка наверняка может внести свой вклад в осмысление места вещи как исследовательского объекта, источника и инструмента.

Примечания

¹ См.: Гodelь М. Загадка даров. М., 2007; Potian K. Der Ursprung des Museums. Vom Sammeln. Berlin, 1993.

² Обоснование этого утверждения в рамках структуралистской парадигмы содержится в известном тезисе Ролана Барта о смерти автора: *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391, цит. с. 391.

³ *Латур Б.* Об интеробъективности // Социолог. обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 93.

⁴ *Kirshenbaum B.* Flohmärkte: Kleine Philosophie der Passion. München, 2003. S. 53.

⁵ О революции 1848–1849 гг. в Германском союзе см.: *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1993; *Speck U.* 1848. Chronik einer deutschen Revolution. Frankfurt am Main; Leipzig, 1998; *Mommsen W. J.* 1848 — Die ungewollte Revolution. Frankfurt am Main, 2000. О карикатуре о революции 1848 г. см.: *Gessler A., Grahl K. H.* Seine Feinde zu beißen — Karikaturen aus der deutschen bürgerlichen Revolution 1848–1849. Berlin, 1962; *Otto U.* Die historisch-politischen Lieder und Karikaturen des Vormärz und der Revolution von 1848/1849. Köln, 1982; Städtisches Reiss-Museum Mannheim (Hg.) Mit Zorn und Eifer: Karikaturen aus der Revolution 1848/49 : der Bestand des Reiss-Museums Mannheim. München, 1998.

⁶ О Франко-прусской войне 1870–1871 гг. см.: *Kolb E.* Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und Friedensabmachung 1870/71. München, 1989; *Förster S.* (Hg.). Moltke. Vom Kabinettskrieg zum Volkskrieg. Eine Werkauswahl. Bonn, 1992; *Epkenhans M.* Der Deutsch-Französische Krieg 1870–1871. Stuttgart, 2020. Популярное введение для ориентирования во франко-прусских отношениях второй трети XIX в. см.: *Сидорчик А.* Глупость в короне. Как Наполеон III помог создать Германскую империю. URL: https://aif.ru/society/history/glupost_v_korone_kak_napoleon_iii_pomog_sozdat_germanskuyu_imperiyu (дата обращения: 20.06.2020).

⁷ Подробнее см.: *Köhler H.* Novemberrevolution und Frankreich. Die französische Deutschlandpolitik 1918–1919. Düsseldorf, 1980; *Kolb E.* Der Frieden von Versailles. München, 2005.

⁸ См.: *Шупер У.* Взлет и падение Третьего рейха : в 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 159–166.

⁹ *Латур Б.* Указ. соч. С. 96.

¹⁰ О состоянии «онтологического поворота в социологии и антропологии» см.: *Пифс С.* Новый взгляд на старые вещи // Museum. 1999. № 4. С. 12–17; Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006; *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М., 2012; *Артюшина А. В., Баранов Д. А., Вахштайн В. С., Вдовченко Е. В. и др.* Незамеченные революции // Антрополог. форум. 2015. № 24. С. 7–89; *Соколовский С. В.* К самим вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология. Вып. 21. 2016. С. 10–35; Российская антропология и «онтологический поворот» / под ред. С. В. Соколовского. М., 2017.

Э. Швабауэр

Историческая память и ее современные формы. Архивы Арользена — Международный центр документации национал-социалистических преследований

Годы все дальше удаляют нас от исторических событий Второй мировой войны. Все меньше становится свидетелей, которые могут рассказать о тех страшных событиях. Память о жертвах нацистских преследований бережно хранится и передается из поколения в поколение в семьях погибших и выживших. Многим из них до сих пор не известна судьба родственников, пропавших без вести на полях сражений, попавших в плен или угнанных на принудительные работы в нацистскую Германию.

Архивы с хранящимися в них документальными свидетельствами того времени играют в настоящее время все большую роль не только как источники информации для выяснения судеб и реконструкции биографий. Исторические документы дают возможность молодому поколению получить обширные знания об этом периоде мировой истории и развивать новые формы для сохранения памяти о жертвах нацистских преступлений.

«Память — основа знаний», — напомнила Джой Спрингер, член комиссии программы ЮНЕСКО «Память мира», в своем выступлении о включении архивов Международной службы розыска в реестр. «Каждое поколение решает, что оно желает помнить и какие воспоминания стереть. Эти решения влияют на наши взаимоотношения в мире», — подчеркнула она.

Международная служба розыска, первоначальной и основной задачей которой на протяжении более 70 лет был сбор документов о преступлениях нацистского режима и поисковая работа с целью выяснения судеб жертв нацизма, в 2019 г. была переименована в Архивы Арользена — Международный центр документации национал-социалистических преследований.

Сохранение памяти, помощь в выяснении судеб пострадавших в годы Второй мировой войны людей остаются актуальными задачами самого большого в мире архива о жертвах национал-социализма.

Употребление множественного числа в названии Архивов Арользена подразумевает собрание нескольких документальных коллекций, отражающих как военное, так и послевоенное время. Это учреждение, в котором хранятся массивы документальных свидетельств о нацистских преследованиях, Холокосте, принудительном труде, а также о судьбах выживших, долгое время оставалось вне внимания общественности как в Германии, где оно находится, так и в других странах. Причиной тому стала история создания и его последующего развития.

После окончания Второй мировой войны миллионы людей во всем мире разыскивали своих пропавших без вести близких и родных. Для

этой цели была создана разветвленная сеть поисковых организаций. Отдельные из них появились по инициативе бывших жертв нацистских преследований. Созданные узниками объединения перед освобождением концлагерей сами пытались спасти от уничтожения нацистами документы, свидетельствующие об их преступлениях. Армии стран-союзниц, по мере их продвижения и освобождения людей от нацистского ига, конфисковывали документы из концлагерей и ведомств нацистской администрации, которые СС не успела уничтожить. Эти документы впоследствии использовались для розыска и выяснения судеб пропавших без вести лиц.

Для координации поисковой деятельности страны-союзницы (СССР, США, Франция и Великобритания) в конце лета 1945 г. основали Центральное бюро розыска. Это бюро, находившееся с января 1946 г. в г. Арользене недалеко от г. Касселя, в федеральной земле Гессен, осуществляло координацию запросов между региональными поисковыми бюро в оккупационных зонах, а также между национальными поисковыми службами. В целях сбора информации Союзническая военная администрация в Германии в начале 1946 г. обязала все местные управления, ведомства, страховые компании, фирмы, бывших работодателей подневольных работников составить списки всех иностранных граждан, которые были зарегистрированы у них в период войны.

Помимо поиска пропавших без вести лиц армии-союзницы во время освобождения Германии и территорий, ранее оккупированных нацистами, столкнулись с еще одной проблемой. Около десяти миллионов человек, так называемых перемещенных лиц (Displaced Persons), репатриация которых была сопряжена с большими трудностями, нуждались в помощи. Большинство из них являлись освобожденными узниками концлагерей, подневольными работниками, евреями, зачастую чудом пережившими преследования нацистов. В числе перемещенных лиц были также десятки тысяч детей и подростков, так называемых детей без сопровождения взрослых («unaccompanied children»). В силу политических причин СССР не признавал статус людей в качестве Displaced Persons. Специальные центры для проживания, больницы и учреждения по оказанию помощи этим людям были созданы в трех западных оккупационных зонах. Большая часть перемещенных лиц нуждалась в поддержке для эмиграции в другую страну, так как не могла представить своего будущего ни в странах прежнего проживания, ни в Европе.

С 1 января 1948 г. Центральное бюро розыска было расширено и преобразовано в Международную службу розыска (МСР), а региональные

бюро розыска постепенно прекратили свое существование. Все документы нацистской бюрократии, которые удалось спасти, а также поименные списки и справки в отношении иностранных граждан, составленные по приказу военного руководства в Германии, были перевезены в Арользен. Следы пропавших без вести лиц сотрудники Службы розыска искали как по документам, так и по маршрутам маршей смерти. В поисках информации о пропавших и похищенных нацистами в Восточной Европе детях они дотошно проверяли документацию органов ЗАГС, прочесывали детские дома и частные домохозяйства немцев. Для розыска детей была создана специальная служба.

Среди выживших взрослых проводились опросы для сбора дополнительной информации о преследованиях национал-социалистическим режимом и массовых преступлениях нацистов. Эти материалы использовались позже в ходе судебных процессов.

Все документы поисковой деятельности организаций — предшественниц Международной службы розыска (ЮНПРА, МОБ, ВКСОГ), а также документация службы розыска детей и оказания помощи перемещенным лицам в первое послевоенное время, вошли в состав архивных фондов МСР.

Руководство МСР до создания в 1955 г. Международной комиссии, которая и по сегодняшний день определяет основные направления работы Архивов Арользена, осуществлялось Администрацией ООН по оказанию помощи и восстановлению. С 1948 по 1951 гг. Международная организация по делам беженцев координировала розыскную деятельность в Арользене, а после своего упразднения передала управление Верховной комиссии союзников по делам Германии. С созывом Международной комиссии, в состав которой входят представители 11 государств, оперативное управление МСР после многократных дебатов было передано Международному Комитету Красного Креста. Комитет осуществлял руководство МСР до 2012 г. С этого времени руководители МСР стали назначаться непосредственно Международной комиссией.

Советский Союз участвовал в процессе сбора и обмена информацией — документальными свидетельствами нацистских преступлений — между странами-союзниками только в самом начале этого процесса, сразу после окончания войны. Поэтому в архиве МСР можно найти только небольшое количество документов из советской оккупационной зоны. Значительно позже, в начале 1990-х гг., в рамках сотрудничества с российскими архивами МСР получила в пользование копии отдельных документов.

Предметно-тематический принцип комплектования архивных фондов был изначально определен задачами МСР. Документальный материал поделен на три основные тематические группы: документы концлагерей, тюрем и мест заключения; документы о подневольном труде; докумен-

ты о перемещенных лицах. Первые две группы отражают нацистскую бюрократию и являются свидетельствами нацистских преступлений, последняя же свидетельствует о положении выживших в первое послевоенное время, а также о деятельности союзнических военных и гуманитарных организаций. Центральная поименная картотека — более 50 млн карточек с архивными ссылками на 17,5 млн человек — является ключевым информационным источником, позволяющим осуществлять поиск документов по именам и фамилиям.

На каждый поступивший в МСР запрос было заведено досье с регистрационным номером (T/D — Tracing and Documentation), их число на сегодняшний день составляет уже более 3,5 млн. Досье содержат входящую и исходящую корреспонденцию с заявителями, а также документацию по осуществленным поисковым операциям как в самих Архивах Арользена, так и в других учреждениях. Если первоначально заявления касались только вопросов розыска и выяснения судеб, то с начала 1950-х гг., когда были произведены первые выплаты компенсаций жертвам нацизма, к ним добавились еще и заявления на представление справок о преследовании нацистским режимом. Документальное подтверждение являлось необходимым условием для обращения с ходатайством о выплате компенсации к руководству созданных для этих целей фондов. Первые общенациональные правовые нормы послевоенной Германии исключали значительную часть жертв в процессе выплаты компенсаций. Лишь в конце 1980-х гг. подлежащими получению компенсации были признаны подневольные работники и другие, так называемые «забытые группы жертв». Этот процесс повлек за собой вторую волну запросов в адрес МСР, куда после окончания холодной войны могли обращаться и жертвы нацизма из Восточной Европы.

До начала 1980-х гг. директора, назначенные МККК, стремясь наладить взаимоотношения и контакты с ассоциациями жертв нацизма и мемориальными комплексами, открыли архив для исторических исследований. Последующее решение о закрытии архива для общественности повлекло за собой серьезные последствия, усложнив и без того проблематичный процесс общественной конфронтации с нацистскими преступлениями и их последствиями. Кроме того, именно в этот период борьба за признание ранее маргинализированных групп жертв национал-социалистических преследований только началась. И именно в это судьбоносное время ни ученым, ни широкой общественности нельзя было проводить исторические исследования о нацистских преследованиях в архиве с огромным потенциалом документального материала.

Лишь в 2007 г., почти 25 лет спустя, в результате многократных протестов со стороны ассоциаций жертв нацизма и широкой общественности архивные фонды вновь стали доступны¹. На сегодняшний день в Архивы Арользена продолжают

поступать запросы от частных лиц, родственников погибших и выживших жертв нацистских преследований. Заявители, в основном второе и третье поколения, пытаются выяснить судьбу своих родных и близких, а также получить информацию об условиях содержания в плену, концлагере или лагере для подневольных работников.

Большое количество запросов и заявок на индивидуальные исследования поступает и от историков, исследователей, общественных организаций, занимающихся сохранением памяти о жертвах нацизма. Школьники присылают запросы в рамках подготовки рефератов, памятных мероприятий и участия в исторических конкурсах. Учителя могут получить архивно-педагогическую консультацию по вопросам использования документального материала как на уроках, так и при проведении внеклассных мероприятий.

Оцифровка документов была начата уже в 1998 г., что позволило на сегодняшний день сделать доступными 26 из 30 млн документов-оригиналов в цифровой форме. Поиск документов в онлайн-архиве² возможен по имени и фамилии, а также по ключевому слову. Так как документы, хранящиеся в Архивах Арользена, разнородны, а их содержание зачастую требует контекстуализации, научными сотрудниками архива было разработано электронное руководство e-Guide³. Оно содержит описание типичных документов (на сегодняшний день — двадцати) в каждой из трех основных тематических групп архива. С помощью электронного руководства можно узнать об истории появления определенного типа документов, о целях и намерениях их авторов, расшифровать имеющиеся сокращения и выяснить отдельные детали их содержания. В скором времени оно будет полностью доступно и на русском языке.

Исторические исследования, образование и сохранение документов для будущих поколений — эти задачи добавились к первоначальным с момента открытия архива. «Здесь люди работают над тем, чтобы ничто не было забыто, чтобы найти имена и сохранить их, они работают над тем, чтобы сохранить человеческое достоинство жертв»⁴.

Сегодня Архивы Арользена тесно сотрудничают с партнерскими учреждениями по всему миру. Проекты и предложения в области науки и образования направлены на обеспечение прочной связи между прошлым, настоящим и будущим.

Научные публикации, семинары, конференции являются неотъемлемой частью нашей работы. Педагогические материалы для преподавателей школ и внешкольных образовательных учреждений издаются как самими Архивами Арользена, так и в сотрудничестве с партнерами. С целью развития новых форм работы с документами и повествования о судьбах людей учреждение тесно работает со специалистами из сектора

информационных технологий и средств массовой информации.

В этой связи организуются общественные кампании, в которые вовлекается широкая общественность. Волонтеры разных стран участвуют с 2017 г. в кампании #StolenMemory («Отнятая память»)⁵. Личные вещи, конфискованные в свое время нацистами у узников концлагерей, все еще находятся в Архивах Арользена и ждут передачи правопреемникам жертв нацизма. Карманные часы, бумажники с фотографиями родных и друзей, обручальные кольца и украшения имеют огромную моральную ценность для семей бывших узников. Организованы передвижные выставки, создан веб-сайт⁶, успешный поиск документируется.

Вторая кампания по созданию «цифрового мемориала» всем жертвам национал-социалистических преследований также предполагает активное участие мировой общественности. На сегодняшний день в инициированной Архивами Арользена акции участвует более 20 тыс. добровольцев самых различных возрастов — от школьников до пенсионеров. На электронную платформу Zooniverse⁷ Архивы Арользена загружают документы из своих фондов. Волонтеры вносят персональные данные жертв нацистских преследований в специально подготовленные электронные формуляры, для того чтобы имена после надлежащей обработки дополнили базу данных. Заинтересованные в участии волонтеры могут с помощью интерактивного электронного пособия⁸ ознакомиться с историческими документами и их особенностями, а также произвести пробную индексацию содержащихся в документах персональных данных жертв нацистского режима.

Таким образом, в результате сотрудничества Архивов Арользена с общественностью будет создан цифровой мемориал жертв нацизма. Участие в его создании может принять каждый желающий.

Крупнейший в мире центр документации национал-социалистических преследований с его архивами стал сегодня не только хранителем памяти о событиях Второй мировой войны, но и инициатором ее новых современных форм.

Примечания

¹ Уникальный архив Холокоста будет открыт для ученых // Deutsche Welle. 2006. 17 мая.

² URL: <https://arolsen-archives.org/ru>.

³ URL: <https://eguide.arolsen-archives.org>.

⁴ Иоахим Гаук, президент Федеративной Республики Германия с 2012 по 2017 гг., речь во время визита в МСР в 2011 г.

⁵ URL: <https://arolsen-archives.org/ru/learn-participate/exhibitions-campaigns/stolenmemory>.

⁶ URL: <https://stolenmemory.org>.

⁷ URL: <https://www.zooniverse.org>.

⁸ URL: <https://arolsen-archives.org/enc-intro/de>.

О. М. Давыдов

Отражение царевубийства 1881 года в епархиальной прессе Урала

Среди множества юбилейных дат, которыми отмечен 2021 г., есть печальная и роковая: 140 лет назад, 1 (13) марта 1881 г., членами террористической организации «Народная воля» был убит царь-освободитель — император все-российский Александр II.

Кровавые события в столичном Санкт-Петербурге в течение года эхом отзывались по всей России. При этом, естественно, в прессе публиковались как официозные материалы, так и отклики простых людей — крестьян, мещан, духовенства, интеллигенции.

В этом отношении интересны епархиальные ведомости — дореволюционные церковные издания, выходившие на местах в каждой из епархий. Такие журналы выходили обычно раз в две недели и состояли из официальной и неофициальной частей. Официальная часть включала в себя тексты, имеющие статус документа — от царских манифестов до финансовых отчетов. В неофициальную часть входили проповеди, миссионерские репортажи, публицистические рассуждения — вплоть до стихов и поэм (вспомним «турнир поэтов», развернувшийся на страницах «Оренбургских епархиальных ведомостей» в 1880-е гг.).

В начале 1880-х гг. Урал был разделен между территориями четырех епархий: Оренбургской, Уфимской, Тобольской и Пермской. В каждой из них имелось собственное епархиальное издание. И каждое издание, особенно в неофициальной своей части, отражало атмосферу епархии. Где-то владыка-архиерей был строг, и его слово оказывалось всегда самым главным «информационным поводом». Где-то журнал был отдан на откуп секретарю епархии или собственно священнику-редактору (нередко эти должности совпадали). Где-то старались почаще упоминать имя влиятельного благодетеля. Наконец, где-то, как, например, в Тобольской духовной семинарии, встречались и зачатки «вольнодумия».

Царевубийство — сенсационное, эмоционально потрясающее событие — послужило медиатором, где-то усиливавшим, где-то, напротив, угашавшим существовавшие тенденции. Их динамику мы и постараемся проследить в статье.

Начнем с «Оренбургских епархиальных ведомостей» (ОЕВ) — в то время «родных» для уездного Челябинска, относившегося тогда к Оренбургской губернии и Оренбургской епархии.

Пятый номер ОЕВ от 1 марта 1881 г., вышедший в день трагедии, снабжен трогательным некрологом — естественно, не по императору Александру (никаких оперативных изменений при тогдашних технологиях внести бы не успели), а по орскому протоиерею Иакову Русанову — старшему родственнику о. Михаила Русанова, пастыря и самобытного народного поэта, печатавшего свои стихи на страницах ОЕВ. Номер также

включает цикл масленичных и великопостных проповедей и печатаемый с продолжением из номера в номер этнографический очерк о свадебных обычаях оренбургских казаков с обрядовыми песнями. Заметим, что издание не выглядит скованным официозными рамками и не чуждо описанию современности. Спасибо редакторам, протоиереям С. Семенову и Н. Сперанскому.

В Оренбуржье того времени собралась плеяда ярких авторов, мыслящих священников. Епархии не хватало только духовной семинарии, она откроется в губернской столице совсем скоро, в 1884 г., и просвещенные пастыри станут ее преподавателями.

Отметим интересную деталь: цензором ОЕВ являлся священник А. Невзоров, также яркий публицист и вместе с протоиереями Семеновым и Русановым — будущий участник «турнира поэтов». В том же самом пятом номере, последнем безмятежном перед трагедией, помещена проповедь о. А. Невзорова, посвященная евангельскому сюжету о блудном сыне. Заботясь о современной молодежи, батюшка призывает пожалеть младшего, блудного сына, принять во внимание его эмоциональность, душевность, толкнувшие юношу на порочный путь, спасти несчастного от крайнего уныния и отчаяния. Как не усмотреть в этом образ молодого «народника»?..

Вероятно, в спешке редактировался и шестой номер ОЕВ от 15 марта 1881 г. Интересно, что начинается он не с императорского манифеста о вступлении на престол Александра III, как следовало бы ожидать, а с перепечатки двух репортажей из столичных газет «Новости» и «Санкт-Петербургские ведомости». При описании деталей трагедии особенно подчеркнута мужество убиенного Александра II, покинувшего после первого взрыва карету, чтобы оказать помощь раненному конвойному.

Остальная часть номера содержит обычные великопостные проповеди, очерк о казачьих свадьбах, описание казусов препятствий к вступлению в брак. И лишь на последних страницах, случайно или намеренно, помещены «Заметки священника» П. Р-ского об исповеди юноши-отцеубийцы, приговоренного к публичной гражданской казни¹. Между царевубийством и отцеубийством возникает очевидная параллель. Батюшка сетует, что юношу, решившегося на тяжкое преступление, таким воспитала среда.

Восьмой номер ОЕВ за 11 апреля 1881 г. открывается манифестом императора Александра III о порядке престолонаследия и регентства в случае «кончины нашей прежде достижения... любезным Наследником (то есть цесаревичем Николаем Александровичем. — О. Д.) совершеннолетия». По счастью, сам Александр III умрет не от рук террористов, но горькая участь достанется его сыну...

В неофициальную часть номера попадает лишь одна великопостная проповедь. Остальные страницы посвящены скорби по убитому императору Александру II. Открывается цикл речью священника С. Сементовского, служившего в Миасском заводе (будущий город Миасс), на заупокойном богослужении по «бозе почившем благочестивейшем императоре Александре Николаевиче». «Люди смуты», «враги порядка, власти и закона» в ней прямо отождествляются с язычниками и «сынами погибели». «Наш почивший страдалец-царь... был истинным последователем крестоносца-Иисуса... Имя царя-освободителя, царя-обновителя, царя-благотворца одним даже освобождением мучеников крепостного гнета будет блистать на страницах истории...» Отметим, что священник высказывается о крепостных крестьянах недавнего прошлого как о мучениках. «Чем больше делал царь-отец благодеяний народу, тем больше возгоралась злоба и зависть врагов...» Батюшка призывает слушающих к покаянию: «Не по нашему ли нерадению расплодился по земле нашей плевелы среди пшеницы — злодеи среди нашего общества?.. Если так, действительно множество содеянных нами лютых привлекло карающую Десницу Божию на неповинную главу благодетеля России...»² Гибель царя, очевидно, сравнивается с искупительной кончиной Христа, за грехи народа Бог наказал неповинного его правителя. Но «царебожия», как это стало называться в XXI в., здесь все-таки нет. Царь не служит «искупителем грехов» народа, он просто принимает кару — в первых рядах, во главе строя. Грехи народа не исчезают при этом, плевелы в обществе необходимо изживать.

Следующие несколько страниц³ посвящены репортажному описанию священником П. С-вым панихиды по убиенному государю в Орске. Император Александр II неоднократно называется «Царем-Мучеником» — оба слова с заглавной буквы, такое написание не встречается более в других рассмотренных нами в этой статье материалах. Панихида в Орске совершалась на 15-й день после убийства императора, но проповедник говорит: «Еще несколько часов — и гробовая доска навсегда сокроет от нас Того, Кем так дорожила и гордилась земля Русская»⁴. Отмечена и панихида, отслуженная 20 марта в Орской городской думе 20 марта. Кстати, 20 марта подписана и сама статья.

Если восьмой номер стал «траурным», то далее тема царевубийства на страницах ОЕВ более не поднимается, за исключением упоминания в манифесте Александра III в десятом номере от 15 мая 1881 г., приуроченном к коронации нового государя. «Посреди великой нашей скорби Глас Божий повелевает нам бодро смотреть на дело... — говорится в манифесте. — Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца...»⁵

Отметим, что на страницах епархиального издания никак не упомянут и ход суда над «народовольцами», нет никаких проклятий убийцам (хотя и сравниваемым с Иудой), призывов к влас-

ти покарать, репрессировать широкие слои вольнодумцев — это не дело Церкви.

Год спустя, 1 марта 1882 г., в пятом номере ОЕВ нет траурных статей, посвященных годовщине со дня царевубийства, однако же имеется «Поучение в день восшествия на Всероссийский престол государя императора Александра III» (автор священник Алексей Коблов)⁶. Поучение выдержано не в траурном, а в торжественном тоне и сконцентрировано на восприятии царской властью иудеями на страницах Ветхого Завета. Интересно, что поучение это все-таки вытеснило другое — «Поучение в день рождения благочестивейшего государя императора Александра Александровича, самодержца Всероссийского», составленное священником Владимиром Ясинским⁷. Напомним, что день рождения Александра III — 26 февраля, а поучение публикуется лишь 15 марта, тогда как поучение в день восшествия его на престол (2 марта) опубликовано в номере от 1 марта.

Отметим еще одно важное умолчание: в траурных материалах ОЕВ практически никак не фигурирует имя правящего архиерея. Все проповеди, послания, поучения подписаны священниками. Между тем Оренбургская епархия отнюдь не вдовствует — с мая 1879 по апрель 1882 г. ее возглавляет епископ Вениамин (Быковский). Он не болен и не стар, ему 60 лет, и впереди еще десятилетие служения на Черниговской кафедре. Однако, если судить по ОЕВ, может создаться обманчивое впечатление, будто владыка царевубийства «не заметил». Очевидно, что это не так, тем не менее слов его в тот момент история не сохранила.

Противоположная в этом отношении ситуация была в Уфимской епархии. Шестой номер «Уфимских епархиальных ведомостей» (УЕВ) от 15 марта 1881 г. открывается ответной телеграммой Победоносцева на скорбную верноподданническую телеграмму преосвященного Никанора, епископа Уфимского и Мензелинского, подписанную также местным духовенством. Вслед за телеграммой обер-прокурора Синода публикуется исходный текст телеграммы, на которую он отвечал.

Затем, несмотря на то что это еще «официальная часть» выпуска УЕВ, следует художественная зарисовка из кафедрального собора Уфы в день присяги новому императору Александру III. Главные ее герои — старик и ребенок, трогательно рассуждающие о присяге государевой в присутствии отца-ключаря. Затем ключарь зачитывает им отправляемую в столицу телеграмму, и старик в слезах восклицает: «Царь почивший-то, ведь он будет мученик у Бога!»⁸ Наконец, следует краткое описание убийства Александра II. По сравнению с ОЕВ, где детальное описание трагедии, напомним, открывало номер, здесь лишь сухое, телеграфное изложение почти без эпитетов: из «брошенных двух снарядов первый повредил экипаж... второй нанес тяжелые раны государю. По возвращении в Зимний дворец Его

величество сподобился приобщиться Святых Таин и в бозе почил. Один из злодеев схвачен». Сообщение подписано «И. д. Уфимского губернатора, действительный статский советник И. П. Шрамченко».

Затем снова идет художественная зарисовка (хотя это все еще «официальная часть») с панихиды, совершенной в кафедральном соборе утром 2 марта (напомним, что в ОЕВ фигурирует панихида в Орске 15 марта). С восьми часов утра губернская столица огласилась колокольным звоном в память об убиенном государе, в 9 утра колокола снова стали собирать народ на молитву, кафедральный собор не мог вместить всех желающих⁹. Перечислялись высокопоставленные лица, оказавшиеся в тот момент в Уфе, такие как член Государственного Совета сенатор Михаил Евграфович Ковалевский, ревизирующий Уфимскую губернию и принявший присягу новому государю в Уфе.

И снова воззвание преосвященного епископа Никанора¹⁰, произнесенное в тот же день. Основная его часть посвящена Александру III, но в финале владыка Никанор призывает, чтобы «пролитая святотатственными руками убийц кровь нашего царя... нового Авеля, вопияла от земли на небо не столько об отмщении, сколько о милости и прощении»¹¹.

Неофициальная часть того же шестого номера УЕВ открывается поучением епископа Никанора, сказанным в девятый день по кончине императора Александра II, неожиданно объемным даже для такого формата издания¹². Рассказывая историю русских царей от Рюрика, владыка переходит к бичеванию пороков современности, когда «десятилетние мальчики стали судьями своих воспитателей... пятнадцатилетние стали бить и даже убивать своих начальников... двадцатилетние... гадают о преобразовании государства на началах социализма»¹³.

Манифест Александра III о восшествии на престол опубликован лишь в седьмом номере ОЕВ от 1 апреля 1881 г. Неофициальную часть его открывает прошлогодний текст — слово в день 25-летия восшествия на престол Александра Николаевича (19 февраля 1880). Текст не подписан, но своей стилистикой, тезисами да и значительным объемом¹⁴ он напоминает предыдущую проповедь владыки Никанора. Помимо прочих современных пороков в нем бичуется еще и дарвинизм.

Перейдем к «Пермским епархиальным ведомостям» (ПЕВ). Епархиальное издание Пермской епархии выходило не раз в две недели, а еженедельно, и не по воскресным дням, а по средам, что отличало его от ведомостей многих других епархий.

Наиболее близким к трагедии 1 марта оказался девятый номер ПЕВ за 4 марта 1881 г., но и в него, очевидным образом, изменения попасть не успели. Неофициальную часть номера открывает «Слово в день восшествия на престол императора Александра II» без указания автора (на-

помним, УЕВ дали аналогичное «слово» за 1880 г. лишь в апреле 1881-го).

Десятый номер ПЕВ за 11 марта публикует в официальной части скупую телеграмму министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова о случившейся трагедии. Основной объем официальной части посвящен отчету о миссии в Восточной Сибири, рядовым постановлениям Пермской духовной консистории, а неофициальная часть включает в себя проповеди и этнографический очерк о городе Березовском Екатеринбургского уезда.

Манифест о восшествии на престол императора Александра III появляется в одиннадцатом номере от 18 марта 1881 г. (немногим позже, чем в ОЕВ и УЕВ). Менее страницы занимают официальные траурные телеграммы, в том числе «Телеграмма государыни императрицы Его преосвященству Вассиану, епископу Пермскому от 7 марта 1881 года»: «Благодарю сердечно [за] выражение ваших чувств [в] нашем общем глубоком горе Ваше преосвященство, начальника губернии и каждое из лиц, подписавших депешу. Мария»¹⁵. Это едва ли не единственное упоминание имени правящего архиерея — епископа Вассиана, в связи с трагедией на страницах ПЕВ.

В двенадцатом номере за 25 марта 1881 г. напечатано анонимное, как и большинство материалов ПЕВ, «Слово в неделю крестопоклонную, в день погребения императора Александра Николаевича»¹⁶. В трогательной траурной проповеди убиенный царь именуется не просто мучеником, но в финале к нему следует обращение как к святому: «Еще раз взываем к тебе, почивший монарх! Взгляни на обильные слезы твоих верноподданных: не все же повинны в твоей крови. Услышь наши стоны и вопли о постигшем бедствии и прости нам нашу виновность и грехи, за которые, может быть, по определению правосудия Божия, [мы] лишились тебя... Вечная память тебе, незабвенный монарх! Прости, прости, прости! Аминь»¹⁷.

В неофициальной части двенадцатого номера также помещены две перепечатки из центральных изданий — «Подробности ужасного события» и «Чувства русского человека при первом известии о кончине государя императора» из славянофильской газеты «Русь». Перепечатки с заголовком «Подробности ужасного события» появляются в тринадцатом и четырнадцатом номерах ПЕВ за 1 и 8 апреля соответственно. В неофициальной части тринадцатого номера перепечатана проповедь столичного протоиерея Иоанна Палисадова, клирика Исаакиевского собора, сказанная на заседании комитета Гостиного двора. Наконец, в тринадцатом номере напечатано «Слово в день погребения в бозе почившего государя императора Александра Николаевича», подписанное протоиереем Евгением Поповым¹⁸.

Протоиерей Евгений Попов — значительная личность в православной истории Западного Приуралья, автор многочисленных книг по нравственному богословию, автор жития святителя

Стефана Пермского. Его брошюра «Всенародная скорбь и молитва по убиенном государе Александре Николаевиче» вышла отдельным изданием в Перми в том же 1881 г.

Тему цареубийства о. Евгений также освещает с позиций нравственного богословия: «Посмотрим на грех цареубийц с точки зрения православной веры. Господь Всевышний в Своем откровении грозно запрещает и перстом касаться к помазанникам Его. Запрещает всякую хульную речь о царе. Вменяет в вину хуление царя даже без свидетелей... в этом случае доносит хулу до слуха Божия птица небесная... К этому преступлению по тяжести близко по тяжести вины только убийство отца или матери. Кара Божия постигнет и цареубийц. Если бы кто из них сверх всякого ожидания и скрылся... будет мучиться своей совестью до самой смерти. Какая, например, кара постигла Пилата-христоубийцу? Пилат с той самой минуты... не знал покоя душевного...»¹⁹

Наконец, рассмотрим «Тобольские епархиальные ведомости» (ТЕВ). Само издание учреждено лишь в 1882 г., поэтому откликнуться оперативно на трагедию цареубийства, естественно, не могло. Однако опубликовало серию статей, посвященных годовщине кончины Александра II.

Анонимный материал «Памяти в бозе почившего государя императора Александра II» печатался в четвертом и пятом номерах за 16 февраля и 1 марта 1882 г. К нему примыкает и очерк «Социализм» в шестом номере ТЕВ. Автор не указан, однако в одном из примечаний сказано, что до перевода в Сибирь он «долгое время проживал в Архангельской губернии»²⁰. В статье анализируется вклад Александра II именно в реформирование церковной сферы. Речь идет прежде всего о новом Уставе духовных учебных заведений, разрабатываемом комитетом под началом владыки Дмитрия Херсонского с 1860 по 1867 г.²¹ Другое важное благодеяние — «освобождение детей церковно- и священнослужителей от обязательного вступления в клир». «26 мая 1869 года последовало высочайшее утверждение... никого из детей православного духовенства отселе не считать лично принадлежащим к духовному званию»²². Автор радуется возможности поповичей поступать в университеты и в военную службу, называя покойного Александра II подлинным царем-освободителем. Отмечено и учреждение при Священном синоде в 1866 г. Особого присутствия по делам православного духовенства, решавшего вопросы финансовой поддержки бедных приходов и сирот — детей клириков²³.

Перейдем к выводам. Каждое из рассмотренных четырех изданий отражает атмосферу соот-

ветствующих епархий того времени, случай цареубийства 1881 г. лишь заостряет тенденции. В Уфе во всем доминируют правящий архиерей и высокопоставленные чиновники (губернатор, сенатор-ревизор) — их деяния и высказывания и составляют единственную повестку церковной жизни епархии. В Оренбурге складывается творческое содружество нескольких священников, которые вскоре станут костяком преподавательского состава открывающейся семинарии и редакции ОЕВ. На страницах ведомостей они публикуют в основном свои же тексты, почти не упоминая имени архиерея. В Перми статьи, возможно, писать некому, редакция предпочитает заменять их столичными перепечатками, однако не может обойти вниманием местного крупного богослова, «старца» протоиерея Евгения Попова. Наконец, авторы из Тобольска останавливаются на той грани реформаторской деятельности Александра II, которая касается быта духовного сословия, хотя часть из этих реформ можно счесть и данью постепенной секуляризации общества.

В отношении народовольцев духовенство, публиковавшееся на страницах епархиальных ведомостей, испытывает скорее не ненависть, а жалость: во всем виноваты среда и вошедшие в моду социализм и дарвинизм.

Наконец, убитого императора Александра II без смущения называют «царем-мучеником», едва ли не причисляют его к лику святых — но это, скорее, метафора, чем вероуचितельное высказывание.

Примечания

¹ Оренбург. епарх. вед. 1881. 15 марта. С. 246–248.

² Там же. С. 298–301.

³ Там же. С. 302–307.

⁴ Там же. С. 306.

⁵ Там же. С. 366.

⁶ Там же. С. 182–186.

⁷ Там же. С. 217–219.

⁸ Уфим. епарх. вед. 1881. 15 марта. С. 178.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 179–181.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² Там же. С. 185–200.

¹³ Там же. С. 197.

¹⁴ Там же. С. 213–214.

¹⁵ Перм. епарх. вед. 1881. 18 марта. С. 121.

¹⁶ Там же. С. 125–128.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Там же. С. 144–148.

¹⁹ Там же. С. 147–148.

²⁰ Тобол. епарх. вед. 1882. 16 марта. С. 87.

²¹ Там же. С. 65–67.

²² Там же. С. 68–69.

²³ Там же. С. 88–89.

В. Г. Кокоулин

Покорение космоса в политике исторической памяти советского периода и в постсоветской России

По данным различных социологических опросов, проводимых в последние годы, второе место среди значимых событий российской истории XX в. после победы в Великой Отечественной войне занимает полет в космос Юрия Гагарина. В 2021 г. исполнилось 60 лет этому событию. Однако трактовка и восприятие темы освоения космоса в современной России претерпели значительные изменения по сравнению с советским периодом.

Политика исторической памяти о покорении космоса в советский период стремилась закрепить в массовом сознании несомненные приоритеты Советского Союза в научно-технической гонке, которая развернулась в мире в годы холодной войны. При этом полностью опускался контекст этих событий, а также военно-политический аспект данной темы.

Космос и его освоение были предметом гордости советских людей. Многие подростки тогда мечтали стать космонавтами. Страна по праву гордилась достижениями и победами, героизмом и мужеством советских космонавтов. Выпускали марки и открытки, посвященные космонавтам и космическим кораблям, все знали, кто такие Юрий Гагарин и Герман Титов, Валентина Терешкова и Светлана Савицкая, Алексей Леонов и Сергей Королев. В советских школьных учебниках о космосе рассказывалось как о выдающемся достижении науки и техники второй половины XX в.

Так, в учебнике истории СССР для десятого класса, вышедшем в 1981 г.¹, тема освоения космоса помещена в параграф «Развитие культуры и науки в 60-х годах», подробно рассказывается о запуске первого спутника и полете первого космонавта, первом пилотируемом полете и посадке советской автоматической станции «Венера-4» на планету Венера и т. п. Риторика текста — торжественная, с обилием эпитетов: «60-е годы войдут в историю советской науки как великая веха на ее победном пути»; «выдающиеся достижения советской науки в освоении космоса»; «славный сын советского народа Юрий Гагарин»; «волнующее событие» (о полете Гагарина); «Утро космической эры» — такими словами передовое человечество определило смысл и значение этой величайшей победы»; «новая победа советской космонавтики» (о пилотируемом полете и выходе Алексея Леонова в открытый космос); «советская страна потеряла верного сына, который своим бессмертным подвигом прославил ее творческий гений» (о гибели Ю. А. Гагарина); «Гагарин навсегда останется не только в благодарном сердце советского народа, но и в сознании всего прогрессивного человечества»; «Советский Союз настойчиво в широких масштабах и на все более высоком научно-техническом уровне продолжал освоение космоса» и т. д.²

Следует отметить еще один момент. До полета Гагарина в космос в Советском Союзе были популярны научно-фантастические романы о покорении космоса. Конечно, эти книги носили яркий идеологический оттенок. Например, в повести Георгия Мартынова «Планетный гость», написанной в том же году, когда был запущен первый искусственный спутник Земли — советский космический аппарат «Спутник-1», автор описал посещение земли гостем с далекой планеты, на которой уже был построен коммунизм. Советским бестселлером на космическую тему стал роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Действие романа происходит в далеком будущем на объединенной Земле, на которой живут свободные советские люди, построившие коммунизм. Советские граждане зачитывались и романом братьев Стругацких «Страна багровых туч» о первой экспедиции на Венеру.

Однако после полета Гагарина в космос интерес к космической фантастике несколько угас, поскольку мечты уже становились былью. Писатели-фантасты попытались развить эту тему в другом направлении, сочиняя романы о галактических войнах. Но после того как Сергей Снегов написал фантастическую трилогию «Люди как боги», его обвинили в пропаганде «чуждой идеологии». Романы его не запретили, но и особенно не популяризировали. Других ярких произведений на эту тему так и не появилось.

Если обратиться к другому инструменту формирования исторической памяти — документальным и художественным кинофильмам советского периода, — то необходимо отметить следующий факт: эпоха популярности кинофильмов совпала с периодом потери интереса у писателей к научной фантастике о космосе. Произшла своеобразная передача эстафеты от книг к кинокартинам. Пионерским фильмом стала кинокартина «Солярис» режиссера Андрея Тарковского, вышедшая на экраны в 1972 г. Ее сюжет состоит в попытке установить контакт с разумной планетой Солярис. Фильм был достаточно сложным для восприятия, насыщен философскими и психологическими моментами. Фильмом для подрастающего поколения стала кинокартина «Москва — Кассиопея» режиссера Ричарда Викторова, появившаяся в 1974 г. на экранах кинотеатров. Конечно, это была картина не совсем о космосе. Космос — это все еще фантастика. Это картина о тогдашних школьниках, которые постоянно попадали в сложные ситуации и должны были как-то выпутываться из них. В 1975 г. был снят еще один кинофильм — «Большое космическое путешествие» по сценарию Сергея Михалкова. В нем подростки отправились в полет и должны были действовать без помощи взрослых. И они успешно справились с заданием. Правда, в конце

фильма выяснилось, что все происходило на земле и подростки никуда на самом деле не летали. Но до конца фильма это было не известно. Не только герои этих фильмов, но даже отдельные их выражения были популярны среди советских школьников (такой стала, например, фраза «Спокойно Маша, я — Дубровский!» из фильма «Большое космическое путешествие»). В 1979 г. на экранах советских кинотеатров показали советско-польский фантастический фильм «Дознание пилота Пиркса», в котором главный герой, опытный космонавт, должен был оценить, может ли робот быть членом космического экипажа. Причем он не знал, кто из его команды робот, а кто — человек.

Этот аспект космической темы в советской политике исторической памяти был практически единственным. И «космическая гонка», и военно-политические аспекты данной темы были полностью закрыты как в научном, так и в пропагандистском дискурсе. Конечно, фантастика о космосе в какой-то степени повысила интерес к профессии космонавта, однако в реальности их будни, напряженные тренировки, порой на неделю человеческих возможностей, и многое другое попросту было запретной темой. И если бы кто-то попытался приоткрыть завесу, то на страже стояла цензура, которая блокировала освещение нежелательных аспектов.

Однако одна линия в советской пропаганде проводилась очень отчетливо. Космос изображался как достижение социалистической системы в целом, как успех, достигнутый в результате победы Великого Октября, как проявление мудрости коммунистической партии и ее руководителей, символ преимущества советской науки и системы образования. Даже ходил такой советский анекдот. Американец: «Русские вышли в космос. У них, оказывается, есть секретное оружие». — «Какое?» — «Их школьное образование».

* * *

Переформатирование исторической памяти о космосе произошло в период перестройки. «Прцветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ», виновником «страданий» которого были объявлены Сталин и сталинский режим. Основные усилия публицистики и историков направлялись на выявление белых пятен советской истории. Тема освоения космоса явно не вписывалась в эти тенденции.

Интересно обратиться к освещению этой темы в учебнике «История Отечества», вышедшем в 1992 г.³ Полет в космос по-прежнему остается значимым событием российской истории XX в., о полете Гагарина авторы учебника сообщают, что «это была триумфальная победа советской науки и техники». Но одновременно отмечается, что полеты в космос имели политико-пропагандистский аспект (как «яркое достижение научно-технической революции»), а также военно-политический (цитируются слова Н. С. Хрущева, сказанные после июньского 1957 г. пленума ЦК

КПСС: «Оружие прежних войн — линкоры, самолеты, танки — устарело; ракеты — это оружие сегодняшнего и завтрашнего дня»⁴).

Но уже вскоре тема освоения космоса ушла на обочину политики исторической памяти. Возьмем, к примеру, учебник, выпущенный двумя профессорами Новосибирского государственного университета в середине 1990-х гг. В качестве основы «концептуальных построений» авторы учебника позаимствовали популярную в то время тему тоталитаризма. Но если в научных дискуссиях эта тема сводилась в основном к сравнению сталинского СССР и гитлеровской Германии, то авторы учебника, не мудрствуя лукаво, распространили понятие «тоталитаризм» на весь советский период, отождествив коммунизм и нацизм. Поскольку космическая тема не вписывалась в их «теорию», они ее полностью исключили из учебника. Не упоминается даже о полете Ю. А. Гагарина, не говоря уже о других страницах советской космической эпопеи⁵.

В последние двадцать лет эта тема вновь становится актуальной. Но поскольку явных успехов в освоении космического пространства современная Россия продемонстрировать не может, политика исторической памяти занялась дискредитацией советской космонавтики. Правда, делается это более тонкими методами, чем, например, в годы перестройки, когда шла дискредитация Сталина, или в 1990-е гг., когда занимались шельмованием всего советского.

Проанализируем, например, документальные фильмы, снятые по заказу Роскосмоса: «Первые на Марсе. Не спетая песня Сергея Королева», «Битва за “Салют”», «Он мог быть первым. Драма космонавта Нелюбова», «Женский космос», «Алексей Леонов: поединок на орбите» и др. Упор в этих фильмах делается на то, что космические ракеты — это уже не достижение научной и инженерной мысли и, разумеется, не проявление преимуществ советского строя, а продукты политической борьбы, гонки вооружений с Америкой, при которой человек — лишь игрушка в руках политического руководства, стремящегося доказать миру, что мы лучше американцев. Отсюда — ракурс показа. Не достижения, не успехи, а те или иные проблемы, связанные с космической техникой. Советские ракеты изображаются как чрезвычайно опасные «консервные банки», слепленные на скорую руку, — лишь бы не допустить первенства американцев. Настойчиво, хотя и неявно, проводится мысль о том, что если и были достижения, то они — случайны и связаны со «сверхгероизмом» космонавтов, якобы знающих, что они «обречены» в случае неудачи.

Аналогичная картина представлена в художественных фильмах. В 2013 г. была показана кинокартина «Гагарин. Первый в космосе» режиссера Павла Пархоменко. Вот на экране улыбающийся деревенский простак, долженствующий изображать Юрия Гагарина; в обнимку с валидолом — главный конструктор Сергей Королев;

пара наигранных проблем с космической ракетой, которые герой запросто решает; Никита Хрущев в расшитой украинской рубашке руководит страной; Левитан, у которого «работают все радиостанции страны». Обыграли и фразу «Поехали!», которую герой вымученно произносит, разместившись в ракете, которая начала «баракхлить» уже на старте.

Если судить по этому фильму, то можно сделать вывод, что Гагарин совершенно случайно попал в ряды космонавтов, и вообще только потому, что плохо сажал самолет в летном полку. Ни упорства в тренировках, ни целеустремленности, ни смелости и даже отчаянности первооткрывателя космоса не показывают. Вместо этого — инфантильный парень из глубинки с белозубой улыбкой. Наверное, именно таким автор фильма и представляет себе Гагарина, который был кумиром миллионов, а в кинокартине он должен был сыграть роль агнца, которого сумасбродные советские руководители отправляют на заклание во имя политических целей.

Следующий фильм на космическую тему — «Время первых» режиссера Дмитрия Киселева, показанный в 2017 г. Кинокартина носит явный антисоветский характер. Какие-то глупые партработники поручили бездарным и непутевым советским инженерам показать всему миру ценой человеческих жизней «величие Советского Союза». Герой Советского Союза генерал Николай Каманин, в реальной жизни спасавший застрявших во льдах челюскинцев, показан кровожадным монстром, которому наплевать на космонавтов, лишь бы отчитаться перед начальством, что «мы обогнали американцев». Не лучше показан и конструктор космических кораблей Сергей Королев, причем время от времени подчеркивается, что он был репрессирован властью, являлся «врагом народа». Итак, советская система бездушна, нет своих идей, технологий и инфраструктуры. Все под колпаком вездесущего КГБ: ошибетесь — всех посадим. Кругом враги и вредители, хотя главный враг все же Америка, которую непременно надо обогнать. А за счет чего же тогда достигнуты успехи? Оказывается, горстка фанатиков смогла совершить подвиг вопреки всем ужасам Советского Союза.

В том же году на экраны вышла кинокартина «Салют-7» режиссера Клима Шипенко. Сюжет кинокартины — ода безалаберности, управленческому бардаку и анархизму космонавтам. Вместо показа неустанной работы по подготовке лучших космонавтов в мире, постоянного слаженного сотрудничества тысяч инженеров и конструкторов, создающих передовые технологии, показаны авантюризм, лихачество и недисциплинированность. Это подчеркивается и диалогами главных героев. Вот рассуждения в Центре управления полетами: «Ах, зачем мы направили туда парней?», или «Стоят ли их жизни 20 тонн металла, которые болтаются в космосе?»

Достаточно сравнить эти фильмы с американскими кинофильмами на эту тему. Так, амери-

канский фильм 1995 г. «Аполлон-13» показывает, что лишь совместный коллективный труд позволяет достичь результата. Постоянно повторяется фраза: «Астронавты на виду, про них знают все, но за кадром телевизионных репортажей остаются сотни людей, без работы которых невозможно достичь нужного результата». Американцы, которых мы считаем индивидуалистами, показали слаженную работу всех служб на земле и в космосе. Родственники космонавтов и все их знакомые переживают за них и гордятся ими. А что на эту тему говорится в российском фильме «Салют-7»? Жена советского космонавта спрашивает его: «Что ты там забыл, в этом космосе, что променял нас на него?» Более того, показана починка космического корабля с помощью кувалды: сюжет, взятый из антироссийского штампа в фильме «Армагеддон».

В учебниках истории 2000-х гг. космическая тема окончательно перемещается в раздел международной политики. Так, о запуске первого советского спутника в учебнике истории, изданном в 2012 г., рассказывается в пункте «СССР и конфликты в Азии, Африке и Латинской Америке». После сообщения о военном конфликте в Египте в 1956 г. авторы пишут следующее: «Запуск в 1957 г. первого в мире искусственного спутника Земли стал наглядной демонстрацией всему миру существования в СССР межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных быть носителем ядерного оружия. Успех советской научно-технической мысли послужил основой проведения Советским Союзом еще более жесткой политики»⁶. Краткое упоминание о полетах Гагарина и Терешковой сопровождается следующим комментарием: «Успехи СССР были восприняты как грандиозная победа в соревновании с Западом»⁷.

* * *

Изменения в политике исторической памяти о космосе подтверждает и анализ открыток и плакатов, посвященных космосу в советское время и в современной России. А также и изображение первого космонавта планеты Юрия Гагарина.

На советских открытках полеты в космос четко увязываются с Октябрьской революцией, подерживая тезис советской политики исторической памяти о полетах в космос как достижении советского строя. На шлеме Гагарина в постсоветский период исчезает надпись «СССР».

Таким образом, трансформация политики исторической памяти об освоении космоса четко отражает внутри- и внешнеполитические реалии времени формирования этой политики: советской, перестроечной и постсоветской.

Примечания

¹ История СССР (1938–1978 гг.) : учеб. для 10 кл. / под ред. М. П. Кима. М. : Просвещение, 1981. 255 с.

² Там же. С. 205–208.

³ *Островский В. П., Старцев В. И., Старков Б. А., Смирнов Г. М.* История Отечества : учеб. для 11 кл. сред.

шк. М. : Просвещение, 1992. 287 с.

⁴ Там же. С. 164, 165.

⁵ *Исупов В. А., Кузнецов И. С.* История России с 1917 года до наших дней : учеб. кн. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1996. 185 с.

⁶ *Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А.* История России. XX — начало XXI века : учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. М. : Рус. слово, 2012. 400 с. С. 259.

⁷ Там же. С. 263.

В. Д. Павленко

Шестьдесят лет спустя: 1961 год в моей жизни

1961 год богат событиями в стране и в моей тоже. Он ворвался ко всем в нашем многонациональном государстве первым полетом советского человека в космос, новой программой партии о строительстве коммунистического общества. Я же продолжал работать на знаменитом на всю страну тракторном заводе.

Третий год, как я, деревенский мальчишка, жил в Челябинске. По окончании технического училища, получив специальность шлифовщика, трудился на ЧТЗ. Шло становление и характера, и жизненной позиции. Несколько застенчивый паренек постепенно вливался в заводской коллектив. Самый юный станочник набирался производственного опыта и постигал житейскую мудрость. Соседи по участку были люди взрослые, многие из них трудились здесь в годы Великой Отечественной войны. В дизель-моторном цехе № 2 было много молодежи. Ее волновали различные проблемы цеха: экономия электричества, чистота рабочего места, контроль над бригадой слесарей-ремонтников, организация рейдов по экономии сжатого воздуха. В стране началось движение за звание «Бригада коммунистического труда», «Ударник коммунистического труда». Комсомольская организация цеха была одной из застрельщиц этих движений. Мы, заводчане, принимали активное участие в субботниках на стане «2300». Это были по-настоящему народные стройки. Народные дружины тоже примета того времени. В субботние и воскресные дни мы дежурили на территории 5-го микрорайона. Особенно проблемным местом для нас был болотистый пустырь, где сегодня стоит целый городок «Горки».

В школе и в училище моя комсомольская деятельность ограничивалась своевременной уплатой взносов и посещением собраний. Комсомольское бюро цеха быстро включило меня свои дела. Я стал группкомсоргом двух участков, отвечающим за два десятка комсомольцев, за их активное участие в собраниях, различных мероприятиях и, конечно, своевременную уплату взносов. Интересен тот факт, что из группы двое юношей в дальнейшем стали: один партийным работником городского уровня, другой — почти на двадцать лет директором крупнейшего оборонного завода.

В 1950–1960-е гг. в стране важное место занимало партийно-комсомольское политпросвещение. И мне, 19-летнему юноше, поручили вести кружок «Коммунизм — практическая задача нашего поколения». В кружке занимались парни и девушки, которые не учились в школе или ин-

ституте. Для руководителей кружков проводились встречи с пропагандистами города. Общение с маститыми лекторами стало настоящей общественно-политической школой, пригодившейся затем в армии, во время учебы и работы в институте.

1961 год стал для меня самым интересным и многогранным в понимании жизни. Он начался с денежной реформы, с «новых» денег. На сессии Верховного Совета СССР первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров Н. С. Хрущев объяснял ее преимущество: «Теперь бывает так: лежит копейка на тротуаре, иной человек проходит и не нагнется, чтобы поднять ее. А когда будут новые деньги, копейка не будет валяться, ее обязательно поднимут, ведь это коробка спичек». Деньги выпустили меньшими по размеру, что, безусловно, было удобней для повседневных расчетов и служило одним из оправданий проводившейся реформы. Народ сталинские деньги (1947) называл «портянками», а новые хрущевские стали называть «фантиками». Лицевую сторону казначейских билетов СССР образца 1961 г. выполнили художники С. А. Романский и Ю. А. Лукьянов, а обратную — И. И. Дубасов.

Еще до денежной реформы я обладал полномочиями получать аванс на всех рабочих участка. Кассир тетя Дуся, предупрежденная об этом, спокойно выдавала мне всю сумму. Я расталкивал деньги по всем карманам, все, что не вместились, нес в руках. И вот пришло время получать аванс новыми купюрами. Возвращаюсь от тети Дуси на участок — и разжимаю кулак. Мои друзья в недоумении: «Что, кассир не выдала аванс?» Отвечаю: «Выдала». «А где деньги?» — спрашивают они. Постепенно народ стал привыкать к новым «фантикам», но когда рабочие уходили в отпуск и особенно уезжали в сельскую местность, просили купюру в 100 руб. не выдавать, иначе в деревне ее не разменять. Время пенсионеров в сельской местности еще не пришло. И деньги появлялись у сельчан, когда они по осени продавали мясо и сельскохозяйственную продукцию с приусадебных участков. Расчет с колхозниками производился по завершении уборочных работ и выполнении государственных поставок. В магазинах нередко можно было увидеть амбарную тетрадь, куда заносились долги покупателей. Бывали случаи, когда продавец отказывал сельчанину из-за большой задолженности.

Свободное время мы, молодые заводчане, часто посещали кинотеатры «Кировец», «Спар-

так», «Октябрь», «XXX лет ВЛКСМ», «Родина», «Комсомолец», им. Пушкина. И, как правило, смотрели по два-три фильма в неделю. Дело в том, что телевизор тогда еще не стал популярным из-за малочисленности программ и их повторяемости, слабой зрелищности: малый экран, нечеткая картинка. В районе парка им. Ю. Гагарина (тогда он назывался просто парком) у завода была лыжная база, и мы в свободное время ходили кататься на Монахи.

12 апреля 1961 г. после смены иду в кино-театр «Комсомолец». Перед сеансом показали киножурнал «Наука и жизнь», рассказали о будущих полетах в космос и подготовке к ним человека. Посмотрев кино, возвращаюсь в общежитие в Кирггородок-2. По дороге встречаю знакомых, которые, улыбаясь, спрашивают: «Знаешь?» Мотаю головой и иду дальше, в общежитии задают тот же вопрос. И только в комнате я спросил: «А что надо знать?» И ребята хором кричат: «Наш человек в космосе — Юрий Гагарин!»

Под впечатлением от такого исторического события я подал заявление о вступлении в партию. Откуда взялась смелость у меня, 19-летнего деревенского паренька? До сих пор не знаю. На следующий день состоялось комсомольское собрание, и мне дали единогласно комсомольскую рекомендацию. 21 апреля ее утвердил заводской комитет ВЛКСМ. Одновременно оказавшись в списке лучших комсомольцев, 24 апреля заполнив анкету для вступления в партию, я включился в соревнование за звание «Ударник коммунистического труда». 23 мая состоялось открытое партийное собрание с повесткой дня: «Прием кандидатом в члены КПСС т. Павленко В. Д.». Постановление собрания гласит: «Принять т. Павленко кандидатом в члены КПСС». 2 июня на парткоме завода я был принят в кандидаты в члены КПСС, а 7 июня мне вручили кандидатскую карточку.

В июне завершался курс партийно-комсомольской учебы. Успешно прошли зачеты, и 17 июня был устроен вечер пропагандистов. Осуществлена первая попытка как начинающегося пропагандиста поместить заметку в заводской газете «За трудовую доблесть», в которой отметил недостатки и трудности молодых пропагандистов комсомольской политической сети. Редакции газеты было предложено на ее страницах организовать обмен опытом лучших пропагандистов, партийным и комсомольским организациям больше внимания уделять их учебе. Заметка была напечатана 20 июня 1961 г.

30 июля 1961 г. в газетах «Правда» и «Известия» был опубликован текст проекта программы КПСС о построении коммунистического общества, с тем чтобы население страны могло ознакомиться с ним и высказать свои предложения и замечания. В общей сложности на партийных конференциях и собраниях трудящихся страны, посвященных обсуждению этого документа, присутствовало почти 44 млн человек. Рабочие дизель-моторного цеха № 2 проявили активность в

изучении данного программного документа. Были организованы читки. Мне, парню со средним образованием, довелось принять самое активное участие в разъяснении данной программы. В обеденный перерыв мне приносили ящик и газету, и я в оставшееся от обеда время должен был читать текст программы. Особый интерес у рабочих вызывала ее вторая часть — задачи коммунистической партии по строительству коммунистического общества, где говорилось о подъеме материального благосостояния народа. Иногда возникали вопросы, и мы пытались сами найти ответы. Так, почему-то некоторым хотелось иметь несколько костюмов, шапок или пальто. Ответ находили молниеносно: «Зачем тебе столько костюмов или шапок? Что, ты их сразу все будешь носить?» И чтение продолжалось. Меня не отпустили даже играть в волейбол. 11 августа состоялось комсомольское собрание, где я был председателем, и мы коллективно обсуждали проект программы КПСС. Проводились митинги в ее поддержку.

По окончании технического училища я был обязан отработать три года на производстве, и только потом меня могли призвать в армию. Возраст родителей заставил меня обратиться в Тракторозаводской райвоенкомат с просьбой призвать на действительную службу. 13 июля получил повестку из военкомата. 21 сентября состоялось вечер призывников, где была интересная встреча с родителями молодого гвардейцев Любы Шевцовой и Майи Пегливановой. 29 сентября прошел комиссию в военкомате и был зачислен в 34-ю команду строительно-монтажных войск. Отправка через два месяца.

На заводе как бы и не замечали моего призыва в армию, 8 сентября на комсомольском собрании цеха избрали неосвобожденным секретарем комсомольской организации, назначили пропагандистом, агитатором на избирательный участок. Прошла череда отчетно-выборных комсомольских собраний на участках, отчетов перед завкомом ВЛКСМ и подготовки списков слушателей кружка.

Приятной новостью 13 октября стало присвоение нашему участку звания «Участок коммунистического труда». На основе автоматизации и механизации, совершенствования технологии коллектив цеха добился определенных успехов в увеличении выпуска и качества продукции. С целью повышения качества коленчатого вала была изменена его конструкция. С внедрением скоростных режимов повысилось качество шлифования деталей, что дало возможность перейти на новый ГОСТ с более жесткими техническими требованиями по чистоте обработки коренных и шатунных шеек вала. Свой ударный труд на производстве труженики цеха успешно сочетали с учебой. Семнадцать человек получили среднетехническое образование, кроме того, в период соревнования каждый второй работник был охвачен различными формами обучения. По итогам за май 1961 г. дизель-моторному цеху № 2 было

вручено переходящее Красное знамя. Боролись мы за него год и десять месяцев.

Те, кто участвовал в соревновании за звание «Ударник коммунистического труда», кроме производственных успехов должен был овладеть двумя-тремя специальностями, работать без контролера, имея свое личное клеймо. Необходимо было повышать свой образовательный уровень, активно участвовать в общественной жизни, бороться с пережитками прошлого, проявлять товарищескую взаимопомощь в работе и быту. 17 октября, в день открытия XXII съезда КПСС, мне присвоили звание «Ударник коммунистического труда», то есть через пять месяцев и двадцать два дня. Так вышло, что именно в это время я посмотрел кинофильм «Коммунист» с Евгением Урбанским в главной роли и вскоре встретил его на улице (он приезжал в Челябинск на гастроли). И теперь мне, 20-летнему молодому человеку, стало ясно, с кого брать жизненный пример.

Закончился партийный съезд, но газеты продолжали публиковать отклики на проект программы КПСС. 31 октября меня вызвали в редакцию заводской газеты «За трудовую доблесть» и сфотографировали за чтением программы. Под снимком стояла подпись: «Рихтовщик дизель-моторного цеха № 2 Владимир Павленко, выражая мысли и чувства всех тракторостроителей, говорит: “Читая программу КПСС, еще ярче видишь силу и величие страны, и ее светлое будущее”». Мы, 20-летние ребята, верили в лучшее будущее. Перед нами открывались возможности учиться, работать в дружных коллективах, заниматься общественной работой, быть полезными стране.

13 ноября провел последнее занятие кружка и в этот же день получил повестку из военкомата об отправке нашей команды. Через день получил расчет. В последний день в цехе комсомольское бюро устроило мне проводы: вручили почетную грамоту, книги и «Наказ призывнику», подписанный четырехугольником — директором Г. Зайченко, секретарем парткома В. Федотовым, председателем завкома профсоюза А. Федоровым и секретарем комитета ВЛКСМ В. Кучкиным. Наказ был со мной повсюду — и в армии, и потом в вузе, — и через 60 лет я его передал в ОГАЧО.

30 ноября 1961 г. в 21:35 на вокзале меня провожали в армию дружная комсомольская семья и самый близкий мой человек — мама. Проводы затянулись, и ответственному капитану

А. Ф. Юсупову пришлось несколько раз напоминать о том, что состав отправляется. Через четыре дня поезд с 119 призывниками с Южного Урала прибыл на какую-то железнодорожную станцию. Перед нами предстали черные двух- и трехэтажные дома. Мы долго пытались узнать у местных жителей название станции, а они повторяли нам непонятное слово «Няндом». Много лет спустя я узнал, что мы были первостроителями космодрома «Плесецк».

4 декабря в 21:30 я первым из вновь прибывших призывников прошел через охраняемые ворота своей части и оставался за ними три долгих года. Когда нас переодели в солдатскую форму, мы не узнали друг друга. После дороги удалось отдохнуть, так как 5 декабря был День Конституции — праздник.

7 декабря меня избрали секретарем комсомольской организации учебной роты. Первые дни для меня начались с рутинной канцелярской работы: со сбора учетных комсомольских карточек, членских взносов, подготовки и приема в комсомол и даже персональных дел. 10 декабря я участвовал в работе первой комсомольской конференции гарнизона. Мне ее проведение понравилось, оно отличалось от подобных мероприятий на гражданке.

31 декабря, последний день 1961 г. Организовали вечер, проводили конкурсы, пели песни, читали стихи и даже танцевали. Ребята постепенно стали привыкать к условиям армейской жизни и даже с юмором вспоминали марш-бросок на 8 км. В 24 часа по челябинскому времени пришел полковник, и мы дружно подняли кружки с водой за наш уральский Новый год (1962).

Тот опыт, который я вынес с производства, из рабочего коллектива, стал для меня главной опорой как в армии, так и в дальнейшей жизни. И спустя 60 лет я с уверенностью могу сказать, что жизнь удалась благодаря тому, что я начал свой жизненный путь с рабочей профессии. Все это помогало мне выстраивать отношения с людьми, с самим собой и коллективами, в которых трудился.

Я достойно отслужил три года. В памяти остались навсегда название северного космодрома «Плесецк» и более 50 лет, отданных подготовке учительских кадров в педагогическом институте-университете.

А. А. Утевалиева

Исторический полет в космос в памяти оренбуржцев

День 12 апреля 1961 г. навсегда вошел в историю мира как важнейшее событие минувшего столетия, а полет Ю. Гагарина стал огромным триумфом: каждый гражданин Советского Союза чувствовал сопричастность к этому великому событию. Гордость за страну переполняла сердца соотечественников. Миллионы людей, от мала до

велика, не скрывали своего восторга: «Такого еще не было!», «Человек в космосе!»

Этот день навсегда остался в памяти старшего поколения оренбуржцев, ведь не кто-нибудь, а «наш Гагарин» полетел в космос. Юрий Алексеевич окончил Оренбургское авиационное Краснознаменное училище, именно в нашем городе

он принял боевую присягу, освоил летное мастерство, получил сначала курсантские, а потом и офицерские погоны, создал семью. Оренбургский поэт А. Возняк напишет:

Весна шумела на бульварах,
Деревья набирались сил...
Мой город — молодой и старый,
Ты помнишь, как курсант Гагарин
По нашим улицам ходил...

Ю. А. Гагарин фигурирует среди деятелей прошлого, оказавших влияние на ход истории страны, а первый полет человека в космос упоминается среди поворотных событий прошлого. Каждая эпоха оставляет в памяти свой след, а яркие события гораздо лучше отпечатываются в памяти людей.

В год 60-летия первого полета человека в космос специалистами отдела краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской подготовлена электронная тематическая коллекция «Исторический полет в памяти оренбуржцев». Своими воспоминаниями в местных газетах и журналах, сборниках и альманахах делились оренбуржцы разных профессий и обучающаяся молодежь. Вячеслав Семенович Рябов, общественный и политический деятель, бывший секретарь Оренбургского горкома комсомола, пишет:

На всю жизнь я запомнил 12 апреля 1961 года. В этот день мне, как секретарю Оренбургского горкома комсомола, было необходимо держать отчет в обкоме ВЛКСМ о работе комсомольских организаций предприятий города. И тут пришла радостная весть о том, что в космическом полете находится советский гражданин Юрий Гагарин!

Сообщение о том, что воспитанник Оренбургского военного училища летчиков в космосе, вызвало у комсомольцев города неопишемую радость, восторг и гордость за нашу страну! Знавшие его преподаватели, инженеры, техники, другие работники летного училища вспоминали детали того, как он жил и учился в нашем городе, осваивал грамоту летного мастерства на оренбургской земле, а в дни всенародных праздников вместе со своими сослуживцами выходил на парады, чеканя шаг на площади у Дома Советов. Ликование было всеобщим.

Я уже подумал, что будет перенесено обсуждение моего отчета в обкоме ВЛКСМ, но оно неожиданно получило новое звучание!¹

Надежда Гавриловна Петина, скульптор, заслуженный художник РФ, автор многочисленных памятников в городах и районных центрах Оренбургской области и за ее пределами, встретила радостную новость в Москве:

Я как сейчас помню тот день, когда вся страна узнала о невероятном подвиге, совершенном Юрием Гагариным.

Именно в этот день я была в Москве в этой толпе ликующего народа. Все обнимались, пе-

ли, плясали, кричали от восторга, радовались, гордились за страну, за талантливых ученых!

В этот день всем раздавали небольшого размера символы с изображением Гагарина. Это была красного цвета небольшая карточка, на которой был нанесен черной краской рисунок Юрия Гагарина в шлеме. Он долгое время находился у меня в альбоме, напоминая о том далеком счастливом дне.

...До сих пор перед глазами стоит ликующий людской поток, заполнивший улицу Горького и Красную Площадь, а по телевизору Юрий Гагарин идет по красной дорожке и улыбается своей светлой распахнутой улыбкой².

Григорий Константинович Серков, подполковник авиации, кандидат исторических наук, долгое время работал в Оренбургском военном командном авиационном училище летчиков им. И. С. Полбина. Он стал одним из учителей Ю. А. Гагарина и его инструктором, выпустившим и принявшим у Ю. А. Гагарина первый самостоятельный полет. Однажды Юрий Алексеевич признался: «Если бы не Серков, я бы крутил гайки на заводе». Спустя долгие годы в его воспоминаниях ощущается радость:

Двенадцатое апреля 1961 года. Человечество открыло путь в космос. Это сделал Ю. А. Гагарин. Каким помнится этот день? В дни запуска космических кораблей — еще без человека на борту, но возвращаемых на Землю — полагалось иметь на аэродроме, притом в полной готовности, средства связи и оказания помощи, дежурить должен командир части или его заместитель. Мне выпала эта честь.

По радио передавалась легкая музыка. Вдруг она прекратилась и диктор передал, что в космос поднялся космический корабль «Восток», пилотируемый гражданином Советского Союза летчиком-майором Гагариным. Не наш ли Юрий? — подумал я. А потом прикинул: он должен быть старшим лейтенантом и не более. Но все-таки тут же позвонил в эскадрилью, где служил Колосов. Слышу взволнованный и радостный голос: «Наш, это наш Гагарин». Радости не было конца. Так пережило этот момент все училище. Мы жадно вслушивались в радиопередачи, читали сообщения газет о подробностях полета, всматривались в знакомые черты портрета первого Космонавта³.

В. В. Демидов, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член правления Новгородского филиала Российского фонда культуры и Международного Рахманиновского общества (Лондон), начинал свою трудовую деятельность в должности преподавателя Бугурусланской детской музыкальной школы и лишь из радиосообщений узнал имя будущего космонавта:

В среду, 12 апреля 1961 г., солнечным полуднем, завершив урок сольфеджио с четвертым классом пианистов, я задержался. Нужно было дополнительно позаниматься с отставшим по болезни Агдасом Башаровым, очень музыкальным мальчиком и большим фантазером.

Занимались мы не более получаса, и я отпустил Агдаса домой. Однако минут через пять он влетел в класс, весь взъерошенный и возбужденный, как весенний воробей:

– Валерий Васильевич, там человека запустили!

Я не понял:

– Агдас, может, ты еще не совсем выздоровел? Какого человека? Как запустили?

В голове мелькнули мысли о каком-то несчастье то ли в школе, то ли на улице.

– Или ты опять что-нибудь придумал?

– Нет, правда! — обиделся Агдас. От волнения он не сразу находил слова.

– Не знаю, какого! Ну, туда, в космос!

И он красноречивым жестом пояснил последнее слово. Тут уж настала моя очередь удивляться:

– Откуда ты знаешь?

– Мне сейчас учительница сказала! А в учительской по радио об этом передают!

Ну и дела! Ничто, казалось, не предвещало, что это произойдет так скоро.

...Мы поспешили к учительской. Там, по случаю обеденного времени, преподавателей было немного, но у всех радостно блестели глаза и слышались возбужденные реплики. А из радиоприемника «Рекорд», включенного на полную мощность, раскатисто доносился торжествующий голос Юрия Левитана:

– Юрий Гагарин!

Вот тогда я впервые узнал это имя⁴.

В. И. Желтова, кандидат медицинских наук, в прошлом преподаватель Оренбургской государственной медицинской академии, училась в Оренбургском медицинском институте и помнит всеобщее ликование:

...Стихийно на улицах, около учреждений, перед летним училищем, на «Беловке» у памятника В. Чкалову собирались люди знакомые и незнакомые, пели песни о Родине и ее великих сынах, танцевали — веселье и радости не было предела, гордость и величие страны были в основе этого праздника⁵.

Известный курский журналист Валентина Борисовна Кулагина училась в оренбургском институте, когда ошеломляющая новость буквально влетела во все аудитории учебного заведения:

В институте лекции. И вдруг распахивается дверь, и на пороге возникает девичья фигура:

– Человек в космосе!..

Как ветром всех вынесло из аудитории. Но дальше лестничной площадки пройти оказалось невозможно: все марши уже плотно забиты студентами, преподавателями и работниками института.

Внизу, на вахте на всю громкость вещает репродуктор. Все сказанное тут же из уст в уста передается наверх, тем, кому плохо слышно. Конечно, ни о каких занятиях в этот день никто уже не помышлял. Студенческий люд вывалился на улицу, где и тротуары, и дорога были заполнены ликующей толпой⁶.

События тех дней оставили яркие воспоминания на всю жизнь у детей и юношества. Вот как вспоминает это время Лидия Георгиевна Малукова, учитель школы № 49 (Оренбург):

О первом полете Ю. А. Гагарина я узнала, когда училась в 8-м классе школы № 34 г. Оренбурга. Это был урок труда. Учитель (А. И. Москалев) сообщил нам о том, что в космосе наш советский человек Ю. А. Гагарин. Мы, учащиеся 8-го класса, не смогли скрыть волнения. Это была большая гордость за нашу страну, за наш советский народ.

Через несколько дней в Москве была организована встреча членов Правительства Советского Союза с Ю. А. Гагариным. Она транслировалась по Центральному телевидению. Но в начале 1960-х гг. в Оренбурге оно только начинало развиваться. Телевизор могли иметь люди с большим достатком. По вечерам мы собирались у соседей по 10 человек и, прильнув к маленькому экрану, смотрели последние новости. Мы с подругами даже шли на такую хитрость. Зная о том, что обычно перед началом фильма показывали «Новости дня» — кинохронику, где можно было увидеть крупным планом самого Гагарина, мы каждый день после уроков ходили на дневные сеансы. Хорошо, что рядом со школой находился кинотеатр «Урал»⁷.

Эпоха триумфальных космических достижений совпала с периодом оттепели. Оренбуржец В. Мальгин воспринял космический полет с большими надеждами:

...Помню, 12 апреля утром в школе на большой перемене вдруг прекратили трансляцию заезженной пластинки неперменного тогда Робертино с его незабвенной «Джамайка-а-а!..» и школьный диктор срывающимся голосом передал сообщение о полете в космос первого человека. Что началось! Радовались искренне — разгар хрущевской оттепели здорово ощущался и нами, детьми, особенно из семей репрессированных⁸.

Прошло 60 лет со времени полета, мы привыкли к таким полетам. А когда-то это было почти невероятным событием, все восхищались первым космонавтом и гениальностью советских ученых. Вспоминает Владимир Алексеевич Применко, пенсионер из Северного района Оренбуржья:

Это событие я запомнил на всю жизнь. В среду решил сходить во Дворец культуры посмотреть концерт артиста из Москвы. Началась концертная программа, выступает Андрей Гончаров. И друг на сцену выходит директор и говорит, что советский космонавт совершил первый полет в космос. Это сообщение произвело на меня и на всех в зале огромное впечатление. Сначала стояла мертвая тишина, а затем... бурные аплодисменты!

После такой новости Андрей Гончаров изменил свою программу и прочитал стихотворение Маяковского про космос⁹.

Диалог с прошлым — постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации, а историческая память является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества. Сотрудники библиотеки с целью сохранения социальной памяти в 2021 г. обратились к известным землякам — современникам исторического события, которые имели возможность испытать коллективные чувства непосредственно в момент празднований большой победы и вспоминают 12 апреля 1961 г. как факт личной биографии. Мы осуществили видеозапись воспоминаний известных в Оренбуржье людей: Г. П. Матвиевской, А. Г. Прокофьевой, В. Л. Савельзона, И. Г. Коннова, А. В. Альтова, П. Г. Рыкова, О. Я. Бахаревой, А. И. Папыкина, С. Е. Сорокиной, В. И. Одноралова, З. Н. Николаевой, А. Е. Сукманова, В. Г. Новикова, В. П. Охина, В. Б. Горлачевой. Цикл видеовоспоминаний оренбуржцев погружает в атмосферу того времени, что приводит к лучшему ее пониманию, позволяет ощутить своеобразную эмоциональную стереоскопичность, глубинность восприятия действительности.

Галина Павловна Матвиевская, историк математики, востоковед, краевед, литературовед, жила в то время в Ташкенте и работала в Институте математики Академии наук Узбекской ССР. В ее памяти это событие связано с теплыми летними днями.

Советский и российский географ, академик РАН, доктор географических наук, организатор Института степи Уральского отделения РАН Александр Александрович Чибилев вспоминает солнечный апрельский день 1961 г., когда он, ученик Покровской школы Новосергиевского района, шел домой и услышал из радиорепродуктора сообщение о полете человека в космос.

Вильям Львович Савельзон, известный журналист, литератор, краевед, в своих воспоминаниях отмечает, что это грандиозное для всего

человечества событие праздновали наравне с Днем Победы.

В юбилейный 2021 г. видеовоспоминания оренбуржцев, посвященные полету человека в космос, доступны всему миру и размещены на сайте Оренбургской областной универсальной научной библиотеки (<https://project.orenlib.ru/gagarin2021/>).

Таким образом, в памяти оренбуржцев триумфальный полет и сегодня воспринимается как невероятный прорыв, необычайное достижение всего человечества, открывшего эру пилотируемых полетов в космическое пространство.

Примечания

¹ Рябов В. С. Все встречи в памяти храню... // Оренбург. край. 2011. № 1. С. 24–25.

² Петина Н. Г. Как сейчас помню этот день: документ без комментария // Гостиный двор. Оренбург. 2011. № 34. С. 112–113.

³ Серков Г. Каким я его помню // Гагарин и гагаринцы / сост.: Л. Н. Большаков, В. И. Дубровкина. Челябинск, 1980. С. 161–167.

⁴ Демидов В. В. Гагарин в партии басов: штрихи из биографии автора и первого космонавта планеты // Гостиный двор. Оренбург. 2011. № 34. С. 107–111.

⁵ Желтова В. И. Автограф Ю. Гагарина // 50 лет космической эры: Человек, Земля, Вселенная: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию полета Ю. А. Гагарина в космос / под общ. ред. А. В. Федоровой. Оренбург, 2011. С. 179–180.

⁶ Кулагина В. Б. Гагарин по нашим улицам ходил (полет в космос: свидетельства очевидцев) // Кулагин В. В. Жизнь как откровение: очерки, литературные рецензии, заметы. Курск, 2018. С. 190–192.

⁷ Малюкова Л. Г. Память детства // 50 лет космической эры: Человек, Земля, Вселенная: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию полета Ю. А. Гагарина в космос / под общ. ред. А. В. Федоровой. Оренбург, 2011. С. 178.

⁸ Мальгин В. Букет Гагарину // Оренбург. неделя. 1991. 12 апр.

⁹ Как это было у нас... // Север. звезда. Северное. 2011. 12 апр.

О. Г. Герасимова

«...Что “Плотогоны”, “На дороге” определяют направление, что “Наши будни” — не мещанство, не по квартирам переезды...»: выставка «30 лет МОСХ» в Манеже

История настолько бывает насыщена событиями разного масштаба, что об одних сохраняется память в народе надолго, об остальных помнят и знают разве что профессионалы. Пятьдесят седьмой год был не только годом проведения фестиваля молодежи и студентов в Москве и полета первого искусственного спутника Земли. В этом же году был вновь, после перерыва в сорок лет, открыт для посетителей Центральный выставочный зал «Манеж». Надо полагать, что 1957 г. выбран был неслучайно: 140 лет назад состоялось торжественное открытие Манежа в честь победы над Наполеоном. До революции Манеж служил сначала местом для проведения военных парадов

и смотров, затем стал выставочной площадкой для разных мероприятий, а уже в советский период использовался в качестве казармы и гаража. Удобное расположение (в центре столицы), просторные помещения сделали его важным местом проведения художественных выставок. И хотя в Москве середины XX в. существовало немало музеев, появление такой масштабной выставочной площадки диктовалось и самим временем — оттепелью. Пусть и неровная по своим проявлениям, чередовавшаяся периодическими «заморозками», оттепель все же означала перемены в государстве и обществе, более широкую открытость миру — как внутреннему, так и внешнему. А для

презентации открытости лучшего места, чем выставочный зал в самом центре города, не найти. Так в истории Манежа начался выставочный период, продолжающийся по сию пору.

Материалы Центрального выставочного зала Управления культуры исполкома Моссовета хранятся в ЦГА в фонде Р-791. Для данной статьи были задействованы в основном книги отзывов о проходившей в ноябре 1962 — марте 1963 г. выставке «30 лет МОСХ». Книги собирались в научном отделе выставочного зала.

О самом феномене выставки, ставшей известной благодаря посещению ее руководителем страны Н.С. Хрущевым — первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета министров СССР, написано немало, начиная от статей искусствоведов и заканчивая журналистскими публикациями, приуроченными к юбилею выставки¹. Эта тема уже затрагивалась автором данной статьи в других материалах², но сейчас хотелось бы подчеркнуть важность создания и сохранения архивного фонда, материалы которого имеют огромное значение и ценность для изучения советского прошлого. Как сейчас обстоит дело с обязательным хранением архивных материалов, каким образом они комплектуются, в каком виде частные организации и учреждения должны комплектовать свои фонды и куда сдавать на хранение (в государственные ли архивы?) — все это автору данного материала неизвестно, и теплится надежда узнать об этом из материалов других докладчиков. Понятно, что для историка представляет собой самостоятельную ценность очень многое: все артефакты — от копеечной монеты до дорогостоящих сооружений и объектов — в той или иной степени способны поведать о прошлом. Ценность документов, хранящихся в фонде Р-791, должна быть оценена по достоинству не только историками и искусствоведами, но и социологами. Ценны они и для современных коллекционеров произведений искусства, но можно предположить, что по другой причине — из-за желания узнать, представляла ли картина художника *N* интерес для посетителей, цепляла ли она взоры или оставляла людей равнодушными. То есть из отзывов можно почерпнуть информацию о прошлом предмета из своей коллекции, понять его современную стоимость на художественном рынке.

Сам факт наличия нескольких книг отзывов о выставке 1962 г. демонстрирует не только масштабность данного проекта, а он действительно был масштабен, но и активность посетителей, не боящихся оставлять «следы своего посещения» экспозиции в книге отзывов. Времена пришли другие, боязнь последствий (а вдруг расценят иначе похвалу или критику?) и робость канули в прошлое. Можно было писать хулиганисто и безграмотно, анонимно или указывая вымышленные либо настоящие фамилии и имена, выражать свои чувства междометиями и пространными текстами. А главное — быть несогласными с мнением самого Н. С. Хрущева. Надо сказать, что последний своим визитом сделал, как говорят

сегодня, «бесплатную рекламу» работам, выставленным в Манеже, и их авторам. В советское время, как известно, реклама тоже существовала, в том числе объявления письменные, типографские и устные (из уст друзей и знакомых). Но, пожалуй, никакая форма не сравнилась по размерам с «рекламой» Самого. Надо отметить, что подобное внимание со стороны властей к кому-либо, шумные процессы, как было с И. А. Бродским или Ю. М. Даниэлем и А. Д. Синявским, помимо негативных последствий для самих осужденных имели оборотную сторону в виде известности, в какой-то мере и славы.

Строки из одного стихотворения, записанного в книге отзывов (к сожалению, подпись автора неразборчива), были выбраны в качестве заголовка статьи, хотя среди отзывов встречаются и другие стихи, отрывки из которых также смело можно выбрать в качестве названия. Не претендуя на признание за ними высокого литературного мастерства, эти неумелые стихи, сочиненные их авторами буквально «на ходу», отражают, тем не менее, настроения посетителей, их корреляцию с мнением «верхов», будь то Н. С. Хрущев, В. А. Серов или Е. В. Вучетич. Посетивший выставку физик Ю. Губарь в своем поэтическом диалоге «реалиста» с «абстракционистом» передавал свои собственные мысли не только о «вышедшем времени старого» со Сталинскими премиями, но и о «вышедшем времени» абстракционистов: «...Ваши неистовства в глаза пылили / По мне же в Манеже / Манежились с Вами...»; «Вы же не в абстрактной, / Реальнейшей стране... / Вышло время старое! / Но и ваше вышло! / Плюньте на “абстракцию”, / Будьте выше»³.

Не были полностью согласны посетители с критикой Хрущевым живописи П. Ф. Никонова, отмечая правдивость картины «Геологи». Но художественная подача, изобразительные приемы художника вызвали замечания: «Картина твоя правдивая, т. Никонов, но рисуй геологов как людей»⁴, «Непонятно, почему картина “Геологи” вызывает столько споров. На мой взгляд, написана она небрежно. Недаром сегодня группа студентов художественного училища, разъясняя содержание картины, говорила, что это “подвиг геологов в песчаной пустыне”, “вдалеке караван ослов” и т. д.»⁵.

Критика звучала в адрес не только молодых, только входящих в мир большого искусства живописцев, но и уже признанных мастеров. Подобные высказывания встречаются и сейчас, и они созвучны впечатлениям автора данной статьи. Великолепный художник А. И. Лактионов, ученик И. И. Бродского (в свою очередь ученика И. Е. Репина), странным образом (в принципе, закономерным, учитывая реалии советской эпохи) стал заложником системы. Его картины, репродукции которых тиражировались весь советский период, знакомы с детства каждому советскому школьнику, просматривавшему цветные вклейки в учебнике десятки раз за год. Поэт и критик В. И. Шубинский сравнил Лактионова с

американским культовым художником Норманом Роквеллом, для него эти художники «практически неотличимы»⁶. Заметим, что с Роквеллом судьба была гораздо милостивее, ему никто, в отличие от советского общества оттепельной, а затем уже и постсоветской поры, счетов по поводу прошлого не предъявлял. Молодой поэт А. А. Вознесенский в своей книге «40 лирических отступлений из поэмы “Треугольная груша”» резко высказался о Лактионове, а спустя несколько месяцев был сам «высечен» на встрече руководства страны с творческой интеллигенцией за свою смелость в выражении мыслей. Сейчас при прочтении этих строк поражает и другое — поэта по призванию, архитектора по профессии поразила своей «символичностью», «юностью», «отвесным ливнем стекла и пилонов» новый Кремлевский дворец (речь идет, надо полагать, о Кремлевском дворце съездов) — бетонно-стеклянное сооружение, выбивающееся своими формами из построек кремлевского ансамбля: «Сюда не вывесишь Лактионова и купеческих багетов»⁷.

В своем эссе «Соц-арт» писатель З. Зиник, занимавшийся в художественной школе, упомянул первоначальный вариант полотна «Письмо с фронта» Лактионова, на котором в левом углу был «гениальный тазик с мыльной водой»⁸, но затем художник решил его отрезать, чтобы тот не нарушал композицию. Если вспомнить время создания картины — 1947 г., весь политико-идеологический фон эпохи, то понятным станет это решение: таз не вписывался в идиллическую картину, совершенно оторванную от реальности. Ну кто бы стал так валяжно вести себя, получив письмо с фронта?! Смеем предположить, если только отправитель письма не был интендантом, хотя и такие специалисты тоже нужны были в армии. Если бы художник смог создать свое полотно тогда же, в 1943 г., когда зародился замысел картины, может быть, и не появилось бы этой нарочитости в полотне? Ведь само полотно великолепно прописано. В недавней статье С. Самодоловой⁹ отражена непростая судьба людей, позировавших художнику для картины. Каждый из участников композиции был «опален» войной. Но картина в итоге получилась не реалистичной, а неправдоподобной. При взгляде на нее не верилось, что персонажи читают письмо с фронта, а не из тыла — с радостными семейными новостями. Лакировка, культивировавшаяся на экранах и в книгах послевоенных лет, не обошла стороной и изобразительное искусство. Слова посетителя выставки Р. Петухова, записанные более полувека назад, искренни и передают переживания и чувства советского человека, понимающего значение слова «война» не понаслышке: «Картина Лактионова “Письмо с фронта” — олеография, лубок. С таким же успехом ее можно было назвать “Письмо с целины”. Все румяны, круглощеки, небо безоблачно. А где же тема войны, великого горя и испытаний народа? Виноват! Там есть прогнившая половица, может, она выражает тему войны»¹⁰.

На отношение к Лактионову как к лакировщику, сравнения с Шиловым (последнее представляется неверным — слишком уж очевидна разница в самом живописном исполнении), упреки в фотографичности повлиял и поступок, который понять сложно, если не знать всех деталей принятия решения. Речь идет о создании предисловия к роману И. М. Шевцова «Тля». «Гнусный роман», «дурак Лактионов», по словам Н. К. Чуковского¹¹, — все это определило отношение к художнику. Его ранний уход из жизни (в 62 года), надо полагать, не был случаен. И подобное отношение к работам Лактионова, отражающее сложившееся в далекие теперь советские годы мнение о художнике среди интеллигенции, продолжается до сих пор: ни одной более или менее масштабной выставки работ Лактионова не проводилось уже давно. А ведь при всем он остается значимым художником советской эпохи и, надо признать, гораздо масштабнее некоторых авангардистов. Если Э. М. Белютин не живописец, а педагог (по словам Б. Жутовского)¹², то Лактионов — живописец.

Да, можно согласиться, что с уходом в прошлое сталинской эпохи многим советским зрителям хотелось увидеть нечто новое, разительно отличающееся от прошлого, и в своем желании они были радикально настроены, что отражалось на страницах книг отзывов. Фальшь внешнего благополучия картины «Обеспеченная старость» ощущалась многими. Нет, обитатели дома ветеранов работников сцены ни в чем не были виноваты, они могли радоваться жизни на самом деле, а не только позируя известному художнику. Само решение разместить эту картину в 1960 г. на выставке «Советская Россия» на фоне строгих, неублачиваемых лиц с полотен художников «сурового стиля» Н. И. Андропова, П. Ф. Никонова, В. Е. Попкова, Т. Т. Салахова и др., представляется ошибочным. Посетители и не могли воспринять картину иначе, кроме как слащаво фальшивую, невольно экстраполируя жизнь стариков с художественного полотна на реальную действительность и повседневность. Советский зритель столкнулся на выставке с проблемой, о которой вслух не говорили, — с социальным неравенством, существовавшим в советском обществе. И пенсионер-актер был неравен пенсионеру-рабочему, не говоря уже о колхозниках, уравненных в правах с рабочими только на закате хрущевской эпохи. Вероятно, задевало именно это. О будущих проблемах постепенно стареющего общества тогда и не догадывались. Все это впереди — и возросшее в сотни раз социальное неравенство, и проблема не просто жизни, а выживания для большей части современных российских пенсионеров. Впрочем, и не только пенсионеров.

О разгроме Н. С. Хрущевым работ художников как «левого МОСХа», или «девятки»¹³, так и студийцев и приглашенных Белютиным «для веса» художников В. Янкилевского, Ю. Соостера и Ю. Соболева, скульптора Э. Неизвестного,

повторимся, написано немало. Опубликовано и стенограмма речи Н. С. Хрущева во время посещения Манежа, которая вызывает своими оборотами недоумение: как из уст первого в государстве человека могли звучать подобные фразы и слова¹⁴? Отметим, что посещение Хрущевым выставки было продуманно со стороны «старой гвардии» в лице В. А. Серова, Е. В. Вучетича, Д. А. Налбандяна и др., серьезно опасавшейся потери существующих должностей и, главное, возможностью, которые эти должности давали, — играть направляющую роль в советском искусстве.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить информативность пяти книг отзывов с юбилейной выставки МОСХ, хранящихся в фонде Р-791, которые не были первыми документами такого рода, отложившимися в фонде Центрального выставочного зала, но благодаря невольному «пиару» со стороны первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева вызвали увеличенный интерес со стороны советских граждан. С момента открытия Манежа в нем уже были проведены масштабные Всесоюзная художественная выставка в честь 40-летия ВЛКСМ (1958), выставка изобразительного искусства социалистических стран (1959), выставки «Советская Россия» и «Художественная выставка Литовской, Латвийской, Эстонской республик» (обе в 1960). После каждой из них оставались книги отзывов. Иногда их было, как в случае с выставками по случаю юбилея комсомола и «Советская Россия», несколько. Отзывы демонстрируют нарастающий от выставки к выставке интерес к произведениям изобразительного искусства со стороны как советских граждан, так и посетителей-иностранцев, их эрудицию, осведомленность об искусстве или отсутствие таковых, безграмотность, иногда нарочитую ироничность по отношению к маститым художникам, что само по себе демонстрирует свободу «оттепельной» эпохи, когда в адрес официально признанных и обласканных властью (и прежней, и настоящей) раздаются слова критики. Можно понять из записей, как формировалось мнение о художниках, — не только из официальных источников (газет, журналов, книг искусствоведов), но и из неофициальных, квартирных выставок, устных бесед, знакомств. Как появляется, например, феномен И. Глазунова, непонятный современному поколению, а в те времена знакомый многим. И от своего увлечения творчеством которого пока еще стыдливо не открещивались, это придет позднее. Время все расставляет на свои места. И действительно талантливые работы остаются в памяти увидевших их и будируют интерес у нового, молодого поколения. Но и раскритикованные в книгах отзывов работы тоже не остаются без внимания, а служат важными источниками для изучения советского прошлого — как изобразительного процесса, так и отражения исторических реалий.

Примечания

¹ Герчук Ю. Я. «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже. М., 2008; Оттепель: кат. Гос. Третьяк. галереи. М., 2017; Рабицев Л. Н. Манеж 1962, до и после // Знамя. 2001. № 9 и др.

² Герасимова О. Г. Отзывы посетителей московских художественных выставок 1950–1960-х годов // Традиции исторической мысли: материалы науч. семинара памяти проф. В. И. Злобина. М., 2013; Она же. «Сейчас не оттепель, а заморозки. И не заморозки, а морозы...». Встреча в Кремле руководителей партии и правительства с советской творческой интеллигенцией в марте 1963 г. // Вопросы истории и культурологи: материалы конф. М., 2014.

³ ЦГА. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 159. Л. 18 — 18 об.

⁴ Там же. Д. 161. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Шубинский В. Как мыши кота хоронили, или Свидетельство защиты // Знамя. 2005. № 2. С. 179.

⁷ Вознесенский А. 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 1962. С. 72.

⁸ Зиник З. Соц-арт // Синтаксис. 1979. № 3. С. 79.

⁹ Самоделова С. На золотом крыльце стояли... Прототипы солнечной картины Александра Лактионова не дождалась своего письма с фронта // Ежемесячное приложение журнала «Родина» с января по май 2020. Документы Победы: письмо. 2020. Март.

¹⁰ ЦГА. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 161. Л. 7.

¹¹ Чуковский Н. К. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969). М., 2013. С. 400.

¹² Б. И. Жутовский в своем интервью Н. В. Лепешонковой «О том, как общался в Манеже с Хрущевым, авангардистах 1960-х, старой Москве и своих путешествиях» вспоминал Белютина, руководителя студии «Новая реальность», занятия которой посещал сам: «...одаренный человек. По-моему, он был гениальный мошенник. Он где-то все вычитывал, в основном учился у поляков, трансформировал в башке и выдавал нам каждый раз задания». URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1764/text> (дата обращения: 10.06.2021).

¹³ Там же. «Девяткой» Б. И. Жутовский назвал «девять членов Союза художников, которые подняли там бучу с желанием сбросить руководство Союза художников, сталинское, хрущевско-сталинское фактически, и занять самим это место». Жутовский перечислил нескольких участников «девятки» по памяти: Никонов, Андронов, Пологова, Васнецов. Но надо сказать, что здесь произошла путаница, потому что в «девятку» входили Н. Андронов, Б. Биргер, Н. Егоршина, М. Иванов, К. Мордовин, братья М. и П. Никоновы, скульптор Л. Берлин и керамист М. Фаворская. В таком составе «девятка» выставляла свои работы в 1961 г. в зале на Беговой на знаменитой выставке, хотя и являвшейся изначально закрытой, только для членов Союза художников, но на которую проникли посетители «со стороны», в том числе студенты из московских вузов. Во время обсуждения ставился вопрос о проведении открытых выставочных, поскольку практика закрытых выставочных, закрытых конкурсов позволяла «проводить» нужные решения, отбирать «нужные» руководству работы, несмотря на их художественные недостатки, и игнорировать действительно талантливые произведения.

¹⁴ «Ну, идите, показывайте мне свою мазню» // Родина. 2004. № 3.

В. С. Христофоров

Историческая память о войне в Афганистане (1979–1989): новые подходы, новые источники

Одной из сложных и противоречивых страниц истории СССР и советского общества является участие советских войск в войне в Афганистане (1979–1989). В период холодной войны советская историография и идеология трактовали афганские события как «защиту национальных интересов СССР», а ввод советских войск в Афганистан оценивался положительно — как «интернациональная помощь афганскому народу». Однако общественности не были предъявлены убедительные объяснения, в чем заключаются эти национальные интересы.

В XXI в. ситуация изменилась, историография войны в Афганистане стала более разнообразной. Однако российские ученые и общество все еще не «проработали» войну, не нашли для нее слов и образов, которые помогли бы смириться с этой драматической страницей советской истории, поместить ее в общеисторический контекст развития государства и общества. Об этом, к примеру, свидетельствуют противоречивые оценки советского военного присутствия в Афганистане¹, острые дискуссии в научном мире, на общественном и культурно-просветительском уровнях.

По сей день неоднозначно название и само название военнослужащих, прошедших афганскую войну: «воины-интернационалисты», «ветераны войны в Афганистане», «участники боевых действий». Слово сочетание «воин-интернационалист» было расхожим в советский период, когда активно работал пропагандистский механизм, однако в современных условиях невозможно вразумительно объяснить, что представляло собой выполнение «интернационального долга в Афганистане».

Фундаментальные исследования на тему войны в Афганистане сдерживаются объективными трудностями: доступ к официальным источникам крайне ограничен. Архивные документы, связанные с боевыми действиями советских войск, пока еще находятся на секретном хранении.

В современных условиях стали актуальными исследования, в которых на первое место выдвигается память о событиях прошлого, то, что сохранилось в памяти у участников и современников, то, что транслируется потомкам, реконструируется в последующих поколениях. По мнению Л. П. Репиной, историческая память может пониматься как коллективная память, как социальная память или как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом².

При изучении войны в Афганистане чаще всего исследуются вопросы принятия политического решения о вводе советских войск в страну, действия военного командования, ход боевых

действий. Эти вопросы достаточно хорошо изучены военными историками, в том числе участниками войны в Афганистане³, описаны журналистами. Гораздо меньше информации о том, как жили солдаты, сержанты, прапорщики и младшие офицеры во время войны, как был устроен их быт, как строились их взаимоотношения.

При этом далеко не все участники афганской войны, по разным причинам, готовы написать воспоминания об этих трагических событиях. Подобные публикации появляются, но не играют заметной роли⁴. Нечасто, но все-таки выходят в свет сборники, составленные по земляческой схеме (Воронежская область⁵, Челябинская область⁶, Республика Башкортостан⁷, Санкт-Петербург⁸), а также дневниковые записи⁹.

К сожалению, в силу болезней и ранений, полученных в Афганистане, многие из воевавших — современников исторических событий — ушли в мир иной, поэтому происходят изменения исторической памяти: она приобретает новые очертания, становится менее достоверной и более «насыщенной» реальностями дня сегодняшнего. В отличие от научного знания о прошлом историческая память как бы со временем еще больше политически и идеологически актуализируется¹⁰.

В научной и научно-популярной литературе порой публикуются данные о низком уровне боевой подготовки советских военнослужащих, находившихся в Афганистане, о преимущественном направлении на афганские земли выходцев из республик Средней Азии и Казахстана, о том, что советское командование допустило существенную ошибку, призвав из запаса военнослужащих — представителей среднеазиатских народов (узбеков, таджиков, туркмен) для укомплектования разворачиваемых частей и соединений 40-й армии, поэтому они были быстро заменены¹¹, о пресловутой «дедовщине» среди советских военнослужащих, тотальном употреблении ими наркотиков¹², что и привело советские войска к поражению в Афганистане.

В настоящей статье, опираясь на данные социологических исследований, проведенных с целью получения информации для сохранения исторической памяти, а также на личный опыт, приобретенный в Афганистане в 1985–1989 гг., дадим ответы на эти и другие вопросы.

Воспоминания непосредственных участников войны в Афганистане, а также интервью с ними, представляют несомненный интерес и актуальны. При этом взять интервью у человека, который сражался на войне, довольно непростая задача, которую попытались решить исследователи из Казахстана, Кыргызстана Таджикистана и Узбекистана. Результатом их исследовательской работы стал выход четырех книг под общим наименованием «Память из пламени Афганистана:

Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов», которые подготовлены в рамках проекта «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев», выполненного в методологическом ключе «oral history». Параллельно с изданием книг были подготовлены документальные фильмы.

Названный проект велся в 2013–2021 гг. группой исследователей из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Методология исследования разработана руководителями проекта Марлен Ларюэль, PhD (США — Франция) и Ботагоз Ракишевой, кандидатом социологических наук (Казахстан). В результате реализации первого этапа проекта в 2016 г. в Астане (Республика Казахстан) были опубликованы три книги, представляющие собой уникальную информацию — воспоминания непосредственных участников боевых действий в Афганистане. В каждой из книг опубликованы интервью, полученные методом «устной истории»: в Казахстане опрошен 21 участник войны, в Кыргызстане взято 21 интервью, в Узбекистане — 20 интервью, в Таджикистане — 31.

Интервьюируемые — солдаты и сержанты срочной службы, прапорщики и офицеры; по воинской специальности — мотострелки, танкисты, разведчики, военные летчики, артиллеристы, связисты, военные водители, военнослужащие подразделений специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР и КГБ СССР, воздушно-десантных, инженерно-саперных и дорожно-комендантских войск, пограничных войск КГБ СССР, военный врач и медицинские сестры, а также военнослужащие, призванные из запаса в декабре 1979 г. на укомплектование частей и соединений советских войск перед вводом их в Афганистан. Все они по-разному «воспроизводят» события прошедшей войны.

В интервью они достаточно подробно описывают подготовку к направлению в Афганистан, условия воинской службы, проживания и питания, адаптацию к климатическим условиям и нахождению в зоне боевых действий, национальный состав советских частей и подразделений, взаимоотношения между солдатами и офицерами в боевой обстановке, доступность наркотиков. Наиболее драматические и эмоционально окрашенные страницы посвящены непосредственному участию в боевых действиях, обстоятельствам получения ранений и реальной угрозе погибнуть, а также тем наиболее важным моментам, которые сохранились в памяти. Остановимся подробнее на том, что имеет большее значение для объективного понимания исторической ситуации.

Большинство советских военнослужащих, в том числе и призванных в декабре 1979 г. из запаса, ничего не знали о подготовке к вводу советских войск в Афганистан, они восприняли призыв и доукомплектование частей и соединений Туркестанского военного округа как проведение учений, боевое слаживание в составе рот

и батальонов. Осознание пришло лишь тогда, когда было выдано боевое оружие, боеприпасы и когда части и соединения 40-й армии 25 декабря 1979 г. были направлены по понтонному мосту через р. Амударью на территорию Афганистана. Далее последовал марш по маршруту Хайратон — Мазари Шариф — Пули Хумри — Саланг — Баграм — Кабул. Одновременно воздушным путем на самолетах военно-транспортной авиации шла переброска 103-й воздушно-десантной дивизии в Кабул¹³.

Широко бытовало мнение о том, что в боевых частях наиболее широко были представлены выходцы из республик Средней Азии и Казахстана, о том, что был специальный отбор среди военных по национальному и языковому признакам. Однако имеющиеся данные, личные наблюдения и опросы участников войны в Афганистане не подтверждают эту информацию¹⁴. Тем не менее этот миф прочно укоренился, в том числе и среди некоторых участников войны в Афганистане. То же можно сказать и о количестве потерь. Так, один из воинов-афганцев утверждал: «В основном брали со Средней Азии. Когда мы туда входили, там все дивизии были с запаса призваны в основном со Средней Азии, поэтому из 15 тысяч, которые погибли, более половины погибло азиатов...»¹⁵ Однако, по уточненным данным, в Афганистане в 1979–1989 гг. погибли: русских — 6888 человек, украинцев — 2378, белорусов — 613, узбеков — 1066, казахов — 362, туркмен — 263, таджиков — 236, киргизов — 102, татар — 442, башкир — 92, чувашей — 125, народностей Дагестана — 101 человек и др.¹⁶

Основанием для таких суждений стало то, что в начале декабря 1979 г. в Афганистан был направлен «Мусульманский батальон» — отряд специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР, в составе которого почти все военнослужащие были выходцами из республик Средней Азии и Казахстана¹⁷. Кроме того, масштабное использование выходцев из Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в составе 40-й армии было характерным только в начальный период (декабрь 1979 — июнь 1980)¹⁸. Однако это не было связано со стремлением военного командования укомплектовать вводимые в Афганистан части и соединения выходцами из республик Средней Азии. Причина была в ограниченных сроках развертывания 40-й армии и желании скрыть проведение мобилизации. Призыв военнослужащих запаса с территории других союзных республик СССР, во-первых, потребовал бы гораздо больше времени, во-вторых, перемещение нескольких десятков тысяч военнослужащих запаса или военнослужащих срочной службы с территории РСФСР, Украины, Молдавии, Прибалтийских республик не осталось бы незамеченным со стороны местного населения и разведок иностранных государств.

В соответствии с законом СССР от 12 октября 1967 г. «О всеобщей воинской обязанности» военнообязанные, зачисленные в запас, призывались

на учебные сборы от четырех до шести раз на срок до трех месяцев каждый раз. Министр обороны СССР имел право в случае необходимости задерживать военнообязанных на учебных сборах на срок до двух месяцев сверх установленных сроков¹⁹. Это и стало главной причиной того, что основная часть военнослужащих, призванных из запаса на военные сборы в декабре 1979 г., была заменена через три месяца, в марте 1980 г., и лишь в некоторых частях 40-й армии срок их нахождения в войсках был продлен на два месяца.

Замена резервистов велась на военнослужащих срочной службы из воинских частей, дислоцированных как на территории внутренних военных округов (Московский, Ленинградский, Уральский, Забайкальский и др.), так и за границей, в группах советских войск в Венгрии, Германии, Чехословакии²⁰.

Завершая сюжет о том, кто служил в частях и соединениях 40-й армии в Афганистане, отметим, что в афганской войне принимали участие представители каждой союзной и автономной республики, каждого края и области. Так, в Афганистане воевали более 10,5 тыс. уроженцев Челябинской области, из них 171 человек погиб²¹.

Дискуссия об уровне и методах подготовки советских военнослужащих, направлявшихся в Афганистан, обеспечении их современным вооружением и снаряжением занимает одно из центральных мест в исследованиях военных историков. Характерно, что диапазон ответов воинвоафганцев на вопрос о подготовке достаточно широк: «Не было никакой подготовки, просто укомплектовали воинские части в течение 10–15 дней и отправили в Афганистан. Времени для боевого слаживания и боевой подготовки не было»²²; «плохое снабжение обмундированием, нехватка форменной одежды и знаков различия»²³; «подготовка была, но реальная война — это совсем другое»²⁴. Во многом вариант ответа зависел от того, кто отвечал на вопрос — офицер, прошедший обучение в течение четырех лет высшем военном училище, военнослужащий подразделения специального назначения, воздушно-десантных войск, разведчик или представитель подразделения материально-технического обеспечения.

Характер взаимоотношений между советскими военнослужащими разных призывных возрастов, а также отношения между солдатами и офицерами были наиболее чувствительными вопросами в исследовании. Были ли факты неуставных отношений между военнослужащими различных сроков призывов в Афганистане?

Историческая память в виде воспоминаний участников войны в Афганистане свидетельствует, что конфликты были, но, как правило, лишь в некоторых частях и подразделениях 40-й армии, которые занимались тыловым обеспечением или выполняли охранные функции²⁵. В боевых подразделениях, которые регулярно выходили в рейды, засады, проводили операции, «дедовщины» не было. Военнослужащие старших призыв-

ных возрастов, получившие боевой опыт в Афганистане, обучали молодых солдат, как себя вести в боевой обстановке, где, как и что делать, чтобы избежать жертв по неопытности. В первых двух-трех рейдах молодых солдат никогда не пускали вперед, старослужащие, находившиеся в Афганистане год-полгода, всегда шли первыми, они брали на себя первую мину и первую пулю. В бою были все равны — и молодые, и старослужащие; необходимы были взаимное доверие и поддержка²⁶.

Еще один сюжет требует уточнения. Могут ли письма из Афганистана стать источником по изучению истории афганской войны? О чем писали военнослужащие в своих письмах домой? Многочисленные воспоминания участников войны свидетельствуют о том, что этот источник личного происхождения не будет объективным и достоверным. Установка на умолчание, особенно характерная для первого этапа войны, транслировалась «сверху» и успешно работала на практике.

Во-первых, письма из Афганистана подвергались военной цензуре, поэтому в них мы не найдем описания боевых действий, сведений о потерях, личных переживаний авторов. Во-вторых, военнослужащие старались не писать родным и близким особых подробностей службы в Афганистане. Наоборот, писали, что все хорошо, служба идет как обычно, как в Советском Союзе, писали, что выполняют охранные функции, оказывают помощь афганскому народу. Письма из дома поддерживали солдат, это им давало глоток свежего воздуха. Однако домой они писали письма с большой осторожностью²⁷.

Тщательный анализ материалов интервью свидетельствует о том, что книги, изданные в рамках международного проекта, станут важной страницей в изучении самой войны и исторической памяти о ней. К несомненным достоинствам вводимых в научный оборот новых источников также относится и то, что в книге использованы фотографии и документы из частных архивов участников боевых действий.

Международный проект «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев» представляет значительный научный и общественный интерес, существенно расширяет круг источников по истории боевых действий СССР в Афганистане (1979–1989). Различный статус интервьюируемых помогает увидеть эти события с разных точек зрения, наполнить образ войны не шаблонами, но полутонами исторической реальности. Усилия участников проекта «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев» по погружению читателя в этот трагический, но важный, и не только для российского общества, контекст достойны уважения и поддержки.

Устная история вносит важный вклад в историческую память о войне в Афганистане, она позволяет отойти от прежнего взгляда на историю афганской войны как преимущественно на историю принятия политических и военных решений. Актуальным становится интерес к повседневной

жизни на войне, к истории не только высшей политической и военной иерархии СССР, но и к тем, кто вынес основные тяготы и лишения афганской войны. Как мы отмечали, солдаты, сержанты, прапорщики и младшие офицеры — участники афганской войны крайне редко обращались к эпистолярному жанру и оставили после себя мало воспоминаний. Крайне редко мы можем найти их биографии или автобиографии, так как обычно публикуют автобиографии лишь политических и военных деятелей, дипломатов²⁸. Впрочем, даже если нам посчастливилось, и мы обнаружили автобиографию, мы не всегда можем найти в ней интересующую нас конкретную информацию о боевых действиях в Афганистане (конкретное место, хронологический период, часть или подразделение), в ней афганские события могут описываться одной-двумя строками. Именно поэтому жизненный опыт участников войны в Афганистане, их воспоминания и размышления представляют для нас новый весьма разносторонний источник. Обращение к интервью о боевых действиях, повседневной жизни, ощущениях и переживаниях в ходе боев и после потери друзей — все это не столь отдаленно во времени и позволяет нам открыть новую страницу в историографических исследованиях. Важно, чтобы специалисты по устной истории более точно определяли, кого им интервьюировать, какие задавать вопросы и не подходить к опросу шаблонно. Кроме того, в процессе интервью необходимо вести работу по выявлению документов и материалов, связанных с войной в Афганистане, а также фотографий из личных коллекций участников боевых действий.

Завершая, отмечу и те усилия, которые прилагают работники библиотек, музеев и архивов Челябинской области для сохранения памяти о событиях в Афганистане в 1979–1989 гг. Это проведение тематических выставок в ЧОУНБ, создание Музея памяти воинов-интернационалистов²⁹.

Особое значение имеет то, что сотрудники ОГАЧО собирают документы о судьбах «афганцев», стойко перенесших все трудности на горных заставах, в Кандагаре и Герате, Джелалабаде и Кундузе. С 2018 г. в архив начали поступать документы о нелегком солдатском быте воинов-«афганцев». Особую научно-познавательную ценность имеют фотографии, статьи из газет и журналов, книги и брошюры об Афганистане, переданные в архив Любовью Михайловной Конаревой, которая в 1983 г. работала заведующей библиотекой в одной из частей 5-й мотострелковой дивизии провинции Шинданд³⁰.

Примечания

¹ Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М., 2016. С. 15–16, 20.

² Более подробно см.: Ретина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

³ Меримский В. А. Загадки афганской войны. М., 2006; Нецумов Ю. А. Границы Афганистана: трагедия и уроки: ист.-публицист. исслед. 2-е изд., доп. М., 2011;

Христофоров В. С. Указ. соч.; Он же. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Рос. история. 2019. № 6. С. 3–21; Христофоров В. С., Гусева Ю. Н. Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирования и общественное неприятие // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, no. № 2. С. 382–388.

⁴ Богданов А. П. Афганская тетрадь. М., 2004; Грешнов А. Б. Афганистан: заложники времени. М., 2006; Добровольский А. А. Афганистан вчера, сегодня, завтра... М., 2015; Соболев В. В. Тарджуман. М., 2014.

⁵ Афган: война без линии фронта: сб. воспоминаний воронежцев, участников афган. войны. Воронеж, 2016. 392 с.

⁶ Юрин Ф. И. Челябинские чекисты в Афганистане. Челябинск, 2019.

⁷ Взгляд сквозь годы. Воспоминания ветеранов-чекистов Башкортостана об афганской войне. Уфа, 2014. 316 с.

⁸ Чекисты Ленинграда в Афганистане: К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. СПб., 2009. 320 с.

⁹ Дневниковые записи М. Ф. Слинкина — советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.). М., 2016. 124 с.; Пласту В. Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: дневниковые записи и комментарии участника. М., 2016. 756 с.

¹⁰ Соколова М. В. Что такое историческая память. URL: <https://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 15.05.2021).

¹¹ Война в Афганистане. М., 1991. С. 240; Фейфер Г. Большая игра: Война СССР в Афганистане. М., 2013. С. 123, 137.

¹² Фейфер Г. Указ. соч. С. 127, 143–144, 208.

¹³ Перед вводом в Афганистан отрядов специального назначения военнослужащие были экипированы как военнослужащие мотострелкового батальона, а все знаки отличия спецназа были сняты. См.: Память из пламени Афганистана: интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов: в 4 кн. Кн. 4. Бишкек, 2021. С. 103–105, 127, 234–235.

¹⁴ Память из пламени Афганистана... Кн. 4. С. 63, 85.

¹⁵ Там же. Кн. 1. Астана, 2016. С. 47, 79, 170, 200; Кн. 4. С. 95.

¹⁶ См.: Прощай, шурави. Книга памяти военнослужащих, погибших в Афганистане в 1979–1989 гг. Воронеж, 2009. С. 394–395.

¹⁷ Спецназ ГРУ в Афганистане 1979–1989 гг. М., 2009. С. 8.

¹⁸ Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. С. 84–85.

¹⁹ См.: О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 12 октября 1967 года. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36903> (дата обращения: 13.05.2021).

²⁰ Память из пламени Афганистана... Кн. 1. С. 51–52.

²¹ Афганистан в наших сердцах. URL: <http://kprf-chel.ru/2019/02/18/afghanistan-v-nashix-serdcax/>; Павшие в Афганской войне. Челябинская область. URL: http://www.afgan.ru/memorial/afghanistan-pavshie_chelyabinsk.html; Осколки памяти. URL: <https://gubernia74.ru/articles/0/16889>.

²² Память из пламени Афганистана... Кн. 4. С. 58–59.

²³ Фейфер Г. Указ. соч. С. 228.

²⁴ Память из пламени Афганистана... Кн. 1. С. 47, 79, 170, 200; Кн. 4. С. 40.

²⁵ Там же. Кн. 1. С. 82, 200; Кн. 2. Астана, 2016. С. 47.

²⁶ Память из пламени Афганистана... Кн. 1. С. 58, 163, 168; Кн. 2. С. 66, 109; Кн. 3. С. 26.

²⁷ Там же. Кн. 1. С. 81, 90; Кн. 2. С. 120; Кн. 4. С. 45, 112–113, 131.

²⁸ Например, биографические материалы о послках СССР в Афганистане см.: *Аблазов В. И., Аблазов И. В., Аблазов К. В.* Афганская арена. Дипломаты и полководцы. Киев, 2012. С. 86–123.

²⁹ Осколки памяти. URL: <https://gubernia74.ru/articles/0/16889/> (дата обращения: 15.05.2021).

³⁰ Памяти воинов-интернационалистов, прошедших дорогами Афганистана, посвящается. URL: <https://archive74.ru/news/pamyati-voinov-internacjonalistov-proshedshih-dorogami-afganistana-posvyashchaetsya> (дата обращения: 15.05.2021).

Г. К. Павленко

Мироощущения: прыжок семьи из СССР в новую Россию

2021 год. Тридцать лет со дня распада СССР. Девяносто лет М. С. Горбачеву. И опять выступления в СМИ, хотя не столь бурные, как раньше, либо в защиту его, либо совершенно противоположные. Авторы и тех и других понять можно. Представители либерального крыла благодарны за полученные свободы, за разными путями приобретенные капиталы (правда, об этом умалчивают). Противоположное крыло недовольно низкими зарплатами, не позволяющими обеспечить гражданам средний уровень, а кому-то и элитную жизнь, которую все видят с экранов телевизоров. Именно представители этой среды теряют работу на обанкротившихся заводах и фирмах. К тому же такой настрой поддерживают старые родители: «У нас такого не было».

Люди пытаются «впрячь в телегу коня и трепетную лань», где конь — это капитализм, а трепетная лань — социализм, забывая, что в поговорке есть слова «НЕЛЬЗЯ ВПРЯЧЬ!» В советские годы мы росли, мужали, просто жили и даже не задумывались над проблемами страны. И только после распада СССР, в водовороте кризиса я, читавшая курс советской истории, начала и продолжаю до сих пор бесконечный поиск причин случившегося. Их оказался комплекс. Но от этого не стало легче.

Да, Горбачев и Ельцин довели страну до развала. Но они приняли ее в таком состоянии, когда сами, не владевшие современными экономическими, управленческими знаниями (как Дэн Сяопин в Китае), стали игрушками в чужих руках. Этот фактор тоже следствие советской структуры управления. Недавно историк Е. Спицын обратил внимание на материалы XX съезда КПСС, которыми мы не придавали значения. Наше сознание работало в русле «Партия — наш рулевой!» Оказывается, Сталин пытался за партией оставить только идеологическую работу, а экономическую жизнь страны поручал хозяйственным органам. Однако решением съезда оба аспекта были закреплены за партией. Это во-первых.

Во-вторых, имелись экономические причины: а) назрели противоречия между государственным сектором и частным теневым (в Прибалтике, на Кавказе, в Узбекистане, Якутии, Поволжье), между тяжелой и легкой промышленностью, между сырьевыми и перерабатывающими отраслями; б) экономика продолжала развиваться экстенсивным путем. Интенсивный составлял только 7 % и то в основном в военно-промышленном комплексе, в то время как Запад ушел далеко от

СССР в этом направлении. Причиной всему являлся социалистический принцип распределения бюджета, не приносящий прибыли.

В-третьих, существовали психологические факторы: а) нации, достигнув развития своих матрон, стремятся к саморазвитию, а в период кризиса — к самосохранению; последнее стало особенно ярким проявлением в 1980-е гг., страна на окраинах напоминала пороховую бочку; б) интеллигенции хотелось больше свобод не только в самовыражении, но и свободы выезда за границу; в) альтруистов в любом обществе насчитывается не более 15 %, поэтому потребность иметь большие зарплаты, что-то новое из одежды, мебели, посуды, отдыха невозможно отменить никакими приказами и объяснениями. Я не останавливаюсь на личностных отношениях внутри власти и на геополитических интересах Запада, которые имели место.

Это прелюдия к небольшому экскурсу в историю моей семьи. И, хотя очевидно, что все аспекты не могут отразиться в ней, но экономический и психологический проглядываются.

Наша семья — обычная, среднестатистическая в СССР. Мы с мужем оба дети войны, выросшие без отцов. У Владимира Денисовича отец умер в 1943 г. в трудовом лагере. И его опекал отчим. Жизнь в деревне всегда была нелегкой, а уж в те годы тем более. Меня мама воспитывала с шести с половиной лет одна, так как отец умер. И хотя я росла в областном центре, в Челябинске, жизнь наша была не легче. Весь наш зареченский район представлял частный сектор. А это значит — необходимость приобретать дрова, уголь, топить печи, носить воду из колонок. Зарплата медсестры не позволяла иметь каких-то излишеств. Несмотря на это, мы оба с мужем благодаря советской системе добились своих целей совершенно бесплатно: окончили педагогический институт, аспирантуру, стали кандидатами исторических наук, доцентами, исследователями истории Великой Отечественной войны нашего края, выпустили не одну монографию (правда, уже в России, так как в советское время это сделать было невозможно).

Перед этим мы прошли непростой путь: муж окончил профессионально-техническое училище, работал на тракторном заводе, три года прослужил в армии; я работала на радиозаводе, была вожатой в школе.

В начале 1970-х гг. у нас с мужем было уже двое сыновей. Жили более чем скромно. В стране

декларировался прожиточный уровень 70 руб. на человека. В нашей семье на пятерых, включая бабушку, приходилось меньше 50 руб. Оклады у интеллигенции в те годы не превышали 90–105 руб. Больше получали только руководители предприятий да рабочие вредных профессий (металлурги, шахтеры), «остепененные» преподаватели вузов. В конце 1970-х гг. наш коллега Б. В. Григорьев с улыбкой и сожалением вспоминал, что на доцентскую зарплату в 320 руб. в середине 1950-х гг. можно было купить домик в Чебаркуле. А с сожалением потому, что к концу 1970-х гг. инфляция по стране шагала семимильными шагами и зашкаливала за 100 %. Так что в то время мы с мужем ничего не выиграли от высоких зарплат. Хотя в 1960–1970-е, да и в 1980-е гг. даже не задумывались о своем материальном положении и о том, что в стране что-то не так. Жили вскладчину. Я работала учителем в школе — оклад 95 руб. Педагогический стаж обеспечивал добавку к зарплате 5 руб. Муж учился в аспирантуре — стипендия 68 руб. Бабушка получала пенсию 57 руб. (вышла на заслуженный отдых в 1968). По закону того времени, она имела возможность работать два месяца в году, что и делала. Иные правила были в колхозах. Его члены выходили на заслуженный отдых в 60 лет. В 1969 г. и моя свекровь стала получать пенсию. Она была смехотворная — сначала 12 руб., потом увеличилась до 28. Это для сведения тем, кто сегодня работает на постоянной основе и недоволен, что им не индексируются пенсии. «Сегодня жизнь, — говорят они, — другая». Действительно другая, если посмотреть на потребности богатых людей и прилавки, ломящиеся от продуктов, овощей и других товаров. А в советское время жизнь у большинства была одинаковой.

Сыновья родились с разрывом в шесть лет: один в феврале 1968-го, другой в январе 1974 г. Ко времени рождения второго сына я уже работала в пединституте на ставке ассистента в 105 руб. Муж стал старшим преподавателем с окладом 280 руб. Вроде бы наше материальное положение стало лучше. Но в легкой промышленности страны ничего не менялось. Мои распашонки, сшитые мамой из тонкого батиста в 1944 г., передавались по наследству от сыновей к внучке вплоть до 1991 г. Благо бабушкин сундук конца XIX в. их хорошо сохранял. Ползунки шили сами из фланельки. Трусы и майки тоже. Ходила к вузовским коллегам, у которых дети уже выросли, в поисках оставшихся трикотажных принадлежностей. В деревне у бабушки сыновья играли в девичьих платьях, переданных подругой от подросшей дочери. Это никак не сказало на их характерах, просто факт остается фактом. Кроме того, не было не только постельных принадлежностей, но и тканей, из которых можно было их сшить. В 1973 г. от родных из Киева мы привезли техническое полотно — на простыни и наволочки.

Все, кто жил в советское время, хорошо помнят, что столицы всех республик, в том числе

Российской Федерации, снабжались отлично. И когда я в середине 1970-х гг. попала в Москву, а затем в Ленинград, моему удивлению не было предела. Мясо на разруб — любое. Мандарины, апельсины — пожалуйста! А к нам в Челябинск их завозили только перед Новым годом. Кому удавалось отстоять в очереди, могли поставить их на стол или разложить в подарки детям. А село их вообще не видело. Постельное белье в Москве можно было «достать», постояв в длинной очереди. И везла я домой, как ишак, колбасу копченую, на шее вместо бус — туалетную бумагу, тюки обоев, кофе растворимый и т. д. К слову об обоях. Это не был каприз. Просто в городах страны, и у нас на Урале, шло крупномасштабное панельное строительство. С 1962 г. деревянные дома в зареченском районе Челябинска начали сносить. Все получили в пятиэтажках бесплатные хрущевские квадратные метры — по девять на каждого члена семьи. Мы с мамой тоже получили квартиру. А в 1970-е гг. в северо-западной части города развернулось строительство уже девятиэтажных домов. И благодаря вузу, получив для обмена старую двухкомнатную квартиру, мы переехали в новый район. Магазин по продаже обоев имелся в городе всего один, и в него не успевали завозить товар.

Наряду с жилыми кварталами строились новые просторные, со стеклянными витринами магазины. На берегу реки Миасс возникли роскошный Торговый центр и Дворец спорта. Тогда нас все это радовало. Но с позиций сегодняшнего дня, когда на прилавках множество видов сыров, копченых колбас, замороженных полуфабрикатов, кондитерских изделий, произведенных как в области, так и в других регионах страны, о многом задумываешься. Почему так скуден был ассортимент продуктов в советское время? Продавались масло сливочное, маргарин, комбижир, колбаса вареная, молоко, кефир, сливки, незатейливые (из двух лепешек) торты, печенье, развесные конфеты, все крупы (кроме гречки — ее выдавали только диабетикам и ветеранам войны; мы ее считали за деликатес и радовались, когда кто-нибудь угощал ею). Потом в магазинах появились в красивых полосатых упаковках французские куры. Мы только диву давались, глядя на них. Ведь в нашей семье главным продуктом оставались суповые наборы, которые сегодня люди берут для собак. Последних стало много нынче в квартирах.

Нельзя не вспомнить картину с овощами. Сегодня, несмотря на неурожай картофеля в крае, никто не переживает. Ведь он будет привезен из других регионов. А на базаре у частников и в магазинах круглый год свежая и квашеная капуста, огурцы и помидоры, яблоки, зелень. А тогда сколько сил мы вкладывали, чтобы со студентами убрать картофель с полей! В дождливую погоду выкапывали клубни вилами. И что же? Зимой начинались авральные поездки в овощехранилища для переборки гниющих корнеплодов.

А в магазинах на картофель горько было смотреть, не то что покупать.

Психологический фактор — это особая страничка в жизни страны, в том числе Челябинска. В какую только очередь люди не записывались в магазинах, чтобы приобрести хрусталь, стенки (так назывались мебельные гарнитуры), книги. Не все были заядлыми чтецами, но у всех в шкафу должны были стоять книги и радовать глаз красивыми переплетами. У нас тоже в те годы были шкафы с книгами, но только по специальности. Любопытный сосед, однажды заглянув к нам, с разочарованием произнес: «О, да это макулатура!»

Помню, как в 1983 г. мы привезли старшему сыну из Болгарии кроссовки. Он заносил их до дыр, заклеивал и снова надевал. Учителя вызывали нас в школу: «Вы что, не можете сыну купить нормальную обувь?» Но наши уговоры не помогали. Кстати, хочу сказать о стоимости путевки в Болгарию. У нас денег на нее не было, несмотря на то что профсоюз оплачивал 30 %. Помогли родители мужа. У них на книжке хранились деньги за проданную корову, а тратить их было не на что.

Видимо, ввиду такого развития экономики в 1985 г. люди с восторгом встретили горбачевскую перестройку. В городе появились базарчики местных кооператоров. Нарасхват у молодежи вареные джинсы, спортивные костюмы с самодельной вышивкой «Adidas». Старший сын поступил в институт, и вместе с младшим они устроились ночными сторожами в детский сад, чтобы подзаработать и приобрести что-нибудь из модной одежды. Младшему зарплаты хватало только на поношенный спортивный костюм «Adidas» с дырочками на коленке от сигареты хозяина. Но костюм все равно носился им с гордостью. В нем сын пошел и на выпускной вечер получать аттестат зрелости, так как нормальный костюм купить было невозможно. Зарплаты у вузовских преподавателей опустились ниже учительских.

Эйфория недолго владела массами. Кризис больно ударил по всем категориям населения. Не выплачивались регулярно зарплаты и пенсии. Не хватало продуктов питания. Проблему попытались решить введением талонов на сливочное масло, суповые наборы, спички, хозяйственное мыло и водку. Последней расплачивались за все виды работ со слесарями, электриками. Придя на кафедру, я сокрушалась: «Зачем моей семье ежемесячно 25 талонов на водку (пять на каждого члена семьи)?» Тот же Борис Васильевич с юмором отвечал: «Складывай водку в темной. Будешь играть свадьбы сыновей, пригодится». Осенью 1988 г. сын Андрей, демобилизовавшись из армии, собрался жениться, свадьбу наметил на январь 1989 г. Но водка не пригодилась — вышел «сухой закон». По городу прокатились «алкогольные бунты». После одного из них стеклянные витрины соседнего магазина «Северо-западный» (ныне это «Теорема») были забиты фанерными листами.

Наша бабушка согласилась стать старшей по дому, чтобы получать в месяц дополнительно два талона на сливочное масло (одни талон — 200 г масла).

Распад СССР в декабре 1991 г. не улучшил ситуации. Ректор пединститута А. Ф. Аменд нашел где-то трактор, продав который, выплатил нам зарплату. В начале 1990-х гг. мы впервые узнали вкус чечевицы — ее присылали в страну в качестве гуманитарной помощи из Германии, побежденной советскими войсками в 1945 г. А несколько позже в продаже появились «ножки Буша» — так население прозвало куриные окорочка, прибывшие из США. Андрей, будучи студентом, устроился ночным грузчиком в соседний магазин и стал приносить домой молоко и кефир, а по окончании вуза уехал по распределению в Кременкуль. Младший, ученик 10-го класса, соорудил в спальне курятник в два этажа, на балконе держал кроликов. И это на четвертом этаже!!! Чтобы куры неслись, поставил лампы, которые горели с самого утра и до двух часов ночи. Осенью 1992 г. сын ушел в армию, причем без медицинского освидетельствования, так как врачи бастовали. Он оставил нам кур и кроликов, которых мы потихоньку съели. А Андрей в это время вместе с кременкульскими учителями организовали точки горячего питания на трассе. Благо у одного из учителей была легковая машина. Так и жили, кто как мог.

С 2005 г. жизнь в стране стала входить в нормальное русло. Но, как говорил К. Маркс, крупный капитал поглощает малый и средний. На рынок страны и в Челябинск пришел крупный западный капитал в лице супермаркетов, поддерживаемый российскими банками. Они наполнили магазины западными товарами и продуктами. В 2008 г. начался мировой экономический кризис. Российские банки отказали малому и среднему бизнесу в своей поддержке и потребовали срочно вернуть кредиты. Сразу же опустели ларьки. Хорошо хоть государство сделало ставку на поддержку сельскохозяйственного производителя. И в Челябинской области положительно решили проблему с обеспечением населения местными курами, сырами, разнообразными мясными деликатесами. Помимо этого правительство РФ, используя рычаги государственного капитализма, подняло размер пенсий до среднего прожиточного уровня.

С высоты прожитых лет, наблюдая сегодня не только за становлением капитализма в нашей стране, но и за его деградацией в мире (даже не столько экономическими процессами, сколько нравственными), могу сказать: ни один из путей развития не принес благо человечеству. Кризисы, имеющие свои особенности в каждой из систем, обрушиваются и больно ударяют прежде всего по населению. А капитал действует так, как писал в своих трудах К. Маркс.

Часть X
История в биографиях

А. Б. Ярошецкий

Первый историк поселка Полтавского и его корни

Николай Михайлович Чернавский (1872–1940), известный уральский историк, архивист, автор двухтомного труда «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем», основатель Челябинского архива (1921), считается первым серьезным историком, изучавшим прошлое Челябинска. И он же является первым историком пос. Полтавского Великопетровской станицы Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, запечатлевшим важные события в его жизни в конце XIX в. Николай Чернавский родился здесь 28 января (10 февраля по новому стилю) 1872 г. в семье священника Михаила Чернавского. Первая опубликованная статья студента Казанской духовной академии Николая Чернавского «О сборщиках пожертвований на храмы» появилась 15 апреля 1895 г. в «Оренбургских епархиальных ведомостях». И эта первая статья посвящена его малой родине — Полтавскому казачьему поселку. Здесь Николай прожил первые девять лет своей жизни до поступления в Челябинское духовное училище (1881) и регулярно приезжал сюда, в родительский дом, на каникулы в течение еще десяти лет (до 1891). По окончании духовного училища в Челябинске в 1886 г. он поступил в Оренбургскую духовную семинарию и успешно окончил ее в 1892 г. В том же году поступил в духовную академию в Казани. В 1896 г. окончил миссионерско-татарское отделение Восточного факультета Казанской духовной академии со степенью кандидата богословия. С 1895 г. начал публиковать историко-статистические статьи (очерки) в газете «Оренбургские епархиальные ведомости».

Род Чернавских издревле проживал в Смоленской губернии. К духовному сословию относились оба деда историка, обе бабушки, многочисленные дяди и тети. Отец его, Михаил Антонович Чернавский (1841–1903), окончил сначала Вяземское духовное училище, потом Смоленскую духовную семинарию (15 июля 1863) с аттестатом по 2-му разряду воспитанников, одним из последних (то есть учился слабо). Откликнулся на призыв епископа Оренбургского и Уральского Антония (Радонежского) к выпускникам семинарии с предложением занять священнические места в далекой Оренбургской епархии. Женившись 17 августа 1864 г. на дочери дьячка Евдокии Ивановне Соколовой и «получив в приданое 400 руб. и 110 руб. на первоначальные расходы при проsvатании», направился в Оренбургский край¹. 1 ноября 1864 г. преосвященным Варлаамом (Денисовым), епископом Оренбургским и Уральским, он был рукоположен во священника и определен в завод Кагинский Верхнеуральского уезда. В этом своем первом приходе о. Михаил прослужил четыре года. 10 декабря 1868 г. епископом Оренбургским и Уральским Митрофаном (Вицинским) определен в отряд Верхнекизиль-

ский Верхнеуральского уезда. 15 января 1871 г. преосвященным Митрофаном (Вицинским) иерей Михаил Чернавский перемещен в пос. Полтавский. Здесь за ревностное исполнение своих обязанностей и благоповедение он 19 ноября 1871 г. был награжден набедренником.

В клировой ведомости Казанско-Богородицкой церкви пос. Полтавского за 1873 г. отмечено, что в его семействе были: жена Евдокия Иванова (29 лет), сын их Николай (2 лет), «своячина его», то есть сестра жены, Пелагея Иванова Соколова (48 лет). Благодинным священником Иоанном Покрываловым записано, что священник Михаил Чернавский «поведения очень хорошего, очень усерден к отправлению богослужений и исправлению христианских треб, судим и штрафован не был, все члены семейства его поведения хорошего. Цензору представлял 6 проповедей»².

Второй по счету настоятель Полтавского прихода Михаил Чернавский прослужил на этом месте целых двадцать лет — с января 1871 по январь 1891 г. Интересно отметить, что у семейной четы Чернавских долго не было своих детей — около восьми лет. И можно предположить, что это заставило родителей более усердно молиться о даровании ребенка. И вот в начале 1872 г. появляется долгожданный вымоленный первенец — Николай. И далее рождаются еще трое детей: сын Иоанн, дочери Евдокия и Анфия. В клировой ведомости Казанско-Богородицкой церкви пос. Полтавского за 1881 г. записано, что о. Михаилу — 40 лет, его жене — 37, их детям: Николаю — 9 лет, Иоанну — 7, Евдокии — 6, Анфии — 2 года³.

Судя по записям в клировых ведомостях, иерей Михаил Чернавский был авторитетным священником, активным проповедником, имевшим немало благодарностей со стороны духовного начальства. Назначался благочинным священником 16-го благочиннического округа и исполнял эту должность с 11 декабря 1881 по 13 апреля 1885 г. По собственному прошению был освобожден от этой ответственной должности. Многократно назначался катехизатором и членом Благочиннического совета. Но это лицевая сторона медали. А есть и обратная сторона.

Священник Михаил Чернавский два раза находился под следствием Оренбургской духовной консистории в связи с жалобами со стороны прихожан. В ГАОО хранятся два следственных дела на о. Михаила Чернавского. Первое было заведено 4 февраля 1888 г. после жалобы на священника М. Чернавского и обвинения его в неблагоприятных поступках со стороны полтавского казака и попечителя Полтавской поселковой женской школы Петра 1-го Шерстобитова от 1 декабря 1887 г. Поддержали своими свидетельскими показаниями это обвинение только несколько казаков, большинство же полтавчан не пошло против

настоятеля, и он был оправдан⁴. В начале 1891 г. по прошению о. Михаила Чернавского он был переведен настоятелем в с. Рыбкино Оренбургского уезда. Но и там на него поступила жалоба. В ГАОО хранится «Дело об увольнении с должности священника с. Рыбкино М. Чернавского за неисполнение служебных обязанностей и притеснение прихожан», начатое 20 января 1893 г.

В 1893 г. о. Михаил был переведен в с. Ратчино Оренбургского уезда, где прослужил около пяти лет. Именно в Ратчино в конце 1894 г., будучи студентом Казанской духовной академии и находясь у родителей, Николай Чернавский напишет свою первую и единственную статью, связанную с пос. Полтавским. Ниже приводится начало очерка «О сборщиках пожертвований на храмы».

В июне месяце прошлого года мне пришлось встретиться со сборщиками подаяний на построение (сгоревшей в 1891 г.) церкви в поселке Полтавском, Великопетровской станицы, Верхнеуральского уезда, — Иваном Завалишиным и Григорием Шерстобитовым. Прибыв в наше село Ратчино, сборщики подъехали прямо к священническому дому <...> и, конечно, приняты были с полным радушием... Интересно было видеть картину встречи прежнего батюшки со своими пасомыми: последние падали в ноги пред батюшкой и матушкой и, в полноте чувств, даже прослезались, а потом с чувством облобызались друг с другом. <...> В начавшейся и немолкаемо продолжаемой во все двухсуточное пребывание беседе с ними с живейшим интересом батюшка и матушка расспрашивали о многих из своих прежних прихожан, кто как из них живет в настоящее время, какие произошли перемены в семейном состоянии и в хозяйстве их. Настоящий случай ясно показывал, что между священником и прихожанами сохраняется еще по селам полная родственная связь, связь именно отца и детей, пастыря и пасомых.

Один из сборщиков, Иван Завалишин, между прочим, уже в 4-й раз отправляется за сбором пожертвований. <...> На первый раз сборщики, в количестве двух человек, вышли из Полтавского поселка 4 июня прошлого года (1894 г.) и держали путь по направлению к гор. Кустанаю (Ново-Николаевску); отсюда чрез Усть-Уйскую станицу направились к г. Троицку, затем чрез Мияский завод прибыли в г. Верхне-Уральск и ближайшими селами 25 июля воротились домой, в Полтавский поселок. За 1,5 месяца они собрали и доставили, за необходимыми расходами на пути, 118 р.⁵

В этом очерке Николай Чернавский отобразил очень важные события и подробности из истории пос. Полтавского и прихода. Как спустя три года после страшного пожара 6 июня 1891 г., уничтожившего весь поселок и деревянный храм, полтавские казаки (по два человека) несколько раз отправлялись по городам и весям Южного Урала для сбора пожертвований на строительство нового храма.

Священник Михаил Чернавский окончил свой земной путь в слободе Куртамыш Челябин-

ского уезда, куда в 1901 г. был переведен на место своего сына, священника Иоанна Чернавского. Некролог о его смерти был опубликован в «Оренбургских епархиальных ведомостях» (1903. № 12) под авторством его старшего сына Николая Чернавского. За шесть дней до смерти, 10 мая 1903 г., священник Михаил Чернавский оставил завещание, записанное врачом сельской больницы В. П. Сосуновым: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я <...> находясь в здравом уме и твердой памяти <...> собственное мое движимое имущество — лошадь, корову, тарантас с пр., домашнюю утварь, одежду и пр., а также капитал в сберегательной кассе <...> предоставляю в собственность своей жены — Евдокии Ивановны Чернавской»⁶.

По воспоминаниям Николая Чернавского, характер у отца был крайне деспотичным. Нередко он отдавал дань «зеленому змию», после чего буянил. Особенно доставалось матушке Евдокии Ивановне. О ней у Николая Чернавского сохранились самые светлые воспоминания. Евдокия Ивановна (1841–1913) была, по его мнению, удивительной женщиной, «на редкость умной, развитой (хотя малообразованной), гордой». Она любила своего первенца Николая, переживала за него и старалась быть рядом в самые трудные для него дни⁷. В «Автобиографии» Н. М. Чернавский написал: «Отец был человек недалекий и крайне сварливый; мать — женщина даровитая, разумная и высокопорядочная»⁸. Евдокия Ивановна после смерти мужа переехала в Оренбург, где служили оба ее сына: Николай Чернавский — смотрителем в духовном училище, священник Иоанн Чернавский — в церкви. Младший сын Иоанн станет впоследствии протоиереем, деятельным пастырем, проповедником и миссионером, присоединившим к православию многих людей из старообрядчества. Был в Оренбурге священником и ключарем Казанского кафедрального собора, потом служил в Иоанно-Богословской церкви, а с октября 1914 г. являлся настоятелем Георгиевского войскового собора⁹. В июне 1913 г. Евдокия Ивановна скончалась в Оренбурге¹⁰.

По окончании миссионерско-татарского отделения Казанской духовной академии Николай Чернавский был извещен, что он «за воспитание в Академии на казенном содержании в продолжение 4-х лет обязан прослужить 6 лет в духовно-учебном ведомстве или же уплатить сему ведомству полна и единовременно 760 руб. и за воспитание в Оренбургской духовной семинарии 322 руб. 50 коп., а всего — 1082 руб. 50 коп.»¹¹. У сына сельского священника не было таких денег, и он поступил на службу в духовно-учебное ведомство. Летом 1896 г. перспективный выпускник Николай Чернавский получает высокую должность наблюдателя церковно-приходских школ в г. Кустанае Тургайской области. Но 27 января 1897 г. он уволился оттуда, не желая принимать священнический сан. Миссионер и священник из Николая Чернавского не получился, хотя

он обучался этому святому делу 15 лет, прошел полный курс обучения — от училища до академии. Не было у него самого главного для этого — духовного горения к усердному служению Богу. Вера в Бога в нем охладела. И далее он будет постоянно уклоняться от принятия сана. Николай Михайловича более интересовала научная, историко-исследовательская деятельность.

Николай Чернавский возвращается в Оренбург и работает в редакции «Оренбургской газеты». 27 июля 1897 г. поступает на должность учителя арифметики и географии, а также смотрителя в Оренбургское духовное училище. Он пишет статьи по церковной истории Оренбургского края, которые регулярно публикуются в «Оренбургских епархиальных ведомостях». Его очерки, посвященные населенным пунктам епархии («Село Ратчино», «Село Воздвиженское», «Село Долговское», «Село Обанино», «Слобода Куртамыш» и др.), обратили на себя внимание и во многом повлияли на дальнейшую жизнь автора. Особую ценность этим работам придает то, что история церквей и приходоов дается в них на достаточно широком историко-этнографическом общем фоне. Он обрел свой стиль. Читатель не найдет в них ни особой эмоциональности, свойственной очеркам нравов тех лет, ни яркой образности, а уж тем более цветистости и сочности языка. Цифры и факты — вот что более всего занимает автора¹².

Епископ Оренбургский и Уральский Владимир (Соколовский) предложил Николаю Чернавскому составить историческую записку к 100-летию Оренбургской епархии (1899) и этим вдохновил его на создание своей главной книги — «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем». Николай Михайлович активно принялся за изучение архивных материалов. Он ездил в Уфу, Казань, а в самом Оренбурге работал с делами генерал-губернаторского архива. Базовыми же для Чернавского стали архивы духовной консистории и духовных правлений края. В 1899 г. «Оренбургские епархиальные ведомости» публикуют его «Очерки по истории Оренбургской епархии» и статью «Общий взгляд на историю Оренбургской епархии».

Первый том «Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем» был издан в Оренбурге в 1900 г., второй — там же в 1903 г. «Нас с избытком утешает сознание исполненного долга, — писал Н. М. Чернавский в предисловии ко второму выпуску своего труда. — В течение 4,5 лет мы беззаветно отдавались излюбленному труду, посвящая ему весь свой досуг, и вложили в него всю свободную от несения прямых служебных обязанностей энергию»¹³. Благожелательные отклики поместили такие солидные издания, как «Исторический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Церковные ведомости».

Но появились и критические рецензии, заставившие Н. М. Чернавского вступить в полемику. Особенно острую форму приняла дискуссия автора с историком, краеведом и ветеринар-

ным врачом А. И. Добросмысловым. Он обвинил Чернавского в пренебрежительном отношении к трудам предшественников, в некритическом использовании случайно подобранных по теме изданий, в большом количестве неточностей и, резюмируя, вынес приговор: «Этот труд отнюдь не может быть назван исследованием». А. И. Добросмыслов считал, что было бы более правильно назвать труд «Очерками по истории Оренбургской епархии», и высказал мысль о несоответствии содержания книги ее названию. В этом с ним согласились преподаватели Казанской духовной академии, куда труд был представлен на предмет присвоения автору звания магистра богословия. Но, отметив недостатки, доцент Казанской академии И. Покровский в то же время отмечал, что «труд Чернавского по истории Оренбургской епархии очень почтенный и весьма ценный по обилию и разнообразию собранных в нем архивных материалов». 2 мая 1905 г. по результатам коллоквиума в Казанской духовной академии Н. М. Чернавскому была присуждена степень магистра богословия¹⁴.

Как подчеркивал впоследствии в анкете Н. М. Чернавский: «Правильнее было бы сказать — магистр церковной истории». Именно за это историческое исследование Николай Чернавский был занесен как писатель в «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона» (том 76) и в «Большую энциклопедию» Южакова (том 20).

В это время его настигает внутренний духовный кризис. Николай Чернавский все более отходит от веры в Бога, тщетно пытается перейти из духовного ведомства в Министерство народного просвещения. Неожиданно для него рушится личная жизнь: от него уходит жена Надежда Николаевна (в девичестве Сперанская), с которой он прожил несколько лет. Он писал ей письма, просил вернуться, но она была тверда и призывала его «успокоиться, собрать все силы и примириться». Находясь в Петербурге по делам службы, в состоянии острого психологического кризиса Чернавский заболел и был недалек от смерти, более месяца пролежав в полубреду, с температурой под 40 градусов. Вернувшись в Оренбург, он понял, что жить в этом городе не может¹⁵.

Вскоре Н. М. Чернавский переехал во Владикавказ, где с 1906 по 1910 гг. работал смотрителем духовного училища. При его отъезде из Владикавказа один из местных учителей определил стиль педагогической деятельности Чернавского как «справедливая строгость». В 1906 или 1907 г. он женится вторично — на Лидии Владимировне. Но второй брак также не сложился и вскоре распался.

За научную деятельность Н. М. Чернавский в 1907 г. был избран почетным членом Оренбургской ученой архивной комиссии. 17 июля 1909 г. ему был присвоен чин статского советника¹⁶. С 1910 по 1912 гг. он служил в Перми смотрителем духовного училища. Далее перебрался в Чернигов, где служил инспектором Черниговской духовной семинарии (1912–1914). В 1912,

1913 и 1915 гг. обратился в Министерство народного просвещения с просьбой о переводе в светское учебное заведение¹⁷. Однако во всех своих официальных обращениях Н. М. Чернавский связывал с подобным переходом явные карьерные устремления — просил дать ему место не простого учителя, а непременно директора учительской семинарии или института¹⁸. В 1915 г. он возвращается в Оренбург, где служит инспектором Оренбургской духовной семинарии, а потом и ее ректором в 1918 г., в последний год ее существования. К этому времени деятельность Николая Чернавского была отмечена орденами Св. Станислава II степени и Св. Анны III степени.

В «Автобиографии» от 27 апреля 1938 г. Н. М. Чернавский пишет: «Февральскую революцию 1917 г. встретил, как и вся передовая интеллигенция, с полным удовлетворением и ожиданием»¹⁹. «...После Февральской революции 1917 г. избран был по совместительству редактором газеты “Оренбургский церковно-общественный вестник”, начавший выходить с 1 апреля 1917 г. (взамен “Оренбургских епархиальных ведомостей”)²⁰. Там он также публикует свои статьи, теперь уже не только церковно-исторические, но и публицистические, религиозно-философские. В статье «К вопросу об отношении социализма к религии» он открыто заявляет о своем неприятии социалистических идей в любой их форме, объявляет социализм лжерелигией, сместившей, опрокинувшей привычную систему ценностей, подчинившую духовные, культурные потребности материальным. Он отрицает любую возможность сотрудничества, сосуществования и взаимодействия христианства и социалистической идеологии»²¹.

С 27 августа 1917 г. Николай Чернавский редактирует газету совместно со священником Д. Коновым, а в феврале 1918 г. окончательно покидает пост редактора²². Бурные события революции и Гражданской войны пугают Николая Михайловича, он уезжает из Оренбурга на родину, в места своего детства и юности. С октября 1918 г. он занимает должность директора войсковой гимназии и одновременно инспектора Высшего начального училища ст. Великпетровской Верхнеуральского уезда. Но тихая учительская жизнь, на которую он, видимо, рассчитывал, у него не сложилась. После преобразования в августе 1919 г. гимназии в школу 2-й ступени Н. М. Чернавский работает ее заведующим (с сентября 1919 до марта 1920 г.). Здесь с ним происходит памятное и роковое событие.

В «Автобиографии» от 27 апреля 1938 г. Н. М. Чернавский пишет: «...мною допущен был крайне опрометчивый шаг, когда я 2 марта 1920 г. (в воскресенье, в неделю Торжества Православия) произнес с амвона поучение “о вере в Бога”, в результате чего я вскоре после того был арестован военным комиссаром Ф. Ф. Артамоновым, признавшим мою проповедь за некое контрреволюционное выступление, и препровожден в г. Верхнеуральск. Проповедью я отдал дань

прошлому, когда я до революции был человеком верующим и религиозным, но разумеется и с зачатками сомнения! Истинной причиной ареста со стороны Артамонова считаю... то, что я его как-раз пред тем “пропечатал” в Верхнеуральской газете “Коммунист” № 7, указав, что он своими действиями дискредитирует советскую власть в деревне. В том же 1920 г. Артамонов был разжалован и даже исключен из партии. Я присужден был ЧК в Верхнеуральске условно к лишению свободы на год»²³.

В 1920–1921 гг. Н. М. Чернавский работал секретарем Верхнеуральского уездного отдела народного образования. В сентябре 1921 г. он перебирается на работу в Челябинск, где становится заведующим подотделом археологии, истории и этнографии Челябинского губернского музея. Не проработав и месяца в новой должности, 22 сентября 1921 г. Чернавский становится организатором и первым заведующим Челябинского губернского (с 1924 г. — окружного) архива. Для Н. М. Чернавского это означало явное повышение социального статуса. А самое главное, новая должность открывала возможности для возобновления научной деятельности. За пятилетний период жизни в Челябинске (1921–1926) Н. М. Чернавскому удалось в тяжелейших условиях основать архив, создать архивный фонд и внести огромный вклад в историческую летопись Уральского края. В Челябинске он продолжал исследовательскую работу, написал множество статей по истории Челябинского края. Итогом этой работы явился большой исторический очерк «Челябинск в его прошлом (1736–1926 гг.)». Впоследствии Чернавский напишет: «Челябинск был тем местом, где я оставил наиболее видный след по своей архивной и научной деятельности». Впоследствии, в 1930 г., за свои заслуги перед Челябинском Н. М. Чернавский был избран почетным членом Челябинского краеведческого общества при губернском музее. Он писал: «Архивное дело... есть моя родная стихия, в атмосфере коей я получаю высокое нравственное удовлетворение».

Далее Н. М. Чернавский работал заведующим Пермским окрархивом (1926–1928), научным сотрудником Свердловского архивного бюро (1929–1931), откуда был уволен как «немарксист». По семейному положению на начало 1927 г. он был вдов, одинок. С 11 февраля 1928 г. вышел на пенсию как инвалид второй группы.

Н. М. Чернавский был всегда беспартийным, но старался идти в ногу со временем и в 1920–1930-е гг. быть лояльным к советской власти. Однако его духовное происхождение, образование и дореволюционная деятельность стали камнем преткновения. Впоследствии ему часто приходилось оправдываться и доказывать, что он давно уже отошел от своего духовного сословия и прежнего мировоззрения.

В «Автобиографии» от 27 апреля 1938 г. Н. М. Чернавский пишет: «При всяком удобном случае активно и ретиво выступаю и борюсь

с религиозным суеверием и невежеством. Даже пытался было и печатно выступить с разоблачением христианства <...> заставляющих меня содрогаться от стыда и муки за слепое исповедание его в прошлом, — по традиции и рутине! Но особой поддержки в этом своем рвении не встретил. ...Напоследок жизни приложу все свои силы, чтобы оправдать великое доверие и внести в сокровищницу науки возможно ценные вклады, — в духе заветов наших великих и гениальных вождей — Ленина и Сталина!»²⁴

Старый и больной, он в свои последние годы работал на дому счетоводом-бухгалтером различных организаций жилищной кооперации в Свердловске (1932–1937). 2 января 1940 г. в Свердловске Николай Михайлович Чернавский на 68-м году жизни скончался²⁵. Личный архив его был передан, согласно завещанию, в Челябинск.

Примечания

- ¹ *Боже В. С.* Историк Оренбургского и Уральского края // Чернавский Н. М. Материалы к истории Челябинска. Челябинск, 1993.
² ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 792.
³ Там же. Д. 1029.
⁴ Там же. Оп. 3. Д. 4655/1.
⁵ *Чернавский Н.* О сборщиках пожертвований на храмы // Оренбург. епарх. вед. . Часть неофиц. 1895. № 8. С. 229–230.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 16.

⁷ *Боже В. С.* Указ. соч.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 97.

⁹ Духовенство и церковные деятели Оренбургской епархии по публикациям «Оренбургских епархиальных ведомостей» 1912–1917 гг. : справ. изд. : в 4 т. / сост. А. Г. Щегольков. Т. 2: И–М. Челябинск, 2012. С. 530–531.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 97.

¹¹ *Боже В. С.* Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ *Чернавский Н. М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1903. С. 826.

¹⁴ *Боже В. С.* Указ. соч.

¹⁵ *Боже В. С.* Хранитель вечности Николай Чернавский. URL: <https://zenon74.ru/krug-obsheniya/khranitel-vechnosti-nikolai-chernavskii>.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Базанов М. А.* Провинциальный краевед между Богом и революцией: стратегии интеллектуальной адаптации к советским идеологическим реалиям в судьбе Н. М. Чернавского // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2017. № 2. С. 25–26.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 98.

²⁰ Там же.

²¹ *Базанов М. А.* Указ. соч. С. 26–27.

²² Там же. С. 27.

²³ ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 98.

²⁴ Там же.

²⁵ *Боже В. С.* Историк Оренбургского и Уральского края...

М. С. Исакова

Каукаб Захидовна Мухсинова (Хакимова) — архивист, историк и востоковед

Несмотря на незначительное число работ, освещающих историю архивного дела в Узбекистане¹, собранный исследователями фактический материал позволяет выявить главные вехи развития отрасли. Вместе с тем в современной отечественной историографии архивоведения остается немало вопросов, требующих более глубокого осмысления и концептуальной переоценки. В частности, не получил полноценного освещения вклад представителей интеллигенции в архивное строительство Узбекистана. Зачастую деятельность архивистов рассматривалась через призму исследовательского наследия авторов. Тем не менее становление известных ученых, таких как Ибрахим Алимов, Ольга Чехович, Каукаб Мухсинова, нельзя рассматривать отдельно от их работы в отечественной архивной отрасли. В этом отношении особенный интерес для исследователя представляет освещение практического опыта и вклада в развитие архивного дела первого директора Национального архива Узбекистана — Каукаб Хакимовой.

Каукаб Захидовна Мухсинова (по мужу Хакимова) родилась 30 июля 1921 г. в Ташкенте. В 1939–1944 гг. обучалась на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана). Будучи студенткой, для написания дипломной работы стала изучать архивные фонды

Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР (ЦГИА УзССР). Ее заинтересовал принятый в 1933 г. из Государственной библиотеки и Музея истории Бухары архивный фонд «Управление Кушбеги эмира Бухарского».

По окончании вуза интерес к научным исследованиям стал причиной поступления К. З. Мухсиновой в 1945 г. на заочное отделение аспирантуры университета. Тема ее исследования: «История движения крестьянство Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX века». Одновременно она начала свою трудовую деятельность в должности научного сотрудника ЦГИА УзССР. Очень скоро трудовая активность Каукаб Захидовны стала отражаться в ее карьере. В 1948 г. она была переведена на должность заведующего столом справок.

В послевоенные годы правительство Узбекистана уделило особое внимание разработке мероприятий по созданию условий для обеспечения сохранности и использования сконцентрированных в государственных архивах документов. В 1946 г. в связи с ликвидацией наркоматов и образованием министерств архивный отдел был передан в ведомство Министерства внутренних дел УзССР. В данный период стали проявляться противоречивые тенденции, вызревали черты, ведущие к существенной деформации сложившейся системы управления архивным делом республики.

При архивном отделе МВД УзССР был создан научный совет, который оказал положительное влияние на деятельность архивов. Отныне плановые задания госархивов имели научно обоснованный характер, заметно усилилось сотрудничество с учеными-историками. В первую очередь работа архивов была направлена на упорядочение и систематизацию архивных материалов.

В 1946–1950 гг. было описано 158 045 ед. хр., что создало благоприятные условия для усовершенствования научно-справочного аппарата архивов. Архивными органами начата работа по составлению путеводителя по ЦГАОР УзССР и объединенного путеводителя по областным архивам. Впервые в план работы госархивов была включена работа по созданию систематического каталога. В 1946–1949 гг. составлено 19 479 тематических и 9150 именных каталожных карточек. Наряду с этим активизировалась археографическая деятельность архивов. В 1949 г. архивом был издан сборник документов «Английская агрессия в Афганистане (1889–1917 гг.)»².

Администрация исторического архива уделяла особое внимание пополнению фондов восточными источниками периода среднеазиатских ханств. Согласно учетным документам архива, 29 июля 1948 г. было организовано первое поступление архивных документов хивинских ханов. Данный фонд был передан Хорезмским областным архивом. Архивному фонду «Канцелярия хивинского хана» за 1874–1917 гг. (94 ед. хр.) в Ташкенте был присвоен новый номер — И-125. В 1949 г. фонд пополнился архивными материалами из Каракалпакии, принадлежавшими канцелярии хивинского хана, за период с 1874 по 1917 гг. Каракалпакская опись содержала 98 ед. хр., среди них 37 документов составляли переписку начальника Амударьинского отдела с канцелярией хивинского хана. Также имелись казийские и вакфные документы, материалы о переписке хивинского населения и др.

В 1950 г. сотрудники ЦГИА УзССР начали планомерное упорядочение и научное описание данного фонда. Работу возглавила К. Мухсинова. К тому времени, по сведениям Каукаб Захидовой, документы хивинских ханов были включены в две описи. В первой описи материалы были упорядочены по хронологическому принципу и охватывали 1874–1917 гг. Данная опись включала 333 ед. хр. — преимущественно переписку начальника Амударьинского отдела с канцелярией хивинского хана по вопросу взыскания долгов, налогов, разбора уголовных и семейных дел, вручения повесток Амударьинского отдела о явке в отдел и т. д.

Вторая опись была составлена без учета тематического и хронологического принципов и требовала переработки. Одновременно при тщательном изучении и разборке архивных материалов на восточных языках в хранилище № 5 ЦГИА УзССР была обнаружена россыпь документов, относящихся к «Канцелярии хана хивинского». Из россыпи было сформировано 167 дел.

Среди неразобранных дел грудой лежали толстые канцелярские книги, установить принадлежность которых было трудно. В процессе обработки случайно, путем сличения фотокопий документов, обработанных в свое время П. П. Ивановым, было установлено, что канцелярские книги представляли собой налоговые книги Хивинского ханства с указанием количества земли у отдельных земледельцев (высшей, средней и нижней групп), количества посланных от каждого хозяйства на очистку оросительной сети казухи (рабочих), размера налогов и др.

Ввиду малочисленности фонда было целесообразно составить из двух описей одну, разделенную на тематические группы с хронологической последовательностью внутри каждой группы. На совещании сотрудников ЦГИА УзССР было принято решение разделить опись на следующие тематические группы: 1) перепись начальника Амударьинского отдела с канцелярией хивинского хана; 2) телеграммы; 3) земельно-водные и налоговые вопросы; 4) вакфы; 5) казийские документы; 6) документы ханского ясаулбаши; 7) материалы по статистике; 8) книги исходящие и входящие. Составителем описи была К. З. Мухсинова, которая провела масштабную работу по систематизации, перешифровке и составлению заголовков единиц хранения.

7 мая 1951 г. на производственном совещании сотрудников ЦГИА УзССР состоялось обсуждение описи фонда «Канцелярия хана хивинского», где К. Мухсинова отметила: «...ряд казийских, вакфных документов, которые нельзя относить к фонду “Канцелярия хана хивинского”, выделены под отдельным заголовком, отдельной группой. Имеются также документы ясаулбаши и статистические материалы». Однако З. Агафнова, подчеркивая неточности в ряде составленных заголовков, высказала сомнения в правильности заголовка по сравнению с содержанием документа и не одобрила решение автора выделять отдельным разделом документы ясаулбаши. В то же время Н. Халфин указал на необходимость при усовершенствовании описи учесть и вопросы качества. Рекомендовал составить небольшое введение к описи и снабдить ее указателем, а также при уточнении заголовков в описи сличать его с заголовком единиц хранения»³.

В июне 1951 г. в ходе проверки работы ЦГИА УзССР сотрудниками архивного управления были выявлены ошибки, допущенные при систематизации документов в описи. Составитель описи К. Мухсинова на очередном совещании при начальнике архивного отдела МВД УзССР, состоявшемся 28 июня 1951 г., объяснила это тем, что при описании архивных документов хивинских ханов забыли одну связку, и пришлось дела включать в конец описи⁴.

Сегодня, анализируя качество составления описи № 1 фонда И-125 «Канцелярия хана хивинского», можно сделать заключение, что работа по составлению описи фонда была завершена 7 декабря 1950 г., структура, содержание

и систематизация документов в описи остались в авторском экземпляре без изменений. Даже после обсуждения описи на совещании автор не доработал опись с учетом вышеуказанных замечаний. В ней отсутствуют предисловие и какие-либо указатели, за исключением оглавления. Действительно единицы хранения с 544 по 606 (документы из пачек 65, 66 и 67), относящиеся к разным периодам и различной тематике, были дописаны в конце описи без определенной систематизации. Судя по всему, закончить работу над научным описанием восточных документов хивинских ханов помещал дальнейший карьерный рост Каукаб Захидовны. В августе 1952 г. она была назначена руководителем Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР.

Новый этап в деятельности К. Мухсиновой начался во второй половине 1950-х гг. и был связан с процессами политической оттепели. Под ее руководством началось составление свода основных правил работы госархивов; параллельно обновлялись нормативы, принятые в конце 1930 — начале 1940-х гг. В частности, 13 января 1954 г. Совет министров УзССР принял постановление «О мерах по улучшению архивного дела в республике», которое было направлено на улучшение археографической деятельности научных учреждений по углубленному изучению архивных материалов по истории земельно-водных отношений, экономических и культурных взаимоотношений между народами, вопросов налоговой политики, национально-освободительного движения в крае и т. д. Предусматривался возврат архивных фондов К. П. Кауфмана и князя Н. К. Романова, кокандского и хивинского ханов из Ленинградской библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Института востоковедения АН СССР. На основании данного постановления было укреплено сотрудничество архивных учреждений с научно-исследовательскими институтами, совместно с институтами Академии наук Узбекистана составлялись перспективные планы сбора, разработки и издания документов. Был утвержден новый состав научного совета архивного отдела, расширенный за счет ученых-историков, а штат научных сотрудников ЦГИА и ЦГАОР Узбекистана был увеличен на три единицы в каждом⁵.

Продолжалось интенсивное комплектование фонда хивинских ханов. Так, 28 июня 1954 г. фонд архива был пополнен за счет переданных Хорезмскому областному государственному архиву от Хивинского историко-революционного музея 686 листов разной переписки из канцелярии хивинского хана за 1837–1919 гг., вложенных без переплета в три дела.

Оттепельные веяния коснулись даже наиболее идеологизированного участка архивной работы — использования документов. В 1955 г. взамен действовавших с 1945 г. нормативов были утверждены новые: «Инструкция о порядке пользования документальными материалами ГАФ СССР в читальных залах государственных архи-

вов СССР» и «Правила работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР». В нем посетители читальных залов были названы «исследователями» и им предоставлялось право работать не только на основании письменных поручений от организаций, но и по личным заявлениям (пенсионерам, лицам, не связанным с постоянной работой в одном учреждении); снималось категоричное требование об обязательном предъявлении плана работы по теме исследования; разрешалось изготовление копий документов не только по запросам учреждений, но и по личным заявкам исследователей. Однако была сохранена архивная цензура: выдача документов в читальный зал разрешалась с санкции руководителя архива; выписки из архивных документов и их копии выдавались лишь после просмотра заведующим читальным залом и с разрешения руководителя архива⁶.

Основываясь на утвержденные союзным центром нормативные акты, 31 марта 1956 г. Совет министров УзССР принял постановление «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств, ведомств УзССР». В нем исследователям разрешались использование в научных целях и публикация в открытой печати документов, являющихся результатом коллегиального руководства партийных и советских органов, но подписанных лицами, впоследствии отстраненными от руководства. Решался данный вопрос в каждом конкретном случае в зависимости от содержания, исторического и политического значения документов. При этом требовалось публиковать эти документы без личных подписей, с указанием организации или учреждения, от которых исходили данные документы⁷.

Наряду с созданием материально-технических условий для обеспечения сохранности документов, укрепление архивов кадрами, назначения ответственных за ведомственными архивами было дано указание в течение 1956–1957 гг. пересмотреть в подведомственных архивах фонды, находящиеся на секретном хранении, с целью передачи на общее хранение необоснованно засекреченных материалов и документов для всестороннего их использования. После чего госархивами были проведены работы по рассекречиванию фондов. В середине 1957 г. сотрудники ЦГИА УзССР под ведомством К. Мухсиновой провели масштабные работы в данном направлении⁸.

20 ноября 1958 г. Совет министров УзССР принял постановление «О мерах по улучшению архивного дела в УзССР», в котором организационная структура архивов республики была кардинально пересмотрена. Для поднятия статуса архивного управления республики в деле обеспечения действенного контроля и руководства работой государственных и ведомственных архивов архивный отдел МВД был реорганизован в Архивное управление МВД УзССР. Был создан единый Центральный государственный архив, в состав которого на правах отделов во-

шли Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный государственный исторический архив Узбекистана⁹. В целом в данный период в республике функционировали три центральных архива (ЦГА УзССР, ЦГАКФФД УзССР и ЦГА Каракалпакской АССР), девять областных, 156 районных госархивов, в которых хранилось три миллиона дел. Из них 1700 тыс. были сосредоточены в центральных и областных архивах¹⁰.

В 1958 г. в связи с созданием ЦГА УзССР К. З. Мухсинова была назначена директором архива.

24 июня 1959 г. на основании Постановления Совета министров УзССР от 5 июня 1959 г. № 396 «Об утверждении положений об Архивном управлении МВД УзССР, Центральном государственном архиве и сети центральных и областных архивов Узбекистана»¹¹ Архивное управление МВД УзССР издало приказ о реорганизации ЦГАКФФД в отдел кинофотофонодокументов Центрального государственного архива¹².

Тем не менее в республике продолжалась работа по расширению структуры архивов. При Архивном управлении МВД и ЦГА УзССР были созданы отделы публикации документов. Реставрационная мастерская из ведомства Архивного управления была передана ЦГА на правах отдела микрофотокопирования и реставрации документов. Она была размещена в специально построенном помещении, приобретено новое оборудование, для налаживания которого приглашен специалист из Москвы. За год было отремонтировано 1654 и переплетено 5366 ед. хр. Изготовлены микрофильмы фондов «Туркестанский комитет Временного правительства» и «Личный фонд Хомутова»¹³.

Поступление новых дел продолжалось. В частности, ЦГА УзССР пополнился личным фондом Н. П. Остроумова, полученным из ЦГА Казахстана; на средства, отпущенные Министерством финансов УзССР, приобретен личный фонд известного фотографа Марка Пенсона, состоящий из 30 тыс. ценных негативов¹⁴.

В целом архивное дело Узбекистана в первой четверти 1920 — второй половине 1950-х гг. подверглось кардинальной перестройке. Процесс развития архивной системы осложнялся под воздействием социально-экономических и политических процессов. Тем не менее в данный период архивными учреждениями республики были определены научно обоснованные направления архивного дела, разработан ряд нормативно-методических документов, усилена организация использования архивных документов. В организации этой работы большое методическое подспорье составили «Основные правила работы государственных архивов», внедренные в производство приказом Главного архивного управления при Совете министров СССР от 15 марта 1962 г. Это был своеобразный кодекс архивного

дела, включавший восемь разделов и свыше тридцати форм бланков документов.

19 мая 1961 г. К. З. Мухсинова была переведена по собственному желанию на должность старшего научного сотрудника отдела дореволюционных фондов ЦГА УзССР. 16 апреля 1962 г. в целях продолжения научных исследований по истории Бухарского эмирата она перешла работать в Институт истории и археологии АН УзССР¹⁵. Там она завершила свою кандидатскую диссертацию и занималась изданием авторской монографии¹⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что благодаря разностороннему характеру и активной деятельности Каукаб Захидовны отечественная архивная система пополнилась уникальными архивными документами, а широкая общественность республики получила возможность ознакомиться с бесценным архивным наследием.

Примечания

¹ Максаков В. В. Архивное дело в первые годы советской власти. М., 1959; *Она же*. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969; *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; *Алимов И. А., Мирзабаев А. А., Вайс В.* Справочник по архивному делу в Узбекистане (1918–1968 гг.). Ташкент, 1970; *Дреммина Г. А.* Государственные архивы и архивное дело в союзных республиках: учеб. пособие. М., 1971; *Мяскова Л.* История партийных архивов Узбекистана. Ташкент, 1984; *Тилеукулов Г. С.* Архивное дело в Узбекистане (1918–1980 гг.). Опыт и проблемы: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995; *Июфе В. Г.* Архивоведческие исследования в Узбекистане в постсоветский период // *Отечеств. архивы*. 2007. № 6. С. 79–86.

² *Алимов И. А., Мирзабаев А. А.* Справочник по архивному делу в Узбекистане (1918–1968 гг.). Ташкент: Узгипрозем, 1970. С. 51–52.

³ ЦГАРУ. Ф. Р-2309. Оп. 1. Д. 202. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 785. Л. 22–23.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. Д. 785а. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 2229. Л. 3, 8.

⁹ Сборник постановлений Совмин УзССР за октябрь — ноябрь 1958 г. Ташкент, 1958. С. 214–215.

¹⁰ *Вайс М. А.* Новое положение о ГАФ СССР и наши задачи // *Научно-методический бюллетень Архивного управления УзССР*. Ташкент, 1959. С. 3.

¹¹ Сборник постановлений Совмин УзССР за июнь 1959 г. Ташкент, 1959. С. 34–38.

¹² ЦГАРУ. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 2313. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 2257. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 12–13.

¹⁵ ЦГАРУ. Ф. Р-400. Оп. 2. Л/с. Д. 845 (личное дело Хакимовой (Мухсиновой) Каукаб Захидовны).

¹⁶ *Хакимова К. З.* Фонд «Канцелярии кушбеги эмира Бухарского» — источник изучения истории крестьянского движения в Бухарском эмирате // *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. 1976–1977. М.: Наука, 1984. С. 204–224; *Она же*. Крестьянство Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX в. (социально-экономическое положение и движение народных масс). Ташкент: Фан, 1991. 116 с.

В. А. Помыткина

По профессии — архивист, по призванию — краевед

В 2022 г. свой 65-летний юбилей отметит архивист и краевед Леонид Валентинович Перевалов. Казалось бы, архивист, краевед в городе, районном центре с населением чуть больше 28 тыс. человек — какие достижения и регалии могут быть? Имя Леонида Валентиновича и как архивиста, и как историка широко известно не только в области, но и далеко за ее пределами. Леонид Валентинович пришел в архив в возрасте 36 лет и проработал на этом поприще почти два десятилетия.

Леонид Валентинович Перевалов родился 9 апреля 1957 г. в Ишиме (Тюменская область). Его мама, Галина Георгиевна, в тот год окончила Ишимский педагогический институт, а отец, Валентин Антонович, учился в 10-м классе школы рабочей молодежи и работал на Ишимском элеваторе. К сентябрю 1957 г. семья из-за распределения Галины Георгиевны переехала в с. Прокуткино Ишимского района. С 1966 г. по настоящее время проживает в г. Таре¹. В 1974 г., окончив Тарскую среднюю школу № 4, Леонид поступил в Омский государственный педагогический институт на специальность «История и английский язык». По окончании института с 1979 г. работал учителем истории во Вставской средней школе Тарского района, одновременно являлся секретарем учительской комсомольской организации. В ноябре 1981 г. горком партии рекомендовал его на должность второго секретаря Тарского горкома ВАКСМ (по вопросам идеологии) и членом бюро. Почти одновременно с этим он был избран депутатом городского Совета народных депутатов. В 1983 г. призван в армию. После демобилизации с 1984 г. работал инструктором горкома КПСС, был партторгом колхоза «Октябрь» Нагорно-Ивановского сельского совета — самого крупного колхоза в Тарском районе. В 1988 г. приглашен на должность заведующего кабинетом политпросвещения Тарского горкома КПСС, затем заведовал идеологическим отделом горкома. В 1990–1991 гг. учился на журналистском факультете Института социологии и политологии (бывшая Высшая партийная школа). События августа 1991 г. вернули Л. В. Перевалова к преподавательской деятельности. Он стал преподавателем истории и основ современной цивилизации в среднем профессионально-техническом училище № 25, которое собирало под свое крыло наиболее педагогически запущенных подростков города и района.

В ноябре 1993 г. Л. В. Перевалову предложили возглавить архивный отдел администрации Тарского района. Распоряжением главы администрации от 17 ноября 1993 г. он был назначен заведующим архивным отделом.

Так началась биография Леонида Валентиновича как архивиста. В это время архив располагался в старом двухэтажном здании — бывшем

доме купца Шанского постройки XIX в., изначально не приспособленном под хранение документов. Первый этаж — полуподвальный, каменный, в нем и хранились документы, на втором находился кабинет для сотрудников. В здании зимой было холодно, приходилось работать в верхней одежде. В подвале было сыро, затхло. Зима 1993/1994 гг. выдалась лютая, морозная, система отопления перемерзла, кипятик залил все хранилище, вода доходила до щиколоток. Сотрудники вывозили воду, долбили ломом пол, чтобы хоть немного ушла вода. С приходом весны наступило резкое потепление, вся вода с улицы снова пошла в хранилище через окна, сотрудники вновь вычерпывали воду! Не смотря на то что еще в 1984 г. решился вопрос об отведении в Таре площадки под строительство нового здания архива, к 1994 г. строительство не было завершено².

Леонид Валентинович, невзирая на свою должность, работал на стройке вместе с другими архивистами. Каждый хотел поскорее перебраться в новый, оборудованный по всем требованиям архивный дом. Архивисты своими силами перевезли и смонтировали на всех трех этажах металлические стеллажи, собрали мебель, мыли, чистили, конопатили окна. Постепенно собственноручно перевезли документы, сами грузили, разносили по этажам и расставляли по стеллажам. Торопились, чтобы успеть до холодов. В ноябре госкомиссия приняла здание госархива в эксплуатацию.

Известно, что работа архива ведется в трех основных направлениях: комплектование, хранение и использование документов. С приходом Леонида Валентиновича направление использования документов было взято им под личный контроль. Нужны были новые, нетрадиционные подходы к использованию исторических документов, к сбору неординарного, необычного материала по истории родного края. Первым шагом в этом направлении стал сбор архивной коллекции «Воспоминания тарчан — участников Великой Отечественной войны». Тогда, в 1995 г., вся страна готовилась к празднованию 50-летия Великой Победы. Среди архивистов был объявлен конкурс на лучшую работу. Коллекция архивного отдела Тарского района получила призовое место и высокую оценку в области. В ходе этой работы Л. В. Перевалов изучил значительный блок документов по Таре и району в годы Великой Отечественной войны. В итоге увидел свет цикл исторических очерков «Лихолетье», который был опубликован в местной газете «Тарское Прииртышье», по Васисскому району — очерк «Градобой».

В области к юбилею Победы вышел в свет десятитомный книжный мемориал «Книга памяти», в котором были восстановлены фамилии

большинства наших земляков, погибших в войну. После выхода этих книг выяснилось, что туда вошли фамилии не всех наших воинов. И Л. В. Перевалов взялся за сложное дело — восстановить фамилии и имена тех, кого по каким-то причинам упустили. Подобные недочеты выявились и в других районных центрах. Тогда Омская область решила издать дополнительный, 11-й том «Книги памяти», исправить допущенные ошибки, внести пропущенные фамилии. К тому времени возможности районного военкомата и Подольского архива Вооруженных сил были исчерпаны. Для выполнения этой работы Леонид Валентинович использовал два ресурса, которые ранее не привлекались: человеческую память и документы Тарского архива. Методика поиска была примитивной, затрачивалось много времени, но эффект был. Архивист работал с похозяйственными книгами военных лет. Просматривал книги за военные и послевоенные годы всех населенных пунктов, затем сравнивал указанную там информацию с уже опубликованной. Для надежности эти списки предварительно публиковались в местной газете. Таким образом, было выявлено еще более сотни фамилий наших земляков. Воспоминания ветеранов, родственников, детей фронтовиков дали еще порядка 60 фамилий. Итого — 160 фамилий людей, незаслуженно преданных забвению, были возвращены из небытия. В масштабах страны это, конечно, не показатель, но в масштабах района, области эти цифры вызывают уважение.

Успешные опыты вдохновили и подвигли Л. В. Перевалова на дальнейшее изучение ранее неопубликованных документов. Так появились статьи «За веру» (о Нагорно-Ивановской церкви Св. Николая угодника), «Это ярмарки краски» (по материалам ярмарочной комиссии Тарского района в 1928–1930 гг.), рассказ о царской и белогвардейской тюрьме в Таре с одноименным названием «В тюрьме».

Отдельным предметом научного интереса Леонида Валентиновича стала тема коллективизации в Тарском районе. Очерк «Эксперимент» был опубликован в областной газете «Омский вестник» в апреле 1996 г. Этот же очерк вошел в 2013 г. в первый том книги памяти репрессированного крестьянства Омской области «Крестьянская голгофа». Еще до работы в архиве Л. В. Перевалова занимала тема сталинских репрессий. В архиве документов по террору 1937–1938 гг. не имеется, есть только документы по коллективизации, раскулачиванию, лишению избирательных прав, высылке с мест жительства. И тогда Л. В. Перевалов обратился к тарчанам через местную газету с призывом вместе восстановить правду о людях, безвременно ушедших из жизни в то страшное время. И люди откликнулись. Приносили и присылали письма, фотографии, делились воспоминаниями. Итогом этой работы стала коллекция воспоминаний, справок, документов, фотографий о тех годах. Леонидом Валентиновичем были написаны работы «За что?»,

«Затмение», «Враги народа», «К черному юбилею». Удалось восстановить более 400 фамилий тарчан, попавших в жернова репрессий. Итогом исследовательской работы стала персональная выставка «Репрессии конца 20-х — начала 50-х годов XX века». Кроме сбора документов Леонид Валентинович много общался с людьми, которых коснулась эта беда. Это были дети «врагов народа», бывших кулаков. Многом он помог советом, куда, к кому и с каким вопросом можно обратиться для реабилитации своих близких.

Постепенно у тарских архивистов созрела мысль создать личный фонд Л. В. Перевалова. В 1998 г. первая опись из 30 дел была принята экспертной комиссией. Документы в ней систематизированы по двум разделам: биографические документы и документы служебной и творческой деятельности. Эти два вида документов были объединены, так как служебная и творческая деятельность Леонида Валентиновича были тесно взаимосвязаны. Первые документы данного фонда: автобиографический очерк, фотоальбом о жизни и деятельности фондодержателя, тексты статей и докладов для выступления на научных конференциях, тезисы, очерки, заметки для газеты.

Вторая опись представляет собой архивную коллекцию документов «Тарчане — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Ее создание было связано с работой по подготовке издания книги «Солдаты Победы». В книгу должны были войти фамилии участников войны, вернувшихся с фронта живыми. В течение почти трех лет была проведена большая совместная работа районного военкомата по восстановлению имен бывших фронтовиков и архивной службы в фондах Тарского филиала Государственного исторического архива Омской области по похозяйственным книгам. Были подключены главы и специалисты сельских администраций. Изучались публикации в газете «Ленинский путь» («Тарское Прииртышье»). В архивном отделе организовали постоянный прием граждан, участников войны и их родственников. В итоге в конце 2001 г. вышел в свет четвертый том книги «Солдаты Победы», который содержал список тарчан-фронтовиков, ряд фотографий, очерков, зарисовок о ветеранах. Конечно, книга не смогла включить в себя все, что было собрано в процессе составления списков. Многие из того, что представляет историческую ценность, осталось невостребованным. Так и сложилась коллекция. Ее основой стали списки фронтовиков, составленные по документам архива и учетных документов районного военкомата, списки, представленные главами администраций, сведения о наградах фронтовиков, письма в редакцию книги «Солдаты Победы», письма с фронта, фотодокументы. Эта архивная коллекция является частью фонда личного происхождения Л. В. Перевалова, поскольку все годы работы над книгой он был ее редактором, главным составителем и собирателем документов.

В 2010 г. вышла в свет книга Л. В. Перевалова «Тарская земля: годы и люди». В обращении к читателям Леонид Валентинович писал об идее создания книги: «...логика моих действий была такова: попытаться показать историю нашей малой родины через жизни выдающихся земляков. В массе народа эти люди — “капля в море”, но от их талантов, ума, воли, характера зачастую зависела судьба десятков тысяч тарчан...»³ Появление большинства документов в третьей описи личного фонда Л. В. Перевалова «Коллекция документов о комсомоле» было обусловлено написанием им данной книги. Им была предпринята попытка восстановить поименно всех лидеров местного молодежного движения от момента создания до прекращения деятельности организации. Одни материалы были найдены в местной газете, другие предоставлены людьми, работавшими в комитете комсомола, третьи — из личного архива фондообразователя и т. д. 14 декабря 2009 г. Тарской комсомольской организации исполнилось 90 лет. К юбилейной дате Леонидом Валентиновичем было принято решение передать эти документы в Тарский филиал Исторического архива Омской области.

Как видно из сказанного выше, Леонид Валентинович, наряду с исполнением своих административных функций, много занимался исследовательской работой. Предмет его научного интереса — история Тарского района в XX в. Им собран богатый краеведческий материал о жизни Тарского района в годы Великой Отечественной войны. Цикл исторических очерков «Лихолетье» по этой теме стал победителем областного кон-

курса работ архивистов к 50-летию Победы. Л. В. Перевалов активно занимался изучением политических репрессий в Тарском районе, опубликовал ряд очерков о репрессиях в районной и областной печати.

Леонид Валентинович — участник нескольких всероссийских и региональных научно-практических конференций. Инициатор сбора в Архивный фонд Омской области нетрадиционных материалов по Тарскому району, в частности коллекций «Празднование 400-летия г. Тары», «Почетные граждане г. Тары», «Воспоминания участников Великой Отечественной войны», «История народного образования в Тарском районе, 20 век», видеокolleкции телестудии «Тара-ТВ», коллекции фотодокументов.

В своем автобиографическом очерке «О времени и о себе», написанном в 1997 г., Леонид Валентинович делится: «Три года, мы, архивисты, живем в новом доме. Идя утром на работу, я издаюлю люблю наш архив, всегда испытываю чувство гордости за то, что в архиве есть и значительная доля моей души, здоровья, нервов, времени и рук...». Так звучат слова человека, который действительно находится на своем месте.

Примечания

¹ Тарский филиал Государственного исторического архива Омской области. Ф. 620. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Л. 19–20.

³ Перевалов Л. В. Тарская земля: годы и люди. Омск : Амфора, 2010. С. 7.

Ю. В. Гушул

Всеволод Дмитриевич Хартуляри: притяжение личности сквозь десятилетия

Становление кадрового потенциала библиотек, их конкретных служб — одна из самых интересных и благодатных исследовательских тем, приносящая много удивительных открытий для ученого и способствующая «научному воссозданию исторической ретроспективы, где картина событий будет не только заполнена фактами, но и заселена людьми»¹. История, как «наука о людях» (М. Блок), в данном случае служит формированию имиджа, «лица» библиотеки, показывая уникальность и включенность в события мировой истории и библиотечной повседневности. Социально-психологический аспект исторического видения предоставил отечественной науке возможность более полно освещать проблему личности в истории, и очень важно, что такой методологический подход позволяет исследователю рассматривать личность как историко-культурное явление: как неповторимую индивидуальность и как часть исторической эпохи.

Сквозь сухие данные архивных документов (самих библиотек, их структурных подразделений, организаций и учреждений, взаимодей-

вавших с библиотеками, и др.): «время дежурства по библиотеке В. Д. Хартуляри, заведующего библиографическим кабинетом», «ведение каталогов и картотек», «с мая 1937 г. начать формирование краеведческого фонда библиотеки», «отобрать краевую литературу», «систематизировать и разместить на отдельных полках», «член бюро краеведческого кружка при Челябинской библиотеке» и др.² — проступает магнетизм личности Всеволода Дмитриевича Хартуляри — идейного и продуктивного библиографа, увлеченного краеведа.

В. Д. Хартуляри работал в 1920–1930-е гг. в Челябинской городской, позднее — Челябинской областной публичной библиотеке (новый статус был присвоен с момента создания Челябинской области в 1934 г.), ныне это Челябинская областная универсальная научная библиотека. В начале 1930-х гг. он начал создавать три краеведческие картотеки: уральскую, «краеведческого материала» и по истории комсомола Урала. Создал библиографический кабинет — одно из первых профессиональных библиографических структур-

ных подразделений в библиотеках Урала (да и России), причем несмотря на то, что был специалистом со средним непрофессиональным образованием³. Насыщены документы и фактографической информацией (Всеволод Дмитриевич Хартуляри включен в 1924 г. в список «персонала», «возраст — 30 лет», опыт работы в данной библиотеке «четыре месяца»⁴, «9 января 1938 г. расстрелян» и др.), которая представляет нам красивого внутренней силой, интеллектом мужчину. Круг его интересов и чтения, формы проведения досуга, профессиональные и околопрофессиональные дела, взятые в совокупности, взаимодополняют друг друга, позволяют воссоздать судьбу и образ человека.

Достаточно долгий исторический период изучения и воссоздания судеб тех, кто стоял у истоков библиотечно-библиографического дела Южного Урала, объективная ограниченность доступа ко всем документам, в том числе их наличие и исчерпаемость, позволяют говорить о достаточной полноте наших знаний. Тем не менее архивы постоянно преподносят сюрпризы в виде новых документов, отдельных пропущенных или недооцененных фактов в ранее уже не один раз просмотренных делах. Кроме того, углубление знаний, появление новых методов и технологий исследований позволяют актуализировать имеющиеся сведения.

Арестованный в ноябре 1937 г., обвиненный как «участник контрреволюционной троцкистско-повстанческой организации»⁵ за, в том числе, «поиск материалов в фонде центральной библиотеки», Всеволод Дмитриевич Хартуляри оставил после себя пятисотстраничную хрестоматию⁶ о любимом городе Челябинске, где он нашел свою любовь, где родились его дети, история которого притягивала молодого любознательного человека. Но, возможно, не столько история города интриговала его, а тревожило настоящее, заставляя выявлять материалы и вдумываться в их содержание, пытаться найти ответы на вопросы, которые мыслящего человека, библиографа не могли не заинтересовать: «истинные процессы коллективизации на Урале», «истинные причины голода на Урале в начале 1920-х гг.», «истинный облик партийных руководителей»⁷. Штрих к портрету В. Д. Хартуляри как библиографа и краеведа — его «широкие связи» с сотрудниками учебных заведений Челябинска: пединститутом, институтом механизации сельского хозяйства, медрабфаком и др., которые безусловны при библиографическом сопровождении научно-исследовательской и образовательной деятельности представителей вузов (это и демонстрация доверия специалистов к библиографу) и при совместных краеведческих взаимодополняющих изысканиях.

И в сохранившемся экземпляре рукописной хрестоматии мы читаем статьи на эти темы. Их включение, отказ от замалчивания, игнорирования таких тем явственно рисуют нам идейно убежденного, смелого человека, который пони-

мал, что в это время лучше молчать, но не мог поступиться своим профессионализмом.

Вот отрывок из статьи «Голод и безработица»: «Империалистическая и гражданская войны нашли свое отражение в Челябинске, который в первые годы гражданской войны оказался как бы в параличе — разбитым и разоренным. Вся хозяйственная жизнь замерла, сошла на нет. Все остановилось. Рождаемость с 1914 по 1924 гг. шла на убыль. Особенно характерным в этом отношении оказался 1922 год — год голода, когда рождаемость упала до ничтожной цифры; на весь город 1749 человек. Наряду с падением рождаемости на этот же период замечается возрастание смертности, которая в 1922 году достигла огромной цифры 2333 человека. В этот год сотни тысяч взрослых и детского населения Челябинска и Челябинского района испытывали ужасающую нужду в хлебе. Доведенные нуждой до отчаяния люди употребляли в пищу суррогаты, гниющие трупы животных. Были установлены единичные случаи людоедства...» Из черновика к этой статье: «1922 год — год наибольшего расстройств хозяйства Челябинска. В результате лишений, разрухи, порожденных гражданской войной и голодом, население Челябинска и Челябинской губернии уменьшилось по сравнению с 20 годом на 21 процент. Число хозяйств увеличилось на 11,63 процента. Посевная площадь сократилась в 500 раз по сравнению с предыдущими годами. Предприятия Челябинска в 22 году находятся в состоянии полнейшей разрухи, большинство из них остановились».

Из статьи «1919–1927»: «25 ноября 1919 года после 16-тимесячного перерыва открывается челябинский Совет рабочих и депутатов (дописано другой ручкой. — Ю. Г.). Культурная жизнь города заключается в эти годы в следующем. С первого же дня занятия города Челябинска красными начинает издаваться газета “Степная коммуна” — с 1919 г. 13 августа, которая с 1 октября переименовывается в “Советскую Сибирь”, затем с 21 ноября того же года в “Советскую правду” и наконец в “Челябинский рабочий”, под этим названием выходит и до настоящего времени. С 11 ноября 1919 г. короткий период выходила еженедельная газета “Казак”. Делались попытки издания журналов. Но попытки оставались лишь попытками. В 1919 году 19 августа в Заречном районе открыта РКП(б) читальня с 11 до 2 и с 5 до 8 часов вечера. В 1922 г. 30 июня при Челябинском учительском доме Горпроса открылась небольшая библиотечка для уездных учителей. Дом просвещения открылся 27 января 1923 года и в это же время начали работать при нем библиотека и читальня. Когда библиотека начала работать, ее книжные фонды были очень скудны 200–300 книг».

Из статьи «В первую пятилетку выпущены...»: «ЧТЗ рассчитанный на выпуск 40000 штук тракторов “Сталинец-60”. Опытный завод ЧТЗ, который борется за новые модели советских дизелей. Челябинская электростанция мощностью

150000 киловатт. Первая очередь абразивного комбината мощностью 6600 тонн шлифовальных кругов. Завод ферросплавов проектной мощностью 10 000–12 000 тонн, которая в 1933 г. покрыта почти втрое. Готовится к пуску цинковый электролитный комбинат в составе цинкового завода мощностью первой очереди 65 000 тонн электролитного цинка и сернокислотного завода первой очереди на 65000 тонн серной кислоты. Строится вторая очередь завода ферросплавов производительностью 10 000 тонн феррохрома. Пущен кислородный завод производительностью 400 000, Потанинский трепеловый комбинат, кирпичный завод трепелового красного кирпича ЧТЗ, ...и огнеупорного кирпича “Строитель” и ряд заводов стройматериалов общей мощностью около 150 миллионов штук кирпича. Закончена реконструкция первой очереди желузда, превратившая его в сложный жел[езно]д[орожный] комбинат...»

Приведенные отрывки из рукописной незавершенной и неизданной хрестоматии показывают круг интересов ее составителя, его подходы к отражению фактов истории Челябинска, а также профессионализм, объективность краеведов — авторов статей, которые В. Д. Хартуляри включал в хрестоматию, их внимание к деталям, стремление оперативно довести до читателей актуальную информацию. И процитированная информация, и факты биографии, казалось бы, уже известны и не меняют общую картину знания. Но обращение к ним вновь и вновь, с разных точек зрения дает возможность помнить человека, говорить о нем.

Выявляемые в архивных документах воспоминания коллег о Всеволоде Дмитриевиче Хартуляри (как показания во время пересмотра дела в 1950-е гг.) делают его внутренний мир, характер более зримыми, главное — демонстрируют так нужные сегодня молодому поколению библиографов как образцы профессиональные харак-

теристики (что может войти и в современную профессиограмму библиографа, библиотечного специалиста): «скромный работник», «общительный человек», «принимал активное участие в общественной работе, был членом редколлегии библиотечной стенной газеты», «добросовестный работник», «уделял работе в библиотеке все свое время», «библиотечную работу знал хорошо», «работал с душой», «отзывчивый товарищ», «культурный, начитанный человек», «работал, не считаясь со временем», «хороший товарищ», «пользовался авторитетом среди сотрудников библиотеки».

Впереди у нас — продолжение работы по выявлению свидетельств прошлого, «очеловечение» истории. Главное — через познание законов и закономерностей исторического развития, опыта предшественников — сохранение и развитие того дела, за которое они отдали свои жизни. И следование самому важному их уроку, примеру, завещанию — работать с душой не покладая рук.

Примечания

¹ Цит. по: Прошин А. А. История с человеческим лицом. Новый подход к изучению эмиграции // Мир библиографии. 2013. № 5. С. 11.

² ОГАЧО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 57. Л. 35 об. ; Ф. 633. Оп. 1. Д. 1 ; Д. 2. Л. 7, 35 ; Д. 4; Д. 7 ; Д. 1. Л. 12 ; Архив Челябинской областной универсальной научной библиотеки. Фонд делопроизводственной документации администрации библиотеки. 2 января 1937 г. — 31 декабря 1939 г. Приказы директора публичной библиотеки [Книга приказов по библиотеке]. 69 листов ; Архив Челябинской областной универсальной научной библиотеки. Отчет о работе Челябинской государственной областной библиотеки за 1940 год.

³ ОГАЧО. Ф. 633. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 35.

⁴ Там же. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 57. Л. 35 об.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Челябинской области. 10141-П (личное дело Всеволода Дмитриевича Хартуляри).

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-629. Личное дело В. Д. Хартуляри.

⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Челябинской области. 10141-П.

В. С. Васильева

Кузьма Николаевич Николаев — мещанин, общественный деятель (к 205-летию со дня рождения)

Среди архивных материалов особый интерес представляют документы личного происхождения. Их уникальность и ценность как исторических источников заключается в отражении фактов и событий всего общества через восприятие конкретных людей, свидетелей и участников эпохальных перемен. Яркий пример таких документов — личный фонд Кузьмы Николаевича Николаева, общественного деятеля, сторонника просвещения и мецената г. Тобольска. Материалы фонда — формулярные списки о службе, обращения к представителям власти, переписка, наградные листы — свидетельствуют о личном участии Кузьмы Николаевича в важнейших про-

цессах становления края, развития производительных сил и просвещения Западной Сибири в XIX в.

Свое призвание Кузьма Николаевич видел в содействии становлению торгово-промышленных отношений столицы губернии как центрального пункта европейской торговли, повышению благосостояния земляков. Самоотверженное служение делу развития родного края было отличительной чертой К. Н. Николаева. Более сорока лет Кузьма Николаевич был членом Тобольского городского общества, неоднократно избирался на разные общественные должности и был удостоен множества высоких наград.

Родился К. Н. Николаев в 1816 г. в Тобольске. Окончил двухгодичную приходскую школу, работал мальчиком на посылках, приказчиком у тобольских купцов¹. В ревизских сказках о тобольских мещанах за 1834 г. отмечено, что Николаев «причислен с оплачиванием податей с первой половины 1835 года по указу Тобольской казенной палаты от 31 июля 1834 года за № 3612 из дворовых умершего тобольского купца Семена Александровича Струихина из незаконнорожденных»². Документальные источники не сохранили сведений о родителях Кузьмы, но в своей публикации Д. И. Копылов открывает его происхождение как «побочного сына богатого купца и бедной калмычки»³.

В возрасте 49 лет Кузьма Николаевич женился на мещанке из г. Ялуторовска Глафире Степановне Андреевой, 33 лет, дочери умершего священника Градо-Сретенской церкви. Венчание состоялось 26 января 1866 г. в Градо-Тобольской Введенской церкви. В метрической записи о бракосочетании указаны поручители: со стороны жениха — коллежский советник К. Д. Кувичинский и купеческий сын из г. Яранска Вятской губернии В. П. Калинин, со стороны невесты — титулярный советник Ф. П. Померинцев и коллежский секретарь И. И. Якубинский⁴.

В документах к брачным обыскам Богородице-Введенской церкви Тобольска хранится свидетельство тобольского мещанского старосты Панюшкина от 24 января 1866 г., где указано, что Николаев «холост, от роду имеет 49 лет, вероисповедания православного и на вступление его в брак препятствий не имеется», здесь же говорится о совершении таинств исповедания и причастия жениха и невесты⁵. Оба вступили в брак впервые, за годы совместной жизни детей семейная пара не имела.

Из формулярных списков личного фонда следует, что служебную карьеру Кузьма Николаевич начал в Тобольске в 1841 г. десятником общественной службы. В 1848 г. работал помощником комиссара в Тобольском холерном комитете, за что ему 2 сентября 1850 г. была объявлена благодарность (№ 8208) от имени генерал-губернатора Западной Сибири. С апреля 1850 по февраль 1851 г. Николаев — ревизский староста по составлению ревизских сказок девятой переписи. В 1854–1855 гг. кандидат старшего гласного в Тобольской городской думе, временно исполнял должность городского главы. В 1855 г. по выбору граждан города занимал должность заседателя Тобольского окружного судьи, прослужив далее на этой должности еще четыре срока. Был избран на четырехлетие, по 1876 г., на должность гласного в Тобольскую городскую думу⁶.

В круг забот Кузьмы Николаевича входило строительство Транссибирской магистрали, миссионерская деятельность, обустройство родного города. В сфере сибирского просвещения усилия Николаева были направлены на устройство учреждений народного образования. Образовательная среда губернской столицы формировалась в

условиях отсутствия монополии государства на образование, ведущее положение в создании учреждений просвещения занимали общественные инициативы. Будучи доверенным депутатом от мещан, в 1851–1852 гг. Николаев состоял в объединенном комитете по устройству в Тобольске женской школы. Из-за нехватки капитала 30 августа 1852 г. на средства купеческого и мещанского обществ было открыто Тобольское девичье училище, через два года преобразованное в Мариинскую женскую школу. В прошении на имя тобольского губернатора Кузьма Николаевич указывал, что для устройства женской школы им были предоставлены «квартира для помещения школы, классные принадлежности и материал для рукоделия... на шестнадцать учениц на свои пожертвования...»⁷ За усердие в первоначальном обзаведении приходского девичьего училища в 1852 г. Николаев получил благодарность от генерал-губернатора Западной Сибири⁸.

В личном фонде содержится послание К. Н. Николаева от 1851 г. члену Государственного Совета генерал-адъютанту Николаю Николаевичу Анненкову о пожертвовании тобольским мещанским обществом в пользу женской школы 300 руб. серебром, о наименовании ее в память посещения Тобольска цесаревичем Александром и о «принятии оной под высокое покровительство... государыни цесаревны великой княгини Марии Александровны»⁹. На устройство женской школы комиссионером по управлению тобольских питейных откупов Корчешкиным были внесены пожертвования на сумму 300 руб.¹⁰, чиновниками и преподавателями Тобольской гимназии — 50 руб.¹¹, тюменскими купцами Трусовым и Шешуковым — 4500 и 2000 руб.¹²; тобольский купец второй гильдии Михаил Пелишев подготовил помещение под классы¹³. Успешно просуществовав как центр элитного женского образования Сибири, тобольская Мариинская женская школа в 1913 г. была преобразована во всеобщую тобольскую Мариинскую женскую гимназию, а в 1919 г. стала первой в Тобольске советской школой второй ступени.

«Но одной грамотности недостаточно, — указывал в переписке Кузьма Николаевич, — ...необходимо каждому ремесло, каковое избавит от лени, праздности и дурных поступков, даст возможность быть честно-порядочным гражданином»¹⁴. Об открытии первой в Тобольской губернии ремесленной школы Николаев ходатайствовал в 1876 г. Миссию учреждения как звена начального профессионального образования Кузьма Николаевич видел в организации и усовершенствовании ремесленного труда, который считал «одним из важнейших занятий в государстве». По его соображению, программа школы должна была предусматривать освоение одиннадцати ремесел: портного, сапожного (башмачного), печного (каменного), медного, кузнечного (слесарного), поваренного (хлебопечного), часового (серебряного), столярного (токарного), малярного, живописного, печатного. Для обучения

предполагалось формировать группы от 5 до 30 человек: «...мальчики могут быть приняты здорового телосложения от 12 до 18 лет, как с предварительными понятиями и знаниями, так без условий, с трехмесячными испытаниями расположения их к родам ремесел. Срок пребывания их в школе должен быть определен по каждому ремеслу членами комитета, действующего при заведении. По окончании срока мальчики выпускаются с надлежашими о поведении и знаниях их свидетельствами и могут оставаться при заведении в качестве помощников и впоследствии мастерами, по определению комитета...»¹⁵ На учреждение школы предполагалось выделить суммы из ремесленной управы, направить пожертвования купеческого, мещанского сословий и частных лиц. Николаев предлагал занять под школу свободное помещение кожевенных заводов, находящихся на берегу Иртыша. Ремесленная школа объявила прием в том же году, позднее была реорганизована в сельскохозяйственную.

24 октября 1878 г. член Русского императорского общества для содействия русскому торговому мореходству Кузьма Николаев пишет в Тобольскую городскую думу: «Для нашего родного города Тобольска предстоит... учреждение морской школы как первый рассадник для усовершенствования в науках народного юношества, осязательная потребность в формировании Северного Сибирского флота торгового для народно-морской торговой деятельности, а вместе с тем и встать на защиту богатого края Сибири. Пользуясь материалами Императорского общества, имею честь внести в Тобольскую городскую думу о предварительном моем ходатайстве об учреждении Морской школы еще 3 марта 1842 года бывшему тобольскому губернатору я обращался с просьбой такого содержания...»¹⁶ Для финансирования деятельности по открытию школы были предусмотрены средства (600 руб.) в Тобольском банке, ежегодно 1000 руб. выделялось Правительством по закону от 27 июня 1867 г.¹⁷ Мечтая о становлении Северного морского флота для европейской торговли с Сибирью через Обскую губу и Северный Ледовитый океан, Николаев хлопотал об учреждении подчиненных Тобольской морской школе навигационных школ в Сургуте, Обдорске, Кондинском крае. Открытие морского класса состоялось в Тобольске только после смерти Кузьмы Николаевича, просуществовал он несколько лет. Только спустя полстолетия, в 1944 г., открылось Тобольское мореходное училище, влившееся затем в Тобольский рыбопромышленный техникум.

Из письма депутата К. Н. Николаева в Тобольское городское купеческое общество: «...известно прежнее состояние Тобольска — немногим более 100 лет назад город имел значение торгового и промышленного пункта и ничуть не был похож на настоящий, как бы отживший свое время Тобольск. Между тем водяные пути, в центре которых находится наш город, готовы служить ему ныне так же, как служили в прежнее

время, и нужно приложить только небольшое старание, связав их с соседними водами. Железная дорога, оканчивающаяся на вполне судоходной реке Иртыш, только одна и может поднять значение нашего города, поставив его на степень главного торгового пункта Сибири»¹⁸.

Об устройстве железной дороги до Тобольска Кузьма Николаевич ходатайствовал задолго до появления ее в Сибири. По поручению Тобольского общества купцов и мещан им был подготовлен проект рельсового пути Уральско-Сибирской железной дороги, предполагавший устройство железной линии от Перми через Туринскую слободу до судоходного Иртыша, что объединило бы Волжский и Обский водные бассейны. Проект в 1868 г. был представлен в Пермском железнодорожном комитете, 15 июня того же года — в Петербургском комитете. Многолетние изыскания, необходимые для разработки проекта, Николаев произвел на свои средства, издержав 8000 руб.¹⁹ Для компенсации средств, потраченных Николаевым на поездку в Петербург, Тобольским мещанским обществом было принято решение о выделении ему 200 руб., обществом купцов — 300 руб.²⁰ Устройство дороги в 482 версты и снабжение ее составом предполагалось на средства, полученные от реализации облигаций и акций, без гарантий правительства²¹. В архивном фонде хранятся обширные материалы по проекту, среди них — ходатайственные письма обществ купцов и мещан, подробные экспедиционные отчеты, описания рек и местности, сравнительная характеристика ранее разработанных проектов линий полковника Богдановича, генерала Рашета, Любимова и многочисленная переписка²².

Проект Николаева не был реализован. После Кузьмы Николаевича вопрос о строительстве железной дороги через Тобольск неоднократно подвергался обсуждению. Работы по устройству линий были начаты только во второй половине XX в., в период освоения нефтяного края.

Продолжая заботиться об экономическом развитии родного края, 12 декабря 1878 г. Кузьма Николаевич пишет в Тобольскую городскую думу об организации в с. Самаровском зимней ярмарки «как правильного и важнейшего торгового пункта для сбыта естественных произведений Березовского и Сургутского округов, изобилующих преимущественно главным продуктом своим — рыбой и пушным товаром, которые, как небызвестно городской думе, проходят в начале зимы через Тобольск большими партиями, в общей сложности приблизительно верную цифру до 100 тысяч пудов»²³. Место проведения зимней ярмарки было выбрано губернатором Н. Г. Казнаковым.

В течение всей жизни Николаев занимался общественной работой. По назначению губернатора был членом комитета по устройству домов в дер. Завальной, комитета по оказанию помощи пострадавшим от потопления, комитета по освещению керосином улиц и присутственных мест,

комитета по улучшению Тобольска через мощение улиц и тротуаров асфальтом²⁴. Был опекуном над именем и наследниками купца Васильева. Вместе с супругой состоял в Тобольском епархиальном комитете православного миссионерского общества²⁵. В числе общественных инициатив К. Н. Николаева были: устройство бронзового памятника императору Александру II в Тобольске²⁶, создание добровольного спасательного общества в помощь городской полиции для предотвращения пожаров и хищений²⁷, мещанской ссудо-сберегательной кассы²⁸.

Будучи глубоко верующим, Кузьма Николаевич ходатайствовал о проведении соборных молебнов, препровождал копию иконы Божией Матери Тобольской в пехотный полк Севастополя. В период с июня 1853 по август 1856 г. служил при загородном Преображенском храме церковным старостой, за что получил благодарность правления Тобольского архиерейского дома²⁹. Во время русско-турецкой войны член Общества Красного Креста Кузьма Николаев сопровождал 40 тюков «с вещами санитарной помощи» для больных и раненых. Составив значительную экономию в доставке груза при содействии местных властей, 14 февраля 1878 г. он рапортовал из Санкт-Петербурга императрице: «...при путешествии моем из Тобольска сюда более 3000 верст мне усердно содействовали господа исправники, которые убеждали жителей сел и волостей сопровождать транспорт бесплатно, как, например, челябинский почтосодержатель купец Березкин припряг своих 19 лошадей... Также исправник верхнеуральский Федоров своею энергичностью и стараниями возбудил желание в мещанском обществе поставить 30 лошадей бесплатно, также усердно поступили оренбургские казаки»³⁰. В тот же день доставленные в Зимний дворец вещи были лично осмотрены императрицей. В сопровождении «земляка полковника Дехтярева, заведывающего смотрителем дворца»³¹ Николаев был удостоен встречи с государем Александром Николаевичем, который выразил благодарность тоболякам. За личное служение 9 ноября 1879 г. Николаев был награжден знаком Красного Креста, свидетельство Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинов хранится в его личном фонде³².

За особые труды и усердие по службе ему не раз объявлялась губернаторская благодарность, было присвоено право ношения мундира по должности заседателя Тобольского окружного суда в отставке³³. По распоряжению министра внутренних дел в 1866 г. Николаев был удостоен аттестата за усердную службу в деле улучшения городского хозяйства и «учреждения учебных, благотворительных и других подобных заведений»³⁴. В том же году получил серебряную медаль для ношения на груди на Станиславской ленте. В его личном фонде хранятся многочисленные письма с благодарностями, свидетельствующие об активной гражданской позиции Кузьмы Николаевича, среди них письма от ди-

ректора тобольского Александровского приюта³⁵, от обществ мещан о признательности заслуг к общественному благосостоянию и за прохождении общественных служб³⁶.

Последние годы жизни Кузьма Николаевич был скован параличом. В 1875 г. он обращается к Тобольскому городскому обществу с просьбой о материальной помощи для получения лечения, позднее — в комитет заслуженных гражданских чиновников, Тобольскую городскую думу о назначении социального пособия. От нехватки средств на содержание семьи и лечение супруга Глафиры Степановны в 1882 г., не получив материальной поддержки от местных властей, направила прошение государыне Марии Федоровне о возврате семейного капитала, издержанного Тобольским городским обществом, но вновь безуспешно³⁷.

Вложив в реализацию мечты о возрождении былого величия Тобольска свою энергию, труды и капитал, Николаев уходил из жизни, полностью разорившись и не увидев большей части плодов своих многолетних усилий. Запись о смерти Кузьмы Николаевича священник Христофоржественской церкви Тобольска Александр Дулетов внес в метрическую книгу за 1884 г. под № 3 от 6 февраля. Сведения о месте захоронения не сохранились, могила давно утрачена³⁸. Супруга Кузьмы Николаевича осталась без капитала и обеспечения. По сведениям из документов переписи населения 1897 г., вдова Николаева Глафира Степановна в возрасте 61 года проживала с семьей служащего городской управы Александра Евграфовича Попова на ул. Абрамовской в качестве жилицы³⁹.

Небольшой фонд Кузьмы Николаевича Николаева (всего 19 дел) — прямое свидетельство его весомого вклада в развитие Западной Сибири. Читателям архивных документов открывается образ русского интеллигента, человека дела, убежденного патриота и обладателя проницательного ума, «который видел цель и смысл жизни в служении общественному прогрессу»⁴⁰.

Примечания

¹ Государственный архив в г. Тобольске. СИФ № 6713. Л. 336.

² Там же. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 431. Л. 862 об., 863.

³ Там же. СИФ № 7922 Л. 73.

⁴ Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 608. Л. 111 об., 112.

⁵ Там же. Ф. И-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 4–6.

⁶ Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–10.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 86 об.

⁸ Там же. Д. 4. Л. 9.

⁹ Там же Л. 10.

¹⁰ Там же. Ф. И-165. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹¹ Там же Л. 16, 17.

¹² Там же Л. 19–24.

¹³ Там же Л. 24.

¹⁴ Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 2.

¹⁷ Там же Л. 3.

¹⁸ Там же Л. 98 — 101 об.

¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 14, 20 об., 23 об.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 43–45.

²¹ Там же. Д. 8. Л. 190–197.

²² Там же. Д. 7, 8, 10.

²³ Там же. Д. 15. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 8. Л. 177.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 6 ; Д. 5. Л. 102.

²⁶ Там же. Д. 5. Л. 76–77, 80.

²⁷ Там же. Л. 82, 88–93.

²⁸ Там же. Д. 8. Л. 180.

²⁹ Там же. Д. 1. Л. 11.

³⁰ Там же. Д. 14. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 18 об.

³² Там же. Д. 1. Л. 1.

³³ Там же. Ф. И-152. Оп. 33. Д. 249. Л. 22–23.

³⁴ Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а, 2.

³⁵ Там же. Д. 5. Л. 26.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 6. Л. 19–27 ; Д. 1. Л. 32, 33.

³⁸ Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 656. Л. 444 об.

³⁹ Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 15а. Л. 89.

⁴⁰ Там же. СИФ № 7922. Л. 73.

В. Г. Демаков

Чудиновский купец Николай Бабурин

В Октябрьском районе Челябинской области есть небольшое село с необычным названием — Чудиново. Всего в нем около десятка улиц и менее пятисот жителей. Несмотря на это, сегодня оно известно не только в нашем крае, но и далеко за его пределами: в последние десятилетия населенный пункт превратился в место паломничества, став одним из самых почитаемых мест на Урале. И все из-за находящегося на местном кладбище захоронения блаженной Евдокии Тихоновны Маханьковой (1870–1948)¹.

Оставив изучение данного феномена теологам, обратимся к некоторым аспектам истории села. Основано Чудиново в 1792 г. выходцами из Верхнеуфьевской слободы (ныне с. Варламово Чебаркульского района) и названо по фамилии первопоселенца². Перепись конца XVIII столетия зафиксировала в нем уже пять семейств: Егора Егоровича Чудинова (1741–1801), Ефима Михайловича Леонтьева (1732–1799), Афанасия Степановича Окольниковича (1732–1808), Фомы Егоровича Семишина (1734–1799), Афанасия Алексеевича Каргаполова (1739–1810) — всего 19 ревизских душ, 11 мужчин и 8 женщин³. 27 июня 1863 г. здесь началось строительство каменной церкви Вознесения Господня. До этого в распоряжении прихожан была лишь деревянная часовня, устроенная на местном кладбище. 18 января 1871 г. новый храм освятили⁴.

К 1901 г. в селе насчитывалось 248 дворов и 1179 душ населения, действовали две школы, паровая мельница о двух поставах и десять ветряных. Еженедельно по субботам устраивался базар, летом шумела трехдневная Вознесенская ярмарка⁵. Со всей округи в Чудиново съезжалось множество людей, но наиболее заметным среди них был местный торговец Николай Фадеевич Бабурин (1858–1911).

Известный уральский поэт и прозаик Николай Година в одной из своих книг приводит такую легенду: «Бабурин, <...> по рассказам деревенских стариков, был сиротой. В Челябинске у него жил богатый дядя. Еще почти пацаном дядя одел ему на спину чемадан, нагрузил мелочью, вроде иголок, бус, пуговиц и ниток и привез в Чудиново учиться торговать. Из коробейника в конце концов вырос купец...»⁶ Как оказалось, в

этом записанном со слов местных жителей рассказе есть доля истины. В архиве нам удалось выявить интересный документ — прошение крестьянина дер. Бабуриной Бельковской волости Ковровского уезда Владимирской губернии Алексея Кондратьевича Бабурина в Челябинскую городскую управу от 7 декабря 1872 г. Он просит выдать ему купеческое свидетельство второй гильдии с одним билетом на торговое заведение, свидетельство второго класса своему приказчику — крестьянину той же деревни Ивану Алексееву, а также промысловое свидетельство на производство мелочной, разносной и развозной торговли крестьянину дер. Суханиха Григорию Фомину⁷. Вполне возможно, что это и есть тот самый «богатый дядя», упоминавшийся выше.

По некоторым данным, в Челябинске уже в конце 1880-х гг. получал купеческое свидетельство второй гильдии и два билета на торговые заведения троицкий мещанин Николай Бабурин⁸, что давало ему право осуществлять коммерческую деятельность в определенной местности. По сути, в тот период он числился временным челябинским купцом, хотя еще продолжал находиться в своем прежнем сословии.

С конца XIX в. Николай Фадеевич упоминается в адресных книгах «Вся Россия» в качестве торговца мануфактурой в с. Чудиново и Ваганово Кочердыкской и Андреевской волостей Челябинского уезда⁹. С декабря 1900 г. Бабурин окончательно попадает в список челябинских купцов второй гильдии, причем отмечается, что он постоянно проживает в с. Чудиново¹⁰. Вскоре к его основной специализации добавляется торговля бакалейными товарами и хлебом¹¹. Очевидно, в округе существовал целый клан бакалейщиков Бабуриных: в начале 1910-х гг. известны также Евгений Иванович из Чудиново и Федор Никитич из Троицка¹². По имеющейся информации, Николай Фадеевич выстроил в селе большой полукаменный двухэтажный дом, содержал несколько лавок, имел тесные деловые связи с Троицком, Челябинском и Чумляком.

Николай Бабурин слыл человеком очень состоятельным, делал крупные пожертвования местному приходу, в 1902 г. взял на себя все расходы по строительству на сельском кладбище

каменной часовни Николая Чудотворца взамен ветхой деревянной. По воспоминаниям старожилов, она была небольшой, внутри вмещался только гроб, поскольку в ней отпевали умерших, и по бокам хватало места лишь для родственников, а напротив дверей стояла икона. Разрушили часовню в самом начале 1930-х годов¹³.

Купчая от 28 июня 1908 г. зафиксировала переход в собственность купца Николая Фадеевича Бабурина от златоустовского мещанина Николая Ивановича Михайлова дворового места площадью 420 квадратных сажен с постройками на Уфимской улице в Челябинске¹⁴. Это была внушительная усадьба, в документах того времени сохранилось ее описание: «Полукаменный палубенный дом, вверху 6 комнат, внизу 3 комнаты и 2 торговых магазина; 2 деревянных флигеля в 5 и 3 комнаты, конюшня, баня, сарай, 3 каменных погреба, крыты железом»¹⁵. Общая стоимость недвижимости составляла 5000 руб. По имеющимся архивным данным, это здание в 1888 г. построил мещанин Иван Андреевич Иванов¹⁶. Но вскоре владелец умер, и уже в 1889 г. имение числится за наследниками¹⁷, которые сдали его в ведение казака Самсона Григорьевича Григорьева¹⁸. 23 мая 1898 г. была утверждена очередная купчая на участок, хозяйкой стала златоустовская мещанка Афанасия Ивановна Михайлова¹⁹. А от Михайловых, как говорилось выше, в 1908 г. дом перешел в собственность купца Н. Ф. Бабурина.

По всей видимости, в Челябинске Николай Фадеевич бывал лишь наездами, а недвижимость использовал в качестве источника доходов, сдавая ее в наем. Так, по сведениям справочника Виктора Весновского, в 1909 г. здесь размещались меблированные комнаты «Сибирские номера», портновская мастерская и магазин готового платья Литовского, а также магазины золотых и серебряных вещей Монашкина и часовой магазин Шифрина²⁰.

Владеть домом Николаю Бабурина пришлось недолго: 5 января 1911 г. во время одного из своих визитов в город он скончался в возрасте 52 лет. Как свидетельствуют архивные документы, причиной смерти стало онкологическое заболевание, а отпевали его в чудиновском храме священник М. А. Емельянов и дьякон С. А. Кузнецов²¹. Видимо, предчувствуя скорый конец, купец еще при жизни завещал похоронить себя в Чудиново. Волю покойного выполнила его вдова Августа Алексеевна, поставившая над могилой мужа на сельском погосте величественный мраморный памятник. Как вспоминает Николай Година, в годы советской власти захоронение было разорено: «Мародеры из Могильного вытащили гроб из склепа. Взяли золотые часы, браслет, золотые зубы и костюм. <...> Разрушили и памятник. Председатель колхоза строил себе дом и под углы положил мраморные глыбы. Старухи написали жалобу в район. Глыбы увезли на кладбище и свалили кучей. Сейчас памятник восстановлен, но без верхушки. Я ее видел у одного дома под пяткой ворот»²². Впоследствии навер-

шие было возвращено на свое место. Надгробие с могилы купца сохранилось до настоящего времени и расположено в северной части чудиновского кладбища, рядом с захоронением Евдокии Маханьковой. Во время личного осмотра памятника в сентябре 2020 г. автором публикации выполнена запись эпитафии. Ниже приводится этот текст (в оригинальной орфографии).

С южной стороны: «Здесь покоится тьло / Челябинскаго купца / Николая Фадеевича / БАБУРИНА / скончавшагося въ / городь Челябинскъ / 5 января 1911 года / проживши на свѣтъ / 52 года 8 мѣсяцевъ».

С северной стороны: «Покойся здѣсь ты тѣрпеливый, / незамѣтно прошла / твоя жизнь суетливая. / Миръ праху твоему / незабвенной дорогой супругъ».

С восточной стороны — две цитаты из Евангелия от Иоанна (Ин. 11:26, Ин. 5:24): «Всякій живущій и вѣрующій / въ мня не умретъ во вѣки. / Истинно, истинно я говорю / вамъ: Слущающій слово Мое / и вѣрующій въ пославшаго / Меня имѣетъ жизнь вѣчную».

В ходе второго посещения Чудиново и более тщательного осмотра кладбища было выявлено еще одно дореволюционное надгробие, на котором с западной стороны читается следующая надпись: «Здѣсь покоится тьло / рабы Божіи / Елены Леонтьевны / БАБУРИНОЙ, / скончалась 1905 года / 5 Апрелья». Видимо, это какая-то родственница Николая Фадеевича, возможно, даже его мать. В метрической книге Вознесенской церкви есть запись о том, что скончалась она в возрасте 75 лет и происходила из крестьян дер. Бабуриной Бельковской волости Ковровского уезда Владимирской губернии²³.

Возникновение названия данного населенного пункта и, соответственно, фамилии, имеет две версии. Возможно, это производное от личного прозвища говорливого человека Бабура (в старину «бабурить» означало говорить), хотя не исключено, что «виноваты» здесь сморчки, произраставшие в окрестных еловых лесах. По Владимиру Далю, во Владимирском крае «бабуркой» как раз называли подобный гриб²⁴. Возникшая при небольшом пруде в 1680-е гг. дер. Бабурино с самого начала являлась вотчиной суздальского Спасо-Евфимиева монастыря²⁵.

Вдова купца Августа Алексеевна после кончины супруга некоторое время еще жила в Чудиново и даже осуществляла бакалейную и мануфактурную торговлю²⁶. Как отмечает Николай Година, «она намного моложе купца была»²⁷. После смерти мужа она спуталась с приказчиком, неким Бородиным, человеком веселым и разгульным. Он ее и обчистил до ниточки. Жила она в Челябинске и при новой власти прислуживала одному энкавэдэшнику. Году в 1947-м она приезжала в Чудиново. Посмотрела на разрушенный дом, на бывший памятник. О чем она думала, неизвестно»²⁸.

По сведениям из адрес-календаря Оренбургской губернии на 1912 г., в челябинском доме

Бабуриных проживал личный почетный гражданин Всеволод Васильевич Лоренсов — частный поверенный и агент страхового общества «Якорь»²⁹. Усадьба принадлежала вдове Николая Фадеевича и в последующие годы, о чем свидетельствует один интересный документ от 26 июня 1913 г. Приведем его фрагмент: «Принадлежащее мне недвижимое имение приобретено было покойным мужем в период необыкновенного промышленного оживления и необъяснимой горячки по сделкам на недвижимые имения. В настоящее время торговля и промышленность совершенно встали, замечается общий упадок дел, а с ним вместе — упадок ценности недвижимых имений. Недвижимые имения, стоившие прежде огромных денег, в настоящее время не находят себе покупателей и идут за бесценок. Доход с этих имуществ теперь уменьшился почти вдвое, а в частности пала и доходность принадлежащего мне недвижимого имения. За квартиры я получаю значительно меньше прежних годов, так как всем квартирантам уменьшена квартирная плата, что могут они подтвердить»³⁰. После революции дом муниципализовали³¹, в нем размещались различные организации и магазины. До начала 2000-х гг. это здание оставалось в своем первоначальном виде под № 94 на ул. Кирова. К сожалению, сегодня на его месте стоит полностью новодельное сооружение.

Известно, что Августа Алексеевна Бабурина внесла значительное пожертвование на создание в Чудиново земской больницы, выстроенной в 1914–1916 гг. в живописной рощице на выезде из села в сторону Челябинска³². В 1915 г. в Челябинском отделении Государственного банка ей был сделан вклад в пользу причта Покровской церкви с. Ваганово Андреевской волости — на вечное поминовение семьи Бабуриных, — ежегодно приносящий 15 руб. 25 коп., которые делились между священнослужителями³³.

К 1916 г. Чудиново с населением в 1786 человек и 318 дворами стало центром одноименной волости, появилось правление (здание сохранилось на ул. Кирова, 37), действовали православный храм, двухклассное министерское училище, церковно-приходская школа, земская библиотека-читальня, больница, кредитное товарищество, шесть лавок, артельный маслодельный завод и паровая мукомольная мельница³⁴. Как и раньше, устраивался еженедельный субботний базар, плюс проводились две большие ярмарки — Крещенская в январе и Вознесенская в августе. А уже в скором времени произошли исторические события, значительно повлиявшие на привычную размеренную жизнь южноуральского села.

Примечания

¹ Арефьева Н. Жизнь праведницы: мифы и реальность // Вечер. Челябинск. 2008. 24 марта. С. 7.

² Фамилия Чудинов восходит к прозвищному имени Чудин от нарицательного «чудь» — так называли древние финские племена, жившие на территории русского

Севера до прихода славян. Таким образом, Чудин — неславянин, представитель финского населения.

³ НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 76. Л. 38 об. — 39 об.

⁴ Антипин Н. А. Церковь в честь Вознесения Господня в с. Чудиново Октябрьского района: 150 лет со дня освящения // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2021 / сост.: Э. А. Арсламбаева, И. Н. Пережогина. Челябинск, 2020. С. 107.

⁵ Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901. С. 149.

⁶ Година Н. И. Царенок: из устных рассказов Владимира Ивановича Родикова-Кузиева : повесть. Челябинск, 2013. С. 30.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.

⁸ Там же. Д. 226. Л. 63 об.

⁹ Вся Россия : русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : адрес-календарь Рос. империи : в 2 т. Т. 1. СПб., 1899. Стб. 1191.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 691. Л. 2 об. — 3.

¹¹ Там же. Д. 819. Л. 6 об. — 7 ; Д. 956. Л. 1 об. — 2 ; Д. 1006. Л. 2 об. — 3.

¹² Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. Пермь, 1911. С. 258 ; Город Троицк и его уезд : справ. и адрес-календарь на 1912–1913 гг. Троицк, 1912. С. 93.

¹³ Година Н. И. Указ. соч. С. 149.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 932. Л. 119.

¹⁵ Там же. Д. 929. Л. 4 об.

¹⁶ Там же. Д. 220. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Д. 228. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Д. 353. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Д. 449. Л. 18 об.

²⁰ Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности. Челябинск, 1909. С. 44, 101, 104, 109.

²¹ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 622. Л. 270 об. — 271.

²² Година Н. И. Указ. соч. С. 30–31.

²³ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 11. Д. 68. Л. 181 об. — 182.

²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М., 1863. Ч. 1. С. 30.

²⁵ Фролов Н. В. Деревня Бабурино // Энциклопедия сел и деревень Ковровского края : в 3 ч. Ч. 1. Ковров, 2014. С. 14–17.

²⁶ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1913 г. Пермь, 1913. С. 292, 298 ; То же на 1914 г. Пермь, 1914. С. 341, 347 ; То же на 1915 г. Пермь, 1915. С. 341, 346.

²⁷ Документально подтверждается, что Августа Алексеевна была моложе супруга — приблизительно 1870 г. р. См. подробнее: ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 691. Л. 2 об. ; Д. 819. Л. 6 об. ; Д. 956. Л. 1 об. ; Д. 1006. Л. 2 об.

²⁸ Година Н. И. Указ. соч. С. 31.

²⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 г. Оренбург, 1912. С. 117, 118.

³⁰ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1145. Л. 26.

³¹ Список муниципализованных, национализированных и бесхозяйственных домов, принадлежащих коммунальному хозяйству // Совет. правда. 1923. 10 мая.

³² Кухтурский А. Г. Под крылом журавля. Октябрьское, 2007. С. 362, 369.

³³ Антипин Н. А. Церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Ваганово: 135 лет со дня освящения // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2014 / сост.: И. Н. Пережогина, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2014. С. 106.

³⁴ Список населенных мест Челябинского уезда. Челябинск, 1916. С. 154.

С. В. Кухта

Документы личного происхождения А. А. Позднякова как источник по истории революционного движения в Енисейской губернии

В условиях многообразия исторических подходов и непрекращающихся дебатов о роли 1917 г. в истории нашей страны особое значение для исследователя приобретают архивные источники, в том числе многочисленные материалы региональных архивов. Интереснейшие документы этого периода позволяют раскрыть специфику революционного процесса вдали от Петрограда, в крупных сибирских городах, так же ставших центрами яркой и подчас ожесточенной политической борьбы. Столица простиравшейся от Китая до Северного Ледовитого океана Енисейской губернии, г. Красноярск, в 1917 г. за массовый революционный настрой называли «сибирским Кронштадтом», а политическое влияние красных руководителей региона выходило далеко за его пределы. В 1918–1919 гг. губерния прошла через все этапы Гражданской войны: восстание Чехословацкого корпуса, ожесточенную борьбу местных повстанческих отрядов с армией А. В. Колчака, создание крупных партизанских республик.

Значимое место среди документов, содержащих сведения об этом сложном периоде, несомненно, занимают источники личного происхождения непосредственных участников революционных событий начала XX в., собранные в бывших партийных архивах краевых и областных комитетов КПСС. В Государственном архиве Красноярского края основной массив таких документов сконцентрирован в фондах П-64 «Красноярский краевой исторический партийный архив» и П-42 «Красноярский краевой партийный архив». Среди материалов этих фондов особенно выделяются автобиография, воспоминания, очерки, рецензии, письма, хроники (около 80 ед. хр.), написанные активным участником революции 1917 г. и Гражданской войны в Енисейской губернии Александром Александровичем Поздняковым и присланные им в Красноярский партийный архив в 1950-е — начале 1960-х гг.

А. А. Поздняков родился 9 августа 1894 г. в с. Частоостровском Красноярского уезда Енисейской губернии в семье крестьян. В автобиографии он писал: «Моя жизнь началась и протекает в кипучий период. Начавшись в деревне в конце прошлого века, она, за исключением первых двенадцати лет, протекает в городах сначала Сибири и Дальнего Востока, а в последнее время — в Гомеле и Москве. Две империалистические войны, Гражданская война, три революции и Великая Отечественная война советского народа наложили свой отпечаток на мое поколение»¹.

До 12 лет Александр работал в семейном хозяйстве — боронил, косил, присматривал за лошадьми. В 1906 г. переехал в Красноярск к тете, которая пристроила его на работу «мальчиком» в мелочную лавку. В 1907 г. поступил в ремесленное училище, где и увлекся революцион-

ными идеями: «...многие ученики, дети рабочих знали революционные песни, и мы в большую перемену затягивали иногда всем классом в 22 глотки “Вихри враждебные” или “Марсельезу”. Если в учительской услышат и к нам направляется надзиратель, мы быстро перестраиваемся и на тот же мотив продолжаем: “По синим волнам океана...” Это уже из официальной хрестоматии...»² После окончания училища Александр продолжил работу в магазинах. В 1913 г. вступил в профессиональный союз торговых и торговпромышленных служащих, где началась его систематическая общественная работа. В союзе периодически встречался со ссыльными социал-демократами и социалистами-революционерами, стал читать политическую литературу.

А. А. Поздняков вспоминал, что помимо общественных организаций молодежь Красноярска в те годы получала революционное воспитание на прогулках по будущему национальному парку «Красноярские Столбы». На Столбах были свои демократические порядки и «столбовские» законы, прививавшие дух товарищества и взаимопомощи. Там беспрепятственно распевали революционные песни и служили шуточные обеды, обличающие власть.

В сентябре 1915 г. Александр был призван в армию, зачислен писарем в 4-ю роту 15-го Сибирского стрелкового запасного батальона. В своих воспоминаниях «1917 год в Красноярске» (1957) А. А. Поздняков отмечал, что накануне Февральской революции стали меняться взаимоотношения с командным составом: солдаты позволяли себе отлучки, вели себя независимо. Особенно возмущались тем, что их не допускали в городской сад, наравне с собаками. В казармы пришли повседневные разговоры и настроения из разных слоев общества: «Неудачи на фронте содействовали упадку духа, а солдаты, связанные с городом, кто сознательно, а кто и несознательно, вносили в армию пораженческие настроения. Увеличились самовольные отлучки и дезертирство. <...> В первых числа марта 1917 года наше полковое начальство начало очень нервничать. После одного из совещаний командира полка полковника Леонтовича разбил паралич, он вызвал к себе на квартиру караул для личной охраны. По полку был издан приказ, воспрещающий отпускать солдат из казарм, но ничего не помогло»³.

В гарнизоне уже существовала небольшая, хорошо законспирированная военная организация, возглавляемая Б. З. Шумяцким — участником вооруженного восстания 1905 г. в Красноярских железнодорожных мастерских и будущим руководителем советской кинематографии. О событиях в Петрограде сведения пришли только 3 марта, в этот же день в 14-м полку начались

выборы делегатов в первый Совет⁴. Первые дни марта в Красноярске были отмечены всеобщим ликованием народа, встретившего грядущие перемены с воодушевлением. Повсеместно снимали и уничтожали портреты царя, служили молебны и пели революционные песни⁵.

Вскоре А. А. Поздняков был избран в Красноярский совет от писарской команды, сотрудничал с газетами «Красноярский рабочий», «Известия Красноярского совета». После некоторых раздумий в июне 1917 г. вступил в социал-демократическую рабочую партию. В начале сентября 1917 г. вошел в состав исполнительного комитета Красноярского совета, до середины 1918 г. работал в полковом комитете 15-го полка, солдатской секции Совета, в военном отделе губисполкома. Он вспоминал: «Для большей оперативности я всегда за обшлагом шинели носил бланки солдатской секции и в кармане ее печать, так что любое распоряжение можно было написать и направить в любое время дня и ночи»⁶.

Александр Александрович детально описал заседание соединенного исполкома Красноярского совета 28–29 октября 1917 г. после получения известий о событиях в столице: «...исполком постановил взять власть, наметил мероприятия, и, поручив выполнение мероприятий военному отделу, все разошлись. Остались мы, работники военного отдела: я, Лазо и Соловьев. Было уже часа 2 ночи. Ушли все, спать полегли, черти. А что нам делать? Надо власть брать, а как? <...> Один пошел банк занимать, другой — казначейство, а я — в типографию...» Вскоре они без затруднений заняли все намеченные пункты, отправили под домашний арест комиссара Временного правительства, поскольку к октябрю Совет в губернии фактически уже был главным органом власти⁷. После Октябрьской революции А. А. Позднякову было поручено руководство демобилизацией военнослужащих и комплектованием новой красной гвардии.

В своих мемуарах Александр Александрович подробно рассказал об обстоятельствах бегства членов Красноярского совета вниз по Енисею после занятия Красноярска армией А. В. Колчака 18 июня 1918 г. Свою «красную флотилию» они, шутя, называли «Плавучей республикой»⁸. Уже 8 июля «республику» нагнали противники, вынудив членов Совета выгрузиться на берег и рассеяться по лесной чаще без запасов продовольствия, одежды и оружия. Скитания по тайге в районе современного Туруханска произвели неизгладимое впечатление на А. А. Позднякова: «...не хватает умения описать все это так сильно, как было в действительности 15 июля 1918 года <...> Путаница в голове и страх перед сумасшествием вызвали необычайную энергию в движениях, и я носился по лесу, как метеор, спотыкаясь о валежник и даже просто на ровном месте, ободрав руки, с помутившимися глазами, а в голове только одна мысль, которую ничем не отогнать: пить, пить, пить...» Даты событий он отмечал, вычерчивая ножом на своей алюминие-

вой кружке. Вскоре Поздняков был арестован, помещен сначала в Монастырскую, а затем в Енисейскую и Красноярскую тюрьмы. В последней пробыл до октября 1919 г., находясь в постоянном ожидании расстрела: «...когда была моя очередь быть расстрелянным в качестве заложника, я был в бессознательном состоянии во время тифа. Медицинская сестра, к которой обратились за справкой о моем состоянии, заявила якобы, что я не двигаюсь и вообще безнадёжен. Она сказала сушью правду, и тем самым я остался жив...»⁹

Сохранилось 29 писем А. А. Позднякова из Красноярской тюрьмы за 1918–1919 гг., адресованных жене Анне Емельяновне. Небольшие записки она передавала и получала через продуктовую корзину, а дома прятала в манекен с надетым на него платьем. В квартире Поздняковых было несколько обысков, но внутрь манекена так никто и не заглянул. В письмах А. А. Поздняков характеризует тюремный быт: «...не хочется же в настоящее время сидеть за решеткой среди двойной каменной стены, только издали видеть, как ликует природа <...> Суждено ли выйти живому из этой каменной клетки на волю, “на волю святую”, как здесь говорят ребята? Начальство объявило нам, что мы лишаемся книг и газет, газет мы лишились и теперь не знаем, что происходит на белом свете <...> Если у нас отберут книги, то придется читать разный хлам тюремной библиотеки. Здесь все про святых больше, а это ведь — напрасно проводить время...» (19 мая 1919)¹⁰; сокрушается о том, что из-за революционной работы мало времени уделял семье: «...ведь ты же хорошо знаешь, как я отдался своему делу, тебе из-за этого много удалось перенести. Сколько было самоограничения, мы с тобой не ходили ни в театр, никуда, все “не было времени”...» (21 сентября 1919)¹¹.

24 сентября 1919 г. из Красноярска на Дальний Восток была эвакуирована первая партия арестованных большевиков, в числе других отправился и А. А. Поздняков. Сначала он был определен в концентрационный лагерь Иман, затем в Ново-Киевский, откуда совершил смелый побег и перебрался во Владивосток. Там ему удалось установить связь с подпольщиками Владивостокской партийной организации и включиться в революционную работу. После падения армии А. В. Колчака А. А. Поздняков работал во Владивостокском совете, в апреле 1920 г. был арестован японскими интервентами, из-под ареста бежал и, наконец, уехал на родину, представившись проводником санитарного вагона.

В Красноярске, где советская власть была восстановлена в январе 1920 г., А. А. Поздняков избирался секретарем городского и членом губернского комитета партии, затем был направлен в Гомельский губком РКП(б). В 1929 г. окончил курсы директоров совхозов Зернотреста, занимал разные хозяйственные должности.

Великая Отечественная война застала Александра Александровича в совхозе «Большево» Московской области. Вместе с женой он вступил

в партизанский отряд, из отряда перешел на подпольную партийную работу. В его обязанности входила связь между членами партии в Осташевском районе, тремя партизанскими отрядами и частями Красной армии, находившимися в тылу у немцев. За подпольную деятельность он был награжден орденом Красной Звезды.

В послевоенный период А. А. Поздняков работал в Научно-исследовательском институте кормов, фактически заново создал архив учреждения, систематизировал и инвентаризировал все документы. Выйдя на пенсию, полностью посвятил себя сбору исторических материалов по истории революционного движения в Енисейской губернии.

Среди материалов, сданных в партархив А. А. Поздняковым, помимо воспоминаний, имеются статьи и очерки по истории РСДРП в губернии: «Они боролись и погибли за коммунизм в 1917–1918 годах» (1949), «Воспоминания об участии женщин в революционных событиях» (1954), «Борьба за партию в г. Красноярске в 1917 году» (1957), «Красноярская подпольная организация РСДРП в 1915–1916 годах» (1961), «Хроника военной работы в Красноярске и Енисейской губернии в 1917–1918 гг.» и др.

Критически А. А. Поздняков подходил к опубликованным в разное время работам по истории революции в губернии, находя в них и фактологические, и идеологические ошибки. В частности, он написал разгромную рецензию на книгу В. П. Сафронова «Красноярская большевистская организация в период подготовки и проведения Октябрьской революции» (Красноярск, 1952). А. А. Поздняков призывал историков «не чесать всех под одну гребенку», записывая в большевики, а внимательно разбирать все течения, так как многие группы тяготели к эсерам или выступали за власть Советов, не поддерживая диктатуру пролетариата, и т. п.¹² В одном из писем Ф. К. Врублевскому он так ответил на критику своей рукописи по истории партийной организации из-за «несоответствия общепартийным решениям»: «...у каждой организации были свои условия, в которых она работала. Если все подгонять под директивы, тогда ведь не получится истории организации. При таком положении будет выхолощена вся творческая работа на местах и история будет обеднена. Пусть историки делают выводы. Мы должны писать то, что было в действительности...»¹³

Живя в Москве, Александр Александрович регулярно переписывался и встречался лично с земляками — старыми большевиками: Ф. К. Врублевским, А. В. Померанцевой, Л. И. Шумяцкой, А. П. Салазкиной, П. И. Тюдешевой и др. В своих письмах и устных интервью он формулировал конкретные вопросы, на которые получал разного объема и полноты ответы от собеседников.

Необходимо отметить, что к сбору материала, в том числе воспоминаний, А. А. Поздняков подходил крайне ответственно: кропотливо перепроверял изложенные в ответах факты, сравни-

вал их друг с другом и с архивными документами, отмечая, что «всякие воспоминания полезны только в том случае, если они искренни и правдивы»¹⁴. Кроме того, Александр Александрович призывал не пренебрегать личностями бывших меньшевиков, зачастую незаслуженно забытых историками тех лет. В 1961 г. он писал первому секретарю Красноярского краевого комитета КПСС А. А. Кокареву о своей работе по опросу организатора первого Красноярского комитета РСДРП и известного государственного деятеля и дипломата 1920-х гг. Александра Константиновича Пайкеса: «Мне известно, что некоторые историки считают неудобным писать о человеке, который был меньшевиком. <...> В 1918 году он стал членом коммунистической партии и работал на больших работах под руководством Ленина. <...> Тов. Пайкес рассказал мне, как создавалась Красноярская организация [РСДРП]. Я критически подошел и проверил некоторые факты, и они подтвердились»¹⁵.

Руководство партийного архива Красноярского крайкома КПСС всегда с уважением относилось к проделанной А. А. Поздняковым работе. Из-за отсутствия в штате достаточного количества научных работников и нехватки финансирования директор архива Л. Ф. Павленко неоднократно просил Александра Александровича уточнить некоторые детали биографий революционеров в архиве Института марксизма-ленинизма¹⁶.

Умер Александр Александрович Поздняков в 1964 г. в Москве. Решением исполнительного комитета Красноярского городского совета депутатов трудящихся от 30 августа 1966 г. улица 12-я Продольная в Красноярске была переименована в улицу Позднякова¹⁷.

Очевидно, что разноплановые документы А. А. Позднякова по истории революционного движения в Енисейской губернии, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, обладают широким информационным потенциалом. Будучи участником ключевых исторических событий переломного для енисейского региона и всего государства периода, Александр Александрович собрал и проанализировал значительный фактический материал, «оживил» исторические факты личными эмоциональными переживаниями. Перед глазами исследователя возникают реальные люди — свидетели и творцы революции, их политические взгляды и трансформации, повседневная жизнь и атмосфера тех драматичных дней. Кроме того, ценно умение автора адекватно оценивать свое место в рассматриваемых событиях и объективно подходить к исторической роли своих соратников по борьбе.

Немаловажно, что сегодня многие из этих материалов отсканированы и доступны для самостоятельного изучения на официальном сайте архивов Красноярского края (<http://красноярские-архивы.рф>) в специальном разделе «Система удаленного доступа».

Примечания

¹ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 678. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 9 ; Оп. 8. Д. 267. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 8. Д. 267. Л. 3, 4, 6, 7.

⁵ Там же. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 493. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 678. Л. 13.

⁷ Там же. Оп. 8. Д. 269. Л. 1 ; Д. 259. Л. 1–3.

⁸ Там же. Д. 262. Л. 25.

⁹ Там же. Оп. 6. Д. 678. Л. 15, 25.

¹⁰ Там же. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 702. Л. 25, 26.

¹¹ Там же. Л. 49 об.

¹² Там же. Ф. П-42. Оп. 10. Д. 37. Л. 1–2.

¹³ Там же. Д. 23. Л. 34.

¹⁴ Там же. Д. 20. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 32. Л. 31.

¹⁶ Там же. Д. 23. Л. 100.

¹⁷ Там же. Д. 211. Л. 1–2 ; Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1231. Л. 49.

О. М. Беляева

Академик И. П. Павлов: штрихи к портрету ученого (по документам ЦГАИПД СПб)

Имя прославленного физиолога, академика АН СССР Ивана Петровича Павлова (1849–1936) известно всему миру. В 1904 г. И. П. Павлов стал первым российским нобелевским лауреатом, получив премию за исследование функций главных пищеварительных желез. В 1935 г. на заседании XV Международного конгресса физиологов, проходившего в Ленинграде, И. П. Павлов был признан «старейшиной физиологов мира». За долгие годы своей научной работы ученый отметил не один юбилей своей жизни и профессиональной деятельности. Сам И. П. Павлов признавался в том, что намерен дожить до ста лет, так как чувствовал в себе силы и не жаловался на здоровье¹. Свое 85-летие он отмечал в 1934 г. В 1936 г. ученого не стало.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) хранятся любопытные документы, на основе которых можно реконструировать канву событий, связанных с организацией и проведением празднования 85-летия академика И. П. Павлова, проанализировать отношение к нему советского правительства и ближайшего окружения в связи с юбилеем, а также оценить позицию И. П. Павлова по отношению к власти. Все это позволит добавить некоторые штрихи к портрету ученого, а также проиллюстрировать масштабы организованной советским государством слежки на конкретном примере.

Источники представляют собой агентурные спецсообщения и донесения, адресованные непосредственно руководству Ленинградского горкома ВКП(б). Специфика этого вида источников заключается в том, что они содержат информацию, полученную от первоисточника через третьих лиц, то есть носят агентурный характер. Поскольку информация предоставлялась, по сути, первым руководящим лицам города, то ее содержание должно было быть максимально точным. В этом смысле вероятность достоверности сведений спецсообщений высока.

В советский период государство, как известно, контролировало все сферы функционирования общества, в том числе частную жизнь. К гражданам с известным именем было внимание особое. В частности, под пристальным наблюдением

властей находился и ученый И. П. Павлов. Как утверждает Д. Тодес, «секретные органы не спускали глаз с ученого»², а рапорты о его деятельности составлялись еженедельно³. Властей интересовало все: каким было окружение ученого, где он проводил свое свободное время, какими маршрутами ходил, с кем и на какие темы общался, какие мысли высказывал. Примечательно, что и в свой собственный 85-й по счету день рождения И. П. Павлов оказался под пристальным вниманием агентов спецслужб. Основываясь на этом, по версии Тодеса, можно представить себе масштабы организованной за ученым слежки⁴.

Согласно спецсообщению заместителя начальника секретного политического отделения А. Р. Стромина, ученый «отказался от участия в юбилейных торжествах»⁵. Вечером 26 сентября 1934 г. он выехал в Колтуши и «распорядился никому не сообщать о [своем] местонахождении, так как он никого принимать не будет»⁶. На следующий день в Колтуши прибыла семья Павлова. Доподлинно не известно, почему ученый в итоге отказался участвовать в торжественном проведении мероприятия, посвященного его юбилею, как планировала дирекция Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). По версии источника, на решение ученого мог повлиять его старший сын Всеволод⁷, к мнению которого прислушивался И. П. Павлов.

В день торжества ученому в Колтуши доставили пакет от Совета народных комиссаров СССР. В нем находилось приветствие юбиляру. По сообщению доносителя, И. П. Павлов «был сильно растроган, несколько раз жал руки и тепло благодарил вручавших ему пакет сотрудников и в заключении заявил: “Я сейчас отвечать не буду, но я очень и очень благодарен”»⁸. В присутствии всех членов семьи И. П. Павлов лично зачитал адресованное ему приветствие Совнаркома СССР. В нем говорилось:

Академику И. П. Павлову

В день Вашего 85-летия Совет народных комиссаров Союза ССР шлет Вам горячие приветствия и поздравления. Совнарком особо отмечает Вашу неиссякаемую энергию в научном творчестве, успехи которого заслуженно поставили Ваше имя в ряду классиков естествозна-

ния. Совнарком СССР желает Вам здоровья, бодрости и плодотворной работы на долгие годы на пользу нашей великой родины⁹.

Затем ученый сделал следующее заявление: «Я предполагал, что приветствие правительства будет опубликовано в печати, и никак не ожидал, что получу приветствие лично и за подписью председателя Совнаркома — Молотова». Завершая свою речь, И. П. Павлов заявил: «Теперь хватит. Больше я никого слушать не буду, и если мне удастся дожить до следующего юбилея, то я буду поступать так, как подсказывает мне моя совесть. Я буду праздновать юбилей так, как это принято, т. е. со всеми торжествами. Мне вовсе нетрудно простоять три часа, если в этом есть необходимость¹⁰. Как сообщает источник, «вся семья выслушала заявление академика с напряжением и без единого замечания или возражения»¹¹.

Торжество И. П. Павлова стало удобным поводом, который использовали власти, чтобы высказать в адрес ученого свои пожелания, а также недвусмысленно намекнуть, что следят за успехами ученого и заинтересованы в его дальнейшей плодотворной работе в деле развития науки для поддержания и роста престижа страны.

Несмотря на то что И. П. Павлов не собирался никого принимать в день своего рождения, велел никому не сообщать о своем местонахождении, скрыться от властей оказалось невозможно. Сам ученый прекрасно понимал, что является публичной фигурой, к которой приковано, без преувеличения, внимание всего мира и советской власти в особенности. В этом свете изолироваться от внешнего мира, пусть даже в день своего собственного юбилея, было изначально напрасной затеей. Нежелание И. П. Павлова принять участие в торжественном праздновании юбилея, устраиваемом в его честь, компрометировало его в глазах общественности и выглядело как уклонение от устоявшихся норм. В этом смысле открытое заявление ученого в кругу приближенных ему людей и родственников было своеобразной попыткой оправдать свое поведение и заверить окружающих в том, что он лоялен по отношению к власти и готов продолжать с ней сотрудничать.

После прочтения поздравительного адреса И. П. Павлов в очередной раз ощутил, какой тяжелый груз ответственности несет он на своих плечах. Ему уже не раз приходилось говорить не только своему окружению, но и публично о том, что его одолевают тревожные мысли, сможет ли он оправдать надежду и доверие правительства, а также отпускаемые колоссальные государственные средства на проводимые им исследования. Так, выступая на приеме, устроенном в Кремле советским правительством для делегатов XV Международного конгресса физиологов, И. П. Павлов говорил: «Мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам

предоставляет правительство»¹². На этот раз, по сообщению ТАСС, Совнарком СССР решил выделить в 1935 г. солидную сумму в размере миллиона рублей на содержание биологической станции в Колтушах¹³.

Неожиданный поворот событий, связанный с доставкой И. П. Павлову поздравительного адреса от Совнаркома СССР прямо ему домой, видимо, подтолкнул ученого изменить свои действия и уступить желанию сотрудников лаборатории ВИЭМ устроить в его честь банкет¹⁴. Торжество состоялось на квартире М. К. Петровой и прошло «с большим подъемом»¹⁵.

Любопытно, что И. П. Павлов не оставил без ответа поздравительный адрес СНК СССР. Попутно заметим, что этот ответ в числе остальных откликов ученого другим адресатам через агентурную сеть поступил в распоряжение НКВД. Собранные осведомителями материалы составили основу очередного спецсообщения о юбилее академика И. П. Павлова, направленного в Ленинградский горком ВКП(б).

Выражая благодарность правительству за внимание к своей персоне, И. П. Павлов писал: «Приношу Совету народных комиссаров СССР искреннюю благодарность за привет, добрые пожелания и постановление в связи с моим 85-летием. Хочу верить, что меры поощрения работников-физиологов достигнут цели, и моя наука особенно расцветет на родной почве. Я очень желаю жить и дальше и применю для этого в высшей степени все мои знания о животном организме и всю мою волю, чтобы прежде всего видеть на большом сроке результат Вашего грандиозного эксперимента, результат которого, по моему разумению, конечно, далеко, далеко еще не определен, а ведь он касается моей родины. Кроме того, я хочу еще поработать для окончательного торжества идеи об единстве, целостности человеческой природы и вместе с тем познания человеком самого себя»¹⁶.

Ответив лично на поздравление СНК СССР, И. П. Павлов тем самым продемонстрировал пиетет по отношению к власти и внимательное отношение к пожеланиям в свой адрес. В то же время ученый письменно засвидетельствовал свою позицию по отношению к власти и проводимой ею политике. Ученый не побоялся признаться в том, что, даже несмотря на то что его взгляды не совпадали с текущим государственным политическим курсом, он готов трудиться дальше и в любых условиях ради науки на пользу своему Отечеству.

Однако отказ И. П. Павлова от официального торжества был расценен в Москве как «обида», о чем сообщала агентурная записка¹⁷. Видимо, именно желая развеять ошибочное представление о своем поведении и внести ясность в понимание сложившейся ситуации, И. П. Павлов поручил младшему сыну Всеволоду лично прийти в Ленинградскую редакцию «Известий» ЦИК СССР и ВЦИК и сделать от имени своего отца заявление, чтобы, таким образом, обозначить

позицию ученого. По сведениям того же источника, сын Павлова заявил, что «академик Павлов уклонился от чествования без какого бы то ни было желания создать из этого “демонстрацию”. Академик Павлов принципиально против каких бы то ни было официальных чествований и всегда уклонялся от этого (даже в 1904 году, когда праздновалось 30-летие его научной деятельности, совпавшее с присуждением Нобелевской премии). Академик Павлов ничем “не обижен, как это думают в Москве”»¹⁸.

Поздравления с юбилеем И. П. Павлов также получил от президиума Рязанского горсовета, президиума Всесоюзной академии наук, президиума Всеукраинской академии наук, президиума Белорусской академии наук, Народного комиссариата здравоохранения, Народного комиссариата просвещения РСФСР и многих других. Некоторым из этих учреждений И. П. Павлов ответил лично. Так, например, поздравление от президиума Рязанского горсовета вызвало у него приятные ностальгические воспоминания: «Я глубоко тронут этим расположением земляков и испытываю чувство сердечнейшей признательности <...> за все это. Обострилось давнее намерение посетить дорогую Рязань, поклониться праху родителей, повидать места, где впервые зародились мечты, хотя отчасти обратившиеся в жизненную работу, и живо вспомнить тех, кто возбудил эти мечты»¹⁹. Эти последние строки ученый даже попросил «напечатать в местной газете»²⁰.

Юбилей И. П. Павлова стал общественным событием, о котором писали все передовые газеты. Ленинградская кинофабрика выпустила фильм, посвященный творчеству, работе и жизни ученого²¹. Совет народных комиссаров СССР запланировал издать собрание сочинений академика И. П. Павлова в течение 1935–1936 гг. Кроме того, постановлением СНК СССР учреждалась ежегодная Государственная премия им. академика И. П. Павлова за лучшую научную работу в области физиологии, а также пять стипендий его имени по 500 руб. ежемесячно для повышения научной квалификации молодых ученых в области физиологии²².

Получив поздравления в свой адрес, И. П. Павлов направил в редакцию «Известий» письмо, в котором сообщал, что благодарен всем лицам и учреждениям, «приветствовавшим его в день 85-летия», и вежливо предупредил, что не сможет написать ответ всем лично. Однако Н. И. Бухарин, бывший в то время редактором «Известий», вернул это письмо, поставив И. П. Павлову на вид, что оно «не соответствует действительности», так как некоторым учреждениям и лицам ученый «уже ответил на приветствия»²³. В беседе со своим учеником и научным сотрудником ВИЭМ О. С. Розенталем И. П. Павлов признавался: «Я действительно наделал много глупостей со своим юбилеем и теперь не знаю, как мне из такого положения выбраться. Надо было мне свой юбилей отмечать по установивше-

муся порядку. Своим письмом в редакцию “Известий” я причинил много хлопот Николаю Ивановичу Бухарину, чего делать не хотел бы. <...> Я готов сделать так, как рекомендует мне Бухарин»²⁴. Как видим, ученому снова не удалось сделать так, как ему хотелось и казалось правильным, его вновь поставили в неудобное положение, заставив почувствовать себя виноватым.

Как утверждает Д. Тодес, И. П. Павлов питал искреннее чувство уважения к Н. И. Бухарину и всегда прислушивался к его мнению²⁵. Видимо, поэтому ученый все же согласился переделать свое письмо. В итоге, по сообщению агентурной записки, И. П. Павлов «написал письмо так, как рекомендовал Бухарин», после чего «распорядился направить его в редакцию “Известий”»²⁶. Примечательно, что в письме содержалась приписка, сделанная рукой младшего сына ученого Всеволода, одновременно являвшегося его личным секретарем. Он рекомендовал Н. И. Бухарину «написать ответ Павлова в той форме, какую он найдет для себя приемлемой»²⁷. Однако остается неясным, была ли это инициатива Всеволода или же между ним и его отцом существовала какая-то предварительная об этом договоренность.

Казалось бы, инцидент с Н. И. Бухариным был исчерпан после согласования с ним текста письма для размещения в газете. Однако неожиданной кульминацией этого «происшествия» стал очередной визит Павлова-младшего в Ленинградскую редакцию «Известий». Там молодой человек по поручению отца сделал устное заявление о том, что академик И. П. Павлов благодарит «все крупные организации, обратившиеся к нему с приветствием», продублировав, таким образом, содержание официального письма для редакции. Кроме того, Всеволод в присутствии сотрудников редакции «Известий» от имени отца поблагодарил самого Н. И. Бухарина, сообщив, что его статья по поводу юбилея произвела на академика И. П. Павлова «прекрасное впечатление»²⁸. Сложно сказать однозначно, для чего понадобилось дублировать текст благодарственного письма устным заявлением. Возможно, это потребовалось для того, чтобы передать основное содержание письма И. П. Павлова при свидетелях во избежание каких бы то ни было недоразумений на случай, если вдруг текст письма изменится и будет напечатан в итоге с редакционной правкой.

Благодарность в адрес Н. И. Бухарина от имени И. П. Павлова была знаком почтения к его персоне. Не исключено, что ученый хотел искренне поблагодарить Н. И. Бухарина за те добрые слова и пожелания, которые последний высказал в его адрес в своей заметке. «Гениальный физиолог, общепризнанный глава целой школы, блестящий экспериментатор, ум, схватывающий любую деталь, способный к дробному анализу и в то же время подымающийся до могучих обобщений; благородный, прямой характер; величайшая страстность в защите своих взглядов, при железной выдержке, исключительной осторожности в выводах, ненависти ко вся-

ким непроверенным и поверхностным заключениям; изумительная целеустремленность воли, которая направляет всю научную деятельность <...> глубокая жизненность, ключом бьющий оптимизм, физическое и умственное здоровье, какая-то универсальная бодрость — таков облик этого восьмидесятилетнего старца с юношеским темпераментом...»²⁹, — именно так Н. И. Бухарин охарактеризовал ученого.

Как видим, И. П. Павлову так и не пришлось отметить свой день рождения по задуманному им самим сценарию — в семейном кругу. Ему, как человеку публичному, пришлось соблюсти все необходимые и приличествующие случаю условности, связанные с приемом поздравлений, участием в банкете, выражением благодарностей в адрес тех, кто поздравил его с юбилеем. В то же время ученому каждый раз приходилось лично или через доверенных лиц объяснять мотивы своих поступков, чтобы избежать недоразумений и не остаться недопонятым. Компрометировать себя в глазах общественности и вступать в открытый конфликт с властью ученый не хотел. Власти, в свою очередь, старались использовать подходящий момент в виде торжественного события в жизни ученого, чтобы продемонстрировать свою заботу о нем, высказать заинтересованность в продолжении научной работы, а также ненавязчиво напомнить о необходимости оправдания государственного доверия и выполнения долга перед страной.

Примечания

¹ Переписка И. П. Павлова / сост. Н. М. Гуреева, Е. С. Кулябко, В. Л. Меркулов ; гл. ред. Е. М. Крепс. Л. : Наука, 1970. С. 366.

² *Todes D.* Павлов и большевики // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1998. № 3. С. 26–59. См. также: Daniel P Todes. *Ivan Pavlov: A Russian Life in Science.* Oxford University Press, 2014.

³ *Todes D.* Указ. соч. С. 39.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 757. Л. 10.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Академику И. П. Павлову // *Ленингр. правда.* 1934. 27 сент.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 757. Л. 10.

¹¹ Там же.

¹² *Павлов И. П.* Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 30.

¹³ Об ознаменовании 85-летия со дня рождения академика И. П. Павлова // *Известия.* 1934. 27 сент.

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 757. Л. 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ Там же. Л. 20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же.

²¹ Фильм об акад. Павлове // *Ленингр. правда.* 1934. 27 сент.

²² Об ознаменовании 85-летия со дня рождения акад. И. П. Павлова // *Ленингр. правда.* 1934. 27 сент.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 757. Л. 18.

²⁴ Там же.

²⁵ *Todes D.* Указ. соч. С. 40–41.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 757. Л. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Бухарин Н.* Иван Петрович Павлов. К 85-летию его юбилею // *Известия.* 1934. 27 сент.

Т. И. Желтышева

Отец и дочь Штейнберги: златоустовский след

Много славных имен известных людей России вписано в историю Златоуста. Одни из них прожили в нашем городе большую часть своей жизни, другие — несколько лет или месяцев, а кто-то посетил его проездом. Память о каждом из них златоустовцы бережно хранят. Из 1961 словарной статьи «Златоустовской энциклопедии» 1028 — о персонах. Среди них — биографическая справка, посвященная Сергею Самойловичу Штейнбергу (1872–1940), выдающемуся ученому-металлургу, основателю уральской научной школы металловедения.

Родился он в Москве в семье известного врача-психиатра. Учился в Германии, сначала получил гуманитарное образование, а позже, уже в возрасте 34 лет, окончил Горную академию во Фрейберге. В 1906 г. приехал на Урал, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Трудовую деятельность начал в Юрюзани, работал в Перми и Златоусте, прошел путь от мастера до заведующего отделом треста. В Златоусте будущий ученый-металлург жил и работал с 1920 по 1925 гг. Зани-

мал должность заведующего электрометаллургическим отделом треста «Уралмет». В это же время он много раз выезжал в служебные командировки в Сатку и Белорецк с целью внедрения собственных технологий и организации производства на металлургических предприятиях.

Много С. С. Штейнберг сделал для развития златоустовской металлургии. С его именем связаны первые опыты выплавки нержавеющей стали в сконструированной и построенной им вместе с инженером И. П. Грамолиным электропечи. Под руководством Сергея Штейнберга на златоустовском заводе построены и введены в эксплуатацию три электросталеплавильные печи. Кроме основной работы в тресте инженер-металлург преподавал в Златоустовском механико-металлургическом техникуме. Среди характеристик преподавателей техникума его — особенная. В ней написано: «Очень ценный преподаватель по специальным предметам. Как педагог незаменим. К обязанностям относится хорошо с полным знанием своего дела»¹. В 1925 г. Сергей

Самойлович Штейнберг уехал в Свердловск, где жил и занимался преподавательской и научной деятельностью в области металлургии до конца своей жизни.

В Архиве Златоустовского городского округа сохранились документы, свидетельствующие о пятилетнем периоде жизни С. С. Штейнберга в Златоусте. В сложное время становления Советского государства, когда все силы были направлены на восстановление народного хозяйства и укрепление его обороноспособности, каждый технический специалист был на особом счету. В 1918 г. СНК принял декрет «Об учете и мобилизации технических сил Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В рамках данного декрета постановке на учет подлежали лица, имеющие техническое образование, занимавшие руководящие технические должности, и студенты последних курсов учебных заведений. Находился на действительной технической службе и инженер-металлург С. Штейнберг, что и подтверждает регистрационная карточка по учету технических сил республики².

Для представителей инженерной элиты создавались особые условия работы, но и ответственность на них лежала серьезная. С. Штейнбергом, сотрудником правления Южно-Уральского горнозаводского треста (Златоуст), было подписано обязательство, где говорилось: «...обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения промышленно-экономического характера. Ни под каким видом их не разглашать, а также строжайше следить за тем, чтобы таковые не попали другим лицам в письменном виде, при окончании занятий запирать в стол и ни под каким видом не переносить на свою или другую квартиру»³.

В личном деле С. С. Штейнберга среди многих сохранившихся документов нашлась небольшая записка — заявление с просьбой о выдаче справки о том, что «вместе со мной и на моем иждивении живет дочь моя Ольга Сергеевна 26 лет»⁴. Этот небольшой документ помог установить новое имя — златоустовского библиотекаря Ольги Сергеевны Штейнберг, одной из заведующих Центральной городской библиотекой в трудные 1920-е гг. Интересен и непрост был поиск информации об Ольге Сергеевне. Фамилия Штейнберг встретилась при просмотре библиотечных документов в архиве. При обращении к «Златоустовской энциклопедии» были изучены статьи об отце и сыне Штейнбергах — Сергее Самойловиче и Дмитрие Сергеевиче⁵. Данный факт подтолкнул к поиску подтверждения родственных связей между ними и Ольгой Штейнберг. Как известно, С. С. Штейнберг переехал в 1925 г. из Златоуста в Свердловск. Решили поискать «след» Ольги Сергеевны в библиотеках Екатеринбурга, предположив, что она вместе с отцом поменяла место жительства. На сайте Свердловской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского нашли библиографический указатель «История Белинки в публикациях. 1899–2010». В нем имеются сведения о несколь-

ких публикациях О. С. Штейнберг⁶. Наше предположение о родстве подтвердилось! Поиск продолжился. Большую помощь оказали коллеги — библиографы Екатеринбург и Полевского Валентина Васильевна Горева и Роза Сафаровна Диярова. Без их участия, заинтересованности, равнодушного отношения и даже настойчивости не удалось бы найти родственников Ольги Сергеевны и написать, пусть и не полную, историю жизни и трудовой деятельности О. С. Штейнберг.

Судьба О. Штейнберг, как и всех ровесников XX в., складывалась непросто. Вместе со страной они переживали сложные этапы строительства новой жизни, восстановления народного хозяйства, годы репрессий и Великой Отечественной войны. Точная дата рождения Ольги Сергеевны не установлена, судя по сохранившимся документам, это период с 1897 по 1899 гг. Очевидно, раннее детство Ольги прошло в Санкт-Петербурге, где с 1898 по 1901 гг. Сергей Штейнберг занимался литературной деятельностью, сотрудничал с журналами «Научное обозрение», «Образование» и другими изданиями. Позже была его учеба в Германии, в 1906 г. — переезд на Урал. Здесь «у него появилась новая семья, но от московских детей он не отрекся», — так сообщил внук ученого Д. Д. Штейнберг. Регулярное общение с отцом, проживание с ним дочери Ольги подтверждают и документы архива.

Ольга Штейнберг окончила гимназию. О начале своей трудовой деятельности она пишет: «Работаю с 1917 года большей частью как библиотекарь»⁷. По документам можно проследить, в каких городах она жила, где и кем работала. В 1917 г. — в Перми, в Народном университете или Доме народного просвещения. В Тюмени в 1919 году осенью заведывала внешкольным п/отделом, потом была внешкольным инструктором там же. В Перми в 1919–1920 гг. работала в библиотеке университета... В 1920–1921 гг. служила в Комиссии по ликвидации неграмотности в Саратове, где окончила семимесячные курсы по внешкольному образованию⁸. Также в Саратове работала в детской библиотеке. В Златоусте Ольга Штейнберг первоначально устроилась на должность учительницы «3-й Советской школы»⁹, а с 1 октября 1922 г., согласно заявлению, была переведена на должность заведующей Центральной библиотекой, где проработала до июня 1923 г. Срок недолгий. Частая смена руководителей Центральной библиотеки характерна для того времени. Тем не менее на долю практически каждого из них пришлось выполнение разных важных директив и указаний. Вся страна восстанавливалась, строила новую жизнь, «искали свое место» в ней и библиотеки. Ольга Сергеевна активно включилась в переустройство библиотечной работы. Пришла она на заведование в непростой период, только что, 17 сентября 1922 г., перед ее назначением, вышел приказ № 36 по Златоустовскому уездному отделу народного образования относительно

плохой организации работы и дисциплины сотрудников. В нем говорилось: «Замечено, что в последнее время сотрудники городских библиотек весьма халатно относятся к исполнению своих обязанностей, а именно: 1) несвоевременно приходят на службу и уходят с таковой, 2) не ведется очередное дежурство в библиотеках, не бывают в часы занятий на местах, на основании чего ЗлатУОНО объявляет за все вышеупомянутые упущения по службе всем сотрудникам библиотек на первый раз строгий выговор... Замеченные в неисполнении параграфа 1, 2 сего приказа сотрудники библиотек будут немедленно уволены со службы без предупреждения и без выплаты содержания за 2 декады вперед...»¹⁰

Пришлось заниматься решением организационных вопросов, налаживанием дисциплины. Все было сложно. Библиотека должна была быть открыта с 8 часов утра до 20 часов вечера. Не было топлива, существовали проблемы с освещением, повсюду голод, свирепствует тиф. Не обошла эта страшная болезнь и сотрудников Центральной библиотеки. Учреждение часто меняло адрес, переезжая из одного помещения в другое. Только за небольшой срок руководства О. Штейнберг Центральной библиотека была перевезена из здания рабочего клуба, находившегося на городской площади (ныне в нем размещается городской краеведческий музей), на улицу Скворцова, 27, в большой частный особняк. В 1922–1923 гг. в архивных документах относительно деятельности библиотек прослеживается важное, основное указание: Центральная городская библиотека должна стать ведущей, главной библиотекой города, ее руководитель должен: «...1) руководить непосредственно работой всех городских, районных библиотек и контролировать их деятельность; 2) руководить комплектованием всех библиотек; 3) наметить сеть передвижных библиотек по городу и проект намечки сети таковых проводить через библиотечный п/отдел; 4) составить списки передвижных библиотек. Все заведующие районными библиотеками сносятся с библиотечным п/отделом через зав. ЦБ и предоставление отчетности только через таковую. В повседневной работе зав. ЦБ опирается на своего заместителя»¹¹.

Ольга Сергеевна принимает, проверяет и подписывает ежемесячные отчеты о работе всех библиотек города, решает все вопросы, с которыми к ней обращаются библиотекари. Обязанность вести все переговоры по делам библиотек возложена на нее, а заведующие должны безоговорочно ей подчиняться. Ведется работа с должниками по возвращению взятых книг, составляются списки с указанием точных адресов их проживания, выполняется указание о заведении жалобной книги в каждой библиотеке. Большое внимание молодой руководитель уделяла работе с прессой: она пишет статьи для городской газеты «Пролетарская мысль» о чтении, о нехватке книг, о внимании к библиотекам. Приглашает читателей присоединиться к решению

библиотечных проблем и приходиться на собрания. Очень современно звучат слова в одной из ее статей: «...мы решим все вместе, как нам улучшить положение библиотеки и превратить ее действительно в культурный центр, взамен книжного склада и места выдачи книг, каким она сейчас является»¹². Она ведет работу по руководству чтением, привлечению златоустовцев к чтению лучшей литературы, по данному поводу пишет: «...предлагала классиков. В большинстве случаев ответ такой — “классики устарели”... А ведь в библиотеке имеются 45 тысяч книг, в большинстве своем очень ценных»¹³.

В главной библиотеке города функционирует справочное бюро, сотрудником которого является Елена Америкова, вступившая в должность заведующей после О. Штейнберг. В это же время в качестве практикантки работает еще одна будущая заведующая — Татьяна Сорокина. В июне 1923 г. Ольга Сергеевна покидает пост заведующей Центральной библиотекой. В 1924 г. она пытается найти работу в Златоусте. В заявлениях указывает, что училась в Московском государственном университете на факультете общественных наук, по болезни вернулась в Златоуст. В одном из своих прошений Ольга Сергеевна пишет, что является сотрудником редакции городской газеты «Пролетарская мысль», но хотела бы работу «переменить». В резолюциях на ее заявлениях указано, что принять ее не могут за неимением свободных мест.

В 1927 г. в Златоустовское окружное архивное бюро из Свердловска поступает запрос о том, что требуется подтверждение о работе О. С. Штейнберг в должности заведующей Центральной библиотекой. Очевидно, она пыталась устроиться на работу, и необходимо было подтвердить библиотечный стаж. Публикации Ольги Штейнберг в прессе, включенные в указатель «История Белинки в публикациях. 1899–2010», стали доказательством нашего предположения о ее переезде в Свердловск. Стало известно, что в начале 1930-х гг. Ольга Сергеевна работала в Свердловской областной библиотеке им. В. Г. Белинского (ныне — Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского), где заведовала отделом книгохранения. О. С. Штейнберг — одна из инициаторов и активных участников продвижения предложения о строительстве нового здания для областной библиотеки. «О. Штейнберг начала активную кампанию в прессе, посвященную проблемам размещения и повышения эффективности использования книжных фондов. Она решительно заявляла, что помещение, в котором находится библиотека им. В. Г. Белинского, задачам областной библиотеки и областного книгохранилища столицы Большого Урала, не отвечает...»¹⁴

Внук С. С. Штейнберга Дмитрий Дмитриевич прислал в Центральную городскую библиотеку Златоуста фотографию семьи Штейнбергов, датированную 1938 г. На ней есть и Ольга Сергеевна. Он также сообщил, что после 1940 г. связь семьи

с Ольгой Сергеевной утеряна, и о ее судьбе родственникам ничего не известно. По непроверенным источникам, О. С. Штейнберг в неизвестный нам период жила и работала в Ленинграде, занималась педагогической деятельностью.

Много еще белых пятен в биографии заведующей Центральной городской библиотекой Златоуста в 1922–1923 гг. Ольги Сергеевны Штейнберг, и может быть, в дальнейшем еще удастся узнать, как сложилась ее судьба после 1940 г. В данной статье сделана попытка собрать все известные факты и познакомить библиотечное сообщество с жизнью и деятельностью уральского библиотекаря, представительницы знаменитой династии Штейнбергов.

Примечания

¹ АЗГО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 1088. Л. 163.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Чабаненко В. Штейнберг Дмитрий Сергеевич // Златоустовская энциклопедия : в 2 т. / ред.-сост.: А. В. Козлов [и др.]. Златоуст, 1997. Т. 2. С. 232.

⁶ История Белинки в публикациях: 1899–2010 : библиограф. указ. / ЧОУНБ им. В. Г. Белинского ; сост.: Т. Б. Захарова [и др.]. Екатеринбург, 2011.

⁷ АЗГО. Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 9. Л. 70.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 20.

⁹ Там же. Ф. Р-45. Оп. 2. Д. 113. Л. 87.

¹⁰ Там же. Л. 76.

¹¹ Там же. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 363. Л. 28.

¹² Штейнберг О. Побольше внимания библиотеке // Пролетар. мысль. 1922. 22 дек.

¹³ Штейнберг О. Что читает Златоуст // Пролетар. мысль. 1923. 21 февр.

¹⁴ Колосова Т. «Нью Белинка». Судьба одного проекта // Библ. дело. 2019. № 16. С. 8.

В. Н. Кузнецов

Выдающийся ученый-доброволец, имевший бронь от отправки на фронт

Кирилл Иванович Щёлкин, будущий трижды Герой Социалистического Труда, относился к поколению ученых, родившихся в первой четверти XX в. Свою научную деятельность он был вынужден прервать в связи с началом Великой Отечественной войны. Несмотря на то что, как научный работник со степенью кандидата наук, имел бронь от отправки на фронт, он добровольно вступил в ряды Красной Армии и применял свои знания в боевых операциях в звании рядового.

После окончания в 1928 г. школы он поступил на физико-технический факультет Крымского педагогического института (Симферополь) За отличную учебу по окончании института Кирилл Щёлкин был премирован брюками и ему была предложена работа — директором школы в Ялте. Но он принял решение поступить в Ленинградский институт химической физики и целиком посвятить себя научной деятельности. В 1938 г. К. И. Щёлкин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Экспериментальные исследования условий возникновения детонации в газовых смесях». После защиты диссертации его зачислили в штат института и назначили начальником спецотдела. В марте 1939 г. он был утвержден в звании старшего научного сотрудника по специальности «Физика»¹.

После назначения на эту должность он стал планировать подготовку докторской диссертации и составил тематический план ее написания на три года. План был напряженный, предполагал полное сосредоточение на экспериментах, поисках, изучении новых научных материалов. Но заниматься пришлось совсем другим. 22 июня 1941 г. началась война с фашистской Германией.

После двух отказов 3 июля 1941 г. он все-таки добился отправки на фронт вместе с ленин-

градскими коммунистами и стал бойцом 64-й (позднее — 7-я гвардейская) стрелковой дивизии, начавшей боевые действия еще в Белоруссии. Эта дивизия в первые месяцы войны держала оборону на Минском направлении, затем под Смоленском, потеряла почти половину личного состава, но ни разу не отступила под натиском врага, оставляя позиции лишь по приказу своего командования.

Кирилл Иванович был назначен вычислителем-разведчиком батареи начальника артиллерии дивизии. Он быстро втянулся в суровую фронтовую жизнь. Помогла и хорошая спортивная закалка: в мирное время Кирилл Иванович занимался планеризмом, греблей, плаванием, стрельбой, футболом, любил коньки и лыжи. Артиллерист К. И. Щёлкин участвовал в боях у Днепра, под Вязьмой, Серпуховом, Солнечногорском².

Его сын, Феликс Кириллович Щёлкин, вспоминал, что судьба подарила отцу участие в декабрьском наступлении под Москвой. Он услышал долгожданную команду «Вперед, на запад!» Этими шестью месяцами на передовой отец всегда гордился. Позднее, в Казани, отец рассказывал разные случаи из фронтовой жизни: не раз он чудом избегал смерти; переворачивался на полном ходу в кузове полуторки; рядом взрывались снаряды; заваливало в блиндаже, ребята откапывали...

Первый такой эпизод был связан с прямым попаданием немецкого снаряда в наблюдательный пункт артиллеристов. Буквально за несколько минут до взрыва К. Щёлкину, как самому младшему по званию — рядовому-красноармейцу, приказали принести обед. Вернувшись с пункта раздачи пищи, он не застал никого в живых. Видимо, немцы засекли отблеск оптического прибора.

Следующий случай произошел тогда, когда рядового Щёлкина послали в штаб за пополнением личного состава. Когда он вел группу из двадцати новобранцев в расположение части, на передовую, началась перестрелка с обеих сторон. Группа забеспокоилась, и несколько человек стали кричать, что солдат, который их ведет, немецкий шпион и ведет их к немцам. Крики усиливались, голосов становилось все больше. Стали требовать у командира немедленно расстрелять «немецкого шпиона» и возвратиться в штаб. Доводы Щёлкина никто не слушал. К счастью, в этот момент прибыли на место. К. Щёлкин говорил, что сильно занервничал, когда заметил, что командир поддался общей истерике³.

Боевой друг К. И. Щёлкина, Ф. С. Свичевский, так вспоминал об одном из боев разведывательного взвода у дер. Большие Ржавки:

В армии у нас с ним интересы были общие. Поэтому он был мне близким фронтовым другом и, пожалуй, за всю войну таким единственным душевно близким товарищем. Шесть месяцев мы были вместе, рядом спали. Он был политбойцом, как и я... Занимались артиллерийской разведкой. Это — наблюдение, корректировка огня, составление карт. На карты наносили расположение огневых, боевых и других точек противника. Составленные карты отвозили в штаб Рокоссовского. Ежедневно: то он, то я — по очереди. При этом приходилось проскакивать на машине простреливаемую зону. Каждый раз противник, видя нас, открывал огонь. Но обходилось благополучно... Были мы с Кириллом Ивановичем вместе и под Москвой. Направили нас, пять человек, в разведку. Взяли мы в вещмешки по три лимонки, по четыре диска к автомату. Подъехали на машине к деревне Черные Грязи, примерно в 40 км от Москвы. Тут бомбежка, мы выбежали из машины. Один налет, другой... По-видимому, немцы бомбили деревню на всякий случай, чтобы сделать через нее рынок в район Химок. За деревней справа был лесок. Там стоял в засаде наш танк. Но мы этого не знали. Мы сидели в это время под горушкой.

Перебрались в свежую воронку. Вдруг видим — идут на нас шесть немецких танков. А нас-то пятеро. Что делать? За танками шла немецкая пехота. Немцы стреляли трассирующими пулями, наверное, для устрашения. Ну, мы тоже открыли автоматный огонь. И вдруг немцы повернули назад. А ведь они могли тогда к Химкам прорваться, за нами никого не было. Этот случай был описан в «Правде» от 5 декабря 1941 г., в заметке «Героический экипаж».

Кирилл Иванович, будучи на фронте, находил прямо в жизни научные проблемы. Было очень обидно смотреть, как легко загорались наши самолеты от немецких очередей. Все дело, считал Кирилл Иванович, в октановом числе. Надо было найти способ повышения температуры возгорания горючего. Решил ли он эту задачу, не знаю...⁴

6 января 1942 г. К. И. Щёлкин был вызван в штаб, где ему вручили демобилизационное удо-

стоверение, в котором было написано: «Выдано настоящее бывшему красноармейцу 7 гвардейской стрелковой дивизии Щёлкину Кириллу Ивановичу в том, что он следует в г. Казань для продолжения научной работы при Институте химической физики Академии наук СССР. Основание: шифротелеграмма зам. наркома обороны т. Щаденко».

Этот эпизод отзыва К. И. Щёлкина с фронта так описан в книге «Пламя и взрыв»⁵:

Рядового Щёлкина разыскивали на артиллерийских позициях. В выдавшей виды шинели, ботинках с обмотками и обгорелой шапке-ушанке Кирилл Иванович выглядел бывалым фронтовиком.

— Щёлкина к командиру дивизии! — громко выкрикнул запыхавшийся связной командира батареи.

«Что же это за задание такое, — раздумывал Щёлкин, — которое будет давать сам комдив?» Поправив шапку и ремень, он открыл дверь в подвал и в свете керосиновой лампы увидел сидящего в полушубке седовласого, с моложавым широким лицом комдива. Афанасий Сергеевич Грязнов, которому в декабре было присвоено звание генерала, поднялся, поздоровался за руку, внимательно оглядел бойца. Потом взял со стола какую-то бумагу и сообщил:

— Пришел приказ откомандировать вас к месту прежней работы. В Казань, — поправился генерал. — Работа ваша теперь там. В двадцать четыре часа чтоб отправились. Вы что, не рады?

Рядовой Щёлкин доложил, что он доброволец. Но генерал ответил, что приказ есть приказ.

Утром старшина сурово оглядел Кирилла Ивановича.

— Ну, куда в таком виде ехать? — заворчал он. — Подберем что-нибудь посвежее.

Сборы были быстры: один предложил новые бриджи, другой — гимнастерку, третий дал свой котелок. Собрали в дорогу несколько седелок, хлеб и консервы⁶.

С фронта стали отзывать ученых и специалистов соответствующих специальностей. К. И. Щёлкин был направлен на разработку проблем горения в реактивных двигателях для авиации. Его научная квалификация позволяла с ходу включиться в эту работу.

В те трудные военные годы велись интенсивные исследования различных типов реактивных двигателей. Кирилл Иванович сосредоточился на процессах, происходящих в камере сгорания. Из опыта предыдущих исследований он понимал важную роль турбулентных процессов для повышения интенсивности и эффективности горения. Внедрение этих идей способствовало существенному развитию отечественной реактивной техники. Параллельно с прикладными исследованиями он продолжал научную работу, и 12 ноября 1946 г. успешно защитил докторскую диссертацию.

К разработке ядерного оружия К. И. Щёлкин был привлечен в марте 1947 г. Тогда в уединенном провинциальном городке Центральной

России — Сарове — начиналось создание будущего первого ядерно-оружейного центра страны — КБ-11 (в настоящее время Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики). Кирилл Иванович был назначен заместителем научного руководителя и начальником научно-исследовательского сектора, в задачи которого входила экспериментальная разработка натуральных изделий. Свою практическую деятельность в новом для него деле он начал с подбора кадров и поиска оборудования для лабораторий будущего КБ-11 совместно с научным руководителем и главным конструктором центра Юлием Борисовичем Харитоном.

За время работы в КБ-11 в полной мере проявился талант Кирилла Ивановича как ученого и организатора. Его отличали глубина понимания проблем, четкость постановки задач, умение работать с людьми, масштабность мышления, нацеленность на будущее. Его авторитет среди руководителей отрасли и в научных кругах был высок. И. В. Курчатов ценил энергию, знания, опыт и деловые качества К. И. Щёлкина. Поэтому когда встал вопрос создания второго ядерного оружейного центра, он был рекомендован на должность его научного руководителя и главного конструктора.

К моменту нового высокого назначения за плечами К. И. Щёлкина уже был бесценный восьмилетний опыт интенсивной и эффективной работы в новой сложнейшей отрасли науки и техники. Важнейшими вехами на этом пути были испытания первого советского ядерного заряда, первого термоядерного заряда, первой советской супербомбы — каскадного термоядерного заряда. На каждом из этапов этого трудного пути вклад Кирилла Ивановича был значительным. Родина высоко оценила его научные достижения. Он трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1953), лауреат Сталинской I степени (1949, 1951, 1953) и Ленинской (1958) премий⁷.

Постановлением Совета министров СССР от 26 марта 1954 г. № 525-230 была определена необходимость иметь дублер КБ-11 и Министерству среднего машиностроения СССР поручено представить предложения о создании нового научно-исследовательского института и районе его расположения⁸. Активным сторонником создания института выступил К. И. Щёлкин. К тому времени Кирилл Иванович был одним из наиболее опытных организаторов и специалистов в атомной отрасли страны.

НИИ-1011 был построен в Челябинске-70. Ныне это Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики (РФЯЦ — ВНИИТФ) имени академика Е. И. Забабахина в г. Снежинск Челябинской области.

Кирилл Иванович энергично взялся за формирование нового института. Им была определена структура будущего центра и его перспективы. Много лет спустя на открытии мемориальной

доски, посвященной К. И. Щёлкину, научный руководитель института академик Е. И. Забабахин сказал, что институт своими успехами во многом обязан той продуманной структуре и стратегическому плану развития, которые при его основании разработал Кирилл Иванович Щёлкин.

Даже в самые сложные годы работы в КБ-11 и в НИИ-1011 Кирилл Иванович находил время для научных исследований по горению, которые он продолжал со своими коллегами в Институте химической физики. Регулярно в научных журналах появлялись его публикации, подготовленные самостоятельно и с соавторами. Выйдя на пенсию, К. И. Щёлкин не прекратил, а наоборот, расширил научные исследования и круг научных интересов. Возросла частота его публикаций. Работы К. И. Щёлкина получили всемирное признание, их читали и цитировали. В 1963 г. вышла в свет монография «Газодинамика горения», которую ученый подготовил совместно с Я. К. Трошиным. Одновременно он продолжал работать над книгой по физике атома, ядра и субъядерных частиц «Физика микромира», которая была издана в 1965 г.

Кирилл Иванович большое внимание уделял популяризации науки, публикуя статьи во многих журналах, читая лекции. Он заботился о научной смене: организовал кафедру горения в Московском физико-техническом институте, сам читал там лекции. Отдавая должное соратникам по атомной эпопее, К. И. Щёлкин в середине 1960-х гг. написал вводную статью и выступил редактором сборника «Советская атомная наука и техника», приуроченного к 50-летию советской власти. В вводной статье он подчеркнул, что одна из основных составляющих успеха отечественного атомного проекта заключалась в коллективном подвиге всех его участников.

Несмотря на заслуги К. И. Щёлкина перед государством, как это нередко бывает, его судьба находилась в руках чиновника, который не смог простить ученому его смелость и независимость. Из-за личной обиды министра среднего машиностроения СССР Е. П. Славского на К. И. Щёлкина его вклад в укрепление обороноспособности страны, в создание отечественного атомного оружия был предан забвению. Обида возникла после исключения Е. П. Славского из списка награждаемых Государственной премией по инициативе К. И. Щёлкина. После этого инцидента выдающийся ученый был лишен пропуска в министерство, ему было запрещено участвовать в любых международных научных мероприятиях, и в конечном итоге он был досрочно отправлен на пенсию, размер которой был уменьшен в два раза по сравнению с размером пенсии других заслуженных ученых.

Второй раз его имя было незаслуженно забыто и не включено в историю атомной отрасли после выхода Указа Президента РФ от 17 февраля 1995 г. № 160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по

истории создания ядерного оружия в СССР». Начиная с этого времени стали активно публиковаться многочисленные монографии и научные статьи об истории реализации атомного проекта СССР, защищались кандидатские и докторские диссертации, проводились публичные научные мероприятия. К великому сожалению, имя Кирилла Ивановича Щёлкина в этих публикациях упоминалось крайне редко.

Наложенное руководством Министерства среднего машиностроения СССР табу на упоминание имени этого выдающегося ученого так и осталось негласным запретом на долгие десятилетия. Никто из руководителей атомной отрасли не набрался смелости или не нашел времени для того, чтобы исправить эту вопиющую несправедливость. Юбилей К. И. Щёлкина (70, 80 и 90-летний) никак не отмечались. Только начиная с середины первого десятилетия 2000-х гг. упоминания о Кирилле Ивановиче стали появляться в публикации по истории советского атомного проекта.

Первая монографическая работа о нем — «Апостолы атомного века» — была опубликована лишь в 2004 г.⁹ Ее написал Ф. К. Щёлкин — сын Кирилла Ивановича. В 2011 г. ВНИИТФ выпустил юбилейный буклет «Кирилл Иванович Щёлкин. К 100-летию со дня рождения»¹⁰. В 2014 г. в свет вышла книга «Возвращение имени»¹¹. Наиболее полную биографию К. И. Щёлкина удалось опубликовать к 75-летию атомной отрасли и 65-летию ВНИИТФ в коллективной монографии «Во главе науки ядерного центра на Урале» (2020), которая вышла в серии «Выдающиеся ученые Урала»¹².

Жизнь К. И. Щёлкина оборвалась 8 ноября 1968 г. Только после смерти ученого его имя и фотография впервые были опубликованы в газете «Правда». Научный потенциал К. И. Щёлкина оставался по-прежнему высоким, о чем свидетельствуют многочисленные публикации последних лет. Но тяжелый многолетний труд исчерпал его жизненные ресурсы. У Кирилла Ивановича никогда не было сомнения в правильности из-

бранного им пути. «Я не жалею, что потерял здоровье, — говорил он, — я счастлив, что принес пользу Родине. Если бы мне пришлось все начинать сызнова, я бы поступил так же»¹³.

Жизнь Кирилла Ивановича Щёлкина, выдающегося советского ученого, прожита ярко, с пользой для страны, для всего человечества. Он руководил наукой в самом секретном ядерном центре страны, конструировал ядерное оружие, чтобы сохранить мир на нашей планете. В атомном проекте, в результате которого была создана советская атомная бомба, участвовали сотни тысяч людей. К 1953 г. лишь пятеро из них были первыми в СССР удостоены звания Героя Социалистического Труда трижды. Среди них был и К. И. Щёлкин.

Примечания

¹ Щёлкин Ф. К. Апостолы атомного века. Воспоминания, размышления. М. : Дели Принт. 2004. С. 10–11.

² Богуненко Н. Н. Возвращение имени. Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2014. С. 9–10.

³ Щёлкин Ф. К. Указ. соч. С. 14–15.

⁴ Богуненко Н. Н. Каз. соч. С. 10–12.

⁵ Асташенков П. Т. Пламя и взрыв. М. : Политиздат, 1974. 103 с.

⁶ Богуненко Н. Н. Указ. соч. С. 12–13.

⁷ Атомные города Урала. Город Снежинск : энциклопедия. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 9 ; Герои атомного проекта. М. ; Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2005. С. 431.

⁸ Атомный проект СССР : док. и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 3: Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 2. Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ ; М. : Физмалит, 2009. С. 157.

⁹ Щёлкин Ф. К. Указ. соч.

¹⁰ Кирилл Иванович Щёлкин. К 100-летию со дня рождения. Снежинск : РФЯЦ — ВНИИТФ, 2011. 56 с.

¹¹ Богуненко Н. Н. Указ. соч.

¹² Водолага Б. К., Волошин Н. П., Кузнецов В. Н. Во главе науки ядерного центра на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2020. 568 с.

¹³ Аврорин Е. Н., Рыкованов Г. Н., Водолага Б. К. К. И. Щёлкин. Военно-промышленная комиссия 60 лет на страже Родины. М. : Оружие и технологии, 2017. С. 313–316.

В. Н. Ананийчук

Секретная миссия

(о поездке Д. А. Гранина на Южный Урал в сентябре 1987 года)

В начале 1987 г. в журнале «Новый мир» (№ 1 и 2) впервые была опубликована повесть Д. А. Гранина «Зубр», посвященная видному ученому-генетику Н. В. Тимофееву-Ресовскому. Это человек трудной и удивительной судьбы, одним из этапов жизни которого была работа в 1947–1955 гг. в Лаборатории «Б», расположенной на полуострове Мендаркин озера Сунгуль в пос. Сокол Каслинского района Челябинской области.

Немного об истории этого места. В 1932 г. в пос. Сокол начал действовать небольшой дом отдыха, который в 1934 г. был преобразован в

санаторий «Сунгуль». Здесь же были обнаружены радоновые источники, которые стали использоваться в лечебных целях наряду с сапропелевыми грязями. На курорте было два отделения: кардиологическое на 100 мест и неврологическое на 150 мест. Расположен он был в одном из самых живописных уголков Южного Урала. В годы Великой Отечественной войны на территории санатория работал реабилитационный госпиталь, где продолжали лечение и восстанавливали здоровье сотни тяжелораненых солдат и офицеров.

Принципиальное решение о создании Института «Б» наряду с институтами «А», «Г» и «В» было принято летом 1945 г., а соответствующие постановления СНК СССР были приняты в декабре 1945 г. Распоряжением СНК от 15 февраля 1945 г. было определено месторасположение Института «Б» на территории санатория «Сунгуль». Чуть позднее Институт «Б» был переименован в Лабораторию «Б» в соответствии с Постановлением СНК СССР № 3640-1204сс/оп, подписанным И. В. Сталиным. Задачами лаборатории были:

- изучение и классификация патологического действия радиации и разработка методов защиты от излучений;
- разработка способов очистки растворов и сточных вод от радиоактивных продуктов;
- разработка способов выделения плутония и методов разделения радиопрепаратов;
- изучение поражающего действия радиоактивных продуктов распада и разработка способов защиты от их воздействия.

Общая численность сотрудников на момент создания лаборатории была определена в количестве 145 человек, в том числе: научного персонала — 30 человек, ИТР — 15.

В 1946–1947 гг. велось активное переустройство корпусов для обеспечения производственного процесса в Лаборатории «Б». Директором объекта до конца 1952 г. был полковник А. К. Уралец, в 1952–1955 гг. — Г. П. Серeda. Руководителями двух научных отделов являлись Н. В. Тимофеев-Ресовский и С. А. Вознесенский. С ними работали немецкие специалисты Г. Борн, К. Циммер, А. Кач и др. В 1950 г. на должность научного руководителя лаборатории был назначен Н. В. Риль — видный немецкий ученый, переведенный из г. Электросталь, где под его руководством проводились работы по организации исследований и производству чистого металлического урана. За комплекс этих работ он был удостоен звания Героя Социалистического Труда (единственный из числа немецких специалистов, привлеченных к работам в атомной отрасли СССР).

В Лаборатории «Б» был осуществлен большой объем научных исследований и разработок, многие из которых носили пионерский характер. Здесь было положено начало новым направлениям экспериментальной радиационной медицины, разработаны методы почвенно-биологической и химической дезактивации, проведены серьезные исследования в области радиационной дозиметрии и предельно допустимых норм облучения человека, в создании методов и технологий разделения изотопов, а также целый ряд других значимых работ.

В лаборатории начали свою научную карьеру будущие доктора наук: Ю. И. Москалев, В. Н. Стрельцова, Н. В. Лучник, Н. В. Куликов, А. А. Титлянова, Л. А. Булдаков (академик РАН), многие из которых стали впоследствии лауреатами Государственной премии, авторами ценных изобретений, руководителями научно-исследова-

тельских институтов. Советские и немецкие специалисты в своей повседневной работе сумели создать обстановку тесного и плодотворного сотрудничества, в которой стали общими мотивация и вера в успех.

В 1955 г. Лаборатория «Б» была расформирована в связи с решением о размещении на ее базе нового центра по разработке ядерного вооружения — НИИ-1011. Первыми руководителями института стали Д. Е. Васильев и К. И. Щёлкин. С 1958 г. НИИ-1011 постепенно перебазировался на новые производственные площадки, а на территории «Сунгуля» вплоть до середины 1970-х гг. продолжало действовать отделение экспериментальной физики НИИ-1011.

Публикация книги Д. А. Гранина «Зубр» вызвала огромный интерес к личности выдающегося ученого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, тем более среди сотрудников института. Так зародилась идея пригласить Даниила Александровича в Снежинск, помочь ему побывать там, где находилась Лаборатория «Б», встретиться с теми, кому довелось работать с Н. В. Тимофеевым-Ресовским. Следует отметить, что эти работы в то время проводились в обстановке жесткого режима секретности. Идея пригласить Д. А. Гранина была одобрена и активно поддержана Георгием Павловичем Ломинским, в 1964–1988 гг. возглавлявшим институт (ныне ФГУП «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина» — РФЯЦ — ВНИИТФ).

Георгий Павлович Ломинский — генерал-лейтенант, участник испытаний первого атомного заряда РДС-1 (29 августа 1949) и первого термоядерного заряда РДС-6с (12 августа 1953) на Семипалатинском полигоне.

Георгий Павлович Ломинский поручил организовать всю необходимую работу по реализации приезда Даниила Александровича лично мне. В мае 1987 г. мне удалось установить прямые контакты с Д. А. Граниным и направить ему официальное приглашение от имени директора института. Следует отметить, что пришлось при этом преодолеть целый ряд препятствий.

Сегодня некоторые моменты того времени уже кажутся удивительными. Так, например, Георгий Павлович получил прямое указание от вышестоящего руководства в Москве не пускать Д. А. Гранина в Снежинск. Из архивных документов, которые планировалось показать писателю, были временно изъяты некоторые страницы. Георгий Павлович очень переживал из-за этого.

Атмосфера напряженности и недоверия передавалась и нам. Но постепенно страсти улеглись, и 8 сентября я выехал в аэропорт Кольцово для встречи Даниила Александровича. Там же его встречал Андрей Николаевич Тимофеев — сын Николая Владимировича. И нам пришлось изменить график нашего возвращения. А встреча Д. А. Гранина и Г. П. Ломинского состоялась уже

в сумерках на лесной дороге между пос. Сокол и Снежинском и была очень короткой.

Даниил Александрович был нашим дорогим гостем с 8 по 12 сентября 1987 г. Эти дни были насыщены событиями. 9 сентября состоялась встреча Даниила Александровича с ветеранами Лаборатории «Б». Следует отметить, что он не ожидал увидеть столь большое количество людей, которым довелось работать с Н. В. Тимофеевым-Ресовским. Д. А. Гранин дал такую оценку этому событию: «Я встретился с людьми, которые бок о бок трудились с Тимофеевым-Ресовским. Они рассказали о нем много интересного. И хотя я с самого начала решил, что ничего нового вставлять в повесть не буду (просто хотел посмотреть места, где жил Николай Владимирович), поездка на Урал оказалась не бесполезной. Она помогла утвердиться в той мысли, что Тимофеев-Ресовский стоит в ряду великих русских ученых — рядом с Вернадским, Павловым, Вавиловым. И время с каждым годом поднимает это имя. Таких имен в советской науке немного».

Во второй половине дня Д. А. Гранин и Георгий Павлович Ломинский вместе с другими сотрудниками института совершили пешую прогулку по территории пос. Сокол, пионерского лагеря «Орленок», проплыли на катере между озерами Сунгуль и Силач. По возвращении с прогулки Георгий Павлович ознакомил Даниила Александровича с некоторыми архивными документами.

10 сентября состоялась поездка в Челябинск на встречу с главным редактором Южно-Уральского книжного издательства Оксаной Сергеевной Булгаковой. Нужно было решить вопрос об издании книги «Зубр» в Челябинске. Здесь же Даниил Александрович встретился с челябинскими журналистами и ответил на их вопросы. Статья об этом была опубликована 12 сентября 1987 г. в газете «Челябинский рабочий».

Во время беседы с О. С. Булгаковой у меня совершенно неожиданно возникла идея, с которой я и обратился к ней. Речь шла о возможности передачи части тиража книги в Снежинск. Она ответила, что у них имеются ресурсы лишь на выпуск планового тиража (40 000 экз.). Однако выполнить мою просьбу можно, если мы найдем необходимое дополнительное количество бумаги.

Через несколько дней, уже после отъезда Д. А. Гранина, я обратился со своим предложением к Георгию Павловичу и его заместителю А. А. Мигунову. В начале 1988 г. мы привезли в типографию челябинского Дома печати несколько тонн дефицитной в то время бумаги (из фондов института), и в мае в наш книжный магазин было доставлено 5000 экз. книги. Огромный интерес среди жителей города потребовал и организационных решений. Мы постановили распределить тираж среди подразделений института и организаций города. В книжном магазине поместили большой портрет Д. А. Гранина работы фотохудожника В. Видякина и осуществили запланированную акцию. Практически в каждой

второй снежинской семье появилась книга Даниила Александровича.

Когда мы согласовывали с Даниилом Александровичем программу его поездки к нам, он высказал пожелание ознакомиться с г. Касли и коллекцией каслинского художественного литья из чугуна. 11 сентября утром мы выехали в Касли. Совершили прогулку по городу, побывали в музее Каслинского машиностроительного завода, где ознакомились с прекрасной и объемной коллекцией чугунной скульптуры, посетили городское кладбище, где похоронены известные скульпторы П. К. Клодт, Н. Р. Бах, М. Д. Канаев. Состоялась также наша беседа с руководством города.

Вечером 11 сентября в актовом зале пионерского лагеря «Орленок» состоялась встреча Д. А. Гранина с читателями. Из города на десяти автобусах приехали 400 участников встречи. Зал был заполнен до отказа. Вечер открыл и провел Георгий Павлович Ломинский. Вопросы следовали один за другим в течение двух часов.

После встречи мы собрались на прощальный ужин. Георгий Павлович был со своей супругой Марией Ивановной, много рассказывал о своих коллегах, в частности о К. И. Щёлкине, с юмором комментировал многочисленные ошибки автора статьи об испытании первого атомного заряда, опубликованной в журнале «Огонек».

Сейчас, вспоминая эти события, хочу отметить, что с первых минут между Георгием Павловичем и Даниилом Александровичем возникла крепкая связь. Они удивительным образом духовно соединились. Этому, безусловно, способствовали их огромная эрудиция, жизненный опыт и неиссякаемый юмор.

Так завершился визит Д. А. Гранина в Снежинск. 12 сентября мы выехали с ним в Свердловск, побывали в музее на Плотинке в центре города, затем поехали в аэропорт.

А контакт с писателем не прерывался и в дальнейшем. Мы подготовили в подарок Даниилу Александровичу увесистую каслинскую скульптуру «Зубр», которую доставили в Ленинград. А в середине декабря 1987 г. я привез ему большой фотоальбом, рассказывающий о его поездке на Урал. В ответ Даниил Александрович подарил Георгию Павловичу и мне книгу «Зубр», которая только что была издана в Ленинграде.

Так сложились обстоятельства, что Георгий Павлович Ломинский в феврале 1988 г. тяжело заболел, а 17 июня он скончался в Москве, где и был похоронен на Троекуровском кладбище. Я полагаю, что контакты этих прекрасных и замечательных людей были бы продолжены, но судьба распорядилась иначе.

В моей памяти навсегда остаются дни, когда мне посчастливилось быть рядом с Даниилом Александровичем. Его приезд к нам послужил импульсом для развития многих дальнейших событий. Были установлены контакты с прекрасными людьми: А. Н. Тимофеевым, Е. С. Саканян, В. В. Бобковым, Н. И. Дубровиной и многими учениками Зубра. Продолжалось следствие

военной прокуратуры, в связи с чем к нам в институт в ноябре 1987 г. пришел запрос о работе Н. В. Тимофеева-Ресовского в интересах нацистской программы ядерного вооружения (чего не было вообще). Следствие завершилось только через пять лет, и 29 июня 1992 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский был реабилитирован. В это же время на экраны страны вышла большая кинотрилогия о Зубре (режиссер Е. С. Саканян), удостоенная впоследствии высшей кинопремии «Ника». В октябре 1993 г. в Челябинске была открыта памятная доска, посвященная Н. В. Тимофееву-Ресовскому.

Открытость нового перестроечного времени позволила полностью рассекретить все архивные документы, относящиеся к Лаборатории «Б». В середине 1999 г. началась работа по подготовке Сунгульской научно-мемориальной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского, под эгидой комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. В ходе этих работ была издана книга «Лаборатория “Б”. Сунгульский феномен» (авторы Б. М. Емельянов и В. С. Гаврильченко), в которой впервые были опубликованы и материалы архива ВНИИТФ, подготовлена содержательная фотовыставка о Лаборатории «Б» и проведен целый ряд других мероприятий.

В августе 2000 г. состоялась конференция, получившая высокую оценку среди ее участников, а также целого ряда организаций. В конференции приняли участие около 200 человек, в том числе пять членов и членов-корреспондентов

РАН, два члена РАМН, 53 доктора и кандидата наук. В рамках конференции состоялась презентация трех новых книг, фильма Е. С. Саканян «Любовь и защита». На доме, в котором жила семья Н. В. Тимофеева-Ресовского, была установлена памятная доска.

В сентябре 2002 г. состоялась работа молодежной школы по проблемам радиобиологии. Сунгульская площадка стала местом притяжения и организации других мероприятий. Был издан ряд прекрасных книг о Зубре: «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами» (составитель Н. И. Дубровина), «Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале» и др. В сентябре 2012 г. издана книга «Николаус Риль в атомном проекте СССР» (автор-составитель В. Н. Ананийчук). В ее презентации приняла участие младшая дочь Риль — Ирене. В 2006 г. в Берлин-Бухе (Германия) был открыт Институт генома человека имени Н. В. Тимофеева-Ресовского, у входа в который установлен бюст ученого.

Все эти события оставили яркий след в нашей памяти и глубокую признательность Даниилу Александровичу Гранину — выдающемуся писателю и человеку, чья книга «Зубр» стала своего рода факелом, от которого вспыхнул всенародный интерес к личности его героя. Этот огонь осветил путь многим историкам и исследователям творчества великого биолога и генетика. В этом пламени в последующие годы сгорели лживые обвинения в адрес Н. В. Тимофеева-Ресовского и очистилось его великое имя.

Д. В. Карпухина

«Я — свидетель двадцатого века»: судьба В. Ф. Пентюхова в судьбе страны (о новых документах Государственного архива Красноярского края)

В фонды Государственного архива Красноярского края поступили материалы, связанные с именем Владимира Фроловича Пентюхова — журналиста, писателя, краеведа, участника боев с японцами. Он прожил долгую, насыщенную жизнь, органично вписанную в череду исторических событий нашей страны.

Владимир Фролович Пентюхов родился 31 июля 1927 г. в с. Средняя Муя Усть-Удинского района Иркутского округа Сибирского края (ныне Иркутская область). Отец его, Фрол Герасимович Пентюхов, местный уроженец, вышедший из большой крестьянской семьи, отличный плотник, столяр, бондарь и мастер изготавливать всяческие деревянные изделия. Мать, имевшая на руках четырех сыновей и дочь, занималась домашним хозяйством и подрабатывала шитьем рубашек и шляп для деревенской ребятни, платьев, кофт и фартуков — для женщин.

В голодном 1933 г. семья Пентюховых переехала в с. Жигалово, что стояло на р. Лене в Восточно-Сибирском крае (ныне в той же Иркутской

области). Там же через три года Владимир был зачислен в первый класс школы крестьянской молодежи. Довольно быстро он научился бегло читать не только коротенькие тексты из букваря, но и детские книжки: «Мойдодыр», «Федорино горе» и др. Для безграмотных отца и матери это было большой радостью¹.

Учась во втором классе, Володя заинтересовался книгами старшего брата старшеклассника Александра, а позже и сам записался в школьную библиотеку. По подсказке педагога Александры Андриановны Володя, уже в четвертом классе бывший страстным книголюбом, купил в культмаге с десятков брошюр с научно-популярными лекциями: «Строение земного шара», «Жизнь морей и океанов», «О происхождении жизни на Земле» и др. «Если ты самостоятельно изучишь эти материалы, ты станешь образованным человеком», — посоветовала ему учительница².

Образование и самообразование стало главным в его жизни. Воспоминания о нелегком быте семьи и своем детстве стали основой для на-

писания Владимиром Пентюховым повести «Не просто жить»³.

К моменту ухода на кадровую службу в Красную армию Владимир Пентюхов успел познакомиться с большинством произведений Максима Горького, с рассказами Михаила Шолохова, Джека Лондона, Льва Толстого, Александра Серафимовича и многих других. Перед уходом в армию, а затем на фронт Владимир Фролович открыл в себе способность излагать своими собственными словами содержание наиболее интересных рассказов различных авторов. Особенно для этого подходили рассказы Зощенко, О'Генри, Шолохова. С особым восхищением слушали ленивые на чтение книг боевые товарищи такие прекрасные рассказы, как «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Шабалкина кровь» Михаила Шолохова и др. Однажды во время пешего военного перехода через пустыню Гоби в 1945 г. на одном из ночных привалов он даже осмелился от своего имени, как автора, излагать содержание романа «Дети капитана Гранта», и никто его не остановил. Страсть к чтению подталкивала Пентюхова к тому, чтобы и самому что-нибудь сочинить.

Самое первое из его стихотворений — «День Победы» — было написано 9 мая 1945 г. Уже потом появились стихотворения о покорении Хингана и несколько других⁴.

День победы 9 мая 1945 г. Владимир Пентюхов встретил на ст. Мальта Иркутской области, где его запасной полк располагался недалеко от монгольской границы. Владимир Фролович тогда был в карантине (это огромная землянка на 60 человек). «Вбегает взволнованный офицер и кричит: “Товарищи, победа!” Тут все кинулись на улицу, обнимаются, стреляют в воздух. Потом в нашей части был большой парад и праздничный концерт. А я отошел в сторонку и стихи написал».

Владимир Пентюхов принимал участие в боевых действиях с японцами. Та война длилась всего 23 дня — с августа по сентябрь 1945 г. Служил в особой группе при полковой разведке, исполняя роль связного. В момент контузии рядовой Пентюхов травмировал позвоночник. Это произошло в Маньчжурии, под г. Ванемяо. Владимир попал в медсанбат, но сбежал оттуда в свою часть. Позже он узнал, что около 75 человек, которые в ту ночь находились в медсанбате, погибли... Их вырезали японские диверсанты «пластуны». Владимир Фролович чудом избежал смерти. После окончания войны с Японией с октября 1945 по август 1947 г. Владимир Пентюхов служил в Чите. В армии, в лагере для японских военнопленных, он скоро был замечен как грамотный солдат, который с первых дней службы начал изучать язык своих бывших противников (тогда он научился говорить по-японски и язык этот помнил всю жизнь). Вскоре Пентюхов был выдвинут на должность младшего инструктора политотдела управления лагеря по работе среди пленных солдат и офицеров с исполнением обязанностей переводчика, как он сам писал — «что-

то вроде культпросветработника». Владимир Фролович организовывал лекции и вечера отдыха. Японцы знали многие русские песни: «Полюшко-поле», «Из-за острова на стрежень» и др. Там же, в Чите, при редакции газеты «Забайкальский рабочий» он занимался в литературной студии, печатал в газете стихи.

Владимир понимал, что «надо учиться и учиться... иначе никакой писатель-поэт из него не получится». Он нашел преподавателей в ближайшей средней школе и учился там два года. Кроме того, Владимир Фролович усиленно изучал японский язык, совершенствуя свою речь, будучи переводчиком с японского на русский.

Эти два года жизни и службы в Чите не пропали даром. Владимир Пентюхов буквально проштудировал работу Владимира Маяковского «Как делать стихи» и повесть Константина Паустовского «Золотая роза», что очень помогло ему в изучении искусства стихосложения и постижении писательского ремесла⁵.

Встречи со многими замечательными людьми того времени оказали большое влияние на формирование Владимира Фроловича как личности. Еще в Чите, во время службы в лагере военнопленных японцев, он стал увлеченным театралом. Пересмотрел все спектакли гастролировавших по Забайкалью театров, встречался с артистами, местными поэтами и писателями.

После отправки военнопленных японцев на родину в 1947 г. Пентюхов продолжил службу в войсках МВД в Коми АССР. Поначалу Северное управление лагерей железнодорожного строительства располагалось в поселке городского типа Абезь (между Печорой и Ухтой), а позднее, по ходу строительства, переместилось в Игарку, потом в пос. Ермаково. В солдатской книжке Владимира Пентюхова было записано: «...не расстанется с книгой, любит театр...» Поэтому его сразу взяли в Дом культуры руководителем кружков самодеятельности солдатской и поселковой молодежи. Владимир Фролович проводил праздничные концерты, вечера отдыха, выездные концерты в ближайших поселках. Пентюхову предложили поработать администратором театра постройкома, где режиссерами, художниками и актерами были заключенные.

Неизгладимое впечатление произвели на Владимира Пентюхова артисты театра заключенных 501-й стройки МВД СССР, что существовал в 1946–1949 гг. в пос. Абезь. Там он познакомился и подружился с очень талантливыми людьми. Один из них — известный артист Л. Л. Оболенский — был в театре и художественным руководителем, и режиссером, и актером. Пентюхов ставил с Оболенским «Молодую гвардию» и многому научился у Леонида Леонидовича — и мастерству актера, и написанию сценариев. Там же он познакомился с князем Борисом Болховским — мастером художественного слова, и с выдающимся пианистом Всеволодом Топилиным — первым аккомпаниатором Давида Ойстраха, объездившим с ним до войны

весь мир и получившим 58-ю статью за то, что в плену играл на концерте для фашистских летчиков. Были еще князь Чернятинский — дирижер Одесского оперного театра, и прекрасно игравший на аккордеоне граф Владимир Остроухов. Они помогали Пентюхову как руководителю творческого коллектива самодеятельных артистов тем, что были наставниками различных кружков.

С особой теплотой Владимир Фролович вспоминал Дмитрия Владимировича Зеленкова — художника-декоратора Мариинского театра, оформившего такие оперные спектакли, как «Князь Игорь» и «Иван Сусанин»: «В нашем “крепостном” театре ставили в основном музыкальные комедии и оперетты — “Цыганский барон”, “Запорожец за Дунаем”, “Марица”, “Летучая мышь”. А последним спектаклем, которым театр закрывался, была музыкальная сказка “Двенадцать месяцев” — и уж тут Зеленков развернулся во всем блеске! Там было множество всяких сказочных эффектов — и цвет, и свет, и запах снега, и весенняя капель, и распускающиеся подснежники»⁶. Особенно впечатлил Пентюхова настоящий мастер художественного слова, человек тяжелой судьбы Роберт Штильмарк. С ним Владимиру Фроловичу приходилось встречаться и даже совместно работать в театре на 503-й стройке МВД, где в тяжелейших условиях лагерной жизни Штильмарк создавал своего «Наследника из Калькутты»⁷.

Как писал в своих воспоминаниях Владимир Фролович, помнил он этих людей всю свою жизнь. Освоить журналистскую профессию Пентюхову помог редактор газеты «Строитель» Борис Ицин, для которого он писал свои первые заметки и короткие рассказы. Лазарь Шершевский помог Владимиру Фроловичу писать стихи. Все эти люди научили Пентюхова разбираться и в нотной грамоте, и в живописи, и в литературе.

В дальнейшем политотдел стройки назначил Владимира Пентюхова начальником солдатского ансамбля песни и пляски местной воинской части. Но во время его службы в этой должности случился казус, едва не стоивший ему жизни. Для выступления имелся официально утвержденный текст новой песни для хора. Там были такие слова: «Вперед за Сталина ведет нас Берия!» А Владимир «Берию» вычеркнул и вставил «партия». Особист потом долго «мурыжил» Пентюхова, доказывавшего, что «партия — наш рулевой». Отвязались, но ансамбль распустили. С этой должности он был демобилизован из армии только в 1952 г.

Работая в ансамбле, Владимир Фролович, тем не менее, использовал каждую свободную минуту для чтения. За три года Пентюховым прочтены были произведения практически всех русских классиков, начиная от Пушкина и заканчивая современными ему В. Шишковым, М. Шолоховым, А. Серафимовичем, Д. Фурмановым, Н. Островским. Воспоминания об этом периоде

жизни легли в основу книги В. Ф. Пентюхова «Раб красного погона».

Позднее Владимир Пентюхов прошел пятигодичное обучение в Красноярском культурно-воспитательном училище и получил специальность режиссера народного театра, а в 1969 г. стал выпускником Высшей профсоюзной школы культуры в Ленинграде. Получив высшее культурно-просветительское образование, Владимир Фролович недолго работал по профессии, переключившись вскоре на журналистскую работу. В 1959 г. он был принят в члены Союза журналистов СССР и его публикации — очерки, рассказы и стихи — стали появляться во многих газетах Союза⁸.

Будучи директором Пировского районного Дома культуры, Пентюхов писал в районную и краевые газеты заметки, зарисовки и даже небольшие статьи. Владимир Фролович занялся поисковой работой, первый опыт которой воодушевил его на долгие годы. Правда, не все и не всегда проходило гладко. Так, поиск места захоронения пировчанина Егора Кузьмича Астапова, умершего от ран в Воронежской области, продолжался пять лет. Место захоронения пропавшей без вести старшины медсанбата Кати Безруких из пос. Пит Северо-Енисейского района Пентюхов искал более десяти лет. Помогали в поиске пионеры из с. Богучаны. Весть о находке места, где была похоронена Катя, вынесшая с поля боя около трехсот раненых бойцов и командиров, застала еще в живых ее мать — Евдокию Безруких.

Переехав в Красноярск и работая в газете, Владимир Фролович продолжал поиск мест захоронения пропавших без вести воинов. Всего вернуть из небытия удалось более двадцати имен воинов, считавшихся пропавшими без вести. Их фамилии занесли в списки на обелисках над братскими могилами в разных городах, где проходила война. На счету Пентюхова более семидесяти обнаруженных мест захоронений погибших защитников Родины. Письма Владимира Фроловича по результатам неустанной работы по поиску воинов, оборонявших в 1942–1943 гг. Воронеж, помогли ветеранам 303-й Сибирской стрелковой дивизии объединиться и создать в Воронеже ветеранский штаб. В Москве тоже был создан ветеранский штаб, объединивший оставшихся в живых воинов 133-го арtpолка, в котором служил 19-летний Герой Советского Союза из Северо-Енисейска Ефим Семенович Белинский, в декабре 1944 г. под Клайпедой закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. О Белинском Владимир Фролович написал документальную повесть «Мгновение и вечность».

По материалам поисковых работ Пентюховым были написаны и опубликованы в альманахе «Енисей» очерки о жизни и подвигах героев войны: «Обелиск у забытой деревни», «Операция под Демянском», «Последний подвиг Героя», «Без вести пропала Катя», «В августе сорок четвертого» и др. В журнале «Сибирские огни» опубликованы

ликована его повесть о годах войны «Не просто жить». Пентюхов также принимал участие в подготовке к выпуску Красноярским книжным издательством сборников очерков и рассказов о войне «Шла война народная», «Наши славные земляки» — о Героях Советского Союза, «Боль моя Афганистан», «Боевые подруги»⁹.

Многие годы он писал стихи, прозу и пьесы. И лишь в зрелом возрасте появилось желание собрать написанное в отдельную книгу. Однако перестройка и последующие драматические события в стране приостановили всякое книгоиздание. Он только и успел выпустить отдельные книжечки: тоненькую «Как поймать на уху» и уникальную в своем роде антологию тюремнокаторжных песен «Песни узников», во время работы над которой был и собирателем, и составителем, и редактором. Городские власти помогли оплатить выпуск стихотворной пьесы «Легенда о Красном Яре». Затем удалось издать за собственный счет повесть «Раб красного погона». Эти первые произведения были хорошо приняты читателями и вдохновили Пентюхова на новые творческие поиски¹⁰.

Затем пошла другая жизнь, и Владимир Пентюхов — «один из романтиков отставшего поколения», как назвал его член Союза писателей России Владимир Яковлевич Шанин, — вынужден был искать спонсоров. К счастью, нашлись спонсоры для издания «Енисейских сказов», в которых отразились события давние и древние, волнующие автора как краеведа и заставившие его «проводить аналогии с современностью»¹¹.

В 2002 г. Владимир Пентюхов был принят в Красноярскую писательскую организацию, а в 2004 г. стал членом Союза российских писателей. К 2008 г. было издано десять книг его прозы и стихов. По экземпляру от каждого выпуска Владимир Фролович старался передать городским и краевым библиотекам. Член Союза писателей России Олег Пащенко написал о нем: «Книги В. Пентюхова будут востребованы, по меньшей мере, как свидетельства»¹².

В свои 80 лет, несмотря на проблемы со здоровьем (он пережил инфаркт), поэт, журналист и краевед Владимир Фролович Пентюхов, по

свидетельствам очевидцев, оставался жизнерадостным, словоохотливым и полным творческих планов. Кстати, об этом свидетельствуют и поступившие в архив грамоты отдела по физической культуре, спорту и туризму администрации Центрального района г. Красноярска за участие В. Ф. Пентюхова в чемпионатах Центрального района по рыбной ловле¹³.

Наш архив пополнился различными документальными материалами о Владимире Пентюхове: автобиографическими записями и характеристиками, написанными различными писателями с рекомендациями для вступления в Союз писателей, грамотами и благодарственными письмами. Большую часть фонда составляют рукописи, машинописи с авторскими правками рассказов, поэм, повестей, стихов, басен Владимира Фроловича, с записями пословиц, поговорок, анекдотов, тостов. Среди этих материалов есть машинопись с авторскими правками наиболее известного произведения Владимира Фроловича Пентюхова — «Раб красного погона», являющегося автобиографическим. Автор в этом произведении пытался переосмыслить не только свою жизнь, но и жизнь страны. Вот что написал о Пентюхове член Союза писателей России Алитет Немтушкин: «...он смело выложил свое сердце на ладонки и показывает нам: вот оно, бьется, трепещет, смотрите, братцы, — ему не безразличен весь этот мир с прошлым, будущим, настоящим, с радостями и горестями».

Примечания

¹ ГАКК. Ф. Р-2708. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

² Там же. Д. 5. Л. 3.

³ Там же. Д. 103. Л. 1–40.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 4–5.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 5–7.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 10.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 8–9.

М. А. Давыдова, Л. А. Четверухина

От семейного архива архитектора до выставочного проекта

Когда ты в этом живешь, то предполагаешь, что это никому не нужно...

В. Н. Сукоян

Отдел рукописей Третьяковской галереи хранит коллекцию из 280 личных фондов русских художников, архитекторов, коллекционеров и искусствоведов, а также материалы о галерее.

Особый интерес представляет история бытования уникального комплекса документов и фото-

графий, собранного семьей архитектора и художника Николая Петровича Сукояна. В советское время он в составе мастерской «Моспроект-2» занимался проектированием здания Третьяковской галереи на Крымском валу, где многие годы размещается коллекция искусства XX в. В последнее время здание стало именоваться Новой Третьяковкой. Полного комплекса документов по разработке проекта не сохранилось, что приумножает ценность и уникальность сохраненного потомками архива Н. П. Сукояна, который рассказывает

не только о создании уникального здания, но и о творческой судьбе выдающегося архитектора.

Николай Петрович Сукоян родился 12 сентября 1915 г. в Батуми в многодетной семье армян — беженцев из Ардвина (территория современной Турции). Карьеру на творческом поприще начал в Тбилиси в качестве помощника архитектора и художника Реклабюро. В 1937–1941 гг. учился в Московском архитектурном институте. Учеба была прервана Великой Отечественной войной. За участие в боевых действиях Николай Петрович получил многочисленные награды.

По возвращении в Москву Н. П. Сукоян продолжил обучение в аспирантуре, занимался преподаванием в Архитектурном институте, затем получил должность главного архитектора проекта в школе-мастерской И. В. Жолтовского. В 1957 г. в составе группы архитекторов (М. Н. Круглов, Ю. Н. Шевердяев, Г. В. Михайловская, Б. Н. Лазарев, П. И. Скокан) начал проектировать комплекс Государственной Третьяковской галереи и Центрального дома художника. История его создания очень непростая и охватывает несколько десятилетий вплоть до открытия в 1986 г.

1990-е гг. посвятил работе над проектом парка искусств вокруг этого здания, а также ряду проектов по реконструкции исторических построек центра Москвы.

Стоит отметить, что Николай Петрович — не только член Союза архитекторов, но и член Союза художников — писал портреты, пейзажи, архитектурные виды, натюрморты, ню. В Москве прошло пять его персональных выставок живописи и графики.

Н. П. Сукоян стал собирать архивные материалы, связанные со зданием, ныне известным как Новая Третьяковка, с самых первых дней проектирования, когда в планах было создание комплекса из двух отдельных сооружений. Работая над проектом выставочного зала, архитектор собирал сначала только те документы, которые касались его части работы. Но со временем за счет тесного сотрудничества в команде остальные материалы по строительству тоже переключались к Николаю Петровичу. И он все сохранил.

Вероника Николаевна — дочь архитектора и даритель личного архива в Третьяковскую галерею — вспоминает, что, когда количество документов стало зашкаливать, она предлагала оставить лишь самые важные. Но Николай Петрович категорически не разрешал: «Это архив!»

Еще при жизни Николая Петровича стала очевидна большая ценность архива. Строительство на Крымском валу затянулось. Именно благодаря сохранившимся бумагам было возможно отстаивать то или иное решение, опираясь на предыдущие документы: утвержденные планы, постановления и пр. А таких случаев возникало множество.

Другая важная причина хранить все материалы — это значение и важность самого проекта музея — одного из первых грандиозных музейных проектов страны. Обычно крупные художе-

ственные музеи продолжали свою жизнь в исторических зданиях. А здесь вместе со строительством шло продвижение новых творческих разработок и технологий. Проект мог стать образцом для других музеев в стране и за ее пределами. Собирали даже наброски и черновые записи, так как многие замыслы не удалось воплотить в жизнь.

Личность самого Николая Петровича также сыграла важную роль в сохранении наследия. Он с большим вниманием и трепетом относился к ценности хранившихся у него материалов. И это были не только документы, связанные с Третьяковской галереей, но и материалы по многим другим его осуществленным и неосуществленным проектам. У Николая Петровича осталась и часть архивов его коллег и товарищей.

Вероника Николаевна Сукоян отмечает, что собранность, дотошность, организованность ее отца, понимание своей задачи не только как архитектора, но и как хранителя архива уникальных идей и решений послужили основой архива. Еще при жизни отца Вероника Николаевна стала подписывать некоторые документы и фотографии для сохранения ценной фактологической информации. Но прицельная работа над разбором архива не велась.

Следующим событием, которое заставило обратиться к документам архитектора, стал инцидент 2008 г., когда власти города решили, что здание галереи уже устарело и не соответствует требованиям современности. Было предложено на месте выставочных залов построить по проекту Нормана Фостера многофункциональный комплекс в виде апельсина, порезанного на дольки. Но реакция общественности приостановила реализацию подобных планов. В этот период Вероника Николаевна погружалась в изучение архива, чтобы выступать на пресс-конференциях, радио и защищать «семейное дело». История со сносом утихла.

Вскоре архив заинтересовал исследователей, которые стали обращаться к Веронике Николаевне за различными материалами для написания статей, дипломных работ и организации выставок.

С Третьяковской галереей Вероника Николаевна начала сотрудничать во время подготовки крупного проекта «Оттепель» (2017). Из семейного архива выдавались на выставку фотографии здания на Крымском валу. После проекта у нее появилась мысль передать весь архив отца в музей, работе над зданием которого он посвятил большую часть жизни.

Так начался процесс предварительного разбора материалов для передачи их в отдел рукописей Третьяковской галереи. Вероникой Николаевной была проделана большая работа по систематизации документов по темам и разделам, написанию аннотаций, описанию отдельных документов и воспоминаний к тем или иным периодам. В личном архиве сохранились автобиографии Н. П. Сукояна, личные документы, фотогра-

фии, альбом с зарисовками, а также его статьи и переписка с различными комитетами и организациями. Большую ценность представляют многочисленные материалы по проектированию комплекса зданий Центрального дома художника и Государственной картинной галереи СССР, которая затем влилась в Третьяковскую галерею. В этот блок вошли фотографии здания, сделанные Н. П. Сукояном, проектные задания, альбомы с фотографиями макетов и планов, чертежи и эскизы проекта, материалы по разработке декоративно-скульптурного убранства, а также неосуществленные проекты. Благодаря бережному отношению к документам самого архитектора и его семьи уникальный архив дошел до нас в хорошем состоянии. Архивные материалы представляют интерес для изучения биографии архитектора, истории Третьяковской галереи периода 1960–1990-х гг., а также для воссоздания общей картины музейной жизни и векторов архитектурного проектирования того времени.

Поскольку коллекция материалов Н. П. Сукояна поступила в Третьяковскую галерею накануне реконструкции спроектированного им комплекса зданий, почти сразу было решено устроить временную выставку, посвященную проектированию и возведению здания Новой Третьяковки. Выставка заняла два зала, открывающих основную экспозицию искусства XX в. В короткие сроки из незаинвентаризированного архива были отобраны материалы. Несколько эскизов и чертежей здания срочно отправили в реставрацию.

Немалую роль в формировании облика выставочного пространства сыграли особые условия, необходимые для экспонирования документальных и графических листов. Залы были затемнены, так как ультрафиолетовое и инфракрасное излучение способствует выцветанию бумаги и красящего пигмента, пожелтению, повышению хрупкости. Экспонирование таких материалов ограничено трехмесячным сроком даже с учетом превентивных мер. В этой связи кураторы подготовили материалы для замены особо ценных экспонатов, а проект стал двухэтапным.

Выставка «Новая Третьяковка. Начало. Дар В. Н. Сукоян» состояла из девяти разделов. Первый был посвящен личности архитектора Н. П. Сукояна и состоял из фотографий, шаржей, рисунков, автопортретов, личных документов. Следом шла лаборатория: конспекты, профессиональные журналы, зарисовки, документы, фотографии из рабочих поездок за границу, альбомы с материалами к проектированию здания. Далее посетитель узнавал о примененных новейших материалах, о трех этапах разработки проекта (1956–1962, 1962–1977, 1977–1986 гг.), о создании парка искусств (материалы проектирования, чертежи, кальки, фотографии макетов), поздних проектах реконструкции. Заключительный раздел включал нереализованные замыслы архитектора (отрисовки, чертежи, документы, фотографии макетов).

Выставочное пространство сформировалось благодаря применению современных методов

монтажа с использованием бескислотных материалов и вертикального экспонирования на подложках с магнитным слоем. Также был создан муляж одного из альбомов с творческими материалами архитектора, собранными для подготовки к проектированию здания. Он пользовался особым успехом у посетителей, которые с большим интересом его рассматривали.

Апробированные новшества выставочного монтажа и методы экспонирования были представлены и обсуждались на межмузейном круглом столе, проводившемся Третьяковской галереей в 2019 г. Фотография, запечатлевшая процесс монтажа выставки, стала лицом и афишей конференции.

Таким образом, благодаря хорошей сохранности документов архива и использованию современных методов экспонирования в кратчайшие сроки удалось организовать выставку, посвященную непростой истории появления здания. Вернисаж состоялся уже через месяц после того, как собрание поступило в галерею. Проект имел большой успех у публики. Спустя два месяца было принято решение о его продлении. Хрупкие и особо ценные документы для сохранности были заменены. Общая продолжительность работы временной экспозиции составила пять месяцев.

Материалы выставки привлекли внимание выдающегося современного архитектора с мировым именем, лауреата Притцкеровской премии Рема Колхаса. Среди наиболее известных его проектов — летний павильон галереи Сепентайн в Лондоне, Дом музыки в Порту, музей Гугенхайм-Эрмитаж в Лас-Вегасе, Национальная библиотека Катара, Тайбэйский центр исполнительских искусств, а также здание музея современного искусства «Гараж» в Москве. Его архитектурное бюро «ОМА» выступало консультантом во время реконструкции Главного штаба Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

Колхас и «ОМА» стали авторами проекта запланированной реконструкции здания Новой Третьяковки. Вместе со своей рабочей группой он посетил выставку, после которой обратился и к другим чертежам, проектам и эскизам из архива Н. П. Сукояна, не вошедшим в экспозицию. Архитектурные разработки, сделанные в советские годы, оказались востребованными для проекта готовящейся реконструкции в 2020 г. Это говорит одновременно и о высокой оценке решений группы архитекторов 1960–1980-х гг., и о бережном отношении к наследию прошлого как источнику вдохновения. Реконструкция исторических зданий — один из ключевых мировых трендов сегодня.

Подводя итог, стоит еще раз отметить значимость сохранения творческих и биографических материалов в частных коллекциях. Их передача в музейные институции — большой вклад в научно-исследовательскую и популяризаторскую деятельность. Приведенный в статье обзор бытования домашнего архива Н. П. Сукояна,

переданного в отдел рукописей Третьяковской галереи, позволяет обозначить лишь часть возможных направлений использования материалов, которые часто играют скромную вспомогательную роль в экспозиционной практике классических музеев.

Выставка, ядро которой составили исключительно архивные материалы, сама по себе является большой редкостью в художественных музеях. Ее успех у публики, как и интерес архитектора с мировым именем, еще раз подтверждает значимость архивной составляющей в музейной собирательской и экспозиционной практике. Востребованность архивных материалов для про-

екта реконструкции после посещения выставки Ремом Колхасом говорит о значении экспонирования архивов и обретении ими второй жизни в новых творческих проектах.

Сохранив семейный архив и передав его в Третьяковскую галерею, В. Н. Сукоян «подарила» ему вторую жизнь. Благодаря этому исследователи могут не только более тщательно изучить историю Третьяковской галереи и процессы, происходившие в культурной жизни 1950–1980-х гг., но и использовать данные материалы для разнообразных выставочных, издательских и медиапроектов и приобщить широкий круг зрителей к истории того времени.

Е. В. Шиндина

Из истории формирования комплекса фондов личного происхождения Государственного архива Свердловской области

1 сентября 1919 г. учреждено Екатеринбургское губернское управление архивным фондом (губархив) на правах подотдела губернского отдела народного образования. В его ведение поступили все фонды учреждений дореволюционного Екатеринбурга, в том числе Екатеринбургского окружного суда, духовной консистории, городской думы, управы, Уральского горного правления и т. д. После объявления об организации Екатеринбургского губархива архивисты обращались ко всем гражданам с просьбой оказать содействие в деле охраны и собирания архивных документов. Большинство материалов поступало в архив в неупорядоченном виде, документы принимались пудами и фунтами. В мае 1920 г. Екатеринбургский губисполком издал постановление «Об охране архивов». В нем определялись основные задачи губархива — сохранение и систематизация документальных материалов губернии, а также содействие предприятиям и учреждениям в упорядочении их ведомственных архивов¹.

В первые годы советской власти планировалось комплектование государственных архивов только документацией учреждений, хранение личных документов граждан должны были осуществлять библиотеки и музеи. Несмотря на данное разделение в будущий Государственный архив Свердловской области поступают документы частных лиц — в составе фондов организаций, необработанные, в россыпи. Даты первых приемов точно документально не зафиксированы. Первым фондом личного происхождения, принятым на хранение в 1922 г., можно считать фонд I «Казанцев Гавриил Фомич (1814–1885), купец-старообрядец». Г. Ф. Казанцев был купцом, совладельцем ряда золотых приисков, активно участвовал в общественной жизни Екатеринбурга, играл также видную роль в среде уральского старообрядчества, с 1846 г. став одним из лидеров городских единоверцев. В данный личный фонд включены: переписка Казан-

цева с различными лицами и учреждениями в основном по религиозным вопросам, родословная таблица семьи, списки учеников Авроринского и Свято-Троицкого Нижнетагильского единоверческих училищ, сведения о старообрядчестве и единоверии.

В 1930-е гг. достоверно установлено поступление одного фонда — «Коротков Евгений Никитич, краевед (1850–1919)» (фонд 74). Е. Н. Коротков был хранителем музея УОЛЕ, организовал мастерскую минеральных коллекций. 5 мая 1920 г., после его смерти, все литературное наследие как имеющее ценность было передано Уралпромбюро, откуда уже в 1930 г. поступило на хранение в архив. Фонд содержит сведения о полезных ископаемых Урала, по кулинарии, садоводству, истории Екатеринбурга, Уральского горного училища.

Проверка наличия архивных документов 1939 г. показала хранение наследия еще двух граждан. Фонд 95 составляют материалы нотариуса и краеведа Алексея Никифоровича Батманова (1861–1954), заведующего библиотекой УОЛЕ в 1896–1897 гг. и одного из инициаторов образования общественной библиотеки им. В. Г. Белинского. Фонд обанкротившегося купца-золотопромышленника Полиевкта Ивановича Коробкова (1840–1880-е гг.; фонд 96) сформировал комплекс документов «Конкурсного управления по делам несостоятельного должника Полиевкта Коробкова» (ранее фонд 572).

29 марта 1941 г. СНК СССР утвердил первое «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР». Согласно ему все документы дореволюционной России, документы высших, центральных учреждений СССР и документы личного происхождения в том числе, подлежали хранению в центральных архивах СССР. Также были перечислены основные категории документов личных фондов, подлежащих передаче на государственное хранение: «...частная переписка,

рисунки, рукописи научных и художественных произведений, мемуаров и дневников и др.»². Реакцией на данный норматив стало значительное увеличение принимаемых документов граждан в 1940-е гг. В архив были приняты документы владельца Сысертских заводов, активного участника общественной жизни Екатеринбурга Дмитрия Павловича Соломирского (1841–1916; фонд 128), уральского историка и статистика Наркиза Константиновича Чупина (1824–1882; фонд 129), краеведа и этнографа Александра Никифоровича Зырянова (1830–1884; фонд 135), изобретателя и преподавателя Николая Степановича Арнольдова (1844–1915; фонд 137), писательниц Натальи Степановны Мальцевой (1859–1939; фонд Р-560) и Агриппины Гавриловны Коревановой (1869–1937; фонд 561). Отметим, что восемь из одиннадцати поступивших фондов личного происхождения были переданы Свердловским краеведческим музеем и Музеем революции. Основные комплексы документов писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912; фонд 136) и археолога Владимира Яковлевича Толмачева (1879–1942; фонд 139) были приняты именно от краеведческого музея, но также пополнялись ЦГАЛИ (1962) и краеведом В. П. Бирюковым (1946) соответственно. В 1948 г. из ЦГАЛИ также поступили документы начальника Гороблагодатских заводов Николая Родионовича Мамышева (1777–1840; фонд 345).

В 1945 г. из неучтенного, ранее не описанного материала был выделен фонд присяжного поверенного Платона Владимировича Авилова (вторая половина XIX — начало XX в.; фонд 130), а документы заведующего кафедрой патологической физиологии Свердловского медицинского профессора Владимира Семеновича Зимницкого (фонд 640) были отправлены на хранение в архив постановлением Управления УМВД по Свердловской области после завершения расследования.

До второй половины 1950-х гг. практика комплектования включала элемент случайности: архивисты не определяли ни состав, ни объемы передаваемых фондов. Поступление фондов шло неравномерно, они были малообъемны, информационно выхолащены. Принятое в 1958 г. «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР»³ предписывало прием в архивы по актам дарения или на другом законном основании документов личного происхождения определенного круга лиц: «...государственных, политических и общественных деятелей Советского государства, деятелей науки, техники, литературы и искусства, наиболее выдающихся новаторов и передовиков социалистического производств, а также документальных материалов представителей науки, техники, литературы и искусства, государственных, политических и общественных деятелей дореволюционного периода»⁴.

Именно во второй половине 1950-х гг. Государственным архивом Свердловской области были заложены основы комплектования документа-

ми личного происхождения и фотодокументами. Большую помощь в привлечении фондообразователей оказывали краеведы. При активной поддержке краеведа Л. М. Хандроса и личной инициативе Модеста Онисимовича Клера были получены материалы семейного фонда Клеров: секретаря и президента УОЛЕ Онисима Егоровича (1845–1920), ученого-гидролога, профессора Свердловского горного института Модеста Онисимовича (1879–1966), ученого, профессора Свердловского медицинского института Владимира Онисимовича (1878–1958) (фонд 140). В 1959 г. начальник архивного отдела В. И. Бубнов и директор Госархива В. А. Сивков посетили Модеста Онисимовича на дому и ознакомились с объемом и значением его документальных материалов. Затем администрацией Архивного отдела было направлено М. О. Клеру письмо с просьбой о передаче личного фонда на государственное хранение для дальнейшего использования в научных и практических целях. Администрацией был выделен архивно-технический сотрудник для оказания помощи в разборе документов, также к работе были привлечены пионеры города и студенты УрГУ. Документальные материалы поступали на государственное хранение частями, основная масса была сосредоточена в Госархиве к концу 1964 г. При содействии Л. М. Хандроса были также приняты документы инженера-металлурга Леонида Игнатьевича Чельшева (1864–1936; фонд Р-2012).

В 1960-е гг. в связи с возрастающим интересом к документам личного происхождения в штате ГАСО был выделен отдельный сотрудник, занимающийся научно-технической обработкой таких фондов. Как следствие, значительно увеличилось количество граждан — источников комплектования и передаваемых ими документов. В данный период также окончательно сложилась определенная методика комплектования. Одним из приемов привлечения фондообразователей являлись встречи сотрудников с гражданами, проведение бесед о важности документов, которыми они располагают, о необходимости передачи их на государственное хранение. Большая работа велась среди краеведов, деятелей культуры и искусства. Неоценимым вкладом в фонды архива явился комплекс документов краеведа Владимира Павловича Бирюкова («Бирюков Владимир Павлович — уральский писатель, краевед (1888–1971)»; фонд Р-2266). Переговоры о приеме документов велись с 1962 г., в течение 1963–1964 гг. в Свердловск был перевезен весь фонд, в 1965 г. он принят на хранение, однако научно-техническая обработка началась только в 1972 г. Из этой коллекции помимо личного фонда самого В. П. Бирюкова были сформированы также индивидуальные личные фонды и коллекции: например, «Власова Серафима Константиновна (1901–1972) — писательница» (фонд Р-2486), «Уткин Леонид Антонович, профессор, доктор биологических наук (1884–1964)» (Р-2487), «Албычев Павел Викторович (1887–1953) — кандидат

физико-математических наук, доцент» (Р-2737). Также фонд Бирюкова включает в себя более 78 комплексов документов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные фонды.

В 1960–1970-е гг. утвердилась практика приема документов либо от самих фондообразователей, либо от их родственников. Так, в 1960-е гг. в ГАСО поступили фонды члена Революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, писателя, драматурга Алексея Васильевича Баранова (1895–1954; фонд Р-1961), краеведов Лазаря Михайловича Хандроса (1890–1962; фонд Р-2013), Леонида Петровича Неверова (1904–1962; фонд Р-2050), писателей Александра Александровича Егорова-Шторма (1885–1957; фонд Р-2096), Порфирия Илларионовича Ратушного (Михаила Вергилесова) (1887–1941; фонд Р-2094) и др. Условную отдельную категорию составляют документы преподавателей УрГУ: были созданы фонды Михаила Ароновича Горловского (1912–1964; фонд Р-2112), Федора Павловича Быстрых (1901–1976; фонд Р-2583), в 1980-е гг. — Михаила Яковлевича Сююмова (1893–1981; фонд Р-802), Анатолия Григорьевича Козлова (1925–1984; фонд Р-2726), Ивана Федоровича Плотникова (1925–2011; фонд Р-2791). Отметим единственный случай покупки документов у вдовы историка Александра Николаевича Пятницкого (1898–1954; фонд Р-1960).

В 1973 г. была завершена работа по передаче всех дореволюционных фондов из филиалов в ГАСО. Среди них — фонд «Голубцовы, помещики с Александровского Красноуфимского уезда Пермской губернии» (фонд 67), поступивший из филиала Государственного архива в Красноуфимске.

В 1980-е гг. в связи с увеличением объемов комплектования государственных архивов личными документами на государственном уровне было принято решение выделить данные документы в отдельную категорию. Так, в конце в 1980 г. после выхода в свет положения «О Государственном архивном фонде СССР» появилось понятие «документ личного происхождения». Теперь для этих документов в архивах организовывались специализированные фонды. Впервые ограничительный критерий «общественные заслуги лица» был снят, нормативно вводилось понятие «документы личного происхождения»⁵. Оно было закреплено в ГОСТе 16487-83 «Дело-производство и архивное дело. Термины и определения»: «...архивный фонд, представляющий собой принятую на государственное хранение часть документального фонда, а в ряде случаев документальный фонд лица, семья или рода»⁶. В данное десятилетие Государственный архив Свердловской области активно действует в сфере пополнения архива документами личного происхождения. «В ГАСО имеется некоторое количество личных фондов, но оно явно недостаточно не только в свете перспективных задач, но и сегодняшней исследовательской практики. Надеяться только на самотечный приток таких фон-

дов нельзя, требуется систематическая планомерная работа по выявлению и собиранию их <...> Необходимо, чтобы в перспективе в архиве имелись фонды, представляющие различные сферы производственной, научной, художественной и общественной деятельности»⁷. Сотрудниками архива определяются интересующие сферы деятельности и ряд личностей, документы которых могут быть приняты на хранение: «...народное хозяйство и промышленность, литература и искусство, наука, медицина, общественная деятельность»⁸. Сотрудники ГАСО также публикуют статьи в газетах с обзорами поступающих фондов и обращаются к гражданам с предложением о передаче личных или семейных архивов. В результате активной деятельности помимо заключения соглашений о сотрудничестве в 1980-е гг. фонды ГАСО пополнились документами кинорежиссера Александра Аркадьевича Литвинова (фонд Р-2581), докторов минералогических наук Анатолия Алексеевича и Надежды Петровны Малаховых (Р-2723), фенолога Владимира Алексеевича Батманова (Р-2683) (от географо-биологического факультета Свердловского государственного педагогического института).

Стабильно возрастающий интерес к документам личного происхождения привел к выделению в штатном расписании ГАСО сектора фотодокументов и личных фондов (1992), который был преобразован в 1996 г. в отдел с тремя ставками — начальника, главного архивиста и научного сотрудника, в 2010-е гг. штат отдела увеличился до пяти ставок. В 1990-е гг. на хранение были приняты 18 фондов представителей разных профессий и сфер деятельности, среди фондообразователей были:

– участники Великой Отечественной войны А. М. Лаптев (фонд Р-2741), Б. К. Луканин (Р-2771), М. Д. Пантелеев (Р-2770);

– представители творческих профессий: писатели Ю. М. Курочкин (Р-2731), А. А. Власов (Р-2776), театралы Т. Г. Смагина-Чайковская (Р-2763), П. И. Роддэ (Р-2780), В. Ф. Балашов (Р-2789); музыкант Ф. С. Узких (Р-2761), поэт Л. Г. Шкавро (Р-2796);

– ученые разных сфер знаний: юрист В. Б. Исаков (Р-2739), селекционер Д. И. Казанцев (Р-2752), медик Ю. Э. Соркин (Р-2808) и др.

1990–2010-е гг. в деле комплектования ГАСО личными документами отмечены рядом тенденций. Большое внимание уделяется не только личности фондообразователя, но и составу документов. Доминантой в вопросе приема становится эксклюзивность документов, информационное дополнение к уже имеющимся фондам архива (управленческой документации). Отметим также увеличение доли аудиовизуальных документов в передаваемых комплексах, появление новых носителей (грампластинки, видео- и аудиокассеты, оптические диски). Фонд музыканта профессора Уральской консерватории Георгия Ивановича Тери (фонд Р-2798) содержит аудиозаписи струнного квартета им. Н. Я. Мясковского. Тележур-

налист, руководитель пресс-службы Екатеринбургской городской думы Александр Михайлович Букин (фонд Р-2890) передает на хранение уникальные видеозаписи деятельности городского и областного правительств, жизни Екатеринбурга и области. Бесценный комплекс фонозаписей, сделанных во время фольклорных экспедиций, которые проводятся регулярно с 1950-х гг., содержит фонд этномузыколога Татьяны Ивановны Калужниковой (Р-2891), который включает записи народных песен, инструментальных наигрышей, репортажей об обрядах и традициях населения Урала.

Инициативу в передаче документов на хранение в архив все чаще проявляют сами граждане. В 2018 г. в Государственный архив Свердловской области по электронной почте поступило предложение жителя Екатеринбурга инженера Константина Сергеевича Хайдукова. В результате совместной деятельности владельца и сотрудников архива наполняется уникальный фонд (Р-2905). Он представляет собой комплекс документов предков Константина Сергеевича — нескольких семей разных сословий, родов деятельности; самый ранний документ датируется 1748 г. В составе коллекции наследие представителей рода известных на Урале горных инженеров Ивановых, Екатеринбургских мещан Каретиных и Муравьевых, врача, основателя Екатеринбургского родильного дома В. М. Онуфриева, архитектора А. С. Васильева, купцов Казанцевых и ряда других. Значительную часть фонда составляют фотодокументы, иллюстрирующие важные этапы их жизни, семейный быт, общественную жизнь, важные исторические события и многое другое.

В настоящее время на хранении в Государственном архиве Свердловской области находят-

ся более 86 фондов личного происхождения, не считая тематических коллекций. Отделом комплектования и упорядочения аудиовизуальных документов и документов личного происхождения ведется постоянная работа по приему и описанию документов более 15 фондов. Среди них: фонд Р-2883 участника Великой Отечественной войны, писателя и краеведа Леонида Сергеевича Богоявленского, фонд Р-2893 академика РАН Валерия Александровича Черешнева, фонд Р-2899 руководителя международного клуба «Дружба» Раисы Александровны Караевой, фонд Р-2907 режиссера Геннадия Николаевича Шеварова и фонд Р-2909 режиссера Владимира Алексеевича Сутырина.

Примечания

¹ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 23 ; Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14.

² Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР: утв. Постановлением Совета министров СССР от 13.08.1958 № 914 // Собр. узаконений РСФСР. 1958. № 14. Ст. 112 (утратило силу).

³ Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР: утв. Постановлением Совета министров СССР от 13.08.1958 № 914 // Собр. узаконений РСФСР. 1958. № 14, ст. 112 (утратило силу).

⁴ Крайская З. В. Организация архивного дела в СССР: учеб. для техникумов. М., 1980. С. 36.

⁵ Альтман М. М. Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // Вестн. архивиста. 2013. № 1. С. 137.

⁶ ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: утв. постановлением государственного комитета СССР по стандартам от 31.10.1983 № 5231. М., 1983 (утратил силу).

⁷ ГАСО. Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 712. Л. 17.

⁸ Там же.

Р. Б. Садыкова

Биографии женщин в биографии страны (по материалам личных фондов и коллекций Государственного архива Республики Татарстан)

Государственный архив Республики Татарстан (РТ) был образован в 2016 г. путем объединения Национального архива РТ, Центрального государственного архива историко-политической документации РТ (бывшего партийного архива Татарского обкома КПСС), Государственного архива документов по личному составу, Центрального государственного архива аудиовизуальных документов, Государственного архива печати. До 2016 г. комплектование документами происходило в рамках отдельных архивов.

Вопросы комплектования архивов документами личного происхождения постоянно находятся в сфере внимания специалистов. В одной из своих работ мы также обратились к данной теме, рассмотрев опыт работы по комплектованию личными фондами Центрального государственного архива историко-политической доку-

ментации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ)¹. Объектом настоящей публикации являются фондообразователи-женщины, чьи документы хранятся в фондах и коллекциях ЦГАИПД РТ. Как показывает анализ, документы личного происхождения являются важным источником при изучении того или иного исторического периода или события.

История партийного архива Татарского обкома КПСС началась в 1929 г. Он был создан как один из 26 филиалов Единого партийного архива. История архива — это история страны и республики XX в. И хотя в фондах архива хранится немало документов дореволюционного периода, все же основной массив отражает советский период истории республики.

Важную часть фондов архива составляют документы личного происхождения видных

партийных, государственных и общественных деятелей, ветеранов партии и комсомола, участников Октябрьской революции, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Работа по сбору таких документов была начата еще 1920–1930-е гг. Истпартотделом, а затем продолжена партархивом. Из небольших комплексов разрозненных документов была сформирована коллекция, в которую вошло свыше 3200 ед. хр. более 1800 персоналий. Она отложилась в фонде «Партийный архив Татарского рескома КПСС» (ф. П30) в виде отдельной описи и носит название «Коллекция документов личного происхождения участников Февральской и Октябрьской революций, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ».

В коллекции хранится много фотографий, которые запечатлели женские судьбы в событиях XX в. После Октябрьской революции женщины получили широкие права и возможности и потому осваивали новые для них виды деятельности. На фотографиях 1920–1930-х гг. мы видим работниц швейной фабрики, крестьянок на уборке урожая, женщин-трактористок, делегаток женотдела. На фотографиях периода Великой Отечественной войны запечатлены медицинские работники, девушки-бойцы зенитно-артиллерийского полка, девушки, обучающиеся на курсах всеобщего обучения на снайперов, работницы фабрик и заводов, выполняющие военные заказы.

В коллекцию вошли документы и фотографии Зайтуны Халиулловны Халиуллиной — артистки Татарского передвижного театра, которая добровольцем ушла на фронт и всю войну прослужила связисткой-радисткой, наводчиком зенитного орудия, участвовала в освобождении многих городов страны от фашистских захватчиков. После войны она продолжила работать в театре.

В 1991 г. на базе партийного архива был создан Центр хранения и изучения документов новейшей истории Татарстана (ЦХИДНИТ), который вошел в систему Государственной архивной службы РФ. В 1996 г. ЦХИДНИТ был переименован в Центральный государственный архив историко-политической документации РТ. Как и многие другие бывшие партийные архивы, в 1990-е гг. он начал комплектоваться документами общественно-политических объединений, национально-культурных, благотворительных, профсоюзных и молодежных организаций, а также документами личного происхождения общественных деятелей и политологов, писателей и поэтов, театральных деятелей и журналистов.

В течение 1995–2015 гг. архивом было принято на хранение около 40 фондов личного происхождения, а также сформированы три коллекции — «Документы партийных и советских работников Республики Татарстан», «Герои Советского Союза и ветераны Великой Отечественной войны», «Документы офицеров Советской армии». В двух последних коллекциях собраны документы фондодержателей-мужчин. В коллекции

партийных и советских работников фондодержатели-женщины составили пятую часть.

Состав документов различается как в количественном, так и видовом плане. Тем не менее они отражают все этапы становления республики, ее социально-экономического, политического и культурного развития. Так, например, среди строителей новой советской власти можно назвать Назию Абдулжамилевну Максудову. Ее жизненный путь оказался недолгим, однако насыщенный по событиям. Совсем юной она принимала участие в Гражданской войне в качестве разведчицы партизанского отряда, в колхозном строительстве, работала учительницей, была женорганизатором, политпросветработником. В коллекции хранятся ее автобиография, удостоверения, мандаты, фотографии.

Многие женщины в советский период проявили себя как успешные политические и общественные деятели. В коллекции представлены документы и фотографии женщин, занимавших посты секретарей райкомов и горкомов ВЛКСМ и КПСС, избравшихся депутатами Верховного Совета ТАССР. Однако они проявили себя не только на этом поприще. Каждая из них — интересная, разносторонняя личность: проректор по вечернему и заочному обучению Казанского химико-технологического института, кандидат исторических наук Александра Ивановна Быстрова; депутат Верховного Совета ТАССР, Казанского горсовета, отличник народного просвещения РСФСР Дания Хусаиновна Зарипова; депутат Казанского горсовета, начальник Управления по охране государственных тайн печати при Совете министров ТАССР Алия Гайфулловна Кадырова; секретарь Президиума Верховного Совета ТАССР, председатель Татарского республиканского Совета женщин и член Президиума Комитета советских женщин Дания Салиховна Давлетшина; заведующая отделом культуры исполкома Казанского горсовета народных депутатов, директор казанского Дома ученых, отличник просвещения СССР, заслуженный работник культуры ТАССР Ирина Сергеевна Донская; заместитель председателя Совета министров ТАССР, депутат Верховного Совета ТАССР, кандидат философских наук Наталия Владимировна Данилевская; председатель районного Совета народных депутатов, глава администрации района Валентина Николаевна Липужина.

В составе документов коллекции — автобиографии, дипломы и удостоверения, статьи в периодической печати о жизни и деятельности фондообразователей, фотографии. В числе последних есть и уникальные в своем роде. Например, А. Г. Кадырова запечатлена на фотографиях с артистом Алексеем Баталовым и поэтом Евгением Евтушенко, Д. С. Давлетшина — с космонавтом Георгием Береговым, В. Н. Липужина — с космонавтом Алексеем Леоновым. Удостоверения, которые хранятся в коллекции (за активное участие в подготовке и проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве;

о членстве в Президиуме Комитета советских женщин; о присвоении звания ударника строительства КамАЗа; о награждении почетной медалью за активное участие в работе советского Фонда мира), — это тоже страницы нашей истории, и они красноречиво говорят за себя.

Документы женщин-фондообразователей занимают небольшую часть личных фондов архива. Их объединяет то, что все они в разное время были членами КПСС. Не считаем правильным замалчивать этот факт их биографий. Наоборот, хочется подчеркнуть, что им и многим другим советская власть дала возможность получить высшее образование, реализовать себя на том или ином поприще, а членство в КПСС предоставляло определенный социальный статус. Знакомая с судьбами этих удивительных женщин, видишь, как упорство, целеустремленность, трудолюбие помогли им достичь высот в профессиональной и общественной деятельности.

Трудно сказать, как сложилась бы жизнь девочки из семьи рабочего-машиниста, если бы не Октябрьская революция. Многие годы спустя Асия Сафиулловна Измайлова (1903–1993) будет известна как выдающаяся певица, педагог, музыкальный деятель, народная артистка ТАССР. Однако путь к признанию был тернистым. В 14 лет, прервав учебу в школе, она вынуждена была пойти работать на суконную фабрику. После Октябрьской революции, окончив педагогические курсы, работала учителем в татарских школах, была инструктором женотдела. Педагогическая работа Измайловой сочеталась с активной творческой деятельностью. Асия занималась ликвидацией неграмотности среди рабочих-татар, участвовала в постановке спектаклей, а в 1922 г. — и в создании Московского центрального рабочего татарского театра². В 1928 г. в Казани состоялась встреча татарских поэтов и писателей с Максимом Горьким, где выступила Асия Измайлова. Красота голоса молодой певицы и глубина ее исполнения очень впечатлили писателя. А вскоре и нарком просвещения А. В. Луначарский рекомендовал направить певицу в Москву для прослушивания и использования в области радиовещания и на «этнографических концертах». Встреча с великой русской певицей А. В. Неждановой окончательно определила судьбу Асии Измайловой — в 1934 г. она поступила в Татарскую оперную студию при Московской государственной консерватории. В годы Великой Отечественной войны солистка Татарского государственного театра оперы и балета выступала с концертами на передовой. В послевоенный период почти сорок лет преподавала в Московской консерватории. Вела активную общественную деятельность³.

Еще одна творческая личность — Лябиба Фаизовна Ихсанова (1923–2010), татарская детская писательница, переводчица, заслуженный работник культуры ТАССР и РСФСР. В военном 1943 г. девушка, окончив сельскую школу, поступила на географический факультет Казанского государ-

ственного университета. Однако уже в студенческие годы начала писать рассказы и стихотворения, и это увлечение стало главным в ее дальнейшей жизни. По окончании университета работала в Татарском радиокомитете, редактором в журналах «Пионер» и «Ялыкын», ответственным секретарем редакции журнала «Казан утлары». Л. Ф. Ихсанова является автором более 40 книг, десятков очерков, статей, рецензий. Многие ее рассказы и повести были переведены на русский, башкирский, чувашский, украинский, эстонский языки. Сама Л. Ихсанова перевела на татарский язык повесть Л. Кассиля «Улица младшего сына»⁴. Наряду с творчеством активно занималась и общественной деятельностью — была членом правления Союза татарских писателей, избиралась народным депутатом Казанского городского совета. В личном фонде писательницы хранятся творческие документы, автобиография, удостоверения, почетные грамоты, а также фотографии, на которых она запечатлена со многими известными татарскими, башкирскими писателями, творческими деятелями, на встречах с пионерами и т. д.

Интересна судьба Закии Давлиевны Гумеровой (1927–2005), которая всю свою жизнь посвятила педагогике, школьному образованию. После окончания сельской школы она работала пионервожатой, а затем учителем в своей родной школе. Окончила Казанский государственный учительский институт (впоследствии — Казанский государственный педагогический институт) по специальности «Русский язык и литература». Много лет работала директором в средних школах республики. В 1977 г. З. Д. Гумерова находилась в командировке в Чехословакии, где в течение трех лет преподавала русский язык и литературу в школе № 38 г. Зволена.

Общий педагогический стаж Закии Давлиевны — 55 лет. Она неоднократно публиковалась в республиканских газетах и журналах по вопросам воспитания молодого поколения и проблемам развития татарского языка. Вела большую общественную работу: являлась членом Совета ветеранов педагогического труда, Совета ветеранов Приволжского района, Всемирного конгресса татар, оргкомитета Чистопольского и Пестречинского землячеств, ассоциации татарских женщин «Ак калфак» и других организаций. В 1999–2003 гг. принимала участие в эксперименте по апробации нового татарского алфавита на основе латинской графики, проводимой в школах РТ. По ее инициативе в 2002 г. было создано Общество друзей родного языка «Элиф» при Всемирном конгрессе татар. За заслуги в области образования и активную общественную деятельность З. Д. Гумерова была награждена орденом Ленина, знаком «Отличник народного просвещения», памятными медалями, почетными грамотами и благодарственными письмами. Ей присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Кроме личных документов и документов о профессиональной и общественной деятельности

в фонде хранится много фотографий. На них Зария Давлиевна вместе со своими коллегами — учителями, а также с учениками разных школ, с деятелями культуры, ветеранами войны и труда (в том числе с Героем Советского Союза Михаилом Девятаевым), членами землячеств, активистами ветеранского движения и др.

Яркий пример женщины-ученого воплощен в судьбе Александры Константиновны Безиной. К сожалению, совсем недавно, в августе 2020 г. ее не стало. А родилась она в 1932 г. в Коломне Московской области. С 1950 г. ее жизнь, научная и педагогическая деятельность была связана с Казанью. В 1955 г. она с отличием окончила юридический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и начала свою деятельность в этом вузе на кафедре гражданского права и процесса. Внесла заметный вклад в развитие и реализацию теории трудового права, трудового законодательства. В республике она известна как доктор юридических наук, заслуженный деятель науки ТАССР, заслуженный работник высшей школы РФ, автор более 120 научных работ⁵⁵. В течение всей своей трудовой деятельности А. К. Безина активно занималась общественной работой. Являлась членом научно-координационного совета при Министерстве юстиции ТАССР, членом научно-координационного совета при Верховном Суде ТАССР, членом Третейского суда при Торгово-промышленной палате Республики Татар-

стан, экспертом Государственной Думы РФ. А. К. Безина награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд», многочисленными грамотами, дипломами, благодарственными письмами, многие из которых хранятся в личном фонде, который Александра Константиновна передала несколько лет назад в ЦГАИПД РТ. Сегодня эти документы и фотографии — яркие свидетельства биографии женщины-ученого.

Такие вот биографии, отдельные женские судьбы, в биографии большой страны. Всем им досталось жить в разное время, пройти через разные испытания. Но всех их объединяли упорство в достижении цели, желание принести пользу людям и быть нужными стране.

Примечания

¹ Садыхова Р., Бахтиева А. Комплектование документами личного происхождения Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2012. № 3–4. С. 265–269.

² Татарская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов ; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. Т. 2. Казань : Ин-т Татар. энцикл. АН РТ. 2005. С. 542.

³ См. подробнее: Садыхова Р. «Свобода любит красоту, а красота — свободу» (к 110-летию со дня рождения певицы А. Измайловой) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2013. № 3–4. С. 183–187.

⁴ Татарская энциклопедия. Т. 2. С. 634.

⁵ Там же. Т. 1. С. 335.

Часть XI

Библиотеки и сохранение исторической памяти

Н. П. Ситникова

Изучение истории библиотеки как фактор инновационного прорыва развития учреждения¹

В последние годы библиотечная общественность усиленно проявляет интерес к своему прошлому, истории бытования библиотек: проводятся научные исследования, издаются монографии, организуются научно-практические конференции. Как правило, целью подобных мероприятий становится сохранение историко-культурного и документального наследия с последующим его применением в гражданском и патриотическом воспитании детей и молодежи.

В настоящее время наблюдается ярко выраженное противоречие. С одной стороны, «существенным фактором обращения библиотекарей к прошлому своих учреждений, — отмечает М. Я. Дворкина, — является стремление вписаться в новую реальность, утвердить в ней свое место...»²; с другой — динамичная современная социокультурная среда с процессами глобализации сталкивается с инерцией профессионального сознания: «...все изменилось в непонятную сторону»³ и некоторой растерянностью при трактовке исторических событий.

Первые десятилетия XXI в. наглядно показали, что положительным фактором изучения истории конкретной библиотеки является активное влияние прошлого на современную ее деятельность, ставшей источником инновационного развития учреждений. Подтверждением выдвинутой гипотезы послужат итоги исследовательских изысканий библиотечных специалистов ЧОУНБ с вытекающими результатами работы.

При подготовке к Всероссийской научно-практической конференции «Моргенштерновские чтения — 2020. Информационно-библиографическая деятельность библиотек: тенденции, современные проекты и инициативы» и 80-летию информационно-библиографического отдела найдены уникальные документы из архива Бориса Тимофеевича Уткина (1923–1996), заведующего информационно-библиографическим отделом библиотеки (1962–1968), ученого, библиографа, педагога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР.

Архивные документы касались истории библиотеки товарищества «Братья Покровские» и создания первого библиографического указателя Челябинска «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей (1853–1883)». Об этом рекомендательном нелегальном библиографическом пособии написано Н. В. Здобновым в «Истории русской библиографии до начала XX века» (М., 1955) и самим библиографом. Наиболее полная история создания, распространения и бытования указателя представлена в статье Б. Т. Уткина и А. Г. Завриной «Загадка Челябинского указателя» в книге «Библиотека в изданиях и публикациях, 1901–1997» (Челябинск, 1998), подготовленной к 100-летию ЧОУНБ.

«Систематический указатель лучших книг и журнальных статей», или «челябинский указатель», издан в Челябинске библиотекой товарищества «Братья Покровские» 138 лет назад. На первый взгляд, он не представляет ничего примечательного — состоит из списка книг и статей, и местный исправник спокойно дал ему разрешение на публикацию.

Буквально за три месяца после выхода в свет о «челябинском указателе» заговорила вся революционная Россия. Оказывается, он рекомендовал для чтения только передовую и марксистскую литературу. Сюда входили произведения Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского; исторические книги о революциях Франции. Но особенно интересен раздел «Политэкономия», который открывался первым русским изданием «Капитала» К. Маркса и другими публикациями его единомышленников.

Весь тираж указателя (1300 экз.) сразу распространился по всей России (Петербург, Москва, Самара, Казань, Одесса и другие города), так как был «взят на вооружение» революционными кружками Н. Е. Федосеева, Д. Благоева, П. В. Точисского. Экземпляр указателя с автографом «А. М. Пешков» послужил причиной привлечения молодого Горького к первому жандармскому дознанию. Осенью 1883 г. Департамент полиции поднял тревогу по поводу челябинского издания: было возбуждено дело, а тираж указателя конфисковывался и уничтожался. До сих пор окончательно не выяснена история этого издания, несмотря на то что Б. Т. Уткин выявил много нового фактического материала.

В одной из своих публикаций Борис Тимофеевич с горечью писал: «Много книг в нашей личной библиотеке: 22 километра полок, занято ими, но на этих полках нет “челябинского указателя”. В стальном сейфе отдела редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне — Российская государственная библиотека) покоится наша первая челябинская книга, как драгоценный памятник революционной печати. Есть еще один экземпляр в Государственной личной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека). Но кто знает, может быть, и у нас в Челябинске где-нибудь на чердаке или в старинной укладке лежит позабытый до поры до времени знаменитый “Систематический указатель... 1883 года”».

Благодаря современным цифровым технологиям, поддержке коллег из других городов и высокой профессиональной квалификации заведующего сектором создания и продвижения цифровых коллекций ЧОУНБ А. И. Мезяева создана электронная копия печатного издания «Систематического указателя...» (<http://chelreglib.ru/dl/?code=kp2020503>). Через 138 лет «Системати-

ческий указатель...» вернулся на родину, в Челябинск, и пополнил коллекцию Уральской электронной библиотеки.

Предпосылкой инновационного развития может стать рукописный журнал «Челябинский красный библиотекарь», главным редактором которого являлся А. В. Котельников, заведующий Челябинской центральной библиотекой (ныне — ЧОУНБ). Всего за три года (с ноября 1924 г. по февраль 1927 г.) вышло 27 номеров. Именно эти годы можно отнести к пассивному периоду развития, периоду подъема библиотечного дела Челябинского округа. Доказательствами этого служат: создание Челябинского библиотечного объединения, использование передовых форм обслуживания читателей, системная организация повышения квалификации библиотекарей и, наконец, подготовка и выпуск журнала.

Один из ведущих деятелей в области библиотечного дела начала XX в. В. Звездин в рецензии на номер журнала «Челябинский красный библиотекарь» за 1926 г. отзываясь об этом издании так: «Читая “Челябинский красный библиотекарь”, чувствуешь биение живой жизни. Тут и полемика низового работника с “высшим начальством”. Тут и товарищеская самокритика на почве не предоставления отчетов в срок. Тут, наконец, в живой полемической форме инструктирование текущей работы. Этим последним особенно ценен журнал»⁴. В конце рецензии автор пишет: «Мы рекомендуем всем объединениям учесть опыт Челябинска и приступить к изданию таких бюллетеней»⁵.

Значение журнала «Челябинский красный библиотекарь» для развития библиотечного дела в Челябинской области трудно переоценить. «Челябинский красный библиотекарь», печатавшийся на стеклографе (сначала в количестве 60, затем 65 экземпляров), — уникальное явление в истории библиотечной печати в нашей стране. Ни один субъект Российской Федерации аналогичного журнала не издавал.

Опыт регионального профессионального периодического издания нигде и никогда более не повторялся. В цифровую эпоху и в условиях динамично меняющихся социально-экономических обстоятельств (при сокращении числа печатных профессиональных изданий) он может послужить импульсом к появлению аналогичного профильного журнала, только в электронном варианте. Задачами журнала могут стать информирование специалистов о новых актуальных тенденциях и острых вопросах в библиотечной и книжной отрасли, публикации ведущих ученых и специалистов, размещение нормативно-инструктивной документации и т. д.

Глубокое изучение истории библиотеки позволяет провести временные «параллели» между формами библиотечной работы ушедшего и настоящего: книгоноша и КИБО (мобильный комплекс информационно-библиотечного обслуживания), десятидневник книги и фестиваль книги, курсы по ликвидации неграмотности и обучение

компьютерной грамотности и др. Объединяющим их фактором являются основополагающие принципы, отличиям служат соответствующие времени технологии. В дихотомии «книгоноша и КИБО» общими принципами являются доступность, приоритет читательских потребностей, запросов и прав читателя, а технологиями — доставка книг читателям: в первом случае — силами библиотекаря, во втором — с помощью мобильной библиотеки, предоставляющей читателям современные услуги: работу на персональном компьютере с возможностью выхода в Интернет, копирование и сканирование документов, прослушивание и просмотр аудио- и видеофайлов.

При сопоставлении форм работы по продвижению книги и чтения уместно сравнение десятидневника книги, проводившегося в середине 1920-х гг., с современным фестивалем книги (с 2006 г. по настоящее время). Оба названных «события» объединяют не только цели проведения масштабных мероприятий — повышение роли и значения книги в культурной жизни города, — но и использование театрализованных литературно-художественных форм и средств работы, а также встречи с местными писателями и поэтами.

В настоящее время функции современной библиотеки расширяются, включая выставочную, музейную и архивную деятельность. Создается новый тип учреждений — культурно-многофункциональная публичная библиотека, предоставляющая пользователям широкий спектр традиционных библиотечных и инновационных услуг, способствующих повышению имиджа библиотеки.

Музеи истории отдельных библиотек и библиотечного дела регионов встречаются нечасто: Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Библиотека Российской академии наук, Кемеровская, Тюменская, Свердловская областные универсальные научные библиотеки и др. Создание музея-центра в ЧОУНБ обусловлено ее миссией в социокультурном пространстве южноуральского края, социальной функцией которой является активное участие в образовании и воспитании человека, формировании его интеллектуальной и практической деятельности, развитии науки и культуры, обеспечении прав личности всемерно пользоваться духовными ценностями. Музей-центр библиотеки способствует сохранению и развитию традиций, формированию позитивного имиджа учреждения, проведению исследований и продвижению истории библиотеки и перспектив ее развития.

При работе над созданием исторической ретроспективы ЧОУНБ найдено много новых архивных документов и выявлен ряд неизвестных фактов. В частности, благодаря тесному сотрудничеству с ОГАЧО восстановлены некоторые страницы биографий директоров библиотеки, руководивших ею в разные годы: Анны Иогановны Брант (1938–1941), Анны Федоровны

Казаковой (1945–1949), Беллы Захаровны Шайкевич (1941–1943), Миры Соломоновны Левит (1943–1945), Александры Николаевны Пирожковой (1950–1953). Не остались равнодушными к истории библиотеки коллеги из Белорусского государственного университета культуры и искусств и представили новые сведения из биографии Капитолины Гордеевны Мавричевой, заведующей справочно-библиографическим отделением (1940–1942), и первого биографа Н. А. Рубакина

Использование современных технических средств (специального мобильного приложения «Augasma», сенсорного киоска, аудиоэкскурсии), создающих дополненную реальность, придали новому структурному подразделению библиотеки — Музею-центру ЧОУНБ — особую привлекательность и значимость.

Альбомы-отчеты, фотографии обрели вторую жизнь благодаря новым технологиям. Оцифрованные документы, выполненные в лучших традициях рукописных изданий прошлого века с оригинальными шрифтами и раскрашенными цветными карандашами иллюстрациями, размещены на портале библиотеки (www.chelreglib.ru/), теперь они стали доступны всем желающим познакомиться с историей одного из первых заведений культуры Челябинска.

При помощи нейронных сетей и технологии автоматического раскрашивания изображений DeOldify черно-белые фотографии преобразились в цветные картинки. Старые размытые фотоснимки сотрудников и читателей областной биб-

лиотеки восстановлены с помощью технологий генерации искусственного интеллекта.

В перспективе музея-центра целесообразно будет показать динамическое развитие технических средств, применяемых в профессиональной деятельности библиотекаря: счеты, калькуляторы, компьютеры, мобильные телефоны и т. д. Считаем, что подобная экспозиция может вызвать немалый интерес у различных возрастных групп горожан.

Вышеизложенное позволяет особо подчеркнуть: процесс сопричастия с прошлым является сложным и многоаспектным, включающим содержательную, психологическую и технико-технологическую составляющую. Чем серьезнее и масштабнее изучается прошлое, тем больше находится в нем точек пересечения с будущим. В изучении истории учреждения, края или страны заложен источник инновационных прорывов и перспектив на дальнейшее стремительное развитие.

Примечания

¹ Выражаю благодарность Н. А. Антипину, заместителю директора ОГАЧО, за помощь в сборе материала для публикации.

² Дворкина М. Я. Зачем мы изучаем историю // М. Я. Дворкина Теория и история библиотечного дела : избр. ст. М., 2015. С. 14.

³ Макаревич А. Вначале был звук. Маленькие иSTORYи. М., 2010. 256 с.

⁴ Звездин В. Челябинский Красный Библиотекарь // Крас. библиотекарь. 1926. № 6. С. 96.

⁵ Там же.

Ю. С. Яхнина

Первая печатная библиографическая продукция Челябинска

Каталог библиотеки является важным стратегическим инструментом управления фондом, он помогает читателям ориентироваться самостоятельно и удовлетворять информационные запросы.

Поначалу Челябинская городская общественная публичная библиотека-читальня не имела собственного каталога. Но уже в 1902 г. из печати вышло его первое издание тиражом 300 экз. В Челябинской областной универсальной научной библиотеке (ЧОУНБ) сохранилось лишь его второе издание (1908).

Несомненная заслуга в создании печатного каталога принадлежит первому библиотекарю ЧОУНБ Льву Степановичу Коротовских¹. Внедренная Л. С. Коротовских в каталоге 1908 г. классификационная система сочетала не только формальные признаки, присущие нумерационному каталогу, в котором все записи о книжном фонде располагались в порядке присвоенных документам номеров, но и содержательные особенности библиотечного каталога.

Индексирование и систематизация книг и журналов в этой библиотеке носили комплексно-

системный характер, при этом для облегчения библиографической работы библиотечного персонала и поиска информации о книгах и журналах читателями библиотеки не принимались во внимание виды форматов изданий (форматно-инвентарная расстановка фонда, очевидно, по мнению Л. С. Коротовских, усложнила бы процесс поиска и выдачи изданий читателям).

Разработанная система шифров включала название отдела, хронологический номер (то есть порядковый номер поступления экземпляра в библиотечный фонд) и систематический номер (соответствующий определенной отрасли знания). Дробность систематизации зависела от числа книг в фонде. Для облегчения поиска книги на полках обозначение хронологических номеров выносилось на верхнюю часть корешков изданий (об этом свидетельствуют бумажные ярлыки-наклейки).

Все издания согласно системе классификации фонда, созданной Л. С. Коротовских, распределялись по их содержанию в 13 отделов. Порядковые номера отделов соответствовали иерархии научных представлений второй половины XIX в.

Первый отдел включал издания духовного содержания: богослужбная, богословская, историко-церковная литература. Особое внимание уделялось историческим трудам, житийной литературе и биографиям основателей и активных деятелей церкви. Также в этом отделе отражены издания Императорского православного Палестинского общества, Отдела распространения духовно-нравственных книг.

Во втором отделе кумулировалась литература по теме «История русская и всеобщая. Мифология», включая фундаментальные исторические труды, материалы историко-критического и историко-публицистического характера. Особое внимание уделено историко-биографическим и культурно-историческим очеркам, вопросам изучения мифологии, а также биографиям знаменитых исторических личностей.

Третий отдел — «Биографии» — содержал историко-биографические очерки о политических, промышленных и церковных деятелях, просветителях, деятелях культуры и искусства, ученых, изобретателях, механиках, крестьянах-самоучках.

Вопросам этнографии был посвящен четвертый отдел каталога, где включена литература по вопросам изучения культуры и быта народов мира, путевые очерки, записки известных путешественников и географические хрестоматии.

«Теория словесности. История литературы и искусств» — так назван пятый отдел, вобравший в себя очерки по истории литературы, биографии писателей, учебники и хрестоматии, а также литературоведческие труды.

В шестом отделе, названом кратко и емко — «Словесность», отражено все многообразие жанров опубликованных в конце XIX — начале XX в. отечественной и переводной художественной литературы, книг для детского и юношеского чтения, народного чтения, сборники для организации народного театра.

Отдел седьмой фиксировал естественнонаучные и технические издания, литературу по сельскому хозяйству. Прогрессивность мышления и развитость эрудиции и интуиции Л. С. Коротовских проявились в том, что особое внимание уделено электротехнике, астрономии, вопросам здорового образа жизни.

Литература по общим вопросам социальной медицины, улучшению и сохранению здоровья населения включалась в восьмой отдел.

Девятый отдел посвящен трудам классиков педагогической мысли, отражена литература по самопознанию, правильному выбору книг для самостоятельного чтения и подвижным детским играм.

Междисциплинарный характер комплектуемой и библиографируемой литературы в полной мере отразился в десятом отделе каталога: от книг по истории права, свода законов Российской империи, литературы по семейному праву, воинской повинности, теории социального развития до вопросов противоречия классовых ин-

тересов, организации работы профсоюзов рабочих, государственного строя, политических партий за рубежом и земстве в России. Также в этот отдел включены программные труды К. Каутского, В. Либкнехта, К. Маркса и Ф. Энгельса (все они имели цензурное разрешение на печать и распространение в публичных библиотеках)².

В одиннадцатом отделе «Ремесла и производства» помимо литературы о традиционных ремеслах (ткачестве, выделке кожи, мыловарении, переплетном ремесле и кустарных промыслах) группируется литература о работе динамо-машин и электродвигателей постоянного тока, устройстве электрического освещения в частных домах и на фабриках, а также об устройстве электрических звонков и домашних телефонов.

Книги разного содержания вошли в двенадцатый отдел. Это словари, географические и статистические справочники, литература о кинематографе, вопросах домашнего отопления, организации государственных сберегательных касс и тарифов страхования, этике брака, вопросах улучшения быта слепых и элегантности женщин.

В тринадцатом отделе фиксируются в алфавитном порядке более 50 периодических изданий, выписываемых библиотекой: издания для детей «Детский отдых», «Юная Россия», «Юный читатель», еженедельный иллюстрированный журнал на польском языке «Хорошая хозяйка», «Вестник Европы», «Вокруг света» и др.

Каталог, подготовленный Л. С. Коротовских и напечатанный в типографии М. М. Ворониной, вышел объемом 198 страниц. Кроме того, в нем имеются многочисленные вставки-вложения машинописных листов, вероятно, выполненные последующими поколениями библиотекарей в 1920–1930-е гг., при этом схема библиографирования Л. С. Коротовских полностью сохранена: сначала указан номер книги по систематическому каталогу, затем номер по хронологическому каталогу, а в качестве основных библиографических элементов — фамилия автора или издателя, заглавие книги, год и место печатания (при этом введен дополнительный элемент — обозначение языка, на котором опубликовано произведение: например, на польском языке указано более 10 книг и журналов).

В так называемой «типографской» части каталога зафиксировано 2564 источника, в машинописной — 1561, общее количество составило 4125 записей.

Несмотря на мелкие погрешности (опечатки, ошибки в нумерации и отсутствие указателей), данный печатный каталог имел огромное значение, как для Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни, так и для культуры нашего региона, поскольку он отражал не только состав фонда, но позволял судить о достаточно высокой квалификации первого библиотекаря главной библиотеки Челябинской области.

Фонды первых челябинских библиотек пополнялись не только новыми книгами и журналами

из магазинов и по подписке, но и за счет пожертвований состоятельных горожан. Необходимо отметить, что челябинские библиотеки не получали обязательный экземпляр, поэтому фонд формировался преимущественно за счет покупки в книжных магазинах и на складах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Для этого первые челябинские библиотекари рассылали письма с просьбой оформить подписку на актуальную и необходимую литературу.

В общеизвестном выражении Козьмы Прутова (под литературной маской которого выступали Алексей Толстой, братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы), прославившего меткими и мудрыми афоризмами, сказано: «Смотри в корень!» Для исследователя данного печатного каталога Ю. С. Яхниной это был повод рассмотреть издание в новом и неожиданном с точки зрения библиотковедения и библиографоведения ракурсе. Специалист, работающий с редкими книгами, кончиками пальцев ощущает сорта бумаги, и на просвет рассматривая страницы книг, зарисовывает видимые филигранные штампы. Для удобства и бережного обращения с книгой применялся световой лист. Атрибуция филиграней и штампов проводилась по каталогам С. А. Клепикова³.

Для идентификации «Каталога книг Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни» использовались комплекс специальных методов сфрагистики и филиграноведения⁴.

В библиотеках Челябинской области хранятся преимущественно традиционные бумажные носители информации. Бумага является не только самым хрупким и долговечным материалом для письма и печати книг, но и ценнейшим историческим источником, требующим изучения. История бумажного производства прошла долгий мануфактурный этап.

В филигранном деле применялась ювелирная техника, использующая ажурный узор из тонкой проволоки, это относится и к бумаге. Каждая мельница имела особое клеймо или водяной знак. Его видно, если посмотреть через лист на свет. Эту фабричную марку и называют филигранью. Считается, что изобрели такой способ защиты бумажных документов итальянские мастера.

Первые водяные знаки появились на средневековой бумаге вскоре после начала ее производства в Европе в XIII в. Они получались за счет того, что мокрую бумажную массу размещали на проволочных формах, куда крепили и проволочную филигрань. В местах нахождения проволоки масса становилась тоньше, поэтому при высыхании листа на просвет были видны рисунки водяных знаков.

Изящные старинные водяные знаки поражают красотой. Это были рисунки голов львов, медведей, быков, ослов и других животных. Позднее на филигранях изображали солнце, луну и звезды. Встречаются знаки с портретами правителей того времени, коронами и колоколами, щитами

и якорями, цветами и деревьями, с цифрами года выпуска бумажной продукции. Это очень важно при изучении книг, документов, писем или рисунков.

Филигрань может указывать на формат и сорт бумаги, место и год ее изготовления. С развитием производства возникла необходимость обозначить разные партии продукции, произведенные на мельницах одного владельца. Так появилась контрамарка — меньший (по сравнению с филигранью) знак или набор литер. Филигрань располагали ближе к краю листа. Контрамарку помещали, напротив, рядом с противоположным краем.

При ручной выделке знаки вышивали на сетке черпальной формы шелком или тонкой проволокой. Место вышивки становилось слегка выпуклым. Когда форму с жидкой массой встряхивали, там оседало меньше волокон. Это место получалось более тонким, знак невозможно было уничтожить, не испортив поверхности.

Известны случаи, когда при помощи водяных знаков раскрывали преступления. В 1887 г. зятя президента Франции Греви уличили в спекуляции орденами. Представленный им в оправдание документ, датированный 1834 г., признали фальшивкой — в то время не изготавливали бумажную продукцию с подобной меткой.

Русскую бумагу, как правило, отливали с водяным знаком, изображающим заводскую марку, инициалы фабрики и год выпуска. Так, на Ярославской мануфактуре с первых дней ее работы изображали почти на всей продукции медведя с секирой с герба Ярославля. В зависимости от сорта бумаги изображение зверя помещали в рамку или нет. В отличие от русских филиграней западные редко указывают на год отлива бумаги.

При машинном способе производства бумаги филигранные делаются сложнее, чем вручную. Но особые сорта ценных бумаг и сегодня помечаются водяными знаками. Их по-прежнему нельзя ни стереть, ни подделать. И то и другое обнаружат криминалисты. Трудность для историков лишь в том, что изображений сотни тысяч. Прослужившую около двух лет форму для изготовления бумаги обновляли или заменяли, что приводило к появлению нового вида филигранных. Помимо водяных знаков, бумага различных производителей могла иметь красочное клеймо или штампель.

По филиграням легко проследить, как развивались технологии производства бумаги. Крупнейший шаг вперед позволил сделать революционный механизм, названный роллом. Изобрели его около 1670 г. в Голландии, поэтому машину долго именовали «голлендер». Чем тщательней размолоты волокнистые полуфабрикаты, тем добротней получится из них бумага. Этот принцип и лег в основу ролла, сменившего архаичные толчеи и мельничные жернова для дробления и растирания тряпичного сырья. Один ролл заменял несколько десятков прежних приспособлений.

Тяжелый барабан голлендера с ножами вращали вручную. Позднее приспособили мельнич-

ное колесо. Цикл продолжался, пока замоченное в ванне из прочного материала тряпье не превращалось в жидкую массу, пригодную для формования бумажных листов. В России до 1830 г. бумагу изготавливали из тряпичного сырья ручным способом.

Примечательно, что и при производстве механизированным способом бумаги из перетертой древесной массы филигранные также использовались. Так, в раритетном библиографическом указателе «Каталог книг Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни» (1908) удалось идентифицировать филигранные и штемпели (каталог напечатан на качественной белой бумаге улучшенной мануфактурной выработки с филигранями Горбатовской писчебумажной фабрики Способина и К^о в Судогодском уезде Владимирской губернии; штемпели на части листов каталога имеют блинчатое тиснение, характерное для бумаги производства фабрик, принадлежавших братьям Ивану и Фоме Ятесам⁵.

В 1863 г. на р. Кубе в Красноуфимском уезде Пермской губернии английским подданным Иваном Егоровичем Ятесом (Yates) была построена бумажная фабрика. Особенностью бумаги, выпущенной на Михайловской фабрике, было ее высокое качество, что не только отмечалось современниками, но было подтверждено в 1882 г. присуждением медали на Всероссийской промышленной выставке.

Раритетный характер первой сохранившейся библиографической продукции ЧОУНБ — печатного «Каталога книг Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни» (1908) — определяется, во-первых, системой книгоописания; во-вторых, в процессе полистного изучения бумаги впервые удалось идентифицировать филигранные и штемпели.

Все эти редкостные изыскания вкупе с заботой о сохранении и широкой доступности для всех исследователей книжной культуры раритетного издания посредством его оцифровки позволяют рассматривать «Каталог книг Челябинской городской общественной публичной библиотеки-читальни» (1908) как уникальный документ, обладающий свойствами (признаками) книжного памятника регионального уровня. С 2019 г. ознакомиться с цифровой версией каталога можно на портале ЧОУНБ в Уральской электронной библиотеке в разделе «Книжные памятники Челябинской области» (<https://chelreglib.ru/>).

Всех первых челябинских библиотекарей, принимавших участие в составлении печатного каталога, отличали невероятное трудолюбие, большая эрудиция, преданность своему делу, высокая гражданская позиция. Среди обязанностей библиотечных работников дореволюционного периода необходимо назвать основные: комплектование и организация фонда, его предварительная обработка, расстановка, учет и рациональное хранение, то есть почти все направления работы с фондом современного библиотекаря.

Начатое ими дело продолжено и усовершенствовано. Профессионализация библиотечной деятельности в Челябинске была осознана как жизненная необходимость, после того как библиотеки в первой трети XX в. стали не только рассматриваться как элемент познавательно-просветительского направления в досуговой системе, но и уверенно обретать статус информационных, образовательных и культурных центров. Возникли предпосылки для формирования ведомственных библиотечных сетей во второй половине XX в.

Современные библиотекари поднялись на новую ступень в технологии библиотечных процессов, достигли известных успехов по сравнению со своими предшественниками.

Примечания

¹ Боже В. С. Библиотеки дореволюционные // Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск, 2001. С. 96.

² Матвеев М. Ю. Особенности развития общественных библиотек в губернских городах России // Библиотекословие. 1995. № 4–5. С. 126 ; Страницы истории / Челяб. обл. универс. науч. б-ка ; авт.-сост.: А. Г. Заврина, А. М. Маслова. Челябинск, 1998. С. 15–17.

³ Клетиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. 306 с.

⁴ Яхнина Ю. С. Первые челябинские библиотекари // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика : материалы V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., г. Челябинск, 15–16 нояб. 2018 г. / редкол.: В. Я. Рушанин (пред.) [и др.]. Челябинск, 2018. С. 317–327 ; Яхнина Ю. С. Библиотека Товарищества «Бр. Покровские» — первое светское книжное собрание Челябинского уезда // Каталог библиотеки товарищества «Бр. Покровские» / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, Сектор редких кн. ; авт.-сост. Ю. С. Яхнина, А. Г. Заврина. Челябинск, 2008. С. 4–12.

⁵ Клетиков С. А. Указ. соч.

Ю. А. Демченко

Изучение истории учреждения как направление библиотечного краеведения

Изучение истории края давно стало приоритетом для многих библиотек. Особенно это касается учреждений, расположенных в малых населенных пунктах, где отсутствуют музеи и архивы, но сохраняются запросы на информацию регионального характера. Краеведческая деятельность интересна для библиотек еще и тем, что она предусматривает не только сохранение и распространение сведений о прошлом малой родины, но и способствует созданию собственного контента, уникальных данных, привлекающих внимание пользователей к конкретному учреждению.

В этом смысле полезным и плодотворным может быть исследование библиотечной истории, профессиональная рефлексия, так как через осознание закономерностей развития учреждения, формирование традиций и анализ накопленного опыта можно по-новому взглянуть на современность.

Нельзя сказать, что наши предшественники не делали попыток воссоздать прошлое Еманжелинской сельской библиотеки. Однако в качестве отправных точек брали или 1979 г. — начало централизации библиотечной системы Еткульского района, или 1973 г., когда библиотека переехала в только что построенное здание сельского Дома культуры, не принимая во внимание, что общественные читальни существовали в нашем крае еще до революции.

Между тем библиотеки многих населенных пунктов Еткульского района являются преемниками станичных общественных читален и станичных школьных библиотек. Так как и те и другие неоднократно открывались и закрывались, выделяется несколько дат, от которых можно вести отсчет библиотечной истории района.

Самое раннее упоминание о школьной библиотеке всего из двух книг относится к 1836 г. По «Краткой Священной истории» и Катехизису занимались ученики Еткульской станичной школы. Вероятно, подобная ситуация была и в Еманжелинской станице: в отчете станичного правления за 1848 г. есть графа о закупке учебных пособий для школы¹. И хотя в 1848 г. они закуплены не были, но для обучения детей школа должна была располагать хотя бы несколькими религиозными книгами и пособиями по военному делу.

Следующие даты приводит в своих трудах по истории ОКВ челябинский историк А. П. Абрамовский². С 1882 г. по инициативе наказного атамана генерал-лейтенанта М. И. Астафьева библиотеки станичных школ стали предоставлять свои книги не только ученикам, но и всем жителям станицы³. Однако по своей ведомственной принадлежности библиотеки оставались школьными.

Вполне возможно, что так действовали в то время библиотеки Еткульской, Еманжелинской,

Коелгинской школ. По архивным документам⁴, именно в этих станицах в конце XIX в. было наиболее развито школьное образование. Отсутствие же упоминаний о выдаче книг населению объясняется малым масштабом деятельности библиотек: они комплектовались на «остатки» от школьного бюджета, а занимались ими обычно учителя⁵. И так, инициатива М. И. Астафьева не получила должного воплощения прежде всего из-за недостаточного финансирования и отсутствия кадров.

Зато во второй половине XIX в. развивались церковные библиотеки. В Еманжелинке отличную библиотеку организовал священник Георгий Прохорович Бобров. На его долю выпало строительство нового каменного храма после пожара в деревянной церкви. Он не только занимался хозяйственными работами, но и покупал издания религиозного содержания. В церковном собрании появились труды Тихона Задонского, Библия и Евангелие, противораскольническая литература. Священник активно привлекал к чтению грамотных прихожан⁶.

К книгам в своей деятельности обращался и коелгинский батюшка Василий Михайлович Емельянов. Он нес пастырские обязанности с 1893 по 1915 гг. Так как в Коелгинской (Коельской) станице было много староверов, Емельянов проводил диспуты, приглашал миссионеров, устраивал читки православной литературы⁷.

Однако школьные и церковные библиотеки имели свою специфику. Они не содержали, например, брошюр по сельскому хозяйству или ремеслам, не включали новых художественных произведений.

В 1897 г. атаман 1-го военного отдела ОКВ генерал-майор А. С. Мелянин издал приказ № 48 об открытии во всех станицах бесплатных народных читален-библиотек. В приказе говорилось: «Многолетние наблюдения в первоочередных частях и на льготе в станицах убедили меня, что казаки принимают очень близко к сердцу все то, что касается лично их и их товарищей-сослуживцев как лиц военных. Весьма многие казаки, будучи людьми грамотными и более или менее развитыми, очень живо интересуются также и делами общественными. Да оно и понятно, потому что по самому положению об общественном управлении 1891 г. большинство их привлекается к участию в этих делах»⁸. А. П. Абрамовский цитирует приказ, опубликованный в газете «Оренбургские губернские ведомости» (1897. 14 марта). В связи с этим Мелянин приказывает открыть библиотеки в станичных правлениях и установить для них график работы с 10 часов утра до 9 вечера ежедневно, за исключением дней сходов и дней, указанных в воинском уставе. Библиотеки должны были комплектоваться журналами «Сельский вестник», «Деревня», «Досуг и дело», газета-

ми «Оренбургские губернские ведомости» и «Троицкий листок», а также получать и хранить все приказы по 1-му военному отделу.

Именно 14 марта 1897 г. можно считать официальной датой появления общественных библиотек во всех казачьих станицах Южного Урала, так как отсчет ведется от первого письменного упоминания и выхода официального документа. Но для библиотек Еткульского станичного юрта А. П. Абрамовский делает уточнение. В своей работе «Во славу государства Российского: начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске» со ссылкой на архив Оренбурга он пишет, что в 1917 г. в 4-м округе открылось 13 библиотек, в том числе Еманжелинская, Каратабанская, Селезянская, Еткульская⁹. Противоречия между датами (1897 и 1917 гг.) нет. В 1897 г. в станицах появились читальни, не имевшие собственного бюджета и профессиональных кадров. В 1917 г. открывались настоящие станичные библиотеки, которые имели свои помещения, штат сотрудников, средства на комплектование. Но их деятельность в связи с революцией и Гражданской войной вскоре прекратилась, хотя сохранилось несколько имен первых библиотекарей. Так, в Каратабана книжным собранием занимался священник Николай Александрович Михайлов, а в Еткуле — заведующий мужской школой Михаил Матвеевич Рязанов¹⁰.

Уже при советской власти появились избы-читальни. В Еманжелинке изба-читальня открылась в 1919 г. Избачом был комсомолец Яков Кузнецов. С 1924 г. сохранился любопытный документ — распоряжение сельсовета выделить читальне дрова и 18 руб. от районного исполнительного комитета¹¹. Есть в ОГАЧО и отчеты наших избачей. Из них известно, что работала читальня с 10 утра до 12 ночи, за месяц ее посещало более полутора тысяч человек, интересующихся юридическими вопросами (104 запроса), сельским хозяйством (53) и другими проблемами (36)¹².

Читатели получали несколько газет: «Известия», «Правда», «Крестьянская», «Советская правда», «На смену», «Безбожник». За апрель 1925 г. они прочли 153 книги, 102 из которых были получены из передвижки Еткульской районной библиотеки. Уже тогда читатели еманжелинской избы-читальни чувствовали большой недостаток в книгах, особенно в беллетристике и детской литературе. А еще они смотрели пьесу «Смех и горе», ходили на занятия кружков: сельскохозяйственного, комсомольского самообразования, селькоров (сельских корреспондентов) и спортивного. Довольно долго при избе-читальне действовали курсы ликбеза. При такой активной работе избач участвовал еще и в оформлении «Уголка крестьянина» и «Уголка крестьянки», а также вел занятия у пионеров. И получал за все 28 руб. 10 коп. в месяц¹³.

Впрочем, у него были помощники. Например, за ликвидацию безграмотности в Еманже-

линке и культурно-просветительскую работу на основе книги отвечали комсомольцы-культурмейцы Матвей Кононов и Степанида Овсянникова. О них оставил воспоминания учитель истории и краевед Вениамин Георгиевич Истомина (1897–1982), назвав формы работы, выбранные молодыми пропагандистами, и отметив трудности, в том числе и материальные, с которыми они сталкивались¹⁴.

Но, верно, любили читатели свою читальню, потому что она сумела пережить Великую Отечественную войну, хотя и не без потерь. В 1948 г. изба-читальня размещалась в отдельной комнате клуба. В ней было два работника — скорее всего, совместители. Имелись два стола, пять скамеек, радиоточка, шесть наименований журналов, но ни одной книги...¹⁵

Избы-читальни после победы советской власти появились во многих деревнях и поселках. Это оригинальное культурное учреждение соединяло функции клуба, библиотеки, школы и отдела пропаганды. Но ситуация в Еманжелинке имела свои особенности. Одновременно с читальней в станице существовала и библиотека. Тому есть документальное подтверждение — «Требовательная ведомость на выдачу жалования служащим станичной библиотеки станицы Еманжелинской за январь 1921 года»¹⁶. Ведомость помечена 4-м числом. Тогда в библиотеке работали Александра Вениаминовна Ивлиева (заведующая), Зинаида Петровна Никольская (помощница), Татьяна Машьянова (сторож). Была ли эта библиотека правопреемницей казачьей, откуда поступали книги, как распределяли обязанности библиотекари и избачи-комсомольцы, пока не выяснено. Следующее упоминание о библиотеке относится только к 1948 г. Изба-читальня тогда была преобразована в библиотеку, и работать туда пришла 17-летняя Фая Грибова (Фаина Михайловна Буторина)¹⁷. Она с отличными оценками окончила семилетнюю школу. Директор клуба Михаил Гневышев передал ей библиотечное имущество: три деревянных шкафа с книгами, газетами и формулярами. Они явно остались не от избы-читальни: там, как говорилось выше, книг не было. Никаких инструкций Фаина Михайловна не получала, но сама работа подсказывала, что нужно делать, да и старшие коллеги из отдела культуры приходили на помощь. Библиотека стала регулярно получать посылки с новинками литературы, читателей прибавилось, и уже через год библиотека занимала не одну, а две комнаты в клубе.

В 1950 г. Фаина Михайловна поступила в техникум на бухгалтерское отделение. Ей на смену пришла Клавдия Ивановна Бакина. Вспоминая о библиотеке, она прежде всего говорила о своих читателях. И взрослые, и дети засиживались тогда в библиотеке до восьми часов вечера. Но зимой работать было плохо: клуб почти не отапливался, поэтому фонд перевели сначала в здание сельского Совета, а потом в частный дом, который сохранился до наших дней. Одно время там

размещался семеноводческий участок, теперь в нем снова живут люди¹⁸.

Требования к работе библиотекаря росли, и Клавдия Ивановна организовала несколько передвижек, стала выступать на предприятиях с обзорами книг и газет. Среди ее читателей было много инвалидов, например Михаил Никандрович Хребтов, ветеран Великой Отечественной войны. Он был слепым, но это не помешало ему стать одним из самых активных читателей. Книги он, конечно, читал специальные — их тогда привозили из Челябинска, а газетные и журнальные статьи ему читала вслух сама Клавдия Ивановна или кто-то из посетителей.

Следующее имя в истории библиотеки — Анна Михайловна Шумакова. А у нее фонд приняла Нина Георгиевна Зимина, тогда Милицина. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. Еманжелинка переживала своеобразный «экономический бум». Строились новые предприятия и расширялись прежние. В село приехало много молодежи. Девушки и юноши учились в техникумах и институтах. У библиотеки появилась новая многочисленная категория читателей — молодые специалисты и студенты. Нина Георгиевна до сих пор помнит своих лучших читателей. Павлик Золотарев перечитал все книги из серии «Занимательная библиотека»: «Занимательная физика», «Занимательная математика» и т. д. Костя Бутт — сын техрука геологоразведки — предпочитал литературу по техническим вопросам. Юра и Слава Жабреевы выбирали художественные книги. Среди взрослых активными читателями были Н. Т. Лашко, А. В. Зимин, Гриша Митяш¹⁹.

У геологоразведки был свой клуб. Сейчас этого здания нет. Но тогда там часто проходили обсуждения новых книг, например произведений Рыбакова. Людей всегда приходило много. Чтобы сделать обсуждения и читательские конференции зрелищными и яркими, Нина Георгиевна сотрудничала с клубом. Праздничные выступления к красным датам тоже готовили вместе. Отчитывались о работе на сессиях сельского Совета. Сохранились даже точные цифры. Так, в 1955 г. Нина Георгиевна провела читок — 123, библиографических обзоров — 31, бесед — 38, лекций — 8, литературных вечеров — 2. Книжный фонд составлял тогда 6941 экземпляр, а читателей было 556 человек²⁰.

8 сентября 1962 г. библиотеку приняла Фаина Григорьевна Проценко. Она пришла уже в другое помещение — старинный дом рядом с клубом. Теперь его уже разобрали. Помещение было тесным, но с этим приходилось мириться, тем более что на месте работа библиотекаря засиживаться не позволяла. Фаина Григорьевна по пропаганде книги сотрудничала и с клубом, и со школой, поддерживала связи с предприятиями. Часто бывала на ферме. При Фаине Григорьевне в библиотеке был сформирован читательский актив. В сельской библиотеке она проработала 11 лет²¹.

Ее сменила Татьяна Николаевна Ермакова — одна из лучших библиотекарей Еткульского райо-

на. Она неоднократно занимала призовые места в профессиональных конкурсах. При ней фонд библиотеки увеличился в несколько раз, выросло число читателей, расширился и штат библиотеки. Дольше всех с Татьяной Николаевной работали Валентина Адамовна Фиськова, Светлана Вениаминовна Машковцева, Наталья Алексеевна Макарова²². Умерла Татьяна Николаевна в 1998 г., а в 2003 г. в память о ней была учреждена районная премия для библиотечных работников — «За верность избранной профессии».

В 1996 г. в библиотеку пришла Светлана Михайловна Анжеурова. В феврале 2010 г. коллеги проводили ее на заслуженный отдых. В 1998 г. библиотеку приняла Ю. А. Демченко, работу в читальном зале начала Л. Н. Щипачева, которая вышла на пенсию в 2020 г. С 2009 г. сотрудником филиала стала Л. А. Шульга.

До 2013 г. официально библиотека называлась Еманжелинским сельским филиалом № 6 Межрайонной централизованной библиотечной системы (МЦБС) Еткульского муниципального района. В 2001 г. он был признан лучшим среди сельских библиотек Челябинской области и получил звание Павленковского. В 2006 г. Еманжелинская сельская библиотека завоевала второе место в своей подгруппе по Челябинской области. В 2009 г. библиотека стала модельной, была укомплектована новой техникой и электронными книгами. В 2013 г. в связи с расформированием МЦБС библиотека стала базовым учреждением для Еманжелинского сельского поселения и поселенческой библиотечной системы.

Несмотря на то, что децентрализация вызвала определенные трудности, коллектив новой ЦБС продолжил деятельность в выбранном направлении, развивая краеведческие изыскания. Так, в 2014 г. библиотекари оказывали помощь в сборе материала и презентации дополненного переиздания книги писателя С. Чекмарева «Была весна», осуществленного по инициативе И. Н. Шундеева, почетного гражданина Челябинской области и Еткульского района. В 2015 г. подготовили и выпустили «Книгу памяти Еманжелинского сельского поселения», включив в нее 533 фамилии погибших и 743 фамилии ветеранов из всех сел, деревень и хуторов, относившихся в 1941–1945 гг. к Еманжелинскому сельскому Совету. Параллельно с этим шел сбор материала о пребывании в Еманжелинке поэта, комсомольца, лауреата премии Ленинского комсомола Сергея Ивановича Чекмарева, и в 2016 г. библиотеке было присвоено его имя. В 2017 г. библиотека, как правопреемник станичной читальни, отметила столетие. Материал, собранный и обработанный во время подготовки к юбилею, лег в основу статей для районной газеты и журнала «Уральский следопыт». В 2018 г. началось плодотворное и интересное сотрудничество с Юрием Николаевичем Смелянским, сыном писательницы Людмилы Константиновны Татьяничевой, и библиотека стала лауреатом премии ее имени.

Особые условия 2020 г. не помешали библиотекарям получить грант Министерства культуры Челябинской области за краеведческий проект «Музейная сказка», реализуемый для учеников начальной школы совместно со школьным музеем.

В юбилейный год Победы библиотека работала по проекту «Вспомним всех поименно», включавшему несколько акций и направлений деятельности — от исследовательской до рекламной. Успешно прошла сетевая акция «Наша память — наша Победа», когда сами еманжелинцы записывали видео с рассказами о своих родственниках и земляках, прошедших войну. В акции приняли участие 34 человека в возрасте от 9 до 95 лет, было прислано 33 видеоролика. Двадцать пять читателей Еманжелинской сельской библиотеки приняли участие во всероссийской акции «Окна Победы», отправив по электронной почте или через соцсети фотографии и фотоколлажи с портретами фронтовиков. Своими воспоминаниями делились и дети войны. В библиотеке или на дому у наших читателей мы записали пять рассказов о военных годах для всероссийской акции «Мое детство — война». В виртуальном режиме в 2020 г. прошел «Бессмертный полк». Односельчане принесли в библиотеку 129 портретов своих родных, а наши сотрудники их оцифровали и передали в фотоальбом «Бессмертного полка» Челябинской области. По результатам краеведческих изысканий было подготовлено и опубликовано 12 статей о боевом пути воинов-еманжелинцев. Значительная часть этих материалов доступна на сайте библиотеки²³. Так, с видеозаписями акции «Наша память — наша Победа» можно познакомиться в разделе «Видеогалерея»²⁴, с текстовыми документами — в разделе «Каталог статей»²⁵. Планируется со временем сделать открытым весь краеведческий архив библиотеки, а также оцифрованные краеведческие издания, которые сейчас хранятся в локальной сети библиотеки.

Сотрудники библиотеки всегда активно участвовали и участвуют в жизни станицы, села, собирая информацию о прошлом малой родины, фиксируя важные события настоящего. Анализируют и собственную деятельность, отбирая факты для новых страниц истории библиотеки.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 43. Л. 125.

² *Абрамовский А. А., Абрамовский А. П.* Казачьи школы Оренбургского края в XIX веке. Челябинск, 2008. С. 15, 151.

³ Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг. (крат. ист. очерк) / сост. С. Н. Севастьянов. Оренбург, 1896. С. 27–28.

⁴ ОГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–5.

⁵ Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычай : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 1996. С. 83.

⁶ *Меньшикова М. А.* К истории церкви и духовенства Коркино-Еманжелинского благочиния. 1750–2011 гг. Челябинск, 2012. С. 102.

⁷ Там же. С. 20–21.

⁸ *Абрамовский А. А., Абрамовский А. П.* Указ. соч. С. 156.

⁹ *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Во славу государства Российского : начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске Челябинск, 1994. С. 45.

¹⁰ Архивные фонды Еткульской и Каратабанской сельских библиотек.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 396. Л. 17–18.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Еманжелинка и Таянды : энцикл. в рассказах / авт.-сост. Ю. А. Демченко, авт. И. Д. Гнеушева, А. Д. Болдырева. Еманжелинск, 2009. С. 33.

¹⁵ Протокол № 1 заседания исполкома сельского Совета депутатов трудящихся с. Еманжелинки Еткульского района Челябинской области от 12 января 1949 года.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 396. Л. 7–8.

¹⁷ *Демченко Ю. А.* Царство «книгинь» // Искра. 2000. 17 июня ; *Митрофанов И.* История сельской библиотеки // Новая жизнь. 2000. 18 июля ; Архивный фонд Еманжелинской сельской библиотеки им. С. Чекмарева МКУК ЦБС администрации Еманжелинского сельского поселения. Воспоминания Ф. М. Буториной: [рукопись]. 2000. 1 л.

¹⁸ Архивный фонд Еманжелинской сельской библиотеки им. С. Чекмарева МКУК ЦБС администрации Еманжелинского сельского поселения. Воспоминания К. И. Бакиной: [рукопись]. 2000. 1 л.

¹⁹ Там же. Воспоминания Н. Г. Зиминной: [рукопись]. 2000. 1 л.

²⁰ Протокол № 11 заседания исполкома сельского Совета депутатов трудящихся с. Еманжелинки Еткульского района Челябинской области от 5 октября 1955 г.

²¹ Архивный фонд Еманжелинской сельской библиотеки им. С. Чекмарева МКУК ЦБС администрации Еманжелинского сельского поселения. Воспоминания Ф. Г. Проценко: [рукопись]. 2000. 1 л.

²² *Литвинова О.* «Секрет» Татьяны Ермаковой // Искра. 1982. 10 авг. ; *Кияткина Т.* За верность избранной профессии // Искра. 2003. 27 мая.

²³ Еманжелинская сельская библиотека : сайт. URL: <http://emanbiblioteka.ru/>(дата обращения: 28.04.2021).

²⁴ Видеогалерея // Еманжелинская сельская библиотека : сайт. URL: <http://emanbiblioteka.ru/?cat=11> (дата обращения: 28.04.2021).

²⁵ Там же.

И. А. Бачурина

Личные коллекции деятелей культуры Урала в фонде научной библиотеки Челябинского государственного института культуры

Традиция дарить свои книги библиотекам существует не один век. Примером может служить знаменитая коллекция графа Николая Петровича Румянцева (более 28 тыс. книг и рукописей), которая стала основой первой публичной библиотеки Румянцевского музея в Москве (ныне Российская государственная библиотека). Среди знаменитых дарителей можно назвать Михаила Васильевича Ломоносова, Ивана Андреевича Крылова, Николая Александровича Рубакина, Антона Павловича Чехова, Дмитрия Ивановича Менделеева¹. И этот список можно продолжать.

Судя по публикациям в профессиональной периодической печати, интерес научных библиотек к формированию в своих фондах коллекций из личных библиотек ученых, известных личностей, деятелей культуры и искусства поддерживается стабильно². Интерес этот касается не столько восполнения в фонде библиотеки недостающих изданий (лакун) и замены ветхих книг на новые, сколько использования изданий в научных исследованиях и учебной работе и, самое главное, — сохранения памяти о дарителе и его интеллектуальном наследии.

Важной ценностью составляющей сохранности коллекции является ее целостность. Этот принцип, по мнению специалистов Новосибирского научного центра Сибирского отделения РАН, является одним из условий существования коллекции: «Основываясь на собственном опыте, мы считаем, что мемориальная библиотека должна быть выделена из общего фонда, иметь отдельный каталог, полный набор информационных ресурсов о персоне и свою страницу на сайте библиотеки»³. Говоря об основных признаках книжного собрания как коллекции, специалист Российской государственной библиотеки И. А. Руденко выделяет в качестве основных целостность, упорядоченность и автономность⁴. По этому пути пошла и научная библиотека Челябинского государственного института культуры (ЧГИК), формируя в своем фонде коллекции из личных библиотек ученых вуза.

Работа с частными книжными собраниями в научной библиотеке ЧГИК имеет давние традиции. Фонд продолжает пополняться книгами из личных собраний преподавателей вуза, деятелей культуры Урала. Сначала дары были единичными. Одной из первых целостных коллекций стали книги профессора ЧГИК, известного библиографа-краеведа Елены Ильиничны Коган, переданные в дар библиотеке в 1997 г. Однако в то время эти книги были расставлены в общем фонде библиотеки. «Если книжное собрание в результате его бытования в библиотеке было рассеяно по фондам, то для его возрождения как личного собрания необходимо выявить экземпляры, некогда принадлежавшие, и заново сформировать из

них коллекцию»⁵. При этом существует ряд трудностей. Это сложность идентификации издания именно с данной коллекцией, если на книге нет особых помет. Книга дарителя, которая стоит в фонде в общем ряду, может быть списана в связи с утерей. Пресловутый «человеческий фактор» — библиотечарь может не знать о существовании таких изданий в фонде и о необходимости их выявления. И только после того, как было принято решение выделить работу с личными собраниями в отдельное направление, сотрудники отдела обслуживания читателей научной библиотеки ЧГИК стали проводить планомерную работу по выявлению изданий, подаренных Е. И. Коган. На сегодняшний день удалось найти 112 книг. В основном это издания краеведческой и библиографической тематики, есть книги с автографами и дарственными надписями.

В период с 2003 по 2008 гг. известный библиофил, коллекционер Любовь Николаевна Шадымова дарила библиотеке миниатюрные издания из своей коллекции — всего 2512 экземпляров. Это отечественные и зарубежные книги, разнообразные по тематике, оформлению, языку, месту издания. Их объединяет одно — принадлежность к категории миниатюрных. Для хранения коллекции специально изготовлены шкафы со встроенными экспозиционными витринами. Многие книги из этой коллекции отличаются необычным полиграфическим оформлением. Эти издания пользуются неизменным интересом у читателей и когда экспонируются на выставках литературы в секторе редких книг библиотеки, и когда являются объектами внимания посетителей на экскурсиях в библиотеке. Коллекция миниатюрных изданий Л. Н. Шадымовой пополняется и сейчас другими дарителями библиотеки.

В конце 2004 г. получена в дар часть личной библиотеки народного артиста России Наума Юрьевича Орлова. Исполняя волю супруга, его вдова Роза Захаровна Орлова передала в библиотеку 618 экземпляров изданий. Это книги по драматургии, литературе о театре, художественные произведения на русском и иностранных языках. Несмотря на то что в коллекции имеются дореволюционные издания и издания первых лет советской власти, они не имеют особой культурной или исторической ценности, но уникальны тем, что в них встречаются пометы владельца на полях, дарственные надписи известных деятелей культуры и искусства, коллег и учеников Н. Ю. Орлова.

В 2005 г. была передана в дар личная библиотека одного из основателей ЧГИК, доктора филологических наук, ученого-фольклориста с мировым именем Александра Ивановича Лазарева. Его вдова, профессор ЧГИК Людмила Николаевна Лазарева, подарила библиотеке более 1500 книг

по фольклору, языкознанию, литературоведению, краеведению. Ценность коллекции именно в ее краеведческой направленности. Среди изданий имеются работы самого ученого: учебники, монографии, сборники фольклорных текстов. Особое место занимают книги с дарственными надписями в адрес А. И. Лазарева. Вместе с коллекцией книг библиотека получила и личные вещи Александра Ивановича (статуэтки, шкатулки и прочие сувенирные изделия), которые используются для оформления книжных выставок из библиотеки ученого.

В этом же году фонд библиотеки пополнился коллекцией из 300 книг народного артиста РСФСР Владимира Ивановича Милосердова. Его вдова Анна Васильевна подарила научной библиотеке института культуры книги по искусствоведению, художественную литературу, справочные издания, открытки, афиши театральных постановок, рукописи актера.

В 2008–2009 гг. в фонде появилась личная библиотека и архив доктора педагогических наук, профессора, всемирно известного библиографа Исаака Григорьевича Моргенштерна. Исаак Григорьевич лично более 30 лет был дарителем библиотеки. После его ухода из жизни родственники передали в библиотеку оставшуюся часть личного собрания и архив ученого. В «Книге дарителей» библиотеки Юлия Исааковна Машанова, дочь профессора Моргенштерна, которая так же, как и отец, связала свою жизнь с библиографией, сделала запись: «Передавая библиотеку по завещанию моего отца, выражаю уверенность, что она будет востребована и будет способствовать развитию библиографической мысли и практики».

Коллекция включает 2756 изданий, грампластинки и 110 папок с газетными вырезками, которые систематизированы в рамках учебных заданий студентами кафедры туризма и музееведения факультета документальных коммуникаций и туризма ЧГИК. В секторе редких книг организована постоянно действующая мемориальная экспозиция, в которой размещаются как книжные издания, пластинки, так и личные вещи ученого: мантия почетного профессора ЧГАКИ, галстук члена международного сообщества «Орден галстуконосцев» (Лондон), нагрудный знак «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» и др. В коллекции Исаака Григорьевича большое количество изданий с дарственными надписями, коллекция почтовых конвертов с видами отечественных и зарубежных библиотек, библиотечный каталог из девяти ящиков с записями ученого, систематизированный им же, много изданий с пометами и закладками из газетных вырезок соответствующей тематики.

Необходимо отметить, что дарственные надписи, адресованные владельцу, его пометы на полях, закладки, личные вещи, переданные в библиотеку, позволяют понять характер человека, почувствовать отношение к нему коллег, учеников, друзей. При создании экспозиций из личных коллекций сотрудники библиотеки стремят-

ся раскрыть личность ученого, сферу его не только научных, но и бытовых интересов, таким образом привлекая внимание читателей к человеческим сторонам его жизни.

В феврале 2021 г. от ректора ЧГИК Владимира Яковлевича Рушанина научная библиотека получила в дар совершенно уникальное собрание из 558 книг с автографами и дарственными надписями, адресованными владельцу библиотеки. Владимир Яковлевич начал собирать свою библиотеку в 1968 г., еще старшеклассником. В настоящее время в ней насчитывается около 10 тыс. изданий, посвященных истории и культуре Урала, истории, изобразительному искусству России. В личной библиотеке хранятся библиофильские издания, издания Пушкинианы, русской литературы XIX–XX вв. и справочно-энциклопедические издания. Среди дарителей книг в коллекции автографов личной библиотеки В. Я. Рушанина — историки и культурологи, писатели, исследователи и практики библиотечной сферы, педагоги и психологи, музыканты и композиторы, художники и артисты, коллеги-ректоры. Теперь эти книги хранятся в фонде редких книг научной библиотеки ЧГИК.

Настоящим подарком стал каталог этой коллекции «Книги с автографами и дарственными надписями в библиотеке В. Я. Рушанина». По отзыву ветерана ЧГИК, бывшего преподавателя кафедры библиографии Регины Александровны Гордеевой, «это хороший библиографический указатель литературы с качественным справочно-библиографическим аппаратом. В каталоге отражается статус людей, которые дарили свои книги Владимиру Яковлевичу, а в дарственных надписях чувствуется значимость его личности для дарителя». Уникальность издания в том, что на сегодняшний день это первый и пока единственный каталог книг с автографами в Уральском регионе.

Кроме привычной работы библиотеки по пополнению книжного фонда принимались особые решения по представлению коллекции в электронном каталоге. Приобретенный недавно модуль автоматизированной библиотечной информационной системы J-ИРБИС позволяет отражать в базах данных каталога кроме обязательных элементов библиографического описания документов еще и дополнительные сведения и материалы. Библиотекой принято решение к библиографической записи на издание добавлять текст дарственной надписи, а также прикреплять скан-копию обложки издания и страницы с инскриптом дарителя. Есть возможность по гиперссылке перейти и на внешние ресурсы (Интернет) для получения информации об авторе дарственной надписи⁶.

Личные коллекции деятелей культуры и искусства Уральского региона, которые входят в состав фонда научной библиотеки ЧГИК, разные, но их объединяет одно — они не стоят на полках, а «работают». Книги постоянно экспонируются на выставках в библиотеке. Например, организуя

выставку из фонда редких книг по любой тематике, мы обязательно там же размещаем и издания из коллекции миниатюрных книг Л. Н. Шадымовой. Выставки из библиотеки И. Г. Моргенштерна сопровождаются музыкальными композициями с грампластинок из его коллекции. Так же и с другими собраниями. Для студентов вуза и гостей института организуются экскурсии по каждой экспозиции. В рамках учебных занятий «Основы информационной культуры» со студентами первого курса обязательно выделяется время на рассказ об этих коллекциях. На все коллекции составлены паспорта, в электронном каталоге библиотеки каждая коллекция выделена в отдельное подмножество и имеет свое название: «Библиотека И. Г. Моргенштерна», «Библиотека А. И. Лазарева», «Библиотека Л. Н. Шадымовой», «Коллекция В. Я. Рушанина». Все коллекции размещены в специально изготовленных шкафах и на стеллажах отдельно от общего фонда библиотеки. В «Положении о формировании фонда научной библиотеки ЧГИК» отражены особенности работы с коллекциями, зафиксировано место хранения каждой. Для каждого книжного собрания изготовлен специальный штамп с именем владельца коллекции и факсимиле его личной подписи. В научной библиотеке ЧГИК имеется и «Книга дарителей», где отражаются данные о наиболее значительных подаренных изданиях, а также дарственные надписи самих дарителей этих книг или их родственников. Мы решили ввести традицию вручения «Диплома дарителя», чтобы факт дарения был зафиксирован не только в библиотеке, но и у самих дарителей. Каждая коллекция уникальна, и в каждом случае при обработке изданий, занесении их в базу данных электронного каталога, размещении в фонде принимаются методические решения, отражающие их особенности.

Таким образом, работа с личными коллекциями с 2005 г. выделена в отдельное направление — проект «Личные коллекции деятелей культуры Урала в фонде научной библиотеки ЧГИК», и задача по сохранению мемориальной функции этих собраний, их целостности и популяризации научной библиотекой ЧГИК решается успешно.

Примечания

¹ Домашняя библиотека / В. С. Крейденко [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Ванеева. СПб., 2002. С. 283.

² Бурлакова Е. С. Личные библиотеки в фондах учебных библиотек Южного Урала // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика : материалы III Всерос. науч. конф. ; редкол.: В. Я. Рушанин [и др.]. Челябинск, 2014. С. 175–179 ; Рушанин В. Я. Судьба библиотеки И. Г. Моргенштерна // Региональные проблемы истории книжного дела : материалы II Всерос. науч. конф. / редкол.: В. Я. Рушанин [и др.]. Челябинск, 2011. С. 169–172 ; Струина Е. К., Беседина Н. В. Частное собрание историка И. Г. Непейна в фонде редких книг научной библиотеки Южно-Уральского государственного университета // Там же. С. 172–175.

³ Павлова Л. П., Дубовенко В. А. Мемориальные библиотеки: сохранение и пути развития // Науч. и техн. б-ки. 2012. № 2. С. 78.

⁴ Руденко И. А. Книжные памятники-коллекции: типология объектов регистрации и принципы описания // Сохранение книжных памятников : учеб.-метод. сб. / Акад. переподготовки работников искусства, культуры и туризма, Рос. гос. б-ка. М., 2013. Вып. 1. С. 323.

⁵ Радшаускойте Н. В. Личные книжные собрания как часть культурного наследия: опыт работы Дальневосточной государственной научной библиотеки // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13-2. С. 440.

⁶ Кутлина Л. П. Заврина Александра Григорьевна // Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. URL: <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=5811> (дата обращения: 19.05.2021).

Т. А. Камскова

Владельческое собрание краеведа-пушкиниста С. Е. Сорокиной в фондах Оренбургской областной универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской

14 марта 2021 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Светланы Емельяновны Сорокиной, оренбургского краеведа-исследователя, члена Союза российских писателей, заслуженного работника культуры¹. Родилась она в с. Агатанском Ченгерлаукского района Уральского области, окончила Ташкентский педагогический институт. В Оренбурге живет с 1985 г. С этого же времени занимается исследованием таких тем истории края XVIII–XIX вв., как «Оренбургская Пушкиниана», «Дворянские гнезда Оренбуржья», «Литературная жизнь края», «Православное Оренбуржье». Проводила изыскания в госархивах Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Самары, Уральска, Томска².

В рамках темы «Оренбургская Пушкиниана» С. Е. Сорокина была одной из инициаторов со-

здания оренбургского Пушкинского общества и первым его эксперт-секретарем (1989), организатором ежегодных областных Пушкинских праздников в с. Ташла Тюльганского района (с 1996), автором и популяризатором уникальной родословной дворянского рода Тимашевых, разработала текст городского экскурсионного маршрута «Пушкин в Оренбурге». Публиковалась в областной периодике, альманахах «Гостинный двор» и «Башня».

По результатам исследований архивных и опубликованных документов написан и вышел в свет ряд изданий, которые значительно обогащают «Оренбургскую Пушкиниану»³. Используя хронологический принцип, во-первых, следует представить два издания 2006 г. — «Усадьба на

фоне истории (Хроника рода Тимашевых) и «Бывало в прекрасной Ташле». Первое показывает хронику старинного рода Тимашевых, ведущего начало с XVI в., и нынешних представителей этой фамилии. Тимашевы — крупные помещики, предводители дворянства, военачальники, министры, поэты. Их дом на центральной улице Оренбурга посещал А. С. Пушкин, но подлинным дворянским «гнездом» была усадьба в с. Ташла Оренбургской губернии. Академик РАН В. В. Алексеев отмечает в предисловии, что «быт и нравы провинциального дворянства представляют собой широкое и детально выписанное историческое полотно, которое впервые встречается в ураловедении»⁴.

Издание «Бывало в прекрасной Ташле» посвящено истории села со времени его основания в 1763 г. до начала XXI столетия и включает интересные факты не только строительства усадебного имения Тимашевых, лечебницы, школы в дореволюционный период, но и восстановления оставшихся от поместья строений⁵.

Книга «Оренбургский Парнас. Поэты пушкинской поры» (2012) — это итог многолетней исследовательской работы Светланы Сорокиной, в результате которой в научный оборот введены не известные ранее имена оренбургских поэтов конца XVIII — начала XIX в., факты их биографий и творчества. Автор посвятила издание 200-летию Отечественной войны 1812 г., и можно констатировать, что содержание книги представляет несомненный литературный и историко-познавательный интерес для широкого круга читателей⁶.

Каждый день пребывания А. С. Пушкина на оренбургской земле полно и тщательно описан в книге С. Сорокиной «В Оренбург “ради Пугачева”», которая вышла в подарочном комплекте с книгами «Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта» Пушкина (2015). Представить эпоху пребывания писателя помогают копии архивных документов тех лет, портреты исторических деятелей и планы городской застройки начала XIX в.⁷

Высокую оценку специалистов получила деятельность С. Сорокиной как составителя изданий, посвященных поэту и его окружению. «...Оренбург, последняя цель моего путешествия...» — альбом, который содержит письма Пушкина, высказывания его современников, литературоведов, архивные материалы, более трехсот репродукций (прижизненные портреты, пейзажи с видами пушкинских мест, исторические и жанровые композиции) (1999)⁸. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина также подготовлены: сборник «Духовной жаждою томим», в котором духовный путь поэта открывается в контексте его творчества, и буклет «Жена оренбургского губернатора — адресат лирики Пушкина», представляющий Екатерину Александровну Тимашеву и ее поэтические строки — ответ поэту⁹.

Два года (2006–2007) С. Сорокина являлась редактором-составителем историко-краеведче-

ского сборника «Славянский базар. Оренбургская старина», содержание которого было ориентировано на публикацию материалов, разносторонне освещающих прошлое оренбургского края — XVIII–XX вв. Представленные рубрики («Караванная дорога», «К истории поселений», «Наша Пушкиниана», «Сужденья черпаем из забытых газет» и др.) включают статьи, источниками для которых послужили извлечения из различных архивных документов и дореволюционных периодических изданий, что делает сборник ценным историческим источником¹⁰.

В 2014 г. краевед-пушкинист С. Е. Сорокина передала в дар Оренбургской областной универсальной научной библиотеке свою коллекцию, посвященную А. С. Пушкину, которую собирала многие годы.

Владельческие книжные коллекции, переданные на государственное хранение в библиотеки, являются составной частью культуры региона и отражением истории края. Социально-ценностным критерием личных книжных собраний выступают мемориальность, соотносящая книгу с жизнью и трудом выдающихся личностей, деятелей государства, науки и культуры, а также с важными историческими событиями и памятными местами, и коллекционность, свидетельствующая о принадлежности книги к коллекции. В этом случае только в совокупности документов можно говорить о книжном памятнике-коллекции¹¹.

История личных библиотек знает различные типы книжных коллекций, которые характеризуются как временными особенностями, так и интересами ее владельцев. Личная книжная коллекция регионального уровня, о которой далее пойдет речь, относится к типу библиофильского и рабочего собрания, исследовательской творческой лаборатории. Основное ее качество — подчиненность научным задачам и творческому поиску ее собирателя.

Коллекция включает более полутора тысяч экземпляров: печатные издания (книги, альбомы, брошюры), наглядные пособия (плакаты, открытки, путеводители, буклеты), а также сувенирную продукцию (статуэтки, значки и т. д.). Она примечательна прежде всего тематическим подбором, связанным с именем А. С. Пушкина и его пребыванием в Оренбургском крае. Основной массив (1080 экземпляров) составляют отдельные издания¹².

Владельческое собрание С. Е. Сорокиной, являя собой историко-культурный феномен регионального значения как личная коллекция, включает отдельные издания А. С. Пушкина и критико-биографические произведения о нем. Имеющиеся материалы являются интересным информационным, научным, просветительским и образовательным ресурсом. Представляя его, логично применить видовой принцип. Используя признак полноты текста, положенный в основу видовой классификации, следует начать с собраний сочинений, которые отличаются друг от друга не только количеством томов, местом

и годом издания, но и наличием первоначальных редакций и вариантов, точностью текста, датировкой произведений. Самое полное собрание сочинений А. С. Пушкина в коллекции — это пятитомное издание, вышедшее в издательстве «Библиополис» (СПб., 1993–1994). В коллекции также присутствует трехтомник (М.: Худож. лит., 1985–1987), в который входят художественные произведения поэта за исключением произведений, приписываемых А. С. Пушкину и написанных им совместно с другими авторами, а также черновых набросков и планов. Тексты напечатаны на основе полного десятитомного собрания сочинений (Л.: Наука, 1977–1979).

Несомненно, особое значение имеют дореволюционные издания сочинений поэта, два тома которых включают письма и дневники (СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1887). Издание избранных стихов и поэм (М., 1934) вышло в серии «Дешевая библиотека ОГИЗа».

Внимание читателей привлечет выпущенный в преддверии 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина «Золотой том» (М.: Имидж, 1993), который является переизданием (исправленным и дополненным) самого удачного однотомного собрания сочинений Пушкина, подготовленного и выпущенного в свет в 1935 г. выдающимся отечественным пушкинистом Б. В. Томашевским. В серии «Пушкинская библиотека» представлено репринтное издание в трех томах писем поэта (М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1935). В коллекцию входят произведения прозы (повести, романы, драмы, сказки, дневники), поэзии, а также отдельные произведения: например, различные издания «Евгения Онегина» (серии «Русская классика с комментариями», «Школьная библиотека и др.), «Бориса Годунова», «Пиковой дамы», «Капитанской дочки» и др.

Отдельное место на книжной полке занимают миниатюрные издания: «Евгений Онегин» (Саранск, 1995), «Свободы сеятель пустынный, или Александр Сергеевич прогуливается»: из прозы, писем, дневниковых записей, статей, набросков А. С. Пушкина (Пермь, 1993), «Сказки» (Томск, 1999) и др.

Если дореволюционные издания и собрания сочинений А. С. Пушкина выходили в основном в центральных издательствах, то избранные произведения и сборники отдельных жанров (лирика, стихотворения, поэмы, драмы, проза) печатались в основном издательствами союзных республик и областей. Этот вид изданий интересен вступительными статьями, комментариями и иллюстрациями.

Что касается репертуара литературы о жизни и творчестве А. С. Пушкина, то владельческая коллекция С. Е. Сорокиной содержит монографии и сборники, авторами которых являются ведущие отечественные пушкинисты XX в.: М. Я. Басина, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, И. М. Богаров, В. Э. Вацуро, С. С. Гейченко, А. И. Гессен, М. И. Гиллельсон, Н. В. Измайлов, Ю. М. Лотман, Г. П. Макогоненко, Б. С. Мейлах, Р. В. Овчинни-

ков, Н. Н. Скатов, Б. В. Томашевский, И. Л. Фейнберг, С. А. Фомичев, М. А. Цявловский и др.

Следует упомянуть ежегодные академические сборники разных лет («Временник Пушкинской комиссии», «Пушкин. Исследования и материалы», «Московский пушкинист»), цель которых состоит в том, чтобы представить события, происходившие при изучении жизни и творчества поэта. Они включают исследования и статьи, доклады, критико-библиографические обзоры, рецензии, хронологию. В 1990-е гг. Санкт-Петербургский центр православной культуры издавал материалы традиционных христианских чтений, четыре выпуска которых присутствуют в коллекции.

Можно условно выделить различные тематические подразделы пушкинской части коллекции: «Материалы к биографии», «Окружение поэта», «Пушкин и декабристы», «Пушкин и русская литература», «Пушкин и искусство», «Пушкинские места. Музеи. Юбилеи» и т. д.

Владельческое собрание С. Е. Сорокиной, будучи исследовательской лабораторией, включает издания, широко отражающие исторические события и литературно-общественные движения. Особую ценность придают коллекции подарочные издания: альбомы «...В окрестностях Москвы: из истории русской усадебной культуры XVII–XIX вв.» (М.: Искусство, 1979), «Пушкинский Петербург» (СПб.: Художник РСФСР, 1991), «Феофан Грек» М. В. Алпатова (М.: Изобразит. искусство, 1984), «Михаил Врубель» (М.: Изобразит. искусство, 1985) и др.¹³

Особое место в коллекции занимают книги оренбургских авторов. Сборник «Пушкин в Оренбурге» вышел в 1937 г. в Оренбургском областном издательстве и посвящен столетию со дня смерти поэта. В нем обращают на себя внимание публикации С. Колесникова «Пушкин и Пугачевское восстание» и Н. Прянишникова «Пушкин в Оренбурге», в которых представлены основные события и факты поездки поэта в Оренбургский край, а также статьи Вязовского «26 мая 1899 года в Оренбурге» и В. Всеволодова «50 лет со дня смерти Пушкина», написанные по материалам Оренбургской ученой архивной комиссии и дореволюционной периодики. В. Левандовская пишет о введении в программу обучения специального пушкинского часа в школах Оренбургской области и др.¹⁴

Сборник «Под знаменами Пугачева» (1973) посвящен 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. В нем опубликованы материалы, дающие представление о причинах ее возникновения, о личности руководителя и его соратников, а также архивные документы, предания и легенды. Ряд произведений, включенных в сборник, дает представление о том, какой огромный интерес проявляли к пугачевской теме А. Пушкин, В. Короленко, художники В. Перов, С. Иванов и др.¹⁵

Представлены в коллекции издания Р. В. Овчинникова, известного историка, специалиста по

Пугачевскому восстанию и его отражению в произведениях А. С. Пушкина: «Над “пугачевскими” страницами Пушкина» (1981), «За пушкинской строкой» (1988)¹⁶. Публикация В. Дорофеева, изданная к 200-летию со дня рождения А. Пушкина, рассказывает о местах Оренбурга, в которых поэт побывал осенью 1833 г. Автор пишет во введении о том, что это «попытка уточнить исторические факты, поскольку в вышеуказанном вопросе существуют неясности и заблуждения, проявившиеся в разное время»¹⁷.

Наличие в коллекции книг Л. Н. Большакова, Н. В. Быстрой, П. Н. Краснова, В. Н. Кузнецова, В. И. Одноралова, Г. Ф. Хомутова объясняется дружескими связями и тесным общением оренбургских авторов с С. Сорокиной: издания были подарены Светлане Емельяновне в знак признательности и уважения.

Таким образом, личная библиотека краеведа-пушкиниста С. Е. Сорокиной, как культурный феномен регионального значения, является объектом научно-библиографического изучения. Одним из аспектов исследований владельческого состава коллекции может быть провенанс-информация, в данном случае — дарственные надписи и другие книжные пометки.

Примечания

¹ Календарь знаменательных и памятных дат по Оренбургской области на 2021 год / сост. Н. В. Буряк. Оренбург, 2020. С. 8.

² Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Литературное Оренбуржье : библиограф. слов. Оренбург, 2006. С. 182–183.

³ Календарь знаменательных и памятных дат по Оренбургской области на 2016 год / сост. Н. В. Буряк. Оренбург, 2015. С. 32.

⁴ Алексеев В. В. Вместо предисловия // Сорокина С. Е. Усадьба на фоне истории. Хроника рода Тимашевых. Оренбург, 2006. С. 6.

⁵ Сорокина С. Е. Бывало в прекрасной Ташле. Оренбург, 2006. 44 с.

⁶ Сорокина С. Е. Оренбургский Парнас. Поэты пушкинской поры. Оренбург, 2012. 420 с.

⁷ Сорокина С. Е. В Оренбург «ради Пугачева». Оренбург, 2015. 112 с.

⁸ «...Оренбург, последняя цель моего путешествия» / сост. С. Е. Сорокина. Оренбург, 1999. 200 с.

⁹ Духовной жаждою томим / сост. С. Е. Сорокина. Новотроицк, 1999. 97 с. ; Жена оренбургского губернатора — адресат лирики Пушкина : буклет / сост. С. Е. Сорокина. Оренбург, 1999.

¹⁰ Славянский базар. Оренбургская старина : ист.-краевед. сб. Оренбург, 2006. № 1–3 ; 2007. № 4–7.

¹¹ ГОСТ Р 7.0.87–2018. Книжные памятники. Общие требования. М., 2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200159579> (дата обращения: 26.04.2021).

¹² Сохраняя литературное наследие : обзор фондов / авт.-сост. В. М. Капустина. Оренбург, 2015. С. 22.

¹³ Каталог владельческого собрания краеведа-пушкиниста С. Е. Сорокиной Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской.

¹⁴ Пушкин в Оренбурге : сборник. Оренбург, 1937. 103 с.

¹⁵ Под знаменами Пугачева / сост. Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. Челябинск, 1973. 194 с.

¹⁶ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М. : Наука, 1981. 160 с. ; *Он же*. За пушкинской строкой. Челябинск, 1988. 206 с.

¹⁷ Дорофеев В. В. Пушкинские места Оренбурга. Оренбург, 1997. 31 с.

О. А. Минеева

Обзор архивного фонда отдела краеведения Пермской краевой библиотеки имени А. М. Горького

Отдел краеведения Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького (далее — ПГКУБ) открыт 1 января 1991 г. Именно с этого времени началась работа над созданием архивного фонда отдела. Одним из важнейших направлений работы является обработка и хранение документов архивной коллекции отдела. Работа по оформлению этого сегмента фонда была вызвана необходимостью изучения ряда коллекций и рукописей, поступивших в распоряжение библиографов-краеведов в разное время. Вследствие чего и был накоплен и обработан достаточно большой объем архивных материалов. 4 сентября 2017 г. на основе «Положения об отделе краеведения» был создан сектор архивного фонда.

На сегодняшний день отдел краеведения ПГКУБ располагает восемью личными фондами, одним фотофондом и одним фондом-коллекцией. Раз в три года библиотека предоставляет Агентству по делам архивов Пермского края сведения об изменениях в составе и объеме фондов согласно регламенту государственного учета документов Архивного фонда РФ.

Фонд 1 — фонд-коллекция дел театрального и художественного деятеля Сергея Павловича Дягилева (1872–1929). Крайние даты: 1914–1999 гг. Всего в коллекции 27 дел. Коллекция была передана в ПГКУБ родственниками балерины Н. П. Ренэ-Рославлевой, скончавшейся в Москве в 1977 г., в соответствии с ее завещанием. В коллекцию входят: родословная семьи Дягилевых; вырезки из газет и журналов, вышедших в России и за рубежом; статьи Н. П. Ренэ-Рославлевой о Дягилеве с ее правкой; воспоминаниями о Дягилеве в переводе Н. П. Рославлевой, Т. Карсавиной, Н. Валуа, Н. Гончаровой, Р. Нижинской; фотографии. Первоначально поступившие документы были сформированы в девять дел. Коллекция продолжает пополняться современными документами (в основном вырезками из газет и журналов, тезисами докладов и сообщений на Дягилевских чтениях, фотографиями, копиями архивных документов из государственных архивов и др.)

Фонд 2 — личный фонд пермского краеведа Аркадия Ивановича Реутова (1941–1990).

Крайние даты: 1957–1990 гг. Всего в фонде 18 дел. А. И. Реутов был активным краеведом-любителем, автором большого количества публикаций по проблемам родного края. Он стал одним из организаторов и руководителем инициативной группы «Старая Пермь», много сделавшей для спасения и возрождения в Перми памятников истории и архитектуры. Фонд содержит рукописи, планы-проспекты неопубликованных книг А. И. Реутова, посвященных исследованию пермского герба, истории города. Здесь большая подборка его статей по проблемам определения «первогорода» Перми и охраны исторической части города. Документы переданы на хранение в краеведческий отдел библиотеки после смерти А. И. Реутова его вдовой.

Фонд 3 — фонд-коллекция фотодокументов по истории Великой Отечественной войны. Крайние даты: 1941–1983 гг. Всего в фонде одно дело, в нем 43 фотодокумента, позитивы. Содержит копии фотодокументов по теме «Пермяки на фронте и в тылу». Фотографии переданы в дар отделу из партийного архива обкома КПСС.

Фонд 4 — фонд-коллекция дел Историко-этнографического музея истории реки Чусовой и детской спортивной школы олимпийского резерва «Огонек» (г. Чусовой). Крайние даты: 1988–1989 гг. Всего в фонде два дела. Документы переданы в дар библиотеке директором базы «Огонек» и организатором музея р. Чусовой Л. Д. Постниковым. Вырезки из газет, афиши, буклеты, рекламные проспекты и прочие документы рассказывают о пребывании писателя А. С. Грина на Урале, о судьбе Ермака.

Фонд 5 — личный фонд Сергея Афанасьевича Торопова (1928–1990), пермского педагога, краеведа, одного из организаторов туристического дела на Урале. Крайние даты: 1909–1990 гг. Всего в фонде 229 дел. С. А. Торопов в течение многих лет был директором областной станции юных туристов. В 1982 г. он стал первым председателем Пермского городского клуба краеведов; в 1990 г. был основателем и первым председателем областного общества краеведения. С. А. Торопов — автор целого ряда путеводителей по памятным местам Пермской области и публикаций в местной печати по истории края. Фонд содержит рукописи опубликованных и неопубликованных книг С. А. Торопова, его личные документы. Значительный комплекс документов относится к его деятельности как руководителя туристического движения в Пермской области. Фонд содержит богатую коллекцию карт: планы и карты Перми, Кунгура (1939, 1979); план Пермской губернии XIX в.; карты Свердловской области, Свердловска (Екатеринбурга) и Челябинска (1935–1971); карты Пермской и Свердловской областей (1956, 1966, 1974); карты, схемы, планы Перми (1919–1980); карты Урала (конец XIX в. — 1970-х гг.); карты туристического похода по Полярному Уралу, по рекам Пермской области (1960–1970-е); карты туристических маршрутов в заповедник «Басеги», по р. Косье и Вижай

(1963–1968); маршруты (схемы туристических походов) по Пермской области (1970–1980-е).

С. А. Торопов серьезно занимался историей 30-й стрелковой дивизии, сформированной в Перми в годы Гражданской войны. Фонд содержит переписку, воспоминания ветеранов дивизии, копии архивных документов, справки, фотографии, схемы боевых операций с 10 на 11 ноября 1920 г.

Фонд 6 — фонд-коллекция отдела краеведения. Фонд состоит из двух описей.

Опись 1 «Производственная опись отдела» (529 ед. хр.). В фонде содержатся документы, отражающие работу библиотеки с 1938 г.

Опись 2 «Фонд-коллекция отдела краеведения» (1220 ед. хр.). Сюда включаются документы, сопровождающие процесс подготовки и проведения в крае различных кампаний.

Формируются дела из документов, отражающих проведение выборов, референдумов и различных мероприятий политического характера. Например, материалы выборов главы администрации г. Перми (плакаты, листовки, буклеты, спецвыпуски газет) (08 декабря 1996); материалы выборов в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г. (листовки, буклеты, календари партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Патриоты России», «Справедливая Россия»; «Яблоко»); материалы по выборам Президента РФ (газеты, листовки, приглашения) (2 марта 2008, 18 марта 2018) и др.

В коллекцию включены подборки документов, связанных с различными событиями в истории и культурной жизни Пермского края, с жизнью и деятельностью замечательных людей края:

– материалы к биографии В. Н. Трапезникова (1992);

– материалы к биографии А. Д. Городцова (рукопись статьи о нем, копии архивных документов);

– материалы к биографии П. М. Горюнова (переписка, выписки и вырезки из газет, копии документов; 1919–1988);

– материалы к биографии Б. Н. Назаровского (материалы вечера памяти в библиотеке 31 марта 1993);

– материалы, связанные с жизнью и деятельностью Героя Советского Союза Е. И. Францева (1941–1997);

– материалы, связанные с жизнью и деятельностью пермских губернаторов и наместников: Е. П. Кашкина, А. А. Волкова, И. В. Ламба, И. В. Колтовского, К. Ф. Модераха, Б. А. Гермеса, А. К. Криденера, К. Я. Тюфяева, Г. К. Селастеника, И. И. Огарева, П. Н. Клушина, П. А. Замятнина, К. И. Огарева, А. Г. Лашкарева, Б. В. Струве (1997);

– материалы, связанные с жизнью и деятельностью пермских губернаторов Н. Е. Андреевского, В. А. Енакиева, А. К. Анастасьева, В. В. Лукошкова, П. Г. Погодина, Д. Г. Арсеньева, А. П. Наумова, А. В. Болотова, В. А. Лопухина, И. Ф. Кошко, М. А. Лозина-Лозинского (1997);

– материалы, связанные с жизнью и деятельностью Н. В. Мешкова (вырезки из газет, копии статей; 1991–2004);

– письмо Ф. А. Теплоухова О. Е. Клеру (подлинник) и вырезки из газет со статьями о Теплоуховых (1993–1997);

– Б. Л. Пастернак во Всеволодо-Вильве (сообщение Т. Сазонтовой, члена литературно-краеведческого кружка школы № 33, пос. Яйва, вырезки из газет; 1994–1998);

– материалы к биографии В. С. Верхованцева (1994);

– биография писателя А. Н. Спешилова, составленная его дочерью. Статьи Е. А. Спешиловой и ее отчеты о краеведческой деятельности (1994–1998) и др.

Фонд-коллекция формируется из материалов проведенных в библиотеке мероприятий по результатам выполненных запросов и из материалов, предоставленных родными и близкими известными людей края.

Фонд 7 — личный фонд Михаила Николаевича Степанова, пермского ученого, общественного деятеля, краеведа. Крайние даты: 1939–1999 гг. Всего в фонде 65 дел. В фонде содержатся личные документы, материалы научной и общественной деятельности М. Н. Степанова, известного и уважаемого в Перми человека. М. Н. Степанов являлся также театралом, в его фонде сохранились программки Пермского оперного театра с 1939 г., рекламные буклеты и афиши; рукописи и вырезки из газет с его статьями о пермской опере.

Фонд 8 — личный фонд Сергея Федоровича Николаева (1912–2002), пермского ученого, краеведа и журналиста. Крайние даты: 1928–2002 гг. Всего в фонде 53 дела. В фонде содержатся личные документы С. Ф. Николаева, материалы его научной, профессиональной и краеведческой деятельности: географические и биографические словари, рукописи книг и статей, подборки газетных публикаций, письма, фотографии. Из описи:

– географический словарь Пермской области, составленный С. Ф. Николаевым (1971);

– летопись Перми (1917–1995), составленная С. Ф. Николаевым. Машинопись (31 января 1996);

– географический словарь Пермского района, составленный С. Ф. Николаевым. Вырезки из газет 1965–1966 гг.;

– биографический словарь деятелей Пермского края, составленный С. Ф. Николаевым. Рукопись, машинопись, вырезки из газет 1970–1990 гг. и др. материалы.

Фонд 9. В фонде содержится коллекция театральных программ, буклетов, приглашений,

переданная в отдел краеведения журналистом, заслуженным работником культуры России Татьяной Петровной Черновой (1929–2016). Всего в фонде 47 дел.

Фотодокументы, подобно документам на бумажной основе, являются составной частью архивного фонда краеведческого отдела ПГКУБ. Их обработка, учет и хранение — одно из важных направлений работы краеведческого отдела.

Краеведческий отдел располагает объемной и разносторонней фотоинформацией, знакомство с которой предоставит уникальную возможность увидеть фрагменты истории становления и развития Перми и Пермского края, позволит дополнить или уточнить факты, содержащиеся в других документальных источниках.

Структура фотофонда краеведческого отдела представлена двумя форматами: печатным и электронным. Далее фотодокументы подразделяются по тематике: фотографии с изображением Перми и Пермского края, а также фотографии по истории ПГКУБ.

Печатные фотодокументы в отделе краеведения ПГКУБ представлены описью фонда печатных документов, состоящего из 755 дел. Общий фонд печатных фотографий Перми и Пермского края включает также фотографии по истории ПГКУБ. Имеются фотографии трех зданий библиотеки, строительства нового помещения по адресу: ул. Ленина, 70, различных переездов библиотеки, фотографии директоров, сотрудников, виды отделов в разные годы, представлены фотографии с юбилейных и торжественных мероприятий библиотеки. Пополнение фонда печатных фотодокументов в архивный фонд с 2016 г. осуществляется на основании «Договора о добровольном пожертвовании между жертвователем и получателем» (к договору прилагается перечень переданных документов). Фотографии по истории ПГКУБ датируются 1913–2011 гг. Печатные фотографии хранятся в индивидуальных бумажных конвертах, конверты — в архивных коробах (папках) в вертикальном положении на стеллажах. С 2012 г. отдел краеведения ПГКУБ перестал комплектовать печатные фотографии по истории библиотеки в связи с переходом на цифровые носители. Открытая опись дел фотофонда в электронном формате содержит 292 ед. хр.

Обработка, учет и хранение фотодокументов ведется в соответствии с архивными правилами на основании «Методических рекомендаций по приему и описанию фотодокументов, в том числе в цифровом виде» (Новосибирск, 2016).

Ю. В. Поздеева

От «Справочника улиц города Челябинска» к подкасту: интеграция архивных материалов в библиотечный медиапроект

В 2007 г. вышел «Справочник улиц города Челябинска»¹ — самое полное на сегодняшний день издание, рассказывающее историю годонимов (вид топонимов, обозначающих названия улиц, бульваров, проспектов, переулков) на карте города. В нем фигурирует более 1300 наименований улиц, переулков и площадей, ныне существующих или исчезнувших с карты областного центра. Инициатором проекта выступила компания «ЮжУралБТИ», которая столкнулась с необходимостью навести порядок в написании улиц (Плехановская — Плеханова; 9-е Мая, 9-го Мая, Девятого мая и т. п.), восстановить порядок их переименований, уточнить историю объектов недвижимости, которые в разное время адресно относились к разным территориям.

К работе над статьями справочника был привлечен известный челябинский краевед, член комиссии по наименованию муниципальных объектов Челябинска Владимир Васильевич Поздеев (1936–2011). Его имя в выходных данных не указано, и роль в создании справочника обозначена довольно скромно: «Коллектив ООО «ЮжУралБТИ» благодарит В. В. Поздеева за большую помощь, оказанную в подготовке архивных и краеведческих материалов».

Прodelать такой объем работы в сжатые сроки помог обширный материал, который В. В. Поздеев начал собирать с середины 1960-х гг. Об этом, в частности, свидетельствует перечень документов, хранящихся в именном фонде (Ф. Р-620) в ОГАЧО:

— статьи, газетные публикации по краеведению, топонимике городов и населенных пунктов Челябинской области (1964–2007);

— историко-топонимические статьи об улицах, бывших поселках Челябинска (2003–2007), о районах и городах (1994–2007), природных объектах (1999–2007) Челябинской области;

— газетные публикации общественных, культурных деятелей, журналистов об истории Челябинска (1973–2006);

— постановления (копии) президиума Челябинского горсовета (1934–1936), решения (копии) Челябинского горисполкома о переименовании улиц Челябинска (1940–1991);

— перечни площадей, улиц, поселков дореволюционного Челябинска, улиц Челябинска советского и постсоветского периодов (2003–2007);

— доклады В. В. Поздеева на краеведческих научно-практических конференциях (1999–2004) и др.

Кроме того, в семейном архиве хранятся несколько записных книжек, в которые автор вносил названия челябинских улиц, дополняя их выписками о людях, городах или исторических датах, в честь которых они получили название,

а также сведениями о переименовании и прежних названиях улиц, почерпнутыми как из официальных источников, так и из воспоминаний частных лиц. В. В. Поздеев собрал также значительную коллекцию оригиналов и копий карт Челябинска. Весь этот массив данных стал основой будущего справочного издания.

При подготовке статей справочника автору пришлось не только систематизировать имеющуюся у него информацию, но и существенно дополнить и уточнить данные: в комментариях к дефиниции необходимо было представить местоположение на карте и направление каждой улицы; ее протяженность, порядок учета строений и порядковые номера; указать сведения о времени образования и переименовании улицы (с указанием документа); обозначить административную подчиненность. В ряде случаев восстановить порядок было достаточно сложно: менялось написание (Лозовского — Лазовского), перемещались границы поселений, улицы укрупнялись за счет других, новостройки нарушали сложившийся рисунок кварталов частного сектора, в результате чего улица оказывалась разорванной на несколько частей, и т. д.

Ценность для исследователей представляют ссылки на источники, которыми сопровождается большинство статей. Прежде всего это энциклопедия «Челябинск» (2001)², справочник «Весь Челябинск» (2000)³, «Справочник милиционера» (Челябинск, 1958), а также фонды ОГАЧО: нормативно-правовые акты, решения органов местных органов исполнительной и представительной власти, списки избирательных участков, дореволюционные раскладочные ведомости на налог на недвижимое имущество, картографические документы. В отдельных случаях дается ссылка на фонды РГАДА. В общем перечне использованных материалов перечислено 35 изданий и 7 картографических источников.

Многие сведения были опубликованы впервые.

В настоящее время справочник нуждается в уточнениях и дополнениях, поскольку за полтора десятка лет благодаря активной застройке существенно изменились и список улиц, и их протяженность, и нумерация домов. Кроме того, первоначально в проект предполагалось включить и список городских поселков — данный материал был собран и систематизирован в тематической картотеке при жизни автора и хранится в семейном архиве.

Накопленный материал, как опубликованный В. В. Поздеевым в «Справочнике», так и оставшийся в рукописном варианте, лег в основу просветительского проекта отдела краеведения Челябинской областной универсальной научной библиотеки — подкаста «От верблюда». Автор —

заведующая сектором отдела краеведения, преподаватель факультета журналистики Челябинского государственного университета Юлия Владимировна Поздеева, дочь Владимира Васильевича.

Подкасты — это аудиоблоги, или радиопрограммы, размещенные в Интернете. Данный формат подачи контента в последнее время набирает популярность у пользователей, поскольку, в отличие от видеороликов, позволяет потреблять информацию в автомобиле, на прогулке, в тренажерном зале и т. п., не отвлекаясь на «картинку».

Для размещения краеведческого контента в формате подкаста была выбрана бесплатная платформа социальной сети ВКонтакте, на странице группы отдела краеведения ЧОУНБ (https://vk.com/chel_kraeved). Проект стартовал в январе 2021 г., и пилотной рубрикой стала серия тематических зарисовок «Выйду на улицу», посвященная 285-летию Челябинска.

Каждый эпизод подкаста длится три-четыре минуты и представляет собой обзор челябинских улиц, связанных какой-либо темой и привязкой к дате: Новый год, 23 февраля, 8 марта, 1 апреля и т. д. Эпизоды выходят дважды в месяц. Каждый из них представляет собой свободный рассказ, который помимо сведений об истории челябинских улиц содержит информацию о датах, событиях, географических объектах, организациях и персонах, в честь которых созданы годоимы. Эти данные дополняются цитатами из периодических изданий, краеведческих исследований, популярных фильмов, песен и пр., что позволяет почувствовать настроение эпохи, в которую происходило строительство новой или переименование старой улицы.

Так, например, в эпизоде «Ленинградская симфония», посвященном годовщине снятия блокады, рассказывается об эвакуации на Южный Урал ленинградских предприятий, о резонансе, который вызвала премьера Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в Челябинске, о бытовых условиях и заводских поселках, где селились эвакуированные рабочие. Именно в таких кварталах в 1940-е гг. появились ул. Ленинградская, Балтийская, Обуховская, Пулковская, Кронштадская, Гатчинская, чьи названия невольно напоминают о том периоде истории.

После выхода аудиозаписи в социальной сети ВКонтакте в виде статьи-лонгрида публикуется адаптированная для чтения расширенная текстовая версия сюжета, которая, как правило, дополняется и уточняется, поскольку даты и цифры обычно плохо воспринимаются на слух и при озвучивании сокращаются, округляются или вовсе опускаются. Кроме того, такая статья содержит ссылки на источники информации и рекомендуемую литературу по теме или электронные ресурсы отдела краеведения ЧОУНБ.

В процессе работы над контентом подчас выясняются важные для будущего переиздания справочника детали. Так, например, при подго-

товке подкаста, посвященного «космическим» улицам, обнаружилось, что упомянутая в издании ул. Циолковского, названная так в ноябре 1937 г. (протокол № 47 Президиума Челябинского городского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов), в настоящее время отсутствует на карте Челябинска. Данное наименование не определяется поисковым аппаратом популярных справочных электронных ресурсов 2ГИС и «Яндекс. Карты». Согласно данным ЮжУралБТИ, по ул. Циолковского, в районе пересечения ул. Шаумяна и Кузбасской, в начале 2000-х гг. числился один дом — № 13, сегодня данное строение не индексируется.

Кроме того, выяснилось, что ул. Космонавта Шеффера, получившая свое наименование согласно Решению Челябинской городской думы от 18 декабря 2012 г. № 39/19, до сих пор существует только в документах, жилой улицы или проезда с таким названием нет.

Все эти данные были озвучены и опубликованы в библиотечном подкасте «От верблюда» в апреле 2021 г. впервые.

Так что можно утверждать, что аудиопроjekt является не только эффективным способом популяризации краеведческих ресурсов, но и самостоятельным краеведческим исследованием.

Стоит также добавить, что в оформлении текста статьи подкаста также используются фотокопии документов о наименовании той или иной улицы, сделанные В. В. Поздеевым при работе над справочником и сохранившиеся в семейном архиве. Кроме того, в отдельных случаях иллюстрациями служат отсканированные фрагменты публикаций в периодических изданиях Челябинской области, поясняющие содержащиеся в статье сведения и цитаты. Часть из них взята из коллекции газетных вырезок, которую собирал краевед, часть — из фондов ЧОУНБ. Дополнительным иллюстративным материалом служат фотографии экспонатов из личной коллекции значков краеведа, посвященной челябинским улицам, а также открытки и фотографии из домашнего собрания.

Таким образом, в аудиопроекте достаточно полно представлены не только данные «Справочника улиц города Челябинска», обобщающие архивные документы из фондов ОГАЧО, ЧОУНБ и личного архива автора, но и сами первоисточники, а также некоторые дополнительные материалы, демонстрирующие многоаспектность интереса В. В. Поздеева к истории городских топонимов. Все это не только создает эмоциональный фон, но и повышает ценность представленного контента, подчеркивает его уникальность.

Статистика просмотров постов с подкастом свидетельствует о том, что подобный формат подачи информации востребован у аудитории социальной сети ВКонтакте. Так, самый первый январский выпуск к апрелю 2021 г. уже получил более восьми тысяч просмотров, в том числе около ста прослушиваний; более 90 пользователей поставили отметку «Нравится», каждый третий

из них поделился контентом на своей странице или в сообщении. Кроме того, о библиотечном проекте вышло около 20 публикаций в СМИ.

Все это позволяет говорить об удачном опыте интеграции архивных материалов, собранных краеведом В. В. Поздеевым, в медиапроект библиотеки.

Примечания

¹ Справочник улиц города Челябинска. Челябинск, 2007. 313 с.

² Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск, 2001. 1112 с.

³ Весь Челябинск : атлас-справ. Челябинск, 2000. 200 с.

Е. Н. Косцова

Экскурсионная деятельность библиотек как фактор формирования знаний по истории родного края

В последние годы в обществе все активнее развивается интерес к теме краеведческого туризма, который приобретает статус стратегического направления в социальной политике Оренбургской области. Познание неповторимости природы, бесценного разнообразия культуры, исторического наследия региона оказывается решающим в формировании знаний по истории родного края. Свидетельство этому — постановление Правительства Оренбургской области от 29 ноября 2013 г. № 1054-пп «Об утверждении государственной программы Оренбургской области “Развитие физической культуры, спорта и туризма” на 2014–2020 годы». Постановлением дан старт развитию туризма на территории области, который в дальнейшем получил широкое развитие. Общедоступные библиотеки активно встраиваются в развивающуюся туристическую инфраструктуру региона, реализуя себя в двух основных направлениях: информационное обеспечение краеведческого туризма и самостоятельное проведение краеведческих экскурсий¹.

Первоначально в качестве приоритета рассматривалось информационное сопровождение туристической деятельности, что в большей степени соответствует традиционным представлениям о назначении библиотек. Библиотеки формируют информационные ресурсы по туризму: путеводители, указатели, буклеты, электронные презентации. В последние годы в Оренбургской области библиотеки организуют обзорные и тематические экскурсии. Во время обзорных экскурсий дается комплексная характеристика населенного пункта, включающая сведения о природе, истории, населении и культуре, хозяйственных достижениях, выдающихся земляках. Тематические экскурсии посвящаются военно-историческим событиям, этнографии, литературе. Сегодня туристы все больше стремятся к участию в интересных, познавательных экскурсиях, которые приоткрывают им тайны жизни и творчества известных писателей, истории населенных пунктов края. Экскурсии должны показывать знакомый объект в новом виде, сделать знакомое интересным, объект изучения должен вырисовываться в новом освещении².

Большую популярность приобретают экскурсии, которые прольют свет на занимательные мо-

менты из жизни интересных людей, дадут возможность приобщиться к их быту, прочувствовать те места, условия и виды, в которых жил и творил любимый писатель. Такие экскурсии дают возможность не просто отдохнуть, но и расширить свой интеллектуальный кругозор, лучше понять творчество многих выдающихся авторов, разобраться в отдельных нюансах их творчества.

В сентябре 2019 г. Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской, получив поддержку Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области, приступила к реализации культурно-познавательной программы для школьников «Литературные прогулки по Николаевской». Программа включает литературную краеведческую экскурсию и занятия в литературном музее библиотеки и направлена на формирование у юных оренбуржцев интереса к художественной литературе и чтению. Экскурсии разработаны для детей возрастных категорий 10–14 и 14–16 лет. Проводятся по главной улице города — Советской, которая в разные годы носила названия Губернская (XVII в. — 30-е гг. XIX в.), Николаевская (30-е гг. XIX в. — 1919 г.). Почти каждый дом здесь — историческая и архитектурная ценность. Во многих домах, расположенных на центральной улице города, бывали известные писатели. Некоторые родились здесь, другие подолгу жили, третьи бывали в Оренбургском крае.

В Оренбургской губернии прошло детство поэта Гавриила Романовича Державина, баснописца Ивана Андреевича Крылова. В Оренбурге с 1833 по 1841 гг. жил и работал прозаик, ученый, естествоиспытатель, лексикограф Владимир Иванович Даль. Здесь им были написаны сказки и повести, в которых ощущается налет местного колорита и есть факты из истории Оренбурга и Оренбургской губернии.

Поездка великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина в Оренбургскую губернию связана с интересом к Пугачевскому восстанию. Материал, собранный Пушкиным в Оренбурге (1833), был использован при написании произведений «История Пугачева» и «Капитанская дочка».

Поэт, переводчик, критик Василий Андреевич Жуковский в Оренбургском крае побывал в

1837 г. Он сопровождал в качестве воспитателя царского наследника, будущего царя Александра II в его поездке по России.

Поэт, драматург, прозаик, переводчик Алексей Константинович Толстой был в Оренбурге летом 1841 г. В оренбургском крае отбывали ссылку поэты Тарас Григорьевич Шевченко и Алексей Николаевич Плещеев.

Наиболее интересными для экскурсантов стали следующие здания, связанные с известными деятелями литературы и расположенные на центральной улице. Дом (ул. Советская, 3) — бывшее здание ордонансгауза (комендантского управления). В 1827 г. здесь содержались под стражей последователи декабристов. В 1847 г. сюда привезли украинского поэта Т. Г. Шевченко. В 1883 г. в ордонансгаузе содержался русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский. В здании Благородного собрания (ул. Советская, 17) поэт Аполлон Григорьев прочел четыре публичных лекции о А. С. Пушкине. Именно этот поэт — автор известного афоризма «Пушкин — наше все!». По адресу ул. Советская, 32, располагается объект культурного наследия — «Дом Тимашевых». Это двухэтажное здание с мезонином построено в 1779 г. и в течение ста лет принадлежало известному в крае дворянскому роду Тимашевых. Дом имеет уникальную литературную биографию, связанную с именами Н. И. Тимашева (первого поэта Оренбуржья) и Е. А. Тимашевой (поэтессы пушкинского круга). В нем жили и останавливались известные в истории русской литературы личности: В. И. Даль, В. А. Жуковский, А. Н. Плещеев.

Заканчивается экскурсия у памятника А. С. Пушкину и В. И. Далю. Такое место окончания литературной прогулки неслучайно. В середине XVIII в. здесь была построена каменная церковь во имя Св. Петра и Павла. Ее во время своего путешествия в Оренбург посетил А. С. Пушкин, а В. И. Даль его сопровождал³. Памятник «Пушкин, Даль» открыт в середине августа 1998 г. к юбилею областного центра. Расположен в Оренбурге в сквере им. Полины Осипенко на ул. Советской. Автор скульптуры — Н. Г. Петина, уроженка города, заслуженный художник России, архитектор — С. Е. Смирнов.

В первом квартале 2020 г. специалисты Оренбургской областной универсальной научной библиотеки провели свыше 40 экскурсий по главной улице города. Более тысячи школьников и студентов узнали, как отразилось в творчестве писателей и поэтов пребывание в Оренбурге.

В начале марта 2020 г. большинство учреждений культуры были закрыты на неопределенный срок из-за пандемии коронавируса. Прекратились и экскурсии, поэтому предпринимались активные действия по предоставлению альтернативных услуг с помощью цифровых платформ. На сайте библиотеки была размещена виртуальная экскурсия «По главной улице города», которая рассказывает об истории зданий, расположенных на ул. Советской областного центра⁴.

В июне 2020 г. была снята видеоэкскурсия «В честь Пушкина», в ходе которой библиотекари познакомили всех желающих с памятными местами Оренбуржья, связанными с именем поэта.

Осенью 1833 г. Оренбург и Оренбургскую губернию посетил великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Он выехал из Петербурга 17 августа 1833 г., границу Оренбургского края он пересек 16 сентября. Ехал по почтовому тракту, останавливаясь в станицах и городах, бывших во времена Пугачева крепостями: Бузулуке, Тоцкой, Сорочинской, Новосергиевской, Переволоцкой, Татищевской, Чернореченской. По дороге из Оренбурга поэт посетил крепости Нижнеозерную, Рассыпную и Илецкий городок.

Оренбуржье бережно хранит память о пребывании великого русского поэта на нашей земле. В его честь названа одна из центральных улиц города, установлены памятники.

В 1949 г., в ознаменование 150-летия со дня рождения поэта в Бердах, одном из районов Оренбурга, был открыт памятник А. С. Пушкину в честь его пребывания в сентябре 1833 г. Автор скульптуры — А. И. Козырев. Первоначально бюст был установлен на высоком четырехгранном постаменте. К 200-летию со дня рождения поэта усилиями проектировщиков и строителей преобразился не только сквер им. А. С. Пушкина, но и памятник.

Памятник «А. С. Пушкин» в Оренбурге открыт в октябре 1977 г. Автор памятника — скульптор и архитектор В. С. Степанян. Памятник расположен перед городским музеем (здание бывшей гауптвахты), с его западной стороны, в маленьком сквере. К западу от сквера протянулась ул. Набережная с бульваром, носящим имя поэта.

В населенных пунктах Оренбургской области также увековечено имя А. С. Пушкина. Памятные места находятся в Татищеве, Новосергиевке, Черноречье, городах Сорочинске и Бузулуке. О памятниках на территории сел и городов Оренбуржья рассказали наши коллеги, библиотекари области и их помощники⁵.

Для оренбуржцев, интересующихся историей озеленения г. Оренбурга, летом 2020 г. была подготовлена виртуальная экскурсия «В твоих аллеях темный сад...», в которой рассказывается о бульваре, скверах и парках города. В первой части видеоэкскурсии представлены парковые зоны, расположенные в центре Оренбурга, на ул. Советской. В начале 1820-х гг. на берегу р. Урал был высажен городской бульвар. Петр Кириллович Эссен (оренбургский военный губернатор) первым обратил внимание на благоустройство Зауральной роши. В 1863–1864 гг. на Александровской площади крепостным садовником Лебедевым был заложен сад в честь 1000-летия Руси⁶. Вторая часть экскурсии посвящена Парковому проспекту. Так проспект был назван в 1937 г. Здесь расположено несколько скверов и парков: парк «Тополя», сквер им. 4 Апреля, Железнодорожный парк

им. Ленина, парк им. Перовского⁷. Третья часть экскурсии называется «Парки Победы» и рассказывает о парковых экспозициях на территории сада им. Фрунзе, парке им. Л. А. Гуськова, скверов у Вечного огня и им. Соловецких Юнг⁸.

Экскурсию сопровождают известные песни: «Сиреневый город» (автор слов, музыки и исполнитель Александр Аверьянов); «Я — оренбуржец» (автор слов и музыки Сергей Шмелев, исполнитель Игорь Инютин). В третьей части звучат песни военных лет. Авторы песни «Соловьи» — композитор В. Соловьев-Седой и поэт А. Фатьянов — познакомились в Оренбурге. Ян Френкель, автор музыки к песне «Журавли», в годы Великой Отечественной войны был курсантом Оренбургского зенитного училища.

Видеоэкскурсии, размещенные на сайте библиотеки, позволили оренбуржцам совершить несколько увлекательных путешествий по Оренбургу и населенным пунктам области, получить новые знания о истории родного края.

Весной 2021 г. в Оренбургской области были вновь разрешены массовые мероприятия. Возобновились и экскурсионная деятельность Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. Проводятся путешествия и по ранее разработанным маршрутам, а также ведется работа по разработке новых экскурсий.

В 2021 г. в нашей стране и во всем мире отмечалась 60-летняя годовщина полета человека в космос. К этому событию наш регион имеет непосредственное отношение. Оренбургскую область смело можно назвать «космической». Старт к звездам первый космонавт земли Юрий Гагарин взял именно здесь. В 1957 г. Юрий Алексеевич окончил Оренбургское высшее военное училище летчиков. 12 апреля 1961 г., когда страна ликовала в связи с первым полетом человека в космос, оренбуржцы гордо передавали друг другу: «Гагарин — из Оренбургского авиационного училища. Наш!»

Библиотекари Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской подготовили ряд мероприятий, посвященных знаменательной дате. Был разработан и маршрут экскурсии «Гагаринские места Оренбуржья».

25 октября 1955 г. в г. Чкалов (так назывался Оренбург с 1938 по 1957 гг.) прибыло несколько молодых людей из Саратова для поступления в военное авиационное училище летчиков. Среди них был будущий первый космонавт земли — Юрий Алексеевич Гагарин. В Оренбурге и Оренбургской области много мест, связанных с именем космонавта:

– ул. Советская, 1. Здесь располагалось Чкаловское (Оренбургское) военное училище летчиков, в котором с 1955 по 1957 гг. учился Юрий Гагарин;

– ул. Чичерина, 35. В этом доме жила будущая жена Юрия Алексеевича — Валентина Горячева. Сейчас здесь располагается мемориальный

музей Юрия и Валентины Гагариных, который сегодня открылся для посетителей после реконструкции;

– ул. Жукова, 34. 5 июня 1961 г. Юрий Алексеевич Гагарин приехал в Оренбург. В этот же день в здании Выставки народного хозяйства состоялась встреча космонавта с трудящимися города;

– ул. Челюскинцев, 17. В период обучения Ю. А. Гагарина по этому адресу располагалось 2-е Чкаловское военное авиационное училище штурманов. Юрий Алексеевич бывал в этом здании во время посещения города после полета в космос.

Память о первом космонавте Земли увековечена в памятниках, названиях улиц и площадей, совхозов и школ, экспозициях музеев. Памятник первому космонавту Ю. А. Гагарину в Оренбурге открыт 12 апреля 1986 г. На праздничное мероприятие приехала вдова космонавта, которая была известна своим строгим отношением к памятнику Юрия Гагарина и критичностью к памятнику, в его честь созданным. Когда Валентина Ивановна увидела монумент, она рассматривала его несколько минут, обошла вокруг и только после этого сказала: «Это первый памятник, который похож на моего мужа».

Виртуальная экскурсия была размещена на сайте библиотеки⁹, а 12 апреля 2021 г., в день 60-й годовщины первого полета человека в космос, специалисты Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской провели первую экскурсию «По местам Гагарина».

В 2021 г. исполняется 220 лет со дня рождения В. И. Даля. Восемь лет он провел в Оренбуржье. Оренбургский период — значительная страница в жизни и деятельности В. И. Даля. Писатель приехал в Оренбург в 1833 г., когда ему было 32 года и когда его считали лишь начинающим писателем, а уехал в 1841 г. известным автором произведений, которые печатались в лучших русских журналах и которым высокую оценку дал В. Г. Белинский. Будучи в Оренбурге, Даль был избран членом-корреспондентом Академии наук за исследования в области естествознания. В Оренбурге у В. И. Даля родились дети Лев и Юлия. После смерти первой жены В. И. Даль женился на жительнице Оренбурга Е. Соколовой. В городе сохранились здания, связанные с пребыванием В. И. Даля, памятник «Пушкин, Даль», мемориальные доски. В настоящее время специалистами библиотеки разрабатывается маршрут экскурсии «В. И. Даль в Оренбурге».

Несмотря на огромную проделанную работу, оренбургские библиотекари находятся еще в начале исследовательского пути, в предвкушении новых профессиональных открытий.

Примечания

¹ Журсниова Ж. О. Краеведческий туризм как перспективное направление // Библиотека и краеведческий

туризм : сб. материалов по итогам обл. мастер-класса / сост.: И. Н. Скробот, А. К. Суныкина. Оренбург, 2017. С. 7.

² *Анциферов Н. П.* Город как объект экскурсий для внешкольников // Внешкольные экскурсии. М., 1924. С. 50.

³ *Косцова Е. Н. В. В. Дорофеев как вдохновитель проекта «Литературные прогулки по Николаевской»: опыт Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской // Дорофеевские краеведческие чтения : сб. ст. Оренбург, 2020. С. 8.*

⁴ Литературная экскурсия «По главной улице города». Серия 1 // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meropriyatija/literaturnaja-videoekskursija-po-glavnoj-ulice-goroda-1-serija.html> (дата обращения: 03.06.21).

⁵ Видеоэкскурсия «В честь Пушкина»: памятники поэту в Оренбуржье // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meropriyatija/panjatniki-pushkinu-v-orenburzhe.html> (дата обращения: 03.06.21).

⁶ Виртуальная экскурсия «В твоих аллеях темный сад...». Часть 1 // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meropriyatija/virtualnaja-ekskursija-v-tvoih-allejah-temnyj-sad-1chast.html> (дата обращения: 03.06.21).

⁷ Виртуальная экскурсия «В твоих аллеях темный сад...». Часть 2 // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meropriyatija/virtualnaja-ekskursija-v-tvoih-allejah-temnyj-sad-2chast.html> (дата обращения: 03.06.21).

⁸ Виртуальная экскурсия «В твоих аллеях темный сад...». Парки Победы // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meropriyatija/virtualnaja-ekskursija-v-tvoih-allejah-temnyj-sad-parki-pobedy.html> (дата обращения: 03.06.21).

⁹ «Гагаринские места Оренбуржья» : виртуальная экскурсия // Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской : офиц. сайт. URL: <https://project.orenlib.ru/gagarin2021/> (дата обращения: 03.06.21).

Е. В. Кузнецова

Бывает ли память вечной... К вопросу о создании электронного архива «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны»

Чем дальше от нас уходит в прошлое Великая Отечественная война, тем острее становится проблема сохранения памяти о ней. Мы передаем ее детям и внукам, стараясь не потерять ни одного факта, фамилии. И речь идет прежде всего о сохранении живой памяти, той, которую принято называть народной, передающейся из поколения в поколение: о родных и близких, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Кыштым — небольшой промышленный город Челябинской области, его с полной уверенностью можно назвать городом героического труда и воинской доблести: всего из Кыштымского административного района на фронт было призвано 8558 человек, из них 419 женщин. Самоотверженно трудились кыштымцы на промышленных предприятиях города, число которых за годы войны выросло с 15 до 21. Всего в Кыштыме действовало 17 предприятий союзного и 4 — республиканского значения, 7 предприятий легкой и пищевой промышленности, десятки административных, медицинских, социально-культурных и других учреждений. Кыштымцы приняли 1176 эвакуированных семей, в том числе шесть семей генералов и адмиралов Красной (Советской) Армии и флота. Находясь в глубоком тылу, город принимал раненых, здесь было развернуто четыре эвакуогоспиталя.

Поколения детей и внуков кыштымских ветеранов фактически выросли в информационном поле этой войны, в каждой семье заботливо хранилась память, были живы сами фронтовики. Правнуки же тех героев не застали их в живых; для них память о войне — это книги, фильмы и публикации в Сети, фотографии в альбомах и пожелтевшие, затертые от времени страницы

писем фронтовиков родным. Все меньше остается тех, кто еще помнит войну, кто может о ней рассказать. Живая память уходит...

Наверное, это самая главная причина создания в Центральной городской библиотеке им. Б. Е. Швейкина электронного архива «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны». Сотрудники библиотеки много лет кропотливо формировали фонд тематических досье, в которых содержался материал о кыштымцах — участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла, о работе предприятий и учреждений города. В основном это были вырезки из газет, копии документов, фотографии, ставшие большим подспорьем в краеведческой работе с читателями, особенно с юношеством. В 2018 г. возникла необходимость отсканировать эти материалы и создать электронный архив.

На начальном этапе в электронный вариант была переведена информация о кыштымцах — участниках Великой Отечественной войны, и архив содержал 337 файлов. Сейчас в нем насчитывается почти две с половиной тысячи документов. Конечно, сегодня возможности для сбора информации возросли, а список источников поступления материалов значительно расширился. Источники формирования электронного архива «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны»:

– местная газета «Кыштымский рабочий». Благодаря ее электронной версии (<http://www.kr74.ru/>) необходимость в сканировании статей отпала;

– неопубликованные материалы (воспоминания родственников; школьные исследовательские работы; копии материалов, хранящихся

в школьных музеях и музеях других учебных заведений). Например, музей Кыштымского филиала Миасского медицинского колледжа имеет богатый фонд материалов, относящихся к военному периоду;

- архивный отдел Администрации Кыштымского городского округа. Это единственное место хранения газеты «За цветные металлы» (ныне «Кыштымский рабочий») за 1941–1945 гг.;

- материалы, созданные или предоставленные членами краеведческого клуба «Тихое зимовье» (<https://vk.com/club116311760>), действующего при Центральной городской библиотеке;

- личные архивы краеведов Кыштыма (А. В. Мелентьева, Е. Н. Серебряковой, Е. Е. Реннер), которые занимаются изысканиями по данной теме;

- кыштымские отделения Совета ветеранов, общественной организации «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества», Всероссийского общества инвалидов и другие социальные учреждения;

- Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (<https://goskatalog.ru/portal/#/>). Российские музеи располагают фондами уникальных документов и фотографий, электронные версии которых находятся в открытом доступе;

- сайт Кыштымского историко-революционного музея (<http://museumkk.ru/>);

- портал «Вспомним всех поименно» Государственного комитета по делам архивов Челябинской области (<https://hero.gov74.ru/>);

- официальный сайт движения «Бессмертный полк. Кыштым» (<https://www.moypolk.ru/kyshtym/>);

- объединенный общедоступный электронный банк данных Министерства обороны Российской Федерации (<https://archive.mil.ru/>);

- сайты образовательных учреждений Кыштыма, группы в социальной сети ВКонтакте: например, группа «Тайгинка. К 80-летию поселка» (<https://vk.com/club198179791>) и др.;

- просветительские и другие проекты: например, народный волонтерский проект памяти «Полевая почта — Южный Урал» (письма с фронта 1941–1945 гг.) (https://vk.com/polevaya_pochta74).

В электронном архиве применяется тематическая группировка документов.

Раздел «Фронт» включает 1500 материалов о 250 кыштымцах, принимавших участие в боевых действиях. Это фотографии фронтовиков (около 600), копии фронтовых писем (около 50), наградных листов и документов (военных билетов, красноармейских книжек, комсомольских билетов. В архиве можно найти сведения, например, о таких известных кыштымцах, как Михаил Петрович Аношкин, писатель, журналист, главный редактор газеты «Вечерний Челябинск»; Николай Осипович Абрамов, контр-адмирал, советский и польский военачальник; Михаил Дмитриевич Соломатин, легендарный генерал-полковник танковых войск, и др.

Внутри раздела создано несколько тематических подразделов:

- «Уральский добровольческий танковый корпус». В Кыштыме формировались рота противотанковых ружей, рота технического обеспечения 30-й мотострелковой бригады и 36-я рота подвоза горюче-смазочных материалов. Было подано 237 заявлений наших земляков о зачислении в танковый корпус, зачислено лишь 32. В архиве представлены сведения о 26 кыштымцах (около 350 материалов);

- «Герои Советского Союза». Три кыштымца были удостоены этого высокого звания — Леонид Александрович Касков, Степан Спиридонович Репин, Александр Андреевич Суслов. Также в архиве имеется информация о Василии Сергеевиче Архипове, дважды Герое Советского Союза, уроженце с. Губернского Аргаяшского района Челябинской области. Всего здесь содержится более 300 материалов.

- «Кавалеры ордена Славы». Включены 34 документа о кыштымцах, удостоенных ордена Славы всех трех степеней: Анатолии Петровиче Костине, Петре Дмитриевиче Рыкове, Василии Капитоновиче Сыпачеве.

Раздел «Тыл». Содержит информацию о трудовом подвиге кыштымцев (более 450 документов). Также выделены тематические подразделы:

- «Гражданские инициативы». Включает 18 фотографий газетных статей о подготовке лыжников, тимуровском движении, народном ополчении;

- «Кампании по сбору средств и посылок». В подраздел вошло около 80 фотографий газетных статей о сборе средств на строительство военной техники, о займах и добровольных пожертвованиях;

- «Трудовой подвиг кыштымцев». Содержит 30 фотографий газетных статей, копию альбома о Кыштыме в военное время (43 страницы), 20 материалов о строительстве Тайгинского графитового комбината;

- «Эвакогоспитали». В Кыштыме было развернуто четыре военных госпиталя: № 3124 на Ближней даче, № 3881 в школе № 2 в Нижнем Кыштыме, № 3880 на Дальней даче и № 3116 на курорте Увильды. За время действия госпиталей 33 человека умерли от ран, они захоронены в братских могилах на старом Кыштымском кладбище. В архив вошли около 150 материалов о врачах (в том числе о начальнике эвакогоспиталя № 3124, главном хирурге Степане Дементьевиче Нарбутовских), медсестрах и донорах. Есть материалы о таком интересном факте: в одном из госпиталей на излечении пребывал Герой Советского Союза И. С. Решетник, в 1948 г. он был направлен в качестве командира роты на строительство производственного объединения «Маяк»;

- «Эвакуация». Среди эвакуированных в Кыштым учреждений — Государственный комитет геологии, Управление картографии, Ленинградский педагогический институт им. А. И. Гер-

цена и др. Вместе с коллективом пединститута в наш город был эвакуирован известный советский художник-график Самуил Григорьевич Невельштейн (1903–1983). В Кыштыме он создал серию графических портретов рабочих и акварельных пейзажей. В архив вошли 17 документов о нем и его творчестве, в том числе фотокопии картин, хранящихся в Кыштымском историко-революционном музее.

Раздел «Мы памяти этой верны». Содержит более 350 материалов, сгруппированных в подразделы:

– «Памятники». Высокую цену заплатил Кыштым за Победу — более двух тысяч земляков пали смертью храбрых. Сегодня их имена выбиты на мемориальном стенде в центре города. Память о ратном и трудовом подвиге маленького уральского города хранят памятники и мемориальные доски, установленные в Кыштыме и в поселках Кыштымского городского округа. В архиве содержится информация о 11 памятниках (более 150 документов) и 10 мемориальных досках (50 документов).

– «Улицы». Девять улиц города носят имена кыштымцев — защитников Родины (не считая улиц Победы, Красной Звезды, Ветеранов, Красноармейской) (30 материалов).

– «Мероприятия». В Кыштыме за последнее десятилетие сформировались и были горячо поддержаны жителями мероприятия, посвященные Дню Победы. Это торжественное шествие трудовых коллективов и общественных объедине-

ний по центральным улицам города с возложением венков к мемориалам воинской славы и колокольным звоном храмов; единая минута молчания; акции «Свеча в окне» и «Свеча памяти»; поэтический марафон «Звучи, памяти набат!» (организатором марафона традиционно выступает Центральная городская библиотека им. Б. Е. Швейкина); встреча на вокзале ветеранов войны и труда, приезжающих в Кыштым ретропоездом «Победа».

Электронный архив «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны» — ресурс долгосрочный. Работа по его наполнению продолжается: ведется сбор подробной информации обо всех памятных местах Кыштымского городского округа, связанных с Великой Отечественной войной. Предпочтение отдается информации, которой нет в открытом доступе в Интернете: оригинальным исследовательским работам учащихся образовательных учреждений города, краеведов, библиотечных специалистов; фотографиям и документам из личных архивов родственников ветеранов.

Электронный архив размещен в локальной сети Центральной городской библиотеки г. Кыштыма, познакомиться с его содержимым можно в отделе краеведческих материалов.

Надеемся, что ресурс «Кыштымцы — участники Великой Отечественной войны» будет востребован и полезен тем, кто интересуется военной историей Челябинской области и Кыштыма.

И. Г. Салимова

Электронная книга «Полевая почта — Южный Урал. Верхнеуфалейский городской округ»

В 2020 г. наша страна отпраздновала 75-летие победы в Великой Отечественной войне. Прошло много лет с ее окончания, с тех пор выросло несколько поколений. В этой войне погибли миллионы людей, которые боролись за свободу нашей Отчизны. Война затронула всех жителей страны, не пощадила никого. Почти в каждой семье есть человек, который побывал на фронте. Из Уфалейского района (в настоящее время Верхнеуфалейский городской округ) было призвано 16 147 человек, более семи тысяч не вернулись с фронта.

В начале 2020 г. Челябинская областная универсальная научная библиотека инициировала областной народный волонтерский проект «Полевая почта — Южный Урал» (письма с фронта 1941–1945 гг.), предложив библиотекам Челябинской области принять в нем участие.

Идею собрать и опубликовать на платформе сервиса «ЛитРес: Самиздат» письма с фронта земляков поддержали специалисты Центральной городской библиотеки (ЦГБ) им. А. Г. Туркина Верхнего Уфалея. Через личные беседы, объявления в СМИ специалисты ЦГБ постарали-

сь донести до жителей округа значимость проекта и то, что его реализация будет способствовать созданию уникального краеведческого ресурса: оцифрованной коллекции писем уфалейцев — участников Великой Отечественной войны. Через судьбы отдельных людей публикации писем с фронта станут документальным свидетельством эпохи, своеобразным эпистолярным наследием. Жители откликнулись на призыв и стали приносить в библиотеку фронтовые письма — самое ценное и дорогое, то, что хранилось в семьях и передавалось из поколения в поколение как память о своих героях Великой Отечественной войны.

Помощь библиотеке оказали волонтеры. В группу из 11 человек вошли читатели, учащиеся школы № 6, жители города разного возраста. В реализации проекта принял участие и Верхнеуфалейский историко-краеведческий музей, который предоставил из своих фондов порядка двадцати писем.

Параллельно со сбором и обработкой писем Центральная городская библиотека им. А. Г. Туркина приняла участие в областной сетевой акции

читаю «Письма с фронта» (#читаюписьмасфронта), организованной Челябинской областной универсальной научной библиотекой. Видеоролики размещались в социальной сети ВКонтакте на странице ЦГБ, в которых читатели, библиотекари и родственники солдат, написавших письма, читая их, стремились передать эмоциональность и душевность текстов. Работа над проектом активно освещалась в интернет-СМИ «Уфалейская телерадиокомпания», «Новости Верхнего Уфалея», «Уфалейка.ру», «Уфалейский рабочий».

Итогом реализации проекта стало создание на платформе «ЛитРес: Самиздат» электронной книги «Полевая почта — Южный Урал: Верхнеуфалейский городской округ (письма с фронта 1941–1945 гг.)». Издание содержит 68 писем: 19 писем 1941 г., 13 — 1942 г., 24 — 1943 г., 9 — 1944 г., 3 — 1945 г. Все письма получены с фронта.

Каждое письмо представлено в виде отсканированного оригинала документа и перепечатанной версии письма в текстовом редакторе. Письма в электронной книге размещены в хронологическом порядке (1941–1945). В текстах сохранены авторские орфография и пунктуация. Книга рекомендована широкому кругу читателей. Прочитать ее онлайн или скачать можно на портале ЛитРес по ссылке <https://www.litres.ru/narodnyu-volonterski/polevaya-pochta-uzhnyu-ural-verhneufaleyskiy-gorodsko/>.

Письма с фронта... Их до сих пор бережно хранят в семьях, берегут как самое дорогое, что осталось в память о родных и близких, о тех, с кем не суждено было испытать радость долгожданной встречи. Их ждали долгими тревожными днями, каждый из которых мог стать последним днем ожидания, последним днем надежды... У каждого письма своя история, счастливая или печальная. Они трогают до глубины души. Письма наполнены любовью и тоской по близким людям, заботой, нежностью к любимым, беспокойством о матерях, отцах, братьях и сестрах, детях, оставшихся дома, пониманием того, что эта весточка может быть последней. Письма с фронта — это бесценные документы Великой Отечественной войны, потрясающие своей искренностью, верой в победу, любовью к Родине. Письма, в первую очередь, имели сугубо личное значение для тех, кем они были написаны, и для тех, кому они были адресованы. Время превратило их в бесценный документ эпохи. О чем писали солдаты домой?

Михаил Иванович Пименов, уроженец пос. Нижний Уфалей г. Верхнего Уфалея, слал свои весточки жене Марии:

...Дерутся авиации и танкисты <...> убито немцев примерно тысяч 7, взято в плен до 1,5 тысяч, а в другом месте наши узнали, что немцы перешли реку и в ночь взяли да их окружили, и забрали сонными. 2 шт танков вместе с экипажем подожгли, часть взяли в плен <...> Мне нужна литература по авто делу, так как нас учат на шоферов, а книг нет...

У Васи Бахтинова книги вероятно есть, даст, нет, не знаю, сходи обязательно. Ну, писать больше нечего. Как здоровье? Боря, Зина пишите, как живете? Ругают Вас мама с бабой? Слушаетесь или нет, маму и бабу. Целую. До свидания, милый город. Я уехал от тебя и наверно не увижу долго-долго я тебя.

Михаил Иванович до войны работал на железной дороге, откуда и был призван в ноябре 1941 г. Свой боевой путь начал бронбойщиком-наводчиком в 65-й отдельной морской бригаде. В мае 1942 г. вступил в ряды ВКП(б). В декабре 1942 г. после двух тяжелых ранений Михаил Иванович попал в 23-й отдельный стрелковый батальон рядовым хозобслуживания. С декабря 1942 по октябрь 1945 г. занимался обслуживанием войск на железной дороге по своей специальности, дослужился до ефрейтора и закончил свой боевой путь в октябре 1945 г. Уже после окончания войны в мае 1946 г. его нашла медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и позже — орден Красной Звезды. После войны Михаил Иванович продолжал работать на железной дороге в Верхнем Уфалее. Умер через год после 30-летия Победы, в 1976 г., — не выдержало сердце.

Писал жене Евдокии Александровне **Николай Петрович Лазарев**, родившийся в пос. Нижний Уфалей. Всего в семье его родителей было шестеро детей. Николай был старшим среди братьев. Когда умерли родители, забота о семье легла на его плечи. В 1924 г. он женился на Евдокии Александровне Мироновой. Появились на свет три дочери. Перед войной и в начале войны Николай Петрович работал директором Нижнеуфалейского клуба. Когда началась война, Николай Петрович обратился в военкомат, но на фронт его не взяли по состоянию здоровья. Это его не остановило, он пошел на войну добровольцем в 1941 г. Попал в 1249-й стрелковый полк Волховского фронта. В январе 1942 г. в семью пришла похоронка. В ней говорилось, что красноармеец Николай Петрович Лазарев, защищая свою родину, 29 декабря 1941 г. под дер. Мыслово Ленинградской области был тяжело ранен и направлен в госпиталь, где и умер от ран 30 декабря 1941 г. в возрасте 36 лет. Похоронен Николай Петрович Лазарев в братской могиле возле Мыслово. За четыре месяца, проведенные на фронте, Николай Петрович написал несколько писем на почтовых карточках:

Добрый день, Дуня и Настюш. Едем на Злау-тауст все вместе. 23/IX-41. Николай.

Здравствуй и добрый день Дуня, а так же и Нина, Шура и Валя. Прошу если есть возможность поскорее валенки пришли, не плохо, если сможешь, что-нибудь в роде теплого шарфа и вместе с табачком пришли. Передай по привету всем. Адрес для посылки вышлю дополнительно. 25/IX-41 (подпись)

Здравствуй и добрый день, дорогая Дуня и Нина, Шура и Валя. Шлю я вам свой привет и желаю всего хорошего в жизни, а главное здоровья. Сообщаю, что из Чебаркуля выехали и едем без остановок куда, пока неизвестно, но направление на Свердловск. О дальнейшем продвижении напишу. До свидания, целую всех. 13/XI-41 (подпись).

Это было последнее письмо Николая Петровича.

Николай Петрович Лапотышкин, 1921 г. р. Проживал в Верхнем Уфалее. Воевал младшим сержантом 6-го мотострелкового полка, пропал без вести в сентябре 1941 г. Писал письмо своей сестре Нине Петровне:

Привет папе! Привет из Львова! Здравствуй Нина! Привет маме! Нина, я хотел тебе написать письмо давно, но не было свободного времени. Сегодня оно есть. И вот результат, а именно пишу тебе письмо, в котором постарюсь поболтать с тобой побольше. Получив это письмо, ты должна немедленно дать мне ответное. Договорились?!

Живу я пока хорошо, не знаю, как будет дальше. Мало-мало научился говорить по-польски. Сейчас я стажирюсь командиром отделения до 30 июля или 3-го августа. Нам командирам дают хорошие взбучки. Вчера мне была одна из них за то, что я вошел в канцелярию к командиру роты в тапочках. А к начальству нужно подходить по всем правилам и по форме одетым. Ну и бывают другие ошибки, которые в дальнейшем каждый из подчиненных учитывают и не допускают больше этого. Командир роты предупредил, что если повторится это наложит взыскание.

Взыскания бывают разные в зависимости от серьезности нарушения (например могут дать выговор, гауптвахту, товарищеский суд и т. д.)

А за измену нашей родине отдают под суд военного трибунала. Это папка понимает и он тебе разъяснит, если ты не понимаешь. Ходим на тактические учения. Здесь поспела вишня, хорошая малина и яблочки. Я понемногу ем. Погода стоит хорошая. Бывают часто дожди. А после них так приятно, что прямо невыразимо.

В город нас не отпускают и я не знаю когда сфотографируюсь. В этом я не виноват. Получил посылку, и письмо в ней, в котором было 20 рублей. Советую хоть в месяц раз посылать такие письма. Я жив и здоров. 27/VII-41 г. (подпись)

Николай Петрович Иванов, 1907 г. р. Проживал в Верхнем Уфалее. Пропал без вести в апреле 1944 г.

Шлю я вам свой пламенный Привет и горячий воздушный поцелуй. Затем желаю всего наилучшего в вашей жизни, а главное здоровья. Маня пишу с дороги, поехали с Пензы и я решил написать вам письмо. В Куйбышеве мы жили с 12 февраля по 17-2-44 г. Маня едем на Москву, а дальше пока неизвестно на какое направление, а едим на фронт. Звание присвоили младшего лейтенанта. Так что сейчас еду на фронт средним командиром, получу людей и будем громить фашистскую сволочь. Надо выгонять подлых разбойников с нашей советской земли. Ну, ничего Маня, победа не далека. Жаль Маня вот писем я от вас не получал с половины декабря 1943 г. <...> Как вы живете? Прошу вас, как можно скорее, опишите про свою жизнь. Маня, я вышло вам Аттестат, как приеду на место и вас должны прикрепить и 1082 к военторгу. Вот пока у меня все, передайте привет Бабиковым, тестю, теще, Пети, Марусе, Вите, Тоне, Бабушке, Юре... и остальным всем родным и знакомым. Пока, до свидания, дорогие Маня. Боречка, Тятя, Мама, Кока. Целую крепко, а Борю еще, еще и еще раз, и жму его крепко руку. Писал известный вам ваш муж, папка, сын и племянник. 19-2-44 г. вечером Н. Иванов семье Ивановой.

Дожить до победы мечтал каждый солдат. Из писем узнаем, о чем думали в перерывах между сражениями, чем жили, что помогало выдержать все невзгоды и одержать Великую Победу. С фронта сообщали, что они живы и здоровы; писали о своих переживаниях, когда подолгу не было вестей из дома; узнавали о судьбе друзей и родственников; описывали скромный военный быт и др. Через описанные в письмах мысли и чувства мы можем ощутить дух той эпохи. Письма писали прямо с поля боя. Место нахождения указывали обычно одной строкой: «пишу из Кирова», «стоим в Чебаркуле», «привет с фронта», «привет из Львова», «привет из Польши». Подавляющее большинство писем бытового характера: где живут, хороша ли еда и одежда. Бойцы описывают отношения с товарищами и командирами, дают наставления детям и жене, мечтают о будущей мирной жизни. О боях пишут скупно. Почти никогда солдаты не жаловались в письмах на свою судьбу.

Письма помогают нам более осознанно ценить то, что завоевано поколением 1941–1945 гг. Шестьдесят восемь солдатских писем с фронта верхнеуфалейцев — это исторические документы ушедшей в прошлое Великой Отечественной войны.

Они являются связующей нитью между поколением военных лет и нами, живущими уже в другом тысячелетии.

О. Н. Черкасова

Проект «История города газетной строкой» как решение проблемы сохранности фондов архивных и библиотечных документов

Проблема сохранения исторической памяти территории — одна из самых актуальных в наше время. Она важна для любой местности. Без знания истории края, своих корней, деяний предков рвется нить, связующая эпохи, рушится преемственность поколений.

Основными хранителями исторической памяти территории являются библиотеки, музеи и архивы. Делают они это несколько по-разному. Музей хранит «вещную» память, позволяя окунуться в атмосферу прошлого. Архивы хранят документальную память, заключенную в конкретных исторических документах. Библиотека хранит информационную память.

Естественно, все мы временами выполняем функции друг друга. В музее есть своя коллекция книг и рукописей, в библиотеках открываются мини-музеи. Архивы выдают пользователям документацию в читальные залы. И архивы, и музеи имеют закрытую часть фондов, запасники, и не всегда они доступны простому смертному.

Особенность библиотеки заключается в том, что она — открытое общественное пространство и должна беспрепятственно предоставлять возможность любому посетителю получить информацию из любого источника, имеющегося в библиотеке. А если этого источника почему-то нет — по возможности добыть его.

История периодической печати в Копейске началась в 1924 г. Именно тогда стала выходить первая газета. Она называлась «Красное жало». 2 марта 1930 г. вышел первый номер газеты «В атаку за уголь», в 1932 г. она поменяла свое название на «Копейский рабочий».

Газета «Копейский рабочий» — важнейший источник копейской краеведческой информации. Каждая маленькая статейка, которая, казалось бы, не несет никакой информации, через 50 лет становится важным свидетелем событий, фактом в копилку истории.

К сожалению, условия хранения в прежнем здании библиотеки привели к потере части фонда. Номера газеты «Копейский рабочий» вплоть до 1963 г. были утрачены. Не осталось газет этих годов и в редакции «Копейского рабочего», только отдельные подшивки. В Центральной городской библиотеке Копейска архив газеты хранится с 1963 г. по настоящее время в бумажном виде.

Если ресурс утрачен — его надо восстанавливать. В 2015 г. был создан проект «История города газетной строкой», и сотрудники-краеведы ЦГБ приступили к работе над созданием электронной коллекции краеведческой периодики.

Реализация проекта позволяет обеспечить свободный доступ к краеведческой информации,

получить возможность удобной для читателя работы с текстами, сохранить документальное краеведческое наследие и широко его популяризировать. А также улучшить информационную деятельность библиотеки, ввести новую информационную услугу, повысить квалификацию сотрудников, внести вклад в создание единого информационного пространства города и области.

Главное, конечно, это то, что создание электронной коллекции обеспечивает расширение и сохранность фонда краеведческой периодики.

Первый этап проекта (2015–2016): номера «Копейского рабочего» за 1930–1961 годы

Для начала мы выяснили, где, в каких учреждениях хранятся старые номера «Копейского рабочего». Такими хранилищами оказались:

- 1) Российская государственная библиотека (номера за период с 1930 г. по настоящее время);
- 2) Челябинская областная универсальная научная библиотека (с 1939 г.);
- 3) Объединенный государственный архив Челябинской области (с 1930 г.).

В 2015–2016 гг. сотрудник читального зала ЦГБ В. В. Колмогоров ездил в Москву, где в Российской государственной библиотеке на фотоаппарат и телефон отснял 12 годовых подшивок (1898 номеров газеты, около 14 тыс. кадров). Качество фотокопий оставляет желать лучшего: при ручной фотосъемке невозможно выдержать правильный угол наклона; дрогнула рука, и текст «плывет»; программа распознавать такой текст отказывается, что осложняет поиск информации. А ведь возможность автоматизированного поиска программными средствами по слову, фразе, фамилии бесценна!

Вывод: номера газеты за 1930–1937 гг. необходимо переснять с использованием сканера. Фотокопии газеты можно использовать для «внутренней» работы библиотеки, для уточнения информации библиографами и краеведами, но невозможно добиться обработки необходимого качества для предоставления номеров читателям.

Для оцифровки необходимо использовать профессиональную технику — сканер. Желательно специализированный. Это обусловлено спецификой хранения старых газет в подшивках — годовых, полугодовых, реже — поквартально. Старая газетная бумага — материал хрупкий. Расширять проблемно (газеты не наши), не расширять — нужен аппарат, который умеет решать проблему искажений, четкости, деликатности...

**Второй этап проекта (2016–2018):
номера «Копейского рабочего»****за 1938–1961 годы и начиная с 1963 года**

В ЧОУНБ такой сканер есть. «Планетарный сканер — разновидность сканера изображений, использующаяся для сканирования книг и сброшюрованных документов. Планетарные сканеры широко используются для оцифровки оригиналов, требующих деликатного обращения (ветхих исторических документов)». У ЧОУНБ есть и огромный опыт оцифровки, и рабочие проекты с устоявшимися требованиями к обработке сканированных изображений (разработаны Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина).

В 2016 г. мы заключили устное соглашение с ЧОУНБ о совместной работе, прошли обучение. В 2017 г. устная договоренность была подтверждена трехсторонним подписанным соглашением между ЧОУНБ, Централизованной библиотечной системой Копейска и редакцией газеты «Копейский рабочий».

Челябинские библиотекари предоставили нам имеющиеся подшивки газеты из хранилища, сканер, обучили нас работе с комплексом планетарного сканирования «Элар ПланСкан» и дальнейшей обработке изображений в соответствии с техническими требованиями Президентской библиотеки. Мы самостоятельно ведем работу по сканированию и обработке, оформляем сопутствующую документацию (дефектная ведомость, библиографическое описание ресурса в каталог OPAC-Global) и предоставляем ЧОУНБ материалы, готовые к размещению в Уральской электронной библиотеке (проект краеведческого отдела ЧОУНБ).

В ЦГБ Копейска хранятся электронные копии газеты «Копейский рабочий», обработанные для распознавания текста компьютером. Автоматический поиск по ключевым словам существенно облегчает поиск информации и позволяет оперативно выполнять справки для копейчан, обратившихся в библиотеку.

За 2017–2020 гг. обработаны и внесены в электронный каталог OPAC-Global пятнадцать годовых подшивок газеты, предоставлены ЧОУНБ для размещения 2246 номеров, все они размещены в Уральской электронной библиотеке и доступны для читателей. Отсканированы и обрабатываются еще пять годовых подшивок из фонда ЧОУНБ и 12 годовых подшивок из фонда копейской библиотеки. Ведется работа по выявлению отсутствующих номеров газеты, составляются уточняющие списки.

**Третий этап (с 2018): номера
«Копейского рабочего» за 1930–1962 годы
и начиная с 1963 года**

Перспектива проекта «История города газетной строкой» состоит в обработке уже отснятого, а также в выявлении, сканировании, обработке и размещении тех годовых подшивок и отдельных номеров газеты, которые отсутствуют в уже имеющемся массиве электронных образов.

К сложностям проекта, помимо технической и программной части, относится качество оригиналов (исходников): старые газеты на хрупкой бумаге, выцветший текст, кривая печать, замятые и просто отсутствующие страницы и даже целые номера, вырезанные статьи, плотная подшивка (не позволяющая раскрыть полностью газеты), тексты, уходящие под переплет... Кроме того, кропотливость, трудоемкость работы, кадровая ресурсоемкость не позволяют ускорить реализацию проекта.

Хотелось бы достигнуть договоренности и заключить договоры о взаимодействии ЦБС Копейска, ЧОУНБ и ОГАЧО (в фондах архива хранятся номера газет «В атаку за уголь» 1930 (III–XII), 1931 (I–II, VI–XII) и «Копейский рабочий» 1935 (I–VII), 1936 (VII–XII), 1937 (I–X), 1941 (I–XI), 1942, 1943, 1944, 1945 (VI–XII), 1946 (I, III–XII), 1952, 1953, 1957, 1962 гг.) — о предоставлении возможности оцифровать имеющиеся газеты; Российской государственной библиотеки — об оцифровке номеров газеты «В атаку за уголь» и «Копейский рабочий»; Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина — о возможности размещения копейской документации (важных для Копейска правовых актов и статей, опубликованных в газете) на ресурсе президентской библиотеки.

Реализуя проект «История города газетной строкой», мы получаем огромный фактический материал для других проектов:

1. Корпоративный проект Центра правовой и деловой информации ЧОУНБ — полнотекстовая электронная база данных «Официальные документы Челябинской области советского периода (1934–1990 гг.)». За 2017–2020 гг. копейской библиотекой обработано и передано 204 законодательных акта за 16 лет, описание которых доступно в электронном каталоге ЧОУНБ. Полные тексты законодательных актов доступны в Центре правовой и деловой информации ЧОУНБ.

2. «Беседы с краеведом». Познавательная рубрика в городской газете «Копейский рабочий», которую ведет Светлана Полежаева, пользуется популярностью у копейчан. Двадцать пять краеведческих статей, рассказывающих об истории города, вышли в «Копейском рабочем» с сентября 2016 г. В январе 2017 г. «Копейский рабочий» (С. Полежаева) совместно с краеведом В. Колмогоровым начинает проект «Копейск: от истоков до наших дней», посвященный 110-летию города, который также публикуется под рубрикой «Беседы с краеведом». Публикации в рамках данного проекта выходили ежемесячно. Получился своеобразный краеведческий дайджест, вобравший в себя основные вехи истории города. Часть статей рубрики отражена и на сайте «Копейского рабочего».

3. «Сто одиннадцать человек, изменивших ход истории Копейска» (29 июня — 14 сентября 2018). В преддверии празднования 111-го дня рождения нашего города «Копейский рабочий» с помощью краеведа Владимира Колмогорова

начал новый проект, в ходе которого на страницах газеты раз в неделю рассказывалось о незаурядных земляках-копейчанах. В проект были включены имена дореволюционных деятелей, связанных с разработкой и добычей угля на копях. Проект можно назвать призывом к созданию новой городской энциклопедии. Важно сделать исторический срез прошлого и современно для потомков, чтобы они видели, чем жил и как развивался наш город.

4. Областной проект ЧОУНБ «Литературная карта Челябинской области». Благодаря появившимся у нас сканам газеты можно восстановить историю развития литературного движения в Копейске, вычислить дату образования городского литературного объединения «Уголек», уточнить количество и очередность публикаций копейских авторов. Все это — важные аспекты для отражения литературной жизни города в «Литературной карте Челябинской области».

5. Участие в краеведческом диктанте и краеведческие уроки. Составление вопросов для «местной» части регионального диктанта возложено на краеведов и библиотекарей муниципалитетов и городов Челябинской области.

С 2019 г. краеведческий диктант перестал быть региональным, но остался в библиотеке в качестве городского мероприятия. Электронные образы городской газеты позволяют нам уточнить даты открытия памятников, исторических событий, восстановить историю города, то есть сделать вопросы диктанта не только интересными, но и познавательными, заинтересовать участников диктанта. По мотивам краеведческого диктанта в школах города проходят краеведческие уроки. Ученики школ и студенты вузов лучше запоминают информацию, поданную в лаконичной форме, в виде интересных фактов.

Огромнейший пласт истории становится доступным благодаря проекту «История города газетной строкой». И не менее огромный пока скрыт от глаз исследователей и краеведов. Мы надеемся на сотрудничество с библиотеками и архивами. Партнерство, совместная работа по оцифровке газеты «Копейский рабочий», мы считаем, позволит решить противоречие между сохранностью фондов архивных и библиотечных документов и правом читателей, исследователей и краеведов на получение всей возможной информации.

Сведения об авторах

Абдурахимова Шахноза Асатуллаевна — докторант Института истории Академии наук Республики Узбекистан, старший научный сотрудник Национального архива Узбекистана, г. Ташкент

Абдурахманова Мадина Мурадовна — докторант Института истории Академии наук Республики Узбекистан, старший научный сотрудник Национального архива Узбекистана, г. Ташкент

Абрамовский Александр Андреевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории права и уголовно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск

Абузаров Абузар Ахметович — главный специалист отдела фондов КПСС и общественных объединений Национального архива Республики Башкортостан, г. Уфа

Агунимян Нелли Тиграновна — магистрант Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Алексеев Николай Александрович — доктор медицинских наук, заведующий музеем истории медицины г. Челябинска

Алиев Анваржон Орифжонович — руководитель Информационной службы, советник директора по вопросам информационной политики Агентства «Узархив» Республики Узбекистан, г. Ташкент

Ананийчук Владимир Николаевич — ветеран Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института технической физики имени академика Е. И. Забабахина, г. Снежинск Челябинской области

Аргунов Олег Николаевич — кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области, г. Курск

Ардашова Светлана Рифовна — первый заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Батищев Сергей Дмитриевич — магистрант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Бачурина Ирина Анатольевна — директор научной библиотеки Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Бедель Александр Эмануилович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Бекленишева Мария Владимировна — аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Беляева Оксана Михайловна — кандидат исторических наук, заведующая отделом научно-публикаторской и выставочной работы Центрального государственного архива историко-политических документов, г. Санкт-Петербург

Белялов Наиль Усманович — кандидат исторических наук, главный архивист отдела использования документов Московского областного архивного центра, г. Пушкино Московской области

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск

Буданова Елена Владимировна — заведующая отделом научно-справочного аппарата Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Бутрин Егор Сергеевич — кандидат исторических наук, главный археограф Государственного архива Ивановской области, г. Иваново

Васильева Виктория Сергеевна — ведущий архивист отдела использования документов и оказания государственных услуг Государственного архива в г. Тобольске

Вербицкая Татьяна Владимировна — научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург

Вишев Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, директор Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Волков Евгений Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Воробьев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Воронкова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, научный консультант, дер. Городище Хиславичского района Смоленской области

Герасимова Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Гришина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Гусева Евгения Сергеевна — главный библиотекарь библиотеки № 17 Центральной библиотечной системы г. Каменска-Уральского

Гуськова Наталья Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник сектора учета музейных предметов краеведческого музея Копейского городского округа, г. Копейск Челябинской области

Гушул Юлия Владимировна — кандидат педагогических наук, директор научно-образовательного центра «Информационное общество», доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Давыдов Остап Михайлович — сотрудник информационно-издательского отдела Челябинской епархии Русской православной церкви, г. Челябинск

Давыдова Марина Александровна — сотрудник отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, г. Москва

Демаков Владислав Германович — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск

Демченко Юлия Анатольевна — кандидат педагогических наук, директор Централизованной библиотечной системы администрации Еманжелинского сельского поселения, с. Еманжелинка Еткульского района Челябинской области

Денисенко Юнона Александровна — директор Государственного архива Республики Крым, г. Симферополь

Желтышева Татьяна Ильинична — заведующая сектором краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки Централизованной библиотечной системы Златоустовского городского округа, г. Златоуст

Закирова Фатыма Губайдулловна — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Башкортостан, г. Уфа

Захарова Елена Юрьевна — почетный работник общего образования РФ, старший преподаватель кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования, г. Челябинск

Зяблова Ирина Сергеевна — PhD по прикладной математике, преподаватель, г. Челябинск

Иванов Илья Олегович — аспирант кафедры истории организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Иванов Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, председатель Государственного комитета по делам архивов Челябинской области, г. Челябинск

Иванова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Исакова Мухаё Сирожиддиновна — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории Академии наук Узбекистана, старший научный сотрудник Национального архива Узбекистана, г. Ташкент

Исуфов Шердил Втанович — докторант (PhD) кафедры истории таджикского народа Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, г. Душанбе

Камскова Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, заведующая редакционно-издательским отделом Оренбургской областной универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской, г. Оренбург

Каплюков Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Центра документации общественных организаций Свердловской области по научно-методической работе, г. Екатеринбург

Карманова Екатерина Дмитриевна — аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Карпова Наталья Леонидовна — главный специалист отдела издательской работы Государственного архива общественно-политической истории, г. Ижевск

Карпухина Анна Александровна — архивист высшей категории отдела использования и публикации документов Государственного архива Костанайской области, г. Костанай, Казахстан

Карпухина Дина Ванцетовна — ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Красноярского края, г. Красноярск

Касимова Гулрух Акмал кизи — старший научный сотрудник отдела планирования и организационно-методических работ Национального архива Узбекистана, г. Ташкент

Катаев Денис Сергеевич — главный археограф научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края, г. Пермь

Кашин Владимир Викторович — член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Нижний Тагил Свердловской области

Каюмова Руфина Равильевна — докторант Андижанского государственного университета имени З. М. Бобура, г. Андижан, Узбекистан

Кириллов Виктор Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижний Тагил

Кокоулин Владислав Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский архив», г. Новосибирск

Кокшарова Людмила Валерьевна — заведующая Бродокалмакской Павленковской библиотекой, с. Бродокалмак Челябинской области

Копотилова Ольга Анатольевна — главный архивист отдела публикации и использования документов Государственного архивного фонда Российской Федерации Государственного архива Камчатского края, г. Петропавловск-Камчатский

Косцова Екатерина Николаевна — заведующая сектором обслуживания отдела краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской, г. Оренбург

Кузнецов Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Кузнецова Елена Всеволодовна — библиотекарь отдела краеведческих материалов Центральной городской библиотеки имени Б. Е. Швейкина Централизованной библиотечной системы Кыштымского городского округа, г. Кыштым Челябинской области

Купченко Константин Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, г. Смоленск

Курапова Елена Рудольфовна — кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива экономики, г. Москва

Кусков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, ведущий археограф Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Кухта Светлана Васильевна — ведущий архивист отдела использования и публикации Государственного архива Красноярского края, г. Красноярск

Латышев Юрий Владимирович — краевед, руководитель группы «АрхиСтраж», г. Челябинск

Латышева Елена Владимировна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения, руководитель Центра экспертных исследований Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Лоткин Илья Викторович — доктор исторических наук, профессор Омского университета путей сообщения, г. Омск

Мазур Людмила Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Макаренко Елена Александровна — заведующая отделом информационно-поисковых систем Национального архива Республики Беларусь, г. Минск

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Мамонтов Виктор Владимирович — студент исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Марченко Ксения Юрьевна — главный хранитель фондов Оренбургского государственного архива социально-политической истории, г. Оренбург

Маслыкова Татьяна Геннадьевна — заведующая отделом справочной работы Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Медведева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археографии Института славяноведения Российской академии наук, доцент кафедры источниковедения и архивоведения Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Минеева Ольга Александровна — заведующая отделом краеведения Пермской государственной краевой универсальной библиотеки имени А. М. Горького, г. Пермь

Мирзаахмедов Мирпулат Мирходжиевич — директор Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана, г. Ташкент

Мирзаев Насриддин Мухритдинович — доктор философии (PhD) по историческим наукам, заместитель директора Центра повышения квалификации при Международной исламской академии Узбекистана, г. Ташкент

Михалев Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Нарская Наталья Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина в г. Челябинске

Нарский Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Никитина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета истории и права, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск

Новиков Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Новожилова Людмила Александровна — учитель истории, руководитель музея «Дети войны» школы № 73 г. Челябинска

Новьюхова Елена Павловна — заведующая отделом использования и публикации документов Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, г. Ханты-Мансийск

Огнетова Марина Борисовна — главный специалист отдела по делам архивов Администрации г. Нижний Тагил

Павленко Владимир Денисович — кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск

Павленко Галина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск

Палецких Надежда Петровна — доктор исторических наук, доцент, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск

Панин Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, редактор Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых, г. Челябинск

Панкова Инна Владимировна — корреспондент еженедельника «Аргументы и факты — Челябинск», г. Челябинск

Поздеева Юлия Владимировна — заведующая сектором отдела краеведения Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Полухина Ольга Владимировна — заместитель директора — главный хранитель фондов Волгоградского городского архива, г. Волгоград

Помыткина Вера Леонидовна — архивист Исторического архива Омской области, филиал в г. Таре

Приборович Артем Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Прозорова Виктория Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая архивом и системой электронного документооборота Агентства Трам Трэн SNCF, консультант компании Abylsen, г. Париж, Франция

Прохоров Александр Сергеевич — ведущий архивист отдела научно-справочного аппарата Государственного архива Ярославской области, г. Ярославль

Пудалова Анна Павловна — пресс-секретарь сектора развития архивного дела отдела развития архивного дела и аналитической работы Комитета по делам архивов Нижегородской области, г. Нижний Новгород

Пудовкин Сергей Игоревич — историк, педагог дополнительного образования детско-юношеского центра «Мир», г. Нижний Тагил

Пьянков Степан Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Раков Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области, г. Курск

Рудометова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Рыкова Анна Сергеевна — заведующая отделом научно-справочного аппарата Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург

Рядченко Елена Александровна — директор Центра профессионального развития в сфере делопроизводства и архивного дела «Деловой подход», преподаватель Тольяттинского социально-педагогического колледжа, г. Тольятти Самарской области

Садовская Светлана Николаевна — заведующая отделом комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Садькова Римма Барыевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Сайнаков Сайнак Парпишович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Кулябского государственного университета имени Абуабдуллоха Рудаки, г. Куляб, Таджикистан

Салимова Идия Гайнетдиновна — заведующая методическим отделом Централизованной библиотечной системы Верхнеуфалейского городского округа, г. Верхний Уфалей

Самохина Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Сарабанская Людмила Анатольевна — заведующая библиотекой № 17 Центральной библиотечной системы г. Каменска-Уральского

Семенова Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, заместитель председателя Комитета по делам архивов Оренбургской области, г. Оренбург

Сергеев Сергей Александрович — член Союза краеведов России, преподаватель истории и обществознания Златоустовского техникума технологий и экономики, г. Златоуст

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Сидоренко Надежда Семеновна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Ситникова Наталья Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь Челябинской областной универсальной научной библиотеки, г. Челябинск

Соколова Евгения Васильевна — ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Красноярского края, г. Красноярск

Стоякин Игорь Вячеславович — краевед, г. Челябинск

Страшевская Елена Сергеевна — заведующая лабораторией обеспечения сохранности архивных документов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Судакова Татьяна Витальевна — директор филиала Государственного архива Свердловской области в г. Каменске-Уральском

Сулейманова Зульфия Минмировна — заведующая отделом научно-справочного аппарата и методической работы Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана, г. Ташкент

Суржик Ольга Сергеевна — заведующая отделом использования документов Московского областного архивного центра, г. Пушкино Московской области

Сушков Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Сыров Владимир Михайлович — руководитель общественной приемной губернатора Челябинской области в Металлургическом районе г. Челябинска, член общественного совета при Государственном комитете по делам архивов Челябинской области, г. Челябинск

Тальнишных Ольга Альбертовна — ведущий архивист отдела комплектования Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, г. Ханты-Мансийск

Турова Елена Павловна — главный архивист Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Утевалиева Айгуль Айткалеевна — заведующая отделом краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской, г. Оренбург

Фазезова Гузель Наилевна — начальник отдела выставочной и публикаторской деятельности Государственного архива Республики Татарстан, г. Казань

Фарманов Борис Исакович — старший преподаватель кафедры истории России Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Феркель Владлен Борисович — краевед, издатель, г. Челябинск

Хакимов Рашид Шавкатович — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, с. Аргаяш Челябинской области

Хасанова Зулфия Зиннатуллаевна — старший научный сотрудник отдела планирования и организационно-методических работ Национального архива Узбекистана, г. Ташкент

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Христофоров Василий Степанович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Худобородов Александр Леонидович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Черкасова Олеся Николаевна — заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки Центральной библиотечной системы г. Копейска Челябинской области

Чернышов Виктор Владимирович — ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Красноярского края, г. Красноярск

Четверухина Любовь Александровна — сотрудник отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, г. Москва

Швабауэр Элизабет — научный сотрудник отдела исторических исследований и образования Архивов Арользена — Международного центра документации национал-социалистических преследований, г. Бад-Арользен, Германия

Шевкунова Анастасия Васильевна — учащаяся школы № 18 г. Златоуста Челябинской области

Шилова Валентина Леонидовна — директор Кунгурского городского архива, г. Кунгур Пермского края

Шиндина Екатерина Владимировна — заведующая отделом комплектования и упорядочения аудиовизуальных, электронных документов и документов личного происхождения Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург

Шмидт Злата Анатольевна — аспирант кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Шмыров Борис Данилович — кандидат исторических наук, г. Челябинск

Шубина Ирина Борисовна — главный архивист Архива Златоустовского городского округа, г. Златоуст Челябинской области

Щербаков Юрий Викторович — начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива общественно-политической истории Курской области, г. Курск

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Ярошецкий Александр Борисович — председатель краеведческого кружка при Историко-краеведческом музее Карталинского муниципального района, с. Карталы Челябинской области

Яхнина Юлия Семеновна — председатель добровольного независимого профессионального объединения фондодержателей редких книг Челябинской области межведомственного совета «Раритет», заведующая сектором Центральной городской библиотеки Централизованной системы детских библиотек г. Челябинска

Список сокращений

- T/D (англ. Tracing and Documentation) — поиск / розыск и документация
 АЗГО — Архив Златоустовского городского округа
 АИС — автоматизированная информационная система
 АН — Академия наук
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 АЭС — атомная электростанция
 БСР — Башкирская Советская Республика
 БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
 в. — век
 ВВС — Военно-воздушные силы
 ВГА — Волгоградский городской архив
 ВГД — Всероссийское генеалогическое древо
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВКСОГ — Верховная комиссия союзников по делам оккупированной Германии
 ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
 ВМН — высшая мера наказания
 ВМФ — Военно-морской флот
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 всеобуч — всеобщее обучение
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
 г — грамм
 г. р. — год рождения
 г., гг. — город, города; год, годы
 га — гектар
 ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
 ГАИО — Государственный архив Ивановской области
 ГАКК — Государственный архив Камчатского края ; Государственный архив Красноярского края
 ГАКО — Государственный архив Курской области; Государственный архив Костанайской области
 ГАНИ — Государственный архив новейшей истории
 ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
 ГАОПИ — Государственный архив общественно-политической истории
 ГАПК — Государственный архив Пермского края
 ГАРК — Государственный архив Республики Крым
 ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГАУ — Главное архивное управление
 ГАФ — Государственный архивный фонд
 ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
 Гипрогор — Государственный институт по проектированию городов
 ГКО — Государственный комитет обороны
 Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств
 ГОК — горно-обогатительный комбинат
 ГОКО — Государственный комитет обороны
 гороно — городской отдел народного образования
 Горсовет — городской Совет
 Госархив — государственный архив
 Госплан — Государственный плановый комитет
 ГПТУ — городское профессионально-техническое училище
 ГРЭС — государственная районная электростанция
 ГУ — государственное учреждение
 губком — губернский комитет
 губревком — губернский революционный комитет
 губЧК — губернская чрезвычайная комиссия
 ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний
 Д. — дело
 д. — дом (в адресе)
 дер. — деревня

ДР — документальный раздел
ед. хр. — единица хранения
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
ЗГО — Златоустовский городской округ
и. о. — исполняющий обязанности
им. — имени
истпарт — комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — инженерно-технический работник
КБ — конструкторское бюро
кв. — квартира (в адресе)
кв. м — квадратный метр
кг — килограмм
КГБ — Комитет государственной безопасности
км — километр
КНДР — Корейская Народная Демократическая Республика
КНР — Китайская Народная Республика
коп. — копейка
КП — книга поступлений
КПЗиС — кузнечно-прессовый завод им. Сталина
КПК — Комитет партийного контроля.
КПП — коробка переключения передач
КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
л — литр
Л. — лист
л. с. — лошадиная сила
ЛДПР — Либерально-демократическая партия России
ликбез — ликвидация безграмотности
м. — местечко
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
мк — микрон
МККК — Международный Комитет Красного Креста
МКС — Международная космическая станция
млн — миллион
млрд — миллиард
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МНР — Монгольская Народная Республика
МОАЦ — Московский областной архивный центр
МОБ — Международная организация по делам беженцев
МОСХ — Московское отделение Союза художников РСФСР
МТС — машинно-тракторная станция
МТФ — молочно-товарная ферма
НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркомпищепром — Народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомхимпром — Народный комиссариат химической промышленности
НАТИ — Научно-исследовательский тракторный институт
НАУз — Национальный архив Узбекистана
НИИ — научно-исследовательский институт
НКАП — Народный комиссариат авиационной промышленности
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
НКЛП — Народный комиссариат легкой промышленности
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПП — Народный комиссариат пищевой промышленности
НКС — Народный комиссариат строительства
НКСМ — Народный комиссариат среднего машиностроения
нэп — новая экономическая политика
о. — отец

- ОАО — открытое акционерное общество
 ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
 облоно — областной отдел народного образования
 ОБХСС — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности
 ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
 ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление СССР
 ОКБ — опытно-конструкторское бюро
 ОКВ — Оренбургское казачье войско
 ОКП — Оренбургский казачий полк
 окрисполком — окружной исполнительный комитет
 окрревком — окружной революционный комитет
 ОКС — отдел капитального строительства
 ООН — Организация Объединенных Наций
 Оп. — опись
 ОРС — одел рабочего снабжения
 ОСМЧ — особая строительно-монтажная часть
 Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
 ОФ — основной фонд
 ПГУ — Первое главное управление при Совете министров СССР
 пер. — переулок (в адресе)
 ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории
 пос. — поселок
 ПСЗРИ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСПиР — «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи»
 р. — река
 РАМН — Российская академия медицинских наук
 РАН — Российская академия наук
 РВК — районный военный комиссариат
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики
 РГВА — Российский государственный военный архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
 РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
 РПЦ — Русская православная церковь
 РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
 РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
 РСДРП(м) — Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков)
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 руб. — рубль
 РФ — Российская Федерация
 РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
 с. — село; страница
 Св. — Святой
 СКБ — специализированное конструкторское бюро
 см — сантиметр
 СМИ — средства массовой информации
 СНГ — Союз Независимых Государств
 СНК — Совет народных комиссаров
 Совнарком — Совет народных комиссаров
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 ССУЗ — среднее специальное учебное заведение
 ст. — станица; статья; станция
 СТЗ — Сталинградский тракторный завод
 СТФ — свиноводческая ферма
 ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
 ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

- тыс. — тысяча
УзССР — Узбекская Советская Социалистическая Республика
уисполком — уездный исполнительный комитет
УК — Уголовный кодекс
УКГБ — управление Комитета государственной безопасности
ул. — улица
УМВД — управление Министерства внутренних дел
УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел
УрГАХУ — Уральский государственный архитектурно-художественный университет
УрО — Уральское отделение
УрФО — Уральский федеральный округ
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УФАС — Управление Федеральной антимонопольной службы
Ф. — фонд
ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГУП — федеральное государственное унитарное предприятие
ФЗО — фабрично-заводское обучение
ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области
ЦАУ — Центральное архивное управление
ЦБС — централизованная библиотечная система
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
ЦГАНТМД РУз — Центральный государственный архив научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГАРУ — Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской республики
ЦГБ — Центральная городская библиотека
ЦДНИВО — Центр документации новейшей истории Волгоградской области
ЦДНИНО — Центр документации новейшей истории Новосибирской области
ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦИС — Центральный Исполнительный Совет
ЦК — Центральный комитет
ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ЧГРЭС — Челябинская государственная районная электростанция
чел. — человек
ЧМЗ — Челябинский металлургический завод
ЧОН — часть особого назначения
ЧОУНБ — Челябинская областная универсальная научная библиотека
ЧТПЗ — Челябинский трубопрокатный завод
шт. — штука
экз. — экземпляр
Эсер — социалист-революционер
ЮНРРА (англ. UNRRA — United Nation Relief and Rehabilitation Administration) — Администрация Организации Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановлению
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции

Редакторы: *Н. А. Антипин, О. Д. Суховилова*

Корректор: *Н. А. Антипин*

Верстка: *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 13.08.2021.
Формат 60×84/8 Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура Baskerville Win95BT
Отпечатано на ризографе
Усл. печ. л. 57,20
Тираж 200 экз.

Государственное учреждение
«Объединенный государственный архив Челябинской области»
454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 87–89

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60